

72-4
4 I

JĀNIS
ENDZELĪNS

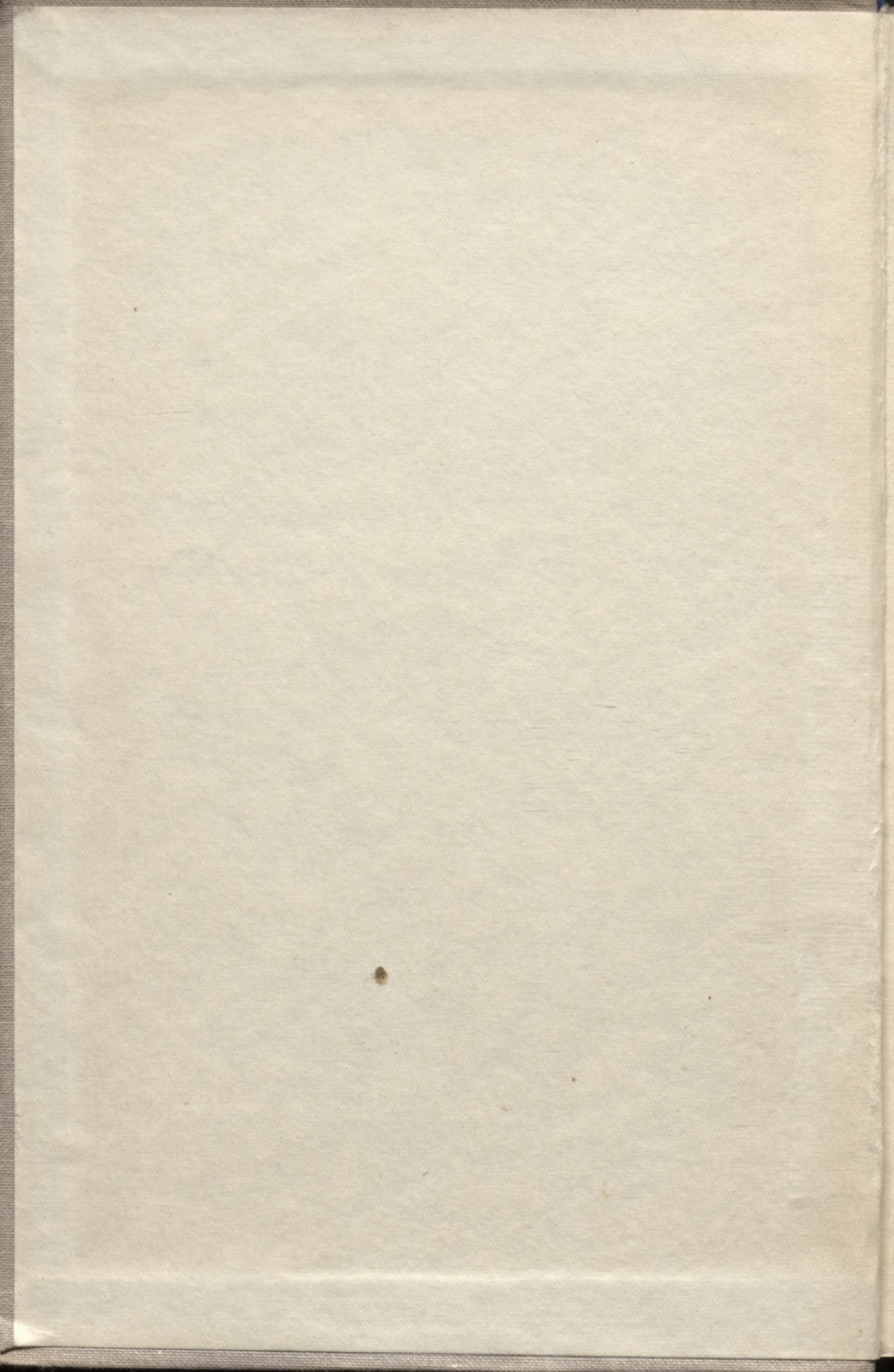
DARBU
IZLASE

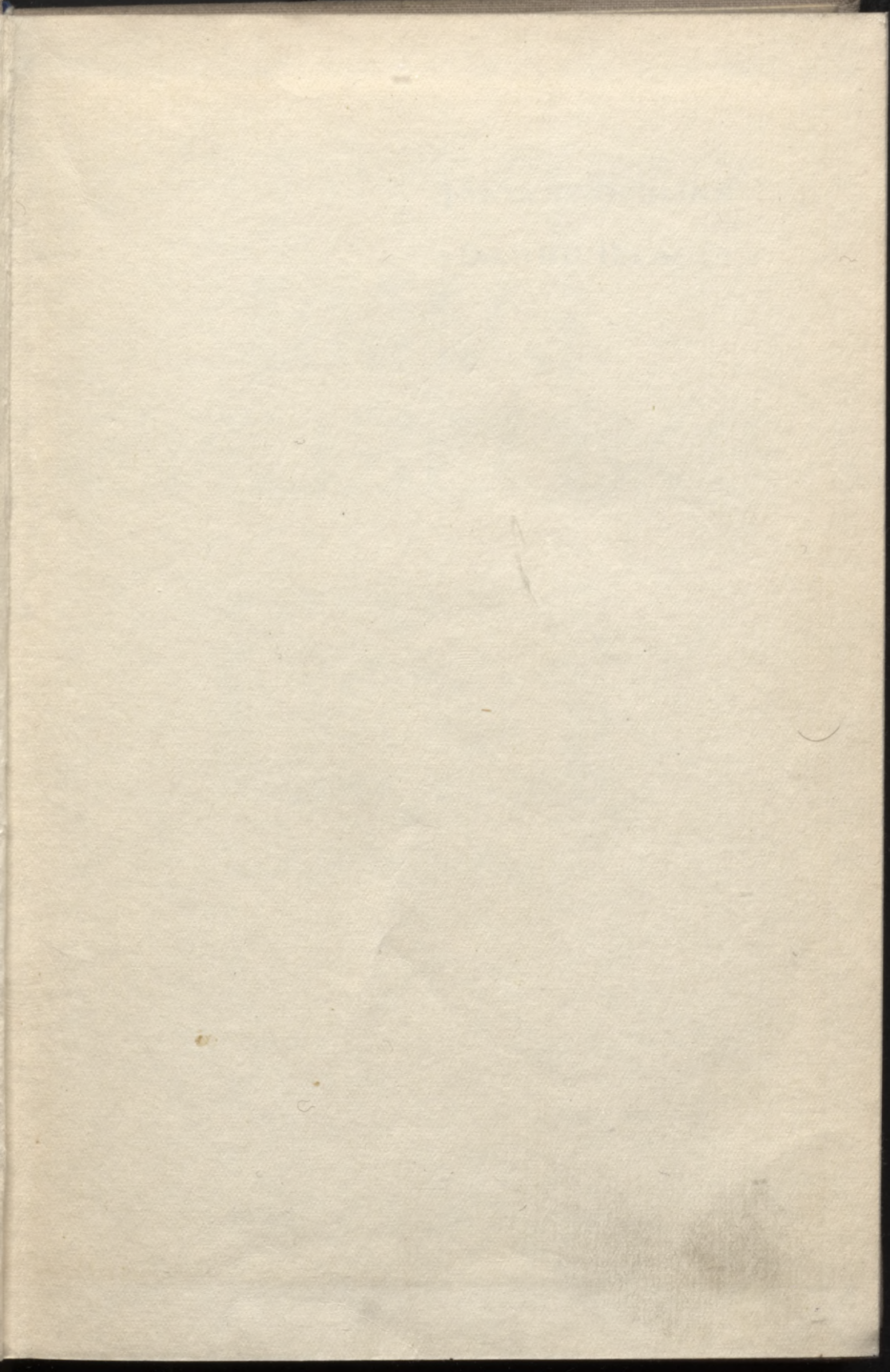
JĀNIS ENDZELĪNS

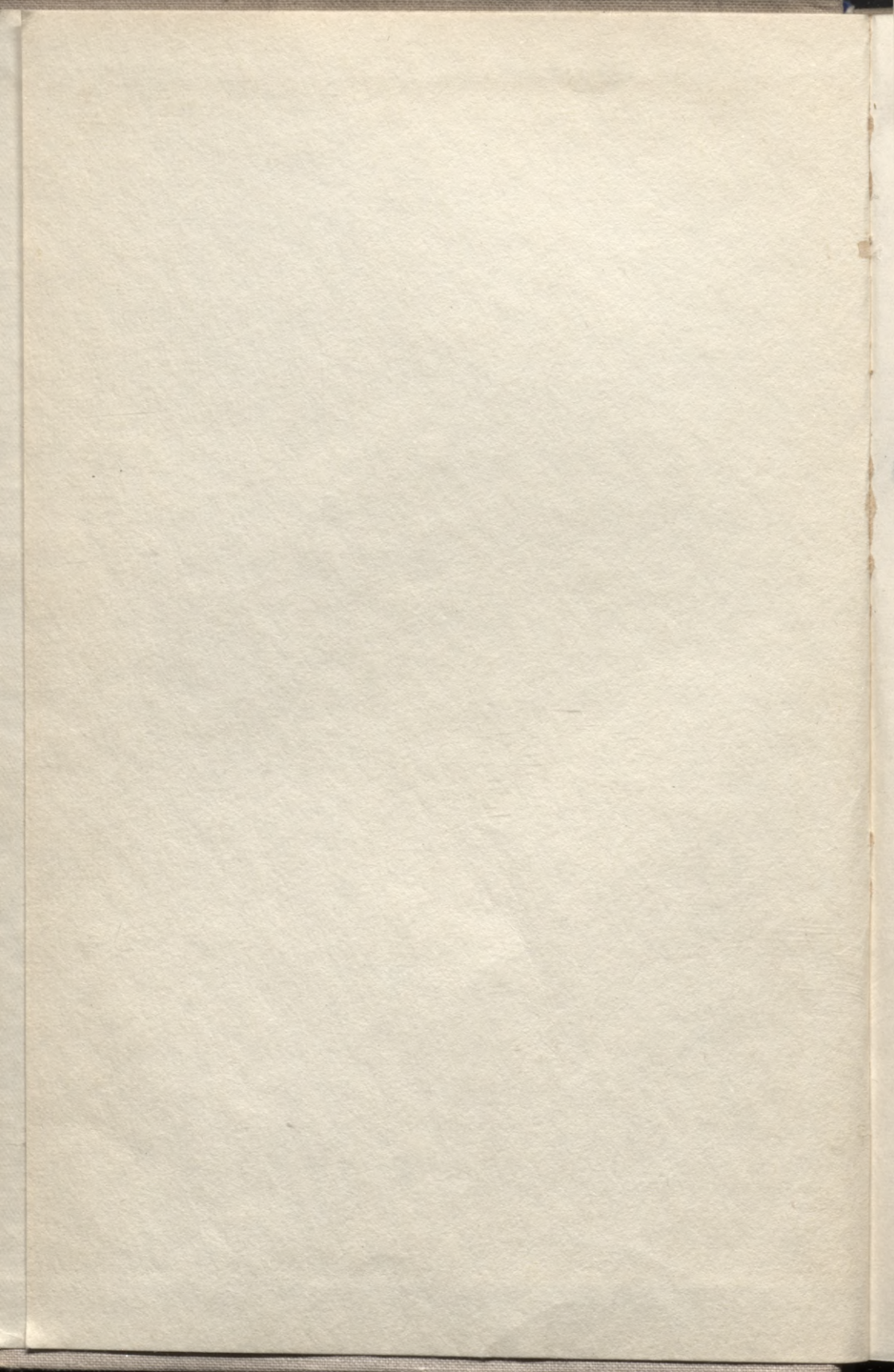
DARBU
IZLASE

I

I

LATVIJAS PSR ZINĀTŪ AKADĒMIJA
JĀNIS ENDZELĪNS

• DARBU IZLASE •

JĀNIS
ENDZELĪNS

ČETROŠI SĒLUMOS

IZDEVNĪCĪBA "ZINĀTNE"

LATVIJAS PSR ZINĀTŅU ĀKADĒMIJA

JĀNIS
ENDZELĪNS

ČETROS SĒJUMOS

IZDEVNIECĪBA • ZINĀTNE •

L $\frac{72-4}{4}$

L
4

A. UPIŠA
VALODAS UN LITERATŪRAS INSTITŪTS

JĀNIS ENDZELĪNS

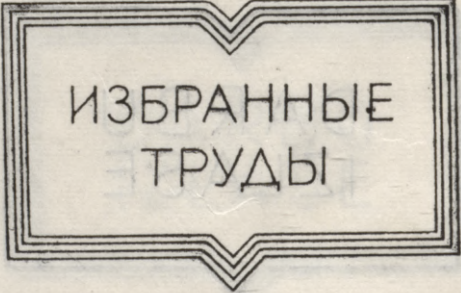

I

RĪGĀ 1971

АКАДЕМИЯ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР

ЯНИС ЭНДЗЕЛИН

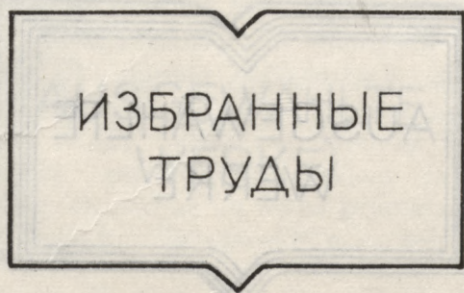
ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ

В ЧЕТЫРЕХ ТОМАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ЗИНАТНЕ •

ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
ИМ. А.УПИТА

ЯНИС ЭНДЗЕЛИН

I

РИГА 1971

AKADEMIE DER WISSENSCHAFTEN
DER LETTISCHEN SSR

JĀNIS ENDZELĪNS

IN VIER BÄNDEN

VERLAG • ZINĀTNE •

A. UPĪTS-
INSTITUT FÜR SPRACHE UND LITERATUR

JĀNIS ENDZELĪNS

AUSGEWÄHLTE
WERKE

I

RIGA 1971

Vija Lāča Latv. PSR
Valsts bibliotēka

4L
En 275

~~6.854~~
0305031670
Янис Эндзелли

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. I

На латышском, русском, немецком
и латинском языках

Издательство «Зинатне»

Redakcijas kolēģija:

H. Bendiks, A. Bergmane, R. Grabis (atbildīgais redaktors).

T. Jakubaite, M. Rudzīte, E. Šmite, **D. Zemzare**.

Izdots saskaņā ar Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas
Redakciju un izdevumu padomes lēmumu.

IEVADAM

PSRS Zinātņu akadēmijas korespondētājloceklis, Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas akadēmiķis, filoloģijas zinātņu doktors, profesors Jānis Endzelīns (1873.—1961.) ir atstājis bagātu mantojumu ne vien latviešu, bet arī baltu un indoeiropiešu salīdzināmajā valodniecībā¹.

Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Andreja Upīša Valodas un literatūras institūts jau ar 1957. gadu sāka kopot daudzās izcilā zinātnieka publikācijas, kas izkaisītas dažādos periodiskos izdevumos un krājumos, lai sagatavotu Jāņa Endzelīna «Darbu izlasi».

J. Endzelīna «Darbu izlases» četros sējumos sakopoti gandrīz visi nozīmīgākie J. Endzelīna publicētie, kā arī daži rokrakstā saglabājušies raksti un daļa viņa izcilo kapitālo darbu, kas izdoti atsevišķās grāmatās.

Pirmajā sējumā ietilpst J. Endzelīna raksti, kas nākuši klajā laika posmā no 1893. līdz 1906. gadam, to starpā ar jauniem atzinumiem bagāti raksti par latviešu valodas intonācijām, adjektīviem, debitīvu, slavismiem latviešu valodā, par kašubu valodu, recenzijas un divas grāmatas — plaši pētījumi par prepozīcijām «Латышские предлоги» (I — 1905., II — 1906.).

Otrajā sējumā ietverti J. Endzelīna raksti un recenzijas, kas publicētas laikā no 1907. līdz 1916. gadam, starp tiem novatoriskie pētījumi par kuršu tautību un valodu, par dažādiem fonētiskiem, morfoloģiskiem, leksikoloģiskiem jautājumiem balistikā un slavistikā, un 1911. gadā izdotā grāmata par slavu un baltu valodu sakariem «Славяно-балтийские этюды».

Trešajā sējumā iekļauta lielākā daļa J. Endzelīna rakstu un recenziju, kas publicēti vai sarakstīti, sākot ar 1917. gadu. Tajos daudz vērības veltīts latviešu literārās valodas kultūras kopšanai, Latvijas toponīmu un hidronīmu lingvistiskai analīzei, baltu un slavu valodu etimoloģiskiem pētījumiem, latviešu valodas sakariem ar rietumsomu valodām un sarežģītu valod-

¹ Jāņa Endzelīna darbu bibliogrāfija izdota 1958. gadā: Akadēmiķis Jānis Endzelīns. Bibliogrāfija. Rīgā, 1958. Sastādītāji: Kārlis Egle un Jānis Paeglis.

niecības problēmu risināšanai latviešu valodas dialektoloģijā un vispār baltistikā, kā arī daudzām citām parādībām.

Ceturtajā sējumā ietilpinātas četras J. Endzelīna grāmatas, kas izdotas latviešu valodā laikā no 1938. līdz 1948. gadam: «Latviešu valodas skaņas un formas» (1938.), «Senprūšu valoda» (1943.), «Ievads baltu filoloģijā» (1945.) un «Baltu valodu skaņas un formas» (1948.). Tie visi ir ievērojami pētījumi, galvenokārt par baltu valodu fonētiku un morfoloģiju un šo valodu sakariem ar citām indoeiropiešu valodām. Sējuma nobeigumā ievietota akadēmiķa J. Endzelīna dzīves un darbu hronika.

Katra sējuma beigās ievietots šai sējumā lietoto saīsinājumu saraksts.

Izlasē Jāņa Endzelīna raksti ir iespiesti tajā valodā, kurā uzrakstīti, ir labotas pamanītās iespaiduma kļūdas, saskaņoti saīsinājumi, vienveidota fonētiskā transkripcija. J. Endzelīna darbi, kas uzrakstīti latviešu valodā, publicēti viņa izstrādātajā un lietotajā rakstībā, kas dažās detaļās atšķiras no pašreizējās rakstības.

Piezīmēs kvadrātiem likti Jāņa Endzelīna vēlāk uzrakstītie papildinājumi viņa publicēto darbu autora eksemplāru malās. Kvadrātiem ar norādi «Red.» dotas izlases sagatavotāju piezīmes.

«Darbu izlasi» sastādīja un rediģēja fil. zin. kand. R. Grīse, fil. zin. kand. **D. Zemzare**, fil. zin. kand. V. Dambe un M. Brence.

Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas Andreja Upīša Valodas un literatūras institūts izsaka pateicību visiem, kas ar padomu, paskaidrojumiem un savu darbu sekmējuši akadēmiķa Jāņa Endzelīna «Darbu izlases» sagatavošanu un izdošanu, it īpaši fil. zin. kand. doc. V. Biseniekam, fil. zin. kand. doc. Ņ. Bogolubovai, fil. zin. kand. doc. Ā. Feldhūnam, fil. zin. kand. doc.

J. Lezdiņam, Latvijas PSR Zinātņu akadēmijas korespondētājloceklim, fil. zin. doktoram, profesoram **A. Ozolam** un doc. E. Pampei.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Член-корреспондент Академии наук СССР, академик Академии наук Латвийской ССР, доктор филологических наук, профессор Янис Эндзелин (1873—1961) внес большой вклад не только в латышское, но и в балтийское и индоевропейское сравнительное языкознание¹.

Институт языка и литературы им. Андрея Упита Академии наук Латвийской ССР уже с 1957 года начал работу над подготовкой к изданию «Избранных трудов» Яниса Эндзелина, в которых предполагалось собрать воедино многочисленные публикации выдающегося ученого, помещенные ранее в различных периодических изданиях и сборниках.

Четыре тома «Избранных произведений» Я. Эндзелина охватывают почти все его наиболее важные опубликованные, а также некоторые сохранившиеся в рукописи статьи и часть его выдающихся капитальных трудов, изданных отдельными книгами.

В первом том включены статьи Я. Эндзелина, опубликованные в период с 1893 по 1906 год, в том числе богатые новыми мыслями статьи о латышской акцентровке, прилагательных, дебитиве, славизмах в латышском языке, о кашубском языке, рецензии и две книги — обширное исследование «Латышские предлоги» (I — 1905, II — 1906).

Во второй том вошли статьи и рецензии Я. Эндзелина, опубликованные в период с 1907 по 1916 год, среди них новаторские исследования о куршах и их языке, о различных фонетических, морфологических, лексикологических вопросах баллистики и славистики, а также изданная в 1911 году книга «Славяно-балтийские этюды».

В третьем томе собрано большое количество статей и рецензий Я. Эндзелина, опубликованных или написанных начиная с 1917 года. В них много внимания обращено на культуру латышского литературного языка, лингвистический анализ топонимов и гидронимов Латвии, этимологические

¹ Библиография трудов Я. Эндзелина опубликована в 1958 г.: Akadēmiskis Jānis Endzelīns. Bibliogrāfija. Rīgā, 1958. Sastādītāji: Kārlis Egle un Jānis Paeglis. Академик Ян Эндзелин. Библиография. Рига, 1958. Составители: К. К. Эгле и Я. С. Паеглис.

исследования балтийских и славянских языков, связи латышского языка с языками западных финнов, решение сложных языковедческих проблем в области диалектологии латышского языка и баллистики вообще и на другие явления.

Четвертый том составляют четыре книги Я. Эндзелина, изданные в период с 1938 по 1948 год: «Latviešu valodas skaņas un formas» («Звуки и формы латышского языка», 1938), «Senprūšu valoda» («Древнепрусский язык», 1943), «Ievads baltu filoloģijā» («Введение в балтийскую филологию», 1945), «Baltu valodu skaņas un formas» («Звуки и формы балтийских языков», 1948). Это значительные исследования, посвященные главным образом фонетике и морфологии балтийских языков и их связям с другими индоевропейскими языками. В заключение в томе помещена летопись жизни и деятельности академика Я. Эндзелина.

В конце каждого тома приводится список сокращений, применявшихся в данном томе.

В «Избранных трудах» работы Я. Эндзелина печатаются на том языке, на котором они написаны, исправлены лишь замеченные опечатки, согласованы сокращения, приведена к единообразию фонетическая транскрипция. В работах Я. Эндзелина, написанных на латышском языке, сохранена орфография, разработанная и употребляемая автором, несколько отличающаяся от современной.

Примечания в квадратных скобках принадлежат самому Я. Эндзелину и сделаны им на полях авторских экземпляров соответствующих его опубликованных работ. В квадратных скобках с пометой «Red.» даны примечания, сделанные при составлении и редактировании «Избранных трудов».

Данное издание составили и отредактировали канд. филол. наук Р. Грисле, канд. филол. наук **Д. Земзаре**, канд. филол. наук В. Дамбе и М. Бренце.

Институт языка и литературы им. Андрея Упита Академии наук Латвийской ССР выражает благодарность всем, кто помог советом, пояснениями и работой при подготовке и издании «Избранных трудов» Яниса Эндзелина, особенно канд. филол. наук доц. В. Бисениеку, канд. филол. наук доц. Н. Боголюбовой, канд. филол. наук доц. **Я. Лездыню**, члену-корреспонденту Академии наук Латвийской ССР, д-ру филол. наук, профессору **А. Озолу**, доц. Э. Пампе и канд. филол. наук доц. А. Фельдхуну.

VORWORT

Das korrespondierende Mitglied der Akademie der Wissenschaften der UdSSR, Mitglied der Akademie der Wissenschaften der Lettischen SSR, Professor Dr. phil. Jānis Endzelīns (1873—1961) hat ein reiches Erbe nicht nur auf dem Gebiet der lettischen, sondern auch auf dem der baltischen und vergleichenden indoeuropäischen Sprachwissenschaft hinterlassen¹.

Das Andrejs-Upīts-Institut für Sprache und Literatur der Akademie der Wissenschaften der Lettischen SSR begann bereits seit 1957 die in verschiedenen Fachzeitschriften und Sammelwerken veröffentlichten zahlreichen Schriften des hervorragenden Sprachwissenschaftlers zu sammeln, um die Auswahl seiner Werke vorzubereiten.

Die vier Bände der „Ausgewählten Werke“ von J. Endzelīns umfassen fast alle seine bedeutendsten veröffentlichten sowie einige in Handschrift erhaltenen Schriften und einen Teil seiner hervorragenden Kapitalwerke, die in besonderen Büchern erschienen sind.

In dem ersten Band sind J. Endzelīns' Schriften aufgenommen, die in der Zeitspanne von 1893 bis 1906 veröffentlicht wurden, einschließlich von wertvollen, mit neuen Gedanken reichen Schriften, in denen die Akzentuierung im Lettischen, der lettische Debitiv, Adjektive, Slawisme im Lettischen und auch die kaschubische Sprache behandelt werden, sowie einige Rezensionen und zwei seiner Bücher — umfangreiche Forschungen über Präpositionen «Латышские предлоги» (I — 1905, II — 1906).

Der zweite Band enthält J. Endzelīns' Schriften und Rezensionen, die in den Jahren 1907—1916 gedruckt wurden, darunter Forschungen über die Kuren und ihre Sprache, über verschiedene phonetische, morphologische und lexikologische Fragen in der Baltistik und Slawistik, in denen der Verfasser als ein Neuerer auftritt, und das im Jahre 1911 erschienene Buch «Славяно-балтийские этюды» („Slawisch-baltische Studien“),

¹ Eine Bibliographie der Arbeiten von Jānis Endzelīns ist im Jahre 1958 veröffentlicht worden: Akadēmīķis Jānis Endzelīns. Bibliogrāfija. Rīgā, 1958. Sastādījuši Kārlis Egle un Jānis Paeglis.

das den Verbindungen der slawischen und baltischen Sprachen gewidmet ist.

Der dritte Band ist von einer großen Anzahl Schriften und Rezensionen J. Endzelīns' zusammengesetzt, die ab 1917 veröffentlicht oder verfaßt wurden. Darin ist eine große Aufmerksamkeit der Kultur der lettischen Literatursprache, der linguistischen Analyse lettischer Toponyme und Hydronyme, etymologischen Forschungen von baltischen und slawischen Sprachen, den Verbindungen des Lettischen mit den Sprachen der westlichen Finnen, der Lösung von komplizierten sprachwissenschaftlichen Problemen auf dem Gebiet der lettischen Dialektologie und der Baltistik im allgemeinen sowie auch vielen anderen Erscheinungen geschenkt.

Im vierten Band werden vier Bücher von J. Endzelīns wiederveröffentlicht, die in den Jahren 1938—1948 erschienen sind: «Latviešu valodas skaņas un formas» («Die Laute und Formen der lettischen Sprache», 1938), «Senprūšu valoda» («Die altpreußische Sprache», 1943), «Ievads baltu filoloģijā» («Einführung in die baltische Philologie», 1945) und «Baltu valodu skaņas un formas» («Die Laute und Formen der baltischen Sprachen», 1948). Das sind gewichtige Abhandlungen, die hauptsächlich der Phonetik und Morphologie baltischer Sprachen und deren Verbindungen mit anderen indo-europäischen Sprachen gewidmet sind. Zum Abschluß wird in diesem Band eine chronologische Übersicht des Lebens und der Tätigkeit J. Endzelīns' angeführt.

Jeder Band ist am Ende mit einem Verzeichnis der in diesem Band benutzten Abkürzungen versehen.

In der Auswahl sind die Arbeiten von Jānis Endzelīns in der Sprache gedruckt, in der sie verfaßt sind. Die bemerkten Druckfehler wurden berichtigt, die in den einzelnen Arbeiten unterschiedlichen Abkürzungen vereinheitlicht, desgleichen die phonetische Transkription. Die von J. Endzelīns ausgearbeitete und von ihm gebrauchte lettische Rechtschreibung, die sich von der zur Zeit üblichen in einigen Punkten unterscheidet, ist beibehalten.

Anmerkungen in eckigen Klammern sind von J. Endzelīns eigenhändig in ein Exemplar seiner veröffentlichten Schriften eingetragen. Die Anmerkungen der Herausgeber sind in eckigen Klammern mit dem Vermerk «Red.» gegeben.

Die Auswahl der in dieser Ausgabe vorliegenden Werke

wurde von Cand. phil. R. Grīsele, Cand. phil. **D. Zemzare**,
Cand. phil. V. Dambe und M. Brence getroffen, die sie auch
zum Druck vorbereitet haben.

Das Andrejs-Upīts-Institut für Sprache und Literatur der
Akademie der Wissenschaften der Lettischen SSR spricht allen,
die mit Ratschlägen und ihrer Arbeit die Herausgabe der
vorliegenden Auswahl der Werke von Jānis Endzelins gefördert
haben, einen herzlichsten Dank aus, insbesondere Doz. Cand.
phil. V. Bisenieks, Doz. Cand. phil. N. Bogoljubowa, Doz. Cand.
phil. Ā. Feldhūns, Doz. Cand. phil. **J. Lezdiņš**, dem korre-
spondierenden Mitglied der Akademie der Wissenschaften der
Lettischen SSR, Professor Dr. phil. **A. Ozols** und Doz.
E. Pampe.

Dr. phil. h. c. h. K. Gustav Carl, h. c. h. D. ...

Dr. phil. h. c. h. M. Brandt, h. c. h. D. ...

Dr. phil. h. c. h. V. Damm, h. c. h. D. ...

Dr. phil. h. c. h. R. Giese, h. c. h. D. ...

Dr. phil. h. c. h. N. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

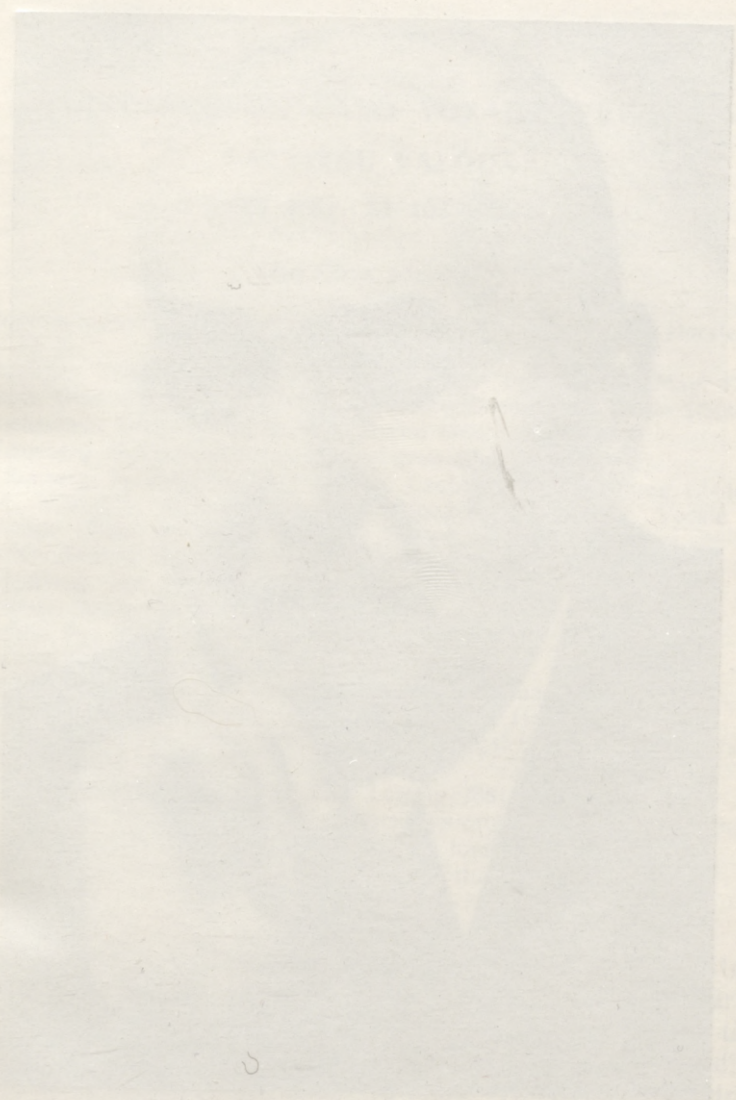
Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

Dr. phil. h. c. h. ...

W
C
A
di
V
pl
pl
sp
L
E

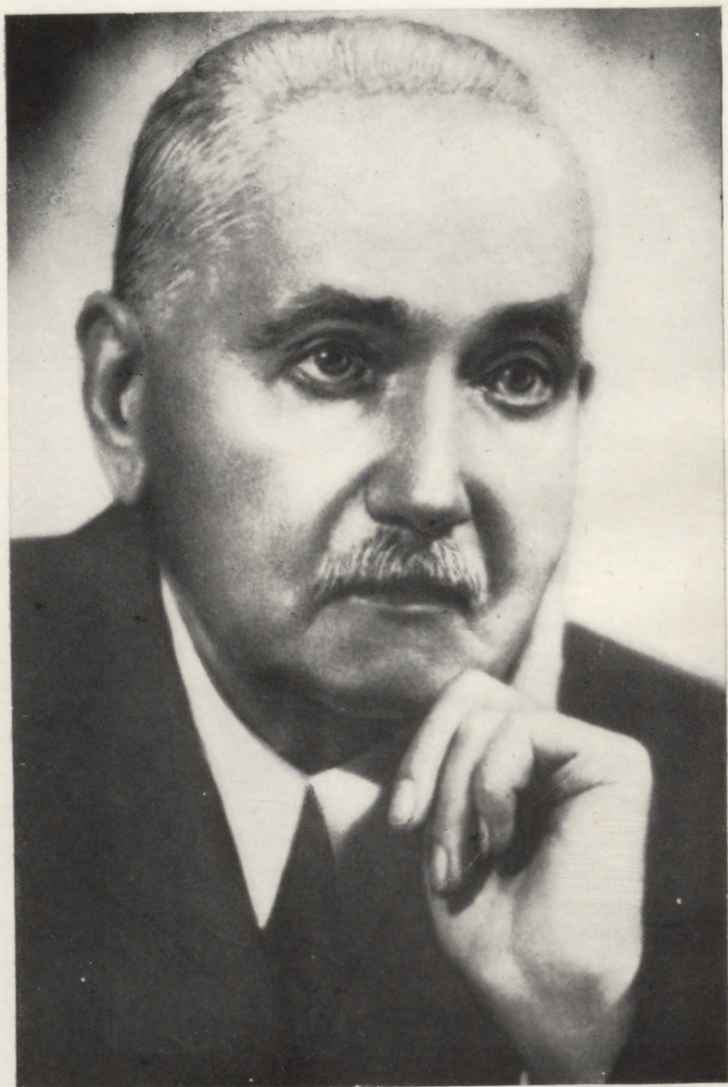

2

)

u

Faint, illegible text at the bottom of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

DIFTONGU UN GAŅO VOKAĻU IZRUNA LATVIEŠU VALODĀ

[1897 RKr. XI 107—121]

Literatūras pārskats

107

Rosenberger, Formenlehre der lettischen Sprache in neuer Darstellung (Mag. IX 2).

Buettner, Untersuchungen über die lettischen Sprachlaute (Mag. IX 1).

Baar, Über die in der lettischen Sprache vorkommenden Laute (ibidem!).

Bielenstein, Die lettische Sprache. Berlin 1863.

Krumberg, Rūdaļa preefjū Latviejū gramatifaš (Mag. XV 2).

Krumberg, Neue Darstellung der lett. Laut- und Tonwandlung (ibidem!).

(J. Neuland), Einiges über die Aussprache lettischer Vocale und Diphthonge (Mag. XV 3).

Linde, Beitrag zur Phonetik der lettischen Sprachlaute (Mag. XVI 2).

Krumberg, Die Aussprache lettischer Dehnwörter (ibidem!).

Stērste, Latviejū valodaš mašjiba, I daļa. Rīgā 1879.

Velme, Par latveešu vokāļu trejādo gaŅumu. RKr. IX.

Peleks, Par latveešu vokāļu gaŅumu (ibidem!).

Baranowski und Weber, Ostlitauische Texte. Weimar 1882.

Kurschat, Grammatik der litauischen Sprache. Halle 1876.

Fortunatov, Zur vergleichenden Betonungslehre der lituslavischen Sprachen (AfslPh. IV 5, 75).

Sievers, Grundzüge der Phonetik. Leipzig 1881.

L. Masing, Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents (Mémoires de l'Acad. de scienc. de St.-Pétersb. VII Ser., tome XXIII).

Bezenberger, Lettische Dialect-Studien. Göttingen 1885.//

108

Gan valodniecība nav tik cieši saistīta ar dzīvi kā rakstniecība, tomēr ir valodniecībā nākas diezgan grūti iegūt vispārīgu atzinību jauniem uzskatiem. — Kavēkli bija jāpārspēj arī tiem vīriem, kas pirmie aizrādīja uz diftongu un gaŅo vokāļu divējādu izrunu latviešu un leišu valodās. Tā Draugu biedrībā gribēja pavisam noliegt starpību starp lauzto un stiepto izrunu, kuŗu Rozenbergers bija atradis (sal. Mag. III 1, 154—155); un pretim Kuršata izteikumiem par tādu pat starpību leišu valodā uzstājās pat Sleichers, atzīdams šo starpību tikai dažos diftongos. — Bet uzmanība bija šai parādībai piegriezta,

starpība izrunā bija tagad ir citiem sadzirdama, un kad Bütners un Bārs vēlāki diezgan plaši pārrunāja lauzto un stiepto izrunu, — viņiem vairs neradās pretinieki, ne tad vēl Bīlensteinam, kas caur savu «Die lettische Sprache» iepazīstināja ir ārzemju mācītos ar divējādu izrunu latviešu valodā.

Lauztai un stieptai izrunai bija tagad iekāpota vispārīga atzinība; bet Vidzemes latviešu lielākā daļa pazīst vēl trešo, proti, krītošo izrunu, un šī beidzamā vēl nav pienācīgi atzīta. Vienkārt, ievērojamākie latviešu valodas pētitāji līdz šim bijuši kurzemnieki, kas, apraduši ar savu divējādu izrunu, pavisam nespēj bez rūpīgām fōnētikas studijām izšķirt vidzemnieku krītošo izrunu no lauztās. Otrkārt, pirmie aizrādījumi uz krītošo izrunu ir diezgan nepilnīgi un kļūdīgi (neviens, ne Krumbergs, ne Neulands, nei Linde nepiemin, kur viņi ievērojuši krītošo izrunu, un vienīgais Linde pasniedz daudz maz pietiekošu fōnētisku aprakstu par trejādo izrunu); un tāpēc šos pirmos aizrādījumus maz ievēroja, lai gan ir Stērste viņiem pieslējās savā gramatikā. No jauna aizkustināja jautājumu par trejādo izrunu lektors Velme; uz viņa uzaicinājumu ir jau atsaucies Peleks, pilnīgi atzīdams un arī aprakstīdams trejādo izrunu. Bet gala vārdu varēs šinī jautājumā tikai tad teikt, kad izruna būs visās izloksnēs smalki izpētīta. Velmes pamudināts, ir es gribēju palīdzēt šo jautājumu izšķirt, un savam rakstam par pamatu liku izloksni, kuņu esmu mācījies Valmieras draudzē.

109 Pirmais uzdevums ir pēc iespējas pareizi aprakstīt dažādo izrunu. Pēc pašu skaņu tēlojuma vien nekad nespēs reproducēt zināmu skaņu otrs, kuņš to pats nav dzirdējis, jau tāpēc vien, ka tāds tēlojums nekad nevar sasniegt pilnīgumu. Un aprakstīt balss organu dalību pie skaņu celšanās ir // iespējams tikai pēc nopietnām fōnētikas studijām. Sevišķi šo grūtību dēļ dažādās izrunas aprakstītāji nav varējuši pilnīgi vienoties, jo pašas izrunas raksturs paliek diezgan vienāds dažādajās izloksnēs. Lai dažādo izrunu apraksti būtu labāki saprotami, atstāstīšu iepriekš Baranovska teoriju par zilbju trejādu kvantitāti leišu valodā. Baranovskis izšķir leišu valodā īsas, pagaņas (mittelzeitige) un gaņas zilbes, piešķirdams visām trim līdzīgas tiesības. Īsās zilbes sastāv iz vienas moras (v) un paliek arī zem akcenta īsas (sal. *vaikās* un *rankā!*). Gaņas zilbes sastāv iz trim morām un bez akcenta paliek gaņas jeb kļūst pēc zināma likuma pagaņas. Pagaņas zilbes sastāv iz divām morām (vv) un bez akcenta paliek pagaņas jeb kļūst īsas. Noteikt kādas zilbes kvantitāti var tikai, salīdzinot visas izloksnes, jo dažās

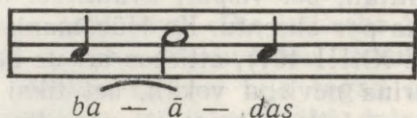
izloksnēs īsās zilbes pavisam izkrit un pagaŗās izrunā līdzīgi īsajām, citās pagaŗās izrunā gaŗi. Gan akcentam ir zināms iespaids uz kvantitāti, bet vispāri kvantitāte ir neatkarīga no akcenta un senāka par akcentu. Ko Hūbšmanis saka par armēniešu valodu (KZ XXIII 401), attiecas arī uz baltiešu valodām: «akcents nepagarina nevienu vokāli, bet tikai uzglabā vokāļa gaŗumu». Tāpēc arī leišu akcents nav divējāds, stiepts un lauŗts, bet zilbju kvantitāte ir stiepta un lauŗta. Īsās zilbēs šāda starpība nevar būt, jo viņas sastāv tik no vienas moras. Zilbju dažādā izruna atkarājas no tā, uz kuŗu moru krīt akcents, uz pirmo jeb uz beidzamo. Pagaŗās zilbēs ir vienmēr stiepta kvantitāte, jo akcents tur krīt vienmēr uz otru moru; gaŗās zilbēs akcents var krist uz pirmo moru — tad zilbei ir lauŗtā kvantitāte — jeb uz trešo moru, un tad zilbi izrunā stiepti. Tā skan īsumā Baranovska teorija, kuŗu viņas sludinātais Hugons Vēbers cildina lieliskā vienkāršuma dēļ; vēlāki, attiecoties uz šo teoriju, būs gadījums redzēt, kā īstenībā lieta nav tik vienkārša, bet varmācīgi no Baranovska par tādu padarīta. Gan arī latviešu valodā var izšķirt blakus īsām un gaŗām zilbēm ir pagaŗas — un vēlāki par viņām būs arī runa — bet mazākais mūsu valodā zilbju dažādā izruna nav tādā mērā atkarīga no dažādās kvantitātes kā leišu valodā pēc Baranovska domām. Savu pārrunu sākšu tāpēc, iziedams no izrunas un ne no kvantitātes.

Vispirms pārrunāsim stiepto jeb vilkto izrunu (es izšķīŗu stiepto, krītošo un lauŗto izrunu un nevis akcentu, kā Bīlensteins, nei kvantitāti, kā Baranovskis dara. Akcents ir arī // pēc Baranovska viscauri vienāds, un zilbes ar vienādu kvantitāti var dažādi izrunāt). Vārdos *māte, dēlis, drīzi, divēlis, uōla*¹, *aūstrums, maņta, tilts* u. c. gaŗo vokāļu resp. diftongu izrunu sauc Rozenbergers par «vilkto» (gezogen), Būtners un Bārs un pēc viņiem Bīlensteins, Neulands un Peleks par «stieptu» (gedehnt), Krumbergs par «ābecīgu» (alphabetisch) un Linde par «augošu» (crescent). Līdzīgo izrunu leišu valodā Kūršats dēvē par «geschliffen» un H. Vēbers par «schleifend». Pārrunājuši papriekšu pašu izrunu, redzēsim, kā to vislabāki saukt un apzīmēt. Pēc Rozenbergera *ā* vārdā *māte* no paša sākuma kāpj pamazām uz augšu, pieņemdamiēs stiprumā un augstumā; pēc Bīlensteina turpretim šis *ā* skan viscauri vienādā stiprumā un augstumā. Pēc Lindes, Kūršata un Baranovska

110

¹ Ziniskos materiālos derētu vienmēr rakstīt *ia* un *ua* parasto *ee* un *o* vietā [toreizējā rakstībā! — Red.].

skan šī *ā* otra puse manāmi stiprāki un augstāki par pirmo pusi; notīs Kuršats šo *ā* tā izrāda:

Un Peleks saka: «Stiepjot *āā* (= *ā*) izklausās kā kopā salikti, vienāda gaŗuma un vienāda svāra, vai arī otrais gaŗāks un stiprāki uzsvērts, kas notiek, īpaši vārdu uzsvērot. Vesma plūst no balsnīcas mēreni, vienādā tempo, vai arī vēlāki straujāki.» Visi šie apraksti satura zināmu daļu patiesības; raudzīšu viņus izlīdzināt vienu ar otru. Pa daļai šī starpība aprakstos varētu būt cēlusies caur izrunas dažādību dažādajos apgabalos; sevišķi leišu valodā stiepto izrunu pēc Kuršata apraksta vajadzētu domāties drusciņ citādu kā latviešu valodā. Bet kā man šķiet, tad apraksti izšķīras viens no otra sevišķi tāpēc, ka ļoti grūti ir pareizi aprakstīt zināmu izrunu, kā jau augšā aizrādīju. — Stieptā izruna ir raksturota sevišķi caur to, ka «vēsma plūst no balsnīcas mēreni un vienādā tempo». Un normālā izrunā nevaru arī sadzirdēt balsi augstumā uz beigām pieņemamies. Ja turpretim izrunā stieptu skani gaŗāki un stiprāki, piem., deklamējot, tad vokāļa un sevišķi skaidri diftonga otru daļu dzird stiprāki uzsvērtu, vēsmai plūstot arvienu, bet pamazām straujāki, ko Peleks arī itin pareizi ievērojis. Dažreiz dzird izrunājam gaŗos skaņus ir pēc Lindes apraksta, proti, otru daļu izrunājam manāmi augstāki par pirmo. To var ievērot īpaši jautājumos, vienu vārdu it kā neticīgi vai šaubīdamies uzsvērot; bet tad vienalga, vai zilbes normālā izruna ir stiepta.

111 kritoša jeb laužta, jo jautājot vārdos: // *jūs?*, *jā?*, *tā?* gaŗā skaņa izruna var būt gluži līdzīga. — Attiecoties uz pārrunājamās izrunas nosaukumu, nevar teikt, ka sevišķi nozīmīgi viņu sauc par stieptu jeb vilktu. Vienkārt, par stieptu jeb vilktu varētu saukt katru gaŗu skani, un tad arī zilbes *stie* un *vil* (iekš *stiepta* un *vilкта*) neizrunā vis stiepti, bet krītoši, caur ko šie vārdi vēl mazāk sedz apzīmējamo izrunu. Rasi, «alfabētiskā» izruna būtu noderīgāks nosaukums; esmu tomēr pieturējies te pie parastā vārda. — Apzīmēt šo izrunu var vislabāki ar Bāra proponēto horizontālo strīpiņu², kuŗa diftongos ir jāliek uz otras sastāvdaļas. Jo pretim Stērstem un Bilensteinam, kas noliedz, ka stiepti izrunātos diftongos ir otrs kom-

² [Te tā aizstāta ar cirkumfleksu. — Red.]

ponents gaŗāks par pirmo, un pretim Krumbergam, kas apgalvo, ka stieptos diftongos ir otrs komponents īsāks par pirmo, — pretim ūiem man jāsaka, ka stieptos diftongos ir otra sastāvdaļa, kad ne ikreiz augstāka, tomēr gaŗāka par pirmo, gluži kā leišu valodā pēc Kuršata. Jo skaidri tas sadzirdams diftongos, kuŗu otrs komponents ir likvida jeb nāsālis, piem., vārdā *tīlts*; te *i* bez ūaubām ir īss, *l* turpretim pagaŗš (gaŗāks par konsonantisko *l*, piem., iekš *mala*). — Te man jāattaisnojas, ka pret paradumu saucu vokāļu savienojumus ar likvidu jeb nāsāli par diftongiem. Kuršats tos sauc par semidiftongiem, bet var *al*, *ar*, *in*, *em* u. c. ar tādu pat tiesību saukt par diftongiem, kā *au*, *ai* u. c. Jo pēc Zīversa aprādījumiem starp *m*, *n*, *l*, *r* un tā sauktajiem vokāļiem *a*, *e*, *i*, *u* nav nekādas principiālas starpības. Tiklab «vokāļiem», kā likvidām un nāsāļiem ir sonantiska (vokālistiska) daba (tikai likvidas un nāsāļi pāriet arī konsonantos, kas nav sakāms par visiem «vokāļiem»); un tiešām nāsāļi un sevišķi likvidas dažās valodās ir spējuši un spēj sastādīt zilbes bez «vokāļu» palīdzības. Latviešu valodā likvidas un nāsāļi rāda sonantisko dabu vienīgi diftongos, kuŗus viņi sastāda ar «vokāļiem». — Tātad stieptie diftongi — vienalga, vai viņu otrs komponents vokālis, likvida jeb nāsālis — satura apmēram 3 moras; pirmā sastāvdaļā ir 1, otrā 2 moras. Zilbes ar stieptiem diftongiem ir tāpēc vienmēr gaŗas. — Te jāaplūko, ar kādu tiesību var vispāri runāt par moru skaitu zilbēs. Pēc Brūkes (*Die physiologischen Grundlagen der neuhochdeutschen Verskunst*, p. 67) normālie gaŗie vokāļi vācu valodā nekad nav divreiz tik gaŗi, kā īsie, bet samērs starp gaŗiem un īsiem ir apmēram kā starp 5 un 3. Baltiešu valodās ūi starpība gan ir lielāka, tomēr piešķirt gaŗām zilbēm // 3, pagaŗām 2 un īsām 1 moru var tikai ar relatīvu pareizību un praktisku nolūku dēļ. Kad Baranovskis gluži nopietni apgalvo, ka $\bar{a} = \check{a} + \check{a} + \check{a}$, un neaprāda ūāda dalījuma īsto nozīmi, tad tā ir kļūda. Varam par moru skaitu zilbēs tik tad runāt, kad iedomājamies, ka tāds moru skaits tikai lētāki un vienkāršāki, bet ne gluži pareizi apzīmē samēru zilbju kvantitatē. Otra tāda kļūda ir tā, ka Baranovskis piešķir sonantu tiesības likvidām un nāsāļiem ne vien pēc īsiem, bet arī pēc gaŗiem un pagaŗiem vokāļiem, ja likvida jeb nāsālis ar vokāli atrodas vienā zilbē. Ja zilbē ir lautzā izruna, tad likvidas un nāsāļi varētu pildīt vienu moru, jo pēc Kuršata leišu laultos diftongos ir pirmais komponents gaŗāks par otru. Varētu tāpēc vārdos *šārmās* jeb *bērnās* *r* pēc pagaŗā vokāļa ieņemt vienu moru, citiem vārdiem — būt sonantisks. Bet

stieptos diftongos arī leišu valodā ir otrs komponents gaŗāks par pirmo, un tāpēc pēc stiepta vokāļa likvida jeb nāsālis nevar būt sonants, nevar ar vokāli sakust diftongā. Tā, piem., latviešu vārdā *kārts ā* ir tikpat gaŗš kā iekš *māte*, un — *r* pēc *ā* ir te tīrs konsonants. Baranovskis tomēr uzskata un analizē gaŗās zilbes žemaišu vārdos *tūrgus* jeb *švēnts* tā, it kā te vokāļi būtu pagaŗi un ieņemtū 2 moras un likvida jeb nāsālis vienu moru un nestu akcentu (Baranovskis raksta: *tūrgus*, *szvēnts* pēc šemata - ◡ ◡), jo pēc Baranovska stieptās zilbēs akcents krīt vienmēr uz beidzamo moru. Redzams, caur kādām nepareizībām Baranovskis padarījis savu teoriju vienkāršu. — Gluži kā leišu valodā stieptā izruna sastopama arī pie mums pagaŗās zilbēs, kuŗas sastāv no pagaŗa vokāļa. Rakstu valodā tādi pagaŗi vokāļi gan nebūs atrodami; gan bez akcenta gaŗi stiepti vokāļi kļūst īsāki (sal., piem., *i* iekš *iemilēties!*). Bet dažās izloksnēs sastopami tādi stiepti pagaŗi vokāļi. Tā Cesvainē pēc Becenbergera dzirdama izruna: *nāzinu* «nezinu», *ākmens* u. c.; šē stieptais vokālis nav gaŗš, kā rakstu valodas gaŗās zilbēs, bet pagaŗš (*ākmens* = *āčkmens*).

113 Vienīgi gaŗās zilbēs turpretim atrodama lautzā izruna, kādu sastopam vārdos *kāts*, *raūgs*, *dzeŗt*, *cilts* u. c. Linde viņu pirmais diezgan pareizi ir šādi aprakstījis: vokāļa pirmā puse ir stipra un otra iesākas ar balsienes slēgšanos (Stimmbänderverschluß), un tad nāk vokāļa beidzamā daļa čukstošā balsī (im Flüsterton). Lindem pieslienās Peleks; Bilensteins turpretim un citi ir izlaiduši iz apraksta pašu svarīgāko daļu, proti, ka balsiene slēdzas pēc pirmās stiprāki // izrunājamās daļas. Šo izrunu vislabāki var nosaukt par «lauzto» (gebrochen), jo caur balsienes slēgšanos gaŗais skanis tiešām izliekas it kā lauzts (vāciski viņu vispāri sauc par «gestoßen»). Apzīmējuši šo izrunu ir Bārs caur gravi ˘, Bilensteins caur akūtu ´, vispiederīgāki gan Linde caur apostrofu uz gaŗā skaņa otras daļas (piem., *saa'kt*, *au'gt*), bet praktiski vienkāršāki un diezgan nozīmīgi Būtners caur jumtiņu (cirkumfleksu) ^ (*aa' = â*). Diftongos jumtiņš atkal jāliek uz otra komponenta (*aūgt*, *dzeŗt*), jau praktisku nolūku dēļ vien. Kā jau minēju, leišu lauztos diftongos pēc Kuŗšata pirmais komponents mēdz būt gaŗš un tādā mērā pārspēj otru, ka šis dažās izloksnēs pavisam vairs nav dzirdams³ (sal. *trākti* iz *trāukti!*). Līdzīgi

³ Pēc Becenbergera (Zur lit. Dialektforschung BB IX 266 ff.) starp Insterburgu un Ņemanu lautzā diftonga otrs komponents zūd, ja uz diftonga ir vārda akcents (sal. *ākštas* un *aukštāt!*).

šiem leišu lauztajiem diftongiem gan arī grieķu diftongos α, γ, φ būs zudis ar laiku otrs komponents. Bet latviešu lauztos diftongos ir pirmais komponents gan stiprāks un augstāks, bet tomēr īsāks par otru, kuŗš satura 2 moras. Balsiene slēdzas pēc otra komponenta pirmās moras apmēram, un šai tad seko beidzamā mora čukstošā balsī. Visskaidrāki tas atkal redzams pie tiem diftongiem, kuŗu otrs komponents ir likvida jeb nāsālis. Pēc Bilensteina vārdā *cilts* likvida *l* būtu visa izrunājama čukstošā balsī (= *ci'lts*), it kā balsiene slēgtos tūliņ pēc vokāļa *i*. Bet pretim Bilensteinam ir jau Dr. Bārs gluži pareizi sajutis, ka tikai pēc pagaŗa skaŗa (tātad ne pēc īsā *ī*, bet pēc *il*, tas ir, pēc 2 morām) slēdzas balsiene un seko čukstošā balsī beidzamā mora (Bārs raksta *dzeŗt*, tāpēc = *dzeŗ't*).

Blakus stieptai un lauztai izrunai liela daļa Vidzemes latviešu pazīst vēl trešo — krītošo izrunu. Pats viņu esmu noklausījis Valmieras apkārtnē; Peleks viņu dzirdējis ap Cēsīm un Dzērbenē, un, kā man daži stāstījuši, krītošo izrunu pazīst arī Mazsalacā, Burtniekos, Evelē, Raunā, Drustos un arī ap Salaspili. Robežas tātad vēl nevaru nospraust apgabalam, kuŗā pazīst trejādu izrunu, bet varbūt nebūšu maldījies, teikdams, ka, kur vien Vidzemē runā rakstu valodu, tur pazīst arī trejādo izrunu. Ka Kurzemē kur pazītu trejādo izrunu, man nav zināms. Pēc mācītāja Neulanda Būtneris pirmais aizrādījis uz trejādo izrunu, bet kur, to es ar neesmu varējis atrast. Atskaitot Būtneru, ir Krumbergs pirmais plašāki pārrunājis krītošo izrunu, pēc viņa to ir darījuši // Neulands, Linde, Stērste un Peleks. Bet ka ir tos diftongos, kuŗu otrs komponents ir likvida jeb nāsālis, ir tāpat izšķīrāma trejāda izruna, — to nav visi no minētiem kungiem ievērojuši: Stērste izšķīŗ šos diftongos tikai divējādu izrunu, un Peleks par tiem nerunā nemaz. Par krītošo izrunu vārdos *lāipa*, *plāukts*, *pūst*, *dzēst*, *kūoks*, *silts*, *cīrst* u. c. līdzšinējie aprakstītāji ir varējuši puslīdz vienoties; mazākais var redzēt, ka visi bijuši vienādās domās. Krītošā izrunā tāpat kā lauztajā ir skaŗa pirmā daļa stiprāki uzsvēŗta par otru, bet starpība ir tā, ka krītošā izrunā neslēdzas balsiene pēc skaŗa pirmās daļas. Tad vēl, mazākais pēc Valmieras izloknes, zilbes ar krītošo izrunu ir īsākas par zilbēm ar stiepto un lauzto izrunu; krītoši izrunāŗas zilbes satura apmēram 2 moras un būtu saucamas pagaŗas⁴. Krītoši izrunāŗtos diftongos ir abi

114

⁴ Drustos zilbes ar krītošo izrunu izrunā ne vien pagaŗi, bet arī gaŗi; piem., nōmināŗivu *drāugs* tur izrunā pagaŗi, gluŗi tāpat kā Valmierā, bet ģenīŗivā *drāuga* krītoši izrunāŗā zilbe skan gaŗāki kā nōmināŗivā, tas ir, satura apmēram 3 moras.

komponenti īsi; ja iespējams, otrs komponents pieņem, tā sakot, konsonantisku dabu, tas ir, būdams bez akcenta, viņš izklausās tik kā līdzskanis. Krītošos diftongus *ai, àu, èi* vajadzētu tāpēc rakstīt *aj, av, ej*, tāpat kā jau raksta *ev* un ne *eu* (iekš *sev, tev*, kur diftongu *eu* arī izrunā krītoši)⁵. — Vienzīlību vārdos, kuŗi beidzas ar diftongiem, krītošā izruna ir vienīgā, izņemot fleksiju formas (sal. *vai, jau, kam, kur, ar, gan, (viņš) ceļ* u. c.; turpretim *tiē* (nom. plur. no *tas*), *lai* (pro *laid[i]*) u. c.). Tāpat visur tur, kur pēc likvidas jeb nāsāļa izkritis vokālis cita konsonanta priekšā, piem., vienskaitļa nōminātīva galotnē (sal. *zārs, gāls, nāms, gāšs*), — visur tur parādās krītošā izruna. Šo izrunu es līdz ar Krumbergu un Lindi saucu par krītošo; mazāk nozīmīgi Neulands to sauc par pusgrūstu un Peleks par grūstu. Apzīmēt var krītošo izrunu vislabāki caur gravi *˘*. — Ja pareizi esmu sapratis Kuršatu, tad arī leišu valodā pazīst, mazākais dialektiski, krītošo izrunu. Kuršats, proti, teic, ka akcentuētos vokāļus leišu vārdos *lāngas, kótas, rýtas* u. c. izrunā līdzīgi kā vācu vārdos (t. i., Rītaprūsijā) *Bahnhof, Seele, Kehricht* u. c. Un Baltijas vācieši arī tiešām izrunā savus gaŗos vokāļus krītoši, kā jau Neulands aizrādījis. Minētos leišu vārdos balsiene neslēdzoties, bet skaņa augstums krītot pēšņi // uz leju. No šīs izrunas atšķiŗoties, mazākais dažās izloksnēs, otra izruna, kuŗā no gaŗā vokāļa beigās, tā sakot, nolauŗot vienu atomu un «piestenoť» nākošam skanim: šī beidzamā būtu mūsu lautzai izrunai līdzīga.

115

Kamēr lauzto izrunu ir bez akcenta var bez pūlēm izšķirt no stieptās un krītošās, krītošo izrunu neuzsvērtās zilbēs (ir ne caur palīga akcentu) ļoti grūti nākas izšķirt no stieptās⁶. Bet ar to negribu teikt, ka vispāri leišu un latviešu valodās izrunas starpība zūd neuzsvērtās zilbēs, kā Fortunatovs apgalvo. Tāpat man jāpretojas Fortunatova domām, ka dažādā izruna cēlusies caur dažādo gaŗumu⁷. Te Fortunatovs seko Baranovska teorijai, un Fortunatovam atkal piebalso Velme, runādams par trejādo izrunu zem virsraksta «par trejādo 'gaŗumu'». Jo starpība izrunā neceļas no starpības gaŗumā,

⁵ Te jāpiezīmē, ka gluži aplam raksta Bilensteins *seija, leija* u. c.; kā jau Būtners aizrādījis, jāraksta *seja, leja*, jo šos vārdos pirmo zilbi neizrunā ne stiepti, ne lauzti, nei krītoši, tas ir, še nav pavisam diftongs sadzirdams, jo *j* iekš *seja*, piem., pieder pie otras zilbes: *se-ja*, nevis *sei-ja*.

⁶ Tā nemāku teikt, vai vienskaitļa lokātīva galotnē ir stiepta jeb krītoša izruna (*namā, upē* jeb *namā, upē?*).

⁷ Ar Fortunatova uzskatiem šai lietā varēju tikai caur Velmes referātu iepazīties.

bet ir atkarīga no tā, uz kuŗu zilbes moru krīt akcents un vai zilbes vidū balsiene slēdzas jeb ne.

Izrunas dažādība latviešu valodā daudz maz atsveŗ svabada akcenta trūkumu, un rakstnieks vai runātājs varētu varbūt caur izrunas dažādību zināmu vietu sevišķi raksturot. Tā liriskiem dzejniekiem derētu ievērot Eberharda Krausa domas, ka «savādais, nenolīdzinātais, robainais» akcents (seltsam unausgeglicherer gehackter Tonfall) padarot latviešu valodu diezgan nenoderīgu lirikai. Bet šī lauztā izruna nav vienīgi leišu un latviešu valodās meklējama; lauztā izruna, kaŗ arī drusku citādāka (sal. Venera aprakstu Anz. f. deutsches Alterth. VII 6 f.), ir arī dāņu valodā sastopama. Varētu domāt, ka jau indoeuropiešu pirmvalodā pazina dažādas izrunas. Liekas tomēr, ka visām trim izrunām nebūtu vienādas tiesības latviešu valodā. Par stiepto izrunu jau Rozenbergers, pirmais aizrādīdams uz viņas eksistenci, izteica šaubas, vai šī izruna varot būt pavisam genuīnās latviešu valodas saknēs. Par to, zināms, nevar šaubīties: vārdi *brālis, bērzs, dūmi, nāsis, sēt, vīrs* u. c. ir nenoliedzami uzglabājušies iz indoeuropiešu kopdzīves laikmeta. Sprieŗot pēc dažiem apstākļiem, būtu tomēr iespējams, ka stieptā izruna būtu tik vēlāki ieviesusies latviešu valodā. Vienkārť, leišu valodā var ļoti bieŗi ievērot lauzto izrunu parādāmieŗ mūsu stieptās vietā; tā augšminētos vārdus leišu valodā izrunā visus lauzti (*brólis, bērzas, dúmai, nósis, sēti, // výras*). Otrkārť, stieptā izruna parādās sveŗvārdos daudz bieŗāki kā krītošā izruna, un lauzto izrunu var sastapt tikai ļoti retos sveŗvārdos (sal. *kuŗķis, guŗķis, dzípari, lāva(?)*, *meíta*). Tad vēl stieptā izruna ir vārdos, kuŗos gan tik lēti nevarēs pazīt sveŗvārdus; tomēr šiem vārdiem ir arī grūti atrast etimoloģisko sakaru ar radniecīgām valodām. Vēlāki, pārrunāŗot izrunu maiņu, dabūsim redzēt, kā stieptā izruna bieŗi iestājas krītošās un arī, lai gan reti, lauztās vietā.

Stiepto izrunu pazist gandrīz visi latvieŗi. Turpretim lauzto izrunu nepazīŗ Bērzonē, Vestienā, Vietalvā, Ļaudonā un Cesvainē; te lauztās izrunas vietā iestājas sevišķi stieptā, un tai blakus atrodama tikai krītošā izruna. Kur vidzemniekiem krītošā izruna, tur Kurzemē sastopama lauztā izruna; bet, ja nemaldos, ir arī viduči Kurzemē, kuŗos šai gadījumā iestājas stieptā izruna. Leišu valodā, pēc Kuršata vārdnīcas sprieŗot, latviešu krītošās izrunas vietā kārtīgi atrodama stieptā izruna. Šis apstāklis līdz ar citiem liecina, ka krītošā izruna nav vis tikai lauztās izrunas modifikācija, bet iestājas pēc zināmiem likumiem, kuŗi vēl jāatrod. Lauztā izruna turpretim sadzirdama

leišu valodā gandrīz visos tos pašos vārdos, kuŗos tā ir latviešu valodā. Vienīgi, kad radniecīgos vārdos slavu (krievu, serbu un čehu) valodās ir tā sauktā pilnskaņa (полногласие), tad, kā Fortunatovs aizrādījis, arī leišu un latviešu valodās šķīgas izruna. Proti, kur krieviski ir *оро, ере, оло* (serbiski *rā, rīje, lā* un čehiski *ra, ře, la*), tur leitiski ir stieptā, latviski — krītošā (nevis lautzā, kā Fortunatovs saka) izruna (sal. *норостъ = nařstas = nārsts*; čehiski *plen = peľnas = peľņa*). Bet kur krieviski ir *орó, ерѣ, оло́* (serbiski *rā, rě, lā*, čehiski *rá, ří, lá*), tur leitiski ir lautzā (krītošā?), latviski — stieptā izruna (sal. *ворóна = vārna = vārna*; *берѣза = bérzas = bérzs*; *молóть = málti = malt*). Arī sanskritā, grieķu un latīņu valodās Fortunatovs atradis parādības, kas stāv sakarā ar šo pilnskaņu krievu valodā. — Ķa izruna atkarātos kaut kādi no skaņiem, kas stāv priekš jeb pēc sonanta, neesmu varējis atrast, un nevaru pieslieties Māzinga domām, ka tā varētu būt.

117

Atliekas vēl jautājums par izrunas mainīšanos viena celma vārdos vienā un tai pašā apgabalā. Pēc Stērstes «smagums» (t. i., izruna) mainās itin svabadi pat tos vārdos, kuŗi cēlušies no vienas saknes. Tomēr vārdu saknēs izruna ir pastāvīgāka, nekā pēc Stērstes vārdiem būtu jādomā. Zilbes patura arvienu to pašu izrunu (izņēmumus vēlāk minēšu), arī // kad zilbes sastāvs ir grozījies. Ķad, piem., diftongs cēlies iz vokāļa un nāsāļa, tad jaunajā diftongā ir tā pati izruna kā vecajā [tā cēlies *miksts* no *miņksts* (lei. *miņkštas*), *luōgs* no *laņgs* (lei. *lāngas*), *tikls* no *tiņkls* (lei. *tiņklas*), *trit* no *triņt* u. c.]. Tāpat izruna nemainās zilbēs *-ar-* un *-er-*, kuŗās dažos dialektos izrunā vokāli pagaŗi jeb gaŗi, citos turpretim īsi; tā runā: *sārms* un *sařms*, *bērt* un *bēřt* ar stiepto izrunu un — *darbs* un *dārbs*, *ķert* un *ķēřt* ar lauzto izrunu. (Jāpiemin, ka Valmieras apkārtņē šīs zilbes arvienu izrunā: *-ār-*, *-ār-*, *-ēr-*, *-ēr-*, bet *-ar-* un *-er-*!). Vienas saknes vārdos lautzā izruna tikai ļoti reti pāriet citā (sal. *bīties* un *baidīt*, *spert* un *spārdīt*, *sprāgt* un *sprēgāt*, *stāties*, *stāvs* un *stāvēt*, *šķelt* un *šķēle*, *mit* un *mainīt*, *virt* un *vārit*). Stērstes izskaidrojums, ka, balsienam (t. i., vokālim) vairāk konsonantu pieskaņā piekaŗot, no krītošās izrunas izceļas lautzā (kā piemērus Stērste min: *bēidzu* — *bēigts*, *āunu* — *āūts*), man izliekas nepareizs⁸. Mazākais Valmieras izloksnē izruna no tā neatkarājas, vai vairāk konsonantu seko

⁸ Ķā man liekas, tad Stērste būs gan dzirdējis starpību izrunā starp *bēidzu* un *bēigts*, tomēr iekš *bēigts* nebūs vis lautzā izruna bijusi, bet tā pati krītošā, tik īsāki kā iekš *bēidzu*. Salīdzini 4. piezīmi!

jeb mazāk, jo runā: *bēidzu* un *bēigts*, *āunu* un *āuts*, t. i., krītoši tiklab vienā, kā otrā formā. Gan saknes ar laužto izrunu pieņem dažreiz krītošo jeb stiepto izrunu, bet nekad otrādi. Krītošā izruna mēdz būt pagāros skaņos, kuņi cēlušies, īso saknes vokāli garinot (bei der Vokalsteigerung), kad no saknes atvasina jaunu vārdu (piemēru ir ļoti daudz; minēšu te kādus: *prast* — *prāts*, *svars* — *svērt*, *slepus* — *slēpt*, *likt* — *lieks*, *snigt* — *sniegs*, *kluss* — *klāusīt*, *sust* — *sautēt*, *sust* (trocknen) — *sāuss*, *lupt* — *lāupīt*, *kust* — *kūstu* — *kāusēt*, *jukt* — *jāukt*). Tāpat, kur vienzilbju infinītvos vokālis ir īss, tur citās formās bieži parādās krītošā izruna (sal. *krist* — *krītu*, *tikt* — *tieku*, *just* — *jūtu*, *prast* — *prūotu* u. c.). Krītošās izrunas vietā atkal bieži iestājas stieptā, kad atvasina no vārda ar krītošu izrunu jaunu vārdu (sal. *vīlkt* — *vaīkāt*, *siet* — *saīte*, *āušt* — *aūstrums*, *bēigt* — *beīgas*, *brāukt* — *braūkāt*, *brēkt* — *brēka*, *prēkša* — *priēkšauts* u. c.). Arī prepozīcijas *le-*, *pie*, *nūo*, citādi krītoši izrunātas, pieņem dažreiz kompozītos stiepto izrunu (sal. *iēnāids*, *iēleja*, *piēdarbs*, *nuōmuodā* u. c.). Vispāri manāma cenšanās krītošās izrunas vietā lietot stiepto. Piemēram, vārdos: *ātrs*, *bārstīt*, *blāķis*, *briesmas*, *brūte*, *drāzt*, *dūša*, *dvēsele* un daudz citos // Krumbergs dzirdējis krītošo⁹, es turpretim stiepto izrunu. Netrūkst arī vārdu, kuņos Krumbergam ir stieptā, man krītošā izruna pazīstama. Interesanta izrunas maiņa vienā un tai pašā vārdā ir dzirdama iekš *mēs* — *mūs* — *mušs* un *jūs* (nōm.) — *jūs* (acc.) — *jušs*. Arī vokātīvos sastopama līdzīga parādība; vārdos: *māte*, *tēvs*, *Jānis*, *Pēteris*, *puīka* (un citos, no kuņiem vokātīvi ir bieži lietojami) ir stieptā izruna, bet šo pašu vārdu vokātīvos normālā valodā iestājas krītošā izruna: *māt!*, *tēv!*, *Jānī!*, *puīka!* u. c.

118

Kā jau minēju, tad normālo izrunu un likumus varēs tikai tad konstatēt, kad būs sastādīti vārdu saraksti ar izrunas apzīmējumiem no visām izloksnēm. Līdzīgā nolūkā esmu es arī sastādījis pēc Valmieras izloksnes sev pazīstamos vārdus un vēlētos, lai arī no citām pusēm publicētu šādus sarakstus.

VĀRDU SARAKSTS¹⁰

I. Stieptā izruna

a) pie gaŗa vokāļa jeb diftonga ar vokāli otrā daļā: *ālava*, *āliņģis*, *ātrs*, *aijāt*, *airēt*, *aūka*, *aūkle*, *aūksts*, *aūša*, *aūstrums*,

⁹ Kuņā viducī tā runā, pats Krumbergs nav minējis.

¹⁰ [J. Endzelins, intonējamo vārdu sarakstu sastādot, ir izmantojis 1879. gadā Maskavā Tautas apgaismošanas ministrijas izdotās Latviešu-krievu-vācu vārdnīcas alfabētisko kārtojumu. — Red.]

bāls, bārt, baidīt, baūruot, baūslis, bērs, beīgas, blāzma, blūoda, buōjā, brālis, braūkāt, braūcit, briēsmas, brēka, brinums, būda, dāvana, daūdz, daūzīt, diēzgan, dējala, dēļ, dēlis, dēstīt, dēties, dēvēt, dīdit, duōma, drāna, drāzt, drēbe, drīzi, drūzma, dziēdzeris, dzērve, dzīt, dūmi, dūša, dūcis, dviēlis, dvēsele, iēmesls, iēnāids, iēva, ēka, ēna, ērms, gādāt, es gāju, gaidīt, gaūsigs, gīmis, gliēmezis, glēvs, glūnēt, gnīda, gruōdi, grūts, gūžas, gūstīt, ipašs, irēt, īsts, jaūdāt, jaūtāt, jēga, jērs, juōks, juōpiem, jūra, jūs (nōm.), kāja, kāpa, kārs, kārpa, kārstuve, kārt, kārts, kaūte, kaūls, ķērne, kļūda, knābis, kuōpā, kraūt, krēpes, krēsla, krūklenājs, krūms, kuīlis, lāga, lāpīt, laīdars, laīks, laīme, laīpns, laīzīt, laīskis, laīva, laūks (Feld), laūlāt, laūnags, ļaūns, ļaūt, liēls (groß), liēpa, liēss, liēsmā, lēkāt, lēts, līdz, ligava, līguot, luōde, luōps, luōžņāt, lūkuot, lūpa, māja, māli, māņi, māsa, māte, mainīt, maūka, maūrs, miēlasts, mēdit, mēness, mērdēt, mērķis, mērs, mēs, mētāt, meīja, milēt, mīzenes, mīt (treten), muōkas, muīza, nākt, nāsis, niēks, niēzēt, niēvāt, nēsāt, nuōdaļa, nuōmuodā, nuōra, uōla, uōre, pāri, paūna, piēdarbs, piēns, pērn, pētīt, pikstēt, pile, plātīt, plaūksta, pļaut, plēšas, puōds (Liespfund), puōsts, priēde, priēkšauts, pūles, pūpēdis, pūrs, pūt, pūce, puīka, rādīt, rāms, rāt, rācenis, raūdztīes, riēksts, rēta, || reīza, rīkle, rīkste, rīt, ruōga, rūpes, zārds, zāimuot, žāvas, žāūnas, žēl, ziēmēlis, zēns, zīle, zvārgulis, zvērēt, sāni, sārms, saīte, saūja, saūle, šaūbīties, šaūt, šķaūdit, šķīsts (keusch), šūņi, šūpuot, šūt, siērs, siēva, sēnalas, sēne, sēris, sēt, sēta, sīpuols, skāīdrs, skāīsts, skāītlis, šķuōtele, slaūktuve, slaūcit, smādēt, snaūst, spārdīt, spārs, spiēķis, spēt, spīdzināt, spītēt, splāūdit, sprēgāt, spruōga, stādīt, stāvēt, staīgāt, sūds, sūdzēt, sūrs, tāsas, taisīt, taūpīt, tērauds, tēvs, tīrs, tīšām, traūks, trīt, trūkt, čūska, tūkstuoš, vāluodze, vārna, vārpa, vāvere, vaidēt, vaina, vairāk, vējš, vēlēt, vēss, vētīt, veikls, vīrs, cālis, caūrs, ciēlava, cīrulis, cūka.

119

b) pie diftonga ar nāsāli jeb likvidu otrā daļā: balts, beīde, beīdeles, biēt, braņgs, bulā, buībieris, buīngas, buēt, delna, dīlt, dziērnavas, duīmpis, duīndurs, duēt, dviīnga, elpa, elsāt, gēlzis, gramības, griēt, guīdens, ilgs, ilksis, irbe, irēns, kalps, kaīt, kalts, ķīrcināt, kult, kuīrmis, kuīpe, liīnga, ļuība, malt, maltīte, maīta, melns, mīlti, mīrt, nuīrdēt, peīķe, pilns, piīka, puīmpa, puīmpurs, reīģe, riīda, ruīmba, ruīnga, ziīnis, zviībulis, salms, šķīēt, šķīēsts, sīldīt, siīķe, siīrms, skraīmba, skraīndas, skuīrstenis, sliīnks, smīlkstēt, smuīrgulis, spalva, spelte, spiīndzele, stīlbs, stīrņa, sviīlpuot, sviīlt, taīrba,

teñka, tilts, treñkāt, tuřpināt, uñtums, vaļgs, vaļkāt, vaņgale,
veļns, veñt, cilpa.

II. Křitošā izruna

a) pie gara vokāļa jeb diftonga ar vokāli otrā daļā: ārdīt, āiz, āita, āukla, āuns, āuzas, āusis, āut, bārda, bāriņš, bāudīt, bīedris, bīezs, bēda, bēres, bērnš, bēigt, blēdis, brāukt, brēkt, brīdis, brūklene, dārgs, dārzs, dīedelēt, dīena, dīrāt, dūobe, drāudēt, dīevs, drāugs, dīkstēt, drūošs, dzēst, dūņas, dūre, dvīnis, ie-, iela, iesms, iesnas, ērglis, ērzelis, gānit, gāiss, gāuži, ģērbt, ģibt, glāudīt, gūods, gūovs, grāuzdēt, grīesti, grēks, grēizs, grīda, grūoži, grūozs, jā, jāukt, jūo, jūs (akuz.), kā (ģen.), kālis, kāpuosts, kārklš, kār(r)st, kārta, kāzas, kāsis, kāsīt, kāudze, kāukt, kāuns, kāusēt, ķēķis, ķēms, ķēzit, ķēve, ķīla, klāips, klāudzināt, klēgt, klēpis, knābt, kūodaļa, kūoks, kūopt, krākt, krīetns, krēims, krēiss, krūts, kūtrs, kvīeši, kvēluot, lāipa, lāudis, lāupīt, lieks, liekt, liekulis, lieta, liecība, lēkt, lēns, liksms, līgt, liks, list, lūoks (Krummholz), lūoti, lūgt, mārciņa, māiss, māize, māita, māukt, mīegs, mīesa, mīezis, mīets, mēle, mēms, mērkt, mētelis, mīzt, nūo, ūogle, ūoss, pārduot, pātaga, pāuts, pīe, pīere, pīeci, pērt, pērkuons, plāuši, plāukts, plāucēt, plūkt, prāts, prāvests, // priekša, pūlis, pūpuols, pūst, rāibs, rāust, rēibt, rībēt, rīks, rūobeža, rūobs, rūoka, rūkt, rūsa, zādzība, zāudēt, ziema, zīme, zūobs, zūoss, zvāigzne, zvīegt, sāls, sārts (rötlich), sāime, sāukt, sāuss, šāurs, šķēle, šņākt, šņāukt, siekalas, sieks, siens, siet, skāisties, skāuģis, skriet, slāukt, sliekšnš, sliece, slēpt, slīkt, sniegs, sūods, sūolit, spārnš, spēks, stīept, stēigties, strādāt, strēbt, strūops, stūris, svārki, svēts, svērt, tārps, tāisnš, tāuks, tāuriņš, tāuta, tiesa, tēikt, tikls, trūokšnš, čaumala, tvāiks, vārds, vārit, vārti, viegls, vīesis, vieta, vēriģš, vērpt, vērsis, vēikties, vile (Saum), ciems, cīenit, cīest, cērmes, cīnities, cīsties.

b) pie diftonga ar nāsāli jeb likvidu otrā daļā: ālga, ālksnis, bālss, bēlziens, blāndities, dēldēt, dimdēt, dzēlzs, dzēmdēt, dzīrdēt, ēlks, ēlkuone, gūlbis, jūmts, kālst, kānkari, kārša (= karaša), krimst, kūngš, kūrlš, kvārts, māldities, mēlkulis, mīrkt, mūldēt, pēļņa, pēlni, pīlsēta, pīrksts, pīrkt, pīrms, pīrts, pūlks, pūlkstenis, žūrka, zēlts, silts, simts, smīlts, spīlvoens, svēlpt, tīrguš, tīrpt, tūmsa, ūrbt, vāldīt, vēltiģš, vilks, vīlkt, vīlnis, vīrsuš, vīrve, cīlvēks, cīmdš, cīrpt, cīrst.

III. Lauztā izruna

a) pie gaŗa vokāļa jeb diftonga ar vokāli otrā daļā: *ābele, āda, ākstītes, ārā, āzis, aūgsts, aūgt, aūst* (weben), *bāzt, bailes, bēgt, bīties, bļaūt, briēdis, briēst, bāt, diēgs, dēls, dēt, dīgļis, duōt, dziēdāt, dziŗari, dzisla, dzivs, iēt, ēst, gāzt, gallis, glābt, glīts, grābt, graūds, graūzt, griēzt* (schneiden), *grīslis, grūst, īkstis, iss, jāt, jaūks, jaūns, jēls, jūgt, kā, kāds, kāpt, kāts, kails, kaūss, kaūt, klāt, kniēbt, kuōst, krāpt, krāsns, krāt, kraūklis, krēsls, kruōplis, kūpēt, lādēt, lāva, lācis, laist, laūzt, liēgt, liēt, liētus, līdaka, līdums, luōgs, lūzt, mācēt, miērs, mēsli, meīta, mīkla, mīksts, mīt* (wechselln), *muōdināt, mūŗš, nātns, nātre, nāve, nāids, naūda, niēdre, uōds, uōdze, uōga, uōlekts, uōzuols, uōsis, uōst, pāksts, piēpe, piēsis, pēda, pēc, pīt, plāns, plēst* (reißen), *pluōsts, plūst, puōds* (Topf), *praūli, priēks, pruōjām, raīdīt, raīzes, raūdāt, raūgs, raūt, riēbt, riēt, rīts, rūgt, zāle, ļaūt, ļŗaūgt, ļŗuōds, ļŗāt, ziēds, zvērs, sākt, sāpes, ŗķiēst, ŗķiēdra, ŗķīst, siēna, siēts, sēdēt, sīksts, skābs, skaīda, skuōps, slāpes, slēgt, sluōta, smiēt, sniēgt, suōlis, spiēst, spīdēt, spīles, spuōks, spuōŗš, sprāgt, spriēst, sprīdis, stāsts, stāties, stīga, sūnas, sviēdri, sviēst, tā, tāds, tāļŗ, taūstīt, tiēvs, tīt, trīs, trūdi, tūkt, ūdens, vājŗ, vāks, vaīgs, vēders, vēdzele, vēl, vēls, vēzis, vīksne, vīt, vītuols, ciēts, caūna. //*

121

b) pie diftonga ar nāsāli jeb likvidu otrā daļā: *alva, art, berŗt, darŗbs, darŗva, dzert, dzelt, dzeltāns, dzilna, dzirkles, galds, galva, garŗds, gurni, guŗķis, kalns, karŗsts, korŗķis, malka, milŗis, mīrdzēt, muŗķis, ņemŗt, peldēt, pelt, pīŗst, puŗna, zaŗnas, ļŗults, zīŗgs, salŗds, salŗna, saŗgs, saŗkans, ŗķelt, serŗde, sīŗds, smalks, smelt, smilŗga, smīrdēt, spert, starŗpa, varŗde, velŗde, velt, vīlt, vīŗza, vīŗt, celŗms, celt, cilŗts, cīŗcenis.*

Piezīme: verbi patura, zināms, savu izrunu visās formās; tāpēc, piem., no infinitīviem *celt* un *ŗķīŗt* ir pagātnē: *es cēlu* un *es ŗķīŗu* u. c.

PAR LATVIEŠU PREPOZICIJĀM

[1897 Austrums VIII 622—625]

I. Par prepozīciju rekciju

622 **z**

Latviešu valodā, kā zināms, visām prepozīcijām, atskaitot retus izņēmumus¹, seko daudzskaitlī datīvs. Ka datīvs te ieviesies tikai jaunākos laikos, to mācāmies gan no radnieciskām valodām, gan no mūsu pašu tautasdziesmām, kurās daudzskaitļa ģenitīvs pēc prepozīcijām vēl ir parasta lieta. Kad šī datīva valdība sākusies, nevar vairs izzināt. Jau mūsu visvecākos rakstu pieminekļos atrodam pēc prepozīcijām daudzskaitlī viscauri datīvu². Pirmos iemeslus šai savādei rekcijai // varam ar pietiekošu drošību noteikt. Latviešu valodā instrumentālis zaudēja papriekšu vienskaitlī sevišķu formu,

622 **z**

¹ Postpozīcijas visas vienumēr nostājas pēc ģenitīva. Bet arī prepozīcijas dažreiz vēl biedrojas ar daudzskaitļa ģenitīvu. It sevišķi to var ievērot tekstos, kas uzrakstīti inflantiešu izloksnē. Pasakā, kuŗu Becenbergers uzrakstījis inflantiešos (Lettische Dialekt-Studien. Göttingen 1885. 17. lpp.), atrodam šādus piemērus: «nu ptazu», «nu blischu» (un ģenitīvi ir laikam arī teikumā: «palika siwa is grytu koju»). Daudzskaitļa datīvs pēc prepozīcijām, kuŗas vienskaitlī kopojas ar ģenitīvu, nemaz nav sastopams šai pasakā (še piederīgu piemēru tur gan vispāri ļoti maz). Kādā inflantiešu garīgā grāmatā (titula lapa manam eksemplāram izrauta) lieto šādos gadījumos gan datīvu («piec czečrym godim», «nu myrunim», «pi swatim dorbim»), gan ģenitīvu («uz wyssy laužu», «piec treju dīnu», «nu myusu un nu wyssom radibom», «kungs ayz wyssu kungu»). Kādā mērā inflantieši lieto savā satiksmes valodā ģenitīvu, nav man zināms. Retāki sastopam ģenitīvu vidus (rakstu valodas) izloksnē. Visbiežāki vēl biedrojas ar ģenitīvu *bez* (varbūt nebūšu maldijies, teikdams, ka šai izloksnē vēl tagad pēc *bez* daudzskaitlī biežāki stāv ģenitīvs nekā datīvs); pat pie mūsu tagadējiem rakstniekiem šur tur atrod tām piemērus. Bieži sastop ģenitīvu arī pēc tām prepozīcijām, kuŗas vēl gaiši rāda savu adverbiālo dabu: (ap Valmieru) esmu noklausījies piemērus *pēc svētku, priekš svētku*. Arī pēc *aiz* vēl retumis nostājas ģenitīvs: esmu dzirdējis, piem., *ņemšu aiz matu*. Un Bilensteins (LSpr.) min piemērus «no mahju» (Nicā) un «pee beigu» (Aucē) u. c.

² J. Eka Cacharija pasludinājuma tulkojumā (nodrukātā pie Cimmermaņa, Versuch einer Geschichte der lettischen Literatur. Mitau 1812. 21. lpp.) no 1535. gada jau sastopam konstrukciju no *mušemš enaidenefemš*.

ārēji sakusdams ar akuzātīvu³. Līdz tam prepozīcijas kopojās citas ar ģenitīvu, citas ar akuzātīvu (piem., *uz*), citas ar instrumentāli (piem., *ar*); bet kad locījumi, kuŗi sekoja divām beidzamām prepozīciju šķirām, vienskaitlī ārēji vairs ne caur ko neizšķirās, tad ar laiku šīs abas šķiras arī valodas apziņā sākušas vienskaitlī valdīt vienu locījumu, proti, instrumentāli⁴. Sekas bija tās, ka arī daudzskaitlī šīs prepozīcijas sāka biedroties visas ar instrumentāli. Šis pārgrozījums, mazā-//kais dažās izloksnēs, ir noticis tad, kad instrumentālim daudzskaitlī vēl bija sevišķa galotne: to pierāda konstrukcijas *uz Lejnīkis* (BW 2376) jeb *uz ties rudzis* (RKr. VII, 377. mīklā). Nav arī vairs no jaunāka laika piemēru, kuŗos pēc prepozīcijām stāvētu daudzskaitļa akuzātīvs⁵, turpretim senos instrumentāļus sastopam adverbīāli lietotus vēl tagad (piem., *retis*, *krustis*, *vienis prātis* u. c.). Vēlāki instrumentālis zaudēja arī daudzskaitlī sevišķu formu, papriekšu sieviešu kārtas vārdos: galotnes vokā-

Tāpat arī 1586. gada katechismā un 1587. gadā izdotās „Undeudſche ꝑſalmen“ parādās pēc prepozīcijām daudzskaitlī vienīgi datīvs. Šis grāmatas gan ir sarakstītas tādā izloksnē, kuŗā galotņu īsie vokāļi nav vairs skaidri sadzirdami; vīriešu kārtas vārdos te ģenitīvs un akuzātīvs vienskaitlī ne caur ko neizšķiras, un tāpēc šai izloksnē varēja daudzskaitļa datīvs pēc prepozīcijām vieglāki ieviesties. Bet arī Mancelija, gadus piecdesmit vēlāk izdotos rakstos, kuŗos parādās vidus izloksne, jau redzam datīvu dominējam. Un Adolģija gramatikā lasām likumu, ka daudzskaitlī pēc prepozīcijām jānostājas datīvam; tikai *pie* dažreiz bīdrototies arī ar ģenitīvu daudzskaitlī. Turpretim 1732. gadā izdotā latīniski sarakstītā gramatikā «Dispositio Imperfecti ad Optimum seu Rudimenta Grammatices Lotavicae» (šo gramatiku no jauna izdevis Becenbergers, Königsberger Studien, Band I) pēc *nuo* viscauri nostatīts vēl ģenitīvs; bet sastop jau arī datīvu (piem., «zam kungiem» jeb «ayz tiems laudīems nae wareja»), un autors piebilst, ka prepozīcijas bieži maina savu konstrukciju.

³ Atskaitot instrumentāļus *manim*, *tevim*, *sevim*, mums vairs nav uzglabājušās vienskaitlī sevišķas formas akuzātīvam un instrumentālim; tautas apziņā arī instrumentālis vienskaitlī vairs nav tik dzīvs kā daudzskaitlī.

⁴ Kāpēc priekšroka dota instrumentālim, nav man skaidri noproams. Varētu būt, ka lietu izšķirusi instrumentāļa labā prepozīcija *ar*, kuŗas dabiskais sakars ar instrumentāli bija valodas apziņā dzīvāki uzglabāties nekā, piem., prepozīcijas *uz* (jeb citu akuzātīva prepozīciju) sakars ar akuzātīvu.

⁵ Minētā Dispositio Imperfecti vēl sastopam konstrukcijas «uz kalnus» jeb «ayz ſawus paradus», bet līdzās tām jau ir arī «ayz tiems laudīems»; abējas konstrukcijas gan laikam nebūs vienā, bet katra savā izloksnē lietotas (pats autors izteicas šādi: «Haec autem Grammatica licet non nimum Curlandicae dialecto inhaeret»). Citādi, liekas, ir uzskatāmas konstrukcijas, kuŗas prepozīcijām seko daudzskaitļa akuzātīvs pie skaitļvārda, piem., *par deviņas vasariņas* BW 2848, *par deviņas kungu valstis* BW 426 jeb *ar divi pupiņas* RKr. VII, 21. mīklā; tās varētu būt cēlušās pēc to konstrukciju parauga, kuŗas izskaidrojamas kā duāļa pēdas: konstrukcija *par deviņas kungu valstis* liekas darināta pēc konstrukcijas *par deviņi priežu sili* BW 426, jo abos gadījumos redzam pēc prepozīcijas šķietamus nōminātīvus.

lim *i* izkritot, instrumentālis te ārēji kļuva gluži līdzīgs datīvam (instr. *māsām(i)s* = dat. *māsāms*). Analogijas vara būs laikam tad arī vīriešu kārtas vārdiem laupījusi instrumentāli: kad sieviešu kārtas vārdos instrumentālis daudzskaitli bija ārēji sakusis ar datīvu, tad pamazām arī vīriešu kārtas vārdos. kā jādoma, daudzskaitļa datīvs sāka piesavināties instrumentāļa funkcijas, un caur to kļuva lieka un zuda sevišķa instrumentāļa galotne. Pēc ārējās formas spriežot, tagad dažām prepozīcijām (piem., *uz, ar, ap* u. c.) vienskaitlī sekoja akuzatīvs, daudzskaitlī datīvs; daudzskaitlī šīm prepozīcijām piebiedrojās tagad ir tās, kuŗas kopojās ar īsto datīvu: *līdz, da*, dažos savienojumos arī *pa*⁶. Ar daudzskaitļa datīvu tagad biedrojas prepozīcijas: *ap, da, pa, par, pār, ar, gar*⁷, *līdz, pret, caur*; ar daudzskaitļa ģenitīvu: *aiz, bez, iz, nuo, pie, apakš, iekš, pēc, priekš, zem, virs* un postpozīcijas *dēļ* un *labad. uz* un *starp* kopojās ar abiem locījumiem, un dažos vidučos arī: *aiz, pie, apakš, // pēc, virs*⁸. Kādu iemeslu dēļ ģenitīva prepozīcijas sākušas daudzskaitlī biedroties ar datīvu, nav viegli izskaidrojams. Pēc manām domām iemeslu varētu meklēt konstrukciju kontāminācijā. Reizā iedomājoties un samaisot, piem., teikumus *piebiedruoties pie citu ļaužu* un *piebiedruoties citiem ļaudim*, varēja izcelties kā kontāminācijas produkts trešā konstrukcija *piebiedruoties pie citiem ļaudim*; šīs trešās konstrukcijas radīšana vēl caur to tika atvieglināta, ka dažos apgabalos *pie* kopojas (jautājot: kurp?) arī ar akuzatīvu (d daudzskaitlī datīvu), un ticams, ka vēl biežāki tas gadījās senāki, kad akuzatīva nozīme valodas apziņā vēl bija dzīvāka. Vienskaitlī turpretim šāda kontāminācija nevarēja ieviesties, jo tur tā **ne** caur ko netika pabalstīta: vienskaitlī datīvs kārtīgi nostājās tik pēc kādām divām prepozīcijām. Ņemsim citas prepozīcijas. No *nuoslaucīt nuo grāmatu putekļus* un *nuoslaucīt grāmatām putekļus* varēja celties *nuoslaucīt nuo grāmatām putekļus*. No *uzlikt uz trauku vākus* un *uzlikt traukiem vākus* varēja celties *uzlikt uz traukiem vākus*. No *pabāzt kaut kuo apakš kāju* un *pabāzt kaut kuo kājām apakšā* varēja celties *pabāzt kaut kuo*

623₂

⁶ Bilenšteins (LSpr. II 296 un 300) bez dibinātu iemeslu šaubās par to, ka *pa* kopojas arī ar datīvu. Arī savienojumos *pareizi* un *patiesi reizi* un *tiesi* ir veci datīvi, ne akuzatīvi, par kuŗiem Bilenšteins viņus uzskata (LSpr. II 298).

⁷ [Pirmpublicējumā: *gar*. — Red.]

⁸ Negribu tomēr apgalvot, ka visas te uzskaitītās prepozīcijas to laiku jau bija kā prepozīcijas lietojamas. Mūsu vecākos rakstu pieminekļos vēl viscauri lieto dažu prepozīciju pilnākās adverbālās formas pretīb, eģfan, preģfan, wueršjon, appešfan, štarpan.

apakš kājām. No *braukt pēc miltu* un *braukt miltiem pakaļā* varēja celties *braukt pēc miltiem*. No *nuostāties priekš citu* un *nuostāties citiem priekšā* varēja celties *nuostāties priekš citiem*. No *uzgulties virs salmu* un *uzgulties salmiem virsū* varēja celties *uzgulties virs salmiem*.

624. Tikai pie prepozīcijām *aiz, bez, iz, iekš, zem* līdzīgas kontāminācijas nekādi nav iespējamas. Bet *aiz* // kopojās dažos vidūcos (jautājot: kurp?) arī ar akuzatīvu (sal. pazīstamo adverbu *aizvienu*) un varēja tāpēc vieglāki pieslieties prepozīciju vairumam, tas ir, daudzskaitlī kopoties ar datīvu. *iekš* vispāri tiek ļoti reti lietots, un *iz* un *zem* tikai dažās izloksnēs⁹, tāpēc arī šīs prepozīcijas nevarēja aizkavēt datīva valodas izplatīšanos daudzskaitlī. Maz lietotas, tās nebija valodas apziņā tik cieši ar ģenitīvu saistījušās, ka nevarētu pēc citu prepozīciju parauga kopoties ar datīvu daudzskaitlī. Atliekas vēl tikai *bez*, bet caur analogijas varu tagad arī šī prepozīcija sāk biedroties ar datīvu daudzskaitlī. Tādējādi varētu daudzskaitļa datīvs pēc prepozīcijām būt ieviesies; nenoliedzu tomēr tālākiem pētījumiem iespēju vēl labāki paskaidrot šo diezgan grūto jautājumu. — Konstrukcijas *pēc tam, bez tam, nuo tam, pie tam* u. c. ir Mūlenbachs (DJ II 83) pēc manām domām pareizi izskaidrojis kā darinātas pēc kontāminācijas produkta *kamdēļ*. Pieslienos arī pret Bīlensteinu Mūlenbacha domām, ka datīvi *kam* un *tam* stāv pēc prepozīcijām tikai tad, kad šie pronōmeni neattiecas uz personu. — Turpretim konstrukcijas *bez manim, pie tevīm, nuo sevīm* u. c., liekas, ir šādi cēlušās¹⁰. *manim, tevīm, sevīm* ir, zināms, veci instrumentāļi, kas uzglabājušies pēc prepozīcijām, kuņas bied-

⁹ Adolfs un Dispositio Imperfecti nemin nekādus aprobežojumus prepozīcijas *iz* lietošanā, bet Stenders saka, ka to reti lieto, un pēc Bīlensteina domām *iz* kā nošķirama prepozīcija sastopama tikai Augšzemē. Barona—Visendorfa līdz šim izdotās 3334 dainās esmu atradis *iz* tik vienreiz lietotu kā nošķiramu prepozīciju 600. dziesmā (*tas izvēla mūs' māsiņu iz lielēm bāliņiem*), kuņa uzrakstīta Lielvārdē, bet visos variantos te stāv *iz* vietā *nuo*. Gan mūsu valodas jūtas (varbūt zem rakstu valodas iespaida) nepretojas prepozīcijas *iz* nošķiršanai no *verba*, bet, cik esmu varējis tautas valodā (ap Valmieru) noklausīties, mēdz sacīt, piem., *iznākt nuo meža*, nevis *iznākt iz meža*. — Un prepozīcija *zem* pēc Bīlensteina apgalvojuma nav lietojama Vidus un Lejas Kurzemē. Bet arī ap Valmieru, cik zinu, mēdz lietot *apakš*, ne *zem*.

¹⁰ Ja nemaldos, šīs konstrukcijas ir vaiņāk Kurzemē pazīstamas; ap Valmieru katrā ziņā neesmu tās dzirdējis lietojam. Mūsu rakstnieki (arī Mūlenbachs) lieto formas *manim, tevīm, sevīm* arī bez prepozīcijas kā datīvus; bet jau L. Bērziņš pareizi aizrādījis, ka nebojātos tautasdziesmu tekstos *manim, tevīm, sevīm* nekur nestāv bez prepozīcijas (kur tās atrodam bez prepozīcijas, tur tās nepareizi nostatītas vecā, vairs nesaprastā datīva *mani*

rojas ar instrumen-//tāli¹¹. Bet kad ar laiku citiem vārdiem visiem bija sevišķa instrumentāļa galotne zudusi, tad arī *manim, tevīm, sevīm* vairs nebija valodas apziņai kā instrumentāļi saprotami. Sāka tad uzskatīt šīs formas kā sevišķi piederīgas prepozīcijām, un tāpēc tās tika nostatītas arī pēc tām prepozīcijām, kas citādi kopojas ar ģenitīvu.

II. Par prepozīcijas *pēc* etimoloģiju

Pieslienos Mūlenbacha domām, ka *pēc* cēlies no *pēdis*; tikai nevaru atzīt šo *pēdis* par locījumu no *pēda*. Mūlenbachs pievienojies Brūknera uzskatiem, ka latviešu valodā daudzsk. instrumentāļa galotne *-is* sastopama arī sieviešu kārtas vārdos; Brūkners min kā piemērus *pārdienis* un *pārnedēļis*, un Mūlenbachs tiem vēl pievieno *atmuguris*. Apceramais instrumentālis līdzinoties *īo*-deklinācijas nōminātīvam, un tāpēc latviešu valodas apziņā, piem., instrumentālis *pavasaris* saprotamāki biedrojoties ar *pavasara* un ne ar *pavasaris*. Bet adverbīālie instrumentāļi *pavasaris, pārdienis* u. c. varētu būt jau tad cēlušies, kad šie instrumentāļi caur savu galotni vēl izšķīrās no nōminātīva. Mums gan tagad nav nōminātīvu *pārdieņi, pārnedēļi, atmuguri* (un šādi nōminātīvi arī nekad nevar būt eksistējuši, jo ko lai nozīmētu šie vārdi nōminātīvā?), bet varam it labi iedo-//māties, ka ir radušies *īo*-deklinācijas kompozīti tikai dažos locījumos (bez lietojama nōminātīva). No sava stāvokļa arī it labi saprotu Stendera vārdnīcā uzglabātās formas *pārnedēļuos* un *pārdieņuos* (par kuŗu pareizību Mūlenbachs šaubās) un uzskatu tās par patīkamu pabalstu savām domām¹². Bet ja minētie piemēri būtu cēlušies tikai jaunākos laikos, tad viņi varētu tiešām būt darināti pēc citu adverbīāli lietotu instrumentāļu parauga. Bet ir tad adverbīālie instru-

625₁

vietā). Un es esmu pārliecināts, ka pati tauta arī nelieto šīs formas bez prepozīcijas. Būdamas ārēji līdzīgas datīviem *brālim, puisim* u. c., tās būs, nepareizi saprastas, ieviesušās rakstu valodā kā datīvi.

¹¹ Pēc prepozīcijām nostatītas vecas galotnes dažreiz uzglabājas ilgāki. Tā redzam vecas datīva formas sakopojumos *līdz malī, līdz gaismi, pa labi ruoki, pa reizi, pa tiesi* u. c. Tagadējie datīvi *malai, gaismai* u. c., kā arī viriešu kārtas vārdu datīvi ar galotni *-am* ir vēlāki radušies, caur adjektīviem pieņemti no pronōmenu deklinācijas (*laba-jai — labai; laba-jam — labam*).

¹² *paħreedenōš* ar nemikstinātu *n* būs tāda pati drukas kļūda kā, piem., *īdītītīs jeb noīdītīzams* tās pašas vārdnīcas 129. lapaspusē. Rozenbergers tad būs šo vārdu ar visu drukas kļūdu no Stendera paņēmis un savā grāmatā ievietojis.

mentāli neceļas pie sieviešu kārtas pamata vārda nekad no kaila substantīva, bet arvienu no vārdiem, kas vienoti ar prepozīciju. Līdzīgi apspriežams ir arī *pa ruokis* BW XI: *ruokis* es nebūt neatzīstu par pirmatnēju, uzglabājušos instrumentāli. Citādi mēdz runāt *pa ruoki*; valodas apziņā šis vecais datīvs *ruoki* nav vairs saprotams, *pa ruoki* tāpēc līdzinājās adverbam, un galotne *-i* varēja pavadināt piekārt tai vēl galā *-s*, lai dabūtu adverbu ar parasto galotni *-is* (līdzīgi mainās *krieviskis* un *krieviski*, *pāris* un *pāri*, *divatis* un *divati*). Un neticu arī, ka *pa ruokis* tautā bieži sastopams. Bet, arī atsakoties no šiem formāliem kavēkļiem, *pēdis* nevar būt cēlies tikai jaunākos laikos pēc citu adverbiālu instrumentāļu parauga. Jau Ramma baušļu tulkojumā no 1530. gada (Zimmermann Versuch einer Geschichte der lettischen Literatur 20) sastopam prepozīciju *pēc* («peets prate»); kamēr no instrumentāļa *pēdis* varēja attīstīties prepozīcija *pēc*, vajadzēja paiet ilgam laikam. Forma *pēdis* tāpēc bez šaubām cēlusies tad, kad instrumentāļi valodas apziņā vēl bija tik dzīvi, ka nevarēja rasties no sieviešu kārtas vārda instrumentālis ar vīriešu kārtas vārdu // galotni. Un taču uzlūkot *pēdis* par kādu citu locījumu un ne par instrumentāli arī man nekādi nav iespējams. Galotne *-is* pieder o-celmiem: *pēdis* tāpēc var būt cēlies vienīgi no *pēds*. Gan vārds *pēds* mums tagad nav pazīstams¹³, bet labi varam iedomāties (un forma *pēdis* mūs spiež to darīt), ka senāk runājuši ir *pēds*, ir *pēda*. Analogu piemēru mums vēl tagad ir daudz: *kļavs* — *kļava*, *lazds* — *lazda*, *pilsēts* — *pilsēta*, *prieks* — *prieka* BW 1895 u. c.¹⁴ Un senāk tādu piemēru skaits būs bijis vēl lielāks (sal. Delbrūka Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen I. Straßburg 1893. 25. §); uz to aizrāda arī nereti sastopamā dzimuma starpība starp leišu un latviešu substantīviem (piem., *kartas* — *kārta*, *lapas* — *lapa* u. c.). Leišu valodā arī sastopam vārdu *pādas* (= «pēda»); un kad redzam vīriešu kārtu arī pie sanskrita *pād*, grieķu *πόδες*,

¹³ Mancelija grāmatā «Sprüche Salomonis in die Lettische Sprache gebracht» no 1637. g. gan sastopam winyaš *Ṗāhḥi* atījneedš to (V 5) un winyaš *pāhḥeemš* (VII 25); bet citādi Mancelījs lieto šo celmu sieviešu kārtā, un tāpēc nevar galvot, ka formas *pēdi* un *pēdiems* toreiz tautā tiešām bijušas pazīstamas.

¹⁴ Piemēram, liekas, der arī *pulks* — *pulka*, jo *pulka* uzskatu par sastingušu nōminātīvu (sal. *liela pulka irbu nāca* BW 2414); tāds pats nōminātīvs tad būtu arī adverbiāli lietotais *pulks*. Līdzīgs nōminātīvs varētu būt arī *pasauls*; infantiešu tekstos lieto šo substantīvu vīriešu kārtā, kas senāk varbūt bijusi tālāk izplatīta; un Stendera vārdnīcā sastopam šo vārdu arī sieviešu kārtā adverbiāli lietotu: *pasaul daudz*.

CONIECTANEA IN VERSUS 266—327

BACCHARUM EURIPIDIS

scripsit Iohannes Endselin

[1897 (?). Pirmpublicējums¹]

1

ad vv. 266—271. Verba θρασύς τε δυνατός καὶ λέγειν..., quae codicibus in v. 270 traduntur: corrupta esse omnibus, nisi fallor, nunc persuasum est. Nam etsi δυνατός idem valeat atque δυνάστης, mutemusque κακὸς πολίτης in κακὸν πολίταις, id quod coniecit Musgrave, — tamen sententia non existat apta huic loco, cum homo potens etiam sine eloquentia consilia sua perficere possit. Cum recte igitur deleri mihi videatur δυνατός, non facile dicas, quodnam verbum hoc loco sit legendum; magis tamen quam ceterae coniecturae mihi placet id, quod coniecit Zelinsky, θρασὺς δὲ λῆμα. Si vero idem homo doctus in v. 267 οὐ μέγ' ἔργον mutare vult in οὐ μεγαρόν, id probare non possum. Ut enim concedamus corruptelam hanc quae putatur esse antiquam factamque ante tempora Alexandri Magni, sed haec verba omnino mihi non videntur ulla emendatione egere.

2

Videamus igitur, quasnam causas emendandi proferat Zelinsky. Claudicare dicit ἀντίθεσιν: «de honesta re bene dicere facile est, tu bene dicis de inhonesta re, tales vero homines sunt mali cives.» Agi autem hic utrum eloquentia corrumpat mores hominum necne, quam ob rem exspectari hanc fere sententiam: «eloquentia ut utilis est, si honesta in re adhibetur, ita est noxia, si ea utitur homo malus.» Ἀντίθεσις illa, quae putatur, certe claudicat, sed quaeramus, num Euripides ipse in illis versibus ullam ἀντίθεσιν de vi eloquentiae esse voluerit. Ego eum id noluisse opinor, cum non intellegam, cur Tiresias in prooemio orationis, qua celebraturus sit Bacchi potentiam, disserat, utrum eloquentia damnosa sit an utilis bonis moribus. Immo vero

¹ [Darbs (kas šķiet datējams ar 1897. gadu) atrodas starp dažādiem Endzelina dokumentiem ar šifru 402-1-30705 Igaunijas PSR Centrālajā Valsts vēstures arhīvā Tartu. Virsrakstam blakus dekāna uzraksts: Курсовая работа, представленная для зачета седьмого полугодия. Дек. (paraksts). — Red.]

consentaneum erat Tiresiam in exordio suae orationis iudicium facere de Penthei oratione, quippe cui esset responsurus. Tiresias igitur praefatus hominem sapientem de honesta re facile posse bene dicere, asseverat deinde, — id quod est caput totius prooemii, — facultate dicendi Pentheum sane florere, ut similis sit hominis sapientis, orationem autem eius // expertem esse rationis iudicique, cui sententiae addit hominem similem Penthei, qui audax disertusque sit atque careat mente sana, civem fieri malum. Itaque satis perspicuum existimo sententiarum ordinem nullaue emendatione hic opus esse.

ad vv. 272—313. Nihilo magis assentior eidem Zelinsky lacunam post versum 285 ponenti, quod cum Tiresias Bacchum et Cereri et Apollini aequaverit, et nomen Apollinis prorsus desit neque artes Baccho et Apollini communes omnes commemorarentur. Apollini autem Bacchum esse aequatum inde colligit, quod δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι Ceres et Bacchus existimari non possint, cum Tiresias de Baccho dixerit se nequire μέγεθος ἐξειπεῖν ὅσος καθ' Ἑλλάδ' ἔσται (scil. ὁ Βάχχος), deinde quod non nisi eae Bacchi artes enumerentur, quibus alterum deorum aequet, neque quae enumeratae sint, eae omnes in Cererem cadant, denique quod chorus Tiresiae verba Apollini esse dedecori neget. Quae argumenta mihi per // suadere non potuerunt. Ut enim ad primum argumentum revertamur, facile probari potest Cererem et Bacchum ab Euripide δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι appellatos esse. Qua de re Zelinsky non idem sentit, primum quod Euripides nusquam Bacchum esse alterum ex duobus illis summis deis dicat. Quamquam poeta noster satis dilucide id dixit, cum post interpositum versum 276 levissimum ἀνακόλουθον adhibens pergat: «αὕτη μὲν ἐν ξηροῖσιν ἐκτρέφει βροτούς· ὃς (veri enim simillimum mihi id videtur, quod Fix pro tradito ὃδ' coniecit ὃς δ', cum aliter maxime desideretur particula γάρ, quae adiungat enuntiatum «βότρυος ὕγρὸν πῶμ' εὔρε» sententiae antecedenti) δ' ἦλθεν ἐπὶ ἀντίπαλον ὁ Σεμέλης γόνος etc.» Quid enim aliud verba «ἦλθεν ἐπὶ ἀντίπαλον» (= aequatus est) significant, nisi Bacchum esse alterum ex duobus illis summis deis? Neque per ἀνακόλουθον illud orationis dispositio obscuratur, quod voluit Zelinsky, qui praeterea in suum usum perperam interpretatus est verba «ἦλθεν ἐπὶ ἀντίπαλον» («дополнил // недостающую половину ее даров»). Ad comprobendam sententiam suam Zelinsky deinde affert Tiresiam dicere de Baccho «ὅσος καθ' Ἑλλάδ' ἔσται»; potentiam Bacchi igitur tunc nondum notam postero demum tempore manifestam ac claram

3

4

5-

futuram fuisse, quam ob causam non licuisse Bacchum appellare alterum ex duobus illis summis deis, quippe qui usque ad id ipsum tempus ignobilis fuerit. Sed idem Tiresias pergit: «ἤλθεν ἐπὶ τὰντίπαλον ὁ Σερέλης γόνος», id est, Bacchus iam est ornatus omnibus artibus et facultatibus suis, est par Cereri, Bacchus et Ceres sunt δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι, praesertim cum incolis Asiae potentia Bacchi iam sit notissima. Graeci sane nondum Bacchum noverant, qua re Tiresias antea dixit «οὐκ ἂν δυναίμην μέγεθος ἐξείπεῖν ὅσος καθ' Ἑλλάδ' ἔσται», quae verba interpretanda puto hoc modo: «dicere non possum, quantum Graeci eum habituri sint», nam re vera Bacchus iam

6 tunc erat maximus, // Graeci autem nondum noverant eius magnitudinem. Accedit quod Euripidi scribendum erat «δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι πρότερον ἦσται» vel simile aliquid, si duos illos, Cererem et Apollinem, intellegi voluisset; si enim Bacchum Cereri et Apollini aequatum esse dicit, tres inde iam, non duo, fuerunt summi dei. Denique si concedamus Euripidem δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι intellexisse Cererem et Apollinem, difficile sit dictu, quonam iure poeta id fecerit. Nam ut omittamus ceteros deos, Iovi sane Ceres et Apollo non erant anteponendi, cum quaereretur, qui essent summi dei Graecorum. Contra omnis difficultas tollitur, si Cererem et Bacchum intellegimus δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι; hi enim dei hominibus panem et vinum, res ad vivendum maxime necessarias, donaverunt, ut iure liceret Tiresiae ad usus vitae necessarios spectanti dicere summos deos esse illos duos, quippe quorum donis spoliatum mori eum esset necesse. Effecisse igitur mihi videor δύο τὰ πρῶτ' ἐν ἀνθρώποισι Cererem et Bacchum intellegi // et posse et debere. — Neque magis est probabile alterum argumentum, quo nititur Zelinsky. Ut enim initio communes et Baccho et Cereri res sint enumeratae, nulla est causa, cur lacunam ponamus, quod Ceres earum artium Bacchi, quae deinceps praedicantur, non est particeps. Erat enim poetae deum celebrantis quam plurimas afferre eius artes, quarum si nonnullae forte cadunt etiam in Apollinem, nequaquam sequitur nominatim esse a poeta appellatum Apollinem, ut Bacchus cum eo quoque compararetur. Neque prorsus persuasum habeo tribus ex partibus Bacchum initio cum Cerere comparari. Ipsum enim illud vinum non idem est atque frumentum, ut poeta non dixerit Bacchum idem hominibus dare quod Cererem, sed tantumdem donum quantum Cererem. Nihil igitur est, quod exspectemus, ut poeta deinceps commemoret dona hominibus

7

pariter et a Baccho et a Cerere data. Neque id mihi fecisse videtur. Praeterquam enim quod non ipse Bacchus «ὕπνον // δίδωσι», sed «βότρυος ὑγρὸν πῶμα», ne Ceres quidem mihi iure somnifera dea appellari posse videtur, qua de re Preller (Griechische Mythologie, I⁴, bearbeitet von C. Robert, pg. 766) haec dicit: «der Mohn ist neben dem Aehrenbüschel das habituelle Attribut der Ackergöttin, als Symbol der Fruchtbarkeit, wie im Dienste der Aphrodite.» Cui non obloquitur Leo Bloch eo loco (Roscher II 1322), quem attulit Zelinsky ad suam sententiam probandam. Papaver igitur Cereri attributum non tam somniferam eius vim quam frugiferam significavisse videtur. Quam ob rem dubito, num quemquam praeter Zelinsky verba «ὕπνον δίδωσι» Cereris commonefecerint. Nihil magis Cereri Bacchum comparari existimo versibus 284 et 285, immo vero verba «ὥστε διὰ τούτων τὰ γὰρ ἀνθρώπους ἔχειν Bacchum solum faciunt auctorem omnium beneficiorum. Neque est cur Bacchum Apollini compositum existimemus, quod Tiresias cum Bacchum pergit celebrare, in versu 306 eius thiasum in Parnaso spectatum iri vaticinatur. In versibus vero 302—5 Bacchum etiam bello esse // magnum affirmare poetae non licuisset, si bellica virtus a Baccho aliena fuisset, ut Zelinsky non iure illam virtutem Baccho solum ideo attributam esse contendat, quod poeta Bacchum etiam Apollini quam plurimis partibus exaequari voluerit. Firmissimum denique ad coniecturam suam comprobendam Zelinsky hoc attulisse sibi visus est, quod chorus Tiresiae verba Apollini esse dedecori neget. Sed etiam si lacuna post versum 285 ponitur, Tiresias cum Bacchum, non alium deorum, celebraret, certe Apollinis non potuit nisi brevem mentionem facere (ipse Zelinsky Tiresiam non plura de Apolline dicere facit quam haec: «ἕτερον δὲ Λητοῦς φημι καὶ Διὸς γόνου ἐρὸν δ' ἄνακτα, Φοῖβον.»). Talis autem mentio chororum non impellere potuit, ut Tiresiam alloqueretur: «Φοῖβον οὐ καταισχύνεις λόγοις.» Accedit, quod choro dicendum erat: «Δήμητρα καὶ Φοῖβον οὐ καταισχύνεις κτ.», si verba «οὐ καταισχύνεις λόγοις» eam vim haberent, quam Zelinsky eis subicit. Quae verba mihi hoc significare videntur, // praeclaram fuisse orationem Tiresiae, ut etiam Apollo, quippe cuius vates esset Tiresias, ea gloriari posset. Itaque iam me puto demonstravisse non esse necesse, ut post versum 285 lacuna ponatur; quamquam fieri potuit, ut aliquot versus intercederent, cum inter laudes Bacchi musicam sane artem eius desideremus, ut cetera omittamus. Apollinis vero ullam mentionem esse factam non veri simile est, certe non necesse. —

8

9

10

ad vv. 286—297. At contra non possum non astipulari eidem Zelinsky asseveranti versibus 286—297 non suo loco positis interrumpi sententiarum ordinem. Rem ita se habere omnibus sit perspicuum. Atque si quidem versus illi ab Euripide ipso scripti sunt, nescio an rectissime Zelinsky eos ante versum 322 transposuerit. Utrum vero Euripides eos scripserit necne, in medio relinquam, cum in utramque partem argumenta satis gravia afferri possint, ut verum difficillime indagetur. Valde sane corruptos esse eos versus concedendum est, siquidem

11. Euripidis // sunt, cum alias propter difficultates tum quod obscurum est, — certe non subtiliter dictum, — quoniam sit vis verborum «ἔθιγε τὸνδ' ὄμηρον ἐκιδίδους Διόνυσον ἼΗρας
 νεικέων».

ad vv. 300 et 301. Hos versus spurios esse iam Hartung perspexit, cui assentior, cum versibus his mera ταυτολογία contineatur post versus 298 et 299 eaque profana. Qui versus mihi nati esse videntur ex annotatione lectoris in margine adscripta.

ad vv. 302—305. Auctor horum versuum, ut iam supra dixi, Bacchum etiam in re militari florere non contendisset, si ea a Baccho prorsus fuisset aliena. Qua de re Preller (Gr. M. p. 712; cf. etiam p. 700!) dixit haec: «deshalb ist Dionysos... aber auch ein sehr kriegerischer Gott», usus nonnullis veterum scriptorum locis, quos ibidem attulit, ut Plut. Demetr. 2. «ἐξήλου τὸν Διόνυσον ὡς πολέμῳ τε χρῆσθαι δεινότατον κτ.» Neque tamen satis est dilucidum (nisi forte «διεπτόησε» aoristus est qui dicitur gnomicus), quoniam pertineant verba

12 «στρατὸν . . . φόβος διεπτόησε // πρὶν λόγχης θιγεῖν.» Nam referri ad vv. 758—769 non possunt, quod voluit Wecklein, quoniam in versibus illis narratur homines a Bacchis direptos fortiter cum eis manus conseruisse neque profugisse, antequam vidissent illas etiam ferro vulnerari non posse, se autem etiam thyrsis interfici, cum in versu 304 legamus: «διεπτόησε πρὶν λόγχης θιγεῖν.» — Versum autem 305 Pierson et Wecklein nullo iure spurium putare mihi videntur, cum sententia eius et perspicua sit et apta est antecedentibus versibus.

ad vv. 314—321. Apud Stobaeum 74,8 legimus «ἀλλ' εἰς τὴν φύσιν τοῦτο σκοπεῖν χρή», ubi τοῦτο accusativus est limitationis; quam lectionem ceteris anteponendam existimo. Nam si versum 316 quippe spurium delemus maiorem partem editorum secuti (de qua re cf. Wecklein Curae criticae p. 18); legimusque «ἀλλ' ἐν τῇ φύσει τοῦτο σκοπεῖν χρή· καὶ γὰρ κτ.», non liquet, quidnam valeant verba σκοπεῖν χρή (quae perperam Zelinsky

interpretatur: «и вот тебе доказательство»). — Versus 319—321 Zelinsky non iure a Ti//resia abiudicavit, nam si Venus in eiusdem Euripidis Hippolyto dicere potuit: «ἐνεστι γὰρ δὴ καὶ θεῶν γένει τόδε, τιμώμενοι χείρουσι ἀνθρώπων ὕπο», licuit sane etiam Tiresiae de Baccho uti verbis «καχεῖνος, οἶραι, τέρπεται τιμώμενος».

DE DIALECTO ET ELOCUTIONE BACCHYLIDIS

scripsit Ioannes Endselin

[1898. Pirmpublicējums]¹

PARS I DE DIALECTO

Ἄλλος ἐξ ἑτέρου σφίσι
Bacchylides.

- I Cum Ceos sermone Ionico usos esse cum veterum testimonia (Herod. VIII 46 et Thucyd. VII 57, 4) tum tituli in insula Ceo inventi ostendant², in carminibus tamen Bacchylidis poetae Cei nihil est proprium Ionicae dialecti recentioris. Constat enim a choricis poetis linguam epicam formis Doricis et Aeolicis esse temperatam³, atque omnes eos mixta illa dialecto usos esse, sive Dores sive Iones fuerunt. Quae res eo est adducta, ut nobis occurrant formae, quae nusquam nisi apud choricos poetas usurpatae sunt, ut apud Bacchylidem φήμα, κυβερνήτας. Cum autem Bacchylides in civitate Ionica natus esset, formae Doricae et Aeolicae ab eo similiter atque a Simonide avunculo

¹ [Manuskripts glabājas Rīgā LPSR ZA Fundamentālās bibliotēkas Rokrakstu un reto grāmatu sektorā J. Endzelina fondā X. Autors rakstījis šo apcerējumu burtnīcā divās slejās: vienā slejā pamattekstu, bet blakus otrā — piezīmes, kas te dotas parindē.

Titullapas augšējā malā dekāna uzraksts krieviski: 30 мая 1898 г. № 60: Сообщение декана, что представленная г. Эндзелином работа: De dialecto etc. голосованием на циркуляре одобрена и автору присуждена степень кандидата древнеклассической филологии. Постановлено: записать в протокол. Дек. (paraksts). — Red.]

² Kenyon nescio quo pacto Dores fuisse Ceos putare videtur (v. eius annotationem ad III 7!).

- ³ De causis et rationibus eius mixtionis primus disseruit Ahrens in commentatione «Über die Mischung der Dialekte in der griechischen Lyrik» (Verh. d. XIII Vers. deutsch. Philologen, Schulmänner und Orientalisten in Göttingen 1852), cuius sententiam in rebus gravissimis accepit Wilamowitz in disputatione «Über die Entstehung der griechischen Schriftsprachen» (Verh. d. XXXII Vers. deutsch. Phil. u. Schulm. in Wiesbaden 1877). Utrum eius modi lingua cum artis praeceptis congruerit necne, nos alienigenae nunc diiudicare iam non possumus, licet summa fruamur eruditione; apparet certe Graecis ipsis eam non displicuisse. Similiter etiam Lomonosow eiusque sectatores in sublimi genere dicendi linguae
- II

eius multo rarius adhibitae sunt quam a Pindaro, neque dialectus Bacchylidea multum abhorret ab ea, quam in canticis tragicorum poetarum invenimus. // Sunt autem apud Bacchylidem, — ponamus enim singula sub uno aspectu, — haec Dorum et Aeolum⁴ propria: $\bar{\alpha}$ pro ion. η , $\bar{\alpha}$ contr. ex $\bar{\alpha}\omega$ (ut Ἄθαν̄ν), $\bar{\alpha}$ contr. ex $\bar{\alpha}\omega$ (ut Κρονίδα, Ποσειδᾶνος), forma κῶρα, praepositio πεδᾶ (ut πεδοιχνεῖν)⁵ semel occurrens, terminatio dativi pluralis declinationis primae -αισι⁶ [fortasse etiam -αις huc pertinet, cum apud Homerum haec terminatio non nisi ter tradita sit; quam ob rem dubitatur, num ea linguae epicae possit concedi (cf. G. Meyer I. 1. pg. 477 et Monro A grammar of the Homeric dialect, sec. ed. Oxford 1891, pg. 86)]. Unius Doridis sunt haec: χ pro θ in ὄνιχες, tertia persona pluralis temporum primariorum act. gen. in -ντι (ut πτάσσοντι, καρύζοντι, σεύοντι, βρίθοντι) quater occurrens, infinitivus praes. act. gen. in -εν (ut θύεν, ἐρύκεν, ἴσχεν, φυλάσσειν) quater occurrens, dativus singularis τιν (= σοί) semel exstans, pronomen νῖν frequenter usurpatum, denique verbum // λῶσιω (XVI 118), si accipimus maxime probabilem emendationem Palmeri (quamquam forma vere Dorica servata apud Epicharmum 19 et Theocritum IV 14 est λῶντι; sed conferas voces similiter formatas ab ipso poeta, ut φήμα, κνβερονήτας etc.). Ad dialectum Aeolicam referenda sunt οἰ pro ion. οὐ in Μοῖσα (V 4, alibi

II

III

Rossicae admiscebant formas Palaeoslovenicas. Contra Ahrensium scripsit A. Führer «Die Sprache und die Entwicklung der griechischen Lyrik» (Progr. Münster 1885), qui ut in singulis quibusdam rebus vere iudicavit, ita in summis tota via erravit. Arbitratur enim, ut cetera omittam, choricos poetas epicam linguam aut suo quemque sermone temperavisse aut sermone eorum, quibus forte carmina fecerint. Nunc vero videmus in carminibus Athenis a Bacchylide compositis (ut in c. XIX) aequae usurpatas esse formas Doricas et Aeolicas atque in ceteris. Ahrensi igitur accessit E. Zarncke quoque in disputatione sua «Die Entstehung der griechischen Literatursprachen, Lpz. 1890»; ubi in annotatione 7. Germanicos quoque poetas mediae aetatis similiter mixta dialecto usos esse ostendit. //

⁴ Aeoles hic brevitate secutus semper intelligo Aeoles Asianos exclusis Thessalis et Boeotis.

III

⁵ Non enim possum approbare sententiam O. Hoffmanni, qui (cf. eius dissertationem «De mixtis graecae linguae dialectis», Gottingae 1888, pg. 8) praepositionem πεδᾶ in titulis Argivis (I. G. A. 35 et 40) et Creticis (Leg. Gort. II 13 et X 49) vestigiis dialecti Achaicae annumerat et in Alcmanis fragmentis bis traditam veteribus grammaticis attribuit, a Dorica autem dialecto abiudicat. Nam certis argumentis non potest id firmari neque est, cur praepositionem eam Doribus et Aeolibus communem fuisse negemus, quoniam πεδᾶ et μετά non ex eadem radice exstiterunt.

⁶ Quamquam Dores longiore hac forma perraro usi esse videntur, cum G. Meyer (Griechische Grammatik, 3. Aufl. Leipzig 1896, pg. 476) non nisi tria exempla afferre potuerit, ex quibus unum in titulo metrico occurrit. //

semper Μοῦσα) et in λαχοῖσαν (XIX 14), κλεινός pro dor. att. κλεινός, quod et ipsum occurrit, ε pro ἄ in θερσοεπής XIII 166 et γελανώσας V 80. Ceterae vero formae aut omnibus dialectis erant communes aut a lingua epica originem trahunt. Diligentissime tamen Bacchylides omnia evitavit, quae inusitata aut obsoleta erant, et in hac quoque re Pindarus maiorem sibi licentiam assumpsit, neque enim apud Bacchylidem exstant formae epicae ἔερσα, ἔειπε, ἐειδόμενος, σφίσι, σφέ, ἔσκε al., quae in Pindari carminibus leguntur.

IV Iam vero singula perlustremus omittentes // quaecunque sunt vulgaria.

I. DE SONORUM PROPRIETATIBUS

A. De vocalibus

a) De $\bar{\alpha}$ et η^7

Vocalem $\bar{\alpha}$ praebent

1) stirpes:

interiectio $\bar{\alpha}$ III 10, XVI 30.

$\acute{\alpha}[\gamma]αθ\acute{\epsilon}αν$ III 62, $\acute{\alpha}γαθ\acute{\epsilon}α$ V 41 (cf. $\acute{\alpha}γαν$). $στρατ-α[\gamma]\acute{\epsilon}$ V 2, $\acute{\alpha}ρχ-αγ\acute{\epsilon}ταν$ III 24, $στρατ-αγ\acute{\epsilon}τας$ XVIII 7, $στρατ-αγ\acute{\epsilon}ταν$ XVII 121, $\acute{\alpha}ρχ-αγόν$ V 179, $\acute{\alpha}ρχ-αγούς$ IX 51 (cf. $\acute{\alpha}γω$; de formis huius stirpis cf. G. Curtius Grundzüge der griechischen Etymologie, 5. Aufl. Lpz. 1879, pg. 170).

$\acute{\alpha}\acute{\epsilon}λιος$ XI 22, $\acute{\alpha}\acute{\epsilon}λιου$ V 161, fr. XIII 10, $\acute{\alpha}\lambda\acute{\iota}ου$ III 80, XVII 50 (cf. Creticum $\acute{\alpha}\beta\acute{\epsilon}λιος$).

$\acute{\alpha}\muφ-ακ\acute{\epsilon}ς$ XI 87, $[\acute{\alpha}\mu]φ\acute{\alpha}κει$ fr. V 8, $\acute{\alpha}\muφ-\acute{\alpha}κ\acute{\epsilon}α$ fr. XLVI 8 (a radice $\acute{\alpha}κ$ -).

$[\chi\rho]υσ-αλ\acute{\alpha}κατος$ XI 38, $\chi\rhoυσ-αλ\acute{\alpha}κατοι$ IX 1 ($\bar{\alpha}$ vocalis apud Pindarum quoque exstat; comparantur $\acute{\alpha}ρκυς$ et $\acute{\alpha}ρ\acute{\alpha}\chi\eta\eta$, cf. Curt. 1. 1. 341).

$\acute{\alpha}\lambdaικι$ VIII 7 ($\bar{\alpha}$ in titulis Doricis et alibi occurrit).

$\acute{\alpha}\muαρ$ III 29, fr. XLVIII 4⁸, $\acute{\alpha}\muατι$ XI 23, $\acute{\alpha}\muατα$ V 113 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

V $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}ρας$ XIX 27, $\acute{\epsilon}\phi-\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}ρον$ III 73 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque). // $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}τερον$ fr. XLV 1, $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}τερας$ (gen. sing.) V 144, XVIII 5, (acc. plur.) XII 3; $\acute{\alpha}\mu\acute{\epsilon}τερα$ V 90 (a stirpe *asme*-).

$ποδ-\acute{\alpha}\nu\acute{\epsilon}ρον$ VI 13 (a radice *an*-).

$\acute{\alpha}\gamma-\acute{\alpha}\nu\acute{\omicron}ρε$ [. . . XIX 46, $[\phi\iota]\lambda-\acute{\alpha}\nu\omicron\rho\iota$ I 12 (a stirpe $\acute{\alpha}\nu\omicron\rho$ -).

$\betaαρυ-αχ\acute{\epsilon}ας$ XVI 18 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

$\acute{\alpha}\acute{\omicron}\varsigma$ V 40, $\acute{\alpha}\acute{\omicron}[\upsilon\varsigma]$ XVII 42, $\acute{\alpha}\acute{\omicron}\iota$ XIII 96 (cf. Aeol. $\acute{\alpha}\acute{\omicron}\varsigma$, Lat. *aurora*).

IV ⁷ Si cuius vocabuli origo incerta est, adnotabitur, utram vocalem Dorae vel Aeoles adhibuerint.

⁸ *παρ'ἀμαρ* coniecit Neue, cum libri *παρόμαρτε* habeant. //

ἐπ-έ-βασε V 73 (a stirpe βᾱ-). γᾱρουν V 15, γάρου XV 48; γάρου III 85 (ᾱ etiam apud Alcmanem et Pindarum; cf. Lat. *garrio*).

Δαῖ-ανείρα XVI 24, Δαῖ-άνειραν V 173; Δαῖ-πύλου V 145 (cf. Δαῖλοχος. Δαῖραχος; ᾱ etiam apud Pindarum et Alcmanem).

Δάλιε XVII 130, Δαλογενή[ς] III 58 (ᾱ apud Pindarum quoque).

Ἄλεξ[ι-δ]αρον XI 18; ἄλλο-δαρίαν XVIII 37 (sed in epigr. fr. LXXII 1 Εὐδῆμος). (ᾱ in monumentis Doricis et Aeolicis saepissime exstat; origo vocis incerta est.)

ἄδρατοι XI 84 (cf. δάρνηρι, δαράζω; sed V 167 ἄ-δρήτα legitur et fr. LX 1 ἄδρητες).

ἐρά[τω]εν XVII 12 (ᾱ etiam apud Sophoclem).

θαγτόν XIII 82, XI 14 (ᾱ apud Pindarum quoque).

τέ-θαλεν X 40 (a stirpe θαλ-). //

[θ]νάσκοντες XIII 133, θνατός I 28; θνατόν III 78; θνατόν XVIII 21; θνατοῖσ[ιν] I 38, III 51, 93, V 160, X 52, XI 7, XIII 12, XV 52, fr. XLVI 1, fr. L (cf. θάνατος; η autem traditur fr. XLII 1 et fr. LXII 1).

καδέων XIX 36 (a stirpe καδ-).

κᾱρῶξ XVIII 19, κάρυκες XV 40; καρύξοντι XIII 198 (ᾱ in monumentis Doricis exstat).

φοινικο-κραδέμνοι [...XIII 189 (ᾱ etiam apud Euripidem Bacch. 1490; cf. κᾱρα vel κᾱρατα! sed fr. LVI 5 exstat κᾱρήδεμνα).

ἄ-λάθεια XIII 171, fr. LI 2, ἀλαθεία III 96, VIII 4, IX 85 (a stirpe λαθ-, sed V 187 ἀληθείας).

λαΐδος XVI 17 (a radice λαF-; sed λησταί XVIII 8, cf. Curt. I. I. pg. 362).

Λαρνίαν XVIII 55 (ᾱ apud Pindarum quoque).

Λατοῦς V 124, XI 16, 98; Λατοῖδ[ας] III 39 (cf. Lat. *Latona*).

λάν XIII 149⁹ (ᾱ etiam apud Epicharmum et Pindarum).

⁹ I 42, 43 cum Jebbio et Crusio (cf. Philologus BO LVII pg. 181) τιμάν lego, cum Kenyon propter punctum ante τιμαν positum τί μάν praeferat. Punctum enim etiam alibi (cf. XIII 131, 166) perverse locatum videmus, atque hoc loco eo minus id mirum est, quod de verborum contextu hic sane dubitari potuit. Opponit autem poeta // in vv. 21—46 divitiis virtutem terque deinceps inter utrumque contentionem facit: vv. 21—22 virtuti summam gloriam addicit, vv. 22—25 quid mali divitiis insit, ostendit, vv. 25—33 homines cum virtute sancteque (εὖ ἔρδων θεοῦς) viventes, dummodo morborum et mendicitatis expertes sint, beatissimos esse affirmat, vv. 34—39 numquam quamvis magnas divitias homini satisfacere asseverat, vv. 40—43 hominem divitiis quaerendis deditum (ὄντινα κουφόταται θυμόν δονέουσι μέριμναι), si quos honores adeptus sit, morientem certe eorum quoque iacturam facere contendit vv. 43—46 hominis virtutis studiosi gloriam censet esse immortalem. Quoniam igitur ita res inter se comparari animadvertimus (ὄσσον ἄν ζῶη — εὖτε θάνη, λει[πει]; τιμάν — εὐκλείας ἄ[γαλ]μα), scribamus oportet τιμάν, praeterquam

ρανύει fr. LI 1, fr. LXVII; ρανῦον X 14 (ā etiam apud Pindarum legitur).

VII
ράττηρ V 138, ρατρί III 50; ράτρωας V 129 (cf. Lat. *māter*).
ἀ-ραχάνου I 33; κακο-ράχανοι XVIII 8 (cf. Lat. *māchina*).//
μερυνᾶσθαι XVIII 58; ἀν-έ-μνασεν II 6 (a stirpe μνᾶ-).
ναοῦ III 19, ναόν XVI 12, fr. LII 2 (Doricās esse has formas

notum est; non autem mirabimur, quod in epigrammate fr. LXXII 1 νηόν legitur, cum epigrammata plerumque formas epicas praebeant, si auctores eorum non alieni fuerunt a literis).

νάσοιο fr. VI 7, νάσου V 11, fr. XLIV, νᾶσον II 8, X 35, XII 6, XIII 42 (ā saepissime invenitur apud Doricos auctores).

ναῦς XVII 1, νᾶα XVII 89, 119, ναυσί XIII 117, fr. I 5 (cf. Lat. *navis*; sed fr. LVI 10 traditum est νῆες).

πᾶξαι XI 88; εὐ-πάκτων XVII 83 (a stirpe παγ-).

IV
χρυσό-πᾶχυς V 40 (ā apud Epicharmum quoque; πῆχυν autem legitur in fr. LIII, quod etiam in aliis vocibus pro Dor. Aeol. ā praebebat Ionicum η, quoniam in trochaicis versibus Bacchylides nullas formas Doricas aut Aeolicas videtur usurpasse; cf. de ea re E. Mucke De dialectis Stesichori, Ibyci, Simonidis, Bacchylidis.// Lips. 1879, pg. 16).

VIII

πλᾶξεν XI 86; πλάξιππος V 97 (a stirpe πλαγ-; cf. Lat. *plāga*; sed παραπλήγι XI 45).

πλαθεῖσα XVII 35; ἀπλάτοι'(ο) V 62, ἀπλάτου XIII 18 (cf. πλατίον Epich. 72).

ἀπράκταν X 8, ἄ-πρᾶκτ'(α) fr. XLIX (Ion. ἄπρηκτα).

πτάσσοντι V 22 (a stirpe πτακ-).

ῥᾶδιον XVIII 43, ῥᾶστον fr. XLVII 2.

σᾶμα IX 14, XVII 57; σᾶμαιεν XV 38 (ā apud Pindarum et alibi).

σάπετα[ι] III 87 (a stirpe σαπ-).

σκάπτρ[ο]ν III 70, χρυσοσκάπτρ [... IX 100 (cf. σκάπτρον apud Pindarum et Lat. *scāpus*; V 42 et VIII 3 tamen legitur ἐπισκήπτων).

IV
στᾶσον V 177, στασάμεθ'(α) V 112, στᾶθι V 80; ἐπι-στάσα[ς] III 55, ἐπι-στᾶμαι X 38; δυ(ς)-στάνοιο XI 102, δυ-στάνων V 63 (cf. Lat. *stare*; traditur tamen ἔστη fr. LIX 1).

ταῦσιον V 81 (ā apud Alcmanem quoque).

φαρί I 21, XIII 21, φάσω I 21, XI 24, ἔφα V 160, fr. LIX 1, προσέφα V 93, 171, προφᾶται X 28 (cf. Lat. *fari*; occurrit tamen φήμα II 1, φήμαν V 194).

quod τί μάν minus accommodatum est ad sententiarum contextum. Praeterea inter ζώη et χρόνον interpun-//gendum esse arbitror, quoniam ὄσσον facilius carere potest voce χρόνον quam τόνδε.

VIII

In omnibus his stirpibus $\bar{\alpha}$ iure exstare existimare licet; non idem videtur valere in θεό-δρατον XII 7, XIII 130, θεόδρατοι fr. XLIV, // θεο-δράτους XI 58 (cf. δέρω; sed apud Pindarum quoque semper $\bar{\alpha}$ legitur; cf. Monro 1. 1. pg. 15).

IX

2) syllabae suffixae et verborum nominumque declinamenta:

a) voces nonnullae Ionice in -γηη desinentes:

'Αθάνα XIII 162, 'Αθάνας XV 2, XVII 7, 'Αθάνα XVI 21; 'Αθανᾶν XVIII 1, 'Αθάνας X 17, XIX 10, 'Αθάνας XVIII 60; 'Αθαναίων XVII 92 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

γελᾶνώσας V 80 (cf. γελᾶνῆς apud Pindarum).

σελάνα IX 29 (cf. Aeol. σελάννα).

b) populorum nomina Ion. in -γην exeuntia:

'Ελλάνων III 12, V 111, IX 30, 'Ελλασι(ν) VII 7, X 20, Πανελλάνων XIII 165 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

c) ἔκατι V 33, VI 11, X 15, XI 9, XVII 7, fr. I 7, fr. XXIX;

ἄεκατι XVIII 9 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

c₁) ὑπερά-φανον XVII 49 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque; cf. Curt. 1. 1. pg. 290).

d) σιδαροῦστοις fr. XLVI 6 ($\bar{\alpha}$ apud Pindarum quoque).

e) voces Ion. in -γηξ (-γηκος) desinentes:

χαλκοθώρα[χα] XVII 15, χαλκοθωράκων XI 123, πόρπαξιν fr. XLVI 6 (cf. Lat. -ax, -acis).

f) terminationes casuum sing. I declinat.:

νίκα, νίκας, νίκα, νίκαν; γᾶ, γᾶς, γᾶ, // γᾶν; Κρονίδα, 'Ατρεΐδα, Κρονίδα X al. ($\bar{\alpha}$ vocalem genuinam esse docet Latinae linguae comparatio; legitur autem η fr. XLVI 1 εἰρήνη, fr. LIII 1 (vers. troch.) τήν, ἀγκύλης, fr. LV 2 τήν φίλην, fr. LXV τήν, fr. LXXI 4 (epigr.) Βαχχυλίδη). Huc pertinent etiam adverbia: πασσυδία XIII 108, εἰσάνταν V 110¹⁰, παντᾶ V 31, IX 48, XV 44; ὄπα XVIII 30; πᾶ X 47¹¹.

X

¹⁰ Ita enim Blass (Lit. Centralbl.) probabiliter transscripsit, cum in eius modi enuntiato particula ἄν non solet adhiberi (cf. Kühner Ausf. Gr. II² 931).

¹¹ Dubitari non potest, quin Nairn (Classical Review XI) ΠΑΙ recte transcribat πᾶ (cum Kenyon legat παῖ), nam παῖ minus apte explicari potest quam πᾶ (punctum autem ante πᾶ delendum est), cum hominem peregrinum atque aliquot iam victorias adeptum tam familiariter (παῖ) a poeta appellari non sit veri simile, et alibi in papyro nostro ΑΙ semper longam diphthongum α significat et librarius A. scripsit ΠΑ (id est πᾶ=πη).

V 9 autem Kenyon traditum Η false transscripsit ἦ; ut enim concedamus I omissum esse per errorem, apparet tamen adverbium ἦ parum convenire huic loco (quis enim dicat: «attende, qua hymnum cum Gratiis // textum hospes mittat»...) atque in eius modi terminationibus constanter videmus scriptum $\bar{\alpha}$ pro Ion. η (adverbii huius forma igitur ᾶ esset). Itaque non dubito post νόω puncto posito legere ἦ particulamque hanc affirmandi referre ad verba sequentia σύν Χαρίτεσσι βαθυζώνοις ὑφάνας (affirmat enim poeta se a Gratiis in carmine faciendo adiutum esse).

XI

g) vocabula, quae a vocibus I declinationem secutis vel derivando vel componendo orta sunt:

[αι]χρατάν XIII 101; αῦδάεις XV 44, βοα[θήον] XIII 70, βοαθήος in fr. LXXII 3, δι[ν]ᾶντα XIII 132, δινᾶντος XIII 45, φωνάεντα fr. LXI 2 (traditum autem est η in fr. LVI 9 αἰγλήεντα, et exstat lectio βοηθήος fr. LXXII 3).

h) augmentum verborum, quae a vocali α incipiunt:

ἄγον XV 37, ἄρχεν XV 47 (sed XI 93 legimus ἠλύκταξον).

i) omnia declinamenta verborum, quae in syllaba suffixa α continent, in primis verborum in -αω exeuntium:

ἀνάσας XIII 94; βρά[σε] XVII 14; νικάσας V 183, νικάσαντα XI V 40, νικάσαντι IX 25, // ἀνίκατον V 103; [τελ]ευταθεῖσα I 44; τίρασεν XIII 161, θεοτίρατο[ν] IX 98 (sed in epigrammate fr. LXXII 4 λικρήση). Deinde ὑφάνας V 9; ἔλλαθι XI 8. Huc pertinent etiam ἀλάταν XVIII 36, θεατήρων X 23. Denique XVII 18 Kenyon recte videtur supplere δι[ν]α[σ]εν, cum enim in formis praesentis temporis nobis occurrat sola stirps δινε(ν)-, invenimus tamen etiam apud Pindarum ἐδινάθην P. XI 38, ὠκυδινάτοις I. IV 7; quare Ahrens (De dialecto Dorica, Gottingae 1843, pg. 148) Doros a δίνα derivasse verbum δινάω arbitratur (η autem traditur in κυβερνήτας XII 1, κυβερνήταν V 47).

k) terminatio I personae praeteritorum et optativi medii: θείραν V 169 (cf. συνθεράν CI 2555, 23, ἡράραν Sapph. 33 al.).

Vocalem η praebent

1) stirpes:

βληχράν XIII 194, βληχρᾶς XI 65 (η apud Pindarum quoque; ceterum cf. Curt. I. 1. pg. 326).

γῆρας III 89, fr. XLII 3 (cf. γέρων).

XII [γ]νησίων IX 83; κασι-γνήτας X 9, κασι-γνή-/τοις XI 65 (η apud Pindarum quoque; cf. γέν-ος, ἐ-γεν-όρην).

ἄν-δηρ'(α) VIII 14, ἀνα-δησάμενος X 16 (cf. δέω).

Εὔ-δημος fr. LXXII 1 (epigr.) cf. pg. V.

Denique XVI 6 traditur Ἢ, quod quam vim habeat, discerni non potest, quoniam vv. 5—8 fragmentorum speciem praebent. Sed propter causam supra prolatam non est veri simile vocali I suppleta ἦ legendum esse; pronomen sane possessivum illud ἦ (quod vult Kenyon, cf. indicem pg. 238) non potest esse, si quidem (id quod maxime est probabile) supplemus κό[κων], quoniam semper ὁ κόκνος dicitur. Quare scripserim ἦ (=aut); accentum autem circumflexum etiam III 23 et X 39 false adhibitum videmus. Exstat quidem in titulis // Dor. praeter ᾗ (=ut) etiam ἦ (=ubi) lex. Gort. 6,30 (ibidem I, 42; 6, 29; 12, 25 ὅπῃ = ubi) cf. Delbrück Vergl. Syntax d. indog. Sprachen I. Straßb. 1893, pg. 586; cum autem semper apud Bacchylidem tradatur παντᾗ (=ubique), nusquam vero πάντη, non est veri simile illud Ἢ significare adverbium loci ἦ (=ubi).

δη V 142, 156, XI 95, XII 4, XIII 88, 160; ἦ-δη XI 59, XIII 163 (ἠ apud Pindarum quoque).

δῆριν V 111 (ἠ apud Pindarum quoque).

ἀ-δμήτα V 167, ἀδμητες fr. LX 1, cf. pg. V.

δι-ζηνται I 39, διζησθαι XVIII 60 (a stirpe ζᾱ, cf. Aeol. ζάτημι).

ἐπι-ζήλω V 52, πολυ-ζήλω XI 63, πολυ-ζή[λωτο]ς VII 10, πολυ-ζήλωτ' (ε) IX 45, (πολυ)ζήλωτον X 48, I 46 (cf. ζέω; de ᾱ apud Pindarum cf. Curt. 1. 1. pg. 377.).

Ζηρός III 11, 26, V 20, IX 5, X 29, Ζηρί XI 5, XVI 18 (cf. Lat. *diem*; de vocali ᾱ, quae apud Dores aliquoties legitur, cf. G. Meyer 1. 1. pg. 420).

ῆ V 9 (cf. annot. 11), 89, 165, XIII 21, 46, XVIII 5, 41, fr. LIV; ἦ-δη XI 59, XIII 163 (ἠ apud omnes Graecos).

ῆ IV 18, V 87, IX 36, X 39 (bis), 41, XI 34 (bis), XVI 6 (cf. annot. 11), XVIII 8, 11, 35, XIX 35, fr. XLV 2 (ἠ apud omnes Graecos).

ἴ-η-σι fr. LIII 1, ἐφίησι XIII 15, Ἡσι-οδος (ἠ apud Pindarum quoque; cf. Curt. 1. 1. pg. 248) V 192 (cf. ἴ-ε-μεν).

ἀ-ή-τα XVII 91 (cf. Lit. *uě-jas*, Ross. *вѣ-теръ*). //

ῆβαν III 90, V 154, πρώθ-ηβον XVIII 57 (fontes dialecti Doricae et η et ᾱ exhibent: G. Meyer η vocalem magis genuinam esse censet).

ἀ-ηδόνος III 98 (ἠ apud Theocritum quoque; cf. Curt. 1. 1. 248).

ἦδος fr. LVII 2 (vers. troch.) (apud Pindarum et al. ᾱ; a stirpe σFᾱδ-).

ῆθει XVII 128, ῆθέων XVII 43, 93 (ἠ etiam apud Theocr. II 125; cf. Curt. 1. 1. pg. 36).

ῆόνων XVI 8 (apud Pind. et Theocr. ᾱ).

ῆριθεοι IX 10, XI 62, ῆριθέοις XIII 122, ῆριση fr. I 10 (cf. Lat. *sēmi*-).

ῆπιόφρον XIII 45 (ἠ apud Stesichorum 35. quoque et Soph. Phil. 698).

ῆρα XI 21 (Eustathius p. 1441. apud Epicharmum ἐπι-ηρέστερος exstitisse tradit).

πολυ-ηράτοις XIX 9 (cf. ἐράω).

Ἡρα V 89, IX 8, XI 44, XIX 22, Ἡραν XI 107 (ἠ apud omnes Graecos).

ῆρος V 71, XV 37, XVII 23, 47, 73, 94, ῆρω IX 56, XIII 71, ῆρωες XI 81 (ἠ et in titt. Dor. et apud Pind.).

ὠρ-ηστᾱ XIII 14 (cf. ἔδω).

ἦτε XIII 54 (in monumentis Dor. vel Aeol. dialecti non exstat). //

- XIV θῆκας X 18, θῆκεν I 19, ἔθηκον III 7, ἐπέθηκεν XVII 113, ἀνέθηκεν fr. LXXII 1 (cf. τιθεμεν).
 Θήβα X 30, Θήβας IX 54 (gen. s.), IX 20 (acc. pl.) (η apud Pindarum quoque).
 θηροσόπος XI 107 (cf. Lat. *ferus*).
 Θησεύς XVII 16, Θησέα XVII 2, 99, Θησεῦ XVII 74 (η apud Pind. et Theocr. quoque).
 θνητοῖσι fr. LXII 1, θνητῶν fr. XLII 1 cf. pg. VI.
 Κηία XIX 11, Κηίας III 98, Κηίω fr. LXXI 4, Κηίων XVII 130 (cf. Κέος).
 Κηναίω XVI 17 (in monumentis Dor. vel Aeol. non inveni).
 κέ-κληται VII 9 (η in titt. Dor. et apud Pindarum cf. κέλ-ομαι).
 κρήδερνα fr. LVI 6 cf. pg. VI.
 πολύ-κρημνον fr. I 12 (cf. κρέμαμαι).
 [Κ]ρητῶν fr. I 6, Κρητικόν XVII 4 (η apud Pindarum quoque).
 ἀ-ληθείας V 187 cf. pg. VI.
 λῆξεν XIII 89, 95 (η in titt. Dor. et apud Pindarum).
 λησται XVIII 8 cf. pg. VI.
 ρή V 36, 81, 160, XI 27, XIII 166, XVIII 44, ρήτ'(ε) V 161 (η ubique; apud solos Eleos CI. 11 μᾶ).
 Αὐτο-ρήδει IX 25; ρήσεται XVIII 42, ἐρήσατ[ο] XVI 30. ρησάμενον IV 16 (η apud Pindarum quoque). //
- XV ρῆλα V 109, ρήλων XI 111, XVIII 9, fr. XLVI 4, ρηλοβότους V 66, ρηλοδαΐκταν IX 6, ρηλοθύταν VIII 1, ρηλοτρόφον XI 95 (apud Pindarum plerumque η; vocalem *ā*, quae aliquoties in fontibus Dor. dialecti legitur, «hyperdoricam» esse censet Ahrens 1. 1. pg. 153).
 ρῆνας XI 93; διχορήνιδος IX 29 (cf. Lat. *mēnsis*).
 ρῆρα¹² fr. XLVI 4 (Bezzenberger Beitr. I 340 comparat Lat. *membrum* et Palaeoslav. *mezdra*).
 ρῆτιν XVI 25, XVII 52 (η apud Pindarum quoque).
 νῆιν V 174 (cf. Lat. *ne-fas*).
 νηρόν fr. LXXII 1 (epigr.) cf. pg. VII.
 ἀ-νήρ V 191, VIII 8, XVIII 7 (cf. ἀνέρος).
 Νηρηῆος XVII 102, Νηρηε[.] fr. VI 6, Νηρηῆδος XIII 90, Νηρηίδες XVII 38 (η apud Pindarum quoque).
 νῆες fr. LVI 10 cf. pg. VII.
 Πολυ-πήμονος XVIII 27 (η apud Pindarum quoque).
 πῆχυν fr. LIII 3 (vers. troch.) cf. pg. VII.
 παρα-πλήγι XI 45 cf. pag. VIII.

¹² Ceterum μῆρα Buttmani coniectura est, cum tradatur μερίδες.

[ἐ]κ-πλήσομεν XVII 27 (a stirpe πλῆ-(πελ) cf. πλέος).

πλημμυρίν fr. LXIX, πλημμυρῶν V 107 (fortasse ab eadem stirpe πλῆ- ac πίρπλημι).

ἀρρήτων fr. XLVII 2 (η ubique, apud solos Eleos ᾱ).

εἰ-ρήνη fr. XLVI 1, εἰρήνα V 200, XIII 156 (titu-//li Aeolici et Dorici et η et ᾱ ostendunt, quare G. Meyer l. 1. pg. 98 et G. Curtius Das Verbum der griechischen Sprache, II Bd. 2. Aufl. Lpz. 1880, pg. 147 derivant εἰρήνη ab *ἐ-Ἔρη-νη, i. e. ab eadem radice Ἔρη-(Ἔρο), quae inest in ῥηρός).

ἐπι-σκήπτων V 42, VIII 3 cf. pg. VIII.

ἔστη fr. LIX 1; cf. pg. VIII.

στηθέων V 15, στήθεσσι XI 54 (η etiam apud Alcaeam et Pindarum).

τηλαυγεί XVII 5 (η apud Pindarum quoque).

Φήμα II 1, φήμαν V 194 cf. pg. VIII.

χρή III 78, V 164, X 56, XIV 20, fr. LII 2, χρηστόν X 51 (η in titt. Dor. et apud Pind.; cf. χρέος).

2) syllabae suffixae et verborum nominumque declinamenta¹³:

a) adiectiva et substantiva in -ης in nominativo s. (g. -εος):

Ἄρης V 130, XIII 113, fr. LXII 2; αὐθιγενής II 11; Δαλογενής III 58, XI 15; ξανθοδέρκης IX 12; πανθαλής XIII 196; ἀθαυβής XV 58; ἀδής fr. LXX; παγκρατής XI 44, XVII 24, fr. LI 2; δυσμενής XVIII 6; πασιφανής XIII 143, προφανής III 51; εὐφεγγής IX 29 (η apud omnes Graecos).

b) nomina in -ηρ aut in solo nominativo s. aut etiam in ceteris casibus://

αἰθήρ III 86; θεατήρων X 23; θυγάτηρ V 124, XVII 34; μάτηρ V 138; πατήρ V 101, XI 96, XV 37, XVII 78 (η ubique; apud solos Eleos occurrit ᾱ ut in πατάρ).

¹³ Huc pertinet etiam ἀργηστάς V 67 (quod vocabulum alibi in monumentis Dor. vel Aeol. dialecti non occurrit), si recte traditum est; quae de re suspicio movetur, quod adiectiva linguae Graecae in unam terminationem exeuntia non nisi ad animantia adiungi solent (cf. Kühner Ausf. Grammatik der griech. Sprache I. 2. Aufl. Hannover 1869, pg. 422). Poetae sane hanc legem non semper observaverunt, cum interdum etiam res animaverint; // omnia tamen exempla, quae affert Kühner l. l., facilius ferri possunt, quam hoc πῶνας ἀργηστάς, quoniam hoc loco vix poni potest ulla prosopopoeia, quam facile sumere licet apud Aeschylum Sept. 60 (πέδια δ'ἀργηστάς ἀφρός χραίνει), ubi primum hoc vocabulum videmus usurpatum. Quare Nairn l. l. et Jebb non temere coniciunt ἀργηστάς, quod epitheton Bacchylides ab Homeri carminibus mutuari potuit. Dubitari certe non potest, quin elegantius dicatur φύλλ' ἄνεμος Ἰδας ἀνὰ μηλοβότους πῶνας ἀργηστάς δονεῖ, quam quod nunc legitur, neque est, cur hanc η vocalis in e mutationem in nimiam religionem trahamus, cum papyrus nostrum nequoquam mendis liberum sit (cf. I 20 et ο pro ω in ἀλκίμων XVIII 13, al.).

c) nomina in -ης (gen. -ητος):

'Αφάρητα V 129; Κουρήσι¹⁴ V 126; τάπητες fr. LVII 1; Φέρη[τος] III 77 (cf. Φέρης, 'Αφαρητίδαι apud Pindarum).

d) adjectiva in -ηρος, quae non ad nomina I declinationis pertinent:

λαιψηρῶν VII 6 (η etiam apud Pind., Timocr., Theocritum).

e) nomina in -ηης (-ηιδος):

[Βρις]ηίδος XIII 104; Νηρηίδος XIII 90, Νηρηίδες XVII 38; παρηίδων XVII 13 (η etiam apud Pindarum et Theocritum).

f) adiectiva in -ηιος:

'Αρηίων XVIII 57; Βορήϊαι XVII 6; πολερηίαν XVIII 4, πολερηίους XVIII 33 (η ubique).

g) nonnulla adiectiva in -ηνιος et -ησιος:

'Ιθακησίου fr. LXIV (cf. βροτήσιος apud Pindarum); 'Αλκρήκιος V 71 (apud Pindarum plerumque η in 'Αλκρήνα, cf. Peter De dialecto Pindari, Halis 1866, pg. 10); // Τροίχηνα XVII 58 (in monum. Dor. non inveni).

h) Μάρπησαν XX 6 (in monum. Dor. non exstat).

i) numeralia in -ηκοντα:

έβδομήκοντα II 9, πενήκοντα III 81, VII 2, fr. I 5 (η in omnibus dialectis).

k) terminationes casuum I declinationis:

ἀγκύλης fr. LIII 1 (vers. troch.), τήν ibid., τήν φίλην fr. LV 2, τήν fr. LXV, εἰρήνη fr. XLVI 1, Βακχολίδη fr. LXXI 4 (epigr.), κλισίησιν XIII 102; cf. pg. X. Huc pertinent etiam αἰγλήεντα fr. LVI 9 cf. pg. X et βοθήθος fr. LXXII 3 (epigr.) cf. pg. X.

l) casus nominum in -ευς:

"Αρης V 34, IX 44; ἀρηιφίλου V 166, ἀρηιφιλοι XV 50, ἀρηιφίλους fr. I 11, ἀρηιφίλους XI 113 (cf. Lesb. "Αρευς, "Αρευος, "Αρευι); Οἰνήρος V 166 (η ubique).

m) augmentum verborum, quae a vocali ε incipiunt:

ἤλθε(ν) IX 41, XVIII 16, fr. LXXII 3; προσ-ήνεπεν XV 9; ἦρ<ε>ιπον XI 68; ἦν XVIII 21; sed traditur etiam η in ἤλύκταξον XI 93 cf. pg. X.

n) coniunctivi terminationes:

ἔλθη XVII 28, θάνη I 45, θέλη V 135, καλύψη XIII 31, κλύη XVIII 64, λάχησι XIX 4, λικρήση fr. LXXII 4, νείρης VII 8 (η in omnibus dialectis).//

o) optativus in -ειν:

δοίητ'(ε) IX 2, εἴη X 12 (cf. Lat. *siem*).

p) terminationes aoristi passivi:

¹⁴ Kenyon per errorem et in textu et in indice Κουρήσι scribit, cum etiam in papyro I post H a librario deletur.

ἔδαη V 64, ἐ[στρέ]φθη XIII 20, (ἐ)φάνη XVII 119, fr. XLV 2, πρ[ο]φάνη V 77 (ā apud solos Eleos).

q) declinamenta verborum in -έω:

ἄθλησαν IX 12, ἄθρησον V 8, ἐπαθρήσαι XIII 194, φ[ε]λαίηντες III 64, μεγαινή[τ]ους I 16, μοναρχήσειν fr. LVI 7, ἀγνοήσειν fr. LVIII, ἰπποδινή[τ]ων V 2, θαητ[ό]ν XI 14, XIII 82, θάρβησεν V 84, θρόησε III 9, κελάθησαν XVI 12, κελάθησαι XIV 21, ἐκίνησεν X 10, ἀκινήτους V 200, ἐκοσμη [..] VII 11, κοσμήσαι XII 7, κρατήσας VI 15, κυρήσαι III 8, ἀρώγητον V 147 (cf. ῥωρεῖν Hes. op. 754 et ῥωρεῖνται, ῥωρεῖντος Theogn. 369 et 169), εὐποιήτων V 177, ἀπορθήτων IX 52, ἀτρόμητο[ς] XIII 90, ὑμνήσει III 97, ὕμνησον V 179, ἐφόβησε XI 43.

Habemus tamen etiam κυβερνήτας XII 1, κυβερνήταν V 47 cf. pg. XI et in epigrammate fr. LXXII 4 λικρήση.

r) formae verborum, quae augment stirpem vocali e:

εὐρήσει XI 125, θελήσει III 64, κινήσας V 148 // (in similibus formis Dores quoque η habent; cf. G. Curtius D. Verb. d. griech. Spr. Bd. I, Lpz. 1873, pg. 378 sq.). Huc pertinet etiam θεληρόν XVII 85 (cf. θελερός).

s) θάλπησι fr. LVI 2. Quoniam antecedentia non tradita sint, pro certo non potest diiudicari, utrum haec forma indicativus an coniunctivus sit; quare Mucke (l. l. pg. 67) et G. Meyer (l. l. pg. 541) cum coniunctivum hoc loco intelligentes θάλπησι scribendum esse contendant, vix refelli possunt. Cum autem animo integre iudicante indicativus huic loco magis adaptatus esse videatur atque minimé veri sit simile ab Athenaeo in hoc loco exscribendo particulam, quia coniunctivum receperit, omitti potuisse, verum mihi Holsten (De Stesichori et Ibyci dialecto et copia verborum, Gryphiswaldiae 1884, pg. 27) videtur indagavisse, qui allatis formis θαλπέω Et. M. 620, 46, ἐπαίνημι Simon. 5, 19, αἴτημι Pind. fr. 132, 4 tertiam pers. sing. θάλπησι ab ipso poeta per fal-//sam analogiam (comparante τιθημι : τιθησι) effectam esse censet ad primam pers. θάλπημι (cum interim forma vere Aeolica sit θάλπει cf. Ahrens De dialectis Aeolicis et Pseudaelicis, Gottingae 1839, pg. 139).

Singulis igitur formis perlustratis¹⁵ apparet Bacchylidem nusquam vocalem ā perverse pro Ion. η usurpavisse (nam ā in θεοδρατ- XII 7, XIII 130, XI 58, fr. XLIV et in δι[ν]α[σ]εν XVII 18 potest sane defendi, cf. pg. IX et XI), quod non mirum est, cum Ceos (aeque atque alios Iones) etiam

¹⁵ De vocalibus ā et η contractione natis agetur infra pg. XXVII sq.

Bacchylidis aetate vocalem η omnibus Graecis communem aliter pronuntiavisse atque eam, quae ex ā nata est, tituli doceant (cf. Bechtel Die Inschriften des ionischen Dialekts. Abh. d. hist.-phil. Classe d. kön. Ges. d. Wiss. zu Gött. Bd. XXXIV, pg. 46). Non autem semper pro vocali η antiquam ā traditam videmus, cum solae terminationes declinationis et coniugationis in papyro Kenyoni constanter¹⁶ genuinam

XXII

vocalem ā ostendant. Exstant autem // omnino praeter κλισίησιν quattuordecim certa exempla in papyro illo vocalis η pro ā traditae: semel in augmento temporali (ήλύκταξον VI 93), bis in syllaba suffixa (κυβερνήτας XII 1, κυβερνήταν V 47), ceteroqui in ipsa stirpe (ἀδμήτα V 167, ἀληθείας V 187, λησταιί XVIII 8, παραπλήγι XI 45, ἐπισκήπτων V 42, VIII 3, φήμα II 1, φήμαν V 194, δίζηται I 39, δίζησθαι XVIII 60, ἡόνων XVI 8). Quae res non potest solis librariis crimini dari, neque enim mirum sit, si poeta Ceus interdum pro vocali η patriae dialecti Doricam ā ponere oblitus sit, et formae κυβερνήτας, ἀδμήτα, φήμα quin ab ipso poeta originem ducant, vix dubium est. In fragmentis vero ab aliis scriptoribus traditis librarios interdum ā in η mutavisse demonstratur exempli causa eo, quod in fr. VI apud Bergkium (= V 37—40) traditur νικήσαντα, cum in papyro νικάσαντα legamus. Quam ob rem nobis in fragmentis choricæ poesis non nullos locos pro certo emendare licet (ut εἰρήνα fr. XLVI 1, τάν fr. LXV), alios

XXIII

summa cum probabilitate // (ut θνατῶν fr. XLII 1, θνατῶσι fr. LXII 1, ἔστα fr. LIX 1). De η autem in ἀδμήτες fr. LX 1 nihil pro certo statuere praestat. Deinde in fr. LVI, quod aut inter erotica carmina referendum aut scolium esse videtur, ā in sola terminatione nom. s. I decl. traditur, cum ceteroqui η exhibeatur, quare nullo iure in κρήδερνα v. 6, αἰγλήεντα v. 9, νῆες v. 10 vocalem η in ā mutaveris (cf. Mucke l. l.). Idem valere videtur de fr. LV, ubi legimus τὴν φίλην. In versibus porro trochaicis formas Doricas non inveniri consentaneum est, ut recte tradatur η in τὴν, ἀγκύλης, πῆχυν fr. LIII et in ἡδός fr. LVII. Neque magis animum offendit η in Βαχχυλίδη fr. LXXI 4 et in Εὐδγηρος, νηόν, βοηθός, λικρήση fr. LXXII; immo vero mirum est, quod in his epigrammatis, quippe quae et a poeta Ionico neque homine Doricae aut Aeolicae gentis (cf. Εὐδγηρος) conscripta sint, occurrunt etiam formae Doricae

XXIV

(κούρα, Νίκα, Μουσαῖν fr. LXXI et // βοαθός fr. LXXII); quare in fr. LXXII 3 lectionem βοηθός alteri praetulerim.

¹⁶ De κλισίησιν XIII 102 agetur infra pg. LX.

β) De α et ϵ

Vocalem α pro vulgari ϵ usurpatam videmus in τάρνε XVII 4 et τάρνων V 17, qua in re Bacchylides videtur Homerum secutus esse, quamquam in hoc verbo α etiam apud Hesiodum, Herodotum, Dores exstat. Deinde traditur ἐξαναρίζων V 146, ubi ϵ restituerim. Quamquam enim et apud Iones (cf. μέγαθος) et apud Dores Aeolesque (cf. ἄτερος, γά, Ἄρταρις al.) ϵ nonnumquam in α mutatur, in stirpe tamen ἐναρ- neque alibi usquam α pro ϵ occurrit et apud Bacchylidem ipsum invenitur ἐναρίζ[ομέν]ων XIII 118. Cum autem vocabula huius stirpis inde ab Homero apud solos poetas reperiantur, veri est simillimum, vocabula haec ab usu cotidiani sermonis iam diu intermissa poetas ab Homero mutuatos esse. Si vero res ita se habeat, minime vocalem α in ἐξαναρίζων dialecto alicui tributam in textu servare liceat (simili-//ter videmus XX 8 vocalem α pro σ scriptam). In verbo τρέφω Bacchylides ubique ϵ retinet, cum apud Pindarum in stirpe hac α quoque occurrat. Vocalem ϵ autem pro vulgari α Aeolicam, ut videtur, dialectum secutus poeta adhibuit in θερο[σε]πής XIII 166¹⁷. Veteres enim grammatici θέρσος (hanc formam magis genuinam esse docet G. Meyer l. 1. pg. 36) pro θάρσος Aeolicum fuisse tradunt (cf. Ahrens De dial. Aeol. pg. 75); quamquam nomina propria, quae a Θεροσ- incipiunt, omnibus Graecis communia fuerunt. — Huc denique etiam γελανώσας V 80 videtur pertinere. Testatur enim Ioannes Gram. 244. Aeoles pro γαλήνη pronuntiavisse γελήνη (i. e. γελάνα?); ut autem adiectivo γαληνής (Arist.) respondet apud Pindarum γελανής, sic comparato adiectivo γαληνός (Att.) fingere licet adiectivum γελανός, a quo derivari possit verbum γελανώω (displicet igitur mihi γελανώσας et γελανής recta via//derivare a γελάω; ceterum Curt. Grundz. d. gr. Et., pg. 173 γαλήνη et γελάω ad unam stirpem pertinere ponit). Praeterea ϵ pro α positum (ut apud Atticos) est in ἰλέω XI 15 (nom. ἴλεος?), ceterum cf. annotationem criticam Kenyon'i ad hunc versum et Mucke l. 1. pg. 50 sq.

γ) De α pro σ

Traditur XVIII 46 ἀραρτεῖν, quod Kenyon iniuria in ὀμαρτεῖν mutavit, quoniam et apud Homerum adverbium

¹⁷ In papyre legimus TIN·AΘEPC [N.] ΠHC, quare Nairn l. 1. scribit τιν' ἀθερσοεπής. Sed elisionem nunquam puncto post mediam literam posito, sed apostropho significatam videmus; accedit, quod compositura eius ἄπαξ λεγομένου, quod fingit Nairn, parum dilucida est. Quare cum Kenyon'o malo τινὰ θερο[σε]πής legere. Punctum autem librarius per errorem ponere potuit (cf. I 42, XIII 131 et XIII 123, XIX 48).

XXV

XXVI

ἀραρτῆ et apud Herondam V 43 ἐφαραρτεῖς invenimus. Cum autem ἄρα et ὄρο- apud omnes Graecos in usu fuerint, neque ὄραρτεῖν in ἀραρτεῖν neque vice versa ἀραρτεῖν in ὄραρτεῖν mutatum esse consentaneum est, sed utrumque verbum promiscue usitatum fuisse videtur.

δ) De ι pro υ

Vocalis ι traditur in τανισφόρου V 59, τανισφόροις III 60, τανίφυλλον XI 55, υ autem in τανυτρίχων fr. XLVI 4. Quoniam in τανυ- vocalis υ genuina est (cf. τανύω), vocalis υ in τανισφυρ- et in τανίφυλλον sine dubio propterea in ι mutata est, quod in syllaba, quae sequitur, alterum υ exstabat, neque duo deinceps υ pronuntiare facile erat.//

XXVII

ε) De ι pro ευ

Homerum secutus Bacchylides ι adhibet in ἰθεῖαν XV 54, cum in X 51 lectio incerta sit.

ζ) De vocalium concursu intra voces

Vocales ἄε, ubicunque inter ἄ et ε fuit, videmus plerumque non contractas in ἀέθλων IX 8, ἀέθλοις VIII 16, X 19, XIII 165, πεντ-ἀέθλοισιν IX 27 (apud Hom. et Pind. etiam πθλ-); ἀέκατι XVIII 9, ἀέκοντα XVII 44 (apud Hom. quoque ubique ἀεκ- scribere licet); ἄελλαν X 22, ἀελλοῦρόραν X 39; ἄελπτον XIII 98; ἀέξειν III 78 (occurrit autem etiam αὔξειν I 24 et αὔξουσιν X 45, cum apud Hom. αὔξ- non exstet); ἄερσιράχ[ους] XIII 67 (hoc autem loco ἀε- synizesin subit, hoc est, in pronuntiatione contrahitur in α, scribitur autem ἀε- orthographia, quae tradita erat, servata); φᾶεσιμ[βρότω] XIII 95. Contra in verborum coniugatione ἄε semper in α (non Dorice in η) coalescit: βιαται XIII 167, fr. XLIII, νορᾶται V 26, στρωφᾶται XIII 147, συλᾶται fr. XLVI 10, νικᾶν XIII 172 (iam Homerus saepe contrahit ὄρᾶν, ὄρᾶται al.).//

XXVIII

Vocales αε contractae sunt in ἀλίου III 80, XVII 50; δι[ν]ᾶντα XIII 132, δινᾶντος XIII 45; manent autem non contractae in ἀέλιος XI 22, ἀελίου V 161, fr. XIII 10; φωνάεντα fr. LXI 2 (similis varietas apud Pindarum invenitur).

Vocales ἄει, si inter ἄ et ει fuit, non contrahuntur in ἀείδειν IV 18, ἄεισαν VI 6; ἀεικελιᾶν fr. LX 1, ἀ[ε]ικελίως III 45; ἀείρα[ς] III 36 (sed II 5 [ἄ]ρατο legendum esse veri simile est). In verborum autem coniugatione αει semper in α

(non Dorice in η) confluit: ἐρᾶς fr. LIV, κυβερνᾶς XVII 22; κυβερνᾶ XIII 152, ὄρῃᾶ XVIII 41, τιρᾶ XIII 150, φοιτᾶ V 134. (Iam Homerus αει in α contrahere coepit.)

Vocales αει videmus non contractas in αἰδάεις XV 44.

Vocales αι contractionem non subierunt in [ἀγ]λαῖα III 6, ἀγλαῖζέτω III 22; Ἄϊδα V 61, αἰδής fr. LXX; αἶξαν XIII 111, διαί[σσειν] III 54, ἐπαῖστων V 116; δαῖζει XIII 93, ρηλοδαίκτην IX 6, Δαϊάνειραν V 173, Δαϊανείρα XVI 24; Δαῖπύλον V 145; δαῖφρων V 122, 137; [Ἐνδ]αῖδα XIII 63; λάινον fr. LIX 1, λαῖδος XVI 17, Φαῖσκου XI 14; con-//tractae sunt in δαδοφόρε fr. LXVI; in omnibus formis vocis παῖς (cum apud Homerum exstet etiam πάις); denique in ῥάδιον XVIII 43, ῥᾶστον fr. XLVII 2.

XXIX

Vocales αο Bacchylides dialectum Doricam secutus in α contraxit in καλλικέρᾶν XIX 24, ὕψικέρᾶν XVI 22; reliquit autem non contractas in ἀόλλιζον XV 42 (ceterum in hac voce αο- nunquam in unam syllabam coaluit), σαόφρων XIII 153, φάος III 80, V 61, XVII 43, ἐπεδ[εῖξ]αο III 93.

Vocales αο exstant non contractae in Ἰαόνω[ν] XVII 3, Λαομέδοντος XIII 109, λαοφόνον XIII 87, Μενέλαος XV 48; contrahuntur autem lege Dor. et Aeol. dialecti in α semper¹⁸ in gen. sing. I decl. nominum in -ας exeuntium (ut Κρονίδα X 29, XVIII 21, Ἄλυά[τ]τα III 40, al.) et in stirpibus in -αον- exeuntibus: παιάνιξαν XVII 129, Ποσειδάνος X 19, XIV 20, Ποσειδᾶνι XVII 36, 60, Ποσειδάνιον fr. II 1, Πορθανίδα¹⁹ V 70; in ω autem confluent in Ἰώνων XVIII 2 (cf. apud Hom. εὐρμελίω et Ἄτρεῖδω).//

XXXIV

Vocales αω (in omnibus dialectis) in ω contrahuntur: δρῶν III 83, τιρῶν XI 74. Vocales αω Bacchylides Doris et Aeoles secutus semper in ᾶ contrahit in gen. plur. I declinationis (ut τᾶν ἱερᾶν Ἄθανᾶν XVIII 1, al.)²⁰; praeterea in Ποσειδᾶν XVII 79.

XXX

¹⁸ Iniuria igitur Kenyon (in indice pg. 241) genetivum πυρσοχαίτου XVIII 51 derivat a nominativo πυρσοχαίτας, nominativus enim, qui respondeat genetivo πυρσοχαίτου, apud Bacchylidem non nisi πυρσόχαιτος, esse potest.

¹⁹ Ita enim forma Dorica servata hoc loco legendum esse censeo, quoniam // posterius demum alius librarius per errorem (cf. Ἄλκμᾶν Μαχανίδας, Ἄμυθᾶν) super A addidit O, neque semper textum posterior manus recte mutavit (cf. V 179, XIII 20 al.).

XXX

²⁰ Quare in fr. XLVI 2 traditum αἰδῶν Boeckh recte mutavit in αἰδᾶν; Κραναιδῶν autem in fr. LXXI 2 cum in epigrammate legitur tum pro tradito Κρανναίων coniectum est. Iniuria igitur Kenyon supplet Περσ[ῶν] III 27 (legendum enim est Περσ[ᾶν]) et (itidem Nairn l. I.) [π]ατρῶν . . . [π]αλῶν I 7, 8 (Bacchylides enim, si hoc dicere voluisset, πατριᾶν παλᾶν scripsisset). Ipse coniecerim [π]ατριῶν . . . [π]αλῶν (cf. II 6 et V 51 et Pind. P. VIII 88, P. V 116, Ol. I 86, N. XI 31, Ol. XI 18).

Vocales *αι* exstant non contractae in *αἰδάν* XVIII 4, *αἰδαῖς* VI 14, *αἰδᾶν* fr. XLVI 2.

Vocales *εᾷ* in acc. sing. stirpium in *s* exeuntium (ut in omnibus dialectis) in *η* contractae sunt in *λιγυκλαγγῆ* V 73, *ἀπενθῆ* fr. XLVIII 2, *ὄψιφανῆ* XIV 5, in *α* in *εὐκλεᾶ* V 196 (cf. Pind. P. XII 24), synizesin patiuntur in *βροτω[φε]λῆα* XIII 159, 1, manent autem non contractae in *τροχοειδέα* IX 32, *γυιαλέα* XII 8, *φερεκυδέα* XIII 149, *ἀγακλέα* (vocali *ε* eiecta) XVI 12, *θρασυρ[τή]δεα* XVI 15, *πανδερκέα* XVII 70, *ἀμεμφέα* XVII 114, *ποδάρκε(α)* XIX 30, *δονακώδεα* fr. LXV (quot syllabas *ταλαπενθῆα* XVI 26 habeat, incertum est). Eaedem vocales in nom. et acc. pl. neutr. gen. stirpium in *-s* exeuntium in *η* contrahuntur in *βέλῃ* V 132, *φάῃ* IX 28, *σαφῆ* XVII 75, synizesin subeunt in *ἔτῃα* III 81, // *ἄ[ν]θῃα* XIII 27, *ἔρχῃα* fr. XLVI 8, *ξίφῃα* fr. XLVI 8, manent non contractae in *ἄνθεα* III 94, XVI 9, fr. XLVI 2, *τείχεα* XIII 109, *ἀμφάκεα* fr. XLVI 8; deinde non contrahuntur in acc. pl. fem. et masc. gen. stirpium in *-s* exeuntium in *βαρυαχέας* XVI 18 et *εὐφεγγέας* XIX 27 et in acc. plur. stirpium in *-v* exeuntium in *υῖεας* XIII 67, *ἄστεα* XIII 155, *πολέας* fr. LXXI 3. In acc. sing. nominum in *-εύς* exeuntium synizesin subeunt in *Ἀχιλλῆα* XIII 68, 101, manent autem non contractae in *Θησῆα* XVII 2, 99. Denique vocales *εᾷ* non coalescunt in *κέαρ* I 27, XVII 87, 108, 8, fr. IX, fr. XLVI 11, fr. XLVIII 5, fr. LVI 11 et *Βορεάς* XVII 91.

XXXI

Vocales *εᾷ* (*εα*) synizesin patiuntur in *Νεμέα* IX 22, *ἀκτέας* IX 34, *εὐκλεᾶ* V 196, *χρυσῆα* X 40, *σμερδαλέαν* XI 56, *[Πυ]θῆα* XIII 158, *πορφυρέαν* XVII 112, aversantur autem eam in *Μαλέα* III 72, *Βορέα* V 46, *δαιδαλέας* V 140, *χρυσέας* V 174, XV 4, *χρυσέα* XI 117, XIX 16, *χρυσέαν* XVI 2, *Νεμέαν* VIII 2, *Νεμέα* XIII 34, *γενεάν* XI 74, *γενεᾶς* IX 49, *κυνέαν* XVIII 50, *ἀργαλέαν* XI 92, *[Ἐκτορ]έας* XIII 121, *χαλ-//κεᾶν* fr. XLVI 9, *τεᾶν* X 13, XVII 21. Utrum *Νεμέα* XII 8 anapaestus an iambus sit, diiudicari vix potest; malim tamen *Νεμέα* legere antistrophamque ab hoc versu incipere.

XXXII

Vocales *εαι* in *η* coaluerunt in *γνώση* V 3 (cf. *γνώση* II. II 365), synizesin patiuntur in *ῥφέα* III 79 (cf. *γνώσεα* II. II 367), manent non contractae in *εῖσαι* XVII 64.

Vocales *εε* in verborum coniugatione (ut apud omnes choricis poetis) semper in *ει* contractae sunt: *αἰνεῖτω* XIII 168, *ἰκνεῖσθαι* fr. XLII 3, *τελεῖται* XVIII 30, 45, *ὕ[ρ]νει* III 3 (apud Homerum fere semper formae solutae restitui possunt, exstat tamen *νεῖσθαι* Od. XV 88) praeterea in *[λι]γυκλαγγεῖς* XIV 14, *τερψιπεεῖς* XIII 197 (cf. *ἐναργεῖς* II. XX 131); manent autem

4. non contractae in πολέες XI 17, Μαντινέες fr. II 2, ρεέθρους III 20, V 64.

Vocales ει in verborum terminationibus (ut apud omnes choricos poetas) semper²¹ in ει conflunt: ...] οιχνεῖς X 1, τελεῖς III 82, σκοπεῖς III 74, δοκεῖ fr. LVI 7, δονεῖ V 67, θαρσεῖ V 21, καλεῖ II 11, κρινεῖ XVII 46, ὀριλεῖ I 23, ἀμφιπολεῖ fr. XLVIII 3, // τελεῖ XVII 78, φιλεῖ IV 1, XIII 171, φορεῖ fr. LXI 1, αἰνεῖν V 16, 188, δονεῖν fr. XLIX, εὐμαρεῖν I 37, πεδοιχνεῖν XVI 9, πενθεῖν fr. XLV 2, ἀραρτεῖν XVIII 46, τελεῖν V 164, ὕρνεῖν V 33, IX 6 (contrahere iam Homerus coepit); praeterea in [Ἡρα]κλεῖ IX 9.

Vocales ει in dat. sing. III decl. manent solutae in μελαμφαρεῖ III 14, Πολυνεῖκεῖ IX 20, κωνανθεῖ XIII 91, τηλαυγεί XVII 5, φάρεῖ XVII 5; saepius autem (idem apud Pindarum observatur) in diphthongum conflunt: σθένεῖ V 107, ἔπει IX 2, λέχει IX 56, XVII 30, τριέτει IX 23, Αὐτομήδει IX 25, ἀσφαλεῖ XIII 33, θελξιεπ[εῖ] XV 48, εὐρυνέφει XVI 17, ὄβριποδερχεῖ XVI 20, βασιλεῖ XI 63, XV 6, 38, Ὀδυσσεῖ XV 5, π[όλ]εῖ XI 78. Praeterea contrahuntur in Ἀργεῖος I 4, II 5²², Ἀργείων IX 11, XV 5, θεῖος IX 3, εὐκλείας I 46, εὐκλεία XIII 151, εὐκλείου fr. I 7, ἀγακλειτα[ῖς] XIII 57, περικλειτοί XI 81, περικλειτοῖσ[ιν] V 120, X 19, Περικλειτε fr. LVIII, Ἀτρεῖδᾶν XI 123, Οἰκλείδας IX 16, Οἰνεΐδας X 18, Περσεΐδας XIII 15, Πανθεΐδα II 14²³; manent autem solutae in Ἀτρεΐδα XV 6, εὐκλείζας VI 16, [ἀ]θεῖα (?) XVI 7.//

Vocales eo in gen. sing. III decl. in eu contractae sunt (Atheniensibus exceptis haec contractio apud omnes Graecos usitata erat) in Δεινομένους V 35, synizesin subeunt in Δεινομένους III 7²⁴, IV 13, ταλαπενθῆος V 157, εὐειδέος

²¹ Abicienda igitur est coniectura [αἰνέ]ειν III 67, quam proposuerunt Crusius et Nairn.

²² Ita enim supplendum est cum alias ob causas, quibus innisi sunt Blass, Sandys, Nairn, Crusius, tum quod in Iulietarum catalogo agonistico, quem edidit A. Pridik in dissertatione sua de Cei insulae rebus (pg. 160 sq.) bis occurrit inter nomina victorum Ἀργεῖος Παν-/θ[εῖ]δεω. Veri enim est simillimum hunc Argeum progeniem esse (titulum quarto a. Chr. n. saeculo incisum esse censet Pridik l. l.) victoris a Bacchylide celebrati.

²³ Non est, cur cum Kenyon'o traditum ΠΑΗΘΕΙΔᾶ (dativum autem, quem praebet manus primaria, praefendum esse docet Crusius l. l. pg. 161) in Πανθοῖδα mutemus, cum etiam Plutarchus v. Them. c. 32 Chium quendam nomine Πανθεΐδην fuisse tradat. In titulo autem supra laudato miro quodam casu eae ipsae literae, quas Kenyon in controversiam vocavit, deletae sunt.

²⁴ Hoc loco Kenyon miram inscientiam phoneticarum, quae nunc dicuntur, rerum prae se fert, cum opinatus vocales eo synizesin passas brevem syllabam efficere traditum Δεινομένους in Δεινομένους mutandum

XIII 69, Οἰνέος V 120, Λυγχεός XI 75, manent solutae in χα[λχο]τειχέος III 32, ἰππώκεος XI 101, ...]υδεος XIII 26, Πιτθ[έ]ος XVII 34, εὐρυσθένης XIX 17; in coniugationis terminationibus manent solutae in ἔσπεο XI 115, κλέομεν XVI 13, χέον XVII 96, synizesin subeunt in φρονέοντι III 85, in εὐ contrahuntur in αἰρεῦνται XV 56, δινεῦντο XVII 107, φορεῦντες fr. II 3. Traditum autem φθέγγου XVIII 12 in φθέγγου mutandum esse (similiter ο pro ε V 106 et vice versa ε pro ο XVII 66 positum videmus) censeo, quoniam εο in ου solum in Attica dialecto contrahitur, formas autem unius illius dialecti proprias nusquam alibi in carminibus choricis invenimus (quod autem hoc carmen XVIII Atheniensium gratia scriptum esse videtur, id nullius momenti in hac re esse analogica docent).//

XXXV

Deinde vocales illae in εὐ contrahuntur in εῦντα III 78, θευπροπίαν X 41, synizesin patiuntur in θεός V 50, ἀφνεόν V 53, Ἄλφεόν V 181, XI 26, θεότιμον XI 12, θεοφιλές XI 60, θεόπορπον XVII 132, nescio an etiam θεόδωτο[υ]ς VIII 12 (id certe magis congruit cum dactyloepitritico metro huius carminis), κυάνεόν XIII 31, πορφύρεον XVIII 52, ἔοντα XIX 23; manent autem solutae in ἀφνεός I 34, [σ]έο III 65, ἔοντα IV 19, χαλκεοστέρνου V 34, θεός V 36, XI 34, XIV 18, XVIII 41, θεόν III 21, Ἄλφεόν V 38, νεόχροτον V 48 (cf. νεομηγία Pind. N. IV 35), νεοκίττω XVII 126, χαλκεόκρανον V 74, χαλκεοκτόπου XVIII 59, χρυσεοσκάπτρ [...IX 100, χρυσεόπλοκοι XVII 106, χρύσειον XVII 36, 60, θεοτίματο[ν] IX 98, θεόδωματον XII 7, θεόδωμοι fr. XLIV, θεοδώματος XI 58, ἑορταῖς III 15.

Vocales εοι synizesin subeunt in αἰνεοί IX 102, θεοῖσι(ν) XIII 105, fr. XLVI 3, πορφύρεοι fr. LVII; non contrahuntur in θ[εο]ί IX 50, θεοῖς XV 13, 45, ἡμίθεοι IX 10, XI 62, ἡμιθέοις XIII 122, ἀντίθεοι XI 79, ζαθέοις XI 24, ἦθεοι XVII 128.//

XXXVI

Vocales εου in verborum coniugatione manent solutae in κρέουσαν III 1, Κρεούσας XVIII 15, πνεούσ'(α) XVII 91, δονέουσι I 41, in εὐ contrahuntur in κρατεῦ[σαν] VI 7, οἰκεῦσι IX 43, ὕμνεῦσι XI 13; praeterea synizesin patiuntur in Ἄλφεοῦ VI 3 (ut

esse contendat. At nisi vocales εο solutae manent, ad pronuntiandum nihil interesse, utrum εο an εὐ scribatur, differentia hac ad solam orthographiam pertinente docent // tituli, ubi εο et εὐ sine ullo discrimine scribi videmus, ut λεοχοῖς CI 2907, Ὀρφεός CI 7049 al. (cf. G. Meyer, l. l. 119). Ubiunque autem vocales εο brevis syllabae locum tenent (ut θεός Pind. P. I 56, quod affert Kenyon; sed Ol. III 10 legimus θεομόροι similiter atque apud Bacchyl. XI 60 θεοφιλές, quod Kenyon, si sibi constare voluit, θεοφιλέος scribere debuit), non ο (ut alibi), sed ε semivocalis fit, quae interdum prorsus intercidit (ut ν(ε)σσοός, ἀδελφ(ε)ός, ὄστ(ε)ά al.).

XXXV

emendavit Kenyon), manent solutae in θεός I 25, ἀντιθέου XV 1, ἀφνεοῦ XVII 34, Ὑπερβορέου[ς] III 59.

Vocales εω in verborum coniugatione manent solutae in πνέων X 22, V 153, χέων V 15 (in verbis bisyllabis εω ne in Attica quidem dialecto contrahi solet), δοκέω XVIII 12, κλονέω[ν] XIII 85, ὀλιγοσθενέων V 152, synizesin patiuntur in ἀποπλέων fr. I 13, ὕρνέων VIII 2, in ω (ut in omnibus dialectis) contrahuntur in καλῶν III 96; praeterea synizesin subeunt in στήθεων V 15, [ἐ]γγέων IX 43, ἀνθέων XI 18, XIII 59, πανθαλέων XIII 36²⁵, τερφέω[ς] ²⁶ XIII 53, θεῶν V 95, ἰσοθεῶν XIII 123, ἀδελφέων V 118, exstant autem non contractae in κερδέων III 84, ἀχέων XI 76, ἀχέων XV 52, μελέων XIX 2, καδέων XIX 36, // δυσμενέων V 133, fr. LXX, εὐσεβέων XIII 155, πολέων V 100, πόλεων fr. LVI 6, ἀρπαλέως XIII 98, ἐνδυκέως V 112, 125, συνεχέως V 113, εὐμαρέως V 195, δαιδαλέων fr. XLVI 3, θεῶν III 38, IX 63, XI 121, XVII 24, 100, 124, V 179, ἀθέων XI 109, ἡθέων XVII 93, ἑών I 28, VIII 8.

Vocales εφ synizesin subeunt in ἔλεφ XI 15.

Vocales ευ in stirpe εϋ- plerumque in diphthongum coalescunt, manent tamen solutae in εὐδύ[ατον] IX 54, εὐκτί[ω]ν III 46. Perperam autem Kenyon εὐπύργους V 184 diduxit in εὔπύργους, cum nusquam vocalem υ in εϋ- natura longam esse videamus, atque dactylo respondeat trochaeus qui appellatur cyclius (cf. Rossbach-Westphal Theorie der musischen Künste der Hellenen, 3. Aufl. III 2, pg. 10 sq.) etiam V 169 (ubi traditum θέλων Kenyon in ἐθέλων mutavit; versus igitur strophae et antistrophae hoc loco (169—184) idem schema habet), V 193, cf. praeterea III 62, 63, V 31, XVIII 5, XI 114.

Vocales ηε exstant non contractae in αἰγλήεντα fr. LVI 9.//

Vocales ηι contractae sunt in ἡθέ[ων] XVII 43, ἡθέων XVII 93, ἡθεοί XVII 128²⁷, ἡόνων XVI 8, λησταί XVIII 8, Νηροῦτος

²⁵ Kenyon huic versui dat schema: —υ—υ—υ, cum autem ceteroqui in hoc carmine tertius versus strophae vel antistrophae semper pherecrateus sit, praestat πανθαλέων per synize-//sin legere, ut hic quoque versus idem pherecrateus fiat.

²⁶ Kenyon supplet τερφέω[ν]; sed cum non exstet nomen substantivum, cui τερφέω[ν] adiungatur, malim adverbium τερφέω[ς] supplere, quod pertineat ad θρώσκουσα v. 57.//

²⁷ In papyro semper scribitur ΗΙΘΕ-; minime tamen est veri simile legendum esse ἡθέων vel ἡθεοί, cum neque omnino librarii auctoritas in hac re magni esse momenti possit et etiam IX 25, III 39, XIII 90, 96, signum diaeresis perverse adhibitum videamus. Quare O. Crusius (l. l., pg. 182) absurde (sit venia verbo) per synizesin ἡθέων et ἡθεοί legendum esse contendit, tamquam poeta ipse ἡθ- aliter pronuntiaverit atque ἡθ-.

XIII 90, manent autem solutae in Ἄρηϊων XVIII 57, Βορήϊαι XVII 6, [Βρις]ηίδος XIII 104, in formis adiectivi Κήϊος III 98, XVII 130, XIX 1, Νηρηίδες XVII 38, παρηίδων XVII 13, πολερηϊαν XVIII 4, πολερηϊοις XVIII 33.

Vocales ηυ manent solutae in ἦυτε XIII 54 (cf. II. III 10 et XIX 386 εὔτε vel ἦυτε ut coniecit Buttman Lexilogus II 229) et emendatione Kenyon'i probata in ἦυδενδρον XVII 80.

Vocales οᾷ exstant non contractae in χροᾶ XI 97 (cf. χρῶ Sapph. II 10), sed [πυθ]ῶ III 62.

Vocales οε in ου (cf. γουνοῦσθαι Od. X 521) contractae sunt in μεγαλοῦχον XVII 23; manent solutae in adiectivis in -οεις terminatis: ἀνθερόεντι XVI 5, ἀνθερόεντα XIII 55, ἱμερόεν XI 118, ἱμερόεντα fr. LXXI 2, ῥοδόεντι XVI 34 (cf. ἀργινόεντι Pind. P. IV 8).

Vocales οι in diphthongum coniunctae sunt in Λατοίδ[ας] III 39, Ἄοϊ XIII 96, exstant autem non contractae in Ὀικλείδας IX 16 et οίστόν V 82. //

XXXIX

Vocales οο in ου (ut iam apud Homerum) contrahuntur in gen. sing. nominum II declinationis, deinde in genitivo Λατοῦς V 124, XI 16, 98; synizesi afficiuntur in βοαθῶν XIII 70; manent solutae in βοηθῶς fr. LXXII 3, νόον V 95.

Vocales οου manent solutae in ὕψινῶου XIII 11.

Vocales οω (οω) exstant non contractae in νόω IV 9, V 8, ἀ[δουπν]ῶων XIII 40.

Vocales υι manent solutae in dativis γάρυι XV 48, ισχύι V 22, XVIII 20 (cum Homerus non nisi in monosyllabis stirpibus has vocales solutas reliquerit).

Vocales ωᾷ contractae sunt in ἦρω IX 56 (cum apud Homerum et Pindarum non nisi soluta forma occurrat), non contrahuntur in μάτρωας V 129.

Vocales ωε manent solutae in ἰδρώεντ'(α) XIII 24.

Vocales ωι non contrahuntur in dativo Μίνωϊ XVII 8, 68 (cf. apud Pindarum πάτρω P. VI 46 et μάτρω N. IV 80).

XI Videmus igitur Bacchylidem in usu formarum solutarum et contractarum // omnino consentire cum ceteris choricis poetis, cum in vocalibus contrahendis nunc Homerum nunc Dores Aeolesque sequatur atque utpote longo tempore post Homerum natus iam multo saepius quam ille formas adhibeat contractas.

η) De vocalium concursu in confinio duarum vocum

Cum vocalem in fine vocabuli positam in sequentis vocabuli initio altera vocalis excipit, crasis, aphaeresis, elisio, hiatus locum habent. Crasi Bacchylides rarius quam Pindarus (cf. Peter

De dial. Pind. pg. 28) usus esse videtur neque admisisse eam, nisi antecedit aut articuli forma aut copula καί (qua conditione crasin etiam in titulis legitimam esse docet A. Lucius in dissertatione sua «De crasi et aphaeresi», Argentorati 1885, pg. 38). Exstant vero haec craseos exempla: χῶτι III 81, κἀρέ XVII 33, κηῦτυκτον XVIII 50²⁸; praeterea Bergk in fr. LVIII pro tradito δ'ἄλλ' coniecit τᾶλλ'(α) [cf. χῶτι // Pind. P. IX 48; κηῦγονοι Epich. 23; αι+ε autem in α praeter Iones etiam Aeoles contraxerunt (exempla affert Lucius l. l. pg. 24), cum in Dorica dialecto contractione hac η nascatur].

Aphaeresis (quae Homero denegatur, cf. Lucium, l. l. pg. 44) a choricis poetis rarissime videtur admissa esse (cf. Mucke, l. l. pg. 43), quamquam Lucius l. l. opinione, ut videtur, praeiudicata ductus id abnuit. Apud Bacchylidem certe invenimus ρῆ 'ντυχεῖν XVIII 44 (casum aphaereseos usitatisimum atque etiam in inscriptionibus exstantem cf. Lucium l. l. pg. 50), ac si quis hoc loco crasin praeferat, restat tamen certum exemplum III 22, ubi traditum ἀγλαϊζέθω. Blass (Liter. Centralbl. 1897) et Crusius (l. l. pg. 152) recte in ἀγλαϊζέτω ὀ dissolvunt. Erraverunt tamen hactenus (ceterum cf. annot. 29), quod crasin hoc loco statuunt, cum post ἀγλαϊζέτω interpungendum sit, voces autem interpunctione dissaepae per crasin coire sane non possint. Quare // aphaeresin hoc loco statuendam esse censeo, quippe quam interpunctio non impediatur (cf. λέγω 'πί τοῦτον Soph. Phil. 591, ἦξω' 'πί τούτοις Eur. Rhes. 157), cum in aphaeresi vocalis initialis non prorsus evanescat, sed ita deminuat, ut neque hiatum creet neque morae vicem sustineat (cf. Ahrens De crasi et aphaeresi, Kleine Schriften I, Hannover 1891, pg. 53 et 76). Aphaeresis autem hoc loco eo facilius ferri potest, quod pronomem ὀ (pronominis demonstrativi vim formae vocis ὀ particula γάρ fultae habent etiam apud Pindarum O. III 36, XIII 6, N. X 60) cum particula γάρ in pronuntiatione in unam vocem coalescit. Vocalem autem spiritu aspero praeditam etiam alibi aphaeresi affici videmus (cf. ρῆ 'τέρωσε Ar. Ach. 828) atque exemplum vocalis ο post ω elisae ex inscriptionibus affert Lucius (ὀκτώ 'βολῶν l. l. pg. 50). Cum igitur pronomem ὀ quamvis leniter pronuntiatum sit atque antecedit interpunctio, per errorem librarii

²⁸ Cum in hoc carmine trochaeo (v. 5) respondeat etiam tribrachys (v. 20), defenderim // traditum spondeum in vv. 35 et 50, ubi Kenyon μῶνον et κηῦτυκτον in μόνον et κηῦτυκτον mutavit. Ceterum exoptanda est disputatio de universa arte metrica Bacchylidis.

XLII

XLII

XLII

XLIII

crasin statuentis in ἀγλαϊζέτω tenuis τ in aspiratam θ mutata esse // videtur, quam ob rem scripserim: θεόν τις ἀγλαϊζέτω (ὁ) γὰρ ἄριστος ὄλβων (cf. Rossbach-Westphal, l. l. III 1 pg. 121).²⁹

Elisione ut vulgo abicitur α: in acc. sing. III decl., in sing. et plur. nominum neutr. gen., in nom. et voc. sing. I decl. (etiam in fem. gen. adiect. in -ός, -εία, -ύ: γλυκεῖ ἀνάγκα fr. LVI 1, ut Soph. Ph. 808), in verborum terminatione -μεθα, in praepositionibus παρά, διά, μετά, κατά, in particulis ἀλλά, ἴνα, in adverbiiis ἐπειτα, εἶτα, αὐτίκα, ἀτρέμα, ἔνθα, in numeralibus in -ηροντα; praeterea etiam in I pers. s. perf. act. δέδοιχ' ὄπα XVIII 30 (ut Pind. O. X 3, N. VII 65); ε abicitur in pronom. σέ, τόνδε, τόδε, in II p. s. imperat. act., II p. pl. act., III p. s. praet. act. ind., in particulis τέ, δέ, κέ, γέ, οὐδέ, μήτε, εὔτε, ὅτε, in adverbiiis ποτέ, τότε, ἄλλοτε, ἄτερθε; praeterea etiam in voc. sing. II decl. πολυζήλωτ' ἀναξ IX 45, Πύθι' Ἄπολλον XVI 10 (ut Soph. Ph. 369); ι eliditur in praepositionibus ἐπί, ἀμφί, in adverbio ἔτι, in ἐστί; in verborum terminationibus praeterea -μι: θέλοιμ' ἀμβρότοιο XVII 42 (ut Pind. // N. VIII 38. al.) et -ντι (III p. pl. act.): σεύοντ' ἀγέλας XVIII 10, βρίθοντ' ἄγυιαι fr. XLVI 12 (ut Pind. N. III 4. al.), atque in dat. plur. III decl. χέρεσσ' ἄκοντας XVIII 49 (ut Pind. P. I 92); ο eliditur in praepositionibus ἀπό, ὑπό, in verborum terminationibus -ο, -το, -ντο; praeterea in adverbio δεῦρο V 8 (ut Pind. O. VIII 51 al.), in numerali δύο XVIII 49 (ut Pind. O. VI 101 al.), in gen. s. II decl. in -οιο terminato: ἀπλάτοι' Ἐχίδνας V 62, Πριάροι' ἐπει XI 120, ἀμβρότοι' ἐρανήνον XVII 42 (ut apud Pind.). Diphthongos vero numquam elidi videmus.

XLIV

Si ante initialem vocalem vocis positum est vocabulum, quod in longam vocalem vel diphthongum exit, poetae epici longam hanc syllabam in thesi positam corripere soliti sunt. Quam licentiam Bacchylides (aeque atque ceteri chorici poetae) imitatus est, exstantque satis multa exempla. Corripiuntur autem a poeta nostro tantum diphthongi atque plerumque breves diphthongi αι (saepissime in καί, praeterea in verborum terminatione -ται), οι (in τοί particula in nom. plur. // II decl.

XLV

²⁹ Quodsi Crusius l. l. vocalem ω (in arsi!) in ἀγλαϊζέτω a poeta breviatam esse putat (ut fiat schema: $\overset{1}{\iota}\overset{2}{\omega}\overset{3}{\iota}\overset{4}{\omega}\overset{5}{\omega}\overset{6}{\omega}\overset{7}{\iota}\overset{8}{\omega}\overset{9}{\iota}\overset{10}{\omega}$), probare eum non possum, cum nihil simile notum sit (nam ἦ in ἦ ἔτερφ Pind. P. XI 24 non prorsus eadem ratione correptum est, cum in hoc carmine hoc loco semper tribrachys adhibitus sit), in aphaeresi autem statuenda nulla oriatur difficultas.

XI 120, in dativo οἱ fr. LXXII 3), εἰ (ὄβριμοδερκεῖ ἄλυσγα XVI 20), in quibus vocali ι in consonam (vel semivocalem) mutata hiatus evitatur. Praeterea bis diphthongus φ breviata est (παρθένῳ Ἄθανᾶ XVI 21 et Κηίῳ fr. LXXI 4). Fere semper autem diphthongus hoc modo corripitur in thesi dactylica (ut semper apud Pindarum, nisi defendas traditum ἀνθρωποι P. VIII 96); sed reperitur haec correptio etiam in πρόγο — νοῖ ἔσσαν XI 120 (nisi, cum v. 78 et probabiliter etiam v. 36 a longa syllaba exordiantur, etiam hoc loco longam syllabam servandam (ut Pind. I. I 16) esse statuas, quamquam ἔσσαν (a stirpe sed-) numquam in fronte digamma habuit) et in thesi trochaica XVI 8 et 20; praeterea in παρθένῳ Ἄθανᾶ XVI 21 et ἐπιδῆμενοι ἀνάγκαν XVII 96. Eadem correptio denique adhibita esse videtur in ἀνθροῦντι Ἐβρω XVI 5, cum nomini Ἐβρος digamma vindicare non liceat atque terminatio -ι dat. sing. III decl. et apud Homerum saepissime (cf. Monro l. l. § 373) et apud Bacchylidem XVII 68 lon-//ga sit. Praeter opinatum hiatus, qui nascitur, ubicunque digamma amissum est (de quo agatur infra pg. LII), tribus locis traditus est etiam verus hiatus. Brevem enim vocalem in arsi ante sequentem vocalem videmus productam in μεγαίντε Ἴερῶν III 64, qua in re Bacchylides Homerum secutus esse videtur, qui eandem licentiam sibi sumpsit (cf. II. VIII 556, Od. IX 366, X 322 al.). Deinde X 15 traditur hiatus intolerabilis ἔκατι ἀνθεσιν, sed iam Jebb rectissime (cf. annotationem Kenyon'i ad hunc versum) ostendit voce ἔκατι versum finiendum esse, cui rei nihil obstat. Cum igitur apud Bacchylidem nusquam occurrat hiatus, qui non aliquatenus excusetur, etiam XVII 131 illicitum hiatus φρένα ιανθείς Jebb iure sustulit facillima emendatione φρένας. Nam fieri prorsus non potuit, ut Bacchylides pro aeque apta forma φρένας hiatus admissio (quem choricis diligentissime evitabant, cf. Mucke l. l. pg. 42 et Peter l. l. pg. 26) φρένα adhereret; // literae autem a librario etiam alibi (cf. V 71, XI 66, XIII 108) per errorem omissae sunt, quae res hoc loco eo facilius fieri potuit, quod litera σ omissa sententia non depravatur.

θ) De apocope

Homerum (sed etiam in titulis apocope saepe invenitur) secutus aeque ac ceteri choricis Bacchylides apocopen haud raro admisit. Afficitur enim ea praepositio ἀνά III 89, V 7, VIII 14, XI 100, XIII 105, fr. LII 1, fr. LIII 3, fr. LVI 4 (semper cum

verbo vel nomine in unam vocem coniuncta)³⁰, παρά in πάροφρονος XI 103 et πὰρ χειρός XIV 10.

1) De productione suppletoria

XLVIII

Litterae -ᾶν- apud Bacchylidem semper mutantur in -ᾶς-, ut in πᾶσαν, πᾶσι (cf. Cret. πάνσα)³¹, in acc. plur. I decl. (cum Pindarus etiam Aeolicam formationem in -αις usurpaverit, cf. Peter l. l. pg. 34, et apud Stesichorum et Alcmanem occurrat terminatio ᾶς cf. Mucke l. l. pg. 29 sq.), in participio aor. I (itemque apud ceteros choricos, cum solus Pin-//darus etiam hic Aeoles secutus sit, cf. Mucke l. l. pg. 22). Quare etiam IX 38 nobis solum πελάσας scribere licet, nisi certa vestigia litterae ἰ exstant (cf. Blass Liter. Centralbl.).

Litterae -ενς- apud Bacchylidem semper syllaba -εις- compensantur in adiectivis (cf. ἀδάεις XV 44) et participiis, quorum terminatio -εις ex -ενς nata est, in εἷς et οὐδεῖς, postremo bis (metro postulante) in praepositione εἰς (V 110, XV 43), cum ceteroqui poeta semper (exempla exstant plurima) forma ἐς usus sit (itemque Pindarus, cf. Peter l. l. pg. 68).

XLIX

Litteras -ονς- Bacchylides non nisi bis Aeoles secutus in -οις- mutavit, quantum videamus, in Μοισᾶν V 4 et λαχοῖσαν XIX 14, ceteroqui autem semper in -ους-, ut in Μοῦσα (cum apud Pindarum semper Μοῖσα legatur, sed μουσικᾶς O. I 15; de ceteris choricis cf. Mucke l. l. pg. 20), in acc. plur. II decl. (cum Pindarus etiam Lesbiacam formam in -οις usurpaverit, cf. Peter l. l. pg. 34 et Mucke pg. 22), in fem. genere part. praes. et aor. II act. in -ουσα exeuntis (cum apud Pindarum fere semper tradita sit forma Aeo-//lica, cf. Mucke pg. 20), itaque etiam in Κρεούσας XVIII 15, denique in III pers. pl. praes. et fut. act., exceptis quattuor locis, qui terminationem Doricam in -οντι exhibent V 22, XIII 198, XVIII 10, fr. XLVI 12 (cum Pindarus terminationem Doricam variet cum Lesbiaca in -οισι, cf. Mucke pg. 21).

Videmus autem etiam alias e duabus consonantibus vicinis (interdum vero geminationem in fontibus nostris iam non exstantem nobis fingere licet) alteram ita saepe intercidere, ut in aliis dialectis vocalis, quae antecedit, maneat brevis, in

³⁰ Iniuria autem Kenyon V 142 traditum ἐγλαύσασα in ἀγλαύσασα mutavit, nam licet alterum exemplum huius verbi non exstet facile tamen quid valeat intelligitur (cf. ἐνδακρῶν, ἐγγελάω al.) Latineque ἐγλαύσασα reddi potest «illacrimata» (scil. mihi).

³¹ XIII 108 (ut etiam apud alios auctores) πανσυδία mutatum videmus in πασσυδία, sed G. Meyer probabiliter πασσυδία pro πᾶσυδία scribi docet.

aliis productione suppletoria longa fiat. In mixta autem lingua choricorum poetarum variae formae eiusdem stirpis per vices leguntur. Iam vero perlustremus exempla, quae in Bacchylidis carminibus traduntur. Vocales ε et ει promiscue, prout metrum postulavit, occurrunt in ξένος V 11, ξένιαν XIII 191 et ξείνα XI 85, ξείνων I 12, ξείνοισι XII 5 (itidem Pind. variat; utraque forma, a ξένφο; // nata, iam apud Homerum legitur, forma ξεν- tamen rarissime) huc pertinet etiam εἴ[ν]ε[κ]ε[ν] XIII 103 (cf. epic. εἵνεκα, Lesb. ἔνεκα, Att. ἔνεκα); itemque ε et ει in χέρα VIII 3, χέρας III 35 al., χέρεσσι XVIII 49, χερσίν V 189 et χεῖρα XIII 16 al., χειρός IX 35 al., χεῖρας III 50 al., χειρῶν V 82 al.; -ειν- et -εενν- in κλεινός V 13, κλεινόν XIX 9, κλεινᾶ XI 78, κλεινοί IX 22, κλεινοῖς VIII 16 et κλεεννός V 182, κλεεννάν V 12 (Pind. quoque et Lesbiacam formam κλεεννός (a κλεφεσνός) et communem, ut videtur, Ionibus et Doribus formam κλεινός adhibuit); vulgarem clausulam -εινός invenimus etiam in αἰπεινάν IX 34. Vocales ο et ου per vices leguntur in κόρα XVII 32 al. et κούρα V 104 al. (κορφα in Doride mitiore in κούρα (et κόρα) mutatur, apud Aeoles in κόρα, cf. Morsbach De dialecto Theocritea, Bonnae 1874, pg. 39, 41, 44), in ρόνους XVIII 46, ροναρχήσειν fr. LVI 7 al. et ρουνοπάλα[ν] XII 8, ροῦνον III 80 al. (iam apud Homerum praeter solitum ροῦ-νος semel II. XI 470 usurpata est forma ρουνοθεῖς quae Aeolicae dialecto tribuenda est), in Συρακοσίαν IV 1 et Συρακούσας V 184³² (Pindarus formis Συράκωσαι et Συράκωσσαι utitur, numquam Συράκουσαι, cf. Peter l. l. pg. 17). Solum epicum ου apud Bacchylidem traditur in νού[σ]ω[ν] I 32, fr. LX 1, in βουλασι XI 121, βού-//λευσεν V 139 (cf. Dor. βολά, Aeol. βόλλα), οὔλαις XVII 113, οὔλιον XVIII 53 (ου ubique, οὔλ- pro *Φολν-, cf. Curtium Gr. d. gr. Etym. pg. 344), solum ο exstat in ὄρου XIII 89, XVII 90 (in nom. s. etiam apud Homerum semper ο legitur). Sed etiam ante consonantem antiquitus, quod quidem sciamus, simplicem interdum eadem variatio invenitur, atque apud Bacchylidem ο legitur in Ὀλύρπιον V 179, Ὀλυρπία VI 6, VII 3 al. (cum apud Pindarum etiam ου- in hoc nomine occurrat), ὄρος XI 55 (apud Hom. et Pind. etiam ου- in hac stirpe occurrit); ου in οὔδον fr. LIX 1 (Attice ὄδός), οὔρανοῦ XVII 55, Οὔρανίας V 13 (Lesb. ὄρανος, Dor. ὄρανός). Vocales ο et ω per vices occurrunt in Διόνυσον XIX 50, Διονυσίοισι fr. LVI 4 et Διω[ύ]σσου IX 98 (utraque vocalis iam apud Homerum exstat, cf. Lesb. Ζόνυσος).

³² Traditur Συρακούσ-σας, sed alterum σ delendum est, nisi potius restitueris vere Doricam formam Συρακόσσας.

Postremo hic moneatur, Bacchylidem epica (Ionica) solum forma particulae ὄν uti XIX 29, 37, cum Pindarus semper scripserit Doricum ὄν.

κ) De vocali ι ante vocalem posita

- LII Vocalem ι ante vocales Bacchylides quoque // interdum in semivocalem mutavit, ut in Κλειῶν III 3, παῖάνιξαν XVII 129, Κνωσσίῶν XVIII 39 (cf. Αἰγυπτίων Od. XIV 263); saepius prorsus omisit, ut in ἀδελφῶν V 118, Ἄλφρον V 38, 181, XI 26, Ἄλφροῦ VI 3 (ut Kenyon recte emendavit traditum Ἄλφρειοῦ), semper in formis adiectivi ἀφνός I 34, V 53 (etiam hic Kenyon traditum ἀφνειόν iure emendavit), XVII 34, in Ἐπερβορέου III 59, τελέου XI 92, πνοαῖσιν V 28, denique in omnibus formis adiectivorum πορφύρεος, γάλκεος, χρύσεος. Servatur autem vocalis ι in Ἄλφρειοῦ VIII 11, XIII 160, Κλει[ώ] XIII 195, αἰεί I 38, IX 81, αἰέν XIII 174 al., αἰετός V 19, τοιοῦτον V 87, πλείονα III 65, in omnibus formis vocis οἰός.

B. De consonantibus

α) De digammatis vestigiis

- LIII Digamma cum in nonnullis dialectis etiam Bacchylidis aetate vigeret, apud Iones iam multo ante omisum erat. Vis digammatis tamen etiam apud Bacchylidem cernitur, quoniam poetae chorici aequae atque elegiaci iambicisque in digammatis quoque usu Homerum imitabantur. // Neque vero Bacchylides iam unquam brevem syllabam praecedentem ante vocem in fronte digammate praeditam positione producit et interdum vocalem longam vel diphthongum ante pristinum *Ϝ* corripit (cf. τοῖ εἴκοσι XI 104) et saepe vocalem brevem elidit (cf. τὸς'εἶπε III 48, al.). Eam vim digamma tamen saepe retinuit, ut syllaba longa non brevietur nec vocalis brevis abiciatur. Digammatis tenacissimum est pronomen οἷ (ut iam apud Homerum), quod hiatus non efficit in I 17, XI 110, XVII 18, 37, 115, XVIII 46, XX 9, syllabam ante se longam servat in καί οἱ fr. I 10, semel syllabam brevem positione non producit in fr. LXXII 3. Deinde brevem vocalem ante se patitur ἔκασι fr. I 7 (bis autem elisionem admittit), vox ἴον (viola) in ἰοβλεφάρων IX 3, ἰόπλοκον IX 72, ἰοστέφανον III 233, videtur autem huc etiam hiatus ἐξείλετο ἴον V 75 referendus esse, voi

³³ Prorsus abicienda est coniectura Crusii (Phil. pg. 151 sq.), qui pro Δ[ίμα]τρα ἰοστ. scribit Δαματέρ' ἰοστ., quod ante ἰο- hiatus non admittatur (!), quae opinio non digna est, quae refellatur.

enim *ιός* (sagitta) numquam digamma habuit (cf. Curt. Gr. d. gr. Etym., pg. 402), cum autem Bacchylides digammatis usum // utpote Ionica in civitate natus non usu cotidiano nosset, sed ex Homeri carminibus didicisset, ante quas stirpes hiatus admitteretur, facile fieri potuit, cum ante similes stirpes *ἴον* (viola) et *ιός* (virus) antiquitus digamma stetisset, ut per errorem etiam ante *ιός* (sagitta) hiatus admitteret. Porro diphthongus in arsi non corripitur ante *ἔρδων* I 25, V 36, *ἔρδοντα* XIV 18, *ἐρχθέντος* XIII 32 (sed ante substantivum *ἔργον* X 43, XIII 170, XVIII 18 eliditur brevis vocalis); *εἰδώς* V 78 (sed *μετέπρῆπέν εἰδῶλον* V 68); *εἰπεῖν* IX 72 (sed elisio fit ante *εἶπε* III 48). Monendum est diphthongum illam omnibus his locis adverbium *εὔ* esse. Praeterea longa syllaba servatur in *ἐρατᾶ ὀπί* XVII 129 (elisio fit in *σαίνουσ' ὀπί* fr. V 6). In vocibus autem *ἄναξ*, *ἄστυ*, *εἴκοσι*, *ἐλπῖς*, *ἔτος*, *ἴσος*, *οἶκος* numquam apud Bacchylidem digamma adhibitum videmus. Postremo digamma statuendum esse videtur in voce (incertae originis)³⁴ *Ἰσθρός*; legitur enim *ἀγένη Ἰσθροῦ* II 7 et apud Pindarum *ἀλιερκέα Ἰσθροῦ* I. I 10 et *λεξοῦντι Ἰσθροῦ* fr. XCIX, 10. //

LIV

β) De geminatis consonantibus

LV

Geminatam spirantem *σ* Bacchylides Homero auctore servavit in *ῥσσον* I 42, *ῥσσα* VI 4, X 15, *ὀπίσσω* XIII 20, *ἔσσευε* V 104, fortasse (cf. annot. 26) in *Συρακόσσας* V 184³⁵; formam autem recentiorem (ut iam Homerus) usurpavit in *ῥσα* II 6, *τόσα* I 9, III 48, XVI 11, *μέσσω* XV 53. Praeterea simplex *σ* semper (ut apud ceteros choricis et epicis), cum Lesbii *ἴσος* (pro *ἴσφος*) in adiectivo *ἴσος* traditur; sed I 34, XIII 123, XX 9, ubi *ισ-* longae syllabae loco positum videmus, fortasse *ισσ-* scribendum est (cf. G. Meyer, l. l. pg. 301). Geminatum *π* metro postulante Kenyon restituit in *ὀππότε* XIII 77. Cum in vocibus allatis consonans geminata etymologia defendi possit, metri gratia (ut apud Homerum) *λ* geminatum esse videtur in *πολύ[λι]στον* XI 41. Simplex autem *ν* (ut

³⁴ Curtius (Gr. d. gr. Et., pg. 402) quidem hanc vocem derivat a radice *i-* (*ιέναι*), sed licet dubitare. Prorsus vero futile id est, quod Kenyon in annotatione ad II 7 contra *Ϝ* profert; eodem enim iure exempli causa voci *εἰπεῖν* digamma denegare potuit, quod ante *εἶπε* III 48 elisio fit. Quo minus autem hiatus *ἀγένη Ἰσθροῦ* eadem ratione explicemus qua *ἀνθεμόεντι* "Εβρω XVI 5 (cf. pg. XLV), exempla obstant e Pindari carminibus allata.

³⁵ Praeterea non numquam in dat. plur. III decl. et in aoristo sigmatico, de quibus agatur infra pg. LXI et LXVII sq.

interdum apud Homerum et Pindarum) legitur in προσήνεπεν XV 9. Geminatum μ exstat in πλημμυρίν fr. LXIX, simplex in πλημμυρών V 107 (accentus locus incertus est).

γ) De χ pro θposito //

- LVI In casibus obliquis vocis ὄρνις Bacchylides (ut Alcman et Pindarus) Dorum more aspiratum χ adhibet: ὄρνιχες V 23. Cum ceteroqui in Dorica dialecto aspiratae inter se non permutentur (cf. Ahrens De dial. Dor., pg. 81), mutationem hanc in ὄρνιχ-ες factam haud probabiliter soli proprietati Dorum in sonorum pronuntiatione tribueris. Qua re G. Curtius (Gr. d. gr. Et., pg. 495) et ὄρνιθες et ὄρνιχες vocem deminutivam esse opinatur derivatam a stirpe ὄρνι- suffixo aut θ aut χ. Quae opinio iam propterea displicet (aspiratam θ vim deminutivam habuisse nequaquam pro certo demonstrari potest), quod formis ὄρνιθες et ὄρνιχες communem originem denegare non libet. Ipse igitur aliam proposuerim explicationem. Videmus enim in lingua Graeca principalem aspiratam gh plerumque in χ mutari, ante vocales e et i interdum etiam in θ (ut ante easdem vocales interdum q in τ, cf. τε, τίς, et g in δ, cf. δελφός = sanscr.//
- LVII gárbbhas), cf. θερμός, sanscr. gharmaś. Ponatur igitur antiquitus declinatum esse ornigh-os — ὄρνιχος, ornigh-i — ὄρνιθι, ornigh-a — ὄρνιχα, ornigh-es — ὄρνιθες, ornigh-ōn — ὄρνιχων, ornigh-as — ὄρνιχας. Tum vero fieri sane potuit, ut Dores e gen., acc. sing. et plur. χ, ceteri Graeci e dat. sing. et nom. plur. θ in ceteros quoque casus transferrent.

δ) Singula quaedam de consonantium usu

- Aspiratam φ assimilatione pro π natam legimus (itemque apud Pindarum) in Φερσεφόνας V 59; tenuem autem τ pro aspirata θ poeta (itemque Pindarus) Homerum vel Dores secutus usurpavit in αὔτις III 89, XV 60. Litera τ servata est in Homericō epitheto μνεπτόλεμος XVII 73, V 126, 170 et in nomine Κλεοπτόλεμω XIV 19, cum ceteroqui semper litera τ eiecta πόλεμος legatur. Spirans σ post ρ (ut apud Homerum) servatur in θαρσεῖ V 21, πυρσόν XIII 49, πυρσοχαίτου XVIII 51 (sed Πυρρίχου XIV 22), Φερσεφόνας V 59, θερσο[σε]πής XIII 166;
- LVIII eva-//nuit in [ἄ]ρατο II 5, αείρας III 36 (iam apud Homerum). Vocalis r in lingua Graeca modo in αρ modo in ρα mutata est; legimus igitur apud Bacchylidem (itemque apud Homerum et Pindarum) καρδίαν XVII 18, fr. XLIX et κραδίαν XI 85, XVIII 11; καρτερᾶ XI 46, καρτεράν XVIII 27, καρτερόθυμος V 130, κάρτος V 114 et κρατερᾶν XIII 110, κρατερᾶς XI 20, κρατερᾶ V 21;

[θ]ά[ρ]σος XVII 50 et θράσει XVII 62. Semper denique apud Bacchylidem leguntur formae vulgares βλέφαρον (apud Pind. γλέφαρον), ἐσθλός (apud Pind. ἐσλός), τότε (apud Pind. etiam τότα). -σσ- in πράσσω, μέλισσα al. (ut ubique, praeterquam in dialecto Attica et Boeotica).

II. DE FLEXIONIS PROPRIETATIBUS

A. De nominum declinatione

De α pro η in singulari I declinationis cf. pg. IX sq. et XXII sq. **Gen. sing.** De α (ex $\alpha\omicron$ contracto) in nominibus masc. gen. I declinationis cf. pg. XXIX. In II declinatione plerumque occurrit contracta terminatio -ου (cf. pg. XXXIX), praeterea autem // duo decies (V 62, X 37, XI 16, 21, 49, 75, 102, 120, XIII 30, 88, XVII 42, fr. VI 7; fortasse etiam IX 44) exstat antiqua terminatio in -οιο (similiter Pindarus utramque terminationem adhibuit). De terminationibus solutis et contractis (-εος, -εως, -οῦς) III declinationis cf. pg. XXXIV et XXXIX. Nominum in -ις exstat genitivus ὄβριος XIII 11 (-ιος ubique, exceptis Atheniensibus). Nomina in -εύς (ut iam apud Homerum) in genitivo terminantur in -ῆρος et -έος: "Αρηρος V 34, IX 44³⁶, Οἰνῆρος V 166, Οἰνέος V 120. Afferam denique genitivos ἀνδρός I 25, fr. LXIV, πατρός XVII 62, 99, 109; Ζηρός III 11, 26, V 20, IX 5, X 29, Διός III 70, V 79 al.; κρατός XVIII 51; χειρός IX 35 al. (cf. pg. L); Θέριτος XV 55. **Dat. sing.** De terminationibus solutis et contractis III declinationis (ει, οι, υι, ωι) cf. pg. XXXIII, XXXVIII, XXXIX. Praeterea memorentur dativi ἀνδρί III 88, ματρὶ III 50; Ζηνὶ XI 5, XVI 18. **Acc. sing.** De terminationibus solutis et contractis III declinationis (εα, οα, ωα) cf. pg. XXX, XXXI, XXXVIII, XXXIX. Afferam praeterea accusativos ἀνδρα III 69 al., Δ[άνα]τρα III 2, // πατέρα XI 51, Δία V 178; βοῶν XVI 22, νᾶα XVII 89, 119; χέρα VIII 3, χεῖρα XIII 16, XVII 11; πλήρρυριν fr. LXIX (cf. Mucke l. l. pg. 51), βοῶπιν XI 99, χάριν III 97 al.; Κῶν II 71; οἶόν II 14 al. **Nom. plur.** De terminationum contractione (εα, εε) in III declinatione cf. pg. XXX sq. et XXXII. Praeterea afferamus Σάρδιες III 27, θύγατρεις XI 84, fr. XXXIV, νῆεις fr. LVI 10. **Gen. plur.** De contractione terminationum (αων et εων) I et III declinationis cf. pg. XXX et XXXVI. Memorentur praeterea genitivi ἀνδρῶν X 38 al., ἀν[έ]ρων XIII 163, θυγατρῶν V 167 al.; χειρῶν V 82 al.; πόλεων in fr. LVI 6, quod etiam alias a choricorum dialecto

³⁶ [Malā pierakstīts: cf. Hes., Boeot., Lesb.]

alienas formas (cf. pg. XXIII) exhibet. **Dat. plur.** In I declinatione Bacchylides terminationes -αις et -αισι(v) (a Doribus vel Aeolibus mutuatus, cf. pg. II) promiscue, prout metrum postulavit, adhibet. Semel tamen etiam forma epica κλισίησιν XIII 102 consulto inserta est. Cum enim Bacchylides vv. 72—142 facinora Aiakis ab Homero II. XI—XIV tradita celebraret, narrationi suae etiam epicum // colorem dedit usurpatis cum multis vocabulis Homericis (θρασυχάρδιος, ὄρραίνοντα, θεσπεσίῳ, ἀτυζόμενοι, αιχματάν, ρίμνοντα, ὑπαί, ὑσρίναν, ἐπὶ θίνα θαλάσσας, εὐπρύμνοις al.) tum flexionis formis κλισίησιν et ἕξον v. 116 (ipsumque metrum eius modi est, ut plurimi versus integri in hexametrum inseri possint). Itidem in II declinatione (ut iam apud Homerum) terminationes -οις et -οισι(v) per vices leguntur. In III declinatione (ut apud Homerum, Dores, Aeoles) -σσι non solum in στήθεσσι XI 54, [ψε]ύδεσσι XV 57 (neque absunt formae recentiores ἄνθεσιν X 15, [τε]ύχεσσι V 72, βαρυκενθέσιν XIV 12), ποσσί(v) I 7, V 183, XVII 108, Χάρισσιν XV 49 (sed ποσίν XVIII 17) legitur, sed occurrunt etiam formae πόδεσσι VI 2, XIII 53, Χαρίτεσσι V 9, παίδεσσι XV 39 (sed παισὶ X 42), πάντεσσι(v) XIII 48, 170, XVII 123, fr. L (sed πᾶσι(v) XV 54, fr. LVI 7), φρένεσσι XIV 11, χέρεσσι XVIII 49 (sed χερσίν V 189).

LXII ἄνδρεσσι(v) V 96, XI 114 (sed // ἀνδράσι fr. LVI 5), πτερύγεσσι V 18. Praeterea afferatur dativus [θυγα]τράσι III 35. **Acc. plur.** De I et II declinatione cf. pg. XLVII et XLVIII; de contractione terminationum in III declinatione (-εα, -εας, -ωας) cf. pg. XXX sq. et XXXIX. Praeterea afferam χέρας III 35 al. χεῖρας III 50 al.; ἄνδρας fr. I 11. Dualem non legimus nisi in φῶτε XVIII 46, quamquam etiam alibi dualis numerus exspectari potuit. Praeterea Kenyon pro χεῖρας πέτασσε XVII 72 coniecit χεῖρε πέτασε, sed ambas manus tollere supplicantis, non demonstrantis est (Minos autem hoc loco Theseo fulgur demonstrat) quare singularem χεῖρα, qui propius accedit ad formam traditam scribendum esse censeo.

B. De adiectivorum comparatione

Praeter comparationis formas ἀρειονος XVIII 29, ἀριστος III 22 al., φέρτερον IV 18, φέρτατος XVIII 20 al., φέριστον V 160, πλείονα III 65, μείων I 35, μείζον fr. XLV 2, μέγιστον III 19 al.

LXIII ἔχθιστος III 52, // κάλλιστος XIV 17, ῥᾶστον fr. XLVII 2 (ῥηίστος Od. IV 565), ὑπέρτατον III 84 al., ὑπλότερον XI 71, ὕστερον XVI 33, πιστάτω fr. LXXII 2, quae iam apud Homerum leguntur, occurrunt nobis etiam superlativus γλύκιστον III 47.

C. De numeralibus

Praeter formas vulgares εἷς, μία, δύο, ἑννέα, πρῶτος, τρίτος al. afferam formam epicam τριτάτα fr. I 2.

D. De pronomibus

Pronominum formis Bacchylides paucis admodum usus est, cum Pindarus maiorem copiam praebet. Saepissime occurrit Doricus accusativus νῖν (= αὐτόν, αὐτήν, αὐτό, αὐτούς), semel XI 111 epicum μῖν (i. e. βωρόν). Cum de singulari pronominis I personae nihil notandum sit, pluralis exstat dativus Aeolicus ἄρμυ XVII 25, qui iam in lingua epica usitatus fuit. Secunda persona praebet (ut apud Homerum) genitivos [σ]έο III 65 // et σέθεν XI 9; praeterea occurrit Doricus dativus τῖν XVIII 14, atque ut apud Homerum per vices leguntur σοί et (semper encliticum) τοί. Deinde saepe adhibitum videmus dativum III personae οἷ (pro αὐτῶ, αὐτῆ). Pronominum possessivorum praeter vulgares traduntur formae Doricae ἀρέτερ-ος V 90 al. et ἄρὸν fr. XLVI 11 (ubi vulgo minus recte ἄρὸν scribitur, cum formae Aeolicae ἄρμος Dorice respondeat ἄρός, cf. Ahrens De dial. Dor., pg. 262 sq.); deinde (ut apud Homerum) τεᾶν X 13, XVII 21 (neque abest σός, ὄν (= ἑαυτοῦ) V 47, (e coniectura Grotii) ἐόν fr. XLVIII 5, σφέτερον (= ἑαυτῶν) XI 50, σ[φ]ετέρας (= ἑαυτοῦ) III 36. Pro ἐκεῖνος semper κείνος legitur. Praeter formas vulgares pronominis relativi ὅς, ἃ, ᾧ, ὅν, ἄν al. haud raro significatione relativa adhibentur etiam casus pronominis ὁ, ἃ, τό, cuius nom. plur. formas οἱ, αἱ, τοί, ταί exhibet (nisi articuli vice fungitur, qui apud Bacchylidem litteram τ in // his formis videtur non recepisse: αἱ τ' ἄλλαι IX 63).

E. De verborum coniugatione

α) De augmento

Homerum secutus Bacchylides (itemque ceteri chorici) augmentum saepissime omisit, neque tamen hoc facere solitus est nisi metri gratia. Ubi vero elisione admissa augmentum servari potest, plerumque (semper in verbis compositis) id assumptum videmus. Bis tantum antecedentis vocis brevi vocali servata augmentum omissum est: πάντεσσι· λάμπε XVII 123 (ubi post πάντεσσι interpunctum est) et μεγιστοάνασσα κέλευσεν XIX 21. Kenyon praeterea transscribit τε τεῦχον XI 110, πάντ[α] σάμαινεν XV 38, δὲ τέρπον XVII 107, quod in papyro apostrophus deest. Quem cum saepissime (cf. I 24, 29, III 6, 50, 61 al.) deesse videamus, praestat elisione adhibita τ' ἔτευχον, πάντ' [ἐ]σά-

LXVI *μαινεν, δ' ἔτερπον* his locis scribere. // De augmento temporali cf. pg. X et XVIII. Praeterea notandum est augmentum temporale non assumptum esse (metro non cogente) in ἔντυον fr. LIX 1. εὐκλείξας VI 16, εὐχοντο XV 46 (verba ab εὐ- incipientia apud Homerum quoque et Pindarum et al. numquam augmentum recipiunt), sed ὄρσαν XIII 112, ὄτρυνε XIII 11, ὄκισσαν IX 51, φ[χε]το fr. I 13.

β) De terminationibus

Doricam terminationem -οντι III persona plur. praes. et fut. act. quater exhibet: πτάσσοντι V 22, καρύξοντι XIII 198, σεύοντ'(ι) XVIII 10, βρήθοντ'(ι) fr. XLVI 12, ceteroqui semper -ουσι, cf. pg. XLIX. De terminationibus participiorum praesentis, futuri, aoristi cf. pg. XLVII sq. Praeter vulgares infinitivi formas quater occurrit Dorica terminatio -εν: θύεν XVI 18, ἐρύκεν XVII 41, ἴσχευ XVII 88 (ut Kenyon traditum ἴσχειν metri causa emendavit), φυλάσσειν XIX 26; praeterea legimus formas iam in lingua epica // usitatas ἔρμεναι XVIII 14, θέμεν XVII 70, ἴμεν XIX 12, ἔρμεν V 144, XVIII 31, 56 (hoc loco ἔρμεν pro tradito ἔμεν Kenyon metri causa restituit). Denique X 48 traditum est εἴμεν, quod Kenyon dubito num iure in ἔρμεν mutaverit, quoniam ea forma apud Dores usitata fuit (locos afferunt Ahrens De dial. Dor., pg. 322 et Kühner Ausf. Gramm. d. gr. Spr. I², pg. 668). De contractione vocalium *αι, αει, αο, αω, εαι, εε, εει, εο, εοι, εω* cf. pg. XXVII sq.; semel occurrit epica forma coniunctivi *λάχῃσι* XIX 3; de forma *θάλπῃσι* fr. LVI 2 cf. pg. XX; de *α* et *η* in verborum formis cf. pg. X sq. et XVIII sq. Dualis autem forma nulla occurrit.

LXVII

γ) De aoristis

In aoristo sigmatico geminatum *σ* (ut apud Homerum) servatum est in ἀγκομίσσαι III 89, κατένασσε III 60, XI 41, ἔσσαν XI 120, πέλασσαν XI 33, πελάσσας IX 38; praeterea etymologia defenditur in ὄκισσαν IX 51 (apud Pindarum quoque), τρέσσαν XVII 92 (cf. sanscr. *trāsati*); inde autem (ut apud Homerum et Pindarum) translatum est etiam in ὤλεσσαν XV 63 (sed ὤλεσε // V 121, ἀπώλεσεν XVI 31). Aoristus verborum in -ζω desinentium (ut interdum apud Homerum, semper apud Dores) non numquam, etiam si -ζω e -διω natum est, literam *ξ* assumit: δοίαξε XI 87, εὐκλείξας VI 16, παϊάνιξαν XVII 129 (sed κορπάσσαι VIII 4). Huc pertinet etiam aoristus ἠλόκταξον

LXVIII

XI 93, quem Kenyon nescio an iniuria in imperfectum ἠλόκαλον mutavit. Aoristus enim hoc loco defendi potest (cf. Kühner Ausf. Gramm. d. gr. Spr. II², pg. 135 sq.); terminationem (-ον) autem aor. thematici aoristo huic sigmatico poeta dare potuit analogiā formarum epicarum ἄξετε (aor.), ἴξεν, λέξεο al. inductus, praesertim cum ipse quoque Homericam formam ἴξον XIII 116 adhibuerit. Praeterea afferendae sunt haec aoristi formae: δέκτο X 31, XI 17 (sed (ἐ)δέξατο VIII 9, XVI 35, XVII 85), ἐπιδέγμενοι XVII 96, ἀνέπαλτο XI 65, φθιμένων V 83, ἔσσευε V 104; ἔπλε[το] I 3, κιχεῖν I 39, XV 53 (sed κιχῆσας V 148), ἔκτανεν V 89, κτανεῖν XIX 31, κατέκτανον V 128, κατέκτανεν XVIII 25, πέφνε IX 13, ἔπεφνεν XVIII 19, κατέπεφνεν V 115, ἀπέ-//τραπεν XI 27, πιθοῦσα XI 107, ἔπορεν V 51, δικῶν XVII 62, ἐξαγαγεῖν XI 103, ἔνεγκε XVII 63, θόρεν XVII 94, κίον XI 48, ἐρόλεν XVII 100, μόλε XVII 122, μόλοι V 110, μολοῦσα XIV 4, ἔκλαγε(ν) XVII 128, XVIII 3, ἔλαχεν I 28 al.; ἔθγκαν III 7, δόσαν XVII 37, σᾶθι V 80; κατέχρανεν V 44, ὤρσαν XIII 112, κνίσην XVII 8, ἐγκόρσαι fr. XLII 3, δάμασεν fr. I 9, δαμάσειας XVII 44; ἐπέβασε V 73; ἐδάη (= novit) V 64, ἐρχθέντος XIII 32, μιχθεῖσα XIII 66, μιγεῖσα XVII 31, πλαθεῖσα XVII 35, (ἐ)φάνη XVII 119, fr. XLV 2.

LXIX

δ) Singulae quaedam verborum formae

Notabo imperfecti formas προσήνεπεν XV 9, σβέννουεν III 56 (a praes. σβεννώω), εἶρεν XVII 20, 74 (praes. εἶρω Od. II 162 al.); perfecti formas τέθαλεν X 40, λέλογγεν XIII 154, λελογχώς X 39, πέφαται X 52 (Kenyon in indice derivat hanc formam a φαμί, cuius verbi re vera exstat perfectum πέφαται Ap. Rh. II 500; cum autem dubitem, num contextus id permittat, malim perfectum hoc verbo φάω (= φαίνομαι) tribuere, cuius exstant formae φάε Od. XIV 502, πεφήσεται II. XVII 155, πέ-//φαται Stob. 85, 19), ἀπεσσύμεναι XI 82, εἰράσθαι XIV 1, πεπρωμέναν XVII 26, [ἐ]ργμένον XIII 174 (nisi potius suppleas [ἀ]ργμένον!). Imperativus Aeolicus denique perfecti videtur esse ἔλλαθι XI 8 (cf. G. Meyer, l. l. pg. 574 et Ahrens De dial. Aeol. 284). Praeterea afferamus oportet aliquot formas verborum in -μι exeuntium: δάνναται fr. XLVI 8; ἐών VIII 8, ἐόντα IV 19, ἐόντα XIX 23, εὔντα III 78; ἴησι fr. LIII 1, ἴεται V 48, ἴετο XVII 90, ἴεσαι XI 56, προῖει (imperat.) V 81, ἐφίησι XIII 15; ἀρφιτίθει fr. LXXI 4 (imperat.), φασίν V 155, φάτο V 84; ἴσταν (III pers. pl. imperf.) XI 112; δίζηνται I 39, δίζησθαι XVIII 60. Postremo notabimus formas adiectivi verbalis εὐαίνετε XIX 11, μεγαίνετε III 64, μεγαινήτους I 16.

LXX

F. De particulis et praepositionibus

LXXI Praeter particulam *εἰ* bis legimus etiam (Doribus et Aeolibus communem et iam in lingua epica occurrentem) particulam *αι* V 5, XVII 64 idem significantem. Particulae *ἄν* et *κέ(ν)* (ut apud Hom.) promiscue adhibentur. Semel // reperitur praepositio in dialecto Aeolica et Dorica usitata *πεδά* in *πεδοιχνεῖν* XVI 9 (cf. annot. 4). Bis traditur (apud epicos, Boeotos, Dores usitata) praepositio *ποτί* (cum acc.) XI 96, XVI 29. Formam Homericam *ὄπαι* (sed etiam apud tragicos et Aristophanem exstantem) legimus XIII 106. Postpositio, quae appellatur, *-δε* semel reperitur in *πόντονδε* XVII 94. Praepositio *ξύν* numquam adhibita est. De praepositione *ἐς (εἰς)* cf. pg. XLVIII.

Appendix de quantitate syllabarum

LXXII Vocales in nonnullis stirpibus apud poetas modo longae modo breves sunt; apud Bacchylidem exstant haec exempla: *ἄρης* XIII 113, fr. LXII 2, *ἄρης* V 130 al.; *ἄθανάτων* X 11 al., *ἀκαράτας* V 25 al., *ἀκαμαντορόαν* V 180; *ἀνέρων* XIII 163, *ἄνήρ* V 191 al.; *ἴσος* V 46, *ἴσον* I 34 (sed cf. pg. LV); *κῦάνεον* XIII 31, *ῦ* in *κῦανοπλοκάρου* V 33 al.; *καλῶς* XIII 173, *ἄ* in *καλόν* IX 82 al.; *χρῦσός* III 17, 65, 87, fr. LVII 1 al., // *ῦ* in *χρῦσεάν* XVI 2, V 174; *φάρει* XVII 5 al.; *ἐπαῖσων* V 116; *ἔεται* V 48, *ἔετο* XVII 90, *ἐφίησι* XIII 15 al. (ceterum *ἔραι* et *ἔημι* non ad eandem radicem pertinent). Brevis vocalis cum liquida vel nasali in arsi longam syllabam efficit (ut apud Homerum) in *σύνεχέως* V 113, *δόμον*. *ἔρολεν* XVII 100, *τε ῥόδο* XIII 63 (sed *τε ῥοαῖς* XIII 160). Positionem facit muta cum *λ* circiter quinquagies (quater non facit³⁷), muta cum *ρ* circiter nonagies quinquies (circiter ter et vicies non facit), muta cum *ν* circiter octies et vicies (quater non facit³⁸). Muta cum *μ* semper positionem facit. De usu ceterorum poetarum cf. Kühner l. I. pg. 235 sq.//

LXXIII

Index

	Praefatio	I
	I. De sonorum proprietatibus	IV
	A. De vocalibus	IV
	α) de <i>α</i> et <i>η</i>	IV
	β) de <i>ᾶ</i> et <i>ε</i>	XXIV
	γ) de <i>ᾶ</i> pro <i>ο</i>	XXVI

³⁷ III 65, IX 20, XI 45 (πλ), V 128 (κλ).

³⁸ III 93 (θν), V 153 (πν), XVII 34 (φν), fr. XLVI 7 (χν ?).

δ) de ι pro υ	XXVI
ε) de τ̄ pro ευ	XXVII
ζ) de vocalium concursu intra voces	XXVII
η) de vocalium concursu in confinio duarum vocum	XL
θ) de apocope	XLVII
ι) de productione suppletoria	XLVII
κ) de vocali ι ante vocalem posita	LI
B. De consonantibus	LII
α) de digammatis vestigiis	LII
β) de geminatis consonantibus	LV
γ) de χ pro θ posito	LV
δ) singula quaedam de consonantium usu	LVII
II. De flexionis proprietatibus	LVIII
A. De nominum declinatione	LVIII
B. De adiectivorum comparatione	LXII
C. De numeralibus	LXIII
D. De pronominiibus	LXIII
E. De verborum coniugatione	LXV
α) de augmento	LXV
β) de terminationibus	LXVI
γ) de aoristis	LXVII
δ) singulae quaedam verborum formae	LXIX
F. De particulis et praepositionibus	LXX
Appendix de quantitate syllabarum	LXXI

ЛАТЫШСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ¹

[1899 Живая Старина III 285—312]

285 I

Какое значение имеет исследование заимствований одного языка от другого, известно всякому историку и филологу. Изучение заимствований латышского языка тем любопытнее, что язык этот до сих пор довольно хорошо сохранил первичные звуки индоевропейского праязыка, и поэтому он является немаловажным источником для истории звуков соседних германских и славянских языков, нередко сохраняя заимствованные слова в их первобытном виде, теперь уже измененном в том языке, из которого они были заимствованы. Список латышских заимствований из славянских языков, правда, уже составлен А. Брюкнером (*Litu-slav. Stud.* I 166—190), но он просто сопоставляет заимствованные слова с их оригиналами, не делая никаких выводов для славянской фонологии, и в большинстве случаев ничего не говорит о распространении отдельных //—заимствований среди латышей, а вследствие этого читатель получает неверное представление о числе славянских слов, перенятых латышами. Наконец, список его, с одной стороны, не отличается полнотою, а с другой — содержит несколько коренных латышских слов, хотя автор поставил себе девизом

¹ [Šis Endzelīna darbs manuskriptā (autora rokrakstā I—LXII lpp.) ir saglabājies (Rīgā LPSR ZA Fundamentālās bibliotēkas Rokrakstu un reto grāmatu sektorā J. Endzelīna fondā ar šifru: Endzelīns IX); manuskripta teksts ne viscaur gluži saskan ar tā publicējumu (1899. g.) — teksts publicējot ir vēl rediģēts, šo to pārveidojot, atmetot vai pievienojot (piem., manuskriptā dažkārt trūkst piemēru, kādi ir pirmpublicējumā, un otrādi). Manuskriptā ir autora vēlāki pierakstījumi (tie ir dažāda vecuma — manuskripts bibliotēkai dāvināts 1949. g. 14. oktobrī), un tie te uzrādīti tekstā kvadrāteikavās.

Par poļu valodas vārdu precizējumiem jāpateicas filologam St. Fr. Kolbuševskim (Poznaņā), bet par leišu — filoloģei E. Grinaveckienei (Viļņā). — Red.]

слова «ne quid nimis!». Все это, надеюсь, оправдывает появление настоящего сочинения после работы Брюкнера, хотя, быть может, и от меня ускользнули некоторые заимствования.

Из всех славянских народов только поляки и особенно русские в историческое время имели и имеют сношения с латышами. Когда начались сношения русских с латышами, нам неизвестно; знаем, однако, по летописям (ср. Keuβler D. Ausgang d. ersten russ. Herrsch. in d. gegenw. Ostseeprovinz., Petersb. 1897), что уже до прибытия немцев в Ливонию русские имели сношения как с другими племенами этого края, так и с латышами. Последние платили дань соседним русским князьям (псковскому и полоцкому); // некоторые из этих князей даже постоянно жили среди латышского населения (напр., в Кокенгузене), и даже православие было принято латышами, как свидетельствуют хроника Гейнриха Латышского (XI 7) и христианская терминология латышского языка (ср. Mag. XX 1, стр. 14 сл.). Однако на еще более раннее знакомство с русскими указывает латышское название русских, слово — *krievi*². Брюкнер (стр. 166 и 175) производит // это слово от польской формы *krewiczy*, но простое *e* в ла. языке не переходит в *ie*. Поэтому слово *krievi* восходит к р. *кривичи*, а так как *i* или *ī* тоже не переходят в *ie*, то слово *krievi* было перенято латышами еще в то время, когда индоевр. дифтонг *ei* еще не изменился в монофтонг у славян; то есть *krievi* происходит от **kreivi*, как, напр., *ziema* от **zeima* (гр. χεῖμα, р. зима), а если так, то этимология имени кривичей (от слова *кровь*), предложенная Носовичем (Словарь белор. нар. 737), неверна. // IV
Объясняется же такое название русских (pars pro toto) тем, что кривичи были единственное русское племя, известное латышам (ср. ЖМНПр., т. 309, стр. 73). — При завоевании Ливонии немцами сношения между русскими и латышами вполне прекратились (за исключением сорубежников) и

² Я обозначаю здесь через *ě* и *ũ* соответствующие литовским *ė* и *ũ* дифтонги *ia*, *ua*; буквы *s*, *š*, *z*, *ž*, *c*, *č*, *dz*, *dž*, *v* употреблены как в латинской транскрипции славянских языков; *ǰ*, *k̄*, *l̄*, *ń*, *f* обозначают смягчение этих согласных. Слогодарение, когда оно мне известно, обозначаю // знаками *˘*, *˙*, *ˆ*, о значении которых ср. мое сочинение «Über den lettischen Silbenaccent» в BB XXV, 1899 г. [Sai izdevumā:

ě=ie, *ũ=uo*. — Red.]

даже после 1721 года заметно не возобновились³. Только с введением реформ Александра III опять начинается усиленное влияние русского языка на латышский: уже в волостных училищах дети обучаются почти всем предметам на русском языке и, начиная с административных, судебных и полицейских властей до железнодорожных служащих, все говорят по-русски. Не удивительно поэтому, если в это короткое время уже начали проникать разные русские элементы в латышский язык, но так как этот процесс еще не кончился, то я в следующем своем изложении этих заимствований новейшего времени не буду приводить. Кроме великорусского языка (Псковской губернии), мы должны будем при-//нимать здесь в расчет и наречие белорусов, живущих в Витебской губернии рядом с латышами. — Гораздо меньше было влияние польского языка на латышский; непосредственным оно стало только с 1562 года (некоторые польские слова могли перейти в ла. язык при посредстве лит. языка), когда Лифляндия была присоединена к Польше, и продолжалось приблизительно до 1629 года (начала шведского владычества в Лифляндии), за исключением латышей-католиков Витебской губернии, подчиненных и теперь еще в значительной степени влиянию польского духовенства и дворянства. Вследствие этого, как указывает Брюкнер (стр. 206), ссылаясь на словарь Курмина (и приводя там же примеры), язык витебских латышей довольно богат полонизмами; мне, к сожалению, этот словарь был недоступен, а впрочем настоящая работа этим не много теряет, потому что (ср. слова Брюкнера там же) эти полонизмы — главным образом только новообразования недавнего// времени⁴. — Не про всякое слово можно сказать,

³ Позволю себе указать на стоянки русского войска в Лифляндии и Курляндии, на службу в русском войске и флоте латышей, возвращавшихся на родину, на значительные поселения русских староверов в Риге и т. п., наконец, на постоянное в течение 150—100 л. пребывание немногих латышей в Петербурге и в России и обратный их отъезд на родину в качестве [. . .]. Этими путями, несомненно, проникали русские слова к латышам в течение почти 200 лет. Red. [Zurnāla «Живая старина» redakcijas piezīme. Pirmpublicējumā priekšpēdējā teikuma beigās ir izlaists kāds vārds, jādomā ar nozīmi «ierēdņi» vai taml. — Red.]

⁴ Вследствие взаимных сношений и некоторые слова балтийских языков были заимствованы славянами. Примеры привели Миккола (BV XXI 118—121), Брюкнер (стр. 23), Вольтер (Lit. Mitt. II 308—309), Погодин (AfslPh. XVII 634); еще другие слова (напр., *глева*, *глѣв*) в Словаре русск. яз. Академии Наук считаются заимствованиями из латышского языка.

у какого славянского племени оно перенято, вследствие близкого родства славянских языков, и поэтому с этой точки зрения никаких подразделений не делаю. Точно так же бывают случаи, когда нельзя на основании одного лингвистического материала решить, перенято ли данное слово у немцев или у славян; такие случаи всегда буду отмечать⁵. — Далеко не все заимствованные слова, конечно, одинаково распространены среди латышей, и поэтому считаю нужным, хотя бы приблизительно, обозначать степень распространения каждого заимствования. Итак, буду различать: 1) слова общепотребительные (буквами comm.), 2) слова общеизвестные, но простонародные и в литературном языке без особенных целей не употребляемые (буквами vulg.), 3) слова, известные лишь в некоторых на-//речиях (буквами dial.), и 4) слова, известные только в пограничных говорах (буквами conf.); особенно много заимствований встречаем (судя по словарю Ульмана) в Оппекальне и среди витебских латышей. Повторяю, что такое подразделение считаю только приблизительным вследствие скудости данных (основываюсь главным образом на словаре Ульмана и на собственных сведениях); к тому же и не всякое слово легко поддается такой классификации⁶. — Группировать же буду все слова по славянскому гласному начального слога, потому что гласные этого слога в ла. языке, будучи всегда ударяемыми, особенно верно сохраняют свой прежний

⁵ [Šai rakstā starp aizguvumiem sastopami arī daži tādi latviešu valodas vārdi, ko autors vēlāk (skat. ME) nav vairs atzinis par aizgūtiem (piem.: *aruods* 289, *alva* 293, *žults* 297 u. c.) vai otrādi (piem., *bagāts* 298, *cilvēks*, *nabags* 301 u. c.). — Red.]

⁶ [Tagad, pēc gadiem 60—70, dažu šai apcerējumā aplūkoto vārdu izplatība ir kļuvusi citāda (par ko jau D. Zemzare Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis 1958. g. 3. nr. 26. lpp. — rakstā «Akadēmiķa Jāņa Endzelina pirmie pētījumi par slavismiem latviešu valodā»). Piemēram, vairāki ar dial. apzīmētie vārdi tagad ir lietojami literārajā valodā (dažkārt gan mazliet atšķirīgā formā vai ar drusku citādu nozīmi, un dažam vārdam ir vairāk profesionālas leksikas raksturs), piem., *bajārs* 294, *dūda* 306 (tagad parasti daudzskaitlinieks), *grēda* (*malkas grēda*) 293, *lenta* 299 (tagad arī *lente*), *pekle* «омыр, бездна» 300 (tagad parasti ar nozīmi «elle»), *pūka* 307, *sērs* 302, *slejas* 300, *sliede* 302, *spiegs* 301, *stikls* 301, *svabads* 296, *tēls* 302, *uoma* 305, *važa* «повод, цепь» 296 (tagad šis vārds parastāks kā daudzskaitlinieks un tad ar nozīmi «кандалы»), *vica* 304, *zizlis* 301. (Lappuses pēc pirmpublicējuma.) Bet daži ar comm. apzīmētie vārdi tagad ir izzuduši vismaz no literārās valodas, piem.: *kukņa* 308, *ranica* 290, *spičkas* 304, *stancija* 291. (Daļu no šiem piemēriem ir minējusi jau D. Zemzare l. c.) — Red.]

характер, между тем как неударяемые гласные легче подвергаются изменениям. Группировку по культурным понятиям считаю неудобною, потому что множество слов очень трудно группировать с этой точки зрения и другому не всегда легко отыскивать желаемое слово по такой группировке; а целям языковеда она // вовсе не соответствует. — Слова, несомненно произведенные от первоначально заимствованной формы уже на латышской почве, не буду приводить.

ЗАИМСТВОВАНИЯ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

Славянское *a* передается

1) через долгое *a*:

[?] *ālava* (comm.), dial. также *ālovice* — *яловица* [жяловица]; относительно первой формы можно сомневаться, действительно ли она заимствована, но очень вероятно, что форма *ālovice* заимствована, так как она очень напоминает русскую форму; и суффикс *-ice* довольно неупотребителен в ла. языке (ср. Bielenstein LSpr. § 222).

bānīt(i)s (dial.) блюдечко — п. *bania*, *baņka*, р. *банка*.

bāvīties (conf.) — *бавиться*⁷, лит. *bovytis*.

blāgs (conf.) слабый, худой — бр. *благий*, п. *btahy*, лит. *blōgas*.||

288 *gānīt* (comm.) позорить; гадить, ругать — бр. *гáниць*, п. *ganić*, лит. *gonyti* [č. *haniti*, кпг. *ганіту*]; в пользу того, что слово это заимствовано, говорит нисходящее слогуударение слога *gā-* (ср. Saussure MSL VIII 431).

grāmata (comm.) книга, письмо — *грамота*, лит. *grōmata*;

grāmatnieks (comm.) — *грамотник*. ||

IX *kāļuot* (dial., в Курл.) порицать — лит. *kōlioti*, п. *kalać*; относительно значения ср. глагол *gānīt*.

kāpiōsti (comm.) — *капуста*, лит. *kopūstai*, это слово может быть перенято и у немцев, ср. ср.-врх.-н. *kappūs* и прусский провинциализм *kapuste* (Frischbier Preußisches Wörterbuch).

krāsa (comm.) краска — *краса* [красá : srb. I s. *krāsīm*], лит. *krōsa* (*krōsyti*); *krāsns* (в словаре Стендера) или

⁷ [ME *blakus aizguvumam bāvītiēs uzrāda no slavu valodu formām tikai baltkrievu бавиць, бáвицьца*. — Red.]

krāšns (dial.) — *красный* (прекрасный); относительно перехода *s* в *š* ср. псковские формы *шпашибо*, *шяштра* (Соболевский Опыт русской диалектологии I 30).

lāška (conf.) милость — бр. *ласка*, п. *taska*, лит. *loskà*.

māni (comm.) обман — бр. *мань*, *мана*, лит. *mōnai*; *mānis* (dial.) обманщик — бр. *мань*; *mānīt* (comm.) обманывать — *манить*, лит. *mōnyti*.

pāsmā (dial.) — *пасмо*, п. *pasmo*, лит. *pōsmas*.

*pātaga*⁸ (comm.) плеть — *батог*, п. *batog*, лит. *botāgas* [č. *batoh*].

pāčka (conf.) коробочка — *пачка*, п. *paczka*.

pāvs (comm.) — *нав*, п. *raw*, лит. *pōvas*; это слово может быть заимствовано также из немецкого языка. //

prāva (comm.) *тяжба* — п. *prawo*, лит. *provà*; *prāvēt* (dial.) *исправлять* — *править*, лит. *prōvyti*; тот же глагол (с тем же значением) является и в более позднем виде с *ā*: *pravīt* (dial.).

prāmis (comm.) или *rāmis* (dial.) — *прам* (*пором*); отпадение *p* в начале слова следует приписывать влиянию ливского или эстонского языка. [s. *prām*]

sāņus (в грамматике Адольфи) — *сани*; более поздняя форма — *saņas* (dial.) — *санки* и *šankas* (dial.) — *санки*.

skāters и *skāterītis* (dial.) *одежина* — *скатерть*.

[?] *slābs* (comm.) — *слабый* (?). [slāb]

stārasta или *stārasts* (vulg.) — *староста*. [stārōst]

strādāt (comm.) *работать* — *страдать* (ср. *страда*, *страдовать*); *strādnieks* (comm.) *работник* — *страдник*. [strādām]

svāts (conf.) — *сват*, лит. *svotas*; *svātuot* (conf.) — *сватать*; *svāčas* (conf.) — *сваты*, бр. *сваця*. //

trāpīt (comm.) — *трафить*, бр. *трапиць*, лит. *trōpyti*; *trāpitiēs* (vulg.) — *трафиться*, бр. *трапицьца*.

tvāraka (dial.) *творог* — п. *twaróg* (или ср.-нем. *tvark?*).

vābīt (dial.) *призывать* — *вабить*.

⁸ Звучные согласные в ла. языке sporadически перешли в соответствующие отзвучные, // напр. *bekas* — *pekas*, *budele* — *pudele*, *grabažas* — *krabažas*, *guza* — *kuza*, *dusēt* — *tusēt*, *dranis* (нем. *Drohne*) — *tranis*, лит. *burnā* — ла. *puņa*, лит. *glėbys* — ла. *klėpis*; иногда видим противоположное: *tesmens* (лит. *tešmuō*) — *desmens*, *kriška* (р. *крышка*) — *griška*, нем. *Planke* — ла. *blanka* и др.; ср. также Брюкнера (стр. 56 сл.) и Geitler Lit. St. (стр. 53 сл.). [Vēlāk Endzelīns ME raksta, ka *peka* no *libiešu pākā*, *igauņu pākē*, *blanka* no *viduslejšvācu blanke*. — Red.]

[?] *vāpēt* (comm.) муравить — *ванить*; *vāpe* (comm.) мурá-//ва — *vana*. [*vàrit* : s. *vârim*]

čāpāt (comm.) тяжелоовато двигаться, ползать — бр. *чапачьца*; о заимствовании свидетельствует звук *č*, который в начале слова никак не может соответствовать русскому *ч*.

zābaks (comm.) — *canoг*, лит. *sopāgas*; о переходе *s* в *z* и *p* в *b* ср. прим. 8 и Брюкнера (стр. 54).

zāpasts или *sāpasts* (conf.) — *занас*, лит. *zopōstas*.

Сюда же относятся и те редкие случаи, что на месте славянского *a* является двугласный *uo*; они объясняются именно тем, что долгое *a* в восточных говорах ла. языка иногда переходит в дифтонг *uo* (= *oa* или *ua*; ср. Bezzenberger Lettische Dialekt-Studien, стр. 84 сл.). Мне известны следующие примеры:

kuožna (dial., Руен) запас — *казна*; вероятно, и форма *kuoša* (с тем же значением) представляет собою изменение того же слова.

puonis (dial.) господин — бр. *пан*, п. *пан*, лит. *pōnas*.

puors (conf., Витебск) — *пар*.

Сюда же, наконец, относились бы приводимые Брюкнером слова: *bāba* (comm.) — *баба*, лит. *bóba*; // *lāva* (comm.) полук, спальная скамья — бр. *лава*, лит. *lóva*; *sādža* или *sādžus* (dial.) литовская деревня — бр. *садзиба*, лит. *sodžius*; *juoma* (dial.) глубь, пролив — *яма*; но нет решительно никакого повода считать эти слова заимствованными из славянских языков (слово *sādža* заимствовано из лит. языка); тому даже противоречит или слогуударение (*bāba*, лит. *bóba*, срб. *bāba*, чеш. *bāba*; *lāva*, лит. *lóva*), или различие значения (*juoma* — *яма*; притом *juoma* встречается и в говорах, не знающих перехода *ā* в *uo*). Точно так же и слова *suodēji*, *suōdrēji*, *suodri* (comm.) — *сажа*, п. *sadza*, лит. *suodžiai* никак не заимствованы латышами: этому противоречат дифтонг *uo*, правильно соответствующий славянскому *a* (как, напр., в *duot* — *дать* от √ *dō-*) и встречаемый также в среднем (литературном) наречии; и согласный *d* (√ *sōd-* от *sēd-*).

2) через короткое *a*:

aba (dial.) или *apa* (dial.) — *або*.

aruods (dial.) хлебный закрюм — бр. *арүд*, лит. *arūodas*.

balamūte (comm.) болтун — *баламут*; лит. *balamūtas*.

badraks (conf.) — *батрак*.

baraškas (conf.) — *баранки* (крендельки); слово это, не-

сомненно, заимствовано, хотя и не знаю точно соответствующей славянской формы.//

baraniņš или *bareniņš* (dial.) — баранчик. 290

branīt (dial.) — бранить.//

cacis (dial.) также *čācis*, *cesī*, *cesas* (dial.) детская игрушка — чеча, цаца, п. *sasa*. XIII

čaja (dial.) — чай.

čārka (vulg.) — чарка.

draka (dial.) — драка; того же происхождения, вероятно, и *dracka* или *dracis* (dial.) шумный спор.

kalači (conf.) — калачи.

kalīte (dial.) — кожаная сума — калита.

kapata (dial.) — капот, п. *kapota* (или из нем. *Capot?*).

kapliče (dial.) погребальня — каплица, лит. *kaplyčė*.

kaprālis (comm.) — капрал.

karbača (dial.) — карбач, лит. *karbāčius*.

karīte или *kariete* (comm.) — карета, лит. *karėtà*.

kārmānčīks (vulg.) — карманчик.

kazaks (comm.) или *kazēks* (dial.) волостной посыльный — казак; *kazačka* (dial.) — казачок (пляска).

kazarma (comm.) или *kazarmis* (dial.) — казарма.

kacens (comm.) или *kacans* (dial.) кочерыга — ка-//чан XIV (кочан), п. *kaczan*; переход *č* в *c* объясняется цоканьем в Псковской и Витебской губерниях (Соболевский Оп. русск. диал. I 30 и 74).

kraucs (conf., Вит.) портной — бр. *krawiec*, п. *krawiec*.

lapšas или *lapšas* (dial.) — лапти.

maļavāt (conf., Вит.) — малевать, п. *malować*.

maņirka (dial.) — манерка.

naimītis (conf.) наемник — бр. *наймит*.

palāte (dial.) — судебная палата.

palatka (dial.) — палатка.

palīt (dial.) — палить (стрелять).

papuška или *papuškis* (dial.) — папушка (табаку).

[?] *pasports* (dial.) — паспорт.

razuka (vulg.) — пазуха; звука *ch* в ла. языке нет, и поэтому русское *x* передается через *k*.

raščuks (conf., Вит.) — пастух.

praci (dial.) дела — бр. *праца*, п. *praca* [лит. *proce*] [?].

rabata (dial.) — работа; *rabatnieks* (dial.) — работник.

raja (conf.) — рай.

ranica или *ranice* (comm.) — ранец; о переходе не-

ударяемого русского *e* в *i* ср. Соболевского, там же, стр. 29 и др.

291 *razbàiniëks* (vulg.) — *разбойник*; встречаются также формы *rezbàiniëks* // и *rezbaviba* (dial.) — *разбойничество*, в которых XV *a* пере-//шло в *e* благодаря влиянию соседнего *r* (ср. Брюкнера, стр. 43)⁹.

sads (conf.) — *сад*.

[?] *sažens* (comm.) — *сажень*.

slava (comm.) — *слава*, *slavëns* (comm.) — *славный* (*славен*), *neslava* (comm.) — *неслава*; слово это, однако, общеупотребительно и, вероятно, уже давно известно латышам, поэтому не исключена возможность, что ла. *slava* не заимствовано, но прямо соответствует р. слово, гр. κλέος, скр. *gravas* (ср. глаг. *slu-dināt* гласить и лит. *šlovė* — *слава*).

stakàns (dial.) — *стакан*.

[?] *stañcija* (comm.) — *станция*. [*stacija*]

[?] *staràtiëš* (vulg.) — *стараться*.

staravers (dial.) — *старовер*.

stàršiņš (dial.) — *волостной старшина*.

šablis (dial.) *сабля* — бр. *шабля*.

[?] *šalderis* или *žalbiers* или *žalburgs* (все dial.) *вертопрах*, *шалун* — *шалбер*, бр. *шалдыга*, лит. *šaldras* (о переходе *š* в *ž* ср. прим. 8; в говорах, где *ž* переходит в *š*, вместе с *žalburgs* встречается и форма *žolburgs*); *šaldi-baldi* (dial.) [adv.] *по-дурацки* — бр. *шалы-балы*¹⁰.

šarts (dial.) *шутка* — бр. *жарт*, п. *žart* (о переходе *ž* в *š* ср. прим. 8).

špala (dial.) — *шпала*.

švanīties (conf., Вит.) — *чваниться*; относительно перехода *č* в *š* ср. русскую диалектическую форму *што*.

tačka (dial.) — *тачка*.

vargans или *vargana* (dial.) — *варган*, лит. *vargõnai* //

XVI [?] *gvalte* (conf. [vulg.]) *насилие* — *гвалт*, лит. *gvāltas*.

zaplava (dial.) — *заплавь*.

[?] *zalaks* [*zalags*] (dial.) — *залог*.

⁹ Приведу еще другие примеры подобного перехода: *grazns* — *grezns*, *braņgs* — *breņgs*, *sari* — *seri*, *ragavas* — *regavas*, *sařma* — *seřma*, но и в соседстве других согласных изредка встречается тот же переход: *ālksnis* — *ēlksnis*, *valgs* — *velgs*, *zastava* — *zestava*, *žagus* — *žegus* и др.
¹⁰ После *l* и *n* в других заимствованных словах изредка вставляется *d*, напр.: *dalderis* — н. *Thaler*, *mālderis* — н. *Maler*, *dienderis* (рядом с *dieneris*) — н. *Diener*.

zastava или *zestava* (dial.) — застава.

znakums (dial.) — знакомый.

značka (conf., Вит.) записка — значок.

[?] *zakis* (comm.) — заяц, бр. зайка, лит. *zuikis*; по всей вероятности, это слово заимствовано, хотя нет точно соответствующей славянской формы.

želavaine (dial.) — жалованье; о переходе *a* в *e* ср. прим. 9.//

šlekts (dial.) чистокровный — восходит, очевидно, к лит. *šlėktas* (п. *szlachta*).

Из лит. языка (*čėdyti*), вероятно, взято и слово *čedit* или *cėdit* (dial.) — щадить; а слово *reĩte* (comm.) «аренда» не взято из русского (бр. *ранда*, лит. *randà*), но из немецкого языка (*Rente* или *Arrėnde*).

Брюкнер приводит еще: *čaba* (dial.) лягушка — бр. *жаба*; *drava* (comm.) или *dreve* (dial.) пасека — бр. *дороб* (!); *kabata* (comm.) карман — бр. *кабат*; *laidaks* или *laiduks* (dial.) лентя — бр. *лайдак*, п. *tajdak*, лит. *laidōkas*; *pakulas* (comm.) — // *накля*, бр. *пакулле*; *paraĩde* (comm.) — *напороть* (*напоротник*), лит. *parārtis*. Но при сопоставлении слов *čaba* и *жаба* трудно объяснить появление *č* вместо *ж* в ла. языке (разве спорадическим появлением звука *дж* в ла. *ж* в нек. русских говорах и тем, что сказано в прим. 8; но это довольно невероятно); *drava* (*dreve*), лит. *drāvis* (*drėvis*) не сближаются, ни формально, ни по значению, с бр. *дороб*¹¹; *kabata* и бр. *кабат* в своем значении не имеют ничего общего, и поэтому я вполне согласен с Биленштейном, производящим (LSprg. I 275) слово *kabata* от *√ kab-* (*kabināt* «вешать», лит. *kabėti* «висеть»), как *adata* от *adit*, *drupata* от *drupt*, *alkata* от *alkt* (ср. еще *žagata*, *lupata*, *lamata*, *plukata*, *stiepat* и др.); р. *лайдак* и п. *tajdak* уже своим дифтонгом *ai* возбуждают подозрение, что они заимствованы, а именно, из лит. языка; как верно уже высказался Потетьня (ср. Lit. Mitt. II 308), а поэтому и ла. *laidaks* или *вовсе* не заимствовано, или заимствовано // из лит. языка; точно так же и слова р. *накля*, бр. *пакулле*, п. *pakuty* Миккола (BB XXI 121) очень правдоподобно считает

¹¹ Если припомним, что *drava* (лит. *drāvis*) собственно — дерево с дуплом, занятым пчелами (= р. пчельнище), и что теперь еще в ла. яз. улей (пасека) называется также просто *kūoks*, *kūociņš*, *kūocis* (т. е. дерево, деревцо), то становится очень вероятным, что *drava* и лит. *drāvis* восходят к корню *dru-* или *dreu-* (скр. *dru-*, ц.-сл. *дрѡва*, *дрѡколь*, гр. *δρῶς*, *δρῶτός*, гот. *triu*), ср. Fick Wrtb.⁴ I, стр. 68.

заимствованными из латтских¹² языков, а не наоборот. Что же касается слов *parāde*, лит. *parārtis*, то мнение Брюкнера, будто бы они были заимствованы из слав. языков, ничем не оправдывается. Брюкнер производит и слово *rūnīt* (сoмм.) «холостить» из русского языка (*ранить*, лит. *ronyti*), но переход *a* в *ū* невероятен.

Остается еще одно очень распространенное и старое заимствование, в котором русскому *a* соответствует долгое *ē*: *žēl* (сoмм.) — жаль, *žēlabas* (сoмм.) сетование — жалоба, *žēlastība* (сoмм.) — жалость; если *ā* здесь не перешло в *ē* на латышской почве (подобно тому, как *ā* в *ē* в слове *želavaine*), то *žēl* восходит к русскому *жѣль (то есть: *žělī*) [*žāo žālōst*], к форме, которую мы, очевидно, должны предполагать для жаль и которая происходит от славолеттского¹³ корня *gēl-*, который имеется еще в латышском слове *negēlis* «мерзавец» (собственно — «безжалостный?»). Из всего этого видно, // что ла. *žēl* несомненно заимствовано, хотя Брюкнер вовсе не приво-//дит этого слова. С таким же (но несомненно поздним) переходом русского *a* в ла. *ē* имеется еще одно заимствование *cēški* (сoпf., Вит.) — часто.

Итак, мы видели, что славянскому *a* соответствует в ла. заимствованиях не только короткое, но и долгое *a*, и это долгое *ā* встречается как раз особенно в самых употребительных (значит, старых) заимствованиях; поэтому мы должны полагать (ср. также J. Schmidt Vok. II 165 сл.), что эти слова с долгим *ā*, по крайней мере отчасти, были переняты у славян еще в то время (это произошло отчасти, наверно, уже до 1200 года), когда славяне сами еще произносили долгое *ā*. Конечно, не все заимствования с долгим *ā* восходят к столь давнему времени: нужно именно принимать в расчет, что в русском языке гласные под ударением делаются долговатыми.

Русское *я* передается чаще всего через *ē*:

grēda или *grāda* (dial.) — гряда, также «куча» (*malkas grēda* «дровяница»); *grēds* (dial.) планка — грядка.
jērnaka (dial.) — ярмарка.//

¹² [Аг «леттские языки» *domātas baltu valodas, manuskriptā*: «...из балтийских языков...». — Red.]

¹³ [Manuskriptā: литу-славянского. — Red.]

prēst или *sprēst*¹⁴ (dial.) — *прясть*; *sprēslice* (dial.) — *XX*
пряслица; *ā* является в *pralka* (dial.) — *прялка*.

mētra (comm.) — *мята*, лит. *mētā*; dial. также *meñtra* —
п. *mięta*.

rēdes (dial.) шоры — *ряд* (ср. п. *koñski ržad*), лит.
rēdas; *rēdit* (dial.) привести в порядок, выдать замуж —
рядить (ср. *рядное, рядная запись*), лит. *rėdyti*.

stēgs или *stēga* (dial.) — *стяг* (пика, шест).

svēts (comm.) — *святой*; *svētki* (comm.) праздник —
святки; *svētīt* (comm.) — *святить*. [*svēt svētīm*]

tēgāt (dial.) исследовать — *тягаться*?

Остаются примеры передачи *я* через *ā* или *ē*:

sprādze (comm.) — *пряжа, пряжка*; но *sprādze* (comm.)
«замок» не имеет (как показывает также слогаударение)
ничего общего с р. *пряжа*; о начальном *s* ср. прим. 14.

jermulna (dial.) шапочка жидов — п. *jarmurka*.

petaks (vulg.) или *petuks* (dial.) — *пятак*.

При передаче русского *я* через *e* нужно принимать в
расчет, что в русских говорах неударяемое *я* произносится
как *e*.

Славянское *o* (*ě*) передается

1) через *ā*:

ablava (conf.) — *облава*, п. *oblawa*.

agurķis (dial.) огурец — п. *ogórek*, лит. *aguŗkas*.||

alva (comm.) или *alvus* (dial.) — *олово*, лит. *alvas* (?)||

[?] *artavs* (в библии) лепта — п. *ort*, лит. *ortas*.

[?] *atāls* (comm.) — *отава*, п. *otawa*, лит. *atolas* (ср. Bez-
zenberger Lett. Di.-St. 20, прим. 4).

atstāuka (vulg.) — *отставка*.

bagaturis (в нар. песне из Лубана, в изд. Барона и
Виссендорфа № 3858, 1) богач — *богатырь*.

bajārs (dial.) знатник, дворянин — *боярин*, лит. *bajōras*.

baravīka (dial.) [*burīķis* ([?] dial.), *barvika*] — *боровик*,
лит. *baravūkas*.

barkšķis (dial.) или с развившимся на ла. почве долгим
гласным *bārķšķes* (dial.) — *борщ, борщевик*, лит. *baŗšċiai*;
относительно перехода *ā* в *ā* перед *r* ср., напр., *Kārlis* из
нем. *Karl* и др.

¹⁴ Латышские (особенно заимствованные) слова, начинающиеся с *k*,
p, *t*, нередко получают еще впереди звук *s*.

bačviņš или *bačiņas* (dial.) — ботвинья, бр. боцвинне, лит. *batvynys*.

baznīca (comm.) [|*baznīca*] церковь — божница, лит. *bažnyčė*; о значении слова божница ср. Lit. Mitt. II '310. *braga* (dial.) кровелька над санным стогом — п. *bróg*.

[р. оборотъ]

[?] *čabas* или *čabatas* (vulg.) — чоботы (чѣботы).

dabūt (comm.) — добыть.//

galava (dial.) — волостной голова; dial. также *goloviča*.

gaspaža (vulg.) — госпожа.

gatavs (comm.) — готовый, лит. *gātavas*.

gavēt (comm.) — говеть; *gavēnis* (comm.) пост — говение.

gašķis (dial.) — гость; dial. также с *o*: *goste* — гостьба.

[?] *grāšitiēs* (comm.) — грозиться, лит. *grasinti*; вероятно, заимствован и глагол *grezuot* (dial.) — грозить с [таким же переходом] *a* в *e* после *r*, как, напр., в *rezbainieks* — разбойник.

kaļada (dial.) шум; шумная шайка — коляда.

kalata, *kalote*, *kalatka*, *kalotka* (все dial. или conf.) — колода, колодка (нем. Leisten, Fußblock).

kalpaks или *kalpaka* (dial.) — колпак, лит. *kalpokas*.

kaļps (comm.) батрак — холѡп. [srb. *hlār*]

kaltuons (dial.) — колтун, п. *kottun*.

[?] *kaņere* (comm.) — конопля, ср. Брюкнера, стр. 89, прим. 81.

kanevals или *kanevalgs* (dial.) — коновал.

kaņčuks или *kaņčuka* (vulg.) ременная плеть — бр. кончук, лит. *kaņčūkas*.

karēika (comm.) — копейка. [(dial.) *karīķis*]//

karēt (conf., Вит.) — копить.

кара или *kaps* (dial.) — копа (60), лит. *karà*.

[?] *karcs*, *karčis*, *карче* (dial.) — копица; бр. копѣц, род. п. копцá; в других говорах является *и* вместо *a*: *кирача*, *кирице*, *кирицис*, что объясняется, может быть, переходом неударяемого *o* в *y* в русских говорах, напр. Витебской губернии (ср. Соболевского, там же, стр. 75).//

karmīt (dial.) — кормить; dial. также *o*: *kormīt*.

karūogs (comm.) знамя — хоругвь.

katica или *kartica* (dial.) — котцы; о вставленном *r* ср. Брюкнера, стр. 59 сл.

kasters (conf., Вит.) — костерь.

kasučka (dial.) — косушка (мера).

kašelis (dial.) или *kašele* (dial.) — кошель (мешок); в
Оптекальне также с о: *košulis*.

katls (comm.) — котел (или ср.-н.-нем. *kotel?*); *katlers* (conf.,
Вит.) — котляр.

kažiòks (comm.) или *kažuks* (dial.) — кожух.

kavāt (dial.) хранить — ховать, п. *chować*, лит. *kavóti*;
Брюкнер приводит еще из словаря Ульмана форму *kāvāit*,
взятую из сочинений Кронвальда, но это — источник не-
надежный, а приводимый Брюкн//нером глагол *kavēt* (comm.)
«медлить», «мешать» уже по значению своему не имеет
ничего общего с р. ховать, п. *chować*.

XXIV

klanīt (comm.) — клонить; *klanīties* (comm.) — кло-
ниться (?).

klapata (vulg.) или *klapasta* (dial.) — хлопота; *kla-
patāt* (vulg.) — хлопотать.

klapacis или *klarča* (dial.) мальчик, слуга — хлопец, лит.
klarčius; в нек. говорах является о: *klorčis*, *klorča*, *klorčka*,
kloršiks, или даже е: *klerča*.

kralit(i)s или *kraliņš* (dial.) — кролик.

kvars (conf.) — хворый.

laža (dial.) каменная скамья около печи для спанья и
сидения — ложе [постель]; *lažņa* (dial.) импровизированная
постель.

kravata (dial.) — старая кровать.

lavīt (dial.) — ловить, *lavīties* (dial.) подстергать.

magaričas (vulg.) — могорыч.

malacis (vulg.) — молодец.

mašelnieks (dial.) — мошельник (мошенник).

nazis (comm.) — нож (?).

padoska (dial.) — подоска.

pagadi (dial.) — погода.

pagasts (comm.) волость — погост.//

pagrabs (comm.) — погреб.

XXV

pakmels (conf., Вит.) — похмелье.

pakoiniks (conf.) — покойник.

pakuta (dial.) — покута; *pakutnieks* (dial.) — бр. покутник.

palags (comm.) простыня — полог, лит. *palagas*.

paikavnieks (comm.) — полковник; dial. также *pulka-
nieks*.

patinkas (conf., Вит.) — поминки.//

parāds (conf., Вит.) совет — бр. порада.

296

paskaņi или *paskaņas* (comm.) — посконь.

[?] *pastalas* (comm.) — постолы.

pastruņķis (dial.) плеть — бр. *постронок*, п. *postronek*.
patješkas, pataškas, paķiškas, paķiši, paķītes (dial.) —
подтяжки.

pažags, pažaga, pažiogs (conf., Вит.) кочерга — *пожог*, п.
ožóg?

pažičiet (conf., Вит.) ссудить — п. *požyczyć*, лит. *žįcyti*.
pavada или *pavads* (comm.) — *повод* (бразда).

pavārs (comm.) — *повар*; *pavārnica* (dial.) — *поварница*.

prasts (vulg.) грубый — *простой*; dial. также с о: *prosts*.

praktvasts (vulg.) негодяй — *прохвост*.

raks (dial.) срок — бр. *рок*, п. *rok*, лит. *rākas*.

rasals или *rašuls* (dial.) — *рассол*; бр. *росол*, лит.
rasālas //

XXVI *saldačka* (conf., Вит.) — *солдатка*.

skavārds (conf., Вит.) сковородник (вертел) — *сковорода*;
skavārdnice (conf.) — *сковорода*.

smatrus или *smatra* (dial.) — *смотреть*; *smatrīt* (dial.) про-
изводить *смотреть*.

staika (dial.) шинок — *стойка*; dial. также с о: *stoika*.

strajas (dial.) — *строй*; *caūr strajām dzīt* — *прогнать*
сквозь строй; dial. также с о: *strojas*.

svabads (dial.) — *свободный*.

šaras (dial.) — *шоры*.

taŗba (comm.) — *торба*, лит. *tarba*.

tavariča (dial.) — *товарищ*.

vatka (dial.) — *водка*; dial. также с о: *votka*.

valaks или *valaka* (dial.) — *волок*, лит. *valaka*.

valacities (conf.) — *волочиться*.

[?] *vaļa* (comm.) досуг — *воля* (?).

vaŗa (dial.) повод, цепь — *вожка*.

zvans (comm.) колокол — *звон*, лит. *zvānas*; *zvanīt*
(comm.) — *звонить*, лит. *zvāņyti*.

2) через о:

XXVII Кроме уже приведенных слов, в которых // о чередуется
с а, сюда еще относятся:

bo (conf.) ибо — бр. *бо*, п. *bo*.

bobuls (conf.) — *бобыль*.

drobišķas (conf.) крошки — бр. *дробочки*.

kornīks (dial.) — *кормник* (кормчий).

koč (dial.) хотя — бр. *хоць*; Брюкнер относит сюда также
kaičū (*kautšu*) и Мюленбах (в Teikums, стр. 101) даже *kaiť*
(comm.) «если бы» (латинское «utinam»), «хотя бы».

Против этого говорят слогуударение и различие значения и формы: из славянского *o* здесь никак не могло произойти// ла. *ai* (ничего похожего на это нет), и потому *kaūt* и *kāūtšū* нужно пока считать коренными латышскими словами.

koza (dial.) скорлупа, струп, сухая кора — *кожа*; относительно перехода *ž* в *z* ср. псковские формы: *музик*, *сазал* и др. (Соболевский, там же, стр. 30); в некоторых говорах является *й*: *kuza*.

koš, koš! (в других говорах также *kuž, kuž!*) слова, употребляемые, когда приласкиваются к лошади, — лит. *koš, koš*, п. *koš*; отсюда произведено детское слово *košīnš* (dial. также *kuža*) лошадка — бр. *кося*.

kropas (conf.) — *круп*.

mož (dial.) может быть — бр. *може*, п. *može* //

komnajs (dial.) чарка водки — *темнуха* (темное?).

oboze (dial.) — *обоз*.

obrazs (dial.) — *образ* (н. Heiligenbild).

obroks (dial.) — *оброк*.

obads (conf.) — *обод*.

obažāt (conf.) издеваться, насмеяться — *обажать*.

plotnieks (dial.) — *плотник*.

poļaks (dial.) — *поляк*, п. *polak*.

popa (dial.) — *поп* (игрушка); *rops* (dial.) волостной голова — *поп*.

porica (dial.) — *порица*.

prošava (conf.) — *прощание*.

stolars (conf., Вит.) — *столяр*.

stroža (vulg.) приказчик — п. *stróž*; dial. также: *straža*.

tolks (conf.) совет, помощь — *толк*.

tolmāt (conf.) понимать — *толмить*.

topnici (dial.) церковная кружка — *топница*, лит. *topnyčė*.

troika (dial.) — *тройка*.

[?] *žolners* (dial.) солдат — п. *žotnierz*, лит. *žialnierius*.

3) через *й*:

bulvāns, bulāns, bulēns (dial.) чучело — *болван*.

grumada или *grumata* (dial.) совещательное собрание — *громада*, лит. *grumadas* //

kuřts (comm.) борзая собака — *хорт*, лит. *kūrtas*. [хрт]

luģis (dial.) — *лодья*; *luģinieks* (dial.) — *лодейник*.

pluts (dial.) — *плот*.

stulbs или *stulps* (dial.) — *столб, столп*, лит. *stulpas*.

tulks (comm.) — толмач — толк, лит. *tulkas*.

tulpities (dial.) — толпиться.

žults (comm.) — желчь, п. *žóić*.

4) через *uo*:

ruota (comm.) — рота.

298 *puolis* (comm.) — поляк, п. *polak* (ср. *Pol-ska!*); относительно перехода // *o* в *u* ср. русские диалектические формы: *вуол*, *мюод* и др. (Соболевский, там же, стр. 91 сл.)

Остаются еще редкие примеры совсем неправильной передачи русского *o*:

nesilkas (dial.) — носилки; гласный *e* возник, вероятно, под влиянием глагола *nest* «нести».

zelts (comm.) — золото (?).

nāša (conf., Вит.) водоносное коромысло — ноша.

vaizdiks (dial.) «гвоздика» восходит прежде всего к лит. *gvaizdikas* (с *ai* вм. *a* из *žvaigždē?*).//

XXX

В латышском среднем (литературном) наречии нет гласного *o* и поэтому, как мы видели, славянское *o* обыкновенно передается через *ā*; слова с *ō* принадлежат таким латышским говорам, которые имеют гласный *o*. Если же вместо русского *o* является *ī*, то в общеупотребительных словах (напр., *kufts*, *tulks*) это *ī*, вероятно, восходит еще к русскому *ѣ* (*хѣртѣ*, *тѣлкѣ*); а в более поздних заимствованиях это *ī*, вероятно, объясняется произношением неударяемого *o* как *u* в нек. русских наречиях.

Брюкнер считает заимствованными и следующие слова (с славянским *o*): *bagāts* (comm.) — богатый, лит. *bagōtas*; *bass* (comm.) — босою, лит. *bāsas*; *da* (dial.) — до, лит. *da*¹⁵; *daba* (comm.) нрав, природа — бр. *доба*, лит. *daba*; *dārgs* (comm.) — дорогой; *gads* (comm.) — год; *gadities* (comm.) случаться — бр. *годзицьца*, лит. *gādytis*; *gādāt* (comm.) доставать, хлопотать — бр. *годзиць*; *kārtāt* (dial.) лупиться — бр. *коротаць*; *kaza* (comm.) — коза; *prasīt* (comm.) спросить, требовать — просить, лит. *prašyti*; *lāpsta* (comm.) — лопата; *radi* (comm.) — роды, родственники, // XXXI *radīt* (comm.) создавать — родить; *salms* (comm.) соломина — *солóма* (ср. срб. *слама*, чешск. *slama*); *sams*

¹⁵ Предлог *da* (*da-*) вовсе не так неупотребителен, как утверждает Брюкнер (стр. 161): в Лифляндии он довольно часто встречается в народном говоре как *praep. insepar.*

(dial.) — *сом*, лит. *šāmas*; *pluta* (dial.) мясо, кожа, кишки — *плоть* (ср. ц.-сл. *плѣть*); *pūlks* (comm.) толпа — *полк* (ц.-сл. *плѣкъ*); *skūrbt* (comm.) сделаться хмельным — *скорбеть* (ц.-сл. *скрѣбь*). Но мнение Брюкнера ничем не оправдывается: ничто не мешает нам полагать, что это все коренные латышские слова. Слово *pagāns* (comm.) «язычник» могло войти в состав ла. языка также при посредничестве немцев-католиков (латинское *pagānus*). Слово *stadala* (comm.) [||*stedele*] конюшня при корчмах — р. *стодола*, лит. *stadolė*, н. *stadolle*, — по всей вероятности, литовско-латышское слово, образованное от глагола **stadi* (ср. *stadiņi* и *statit*) «останавливать» (произведенного от *stāt* «стать», как, напр., *dziirdīt* «поить» от *dzeft* «пить», ср. Bielenstein LSpr. I, стр. 213) при помощи суффикса *-ala* (ср. *biřztala*, *dējala*, *sēnala*, *sūkalas*, *sestala* Bielenstein LSpr. §§ 196—198), и// значит тогда: «постоялый двор». Форма *stedele* (Bielenstein LSpr. § 198) образовалась из *stadele* под влиянием гласного *e* в// слогe *-de-*. Итак, следует полагать, что русские (и немцы) заимствовали это слово у латышей (или литовцев), а не наоборот. То же самое нужно сказать про *bandas* (dial.) «выслуженная доля земли» — лит. *bandà*, бр. *бонда*. Это отчасти признал потом и сам Брюкнер (стр. 204); что бр. *бонда* заимствовано, видно из сочетания *-онд-* (вместо ожидаемого *-уд-*). Также и слова *sluoka* (comm.), лит. *slanka*, пр. *slanke* «кулик», «слука» не заимствованы из малорусского наречия (*слонька*), но малорусское слово (как показывает р. *слука*) заимствовано, вероятно, из литовского языка. Что же касается слова *tīrgus* (comm.) рынок — *торг* (ц.-сл. *трѣгъ*), лит. *tuřgus*, и *sāls* (comm.) — *соль*, то также ничем нельзя доказать, что они заимствованы латышами у славян; слово *sāls*, если оно действительно заимствовано, может быть перенято и из других языков (лат. *sal*, гот. *salt*).

XXXII

299

Славянское *e* передается

1) через *ě*:

berlinka (dial., устарело) пятак — *берлинка*.

[?] *bez* (comm.) — *без*, лит. *bė*; можно, однако, также полагать, что ла. *bez* не заимствовано (ср. скр. *bahis!*).

bezmēns (comm.) или *vezmēns* (dial.) — *безмен*, лит. *bezmēnas*.||

čerpaks (conf.) — *черпак*, другая форма *čerpāgs* (conf.), где сочетание *-ėrp-* изменилось в *-ėrp-* благодаря вос-

XXXIII

ходящему (или нисходящему) слогуударению, как и в *tērpīt* (conf.) — *терпеть*; dial. также *terpīt*.

[?] *četri* (comm.) четыре; латышская форма была бы **cet(u)ri* (ср. *četurtais* четвертый)¹⁶.

čverte или *šverte* (dial.) четверть — п. *ćwierć*, бр. *чверть*, лит. *čvėrtis, švertas*¹⁷.

deñčiks или *denšiks* (dial.) — *денщик*.

ģeguots (dial.) — *деготь*; а «деготь» в свою очередь переделано, вероятно, из ла. *deguots* или *deguts* или лит. *degūtas*, ср. Mikkola ВВ XXI 119.

jelcis (dial.) — *елец*.

ķeša (vulg.) карман — п. *kieszęń*, лит. *kėšėnėnis*.

ledaks или *ledēks* (dial.) хиляк, грубиян, человек дурного поведения — лит. *ledākas*, бр. *ледашчик*, п. *ladaco*.

lemesis (comm.) — *лемеш*, п. *lemiesz*; *lemesnica* чистилка у плуга — п. *lemiešnica*.

leste (dial.) камбала — *леуц*, п. *leszcz* (эст. *lest*¹⁸).

lenta или *linta* (dial.) — *лента*, лит. *linta* (?).

nedēļa (comm.) — *неделя*, лит. *nedēļa*.//

negadns (dial.) — *негодный*, недостойный, п. *niegodny*.//

ģembas (dial.) губы — п. *gęba*.

nešpars (conf., Вит.) вечерня — бр. *нешпор*, п. *niešpor*.

[?] *nevaļa* (comm.) недосуг — *неволя* (?).

nepradelis (dial.) дьявол — лит. *neprietelis*, *неприятель* (ср. *неприятель*!).

pekle (dial.) омут, бездна — *пекло*, лит. *peklā*.

peruoza (dial.) паром — *перевоз*.

pečka (dial.) — *печка*.

petruška (conf., Вит.) — *петрушка*, п. *pietruszka*.

pleme (dial.) семейство — *племя*, лит. *plėmė*.

pletne (dial.) — *плеть*.

plenica (dial.) — *пленница* (н. Floßholz).

pleci (comm.) или *pleči* (dial.) — *плечо*, п. *plecy*; латышская форма была бы **p(l)eši* (ср. лит. *petis*).

remesis (в библии) плотник — *ремесленник*, лит. *remėsas*, бр. *ремесник*.

sebrs (dial.) собрат, приятель — бр. *себр* (ц.-сл. *себръ*);

¹⁶ Брюкнер полагает также, но без достаточного основания, что и *d* в *devīni*, лит. *devyni* перенято из русского (слав.) *девять* (пр. *nevints* «девятый»); ср. об этом Wiedemann Handb. § 54, прим. 1.

¹⁷ [Manuskriptā: *švėrtis*. — Red.]

¹⁸ [Manuskriptā šis vārds dots ar jautājuma zīmi. — Red.]

не выяснены диалектические формы: *sēbris*, *sābris*, *subars*, *suburs*, ср. лит. *sēbras*, бр. *сябр*, эст. *sōbber*.

slejas (dial.) — *шлея*, п. *szeļa*.

serģis (dial.) — *сердитый человек*.

smerte (conf.) — *смерть*, лит. *smėrtis*.

sterva (dial.) — *стерва*, лит. *stėrva*.

špetns (dial.) гадкий, дикий — бр. *шпэтный*, п. *szpetny*.

[?] *tesele* или *tēsele* (dial.) — *тесла* (? ср. глагол *test* или *tėst* тесать!); *teslica* (conf.) — *теслица*.

vengri (dial.) венгерцы — лит. *veñgrai*, п. *węgry*.

verste (comm.) — *верста*.//

vesels (comm.) здоровый — *веселый* (?).

žerbiņš или *žirbiņš* (dial.) — *жеребуй*.

Сюда относились бы еще следующие, по мнению Брюкнера, заимствованные слова:

tēļš (comm.) теленок, лит. *telis*; *tele* (comm.) телка; нет никакого повода считать эти слова заимствованными; только *telice* (dial.) — *телица*, лит. *telyčė*, может быть, заимствовано, в пользу чего говорит суффикс *-ice*.

venteris (dial.) — *вентер*, лит. *vėnteris*, п. *więcierz*; по Словарю русск. яз. Академии Наук эти славянские слова заимствованы из лит. языка, а не наоборот.

dzenuols (устарело) улей — п. *dzien*; латышское слово (ср. также *dzenis*, *dzeinis*, *bārdū dzīt*), вероятно, образовано от корня *gen-* (*dzīt*, праес. *dzenu*, лит. *genėti*) и не имеет в таком случае ничего общего с польским словом, произведенным от глагола *dziać* (как и *dzianka* и *dzienie*).//

Даже возражения не заслуживают попытки Брюкнера соединять *ērceša* (dial.) «сварливая женщина» и *ērcēties* (dial.) «мучиться», «ссориться» (от // *ērce*, лит. *erkė* «клевц»; ср. также словарь Ульмана под этим словом) с бр. *ёрзаць*, и *neguods* (от *guods* честь, comm.) «позор» с р. *негодяй* и бр. *негодник*.

2) через *i*:

biķavs (comm.) — *берковец*, лит. *birka vas*.

kristīt (comm.) — *крестить* (н. *taufen*); гласный *й* в *krustīt* (dial.) «крестить», *krustītiēs* (comm.) — «креститься», *krusts* (comm.) «крест», вероятно, объясняется контаминацией форм **kristis* (р. *крест* < *крѣстъ*) и латинского *crux*, ср. др.-врх.-н. *krūce*.

siļķe (comm.), лит. *silke* — *сельдь*.

stikls (dial.), лит. *stiklas* — *стекло* (ц.-сл. *стѣкло*).

XXXV

IIVXXX

301

XXXVI

svikls (dial.), лит. *sviklai* — свекла, п. *świkta*.
īmnice (dial.)¹⁹ — темница (ц.-сл. тѣмница).

[?] *zizlis* (dial.) — жезл (ц.-сл. жѣзлъ); латышская форма была бы **dzizlis*. [||*zizlis*, нем. *Geißel*]

Гласный *i* в этих словах (за исключением слова *svikls*?), вероятно, передает древнерусское *ь*.

Остаются еще примеры неправильной передачи славянского *e*:

častit (dial.) угощать — *честить*.

čamarags (dial.) — чемерица, лит. *čemerųčios*.

šavcs (conf., Вит.) сапожник — п. *szewc*, бр. *шевец*.

čumedāns или *čumata* (dial.) — чемодан, лит. *čiūmada*!||

*spiegs*²⁰ или *spiga* (dial.), лит. *spiegas* «шпион» — п. *špieg* (др.-врх.-н. *speho*); латышское слово, вероятно, взято не прямо из польского, но из литовского языка.

Брюкнер несправедливо считает заимствованными еще следующие ла. слова: *čilvēks* (comm.) — человек; встречается еще диалектическая форма с *ķ* (*ķilvēķelis* «человечек»), и поэтому заимствование должно было произойти еще в то время, когда славянское мягкое *k* еще не превратилось в *č*, а говорить без надобности о заимствовании в столь древнее время, — это дело фантазии, не науки. То же самое следует сказать про *dzilna* (comm.) «дятел» (черный или зеленый; а пестрый дятел называется *dzenis*) — желна; *dz* правильно соответствует русскому *ж* (из *ǰ*). Слова *krams* или *krems* (comm.) — кремень, *nabags* (comm.) — чебога, *vilna* (comm.), лит. *vilna* — вѣлна, п. *wetna* (срб. *вуна*) также ничем не заставляют думать о заимствовании. Что же касается слова *krēsls* (comm.), лит. *krėslas* — || кресло, п. *krzesto*, то заимствование здесь произошло, вероятно, со стороны славян, ср. Mikkola ВВ XXI 120.

Славянское *ѣ* передается

1) через *ie*:

diedis (dial.) старик — *дѣдѣ* (из **dhēdhos*, как показывают гр. τήθη и латышское *dēdēt* (comm.) дряхлеть) ||

302

dielēt (dial.) — *дѣлать*.

dielāt в *izdielāt* (dial.) — *сдѣлать*.

biednis (conf.) — *бѣднякъ*.

¹⁹ [Manuskriptā virs «dial.» uzrakstīts «comm.». — Red.]

²⁰ [Manuskriptā šis vārds dots nākošajā parafrāzē, kur piemēri ar *ie* no *ѣ*. — Red.]

sliede (dial.) — слѣдѣ. [slijed]

sviežs (conf., Вит.) — свѣжий.

2) через *ē*:

cēls (dial.) — цѣлый; в других говорах (ср. Bezenberger Lett. Di.-St. 87 сл.) *ē* перешло в *ā*, и так получилась форма *cāls*; то же самое произошло в слове:

cāns (conf.) из **cēns* — цѣна.

dēļ (comm.), лит. *dēļ* «ради» — ц.-сл. дѣля (ср. р. богадельня и готское *in dailai* «ради»).//

grēks (comm.) — грѣхъ. [grījeh]

klēvs (conf.) — клѣвъ; в других наречиях *ē* перешло в *ā*: *klāvs* (conf.).

mēms (comm.) — нѣмой (?). [srb. nijem]

lēcēt в *izlēcēt* (dial.) — излѣчить; dial. также с коротким *e* *izlēcēts*²¹.

sērs (dial.) — сѣра.

strēlēt (dial.) — стрѣлять; слово же *strēla* (dial.) «посола» — стрѣла, нем. *Strahl* (из **strēla*), вероятно, не заимствовано.

vēsts (comm.) — вѣсть (из **voistis*).

Без достаточного основания Брюкнер считает заимствованными и следующие слова: *klēts* (comm.), лит. *klētis* — клѣть (ср. слогаударение!); *mērs* (comm.) — мѣра (от √ *mē-*); *tēls* (dial.) образ, скелет — тѣло; а слова *vērā likt* или *ņemt* (comm.) «принимать в уважение»²² и *vēruôt* (comm.) «наблюдать» не имеют, как показывает их значение, никакой связи с р. вѣра (латинским *vērus*), но родственны с др.-врх.-н. *wāra* (из **wēra*) «внимание», «забо-//та» (ср. нем. *wahrnehmung*) и греч. ὄρα «забота» или «внимание».

3) через *ě*:

belaks (dial.) — бѣлякъ (белый заяц).

сena (comm.) — цѣна (из **goinā*); а слова *сiena* (употребляются теперь только в loc. sing. *сienā*) «уважение» и *сienīt* (comm.) «уважать» не заимствованы, а наследованы из индоевр. праязыка (ср. лит. *kaina*).

ķelčīks (dial.) тѣлогрѣйка (— **тѣльчикъ?*).

lesnieks (conf.) — лѣсникъ.

pleška (dial.) — плѣшка.

²¹ [Manuskriptā: *izlēcēt*. — Red.]

²² [Tagad parasti ar pozitīmi «принимать во внимание». — Red.]

sedli (comm.) — сѣдло; dial. также *segli*.
sedulka (comm.) — сѣдѣлка.
svece (comm.) — свѣча.
vernība (conf.) — вѣрность; dial. с переходом сочетания
 -*ěrn-* в -*ērn-*: *vērnība* (conf.) //

303

Остаются примеры неправильной передачи слав. ѣ:

sinces (conf.) — сѣнцы (ср. спорадический переход ѣ в и в псковских говорах. Соболевский, там же, 29 сл.).

virīt (dial.) — вѣрить; *ī* здесь, вероятно, восходит к *ie* (ср. Bielenstein LSpr. I, стр. 96) //

XLI

cicars (dial.) царь, цѣсарь — переделано из лит. *ciecorius*.

Брюкнер считает заимствованным из славянских языков и слово *klāips* (comm.) — хлѣбъ (н. Laib), но дифтонг *ai* указывает на заимствование из германских языков (гот. *hlaifs*). — Серьезного возражения почти не заслуживает мнение Видемана (Prät., стр. 17 и Handb., стр. 13), что литовско-латышское *ai* в середине слова не переходит в *ie* и что поэтому слова, как, напр., *sniegs*, лит. *sniegas* — снѣгъ, *atliekas* «остатки» — ц.-сл. отѣлѣкъ и др., заимствованы из славянских языков (в Handb., стр. 16 он, впрочем, отчасти уже отказывается от этой причуды). Между тем этот переход встречаем в довольно многих словах (иногда соответствующих славянских форм вовсе не знаем), напр.: *lieks* — гр. *λοιπός*, *iesms*, лит. *iėšmas* — пр. *aysmis*, *sleks* — лит. *saikas*, *kvieši*, лит. *kviečiai* — гот. *hvaiteis*, *briēdis*, лит. *briedis* — пр. *braydis* и др.; об условиях этого перехода ср. статью Явниса (Гуковский Поневежский уезд, стр. //125 сл.).

XLII

Славянское и передается

1) через *ī*:

biguse (dial.) род кушанья — бр. *бигус*.

bizuons (dial.) плеть — бр. *бизун*, лит. *bizūnas*.

*blina*²³ (dial.) — блин; dial. также *blinčiuku* и с долгим *ī*: *blīnis*, лит. *blynai*.

brite (dial.) — бритва.

brička (dial.) — бричка.

činit (dial.) — чинить (н. flicken).

induks или *indiks* (dial.) — индюк.

izvažas (dial.) — извозня.

²³ [Manuskriptā *blīna*. — Red.]

[?] *istaba* (comm.) [*ustaba* (dial.)] комната — *истба*²⁴ (из *устба*); [нем. *Stube*].

ķibitka (dial.) — *кибитка*.

ķika (dial.) — *кика*, лит. *kyka*.

ķila (dial.) — *кила* (грыжа).

ķiški (dial.) — *кишки*.

lib (в катехизисе 1586 года) — *либо*.

liškis (conf., Вит.) *лишний* — *лишек*, бр. *лишка*.

miška (dial.) — *мишка*.

ni (dial.) *не* — *ни*.

piļņavāt (conf., Вит.) *стеречь* — бр. *пильноваць*, лит. *piļņavoti*.

priba(u)ka (dial.) — *прибавка*.

pripraža (dial.) — *припряжка*. [*priprašķis* (comm.) || (*pripraža* || *pripražs*)]

privaļit (dial.) — *привалить*. ||

prizvaļa (dial.) *прозвище* — *призвать*. ||

[?] *rīja* (comm.) — *рига* (овин), н. *Riege*?

[?] *spičkas* (comm.²⁵) — *спички*.

spilka (conf., Вит.) — *шпилька* (н. *Stecknadel*), лит. *spilka*.

svin(d)s (comm.) — *свинец*, лит. *švinas*; dial. также *zvins*.

šinelis (vulg.) — *шинель*.

šinka (conf., Вит.) — *шинок*, лит. *šinkà*.

vica (dial.) *гибкий прут* — п. *wiç*, лит. *vicas*.

[?] *vitēt* (dial.) *пить за чье-либо здоровье, кутить* — бр. *витаць*, лит. *vitoti*.

živati (conf.) *домашний скот* — бр. *животы*; *živa* (conf.) *жизнь* (ср. «*пожива*»); *živail* (dial.) — *живее!*

Брюкнер считает заимствованными и следующие слова: *i* (dial.) — *и*; слово это, однако, сокращено из *ir* «и» (как, напр., *a' < ar*, *pa' < par* и др.); *ikra* или *ikri* (comm.), лит. *ikrai* — *икра* (н. *Wade* и *Fischroggen*), но нет никакого основания считать эти литовско-латышские слова заимствованными; то же самое следует сказать про *zvirgzdi* (comm.), лит. *žvirgzdas* «дресва» — п. *zwir*, бр. *жвир*.

2) через *i*:

digāt (dial.) — *двигать*.

dīva или *dīvs* (dial.) *чудовище* — *диво*, *див*, || лит. *dīvas* (ср. de Saussure MSL VIII 431).

²⁴ [*> избa*. — Red.]

²⁵ [Manuskriptā *virš* «comm.» *uzrakstīts* «vulg.». — Red.]

(g)rība (dial.) — *гриб*, лит. *grības*.
gībt (comm.) упасть в обморок — *гибнуть*; dial. также:
guibt из *гыбнуть.

ķisēlis (comm.) — *кисель*. [kisev]

klīns (dial.) грыжа — *клин?*

pirāgs (comm.) — *пирог*.

plīte (comm.) — *плита*, лит. *plytā*. [plinta?]

sīga или sika (dial.) — *сиг (сук)*, лит. *sykė*.

svīnīt (dial.) загрязнить — п. *świnić*.

svīta (dial.) одежина — бр. *свита*.

žids (comm.) — *жид*. [srb. žid]

Брюкнер считает заимствованными и следующие слова:
dirāt (comm.) *сдирать кожу*, лит. *dirti*; gnīda (comm.) *гнида*,
лит. *glinda* (срб. *гнйда*); īsts (comm.) — *истый*; nītis (comm.)
«ниченицы», лит. *nūtis* — *нить*; но ничто не принуждает нас
здесь думать о заимствовании. Что же касается слова ķītrs
(dial.) «чистоплотный», то оно (при таком значении) вряд ли
имеет что-нибудь общего с р. *хитрый* и лит. *kytrūs*. — Так как
латышское *ī* не переходит в *î*, то передача славянского *и*
через *î*, вероятно, объясняется, по край-//ней мере в более
употребительных словах, тем, что во время заимствования
славянское *и* произносилось еще долго. Славянское *и* иногда
восходит к дифтонгу *ei*, и отголосок этого дифтонга мы,
вероятно, имеем // в уже упомянутом слове *krīevs* (comm.)
русский — *кривич*. Сюда относились бы еще и другие слова,
если бы оправдалось (что довольно невероятно) мнение
Брюкнера, что они заимствованы: *ieskāt* (dial.) *искать вшей*,
лит. *ieškoti* (др.-врх.-н. *eiskōn*); *iēva* (comm.) *черемуха*, лит.
ievā — *ива*, срб. *йва*, чешск. *jiva*, пр. *invis*; ср. J. Schmidt
Vok. I 48); *miērs* (comm.) — *мир (покой)*, лит. *mieras* (ср.
Брюкнер, стр. 107, прим. 145); *siēts* (comm.), лит. *sietas* —
сито, срб. *сѣто* (прекрасное совпадение слогаударения
показывает, что это слово принадлежало уже славяно-
литетскому, по крайней мере литовско-латышскому пра-
языку); *sliēnas* (comm.) — *слина*. Наконец, Брюкнер считает
заимствованным из слав. языков и слово *vaina* (comm.) —
вина (также: ошибка, причина, рана), но русское *и* никак
не могло перейти в латышское // *ai*.

XLVI

Русское *у (ю)* передается

1) через *uo*:

bļūōda (comm.) — *блюдо*, лит. *bliūdas*. [bljūdo]

diõta (comm.) — мысль — дума, лит. *dũtà*; *diõmât* (comm.) — думать, лит. *dũmõti*. [*dũtmãm*]

kuods (conf.) — худой, худощавый, dial. также с долгим *ũ*: *kũds*, лит. *kũdas*.

kũodeļa или *kuodeļš*, или *kuodaļa* (comm.) — кудель (п. *kądział*), лит. *kuodelis* (црк.-сл. *кудѣль*)²⁶.

kuokalis (comm.) — полевой куколь, лит. *kũkãlis*; литовское слово, несомненно, заимствовано (ср. п. *kąkol*), а латышское *kuokalis*, может быть, тождественно с лит. *kaĩkãlas* «колокол» (это значение, должно быть, имели первоначально и р. *куколь*, п. *kąkol*; ср. *pũkstenites* «колокольчики»).

liõks (comm.) — мелкий лук; conf. также с долгим *ũ*: *lũkava* — луковица. [*lũk*]

miõka (comm.) — мѹка (ц.-сл. *мока*), лит. *mũkã*; *miõcit* (comm.) — мучить, лит. *mũcyti*; в более // поздней форме является *ũ*: *miõit* (dial.). [*mũka mũciti*]

uõta (dial.) — ум, лит. *ũmas*. [*ũoms* C²⁷ = s. *ũm*]

[?] *piõds* (comm.) полупудовик — *пуд* (или из латинского *pondus*?); в форме, недавно перенятой, является короткое *и*: *puds* (comm.) — *пуд*.

piõga (comm.) — *пуговица* (**nyga*?).

piõstīt (comm.) опустошать, лит. *pũstyti*; *piõstaša* (comm.) — *пустошь* [*pũstõš*]; *piõsts* (comm.) беда; в позже заимствованных формах является *ũ*: *pũsti* или *pustas* (dial.) развалины, *pũška* (dial.) *пустошь* — п. *puszcza*.

pruods (conf.) — *пруд*, лит. *prũdas*.

rũobeža (comm.) — *рубезж*, лит. *rubẽžius*.

skuõps (comm.) — *скупой* (п. *skąpy*), лит. *skũpas*.

skruošķi (dial.) — *крючки* (н. *Rãnke*), ср. прим. 14.

sũods (comm.) наказание — *суд*, лит. *sũdas* (п. *sąd*); *sũodīt* (comm.) наказывать — *судить*, лит. *sũdyti*; *sũõģis* (comm.) — р. *судья*. [*sũd sũdim*]

sũolīt (comm.) — *сулѹть*, лит. *siũlyti*.

suõta (comm.) — *сумã*; в более поздней форме является короткое *и*: *suta*; dial. встречается также форма *šiuõta*.

Брюкнер несправедливо считает заимствованными еще следующие слова: *zũobs* (comm.) — *зуб* (п. *ząb*); в пользу того, что ла. *zũobs* не заимствовано, говорит лит. *žambis* «соха» (ср. гр. γόβρος, вероятно, // и лит. *žambas* «кромка», XLVIII

²⁶ Весьма странна догадка Видемана (Prät. 38), будто *uo* в *kũodeļa* восходит к дифтонгу *õи*.

²⁷ [Citēta I. Cīruļa sniegtã drustēniešu forma *uãms* RKr. XV 87. — Red.]

«край» — то же самое слово); относительно перехода *-am-* в *uo* ср., напр., *liōps* «скот» — гот. *lamb*, *tūori* «делаюсь» — лит. *tampū* и др.; *kliōns* (сomm.) «гумно», лит. *klūonas* — р. *клуня*; как указал Явнис (Понев. уезд, стр. 128), литовско-латышское слово правильно произведено от *√klā-* (ла. *klāt*, лит. *klōti* «стлать», р. *класть*), и если так, то, вероятно, р. *клуня* заимствовано из балтийских языков. А ла. *klienis* (dial.) «гумно», конечно, еще меньше можно считать заимствованным, чем *kliōns*, потому что русское *y* никак не могло перейти в ла. *ie*. Наконец, Брюкнер относит сюда и *uolnice* (dial.) «сельская дорога» — *улица*, но, принимая заимствование, трудно объяснить *n* в *uolnice*, и слово это может быть образовано от *uōla* «голыш». — Почти все те слова, в которых русское *y* передано через *uo*, очень употребительны и общеизвестны в ла. языке, и поэтому можно полагать, что они были очень рано заимствованы, а именно еще тогда, когда вместо гласного *y* еще // произносился дифтонг (приблизительно *ou*, из которого потом произошел гласный *ū* и еще позже *ÿ = y*; тот же дифтонг, конечно, был и заместителем прежнего *o*): латышское *uo* могло произойти в этих словах только от дифтонга²⁸.

В соответствующих литовских словах почти всегда является *u*, то есть они были позже заимствованы, чем латышские слова.

2) через *ū*:

būda (сomm.) хижина — *бўда* [č. *būda*]; в слове, позже заимствованном, является *u*: *budka* (vulg.) — *будка*.

čūdities (dial.) — *чудиться*, лит. *čiūdytis*.

dūda (dial.) — *дуда, дудка*, лит. *dūda*; dial. также: *duidas* «скрипка».

dūša (сomm.) отважность — *душа*, лит. *dūšia*. [s. *dūša*, a. *dūšu*]

gūžas (dial.) — *гуж* (н. Kummetriemen); позже является *u*: *gužas* (conf.).

gūža (dial.) — *гусь*.

knūte (dial.) — *кнут*. [// *knūta*]

kūms (сomm.) — *кум*, лит. *kūmas*. [s. *kūm*]//

kūķi, или *kūči*, или *kūce* (dial.) — *кутья*, бр. *куця*.

²⁸ Единственный гласный, который превращается в *uo*, это *ō* — как в индоевропейских корнях, так и в заимствованных словах, напр. *liōne* из нем. *Lohn*.

[?] *kūlis* (comm.) сноп, лит. *kūlys* (gen. *kūlio*) — бр. *куль*,
п. *kul*.

lūbēt (conf.) нравиться — *любить*. //

[?] *pūga* (dial.) ветер — лит. *pūga*, мр. *фуга*.

pūka (dial.) — *пух*, лит. *pūkas*.

pūne или *pūnis* (dial.) — *пуня*, лит. *pūnė*.

pūčka (dial.) коробочка — бр. *пушка*.

pūrs (comm.) — *пура* (н. *Loof*), лит. *pūras* (?).

rūčnieks (conf. Вит.) — *ручник* (н. *Handtuch*).

sprūte (dial.) — *прут* (н. *Bandrute*), ср. прим. 14.

strūga (dial.) — *струг* (н. *Struse*).

(*s*)*trūba* (dial.) — *труба*; *trūbnieks* (dial.) — *трубник*; позже
является и: *trubis* (dial.) — *труба* (п. *trąba*, лит. *triūbà*).

šūba (dial.) — *шуба*, лит. *šūba*; позже является и: *šuba*
(dial.).

tūce (conf.) — *туца* (п. *tęcza*).

ūda (dial.) — *уда*, лит. *uda* (п. *węda*).

ūsas (comm.) — *усы*, лит. *ūsaī* (п. *wąs*); dial. также:
usas. Брюкнер относит сюда еще *krūze* (comm.) «кружка»
и *sūbrs* (dial.) «зубр»; но *krūze* и лит. *krūzas*, несомненно,
заимствованы из немецкого языка (*kruse*²⁹), и *sūbrs*
правильно // переделано из более старой и еще существ-
вующей формы *sumbrs* [/sumburs], которую не так легко
можно считать заимствованной.

3) через *й*:

bluda (conf.) блуждание — *блуд*; *bludit* (conf.) — *блудить*;
а форма *blāndītiēs* (comm.) не заимствована из польского
языка (*blądzić*), как думает Брюкнер, но представляет собою
соответствующее славянским формам коренное латышское
слово (нет, по крайней мере, никакого повода считать его
заимствованным); форма *bluodities* (dial.) или правильно
образовалась из *blandīties*, или заимствована.

brusa (dial.) — *брус*.

bujāns (dial.) — *буян* (н. *Waarenlager*).

bulava (dial.) — *булава*.

bulka (vulg.) — *булка*.

bulbes (dial.) или *buļvas*³⁰ (conf.) картофель — бр.
бульба, лит. *bulbė*, *bulvis* (ср. также р. *бульва*).

bumaška (dial.³¹) — *бумажка* (н. *Banknote*).

²⁹ [Manuskriptā: *Krūse*. — Red.]

³⁰ [Manuskriptā: *bulvas*. — Red.]

³¹ [Manuskriptā *uzrakstīts virsū* «vulg.». — Red.]

- buñte* (vulg.) — бунт (н. Aufstand).
būrlaks или *būrlaka* (vulg.) разбойник — бурлак. //
 LII *čučka* (dial.) щенок — бр. *цюцька*³².
čuguns (comm.) — чугун.
čupināt (dial.) — цупать, лит. *čiupinėti*.
čupra (dial.) — чуприна.
 308 *čura* (dial.) слуга — п. *ciura*, лит. *čūras*. //
dubenis (conf.) — дубина.
duks или *duka* (dial.) — дух (также: сила), лит. *dukas*.
dura (dial.) задница — п. *dura*.
duraks (vulg.) — дурак; dial. также: *dureks*, ср. прим. 9.
durns (dial.) ошалелый — дурной, лит. *duřnas*.
glups или *glupjš* (dial.) — глупый, лит. *gliūpas*.
gubērņa (comm.) — губерния.
gubit (dial.) — губить.
juška (dial.) — юшка.
kruts (conf.) — крутой.
kruč(k)i (dial.) — крючки; *kručīt* (dial.) делать крючки;
kručs или *kručelnieks* (dial.) — крючковаторец.
kudlis (dial.) — кудлай, лит. *kūdlas*.
kukņa (comm.) [// *kikiņa?*] — кухня, лит. *kūknė*; *kukars*
 (conf.) — кухарь, лит. *kūkorius*; *kukarēt* (conf.) — кухарить.
kulaks (vulg.) — кулак (н. Faust). [// *kulaka*]
kule (comm.) мешочек — куль.
kurcis (vulg.), dial. также *kurča* — купец, лит. *kūrčius*. //
 LIII *kurata* (dial.) — куропатка, лит. *kurgarkā*.
kuriņš (dial.) — курень (н. Hökerbude).
ķuřmis (vulg.) — тюрьма.
kurka или *kurice* (dial.) — индейская курица (курка),
 лит. *kūrka*.
kurva (dial.) — курва, лит. *kūrva*.
luba (dial.) — луб (также: дрань), лит. *lūba*; *lubīt* (dial.)
 драть лыко; слова же *lubs* (dial.), лит. *lubas*, и *lubīt*
 «лущить», вероятно, не заимствованы (ср. Wiedemann
 Prāt. 38).
luļķis (dial.) трубка — п. *lulka*.
lupstaga или *lupstags* (dial.) — любисток.
miņdieris (vulg.) — мундир.
mižiks (vulg.) — мужик, лит. *mižikas*.

³² Брюкнер производит от бр. *цюцька* также слова *kusa* (dial.) «псица» и *kuscens* (comm.) «щенок», но этому противоречит согласный *k* в начале латышских слов.

muškota (conf.) — мушкет.
nužda (dial.) — нужда.
pluts (dial.) — плут.
puška (dial.) — пушка.
puškis (comm.) — пучок цветов.
rub(u)lis (comm.) — рубль.
rumaks (dial.) жеребец — п. *rumak*, лит. *rumokas*.
ruža (dial.) — ружье (или также: орудие), лит. *ružia*.
skura (dial.) — шкура (также: блядь), п. *skóra*, лит. *skūrà*.
sluga (dial.) служанка — *слуга*, лит. *slūga*; *služuat* (dial.) — *служить*, лит. *slūžyti*.
studinš (dial.) — стýдень. //
stulpane (dial.) пиония — п. *tulipan*, ср. прим. 14.
stupāt (dial.) — ступать.
sukari или *cukari* (dial.) — *сухарь*. //
sukata (conf., Вит.) сухотка — п. *suchota*.
sundaka или *sundega* (dial.) — *сундук*.
supra(t)ka или *suprata* (conf.) — *супрядка*.
štuka [// *štuks*] (vulg.) — *штука*, лит. *štukà*.
šums (conf.) — *шум*; *šumit* (conf.) — *шуметь*.
šutit (conf.) — *шутить*, лит. *šūtyti*; *šutka* (vulg.) — *шутка*, лит. *šutkà*.

trusis [*trušiš* (comm.)] или *truše* (dial.) кролик — бр. *трусь*.

tups (conf., Вит.) — *тупой*.

ubags (comm.) — *убога*, лит. *ūbagas*.

ulica (conf.) — *улица*, лит. *ūlyčė*.

Сюда относятся также слова:

vuicities из **vucities* (conf.) *учиться* — бр. *вучицьца*; о переходе *и* в *иі* ср. Bezzenberger Lett. Di.-St., стр. 95 сл.

vuimāt (conf.) *примечать* — *уметь*; ср. бр. *вум* и ла. *tuipari* из *tupeni*.

По мнению Брюкнера, латыши переняли у славян и следующие слова: *bruģis* (comm.), лит. *brugis* «мостовая» — п. *bruk*; гораздо вероятнее, что латыши заимствовали это слово прямо из нем. языка (ср.-н.-нем. *brugge*); *kuřpe* (comm.), лит. *kūrpė* «башмак» — п. *kurpie*, р. *купны*; Миккола (ВВ // XXI 121) делает очень вероятным противоположное, то есть, что славяне заимствовали у леттов это слово, точно так же, как и р. *путра*, мр. *путря* < лит., ла. *putra* (comm.) «каша». Слово *žubināt* (comm.) «есть без аппетита, нехотя» или «сосать» вряд ли имеет что-нибудь общего с р. *зуб*; оно,

309

LIV

LIV

вероятно, родственно с лит. *žėbėti* (по значению тождественным с *žubināt*) и ц.-сл. *зобату* (относительно *ž* вместо *z* в латышской форме ср., напр., ла. *žagars*, лит. *žagaras*, ла. *žūōds*, лит. *žāndas*); а *u* могло образоваться перед *b* из *a*, что нередко бывает перед губными: *upe* — пр. *ape*, *tumsa* — лит. *tamsà*, *pumpt* — *pampt*, *stumpa* — *stampa*, *pups* — лит. *pāpas*, а слова: *žubs* и *žubit*, которые Брюкнер тоже сближает с р. *зуб*, нам известны только по старому (прошлого века) словарю Ланге, так что о них нельзя ничего определенного сказать. Наконец, Брюкнер приводит также *lāudis* (comm.) — *люди* и *slaukts* (dial., Вит.) «кадь с отверстием в нижнем дне» — бр. *жлукто*, но дифтонг *ai* показывает, что за-//

LVI

имствование должно было произойти в очень древнее время (когда русский язык знал еще дифтонг *ai*), если оно вообще было, и относительно слова *lāudis* (нем. *Leute*) это даже крайне невероятно. — Брюкнер производит также слова *klance* [или *klence*] или *klince* (dial.) «мешочек» от бр. *клумка*, мр. *клунок*, лит. *klumkas*, но и это сопоставление (вследствие большого различия гласных) ненадежно. //

310

Русское *ы* передается

1) через *ui*:

muīta (comm.) пошлина — *мыто*, лит. *muītas*; *muītnieks* (comm.) — *мытник*.

kuīlis (comm.), лит. *kuilys* (gen. *kuilio*) «пороз», «кабан» — **кыль* (ср. р. *кыляк*): Фик сближает (Wrtb. I⁴ 26) *kuilys* с скр. *kiri* и гр. *κτέλας*, но это нелепо, потому что дифтонг *ui* в древних латтских корнях нигде не встречается³³: слова с *ui* или заимствованы, или новообразования.

Брюкнер относит сюда и слово: *muīža* (comm.) имение — *мыза*; но гораздо вероятнее, что латышское слово перенято из эстонского (или ливского) языка (*moisa*): финский народ ливов принял латышский язык, и теперь еще немецкие названия некоторых имений в латышской части Лифляндии оканчиваются на *-mois* (напр., // *Muhremois* [, *Bresemois*, *Kalnemois* и др.]).

LVII

2) через *й*:

lužes или *lužikas* (dial.) — *лыжи* (н. *Schneeschuhe*); вероятно, и слова *ludes* и *luģes* (dial.; с тем же значением) того же происхождения.

³³ [Manuskriptā malā pierakstīts: «!?» — Red.]

3) через *i*:

ricags (dial.) — *рычаг*.

brīle (dial., устарело) шляпа — бр. *брыль*, лит. *brilus*.

sīts (conf., Вит.) — *сытый*.

skrine или *skrinis* (dial.) сундук — бр. *скрыня*, лит. *skrynė*.

Брюкнер относит сюда также слово *stīga* (comm.) струна, лит. *styga* — мр. *стыг*; против этого говорит особенно слогу-ударение латышского слова, свидетельствующее о старинности его.

4) через *i*:

bička (dial.) — *бычок* (пляска).

bika (dial.) большой баран — *бык*; *bikus* (dial.) злонравный мальчик — бр. *быкус*.

bil (dial.) если — лит. *bile*, п. *byle*.

*cirulniks*³⁴ (dial.) — *цырюльник*.

čibuka [//*cibuks*] (dial.) чубук — лит. *cibukas*, п. *cybuch*.

čigāns (comm.) [//*čigainis* // *cigainis* (dial.)] — *цыган*, лит. *cigōnas*.

drigānts (dial.) жеребец, шалун — лит. *drigantas*, п. *drygant*.

[?] *griķi* (comm.), dial. также *kriķi* и *driķi* «греча» — лит. *griķai*, п. *gryka*. //

kriška или *griška* (dial.) — *крышка* (н. Ofenschieber).

*līzika*³⁵ (conf., Вит.) ложка — п. *tyžka*.

milities (conf. Вит.) ошибаться — бр. *мылицьца*, п. *mylić sie*, лит. *milyti*.

mislīt (conf.) — *мыслить*, лит. *mīslyti*.

rinka (dial.) — *рынок*, лит. *rinka*; а слово *riņķis* (comm.) «круг», которое Брюкнер самым странным образом также относит сюда, несомненно, взято из немецкого (*Ring*).

[?] *stirta* (dial.) скирда — лит. *stirta*, п. *styrta*; другие, более употребительные формы того же слова — *stirpa* и *ķīpra*. //

[?] *timpa* (dial.) монета — лит. *timpa*, бр. *тынфа*, п. *tyņf*.

Наконец, следуют слова, которые в предыдущих отделах не нашли места:

ķimini или *ķimenes* (comm.) тмин — лит. *ķimīnai*, бр., п. *kmin*.

Слово *serīt* (dial.) [šerīt (vulg.)] *сасаге*, вероятно, не за-

³⁴ [Manuskriptā: *cirulnieks*. — Red.]

³⁵ [Manuskriptā: *lizika*. — Red.]

имствовано (к чему склоняется Брюкнер), но родственно с п. *srać*, р. *cop* (и, вероятно, также с нем. *Harn*).//

LIX

Даже возражения не заслуживает мнение Брюкнера, что слово *sivēns* (comm., из *sivēns* dial.; ср. *zivs* — лит. *žuvīs*, *tivāki* — *tuvāki* и др.) «поросенок» переделано из р. «свинья»; невероятна также его попытка производить слово *surķis* (dial.) «свинья» от р. *свинка* или п. *šwiņka* (латышское слово формально слишком мало походит на славянские формы). Неясным остается отношение между ла. *pupa* (comm.), лит. *pupà* и р. *боб*, п. *bób*; между ла. *siērs* (comm.; ср. *siēru siēt* «варить, собств. вязать сыр») и п. *ser* (других примеров перехода славянского *e* в ла. *ie* нет; а р. *сыр*, лит. *sūris* стоят еще дальше); между *buřkāns* (comm.), лит. *burkantas* или *barkunas* и р. *баркán* или *боркán* (из *бърканъ?) или *баркун* (ср. также п. *burak*).

Некоторые русские слова при переходе в латышский язык уподобились уже существующим латышским словам:

pārlags (conf.) — *перелог* (ла. *pār-* = р. *пере-*).

ziluons (книжное новообразование) — *слон* (ла. *zils* [?! cf. Stenders Lett. Lex.] «синий», «голубой», а *-ions* — употребительный латышский суффикс).//

LX

Еще другие слова, особенно в новейшее время, были образованы по образцу русских слов из существующих уже корней латышского языка. Сюда относятся (как указывает Keuβler Mag. XX 1, 17 сл.) латышские названия недельных дней (образовавшиеся, вероятно, еще до прибытия немцев в Прибалтийский край) [—?]; *pirmdiena* «понедельник» считается именно, как в православной церкви, первым днем недели (не вторым, как у католиков); остальные дни называются: *ūotrūdiena*, *trešdiena*, *cetūrdiena*, *piektdiena*, *sestdiena*, *svētdiena* «воскресенье». В новейшее время писателями образованы уже вполне укоренившиеся слова: *piemērs* — *пример* (*pie* = *при*, *mērit* = *мерить*); *priekšmets* — *предмет* (*priekš* = *пред*, *mest* «метать» = *месть*); *sastāvs* — *состав* (*sa-* = *со-*, *stāvēt* «стоять» = *ставить*); *apjūoms* — *объем* (*ap-* = *объ-*, *jemt*³⁶ = *взять*).

LXI

Если сравним число славянских слов, перенятых латышами, со списком (находящимся у Брюкнера) заимствованных литовцами славянских слов, то тотчас у-//видим, что в латышский язык вошло гораздо меньше славянских слов, чем в литовский; а это очень хорошо объясняется

³⁶ [Manuskriptā: *jemt*. — Red.]

историей обоих наречий, латышского и литовского. Следы славянского влияния видны также в морфологии и синтаксисе литовского языка (ср. Брюкнера, стр. 159 сл.), чего нельзя сказать о латышском языке. Только в наречии витебских латышей, имевших непрерывные сношения с славянами, встречаем разные явления, которые сюда относятся. Все согласные там (подобно русскому и польскому языкам) перед гласными *e* и *i* произносятся очень мягко (то же бы-//ваает в некоторых литовских говорах, ср. Брюкнера, стр. 64); примеры славянского (польского) влияния на синтаксис приводит Беценбергер (Lett. Di.-St., стр. 75 сл.). В остальных наречиях латышского языка ничего подобного не встречаем; только в новейшее время, вследствие введения русского языка во все учебные заведения, // заметно у писателей, не обращающих особого внимания на свой язык, влияние русского языка и в области синтаксиса (довольно часто встречаются, например, предложения вроде следующего: «*kas viņš arī nebūtu*» — р. «кто бы он ни был», между тем как латыш, не знающий русского языка, выражается только: «*lai viņš kas būtu*» или «*lai viņš būtu kas būdāms*»).

312

LXII

Юрьев (Дерпт),
20 марта 1899 г.

LETT. *dziřnavas, pelavas, ragavas* UND DER GEN. PLUR.
DER *u*-STÄMME IN DEN BALTISCHEN SPRACHEN

[1899 BB XXV 274—277 un atseviřķā novilkumā]

- 274 Neben den Fem. Plur. *dzirņus, pelus, ragus* finden sich die um Wolmar (und vielleicht auch anderwärts) jetzt allein gebräuchlichen, vollständig durchdeklinierten Pluralia *dziřnavas, // pelavas, ragavas* (im Wolmarschen *regavas*, mit dem durch die Nachbarschaft des *r* veranlaßten Übergang des *a* in *e*, vgl. *grazns — grezns, braņģs — breņģs, sari — seri, sarma — serma, razbāinieks — rezbāinieks*; vgl. auch Brückner Litu-slav. Stud. I 43 und J. Schmidt Vok. II 41¹). Erklärungsversuche der letzteren Formen habe ich bei J. Schmidt Vok. II 203 und Neutra 68 und bei Leskien Nom. 244 gefunden; doch kann ich mich mit keinem derselben einverstanden erklären. An der erstgenannten Stelle stellt Schmidt lett. *pelavas* unmittelbar zu preuß. *pelwo* (= ksl. *plēva*, russ. *polova*) und sieht in *pelavas* dieselbe Svarabhakti-Erscheinung, die wir z. B. in *gal^ava* oder *galava* (dial.) neben schriftlett. *galva* haben. Aber *pelavas, dziřnavas, ragavas* finden sich in Dialekten, denen diese Svarabhakti durchaus fremd ist, und Formen wie **pelvas, *dzirņvas, *ragvas* gibt es im Lettischen überhaupt nicht². Gegen Neutra 68 hat Leskien (Nom. 243) triftige Gründe geltend gemacht. Leskien selbst äußert sich folgendermaßen: «Die Stämme wie *pelū-* sind alte Feminina; wie nun im Slavischen die Pluralflexion z. T. von Stämmen auf *-ovā-* ausgeht, z. B. Dat. Plur. *žrēnōvamō*, so ist auch im Lettischen ein **peluvā-* (N. Pl. **peluvās*) eingeführt worden, und *pelavas* ist ebenso zu erklären, wie Suffix *-tava* neben *-tuva*, nämlich durch Angleichung des Vokals an die folgende Silbe, vgl.

¹ /Bezenberger BB XXIII 296 ff., Geitler Beitr., S. 23./ [Becenbergera piezīme Endzelīna rakstam. — Red.]

² [Sal. autora labojumu KZ 42 3/4 378: «BB XXV habe ich irrtümlich die Existenz von *pēlvas* «Spreu» im Lettischen in Abrede gestellt: man findet die Form in Saussen (BB XII 230; hier auch *dzirņuvās, raguvās*), BW 16764, 2 var., in Waldhof u. a.» — Red.]

nebeneinander *maltuva*, *maltava* und *malteve*.» Gegen diese Auffassung spricht aber vor allem der Umstand, daß es zwar z. B. *maltava* neben *maltuva*, aber kein **peluvas* neben *pelavas* gibt (ebensowenig, wie **dzirnuvas*, **raguvas*). Überdies wandelt sich im Lettischen zwar *a* vor Labialen zuweilen in *u* (vgl. Bielenstein LSpr. § 120), aber das Umgekehrte geschieht meines Wissens nie. Zwar scheint mir von den beiden Suffixformen *-tuva* und *-tava* die erstere ursprünglicher zu sein, da im Litauischen (vgl. Leskien Nom. 565) neben *-tuvas*, *-tuvė* (*-tuva*) die Form *-tava* nur vereinzelt vorkommt und die Form *-tuva* doch wohl mit dem indoeuropäischen Suffix *-tuā-* (vgl. Brugmann Grdr. II 1 § 61) identisch ist³. Gleichwohl // kann aber *-tava* nicht so ohne weiteres aus *-tuva* entstanden sein, da es einen ähnlichen Übergang nicht gibt, sondern das erste *a* in *-tava* wird für *u* wohl erst durch die Beeinflussung von Doppelformen wie z. B. lett. *raudava* > *rauduva*, lit. *baū-džiava* > *baudžiuva* u. a. eingetreten sein. Auf die gleiche Weise könnte nun auch *pelavas* aus **peluvas* entstanden sein, da aber sonst neben Formen auf *-uva* (*-uve*) immer die gebräuchlicheren (und ursprünglichen) Formen auf *-ava* vorkommen, so müßte es, wenn die Erklärung Leskiens richtig wäre, neben *pelavas* auch noch ein **peluvas* geben, was nicht der Fall ist. Man muß daher auf eine andere Erklärung von *dziřnavas*, *pelavas*, *ragavas* bedacht sein. Nehmen wir von diesen Formen die Genitive *dziřnavu*, *pelavu*, *ragavu*, so entsprechen dieselben äußerlich genau dem ksl. *synovъ*, got. *sunīwe*, gr. *πήξεων*, und meines Erachtens hindert uns nichts, in diesen lettischen Formen auch wirklich alte Pluralgenitive von *u*-Stämmen zu sehen; von den Genitiven *dziřnavu*, *pelavu*, *ragavu* aus hätte man dann nach dem Verhältnis von Gen. *jaūnavu* zu Nom., Akk. *jaūnavas*, Dat. *jaūnavām* etc. den Nom., Akk. *dziřnavas* etc. gebildet. Auf die gleiche Weise könnte vielleicht *lietavas* (dial.) «anhaltendes Regenwetter» entstanden sein, obschon *liētus* «Regen» ein Maskulinum ist. Man hätte demnach für die baltischen Sprachen (wenigstens für das Lettische) eine doppelte Bildung des Gen. Plur. der *u*-Stämme anzunehmen: *pelu* aus **peluū* (aus **peluū* hätte sich wohl nur **peluvu* entwickelt) und *pelavu*, vgl. gr. *γούων* neben *πήξεων*, got. *manne* neben *sunīwe*. Alles dieses kann aber nur dann richtig

276

³ /Vergl. aber o. [BB] XXIV 103 n. meine Ableitung vom Dativ ai. *-tawai* und Vergleichung mit griech. *-τέος*. Pr./ [Prelvica piezīme Endzelīna rakstam. — Red.]

sein, wenn wir in den besprochenen lettischen Wörtern nicht *ū*-Stämme, wie Leskien und J. Schmidt annehmen, sondern *u*-Stämme vor uns haben. Das Lettische selbst hindert uns nicht, jene Wörter für *u*-Stämme anzusehen: der Nom. *pelus*, lit. *pelūs* unterscheidet sich durch nichts von lit. *súnūs*, ebensowenig der Akk. *pelus* von lit. *súnus*; der Lok. *pelūs* kann entweder, gleich *naktis* für **naktis*, als Analogiebildung nach *rùokàs* (vgl. Brugmann Grdr. II 2 § 360) oder mit J. Schmidt (Neutra 67) als aus **peluns-e* entstanden angesehen werden; auf Grund des Dat. *pelùm* aber, auf den sich J. Schmidt und Leskien berufen, kann ebensowenig ein *ū*-Stamm erschlossen werden, wie etwa aus *naktim* ein *ī*-Stamm. Sowohl *naktim* als auch *pelùm* haben ihr *ī* resp. *ū* als Feminina zum Unterschied von den Maskulina durch den // Einfluß des Dat. Plur. der *ā*-Stämme, z. B. *rùokàm* (vgl. das Verhältnis von lit. *rañkoms* zu lit. *tiltams*), erhalten. Ebensowenig nötigt uns ksl. *žrbny* in lett. *dziņrus* einen *ū*-Stamm zu sehen: man vergleiche dazu lat. *socrus* mit ksl. *svékry*, oder gr. *πόλις* neben *πόλις* (vgl. auch Brugm. Grdr. II 1 § 109, Anm. 2). Wie aber J. Schmidt (Neutra 67) aus lit. *pelūs* (= *súnūs*) und lit. *pelùdē* (gerade dieses Wort weist auf einen *u*-Stamm hin) einen *ū*-Stamm «als vorlettisch» erweisen will, bleibt mir unbegreiflich. — Durch die Genitive *dziņnavu*, *pelavu*, *ragavu* wäre also die Ansicht J. Schmidts (Neutra 67 und nach ihm Wiedemann Handb. § 64, 2), daß indoeurop. *-ev-* unbetonter suffixaler Silben zu *-uv-* geworden sei, endgültig (vgl. auch Leskien Nom. 242) widerlegt.

ÜBER DEN LETTISCHEN SILBENAKZENT¹

[1899 BB XXV 259—274 un atsevišķā novilkumā]

Obgleich bereits vor 25 Jahren die Existenz eines dreifachen Silbenakzentes im Lettischen nachgewiesen wurde (Mag. XV 2, 3 und XVI 2), so haben die Sprachforscher doch bisher in der Regel nur den von Bielenstein beschriebenen «gestoßenen» und «gedehnten» Ton berücksichtigt, und doch kann man mit diesen zwei Tonqualitäten allein wenig anfangen, da Bielensteins Beispielen mit gestoßenem Ton im Litauischen mit auffallender Regellosigkeit (vgl. BB XXI 306 ff.) bald gestoßener, bald geschleifter Ton entspricht. Ich will daher in diesem Aufsätze, der das Verhältnis zwischen lettischem und litauischem Silbenakzent feststellen will, von dem dreifachen Silbenakzent ausgehen, den ich in der Umgegend von Wolmar erlernt habe. Von einer lautphysiologisch genauen Beschreibung desselben darf ich dabei wegen ungenügender Kenntnisse der Phonetik um so mehr absehen, als der Taubstummenlehrer Linde bereits die Natur der drei Tonqualitäten, meiner Ansicht nach, in befriedigender Weise aufgefaßt und geschildert hat (Mag. XVI 2, 43 ff.) und in nächster Zeit eine präzise Beschreibung von Prof. Schmidt-Wartenberg zu erwarten ist², der neuerdings an Ort und Stelle die verschiedene Aussprache mit dem Kymographion graphisch dargestellt hat.

Man unterscheidet also erstens den «gedehnten» (so von Bielenstein genannt, von mir im folgenden mit ~ bezeichnet) Ton, der z. B. in *māte*, *kaūls*, *īrbe*, *maņa* vorliegt; hier nimmt nach Linde die Stimme gegen das Ende des Diphthonges (*au*, *ir*, *an*) oder langen Vokales (*ā*) an Stärke und Höhe zu, was freilich in der alltäglichen Aussprache sich nicht sehr bemerkbar macht, so daß die Angabe Bielensteins, der Ton liege bei gedehnter Aussprache (bei Diphthongen) «zwischen oder auf

¹ Die Abhandlung Fortunatows Über Akzent und Länge in den baltischen Sprachen BB XXII 153 war dem Verfasser bei Abfassung dieser Arbeit noch nicht bekannt.

² /Inzwischen erschienen: Phonetische Untersuchungen zum lettischen Akzent IF X 117. B./ [Becenbergera piezīme Endzelīna rakstam. — Red.]

beiden Elementen in der Mitte», sich begreifen läßt. Dagegen // ist beim «fallenden» Akzent (von mir mit dem Gravis \sim bezeichnet), der z. B. in *brēkt, āita, gūta, nāms* gehört wird, der Ton anfangs stärker und höher und sinkt darauf allmählich. Wo also von zwei kurzen Vokalen der erste betont ist, wie in *nēsmu*³, da stellt sich bei der Kontraktion der folgende Akzent ein: *nēsmu*. Bei der dritten Tonqualität endlich, der «gestoßenen» (von mir mit \wedge bezeichnet), die z. B. in *dēls, meīta, malka* vorliegt, ist der Stimmtone auch im Anfange stärker, dann aber tritt Verschuß der Stimmbänder ein, worauf (wie Linde sich ausdrückt) der zweite schwache Teil nicht mehr laut, sondern im Flüstertone folgt. Der Verschuß der Stimmbänder scheint mir in Übereinstimmung mit Dr. Baar (Bielenstein LSpr. I 34 und 48) durchaus im zweiten Komponenten der Diphthonge einzutreten. Bei kurzen Vokalen gibt es keinen verschiedenen Silbenakzent⁴, abgesehen von ihren schon angeführten diphthongischen Verbindungen mit einer tautosyllabischen Liquida oder Nasalis (Gen. *ga-ra*, aber Nom. *gārs*). Ferner höre ich deutlich einen dreifachen Silbenakzent nur in betonten Silben (also in der Regel in der ersten Silbe eines Wortes); in allen unbetonten dagegen nur einen zweifachen, den gestoßenen, z. B. in *pameīta, bēdīgs*, und einen einfach langen, fallenden Ton (wenngleich das Fallen hier nicht so deutlich wie unter dem Wortakzent hervortritt), in den der gedehnte und der fallende Ton, des Wortakzentes beraubt, zusammenfallen. Man unterscheidet also dem Akzente nach wohl *es sēju* «ich säte» von *es sēju* «ich band», nicht aber die Komposita *es apsēju* «ich besäte» und *es apsēju* «ich band um» untereinander. Zwar // scheint Krumberg (Mag. XVI 2,

³ [Ar akūtu arī citur šai rakstā autors ir apzīmējis uzsvāru (nevis kāpjošo intonāciju). — Red.]

⁴ Bei dieser Gelegenheit will ich auf die irreführende (man vergleiche z. B., wie Wiedemann Prät. 27, 81, 94 auf Grund von Bielensteins *lēiju* von einem nicht existierenden lettischen *lei-ju* handelt) Schreibung Bielensteins «*rēiju, lēiju, lēija, sēija, skrēiju, smēiju, zōēijuot*» für wirkliches *reju, leju, leja, seja* etc. aufmerksam machen. Hätten diese Wörter wirklich einen Diphthong *ei*, so müßte derselbe auch einen bestimmten Silbenakzent haben, der in *drei-jāt, mei-ja* sich auch in der Tat findet; nun aber haben die Wörter *leja, seja, reju, leju* etc., wenigstens in Livland, ebensowenig einen der drei Silbenakzente wie z. B. *desa, ledus* u. a. Deshalb spricht man auch in Selsau (BB XVI 335) «*vojēdzīgs*» (mit ϵ bezeichne ich, wo es darauf ankommt, offenes *e*, während im Diphthong *ai* *a* nicht zu *o* wird (*laiks, vaina* etc.; *stoika* dagegen ist ein Lehnwort und *voi* desgleichen, oder es kann als *voj* aufgefaßt werden).

57 ff.) auch in unbetonten Silben den gedehnten Ton vom fallenden zu unterscheiden (ohne jedoch sich darüber geäußert zu haben), indem er z. B. *verdūots*⁵, *vācietis*, *strēlnieks* schreibt, im Gegensatz zu *sīpuōls*, *pēriēns*, *aruōds*; doch könnte das auf Selbsttäuschung beruhen, denn wenn man betontes *uō* z. B. von betontem *ūo* hauptsächlich, wie es mir scheint, nur dadurch unterscheidet, daß *uō = uá*, *ūo = úa* ist, so hat jedes *uo*, das nicht unter dem Wortakzent steht, entweder gar keinen Akzent (tieftönig) oder doch nur einen Nebenakzent, und dieser dürfte doch zu schwach sein, um bei ungekünstelter Aussprache durch seine Stellung (*uá* oder *úa*) einen deutlichen Unterschied zwischen gedehntem und fallendem Ton hervorzurufen⁶. Dieser von mir bisher geschilderte dreifache Silbenakzent findet sich, soviel ich bisher ermittelt habe, außer in Wolmar noch, und zwar ungefähr in den gleichen Wörtern, in Salisburg, Burtneck, Wohlfahrt, Ronneburg, Wenden, Serben, Drostenhof, Pebalg, Kirchholm (Livland) und in Talsen (Kurland)⁷. In der Beispielsammlung Bie-//lensteins (LSpr. I

262

⁵ Nicht befriedigt von der von Bielenstein angewandten Orthographie, die wohl nur deshalb noch jetzt Verteidiger findet, weil seine Grammatik noch durch keine zeitgemäße ersetzt ist (wiewohl man dann dieselben Laute der beiden baltischen Schwestersprachen verschieden schreiben muß, was ich nicht über das Herz bringen kann), wende ich *ū* und *ē* für die den litauischen *ū* und *ē* entsprechenden Diphthonge *ua* und *ia* an, ferner *s*, *š*, *z*, *ž*, *c*, *č*, *dz*, *dž*, *v* wie in slavischen Sprachen, und *g*, *k*, *l*, *n*, *r* für jotiertes *g*, *k*, *l*, *n*, *r*. [Sai izdevumā fonētiskā transkripcija ir mainīta, *ū*, *ē* vietā rakstot *uo*, *ie* (arī leišu valodas piemēros) un palatālos līdzskaņus apzīmējot ar *g*, *k*, *l*, *n*, *r*. — Red.]

⁶ Vortrefflich zu meiner Ansicht stimmt, was Mag. theol. Jaunys in seiner wertvollen, russisch abgefaßten Beschreibung der litauischen Mundarten von Ponevėž (abgedruckt in «Поневежский уезд» von Gukovskij, Kovno 1898, Pg. 87 ff.) über den entsprechenden Fall im Litauischen sagt. Er äußert sich daselbst (Pg. 94) folgendermaßen: alle Diphthonge und langen Vokale der hinter dem Hauptakzent des Wortes befindlichen Silben hätten den fallenden (gestoßenen) Stimmtön (dagegen vor dem Hauptakzent den steigenden); man unterscheidet also zwar *plāukē* «er schwamm» von *plāukē* «er sproß», aber nicht im geringsten die Komposita *pārplaukē* «schwamm hinüber» von *pārplaukē* «wurde überreif», sondern beide hätten in der Silbe *-plau-* den fallenden Ton. Dieses ist deshalb möglich, weil der litauische gestoßene Akzent, nach Kurschats Beschreibung (Gr. § 193 und 194) zu urteilen, in der Regel nicht (allenfalls «in manchen Gegenden») mit dem Stimmbänderverschluß verbunden ist, sondern in seiner Aussprache dem lettischen fallenden Akzent ähnlich ist.

⁷ Sal. autora labojumu Izv. VI 4, 144 sk.: «В ... Кирхгольм и Тальсен слышится только двоякое слогударение, а не троякое...» — Red.]

51 ff.) dagegen stehen in der Rubrik für gestoßenen Ton (mit einigen Ausnahmen, für die der gedehnte Ton angegeben wird) auch alle die Wörter, deren Wurzelsilben bei mir den fallenden Akzent haben. Ein ähnlicher dreifacher Silbenakzent findet sich auch in einem Teile von Lubahn (Livland), nur hört man da den Unterschied zwischen gedehntem und fallendem Ton meist nicht oder kaum⁸ heraus (mein Gewährsmann war überhaupt sich desselben nicht bewußt), weil die Silben mit gedehntem Ton dort eher einen fallenden als steigenden Stimmtönen haben (was bei der Entsprechung des lettischen gedehnten und litauischen gestoßenen Tones zu beachten ist). Silben mit fallendem Ton zeigen in den Fällen wie *cisties*, *brīdis*, *grīda*, *dirāt*, *draugs*⁹, wo ihre Aussprache von der des gedehnten Tones merklicher abweicht, dort bei einer größeren Länge der Silbe, wenn ich nicht irre, einen steigend-fallenden Stimmtönen (was beim Vergleich mit dem geschleiften Ton des Litauischen äußerst wichtig wäre). Hingegen in Lösern, Tirsen, Feheln, Erlaa, Bersohn, in einem Teile von Lubahn, wahrscheinlich auch in Festen, Laudohn und Seßwegen (Livland) hat man zwar auch einen dreifachen Silbenakzent; es fehlt aber da der gestoßene, indem diejenigen Silben, die bei mir den Stoßton haben, dort ohne Verschuß der Stimmbänder lang gedehnt und mit steigendem Akzent (ähnlich dem geschleiften Ton des Litauischen) ausgesprochen werden. Silben ferner, die bei mir den gedehnten Ton aufweisen, bekommen dort wie in Lubahn eine Art von fallendem Stimmtönen, so daß Silben mit \backslash und \sim nicht immer leicht auseinanderzuhalten sind. Die Akzentverhältnisse im übrigen Lettland sind mir zur Zeit unbekannt.

Bevor ich nun auf die Verteilung der drei Tonqualitäten zu sprechen komme, muß ich die Bemerkung vorausschicken, daß in der Regel jede Wurzel ihren Akzent durch die ganze Stamm- bildung und Flexion hindurch beibehält; die Ausnahmen sollen später namhaft gemacht werden. — Ohne Kenntnis lettischer Dialekte mußte Hirt (Idg. Akz. 150) zu der merkwürdigen Regel kommen, daß dem lit. schleifenden Ton im Lettischen der gestoßene entspricht, dem lit. gestoßenen aber nicht nur der gedehnte, sondern auch der gestoßene lettische Akzent. Ziehen wir aber nun den dreifachen Silbenakzent des Lettischen zum Vergleich heran, so finden wir, daß, wenn ein litauisches

⁸ [Skat. autora labojumu Изв. VI 4, 145, kur viņš noliedz atšķirību starp stiepto un krītošo intonāciju šais izloksnēs. — Red.]

⁹ [Pirmpublicējumā *drāugs*. — Red.]

Wort // den geschleiften Ton hat, das entsprechende lettische Wort in der Regel den fallenden Ton aufweist und umgekehrt. Um dieses zu beweisen, will ich hier den von Kurschat in seiner Grammatik gegebenen Beispielen die verwandten und formell genau entsprechenden lettischen Wörter zur Seite stellen, jedoch unter Weglassung aller offenkundigen Lehnwörter und derjenigen lettischen Wörter, deren Akzent mir nicht genau bekannt ist. Nach § 541 von Kurschats Gr.: *balsas* — *bàlss*, *dařžas* — *dàrzs*, *diēvas* — *dīevs*, *draūgas* — *dràugs*, *iēšmas* — *iesms*, *kiēmas* — *ciems*, *lañkas* — *lùoks*, *miēgas* — *mīegs*, *pulkas* — *pùlks*, *rjñkas* — *riks*, *saikas* — *sieks*, *sniēgas* — *sniēgs*, *spařnas* — *spàrns*, *šīēnas* — *siens*, *vařdas* — *vàrds*, *vilkas* — *vīlks*, (*dvjñnas* — *dvoinis*); Ausnahmen: *juōkas* — *juōks*, aber bei Krumberg (Mag. XVI 2) *jùoks*, und *laūkas* — *laūks* (bei Krumberg nicht angeführt). Nach § 542: *aūtas* — *àuts*, *kařklas* — *kàrkls*, *paūtas* — *pàuts*, *piřštas* — *pīrksts*, *prōtas* — *pràts*, *vařtai* — *vàrti*, (*kařtas* — *kàrta*); Ausnahme: *niēkas* — *niēks*, aber bei Krumberg *nieks*. Nach § 616: *algà* (Akk. *alġa*) — *alga*, *aušrà* (*aūšrā*) — *àustra*, *barzdà* — *bàrda*, *bēdà* — *bēda*, *dienà* — *dīena*, *maità* — *màita*, *mēsà* — *mīesa*, *piestà* — *pīesta*, *talkà* — *tālka*, *tiesà* — *tīesa*, *ziemà* — *zīema*, (*tamsà* — *tūmsa*, *valdžià* — *vālde*, *qsà* — *ūoss*); Ausnahmen: *ievà* (Akk. *iēvā*) — *iēva*, *šalnà* — *salna*, *šarmà* — *sařma*, *uolà* — *uōla*, (*vyžà* — *vīze*). Nach § 618: *rankà* (Akk. *rañkā*) — *rūoka*, *vietà* — *vīeta*. Nach § 808: *liñksmas* — *liksms*, *raibas* — *ràibs*, *sařtas* — *sàrts*, *siaūras* — *šàurs*, *saūsas* — *sàuss*, *skeřsas* — **šķērss* (in *šķērsām* enthalten), *šiltas* — *sīlts*; Ausnahme: *sveikas* — *sveīks* (nach Bielenstein dialektisch auch *svēīks*, was *svēīks* sein kann; man vergleiche lit. *svėikinu* — lett. *sveīcinu*). Nach § 1226: *aūti* — *àut*, *baigti* — *bēigt*, *glaūsti* — *glàust*, *grēžti* — *griēzt* (dial. auch *griēzt*), *kařšti* — *kàrst*, *kaūkti* — *kàukt*, *kēsti* — *cīest*, *krōkti* — *kràkt*, *leñkti* — *līekt*, *maūkti* — *màukt*, *meřkti* — *mērkt*, *raūsti* — *ràust*, *riēsti* — *riest*, *skeřsti* — *šķērst*, *suñkti* — *sūkt*, *šaūkti* — *sàukt*, *šliēti* — *sliet*, *teņpti* — *sīept*¹⁰, *treñkti* — *triēkt*, *veikti* — *vēikties*, *veřpti* — *vērpt*;

¹⁰ Lettische mit *k*, *p*, *t* anlautende Wörter nehmen zuweilen noch vorne ein *s* an, z. B.: *krasts* — *skrasts*, *kāustava* — *skāustava*, *kruķis* — *skruķis*, *krubināt* — *skrubināt*, *ķēde* — *šķēde*, *ķesteris* — *šķesteris*, *kuose* — *skuose*, *ķute* — *šķute*, *priestlis* — *spriestlis*, *puosms* — *spuosms*, *Fritz* — *Spricis*, *pīrkstes* — *spīrkstis*, *piķis* — *spīķis*, *Franzosen* — *Spranči*, *trūops* — *strūops*, lit. *trumpas* — lett. *stru(m)ps*, *trepes* — *strepes*, *trube* — *strube*, *līnis* — *sīnis* u. a.

Ausnahmen fanden sich nicht. Nach § 1232: *kīrpti* — *cīrpt*, *kīrsti* — *cīrst*, *kriņsti* — *krīnst*, *līsti* — *līst*, *mīžti* — *mūzt*, *piķti* — *piķkt*, *sīrģti* — *sīrģt*; *vilkti* — *vilkt*; Ausnahmen fanden sich nicht. Es geht aus // diesen Zusammenstellungen doch wohl hervor, daß die Regel sich bestätigt, ohne daß ich mehr Beispiele anzuführen brauche¹¹. Die seltenen Ausnahmen, wo litauischem geschleiften Ton im Lettischen der gedehnte oder der gestoßene Ton, und lettischem fallenden Ton im Litauischen der gestoßene gegenübersteht, beruhen wohl auf analogischer Beeinflussung (vgl. lit. *sveikas* — lett. *sveiks* neben lit. *svėikinu* — lett. *sveīcinu*, oder lit. Akk. *šalną* — lett. *salnu* neben lit. *šalti* — lett. *salt* u. a.) oder auf früherer Verschiedenheit des Wortakzents oder auf Entlehnung aus andern Dialekten. Es fragt sich nun, woher der diametrale Gegensatz zwischen dem lit. geschleiften (steigenden) und dem lett. fallenden Ton stammt, wenn beide doch in den gleichen Wurzeln auftreten. Hirt (Idg. Akz. 112) nimmt an, daß man von einem fallend-steigenden Ton auszugehen hat. Dieser Annahme widerspricht aber die Dialektologie der baltischen Sprachen. Nach der Angabe von Mag. theol. Jaunys (Описание Россиенского уезда von Gukovskij, Kovno 1893, Pg. 27) entspricht dem hochlitauischen geschleiften (steigenden) Ton im Žemaitischen ein steigend-fallender Ton, der, wie es mir scheint, auch auf lettischem Gebiet im Südosten Livlands (wo auch sonst sprachliche Erscheinungen auftreten, die in den Nachbardialekten der Litauer sich wiederfinden, vgl. Bezzenberger Lett. Di.-St. 67 ff.) in gleicher Stellung vorkommt. In diesem steigend-fallenden Ton haben wir offenbar den gemeinsamen Ausgangspunkt zu sehen¹². Ich erlaube mir nun zu der Regel (Hirt Idg. Akz. 131), daß die indoeuropäischen Kurzdiphthonge zirkumflektiert werden, aus dem Lettischen einige Beispiele zu geben. Wenn bei der Stammbildung kurzes *u* zu *au* und kurzes *i* zu *ie* oder *ai* im Ablautverhältnis stehen, so haben diese Diphthonge immer den fallenden Akzent: *gluds* — *glāust*, *grust* — *grāuzdēt*, *kust* — *kāusēt*, *mukt* — *māukt*, *jukt* —

¹¹ Eine reichere Sammlung von Beispielen für die drei Akzente findet sich am Ende meines (sonst veralteten) Aufsatzes in RKr. XI, Pg. 118. In der schon mehrfach erwähnten Sammlung Krumbergs zeigen viele Silben, die bei mir den fallenden Ton haben, den gedehnten und umgekehrt; da er nicht angegeben hat, auf welchem Dialekt seine Aufzeichnungen beruhen, und jede Kontrolle daher ausgeschlossen ist, so sind dieselben nur mit Vorsicht zu benutzen.

¹² [Skat. autora papildinājums un labojums šā raksta beigās. — Red.]

jāukt, just — jāutrs, lupt — lāupīt, plukt — plāucēt, rušināt — rāust, zust — zāudēt, sust — sātēt, sust (trocken werden) — *sāuss, rupjš — rāupjš, ruds — rāuda, dzīt* (Prät. *dzinu*) — // *gāinīt, likt — lieku — lieks, mistrus — māsīt, miga — mīegs, snigt — snīegs, rist — rāsīt, stigt — stāigns*. Dasselbe gilt von den aus Nasalvokalen entstandenen Diphthongen und langen Vokalen der Präsens, denen in den übrigen Tempora kurzer Vokal gegenübersteht: *tapt — tūopu, prast — prūotu, rakt — rūoku, zagt — zūogu, just — jūtu, klupt — klūpu, sust — sūtu, brukt — brūku, jukt — jūku, mukt — mūku, zust — zūdu, sprukt — sprūku, krist — krītu, lipt — lipu, tikt — tieku*. Als besonders lehrreich führe ich hier auch die einsilbigen Formen mit dem fallenden Ton an: *ār, pār, īr* (auch), *kūr, tūr, āiz, vāi, ie-, pie, jāu, jūo, nūo*, Gen. S. *tā* (lit. *tō*), *šā* oder *ši, kà, tās* (lit. *tōs*, dor. τᾱς), *šās*, Dat. S. *tāi* (lit. *taī*, dor. τᾱ), *šāi*, Akk. S. *tūo* (lit. *tā*), *šūo, kūo*, Gen. Pl. *tūo* (lit. *tū*, gr. τῶν), *šūo*, Akk. Pl. *mūs, jūs* (in Lubahn aber *mās, jās*). Ferner gilt fürs Sonderleben der lettischen Sprache die Regel: wenn ein betonter kurzer Vokal durch Verlust einer folgenden Silbe mit kurzem Vokal lang wird oder eine diphthongische Verbindung eingeht, so hat dieser lange Vokal oder Diphthong den fallenden Ton (damit vgl. Hirt. Idg. Akz. 100 und Bezenberger BB XXI 295): *nēsmu < neesmu, nēsi < neesi* (vgl. τῆρων < τῆράων; dagegen *nuōra* aus *nuōara, kājnīeks* aus *kājinīeks, zālnīeks* aus **zālinīeks* u. a.), *dzēlzs — lit. geležis, cilvēks — russ. человек, pērkliis < perekliis, ērglis — lit. erēlis, kārša < karaša, pēlni — lit. pelenāi, āza — lit. avižā, pāusaris < pavasaris, vāiga < vajaga, biš < bijis, āuns — lit. āvinas, nāu < nava* (Ausnahmen sind *alva* und *kalps*, wenn sie auf russ. *олово* und *холод* zurückgehen), im Nom. S. der *o*-Stämme (z. B. *gāls, gārs, nāms, māns; kārš, cēļš, viņš*), im Nom., Gen. S. der *i*-Stämme (*pīls, zīus*, geschrieben *zius*), in Kompositis (z. B. *bārvedis, zilzūobis, zēmturis, pļāvmālis*, geschr. *pļavmālis*), im Dat. S. von Pronomina (*kām, tām, šīm, tēu, sēu*, geschr. *tev, sev*), in der II. und III. P. S. von Verbis (z. B. *cēl, cēļ, dzēr, nēm, nēm, dzēn, dzēn*). Ist dagegen der betonte Vokal schon lang gewesen oder entsteht beim Ausfall des folgenden Vokals keine diphthongische Verbindung, so tritt keine Änderung des Akzents oder der Quantität ein (Nom. S. *vīns, darbs, rats, klēts; pūr-vieta*; III. P. S. Präs. *klāj, drāž, tek* u. a.). Unter den gleichen Bedingungen wie im Lettischen tritt auch im Litauischen der fallende (gestoßene) Ton auf: Nom. S. *dvārs*,

gāls, sēns, gērs für **dvārs, gāls, sēns, gērs* aus **dvāras, gālas, sēnas, gēras* (weil beim Stoßton im Litauischen *ār, āl, ēr, ēl* zu *ár, ál, ér, él* werden), dagegen *pōns, dvūns, greīts* aus *pōnas, // dvūnas, greītas* und *grābs, rēts, rāts* aus **grābas, rētas, rātas*¹³ (wenn neben *dvārs* und *rāts* *dvāras* und *rātas* vorkommen, so kann das *ā* aus Wörtern wie *nařsas, pařsas, dařžas* und *ā, ē* der Wurzel aus den andern Kasus eingeführt sein, vgl. Kurschat Gr. § 216 und Jaunys Описание Россиевского уезда 31); in Kompositis (z. B. *stāltiesē, dvārvietē* < **stāltiesē, dvārvietē*, dagegen *kiaūlkerdis, vīnmedis* neben *kiaūlē* und *vīnas*); im Dat. S. (*gerām, mām, tām, sāv, tām, šīām, jāām* für **gerām, mām, tām* etc.), Dat. Pl. (*dievāms, širdīms, mūms, jūms*). — Durch die von Mag. theol. Jaunys (Понев. у. 96) gegebene Regel, daß, wenn der Wortakzent von seiner alten Stelle gegen das Ende des Wortes auf eine lange Silbe vorrückt, dann diese Silbe den fallenden (gestoßenen) Ton bekommt (*saulētekis* neben *sāulē*), weil (vgl. S. 261, N. 6) alle langen Silben hinter dem Wortakzent den fallenden Ton haben, läßt sich auch folgender Fall von Tonwandel im Lettischen erklären. Es bekommt nämlich der Vok. Sing. von Nominibus, die sonst gedehnten Ton haben, den fallenden Ton: *māte* — *māt, tē(v)s* — *tē(v), brālis* — *brāli, Jānis* — *Jāni, Kārlis* — *Kārli, Pēteris* — *Pēter*. Diese Vokative sind eben Fortsetzungen von früheren enklitischen Formen (*māte* — *māt* — *maāte* — *māat*), wie gr. Ζεῦ neben Ζεός, ἀδελφε neben ἀδελφός, lit. *ākmuo, sēsuo* (IF VII 252), kleinruss. *сестра-сестро*, čak. *sestrā-sēstro* u. a. — Auch mehrere Lehnwörter haben den fallenden Akzent: *ēzelis, grēks, kālis, kāpuōsts, ķēķis, kvārts, māarka, klāips, mētēlis* u. a. Endlich führe ich die wichtigsten Suffixe mit dem fallenden Ton an. Es sind: alle diejenigen, hinter deren Vokal ein

¹³ Wenn Bezenberger (BB XXI 295) die Regel faßt, daß bei Verlust unbetonten Vokales die vorausgehende Silbe, falls sie den Ton trägt, gestoßen betont wird, und *pōns, miēgs, vařgs* u. a. durch Systemzwang erklärt, so sieht man nicht ein, warum nur bei diesen Wörtern der Systemzwang gewirkt haben soll, bei *dvārs, gāls* und *rēts, rāts* dagegen nicht (denn man beachte, daß in Preußisch-Litauen nach Bezenberger BB XXI 291 und Jaunys Понев. у. 119 *ā* und *ē* ebenso lang sind wie *ō, ē, ū, ū*) und in *rēts, rāts* *a* und *e* überhaupt kurz sind. Wirkliche Ausgleichung könnte dagegen wohl in *pēn* neben *pēna* vorliegen, wenn nicht *pēn* erst aus *pēna* verkürzt (und nicht schon aus **pēna*) ist.

/ Man beachte aber außer *mergōm[u]s, baltiem[u]s* die Reihen *nuō: *nuōgi* : *nūo, priē* : **priēgi* : *prīeg*, vgl. unten S. 271. B./ [Becenbergera piezime Endzelīna piezīmei. — Red.]

j steht oder gestanden hat (vgl. Bielenstein LSpr. II 111 Anm.); also von den bestimmten Adjektiva Nom. // S. Fem. *labà* (auch Mask. *labàis*), Gen. S. M. *labà* (auch *labàs*, lit. *gerōs*, dor. ἀγαθῶς), Dat. S. F. *labài* (dor. ἀγαθῶ), Akk. S. *labùo*, Nom. Pl. M. *labìe* (auch F. *labàs*), Gen. Pl. *labùo* (auch Akk. Pl. M. *labùos*, F. *labàs*); der Lok. S. *kálnà*, *šķūni*, *lejà*, *upè*, *sirdlì*, *tìrgù*; die Nomina Agentis auf *-èjs*, *-àjs*, *-tàjs* (*sējèjs*, *dzēràjs*, *mácitàjs*, gespr. *sējèš*, *dzēràš*, *mácitàš*); die Suffixe *-àjs* (*rugàjs*) und *-èjs* (*videjs*); die Tempusstämme auf *-àja-* (nach Bielenstein Kl. VI und X), *-èja-* (Kl. IX und XII), *-lja-* (Kl. VIII und XI), *-ùoja-* (Kl. VII), also Inf. *runât* — I. P. S. Präs. *runàju*, II., III. P. S. *runà*, I. P. Pl. Prät. *runàjàm*, *zinât* — *zinàjàm*, *žàvèt* — *žàvèju* — *žàvè* — *žàvèjàm*, *sédèt* — *sédèjàm*, *tìrìt* — *tìrìju* — *tìrì* — *tìrìjàm*, *darìt* — *darìjàm*, *meluôt* — *melùoju* — *melùo* — *melùojàm*; die Endung *-àm* der I. P. Pl. Präs. der Kl. X und XI (*apzinàmiès*, *cìnàmiès*; in der Regel ist die Länge des *a* nur noch im Reflexivum vorhanden) und in den davon abgeleiteten Part. Präs. Pass. (*zinàms*, *rakstàms*); die Endung *-àm* der I. P. Pl. Prät. (*likàm*); die Endungen *-àit* und *-iet* fürs Präsens und *-ât* fürs Präteritum der II. P. Pl. (*sakàit*, *nācièt*, *likât*); die Endung *-ùot* des Part. Präs. und Fut. Akt. (*nākùot*, *nāksùot*); der Dat. S. und Pl. (*siēvài*, *upèi*; *virìem*, *meitàm*, *mātèm*, *sirdìm*); die Suffixe *-iba* (*labìba*), *-in(a)-* (*tēvìns*, gespr. *tēvìc*, *māsìna*), *-itis*, *-ite* (*brālìtis*, *saūlìte*), *-(i)nìeks*, *-(i)nìece* (*zàlnìeks*, *sàimnìece*), *-èns* (*sivèns*), *-ietis*, *-iete* (*latvìetis*, *siēvìete*). Endlich verlieren die Suffixe *-iens*, *-uons*, *-uols*, die sonst den gestoßenen Akzent haben, denselben, sobald die vorhergehende Silbe den Stoßton hat; also *metièns*, *nesièni*, *bèlzièns*, *pilièns*, *kūlièns*, aber *cēlièns*, *ēdièns*, *dzērièns*; *dzeluòns*, *màlduòns*, *miruòns*, *kustuònis*, aber *aūgùons*, *kařsùons*; *kamuòls*, *pùpuòls*, *sipuòls*, aber *uòzùols*, *vìtùols*, *kuòduols*. — Litauischen Wörtern mit gestoßenem Akzent stehen im Lettischen sowohl Wörter mit gedehntem als auch mit gestoßenem Ton gegenüber. Ich will wieder nach Kurschat Beispiele zusammenstellen. Nach § 543: *dàrbas* — *darbs*, *dìegas* — *diègs*, *kálnas* — *kalns*, *kélmás* — *celms*, *kótas* — *kàts*, *krēslas* — *krēsls*, *lángas* — *luògs*, *mēšlas* — *mēsls*, *óras* — *árs*, *pláu-kas* — *pláuks*, *púodas* — *puòds*, *ráugas* — *raúgs*, *rýtas* — *rìts*, *sárgas* — *sařgs*, *sietas* — *sièts*, *súolas* (so nach Jaunys, bei K. *sólas*) — *suòls*, *úodas* — *uòds*, *vérgas* — *vetgs*, *žándas* — *zuòds*, *žiedas* — *zièds*, *žirgas* — *zitgs*, (*grúdas* —

graūds); *bērzas* — *bērzs*, *ēras* — *jērs*, *tēvas* — *tēvs*. Es entspricht also dem Stoßton des Lit. 21 — (22)mal der gestoßene und 3mal der gedehnte Ton im Lettischen; Ausnahmen: *bērnas* — *bērns* und *taukaī* (Akk. *tāukus*) — *tāuki*. Nach § 544: *dūmai* — *dūmi*, *kāulas* — *kaūls*, // *krūmas* — *krūms*, *miltai* — *milti*, *pienas* — *piēns*, *šonas* — Pl. *sāni*, *šūdas* — *sūds*, *tiltas* — *tilts*, *vējas* — *vējš*, *vīras* — *vīrs*; *spāstai* — *spuōsts*, *sviēstas* — *sviēsts*. Also 10 Wörter mit gedehntem Ton gegen 2 mit gestoßenem. Bei diesem Tatbestand drängt sich unwillkürlich die Annahme auf, daß Wurzeln, die im Litauischen den Stoßton mit wandelbarem Wortakzent haben, im Lettischen den gestoßenen Ton erhalten und litauischem Stoßton mit festem Wortakzent im Lettischen der gedehnte Ton entspricht (etwas, was schon de Saussure IF Anz. VI 165 angenommen hat, ohne jedoch Kenntnis vom lettischen fallenden Ton zu haben). Um dieses zu erläutern, erinnere ich daran, daß im Südosten Livlands Silben, die bei mir den Stoßton haben, lang gedehnt und mit steigendem Stimmtone gesprochen werden und daß nach Jaunys (Понев. у. 137) in lit. Mundarten (z. B. in Dorbiany) beim Eintritt der Barytonesis der zurückgezogene Hochton als ein steigender Akzent auf der vorhergehenden Silbe steht¹⁴ (also Nom. S. *galva*, Gen. *galvuos*, Dat. *gālvā*, Akk. *gālvā* neben schriftlit. *galvā*, *galvōs*, *gālvai*, *gālvā*; darnach muß es früher wohl auch im Lettischen ein Paradigma gegeben haben Nom. S. *galva*, Gen. *galvas*, Dat. *gālvai*, Akk. *galvu*, wo dann durch Systemzwang der Akzent ausgeglichen ist, so daß jetzt in allen Kasus -al-erscheint); in Wörtern wie *jērs*, *tēvs*¹⁵ u. a. dagegen scheint der gedehnte Ton den gestoßenen (steigenden) verdrängt zu haben, ganz wie im Serbischen (Nom. *gláva* neben Akk. *glāvu*)

¹⁴ Zur Entstehungsgeschichte der Barytonesis im Litauischen vgl. Jaunys (ibidem 97 ff. und 106); für die von ihm dort konstatierte Dimotion von zusammentreffendem Wortakzent im Litauischen lassen sich auch im Lettischen Belege finden: im Volksmund habe ich z. B. statt der regelmäßigen Betonung «*vējš nuorāva*» (ich bezeichne hier mit dem Akut den Wortakzent) — «*vējš nuorāva*» gehört, und die ganze Metrik der lettischen Volkslieder beruht auf derselben Erscheinung (Verse wie «*sēj, māmiņa, māt ruožītes*» sind echt trochäische Dimeter, mit dem Hauptiktus auf dem 1. und 3. Fuß).

¹⁵ [Skat. autora papildinājums un labojums šā raksta beigās. — Red.]

und auch ähnlich (im Griechischen (λεῖκ' ὅστεα neben λευκά)¹⁶.)// Zu der Regel stimmt es nun auch, daß die lit. Feminina mit gestoßener Wurzelsilbe und mit wandelbarem Wortakzent (vgl. L. Masing Hauptf. d. serb. chrow. Akz. 11 ff.) im Lettischen mit dem Stoßton erscheinen: *purna*, *naūda*, *pēda*, *galva*, *šķiedra* (nach Jaunys in seiner handschriftlichen Grammatik lit. *skiedrā*, Akk. *skiedrā* etc.), mit Ausnahme von *sēkla* (lit. *sēklā*, Akk. *sēklā*), das im Akzent an *sēt* angeglichen sein kann. Ebenso stimmen dazu die Adverbia *tā* «so» und *kā* «wie», die als alte Lokativi Sing. Fem. G. aus **tājé*, **kājé* (vgl. *tojē*) verkürzt sind (auch *nē* «nein» könnte auf ein zweisilbiges Oxytonon zurückgehen)¹⁷. Es folgen die Beispiele nach § 619: *bóba* — *bāba*, *dēlna* — *delna*, *dúona* — *duōna*, *glīnda* — *gnīda*, *kilpa* — *cilpa*, *kója* — *kāja*, *lāime* — *laime* (dial. auch *laima*), *liēpa* — *liēpa*, *lúpa* — *lūpa*, *sāuja* — *šāuja* (dial. auch *sauja*)¹⁸, *stīrna* — *stīrna*, *vārna* — *vārna*, *vārpa* — *vārpa*, *vētra* — *vētra*; *júosta* — *juōsta*, *lóva* — *lāva*, *málka* — *malka*, *óda* — *āda*, *siēna* — *siēna*, *smilga* — *smilga*, *šlúota* — *sluōta*, *úoga* — *uōga*, *vīnkšna* — *vīksna*, *žārna* — *zārna*. Es stehen also hier 14 Wörter mit gedehntem Ton 10 mit dem Stoßton gegenüber. Angesichts dieser Tatsache wird man, wenn anders die Regel über die Entstehung des lettischen Stoßton richtig ist, wohl annehmen müssen, daß Wörter wie *málka* — *malka* nicht von jeher Paroxytona mit festem Wortakzent gewesen sind. Adjektiva nach § 809: *augštas* — *augsts*, *gývas* — *dziivs*, *jāunas* — *jaūns*, *kārštas* — *karsts*, *kietas* — *ciēts*, *mīnkštas* — *mīksts*, *plónas* — *plāns*, *skýstas* — *šķīsts*, *šýkštas* — *sīksts*; *báltas* — *balts*, *ilgas* — *ilgs*, *kiáuras* — *caūrs*, *pīlnas* — *pīlns*, *súras* — *sūrs*. Da der Wortakzent hier im Litauischen ein beweglicher ist, so läßt es sich begreifen, daß im Lettischen

¹⁶ In žemaitischen Dialekten (vgl. Jaunys Опис. Росс. у. 27) hat man also einen dreifachen (fallenden, steigend-fallenden, steigenden) Silbenakzent, mit dem der dreifache Akzent vom südöstlichen Livland seinem Wesen nach ziemlich genau übereinzustimmen scheint und analog entstanden ist. Aber während im žemaitischen auch sonst zirkumflektierte Silben im Falle von Barytonesis steigenden Akzent erhalten (hochlit. *ziemā* — Akk. *ziēmā* = žem. *zeima* — Akk. *žēima* mit steigend-fallendem Ton Dorbiany), ruft im Lettischen die Barytonesis nur in sonst gedehnt betonten («akutierten») Wurzeln den steigenden (gestoßenen) Ton hervor. Die Ursachen davon vermag ich zur Zeit nicht mit Sicherheit anzugeben, es sei denn, daß die zirkumflektierten Silben im Lettischen früher auch in unbetonten Silben ihre Eigenart bewahrten.

¹⁷ [Skat. autora papildinājums un labojums šā raksta beigās. — Red.]

¹⁸ [Tagad šā vārda literārā forma ir *sāuja*. — Red.]

bald der gestoßene (9mal), bald der gedehnte (5mal) Ton entspricht, je nachdem aus welchen Kasus der Silbenakzent die Alleinherrschaft gewann. Ich setze noch Verba nach § 1225 her: *áuſti* — *aúst*, *áuſgti* — *aúgt*, *bēgti* — *bēgt*, *bliáuſti* — *bļaúſt*, *brēſti* — *briēst*, *dúoti* — *duôt*, *dýgti* — *dígt*, *džiáuſti* — *žaúſt*, *džiúſti* — *žút*, *ēsti* — *ēst*, *glóbt* — *glábt*, *griáužti* — *graúžt*, *grústi* — *grúst*, *jóti* — *ját*, *káſti* — *kuôst*, *klóti* — *klât*, *klýsti* — *klíst*, *láužti* — *laúžt*, *lúžti* — *lúzt*, *lieti* — *liét*, *plēſti* — *plēst*, *plýſti* — *plíst*, *plústi* — *plúst*, *ráuſti* — *raúſt*, *rúgti* — *rúgt*, *skiesti* — *škieſt*, // *stóti* — *stâtiēs*, *úosti* — *uôst*, *virti* — *virt*, *žſti* — *zist*; *dróžti* — *drāžt*, *kráuſti* — *kraúſt*, *liáuſti* — *ļaúſt*, *nókti* — *nākt*, *piáuſti* — *plaúſt*, *sēti* — *sēt*, *snáuſti* — *snaúſt*, *spēti* — *spēt*, *spiáuſti* — *spļaúſt*, *šáuſti* — *šaúſt*¹⁹, *trúkti* — *trúkt*, *výsti* — *vīst*; Ausnahmen: *kóſti* — *kàst* (bei Bielenstein aber *kāst*) und *žvengti* — *zvieg* «wiehern» (ob mit lit. *žviēgti* zusammengefallen?). Den verschiedenen Akzent der «akutierten» Silben im Lettischen müssen wir wohl auch hier aus einem älteren Paradigma mit beweglichem Wortakzent herleiten, denn die feste Anfangsbetonung im Litauischen ist hier offenbar nichts Alttertümliches (vgl. de Saussure IFA VI 159 ff.; zu der Regel stimmen auch die von ihm angeführten Beispiele: *augāš* — lett. *aūgūt* und *trūkſtas* — lett. *trūkſtūt*). Einsilbige «akutierte» Pronominalformen zeigen, wie zu erwarten war, den gedehnten Ton: Nom. S. *tā* (lit. *tā*, gr. *τή*), *ši*, Nom. Pl. *tiē* (gr. *τοί*, über lit. *tiē* vgl. Jaunys *Понев.* y. 100), *šiē*, Akk. Pl. *tuōš* (lit. *tūos*, gr. *τούς*), *šuōš*, *tāš* (lit. *tās* oder *tās*, gr. *τάς*), *šāš* oder *šis*; außerdem noch Nom. Pl. *mēs*, *jūs*, *tāš*, *šis* oder *šās*, Dat. Pl. *tiēm* (in Lubahn aber *tiēm*), *šiēm*, *tām*, *šām* oder *šim*. Den Stoßton haben *mušs*, *jušs*. Lehnwörter haben meist den gedehnten Ton, nur sehr wenige zeigen den Stoßton (*džipari*, *guķis*, *meita*, *korķis*). Es folgen die wichtigsten Suffixe mit dem Stoßton: der Lok. Pl. (*kalnuōš*, *lejāš*, *upēs*, *sirdis*), sämtliche Reflexivformen (*ceļuōš*, *celiēs*, *ceļamiēs*, *ceļatiēs*, *celtiēs*, *celtuōš*, *cēlās*, *celdamiēs*, *celdamās*, *cēliēs*, *cēlusiēs*, *ceļuotiēs*, *celšanās*, *celšanuōš* etc.), die Verbalstämme der Klassen VI—XII auf *-ā-*, *-ē-*, *-ī-*, *-uō-*, wenn kein *j* dahinter folgt (*dziēdāt*, *dziēdāšu*, *dziēdātu*, *dziēdādāms* etc.), die Suffixe *-āds* (*savāds*), *-āks* (*labāks*), *-īgs* (*pēdīgs*), *-ains* (*celmainš*). Zuweilen bekommen in suffixaler Stellung (in Kompositis) den Stoßton auch solche Wurzeln, die denselben sonst nicht haben, z. B. *apaūši* «Halfter» (aus *ap* und *āusis*), *piēdurkne* «Ärmel»

¹⁹ [Izlokšnēs arī ar s- (skat. ME *saūt*). — Red.]

(von *piedurt*²⁰) u. a. Dieses führt uns zum Wechsel des Silbenakzents in betonten Silben, der auch im Litauischen (und zwar viel häufiger, vgl. BB XXI 311 ff.) sich findet. Von vorneherein müssen wir dabei diejenigen Fälle beiseite lassen, wo (wie in *bitiēs — baidīt, sprāgt — sprēgāt, dēt — dētiēs, spert — spārdīt* u. a.) gedehnter Ton mit dem Stoßton wechselt, da ja beide // einer und derselben «akutierten» Silbe zukommen können (vgl. žem. *galva* neben Akk. *gálva*). Wechsel des gestoßenen und fallenden Tones kommt meines Wissens überhaupt nicht vor (es sei denn in *nūo* neben *nuōst* «weg», «fort»?), und fallender Ton für den gedehnten tritt nur in den schon angeführten und erläuterten Vokativen (wie *māt* neben *māte* u. a.) ein. Es bleiben demnach nur Fälle übrig, wo für den fallenden Ton der Wurzel in Ableitungen der gedehnte Ton eintritt. Das zeigt sich namentlich in Iterativbildungen: *brāukt — braūkāt, lēkt — lēkāt, plēst — plātīt, svēlpt — svilpuōt — svilpe, triēkt — treñkāt, vilkt — vālkāt, griezt — gruōzīt, list — luōžņāt*, lit. *kaisti — lett. kaītināt, kaupt — kaūcināt — kaūka, saukt — saūkāt, brēkt — brēkāt — brēka, knābt — knābāt — knābis, kliegt — klaigāt*, lit. *braukti — lett. braūcīt*, lit. *daūžti — lett. daūžtīt, ēlst — ēlsāt*, lit. *geisti — lett. gaidīt*, lit. *liēžti — lett. laizīt, stēigtiēs — staigāt*; dann auch in Nominalbildungen: *bēigt — beigas, mīzt — mīzenes, dirst — dīrsa, siet — saita, slaupt — slaūktuve*, lit. *dvēsti — lett. dvēsele, ciems — kaīmiņš, skaitīt — skaitlis, ziema — ziēmēlis, vēiktiēs — veikls*; endlich in substantivischen Kompositis (und zwar in solchen, die dem Sprachgefühl nicht mehr recht als solche erscheinen) mit den Präpositionen *ie-*, *nūo*, *pie* (*priekš*): *iēlenis, iēnaišs* (neben *ienīst*), *nuōmalis, nuōdaļa, nuōmuōdā, nuōra* (aus *nuōara*), *nuōpēlns, piēdagas, piēdarbs, piēpēži, priekšauts*. Aus dem Litauischen (vgl. BB XXI 311) entsprechen genau Bildungen wie z. B. *veřkti — virkinu, lįsti — lāndžioti, vilkti — vālkioties, rēkti — rēkauti — rēka, leñkti — lēnkė*, ferner (nach Jaunys Gramm.) *añt — antakiai, priė —*

271

²⁰ Bielenstein (LSpr. § 544) geht von der Form mit Metathesis «*pie-drūokne*» (aus *pieđuorkne* für *pieđuorkne* < *pieđuortne*, vgl. *atrāikne* für *atrāitne*) aus und leitet es ab von *pie* und *rūoka*, aber mit Unrecht, wie das *d* zeigt. /Vergl. zur Erklärung des *d* o. [BB] XXII 123 n., 77 n. Pr. /

/Vgl. indessen *schaust* (lit. *siaūsti*): *schāutīt* (vgl. lit. *siautėti*), *schāutniėki*. B./ [Par šo Becenbergera piezīmi skat. Endzelina paskaidrojumu Izv. VI 4, 146 sk. — Red.]

*prieangė*²¹. Wir haben also allen Grund anzunehmen, daß wir in diesem Akzentwechsel etwas Altererbtes vor uns haben. Mag. theol. Jaunys (Понев. у. 100 und Gramm. 78 ff.) stellt für das Litauische die Regel auf, daß gestoßener Ton der Endsilben in den geschleiften übergehe, und fordert demnach z. B. für *añt* und *priē* älteres **ánt* und **prie*, das in *ántakiai* und *prieangė* durch den Schutz der folgenden Silben bewahrt sei. Ohne hier über die Richtigkeit dieser Regel zu diskutieren, meine ich jedoch, daß in diesem Fall diese Regel jedenfalls nicht anwendbar ist, denn *priē* und *nuō* (für das Jaunys auf Grund von *núog(i)* ebenfalls ein älteres **núo* voraussetzt) entsprechen regel-/recht lettischem *prie-kša* und *nūo*, im Lettischen hat aber keine ähnliche Regel Geltung gehabt, und endlich darf man *priē* — *prieangė* nicht von *rēkti* — *rēkauti* einerseits und von *nūo* — *nuōmuōdā* und *brēkt* — *brēkāt* andererseits trennen. Sieht man sich nun die angeführten Beispiele näher an, so findet man, daß in der Regel die zirkumflektierte Silbe zu einer akutierten wird, wenn die Zahl der nachfolgenden Silben größer wird (*kāukt* — *kaūcināt*, *ziema* — *ziēmēlis*, *piē* — *piēdagas*), und dieselbe Erscheinung findet sich in gr. λείπε neben λείπει und λείπετε. Daß in den baltischen Sprachen dieser Wechsel nicht mehr lebendig ist, erklärt sich ja nur zu gut durch den Systemzwang; wo (wie z. B. *iēlenis*, *piēpēži* u. a.) der etymologische Zusammenhang nicht mehr klar ins Bewußtsein trat, konnte der Akut (lit. ´, lett. ~) sich erhalten. Im Litauischen ist nun der Tonwandel viel komplizierter (der Akut wird zum Zirkumflex: *báltas* — *bałtuojų*, *ėdu* — *ėdesis*), weil die Natur der altererbten Akzente dort geradezu in entgegengesetzter Richtung sich umgewandelt hat (der Akut wird fallend, der Zirkumflex — steigend). Nach Eintritt dieser Umwandlung erst scheint mir der Tonwechsel in *báltas* — *bałtuojų* u. a. eingetreten zu sein, und doch wohl aus demselben (lautphysiologischen) Grunde, der vordem den Wechsel von *rēkti* — *rēkauti* veranlaßt hatte. Es bleiben allerdings noch Fälle im Litauischen (wie *súras* — *sūris*, *áugu* — *ūgis* u. a.), die ich zur Zeit nicht erklären kann. — Endlich sei noch die Rede vom Einfluß der drei Akzente auf die Quantität der Vokale, hinter denen Liquida oder Nasalis mit folgendem Konsonant steht. In diesen Verbindungen ist

²¹ /Warum *prie-žodis* : *priē-žada*? B./ [Becenbergera jautājums Endzelīna rakstā. — Red.]

beim Stoßton der Vokal immer kurz (in Dialekten Kurlands aber auch *ār, ēr* mit langem Vokal, z. B. *dārbs, dzērt*; und nach Bezzenberger Spr. d. pr. L. 115, in Leitischneeken sogar *zīrgs*, bei mir *zīrgs*, ob aber mit dem Stoßton?), und man darf wohl annehmen, daß ursprünglich langer Vokal gekürzt wird, wie z. B. in *ņemt, celt, dzert, ņemšu, celšu, dzešū* u. a. neben *ņemu, cēlu, dzēru, ņemīšu, cēlišū, dzērišu*²². Der gedehnte und der fallende Ton verhalten // sich der Quantität gegenüber gleichmäßig; und zwar haben die Verbindungen *ar* und *er* + Kons. immer langen Vokal (in Dialekten Kurlands aber auch kurzer Vokal: *vařna, beřt, mērkt* u. a.), und ursprünglich kurzer Vokal wird verlängert, z. B. *ērglis* — lit. *erēlis, pērklis* — *pereklis, Kārlis* — *Karl, Mārtiņš*. Nur in Lehnwörtern jüngeren Datums bleibt der Vokal kurz: *kārte, mārka* (neben älterem *kārtis, mārka*), *kārša, pērša, tařba*. Alle anderen Verbindungen dagegen: *al, am, an, el, em, en, ir, il, im, in, ur, ul, um, un* haben immer kurzen Vokal (nach Bezzenberger Spr. d. pr. L. 115, 117, in Rutzau, Durben auch langer Vokal: *mirt, iekürt, irbe, kūrlis*, wohl nur vor *r*), und man darf wohl auch annehmen (vgl. [BB XXV] S. 272), daß ursprünglich langer Vokal gekürzt ist, so z. B. in *duřšu, kuřšu, šķiřšu, stuņšu, veņšu* neben *dūrišu, kūlišū, šķirišu, stūmišu, vēmišu*. Alle diese Regeln gelten nicht für Fälle, in denen, wie im Nom. S. *zvērs, gārs, tīrs* oder in Kompositis wie

273

²² Ich nehme nämlich im Anschluß an Osthoff (Perf. 84 ff.) gegen Wiedemann (Prät. 121 ff.) an, daß im Lettischen der Vokal resp. Diphthong des Präteritums auf alle außerpräsentischen Formen übertragen ist (*strebu* : *strebsū = cēlu* : *cēlišū = lēj-u* : **lēišū > liēšu = bļāv-u* : **bļāišū > bļāišū = *ri-u > riju* : *rīšu = *žā-u > žuovu* : *žāišū = pinu* : **piņišū > piņišū/i = vēmu* : **vēmīšu > veņišū* etc.). Dazu stimmen nach meiner Ansicht Futura wie *dzērišu* neben *dzeřšu*, die ich mit aind. Doppelformen wie z. B. *stořyāmi* neben *staviřyāmi* u. a. vergleichen möchte, nur daß dabei im Lettischen *ī* zu *i* durch den Einfluß anderer Futura, wie *tirišu, rakstišu* (Kl. VIII und XI), geworden ist. Bezzenberger (BB XVIII 277 ff.) hält allerdings *dzērišu* für ein Futurum exactum, aber die Futura auf *-išū* zeigen nicht die geringste Spur von der Bedeutung eines Fut. ex. und man kann auch nicht das baltische Präteritum aus dem alten Perfektum ableiten (Wiedemann Prät. 85 ff.), um Futura wie *dzērišu* mit griechischen oder lateinischen Fut. ex. vergleichen zu können. — Auch die Dat. Pl. *mūms* und *jūms* werden wohl zunächst aus **mūms* und **jūms* (neben Nom. Pl. *jūs*, Gen. *mūsu, jūsu*, Akk. *mūs, jūs*, in Lubahn: Nom. *jūs*, Gen. *mūsu, jūsu*, Akk. *mās, jās*) entstanden sein, da man sonst *mūms* und *jūms* (neben alit. *mūmus* und *jūmus*) zu erwarten hätte, wie *nāms* aus **nāmas*. [Skat. autora papildinājums un labojums šā raksta beigās. — Red.]

273

pūrvietā, zālnieks, die Liquida oder Nasalis erst spät nach Ausfall eines Vokales tautosyllabisch geworden ist.

Durch diese meine Ausführungen hoffe ich die große Wichtigkeit des lettischen dreifachen Silbenakzentes für vergleichende Akzentstudien dargelegt zu haben, und daraus ergibt sich für den künftigen Herausgeber eines lettischen Wörterbuches (resp. einer Grammatik) die Verpflichtung, sein Werk auf Grundlage des dreifachen Akzents zu gestalten, wenn anders dasselbe alle Ansprüche der Wissenschaft befriedigen soll.//

Dorpat, 18 9/II. 99.

NACHTRÄGE UND BERICHTIGUNGEN ZU DEM AUFSATZE
«ÜBER DEN LETTISCHEN SILBENAKZENT»

Der steigend-fallende Ton der zirkumflektierten Silben litauischer Dialekte muß wohl nicht als Ausgangspunkt, sondern vielmehr als Übergangsstufe von lett. fallendem Ton zu lit. geschleiftem (steigendem) Ton angesehen werden, da für die fallende Aussprache der zirkumflektierten Silben in der indoeur. Ursprache auch das Serbische (und wohl auch das Griechische) spricht. —

Zu dem gedehnten Ton von lett. *tēvs* stimmt es sehr gut, daß Donaleitis (im Gegensatz zu Kurschat) in *tēvai* (vgl. I 449) und in den andern Kasus immer die Wurzelsilbe betont zu haben scheint. —

Die Partikel *nē* kann auch, ohne ein zweisilbiges Oxytonon gewesen zu sein (da das weder nachweisbar noch wahrscheinlich ist), die dem um eine Silbe zurückgezogenen Akut zukommende Aussprache erlangt haben, vgl. den fragenden Ton der deutschen Partikel *ja*. —

Die Formen *muņs, juņs* brauchen nicht aus **mūms, *jūms* entstanden zu sein: sie können auch alte Instrumentale und also mit lit. *mumīs, jumīs* identisch sein, vgl. lit. Instr. Plur. *širdimīs* aus *širdimis* oder *sūnuņs* aus *sūnumīs*. —

Wären die lett. Futura wie *nēmīšu, bērišu* u. a. aus dem Präteritalstamm gebildet, so müßte man auch Futura wie **gājīšu, *devīšu, *dziēdājišu* u. a. erwarten; es kommen aber nur *iēšu, duōšu, dziēdāšu* etc. vor.

INSTRUMENTĀLIS

[1901 RKr. XIII 7—12]

Atskaitot atliekas no vīriešu kārtas daudzskaitļa galotnes *-is (vienis prātis)*, instrumentālim sevišķas galotnes latviešu valodā vairs nav: vienskaitlī tas ir kļuvis līdzīgs akuzātvam, daudzskaitlī — datīvam. Šī locījuma neatkarīga lietošana ir tāpēc, īpaši vienskaitlī, stipri mazinājusies: vieglākas saprašanas dēļ tam tagad pa lielākai daļai piebiedrojas prepozīcijas *ar, pa, par* u. c.¹ Šeit apcerēsīm tikai no prepozīcijām neatkarīgo instrumentāli.

Par instrumentāļa pirmatnējo nozīmi indoeuropiešu valodās Delbrūks (Vergl. Synt. d. indog. Sprachen I 184) izteicas šādi: instrumentāli nostājas tas substantīviskais jēdziens, ar kuŗu kopā darbības darītājs izdara savu darbību, tas ir pavadoņs [šai gadījumā runājam par sociātīvo instrumentāli] vai ierocis [instruments]. Darbības pavadoņi ir pirmā kārtā personas, bet šo apzīmēšanai mums tagad arvienu jāpiekaŗ instrumentālim prepozīcija *ar: lai kājiņas neapmirka, ar Laimiņu staigājuot* BW 1082 var.; *dziedat, meitas, ar manim* BW 20. Šis sociātīvais instrumentālis bez *ar* ir retumis vēl paglabājis tautasdziesmās un stereotipos izteicienos arī sadzīves valodā: *auklē, māte, meitas vien, met dēliņus ūdeni: meitām auga viegla diena, dēliem gaužas asariņas* BW 3350₃ (šai piemērā sociātīvam nu gan ir īsta instrumentāļa nokrāsa, kā rāda variants BW 1957, kur tas pats šādi izteikts: *nuo meitiņas vieglas dienas, nuo dēliņa asariņas*); *kad vēl puīšiem biju, piecus gadus sabraucu par kučieru* (Purapuķe Jauna strāva 35); *māsa vēl ir meitām* (= ar meitām, meitu kārtā, Opekalnā); Bilensteins, no kuŗa (Handb. § 590) beidzamais piemērs ņemts, gan ir noturējis vārdu *meitām* par predikātīvo instrumentāli, bet pret to runā formas daudzskaitlis. Ļoti līdzīgu konstrukciju rāda šāds teikums no leišu valodas, kas arī tagad vairs nelieto sociātīvu bez prepozīcijas: *dār veŗkdams ūbagais eisi* (Donal. Metas I 293). — Bez personām var arī citus dzīvus radījumus un pat priekšmetus

¹ Par prepozīcijas *ar* pievienošanos instrumentālim sal. Mūlenbacha Daŗus jautājumus par latviešu valodu II 78 sk.

- 8 par darbības pavadoņiem uzskatīt un // instrumentālī nostatīt: *eimu guovu laidarā deviņām slauktuvēm* BW 1180; *atej, tēta, kļiņģeriem!* BW 2914; *sveša māte sagaidīja sīvu bārgu valuodiņu, uz vārtiem stāvēdama, rikšu sauju ruociņā* BW 4245, 4 (3.: *sīvu, dzedru valuodiņu*). Arī te tagad mēdz pievienot prepozīciju *ar*. No šī sociatīvā instrumentāļa Delbrücks (Vergl. Synt. I 237), kā liekas, pareizi atvasina distribūtīvo instrumentāli. Teikumā, piemēram: *virsaitis devās ceļā (ar) tūkstuošiem (ļaužu)* vai arī: *cilts d. c. (ar) t. l.*, forma *tūkstošiem* bija vēl tīrs sociatīvs, kas no sākuma tika arī vēl sajusts kā dzīvs locījums. Ja nu, piemēram, vārdu *leišu cilts* vietā liekam daudzskaitli *leiši*, tad dabūjam teikumu: *leiši devās ceļā tūkstuošiem*. Še instrumentālim no sākuma arī varēja vēl būt sociatīva daba, bet tā kā šai teikumā subjekts *leiši* ir īstenībā identisks ar saviem pavadoņiem (*tūkstuošiem*), tad instrumentālis cieši piesienas valodas apziņā subjektam un ieguva distribūtīva numerāļa (skaitļuvārda) dabu. Šādi instrumentāļi ir vēl tagad vispāri lietojami: *nav vēl viena* (scil. *dziesma*) *izdziedāta, simtiem jaunas prātiņā* BW 36 var.; *trim pulkiem puisī jāja* BW 279, 2; *rindām augā uozuoliņi* RKr. V 75. Šos distribūtīvos instrumentāļus tik maz sajūtam tagad kā locījumus, ka tie, kā jau numerāļi, var ieņemt arī vieni paši subjekta vietu: *simtiem jā, simtiem brauc* (RKr. VII, 102. mīkla), *viens iet, simtiem, tūkstuošiem krīt* (RKr. VII, 1012. mīkla). Distribūtīvais instrumentālis var pievienoties ne vien subjektam, bet arī objektam: *simtiem luopus skaita* (RKr. VII, 102. 4. mīkla); *kuo mēs laba suolisim savam krusta bērniņam? simtiem guovu, simtiem vēršu* BW 1451 var. Citi distribūtīvā instrumentāļa paraugi ir turpretim attīstījušies nevis no sociatīva, bet no īstā instrumentāļa: *siekiem naudu mēridami* BW 2462 (1.: *suolidami*); vai arī no lokāla instrumentāļa: *paša prātu panes jūdzēm* (RKr. VI, 627. paruna); vai arī no temporālā instrumentāļa: *te jau var cilvēks stundām gaidīt*. No distribūtīvā instrumentāļa liekas attīstījies mēra instrumentālis: *divpadsmit asīm garš tilts* (RKr. VII, 351. mīkla); *sešām asīm garš tēviņš* (RKr. VII, 946. mīkla). Bet šādā nozīmē instrumentālis ir diezgan neparasts: te mēdz lietot akuzatīvu. — Mums vēl jāpārrunā sociatīvs plašākā nozīmē. Par darbības pavadītājiem var uzskatīt arī apstākļus, kuņos kaut kas notiek, un tos tad nostatīt instrumentāli: *ej gulēti, vāverīte, vakarēju ēdumiņu* BW 2897, 3; *kālab manis kumeliņis vakarēju jūgumiņu?* BW 3620; *es nebiju pie bāliņa aizpērnuo bijumiņu //* BW 3779; *tai sajāja treju tautu vienu vārtu vērumiņu* BW 5139; *visi pieci vienīs prātīs*
- 9

BW 2387; *dzirās ieva ar ābeli ziedēt vienu baltumiņu* BW 2773. Ja instrumentāli stāvošam substantīvam trūkst atribūta, tad tagad nepieciešama šos gadījumos prepozīcija *ar*: *ar dziesmām guldīts kļūšu* BW 3 var.; *nes ar guodu vainadziņu!* BW 4750. Visai lietojams vēl tagad ir instrumentālis qualitatis, kas apzīmē kāda priekšmeta pastāvīgu piederumu (miesas vai gara īpašību, apģērba gabalu utt.), kuŗš to pavada visā viņa gaitā un darbā: *es neietu melnu kreķlu* BW 3499, 3; *kur tu tecī, bārenīte, dzelteniem matiņiem, tur spīdēja spuoža saule dzelteniem stariņiem* BW 4579; *meitas dzied pulciņā gludenām galviņām* BW 265, 1; *es uzaugu dziedātāja vāluodzītes dziesmiņām* BW 360, 1; *lai auga pādīte spruogainis matis* BW 1319 var.; *mājiņa trim pakšiem būvēta* (RKr. VII, 558. mīkla); *augu niedres gaŗumiņu, maguonītes daiļumiņu* BW 473, 1; *augat, visas atmatiņas, dzeltenām puķītēm!* BW 4473. Kā Delbrūks (Vergl. Synt. I 241) aizrāda, tad arī šis instrumentālis sākumā nav bijis nekad bez sava (vispirms — kustības) verba, bet kad nu šai instrumentāli nostatītais jēdziens apzīmē kāda priekšmeta pastāvīgo piederumu, tad šie abi (priekšmets ar savu piederumu) sadēvās kopā ciešā savienojumā, kas pavisam pārtrauca sakaru ar verbu un var ieņemt arī objekta vietu: *uozuolam trim kārtām zelta juosta* RKr. V 76; *bāliņ, tava līgaviņa, glēvajām ruociņām, griķu sieķu samalusi, staigā ruokas mētādama*² BW 664, 2; *trim stūriem istabiņa* (RKr. VII, 559. mīkla); *redzu vienu meitu četrām kājām* (RKr. VII, 557. mīkla); *māte mani pametuse ne ciniša dižumiņu* BW 4597; *sērdienei kruoni kala deviņiem žuburiem* BW 4628. Instrumentālis qualitatis gan tikai, kā Mūlenbachs (DJ II 85) aizrādījis, šad un tad nostājas priekš apzīmējamā vārda: *neņem, manu bāleliņu, melnu galvu līgaviņu!* Ar. t. dz. 479; palaikam tas stāv pēc sava substantīva. Prepozīcija *ar* arī še ļoti ieviesusies: *iztecēja klausīties pliku gālu, mellu muti, ar basām kājiņām* BW 446, 3. — Arī izplatījums un laiks, pa kuŗu kas notiek, ir uzskatāmi kā darbības pavadoņi un nostatīti instrumentāli: *tas nuoskrēja augstis meķis* BW 2221, 3; // *saule, gaisu tecēdama* BW 4385; *šiem gadiem tuo neviens nav dabūš; lec, saulīte, ritis agri* T. dz. 275; *ne labām dienīņām es pūriņu piedariju* BW 4908 (cf. 4907!); *trim ritiem rasa stāv tavu matu galiņā* BW 4480, 5; *nuoej laiku vakarā* BW 4363; *maizīt' ēžu ik dieni-*

10

² Mūsu tautasdziesmās palaikam satura ziņā savienojas 1. pants (versus) ar 2. un 3. ar 4., un tālab arī šai piemērā vārdi *glēvajām ruociņām* nepieder vis pie *samalusi*, bet pie iepriekšējā *līgaviņa*.

ņas, plācenīti svētdienām BW 2918; ik vakaris BW 481 var.; brižiem — brižiem RKr. VII, 346. mikla; reizām — reizām RKr. VII, 382. mikla. Se pieder arī tagad adverbiāli lietojami instrumentāļi *retumis, krustis, šķērsis* jeb *krustiem, šķērsiem; malu malām* u. c. Uz jautājumiem «kad?» un «kur?» dažkārt atbild arī akuzatīvs, un, kad nu vienskaitli instrumentālis tagad ir formāli identisks ar akuzatīvu, tad dažreiz par vienskaitli stāvošu formu nevar vairs droši zināt, vai tā ir akuzatīvs vai instrumentālis, piem.: *bāleliņi vienu vietu dzīvuojusi* BW 3785; *ūdens virsu liguojot* BW 2454; *sievu luste aizskrējuse silamalu svilpēdama* BW 230, 9; *ceļa vidu aizgājušas* BW 25; *kuŗu ceļu es aiziešu* BW 3470; *bāreniši gauži raud, tumšu nakti staigādami* BW 4400. Man tiktos šos piemēros atrast instrumentāļus (sal. lei. *keliū eiti* u. c.). Prōzā šim instrumentālim tagad mēdz piebiedroties, īpaši pie izplatījuma jēdzieniem, prepozīcija *pa: pa ceļu iet; pa svētdienām*. — Piegriezīsimies tagad īstajam instrumentālim, pārrunājuši sociatīvu. Ja ņemam, piem., teikumu: *es tiešām* (scil. jāju) *par kalniņu apkaustītu kumeliņu* RKr. V 54, tad šē *kumeliņu* gan var arī vēl uzskatīt par darbības pavadoni, bet vairāk tomēr sajūtam viņā līdzekli, ar kuŗa palīdzību darbība notiek. Citos piemēros varam atrast tikai līdzekli vai ieroci, ar kuŗu kas tiek darīts, vai arī vielu, no kuŗas kaut ko taisa: *bārīts muti nuomazgāja gaužajām asarām* BW 4419, 2; *ziemu braucu kamanām* BW 3691; *visām galvām kliegt; istabiņa bērza malku kurināta* BW 3243; *dziesmiņām, valuodām es dabūju ligaviņu* BW 589; *zelt' ābulu spēlēdama* BW 636, 1; *gani tevi šautriem svieda* BW 2447 var.; *liniem sēju tuo druviņu, maguonēm nuoziedēja* RKr. V 161; *puiša balsi es dziedāju, puiša balsi gavilēju* BW 355; *mijat, kūmas, cimdiem, zeķēm!* BW 1592; *pazit bija puora egli melnajām skujiņām* BW 4167; *mirdzēt mirdz ezeriņš sikajām raudiņām* BW 3516; *es redzēju vaskiem pilis mūrējuot* BW 2617, 5; *tēva palags zvaigznēm austs* (RKr. VII, 255. mikla); *puķēm pina vainadzīņu* BW 4473. Kā šeit piederīgu varam uzlūkot arī instrumentāli pēc adjektīva *pilns* (= pildīts): *pilnas acis // asarām* BW 128, 1. Apmēram tai pašā nozīmē vairāk lieto ģenitīvu pēc *pilns*; pēc šī adjektīva parauga un laikam arī zem citu valodu iespaida tagad sastopam rakstu valodā dažkārt instrumentāli arī pēc adjektīviem *bagāts* un *nabadzīgs*. Se jāpiemin arī tā instrumentāļa konstrukcija, kad instrumentāli nostājas substantīvs, kas cēlies no vienas saknes ar teikuma verbu un kas tāpēc vienīgi caur savu atribūtu paplašina teikuma saturu: *lazda zied dzeltaniem ziediņiem* RKr. V 100; *zied puķites trejis*

ziedis BW 576; *tur guļ mana māmuliņ', cietu miegu aizmigus'* BW 4020; *kur palika smalki pelni? tie izlija lielis lietis* BW 2221. Formāli radniecīga substantīva vietā var stāties arī sinonīma vārds: *bērnī raud asarām* BW 2883. Šos piemēros instrumentālis arī apzīmē īsteni tik kādu ieroci — instrumentu plašākā nozīmē. Slavju un ģermāņu valodās pie kustības vārdiem objekts nereti nostājas instrumentāli: vārdi kļūst intransitīvi, un tā darbības objektu var arī kā tās ieroci uzskatīt, piem., kr. *замотать головою*. Retumis sastopam līdzīgus piemērus arī latviešu valodā: *neatstāj (scil. mani) svešai mātei kājām sperti, matiem plūkt* BW 4144, 3 (citos variantos stāv akuzatīvs *matus*). Sakars starp vārdu un instrumentāli nostādīto substantīvisko jēdzienu dažreiz mazāk atgādina līdzekli nekā iemeslu, un šai gadījumā runājam par kauzālo (iemesla) instrumentāli: *badu mirt; vaigi bāl asarām* BW 3932; *asarām neredzēju* BW 4225; *gružiem upe netecēja* BW 143; *zilītēm, lapiņām nevar zaru kustināt* BW 2786; *lustītēm vien dziedim* BW 126, 2 var.; *skumjām acu nepacēlu* BW 204; *žēlumiņu nevarēju gar māmiņas sētu iet* T. dz. 281. — No īstā jeb līdzekļa instrumentāļa Delbrūks (Vergl. Synt. I 264) atvasina arī predikātīvo instrumentāli, kas slavju un leišu valodās stāv pie vārdiem *pārvērst, taisīt, saukt, kļūt, būt* u. c. Mūsu tautasdziesmās ir vēl reti piemēri sastopami: *puišu, puišu man bij būt, ne meitiņu dzeltainīt'* T. dz. 227; *auklē mani gudru vīru!* BW 3350₄; *sijādama, vētidama griezies pate sēnulām!* BW 4834; *kur palika liepu celmis? tas sadedza smalkis pelnis* BW 2221. Par vienskaitli stāvošu formu dažkārt nevar zināt, vai tā instrumentālis vai akuzatīvs, jo abi locījumi šie ir sintaktiski iespējami, piemēram: *patik man znuotu saukt tās meitiņas bāleliņu!* BW 549; *pazīnu Jāniti bagātu puisī BW 1778, 1; ņem irbīti ligaviņu!* BW 2488, 1; *pieliek mani ganītāju* BW 4978, 3. Daudzskaitli atkal šis instrumentālis grūti dažreiz atšķirams no // finālā datīva: *iesim abas ietaļām!* BW 309, 3 var.; *neņems mani jaunuvēm* BW 359, 2; *kūmām iešu, neliegšuos; kūmām mani aicināja* BW 1293. Beidzamā piemēra formu *kūmām* Mūlenbachs (Teikumā 51) uzskata par instrumentāli, bet nebūs viegli samierināt tad šīs formas daudzskaitli ar subjekta vienskaitli, un, ievērojot līdzīgus teikumus ar vienskaitļa datīvu (piemēram: *neņems mani vedeklai* BW 359, 1), man tīkas uzskatīt, ja ne *ietaļām*, tad taču *jaunuvēm* («jaunuvēm» ņēmēja šie ir dēlu māte!) un *kūmām* par datīviem. Dzīvajā valodā predikātīvam instrumentālim tagad arvienu piebiedrojas prepozīcija *par*.

KĀ CĒLIES UN LIETOJAMS LATVIEŠU VALODAS DĒBITIVS?

[1901 RKr. XIII 1—6]

1 Vajadzības izteikšanai ir latviešu valodā sevišķas verbu formas, kas no Heselberga dabūjušas «dēbitīva» vārdu. Verba formai, kas (izņemot *jābūt*) parādās III p. praes. veidā, nostājas priekšā prefikss¹ *jā*; loģiskais subjekts stāv datīvā, objekts, it sevišķi rakstu valodā, nōminātīvā, retāki akuzātīvā: *man (ir) jāēd sausa maize* jeb arī: *sausu maizi*. Radu valodās neatrodam neko līdzīgu, un arī mūsu krietni vecajās tautasdziesmās tikai paresti sastopams tagad tik lielā mērā lietotais dēbitīvs; jau tāpēc vien jādomā, ka dēbitīvs radies latviešu valodai tikai vēlākos laikos. Ja gribam labi saprast dēbitīva lietošanu, iepriekš jāizskaidro viņa forma; bet, cik zinu, līdz šim vēl neviens, izņemot Bilensteinu (LSpr. 456.—457. §), nav pat mēģinājis izskaidrot dēbitīva celšanos. Lūkosim iepriekš tikt skaidrībā par formu, kuŗā parādās verbs. Skaidra lieta — tik daudz atzinis arī Bilensteins, — ka šī forma nav no paša sākuma bijusi identiska ar III p. praes. Jo kad *ēd* iekš *jāēd* no laika gala būtu III p. praes., tad, pirmkārt, nekā nevarētu izskaidrot konstrukciju *man jāēd maize* resp. *maizi* un viņas nozīmi; otrkārt, būtu jāsakā pagātnē *man jāēde* (un nevis *bija jāēd*), nākotnē *man jāēdis* (nevis *būs jāēd*); treškārt, nekā tad nevarētu izskaidrot formu *jābūt*, kur verbs parādās infinītīva veidā, jo visi kāda likuma izņēmumi ir izskaidrojami (ja tie nav pirmatnējo formu atliekas) vai nu skaņu likumiem, jeb viņus ir radījis nepareizas analogijas jeb arī svešas valodas iespaids. Bet šiem beidzamiem izskaidrojumiem forma *jābūt* nepadodas; tālab jādomā, ka *jābūt* ir dēbitīva pirmatnējo formu atlieka. Tagad nu gan valodas jūtām liekas, ka dēbitīvā verbs nostājas tagadnes trešā personā, un gramatikā skolotu ļaužu

¹ [Savos vēlākajos darbos autors vairs nedēvē dēbitīva *jā*- par prefiksu jeb priedekli; tā viņš dēvē vienīgi tos salikteņu komponentus, kas lietojami (tagad vai tikai senāk) arī kā prepozīcijas. — Red.]

valodā tāpēc sastop *jābūt* vietā *jāir*. Līdzīgu jauninājumu sastopam dēbitīva relātīvā: kā indikātīvam *viņš ēd* stāv līdzās relātīvs *viņš // ēduot*, tā blakus indikātīvam *viņam (ir) jāēd* ir darināts relātīvs *viņam jāēduot (viņam esuot jāēd vietā)* jeb pat *viņam esuot jāēduot*; tāpat nākotnē blakus vecākai formai *viņam būšuot jāēd* arī *viņam būšuot jāēduot*. Kādas formas vietā tad nu īsti ir stājusies III p. praes.? Bilensteins (LSpr. 457. §) dēbitīvā lietojamas verba formas uzskata pār «tīriem tagadnes celmiem, kas nekad nav zaudējuši kādu personu sufiksu». Bet, vienkārt, tāda «tīru tagadnes celmu» abstrahēšana ir valodai neparasta, un, otrkārt, pret viņiem ir tie paši iemesli, kas jau minēti pret III p. praes. Ko Bilensteins saka formu *jābūt* un *jāiet* (kas pretojas viņa hipotezei) izskaidrošanai (viņu *-t* neesot ne ar infinitīva sufiksu, ne ar III p. praes. galotni identisks; tas esot verbu piektās klases sufikss, kas te ņemts palīgā, lai šo verbu saknēm *bū-* un *ie-*, pieņemot galā konsonantu, būtu ciešāka satura!), tas ir tikai patvarīgs un niecīgs apgalvojums. Es esmu cieši pārliecināts, ka *-būt* iekš *jābūt* ir tiešām infinitīvs un ka senāki verba forma dēbitīvā bija arvienu infinitīvs. Ar šo hipotezi nu var dēbitīva konstrukciju viegli izskaidrot. Kā leišu un slavu valodās (piemērus ir sakopojis Delbrüks *Vergl. Synt. II 461*), tā arī latviešu valodā infinitīvs ar darītāja vārdu datīvā izteic gan iespējamību, gan gribu jeb vajadzību; piemēri: *saulīt' silta sildities, māmiņ' jauka parunāt* BW 3235; *lai stāvēja virsūnīte putniņiem uzmeties* BW 2765, 2; *kūmas lauza žagariņus pādei pirti kurināt* BW 1268, 1; *devu savu kumeliņu ruožu dārzu nuoecēt* BW 3523; *lustīgam man dzīvuot* BW 83; *pie slieknsniša tev gulēt* BW 1243; *tam pašam vecam būt* BW 3250; *kuo, māmiņa, man darīt?* BW 87 var.; *šūodien bija tev... gulēt cūku midzenī* BW 1580; *pažīt bija bārenīti* BW 4167; *mums būs dievu bities un milēt; tev nebūs zagt; man ir rakstīt* (LSpr. II 210). No tādas infinitīva lietošanas būs dēbitīvs cēlies, un tautasdziesmās nereti atrodam tiešām blakus infinitīvam variantos arī dēbitīvu tai pašā nozīmē: *putniņiem jāuzmetas* BW 2765, 2 var. blakus *uzmeties*; *devu savu kumeliņu ruožu dārzu jāecē* BW 3523, 9 blakus *nuoecēt*; *lustīgam jādzīvuo* BW 83, 1 blakus *dzīvuot*; *šūodien bija tev... jāgul* BW 1580, 3 blakus *gulēt*. Šie piemēri rāda, ka nevis prefikss *jā-* dēbitīvā izteic vajadzību, bet ka to izteic paša verba savienojums ar darītāja vārdu datīvā; prefikss *jā-* tālab nevar būt bijis no paša sākuma nepieciešams dēbitīva radīšanai (blakus *tam jābūt* vecāka forma *tam // būt!*), bet tam būs bijusi tikai pastiprinātāja nozīme. Kas tad nu īsti ir

2

3

šis *jā*? No pašas latviešu valodas gan nevarēs šo partikulu izskaidrot; drīzāki to varētu vest sakarā ar atbildamo, bez šaubām, no vācu valodas patapināto partikulu *jā*, tikai tās tagadējā nozīme lāgā nesaskan ar dēbitīva *jā*-. Bet gan viduslaiku vācu valodā ir partikula *jâ* (jeb *ja*), kas, stāvēdama pašā verba priekšā, noder izteikuma pastiprināšanai, uzsvēršanai: izrakstīšu te kādus piemērus no Müllera *Mittelhochdeutsches Wörterbuch*: *jâ hân ich angeste vil*; *jâ waere des ze vil*. Ka šo partikulu tādā nozīmē lietojuši arī vācieši senajā Livonijā, to liecina, piem., pantiņš (4661) no rīmju kronikas: *jô sehe ich rischer helde vil*; tikai *ja* vietā te stāv *jo*. Latvieši tad būs no saviem vācu kungiem patapinājuši šo partikulu līdz ar viņas nozīmi, un ar laiku tad *jā*, līdzīgi negācijai *ne* (*nebūt*), piesavinoties verba akcentu, varēja sakust ar verba formu vienā vārdā (*jābūt*). No sākuma gan laikam, kā vācu valodā, pievienoja šo partikulu dažādām verba formām, kamēr beidzot to ierobežoja uz imperatīvisko infinitīvu (imperatīva formas labprāt pieņem pastiprināšanai dažādas partikulas). Tāpat sākumā šo partikulu laikam lietoja tikai pozitīvos teikumos (*tev jābūt*, bet: *tev nebūt* jeb: *tev nav būt*); tagad lietojamās negatīvās formas (*nav jābūt*, *nebūs jābūt* etc.) varēja tik tad rasties, kad partikula *jā*- ar verbu jau bija sakususi vienā nešķīramā vārdā un kad partikulas pirmatnējā nozīme bija jau aizmirsta. Vietalvā (Mag. XVIII 103) un Liepkalnes Ozolos *jā*- vietā iestājas ar *ju*-; cik zinu no kāda sava tautieša, un, kā liekas, arī pēc Mag. XVIII 103 ir *u* šai *ju*- iss. Šis *ju*-laikam gan cēlies ar *jā*- no viena avota un ir vācu formas *jo* pārlatviskojums, kuŗu redzējām citātā no rīmju kronikas; vācu *o* latvieši patapinātos vārdos pārtaisa par *a* jeb *u* (LSpr. I 470). Atliek jautājums, kādā ceļā III p. praes. izskaidusi infinitīvu no dēbitīva. Iemeslu būs devuši tie netematiskā konjugācijas verbi, kuŗu infinitīvam bija vienāda forma ar III p. praes. (piem., *iet* un agrāki *ieti*). Tiklīdz partikula *jā*- bija ar infinitīvu cieši savienojusies vienā vārdā, tad vieglī varēja aizmirst šī saliktena pirmatnējo nozīmi, un valodas jūtām sāka izlikties, it kā vajadzību izteiktu partikula *jā*-, nevis pati verba forma. Bet līdzko tāda iedoma bija radusies, tad varēja dažkārt šo verba formu (piem., *iet* iekš *jāiet*) no-//turēt arī par III p. praes. Loģiskais objekts, kā jau teikts, var pie dēbitīva nōminātīvā stāvēt un ar to kļūt teikuma gramatiskais subjekts, kad nu predikāts palaikam ir verbs, kas personā kongruē ar subjektu, tad varēja izlikties, kā, piem., teikumā *man sausa maize jāēst* (leīšu *ēst* dod tiesību domāt, ka arī

latviešu valodā ir senāk bijusi III p. praes. *ēst*) *ēst* iekš *jāēst* ir III p. praes. (un nevis infinītv), lai rastos kongruence starp gramatisko subjektu un predikātu. Tādām domām pastāvēt, varēja rasties tagadējā forma *jāēd* pārprastas formas *jāēst* vietā, kad blakus vecai III p. praes. *ēst* nostājās jauninājums *ēd*; *-ēd* iekš *jāēd* nu arī formāli varēja uzskatīt tikai par III p. praes. Tagad latviešu valodā ir tikai retas atliekas no netematiskās konjugācijas (sal. LSpr. 407.—418. §), bet senāki šī konjugācija bez šaubām bija vairāk izplatīta un viņai piederēja daži daudz lietojami verbi (piem., *iet, ēst*). Tātad varēja notikt, ka pēc netematiskās konjugācijas verbu parauga arī tematiskā konjugācijā (kur infinītvam no laika gala bija citāda forma kā III p. praes.) ieviesās dēbitīvā III p. praes. infinītīva vietā (piem., *jānest : jānes*). Ka forma *jābūt* ir paturējusi infinītīvu, izskaidrojams ar to, ka pie infinītīva *būt* piederīgā III p. praes. *ir* atvasināta no pavisam citas saknes, un tāpēc formu *jābūt* nevarēja bez lielas varmācības pārgrozīt par *jāir*, un beidzamā forma varēja rasties tikai tad, kad mācās gramatiku. Šādā ceļā domājos cēlušos latviešu valodas dēbitīvu, un visai pārdroša šī hipoteze man neliekas. Tagad varam saprast, kāpēc, piem., pagātnē saka *bija jāēd* (nevis *jāēde*); varam saprast arī dēbitīva konstrukciju. Pilnīgi pieslienos Delbrūkam (Vergl. Synt. II 441) tai ziņā, ka letu² un slavu valodu infinītīva lietošana ir izskaidrojama no pirmatnējas datīviskas nozīmes, un domāju, ka būtu iespējams arī formāli infinītīvu uzskatīt par senu datīvu. Tautasdziesmās arī dažkārt atrodam infinītīva vietā tagadējo «darišanas vārda» datīvu, piem., *duošu savu kumeliņu ruožu dārza ecēšan'* BW 3523, 6, blakus *ruožu dārzu nuocēt* turpat. Šo datīvisko infinītīvu predikātīvi lietojot, no laika gala objekts varēja nōminātīvā nostāties (sal. Delbrūka Vergl. Synt. II 461); objekta nōminātīvs pie dēbitīva ir šī paraduma direkts turpinājums. Nōminātīvs pie dēbitīva ir tik parasts, ka dažkārt nostājas nōminātīvā no dēbitīva atrahēts arī objekts no dēbitīva atkarīgā infinītīvam un supīnam, piem., *man jāiet teteris šaut* (sal. Mūlenbachu, Austr. 1895, I, 32). // Sakarā ar to nostājas nōminātīvā dialektiski arī objekts no *vajaga* atkarīgā infinītīvam, piem., *zirgs vajadzēs mazgāt* (pēc Becenbergera Spr. d. pr. L. 131). Kā infinītīva objekts varēja stāvēt arī akuzātīvā (*kuo, māmiņa, man darīt?*), tā arī pie dēbitīva objekts var nostāties akuzātīvā (*ruožu dārzu jāecē*); ja objekts ir personāls pronōmens, tad varbūt vienīgi

² [t. i., baltu. — Red.]

akuzātīvs ir lietojams, piem., *man tevi jāmāca*. Pēc negācijas objekts var stāvēt arī ģenitīvā: *nav telišu jupagan'* Mag. XVIII 1, 105. Dažreiz pie dēbitīva ir divi datīvi, subjekta datīvs un indirektā objekta datīvs, bet sakars palaikam novērš pārpratumus, piem., *man žīdam parādi jāmaksā*. Arī predikāta nōmens stāv pie dēbitīva datīvā, piem., *lustīgami (man) jādzīvo* BW 83, 1. Teikšu vēl kādus vārdus par dēbitīva lietošanu. Kā jau reiz minēju, infinītīvs ar datīvu izteic gan iespējamību, gan vajadzību; abas nozīmes ir dēbitīvs paglabājis, jebšu ne līdzīgā mērā. To, kas var notikt, dēbitīvs apzīmē tagad tikai dažās izloksnēs. Pēc Mag. XVIII 103 Vietalvā dēbitīvu šai nozīmē lieto ar prefiksu *ju-*, piem., *man nav juēd* «man nav ko ēst»; *upes līci kumeliņi, nav telišu jupagan'* «nav kur telītes paganīt»; kurpretim vajadzību tur apzīmējot ar prefiksu *jā-*. Bet citur tādu starpību nepazīst: Liepkalnes Ozolos ar prefiksu *ju-* apzīmējot arī vajadzību, piem., *juēd* «jāēd»; un iespējamību apzīmē arī ar prefiksu *jā-*, piem., *lai stāvēja virsūnīte, putniņiem jāuzmetas* BW 2765, 2 var. (no Vecpiebalgas); *devu savu kumeliņu ruožu dārzu jāecē* BW 3523, 9. Senāki dēbitīvs šai nozīmē būs bijis vairāk lietots: pēc L. Bērziņa (Austr. XV 338) Fūrekerā (kurzemnieku) valodā *man jāēd* vēl nozīmē — «man ir ko ēst». Rakstu valodā patura veco infinītīva konstrukciju un palaikam infinītīvam priekšā nostata kā papildinājumu kādu relatīvu formu (pronōmenu jeb adverbu): *lai paliek galuotnīte, kur putnam uzmeties* BW 2765, blakus *putniņiem uzmeties*; *devu savu kumeliņu, kuo ecēt ruožu dārzu* BW 3523, 5 var., blakus *ruožu dārzu nuoecēt*. Rakstu valodā dēbitīvu tagad lieto tikai vajadzības izteikšanai (pasīva raksturs, kuŗu Bīlensteins piešķīŗ dēbitīvam, ir tam gluŗi sveŗs: objekts var stāvēt arī akuzātīvā). Dēbitīvs apzīmē negrozāmo (mazākais pēc runātāja uzskatiem), objektīvo vajadzību, piem., *tev jādzeŗ tēja bez cukura* (jo acumirkļī cukura nav mājās). Turpretim *vajaga* ar infinītīvu apzīmē kaut ko par vajadzīgu, ja tas ir derīgs (subjektīvo vajadzību), tā kā padomu dodot, // piem., *tev vajaga tēju bez cukura dzert* (jo cukurs būtu tavai veselībai kaitīgs), bet runātāju uzskati var būt dažādi, un tāpēc dažkārt lieto vienu konstrukciju otras vietā. Ja pie verba ir objekts, tad dēbitīva vietā var iestāties, gan vairāk tautasdziesmās kā ikdienas valodā, arī part. praes. pass. (it kā kāds participium necessitatis, sal. Bīlensteina LSpr. II 189), kas neizteic tik stingri vajadzību kā dēbitīvs, piem., *tā zemīte man minama, tas mūŗiņis dzīvojamis* BW 113, 2, turpat arī: *tā zemīte man jāmin, tas mūŗiņš jādzīvo* BW 113.

URSPRUNG UND GEBRAUCH DES LETTISCHEN DEBITIVS¹

[1901 BB XXVI 66—74]

Für den Ausdruck der Notwendigkeit besitzt das Lettische besondere Verbalformen, die von Hesselberg in seiner «Lettischen Sprachlehre» den Namen eines «Debitivus» erhalten haben, von Bielenstein aber mitunter ganz unpassend als Passiva bezeichnet werden. Die Formen werden gebildet aus dem Präfix *jā-* (nach Bielenstein LSpr. § 456, dial. auch *jā-*) und der betreffenden Verbalform, die dabei, mit der einzigen Ausnahme von *man jābūt* «ich muß sein», in der Gestalt der III. P. Präs. erscheint, während das logische Subjekt stets im Dativ, das Objekt dagegen meist, namentlich in der jetzigen Schriftsprache, im Nominativ, seltener im Akkusativ steht: *man jāēd sāusa māize* oder auch *man jāēd sausu maizi* «ich muß trockenes Brot essen»². Da wir in den verwandten Sprachen nichts entsprechendes kennen und der jetzt so gebräuchliche Debitiv im lettischen Volkslied, das meist eines recht alten Ursprunges sein muß, sich nur ziemlich selten findet, so drängt sich von vorneherein die Vermutung auf, daß der Debitiv eine speziell lettische, verhältnismäßig späte Neubildung ist. Um den Gebrauch desselben recht zu verstehen, muß man erst über die Form sich Aufklärung verschaffen; es hat aber meines Wissens bisher niemand, außer Bielenstein (LSpr. §§ 456 und 457), auch nur den Versuch gemacht, eine Erklärung über die Entstehung des Debitivs zu geben. Es wird dienlich sein, zuerst über die Form, in der das Verbum erscheint, ins klare zu kommen. Es liegt auf der Hand — und soviel hat auch Bielenstein erkannt —, daß die Form nicht von Anfang an mit der III. P. Präs. identisch gewesen ist. Denn

¹ [Skat. arī autora vēstuli V. Prelvicam BB XXIX 320—321. — Red.]

² Es kann auch noch die Kopula *ir* «ist» hinzutreten: *man ir jāēd māize* resp. *māizi*; in den meisten Fällen aber fehlt dieselbe. Ist das Verbum mit einer Präposition zusammengesetzt, so tritt *jā-* vor die Präposition, z. B. *tev jādzīēt* «du mußt hingehen».

wäre *-éd* in *jâéd* wirklich von jeher die III. P. Präs., so würde erstens die Konstruktion *man jâéd màize* resp. *mâizi* hinsichtlich ihrer Bedeutung kaum erklärlich sein; zweitens müßte man dann ein Präteritum *man *jâède* für wirkliches *man bija jâéd*, ein Futurum *man *jâedis* für wirkliches *man bûs jâéd*, einen Konditio-//nalis *man *jâestu* für wirkliches *man bâtu jâéd* erwarten; endlich wäre dann die abweichende Form *man jâbût* ganz unbegreiflich, wo das Verbum in der Gestalt des Infinitivs erscheint, denn alle Abweichungen von einer Norm beruhen, wenn sie nicht Reste einer ursprünglicheren Bildungsweise sind, entweder auf Lautgesetzen, oder sie verdanken ihren Ursprung falscher Analogiebildung oder auch dem Einfluß einer fremden Sprache. Daß zur Erklärung von *jâbût* einer der drei letzteren Fälle in Betracht käme, das ist weder nachweisbar noch auch überhaupt wahrscheinlich; es bliebe demnach nur die Möglichkeit, daß *jâbût* der Rest einer ursprünglicheren Bildungsweise ist, die von der jetzigen mit ihrer III. P. Präs. verdrängt worden sein muß. Jetzt freilich glaubt das Sprachgefühl, daß der Debitiv mit Hilfe der III. P. Präs. gebildet wird, und daher findet man jetzt, wohl mehr in Büchern als im Volksmunde, neben *man jâbût* auch die Verbindung *man jâir* in derselben Bedeutung gebraucht. Etwas Ähnliches findet man bei der Bildung des debitivischen Relativs, des Modus der Oratio obliqua: nach dem Verhältnis des Relativs *viņš êdùot* «edere dicitur» zu dem Indikativ *viņš éd* «edit» hat man nämlich zu dem Indikativ *viņam (ir) jâéd* «edendum ei est», neben der älteren Form *viņam esùot jâéd* «edendum ei esse dicitur», auch einen Relativ *viņam jâédùot* oder gar die pleonastische Verbindung *viņam esùot jâédùot* mit derselben Bedeutung gebildet; analog gebildete Nebenformen weisen auch die übrigen Tempora des relativischen Debitivs auf (so z. B. im Futurum: *viņam bûšùot jâédùot* neben *viņam bûšùot jâéd*). Es fragt sich nun, welche Form denn eigentlich von der III. P. Präs. verdrängt ist? Bielenstein (LSpr. § 459) hält die zur Bildung des Debitivs angewandten Verbalformen für «pure Präsensstämme, hinter denen ein Personalsuffix nie geschwunden» sei. Aber ganz abgesehen davon, daß die Abstraktion «purer Präsensstämme» sehr auffallend wäre, machen sich gegen die Annahme derselben auch alle die Gründe geltend, die oben gegen die III. P. Präs. angeführt sind. Denn was Bielenstein zur Erklärung der beiden seiner Annahme widersprechenden Formen *jâbût* und *jâiêt* «man muß gehen» vorbringt (es sei das *-t* derselben weder mit dem Suffix des Infinitivs noch

mit der Endung der III. P. Präs. identisch, sondern «vielmehr identisch mit dem Charakter der Klasse V, der hier zur Hilfe herbeigezogen sei, um der vokalisch auslautenden // Verbalwurzel einen festeren Halt zu geben!»), ist ebenso willkürlich wie hinfällig. Ich meinerseits nun bin fest überzeugt, daß *-bût* in *jâbût* wirklich der Infinitiv ist und daß bei der Bildung des Debitivs ursprünglich die Verbalform immer der Infinitiv war. Bei dieser Annahme läßt sich nun auch die Konstruktion des Debitivs leicht erklären. Es dient nämlich wie im Litauischen und Slavischen (Beispiele findet man bei Delbrück Vergl. Syntax II 461), so auch im Lettischen der bloße Infinitiv mit dem Agens im Dativ zum Ausdruck sowohl der Möglichkeit als auch der Willenserklärung und Notwendigkeit: *saūlit' silta silditiēs, māmiņ' jaūka parunât* BW 3235 «die Sonne ist warm (man kann) sich (an ihr) wärmen; das Mütterchen ist anmutig, sich zu unterhalten (= in der Unterhaltung)»; *lai stāvēja vīrsūnīte putniņiem uzmetiēs* BW 2765, 2 «es möge der Wipfel stehenbleiben für die Vögel, sich zu setzen»; *kūmas laūza žagariņus pādēi pirti kurinât* BW 1268, 1 «die Taufzeugen brachen Reisig, dem Taufkind die Badstube zu heizen»; *devu savu kumeliņu ruožu dārzu nūocēt* BW 3523 «ich gab (der Schwester) mein Rößlein, den Rosengarten abzueggen»; *lustīgam man dzīvuôt* BW 83 «lustig muß ich leben»; *pie sliekšniša tev gulēt* BW 1243 «bei der Schwelle sollst du schlafen»; *tām pašam vecam bût* BW 3250 «der soll selbst als alt gelten»; *kūo, māmiņa, māt darīt?* BW 87 var. «was soll ich, o Mütterchen, tun?»; *šūodien bija tev . . . gulēt cūku midzenī* BW 1580 «heute solltest du im Lager der Schweine liegen»; *pazīt bija bārenīti* BW 4167 «man konnte (oder: sollte) eine Waise erkennen»; *mušs būs dievu bītiēs un milēt* «wir sollen Gott fürchten und lieben»; *tev nebūs zagāt* «du sollst nicht stehlen»; *māt ir rakstīt* (Biel. LSpr. II 210) «ich habe zu schreiben». Aus einem solchen Gebrauch des Infinitivs muß sich der Debitiv entwickelt haben, und so findet man auch im Volkslied zuweilen neben dem Infinitiv in Varianten auch schon den Debitiv in derselben Bedeutung: *putniņiem jāuzmetas* BW 2765, 2 var. neben *uzmetiēs*; *devu savu kumeliņu ruožu dārzu jācē* BW 3523, 9 neben *nūocēt*; *lustīgami jādzīvo* BW 83, 1 neben *dzīvuôt*; *šūodien bija tev . . . jāgul* BW 1580, 3 neben *gulēt*. Aus den angeführten Beispielen sieht man aber auch, daß nicht das Präfix *jā-* dem // Debitiv den Ausdruck der Notwendigkeit verleiht, sondern dieselbe schon in der Verbindung des bloßen Infinitivs mit dem Dativ des Agens enthalten ist; das Präfix *jā-* ist

somit nichts ursprünglich Wesentliches bei der Bildung des Debitivs (neben *tām jābūt* älteres *tām bāt!*), sondern kann nur eine verstärkende Bedeutung haben. Was ist nun dieses *jā-?* Aus dem Lettischen wird dasselbe wohl kaum sich erklären lassen; am nächsten liegt es, an die sicherlich aus dem Deutschen entlehnte Bejahungspartikel *jā* «ja» zu denken, doch stimmt ihr jetziger Gebrauch wenig zu dem debilitischen *jā-*. Wohl aber dient im Mittelhochdeutschen die Partikel *jā* (oder *ja*), unmittelbar vor dem Verbum stehend, zur Bekräftigung einer Behauptung; ich führe aus W. Müllers Mittelhochdeutschem Wörterbuch einige Beispiele an: *jā hân ich angeste vil; jā waere des ze vil; ja lâze ich dich vil gerne leben; jā muoz ich trûren iemer mê*. Daß man diesen Gebrauch der Partikel auch in den Ostseeprovinzen gekannt hat, lehrt uns z. B. folgender Vers (4661) aus der livländischen Reimchronik: *jô sehe ich rischer helde vil*; nur daß hier *jô* für *jā* erscheint. Ich glaube daher, daß die Letten von ihren deutschen Herren die Partikel *jā* mit der erwähnten Gebrauchsweise entlehnt haben und daß dann im Laufe der Zeit *jā*, ähnlich der Negation *ne* (z. B. *nebūt*), mit der Verbalform durch den Akzent sich zu einem Wort vereinigt hat (*jābūt*). Anfangs wird man wohl, wie im Deutschen, die Partikel verschiedenen Verbalformen vorgesetzt haben, bis man endlich den Gebrauch derselben auf den imperativischen (debitivischen) Infinitiv eingeschränkt hat (imperativische Ausdrücke nehmen bekanntlich mit besonderer Vorliebe verschiedene affirmative Partikeln an). Ferner wird man anfangs die Partikel nur in positiven Sätzen gebraucht haben (*tev jābūt*, aber: *tev nebūt*, oder: *tev nav bāt*); die jetzt gebräuchlichen Formen des negativen Ausdrucks (Präs. *nav jābūt*, Fut. *nebūs jābūt*, Prät. *nebija jābūt*, Kond. *nebātu jābūt*) konnten erst dann entstehen, als die Partikel *jā* mit der Verbalform schon ein untrennbares Wort bildete und man die ursprüngliche Bedeutung der Partikel schon vergessen hatte. Für *jā-* erscheint dialektisch, und zwar meines Wissens in Feheln (Mag. XVII 1, 103) und in Ohselshof unter Linden (Livland), auch *ju-*; nach mündlicher Mitteilung eines meiner Landsleute und, wie es scheint, auch nach Mag. XVII, 1, 103 ff. ist das *u//* in diesem *ju* kurz; BW 3523, 9 var. (in einem vom Philologen Kauliņ aufgezeichneten Liede aber lesen wir *jüecē*, also doch wohl auch mit langem *u*, wenn anders kein Versehen vorliegt). Dieses *jū-* stammt doch wohl aus derselben Quelle wie *jā-* und ist also wohl die lettische Wiedergabe des mhd.

70

jô, das wir in dem Zitat aus der livländischen Reimchronik sahen, wie denn deutsches *o* in Lehnwörtern lettisch durch *a* oder durch *u* wiedergegeben wird (Bielenstein LSpr. I 470). Es fragt sich nun, auf welche Weise der Infinitiv bei der Bildung des Debitivs durch die III. P. Präs. verdrängt worden ist. Den Anlaß dazu müssen die Verba der themavokallosen Konjugation gegeben haben, bei welchen die III. P. Präs. mit dem Infinitiv formell zusammenfiel (z. B. *iêt* und früher **ietî*). War die Partikel *jâ* mit dem Infinitiv fest zu einem untrennbaren Ganzen verschmolzen, so konnte auch der ursprüngliche Sinn der Zusammensetzung leicht in Vergessenheit geraten, und in dem Sprachgefühl konnte die jetzt herrschende Vorstellung auftauchen, es werde durch die Partikel *jâ*- und nicht durch die Verbalform selbst das Sollen oder Müssen bezeichnet. Hatte man aber erst diese Vorstellung sich gebildet, so lag es oft näher, in Debitiven wie *jâiêt -iêt* nicht für den Infinitiv, sondern für die III. P. Präs. zu halten. Wie schon oben gesagt ist, kann das logische Objekt beim Debitiv im Nominativ stehen und auf diese Weise das grammatische Subjekt im Satze werden; da nun das Prädikat meist ein Verbum finitum ist, das in der Person sich nach dem Subjekt richtet, so konnte man geneigt sein, in Sätzen wie *man sâusa mâize *jâēst* (lit. *ēst* berechtigt uns, diese Form auch für das Lettische als die ursprüngliche III. P. Präs. auszusetzen) das *-ēst* von **jâēst*, um eine gewisse Kongruenz zwischen dem grammatischen Subjekt und Prädikat herzustellen, für die III. P. Präs. anzusehen. Hatte man sich aber diese Anschauung angeeignet, so konnte, als die jetzt gebräuchliche Neubildung *ēd* neben der alten III. P. Präs. **ēst* aufkam, für das mißverstandene **jâēst* auch das jetzige *jâēd* eintreten; das *-ēd* von *jâēd* konnte aber (neben dem Infinitiv *ēst*) dann auch formell nur noch als die III. P. Präs. angesehen werden. Jetzt besitzt das Lettische nur noch spärliche Reste der themavokallosen Konjugation (cf. Bielenstein LSpr. §§ 407, 409, 414, 417, 418), aber früher war ohne Zweifel auch im Lettischen diese Konjugation stärker vertreten, und zu ihr gehörten auch wohl einige viel gebrauchte Verba (*iêt, êst* // u. a.). So konnte es geschehen, daß nach dem Vorbild der Verba der themavokallosen Konjugation auch in der themavokalischen Konjugation (wo von jeher der Infinitiv eine andere Gestalt hatte als die III. P. Präs.) die III. P. Präs. für den Infinitiv in den Debitiv eingeführt wurde (z. B. **jânest* zu *jânes*). Daß in *jâbât* der Infinitiv sich noch erhalten hat, erklärt sich dadurch, daß die zu *bât* gehörige III. P. Präs.

71

ir von einer ganz andern Wurzel abgeleitet ist und die Änderung von *jābūt* zu *jāir* (diese Form hört man jetzt auch, wie oben gesagt ist, gelegentlich im Munde grammatisch geschulter Letten) allzu gewaltsam war, um durchgeführt zu werden. Auf diese Weise denke ich mir den lettischen Debitiv entstanden, und ich glaube nicht, allzukühne Hypothesen vortragen zu haben. Jetzt läßt es sich verstehen, weshalb man im Prät. z. B. *bija jāēd* (und nicht **jāēde*), im Fut. *būs jāēd* (nicht **jāēdis*) sagt; ebenso läßt sich jetzt die Konstruktion beim Debitiv begreifen. Wenn Delbrück (Vergl. Synt. II 441) den Gebrauch des lituslavischen Infinitivs auf *-ti* aus einem ursprünglich dativischen Sinne ableitet, so kann ich ihm darin in Bezug auf das Lettische nur beistimmen, und auch formell wäre es meiner Ansicht nach nicht unmöglich, in diesem Infinitiv einen alten Dativ zu sehen. Und so finden wir im lettischen Volkslied zuweilen für den Infinitiv (den Dativ eines alten Nomen actionis) auch den Dativ des jetzt gebräuchlichen Nomen actionis auf *-šana*, z. B. *duōšu savu kumeliņu ruōžu dārza ecēšan*³ BW 3523, 6 neben *ruōžu dārzu nūocēt* ibidem. Bei diesem dativischen Infinitiv konnte beim prädikativen Gebrauch desselben von jeher (vgl. Delbrück Vergl. Synt. II 461 ff.) das von der Verbalhandlung betroffene Substantivum im Nominativ stehen; eine unmittelbare Fortsetzung dieses Gebrauches ist der Nominativ des Objekts beim // Debitiv. Der Nominativ beim Debitiv ist so gebräuchlich, daß zuweilen auch das Objekt eines im Infinitiv oder Supinum stehenden transitiven Verbums, welches seinerseits von einem Debitiv abhängig ist, vom Debitiv attrahiert, im Nominativ erscheint (vgl. Mühlenbach Austrums 1895, 32), z. B. *man jāiēt teteris šaūt* «ich muß gehen, ein Birkhuhn zu schießen». Im Zusammenhang damit steht es, daß dialektisch auch das Objekt eines von *vajaga* «oportet» abhängigen Infinitivs im Nominativ erscheint, z. B. (nach Bezenberger Spr. d. pr. L. 131, Anm. 3) *ziŕgs vajadzēs mazgāt* «man wird das Pferd waschen müssen».

³ Nach der für die Metrik der lettischen Volkslieder geltenden Regel, daß die letzte Silbe eines jeden trochäischen Dimeters kurz sein muß, haben wir nach *ecēšan* nicht die jetzt gebräuchliche, aus der pronominalen Flexion (z. B. *tāi, labāi*) herübergenommene Endung *-ai*, sondern die alte Endung *-i* für **-ai* zu ergänzen, die sich im Altlettischen des Mancelius, Adolphi, der Volkslieder (z. B. BW 1332, 2; 1758; 4009; 4138) und Dial. (cf. Bezenberger Spr. d. pr. L. 121) und in adverbiellen Wendungen, besonders nach Präpositionen (z. B. *pa labi rūoki, līdz mali, pārēzi, pātiesi; lieti derēt* u. a.), auch im jetzigen Lett. sich findet.

Wie aber das Objekt des Infinitivs auch im Akkusativ stehen konnte (*kùo, māmīņa, man darīt!*), so erscheint zuweilen auch beim Debitiv das Objekt im Akkusativ (*ruōžu dārzu jācē*); wenn das Objekt ein Pronomen personale ist, so dürfte der Akkusativ die Regel sein, z. B. *man tevi jāmāca* «ich muß dich lehren» (*tu jāmāca* scheint unmöglich zu sein). Nach einer Negation ist vielleicht auch der Genitiv des Objekts beim Debitiv möglich; sichere Beispiele habe ich im Augenblick nicht. Zuweilen hat man einen doppelten Dativ beim Debitiv, den Dativ des Subjekts und den Dativ des indirekten Objekts, wobei Mißverständnisse durch den Zusammenhang in der Regel beseitigt werden, z. B. *man jāmaksā žīdam parādi* (möglich ist auch die Wortfolge: *man žīdam p. j.*) «ich muß dem Juden Schulden zahlen». Auch das Prädikatsnomen steht beim Debitiv im Dativ, z. B. *lustīgami (man) jādživùo* BW 83, 1 «lustig muß (ich) leben». — Es muß noch etwas über den Gebrauch des Debitivs gesagt werden. Wie schon oben erwähnt ist, wird durch den Infinitivus cum dativo einerseits das bezeichnet, was geschehen kann, andererseits dasjenige, was geschehen soll oder muß; beide Bedeutungen haben sich im Debitiv erhalten, wenn auch nicht in gleichem Maße. Die Möglichkeit kann heutzutage durch den Debitiv nur noch dialektisch bezeichnet werden. Nach Mag. XVII 1, 103 erscheint in Fehkeln der Debitiv in dieser Bedeutung stets mit dem Präfix *ju-*, z. B. *man nav juēd* «ich habe nichts zu essen»; *upes līci kumelini, nav telišu jupagan'* «auf der Bachwiese sind die Rößlein, nirgends können die jungen Kühe geweidet werden»; während die Notwendigkeit daselbst mit dem Präfix *jā-* (oder auch: *jā-?*) ausgedrückt werde. Doch läßt sich dieser Unterschied der Bedeutung von *ju-* und *jā-* sonst nicht konstatieren: einerseits soll // nach einer mündlichen Mitteilung in Ohselshof unter Linden (in der nächsten Nachbarschaft von Fehkeln) das Präfix *ju-* auch die Notwendigkeit bezeichnen (z. B. *man nav juēd* «ich brauche nicht zu essen»); andererseits kann auch der Debitiv mit *jā-* die Möglichkeit ausdrücken, so z. B. *lai stāvēja virsūnīte putniņiem jāuzmetas* BW 2765, 2 var. (in einem Lied aus Alt-Pebalg); *devu savu kumeliņu ruōžu dārzu jācē* BW 3523, 9 (aus Peterskapelle, Marzen, Zirsten u. a.). In früheren Zeiten muß dieser Gebrauch des Debitivs mehr verbreitet gewesen sein; so kann nach L. Behrsiņ (Austrums XV 338) *man jāēd* bei Fürecker, der sein Lettisch in Kurland erlernt haben muß, noch die Bedeutung haben «ich habe (etwas) zu(m) essen». Heutzutage kann dieses in der Schrift-

sprache nur lauten: *man ir kuo êst*; es wird die alte Infinitivkonstruktion beibehalten und vor den Infinitiv meist eine relative Form (Pronomen oder Adverbium) als Ergänzung zu demselben eingeschoben, so noch z. B. *lai paliek galuôtnite, kûr putnam uzmesiês* BW 2765 neben *putniņiem uzmesiês*; *devu savu kumeliņu, kûo ecêt ruôžu dârzu* BW 3523, 5 var. neben *ruôžu dârzu nûocêt*. In der Schriftsprache ist eben der Debitiv nur noch ein Modus necessitatis (der Begriff der Passivität, den Bielenstein ihm zuschreibt, ist dem Debitiv ganz fremd: das Objekt kann auch im Akkusativ stehen). Und zwar bezeichnet der Debitiv die unbedingte (die objektive) Notwendigkeit (wenigstens in der Auffassung des Redenden), die wenigstens für den Augenblick nicht abgeändert werden kann (z. B. *tev jâdzer tēja bez cukura* «du mußt Tee ohne Zucker trinken», weil im Augenblick kein Zucker da ist); während *vajaga* cum infinitivo etwas, insofern es ersprießlich ist, als notwendig bezeichnet (die subjektive Notwendigkeit; z. B. *tev vajaga tēju bez cukura dzert* «du mußt Tee ohne Zucker trinken», weil Zucker dir schädlich wäre). Da aber die Auffassung des Redenden verschieden sein kann, so wird auch zuweilen der Debitiv für *vajaga* gesetzt, und auch das Umgekehrte dürfte (wohl nur selten) eintreten. Hat das Verbum ein Objekt bei sich, so kann für den Debitiv auch das Part. Präs. Pass. (als ein Part. necessitatis, das aber weniger stark als der Debitiv die Notwendigkeit betont und mehr im Volkslied als im alltäglichen Gebrauch sich findet; vgl. auch Bielenstein LSpr. II 189 ff.) eintreten, z. B. *tā zemīte man minama, tas mûžiņis dzīvūojamis* BW 113, 2 «diesen Boden muß ich treten, dieses Leben muß // (ich) leben», neben *tā zemīte man jāmin, tas mûžiņš jâdzīvūo* BW 113.

LATVIEŠU VALODAS IZLOKSNES, TEKSTI UN APRAKSTI, NO J. ENDZELĪNA UN K. MŪLENBACHA¹

[1901 RKr. XIII 63—98]

Iepriekšējas piezīmes

Pasniedzam te materiālus, kuŗus esam ievākuši, latviešu valodas izloksnes izpētīdami. Arī visplašākais no līdzšinējiem rakstiem par mūsu valodas izloksnēm, Becenbergera Lettische Dialekt-Studien, nedod ne par visām izloksnēm īsu, nedz par dažām pilnīgu pārskatu. Bet iekāms neesam pamatīgi iepazīnušies ar savas valodas dažādajām izloksnēm, nevar tai rasties ne pilnīga vārdnīca, ne zinātniska gramatika. To atzīdama, RLB Zinību komisija 1900. gadā ir nospriedusi izriķot ekskursijas izlokšņu pētīšanai, un minētās iestādes uzdevumā esam tā paša gada vasarā apceļojuši Vidzemes rietumus un daļu no Daugavas ziemeļu piekrastes.

Visiem tiem, kas mūs šai darbā sekmējuši, gan pašus ar lielāko viesmīlību uzņemdami, gan mājienus un aizrādījumus mūsu pētījumiem dodami, izsakām arī šai vietā savu sirsnīgu pateicību.

Minētā vasarā ceļojām abi visnotaļ kopā, un gandrīz visas nopratinātās personas esam abi reizē noklausījušies: neparastas skaņas vai formas auss nevar ar pirmo reizi tik labi satvert, un, uzaicināts nule izrunāto teikumu atkārtot, runātājs reti kad atkārtot pilnīgi to pašu, un tāpēc strādājām abi kopā, lai būtu iespējama savstarpēja kontrole. — Gandrīz visos apgabalos, kuŗu izloksnes aprakstīsim, esam paši bijuši: tikai retām izloksnēm gadījās atrast labu reprezentantu citurienē. Tīru izloksni atrast nebija ikreiz viegli: vienkārt, tagad, it sevišķi kamēr mājas iepirkta, ļaudis lielā mērā maina savu dzīves vietu (Vidzemes jūrmalā, piemēram, atrodami daudz iegājēji no Rūjenes, Mazsalacas, Valmieras u. c.) un ar to

¹ [Milenbaha rakstītas esot tikai piezīmes parindē, kas apzīmētas ar M. (skat. Fil. mat. 21). Skat. arī tālāk šai rakstā parindes piezīmi pie «B. Apraksti» (pirmpublicējuma 71. lpp.). — Red.]

64 daudz maz maisa arī izlokšnes; otrkārt, skolu un rakstu valodas iespajds aug augamo un jo dienas jo stiprāki skauž niecināto izlokšni. Savu skoloto // bērnu izsmieti, veci ļaudis dažkārt pat kautrējas, sevišķi ar svešiem, runāt savu veco tēvu tēvu «valodu». Beidzamais laiks ir tagad notvert vēl dažādas izlokšņu savādības.

Savus materiālus pasniegsim pēc iespējas fōnētiski uzrakstītus. Tam nolūkam lietoti šādi burti: *a, e, e* (plats *e*, kā ā vācu vārdā *Bār*), *i, i* (plats, *e*-vokālim tuvu stāvošs *i*), *ā* (plats, *a*-vokālim tuvu stāvošs *o*), *o* (izrunājams kā *o* vācu vārdā *Gott*), *u* ir īsi vokāļi; *ā, ē, ē, i, ā, ō, ū* — gaŗi vokāļi ar laužto, *ā, ē, ē, i, ū, ō, ū* — gaŗi vokāļi ar krītošo, *ā, ē, ē, i, ā, ō, ū* — gaŗi vokāļi ar stiepto izrunu (akcentu)², līdzīgi apzīmēta ir izrunas starpība pie diftongiem, piemēram: *āū, ēi, uņ, ar, ei, uō, ie*³ u. c. Mazi burti apakš rindas⁴ apzīmē neskanīgus jeb čukstošā balsī izrunātus vokāļus (*māt*^o) vai arī pārskaņota vokāļa jeb diftonga beidzamo elementu (*kūo^okⁱ*).

t apzīmē guturālo *l* (izrunājamu kā krievu *л* vārdā *лоб*), *ġ, k, l, ņ, r* u. c. jotētus konsonantus (*ġ* un *k* ir mūsu apceļotā Vidzemes daļā un citur ļoti palātālīzēti un skan līdzīgi jotētiem krievu *д* un *т* vārdā *деру*), *l, r, ņ, ņ* — sonantiskus (vokāliskus) *l, r, m, n* (*r* esam līdz šim dzirdējuši izrunājam tikai alveolāri, t. i., ar mēles galu); *n*, citādi dentāls, ir izrunājams guturālī sekojoša guturāļa priekšā (*kungs, beņķis*). Apostrofs pēc konsonantiem apzīmē nekvalificējamu, neskanīgu vokālisku izdvēsumu (*div'*).

Veselos, ātri runātos teikumos ar vārdu galējiem konsonantiem, zināms, notiek dažas pārmaiņas; neskanīgie konsonanti zināmos apstākļos asimilējas sekojošiem skanīgajiem, un otrādi, līdzīgiem konsonantiem sastopoties, viens izzūd u. c. Bet visus te piederīgos gadījumus, protams, nepaguvām uzrakstot smalki noklausīties, un tāpēc šai ziņā mūsu materiālos nav konsekvences, tas ir, vārdu beigās palaiķam ir etimoloģiski rakstītas, izņemot gadījumus, kad galējo konsonantu fōnētisko maiņu esam uzrakstot novērojuši. Ja šādos gadījumos, tekstus rediģējot, atrādām savos uzrakstos diferences, t. i., pie viena etimoloģisku, pie otra fōnētisku rakstību, tad, zināms, ievērojot parastās ortografijas neizbēgamo

² [Vārds «akcents» šai rakstā lietots ar nozīmi «intonācija». — Red.]

³ [Pirmpublicējumā abi pēdējie divskaņi ir apzīmēti ar *ū* resp. *ē* līdz ar paskaidrojumiem: «*ū* = *ua* jeb parastās ortografijas *o*, *ē* = *ia* jeb parastās [foreiz] ortografijas *ee*». — Red.]

⁴ [Šai izdevumā — pie mazo burtu augšējās līnijas. — Red.]

iespaidu, katrreiz devām vienkārši priekšroku variantam ar fōnētisko rakstību, variantu nemaz neminot. Citos gadījumos tekstu varianti ir minēti, pie kam M. apzīmē Mūlenbacha, E. — Endzelīna uzrakstu. //

I

65

VIDZEMES RIETUMU IZLOKSNES

A. Teksti

1. No Alojās; stāstītājs, gadus 30 vecs, no Rozes m. (Koddiak).

viēnam tēvam bi trīs dēļ', div' bi gudr' un viēnc bi duņš. tā māt^e tuo dumo dēļ' izvadiš loūka, laj iēmācas gudruma; un ta māciš, kuō dabu, tuo lai⁵ ņem lidz. bet ciēma viņam tic's duōc kumeļč; viņam nou biš apoūš, un tā viņč nou vareš vest lidz. māt^e sak: «ak tu duņš! kam tu neņēm apoūš lidz!» un ta uōtr' diēn viņč izgāš uōtra ciēma, tur viņam tic's duōc smuk meit. viņč bāz's meitaj apoūš's galva, bet tā meit nou nāc's lidz. treša diēna viņč akal izgāš ciēma, un tur viņam tic's duōc uōl's ēst, bet viņč pirmo reiz ēd's tuōs uōl's un ēd's ar vis miz. māte teic: «ak tu duņš! tiē jou bi jāmizo.» četurta diēna viņam akal gadijas ciēma iēt; tad viņam duōc ziņņ ēst. tad viņč ir ņēm's un mizoš tuōs ziņņ's. māja viņč stāstiš mātej, ka viņam tād' mazin apaļ tic's duōc ēst, un viņč vis's nuōmizoš pa viēnam. tā māt^e teic: «tiē jou nebi jāmizo!» māt^e viņ akal stelles, laj iēt loūka un mācas gudruma: kur div kuōpa, tur lai grūž sav dēgun a staņpa; būs tikt kād' vārd^u gudraks. bet gadijes, ka div suņ plēšas, un suņ saplēsuš viņam dēgun^u. viņč gāš māja un stāstiš mātej, ka div gabal biš kuōpa, un viņč grūd's sav dēgun staņpa, un tiē biš suņ un saplēsuš viņam dēgun. māt^e teic: «āk tu duņš! kapēc tu neņēm kuōk un viņ's neišķir? ka tu vēl rēdz, ka div gabal kuōpa, ta tūlin ņem kuōk un vaza!» viņč gāš pa ceļ akal un redzeš, ka div vīr runajas, tad viņč ņēm's kuōk un sāt's viņ's tūlin vazat. bet tiē ņēmuš un viņ kriētn' nuōpēruš.

Iso beigu vokāļu izrunā manāma dažādība (*māte, māt^e, tic's, sāt's, dēļ', miz* u. c.), kas te un citos tekstos tāpat atstāta. Variantus, kas šādos gadījumos dažkārt bija radušies mūsu uzrakstos (vienam, piem., *sāt's*, otram *sāt's*), neesam te minējuši. — Diftongus un gaŗos vokāļus, kuŗu akcentu neesam uzrakstot noklausījušies, atstājam bez akcenta, tā, piem.: *tuo* (Valmierā — *tuo*, Kandavā — *tuō*).

⁵ M. laj.

2. No Lielsalacas.

66

a) Stāstītājs, gadus 60 vecs, no Sveiciema (Neu-Salis).//
tiēm reizim, agrakas laikas, gāj zēnc lūkt kāzas
muiškuņg'. muiškuņks rakst, zēnc stāv; muiškuņks u[s]skat:
«kuô tu stāv?» puik atsê'žas. «uñcvat, kuô tu sê'ž?» puik nuôgu-
ļas uz gríd zeme. «uñcvat, kuô tu gul?» ka nau brīv gulat⁶,
puik ceļas aūkša, nu muiškuņks pras: «kuô tu teiks?» «es juñs
nāc kāzas lūkt.» «vai labaks nebij, kas nāc lūkt?» «tiē labaki
gāj pēc labakim, un es nāc piē juñs.»

b) Teicēja, gadus 70 veca, no Sveiciema.

skuju, skuju, bāleliņ!
nelaūžat klēt^u juñt!
lai palēk māsiņam
vēl iēkša dzīvašan!
aiziēdam, skuj^oniek',
labu slav^u aīznēsat:
diēzgan ēst, diēzgan dzērt,
diēzgan oūz kumēlam.

ka tiē kâzi bij līdz pusnaktam nuôdzērt^t, tad mičaj; viēnc
vedejmāt lik^a mic^l galva, tad akal dziēdaj:

pašķībi, pašķībi
jaūnmār^aša[m] micita.
kur gāj^a panasniek' sleñderat?
voi gāja stalli stērķelat?
tâpêc muñs kumēli ērmigi dzime
līkim kājim, loūkim piērim.
ēdat gaļ, panasniek',
lejat sul' āzuta!
kur^u ciēm garēm gāj,
ciēm^a suņ^us lacinaj.

c) Teicēja, gadus 80 veca, no Vecsalacas (Alt-Salis).

kur, gāli[t], tu tecej
miltanam kājiņam?
es meitam iskašaj
treju ritu maļumiņ.
es tecej meitu cēlt',
meitam jāj precinieķ';
meitam galv neķemmet,
istabiņ neslāūcit. //

⁶ M. gulēt.

3. No Līmbažiem; stāstītāja, gadus 70 veka, no Viļķe- 67
niem (Wilkenhof).

vienam tēvam biš trīs dēļ', viņ gaidit gaišiš us tēvam nāv.
ka tēs nuōmir's, ta viņ dabaš tuo ziņg. viēnden pirmaš dēļs
izbrāuc ziņg un nedev ēst; uōtradiēn izbrāuc uōtraš dēļs un
nedev ēst; treša diēn izbrāuc trešaš dēļs un ar nedev ēst. ka nu
viņ ēst nedev, ta tas zirks nuōsprādz's. tad viņ dabaš tik tuo
ād; viņ nau lāg ēdinaš tuo ziņg.

4. No Umurgaš; stāstītāja, gadus 50 veka, no Tiegāžiem
(Tegasch).

kur Katvar-ēzašs, tur agrakim laikim ēsat vīr aruš: tur biš
tiruīns. un ta nāc's meļs debes's⁷ pa gaīš šņāgdam, un viēnc
vārn brēc's, lai bēg, lai bēg, ka ēzašs nāk. cit aizbēguš
pruōjam, viēnc palic's, tas nau vareš aizbēkt: uznāc's ēzašs
vīfsu. tagad nevarat zvejat, ka zvejajat, ta saplēsat tīkļ.

5. No Liepupes; teicēja, gadus 60 veka, no Meķes m.
(Pernigel).

Jānišam siēv pazud,

Jān^u nakt līgam;

Pēter diēn a[t]dabaj,

Pētersīl's⁸ lasidam.

lec, Jānit, kur lēdam,

lec kāpast dārziņa!

nuōmin nātŗs, nuōmin zāl's,

laj aūg baļt kāpastiņ!

saūlit sēj sidrabiņ

ceļmana lūduma;

sēj, saūlit, man tiēs

paša ceļm's galiņa!

6. No Lēdurgas.

a) Stāstītāja, gadus 50 veka, no Lēdurgas pag. (Loddiger).

es, piēdzēr's kā vilciņč,

iēbāž galv^u krūmiņa;

lai veķej^a, kas gribej^a,

apkār man^u rūcumuo.

nākat kuōpa, daŗb^a ļāūd's,

es juīns grib^u daŗb^u duōt:

sīk's uōl's upite,

veļkat viņ^us maliņa! //

⁷ M. debes.

⁸ M. Pētersil's.

68 — div stab¹, us tiēm stabiem muc¹, us tuo muc¹ buṁb¹, us tuo buṁb¹ biřz¹, tani biřzi iřb¹'s dzīva iēkša.

kūkum tēs, garast māt⁹, gloūdan bērnīn¹.

sprīž' gār' liēt', apaļa un ciēt'; iēbāž mēlla coūruma, dar, kas pašam prātam tik.

b) Stāstītājs, gadus 60 vecs, no Igates (Idsel).

viēnc muṁs nuōslik⁹ Mašiņ-ēzara, un muṁs nuōdedz iēsalrij, kur iēsal taīsij un labib žāvej. muṁs tur bi jāiēt vaktet divim vīrim (kuṁks muṁs stellej), un tur mēs gulejam rija piē luōg un redzej sapnes: tas nuōslikušais seiž aiz luōg. viņč grib muṁs baīdit; mēs taīs luōg vaļa un saūc, kuō viņč grib nuō muṁs. ta viņč lēc nuō zem aūkša un skrej uz ēzar, kur viņč bij slicis.

c) Teicēja, gadus 60 veca, no Vidrižiem (Widdrisch).

kalejš kāl^a debesis,

uēgl¹'s bir^a Dāūgava.

žēli žēli vanagam:

cāl's brēc^a kaņepēs.

7. No Pēterupes.

a) Teicēja, gadus 80 veca, no Carnikavas (Zarnikau).

kuīt' gāj^u rijiņā¹⁰,

ni sprigul¹ vēcināt;

dzīvuōt' gāj^u taūtiņās,

ni diēver^u līdzināt.

Jānīc sēž kalniņā¹¹,

zāļ^a nast^a mugurā¹²;

nāc, Jānit¹, lejiņā¹³,

duōd manam telitem!

paldiēs sak^u māmiņai,

kas man Jān¹ vārdā¹⁴ lika:

kad atnāc^a Jān^a diēn^a,

vis¹ Jān¹ daūdzinaj.

Jānim siēv^a pazudus¹,

Jān^a nakt¹ ligajuot;

cel, Jānit¹, liēl^u talk^u,

meklē¹⁵ savu ligaviņ^u!//

⁹ Igatē: inf. *slikt*, fut. *sliks*, praet. *slik*, praes. *slikst*.

¹⁰ M. *rijiņā*.

¹¹ M. *kalniņā*.

¹² M. *mugurā*.

¹³ M. *lejiņā*.

¹⁴ M. *vārdā*.

¹⁵ M. *meklē*.

Jānic¹⁶ jāj^a par gadiņ^u
 savus bērņ^us aplūkat,
 kuô tiē êd^a, kuô tiē dzêr^a,
 kuô tiē sēj^a tīruma¹⁷.
 maiz¹ êd^a, al^u dzêr^a,
 kviêš^us sēja tīruma¹⁷.
 jem, Jānit¹, sīrm^u zifgu,
 apjāj man^u rudz^u laūk^u,
 izmin lāč's, izmin smilg^as,
 laj aūg man tīr¹ rudz¹.

8. No Krimuldas; teicēja, gadus 50 veca, no Krimuldas m. (Kremon).

pūru ved^a, pūru ved^a,
 kuņa tēk pakaļā¹⁸;
 kuô kuņiņa nitecēs?
 kuceņc pūra dibenā¹⁹.
 kâzas liēlas, kâzas mazas,
 kâzu dēļ tērejâs:
 kâzu dēļ es nuôkâvu
 savu raību kuceniņ.

9. No Siguldas.

a) Teicējs, gadus 80 vecs, no Siguldas m. (Segewold).

nāc ārā²⁰, Jāņa māt^e,
 saņem savus Jāņa bērņ^us!
 Jāņa bērņ¹ nuômīrkuš,
 Jāņa zâl^es lasīdamš²¹.
 visu šādu vasariņ^u
 līguôdama viē staigaj[;];
 salīguoj^u brālim siēv^u,
 seu dižain^u arajiņ.

lai bagāta, kas bagāta,
 ceļa mala tā bagāta:
 tur tecej' diēn un nakt¹
 dzelzēm kal¹t kumeliņ¹,
 dzeizēm kal¹t riteņtiņ¹. //

¹⁶ atkārtojot: Jānic! M. Jānic.

¹⁷ M. tīrumā.

¹⁸ M. pakaļā.

¹⁹ M. dibenā.

²⁰ M. ārā.

²¹ atkārtojot: lasīdam'!

es nabaks bâra bērs,
 nuô sliktiem vēcâkiem;
 pēc manīm prēcēt sâka²²
 viēnc bagâc muīžas kuņks,
 nuô milestības dzic.

b) Teicēja, gadus 40 veca, no Nurmīžiem (Nurmis).

Jānīc²³ lūdžās, lai viņ abdziēd;
 «maksā²⁴ man piēc' mârķ',
 tad es tev' abdziēdâš^u.»
 atveīc, pelīt^{e25}, bērnām miēdziņ',
 iēliēc šūpuļa galiņā²⁶
 caūr luôdziņu, caūr istabiņul
 pelīt° braūc, vāģiš¹²⁷ čikst,
 atvēd miēga vėzumiņ':
 šim šaūjiņ', tam šaūjiņ',
 man pašam riēkužiņ'.

10. No Ādažiem; teicēja, gadus 70 veca, no Ādažu m.
 (Neuermühlen).

lec, Jāniti, kur lėgdamš,
 lec kâpuôstu dârziņā,
 nuômin gušņ^us, nuômin nâtr^es,
 laj aūg baīti kâpuôstiņ'!
 gan pazinu kuņga rij^u:
 pilli vadži sprigulišu;
 gan pazinu mât^es meītu:
 pilli pīrksti gredzeniņ'.

Jānīc²⁸ sēdej kaīniņā,
 zâļu nasta mugurā;
 nâc, Jāniti, lejiņā,
 duôd manam' telitem!
 cik zâlišu nastiņā,
 tik telišu laidarā.

11. No Salaspils; teicēja, gadus 60 veca, no Salaspils m. (Kirchholm).

viēgli mani žagi rāv°,
 tâlu mani piēmīnej;

²² M. sâk.

²³ M. Jānīc.

²⁴ M. maksâ.

²⁵ M. pelīte.

²⁶ M. galiņā.

²⁷ M. vāģiš.

²⁸ M. Jānīc.

piemin mani tas puisīt's²⁹//

ciētu guļtu gulēdams:

«būt man bīs' tā meitiņ*,

ciētu guļtu nigulētu.»

nu es iēšu us Kuřzemi

piē bēřziņa rikstes griēst;

atskatuōs atpakaļ,

divas stāv aiz bēřziņa:

viēna bija man māmiņa,

uōtra mana līgaviņa.

gaūži raūd man māmiņa,

vēl gaūžāk' līgaviņa.

«neraud gaūži, līgaviņa,

gan tu mani sagaīdīsi;

kad tiē sētas miēti zaļuōs,

kad būs alva uz ūdeni,

viēgla spaīva dibēnā, —

tad tu mani sagaīdīsi.»

B. Apraksti³⁰

«Vidzemes rietumu izloksnēm» pieskaitām te izloksnes, kuŗas runā Alojās, Lielsalacas, Katrinas, Limbažu, Umurgas, Straupes, Lēdurgas, Liepupes, Pēterupes, Krimuldas, Siguldas, Allažu, Ropažu, Ādažu, Dinamindes, Slokas, Salaspils draudzēs (un laikam arī pārējā Rīgas apkaimē: Salas muižā, Piņķos, Dolē, Biķeros un citur, kur vēl neesam bijuši). Šo draudžu kaimiņi uz rītiem, tas ir, Mazsalacā (laikam arī Matīšos un varbūt Dikļos, kur vēl neesam bijuši), Rubenē, Cēsīs, Āraižos (laikam arī Nītaurē, kur neesam vēl bijuši), Mālpilī, Suntažos, Ikšķilē runā jau vidus izloksni. Zināms, iekāms vēl nav izpētītas visas izloksnes, nav lāgā iespējams jau pazīstamas izloksnes šķirot: liela starpība ir gan manāma starp Alojās un Mazsalacas izloksnēm, bet starpību starp Salaspils un Ikšķiles izloksnēm pamanīs gan tikai lietpratējs, un Slokas izloksne stāv daudz tuvāku Smārdes (Kurzēmē) nekā Lielsalacas izloksnei. Visu izlokšņu pazinējs tāpēc laikam gan ieskaitīs Slokas un Smārdes izloksnes vienā grupā; mēs, kaimiņu izloksnes Kurzemes daļā vēl pamatīgi nepazīdami, norobežojam šeit «Vidzemes rietumu izloksnes» // dienvidos ģeogra-

²⁹ M. puisīt's.

³⁰ M. — Pūles sakrātos materiālus sakārtot uzņēms Endz.

fiski, tas ir, ar robežu starp Vidzemi un Kurzemi. Tāpat arī austrumu robežas minētām izloksnēm ir te apzīmētas tikai pagaidām. Netrūkst Vidzemes rietumu un vidus izloksnēm kopēju īpašību, kas tās šķir no augšzemnieku izloksnēm (piem.: diftongi *uo* un *ie* uzsvērtās zilbēs pret augšzemnieku *ū* un *ī*; vokāļi *ū*, *ī*, *ę* pret augšzemnieku *ou*, *ei*, *a*; diftongi *ir* un *ur* konsonantu priekšā nepārvēršas, kā augšzemniekos, par *ier* un *uor*; palātāļi *ķ* un *ģ* pret augšzemnieku *č* un *dž*); bet īpašību, kas vieno visas minētās «Vidzemes rietumu izloksnes» savā starpā un atšķir tās no vidus izloksnēm, esam atraduši tikai vienu, proti, akcentu: minētās izloksnes neizšķir vairs krītošo akcentu no lauztā, kas visās Vidzemes vidus (un laikam arī augšzemnieku) izloksnēs izšķiņas. Dažas citas īpašības gan nepieder visām rietumu izloksnēm, bet ir taču pazīstamas vairākās draudzēs, un tāpēc neapraktīsim šeit katras draudzes izloksnes par sevi, lai nebūtu dažas lietas vairākreiz jāatkārto, bet pasniegsim savāktos materiālus pēc gramatikas katēgorijām kārtotus.

SKAŅU MĀCĪBA

Akcenti

Kā jau teikts, minētās izloksnēs izrunā zilbes ar krītošo akcentu gluži tāpat kā ar lauzto akcentu (*luōks* < *lūoks* izrunā neatšķiņas no *luōks* < *luōgs*); bet balss «laušana» nav tik manāma kā vidus izloksnēs (kur krītošo akcentu atšķir no lauztā), tas ir, glotida neaizdarās tik spēji un enerģiski, un ar to visas zilbes izruna mazuliet atgādina krītošo akcentu. Starpība starp lauzto un stiepto akcentu paliek, zināms, arī neuzsvērtās zilbēs: prēteritu *apsēj(a)* no *apsiēt* < *apsiet* atšķir no prēterita *apsēj(a)* no *apsēt*³¹. Pie stiepta akcenta izrunas neuzsvērtās zilbēs gan arī ir drusciņ manāma balss krišana, bet taču būs praktiskāki un īstenībai tuvāki, kad rakstām *apsēt* un ne *apsēt*³². Krītošu akcentu var atrast arī formās *kam*, *tam*, *man*, *gan*, *ar*, *ir* un līdzīgās (kur vārda beigās īss vokālis ar sekojošu likvidu vai nāsāli savienojas diftongā), kuņas te izrunā gluži kā ap Valmieru, kur, // piem., *kam* izrunā ar tādu pašu akcentu kā *kampt*. Atstājam tomēr šādas formas, visur vienādi izrunājamas, viscauri neakcentuētas. Ka arī šis

73

³¹ Vidus izloksnēs šie abi prēteriti vienādi ir izrunājami (sal. BB XXV 260).

³² Rūjenes tekstos ar trim akcentiem rakstām tomēr: *apsēt*. — 16 16

izloksnes, tāpat kā visas citas, senāk izšķīrušas krītošo akcentu no lauztā, to pierāda kvantitātes starpība vārdos *tārps*, *bārd(a)*, *dār[z]s*, *ērgl^{ls}*, *sērg(a)*, *cērp* (Valmierā: *tārps*, *bārda*, *dār[z]s*, *ērglis*, *sērga*, *cērp*) un *art*, *darv(a)*, *starp(a)*, *serd(e)*, *vefd* u. c., kas viscauri stingri ievērota rietumu izloksnēs. Stieptais akcents viscauri pagarina vokāļus *a* un *e* savienojumos *ar* un *er* sekojoša konsonanta priekšā: *bārt*, *dzērv(e)* u. c. Vispāri dažādie zilbju akcenti izdalās pa tām pašām zilbēm kā vidus izloksnēs; nedaudzos izņēmumus, kuŗus esam novērojuši, te pieminēsim. Kt.³³ (Viļķenos), Um. (Sārumos), Lm. (Lādē), Lp., Ld. (Ld. pag., Vidrižos), Pt. (Skultē), Sl. (Antiņos) runā *dzērt* un LS (Sveiciemā) *dzeŗt*³⁴; turpat visur — *jeŗmt* un Sl. (Bigauņos), Dn., Ad., Rp., Alž., Kr., Sg. (Nurmižos), Str. (Lielstr., Mazstr., Rozbeķos) — *ņeŗmt*; turpat visur — *iēt*; turpat (atskaitot varbūt Sloku, kur neesam šīs formas novērojuši) dat. *muŗns* un *juŗns*; turpretim Al. (Ungurpili un Rozēnos), Lp. (Dūjas m.), Str. (Unguros), Sg. (Sg. m.), Slp. — *iēt*; Al. (Rozēnos), Um. (Pociemā), Str. (Daibē, Auciemā, Unguros), Slp. — *ņeŗšan(a)*; Slp. un pa daļai Rp. un Um. Sārumos — *muŗns* un *juŗns*; Lm. (Lm. pag.), Um. (Tiegāžos), Str. (Mazstraupē, Stalbē), Ld. (Igatē, Turaidā), Pt. (Carnikavā, Sējas m., Biriņos), Kr., Sl. — *dzeŗt* un Sl. Bigauņos arī *dzeŗt*³⁵. Akcentu dažādība fleksiju galotnēs tiks pieminēta, šīs galotnes pārrunājot.

Vokālisms

a) Galotņu strupināšana

Visas šīs izloksnes strupina galotnes lielākā vai mazākā mērā; it sevišķi tas manāms ziemeļu vakaros: jo tālāk uz dienvidiem un rītiem, // jo mazāk saīsina galotnes. Var šai ziņā puslīdz gludi nošķirt stingrās ziemeļu izloksnes (Al., LS, Kt., Um., Lm., Lp., Skultē un Lēdurgas Igatē un Vidrižos) no maisītām dienvidu izloksnēm (pārējā daļā). Ziemeļu izloksnes

74

³³ Saīsinājumi nozīmē: Ad. = Ādaži, Al. = Aloja, Alž. = Allaži, Dn. = Dinaminde, Kt. = Katrina, Kr. = Krimulda, Ld. = Lēdurga, LS = Lielsalaca, Lp. = Liepupe, Lm. = Limbaži, Pt. = Pēterupe, Rp. = Ropaži, Slp. = Salaspils, Sg. = Sigulda, Sl. = Sloka, Str. = Straupe, Um. = Umurga.

³⁴ *dzeŗt* ir laikam kontāminējums no *dzeŗt* un *dzērt* (sal. Sveiciema formas *darbas*, *aršan* [autora eksemplārā: «arrt» Limbažos] un *stērķelat*, *ērmigi* un Um. Tiegāžu formu *jeŗmt* blakus *jeŗmt* jeb Str. Daibes formu *iēt* blakus *iēt*). E.

³⁵ *dzeŗt* ir laikam kontāminējums no *dzērt* (Sl. Antiņos) un *dzeŗt* (Sl.), sal. Sl. Bigauņu formas *darbenieks*, *kar[s]c* un *piēsērt*. E.

saīsina visās neuzsvērtās sufiksu zilbēs³⁶ ne vien visus gaŗos vokāļus, bet arī diftongus. Gaŗie vokāļi *ā, i, ū* te viscauri bez izņēmuma pārvēršas par īsiem *a, i, u* (loc. s. *gudruma, stalli* LS, *virsu* Um.; loc. pl. *visas pirtis* Um.; dat. pl. *kājam* Al.; inf. *skatīt, mazgat*; comp. *labaks; labib'*; prt. praet. *maniš*; III praes. *dabu* Al.; praet. *gadijas; visad'; derig'*; dat. s. *mācītajam*; acc. s. *astuta* Kt., nom. s. *astutaš* Lm.³⁷; *pērkunc* Lm., Lp.³⁸ u. c.). Šī *a < ā* vietā dažkārt (ne konsekvēnti) dzirdams sekojoša (arī izkrituša) *j* priekšā arī — *e*: *es runej* Kt. Drieliņos, *mācīteš* Um. Tiegāžos (turpat arī: *mācītaš!*), III praet. *runejas* turpat. Vokālis *ē* (resp. *ē̄*) arī viscauri tiek saīsināts; viņa vietā parādās *e* (resp. *ē̄*) Al. (dat. pl. *biksem*, part. praet. *vareš*), Um. (part. praet. *isprēcēc* Tiegāžos) un *e* (resp. *ē̄*) jeb *a* LS (III praes. *mīle*, loc. s. *zeme*; inf. *strāpēt*, sup. *sleñderat* Sveiciemā; inf. *mekļēt, vēlat; cilvēks* Vecsalacā), Kt. (inf. *gulat, peldatas*; fut. *redzas*; praet. *redzaj; pēlaks* Viļķenos; part. praet. *dzirdeš*; praet. *redzej; pēdeš* Drieliņos; inf. *sēdat; cilvēks* Pālē), Lm. (inf. *redzat* Nabē; part. praet. *redzeš* Lm. pagastā), Lp. (loc. s. *zeme* Dūju pag.; loc. s. *upe; cilvēks* Meķē; nom. pl. *cilvēk* Duntē). Kādu likumu par šo *a* un *e* maiņu nepaguvām atrast. Tāpat viscauri saīsina diftongu *uo*; viņa vietā parādās Alojā — *o* (cond. *iēmantot'*; part. *skuōloc*; loc. pl. *ganos*; part. *ęsot*; acc. s. *dumo*; part. praet. *mizoš*), citur visur — *a* (loc. pl. *ganas*; cond. *nāktas*; acc. s. *laba*; part. *ęsat; valad'; aūganc; dzēlanc; kamals; vītals; avac*); tikai Kt. Drieliņos parādās gaidāma *a* vietā arī (kā liekas, atkarīgi no sekojoša miksta konsonanta) *e* (šaurš): *kalpešan; dzīvešan*; nom. pl. *kusteņ'*³⁹ (blakus loc. pl. *ganas*; part. *ęsat; valad'*). Turpretim diftongu *ie* saīsina ne visur; Alojā parādās tā vietā — *e*// (*pērenc*; part. praet. *gadijes*) un sporadiski arī *ie* paliek (instr. pl. *citiem gadiem* Rozēnos); Lielsalacā dzird tai vietā *e, ē, a* (acc. s. *kūlan; ēdanc; darbneks*, nom. pl. *vīreš* Sveiciemā; *ēdanc; siēvēc, vīřec* Vecsalacā; paliek arī *ie: skuj'niek', panasniek'* Sveiciemā; *preciniekt'* Vecsalacā); Katrinā — *ę, e, a* (*saimeks*; inf. *skriētes* Drieliņos; inf. *pērtęs* Šķirstiņos; dat. pl. *pālašim; saimnaks, ēdanc*; inf.

75

³⁶ Visas sufiksu zilbes ir palaikam arī neuzsvērtas; visai retajos gadījumos, kad akcents uz sufiksa, ir paglābies arī gaŗums: *mazitiņč* (Lp. Duntē).

³⁷ Sal. leišu *aštuņas*. E.

³⁸ Sal. leišu *perkūnas*, Stukmaņu *pērkūnc*, Seces *pērkūonc*. E.

³⁹ Forma *kusteņ'* sastopama arī Lādē un Pālē blakus formām *auganc, uōzals*. Formā *kusteņ'* gan atronama galotne *-enis*. Salīdz. *kustain'* Nabē blakus *aūganc; kustaņc* Lielsalacā — *kustuōnis*. M.

pērtas Pālē⁴⁰; Umurgā — *e* (inf. *plēstes*; *ē'denc*; part. *abgērbes* Tiegažos); Limbažos — *a, e, ē* (*ē'danc*; nom. pl. *latvaš* Lm. pagastā, turpat arī: *saimnieks*; inf. *skriētes*, *plēstes* Lādē; inf. *pastaiģatēs*; *ē'denc*; inf. *piērakstites*; *saimeks*; *vīreč*, *siēvēč*; part. praet. *saē'deš*, bet caur kontrakciju: *nuōstrādēs* < *nuōstrādajēs*, *nuōpūlēš* < *nuōpūlejēs* Nabē); Liepupē — *e, a* (inf. *skriētes*; *ē'denc*; *saimneks* Dūjās; *saimeks*; *siēvac*; *ē'danc* Meķē; inf. *laustes*; part. *pluōsidames*, *saplēsušēs*; nom. pl. *stiēneš* Stienē; nom. pl. *joune duņteš* Duntē, turpat arī: *rudien*⁴¹); Igatē — *e* (*ē'denc*, *saimeks*); Vidrižos — *e, ē* (*saimeks*; *eidenc*; inf. *skriētēs*; dat. pl. *luō'pēm*, bet arī *ziģgiem*); Skultē *ie* paliek (*darbnieks*, *loūcinieks*; imper. *klausies*; inf. *plēsties*). Arī diftongu *ai*, *kā* liekas, saīsina par *a*: instr. pl. *mīltanam* Vecsalacā; nom. s. *kalnan*, *dubļan* Igatē; loc. s. *čeļmana* Meķē; *bedranc*, *sakņanc* Skultē⁴². — Turpretim gaŗē sakņu vokāļi un diftongi patur savu kvantitāti, arī neuzsvērti būdami (*ne pazist*); tikai dažkārt, ļoti lietojamos saliktoņos, kas valodas apziņai izliekas it kā vienkārši vārdi, saīsina arī saknes vokāļi jeb diftongu: *paldas* < *paldies*; III praes. *palēk* jeb *palak*; *aclēks* (*atslēģa*); *piēgdan*; *aplaks* (*aplukošs*) LS; *viēndēn* Kt. Arī patapinātos vārdos dažkārt ir paglabies gaŗš vokālis sufiksālā stāvoklī: *braņkūz's* Skultē.

«Dienvīdu izlokšnes» saīsina neuzsvērtu gaŗumu tikai pa daļai, it sevišķi konsonanta *m* un gandrīz visnotaļ *j* priekšā, un, kā redzēsim, vairāk atvērtās zilbēs nekā slēgtās. Straupes draudzē visstiprāki īsina mazstraupieši: dat. pl. *abem skapem*⁴³ (blakus inf. *skriēties*; *strādnieks*); (reiz dzirdēts) *uōzals* (blakus *vītuols*, *aūguonc* etc.); loc. pl. *dzirņus*; fut. *dziēdasim* (blakus *mirīs*); nom. pl. *mācītaj'*; dat. pl. *klētim*, *ragum*; praet. *dabuj* (arī Lielstraupē); // bet dat. s. *pirtī*⁴⁴! Lielstraupē: dat. pl. *kājam*, *ragum*⁴⁵ (blakus *pastalām*, *abām pirtīm*); nom. pl. *mācītaj'* (Rozbeķos, Unguros, Auciēmā: *mācītāj'*); turpretim loc. pl. *ganuos* (visā Straupē), *malās*, *dziņnūs*; loc. s. *plavā*;

76

⁴⁰ M. *pērtes*, *vāczemneks*.

⁴¹ *rudien* < *ruden* — caur tautas etimoloģiju: šī tautas etimoloģija sastopama arī Skultē, Pabažos, Bīriņos.

⁴² Tomēr arī Turaidā, kur nesaišina pat neuzsvērtu *ie*, dzirdamas formas: *dubļenc*, *kalņenc*.

⁴³ M. *liēliēm kuņģiēm*, *ziģgiēm*, bet pēc labiāļiem: *abem skapem*, *grāpēm*.

⁴⁴ M. *pirtī* dat., lok.

⁴⁵ Varētu tomēr arī būt, ka formā *ragum* (īsa) *u* nav saīsinajuma produkts, bet pirmatnējs; sal. manu rakstu «Lett. *dziņnavas*, *pelavas*, *ragavas*» BB XXV 276. E. [Skat. šai sējumā 116. lpp. — Red.]

dat. pl. *ganiem* (arī Stalbē, Rozbeķos, Auciemā); *maizīte*, *slimīb^a*; inf. *turēt*; III praet. *griezās*; *večākaiš!* Tas pats apmēram ir Stalbē. Vēl mazāk īsina Rozbeķos (dat. pl. *ragum*, blakus *abām pīrtīm*; part. *strādaiš*), Unguros (instr. s. *manīm*), Auciemā (*pagastīc*; dat. pl. *ļāūdīm*). Lēdurgas pagastā neuzsvērti *ie* un *uo* paliek (loc. pl. *ganuos*; dat. pl. *ganiem*), bet gaŗos vokāļus viscauri saīsina (*mācitaiš*; loc. s. *piedraba, kūti*; inf. *lasit*; dat. pl. *dziŗnam*; loc. pl. *alas*; *mazaks*; III praet. *gribej^a*). Turaidā saīsina daudz mazāk: dat. pl. *meŗtam, dziŗnum*; III fut. *parunasies*; *mācitaiš*; I pl. praet. *gājam, meklejam*; II plur. praet. *gājat⁴⁶*; turpretim: *labāks*; inf. *ŗedzēt*; part. pass. *ŗedzēc*, nom. pl. *ŗedzēt^t*; III fut. *mirīs*; loc. s. *jūrā, skapī, alū*; loc. pl. *dziŗnūs!* Siguldā saīsina, atskatoties no beidzamā piezīmē minētām formām, tikai vokāļus *j* priekšā: nom. pl. *mācitaj^t*, bet imper. *maksā!* (Nurmiŗos); III praet. *strādaj^a, tecej*; nom. pl. *kalej^t*; acc. s. *arajiŗ[?]*; bet: III praes. *vinnē!* (Sg. pag.). Līdŗigi ir Allaŗos: nom. pl. *mācitaj^t*; bet III praes. *runā*; loc. s. *meŗā, pīrtī*. Krimuldā saīsina vokāļus *m* un *j* priekšā: dat. pl. *Cēsim, dziŗnum*; nom. pl. *mācitaji*; III praet. *tērejās* (Kr. pag.); dat. pl. *mājam* (Eņģelartos); bet loc. s. *pakaļā*; III fut. *atradīs* (Kr. pag.). No Pēterupes draudzes Sējas m. Batciemā saīsina gandrīz visus neuzsvērtos gaŗos vokāļus: inf. *runat*; loc. s. *meŗa, alu, pīrtī* (bet dat. s. *pīrtī!*); loc. pl. *malas, pelus*; III fut. *sūdzes*; *mācitaiš*; *večaks* (diftongi *uo* un *ie* paliek). Pēterupes Bīriņos un Carnikavā un Ādaŗu draudzē saīsina visus neuzsvērtos gaŗos vokāļus *m* un *j* priekšā un bez tam visus gaŗos neuzsvērtos vokāļus atvērtās zilbēs, atskaitot vienīgi gala // zilbes: dat. pl. *manam telitem, ragum*; inf. *peŗdēties* (bet *gulēt*); *mācитайs*; *mazgaŗan(a)*; nom. pl. *labak^t, grēcīg^t, ŗedzēt^t, naziŗi* (bet nom. s. *labāks, grēcīks, ŗedzēc, nazīc^{47!}*); dat. s. *kalejam*; turpretim: loc. s. *meŗā, pīrtī, upē, alū*; loc. pl. *pelūs, malās*; III praes. *skatās, runā, meklē*; II pl. imper. *sakāt* (arī *nāķāt* un II pl. fut. *iēsīt* Carnikavā). Arī Pēterupes Pabaŗos nomanāms tas pats īsināŗanas princips, tikai te (varbūt zem sveŗa iespaida) rodas daŗķārt izjēmumi: III fut. *mirīs* (blakus *birīs*); inf. *dziēdat* (blakus *runāt*). Gluŗi tas pats sakāms arī par Dinamīndes draudzes Mangaļiem:

⁴⁶ Arī Siguldā (Sg. pagastā un Nurmiŗos) dzird formas: I pl. praet. *braūcam* (blakus dat. pl. *Cēsim*) Sg. pag.; I pl. praet. *dzirdejam, sacijam* (blakus dat. pl. *dziŗnūm*); II pl. praet. *sacijat* (blakus inf. *ŗedzēt*) Nurmiŗos. Varētu tāpēc būt, ka te galotnes *-am, -at* nav cēluŗās caur saīsinājumu, bet ir patapinātas no tagadnes formām. E.

⁴⁷ M. *nazīts*.

stiprāk' (blakus *večakuo*, *vēlakais*, *večakais*; bet: *labāks*, *bagātāks*; *rūnaties*, bet *dedzināt* etc.); turpat arī II pl. *bijat*, par ko sal. piezīmi iepriekšējā lpp. Arī Slokas Antiņos un Bigauņos valda, kā liekas, tas pats likums, bet dzirdami daži izņēmumi: nom. pl. *iērakstīt'* (blakus *atsūtīt'*, *piēmūrēt'*, *stutēt'*); part. pass. *saduomac* (blakus *maitāc*, *zināc*); citādi parādās minētais likums gluži skaidri. Pašā Slokā turpretim sastopamas šādas formas: nom. s. *sūdzētajiēs* (blakus *mācītais*); dat. pl. *pirtīm*, *jūdzēm*. Ropažos saīsina tikai *j* priekšā: nom. pl. *mācītāj'*; part. praet. *padarij's*; bet: instr. s. *manīm*; dat. pl. *abām acīm*, *ragūm*; nom. s. *večāks*, nom. pl. *večāk'* etc. Salaspilī arī īsina ļoti maz: I pl. praes. *runajam*; III praet. *piēminej*; nom. pl. *mācītāj'* (cita persona: *mācītāj'!*); bet: instr. s. *manīm*; dat. pl. *mājām*, *dziņnūm*; *sunīc*, *sunīš'*; loc. s. *namā* etc.

Parallēli gaŗumu saīsināšanai nīkst un zūd (pirmatnējo) gala zilbju īsie vokāļi: jo konsekventāki (kā ziemeļu izloksnēs) saīsina neuzsvērtu gaŗumu, jo pilnīgāki zūd, vispāri runājot, īsie vokāļi gala zilbēs un otrādi. No dienvidiem uz ziemeļiem ejot, sastopam, piem., pēc kārtas šādas formas: *meita* — *meit^a* — *meit'* — *meit*; jeb *āzis* — *āz's* — *āz's* (līdz *ās* < *āzs* turpretim nenokļūst)⁴⁸. Pie tam ir dzirdamas dažkārt vienas personas, un jo vairāk vesela pagasta izrunā vairāk pakāpes (*meita* — *meit^a* jeb *meit* — *meit'*, jeb *meit^a* — *meit'*). Sevišķi grozīga ir izruna, tautasdziesmas recitējot, un tur parādās arī nereti «lāpāmie» vokāļi, t. i., gaidāma vokāļa vietā ierodas cits, piem.: *zā^a nast^a* Carnīkavā; lai gan gala zilbēs tur citādi izrunā vokāļus skaidrāk nekā prōzā. Stingrajās ziemeļu izloksnēs īsais beigu vokālis palaikam pilnīgi izzūd sadzīves valodā. Lielsalacas Sveiciemā un // Katrinas Pālē tomēr mēdz (to novērojuši, šo pagastu kaimiņi saka: «Sveiciemieši un pālieši runā visu ar *-i*», pie tam minēdami pat formas ar neorganisku *-i*, kādas mums negadījās pašiem dzirdēt) visai skaidri izrunāt gala zilbju īso *i* (citus vokāļus atmezdami), pat tur, kur tas izzudis arī vidus izloksnēs, piem.: inf. *malti*, *vērpti* Pālē. Daudzmaz pietiekošu jēdzienu par gala zilbju veidu dažādās izloksnēs dod uzrakstītie teksti: sīkāku aprakstu dot nav lāgā iespējams. — Kur īsais beigu vokālis bija pilnīgi zudis, tur radās formas ar grūti izrunājamu konsonantu grupu vārda beigās. Izrunas atvieglināšanai tad ir likvidas un nazāļi vārda beigās pēc iepriekšēja konsonanta kļuvuši par sonan-

⁴⁸ Starp dažiem citiem konsonantiem vokālis izzūd pilnīgi: *sezdanc vakars* LS Sveiciemā; citādi tomēr starp *n* un *s* palaikam *t* neierodas; acc. pl. *lin's*.

tiem: *piēdrakņ*, *uōgl* Kt. Viļķenos; acc. s. *tikl* Um. Tiegažos; *uotrš* Lm.; acc. s. *putr* Lm. Lādē; *uo^ogļs* Ld. Igatē (cita persona: *uogl's!*); *piēdrekn*, *egļs* Lp. Meķē; *apkakļ*, *bedr* Skultē⁴⁹. No sonantiska nāsāļa jeb likvidas dažkārt ir attīstījies (neskanīgs un dažādas nokrāsas) vokālis pēc iepriekšējā konsonanta: *put^ens* < *putņs* < *putn(i)s* Skultē; *uog^al* Kt. Viļķenos; acc. *kreķ'l*, *kak'l* Lm. Nabē⁵⁰.

b) *Zilbju pagarināšana*

Īsus, palaikam uzsvērtus, sakņu vokāļus (dažkārt arī neuzsvērtus un retumis pat suļiksu vokāļus) stiepj (pagarina) arī dienvidos šur un tur, bet visai bieži ziemeļu izloksnēs, it īpaši Sveiciemā un Liepupē⁵¹. Kādu likumu un pastāvību šai parādībā neesam varējuši konstatēt (varbūt tur ir kāda loma teikuma akcentam)⁵²: nom. s. *bāznic*; loc. s. *āzuta*; nom. pl. *gār^l*; dat. pl. *ālim*; gen. s. *skāl*; loc. pl. *gānas*; acc. s. *gād^u*; acc. pl. *zāgl^s*; III praet. *māl^a53*, *kāl^a*, *dēv* Sveiciemā; acc. pl. *gād's*; acc. s. *āl*, *gāl*, *vāl*, *mēž*, *cēļ*, *sūņ*, *sil*; nom. s. *vālad'*; III praes. *negrib*; III praet. *nevēd*; part. praet. *nuomir's* Lp. Meķē; dat. s. *mān*; 79 nom. pl. *pēl's* Lp. Stienē; acc. s. *dāl*, *gāl*, *sūņ*, *mēž*; III // praet. *dēv*; acc. pl. *skāl's*, *āl's*, *pēl's*; part. praet. *piezīm's*; inf. *sācit*; nom. s. *gār^a* Lp. Duntē; acc. s. *nāz*; acc. pl. *gār's*; gen. s. *rād^a* Kt. Viļķenos; nom. s. *āl's* Kt. Šķirstiņos; praet. *nuodēg* Kt. Drieļiņos; *dīv* Kt. Pālē; part. praet. *aptin's* Um. Tiegažos; gen. pl. *rād* Lm.; III praet. *māl'*; acc. pl. *pēļs*; part. praet. *mīr's* Lm. Lādē; III praet. *māl*, *izmāl*; III praes. *rēdz*, *dār*; nom. pl. *gār*, *gād'* Lm. Nabē; III praes. *aizmīrst*; acc. s. *āl^u*; nom. s. *gār'* Ld.; part. praet. *dzīm's*, *dēv's*; nom. pl. *gān'*; dat. s. *mān⁵⁴*; acc. s. *ziņ* Ld. Igatē; III praes. *ir*; III praet. *kāl^a*; *nemāz* Ld. Vidrižos; III praes. *ir*; nom. *zēm'*, *dīv*, *pļāv^as* Skultē; part. praet. *aizmīrs's* Pt. Carnikavā; nom. pl. *zēm^es*; part. praet. *nuošķin's* Pt. Pabažos; *māz* Pt. Sējas m.; *dīv* Pt. Bīriņos;

⁴⁹ [Autora eksemplārā vēl: *putņc*, *kakļs*, *atkļs* Sussikas, *arkļs*, *uogl* Duntē.]

⁵⁰ Kā piemēri ar pašinātiem vokāļiem vārdu celmos minami: *es but'* = *es bātu* Sveiciemā, *luk* = *lūk* Lielstraupē, Pabažos, *slikt* = *slikt* Igatē. M.

⁵¹ Šādas zilbes mēdz izrunāt ar stiepto akcentu.

⁵² Atkritušie galotņu vokāļi bez šaubām pa lielum lielai daļai tādu pagarinājumu cēļēji. Šī pati parādība ievērojama arī Kurzemē, p. p., Kandasavas apgabalā: nom., gen. *āl's*, ak. *āl'*, bet dat. *alam*, lok. *ale*, inf. *dāb't*, fut. *dāb's*, part. *dāb'ts*, bet III p. *dabe*, part. *dabuis* u. c. M.

⁵³ Blakus substantivam: *maļums* (arī Vecsalacā).

⁵⁴ *mān* esmu dzirdējis tikai pēc prepozīcijām: *nuo mān* Igatē, Meķē = lei. *manē*. M.

sengād's Lielstraupē; acc. *mēž* Mazstraupē; part. praet. *saskaitūsies* Slokā; part. praet. *izdzinis, dzinies, idzin's, nuomin's, nuošķin's* Sl. Bigauņos⁵⁵. — Sveiciemā un Liepupē, kur bieži pagarina īsus vokāļus, ar to parallēli stiepj visai gaŗi arī jau pirmatnēji gaŗus vokāļus jeb diftongus, piem.: praet. *šķīr^a* (še *i* varbūt divtik gaŗš kā normāls *i*); inf. *šķīrt* (stiepta tiek likvida) u. c.

c) *a > o*

Visās ziemeļu izloksnēs diftonga *au* pirmais elements lielākā vai mazākā mērā tuvinās vokālim *o* (*jāu, louks*): dažreiz vokāļa *o* nokrāsu tikko var izdzirdēt, dažreiz parādās ļoti skaidri diftongs *ou* (izruna ir dažāda pat vienas personas mutē). Arī heterosillabiska *u* priekšā dažkārt *a* kļūst par *o*: acc. *to^v* (Ld. Vidrižos). Patapinātos vārdos arī citu konsonantu priekšā dažkārt ierodas *a* vietā *o*: *āk* (Al.); *ponckas, konna, ņomniks* (Um. Tiegāžos); *kolender* (Lp. Meķē); *voi* (LS). Kt. Drieliņos turpretim arī citos gadījumos (īsaiss un gaŗais) *a* kļūst par *o*: *pokaļ^a*, III praes. *bor, ograk*, acc. *sov^u doŗb^u*; III praes. *goid'* (blakus: *valad*; loc. *ganas* u. c.); III praes. *stōv; klōt; kō, tō; mōj* (blakus: *gārš^a, mājiņ* u. c.). LS Sveiciema austrumu daļā arī pārvērs *a* par *o*, bet tikai gaŗo: *dievōrdⁱ, kōdⁱ*; III praes. *stōv*; III praet. *gōj, stōvej*; loc. *prōta, mōja; strōdat, jōiet*; dat. pl. *Jōņim* u. c. //

d) *Vokāļu pārskaņa (Umlaut)*

Diftongs *uo* dažās ziemeļu izloksnēs skan kā *uē* jeb *uo^e*, sekojot zilbei ar gaišu vokāli: *kuēpiņ's, buēm's* (LS Vecsalacā); *luo^epi* (Kt. Pālē); *guēv's, uēģis* (Lp. Meķē); *uēģis* (Lm. Lādē); *blūēdiņ's*, dat. pl. *kuēkim, šūēden* (Lm. Nabē); nom. pl. *kuēkⁱ* (Ld. Igatē un Vidrižos). Turpretim LS Sveiciemā, Kt. Viļķenos un Drieliņos, Alojā, Umurgā, Limbažu pagastā, Skultē, Lp. Duntē un Stienē⁵⁶ un dienvidu izloksnēs nedzirdējam nekādu maņāmu *uo* pārskaņu (sal. tomēr Bezenberger Lett.

⁵⁵ Ja prēterita formās: *nuošķin's, nuomin's, izdzin's, māl^a, kāl^a* u. c. gaŗais vokālis te būtu pastāvīgs, un tā gandrīz liekas, — tad te nebūtu vis īsa vokāļa garinājums, bet būtu pirmatnēji gaŗš prēterita vokālis, sal. dial. praet. *es dzīnu* Bielenstein LSpr. I 347, *es minu* LSpr. I 344 un leišu prēteritus: *myniau, skyniaul* Varbūt arī forma *ir* (ja *i* te pastāvīgs) vecāka par *ir*, sal. leišu *yrā*. E.

⁵⁶ Duntē un Stienē vēl Becenbergers (sal. Lett. Di.-St. 102) dzirdējis *uo* pārskaņu, un arī mums kāda duntiete teica, ka Stienē runājot *guēv's*; kā šo *uo* pārskaņu, tā arī dažas citas dialektu savādības te, acīm redzot, ir deldējusi rakstu valoda.

Di.-St. 101). No sekojoša vokāļa neatkarīgu izrunu *kuę* (= acc. *kuo*) esam dzirdējuši: Ropažos, Str. Auciemā, Lp. Duntē.

Līdzīgos apstākļos kā *uo*, arī diftongs *ie* Lm. Nabē tiek izrunāts kā *ie^e* jeb *ię*: nom. pl. *mie^ež*, *kvie^eš*, *mięt*; līdzīgi runājot arī Lm. Lādē, kā mums kāda limbažniece teica, bet paši to nedzirdējām (sal. tomēr jau citētās vietas pie Becenbergera).

Lp. Meķē un Lm. Nabē un arī Lādē un Stienē, kā mums šo pagastu kaimiņi teica (sal. Bezzenberger Lett. Di.-St. 102), arī citi diftongi un vokāļi līdz ar nākošo konsonantu tiek mīkstināti, gaišam vokālim sekojot: acc. s. *kū^t*, *mā^t*; nom. pl. *a^tis*; inf. *saⁱci^t* (Meķē); praet. *raⁱdij*, nom. pl. *kāⁱdⁱ*, *tāⁱdⁱ*, *u^ts*, *aⁱis*, *kou^t* (Nabē).

Vokāļa *e* šaura jeb plata izruna ir, vispāri runājot, tāpat kā vidus izlokšnēs atkarīga no sekojošās zilbes vokālisma (sal. Bielenstein LSpr. I 39 sk.), atskaitot Bilensteina (turpat) minētos izņēmumus. Arī kur pirmatnēji gaiši vokāļi (*e*, *ie*) dabūjuši tumšāku nokrāsu (*a*), iepriekšējā zilbē šaurais *e* paliek: inf. *smērat*; praet. *tecaj*; *ecašan*; *édanc* jeb *éⁱdanc* (Sveiciemā); inf. *peldatas*; loc. *debasis* (Kt. Viļķenos). Verbos ar galotni *-ināt⁵⁷* iepriekšējs *e* tiek izrunāts šauri Dn. Mangaļos, Ādažos, Pt. Carnikavā: *dedzināt*; plati — Sveiciemā, Katrinā: *dēdzināt*. Pretlikumīgu *ę* sastapām formās: dat. s. *kumeļam*; *ęrmigⁱ* (Sveiciemā); *nę* (Lādē, Carnikavā, Stienē, Krimuldā; turpretim Bīriņos — *nē*); *męriņč* (Nabē); pretlikumīgu (šauru) *e* — formā *bedranc* (Skultē). Par *e* kvalitāti infinitīvos un supīnos būs vēlāki runa. Te jāpiemin vēl, ka Lielsalacā un Skultē (arī šo draudžu apkaimē) diftongu *eⁱ* izrunā ar ļoti šauru *e*://

81

Šai vietā minēsim arī dažus gadījumus, kur *e* (*ę*) vietā iestāties *a*: *dibanc* (Sveiciemā, Nabē, Igatē, Skultē), *akmanc* (Sveiciemā, Lm. pag.), *pulkstanc* (Lādē), *sivanc* (Nabē), dat. pl. *šķipalim* (Vecsalacā), gen. pl. *debas*, loc. *debasis* (Kt. Viļķenos)⁵⁸. Turpretim *i* (*i*) ieradies *e* vietā formās: *akminc* (Ld. pag.), *akminc*, *zibinc* (Pt. Bīriņos). Negācijas *ne* vietā lieto *nī* Slp., Ad., Dn., Carnikavā, Kr., Lielstraupē: *nikas nībūs*. Parastā *a* vietā stāv *ę* formās: *pļęva⁵⁹*, *kļęva* (Turaidā); *ęmulņč* (Vecsalacā); *garęm* (Sveiciemā)⁶⁰.

⁵⁷ Siguldā tai vietā sastapām galotni *-ęnāt*: *uzaicęnāt*.

⁵⁸ [Autora eksemplārā: *kumaļš*, *teicaiš* «teicējs» Vainižos.]

⁵⁹ M. *pļęva* arī Ķirbižos; turpat arī: *nemęz*, *pieđęlitⁱ* — *pieđęlⁱte*, *bęznic* Sveiciemā.

⁶⁰ Sal. Valmieras formu *garęm*.

e) *Vokāļu diftongizēšana*

Visās ziemeļu izloksnēs (atskaitot Aloju, Skulti) un retumis arī šur tur dienvidu izloksnēs (Lēdurgas pag., Slokas Bigauņos, Ld. Inciemā, Lielstraupē) vokālis *ē* (tas ir, tikai šaurais *ē* ar laužto akcentu) beigās tuvinās vokālim *i*: dažās vietās dzirdams pilnīgs diftongs *ei*, citur *i* pieskaņu var tikko sadzirdēt (*é*¹). Piemēri: *pé^tc*, inf. *é^tst*, *bré^tkt*, *plé^tst* (Nabē), *sé^tdat* (Kt. Pālē), *své^tdien'* (Um. Sārumos, Stienē, Duntē, Vidrižos, Inciemā), *é^tdanc* (Limbažos); *speiciks*, *sveitiks*, *greiciks* (blakus: *spé^tks*, *svē^tc*, *gré^tks*); praet. *breic*, *eid*, *pleis*, *sléidz*, *beig* (inf. *bré^tkt*, *é^tst* etc.), nom. *kleip's* (Vecsalacā); *Sveiciems* = *svē(t)ciems*⁶¹. Ne katrs *ē* kļūst par diftongu: likvidu priekšā (un dažos atsevišķos vārdos, piem.: *vēz's*) esam dzirdējuši tikai tīru vokāli *ē*: nom. *mél'*, *lél'*; praet. *vērp*, *smél*, *cél*, *spēr*, *ķēr* (Vecsalacā).

f) *Sikākas parādības*

Sveiciemā un Pālē pēc likvidām citu konsonantu priekšā attīstījies nereti jauns vokālis: *mār^aš'*, praet. *piemir^as*, part. *aizmir^astⁱ*, *il^agi* (Sveiciemā); *per^aš^as* (Pālē).

Bīriņos (Pt.) dzirdējam III praes. *reij*, *smeij*, *leij* (Valmierā un citur: *rej*, *smej*, *lej*); bet: *vajag!* Turpat sastapām formu: *auwuoc* (ar angļiski izrunājamu *w*); un Nabē: *sauwadaks*.

Rakstu valodas *u* vietā stāv *i* formās: *tivu* (Kt., LS, Lp., Nabē, Rp., Kr., Pt., Ld., Str., Sg., Dn.) un atvasinājumos *tiviec* (Ld.), *tivums* u. c.

Konsonantisms

a) *Parazītisks t*

Visās rietumu izloksnēs, atskaitot Slokas un Dinamindes draudzes, starp *n* (*ŋ*) un *s* (*š*) ieradies parazīts *t*: *ganc*, *ganiņč*; // turpretim Sl. un Dn.: *gans*; Dn.: *ganiņš*; Sl.: *ganiš* (ģen. *ganiša*). Alojās Rozēnos, Vecsalacā un daļā no Sveiciema arī starp *l* (*ļ*) un *s* (*š*) ir ieradies *t*: *dēlc*, *ceļč*.

b) *Konsonantu mikstināšana*

Jotētu *r* sastapām tikai Alojās Ungurpili (*gařam*, acc. *kař^a*, *vař^a*), Skultē (*es bař*; *ařam zem*; nom. *kuř^a*, *jūr^a*; bet arī jau: *jūr^a!*), Pabažos (*jūr^a*; arī: *jūr^a!*), Bīriņos (III praes. *sper*, *dzeř*, *ař*;

⁶¹ Uz šo vārda «Sveiciems» etimoloģiju mūs darija uzmanīgus Liel-salacas draudzes skolotājs Bērziņ kgs.

gar^a, *jūr^a*; bet: *rūkt*, *kraut!*), Slokas Antiņos un Bigauņos (*gara*, *jūrā*); citur *r* pārvērties par *r*: *karš*, *garš* (Siguldā pat: *kars*, *gars!*). Um. Pociemā arī *l* š priekšā zaudē savu mīkstumu: *telš*, *zalš*⁶². Dažās ziemeļu izloksnēs *l* izrunā lielākā jeb mazākā mērā guturāli: *vet* (Al. Rozēnos un arī Sveiciemā pa daļai), *itks*, *stims* (Kt. Viļķenos), acc. *iig^us* (Skultē). — Jotētie labiāļi ir daudz vietās jotāciju zaudējuši. Substantīvisko *ja*-celmu (nom. s. *skapis*) deklinācijā un verbu tagadnes formās jotējums ir gandrīz (ziemeļos viscauri) visur zudis: dat. s. *skapam* (Alojā, Sveiciemā, Katrinā, Limbažos), acc. pl. *skap^us* (Lēdurgā, Ropažos, Carnikavā, Liepupē, Turaidā), loc. pl. *skapas* (Ld. Igatē); III praes. *vērp* (Alojā, Katrinā, Limbažos, Ropažos, Carnikavā, Skultē, Duntē, Vidrižos, Igatē, Krimuldā, Ādažos); turpretim Slokā: gen. s. *skapja*; un Slokā, Bīriņos: III sing. *vērpj*. Arī adjektīvu celmos un atvasinājumos *j* ir daudz vietās (īpaši ziemeļos) zudis: *rupaks* (Alojā, Katrinā, Lādē), *slapums* (Krim. Eņģelartos, Duntē, Siguldā), nom. s. *slap^a* (Allažos, Straupē), nom. s. *slapš* (Skultē, Stienē, Vidrižos); turpretim: *slapj(a)*, *slapjums* (Slokā, Ropažos, Igatē, Carnikavā, Skultē, Sējas m., Bīriņos, Vidrižos, Ādažos, Krimuldas pag.).

Meķē un Nabē (un, kā mums teikts, arī Lādē un Stienē), kā jau minēts, gaišu vokāļu priekšā, reizē ar iepriekšējā vokāļa pārskauņu mīkstina arī konsonantus: acc. s. *kū^tt*, nom. pl. *a^tt^s*, inf. *sa^tcit*, *la^tsit*; nom. pl. *sa^tm^t*, *ka^tt^t* (Meķē); nom. pl. *sa^tm^t*, *da^trb^t*, *a^tt^s*; nom. s. *Jaⁿč^ts* (Nabē). Bet šo izlokšņu *t*, *č*, *š*, *t*, *č*, *n* šādos gadījumos nebūt nav tik mīksti kā slavu (krievu un poļu) valodās; jotējums te ir tikai mazuliet manāms.

c) Savienojums *js*

Konsonants *s* pēc *j* daudz izloksnēs kļūst par *š*, pie kam *j* bieži (īpaši ziemeļos) pavisam izzūd: nom. s. *vęcaš męcitāš*// (LS, Kt., Lm., Meķē), *męcitāš* (Str. Rozbeķos un Unguros), *vęcaiš męcitaiš* (Ld. pag., Igatē, Stienē, Duntē, Sējas m., Vidrižos, Turaidā, Mazstraupē)⁶³; turpretim: *vęcais męcitais* (Slokā, Carnikavā, Skultē, Bīriņos, Dinamindē, Ādažos) un *vęcais męcitājs* (Slp.). Analogi klājas participu galotnēm: *maniš*, *vareš*, *mizoš*, *gāš*, *biš* (Alojā; adjektīviem te galotne *-ais*: *pirmais*); *dzirdeš*, *biš* (LS); *dzirdeš* (Kt. Drieliņos); *strādaš* (Um. Tiegažos, Lm.), *dziedaiš* (Igatē, Duntē, Sējas m., Vidrižos, Nabē, Turaidā, Inciemā, Straupē, Siguldā); bet: *tureis*

⁶² M. *pakalā* — *pakaļā* Meķē.

⁶³ Jaunā paaudze Lēdurgā (pag.) un Turaidā jau runā: *vęcais męcitais*. [Autora eksemplārā: *ędaiš*.]

(Slokā, Ropažos, Krimuldā, Carnikavā, Skultē, Bīriņos, Dinamindē, Ādažos, Salaspilī).

d) *Sikākas parādības*

Vārdi *pie darbs* un *pie durkne* parādās dažādās formās: *pie draps* (LS, Kt., Lm., Ld., Sl., Carnikavā, Skultē, Lp., Sējas m., Mazstraupē), citur: *pie darps*; *pie draks* (Sveiciemā), *pie drakņ* (Kt., Um.), *pie drekņ* (Skultē, Meķē), *pie drekn'* (Nabē), *pie druok* (Stienē), *pie druokne* (Slokā), *pie durkn'* (Ropažos, Krimuldā, Igatē, Carnikavā, Allažos, Sējas m., Bīriņos, Vidrižos, Turaidā, Straupē, Ādažos). Slokas Antiņos un Bigauņos, un, pēc viena piemēra (*oukc*) spriežot, arī Vecsalacā *s* zūd *c* priekšā: *karc*, *pirkc*⁶⁴, *valc*, *icept*, *šķirc* (bet gen.: *karsta* etc.); un analogi *z* — *dz* priekšā: *idzīt*⁶⁵. Konsonants *n* zūd formās: *bēr[n]s* (Kt. Drieliņos, Pālē; Skultē, Vidrižos, Turaidā, Krimuldā, Siguldā), nom. pl. *bēr[n]i* (Al. Rozēnos); *krās[ns]* (Vecsalacā); *saim[n]eks* (Kt. Drieliņos; Meķē, Vidrižos). Konsonants *v* ir zudis formā: *vir[v]e* (Sl. Bigauņos) un visur, cik novērojām, formās: nom. s. *dies*, *tēs*. — Slokā zūd *Ņ š* priekšā: *vi[Ņ]š*, *ganiš* (gen. s. *ganiņa*). — Kā citur, tā arī rietumu izloksnēs bieži ierodas *s* (*š*) priekšā konsonants *k*: *iks* (Sveiciemā, Bīriņos), bet: *is* (Igatē); *ieša*, *oūša*, *prieša* (Kt. Viļķenos). — Konsonanta *z* vietā stāv *dz* formās: *dzuos* (Lēdurgā, Str. Stalbē), III praes. *daudzas* (Vecsalacā).

MORFOLOĢIJA

Dēminūtīvi

Parastā galotne *a*-celmu dēminūtīviem šais izloksnēs ir *-iņč* (*-iņš*), fem. *-iņ(a)*; Alojās Rozēnos tai vietā parādās galotne *-inc* (*miestinc*), fem. *-in'* (*mājin'*); un Straupes Auciemā *-ic* (nom. s. *pagastic*, gen. s. *pagastina*), fem. *-ina* (*mājina*). Retumis un ar drusciņ citādu (nievājošu) nozīmi parādās // galotne *-elis*, fem. *-ele*: *Jānelis*, *puiķelis*, *muižele*, *mājele* (Slokā), *puišelis* (Mangaļos Dn.), *maišelis* (Ropažos)⁶⁶.

84

Deklinācija

a) *Sieviešu kārtas zušana*

Šo izlokšņu dienvidos un dienvidu rītos abus dzimumus izšķir tikpat labi kā vidus izloksnēs; turpretim ziemeļu rietu-

⁶⁴ *pirsts* Tiegažos. M.

⁶⁵ Tas pats ir Burtniekos: *krus[s]c*.

⁶⁶ M. *sunelis* Ropažos parasta *šunelis* vietā.

mos sieviešu kārtā ir zudusi, jo tālāk uz to pusi, jo pilnīgāki. Vistālāki izplatīta ir vīriešu kārtā sieviešu kārtas vietā pie pronōmeniem, kas ieņem teikumā subjekta vai (direkta vai indirekta) objekta vietu: *tas ir Miķelim cūk'* (Mazstraupē); *veļkat viņ^us* (= *viņas*) *maliņa!* (Lēdurgas pag.); *viņč* (= *viņa*) *ir aizgāš* (Pabažos). Bet sieviešu kārtas vienskaitļa ģenitīvs (no pronōmeniem un personu vārdiem) pēc prepozīcijām un kā transitīva verba objekts stāv ļoti bieži arī šais izloksnēs: *ar viņ(a)s*, *ar māt(e)s*, *ar Ann(a)s* (Alojā, Umurgā, Lēdurgā, Pēterupē, Stienē, Straupē; tāpat visās pārējās dienvidu izloksnēs); *es rēdz(u) viņ(a)s*, *māt(e)s*, *Ann(a)s* (Vecsalacā, Lēdurgā, Stienē, Pēterupē; tāpat Allažos, Slokā u. c.). Visās ziemeļu izloksnēs (viņu dienvidos: Vidrižos un Igatē jau retāki), un vienīgi tur, stāv vīriešu kārtā arī pronōmeni, adjektīvi, participi, kas attiecas kā predikāti vai atribūti uz sieviešu kārtas substantīvu: *man^a siev^a ir jaunc*; *tā meit nou nāc's*; acc. pl. *tuos uol's* (Alojā); *vienc māt'*; *tas meit* (Lielsalacā); *ac's ir tād' vāj'* (Pālē); *ar gatavim uogam* (Liepupē); *tie māj^as*⁶⁷ (Skultē u. c.). Neatrūkst arī retu izņēmumu (īpaši dienvidos): nom. pl. *liel's pried's* (Sveiciemā); *tā māte* (Alojā); *gar's dien's* (Kt. Drieliņos); *rup maiz* (Liepupē); *dārg^a maiz'*; *zem ir slapj'* (Ld. Igatē). Mazākā apgabalā sieviešu kārtas vārdi pieņem arī vīriešu kārtas galotnes, bet ne visur vienādi, un it īpaši vienskaitļa nōminātīvs diezgan reti pieņem vīriešu kārtas galotni -s. Sveiciemā: nom. s. *nedaļš*, *visc*; dat. s. *laivam*, *brūtam*, *pusnaktam*; loc. s. *upā*, *zāla*, *āzuta*; nom. pl. *ziņģ'*, *nakt'*, *mīkl'*; dat., instr. pl. *trepim*, *kārtim* (blakus: nom. s. *puik*, *māt*; gen. s. *sezdanc vakars*, *zem's gala*; loc. s. *zeme*, *kūti*, *klēti*; nom. pl. *pried's*, *zem's*; instr. pl. *kājam*, adverbīāli lietots). Vecsalacā: dat. s. *lielmātam*, *valstam*; nom. pl. *mant'*, *puķ*; dat. pl. *meitim*, *roukim*, *šķīpalim* (blakus: nom. s. *meit*; loc. s. *kūti*, *pirti*; nom. pl. *kuo^apiņ's*). Katrinā: nom. s. *mājiņč*, *nedeļš*; dat. s. *mātam*, *meitam*; loc. s. *zema*, *azuta*; nom. pl. *dien'*, *dur'*; dat. pl. *gūžim* (blakus: nom. s. *meit*; gen. s. *dien's gaism^a*; loc. s. *pirti*; nom. pl. *uog'l's*, *dien's*, *ac's*; loc. pl. *pirtis*). Umurgā: nom. pl. *kaņep'*, dat. pl. // *upim*, *drēbim*, *cūkim*, *meitim* (blakus: nom. s. *up'*, *vārn*; dat. s. *mātei*, *upei*; loc. pl. *pirtis*). Limbažu pag.: nom. s. *upic*; dat. s. *meitam*, *mātam*, loc. s. *zema* (blakus: nom. s. *meit*; loc. pl. *ousis*). Liepupes Dūju pag.: dat. s. *pirtim*, *upem* (blakus: loc. s. *zeme*; nom. pl. *pel's*, *uog's*; dat. pl.

85

⁶⁷ Turpretim fēminīnu atribūtu vīriešu kārtas substantīvam dzirdējam Dn. Mangaļos: *tāda rēšna cilvēks* (par sievieti teikts).

uogam). Lp. Meķē: nom. s. *cielaviņč*; dat. s. *māsam, pirtem*; nom. pl. *ziņģ^t* (blakus: nom. s. *dien, maiz*; loc. s. *upe*; nom. pl. *guņv's, egļs*; dat. pl. *meitam*). Lp. Duntē: dat. s. *pirtim, meitam, upem* (blakus: nom. s. *zem'*; loc. s. *upe*; nom. pl. *uogļs*). Stienē: nom. s. *siēnc*; dat. s. *cūkam, zemem, pirtim*; dat. pl. *cūkim* (blakus: nom. s. *dien*; loc. s. *pirti*; nom. pl. *pēļ's*; dat. pl. *sievam*). Skultē: nom. s. *sēc, siēnc*; nom. pl. *kleit^t*; dat. pl. *vietim* (blakus: nom. s. *zem, meit*; dat. s. *mātei, vienai patei, pirtei*; loc. s. *pirti, valste*; nom. pl. *māj^as*; dat. pl. *dienam, sievam*). Lm. Lādē: dat. s. *meitam, upem, pirtem*; dat. pl. *upim* (blakus: nom. s. *siev*; nom. pl. *zīļ's*; dat. pl. *māsam, bitem*; loc. pl. *klētes*). Vīriešu kārtas galotnes tomēr vispāri te (īpaši Lielsalacā, Katrinā) dzird daudz biežāki nekā sieviešu kārtas⁶⁸. Alojā, Nabē, Vidrižos, Igatē, kā liekas, sieviešu kārtas galotnes paliek neaizkartas.

b) *u-celmi*

Ziemeļu izloksnēs, kur galotņu īsie vokāļi pilnīgi izzuduši, *u-celmi* ir pārgājuši *a-celmos*: loc. s. *vida, tirga*; nom. pl. *rag^t, dzirn^t* (Sveiciemā); dat. s. *medam, alam* (Katrinā, Umurgā, Limbažos, Liepupē, Vidrižos, Igatē, Nabē); nom. pl. *dzirn(a)s, rag(a)s, pel(a)s* (Lēdurgā, Igatē, Vidrižos, Skultē, Stienē⁶⁹); nom. pl. *dzirnavas* (Ropažos, Str. Unguros, Ādažos, Krimuldā; visur te arī: *dzirnus*). Turpretim: dat. s. *medum*; nom. pl. *dzirnus, pelus, ragus* – (Slokā, Pēterupē, Turaidā, Straupē, Siguldā, Dinamindē, Salaspilī).

c) *i-celmi*

Ziemeļu izloksnēs arī *i-celmi* pieņem nereti vīriešu kārtas galotnes, pie kam tomēr *i-vokālis* pa lielākai daļai tiek paturēts (dat. s. *pirtim*; un varbūt arvienu loc. s. *pirti*). Citādi *i-celmi* diezgan labi paglabāti. Tikai daži no viņiem šur un tur pārgājuši *ē*-deklinācijā: nom. s. *pirt^e* (Slokā, Ropažos, Igatē, Allažos, Salaspilī). Plašāki izplatīta ir vienskaitļa datīvā galotne *-ei*: *sirdei* (Carnikavā, Stienē, Vidrižos, Nabē, Turaidā, Str. Rozbeķos, Siguldā; turpretim: nom. s. *sircl*). Turpretim Pabažos, Str. Unguros, Krimuldā: dat. s. *sirdij*; Sējas m., Bīriņos, Straupē: // *sirdi*; un Slokā: *sirdi*. Pabažos dzird arī formas: nom. pl. *ļauž^t*, dat. pl. *ļaužiem* (blakus: *ļaudim*).

86

⁶⁸ Formas ar sieviešu kārtas galotnēm būs gan pa labai daļai no jauna ieradušās zem rakstu valodas iespaida.

⁶⁹ [Autora eksemplārā: Duntē.]

d) *Vienskaitļa datīvs*

Kā citās izloksnēs, tā arī šē šī locījuma galotne *ja*-celmiem (nom. s. *-is*) ir divējāda: *skapim* (Kt. Drieliņos, Umurgā⁷⁰, Lp. Dūju pag., Lēdurgas pag., Slokā, Ropažos, Krimuldā, Igatē, Pēterupē, Skultē, Allažos, Stienē, Duntē, Vidrižos, Turaidā, Lielstraupē, Mazstraupē, Rozbeķos, Siguldā, Ādažos, Dinamindē, Salaspilī); *skapam* (Alojā, Lielsalacā, Kt. Viļķenos⁷¹, Limbažos, Meķē, Lādē, Stalbē, Unguros). Nabē pie labiāļiem stāv galotne *-em*: *skapem, grāvem, šņabem* (bet: *brāļam, suņam, sunišam*).

e) *Daudzskaitļa datīvs*

Visās ziemeļu izloksnēs (izņemot Vidrižus) šī locījuma galotne vīriēšu kārtai ir *-im*: *visim zirgim, Jurgim, pašim*; izloksnēs ar *uo*-pārskauņu iepriekšējs *uo* tiek pārskaupts: *kuo°kim* (Meķē, Nabē). Vidrižos parādās galotne *-em* (*luo°pēm*) un Mazstraupē *-em* (*abem skapem*). Visās pārējās izloksnēs ir galotne *-iem*⁷² (*suņiem, zirgiem*); Carnikavā šai galotnei ir lauztais akcents: *gudriēm*.

f) *Vienskaitļa akuzatīvs*

Sveiciemā, Vecsalacā, Kt. Pālē un pa daļai Viļķenos šim locījumam no *ja*-celmiem (nom. s. *-is*) ir sena instrumentāļa forma⁷³: *es rēdz vien suņ, āž, lāč, zuš, puis; par puis būt; ar suņ*. Tikai substantīvi ar galotni *-lis* arī te pa daļai patura akuzatīva formu; tā no vārda *gailis* dzirdējam visur tikai acc. s. *gail* (bet gan: *cāļ, brāļ*).

g) *Vienskaitļa lokatīvs*

Igatē šim locījumam no *ja*-celmiem (nom. s. *-is*) ir galotne *-e*: *spaine, vadze, tuole, šķūne*; un Salaspilī *-ē*: *viducē, skapē, vadzē, spannē*. Lauztais akcents šai locījumā ir arī Slokas Bigauņos: *mežā, zemē, pili*, turpretim pašā Slokā, Ropažos, Allažos: *malā, stallī*.

h) *Vokatīvs*

Alojā, Lielsalacā vokatīvs, tālumā esošas personas saucot, pieņem beigās vokāli *-ō*: *māmō! Jānō! tēvō, mātō!* Līdzīgos //

⁷⁰ Umurgā arī: *skapam*.

⁷¹ Viļķenos arī: *sunitam*.

⁷² Bigauņciemā galotne gan *-iem*, bet *-im* dzirdēju tur adverbā *krustu krustim*. M.

⁷³ Šī forma var būt pēc nesavilkta *ja*-celmu paraugiem jaundarināta akuzatīva forma. M.

gadījumos lieto Um. Tiegažos, Limbažos, Lp. Dūju pagastā 87
formas: *māta! tēva! Jāna!* LS Ķirbižos un Kt. Pālē parādās
vokātīvā dēminūtīva formas: *tantuž! Annuž!*

j) *Daudzskaitļa ģenitīvs*

Dažās izloksnēs retumis parādās ģenitīviski lietotas formas
ar beigās piekārtotu *-s⁷⁴*: *kap's-kaln'* (Sveiciemā); *Sil's kalnc*
(Vecsalacā); *louk's putn'* (Um. Tiegažos); *louk's pel'* (Um.
Tiegažos, Limbažos, Liepupē, Nabē); *nou doudz krast's; liep ir*
pil meļ strazd's (Limbažos); *purs ir pils gatav uog's* (Lp. Dūju
pag.); *paša ceļm's galiņa* (Meķē); *nuo rit's agr'* (Igatē; Stalbē,
Dn. Mangaļos, Ādažos beidzamo formu izrunā: *nuo rit's*; bet
nom. s., kā likās, bija tikai *ritc*).

P r o n ō m e n i

Pirmās personas viensk. nōminātīvs Kt. Pālē skan: *eš*. —
Visās ziemeļu izloksnēs (atskaitot varbūt Aloju) un Lēdurgas
pagastā lieto viensk. datīvus *man, tau (tāu, tou), sau (sāu,*
sou); blakus šīm formām dzird arī *jau* (sevišķi dienvidos)
turpat datīvus *teu, seu*. Pēc visām prepozīcijām visās rietumu
izloksnēs vienskaitlī stāv senas instrumentāļa formas *manim*.

⁷⁴ Starp šīm *s*-formām, man šķiet, jāizšķir 1) viensk. ģenitīvs,
2) daudzsk. nōminātīvs un 3) daudzsk. ģenitīvs.

1) *nuo rit's*, kas man pazīstams jau no Kandavas apgabala, no Cēres,
man domāt, uzlūkojams par viensk. ģen. no *u*-celma *ritus*; salīdz. leišu
rytas blakus *rytus*, ģen. *rytaus* = latv. *rit's*. Tāds pats sena *u*-celma viensk.
ģen. ir gan arī *gads* saliktenī *gadskārta*; *šāgads brūte kruoni vija* Ltd.
1795 (Valmierā), *šāgads maize* (Piebalgā, Bērzonē), *nuo gads* (Odzenē),
nuo gads gadā (Bērzonē). Ievērojot to, ka *u*-celmi tās izloksnēs, kur tādi
ģenitīvi kā *lauk's pel', celm's galiņā* sastopami, saskan ar *a*-celmiem, izņemot
vienīgi viensk. ģenitīvu (nōm. *āl's*, ģen. *āl's*, dat. *alam*, ak. *āl*, lok. *ala*,
nōm. *galds*, ģen. *gald'*, dat. *galdam*, ak. *gald*, lok. *galda*), varēja pēc paņi-
kušo *u*-celmu ģenitīva parauga celties tādi *s*-ģenitīvi kā: *lauk's pel', celm's*
galiņa; piedrab's gate (Dundagā, Bezzenberger Lett. Di.-St. 54), *nuovad's*
malīne Ltd. 429 (Rindā).

2) Pēc tam kad sieviešu *u*-celmu nōminātīvus, kā *dzirn's, rag's, pel's*,
un *i*-celmu (un arī *ā*-celmu) nōminātīvus, kā *ac's* (*ac's ir tadi vaji Pālē*),
sāka uzlūkot tāpat kā *ļaud's* par viriešu kārtas vārdiem, varēja pēc *ļaud's*
un šā jauno biedru (*pel's, ac's* u. c.) parauga celties nōminātīvi ar galotni *-s*
arī no viriešu kārtas // *a*-celmiem: *tiē žid's* (Ķirbižos), *griēst's* «griesti» 88
(Dundagā, Bezzenberger Lett. Di.-St. 55). Par sieviešu kārtas dzīvības
spēku un sikumu šē runāt, kā Becenbergers (Lett. Di.-St. 142) un Brūknērs
(AfsI Ph. III 284) to dara, ir nepareizi; jo gan ģenitīvi, kā: *piedrab's, lauk's*,
gan nōminātīvi, kā: *žids, griēst's*, sastopami taisni tos apgabalos, kuŗos
sieviešu kārtā padodas viriešu kārtai.

3) Teikumos: *purs ir pils gatav uog's, liep ir pil meļ strazd's* formas
uog's, strazd's nevar cits nekā būt kā vienīgi daudzsk. ģen. Daudzsk. ģeni-

88 *tevim, sevīm*⁷⁵ ar izrunu: *manīm, tevim, sevīm* (Ropažos, Siguldā, Lielstraupē, Str. Stalbē, Auciemā, Unguros) un *manīm, tevim, sevīm* (Salaspilī). Blakus šīm formām pēc // visām prepozīcijām stāv LS, Kt., Um., Lm., Lp., Pt., Ld., Str. arī formas *man, teu, seu*; un pēc ģenitīva prepozīcijām Str. Auciemā un Unguros, Siguldā, Salaspilī, Pt. Pabažos arī ģenitīvi *manis, tevis, sevis*. Siguldā Nurmīžos dzird pēc prepozīcijām arī formas *maniem, teviem, seviem*. Daudzskaitlī pēc prepozīcijām lieto Umurgā, Limbažos, Liepupē arī formas *muņsim, juņsim* (blakus: dat. pl. *muņs, juņs*); un Siguldā Nurmīžos: *muņsiem, juņsiem*. Daudzskaitlī lieto LS, Kt., Um., Lm., Lp., Ld. Vidrižos // un Igatē, Lielstraupē, Kr. Eņģelartos akuzātīvus *muņs, juņs (es juņs rēdz)* un Str. Auciemā: *mūs^us, jūs^us*. Umurgā lieto posesīvus pronōmenus: acc. s. *muņsej*, nom. pl. *muņsej'* (= mūsēji; un gan arī: *juņsej'*). — Sveiciemā dzirdējām formu: *panasniek^t ir sev^t* (= savi, nom. pl.).

89 No demonstrātīviem pronōmeniem minēsim formas: acc. s. *tuō* (Siguldā, Ādažos) un *tuō* (Dn. Mangaļos), loc. s. *štamā* (Str. Unguros); loc. pl. *tamas* (Kt. Viļķenos), *tamuos* (Pt. Bīriņos); *šimuos* (Turaidā), *šiemas, tiemas* (Skultē). Bez tam

tīvi ar galotni *-ūs, -us, -os, -oes* no adjektīviem, pronōmeniem un partīcipiem sastopami Inlantijā (skat. Becenbergera Lett. Di.-St. 161), arī no substantīviem latv. visvecākajos rakstu pieminekļos (Enchiridion, Undeutsche Psalmen), p. p., *aran to roke muses enaydenekes* Ps. 39, 28; *te darbe vinges* (= *vinge*) *rohes* 31, 24. Šie ģenitīvi ir gan divskaitļa lok. ģenitīvi. Skat. Becenbergera Lett. Di.-St. 161, Zubatý Ueber gewisse Genitivendungen des Lett., Slav. u. Altindischen. Šīs domas apstiprina divas formas, kas bez šaubām ir divskaitļa lok. ģen., proti: *abejš* jeb *abejs*, *divejš* jeb *divejs*: *abejš* pušu liēlam ceļam bañdeniēka rudzi aūg (Naudītē); *abejs* pušu ceļam M. Siliņa Ko es pieredzēju I 59; *divejš* (jeb *divejs*) *gadu vecs* Bielenstein LSpr. II 28; *abejs, divejs* : *abejš, divejš* = *mācītājs* : *mācītājš*; *abejs* jeb *abejš* cēlies no *abejus, abejaus* = senind. divsk. ģen. lok. *ubhāyōs*, senslavu *oboю*, *divejs* jeb *divejš* no *divejus, divejuus* = senind. divsk. ģen. lok. *dvāyōs*, senslavu *двоюю*, leišu *dviejaus*. Skat. Zubatý IF VIII 217. *kap's kaln, Sil's kalnc, louk's putn', louk's pel'* pēc formas un arī pēc latviešu valodas sintakses (skat. manu rakstu par daudzsk. ģenitīvu [Austr.] XVI 61) var būt gan viensk., gan daudzsk. ģenitīvi. Tas pats sakāms par *ciēm's meit's* (Bt. 2037, Bielenstein LSpr. II 21), *dēls mā'* Ltd. 436, *taūtits klēts dur'* 421 (Rindā). Salīdz. no Rindas: *kupl' liēp jurmalei pi' balts gaigališ* Ltd. 426. Vai teikumos *nou doudz krast's, pulk žid's* (Ķirbižos) vārdi *krast's, žid's* daudzsk. ģenitīvi vai nōminātīvi, tas grūti nosakāms. Ļoti pazīstama ir forma *dziēsm's* vārdu sakopojumā *dziēsm's grāmat'* (Bīriņos, Igatē, Turaidā; Ādažos: *dziēsm's gr.*, salīdz. *nuo rit's*; bez tam *dziēsm's gr.* dzirdēju Kandavā, Šķēdē). *dziēsm's* šīni sakopojumā par viensk. ģenitīvu uzlūkojot, nekļūstam ar nozīmējumu galā. M.

⁷⁵ Šīs formas esam dzirdējuši vienīgi pēc prepozīcijām.

minēsim vēl formas: *kur kurais* (= kur katrs; Carnikavā); *gar katr^u pus^t* (=gar abām pusēm; Pt. Pabažos); *vienai patei*⁷⁶ (Skultē).

Numerāļi

Kārtas skaitļu vārdus lieto dažkārt bez noteicamās galotnes: *tagad treš gac jāu* (Limbažos); *uotris grib un treš* (Dn. Mangaļos). Formu *uotr(i)s* lieto arī ar noteicamo galotni: *uotrais* (Krimuldā, Bīriņos), *uotraš*⁷⁷ (Kt.).

Adverbi

Minēsim te dažas mazāk parastas adverbu formas: *vietams* (Dn. Mangaļos); *luopisk^t* (Skultē), *pretisk^t* (Sveiciemā), *ārisk^t* (=aplam) *runāt* (Pālē; tai pašā nozīmē Nabē — *ārig^t*); *taišņ^t* (Siguldā); *biez^t* (= daudzkārt — «oft»; Sveiciemā, Dn.); *pruoj* (= pruôjām; Sveiciemā, Kt.); *gaužam* (Vecsalacā), *klātam* (Kt.); *klātan* (Meķē), *teitan* (Carnikavā); *tullitas* (= tūliņ; Um.); *šte* (Str. Unguros); *šeitanās*⁷⁸ (Sg.); *apukaļ* (Slp.).

Konjugācija

a) Personālsufiksu zušana

Savienojumu *es nau* dzird arī vidus izlokšnēs un laikam arī visās rietumu izlokšnēs (tā, piem., Ādažos); arī savienojums *es ir* sastopams rietumu izlokšņu dienvidos (piem., Carnikavā, Dn. Mangaļos), kur citādi personu galotnes pilnīgi uzglabātas. Mazstraupē, Turaidā, Sējas m. lieto jau plašākā mērā formas bez galotņu (tas ir, III pers.) blakus formām ar galotnēm: *mēs dabuj* (Mazstraupē; blakus *mēs dziedasim*), *mēs bij*, *dzīvojoj^a*, *brauks*; // *jūs brauks* (Turaidā; blakus: *es braukš^t*, *mēs sadzīvojam*, *brauksam* jeb *brauksim*); *jūs brauks* (Sējas m.; blakus: *es braukš^t*, *mēs brauksim* jeb *brauksam*). Pēterupē (Pabažos, Bīriņos) un Lēdurgā (Ld. pag., Igatē,

90

⁷⁶ M. *piē šitenā* «pie šitā» Krimuldā; *šitais* Skultē, Igatē, *štas* Igatē; lok. *štam pus up* Limb., *šim pus ceļam* Limb.; *tam upe* Drieliņos. Salīdz. Bezenberger Lett. Di.-St. 14, 3.

⁷⁷ Te pieminēsim arī izteicienu: *trīs tik liels* «trīsreiz t. l.» (Sg.). E. Ievērojama konstrukcija *divdesmit viēn^t zīg*, *divdesmit vien's at's* Umurgā. Šī konstrukcija pazīstama arī Kandavas apgabalā un lasāma arī stāstā «Iz Spranču laikiem», uz ko man laipni aizrādījis Vitola kungs, Umurgas dr. skol. skolotājs. M.

⁷⁸ M. *tepatās* Skultē, *pa vāciskam* Meķē, *štur* Viļķenē, *štā* Pabažos, Skultē, *apukļam* Ādažos.

Vidrižos) palaikam gan I viensk. persona patura savu galotni⁷⁹, bet visas citas galotnes mēdz zust: *es duoš(u), ieš(u), bēš(u), likš(u)*; bet: *mēs vērp, teic, brauks, sak, redzej; jūs duos, sak; tu rēdz, mēt* (retumis arī izjēdami: *mēs gulejam* Igatē). Visās pārējās ziemeļu izloksnēs III personas forma pilnīgi izskaudusi visas citas galotnes: *es rādis, tu guļ, mēs ies, jūs duoma* etc. Visai reti izjēdami sastopami, varbūt zem rakstu valodas iespaida, arī šais izloksnēs: *jūs redzes't* (Alojā), *jūs zin't* (Skultē), *mēs brauks'am* (Nabē). Dažās vietās arī imperatīvā III persona ieņem citu personu vietu: *nāk*⁸⁰ (=nākait) *ēst!* (Pt. Pabažos, Bīriņos). Citādi imperatīvs arī ziemeļu izloksnēs patura savas atsevišķas formas: II sing. *ņem* (Alojā), *nāc* (Umurgā, Limbažos); I plur. *iesim* (LS, Ķirbižos, Nabē, Stienē, Duntē); II pl. *nākat* (Skultē, Ld. pag.). Pieminamas ir vēl imperatīva formas: II sing. *lūkies* (Pabažos), II plur. *nākat, sakāt*⁸¹ (Carnikavā).

b) Nākotnes formas

Pirmo (Bīlensteina) piecu klasu verbi, kuŗu celms nebeidzas ar *t, d, s, z*, darina visās rietumu izloksnēs nākotni bez vokāļa *ī*: *liks, smels, bērs, aus* etc. Tikai Str. Unguros dzird blakus *sāks* arī *sācis* (nedrošs piemērs *nācis* arī no Kt. Viļķeniem). Turpretim plaši pazīstamas ir rietumu izloksnēs formas ar *ī* no vārdiem, kas beidzas (celmā) ar likvidu pēc īsa vokāļa; mēs sastapām piemērus: *salis* (Um.), *biris* (Lm., Lp., Ld.), *miris* (LS, Kt., Um., Lm., Lp., Ld., Skultē⁸²) jeb *miris* (Krimuldā, Turaidā, Str., Pt., Sg., Slp.); blakus šīm formām dzird, varbūt visur, arī īsākas formas: *sals, birs, mirs*. Pirmajai daudzskaitļa personai ir galotne *-sim* (*liksim*) Sl., Carnikavā, Duntē (imperatīvā), LS, Ķirbižos, Nabē; un (blakus galotnei *-sam*) Rp., Alž., Sējas m., Turaidā, Ād., Slp., Stienē; galotni *-sam* dzird Krimuldā, Sg., Ld., Straupes Stalbē un Auciemā. Otrajai daudzskaitļa personai ir galotne *-sit* Rp. un (blakus *-siet*) Slokā; galotne *-siet* Alž., Slp., galotne *-sat* Turaidā, Ādažos, Straupes Stalbē; starp *s* un *t* nedzird nekādu // noteiktu vokāli Siguldā: *brauks't*; Carnikavā sastop galotni *-sit*: *brauksit, iesit*.

91

⁷⁹ Tas sakāms sevišķi par nākotnes formām; citos laikos arī I viensk. pers. zaudē galotni: *es mēluo* (Ld. pag.).

⁸⁰ M. *nāk-u* imperāt. Sārummyižā.

⁸¹ M. *sakaīt, skataīt* Siguldā.

⁸² [Autora eksemplārā : Duntē.]

c) *Tagadnes formas*

Te jāpiemin trešās personas formas: *paslist* (Sveiciemā), *ziež* (Kt., Ld.), *atskārš* (Lm.), *sūg* (inf. *sūdzet*; Ld., Turaidā, Sg., Sējas m.), *piņ* (Dn. Mangaļos).

d) *Pagātnes formas*

Limbažu Lādē, kā mums tika teikts, piekarot visām (?) pagātnes formām (tas ir, III pers.) galotni *-aj*: *sametaj*; *runajaj*. Paši to nedzirdējām.

e) *Relatīva formas*

Kā citur, tā arī rietumu izloksnēs kā relatīvu (atstāstāmo modu) lieto participus: *ēsuot*, *būšuot* (ziemeļu izloksnēs: *ēsat*, *būšat*; Skultē reiz dzirdēta arī nākotnes forma: *būst*); participu vietā sastop nākotnes formām ziemeļu izloksnēs ļoti bieži (šur tur gandrīz arvienu) šādus salikumus: *sak, ka tēs būs broukt* (Kt., Um.); *sak, ka viņč būs vēsals būt* (Skultē); *man sacij, ka div kung būs gaidīt* (Ld. Igatē). Pieminam te vēl relatīvu dēbitīva formu: *pašam biš jāsadēguot* (Lielstraupē); un: *viņam jāietuot* (Turaidā).

f) *Infinītīvs un supīns*

Infinītīvs un supīns, kā liekas, visās rietumu izloksnēs ir formāli sakusuši. Nabē un Lādē gan dažreiz vēl izšķīr abas formas: *es grib ēst* un *nāc ēst*; bet turpat runā arī: *es negrib plēstes* (L.) un *nāc ēst* (N.); un uz mūsu jautājumu par abu formu nozīmi mums Lādē teica, ka senāk runājuši *ēst*, tagad runājot *ēst*. Varētu tāpēc būt, ka forma *ēst* te ir jaunākā laikā ieviesusies no kaimiņu pagastiem, caur ko viss izskaidrotos. Visur citur pazīstama tik viena forma. Alojā, Igatē, Straupes Unguros un Auciemā gala zilbes *e* ir šaurs (inf., sup. *vest*), citur visur plats (*vēst*), atskaitot jau minēto Nabi un Lādi. Stienē un Duntē blakus formām ar *ē* (inf. *ēst*) esam dzirdējuši arī formas ar šauru *e* (*redzet*). Lielsalacā blakus inf. *ēst* lieto formas *smērat*, *vēlat* (ar šauru *e* pirmā zilbē!); arī Pālē: inf. *sēdat* (blakus inf. *vērpt*); sal., piem., Siguldas inf. *redzēt*). Refleksīviem verbiem ir formas: inf., sup. *plēstas* (LS), inf., sup. *peldatas* (Kt. Viļķenos; ar šauru *e* saknē), inf., sup. *pērtas* (Pālē), inf., sup. *plēstes* (Um., Lp.), inf., sup. *plēstas* (Lm.), *plēstes* (inf.?) un *plēstas* (sup.?) Lādē, inf., sup. *plēsties* (Skultē un dienvidu izloksnēs), inf., sup. *skrietēs* (Vidrižos). //

Lēdurgā, Nabē, Stienē, Vidrižos, Igatē, Inciemā tagadnes pasiviem participiem ir galotne *-ums*: *vēlkumais, situmais, ēdum karuot^e* (Ld. pag.); *sienc ir pļauvums, grābums; pībraucum viet'* (Nabē); *jājum zirks, arum zem(e)* (Stienē, Inciemā, Vidrižos); *rudz' pļaujum'*; *pazīstums* (Igatē). Sakarā ar to izskaidrojama Lādes forma: *brinams* (= *brīnums*)⁸³.

Ziemeļu izloksnēs sastop nedeklinējamu participu ar galotni *-dam*: *nāc's debes's pa gais' šņāgdam* (Um.); *lec, Jānit, kur lēgdam!* (Meķē).

SINTAKSE

Locījumu lietošana

Ziemeļu izloksnēs ir ģenitīvs tikai reti un zināmos gadījumos sastopams. Tas stāv, pirmkārt, salikteņos: *kap's kaln'* «kap-sēta» (Sveiciemā), *louk's-putn'* jeb *louk'-putn'*, *louk's-pel's* jeb *louk-pel's* (Um., Lm.), *māj's-pel's* (Um.), *droudž-ties'* (Skultē), *dziesm's-grāmat'*⁸⁴ (Igatē), *dien's-gaism'* (Pālē); un līdzīgi būs arī jāuzskata savienojumi: *sezdanc vakars*, loc. *zem's gala* (Sveiciemā). Ģenitīvs apzīmē vielu: *miež' mill'* (Sveic.) vai stāv kā gen. epexegeticus: *latvaš tout* (Lm); arī pēc adjektīva *pilns*: *liep ir pil mēļ strazd's* (Lm.); *purs ir pils gatav uog's*⁸⁵ (Lp.); arī pēc *daudz*: *nou doudz krast's*; arī postpozīciju priekšā: *prāt' pē'c* (Sveic.). Un kā jau augšā teikts, sieviešu kārtas viensk. ģenitīvs (no pronōmeniem un personu vārdiem) pēc prepozīcijām un kā transitīva verba objekts stāv ne vien dienvidos, bet arī dažās ziemeļu izloksnēs: *es rēdz(u) viņ(a)s, māt(e)s*; *ar viņ(a)s, ar Ann(a)s* (Al., Um., LS, Stienē u. c.). Turpretim piederuma⁸⁶ ģenitīva vietā stāv visās ziemeļu un apkārtējās dienvidu izloksnēs datīvs: dat. s. *muņs* (= mūsu) *kungam* (LS, Ķirbižos); *uz tēvam nāv gaidit* (Kt. Viļķenos); *uz juņs* (= jūsu) *pus'*; *manc tēvam tēs* // (Kt. Drieliņos); loc. *šiem* (= šuo) *istaba* (Um. Tiegāžos); *tas nau muņs valuod* (Ld. pag.); *uz juņs mājam* (Pt. Pabažos); *pē'c zirgam barib*

93

⁸³ Salīdz. *ciķ katram tas duōdams* Lielsalacā. *Diēviš ari guōdu grib par maizites duodamiņ'* BW 1478 var., *Māriņ' ari guōdu grib par galdaut' aūzamiņ'* 1478 var. (Dundagā, Arlavā). *pakaļ dzenas bāleliņ' pa skujiņas biramiņ'* Ltd. 1803 (Valmierā); *svešame* (3231), *kuplamiņ', baltamiņ'* Ltd. 3696 (Rindā). Skat. Bielenstein LSpr. I 100, Bezzenberger Lett. Di.-St. 151. M.

⁸⁴ Ādažos: *dziesm's-grāmat'a*.

⁸⁵ Palaikam te pēc *pilns* gan stāv prepozīcija *ar*, un formas *strazd's, uog's* ir neskaidras; tas pats sakāms par *krast's* nākošā piemērā (nom.?).

⁸⁶ M. Piederuma ģen. šinis izloksnēs ļoti reti sastopams: *meit's dēls* Sveiciemā, *Jāņ^u māt'* Meķē, *up's krast* Limbažos.

(Stienē); *tas ir Miķelim cūk* (Mazstraupē); *nuo mums staciuna* (Lielstraupē). Vienskaitlī personālpronōmenu datīvi ieņem turpat posesīvo pronōmenu vietu: *vai tas teu* (= tavs) *nau* (Um. Tiegažos); *es seu* (= savā) *laika tuo nau redzeš* (Lm.); *man* (=manam) *vīram* (Carnikavā); *es sau mātei tuo teic* (Skultē). Pēc vajaga stāv te nōminātīvs: *kas juņš vajag* (Lm.) vai akuzātīvs: *kuo jums vajag* (Bīriņos); *man vajag kartupeļus* (Turaidā)⁸⁷. Pēc negācijas stāv ziemeļu izloksnēs viscauri un blakus (kā liekas, retākam) ģenitīvam arī dienvidu izloksnēs — akuzātīvs (subjekts arī nōminātīvā): *es nekuo nezin* (Sveiciemā); *jūs nerēdz tuo zirg* (acc. s., Pālē); *es tuo cilvėk^u* (acc. s.) *nepazist* (Turaidā); *es nekā negrib*; *man nau nekas* (Ld. pag.). Dēbitīva objekts ziemeļu izloksnēs, kā liekas, ja ne arvienu, tad ļoti bieži nostājas akuzātīvā: *sien jāpļauj* (LS, Lm.), *lin's jāmist* (Lādē); *juņš* (acc.) *jāsauc par cienigtēv'* (Stienē); arī Slokā: *jāatņēs pien^u*; bet: *tas tau jadar* (Skultē); *rudz^t jāpļauj* (Sējas m.). — No citiem locījumiem minēsīm piemērus lokātīvam⁸⁸: *gāj vīra* («apprecēja» Kt.); *isprēcēc vīra* (Nabē); instrumentālim: *man meit^a bij tād^u grūt^u slimīb^u* (Lielstraupē); akuzātīvam: *tuos laik^us* («toreiz», adverbīāli, Carnikavā un citur).

Prepozīcijas

Par sieviešu kārtas vienskaitļa ģenitīvu (no pronōmeniem un personu vārdiem) pēc prepozīcijām un par personālpronōmenu formām pēc prepozīcijām jau ir runāts. Visās ziemeļu izloksnēs (atskaitot Skulti, kur blakus akuzātīvam dzird retumis arī ģenitīvu) pēc visām prepozīcijām vienskaitlī stāv visnotaļ akuzātīvs: *nuo tuo kazak⁸⁹*; *pie tuo muiž*; *bes tuo zirg⁹⁰*; *nuo tuo pus*. Pārējās rietumu izloksnēs pēc ģenitīva prepozīcijām gan arī stāv blakus ģenitīvam vēl akuzātīvs, un Pēterupē, Lēdurgā, Straupes rietumdaļā ļoti bieži, — bet jo tālāki ejam uz dienvidu rītiem, jo retāki sastopam akuzātīvu pēc ģenitīva prepozīcijām: Salaspilī prepozīciju rekciija ir gluži tāda kā vidus izloksnēs. Arī dienvidos ļoti izplatīti, un arī dažās vidus izloksnēs sastopami, ir akuzātīvi *kuo, tuo* // pēc ģenitīva prepozīcijām: *beš kuo nebūs? beš tuo nau*. Kā vidus

94

⁸⁷ Tāpat arī Lielstraupē, Auciemā, Krimuldā. M.

⁸⁸ Lielsalacā lietojot, kā mums prāvests Šlaua kgs teica, māju vārdus daudzkārt vienskaitļa lokātīvā: *es bij Meilīte*; tāpat arī Linbažos. M.

⁸⁹ *dēļ tuo kaņ^u* Ungurpili. M.

⁹⁰ Formas *bez* (*bes*) vietā ļoti izplatīta forma *beš* (Kt., Lm., Lp., Pt., Ld., Str., Sg., Ad., Rp.).

izloksnēs, tā arī rietumu izloksnēs stāv pēc prepozīcijām arī datīvi *tam, kam* neutrālā nozīmē: *nuo tam* (Str.), *bes kam* (Slp.)⁹¹. Daudzskaitlī kā citur, tā arī rietumu izloksnēs pēc visām prepozīcijām stāv datīvs; tikai dažās dienvidu izloksnēs, kur vienskaitlī pēc dažām prepozīcijām palaikam stāv ģenitīvs, ir sastopams (blakus datīvam) arī daudzskaitlī pēc šīm prepozīcijām ģenitīvs: *beš zirgu* (Turaidā), *beš biksu, beš svārku* (Str. Stalbē, Auciemā; Sg.), *priekš Jāņu* (Turaidā, Sg., Str. Auciemā); visur te lieto arī, varbūt biežāki, datīvu⁹². — Arī rietumu izloksnēs ir pazīstamas konstrukcijas: *ar divi zirgi* (Krimuldā); *ar abi ausi* (Rp.); *par ab'* (Igatē); *beš trīs* (Igatē)⁹³.

Lēdurgā, Pēterupē, Skultē, Stienē, Nabē, Dn. Mangaļos prepozīcijai *uz* pēc komparatīviem ir nozīme «par»: *uz manīm vēcaks* (Ld.)⁹⁴. Slokā verbu saliktenos⁹⁵ (kā liekas, pastāvīgi) parādās forma *ūz*: *ūziet, ūzauguš', ūškāp's*.

Prepozīcija *da* ir rietumu izloksnēs gluži sveša, un, cik novērojām (mazākais dažās draudzēs), arī prepozīcija *iz*. Alojā, Lielsalacā, Katrīnā, Lādē, Igatē lietojama prepozīcija *apart*: *apart manīm*.

VĀRDNICAS DRUSKAS

avuotaja pļeva — Turaidā.

bezdeliņč (= *bezdelīga*) — Meķē.

brālneks (= *brālis*) — Viļķenē.

*dievs: soul' iet dieva*⁹⁶ (= *nuoriet*) — Kt. Viļķenos.

dzērdinat (= *dzirdināt*) — Lādē.

ērmuotig' (= *ērmuoti*) — Skultē.

klajs: jums visim klajim — Lp.

loc. pl. *lai[k]gadas* (= *svētkuos*) — Kt. Viļķenos.

liēluog^a (= *šķuomene*, «Schellbare») — Pt. Sējas m.

radums: nuo radum (= *n. dzimuma*) — Vecsalacā. //

rakalis (= *nebēdnis*, «Racker») — Ādažos.

95

⁹¹ *dēļ tam* Sveiciemā. M.

⁹² M. *piē vārtu* blakus *piē vārtiēm* — Ropažos.

⁹³ M. Sādas duāļa formas nav sastopamas vienīgi pēc prepozīcijām, bet daudzkārt arī kā objekts akuzatīvā, retāki kā subjekts nōminātīvā: *trīs vaj četri lapi* Bigauņciemā; *četri māji* Carnikavā, *divi luōdi* Pabažos. Salīdz. Becenbergera Lett. Di.-St. 143.

⁹⁴ *uz vietā* Igatē dzirdēju *ne: jūs labak atmin ne es*. M.

⁹⁵ M. Par salikteņiem ieminoties, jāaizrāda uz ievērojamo akuz. *jaļc-kung'* Tiegažos, dat. *liēlskuņgam*.

⁹⁶ M. Tāpat Sveiciemā; *diēv* Rozēnos.

rēbums (= *reibums*) — Skultē.

inf. *salēt*, praet. *man salej* (= *es salu*) — Sveiciemā.

skriet: up' *skrien* (= *tēk*) — Um.

tātiņč (= *tētiņš*) — Kt. Viļķenos.

tuodēļ (= *tuomēr*) — Pt. Pabažos⁹⁷.

viŗži (= *viŗši*, *Erica vulgaris*) — Dn. Mangaļos.

vidgalv' (= *galvas vidus*) — Nabē⁹⁸.

II

RŪJENES IZLOKSNES

A. Teksti

1. No *Ķoņiem* (Königshof); stāstītāja apmēram 70 gadus veca.

vecišam bi bērn', pļeci vai seši, un nu trūkums klāt, ne mair's kumuōsin'. un nu bēdajes, kuo nu būs darit; jāvēd nu ģuostin' mīesnekam. nu mīesneks pras, kuō grib par tūo ģuostin'; vecic sak: «kūo duōs, tūo duōs». tas mīesneks duō puik' viēn', vecic lai vēd uz māj'. nu atvēd māja. puik' papras, div' mair's lai duō, un ziŗdzin' a. ta brāuc tas puik' pļe smilš'kaīn' un ber tuōs mair's ab's div's pill's un brāuc uz dzīrnum un pras, vai dabu maīt. nedabu šuorēiz; puik' saciš, lai meīders duō samalt's. viņč⁹⁹ duō rudz's tama vļeta; aizvēd māja, nu ir mair' māja; nu vajag gaļ a dabut. nu rīta nūomīrst (scil. kaimiņu) saimēkam tēs, un ņes us klēt pruōm un liek uz dēl'. nu nakt' jāiēt gaļs tūkat; piēbrāuc pļe klēc un atlaūž dur's. stīn's piic gaļ's; ņem tūo gaļ un sava vēzma iekša. tas saimēk' tēs zeme guļ, un šis iēt klāt, ceļ sēd^a aukša tūo vec' un tūo gaļs šķiņķ' pļe zūobim vēčam un dūc' šaūa un ta brāuc māja. nu ir gaļ' māja, nu var ēst mair' un gaļ'. rīta iēt saimēks uz klēt', tēs sēž, gaļ's šķiņķ's zūobus, dūc's šaūa. saimēks sak: «nu jāiēt pļe mācitaj', vec's tik daūdz apēd's.» mācitaš a mudīks, ņem ķēv' un jā jāš's, kumēļenc a līdz'. nu aizjā un ta nu iēt uz klēt' svētīt tūo vec'. nu vēd iekša mācitaj' ballet, ķēv' piēsien pļe sēt's, un kumēļenc aiz klēt'. ta tas puik' tūo vec' āra un kaša vec' // kumēļam mugara un dūc' šaūa ar. un ta nu u(z)sēdin^a mācitaj' ziŗgam mugara; sāk mācitaš jāt uz māj' un kumēļenc nūo pakal's ar vec'. mācitaš kamēr līdz māj, tikam gaņdrīz bēikc.

96

⁹⁷ *tuodēļ kā zirgs kāl* — *tamdeļ, tadeļ* Nabē. M.

⁹⁸ Ceļojot esmu lielu daudzumu vārdu sakrājis; bet viņi formas ziņā nav sevišķi ievērojami, tāpēc viņi tiks citā vietā nodrukāti. M.

⁹⁹ *vinč*. M.

ta nu vajag piēn ar. istāisiš puik' laīdārzin' un ta gāš piē luōpim un sāt's bizinat, un luōp' bizu; več' gūov' skrien us sav' māj', un tās astuņ's gūov's nūo pakal's, un puik's laīdārzina tās gūov's iekša vis^as deviņ's. un tam puīkam peŕv' gatav', citam viēnad', citam uōtrad', un tām gūov'm visam rāibum iekša. nu miēsneks iēt meklēt, gūov's pazuduš^as; pras, vaj ir šūo māja. puik' preti: «nāu». nekūo darīt, miēsneks nepadzīkst (= nepazīst) sav's gūov's. nu ir māt'z^e māja un gal^a māja, piēnc a māja: nu var dzīgut.

2. No Arakstes (Arras); teicēja 72 gadus veca, dzīvo tagad Rūjenē.

man trejad' bālenin',
trejad' pūr^u kaīdinaj':
tēv^u brāl' dzēldz^u pūr',
māt^s brāl' sidrabin';
man' paš' bālelin'
zēlt^u vāk' liēdinaj'.

man' mīl' nābūrdzin',
vaj es nāc^u ķīvetes?
es nāc' jūs aplūkat,
sald^u al' padzertes. —
nāk miedzinc līgudam ...

āiz apluk' spēlejas
trīs' sīf^m' kumelin'.

kur tu aūg', smuk^a meit^a,
ka es tev' neredzej'?
vāi tu aūg' piē māmin',
vai māmin' pūrina?
es uzaūg piē bālin^a,
baīta ruož dārzina.

zinams man lin^u zem',
zinams lin' arajinc:
pura man lin^a zem',
kalpinc lin' arajinc.

gul', man' līgavin,
uz manam rūocinam!
kad miedzin' izgules,
tad es tev' muōdinas. //

celes, man' līgavin',
nu rūocin' nūogulēt'¹⁰⁰.

¹⁰⁰ nūogulēt'. M.

celes, man' līgavin',
neceles vaiņēdam':
tey es duoš kriķ"u maīt,
māsinam tīr"u rudz"u.

taut' dēlc man sūolij',
pīrkt man zēlt' gredzenin';
neienēm, nenūopīrk,
šķēlman vilt' valudin'.
nu jāiēt tāt celinc,
kur āūgdam nav staīgaš.

B. A p r a k s t s

Rūjenes draudzē (izņemot varbūt Ipiķus, kur, kā rietumu izloksnēs, pēc viena ipīķieša izrunas spriežot, neizšķīr krītošo akcentu no lauztā) izšķīr, kā Vidzemes vidus izloksnēs, lauzto, krītošo un stiepo akcentu; un tādā ziņā Rūjeni varētu pieskaitīt vidus izloksnēm. Savrup atšķirtas te ir Rūjenes izloksnes it sevišķi sava vokālisma dēļ. Visās neuzsvērtās sufiksu zilbēs¹⁰¹ saīsina palaikam visus diftongus un gaŗos vokāļus, pie kam kļūst *ā* par *a* (loc. s. *āra*), *ē* par *e* (loc. s. *zeme*), *ī* par *i* (inf. *darit*), *ū* par *u* (inf. *dabut*), *uo* par *u*¹⁰² (loc. pl. *zuobus*), *ie* par *e* (imper. *celes!*). Reizē ar to zūd īsie vokāļi pirmatnējās gala zilbēs un vai nu pavisam atkrīt, vai kļūst neskanīgi. — Diftongā *au* pirmais elements šur un tur stipri tuvojas *o*-vokālim: *taut'* (Arakstē). Arakstē dzird retumis arī vēl *uo* pārskanū: *uēgl's*. Parasta *a* vietā stāv *ę* formā: *ębulinc* (Arakstē). — Starp *n* (*ņ*) un *s* (*š*) ierodas *t*: *ganc*; tāpat starp *l* (*ļ*) un *s* (*š*): *dēlc*. Konsonants *l* pieņem, sevišķi Naukšēnos, bet arī citur, nereti stipri guturālu raksturu un pilnīgi līdzinās krievu cietam *л*: *pētd*, *pīlc*, *vēt*. Konsonanta *z* vietā stāv *dz* formās: III praes. *nepadzīkst* (Ķoņos), gen. pl. *dzēldz"* (Arakstē). Lieks *k* ieviesies formās: inf. *maīksit* (Naukšēnos), III praes. *nepadzīkst* (Naukšēnos), *maīks* (Ķoņos). Pēc *j* ir *s* kļuvis par *š*, un *j* pēc pirmatnēji gaŗa vokāļa izkritis: nom. *vęcaiš* (Naukšēnos), *mācītaš*, *staīgaš* (Ķoņos), *jāješ* (Arakstē). Lieks *s* ieradies formā: *skalķu pīp's* (Arakstē).//

Pronōmeni, adjektīvi, participi, kas attiecas kā predikāti vai atribūti uz sieviešu kārtas substantīvu, ļoti bieži nostājas vīriešu kārtā: *zinams man lin" zem* (Arakstē), *tas ābel, tie*

98

¹⁰¹ Zem akcenta gaŗums paliek: *tadīt* (Ipiķos). Arī tautasdziesmu tekstos vokālisms pilnīgāks kā ikdienas valodā.

¹⁰² Ipiķos šis *u* ir ļoti plats un *o*-vokālim līdzīgs.

drēbit's (Arakstē). — Vienskaitļa datīvam no *ja*-celmiem (nom. s. *-is*) ir galotne *-am*: *večam, vecišam*; viensk. lokatīvam no tiem pašiem celmiem galotne *-e*: *vadzite, šūpule* (Arakstē). Viriešu kārtas daudzsk. datīvam ir galotne *-im*: *pie zuobim* (Ḳoņos), *ar mēšlim* (Naukšēnos).

Dēminūtīviem no *a*-celmiem ir galotne *-inc*: *miedzinc*; fem. *-in'*: *ligavin'*. Konjugācijā trešās personas forma palaikam iejem arī citu personu vietu: *es izbakstis* (Arakstē), *es ies. mēs ies, jūs ies* (Ipiķos). Visai reti ir izņēmumi: *es duoš'* (Arakstē). Turpretim imperatīvā galotnes paliek: *rausim!* (Arakstē), *iesim!* (Ipiķos). — Infinitīvu izšķir no supīna: *nāc ēst!* *nāc pastaigatus!* un: *es grib ēst*; *es negrib pastaigates* (Naukšēnos); *nu var ēst*; un: *iet mēkļēt* (Ḳoņos); bet stāv arī infinitīvs supīna vietā: *veđ ballet* (Ḳoņos); *es nāc' ķivetes* (Arakstē).

Nereti sastop nedeklinējamu participu ar galotni *-dam*: *raveđdam ir labak*; *nāk miedzinc ligudam*; *kur āugdam nav staigaš* (Arakstē). — Kā modus relativus ir lietojami participi ar galotni *-am* (*-im*): *mākam, nākam, esim* (Ipiķos).

Pēc ģenitīva prepozīcijām stāv gan ģenitīvs, gan akuzatīvs: *pie klēc, pie sēt's* (Ḳoņos); un: *nuo Rīg'*; *nuo tuo gald'* (Ipiķos); *kūl bez nekād' ties'* (Arakstē); *aiz klēt'*; *bes tuo nau* (Ḳoņos). Personālpronōmeni pēc prepozīcijām pieņem arī instrumentāļa formu: *nuo manim* (blakus: *nuo man's*).

PAR LATVIEŠU VALODAS REFLEKSĪVĀM FORMĀM

[1901 RKr. XIII 13—22]

Savā kopdzīves laikmetā indoeiropieši bija attīstījuši formām bagātu valodu; vēlāki, rodoties augstākai kultūrai, šis cilts tautām vārdnīcas kļuva biežākas, gramatikas plānākas. Tā senais medijs ir zudis citai valodai agrāki, citai vēlāki: tas izrādījās lieks, kad viņa vietu sāka ieņemt aktīvās formas ar sevišķi (ar pronōmenu) izteiktu objektu. Slavju un letu¹ valodās šis objekts ir visām trim personām piederīgais refleksīvais pronōmens no sākuma brīvi kā sevišķs vārds nostatīts (kā vēl tagad poļu valodā), vēlāki ar verbu vienā vārdā saaudzis (piem., krievu un leišu valodās). Latviešu valodā brīvas vārdu kārtas atliekas ir vēl uzglabājušās tautasdziesmās, piem., *nuo sa skaņi gavilēju* BW 632, *ie sa man duomājās* BW 1085, 5, *ap sa pate duomājies* BW 4690 u. c. (Barons te ne visai pareizi raksta, piem.: «nosa—skaņi — gavilēju», it kā vārdi *skaņi, man, pate* būtu varmācīgi rituma dēļ nostatīti viena cita vārda vidū; tāda patvarība bija gan iespējama romniekam Ennijam, bet ne latviešu tautas dzejā, kas nepazīst nekādu *licentia poetica*). Minētos piemēros redzam vēl no verba šķirtu gan refleksīvo pronōmenu, gan (kā pie Homēra un senindiešu vēdās) prepozīciju. Bet šos brīvos konstruējumus uzglabājis vienīgi ritums, jo tagadējā latviešu valodā refleksīvais pronōmens vairs nevar no verba šķirties, bet nostājas tā sākumā vai beigās. Vidus izloksnē tagad šis pronōmens mēdz stāvēt tikai verba beigās, bet arī šai izloksnē atrodami verbi *sastapt, skaisties, izsalkt* (sal. Mūlenbacha DJ III 86), *izsamist, atspūsties* liecina, ka senāki visās izloksnēs (kā vēl tagad leišu valodā) pronōmens varējis arī verba priekšā stāties. Vēl tagad tas notiek (sal. Bīlensteina LSpr. 427. § un Becenbergera // Lett. Di.-St. 74) Kurzemes vakaros (Nīcā, Durbē, Dundagā, Popē, Slokā) un pie «augšzemniekiem» (Inflantijā, Lazdonā,

13

14

¹ [t. i., baltu. — Red.]

Cesvainē, Lubānā, Opekalnā u. c.)². Verbam priekšā stāvedams, refleksīvais pronōmens parādās formās *sa*, (*so*), *se*, *si*, *za*, *ze*, *s*; no šīm ir visuvecāka forma *si*, kas ir identiska ar leišu *si* un senbulgāru *si* un tautasdziesmās rituma uzglabāta stāv arī verba beigās (*sa-si-runāties*, *taisatie-si* Bilensteina LSpr. 427. §). Šis *si* ir vecs enklitiski lietāts datīvs un vēl tagad rāda šo nozīmi, piem., *daudz linu sapirkties* (= sev sapirkt), *auņies kājas* BW 713 u. c. (tāpat leišu valodā, sal. Kuršāiša Gr. 1395. §); bet leišu un latviešu valodās *si* ir piesavinājies arī akuzatīva nozīmi, piem., *mazgāties* (= sevi mazgāt), lei. *praustis*. Vokālim *i* atkrītot, rodas forma *s*, piem., *sa-s-tapt*, *s-kais-tie-s*) u. c. Latviešu valodā vokāļi *i* un *e* neuzsvērtās zilbēs bieži mainās ļoti līdzīgas izrunas dēļ (piem., *apinis* — *apenis* BW 2680, 2, *dibins* — *dibens*, *zibins* — *zibens*, *zuobins* — *zuobens*; substantīvu sufiksos *-inieks* — *-enieks*; verbu galotnē *-ināt* — *-enāt*³, piem., *ēdenāja* BW 3360¹ var., *spidzenāja* BW 2127, 1 var.); tā arī *si* ir dažreiz izvērties par *se*. Šo formu gan nemin ne Bilensteins, ne Becenbergers, bet viņu uzrakstītais *ze*, kas bez šaubām cēlies no *se*, mums ļauj domāt, ka *se* vēl tagad jeb mazākais senāki ir lietāts⁴. No šī *se* tad laikam ir cēlusies forma *sa* (piem., *iz-sa-mīst*), visupirms ar prepozīciju *sa*-saliktajos verbos caur asimilēšanos (*sa-sa-tikt* no *sa-se-tikt*)⁵, vēlāki no turienes pāriedama arī verbos, kas savienoti ar citām prepozīcijām. No *se* un *sa* ir beidzot dažās izloksnēs cēlušās formas *ze* un *za*, konsonantam *s* pārvēršoties vokāļu starpā par *z*, kas nereti notiek, piem., // *atnezi* (= atnesi), *mozīnu* Becenbergera Lett. Di.-St. 27 (= māsiņu), *Cāzūs* 29 (= Cēsis), *nozīs* 74 (= nāsis)⁶. Caur formu izlīdzināšanos *za* jeb *ze* atrodas dažreiz arī verba sākumā jeb arī

15

² Te jāpiemin, ka uz tautasdziesmām nevar atsaukties, kad runā par to, vai vēl kādā apgabalā pronōmenu mēdz nostādīt verbam priekšā: Valmieras apkārtnē, piemēram, to vairs nemēdz darīt, bet tomēr Bilensteina izdotās tautasdziesmās Nr. 1869 no Valmieras lasām formu *nuosapirka*, kas tur vairs nav dzirdama.

³ Ka pamata forma ir *-enāt*, to liecina formas *audzan'* BW 1874, 1, *spidzanāt* BW 2127 var. un vokāļa *e* platā izruna verbos *ēdināt*, *tecināt* u. c., kas sastopama Kurzemes ziemeļos (sal. Bilensteina LSpr. 42. lpp.) un Vidzemē (piem., ap Valmieru). Dažu apgabalu šaurais *e* šos verbos ir tāpēc vēlāki cēlies.

⁴ *se* ir sastopams uz Kursu kāpām: *nosedēvis*, *nusedurīes* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 69).

⁵ Līdzīgu asimilēšanos redzam vārdos *kristības* — *krustubas* (sal. Bilensteina LSpr. 116. §).

⁶ Arī citi neskanīgie (tenues) konsonanti dažreiz vokāļu starpā pārvēršas par skanīgiem (mediae), piem.: *apužā* (= *apa(k)šā*), *vaiņagi* (|| *vaiņaki*), *apagaļ* (= *atpakaļ*), *amadā* (= *amatā*).

pēc skanīga konsonanta, piem., *zasukoj* (= sukājas), *ai(z)-zamirst* (= aizmirsties), bet, kā rādās, nekad pēc neskanīga konsonanta (sal. Becenbergera Lett. Di.-St. 74). — Verbam priekšā pronōmens latviešu (kā arī leišu) valodā mēdz stāvēt tikai ar prefiksu savienotos verbos (piem., *sa-sa-viju*, *ne-sa-meti*); tikai retumis ir sastopamas no saliktajiem verbiem abstrahētas formas: *skaisties*, *za-sukoj*, *sa-av* (= avās) Bīlensteina LSpr. 427. §, kuņās pronōmens vienkāršam verbam nostājies priekšā (sal. leišu *silsētis*). Viegli izskaidrojams pleonasms ceļas, kad pronōmens stāv ir verba sākumā, ir beigās, piem., *sa-si-runātie-s*, *s-kaistie-s*. Pronōmenam verba beigās nostājoties, ir radušās formas, kuņas tagadējai valodas apziņai neliekas vairs saliktas, bet vienkāršas fleksijas formas un prasa izskaidrojumu no valodnieka. Par šīm refleksīvām formām ir gan jau rakstījuši Dr. Bārs (Mag. IV 1, 49) un Bīlensteins (Mag. IX 2, 31 un LSpr. 343., 426. §), bet abu raksti par šo lietu gandrīz nekam neder. Dr. Bārs, piem., saka, ka refleksīvās formas ceļoties, pieliekot aktīvai formai zilbi *as*, un ja tā beidzas ar konsonantu, starp konsonantu un *as* vēl vienu *i* (*ceļamies* = *ceļam + i + as*), un izdeklinē pēc šī recepta refleksīvos substantīvus ar galotni *-šanās*, *-ējies*, *-ājies* un prēzenta un prēterita participus visos locījumos! Bīlensteins piesavinājas Dr. Bāra teoriju, bet drusku šaubās, vai visi locījumi tautā ir tiešām sastopami. Bet nav jābrīnās, ka šie vīri, nebūdami valodnieki, šai ziņā tik lieliski alojušies, kad ir tagad, dzimušiem latviešiem, ir iespējams ar vārda parakstu nodrukāt tādas ērmu formas, kādas ir *sapulcējušamies* dat. plur. (Balt. Vēst. 1898 Nr. 72, Egloniets), *atruoduošies sēklas* (K. Grasmanis Tēvijas turp. par bišk. 1894 III 17), *vēlētumuos* (T. Jauna Raža I 187) u. c. Tagadējie valodnieki gan vispāri ir atzinuši, ka, refleksīvam pronōmenam piestājoties verba beigās, verba galotnes nekādi neizvēršas, bet paglabā savu seno veidu⁷, vairs nestāvēdamas vārda beidzamā zilbē, bet visas lat-//viešu valodā sastopamas refleksīvās formas nav vēl pienācīgi izskaidrotas, un analogijas vara ir arī šīs formas dažreiz tā pārvērtusi, ka der tās visas pārrunāt. Vienskaitļa pirmā persona refleksīviem verbiem tagad vienmēr beidzas ar *-uos*; atskaitot prēteritu un Bīlensteina X un XI klases verbu prēzentu, kur *-uo* iestājies vecāka *-au* vietā (sal. leišu *sukaus* un *mataus*), šis *-uo* ir veca galotne (= grieķu un latiņu *-ō*), kas aktīvās formās tagad saīsināta par *-u* (*griežu* no *griežuō*). Gļūtāki ir izskaid-

⁷ Arī iepriekšējas zilbes refleksīvās formās dažreiz paglabā gaŗu vokāli: esmu dzirdējis (ap Valmieru) *cināmies*, bet *rakstam* u. c.; bet arī *rakstāms* u. c.

rojama galotne *-ies* vienskaitļa otrai personai. Sagaidāmas galotnes *-(a)s(i)* vietā aktīvās formās atrodams vienīgi *-i*, izņemot *e(s)-si*; šis *-i* ir dažādi uzskatīts, bet ticams ir tas izskaidrojums (sal. Brugmaņa Grdr. II 1344), ka *-i*, formā *e(s)-si* par galotni noturēts (*esam : esi = nesam : nes(i)*), pārgājis no turienes uz visiem citiem vārdiem. Bet kas šis *-i* formā *esi* īsti ir? Ar *-i* iekš grieķu *essi* un indiešu *asi* tas nevar būt identisks, jo īsais *i* latviešu valodā ir gala zilbēs citur izzudis, un refleksīvo formu *-ies* te var būt cēlies vienīgi no *-ais* jeb *-eis* (formu izlīdzināšana caur analogiju te nav domājama). Ja tāpēc ievērojam senbulgāru *jesi* (kas var būt cēlies no *essai*) un prūšu *assai*, tad varam arī domāt, ka latviešu *esi* arī ir medija forma, kas cēlusies no *e(s)sai*. Refleksīvo formu *-ies* tātad ir cēlies no *-ais*, atskaitot prēteritu un Bīlensteina X un XI klases verbu prēzentu, kur *-ies* cēlies pa daļai (dažu verbu prēteritos) no *-eis*, pa daļai no *-ais* (sal. leišu *mateis, sukais, matais*). Šo *-ais* esmu ap Valmieru arī vēl dažreiz dzirdējis, piem., *kuo tu didais!, skatais* (Bīlensteina XI klases verbos)⁸. Trešai personai letu valodās tagad vienskaitlī un daudzskaitlī tā pati galotne. Iemesli šim apstāklim nav vēl atrasti. Gluži neticams izklausās J. Smita izskaidrojums (KZ XXV 595), ka par cēloni tam esot bijusi forma (*viņš, viņi*) *ir(a)*, kas esot īsteni vecs substantīvs *ira* «būšana», un Brugmanis (Grdr. II 1350) dibina hipotēzi uz hipotēzes, teikdams, ka senāki letu valodās tāpat kā grieķu valodā ar verbu izteikts predikāts sekojis vienskaitlī tādām subjektam, kas bijis daudzskaitlī nostādīts neutrālā dzimuma substantīvs, un ka tad vēlāki savienojies verbs vienskaitlī arī tādām daudzskaitlī esošam subjektam, kas ir vīriešu jeb sieviešu kārtas substantīvs. Bet ka minētais grieķu valodas likums pa-//stāvējis arī letu valodās, to neviens nevar pierādīt. Man liekas, ka iemesls ir meklējams kondicionāļa formās. Kā leišu valodā vēl skaidri redzams, kondicionālis ir cēlies, supīnam ar galotni *-um* savienojoties ar sevišķām verba *būt* formām: *mēs grieztum = leišu suktum-bime, jūs grieztu = leišu suktum-bite* (arī latviešu valodas gramatika Dispositio Imperfecti no 1732. gada vēl pazīst formas *mēs celtubem, jūs celtubet*). Trešā personā *suktu* (*viņš, viņi grieztu*) parādās supīns bez kādas galotnes ir vienskaitlī, ir daudzskaitlī, un še laikam no paša sākuma trešās personas daudzskaitlis ne caur ko nav izšķīries no vienskaitļa, būdams bez galotnes (sal. indiešu futūra III personu *dātā =*

⁸ Līdzīgas formas esot arī vēl Smiltē dzirdamas un ir sastopamas arī Fūrekera valodā, piem., *darais* (Lieder und Psalmen 1671).

«(viņš) devējs» = «dos», *dātāras* = «(viņi) devēji» = «dos»). No kondicionāla tad abu skaitļu vienība trešā personā varēja viegli arī citur ieviesties. Katrā ziņā tagadējā III personas galotne ir īsteni piederīga vienskaitlim (daudzskaitlim piederēt, ko apgalvo J. Šmits KZ XXIII 358 un Haberlandts Wiener SB C 967, — tā nevar viegli noprotamu loģisku un formālu iemeslu dēļ, jo *nesant* latviešu valodā nevarēja kļūt par *nes(a)*) un ir īsteni veca injunktīva forma (sal. Brugmaņa Grdr. II 1276 un 1350 un Videmaņa Handb.), izņemot dažus verbus (piem., *iet, sēs-t-as* ar galotni *-t(i)*). Tātad tagadējās aktīvās formas (*viņš*) *griež(a), zina, dara* ir cēlušās, konsonantam *-t* atkritot (sal. lat. *movet, legit* un poļu *pisze* «raksta», *czyni* «viņa dara» u. c.) no *grieža-t, zinā-t, darā-t*, un refleksīvās formas *griežas, (sa)zinās, darās* te atkal ir paglabājušās seno galotnes vokāli (bet arī *saiet-a-s*). Tikai tagad galotne *-ās* no Bilensteina X un XI klases verbiem pāriet arī uz citiem verbiem un varbūt arī otrādi. Arī prēterita refleksīvās formās, piem., *trūkās, cēlēs* (beidzamās šķiras verbos gan tagad pa lielākai daļai ir *ē* vietā *ā* iestājies), ir senais vokāļa gaņums (*trūka* no *trūkā(t)*, *cēle* no *cēlē(t)*). Futūra forma trešai personai arī ir vecs injunktīvs: *cels* ir radies no *celsi(t)*, galotnes *i* ir atrodams vēl leišu valodā un mūsu tautasdziesmās, piem., (*viņš*) *duosi* BW 4559. Leišu valodā tāpēc arī trešās personas refleksīvai formai futūrā ir galotne *-is* (*suksis* «griezīsies»), bet latviešu valodā tagad te parādās galotne *-ies*, kas radusies caur analogiju pēc (*tu*) *celsi* — *celsies, ceļam(i)* — *ceļamies, ceļat(i)* — *ceļaties, celt(i)* — *celties, ceļuot(i)* — *ceļuoties*. Tikai retumis (ja nemaldos, no piebaldzēniem) esmu vēl dzirdējis veco galotni *-is*, piem., *viņš celsis*. Refleksīvo // formu I un II personai ir daudzskaitlī galotne *-ies* (*ceļamies, ceļaties*), kas cēlusies no *-ais*, kā rāda prūšu *-mai, -tai*, piem., *druvemai* «ticam», *druvetai* «ticat», kur diftongs *ai*, laikam patapināts no vienskaitļa (*asmai* «esmu», *assai* «esi»; sal. Brugmaņa Grdr. II 1355), iestājies vecāko galotņu *-me* un *-te* vietā. Šī galotne *-ies* laikam arī leišu valodā senāki bijusi sastopama (sal. Becenbergera BGLS 193 un 196). Nepareizi tāpēc Zubatijs (Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds) vēl spriež, ka tautasdziesmās sastopamo formu *darāmi* un *darāti* galotnes *-mi* un *-ti* esot tikai vēlāki radušās, pēc refleksīvo formu galotnēm *-mies* un *-ties* darinātas, kur *ie* esot *ē* vietā iestājies caur formu izlīdzināšanos pēc viensk. II personas un infinitīva parauga. Galotnes *-mi* un *-ti* ir pēc latviešu valodas skaņu likumiem cēlušās no *-mai* un *-tai*. Bet augšzem-

niekos (kuŗi lietā arī dažas citas formas, kas citiem latvieŗiem ir sveŗas, bet parastas leiŗiem, sal. Becenbergera Lett. Di.-St. 67—79) ir arī vēl sastopamas formas ar galotnēm *-mēs* un *-tēs*, piem., *ŗķiritēs* BW 4886, 9, *dolitēs* BW 5208 (sal. Becenbergera Lett. Di.-St. 73), kuŗu pamats ir, zināms, aktīvo formu galotnes *-me* un *-te*. Arī Dispositio Imperfecti pazīst formas *celtubemes* un *celtubetes* ar tām pašām galotnēm. Beidzot ir sastopamas arī formas ar galotni *-tās*, piem., *ŗķirietās*, *skatietās* Becenbergera Lett. Di.-St. 39, kas var būt senā duāļa galotne (sal. *eita* un leiŗu *sukatōs*; par to ir runāts BB II 268). Supīnam tagad aktīvās formās ir galotne *-tu*, refleksīvās *-tuos*; gan vecos leiŗu tekstos ir sastopamas ŗādas supīna formas *butuo*, *eituo* (sal. BB 213), bet kondicionāļa formās redzam paglabātu vecō supīna formu ar galotni *-tum*, un leiŗu valodā refleksīvo verbu supīnam ir tikai galotne *-tuŗ* (*-tum* varēja izvērsties tikai par *-tu*, ne par *-tuo*), kāpēc tagadējā galotne *-tuos* refleksīvu verbu supīnā un ar supīnu identiskā kondicionāļi ir laikam iestājusies vecākās galotnes *-tūs* vietā pēc citu formu parauga (*grieŗu* — *grieŗuos*, *kauŗanu* — *kauŗanus*, *celtu* — *celtuos*). Daŗi gramatiķi (Bīlensteins, Stērste) māca, ka refleksīvo verbu kondicionāļa I un II personai esot daudzskaitļi galotnes *-tumies* un *-tuties*. Bet es ŗaubos, īpaŗi par pēdējo, vai tauta ŗādas galotnes tieŗām pazīst; varētu būt, ka ŗie gramatiķi ir tās paŗi darinājuŗi pēc aktīvo formu galotnēm *-tum* un *-tut* (ja tik arī ŗi galotne *-tut* ir tautai pazīstama); katrā ziņā galotnes *-tum* un *-tut* nav nekādas vecās, bet cēlušās jaunākos laikos pēc citu laiku parauga (*rāda* — *rādām* = *celtu* — *celtum*). Tagadē-//jai infīnītvā galotnei *-t* ir atkritis vokālis *-i*, kā rāda mūsu tautasdziesmas un leiŗu valoda; ŗis *-i* ir gan saīsināts no vecāka *ie* jeb *ei* (sal. Brugmaņa Grdr. II 1413 un Vīdemaņa Handb. 122), bet tas noticis laikam ļoti agri, jo leiŗu un retumis arī vēl latvieŗu valodā (sal. Bīlensteina LSpr. I 202) refleksīvo verbu infīnītvam ir galotne *-tis*⁹. Galotne *-ies* laikam ir vēlāki pieņemta no citām formām (*celsiti* : *celsities* = *celti* : *celties*). Tas pats ir sakāms par participu ar galotni *-uot*; arī te ir pēc *-t* atkritis *i* (veca datīva galotne), kas saīsināts no *ie*, un arī te ir leiŗu valodā vēl refleksīviem verbiem galotne *-is*; tāpēc tagadējā latvieŗu valodas galotne *-ies* (*ceļuoties*) laikam nav vis paglabājusi seno diftongu *-ie* (kā sprieŗ Velme RKr. III 16), bet arī caur formu izlīdzināŗanos iestājusies vecās galotnes *-is*

⁹ Sal. tomēr AfslPh. XIX 343.

vietā. Par participu ar galotni *-am* refleksīvos verbos *-amies* ir jau Velme (turpat 28) pareizi izteicies, ka šīs formas ir veci akuzātīvi un refleksīvos verbos tāpēc īsteni sagaidāma galotne *-muos*, kas arī tautas gara mantās vēl atrodama: *es izdzirdu ganu puisī baramuos* (Трейланд нар. п. 233). Tagadējo galotni *-ies*, zināms, ir radījusi citu formu analogija (*ceļuot — ceļuoties, ceļam — ceļamies*). No prēzenta participa ar galotni *-uots* varētu no refleksīviem verbiem gan dažus locījumus darināt (gen. sing. *atruoduošās*, acc. s. *atruoduošuos*, nom. pl. *atruoduošies*, gen., acc. pl. *atruoduošuos*), un mūsu rakstnieki to arī dara, bet tautas valodā tas nenotiek, un tāpēc tādas formas no rakstu valodas izskaužamas. Rupjas kļūdas ir, zināms, aktīvas formas no refleksīviem verbiem, piem., loc. plur. *atruoduošuos* (no *atrsties*) (Vinters Balt. Vēstn. 1898; sal. arī rakstu Valodas pareizības virzieni Balt. Vēstn. 1898 Nr. 120) jeb arī šādi savienojumi: *atruoduošies sēklas* (K. Grasmanis Tēv. turp. par bišk. 1894 III 17). No participiem ar galotni *-dams* ir gluži parastas refleksīvās galotnes *-damies* vīriešu un *-damās* sieviešu kārtai. Beidzamā galotne ir vienskaitlī cēlusies no *-damā-s(i)* (tagadējā vienskaitļa nōminātīva galotne *-a* ir saīsināta no *-ā*, sal. nom. sing. *labā*) un daudzskaitlī no *-damās-s(i)* (dauzskaitlī tāpēc īsteni būtu rakstāmi divi *s*, piem., *rādīdamāss*, ja mēs turētos pie vēsturiskas ortografijas), bet ar laiku starpība ir zudusi. Galotne *-damies* ir daudzskaitlī cēlusies no *-damie-si(i)* (sal. *labie*), bet vienskaitlī *-damies* nevarēja celties no *-dama(a)s-si*, bet būtu sagaidāma galotne *-damas(si)*, un leišu valodā ir arī sastopamas tā cēlušās formas, piem., *keldamasi, džiaugdamasi* (sal. Vīdemaņa Handb. 135). Bet reflek-/sīvo nōmenu deklinācijā galotne *-as* bija gluži izolēta, sieviešu kārtā vienskaitlis bija līdzīgs daudzskaitlim, prēterita participu viensk. nōminātīvam bija galotne *-ies* (piem., *cēlies*), tāpēc galotnes *-as* vietā iestājās īstenā daudzskaitļa galotne *-ies*. Participiem ar galotni *-ams* (piem., *ceļams*) nav refleksīvu formu, bet gan no refleksīviem verbiem ir daži participi bez refleksīvās galotnes, piem., *bīstams* no *bities, vēlamie (teikumi)* no *vēlēties* (Mūlenbacha Teikumā 29). Prēterita aktīvam participam vīriešu kārtas vienskaitlī ir refleksīvā galotne *-ies*: aktīvo formu galotne *-is* ir saīsināta no *-ies*, un *-ies* ir cēlies no *-ens*, kā rāda leišu valoda, kurā tagadējā galotne *-ēs* ir cēlusies no *-ens* (vecos leišu tekstos ir vēl sastopama šī galotne, piem., *padarens* «padarījis», sal. Becenbergera BGLS 160). Refleksīvā galotne *-ies* tāpēc šē nav nekāda «vokāļa spēcīnāšana» (kā spriež Velme RKr. III 33), bet ir

paglabājusi seno diftongu, celdamās no *-ies-s(i)* (tātad atkal īsteni jāraksta galā divi *s*, piem., *cēlties*). Daudzskaitļa nōminātīva galotnē *-šies* ir, zināms, atkal paglābies senais galotnes diftongs *ie* (cēlies no *ai*). Sieviešu kārtas viensk. nōminātīvam ir tagad galotnē *-sies*; aktīvo formu galotne *-i* te ir cēlusies no gaŗa *ī* (ko māca radu valodas), tāpēc galotne *-sies* ir te sagaidāmas galotnes *-sis* vietā ieviesusies no citām formām, kuŗās aktīvo formu galotnei *-i* stāvēja līdzās refleksīvā galotne *-ies* (refleksīvā galotne *-is* bija pavisam izolēta). Daudzsk. nōm. galotne *-šās* ir likumīgi cēlusies no *-šās-s(i)*. No šī participa ir ar refleksīvo galotni retumis sastopami arī viensk. un daudzsk. ģenitīvs (*-ās, -uos*) un akuzatīvs (*-uos*), kuŗos atkal tikai uzglabājies senais diftongs jeb gaŗais vokālis, sal. Bīlensteina Mag. XI 2 (nepareizs ģenitīvs ir aiz *uzmuodušuos nuojēguma* Mūlenbacha Teikumā 45). Datīvu pati tauta ar refleksīvo galotni gan nelieto, un ja to darītu, tad piekārtu vīriešu kārtā konsontantam *-m* galotni *-ies* (*ienākušiemies* Olte Prakt. piezīm. biškopjiem 24). Bet mūsu rakstu valodā spokoŗas daudzsk. datīvi ar galotni *-šamies* (*saderinājušamies*); «Valodas pareizības virzienu» autors (Balt. Vēstn. 1898 Nr. 120, turpat sakrāti piemēri) nosauc tādas formas par neveiklām, bet viņas ir rupjas kļūdas (no aktīvā *-šiem* nevar iznākt refleksīvs *-šamies*). Nedrīkst arī no refl. vērbiem darināt participus ar aktīvu galotni; «Valodas pareizības virzienu» autors (turpat) gan citē tautasdziesmu *saulītē cēlušai ieduod maizes gabaliņ'*, teikdams, ka *cēlušai* te atvasināts no *cēlties*, bet, iekām runājam par kļūdu nesabojātā tautasdziesmā, labi // ir jāapdomājas: ja ievēro, ka leišu valodā (sal. Kuršaiša Gr. 297) *kelti* bieži nozīmē «cēlties» un latviešu *palikt* ir leitiski *pasilikti* (daŗreiz arī *palikti*), tad drīkstam domāt, ka senāki arī latviešu vērbam *celt* ir bijusi intransitīva nozīme. Bet ko darīt, kad vajadzīgs refleksīva vērba datīvs? «Valodas pareizības virzienu» autors (turpat) atļauj tad refleksīvo pronōmenu nostādīt (kā izloksnēs) starp prefiksu (ja tāds ir!) un vērbu (no *izcēlties* dat. plur. *izsacēlušiem*). Bet, ievēdot rakstu valodā izloksnes formas, kas atšķiŗas no rakstu valodas formām un ir tautas vairumam sveŗas, ceļas mākslota valoda, kuŗai agrāki jeb vēlāki (kā latīņu valodai) jāizmirst. Labs rakstnieks tāpēc zinās savus teikumus arvien tā konstruēt, kā var iztikt bez šiem datīviem. Esmu arī no prēterita pasīva participa dzirdējis refleksīvas formas, piem., *nu ir diezgan liksmuoties* «jetzt hat man sich genug gefreut» (no kāda gulbenieŗa), bet tās ir nepareizi darinātas, reti sastopamas un

nav ciešamas. No refleksīviem verbiem ir latviešiem arī substantīvi. Parasti ir substantīvi ar galotni *-šanās*, no kuņiem bez nōminātīva lietā vēl ģenitīvu un akuzātīvu (*celšanuos*, *celšanās*), kur refl. pronōmens ir paglābis seno galotni. Datīvam un lokātīvam nav sevišķu refleksīvu galotņu; labā valodā tāpēc šie locījumi nav lietojami, ja arī tautā kādreiz tos dzirdētu ar to pašu nōminātīva galotni *-ās*. Daudzskaitlis sava nojēgumā dēļ no šiem vārdiem nav lāgā domājams (galotnes varētu būt nōm. *-ās*, ģen. *-uos*). Retāki sastopami ir substantīvi ar galotnēm *-ējies*, *-ājies*, *-tājies*. Daudzsk. nōminātīva galotne ir tiem likumīgi darināta (*klausītājie-s(i)*), bet vienskaitlis *-ies* ir patapināts no citām formām (*mīlējies*, *mīlējies*, *klausītāj(i)s*, *klausītājies*). Sieviešu kārtai ir galotnes *-ējās*, *-ājās*, *-tājās*, kas visas pareizi cēlušās. Bez nōminātīva ir vēl iespējami ģenitīvs (*-ās*) un akuzātīvs (*-uos*). Beidzot tagadējā rakstu valodā (arī pie Velmes Austr. 1898. g. III burtn. un Mūlenbacha Teikumā 29) parādās arī substantīvi ar galotni *-umies*. Tautā šādas formas laikam nemaz nav pazīstamas nevienā locījumā, jo par viņām nerunā ne Bārs, ne Bilensteins, ne arī Becenbergers savās «Lettische Dialekt-Studien», kas taču tur stāsta, ka kāds Pētersona kungs viņu iepazīstinājis ar substantīviem ar galotni *-tājies*. Vienskaitļa nōminātīvs pie tam nepareizi darināts (no *-um(a)s-s(i)* nevar celties *-umies*), bet tas jau varētu būt cēlies pēc citu formu parauga (*rādīdams*, *rādīdamies* = *lūgums*, *lūgumies*), bet tautas valoda, kā rādās, šādu nepareizību neattaisno, un tāpēc ņemos apgalvot, ka labā latviešu valodā substantīvi ar *ga-//lotni -umies* nav ciešami. Tie ir laikam cēlušies tai laikā, kad uzsāka pa labai daļai nedibinātu karu pret galotni *-šana*, un ir arī gluži nevajadzīgi (Mūlenbachs Teikumā 29 raksta: *ja savu vēlējumuos izsacīdami, sagaidām*, kur taču *vēlēšanuos* būtu jāsaka, pat ja galotne *-umies* būtu pareiza, turpat sastopams arī formāli nepareizs (kā liekas, vienskaitļa) ģenitīvs *skubinājuma un vēlējumuos tuvās ruobežas*; daži pat šos substantīvus nedeklinē, piem., *daži nuo viņas vēlējumies* Balt. Vēstn. 1898 Nr. 117).

ЗАМЕТКИ К ЛАТЫШСКОЙ АКЦЕНТОВКЕ

[1901 Изв. VI 4, 140—149 un atsevišķā novilkumā 1—10]

- 140 (1) Латышский язык, в сравнении с литовским, вообще не особенно важен для исследователей древнейшей истории индоевропейских языков: большая часть форм ла. языка восходит к таким более древним формам, какие еще доньше употребительны в лит. языке. Среди немногочисленных особенностей ла. языка, важных для восстановления форм индоевропейского праязыка, первое, быть может, место занимает его акцентовка. Имею при этом, конечно, в виду не словоударение, обыкновенно наначальное, но троякое слогоударение. Разные статьи, до сих пор написанные по этому предмету, оставляют еще много неразъясненных вопросов, особенно по истории ла. акцентовки. Гирт, в сочинении об индоевроп. ударении, и Беценбергер в рецензии этой книги Гирта (ВВ XXI) не достигают удовлетворительных результатов, потому что основывают свои исследования на системе двоякого слогоударения, господствующей в грамматике Биленштейна и в словаре Ульмана, между тем как эта система образовалась из более древней системы троякого слогоударения и поэтому мало годится для исторического изучения ла. акцентовки. Американец Шмидт-Вартенберг в статье «Phonetische Untersuchungen zum lettischen Akzent» (IF X 117—144) говорит о всех трех слогуударениях, но обращает при этом внимание только на их произношение и, не вдаваясь в // их историю, приходит к превратному заключению (стр. 144), будто бы нисходящее ударение по большей части развилось из прерывистого. Фортунатов начал в Филологическом Вестнике (XXXIII 252—297; здесь идет речь о прусском ударении) сочинение об акцентовке балтийских языков, но ожидаемое продолжение о латышском ударении, сколько мне известно, еще не явилось. Почти одновременно с моею статьею «Über den lettischen Silbenaccent» (ВВ XXV 259—274), где указываю на исторические соотношения между ударениями литовским
- 141 (2)

и латышским, опубликовал П. Шмидт обильный сборник материалов под заглавием «Троякая долгота в латышском языке» (Сборн. LXVII). К последним двум статьям сделаю здесь некоторые заметки.

Троякую «долготу» гласных¹ П. Шмидт в упомянутой статье приписывает уже индоевропейскому праязыку; это, однако, ничем не обоснованная и даже вполне невероятная догадка, так как акцентовки других индоевр. языков указывают лишь на двоякое слогуударение праязыка, и даже теперешнее троякое слогуударение ла. языка следует возвести к более старинной системе двоякого слогуударения. Двоякое слогуударение индоевр. праязыка немецкие языковеды обыкновенно обозначают терминами литовской грамматики «Stoßton» и «Schleifton», приписывая таким образом слогуударениям индоевр. праязыка качества лит. слогуударений. Такое отождествление, однако, ничем не оправдывается: литовскому «Schleifton» (ударению восходящему)² соответствует нисходящее ударение в ла. и в сербском яз.; а литовскому «Stoßton» (ударению нисходящему) соответствует восходящее ударение в греческом и, по всей очевидности, также в славянских языках (ср. р. *vorbna*, срб. *vjètar*; лит. *várna*, *vėtra*). Какое право имеем тут еще предполагать, будто бы литовский язык по преимуществу сохранил качества слогуударений индоевр. праязыка? Ввиду этой несообразности терминов «Stoßton» и «Schleifton» для индоевр. праязыка я в упомянутой статье своей (не познакомившись в то время еще с упомянутым сочинением Фортунатова, который тут говорит о «длительной» и «прерывистой» долготах индоевр. праязыка) заменил их терминами «акутованная» и «циркумфлектованная» долготы, руководствуясь

142 (3)

¹ Путем экспериментальных исследований Шмидт-Вартенберг пришел к заключению (стр. 144), что нет никакой количественной разницы между отдельными слогуударениями ла. языка; поэтому не следует говорить о троякой «долготе» (в смысле слогуударения), потому что такая терминология легко может привести к недоразумениям.

² Весьма странно утверждение П. Шмидта: «gestoßener Ton» и «geschliffener Ton» в литовском языке, как известно, одно и то же, что латышские нисходящая и прерывистая долготы. Это ни известно, ни даже верно: произношение прерывистого ударения в родном говоре П. Шмидта мало походит на литовский «Schleifton». Другое дело в некоторых восточных говорах ла. языка, представителем которых у Шмидта-Вартенберга является г. Розенек (стр. 137 и 138): последний проявляет при произношении слогов с прерывистым ударением «eine Expirationsbewegung, wie sie dem litauischen geschleiften Ton eigen ist».

142 (3)

соображением, что в литовском и в греческом яз. акут (´) обозначает исторически тождественное слогуударение (ср. гр. поп. s. *καλή* : лит. *geró-ji*), подобно тому как циркумфлекс это делает в литовском, греческом и сербском языках (ср. ген. pl. гр. τῶν : лит. *tū*; асс. s. лит. *rañka*; срб. *rūku*). Названия эти сами по себе не высказывают ничего определенного о свойствах индоевр. слогуударений, да и трудно сказать в этом отношении что-нибудь определенное; зато эти термины не вызывают никаких неверных представлений. Если же говорить с Фортунатовым о «длительной» и «прерывистой» долготы индоевр. праязыка, то термины ла. грамматики «*Dehnton*» и «*Stoßton*» (которым у П. Шмидта соответствуют термины «длительная» и «прерывистая» долготы) приходится передавать по-русски уже другими выражениями. Я же здесь буду употреблять термины «длительная» и «прерывистая» долготы всегда в смысле П. Шмидта. — Итак, первому периоду пралатышского языка, имеющему еще вольное слогуударение, приписываю долготы акутованную и циркумфлексованную. Затем же, все еще в пралатышском языке, произошла оттяжка слогуударения: оно приблизилось на один слог к началу слова, как и в сербской штокавщине и в некоторых литовских говорах (ср. статью Явниса в «Поневежском уезде», стр. 137; там же речь и о причинах этой оттяжки, которые действовали, по всей вероятности, и в ла. языке). С того времени общелатышский язык имел уже тройное слогуударение. Циркумфлексованные долготы произносились с нисходящею интонациею; те акутованные долготы, которые искони имели на себе слогуударение, произносились с длительною интонациею, а те акутованные долготы, которые получили слогуударение только вследствие упомянутой оттяжки слогуударения, произносились первоначально, вероятно, с восходящею интонациею (ср. возникновение восходящей интонации в штокавщине и в баритонничающих литовских говорах), как до сих пор еще в верхнелатышских говорах приходив Лэзерн, Тирзен, Фетельн, Эрлаа, Берзон, Кальценау, Фестен, Кокенгузен (в Лифляндии), Сецен, Зальвен (в Курляндии: должно быть, и в некоторых других соседних верхнелат. говорах, с которыми я еще не познакомился). В прочих верхнелатышских и, кажется, во всех нижнелатышских говорах вместо восходящей интонации теперь является прерывистая интонация. Это тройное слогуударение сохранилось,

сколько мне известно, только в среднелатышских³ говорах лифляндских приходов Вольмар, Вальк, Эрмес, Вольфарт, Руен, Залисбург, Буртнек, Папендорф, Трикатен, Смильтен, Роннебург, Зербен-Дростенгоф, Венден, Арраш, Юргенсбург, Лембург и курляндских приходов Нейенбург и Лутринген (и, вероятно, еще в некоторых соседних говорах, мне теперь еще не известных; в приходах же Кирхгольм // и Тальсен слышится только двоякое слогуударение, а не троякое, как ошибочно мною сказано ВВ XXV 261). Во всех нижнелатышских говорах западной (приморской) Лифляндии и у большинства нижнелатышских говоров Курляндии (напр., в приходах Кандау, Тальсен, Шмарден, Доблен, Жукст и др.) теперь слышатся только долготы длительная и прерывистая; нисходящая интонация в этих говорах приуподоблена прерывистой. Во всей западной Лифляндии и в части нижнелатышских говоров Курляндии (напр., в приходах Доблен, Шмарден и др.) прежняя разница между интонациями нисходящею и прерывистою сказывается, однако, еще в следующем явлении: в сочетаниях *ar* и *er* перед следующим согласным гласные *a* и *e* долги, если слог первоначально имел нисходящую интонацию (напр., *dārgs* «дорогой»), а коротки (напр., *dārbs* «работа»), если слог уже в общелатышском языке имел прерывистую (или восходящую) интонацию. В других нижнелатышских говорах Курляндии исчезла и эта количественная разница: так, напр., в приходе Жукст и *dārgs* произносятся с коротким *a*, и, наоборот, в приходе Кандау и *darbs* с долгим *a* (ср. также ВВ XXV 272). В ла. литературном языке в этих сочетаниях пишется короткий гласный при прерывистой интонации (так как литературный язык основывается на среднелатышских говорах, соблюдающих упомянутое правило), и поэтому литературные формы *wehrgs* (= *vērgs*) «раб», *gahrds* (= *gārds*) «вкусный», *bahrjs* (= *bārgs*) «грозный» следует считать провинциализмами: во всех нижнелатышских говорах Лифляндии эти три слова правильно (при прерывистой интонации) произносятся с коротким гласным. — Во всех, кажется, верхнелатышских говорах (по крайней мере во всех, с которыми я успел познакомиться, напр., во всех говорах, имеющих вместо прерывистой интонации — восходящую) имеются теперь также только две интонации —

³ «Среднелатышские» говоры входят у меня в состав нижнелатышских говоров.

прерывистая (или восходящая) и нисходящая: длительная интонация в этих говорах приуподоблена нисходящей. В своей статье // ВВ XXV 262 я еще высказал предположение, будто бы в этих говорах различаются еще до некоторой степени долготы длительная и нисходящая; теперь, познакомившись на месте и подробнее с этими говорами, я должен это отрицать. Как бы переходную ступень между среднелатышскими говорами с тремя слогуударениями и верхнелатышскими говорами с двумя слогуударениями занимают среднелатышские говоры лифляндских приходов Икскуль, Сунцель и Ленневарден. В этих говорах слышатся еще все три интонации — прерывистая, длительная и нисходящая, но слоги с длительной долготой произносятся также весьма часто, и притом в устах одного и того же лица, с нисходящею интонациею; напр., слово *māte* «мать» произносится там то с длительною, то с нисходящею интонациею. Мне не удалось открыть никакого правила в этом отношении; может быть, что положение слова в предложении оказывает иногда некоторое влияние на качество интонации: так, например, в устах ленневарденской уроженки случилось слышать сочетание *tēvu-tēvi* «отцы отцов» (деды) с длительною интонациею слога *tē-* в первой форме, а с нисходящею — во второй форме.

После отяжки слогуударения в пралатышском языке слова с акутованным коренным слогуом, имевшие вольное слогуударение, произносились с длительною интонациею коренного слога в тех формах, где этот слогу искони имел над собою слогуударение, а при «передневторичном» слогуударении этого слога — с восходящею (или позже с прерывистою) интонациею: напр., им. п. един. ч. *galva* «голова́» с восходящею интонациею слога *gal-*, а вин. п. *galvu* «го́лову» с длительною, ср. ВВ XXV 268. Со временем, однако, совершилось обобщение одной из обеих интонаций, в большинстве случаев — восходящей (прерывистой), реже — длительной. Иногда в одних говорах восходящая (прерывистая) интонация взяла верх над длительною, в других говорах — длительная над восходящею (прерывистою); так, например, глаголы *iet* «идти», // *dzert* «пить», *ņemt*⁴ (*jemt*) «взять» в среднелатышских говорах Лифляндии произносятся с прерывистою интонациею, а

⁴ Форма *ņemt*, может быть, — продукт контаминации форм *jemt* (в западной Лифляндии и Курляндии) и *ņemt* (в руенском говоре).

во многих говорах западной Лифляндии (напр., в Пернигельском приходе) — с длительною интонацией. — Слова, производимые от корня с акутованною долготою, теперь обыкновенно все имеют в коренном слоге или длительную интонацию, или прерывистую (восходящую); от некоторых корней, однако, сохранились и формы с длительною, и формы с прерывистою интонацией, напр., *bailes* (с прер. инт. слога *bai-*) «боязнь», но *baidit* (с длит. инт. слога *bai-*) «пугать» и др. — Слово *šķists* «жидкий» (с прерывистою интонацией) получает длительную интонацию при переносном значении «целомудрый». — В своей статье ВВ XXV 271 я высказал предположение, будто бы от акутованных корней никогда не производятся формы с нисходящею интонацией; и этому не противоречат формы, приведенные Беценбергером в примечании к этому месту, именно *š aust* «сечь розгами», *š autit* (с тем же значением), *š autnieki* «секучие» (люди), так как эти слова на моей родине (только *š autit* мне неизвестно, но на нисходящую интонацию корня, очевидно, указывает орфография этой формы в словаре Ульмана: *sch autiht*) правильно произносятся с нисходящею интонацией коренного слога. Беценбергер, очевидно, взял эти примеры из словаря Ульмана, где первый из приведенных глаголов пишется *schaust*, и по орфографии Ульмана дифтонги, не обозначаемые особым знаком, имеют все длительную интонацию. Такое негативное обозначение интонации, однако, неудовлетворительно: лексикографу нередко приходится приводить формы, интонация которых (напр., устарелых или областных слов) ему неизвестна, и если на это обстоятельство не указывается (чего Ульман не делает), то читатель иногда приходит к превратному заключению, что данное слово имеет длительную интонацию. Так и в слове *š aust* Ульман, вероятно, // или не знал слогоударения, или забыл поставить знак ударения. В этом отношении следует пользоваться словарем Ульмана весьма осторожно. — Зато П. Шмидт в своей статье приводит некоторые формы с нисходящею интонацией от акутованных корней, а именно: *stāds* «рассада», *stāvs* «рост» (от *stādīt* «сажать», *stāvēt* «стоять» с акут. корнем), *tauki* «жир» (от *tūkt* «пухнуть» с прер. инт.; но также *tukt* «пухнуть» и *tuklis* «дородный» с коротким коренным гласным!), *spēks* «сила» (от *spēt* «мочь» с длит. инт.). Что же касается других примеров Шмидта, *sirgt* «хворать» я произношу с нисходящею интонацией и *sēja* «посев» — с длительною; а *vārit* «варить»

142 (10)

(2) 511

147 (8)

с нисходящею интонацією корня (к *virt* «кипеть» с прерывистою инт.) заимствовано, может быть, из русского языка. Но в громадном большинстве случаев мена слогуударения происходит в том смысле, что от циркумфлектованных корней производятся (многосложные) формы с длительною интонацією, напр. *braukt* «ехать» (с нисх. инт.), а *braukāt* «ездить» (с длит. инт. корня), и др. Подобная мена слогуударения встречается и в сербском языке: *mlād* — *mlādōst*, *grād* — *grādovi*, *nrāce* — *nrāseta* и др. В этом переходе циркумфлекса в акут иногда в разных говорах заметно колебание, вызываемое влиянием родственных форм. Так, например, производные глаголы *taisit* «делать» и *gaidit* «ждать» (на моей родине) и *raibit* «заговаривать» (у Шмидта) произносятся с длительною интонацією в коренном слоге по правилу о переходе циркумфлекса в акут; а по аналогии циркумфлектованных простых глаголов **tiest* (ср. лит. *tiēsti* «прямить»), **dzeist* < **geisti* (ср. лит. *geisti* «желать»), *riebt* «заговаривать» слышится и нисходящая интонация в глаголах *taisit*, *gaidit* (у Шмидта), *raibit* (у меня). Интонация (длительная) производного глагола иногда оказывает влияние на интонацию простого глагола; так, например, по аналогии произв. глагола *gruozit* «вертеть» (с длит. инт. коренного слога) произносится около Вольмара простой глагол *griest* «вертеть» также с длительною // интонацією, а у Шмидта правильно с нисходящею интонацією. — Значительное разнообразие интонаций заметно и в некоторых местоименных формах. Так, например, вин. пад. ед. ч. *tuō* «тот» или «того» или «ту» и *kuō* «кого» или «что» около Вольмара произносятся с нисходящею интонацією; а в западной Курляндии (напр., в приходах Тальсен и Кандау) только *kuō* произносится с прерывистою интонацією (заменяющею собою там, как во всех прочих случаях, нисходящую инт.), *tuō* же — с длительною интонацією. Я объясняю себе это следующим образом: в праязыке форма муж. рода для асс. sing. **tom* имела циркумфлекс, а форма женского рода **tām* (ср. греч. τήν) — акут; из обеих форм потом в ла. языке получилось *tuō*, с нисходящею инт. в муж. роде, а с длительною инт. в женск. роде. Затем в вольмарском говоре обобщена форма муж. рода, а в западной Курляндии — форма женского рода. От местоимения же *kas* «кто» или «что», очевидно, уже очень рано форма мужского рода стала употребляться и в смысле женского рода, и поэтому вин. п.

этого местоимения и в западной Курляндии произносится с прерывистой (< нисходящей) интонацией.

Дат. п. множ. ч. *tums* «нам» и *jums* «вам» произносятся с прерывистой интонацией в вольмарском говоре (соответственно, вероятно, литовским instr. pl. *tumìs, jumìs*), с нисходящей интонацией у Шмидта (соответственно литовским dat. pl. *tùms, jùms* < *tùmus, jùmus*), с длительной интонацией в приморской Лифляндии (последние формы — с длит. интонацией — образовались, может быть, из более древних **tūms, *jūms* с длит. интонацией, ср. относительно долготы и др.-пруссские dat. pl. *noumans, ioumans*, и относительно ударения ла. пом. pl. *mēs, jūs* с длит. интонацией, и лит. gen. pl. *mūsų, jūsų*).

Что касается интонаций неударяемых слогов, то я в своей статье ВВ XXV 260 уже сказал, что в неударяемых слогах длительная и нисходящая интонации совпадают // в одну, более похожую на нисходящую, чем на длительную. Шмидт же в этом отношении не выказывает никакой последовательности и пишет (неправильно, по моему мнению), например, окончания для dat. s. *-ai, -ei* с нисх. инт., а окончание для пом. s. *-ais* с длит. интонацией, или *irdans* (чит. *irdanc*) «рыхлый» с нисх. интонацией, а *drigants* (чит. *driganc*) «буян» с длительной интонацией конечного слога. И в говоре П. Шмидта вряд ли будет в таких случаях какая-нибудь разница интонации.

Позволю себе, наконец, короткую заметку о способах обозначения разных слогуударений. Употреблять те или другие знаки ударения, — в конце концов, конечно, дело вкуса и конвенции, но употреблять горизонтальную черточку для обозначения длительной интонации, как это делает П. Шмидт, все-таки неудобно в научных сочинениях, потому что таким знаком обыкновенно обозначается долгота гласных и в грамматических сочинениях часто приходится обозначать одну долготу без качества интонации. Впрочем, мы оба, П. Шмидт и я, писали свои статьи почти одновременно и независимо друг от друга, и следствием этого было, к сожалению, то, что каждый из нас обозначает разные интонации иным способом.

ИНДОЕВРОПЕЙСКОЕ УДАРЕНИЕ

[1902. Pirmpublicējums¹]

- 1 В литературе этот предмет обработан, кроме разных журнальных статей, Гиртом в сочинении «Der indogermanische Akzent». Вполне познакомиться можно, конечно, только с ударением живых языков; из современных языков индоевропейского племени в этом отношении особенно важны балтийские и славянские (русский, сербский, а также словинский, болгарский, кашубский и, по отношению к слогуударению, также чешский язык). Но до некоторой степени можно установить также систему ударения древних языков. Так, о некоторых языках (древнеиндийском, греческом, латинском) имеются сведения грамматиков; на место слогуударения указывает метрика (в германском и отчасти в латинском); она же указывает и на слогуударение (растяжение циркумфлектованных долгот в веде и авесте) и на ударение в целом предложении (аллитерация в германском). Имеются затем и акцентованные тексты в древнеиндийском, греческом и древневерхненемецком (Notker). Наконец, на основании наблюдений над живыми языками можно делать заключения об ударении праязыка.

Под ударением подразумевается или усиление голоса (экспираторное или динамическое удар.), или повышение голоса (музыкальное удар.). Обыкновенно усиление голоса сопровождается повышением его, но в разных языках преобладает то музыкальное, то экспираторное ударение. Для той эпохи индоевроп. праязыка, когда происходило сокращение слабоударяемых слогов (напр., *ei > i*, *eu > u* etc.), следует предположить экспираторное ударение. Затем, однако, по крайней мере на востоке, стало преобладать музыкальное ударение, на что указывает музыкальное

¹ [Rokraksts atrodas (ar šifru 402-1-30705) Igaunijas PSR Centrālajā Valsts vēstures arhīvā Tartu. — Red.]

ударение древнеиндийского и древнегреческого языков. Усилением и повышением голоса выдвигается или часть целого предложения (тогда говорим об ударении предложения), или часть (слог) слова (словоударение), или часть слога (слогоударение).

Слогоударение. Индоевроп. праязык имел длительные (по терминологии Фортунатова) и прерывистые, или акутованные и циркумфлексованные, долготы. На это указывает особенно соответствие между греческим и литовско-славянскими языками, напр.: ном. s. *καλή* : лит. *geró-ji*, ла. *tā*; ном. pl. *καλοί* : лит. *gerie-ji*, ла. *tiē*; ген. s. *καλῆς* : лит. *gerōs*, ла. *tās*; III s. optat. *ἔχοι* (что -οι здесь имел циркумфлекс, показывает отношение loc. s. *οἴχοι* : *Ἰσθμοῖ* к ном. pl. *οἴχοι* : *καλοί*) : лит. *te-sukiē*; лит. *vařnas* : р. *вóрон*, срб. *vrān*; лит. *vārna*, ла. *vārna* : р. *ворóна*, срб. *vrāna*. Следы слогоударения в древнеиндийском и в зендском находят в том явлении, что долготы, имеющие в других языках циркумфлекс, в веде и авесте являются, по указанию метрики, двусложными, напр.: асс. s. вед. *gām* (> *gaam*), ав. *gām* : гр. βῶν; асс. s. вед. *dyām* (> *dyaam*) : греч. Ζῆν; ген. pl. на -ām (ав. -qm) > -aam : гр. -ῶν. Далее, усматривают следы разного слогоударения в германском праязыке: циркумфлексованные долготы конечных слогов в готском сохраняют свое количество (напр., ном. s. *raþjō* : лит. *akmiō*; ген. pl. *tuggonō* : лит. *tū*, ла. *tūo*, греч. τῶν), между тем как акутованные долготы в том же положении сокращаются (напр., ном. s. *giba* : гр. γιρή; ном. s. *hana* : гр. ἀηδῶν; I s. *baira* : лит. *sukiō-s*), за исключением односложных слов, напр. ном. s. *sō*. Полагают, что циркумфлексованные долготы имели 3 моры, а // акутованные долготы — 2 моры; впрочем, 2 относительно латышского языка Шмидт-Вартенберг экспериментальным путем установил, что нет никакой количественной разницы между акутованными и циркумфлексованными долготами. С некоторой вероятностью можно полагать, что акут был свойствен искони долгим гласным и долгим двугласным, циркумфлекс же — кратким двугласным и долгим гласным, происшедшим или путем слияния двух гласных или тем, что долгие двугласные потеряли свой второй компонент (напр., ном. s. гр. βῶν < **gūōim*; гр. ном. s. ἀηδῶν : лит. *akmiō*). Как в праязыке произносились акутованные и циркумфлексованные долготы, с точностью не знаем. В греческом, в славянских, в латышском и прусском языках акут произносится или произносился как восходящее

ударение, в литовском же — как нисходящее (ср. р. *ворона* : ла. *vārna* : лит. *vārna*; срб. *vjētap* : лит. *vėtra*, ла. *vētra*). Циркумфлекс в греческом получается путем слияния двух гласных, из которых первый имел словоударение (напр., *τρεις* < *τρέες*), что указывает на то, что циркумфлекс произносился как ударение нисходящее. С нисходящим ударением произносятся циркумфлектованные долготы также в славянских языках (р. *ворон*, срб. *vrân* : лит. *vařnas*; срб. *snijeg* : лит. *sniėgas*, ла. *sniegs*), в латышском и в прусском языках, а в литовском с восходящим или, в жемайтских говорах, с восходяще-нисходящем ударением. В греческом для сравнения по отношению к слогуударению годятся только конечные слоги, так как слогуударение неконечных слогов там зависит уже от специально греческих законов. — В сербском исконные акутованные долготы под словоударением сократились (напр., *vrāna* : лит. *vārna*), циркумфлектованные же долготы сохранились с нисходящим ударением (*vrân* : лит. *vařnas*). Обратное явление встречаем в чешском языке.

Словоударение. Словоударение в индоевроп. праязыке было совершенно свободно, т. е. могло стоять на каком угодно слоге слова. Вернее остальных языков сохранили словоударение индоевроп. праязыка древнеиндийский и германский праязык. А именно, как указал датский ученый Вернер, в германском праязыке спиранты *s*, *þ*, *x*, *f* после неударяемого гласного перешли в звонкие *z*, *ð*, *z*, *þ* (напр., гот. *fadar* < **faðér* : гр. *πατήρ*, др.-инд. *pitā*; гот. *broþar* < **brōþōr* : гр. *φράτωρ*, др.-инд. *bhrātā*; др.-верхненем. I s. *praet. ward* : др.-инд. *vavārta*; I pl. *wurtum* < **uurdumé* : др.-инд. *varvrtimā*). И это нам показывает, что словоударения древнеиндийского и прагерманского языков обыкновенно вполне совпадают, стало быть, верно сохранили словоударение индоевроп. праязыка. Общим правилом праязыка можно считать то, что в сложных словах то слово, которым другое определялось, произносилось с более сильным ударением, напр.: др.-инд. *á-kṣitas*, гр. *ἄ-φιτος*, р. *не-люб*; гр. *Δέος-κοῦρ*, *Δέος-δοτος*, латин. *decem-viri*, древневерхненем. *gottes boto*, р. *пять-десять*, *двѣ-сти*, *трѣ-ста*, лит. *dū-šimtu*, *trj-šimtai*; др.-инд. *prā-ttiṣ*, гр. *πρό-δοσις*, латин. *dé-nui*, древневерхненем. *án mir*, лит. *tār-p-mūris*, р. *о-коло* и др. — Зват. падеж, если вообще имел словоударение (что бывало только в начале предложения), произносился с ударением на первом слоге

(ср. др.-инд. *pitar*, гр. *πάτερ*, *ἄδελφε*, малор. *сѣстро*, чак. *сѣстро*, др.-лит. *àkmuo*). — В древнеиндийском ударяемый слог имел на себе *udāta*, следующий за ним слог — *svarita* (нисход. удар.), все прочие слоги — *anudāta*. Самостоятельное *svarita* возникает, если *i(y)*, *ú(v)* перед гласным переходят в *y*, *v* (в веде этого обыкновенно еще не бывает), напр.: *mitri(y)as* > *mitryàs*, *sú(v)ar* > *svàr*; впоследствии и перед этим *svarita* возникает *udāta*: *mitryas*. Самостоятельное // *svarita* получается также слиянием: *diviiva* из *diviiva*, *sòdhamàs* из *sòadhamàs*. Индийское словоударение часто еще совпадает с греческим, насколько в греческом не действовал закон, что ударение должно стоять на одном из трех последних слогов: вед. *saptá* : гр. *ἐπτά*; пом. pl. *pádas* : гр. *πόδες*; gen. pl. *padám* : гр. *ποδῶν*; gen. s. *jánasas* : гр. *γένεος* (но gen. pl. *jánasām* : гр. *γενέων* из **γενέσων*). В зендском некоторые звуковые явления показывают нам место словоударения: пом. s. *vāhrkō* : др.-инд. *vṛkas*, асс. s. *kəhrpəm*, между тем как последняя форма, принимая частицу *ča*, является в виде *kərpəmča* < *kṛpəmča* (ср. латин. *arma*, но *armá-ve*). Звуковые явления армянского языка (сокращение или исчезновение *i*, *u*, *ē*, *oi*, *ea* в слогах, предшествующих первоначальному предпоследнему слогу, напр. gen. s. *dster* из *dustéra^o/es*) показывают, что словоударение помещалось в праармянском яз. на первоначально предпоследнем (теперь уже последнем) слоге. — В албанском яз. теперь словоударение по большей части стоит на коренном слоге, но иногда и на суффиксе (напр., *nerí* «муж»). В греческом, кроме упомянутого закона о помещении ударения на одном из трех последних слогов, действовали еще другие законы: *oxytona* с дактилическим исходом превратилось в *ragoxytona* (напр., *ῥόλος* < **ῥυλος*, ср. *παχυλός*; *ἐρρωμένος*, ср. *τεισαρμένος*); спондеические *oxytona* перешли в аттическом в *ragoxytona* (напр., *ἔως* < **ῥως*: ион. *ῥός*). В лесбийском произошла оттяжка словоударения по мере закона о помещении ударения на одном из трех последних слогов (напр., *πόταρος* : атт. *ποταρός*), а в дорических говорах замечаем передневторичное ударение (напр., *ἐλάβον* : атт. *ἔλαβον*, *αἶγες* : атт. *αἶγες*). — В древнеиталийском языке произошла оттяжка словоударения к начальному слогу (как показывает выпадение и изменение гласных, напр. *dexter* из **dēxiteros*, *conficio* из *cōnfacio*); но в начале исторической эпохи в латинском является уже новая система акцентировки

(*légère*, но *legisti*); у Плавта, по указаниям метрики, еще сохранилось начальное ударение в словах типа *facilius* (напр., *facilius*); вследствие слияния или отпадения конечного гласного потом встречается и ударение на конце (напр., *tantón[e]*, *illic[e]*, *audit* < *audivit*, *nostrás* < *nostrátis*). Акцентовка пракельтского яз. нам неизвестна; гельская ветвь указывает на начальное ударение, британская ветвь — на ударение над исконно предпоследним слогом. — В германском после действия Вернерова закона возникла начальная акцентовка. — Из славянских языков вполне свободное словоударение сохранили русский яз. и чакавщина срб. языка; а в штокавщине произошла оттяжка словоударения на один слог к началу слова, вследствие чего возникло новое восходящее ударение (напр., *gláva* : р. *голова́*, *жéна* : р. *женá*). До некоторой степени вольное словоударение показывают также болгарский, словинский, полабский, кашубский языки; в чешском, словацком и в лужицком ударение всегда на начальных, в польском — на предпоследних слогах. — В литовском вольность словоударения ограничена 2 законами: 1) если за слогом без акутованной долготы следует долгота акутованная, то последняя получает словоударение (напр., ном. s. *žōdis*, но instr. s. *žodžiù*, ср. *gerúo-ju*; I s. *vežù*, ср. *sukúo-s*, но III s. *vēža*); 2) если рядом стоят 2 акутованные долготы, то первая из них получает словоударение (напр., gen. s. *galvōs*, но instr. s. *gálva*, ср. instr. *gerá-ja*). В прусском, по исследованию Фортунатова и Бернекера, было еще вольное словоударение. В латышском произошла // оттяжка словоударения к началу слова, вследствие чего акутованные долготы под задневторичным словоударением стали произноситься в одних говорах с восходящим, в других — с прерывистым слогуударением (напр., ном. s. *galva* : лит. *galvà*, но *kāja* : лит. *kója*).

Ударение в предложении. Уже в индоевроп. праязыке некоторые слова всегда были энклитическими, напр. *que* (др.-инд. *ca*, гр. *τε*, латин. *que*, гот. *-h*), также некоторые местоименные формы, напр. др.-инд. *mē*, *mā*, гр. *μοι*, *με*, лит. *mi*, срб. *ми*, др.-польск. *mie* < **mě* (= др.-инд. *mā*). Также *verbum finitum*, за исключением положения в начале предложения, было часто без самостоятельного словоударения, так после существительных и иногда после наречий, напр. др.-инд. *ní padyate* (в главных предложениях *á-bharam*, гр. *ἔφερον*, *πρόσ-λαβέ* (рядом с *λαβέ*), латин.

nē-scio, лит. *nē-nešu*); но рядом встречаем также тип *nī pādyaṭe* (в придаточных предложениях в древнеиндийском). В греческом встречается еще энклитические формы глаголов *εἰρή* и *φρή*. На энклитическое положение глагола в латинском указывает *igitur* из *agitur*, возникшее в сочетаниях, как, напр., *quid agitur?*

4/V 1902.

DRUSKAS IZ VALODNIECĪBAS

[1902 Jaunības Draugs I 15—16, IV 118, V 150]

maize

- I 15₁ Vārds *maize* cēlies no tās pašas saknes, kuŗu sastopam vārdā *miezis*, kas leitiski skan *miežis* (kur latviešu valodā//
- I 15₂ stāv *z*, tur leišu valodā — *ž*). Šī vārda *ie* ir cēlies no senākā *ei* (tas latviešu *ie*, kam stāv līdzās leišu *ie* jeb *ei*, palaikam cēlies no senāka *ei*; citos gadījumos mūsu *ie* cēlies no senākā *en*, kas leišu valodā paglabāts: *pieci* — pa leitiski *penki*; mūsu *c* cēlies no mīkstināta *k*). Maiņa starp *ai* un *ei* (jeb // *ie*) ir ļoti bieži sastopama radniecīgos vārdos: *salīdzini*, *piemēram*, vārdus *steigties* un *staigāt*, *skriet* un *skraidīt*, *liet* un *laistīt*, *griezt* un *graizīt*, *sviest* un *svaidīt* u. c.
- I 16₁

Vārds *maize* vispirms būs apzīmējis tikai miežu maizi. Ķa kādu labību un tās graudu izgatavojumu nosauc ar tās pašas saknes vārdiem, to redzam ir citos piemēros: krievu *хлеб* apzīmē gan labību, gan maizi; mūsu vārds *duona*, kas leišu valodā apzīmē maizi, pilnīgi saskan ar senindiešu *dhânâ* «labība». Tagad nu gan mums pazīstama ne vien miežu maize, bet arī, un pat lielākā mērā, rudzu un kviešu maize. Šī paplašinātā nozīme vārdam *maize* ir vēlāki radusies un izskaidrojama laikam ar to, ka mieži ir bijuši pirmā labības suga, ar kuŗu mūsu senči iepazinušies; vēlāki aizmirsa vārdu *mieži* un *maize* radniecību, un kad pastarpām iepazīnās arī ar rudziem un kviešiem, tad sāka nosaukt par «maizi» arī cepumu no rudzu un kviešu graudiem. Romiešu rakst-//nieks Plīnijs (dzīvoja pirmā gadusimtenī pēc Kristus) saka savā «Dabas vēsturē», ka mieži ir visvecākais pārtikas līdzeklis. To nu gan nevarēs pierādīt par Eiropas dienvidiem, kur ļoti agri sastopam arī kviešus. Bet arī tur mieži piederēja katrā ziņā pie visvecākām labības sugām (arī miežu dzimtene meklējama dienvidos, starp Kaukazu un Persiju, kur tie vēl tagad aug paši savā vaļā). Miežu putra un plāceņi bij visparastākā barība senajiem grieķiem, un par senajiem vāciešiem stāsta jau Romas vēstur-

I 16₂

nieks Tacits (ap 100 gadu pēc Kr.), ka tie dzēruši no miežiem pagatavotu šķidrumu (alu). Līdz ar kviešiem atrod miežus jau izrakumos no akmeņu laikmeta, tas ir, no tiem seniem laikiem, kad cilvēki vēl pagatavoja visus savus rīkus un ieročus no akmeņiem un kauliem. Rudzi un auzas tikai vēlāki parādās vēsturē. Eiropas ziemeļos vēl tagad mieži ir vienīgā labības suga maizes iegūšanai. }

manta

IV 118₁

Latviešu valodā savienojums *an* ir paglābies tikai patskaņu priekšā (piem.: *manīt*, *ganīt* u. c.); citur tas ir pārvērties par *uo* (piem.: *ruoka* — leitiski *ranka*). Ja *manta* būtu īsts latviešu vārds, tad tam vajadzētu skanēt *muota*; jādoma tāpēc, ka latvieši patapinājuši vārdu *manta* no kādas citas tautas, pēc tam kad senais savienojums *an* jau bija kļuvis par *uo*. Vārds *manta* laikam ir cēlies no latīņu *moneta* (kas nozīmē naudas gabalu), tāpat kā vācu vārds *Münze* «naudas gabals». Vārdu *moneta* senie latvieši var būt dzirdējuši no pašiem romniekiem, kas brauca uz Baltiju dzintara pirktu ar savām zelta «mone-tām» (arī leišu *auksas* «zelts» laikam tad pat cēlies no latīņu *aurum* jeb senāka *ausom* «zelts»); bet var šis vārds būt nokļuvis pie latviešiem arī caur citu (vācu) tautu vidniecību. Latviešu valodā tad ir zudis *e* starp // *n* un *t* (tāpat kā vārdos: *ēr[g]lis* — lei. *erelis*, *pelni* — lei. *pelenai*, *dzelzs* — lei. *geležis*), un mūsu valodai svešais patskanis *o* pārvērsts par *a*. Arī nozīme šim vārdam latviešu valodā paplašināta: *manta* vairs nav naudas gabals, bet viss kāda cilvēka piederums; līdzīgi gotu valodas *skatts* apzīmē naudas gabalu, bet vācu valodā tas pats vārds skan *Schatz* un apzīmē mantu. Pieminēšu vēl kādus vārdus par to, kā latīņu *moneta* kļuvis pie nozīmes «naudas gabals». Romnieki savai dievei Jūnōnai bija devuši nosaukumu *moneta* (no vārda *monere* «atgādināt»; *moneta* būtu tad īsti tulkojams «atgādinātāja»: Jūnōna esot romniekiem atgādinājusi dažas labas lietas; vārds *monere* cēlies no tās pašas saknes *men-*, no kuņas latviešu *minēt* un *manīt*). Šai *Juno Moneta* tad nu Romā bij uzcelta sevišķa svētnīca; šai svētnīcā izgatavoja Romas valsts naudu, un šis naudas gabalus nu arī sāka saukt par *moneta*.

IV 118₂

pieдруokne

pieдруokne (kā runā ap Sloku, Jelgavu, Sabili, Džūksti u. c.) jeb *pieдруoka* (Stienē, Dundagā) ir salikts vārds, kuņa

V 150₁

otrā daļā atrodam vārdu *ruoka*. Pirmā daļā gan laikam meklējams tagad izmiris vārds *pieđa* jeb *pieđe*, kas laikam patapināts (kā arī daži citi nosaukumi apģērba daļām) no ģermāņu valodām: gotu *paidda*, senvācu *pfeit*, sensakšu *peda* apzīmē svārkus. *pieđuokne* jeb *pieđuoka* tātad īsti ir *pieđas* (svārku) roka (*ruoka* vēl tagad dažās // izloksnēs nozīmē «pieđrokni»). Modes zūd un līdz ar tām piederīgie vārdi; kad «svārki» bija izskauduši senāko «pieđu», arī pats vārds *pieđa* gāja zudumā. Bet līdz ar to saliktenis *pieđuokne* kļuva tautai nesaprotams, un tā izskaidrojams, ka šis vārds izloksnēs dažādi pārgrozīts: *pieđuoksne* (Remtē), *pieđuorkne* (Saldū), *pieđuokne* (Lutriņos), *pieđuokne* (Kursišos), *pieđuorkne* (Valmierā u. c.), *pieđuokne* (Vallē), *pieđuikne* (Zūrās), *pieđuken* (Popē). Rakstu valodai ir ieteicama vecākā forma *pieđuokne*.

ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ КАШУБСКОГО ЯЗЫКА

[1902 Сборн. Форт. 535—572, tas pats

1903 РФВ XLIX 67—104 un atseviškā novilkumā 1—38]

Сокращения:

Р = Ramult, Słownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego, w Krakowie 1893. 535,67
(1)

М = Миккола, Несколько заметок по кашубским говорам в северо-восточной Померании (Изв. II 400—428).

Г = Гильфердинг, Остатки славян на южном берегу Балтийского моря.

Бр. = Bronisch, Kaschubische Dialectstudien (AfsI Ph. XVIII 321—408).

Бр. II = Bronisch, Kaschubische Dialectstudien, zweites Heft, Leipzig 1898.

Цейн. = Цейнова, Сборник основных слов кашубского наречия (Материалы для сравн. и объясн. словаря и грамм. V 258—272).

Сеп. = Sepôva, Zarés do Grammatikj Kašébsko-Slovjnskje Mòvé, 1879.

п. — польский; црк. — древнецерковнославянский; н. — немецкий; лт. — латинский; ла. — латышский.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ О КАШУБСКОЙ ГРАФИКЕ

536,68
(2)

Большому разнообразию звуков кашубских говоров соответствует еще большее разнообразие в письменном их обозначении у разных исследователей. После более или менее удовлетворительного приравливания // польской графики к разнородным звукам кашубской речи в трудах Прейса, Гильфердинга, Поблоцкого и других и после неудачной попытки Цейновы (в *Zarés do Grammatikj*) ввести в употребление своеобразные и крайне неудобные знаки для некоторых звуков (напр., для *č, š, ž*) Рамулт первый выработал довольно точную систему правописания на основании чешской графики, заменяя, однако, сложные буквы *ch* и *dz* единичными знаками χ^1 и ξ греческой азбуки (итак: *wœdzévac sq* = п. *odzywać się*; *wœževac sq* = п. *odziewać się*) и обозначая долготу гласных посредством грависа. Но в словаре Рамулта воспроизводятся главным образом фонетические особенности среднекашубских говоров, ударение почти никогда не обозначается и долгота гласных не всегда. Поэтому не удивительно, что Брониш и Миккола, описавшие северные говоры (первый — быляцкие говоры Западной Пруссии, последний — Померании) и притом с большей точностью, опять выработали каждый свою особую систему знаков. Флоринский, наконец, составил (в «Лекциях по слав. языкознанию») себе также свою особую абечеду, заимствуя знаки то у Рамулта, то у Брониша. Исследователи кашубского языка, однако, будут обращаться не столько к «Лекциям» Флоринского, сколько к самим источникам, а среди последних первое место по своему объему и по доступности материала занимает, бесспорно, словарь Рамулта. Ввиду этого я в настоящем сочинении придерживаюсь рамултовского правописания и оставляю без транскрипции только формы, взятые у Брониша и Микколы, пишущих точнее Рамулта и о других говорах. Слова же, почерпнутые

¹ Букву χ употребляют также Брониш и Миккола в таком же смысле.

из более старых источников², привожу, насколько это возможно (оговорка эта касается особенно гласных), // в орфографии Рамулта. Только *ě* Гильфердинга и *é* Прейса заменяю всегда рамултовским *é*, значит, и тогда, когда это *ě* или *é* является заместителем прежнего *u* (итак, вместо *běc* и *děsza* Гильфердинга или *béc* и *děsza* Прейса пишу равным образом *béc* и *děša*), между тем как Рамулт различает *é*, образовавшееся из *i* или *y* (*béc*), от *e*, образовавшегося из *u* (*děša*). Согласно с Гильфердингом и Прейсом пишут — Брониш в обоих случаях *ě* (gen. s. *rěbě* «рыбы» и *děšě* «души»), Цейнова — *é* (*křévi* «кривой» и *gléxi* «глухой»), Миккола *ä* (*dzävi* «дикий» и *gläxi* «глухой»). Графическое разногласие в этом случае вряд ли основывается на диалектическом разногласии, так как Рамулт пишет *e* (из *u*) также в формах, принадлежащих, по его же словам, сев.-кашубск. говорам, например *ced* «чудо» (Р XXXI); к тому же у самого Рамулта изредка встречаем *é*, образовавшееся из *u*, напр. *né* «ну», п. *nu* (Р 289 и 297; в других местах: *ne*), dat. s. *psé* «псу», п. *psu* (Р 144), *halšték* «галстук», п. *halsztuk* (Р 50), inf. *zažéc* (Р 292; в словаре и у Брониша приводится только форма *žvac* «жевать», но ср. п. *žuc*), gen. s. *kléčkævë* «ключевой» (Р 288; в этом случае и об опечатке думать трудно, так как в примечании к этому слову опять читаем *kléčkævy* = *kluczowy*), *děfla* (с производными: *défelka*, *défelkævy*, *děflovy*) «туфель» (Р 24). Затем, полагаю, что всякое *u*, перешедшее в *é* (*e*), а не только *iu* (т. е. *u* после мягких согласных), как, кажется, думает Миккола (стр. 418), прошло на том пути через *i* (из *ü*), что подтверждается, — по крайней мере относительно *iu*, — формами *vjitró*³ «утро» (на этот пример указывает // уже Миккола так же) и *Jidôš*⁴ «Иуда» (Р 296; в словаре *Judôš*). Если же так, то Брониш, вероятно, прав, говоря (стр. 331), что Рамулт неверно пишет *e* (из *u*) вместо *é*. Не познакомившись, однако, на

537,69
(3)

538,70
(4)

² Слова без обозначения источника взяты из словаря Рамулта.

³ Подобное *v* перед начальным *j* образовалось еще в следующих словах: *vjiva* «ива» М 418, *vjlg^uó* «иго» М 417, *vieseň* «осень» М 419, *viskac* «искать» Р 252, *vješčeřéca* или *vješčôrka* «ящерица» Р 254. Примеры *viskac*, *vjiva*, *vjlg^uó*, с одной стороны, а *Jidôš* — с другой — опровергают мнение Бодуэна де Куртенэ (ЖМНПр. СССР 350), будто // бы *vitro* образовалось из **jutro* перестановкою составных элементов первого слога. У Прейса (ЖМНПр. 1840 г., окт., стр. 3 и 11) находим даже еще формы без *v*: *zaitřk* или *zaitře* «восток».

538,70
(4)

⁴ Ср. также диалектические формы *ti* < *tü*, *dzira* < *dzura*, *cił* < *cut*, gen. s. *rāzi* < *rāzū* Бр. 408.

59.788
(2)

месте с звуками кашубской речи, я не решился заменять в словах, взятых у Рамулта, *e* (из *u*) знаком *é*. По той же причине оставляю неизмененным правописание Рамулта и по отношению к начертанию смягченных согласных и гласного *i*, хотя Рамулт в этом отношении, очевидно, поступает весьма непоследовательно. Дело в том, что после согласных, являющихся теперь всегда твердыми, а именно после *c, ζ, s, z, t, d, r*⁵ и также после *χ*, Рамулт пишет всегда *i* вместо *y* (*cvjardi* «твердый», *gtexi* «глухой», *bæsi* «босой», *séti* «жирный», *χitri* «хитрый»), где *y* не перешло в *é*, а после согласных *b, p, m, v, l* (*i*), *n* знак *y* обозначает, судя по словам Рамулта о гласном *y* (стр. XXV), не гласный, похожий на польское *y*, но твердое *i* после твердого согласного, *i* же, очевидно, обозначает после этих согласных их мягкость⁶ (*greby* «грубый», *gtupy* «глупый», *sélny* «сильный», *méty* «малый», *mjodny* «сладкий» и др.; но: *babi* «бабий», *wæarli* «орлий», *mitkœ* «мягко», *pisc* «кулак», п. *pięść*, *vici* «больше», п. *więcej* и др.), между тем как Цейнова, Брониш, Миккола после всех твердых согласных пишут *i*. Вследствие такого орфографического приема читаем у Рамулта *y* также на месте этимологи-//ческого *i*, если предшествующий согласный отвердел, напр. *pyla* «гусь», *pylq* «гусенок» (рядом с *pilq* «гусенок»; ср. ла. *pīle* «утка»); *pyχ* «пыль» (рядом с *piχ*; ср. ла. *pīšli* «пыль», црк. *пъхати*. Ср. примеры подобного отвердения у Брониша 338). Хотя, таким образом, согласные *b, v, m, p* перед *i* должны считаться мягкими, тем не менее читаем у Рамулта формы *mjic* «мять», п. *miqć* и *pjic sq* «вздыматься», п. *piqć się*, рядом с формами вроде *miχ* «мних», *pic* «пить» и др.; между тем как у Брониша (388 и 389) польским *piqć* и *pic* одинаково соответствует кашубское *pšic* (из *pic*).

539,71
(5)

I

КАШУБСКАЯ ФОРМА ПРАСЛАВЯНСКОГО СОЧЕТАНИЯ *tärt*

Между тем как праславянским сочетаниям типов *tärt*, *tělt*, *tält* (почему пишу *tärt*, *tält* вместо общепринятых *tort*,

⁵ Мягкие *t* и *d* встречаются только на месте прежних *k'* и *g'* (перешедших в среднекашубских говорах в *ć* и *ź'*) и в заимствованных словах, напр. *djôbet* «дьявол».

⁶ Мягкость согласного *n* обозначается сверх того надстрочным знаком, напр. *nić* «ничто».

tolt, скажу после) соответствуют в каш. языке, как и в польском, формы с перестановкою *r* и *l* и с исконно кратким гласным (напр., *dřewœ* «дерево», *mlekœ* «молоко», *mtodi* «молодой») ⁷, праславянскому сочетанию типа *tärt* соответствуют то формы с сочетанием *-ro-*, как в польском языке, то формы с сочетанием *-ar-* и в редких случаях также с сочетанием *-or-*. Притом некоторым словам свойствен исключительно порядок звуков *-ar-* (напр., *charvanc* «сноп плохого хлеба»), другим — исключительно польский порядок звуков *-ro-* (напр., *droga* «дорога»), другие же встречаются и в той и в другой форме (напр., // *parsq* и *prosq* «поросенок»). Разнообразие это вызвало уже немало толкований. Для польских патриотов, убеждающих себя и других в том, что кашубский язык (или «говор» — по их же словам) только говор польского языка, и нерешительных покамест только относительно вопроса, к какой группе польских говоров принадлежит кашубский «говор», для тех кашубские формы с сочетанием *-ar-* являются камнем преткновения, который они так или иначе стараются устранить. Карлович полагает ⁸ (Prace filol. II 315), что существование в каш. языке форм с *-ar-* (*parsq*) рядом с формами с *-ro-* (*prosq*), в сущности, ничем не отличается от подобного чередования корней в польском (напр., *marznię* : *mróz*, *wartko* : *wrota*). Это толкование, однако, уже Бодуэн де Куртенэ (ЖМНПр. СССХІ 119) опроверг надлежащим образом. По мнению

540,72
(6)

⁷ Ссылаясь на некоторые имена собственные, Миккола полагает (Betonung und Quantität in den westslavischen Sprachen I 22), что древнекашубский язык знал рядом с сочетанием *-tlot-* также сочетание *-talt-*; для меня это ни доказано, ни даже вероятно.

⁸ Этого же мнения держится Карлович и еще в своей статье «Gwara kaszubska» (стр. 17 и 19) и приводит новые примеры чередования сочетаний *-ar-* и *-ro-* в одних и тех же корнях польского языка. Но все эти примеры (почти только имена собственные) нисколько не поддерживают мнения Карловича; Бодуэн де Куртенэ ведь не отрицает существование подобного чередования в польском языке, но только возможность сравнивать чередование сочетаний *-ar-* и *-ro-* в польских *wartko* (из *värt-*) и *wrota* и в кашубских *varta* (из **värt-*) и *wrota*. Желая набрать как можно больше польских примеров, Карлович, сверх того, приводит в числе польских форм также употребляемое в Литве и заимствованное из лит. языка *parszuk* или *parsiuk* (даже суффикс — литовский! ср. лит. *paršūkas* и Kurschat Gr. стр. 85). Из литовского языка заимствовано и белорусское *порсюк* (ср. Miklosich Vergl. Gr. II 253), и кашубское *swardlina* (последнюю форму Карлович считает польскою, а не кашубскою, только из-за сочетания *-dl-*, а в польском словаре Мронговиуса на стр. 485 как раз читаем: «*swardlina* Kasch.»).

541,73
(7)

Бискупского (Prace filol. III 695), теперь уже только «нелингвисты» считают кашубские формы вроде *parsq* остатками стародавних времен; он же сам объясняет возникновение // подобных форм (*parsq* из *prosq*) немецким влиянием, указывая на некоторые примеры подобной перестановки в немецком и полабском языках и в тешинском говоре польского языка и на то, что теперешний *Starogard* в 1198 г. упоминается в форме *Starigrod*. Надморский же говорит (Wisła VI 212), что все индоевропейские языки склонны к перестановке плавных согласных, и видит и в кашубских формах с сочетанием *-ar-* начатки такой перестановки, не развивавшейся однако, но прекратившейся; усматривает такую же перестановку в польском *karw* «вол» (*karw*, однако, восходит к **k̑rvv̑*) и приходит к заключению, что полабский «говор» (формы которого вроде *chorna*, *gorch* и др. Надморский также объясняет перестановкою) различается от кашубского и польского только бóльшим количеством примеров перестановки (!). Убежден и Калина (Prace filol. IV 928) в том, что кашубское сочетание *-ar-* восходит к первоначальному *-ro-*, и сомневается только относительно вопроса, возникли ли формы с *-ar-* благодаря немецкому влиянию или по аналогии с формами с сочетанием *-ar- < -r-* (напр., *gardto* «горло»). Общим мотивом всех этих толкований является принцип перестановки. Примеры перестановки в кашубском, правда, можно найти: *zèrvina* «ржавина», п. *rdza* М 426; *ržęc* «жрать», п. *žreć* Бр. 340; *burk* «каменная мостовая», п. *bruk* Р 14; *žarny* «ржаной» Г 191; *reχčonè* (= *χřčonè*; part. pass. praet. от *χřćec* «крестить») Р 284; *gêtžęc* рядом с *gédłęc* или *gidłęc* «щекотать» Р 40 (Миклошич приводит в Etymol. Wörterbuch 82 болгарское слово *gъdel* «щекотка»; ср. также н. *kitzeln* и ла. *kulinât* «щекотать»). Формы *gédłęc* и *gidłęc* образовались, вероятно, от *g[ɛ]dlęc*, ср. кашуб. *dréva* : п. *drwa*, *drégac* : п. *drgac*, *dréža* : п. *rdza* (диалектически *rdza*), *dréžon* рядом с *dřòn*, *pestri*⁹ : *pstry*; *gêtžęc* же вос-//

542,74
(8)

⁹ Рядом с *pestri* читаем (Р XXXVI) *pèstri*; ср. такое же колебание между *plévac* и *ščévac* (Р XXXVI) и *plevac* // (так, очевидно, следует читать вместо напечатанного *plevc*) и *ščevac* (в словаре Р; у Брониша 331: *plévac*, *ščévac*); этим кашубским глаголам могут соответствовать не только польские *pluwać*, *szczuwać* (как полагает Бодуэн де Куртенэ, ЖМНПр. CCCXI 86), но и *plwać < *plvať* «плевать», **szczwać* «тварить» (ср. еще и *trevac*, п. *trwać*), как видно по I s. praes. *plwją* (рядом с *pleją* и *plewają*; у Брониша 394: *plëvô*). Ср. также Mikkola Betonung und Quantität 47.

ходит к **gʷlditi*). Но все это разнородные примеры перестановки, ничего не доказывающие в данном случае; ведь если полагать, что *parsq* произошло путем перестановки от *prosq*, то нет никакой возможности объяснить, почему формы с исконным сочетанием *-ro-* (напр., *proséc* «просить», *grom* «гром», *drobny* «дробный» и др.) никогда не подверглись такой перестановке. Было бы еще понятно, если бы по аналогии с такими формами, в которых сочетание *-ar-* восходит к первоначальному *-ʔr-*, и в сродных им формах сочетание *-ro-* заменилось сочетанием *-ar-*; можно было бы, например, полагать, что *krova* «корова» перешло в *karva* благодаря влиянию сродной формы *karv* «вол» (последняя форма, кажется, в настоящее время неизвестна кашубам, ср. Prace filol. II 315; но прежде могла быть известна), где *-ar-* восходит к *-ʔr-*, как показывает прусское *kurwis* «вол» (ср. Brugmann Grdr. I² 454). Но ведь только от немногих корней встречаются производные слова типов *tärt* и *tört*; для объяснения же большинства форм с сочетанием *-ar-* (= п. *-ro-*), напр. *skarńô* «щека», *varna* «ворона» и др., не имеющих рядом с собою сродных форм с сочетанием *-ar-* (из *-ʔr-*), указанием на существование в кашубском слов вроде *gardto* ничего не достигается. Не ведет ни к чему и гипотеза о немецком влиянии. Можно еще себе представить, что благодаря влиянию немецких форм *Bart*, *Garten*, напоминающих своею формою и отчасти значением кашубские слова *broda*, **gròd* (ср. *wægròd*), последние перешли в *barda* (Р XXXVI), *gard*; но как // объяснить немецким влиянием возникновение большинства форм с сочетанием *-ar-*, не имеющего ничего себе подобного в немецком языке? Ведь нельзя также утверждать, что немецкий язык вообще чуждается порядка звуков *-ro-*, так как в нем немало слов с сочетанием *-ro-*, напр. *Tropfen*, *Brocken*, *trocken*, *grob* и др. — Но так или иначе мы должны были бы возвести теперешнее сочетание *-ar-* к прежнему *-ro-*, если бы можно было доказать, что древнекашубский язык знал только сочетание *-ro-*; и подобную мысль, кажется, внушает Бискупский своим читателям, говоря (Prace filol. III 435 и 695), что теперешний *Starogard* в 1198 году упоминается в форме *Starigrod*. Этот *Starigrod*, однако, грамоты 1198 г. (ср. Pommerellisches Urkundenbuch Перлбаха) — Старгард Западной Пруссии, лежащий уже на польской территории (ср. Г 4), так что польской форме имени нечего удивляться. Умалчивает затѣм Бискупский совершенно о том, что в

542,74
(8)

543,75
(9)

померанских грамотах тех же времен встречаются уже имена с сочетанием *-ar-*, напр. *Belegart, Stargart, Charbrowo, Barnim* и др. (в упомянутом издании Перлбаха; ср. также Р XXXVI и 39). Итак, кашубский язык уже в то время, из которого имеем первые сведения о нем, показывает нам формы типа *tärt*; следовательно, мы должны считать их исконно кашубскими. Затем формы этого типа вовсе не так редко встречаются, как полагает Калина (Prace filol. IV 927), чтобы можно было не принимать их даже в расчет при обсуждении вопроса о различии польского и кашубского языков. Для большей наглядности приведу здесь все формы типа *tart*¹⁰, причем формы, не указанные Бодуэном де Куртенэ, поставлены в скобках.

544,76
(10)

χarna «корм для скота» с производными *Charno-//wo* (название села, Prace filol. III 369), *χarvanc* «сноп плохого хлеба» < **χarnvanc*.

χarst или *χařt*¹¹ (известное растение, Р XXXVI, Prace filol. II 315) рядом с *χròst* «хворост», п. *chròst*.

skarńò «щека», рядом с *skrońa* (Г 180) «висок», п. *skroń*.

smardlina (Mrongovius Ausf. Poln.-Deutsch. Wrtb. 485; Prace filol. II 315) или *smarglėna* (Prace filol. II 315; ср. *mgty* или *medty*, п. *mdty*; *mglec*, п. *mdlec*; *żqgto* Г 191, «жало» : *żqdto* Р) «смородина» рядом с *smròd* «вонь», п. *smròd*.

gard или *garda* «крепость» с производными *garc* (уменьшительное от *gard*), *gardny* или *garny* (в наречии словинцев, ср. М 403 и 425, переход сочетания *dn* в *n* является правилом; но и в других кашубских говорах

¹⁰ Слова, темные в этимологическом отношении, оставляю неупомнутыми.

¹¹ Как в форме *χařt*, так и в некоторых других случаях *ř* образовалось из *rs, rš, rz, rž*: *buřtin* «янтарь», п. *bursztyn*; *ż'eřtla* «хлебная лопатка», н. *Gerstel*; *gòřc* (с производными *gòřtka, gòřtečka*) «горсть», л. *gürste* «связочка льна»; *mjařnoc* «мерзнуть»; *heřt* «зачинщик», п. *herszt*; *bařo* (Р 284, 297) рядом с *barzo* «очень»; *skarńilo* (и поп. pl. *skafili*) «жаловалось» Г 119 (у Рамулта: *skarżęc, skarżélé*); *piřceń* «перстень». На основании этих форм полагаю, что и окончания *-řci* (напр., *mæřci, řkò, řčė* «морской, -ая, -ое») и *-řtwæ* (напр., *bednařtwæ* «бочарство») образовались из *-rski* и *-rstwo*, а не из *-řski* и *-řstwo*, как утверждают Брониш (стр. 352) и Калина (Prace filol. IV 925). Если, например, *pjekařci* «пекарский» восходит к **pjekařsci* < **pekarьsky*, почему тогда *ř* не является и в форме *pjekařńò* < **pekarьnja* «пекарня»? Подобно кашубскому *ř* следует толковать и польское *rz* в формах, приведенных Калиною (там же), напр. *garztkę = garstkę, żniwiarzskie = żniwiarskie* и др. Ср. также мнение Бодуэна де Куртенэ (ЖМНП. CCCX 351).

изредка встречаем тот же переход: *põlñõ* Бр. 383 или *pêtñe* Р «полдень»; с другой стороны, замечаем *d* и *t* перед *n*, где в польском является уже только *n*: *pœzdny* : п. *póžny*, *redostny* : п. *radosny*, *švistnõc* : п. *šwisnãc* и др.) «крепостной», *wœgard* // или *wœgõrd* «огород», *võgarda* «межа», *zõgarda* «загородка в амбаре», [*garžéc*] «огораживать» Цейн. 259, *wœgaržéc* «огородить» рядом с *grožéc*, *přegroda*, *nadgroda*, *zõgroda*, *wõgroda*, *wœgrõd* и др.

545, 77
(11)

barna «борона» рядом с *brona*, *bronovac*, *broñic*.

*barda*¹² (Р XXXVI) «борода» с производным *bardõvka* «бородавка» рядом с *broda*, *brodõvka*, *brodati*, *brodõč*.

karva «корова» с производными *karvi* или *karwœvy* «коровий» [*kõrvõinc*] «коровий помет» Бр. 332 и 342 (Мронговиус, приводя с своим словаре 156 последнее слово в форме *karwiniec*, упоминает и слово *karwat* «würde einen Hirten bedeuten») рядом с *krova*, *krõvskœ*, *krovišče*, *krovi*.

paparc или (Г 85) *parparc* «папороть» рядом с *paproc*, *paprocëna*.

parg «порог» рядом с *prõg*, *prõžk*, *prožěšče*, *progœvy*.

parsq «поросенок» с производным *wœparséc sq* «опороситься» рядом с *prosq*, *wœproséc sq*.

sarka «сорока» рядом с *sroka*, *sročq*.

varna «ворона» с производными *varnka* (уменьшительное от *varna*) и [*skœvarnk*] «жаворонок» (Prace filol. III 620; писано: *skowarne*) рядом с *vrona*, *vroni*, *skœvrõnk*.

varbel (Р XXXVI) «воробей» рядом с *vřõbel*.

varta «ворота»; от того же корня: [*vãrcec*] «вертеть» Г 186; *převarcéc* «опрокинуть» (Р XXXVI); *zvarcéc* «возвратить», [*zavarcec*] «опрокинуть» (Стремлер Фонетика кашубского языка 71) [*võbãrcec*] «оборотить» М 422 рядом с *vrota*, *vrocéc* и др.

[*bãrdza*] «борозда» М 414 и 423; у Р *brõzda*.

[*povarz*] «веревка» (у Прейса 9); у Рамулта только *pœvrõz*. //

parç «пыль» Г 85; у Рамулта: *proç*; сюда же, вероятно, относится [*sparç*] или [*sparçã*] «покой», ср. Prace filol. III 626 и Г 105, 106, 181.

546, 78
(12)

[*svõrb*, gen. s. *svarbu*] «свороб»; Бодуэн де Куртенэ неверно сопоставляет (стр. 106) кашубскую форму с польским

¹² Неправильно, значит, Миккола утверждает (Betonung und Quantität 23), что в кашубском встречается только форма *broda*.

świerzb < **svrbъ*: обстоятельства, противоречащие такому сближению, он сам тут же указывает.

[*knôrz*, gen. s. *knarza*] «кабан» с производными [*knarzowy*] «кабаний», [*knarzowac*] «бегать», п. *kiernozić*; что это слово относится сюда, показывает малорусское *knoroz* (у Миклошича Etymol. Wrtb. 157); да и п. *kiernoz* (рядом с *kiędroz* < **kienroz* Микл. Etymol. Wrtb. 472), верхнелужицкое *kundroz*, нижнелуж. *kjandros*¹³, словацкое *kurnaz* (Микл. Etymol. Wrtb. 157), очевидно, восходят к той же праславянской форме **knärzъ*¹⁴ (рядом с **knärsъ*, которое имеем в п. *kiernos* и нижнелуж. *kjandros*; ср. праслав. *pärsъ* рядом с *pärzъ*). Из праслав. **knärzъ* (*knärsъ*) в польском, лужицком и словацком после обычной перестановки получились формы **knrozъ* (п. и луж.), **knrazъ* (слов.), которые трудно было произносить. В одних говорах поэтому согласный *n* между *k* и *r* перешел в сонант *ŋ*, так что получилась форма **kŋrozъ* (*kŋrosъ*), а из этой формы потом образовались п. *kiędroz* < **kienroz*, верхнелуж. *kundroz*, нижнелуж. *kjandros*. В других говорах **knrozъ* сперва путем перестановки перешло в **krnoz*, где *r* перешло в сонант *ɾ*, так что получилась форма **kɾnozъ*, к которой восходит п. *kiernoz* (кашубское же *ćernoz* заимствовано из польско-//ского языка). Так или иначе, и словацкое *kurnaz* восходит к **knrazъ*. Миклошич сближает (Etymol. Wrtb. 157), впрочем и сам сомневаясь, все эти формы с црк. *крѣнъ* «ὄβερητος», но в таком случае мы имели бы в польском форму **karnoz* (ср. *kark*, *targ*, *gardio* и др.) вм. *kiernoz* (*kiernoz* же могло образоваться только от **krnozъ*) и каш. *knôrz*, п. *kiędroz*, верхнел. *kundros*, нижнел. *kjandros* оставались бы необъясняемыми.

[*stôrňa* или *stôrňev*] «камбала» с уменьшительным [*stôrňevka*] М 423, 425, Бр. 339, 371, 381; рядом с *strona* «сторона»; в семасиологическом отношении ср. *stornečka* «лента» (Г 182 и Prace filol. III 630) и *batka* «маленькая камбала»; последнее слово, очевидно, произведено от **bat* < **bant* (п. *bant*) «лента», заимствованного из нем. языка (*Band*), а не от *baňa*, как утверждает Бискупский Prace filol. III 360 (ср. и словарь Рамулта под *fłodra*).

¹³ У Муки (Histor. u. vergl. Laut- und Formenlehre d. niedersorb. Spr.) 276 *kjandros*.

¹⁴ Слово это, может быть, родственно с нем. глаголом *nergeln* < **hnergeln*, имеющим по словарю Frischbier'a (II 90) значение «mäkeln», «ärgern», «verfolgen mit Tadel, Schelte»; ср. лат. *sunit* «бранить» от *suns* «собака».

[*bartċe*, gen. *bartkòv*] «борьба» с производным [*bartkœvasq*] «бороться»; *bartċe* произведено от глагола **barc* «бороть» подобным образом, как, напр., *védatk* (plur. *védatkċe*)¹⁵ от *védac*, *dobċtk* от *dobċc*, *dostatk* от *dostac* и др. Бискупский сближает (Prace filol. III 360) *bartċe* с польским *bark*, но против этого говорит согласный *t* слова *bartċe*, который нельзя считать вставочным, так как подобной вставки не знаем (согласный *t* слов *letċi* «легкий», п. *lekki*, и *mitċi* «мягкий», п. *miękki*, возник путем расподобления от *k*, как и в формах польских говоров *mętki* и *letki*). С другой стороны, Бискупский сближает (Prace // filol. III 364) каш. *brac sq* «бороться» с польским *bróc* (или *bruć*) *się*, что тоже, конечно, невозможно: каш. *brac sq* и в значении «бороться» восходит к **b̄ratъ sę* (= црк. *б̄рату сę*); ср. подобное отношение между латышским *ņemt* «брать» и *ņemtiēs* «возиться», «ссориться» (в вольмарском говоре). Ввиду такого значения кашубского *brac sq* и латышского *ņemtiēs* считаю, впрочем, возможным, что «бороть» и «брать» (и все им сродные формы) произведены от общего корня *bher-* : *bhor-* (ср., напр., лт. *fero* : *ferio*).

[*karno*] «стадо птиц»: гот. *harjis* «войско», лит. *kārias*, ла. *kaŗš* «война» (ср. сербское *nā vòjску* «in bellum»), древневерхнен. *scara* «отделение войска», «толпа», от общего корня *ger-* или *sger-* (Brugmann Grdr. I² § 631).

[*varpac*] «драть», «дергать» (по Рамулту), «чинить», «плохо шить» (по Бискупскому Prace filol. III 660), с производными [*zvarpac*] «кое-как сшить», [*vòrp*, gen. *varpu*] «грубое, пакляное полотно», [*varpœvy*] «пакляный»: лит. *varpstċ*, ла. *vàrpsta* «веретено», лит. *veĩpti*, ла. *vèrpt* «прясть», ла. *vèrputs* «вырь», ла. *vèrpata* «вихрь», «вихор», древнерусское *воронъ*, словенское *vrapa* (ср. Микл. Etymol. Wrth. под *vorpa* и *vorpŷ*). Слова *karno* и *zvarpac* упоминает и Бодуэн де Куртенэ (ЖМНПр. СССХІ 110), но считает более вероятным, что *-ar-* в них восходит к *-ǣr-*; на основании приведенных форм родственных языков я и в них усматриваю формы типа *-tǣrt-*.

¹⁵ У Рамулта masculina на *-k* и *feminina* на *-ka* в nom. pl. одинаково оканчиваются на *-ċe*: *deth* : *detċe*, *kujòtešk* : *kujòtešċe*, *pædatk* : *pædatċe*, *bjatka* : *bjatċe* и др. А в gen. pl. окончания *-òv* принимают и *feminina* (также neutra: *do wæknòv* Р 286) : *wævcòv* Р 296, *bjòtkòv* рядом с *bjòtk* Р 297 (ср. примечание Рамулта к этому слову и М 427). Так как *bartċe* встречается только во множественном числе, то род этого слова с точностью определить нельзя.

[*dârgac*] «долженствовать» (Г 162); црк. *дръжати* < **dbrgěti* (ср. ла. *turēt* «держать» : лит. *turėti* «долженствовать»); в верности такого объяснения, впрочем, и я сам не твердо убежден. Сюда же относятся и выше уже упомянутые собственные имена типа *-tart-*. Наконец, не следует забывать, что в письменных источниках каш. языка, по всей вероятности, не помещены все формы типа *-tart-*, когда-то существовавшие и теперь еще существующие в живом языке народа. //

549, 81

(15)

Затем находим в некоторых словах сочетание *-or-*: *morz* «мороз» рядом с *mròz* и производными *mrozny* «морозный», *mrozéc* «морозить», *mrozati* «серый» (ср. ла. *salna* «иней», «стужа»: *salns* или *salnâns* «серый»; *sařma* «иней»: *siřms* «седой»).

[*puërc*] с *uë* < *o*, (Бр. 388) «пороть», п. *próc*; part. praet. act. *põr, puërla*; part. pass. *puërti* (I s. praes. *puëřõ*).

У Прейса, Гильфердинга, Цейновы находим еще следующие формы с сочетанием *-or-*: *borna* (Прейс, Г; у Рамулта *barna*), *porg* (Цейн., Г; у Рамулта *parg*, да и по Гильфердингу, стр. 85, пом. pl. *pârgil*), *skovor(n)k* (Цейн., Г; у Бискупского *skowarneк*), *χorna* (Г; у него же и *χarna*), *povorz* (Г; у Прейса *povarz*), [*storn*], [*stórnečka*], *pæstornk* (Г; рядом с *störn* у Г и *stórna* у Р), *korva* (Цейн.; у него же и *karva*). Но трудно сказать, соответствует ли *-or-* этих слов рамултовскому *-or-* или *-õr-* (из *-ar-*), так как *o* у Прейса, Гильфердинга, Цейновы соответствует рамултовским *o* и *õ* (напр., *ptoch* Прейс, Цейн. = *ptõx* Р; *pjosk* Прейс, Цейн. = *pjõsk* Р; *čorny* Прейс, Цейн. = *čõrny* Р; *jo* Г = *jõ* Р; *gâdoj* Г = *gadõj* Р и др.); в одном случае мы, несомненно, имеем дело с *-õr-*: пом. pl. *pârgi* к пом. s. *porg* (Г 85) доказывает, что *-or-* Гильфердинга в пом. s. этого слова соответствует рамултовскому *-õr-* (ср. пом. s. *võrp*, gen. s. *varpu* и др.). Об отношении форм с сочетанием *-or-* к формам с сочетанием *-ar-* буду говорить после.

Я здесь привел всего 27 корней с сочетанием *-ar-* или *-or-*; некоторые из них (*svõrb, bartce, puërc, karno, varpac*) нам известны только с сочетанием *-ar-* или *-or-*. Корней же, известных нам только с сочетанием *-ro-* (можно их найти у Бодуэна де Куртенэ¹⁶, // ЖМНПр. СССХІ 112 и 113),

550, 82

(16)

¹⁶ Следует прибавить: *dvakrotny* «двукратный» (Р) и *strõš* (-*ža*) Бр. 370 «сторож».

насчитываем всего около 16; последние все встречаются и в польском языке. Остается вопрос, чем объясняется существование форм с сочетанием *-ro-* рядом с формами с сочетанием *-ar-* (или *-or-*)? Я вполне согласен с Бодуэном де Куртенэ, который (ЖМНПр. СССР 109—120) впервые, кажется, высказал и отлично обосновал мнение, что формы с сочетанием *-ro-* все заимствованы из польского языка. Свое мнение Бодуэн де Куртенэ основывает на следующих соображениях: 1) сочетание *-ar-*, без польского соперничества, сохранилось только в словах, этимологически изолированных или обособленных (так, читаем у Рамулта исключительно с сочетанием *-ar-* слова: *skarńô* «щека», — польское *skroń* значит «висок», — *χarna* «корм для скота», *χarvanc* «сноп плохого хлеба», *χařt* «известное растение», не имеющие в польском языке соответствий сходного фонетического вида и сходного значения; ср. также слова *svôrb*, *knôrz*, *bartce*); 2) по аналогии с целым рядом возникших уже двойников вроде *parsq*: *prosq* и др. изредка и формы с сочетанием *-ar-* < *-ar-* получают сочетание *-ro-* (*gronk* < *gar[n]k* «горшок», п. *garnek*, возникло слишком далеко заходящим усердием полонизовать кашубские слова; подобно образовалось *grôsc* Бр. 340 : п. *garśc*, у Р *gôřc*)¹⁷; 3) чем древнее языковое состояние, тем больше слов с сочетанием *-ar-* и тем реже попадаются слова с сочетанием *-ro-*; в древних местных названиях и в личных именах видим всегда только сочетание *-ar-*; укажу еще на следующее: что еще около половины XIX века слышалось больше форм с сочетанием *-ar-*, чем теперь можно полагать на основании слов Прейса и Гильфердинга. //

Прейс, стр. 5, говорит без всякой оговорки: «вместо польск. *-ro-* у кашубов *-ar-*»; и Гильфердинг, стр. 85, выражается: «в корнях типа *-tärt-* словинцы обыкновенно ставят гласную *a* или *o* впереди; ... но это древнее свойство языка исчезает по мере приближения к границам польской речи.» Что у померанских евангелических кашубов и словинцев, менее подвергающихся польскому влиянию, чем католи-

551, 83
(17)

¹⁷ Весьма странным и непонятным после этого является утверждение Микколы (Betonung und Quantität 27): «Gerade *grônk* und *grôsc*, die nicht im Poln. existieren, beweisen (!), daß *-ro-* ebenso gut im Kaschubischen wie im Polnischen das urslav. *-or-* vertreten kann.»

552,84
(18)

ческие кашубы Западной Пруссии, сохранилось больше слов с сочетанием *-ar-*, на то неоднократно указывает и Рамулт в своем словаре (напр., под *gard*, *karwœvu*, *krova*). Против Бодуэна де Куртенэ высказывается Ягич (AfsI Ph. XX 42), говоря, что форм с сочетанием *-ro-* слишком много, чтобы можно было думать о столь сильном влиянии польского языка даже в отдаленных селениях Гельского полуострова. Он сам полагает, что в языковой области, остатки которой имеем в кашубском, формула *trot* уже граничила с формулой *tort* и поэтому нечего удивляться редким примерам формулы *tort* в кашубском языке, обыкновенно придерживающемся формулы *trot*¹⁸. Но мы уже выше видели, // что слов с сочетанием *-ar-* вовсе не так мало. Затем, если держаться мнения Ягича, крайне странным является то обстоятельство, что в словах вроде *skarńó*, *ħarna*, *ħarvanc*, *svórb*, не имеющих в польском языке соответствий сходного фонетического вида или сходного значения, имеем только сочетание *-ar-*, не менее странным является и то обстоятельство, что в древних местных названиях и в личных именах опять-таки видим только сочетание *-ar-*. Отвергая мнение Бодуэна де Куртенэ, Ягич должен был опровергнуть доводы его, между тем как он и не упоминает о них. И каково же объяснение самого Ягича? Что кашубский язык занимает срединное положение между полабским и польским, не подлежит сомнению. Вследствие такого срединного положения одни признаки кашубской речи повторяются в польском (напр., *e < ɔ*), другие же — в

¹⁸ Брюкнер утверждает (AfsI Ph. XXI 65 и XXII 571), что даже в польском языке первоначальному *tort* соответствует, рядом с обычным *trot*, изредка также *tart*. Но почти все им приведенные примеры — имена собственные, на которые можно сослаться только тогда, когда правило уже доказано при помощи имен нарицательных. А в двух или трех приведенных им именах нарицательных (*karw*, *warch*) сочетание *tart* восходит к *tért*. Брюкнер полагает, правда, что прусское *kurwis* заимствовано из польского языка, но в таком случае мы имели бы **karwis* (а не *kurwis*). Гласный же *u* слова *kurwis* показывает, с одной стороны, что *kurwis* исконное прусское слово, с другой — что польское *karw* восходит к **kɛrwɔ*. Ср. также Mikkola Betonung und Quantität 25. Слово же *warch* «Groll», вероятно, вовсе не родственно с *wroch* «Verwirrung» и, во всяком случае, восходит также к **vɛrchɔ*. А междометие *starża*, употребленное в некоторых польских деревнях, такой при-/мер, о котором лучше не упоминали бы. Не убеждают меня также доводы Микколы (Betonung und Quantität 22—28), подобно Брюкнеру утверждающего, что в древнелашском (= кашубо-польском) языке чередовалось сочетание *-tart-* с сочетанием *-trot-* в зависимости от качества и места ударения.

552,84
(18)

полабском (напр., вторичное смягчение согласных *k* и *g*); было бы также еще понятно, если бы западные кашубы придерживались исключительно формулы *tart*, юго-восточные же — формулы *trot*. Но если в говоре одной и той же деревни имеется сочетание *-ar-* рядом с сочетанием *-ro-* (как это видим, например, в статье Микколы 422), то разногласие это нисколько не объясняется срединным положением кашубского языка (и вообще объясняю себе такой взгляд Ягича склонностью не признавать правил в явлениях языка): одну из обеих формул мы должны считать заимствованною, а таковою может быть только формула *trot*. Не имел, наконец, Ягич и достаточной причины сомневаться в силе польского влияния. Западная Пруссия до 1772 года была составною частью Польского королевства, и господствовавший до того времени и в администрации польский язык не мог не влиять на кашубский. Померания же вошла в состав Бранденбургского государства уже со времени Вестфальского мира, и померанские кашубы, обращенные в протестантизм, отделились от Польши и в политическом, и в религиозном отношении. Такому положению дел соответствует уже упомянутое выше обстоятельство, что у померанских кашубов сохранилось больше слов с сочетанием *-ar-*, чем у католических кашубов Западной Пруссии. Но как у католиков, так и у протестантов (в Померании) все религиозные книги (а светской литературы и нет никакой у кашубов, за исключением немногочисленных и мало распространенных среди народа сочинений Цейновы и Дердовского, ср. статью Тецнера *Globus* LXX 269) писаны на польском языке (редкие примеси кашубского языка встречаем только в «Духовных песнях» Крофа 1586 и в лютеранском катехизисе Понтана 1643 г. и в некоторых рукописных памятниках, ср. статью Лоренца *AfslPh.* XX 556 и сл.). Кашубы, читая польские книги, переводят текст, как указывает Тецнер (*Globus* LXX 270), на свой родной кашубский язык, то есть изменяют вокализм, консонантизм и окончания по-своему; но, как указал уже Бодуэн де Куртенэ (ЖМНПр. CCCXI 118), кашубское сочетание *-ar-* не живая фонетическая особенность, но просто передается по преданию, а поэтому польское сочетание *-ro-* не противоречит фонетическим стремлениям кашубского языка в настоящее время и могло быть заимствовано, тем более что уже искони существовали в кашубском слова вроде *grom*, *gromada*, *proséc* и др. К тому же в школах и при богослужении

553,85
(19)

554,86
(20)

употребляют и употребляли тот же польский язык, насколько он не вытеснен немецким языком (ср. Г 28). Бодуэн де Куртенэ указал (там же, стр. 116) на подобное явление в русском языке, где большинство корней с *-оро-*, *-оло-*, *// -ере-* имеет двойники с *-ра-*, *-ла-*, *-ре-*, заимствованные из церковнославянского языка, причем некоторые слова сохранились только в иноплеменном виде. В русском языке совершилось такое заимствование единственно через церковь и письменность; у кашубов же сверх церковно-литературного влияния действовало еще непосредственное народное влияние поляков, столь близко родственных соседей. Ввиду всего сказанного (ср. также слова Бодуэна де Куртенэ ЖМНПр. СССХІ 124 и сл.) неудивительно, если встречаем в кашубском языке целый ряд заимствований из польского языка; одним из них является сочетание *-ro-* на месте кашубского *-ar-*, на другие заимствования (на ζ вм. z и *-ar-* вм. *-jar-* указывает Бодуэн де Куртенэ ЖМНПр. СССХІ 89 и сл., 104 и сл.) укажу впоследствии.

555,87
(21)

Остается вопрос, как относится сочетание *-ar-* к изредка встречающемуся сочетанию *-or-*? Бодуэн де Куртенэ считает (ЖМНПр. СССХІ 120) сочетание *-ar-* чем-то вторичным и приписывает кашубскому языку сочетание *-or-*. Перерождение прежнего сочетания *-or-* в *-ar-* Бодуэн де Куртенэ объясняет следующими соображениями: 1) краткое *o* в кашубском — звук неустойчивый, подверженный влиянию соседних согласных; 2) согласный *r* производит видоизменяющее влияние на соседние гласные; 3) присутствие в языке целого ряда слов с сочетанием *-ar-*, возникшим иным путем (напр., *barzo*, *darmœ*, *farva* и др.), могло вызвать перерождение прежнего сочетания *-or-* в *-ar-*; 4) возможно думать о влиянии германских языков. — Допускаю возможность, что одно и то же явление может быть вызвано одновременным действием нескольких причин; допускаю и возможность, что отдельные случаи одного и того же явления не обусловлены одною и тою же причиною. В данном случае, однако, Бодуэн де Куртенэ, объясняя перерождение сочетания *-or-* в *-ar-* при помощи целых четырех причин, тем самым как будто признает неосновательность своего объяснения. И нетрудно убе-//диться в шаткости всех этих аргументов. Гласный *o* в кашубском, правда, подвержен влиянию соседних, а именно предшествующих согласных: после губных и гортанных *o* переходит в œ (у Брониша в *uë*; ср. также М 418); но в *a* каш. *o* никогда не переходит, и из

**korva* могло и должно было образоваться **kœrva* (ср. *kœrba*, *kœrka* и др.) или **kòrva* (ср. *nòrt* и др.), только не *karva*. И что *o* перед *r* не перешло в *a*, показывают примеры вроде *sorbac*, *sorbnoç*, *çorçac* и др. Согласный *r* в кашубском производит видоизменяющее влияние только на следующее *a*¹⁹, переходящее после *r* иногда в *e* (*redosc*, *rek*, *remjã*, *rena*, *reny*; *tērēs*, *zārēs* Бр. 330; *treva* Prace filol. III 652; *kresnã* Г 136; *grěpaç* Г 144; *krěuc* М 415 и др.). — В кашубском существовал, правда, издавна целый ряд слов с сочетанием *-ar-*, или возникшим из *-ər-*, или *-ar̥-*, или *-arb-*, или перенятым из других языков в заимствованных словах; но если допустить с самим же Бодуэном де Куртенэ, что все слова, известные нам теперь только с польским сочетанием *-ro-*, прежде имели сочетание *-or-* (> *-ar-*), то слов с сочетанием *-ar-* вряд ли было гораздо больше, чем слов типа *tort*, а поэтому вполне невероятно, чтобы «привычка к сочетанию *-ar-* могла, путем чисто механически-фонетического принобления, вызвать²⁰ перерождение прежнего сочетания *-or-* в *-ar-*». Выше я уже указал, что нельзя также думать, чтобы по психически-морфологической аналогии форм с сочетанием *-ar-* < *-ər-* и в сродных им формах праславянского типа *tärt* (*tort*) водворилось сочетание *-ar-*. Нельзя, наконец, думать и о влиянии германских языков. Можно еще себе представить, что благодаря влиянию немецких форм *Bart* и *Garten* кашубские **borda* и **gord* перешли в *barga* и *gard*; но боль-//шинство случаев с сочетанием *-ar-*, не имеющее ничего себе подобного в немецком языке, никак не объясняется немецким влиянием. Ведь немецкий язык вовсе не чуждается сочетания *-or-* (ср. *fort*, *dort*, *Dorf*, *Mord*, *Horn*, *Hort*, *Horst* и др.). Нельзя также сослаться на редкие формы вроде *morz*. Если бы эти формы восходили к глубокой древности, то мы в них непременно имели бы *œ* или *ò* вместо *o* (*mœrz* или *mòrz* вместо *morz*); появление чистого *o* в таких формах показывает, что они — новообразования недавнего времени: *morz* является продуктом контаминации каш. **marz* (или **mòrz*) и польского *mróz* (ср. побочную форму *mròz*, gen. *mroze* у Рамулта). Так же следует объяснять и прочие вышеприведенные формы с сочетанием *-or-*, если

556,88
(22)

¹⁹ Гласный *o*, кажется, перешел в *e* после *r* в слове *rek* (Г 148) «год», п. *rok* (у Рамулта только — *rok*).

²⁰ Ведь имеем еще слова с сочетанием *-or-*: *sorbac*, *çorçac*, *kœrka*, *gærčëca*, *gærši*, *gærlevy*, *gòrny* и др.

только *-or-* этих слов не соответствует рамултовскому *-ôr-*. В глагольных же формах inf. *puërc* «пороть», part. praet. act. *pôr*, fem. *puërla*, part. pass. *puërti* (Бр. 388) сочетание *-uër-* (*-ôr-*) < *-or-* водворилось на месте прежнего *-ar-*, очевидно, благодаря влиянию форм настоящего времени (I s. *puëřô*, II s. *puëřěš*, III pl. *puëřô*; imper. *puëřě* и др.), где за согласным *p* издавна следовал гласный *o* < *uë*. Итак, мы видели, что все обстоятельства указывают на исконное существование в кашубском языке слов типа *tart*; а *tart* восходит, конечно, к пракашубскому *tärt*, заменившему собою праславянское *tärt*. К такому же заключению пришел бы и Бодуэн де Куртенэ, если бы он не держался предвзятого мнения, что польскому *trot* должно соответствовать кашубское **tort*.

Чтобы показать неосновательность такого мнения, я должен уже говорить о судьбах праславянского сочетания *tärt* во всех славянских наречиях. При этом не считаю нужным еще распространяться о натянутой теории Торбиернссона (Liquida-Metathese in den slavischen Sprachen BB XX 124—148), одобряемой и другими учеными (ср., напр., Brugmann Grdr. I² 450 и Zubatý IFA IV 59), так как Ягич // 557,89 (23) уже доказал (AfsI Ph. XX 48—53) невероятность и, главное, ненужность ее.

Праславянскому языку теперь обыкновенно приписывают сочетания *tort* и *tolt*, полагая, что уже в праславянском языке гласным *ǣ* и *ǫ* индоевропейского праязыка соответствовало одно *ǫ*. Спрашивается, однако, в таком случае, каким путем получилось из праславянского *tört* южнославянское *trāt*, то есть как получилось *ā* из *ǫ*? Ведь, кажется, при удлинении короткого *ǫ* получается долгое *ō*, не *ā*? Можно, пожалуй, представить себе, что *tört* сперва перешло в *tört*, а из *tört* затем получилось *tärt*; считаю, однако, более вероятным, что *tärt* непосредственно восходит к *tärt*, то есть полагаю, что в тот период праславянского языка, когда в некоторых его говорах произошло удлинение гласных *ǣ* и *ǫ* перед *r* и *l*, гласным *ǣ* и *ǫ* индоевропейского праязыка соответствовало одно *ǣ*, как издавна и теперь еще в германских и латтских (балтийских) языках, и что только после диалектического перехода сочетаний *-ǣr-* и *-ǣl-* в *-ār-* и *-āl-* *ǣ* везде перешло в *ǫ*²¹. В пользу такого мнения говорит, может

²¹ Что переход *ǣ* в *ǫ* следует в таком случае приписывать весьма раннему периоду праславянского языка, на то указывают, между прочим, общеславянское *ŷ* из *ops* и *ŷ* из *ou*; двугласный *ou* мог, впрочем, существо-

быть, и то обстоятельство, что русским словам с сочетаниями *-оро-* и *-оло-* соответствуют в финском заимствованные формы с сочетаниями *-ar-* и *-al-* (ср. ВВ XX 147). Но как бы то ни было, образовалось ли *tārt* непосредственно из *tārt* или через *tōrt* из *tōrt*, во всяком случае, считаю несомненным то, что удлинение гласных предшествовало перестановке: *trāt* < *tārt* (такого мнения держится и Ягич AfsI Ph. XX // 53 и, кажется, тоже Фортунатов, ср. ВВ XX 128). На это указывают, с одной стороны, црк. *алѣдия* (или

558,90
(24)

алдиу), п. *tódz̃*, с другой стороны, подобные явления в латтских языках. В литовском языке, как известно, сочетания *ar*, *al*, *er*, *el* при нисходящем слогуударении переходят в *ār*, *āl*, *ēr*, *ēl* (напр., *vārna* «ворона», *mālka* «дрова»); в нижнелатышских говорах Лифляндии и отчасти Курляндии сочетания *ar* и *er* при нисходящем и длительном слогуударении переходят в *ār* и *ēr* (напр., *bārda*²² «борода», *vārna* «ворона», *mērkt* «мочить» и др.), при прерывистом же слогуударении сохраняют краткость гласного (напр., *darbs* «работа»). Но встречаем в Курляндии и также говоры, где сочетания *ar* и *er* при всех слогуударениях или переходят в *ār* и *ēr* (напр., в Кандауском приходе), или сохраняют краткость гласного (напр., в Жукстском приходе). Такое же чередование сочетаний *aṛ*, *āl*, *eṛ*, *eḷ* с сочетаниями *ār*, *āl*, *ēr*, *ēl* мы можем и, очевидно, должны предполагать для говоров славянского праязыка. В южнославянских наречиях, в чешском и словацком имелись сочетания *tārt*, *tālt*, *tērt*, *tēlt*, перешедшие потом путем перестановки в *trāt*, *tlāt*, *trēt*, *tlēt*; в русском, польском, сербо-лужицком²³ (о полабском не говорю, так как при запутанном правописании полабских памятников трудно восстановить полабский вокализм, особенно его историческое развитие) первоначально имелись

вать уже рядом с гласным *ā*, как это видим в латышских говорах; подобно тому и латышское *uo* < *an* (напр., *rūoka* «рука», лит. *rankà*) предполагает переход *an* в *on* > *ō* > *uo*.

²² О значении отдельных знаков ударения ср. мою статью «Über den lettischen Silbenakzent» (ВВ XXV 259 и сл.).

²³ В верхнелужицком, впрочем, по мнению Фортунатова (AfsI Ph. IV 575), при восходящем слогуударении является *-rō-*, *-tō-* (напр., *wróna*, *btóto*) и *-rě-* (*brěza*), при нисходящем — *-ro-*, *-to-* (*ztoto*) и *-rje-* (*drjewo*); по мнению же Муки (Histor. u. vergleich. Laut- u. Formenlehre d. niedersorb. Sprache, стр. 81), обоим лужицким наречиям свойственны, как и польскому, сочетания *trot*, *tlot*, *tret*, *tlet*.

559,91
(25)

сочетания *tařt*, *tařt*, *teřt*, *teřt*, сохраняющие краткость гласных. Сочетания *tařt*, *teřt*, *teřt* также // в кашубском сохранили краткость гласных, только сочетание *tařt* там перешло в *tãřt*. (По мнению Бодуэна де Куртенэ, ЖМНПр. СССР 114, в южнослав. наречиях произошло удлинение, потому что там еще существовали древние долгие гласные; на северо-западе же уже не было древних долгих гласных и потому не могло произойти удлинения! Сравнивая соответствующие, вышеупомянутые явления леттских языков, легко убедиться в неосновательности мнения Бодуэна де Куртенэ.) После этого удлинения гласных перед *r* и *l* в некоторых говорах, уже во всех говорах славянского праязыка гласный *ã* перешел в *õ*; трудно, однако, сказать, произошло ли это после или еще до перестановки. В русском затем образовался после *r* и *l* вторичный гласный (такого мнения держатся также Фортунатов, см. ВВ XX 128, и Ягич, ср. AfsI Ph. XX 53); подобное явление встречаем опять в говорах латышского языка, напр. *valadit* < *valdit* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 115) «владеть» (ср. также Bielenstein LSpr. I 102). В польском же и серболужицком путем перестановки получились сочетания *trot*, *tlõt*, *tret*, *tlet*, между тем как в кашубском (и тоже в полабском; только качество гласных полабских неясно) перестановке подверглись только сочетания, давшие в результате *tlot*, *tret*, *tlet*, а сочетание *tãřt* сохранилось (ср. об этом мнение Ягича AfsI Ph. XXII 34) поныне в виде *tart* (с сокращенным гласным; вследствие вторичного удлинения гласных в некоторых говорах опять является *tãřt*, напр. *skãřńõ* Бр. 329). Бодуэн де Куртенэ, считая кашубское *tart* новообразованием, заменившим собою пракашубское *tort*, все-таки утверждает (ЖМНПр. СССР 343), что «все кашубские говоры, вместе взятые, составляют особое целое, в противоположность всем польским говорам, вместе взятым»; исконное же существование *tart*, доказанное (надеюсь) мною, показывает, что кашубские говоры отделились от польских в весьма раннюю эпоху. //

560,92
(26)

В начале слов в кашубском, как и в прочих славянских наречиях, все сочетания гласных *a* и *e* с следующим *r* или *l* подверглись перестановке, причем в кашубском заметно тоже различие количества, которое встречаем в восточнославянских и западнославянских наречиях: *tokc* «локоть», п. *tokieć*; *tońi* «лони», п. *toni*; *robic* «робить», п. *robić*; *robæta*,

п. «robota»; *rola*²⁴ «роля», п. *rola*; *rosc*²⁵ «расти», п. *rósć*; *roz-* «роз-», п. *roz-*; *taknoc* «алкать», п. *taknać*; *takcemy* «лакомый», п. *takomy*; *remjā* < **ramjā* «рамо», п. *ramię*. На чем основывается различие между каш. *rola* и *parsq*, п. *ramię* и *krowa*, чеш. *lodi* и *hlava*, русск. *локоть* и *голова*? Если бы русск. **олкътъ* и **голва* одновременно подверглись изменению, то появились бы рядом или *локоть* и **глова*, или **олокоть* и *голова*; чтобы согласовать *локоть* и *голова*, Торбиернссон (ВВ XX 132) производит *голова* от общеславянского **glova*. Но даже если согласиться с этою вполне невероятною теориею, то все-таки остается необъясненным различие количества (при предполагаемой одновременности перестановки) между р. *лакомый* и *локоть*, каш. *rola* и **ramjā*, п. *ramię* и *krowa*, чеш. *lodi* и *hlava*. Различное слогуударение, на которое ссылается Торбиернссон (тут же, стр. 129), тут ничего не выясняет: нельзя же утверждать, что при одновременном изменении сочетаний *ǣr*, *ǣl* в начале и середине слов различие слогуударения отразилось только в начале слов. Итак, я согласен с Ф. Ф. Фортунатовым (ср. ВВ XX 128) в том, что общеславянская перестановка в начале слов предшествовала диалектической перестановке в середине слов. В начальных слогах такая перестановка, очевидно, легче мо-//гла произойти (ср. AfslPh. XX 50). Различие количества начальных сочетаний *ra-*, *la-* и *ro-*, *lo-* и Фортунатов (ср. ВВ XX 128) объясняет различием слогуударения, указывая на то, что русскому и западнославянскому *ra-* и *la-* соответствует в сербском *pǎ-* и *lǎ-*, а русскому и западнославянскому *ro-* и *lo-* — сербское *pā-* и *lā-*. Но мне кажется невероятным, чтобы, благодаря влиянию восходящего слогуударения, сочетание *ař* перешло в *ār* только в начале слов (напр., п. *ramię* : *krowa*); различие слогуударения тут не prius, но posterius. Полагаю именно, что в славянском праязыке имелись в начальных слогах сочетания *ār-*, *āl-* (с долгою гласных от индоевропейского праязыка) рядом с *ǣr-*, *ǣl-*²⁶; после того как в южнославянских говорах *ǣř*, *ǣl* перешли в *ār*, *āl*, во всех

561, 93
(27)

²⁴ Бискупский приводит (Prace filol. III 696) и форму *rela* с тем же значением.

²⁵ У Гильфердинга (стр. 83) встречаем и форму *resnyc* «расти».

²⁶ Гласный *a* в п. и луж. *radio* (рядом с *rola*), чеш. *rádlo* (рядом с *role*), р. *ратай*, *ральник* (рядом с *рольня*, *рольник*) появился, вероятно, на месте прежнего *o* благодаря влиянию сродных форм, произведенных от глагола *orati* : чеш. *oradlo*, р. *оратай*, *орало*, п. *oracz* и др.

говорах славянского праязыка произошла перестановка в начале слов. После этой перестановки также в чешском и словацком *tārt, tālt, teřt, teřt* перешли в *tārt, tālt, tērt, tēlt*, а в кашубском *tārt* в *tārt*; затем только произошла перестановка и в середине слов.

II

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ ПО КАШУБСКОЙ ФОНЕТИКЕ

562, 94
(28)

Польским *ś, ć, dź* обыкновенно соответствуют в кашубском твердые *s, c, ζ*, но изредка, не только перед согласными, но и перед гласными и в конце слов, также *š, č, ź*: *švist* «свист», п. *świst, świstnɔc* «свистнуть», п. *świsnɔć; śvirgɔlɛc* «плохо играть», п. *świergotać; čwikta* «свекла», п. *čwikta; ješlé* или *šlé* // «если», п. *ješli; ńegděš* P 83 «некогда», п. *niegdys; coš* P 110 (рядом с *cos* P 18), п. *coš; ćeděš*, п. *kiedyś; zóš* P 155 (рядом с *zós*²⁷ P 273), п. *zaś; zkɔdeš* P 270 или *zkɔdeš* P 116 (ср. п. *kędy*), п. *skądś; jaćiš* P 220, п. *jakiś; jakœš* P 151, п. *jakoś; źód* (рядом с *zód*), п. *dziad*. Эти *š, č, ź* следует, вероятно, приписывать влиянию польского языка: звуков, вполне сходных с польскими *ś, ć, dź*, кашубы не имеют, и поэтому кашуб, подражая польскому произношению, заменяет эти польские звуки своими *š, č, ź*, которые ближе, нежели *s, c, ζ*, польским *ś, ć, dź* (ср. ЖМНПр. ССXI 84). Другого рода чередование *s* с *š* и *c* с *č* имеем в следующих словах: *čto*, п. *cto; škrobac*, п. *skrobać* (ср. чеш. *škrábatì* и др. Miklosich Etym. Wrth. под *skreb-*); *šmagac*²⁸ (рядом с *smagac*), п. *smagać*; на подобное чередование в польском языке указывает Калина (Prace filol. IV 926); ср. подобное явление в латышском языке: *svūtra* > *švūtra*, *spars* > *špars*, *zvadzināt* > *žvadzināt*, *ciēkurs* > *čiekurs*, *džirkste* > *džirkste* и др.

Согласные *p, k, g, c, č* весьма часто для облегчения произношения переходят перед другими, особенно взрывными согласными в соответствующие спиранты: *f, χ, h* (звонкое *χ*), *s, š*: *ftaχ* или *ftoχ* Г 164 (у P *ptóχ*) «птица», п.

²⁷ Встречаем также формы *zaso* P 286 и *zase* Г 103; ту же местоименную форму *-s* встречаем еще в *as* (с сложным *aste* Г 96) или *os* «и» (Г 106, 107) и в *začim-s* (Г 102), *čes, dokɔdes*.

²⁸ Иногда *s, z, c* переходят в *š, ź, č* и путем ассимиляции, напр. *čeřńé* < *ceřńé*, п. *ciernie*; другие примеры у Брониша 339.

ptak; *χτο*, п. *kto*; *χτεž*, п. *któž*; *χтери* или *χteren*, п. *który*; *ñixt*, п. *nikt*; *daχtél*, п. *daktyl*; *viχt*, п. *wikt*; *špeχtor* (Prace filol. III 644; у Р *špektor*), п. *inspektor*; *ρæviχlac*, п. *powiktać* (н. *verwickeln*); *tχvic*, п. *tkwić* (ср. также *tχac* рядом с *tkać*, п. *tkać*); *hdzē* Бр. 324 (у Р *gže* или *že*, но стр. 231 также *ñihže* с *h*, // как и в форме *ñihdé* стр. 288), п. *gdzie*; *hbūr* Бр. 396 = *gbur* у Рамулта; *hdūnsk* Бр. 405 = *Gdōnsk* у Рамулта; *smuléc* рядом с *cmuléc* п. «*tulić*»; *vaspōn*, п. *waćpan*; *smqtōř*, п. *cmentarz*; *svjardnɔc* «твердеть» и *sviržac* «утверждать» Г 182 (ср. *svjardi* и *sviržec* у Р); *byšk*, п. *byczek*; *šteřé*, п. *cztery*. — Польскому *ch* изредка соответствует каш. *k*²⁹; *pšōrškac* Бр. 340, п. *pierzchać*; *kos* Г 98, п. *choć*; *kōta*, п. *chata*; *mācekā* М 413 (у Р *maceχα*), п. *macocha*; *křest* рядом с *χřest*, п. *chrzest*; *křept*, п. *grzbiet* (ср. р. *xpeber*). В *ω* перешло *χ* в слове *twdōř*, п. *tchórz* < **džchorь* (ср. заимствованное ла. *dukurs*; *v* имеем вм. *ch* также в срб. *твор* и нижнелуж. *tuof*).

563, 95
(29)

Польскому «стесненному» *ó* (= *u*) обыкновенно соответствует в кашубском долгое *o* (у Р *ò*, у Бр. *ō*), но изредка, в заимствованных, очевидно, из польского языка формах, также *u*: *mūsk*, gen. s. *mūska* Бр. 340 (у Р *muzg*, -*u*), п. *mózg* (чит. *musk*); *mul*, п. *mól*; *muj* (рядом с *mòj*), п. *mój*; *pujda* Г 103 или *puďa* у Р (II s. *pučes*, но праet. *ρæšed*), п. *pòjďe* (истинно кашубская форма была бы **pòndq*, ср. *dòndq* с *n* по аналогии *vendq* < *vъn-ъdq*) и др. Это заимствованное *u* затем на кашубской почве в известных случаях правильно перешло в *e* (*é*): *χtež* (Сен. *χtés*), п. *któž*; *cež* (Сен. *cés*), п. *cóz*; *χтери* или *χteren* (Сен. *χtéri*, *χtéren*; Бр. *χtéren* 353 и 362), п. *który* (рядом с *χtež*, *cež* имеем *χto*, *co*; рядом с *χтери*, *χteren* также *χtòri* Р 292, *χtoren* Р 293).

Польскому влиянию, кажется, можно приписывать также появление предлогов *z* или *ze* (в значении латинского *cum*, напр. *z ñp* Р 293, *ze mnɔ* Р 293, *zetřec*, п. *zetrzeć* и др.) и *wœd* или *wœde* (напр., *wœd mje* Р 285, *wœdervac* и др.) рядом с исконно кашубскими формами *s* или *se* (ср. словарь Р под *s* и *z*, и Сен. 66; у Гильфердинга встречаем предлог *s* также с родит. падежом, напр. *sé svjata jic* 109, также Бр. II 26; у Гильфердинга встречаем также сложные глаголы *sešed* 130, *servac* 116, *seslac* 106 и др., которым в словаре Р соответ-

564, 96
(30)

²⁹ *χ* вместо *k* имеем в словах: *kiobux* рядом с *kiobuk*, п. «*kapelusz*» (ср. *клобук*); *χætomɔr*, п. *komar* (Prace filol. III 372).

ствуют *zešed, zervac, zestac*) и *wæt* или *wæte*. Русскому же предлогу *изъ* как в польском, так и в кашубском соответствует предлог *z*: *z aksamite* P 2, *z lasa* 258 и др.

Предлоги *za* и *na* являются, в случае удлинения гласного *a*, то в виде *zô* и *nô* (*zôč* P 125, *zônc, zôpis; nô to* P 269, *nô sq* P 1, *nô ĩen* 121, *nô mjq* 243, 265), то в виде *zò* и *nò* (*zò to* P 269, 288, Сеп. 78, *zò tq trôvq* P 297, *zòč* P 273, *zò mjq* Сеп. 67; *nò to* P 223, 237, 288, *nò mjq* P 211, 218, 258, 261, Сеп. 67, *nò ten* P 274). Полагаю, что формы *zò* и *nò* первоначально возникли перед следующим *n* или *m*, так как по Бронишу (стр. 332) *a* перед *n* и *m* удлиняется не в *ô*, но в *ò* (Бр. *ò*)³⁰. Первоначально, значит, говорили: *zò mjq, nò mjq* и: *zô to, nô to*; затем стали употреблять *zò, nò* вместо *zô, nô* и наоборот. Это чередование форм *zò* и *zô, nò* и *nô* вызвало, вероятно, новообразования *dô-dôm* (Бр. 396; на стр. 363 (*dô-dôm*) и *nôd-mô* (Бр. 396), *nòd to celq* (Сеп. 67; у P *nòd to*).

565, 97
(31) Согласный *w* (также *t*, перешедшее в *w*) иногда (в некоторых говорах обыкновенно, ср. Бр. 326 и 407) исчезает перед *o* и *u*: *gòzč*, п. *gwózdž* (ср. Бр. 327), *χiěšč*, п. *chwoszcz* (Бр. 349), *skôrc* «скворец» (Г 180), *dôrnica* < *dvôrnica* «изба» (Г 163), dat. s. *munârovî* «мельнику» (Г 121; у P *mténôr*), *guěva*, п. *gtowa* (Бр. 407), *gôjka*, п. *gtówka* (Бр. 408), *gûpi* «глупый» (Бр. II // 68) и др. Имеются также случаи исчезновения *v*, особенно мягкого *ú*: gen. s. *stôrnî* к пом. s. *stôrnôf* (рядом с gen. s. *pônví* к пом. s. *pônef* Бр. 371), *jatojca* < *jatovica*, *nogajca* < *nogavica*, *raqajca* < *raqavica*, *Janojca* < *Janovic*, *sjiĥa* < *sviĥa* (Wisla VI 217), *sjetu* (Wisla VI 217; у P *svjati*), ср. также М 419, 425, 426. Это исчезновение мягкого *ú* следует иметь в виду при объяснении слов вроде *vjĭva, viskac* и др. Подобным образом чередуются *mî* и *mĭ*: *mĭnasto* < *mjasto* P XXXI, *mĭešac* < *mješac* P XXXI, *mĭec* < *mjec* Prace filol. III 421; *mĭx*, п. *mnich*; *mĭška*, п. *mniszka*; *mješi* < *mĭeši*, п. *mniejszy*.

В *g* перешло *v* в словах: *gdôva* Бр. 340 (у P *vdova*); *batgœxvólca*, п. *batwochwalca*; в *b* в словах: *skobronk* Г 180 (у P *skœvrònk*), *bezla* «возле» Г 117. Из *g* получилось *w* в слове *wæspodař* Г 188 (у P *gæspædôř*).

³⁰ Если это *ò* из *a* не встречается в словаре Рамулта и в других случаях, так это неудивительно: язык этого словаря, как сам Рамулт заявляет (стр. XXXI), представляет обобщение особенностей средних говоров (ср. также ЖМНПр. СССХ 324).

Перед следующими мягкими согласными, особенно перед *n*, диалектически образовалось вставочное *i*: *rōžáinc*, *věchuěvóáinc*, *puěsláinc*, *kōinc* Бр. 338, *tájnši*, *kaincěstí* «угловатый» Бр. 361 (от нем. слова *Kante* «край»), *tidzějn* М 408, асс. s. *štejno* Г 103 (там же пом. s. *šténa* «час», нем. *Stunde*, нижнен. *Stunn'*); это явление встречаем уже в самых древних памятниках кашубского языка: *w Gdainsku* или *Gdaińsku* (AfsIPh. XX 557 и 558), *dzein* (там же 575) и также *weilkye* (там же 577). Последнюю форму Лоренц заменяет формой *wielkye*, считая *weilkye* ошибкою, но мы встречаем форму *vjěld'ji* также у Микколы 424.

Согласный *d* перед *l* иногда исчезает: *garto* < *gardto*, *garlany*, *gartôc*, *wugarléc* < *wugardléc*; *vztuž*, п. *wzdtuž*; *vele* рядом с *vedle*; *poel* или *poele* рядом с *poedle*. Перед *n* перешло *d* в *g* в слове *přesmargnoc* (Prace filol. III 603; у Р *přesmjardnoc*).

Примеры чередования звонких и глухих согласных в одном и том же корне (ср. Brugmann Grdr. I², стр. 629 и сл.) имеются и в кашубском: *strovу* рядом // с *zdrovу* «здоровый» Г 182; *dzięgnó* рядом с *cęgno* М 426 «рыбыи молоки»; *žuba* рядом с *šeba*, п. *szuba*; *wýtárgnoc* Бр. 341 рядом с *wutarknoc* Р; *věži* рядом с *věši*, п. *wyžej* (сравн. степень от *věsok* «высоко»); *buха*, п. *pycha*, и *bušny* (рядом с *pěšny*), п. *pyszny* (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *buch-* и *püch-*); *lik* п. «tylko», «jedynie», «nieustannie» и *liki* п. «aż do» (Prace filol. III 414; оба слова от корня *lik-*, ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *lik-* 2); гот. *galeiks*, лат. *lidzigs* «похожий», *lidzens* «ровный», *lidz* «до»; *kětp*, ген. s. *kětpja* < **kьlpь* «лебедь» (у Прейса 8 *kietb*; ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *kьlp-*): лат. *gùlbis* «лебедь»; *btozno* п. «nasad u sań» (у Г 160 *bluozna* «полозья у саней»; ср. лат. *balziens* «козачка» и Mikl. Etym. Wrtb. под *bolz-*): п. *ptozy* (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *pelz-*); *tą'ci* п. «gibki», «giętki», *tağəvac* п. «giąć», *paṭog* п. «paṭak» (ср. п. *tağ*, р. *луг* и лит. местное название *Palanga*) : *tağ* п. «smук», *tağka* п. «tağka» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *lenk-* и *lonka*; ср. также лат. *liekna* «низменность», «луг» и *licis* «надречье», «луг по берегу реки», от *liks* «кривой»). — Двойники же *běstri* и *pěstri*, п. *pstry*, по всей вероятности, восходят к одному и тому же **рьstry*; подобно тому и *stebto* рядом с *zčebto*, п. *ždžbto*, от **stьblo*. — Как в *stebto*, так и в *stegna*, п. *ściezka*, имеем *t* вместо ожидаемого *s*. Изредка является также *r* вместо *ř*: *tovariš* рядом с *tovařěš* (вследствие дисси-

566, 98
(32)

миляции?), асс. pl. *prijacelov* Г 133 (у Р *přejacel*); ř вместо r, кажется, имеем в слове *gřebjô*, п. *grubość*.

В словаре Рамулта не встречаются все исконно кашубские формы с сочетанием *-ir-* (= п. *-jer-*); укажу на следующие: асс. s. *viřχny* Р 292 (в словаре *vjeřχny*); *sěrota* Бр. 331 «сирота» (у Р *serota*), *šěroči* Бр. 331 «широкий» (у Р *šeroči*).

567, 99
(33) Гласный *a* иногда переходит в *e* перед мягкими согласными, особенно перед *j* в повелительном наклонении: II s. imper. *dej* Р 23, II pl. *volejce* Г 110; *eńi* // Г 116 (у Р *ańe*, п. *ani*). Вместо *a* имеем *i* в слове *jĩrmœ*; п. *jarzmo*.

Укажу еще на некоторые случаи исчезновения гласных в середине слов: *pœmœ* < *pœmœs*; *těbjes* < **těbéjes*, п. *tybyś* Р 174, *jôbjem*, п. *jabyum* Р 203, *žebjes* Р 175, *šlěbjem* Р 243; *ćejm* < *ćejjem* Р 224; ср. также Г 89.

III

ЗАМЕТКИ ПО КАШУБСКОЙ МОРФОЛОГИИ

В дат. п. единств. ч. основ на *-o* вследствие психического смешения окончаний *-u* и *-ovi* (*-jevi*) возникло новое, изредка встречающееся окончание *-ovu* (*-jevu*): *duxovu* Г 97, 99; *šeprovu* Г 97, *końevu* Г 101.

В твор. п. множ. ч. в некоторых говорах (Бр. 338) перед *-i* всегда слышится твердое *m*: *knôpāmī*, *slôvāmī*, *b'álkāmī* и др. (ср. также *s pôrq kôńemy* Р 289); в других говорах (Бр. 403) соответствующие формы оканчиваются на *-më*: *s tēmë psāmë*; *ráibrāmë* (Бр. II 59). Брониш указывает (338), правда, на некоторые случаи отвердения согласных, но в данном случае вряд ли имеем дело с чисто фонетическим отвердением. Окончание *-mī* (*-më*), вероятно, восходит не к *-mī* непосредственно, но к *-mū* (это *-mū* еще имеем в *zá-ńĩtmū* Бр. II 62) с гласным *-u* по аналогии основ на *-o* и на согласные (ср. подобные новообразования великорусских и белорусских говоров: *слезамы*, *городамы*). Это окончание *-i* (из прежнего *-y*) весьма употребительно в основах на *-t*: *s dvuma arcéksôžqti* Р 3, *s kačqti* Р 66, *s celqti*, *s ščeńqti* Сеп. 29; но встречается оно изредка еще и в словах других основ: *lāti* Бр. 380, *s χlúôpi* М 427, *pœd tēmī čarovńiki* Г 97; даже от основ на *-a*: *s rébi* Г 97, *se svemī corki* Г 105.

В вин. п. ед. ч. от основ на *-y* встречаем у Гильфердинга (107) раз окончание *-i* (из *-y*): *v cerki*; // ср. црк. асс. с. *цръкы, любви, любви, прѣлюбы* у Миклошича Vergl. Gramm. d. slav. Spr. III 40. 568, 100 (34)

Некоторые существительные, имеющие в им. п. ед. ч. такое же окончание, как и прилагательные, принимают в косвенных падежах иногда окончания прилагательных: gen. s. *krōlēvněj* Бр. II 3 (nom. s. *krōlēvnō*; ср. там же gen. s. *cēplēj*), dat. s. *krōlēvněj* Бр. II 11 (ср. dat. s. *mlōděj* Бр. II 2), gen. s. *Jeřégœ* P 121, loc. s. *v čěřóōnim wuēdzēnim* Бр. II 7, *v drěkuēvim wuēblēcēnim* Бр. II 7, *na pœdwœřim* P 145, *ve spařim* P 285, *přě tim grōnim* P 289, *v tim jeřeřim* P 290. Не имели также Карлович и Брюкнер никакого права оспаривать³¹ существование форм вроде gen. s. *zelégœ* (не только P XXVI, но и 268, 284), *ščescégœ* (P XXVI), *žécégœ* (P XXIX), *kōzaňégœ*, *zbočžégœ* (P XXIX); dat. s. *žécětu*, *kōzaňětu*, *zbočžětu* (P XXIX), *ňěščescětu* (P 284).

В косвенных падежах прилагательных весьма часто вместо *e* является *i* (*ě*), даже под ударением: gen., асс. s. *dōbriwuiě* Бр. 385, *drědžiwě* Бр. II 19, *takjiwœ* P 284, *družigœ* P 290, *ceziwo* Г 135, *dregiwo* Г 135; dat. s. *mlōděmuŷ*, *cōarděmuŷ* Бр. 399, *dōbrimuŷ* Бр. 385, *zlimu* Г 99 и др. Это *i* (*ě*) появилось вместо *e*, вероятно, под влиянием гласного *i* в им. пад. ед. ч. и в косвенных падежах множ. числа³².

В род. п. ед. ч. прилагательных муж. и ср. рода в конце вм. *-o* является также (должно быть, под влиянием // именного склонения) *-a*: *mojewá*, *przyrodzonewá* (AfsI Ph. XX 565), *jednewá* (там же, 566); ср. также M 428. 569, 101 (35)

От местоимения **jь* встречаются формы с начальным *n* также без предлога: gen., асс. s. *ńewo* Г 91, 101, 104; dat. s. *ńetu* Г 91; асс. s. средн. р. *ńe* Г 90; асс. s. муж. р. *ńen* Г 99. — Вместо *-o* встречаем в пот., асс. s. среднего рода местоимений *ten*, *nen*, *jeden* также окончание *-e*: *jene žěvčo*, *te žěvčo*, *ne žěvčq* Г 119. От местоимения *ten* встречаем

³¹ Увлекаясь своим усердием устранить по возможности всякое различие между кашубским и польским языками, Карлович и Брюкнер, говоря об этих формах, позволяют себе даже такие выходы против Рамулта: «*bałamuctwo to ruścić w obieg Ramult*» (Карлович, *Gwara kaszubska* 14); и: «*man dichtete einige Formen hinzu, die nicht recht vorzukommen scheinen, z. B. *szczęściego**» (Брюкнер *AfsI Ph. XXI* 75; прискорбно читать в этом журнале подобные вещи).

³² Подобное новообразование имеем в дат. п. *jimu* Г 103, 104, 110 (рядом с обычным *jemu*).

у Гильфердинга (стр. 144) еще древнюю форму местн. п.: *v tom pjeke*. У Гильфердинга встречаем также иногда в род. п. ед. ч. местоименной флексии окончание *-owo*: *towo* Г 97, 115, *jinowo* 104, *jednowo* 150, *noo* 135.

Местоимение *nen* «оный» Гильфердинг пишет *'nen*, полагая (стр. 87), что *nen* произошло от *onen*, последняя форма, однако, нигде, кажется, не встречается в наших источниках. Нет и никакой надобности держаться мнения Гильфердинга: местоимение *nen* образовалось от основы *no-* (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *nŭ*), как *ten* от основы *to-* (ср. производные формы: *tanen*, *znod*; *donod*; *wætnod*; *zeno*).

Древнее местоимение **ць* сохранилось не только после предлогов, напр. *doč*, *proč* Р 15, *zôč* Р 125; *co wæen zoč* «что он такое» Г 91, 103, но также в связи с союзом *a*: *ač to?* п. *a co to?* Р 1, 185. Средний род ед. ч. местоимения *ko* имеем, вероятно, в частице *kœ*, п. *toč*, *no*, *oto* Р 73, Сеп. 73, 82.

Польским глаголам с окончанием *-ieć* (из *ěť*) у Рамулта правильно соответствуют глаголы с окончанием *-jec* (напр., *ševjes*, п. *siwieć*), а у Брониша (стр. 354 и 391) встречаем те же глаголы с окончанием *-jôc* (*sěvôc*, *bledňôc*, *zěmňôc* и др.); окончание *-jôc* возникло на месте прежнего *-jec*, должно быть, под влиянием причастий на *-jôl*³³ (напр., *sěvôl*, женск. р. *sěvôla*, // множ. ч. *sěvôlě*), где *jô* правильно образовалось из *jā* < *ě* (ср. п. *siwiat*). — Утверждение Флоринского (Лекции II 578), что прич. прош. вр. действ. зал. на *-ši* не сохранилось даже в виде деепричастия, не совсем правильно; сам Флоринский приводит потом (на стр. 580 и 581) формы *běvšě* и *davšě*; а у Рамулта и Гильфердинга встречаем и другие примеры: *kupivšě* Р 84, *vzavšě* Г 139, *řekšě* Г 142.

IV

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ МЕЛОЧИ

Слово *čečq* «щенок» Бискупский неверно сближает (Praese filol. III 347) с п. *suc* (< н. *Zitze*), так как уже в формальном отношении это невозможно; *čečq* восходит к **čičq* (ср. *čes*, п.

570,102
(36)

³³ Укажу здесь еще на новообразование другого рода: // *č'ic* (с part. praes. *č'ot* и *č'qti*) «гнуть», п. *giqč* < **gnqč*, чеш. *hnouti*; к наст. врем. *gnq* возникло *č'ic* вм. *gnqč* (последнюю форму встречаем Бр. 388) по аналогии отношения praes. *tnq* к inf. *cic* и др. Подобно тому образовалось и *dic* < **dqč* к наст. врем. *dmq* по аналогии отношения praes. **žmq* (Бр. 388: *věžmō* < **věžmō*) к inf. **žic* (Бр. 388: *věžic*).

czuć; *čepřéna*, п. *czupryna*; гласный *и* сохранился еще в форме *čička* Сеп. 77), а **čičq* восходит к праслав. **keuke* (ср. статью Бернекера IF X 145—167), которое родственно с ла. *kucens*³⁴ «щенок», *kàukt*, лит. *kaūkti* «выть» (ср. также Mikl. Etym. Wrtb. под *kyka-*).

Слово *čěrny* «чистый» родственно, конечно, не с нем. *Kern* (как говорит Бискупский, Pgrace filol. III 374), но с п. *szczyry*, р. *щирый*, чеш. *čirý*, гот. *skeirs* (*ʃkir, skir*).

Слово *râja* (Г 178) «болото», «топь» сближаю с ла. *râja* «грязная железистая вода» (или: место с та-//кою водою; в таком же значении употребляется и форма *râva*).

Слово *mřeža* «мережа» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *merža*) сближаю с ла. *meŕga* или *maŕga* «перила» (ср. малорусское *мережа* «сеть» или «решетка», и в формальном отношении р. *мерега*).

С каш. *jesora* < **josora* «рыбья кость» (ср. Mikl. Etym. Wrtb. под *os-*) одинаково образовано ла. *asaris* «окунь» (костистая рыба).

Слово *bagńic sq* «ягниться» Бискупский (Pgrace filol. III 359) верно производит от **agne*, не объясняя, однако, начального *b*. Дело в том, что сложный глагол *wœb-agńic sq* кашуб мысленно разделил на *wœ-bagńic sq* (тем более что существительное является теперь всегда с начальным *j*: *jagńq*) и таким образом получил простой глагол *bagńic sq*. Подобное новообразование встречаем в форме *zeblec* P 288, возникшей под влиянием формы *wœblec* P 296 < **ob-blec*.

Слово *bòkadosc* «совершенно довольно» (по Г 160; по P как существительное: «изобилие») представляет собою собственно целое предложение: *bo* (= *bqže*, III s. fut. от *béc*, ср. Г 89) -*ka* (приставочная частица; ср. Г 167) *dosc* («довольно»).

Укажу еще на некоторые германизмы: *vode draxt* Г 129: нижнен. *Dracht Water* (ср. словарь Dähnert'a 85); Гильфердинг неверно производит *draxt* от нем. *zu Recht*; *gròtka* «старая женщина», «повивальная бабка» и *gròsk* или (Г 165) *gròtk* «дед»: нижнен. *Grootmoder* (Dähnert 163) или *Groszke* (**Grotke*; ср. словарь Frischbier'a I 255 и 256) «бабка», «повивальная б.»; *Grootvader* «дед».

Слова *vzic sq v naxt* P 284 «остерегаться» Рамулт верно производит от нем. *sich in Acht nehmen*; только начальное

³⁴ Под влиянием слова *kucens*, может быть, и ла. **suŕa* «сука» перешло в *kuŕa* (рядом с *kusa* «сука»).

501 272
272 101
(83)

571, 103
(37)

318

572, 103
(38)

n слова *naht* никак не принадлежит здесь каш. предлогу *v* (из **vъn-*), к чему склоняется Рамулт, но нем. предлогу *in*: кашуб принял слова *in Acht* за *in Nacht*. //

madac «играть»: нижнен. *madden* (Dähner 291).
hok или *ok* «кран»: н. *Hahn(chen)*; ср. ла. *aŋkins* (того же значения и происхождения).

drak, п. *tajno*: нижнен. *Drank* (Dähner 86, Frischbier I 146; оттуда же ла. *draŋkis* «пойло», «помой», «грязь»).

bez «около» (напр., *bez dvasta talaròv*): нем. *bis* (*bez pòtovq* Р 283 и 284 «до половины»); относительно гласного *e* ср. *gvés* < н. *gewiß* (*bez* вместо **bés* под влиянием предлога *bez* «без»).

Юрьев. 24/V 1901.

LETTISCHE KOMPARATIVBILDUNGEN

[1902 BB XXVII 315—319]

In den Schriften des Mancelius (z. B. Postille I 39 und 41) 315
 findet sich öfters das komparativische Adverb *labis* «besser»;
 entschieden komparativische Bedeutung hat auch das Adverb
*vairs*¹ «mehr», das auf **vairis* zurückgeführt werden kann //
 und wohl von einem Adjektiv **vair(a)s* «groß», «viel» (davon 316
 das Verbum *vairuôt* «mehren», wie von *labs* «gut» — *labuôt*
 «bessern») abgeleitet ist, von dem auch das Adverb *vairâk*
 «mehr» stammt; auf **vairis* gehen wohl auch die dialektischen
 Formen *vairi* (von Bielenstein LSpr. II 279 aus Volksliedern
 angeführt), *vair*, *vais*, *vai* zurück. Mühlenbach (DJ III 25)
 sieht in *labis* und *vairs* alte Instr. Pl., desgleichen in pr. *tâlis*
 oder *tâls* «weiter», und verweist in semasiologischer Hinsicht
 auf litauische Ausdrücke wie *tolyn važiūoti* «weiter fahren».
 Aber die litauischen Formen auf *-yn* sind ja keine Instrumentale
 und erklären deshalb keineswegs, wie ein Instr. *labis* zur
 Bedeutung «besser» gekommen sein sollte. Außerdem kann
 auch pr. *tâl(i)s* kein Instr. Pl. sein, da ja im Preußischen dieser
 Kasus noch den Diphthong aufweist (Berneker Pr. Spr. 197).
 Das *-is* in pr. *tâlis* ist vielmehr dieselbe Komparativendung,
 die wir in lat. *magis*, got. *hauhis* finden (Berneker
 [Pr. Spr.] 211). Und so sehe ich auch in den lettischen Formen

¹ Die Angabe Ulmanns (im Wörterbuch) und Mühlenbachs (Daži jautā-
 jumi par latviešu valodu III 27), daß *vairs* nur in negativen Sätzen vor-
 kommt, mag allenfalls für bestimmte Mundarten richtig sein. Wenn aber 316
 Mühlenbach ganz allgemein einen Satz wie *tikai // nātras un nezāles vairs*
siltajā saulgozī (der Schrift eines Kurländers entnommen) «es gibt nur noch
 Nesseln und Unkraut im warmen Sonnenschein» für fehlerhaft aus gibt und
 darin einen Germanismus sieht, so muß ich dagegen entschieden protestieren.
 In Wolmar und anderwärts steht eben *vairs* nach *tik(ai)* «nur» auch in posi-
 tiven Sätzen. Im übrigen ist das Wort vielleicht wurzelverwandt mit *viris*
 «Mann», vgl. got. *manags* : aksl. *mąžb*. Unverkennbare Komparativbedeutung
 hat das Wort z. B. im folgenden Satz: *katters ariditczan wayrs gir neka*
wens Prophetz «der auch mehr (μετ' ὅν τι) ist als ein Prophet» (Evangelia
 und Episteln, Riga 1615).

317 *labis* und *vairs* alte Komparative; vielleicht sind es auch *pirms* aus *pirmis* (die letztere Form finde ich noch² in BW 499, 1. Var. und in den Aufzeichnungen aus dem Dialekt der preußischen Letten, die ich der Güte Hrn. L. Behrsins verdanke; neben *pirms* ist jetzt *pirmâk* im Gebrauch) «ehe», «früher» und *senis* (Bielenstein LSpr. II 273; dafür ist üblicher *senâk* oder — in Paddern — *senâks*, wo das -s vielleicht auch vom Komparativ stammt) «vor Zeiten». Doch können die zwei letzten Formen auch Instrumentale sein, wie es ganz sicher *reġtis* «selten» (Wolmar) ist. Unentschieden muß ich die Frage lassen, ob das -is in *labis* ursprünglich ist (wie in pr. *tâlis*) oder aus -ais gekürzt ist (vgl. pr. *massais* «weniger», Berneker [Pr. Spr.] 210); denn in lautlicher Hinsicht ist // meiner Ansicht nach beides möglich³. Sollte *vairs* über **vairis* auf **vairais* zurückgehen, so sollte das *i* wohl sich erhalten haben, doch ist der Verlust desselben in diesem so gebräuchlichen Adverb nicht auffallender als etwa der Verlust des *i* in *pêc* «nach» aus *pêdis* (vgl. Mühlenbach DJ III 87 f. und 102) oder in *driz* «bald» aus *drizi* u. a. (vgl. Zubatý Flickvok. 7). Daß aber in *labis* auch dieselbe Endung vorliegen kann wie in pr. *tâlis*, dafür dürften sprechen bei Mancelius vorkommende Formen wie N. S. *avis* «Schaf», *viesis* «Gast» (dazu der N. Pl. und Akk. Pl. *viesis*, also ein *i*-Stamm; heute N. Pl. *viesi*), neben denen auch Formen ohne *i* wie *sirds* «Herz» vorkommen. Freilich ist es nicht ganz sicher, daß in den angeführten Nom. S. wirklich altes *i* vorliegt. Man müßte auch für die Zeit des Mancelius erwarten, daß der Nom. S. — *sirds*, der Gen. S. dagegen — *sirdis* lautet (regelrecht heißt es in der Dispositio imperfecti: N. S. *sirds*, Gen. S. *sirdis*; bei Mancelius dagegen schwankt die Endung im Gen. S. zwischen -s und -is wie im

² Vgl. auch Mühlenbach DJ III 88.

³ Die Behauptung Poržezinskijs (Сборн. Форт. 626 und 645), daß im Lettischen der Diphthong *ai* in Endsilben nirgends zu *i* gekürzt sei, hat für mich nichts Überzeugendes; wie will denn Herr Poržezinskij die alten Dative von *â*-Stämmen auf *i*- erklären, die, in erstarrten Redewendungen (z. B. *pa labi rûoki* «zur rechten Hand», *partiesi* «wahrlich» u. a.), bei Mancelius und dialektisch auch noch heutzutage vorkommen? Daß die jetzt üblichen Formen wie *rûokai* nicht lautgesetzlich sind und ihren Ursprung der pronominalen Flexion verdanken, hat schon Zubatý vermutet (Flickvok. 8), sogar — dem Anscheine nach — ohne die erhaltenen Formen auf -i zu kennen. Vgl. dazu Zubatý Genitivend. 11. Für den entsprechenden Wandel von auslautendem -au zu -u, der von Poržezinskij (ibidem) gleichfalls in Abrede gestellt wird, ist ein sicheres Beispiel die Form *pušu* «entzwei»: lit. *pusiaũ*.

Nominativ⁴: *pilis* «der Burg» neben *sirds* «des Herzens»). Ferner beachte man, daß dialektisch noch heute der Nom. S. der *i*-Stämme auf *-is* auslautet: Bezzenberger Lett. Di.-St. 160 führt aus Puseneeken und Schlehk den Nom. S. *zivis* «Fisch» an, und ich habe mir in Kabillen die Nom. S. *guov's*⁵ «Kuh», *zuv's* «Fisch», *sierd's* «Herz», // *piert's* «Badstube», *ac's* «Auge» (dieselbe Form hat dort der Gen. S., also: *guov's*), in Samiten *guov's*, *zuv's* gemerkt. Wenn man endlich bedenkt, daß in den talmischen Mundarten von Puseneeken und Schlehk sogar ursprünglich lange Suffixvokale gekürzt und teilweise ganz geschwunden sind und auch den Mundarten von Kabillen und Samiten derartiges nicht ganz fremd ist⁶, so wird man wohl schwerlich an Erhaltung des ursprünglichen *i* in den genannten Nominativen denken. Wahrscheinlich ist in Kabillen und anderwärts das *i* aus dem Genitiv, wo es lautgesetzlich war, auf den Nominativ übertragen und in den übrigen Mundarten der Genitiv dem Nominativ angeglichen worden (etwa nach dem Muster der konsonantischen oder gar *u*-Stämme⁷, wo der Nom. und Gen. S. vielleicht schon zu einer früheren Zeit die gleiche Form erhielten?). Wenn diese Annahme richtig wäre, so würde man auch das Schwanken zwischen *-is* und *-s* bei Mancelius leicht verstehen. Gleichwohl halte ich es nicht für unmöglich, daß in der Form *labis* altes *i* vorliegt, das aus irgendeinem uns unbekanntem Grunde erhalten blieb⁸ (etwa um den Zusammenfall dieser Form mit dem Nom. S. des Adjektivs *labs* zu ver-

⁴ Die gleiche Inkonsequenz findet man in den allerältesten lettischen Drucken von 1586 und 1587.

⁵ Durch diese Schreibung soll die Tonlosigkeit des *i* bezeichnet werden; kurze Endvokale der mittleren Dialekte werden dort (in Kabillen und anderwärts) meist tonlos gesprochen.

⁶ Belege werden in einer zusammenhängenden Darstellung dieser Mundarten gegeben werden.

⁷ Für unrichtig halte ich die Behauptung Brückners (AfsI Ph. III 250), daß ein Gen. S. wie *akmens* (die Qualität des *e* in diesem Wort ist mir unbekannt, doch vergl. den Gen. *rudens* «des Herbstes» mit geschlossenem *e* aus Weinschenken) «des Steines» nur auf eine Neubildung **akmenis*, nicht aber auf eine konsonantische Form (wie lit. *akmeñs*) zurückgeht, was durch die Erhaltung des *-en-* bewiesen werde. Auch wenn *akmens* (gleich lit. *akmeñs*) auf **akmenes* zurückgeht (und das halte ich für ausgemacht), mußte das *-en-* erhalten bleiben. Ebenso wenig kann ich Brückner beipflichten, wenn er (AfsI Ph. III 284) für einen Gen. S. wie *sirds* eine rein lautliche Entwicklung aus **sirdies* annimmt; eine Grundform **sirdies* möchte man aber auch fürs Urlettische annehmen. Anders darüber Bezzenberger BGLS 132.

⁸ /Viel wahrscheinlicher scheint mir jetzt die Annahme, daß *labis* aus **labais* entstanden ist. Korrekturnote./

meiden?). Was nun endlich die Formen *vairi* und *vaira* anbetrifft, die ich nur aus Volksliedern kenne, so muß man das -i und -a dieser Formen wohl für Flickvokale ansehen, was keine Schwierigkeit bereitet. In den Formen *vair*, *vais*, *vaī* haben wir Verstümmelungen vor//uns, denen Adverbia und Partikeln selten ausgesetzt sind, vgl. Bezenberger Lett. Di.-St. 46 und Zubatý Flickvok. 13.

Wenn zwei Eigenschaften verglichen werden, so steht im Lettischen (wie im Lateinischen) der Komparativ beider Adjektiva, z. B. *sivēnc rēšnāks nekā garāks* «das Ferkel ist mehr dick als lang» (Kaugershof), doch steht zuweilen nur das erste Adjektiv im Komparativ, z. B. *sūnc rēšnāks kâ garš* «der Hund etc.» (Wolmarshof).

In einigen westlivländischen Mundarten entspricht dem deutschen «als» nach Komparativen die Präposition *uz* (wie *ūž* im Litauischen), z. B. *uz manim vēcaks* «älter als ich» (Loddiger).

Die folgende Zusammenfassung der in den vorstehenden Abschnitten behandelten Erscheinungen ist in der Tabelle auf Seite 320 gegeben. In der Tabelle sind die Erscheinungen in drei Spalten angeordnet. Die erste Spalte enthält die Erscheinungen, die in den vorstehenden Abschnitten behandelt sind. Die zweite Spalte enthält die Erscheinungen, die in den vorstehenden Abschnitten nicht behandelt sind. Die dritte Spalte enthält die Erscheinungen, die in den vorstehenden Abschnitten nicht behandelt sind.

LETTISCHE ETYMOLOGIEN

[1902 BB XXVII 188—191]

piedruokne

Oben [BB] XXV 270 leitete ich *piedurkne* «Ärmel» von dem Verbum *piedurt* «anheften» ab und ließ weiterhin aus *piedurkne* über *pieduorkne* — *piedruokne* entstehen. Nun aber findet sich *piedruokne* auch in solchen Mundarten (Schlock, Mitau, Siuxt u. a.), die den Übergang von antekonsonantischem *ur* in *uor* nicht kennen; mithin kann *piedruokne* nicht aus *piedurkne* entstanden sein, wohl aber lassen sich alle dialektischen Formen, wie wir unten sehen werden, auf *piedruokne* zurückführen. Man hat also mit Bielenstein in dem zweiten Bestandteil der Form das Wort *rùoka* «Hand» zu sehen; es fragt sich nur, was das *pie-* ist. In *pie-d-* es zu zerlegen, was Bielenstein tut, sind wir natürlich nicht berechtigt, und auch die Vermutung Prellwitz' (o. [BB] XXII 123 n., 77 n.) ist mir ganz unwahrscheinlich. Ich sehe also darin ein aus dem Germanischen (vgl. got. *paida*, ahd. *pfeit*, as. *pēda* «Rock, Unterkleid») entlehntes Substantiv **pieda* «Rock»: *pēdruokne* bedeutete also ursprünglich «Rockärmel» (man beachte, daß dialektisch das bloße *rùoka* «Ärmel» bedeuten kann). Im Lauf der Zeit ist mit dem Wechsel der Moden das einfache Wort **pieda* verlorengegangen und infolgedessen der ursprüngliche Sinn der Zusammensetzung vergessen worden, so daß das Wort mannigfacher Variation in den verschiedenen Mundarten unterlag. Durch Metathesis entstand zunächst *pieduorkne*, das aber nur in solchen Mundarten (Frauenburg u. a.) sich halten konnte, die *uor* aus *ur* vor Konsonanten haben; überall da (Wolmar, Kremon u. a.), wo solches *uo* nicht vorkommt, entstand lautgesetzlich *piedurkne*; durch erneute Metathesis entstand daraus *piedrukne* (Wallhof). Durch regressive Metathesis entstand aus *piedruokne* — *pierduokne* (man vergleiche dazu die Gaikensche Form *pierdâbs* aus *piedârbs* «Dreschtenne»), // das aber nur da (Luttringen) sich hielt, wo *ir* vor Konsonanten zu

188

189

ier wird; aus *pierduokne* ist in Mundarten, die jetzt kein ante-konsonantisches *ier* kennen (Kursiten, Groß-Essern), *pirduokne* oder *pir^eduokne* (wie *cir^evis*, *dur^evis* u. a.) wohl rein lautgesetzlich entstanden. Scheinbar ohne Suffix ist die Form *pieдруok* (Ulpisch, Dondangen; doch könnte in diesen Mundarten sehr wohl am Ende ein *n* abgefallen sein); ein anderes Suffix zeigt die Form *pieдруoksne* (Remten). In Mundarten, die suffixales *uo* zu *a* oder mit Umlaut zu *e* oder *ę* (offenes *e*) kürzen, erscheinen die Formen *pieдруkņ* (Ubbenorm), *pieдруaks* (Neu-Salis), *pieдруekņ* (Pernigel), *pieдруėkn'* (Nabben). Aus einer derart gekürzten Form müssen durch die Zwischenstufe **pieдруkņ* — nach der Synkope des Vokals war *r* schwer auszusprechen — die Formen *pieдру'kėn* (Popen; der Apostroph bezeichnet hier einen unqualifizierbaren stimmlosen Vokal) und mit sekundärer Entwicklung eines Vokals zwischen *d* und *k* (man vergleiche dazu die Popenischen Formen: *dikėt* < *dikti*, *salkėts* < *salktis* u. a.) *pieдруikņ* (Suhrs, Windau u. a.) entstanden sein. Eine solche Kürzung ist in den talmischen Mundarten nichts Auffallendes: man vergleiche z. B. Nom. S. *oūgėns* = *aūguons*, *māc'tėš* = *mācītājs*; Nom. Pl. *sūdz'tė* = *sūdzėtāji*; Lok. Pl. *sūdm'lėš* = *sudmalās*; Inf. *māzg'tėš* = *mazgātīs*; Prät. *nuosmāžjas* = *nūomazgājās* (Suhrs; zum Übergang *zj* > *žj* vergl. *taš jumts jāužjum* = *tas jūmts jāuzjum* ebenda; *uōžjėmt* = *uzjėmt* Sarnaten; *iškėr* = *iškėra* Angermünde; *ėš jušs duoš* = *es jušs duōšu*, neben *ėš tou d.* Anzen; *leč Jānit* = *lec Jānit* Alschwangen u. a.); Lok. Pl. *mākiņas* = *mākuoņuos*; Nom. S. *čėrtėš* = *čėrturtais*, *astitėš* = *astuotais*, *ār'jiš* = *arėjiņš* (Hasau); Akk. S. *diensud* = *diensvidu* (Wensau; vgl. idg. *√sup-* aus *√suep-*); Nom. Pl. *ōgiņ* = *aūguoņi* (Targeln; dem *ō* < *au* entspricht dort *ē* < *ei*: *mėtans* = *meitene*); Inf. *strāt* = *strādāt* (in den talmischen Mundarten hat sich der fallende Ton dem Stoßton angeglichen), *mėklt* = *mėklėt*; Nom. S. *astėš* = *astuotais*, *septėš* = *septitais*, *desmėtėš* = *desmitais*; *nākš nėdļ* = *nākuošu nedėļu* (Popen); *šudņ* = *šūodien* (Angermünde); Nom. S. *uo^estėš* = *uōstītājs*, Nom. Pl. *skattė* = *skatītāji* (Anzen u. a.). Nicht unerwähnt will ich noch die Form *pieruokne* (Wiexeln) lassen, obwohl sie nicht als ganz gesichert gelten darf, da die Person, von der ich dieselbe hörte, Sprachorganfehler zeigte (doch sprach sie daneben *pieдруabs!*); wirklich vorkommend, wäre die Form eine volksetymologische Umgestaltung // von *pieдруokne*; man vergleiche dazu *apdūres* (Schrunden) «Hemdärmel» aus *ap* «um» und *dūre* «Faust».

aūša «Narr, alberner Mensch» kann auf **austjā* zurückgeführt werden und gehört dann zu lit. *ausčioti* oder *auščiūoti* «schwätzen», preuß. Akk. *austin* «Mund»; die ursprüngliche Bedeutung dürfte «Schwätzer» gewesen sein¹ [BB XXI 304].

zutis

zutis «Aal» fasse ich als *zu-tis* auf und verbinde es mit *zivs* oder (dial.) *zuvs*, lit. *žuvīs* «Fisch»; die ursprüngliche Bedeutung dürfte die eines Deminutivs «Fischlein» gewesen sein. Zur Quantität des Wurzelvokals vergl. lit. *žūkmistras* «Fischmeister», preuß. *suckis* «Fisch».

ķeiris

ķeiris «Linkhand» erinnert zunächst an lit. *kairīs* «Linkhand», und zwar erklärt sich das *ķ* im Anlaut des lettischen Wortes für zu erwartendes *c* offenbar dadurch, daß *ķeiris* durch Dissimilation aus **kreiris* (wie auch lit. *kairīs* aus **krairīs*) entstanden ist. Denn beide Formen gehören natürlich zur Wurzel *krei-*, die wir noch in lett. *krēiss* «link», *kreilis* «Linkhand» (*kreilis* dürfte gleich *ķeiris* auf **kreiris* zurückgehen; vgl. dazu *skāngals* und *skalgans* «Stück von einem Pergel» aus **skalgals* und *praūls* «vermodertes Stück Holz» aus **pļauls* < **pēulas* zu *pūt* «faulen»), lit. *kreivas* «schief» haben (vgl. dazu in semasiologischer Beziehung d. *schief*: gr. *σκαός*, lat. *scaevos*, Brugmann Grdr. I² 207). Eine der Wurzel *krei-* parallel laufende Wurzelform *grei-* hätten wir in lett. *grēizs*, lit. *graižus* (Miežinis) «schief» (zum Wechsel der Tenuis und Media vergl. noch lett. *klēpis* «Schoß»: lit. *glėbys* «Armvoll», lett. *puņa* «Schnauze»: lit. *burnà* «Mund», lett. *tesmens*: *desmens* «Euter», lett. *tusēt* «stöhnen»: *dusēt* «keuchen», lett. *trupināt* «locker machen»: *drupināt* «zerkrümeln» u. a. und Brugmann Grdr. I² § 701); in Anbetracht des Verhältnisses von russ. *krivda* «Unrecht» zu russ. *krivoj* «schief» könnte man endlich slav. *grechъ* «Sünde» hierherziehen und es auf **groisos* zurückführen. //

¹ [Skat. BB XXIX 1884, kur Endzelins no šādas etimoloģijas atsakās, un ME s. v. *aūša*. — Red.]

kamieši «Schulter» gehört vielleicht zu ahd. *hemidi* «Hemd», ir. *caimmse* «nomen vestis» (man vergl. in semasiologischer Beziehung lett. *pleči* «weibliche Jacke ohne Ärmel»: *plēci* «Schulter»); als Nom. S. gibt Ulmann *kamiesis* an, doch fragt sich sehr, ob er eine solche Form aus dem Volksmund gehört hat, zumal dieses Wort jetzt wohl nur noch aus der Bibel bekannt ist. Jedenfalls kann man sich als ursprünglichen Nom. S. **kamietis* denken, zu dem sich *kamiesis* verhielte, wie *kviesis* (nach dem Nom. Pl. *kvieši* «Weizen») zu lit. *kvietys*.

ļūoti

ļūoti «sehr» gehört wohl als Lehnwort zu russ. *ljutyj* «grausam» (vgl. aksl. *ljutě* «gewaltig, heftig» und das deutsche *furchtbar groß* u. a.); als wurzelverwandt stellt sich zu slav. *ljutъ*, lett. *ļāuns* «böse», beides wohl Partizipia zu dem Verbum, das wir noch in lett. *ļāūt* «lassen», lit. *liāutis* «aufhören» haben, vgl. d. *ausgelassen* (vgl. Per Persson o. [BB] XIX 279).

LETTISCHE ETYMOLOGIEN

[1902 BB XXVII 329—331]

sēñalas «Hülsen», «Kleie» kann (vgl. J. Schmidt, Kritik der Sonantentheorie 120) auf **sēmñalas* zurückgehen und gehört dann zu lit. *sėmenys* «Saat». 329

In *mañta* (gemeinlett.) «Schatz», «Hab und Gut» erklärt sich das *n* am besten bei der Annahme, daß *manta* ein Lehn-// wort ist, und zwar leite ich es von lat. *monēta* ab (vgl. got. *skatts* «Geldstück» : d. *Schatz*); hinter *n* ist ein Vokal geschwunden wie in dem ebenfalls entlehnten *kūngs* «Herr». 330

Den Namen *Ūsiņš* «Schutzgott der Pferde» (oder auch der Bienen) hat Bezenberger (Mag. XVI 2, 39) von der Wurzel abgeleitet, die wir z. B. in lit. *aušrà* «Morgenröte» haben; demnach wäre *Ūsiņš* ursprünglich ein Lichtgott gewesen; freilich wäre der Gott da stark degradiert worden, doch wäre das nicht unmöglich. Stärker widersprechen dieser Etymologie formelle Gründe. In allen von Pastor Auning gesammelten Materialien (Mag. XVI 2) erscheint nur die Form *Ūsiņš*, bis auf den Gen. S. *ūsa* (im Liede No. 36), der offenbar eine jüngere Abstraktion von dem scheinbaren Deminutiv *Ūsiņš* ist (wie im Volksmunde aus *brandavins* «Branntwein» auch *brandavs* entstanden ist). Nun ist *-iņš* aber nur ein Deminutivsuffix, und da *Ūsiņš* kein Deminutiv ist, so halte ich diesen Namen für ein Lehnwort aus dem Germanischen (vgl. ahd. N. Pl. *hūsingā* «penates», afries. *hūsing* «Hausmann»). Daß ein Hausgeist sich zu einem Schutzpatron der Pferde entwickeln konnte, ist ja leicht denkbar. Näher will ich dieses an einem andern Orte begründen¹.

Neben *bārda* «Bart» steht dial. *bārzdā*, lit. *barzdā*; das *z* der zwei letzten Formen stammt meiner Ansicht nach aus **barzdā*, das wir auf Grund des Slavischen (russ. *borozda* «Furche» u. a.) auch fürs Urbaltische annehmen dürfen. Daß ein Wort unter dem Einfluß eines andern, ähnlich lautenden Wortes

¹ /Ist bereits geschehen in der Zeitschrift Apskats I 25 ff. Korr.-note./

ZU DEN LETTISCHEN ZAHLWÖRTERN

[1902 BB XXVII 319—329]

In lett. *viēns*, lit. *vienas* ist das anlautende *v* gewiß kein 319
Produkt einer rein lautlichen Entwicklung. Ich vermute in
dieser Form falsche Teilung einer mißverstandenen Zusammen-
setzung. Vielleicht muß man lett. *ikviēns* (der Wortakzent
ruht auf der zweiten Silbe), lit. *kiekvienas* «jedweder» in
**iku-ienas*, **kieku-ienas* zerlegen. Nachdem **iku*, **kieku* zu *ik*,
kiek geworden (der Abfall eines auslautenden *u* dürfte in diesen
isoliert stehenden, sehr gebräuchlichen Formen zulässig sein),
mußte man *ikviēns*, *kiekvienas* als *ik-viēns*, *kiek-vienas* auf-
fassen und daraus das Numerale *viēns*, lit. *vienas* abstrahieren.
Es könnte freilich der angedeutete Vorgang auch in einer
andern (uns nicht überlieferten) Zusammensetzung stattgefun-
den haben.

Die Zweizahl lautet bekanntlich in der lettischen Schrift-
sprache *divi* (masc. und fem.), das aus **duvi* entstanden ist,
wie schon Bielenstein (L. Spr. II 62) erkannt hat; dieses
**duvi* ist aber Nom., Akk. Dualis Fem. et Neutr. und somit
zunächst mit aksl. *двоѣ* identisch (Bezenberger Spr.
d. pr. L. 73; Mühlenbach DJ III 49 und IF XIII 238). Ich
will hier zunächst über den Umfang und die Verbreitung des 320
Überganges von *-uv-* zu *-iv-* sprechen, den ich // als eine Art
von Dissimilation ansehe¹ (die Mittelstufe wird wohl *-üv-*
gewesen sein). Außer *divi* bietet der mittlere Dialekt noch
folgende Beispiele: *sivēns* «Ferkel» und *zivs* «Fisch». Diese
drei Wörter kommen auch in der Schriftsprache nur mit *-iv-*
vor; dagegen bietet die Schriftsprache das Adverb *tuvu* «nahe»
(nebst Ableitungen) im Gegensatz (wenigstens teilweise) zum
mittleren Dialekt. Denn für *tuvu* spricht man im größten Teil
von Westlivland (vgl. RKr. XIII 81) *tivu*, anderwärts *tūmu*
(z. B. in Dickeln), *tūlu* (z. B. in Trikaten) oder *tūwu*² (z. B.

¹ Auch bei Ulmann, aber ohne Angabe des Fundortes, angeführt.

² Vielleicht läßt sich damit umbr. Akk. Pl. *iveka* od. *iuenga* = lat.
juvencas vergleichen.

in Bauske) und mit regelrechtem Schwund des *w* vor *u* *tūu*³ (z. B. in Krons-Würzau). Freilich habe ich im mittleren Kurland an einigen Orten (Ruhenthal, Strutteln, Kalnazeem u. a.) auch *tuvu* gehört; doch heißt «nahe» in Mittelkurland gewöhnlich *klātu* oder auch (in Samiten und Bixten) *isi* (so spricht man in Samiten: *viņš man isi rada* «er ist mir nahe verwandt»; *isinieks* «ein naher Verwandter»; *uz isākā meža braukt* «zum näheren Wald fahren»). Es wäre daher möglich, die Form *tuvu* in Ruhenthal u. a. dem Einfluß der Schriftsprache zuzuschreiben (der Einfluß derselben macht sich jetzt in allen Mundarten stark geltend); es fragte sich dann nur, woher das *tuvu* in der Schriftsprache, die doch auf dem mittleren Dialekt beruht. Vielleicht ist dieses *tuvu* eine ungenaue Schreibung für *tū(w)u*, denn das *ū* wird hier vor (*w*)*u* etwas kürzer gesprochen als vor andern Lauten. Ferner hat man *-uv-* im schriftlettischen *druva* «Saatfeld»; und nur mit *-uv-* kennen dieses Wort auch die meisten Mundarten. Ich habe zwar selbst mir dieses Wort nur aus Groß-Pönau und Behnen im Gebiet des mittleren Dialekts notiert, doch zeugen für die weite Verbreitung dieser Form die Nummern 13, 2427, 4506 u. a. der *Latwju dainas* [=BW]. Die Form *dirva*⁴ habe ich bis jetzt nur in // Volksliedern gefunden, die aus hochlettischem Gebiet stammen, z. B. in BW 13, 2; 2427, 2; 2448, 1; 4506, 2; 4507 Var.; und mir scheint es sehr bedenklich, auch hier an lautgesetzlichen Wandel der *uv* in *iv* zu denken (weiter unten wird gezeigt werden, daß wenigstens vielen hochlettischen Mundarten dieser Lautwandel fremd ist). Bekanntlich gibt es im Litauischen ein Wort *dirvā* «Acker»; und im hochlettischen Gebiet ist die entsprechende Form ebenfalls bekannt, vgl. *dirvans* «neu aufgenommenes Dreschland» (bei Ulmann nach Lange aus dem Oberland angeführt, wohl in phonetisch ungenauer Schreibung) und *derva* (= *druva*) in einem Volkslied BW 4506, 2 aus Ludsen; *derva* ist aus **dirva*

³ Mit *w* sei hier *u* bezeichnet.

⁴ Alle diese Formen können mit verschiedenen Suffixen von einer Wurzelform *tū-* abgeleitet sein, von der wahrscheinlich auch lit. *tūlas* «so mancher», pr. *tūlan* «viel», aksl. *tyti* «fett werden» u. a. stammen. Da aber die meisten lettischen Mundarten auf eine Grundform *tūwu* zurückweisen, so sind *tūlu* und *tūmu* (wären diese Formen alt, so müßten sie, wie lit. *tūlas*, den Akut haben) vielleicht Neubildungen; *tūlu* könnte auf *tūu* zurückgehen und das *l* von seinem Gegensatz *tālu* «fern» bezogen haben; schwieriger ist das *m* in *tūmu*, vielleicht stammt es aus *tū(w)umā* «in der Nähe», wofür man im schnellen Sprechen auch *tūmā* hören dürfte (Belege habe ich gerade nicht). Die von Ulmann aus Hasenpöth angeführte Form *tijaki* ist eine Kontamination von *tujāki* und *tivāki*.

entstanden, wie Gen. S. *terga* 1194, 2 aus *tirga*, N. Pl. *sermi* 2469, 2 aus *sīrmi*, N. Pl. Part. *cerstis* 3086 (der Nachträge) aus **cirstis* (=niederlett. *cirstas*) u. a. Ich halte es für wahrscheinlich, daß *driva* durch Kontamination von *druva* und **dirva* entstanden ist. Endlich findet sich nur *uv* nach *r* in den Wörtern: *druvis* «Schauder» und *druvēties* «sich fürchten» (von Ulmann ohne Angabe des Fundortes angeführt), *ruvēties* «ruhig werden, sich legen» (bei Ulmann aus Kremon angeführt; wahrscheinlich entlehnt), *kruva* (bei Ulmann) «Haufe», *gruva* (Ulmann) «Schutt», «ausgefahrene Gruft», *kruweši* (Wolmar) oder (nach Ulmann) auch *gruweši* «gefrorener Kot». Nach andern Lauten kommt noch (ausschließlich) *uv* vor in *nuvejais* «der jetzige» (bei Ulmann aus Witebsk angeführt; phonetisch wohl ungenau geschrieben) und in *puweši* «Eiter». Das letztere Wort könnte natürlich in bezug auf das *u* von *pūt* «faulen» beeinflußt sein und käme dann nicht in Betracht; das gleiche gilt von den Präterita *guwu*, *šuwu* (in Wolmar lautet auch das Präsens: *šuwu*), *gruwu*, *kļuwu*, *puwu*, *žuwu*, die ihr *u* den übrigen Verbalformen verdanken könnten und zum Teil (*šuwu*, *žuwu* neben *sivēns*, *zivs*) wahrscheinlich wirklich verdanken⁵. Schwer zu beurteilen (sogar zu lesen) ist die Form *būwis* oder *buewis* «ge-//wesen» aus dem Enchiridion⁶ (vgl. Bezenberger Einleitung XIII) neben schriftlett. *bijis* und westkurisch *buīs* (Dubenalken, Schlehk, Sarnaten, Suhrs; dazu das Präteritum *buī* aus Popen⁷; vgl. auch Bezenberger Lett. Di.-St. 94); eine Erörterung dieser Formen würde uns hier zu weit ins Gebiet der verbalen Stammbildung ablenken und doch schwerlich mehr als bloße Hypothesen erzielen; sicher scheint nur das eine, daß das *i* in *biju* «ich war» ursprünglich ist (vgl. Bezenberger BGLS 207). In suffixaler Stellung scheint *-uv-* gemeinlettisch zu sein, vgl. namentlich die Wörter auf *-tuva* oder *-tuve* (Bielenstein LSpr. I 274); freilich finden sich in einigen Mundarten auch Bildungen auf *-ive*; so finde ich in BW z. B. *raudiŕveit'e* 2513, 2, A. S. *slauktiveiti* 2217, 2, *mal'tiveit'e* (vgl. auch 678 und 680, 2). Die zitierten Lieder stammen aus hochlettischem Gebiet, und aus einer hochlettischen Mundart (Swirdsen) entnimmt auch Bezenberger (Lett. Di.-St. 95) die

322

⁵ /In BW 1343, 1 findet sich tatsächlich die hochlettische Form *šyvu* < **šivu*. Korr.-note./ [Skat. Лат. предл. II 93¹²². — Red.]

⁶ /Da im Enchiridion *ue* (*ū*) nur den Lautwert eines langen *ū* oder eines *ü* (aus *i*) hat, so kann auch *buewis* (*būwis*) nur als *būvis* (aus **bivis*) gelesen werden. Korr.-note./

⁷ Vgl. auch *bujums* «Hab und Gut» (bei Ulmann aus Pebalg angeführt).

Formen *roudivē* und *vārstivē*; aus einer niederlettischen Mundart (Groß-Essern) stammt die Nummer 4714, wo man neben *raudwivē* auch *raudivē* findet⁸. Das *i* in diesen Bildungen muß man wohl anders beurteilen als das *i* in *divi* u. a.; man beachte daneben Bildungen mit der Lautfolge *-ev-*: *raudevivē* 2513, 2. Var. und 2515 und *ligeviņa, cieleviņa, Dageviņa* (aus Saussen, nach Kauliņ o. [BB] XII 216). Man wird also für den mittleren Dialekt mit einiger Sicherheit folgendes Lautgesetz annehmen können: in Wurzelsilben bleibt *-uv-* nach *r* erhalten, nach *d, t, z, s* dagegen geht es in *-iv-* über⁹; in suffixaler Stellung bleibt es immer erhalten¹⁰. Es bleibt die Frage übrig, ob *u* auch vor anderen Labialen in *i*//übergeht? Ich glaube, man muß darauf eine verneinende Antwort geben. Neben schriftlett. *tūmsa* «Dunkelheit» kommt meines Wissens nur im Hochlettischen *timsa* vor (vgl. BW 3426 und Bezenberger Lett. Di.-St. 95), und diese Verschiedenheit ist anders zu beurteilen, wie lit. *timsras* und aksl. *тъмрънъ* zeigen¹¹. Das gleiche gilt von schriftlett. *šķipele* «Schaufel» neben westkurischem (z. B. in Preekuln und Sackenhäusen) *šķupele*: hier erklärt sich das Nebeneinander von *u* und *i* durch die lautliche Gestalt der entsprechenden plattdeutschen Formen *schüffel* oder *skuppel* (Zeidler Mag. XVI 1, 69). Vgl. außerdem die gemeinlettischen Formen *tupēt* «hocken», *upe* «Fluß» u. a. Sehr schwer zu beurteilen ist nur das eine Wort *dibēns* oder (in Wolmar) *dibinc* «Boden», «Grund»; soviel ich weiß, ist *i* in diesem Worte dem ganzen mittleren Dialekt eigen (nur aus Burtneck führt Ulmann die Form *dubēngals* an), und auch aus dem hochlettischen Gebiet kenne ich bis jetzt nur Formen mit *i*, z. B. *dibānc*¹² (Palzmar, wo man *zuve* und *suvēnc* spricht), vgl. auch BW 4976¹ und 1943, 12 und Kauliņ o. [BB] XII 224. Den *u*-Vokal zeigt dieses Wort in westkuri-

⁸ Man beachte daneben die Formen N. Pl. *zuvis*, N. S. *suvēns*, D. Pl. *dujām* aus Groß-Essern.

⁹ Für die übrigen Laute fehlt es an sicheren Beispielen: vgl. hierzu den durch bestimmte Nachbarlaute bedingten Wandel des *u* in *i* im Lateinischen (Sommer Lat. Laut- und Formenlehre 83).

¹⁰ Der Übergang von *uv* zu *iv* findet sich auch in lit. Mundarten: *brivai* «Augenbrauen», A. Pl. *žives* «Fische» Lit. Mitt. IV 168.

¹¹ Ebenso wenig gehört hierher hochlett. *kymeusys* (von Bezenberger o. [BB] XXI 315 angeführt) aus **kimūsis* neben niederlett. *kumuoss* «Bissen».

¹² Mit *ā* bezeichne ich einen zwischen *ę* und *a* stehenden, sehr offenen *e*-Laut.

schen Mundarten (Bezenberger Lett. Di.-St. 160 und Spr. d. pr. L. 118): *dubēns* (z. B. in Zirau), *dubēnc* (z. B. in Gramsden), *dubans* (z. B. in Pilten). Und zwar kennt man in Westkurland dort, wo man dieses Wort mit *u* spricht, in der Regel auch die Lautfolge *-uv-*; dieser Umstand spricht scheinbar sehr zugunsten der Ansicht, daß *-ub-* in diesem Wort in gewissen Mundarten lautgesetzlich zu *-ib-* geworden ist. Doch kann ich mich nicht entschließen, eine solche Ansicht hier zu vertreten, denn dieselbe ließe das *-ub-* in *dubli* (gemeinlettisch) «Kot» unerklärt (dazu bei Ulmann die Formen *dubt* «einsinken» und aus Neu-Autz *duba* «Garbe»). Man könnte ja etwa an verschiedene Behandlung des *-ub-* je nach Betontheit oder Unbetontheit der Silbe denken, doch wäre dieses eine so vage Hypothese, daß sich mit ihr nichts anfangen läßt. Ich bin daher geneigt, an Vermischung von zwei Wurzeln zu denken, vgl. aksl. *dobrb* «Schlucht», russ. *debrb* // «Schlucht», «Wald in einer Niederung». — Ich gehe nun über zu der Frage, wie die Lautfolge *-uv-* im Hochlettischen behandelt ist; da ich aber zur Zeit diesen Dialekt aus eigener Anschauung nur zum geringen Teile kenne, kann ich hier nichts abschließendes geben, sondern beschränke mich auf folgende Angaben. Für schriftlett. *iv* in *zivs* und *sivēns* spricht man *uv* (nebst sonstigen Veränderungen dieser Wortformen) in Palzmar, Grundsahl, Adsel, Odensee und (nach Treu Mag. XIII 1, 22) in Oppekaln und (nach Mag. XIII 3, 70) in Setzen und (nach Kauliņ o. [BB] XII 232) in Saussen (neben *tivu* und *tuwo^oties*), vgl. auch Bezenberger Lett. Di.-St. 95. Dagegen finde ich *-iv-* in den Formen G. Pl. *zyou* (BW 2673¹, 1), *tyou* 3709¹, *divi* 4993, 1 und 2142¹ (alle diese Volkslieder stammen aus dem Witebskischen); in der Zweizahl scheint der hochlettische Dialekt nur *-iv-* zu kennen. — In den westkurischen Mundarten ist das *u*¹³, von einiger Beeinflussung durch die Schriftsprache abgesehen, noch treu bewahrt. Den schriftlettischen *divi*, *zivs*, *sivēns*, *tuvo* entsprechen hier *dui* oder auch *duj* oder (in Schlehk, Pilten) *du*; *zūs* (Gramsden, aus *zuws*), *zuve* oder *zuv's* (Kabillen)

324

¹³ Die geographische Verbreitung des *u* in Westkurland kann man ungefähr aus Bielensteins «Atlas der ethnolog. Geographie des Lettenlandes» (Karte VI, Isoglosse 4) ersehen; indem ich die Einzelheiten für eine zusammenhängende Darstellung vorbehalten, bemerke ich hier nur, daß die betreffende Isoglosse zum Teil weiter nach Osten zu hätte gezogen werden sollen.

oder *zuj^e* (Iwanden); *suṽēns* (Gaweeseen) oder *suṽēnc* (Rut-
zau); *tuju* oder (im Tahmischen) mit Vokalschwund *tuj¹⁴*.

325 Es muß uns nun die Frage beschäftigen, auf welche Grund-
form das westkurische *dúj* zurückgeht. Denn *duj* ist nur in der
Aussprache von *dúj* verschieden, und auch *du* entspricht nicht
etwa dem lit. *dù* (dieses bemerke ich wegen Brückner
AfslPh. IV 24; dem lit. *dù* würde lett. **duō* entsprechen)¹⁵,
sondern ist nur eine Verstümmelung von *dúj*, vgl. die Formen
III. Präs. *re*//«bellt» aus *rej*, Fragepartikel *va* aus *vài*
(Schlehk), Imp. *iele* «gieße ein» aus *ielej* (Alschwangen), Imp.
šu «nähe» aus *šuj* (Duhren), Imp. *e* «geh» aus *ej* (Pussen),
Partikel *la* aus *lai* (Stenden), N. S. *mā* «Haus» über *māj* aus
māja (Piltten) u. a. Auch wäre es an und für sich recht
unwahrscheinlich, daß das nur in einem kleinen Gebiete
bekannte *du* auf eine andere Grundform zurückginge als das
sonst in Westkurland übliche *dúj*. Durch Rekombination ist
du auch in die zusammengesetzten Zahlwörter gedrungen, z. B.
dudesmit «zwanzig» (Schlehk) für älteres *duidesmit* (Gol-
dingen). Dieser Auffassung von *du* widerstreitet auch nicht
das offenbar sehr alte¹⁶ Kompositum *duceles* «zweiadriger
Wagen» (Sackenhausen und weiter südwärts am Strande), denn
sonst heißt es in Sackenhausen *duj* (nicht *du*!) und *duipacmit*
«zwölf». Das hohe Alter dieser Form¹⁷ nötigt uns vielmehr, das
du- in *duceles* mit dem italischen *du-*¹⁸ in lat. *ducenti*, *duplex*,
umbr. *tu-plak* zu identifizieren (in ital. *du-* mit Brugmann und
Sommer eine Neubildung zu sehen, liegt eben kein zwingender

¹⁴ Die von Ulmann gebotene Form *tijaki* (aus Hasenpoth) ist eine Kontamination von *tivāki* und *tujāki*. /Zur Beurteilung der oben angeführten Form *tūmu* «nahe» führe ich hier nachträglich aus der lettischen Märchensammlung von Lerchis-Puschkaitis VII 1, 75 den Lok. S. *tūmā* (aus *tū(ω)umā*) «in der Nähe» (aus Wohlfahrt) an. Korr.-note./

¹⁵ Damit ist auch das Urteil über Brückners Erklärung von *dúj* (AfslPh. IV 24) gefällt.

¹⁶ Das Simplex (vgl. preuß. *kelan*, aksl. *kolo* «Rad») ist nämlich nicht mehr bekannt (in der alten Bedeutung); *celis* (lit. *keljys*) heißt nur noch «Kniescheibe» (dazu auch *ceļš* «Weg»). In Zirau sagt man dafür *duiriteņi*.

¹⁷ Für *duceles* kommt in andern Mundarten (Nieder-Bartau u. a.) die Form *dicele* vor; wie dieselbe zu beurteilen ist (die Zweizahl lautet in Nieder-Bartau *duj*), lasse ich unentschieden.

¹⁸ Dieses *du* könnte die allerälteste Form der Zweizahl gewesen sein, aus der durch Anfügung der dualischen Kasusendung die Formen **duō(u)* oder **duōū(u)* entstanden.

Grund vor). Dieses *duj* nun, das sich als die gemeinwestkurische¹⁹ Form der Zweizahl // erweist, kann nicht, wie Bezenberger (Spr. d. pr. L. 73) anzunehmen scheint, mit schriftlett. *divi* aus **duvi* der Bildung nach identisch sein. Denn ein **duvi* müßte in Westkurland diese seine lautliche Gestalt durchaus bewahrt haben, vgl. den Akk. S. *zuvi* «den Fisch» (im südlichen Westkurland). Der Laut *v* oder *w* schwindet nämlich, wie weiter unten gezeigt werden wird, regelmäßig nur vor *u* und *uo*. Freilich kommt in einzelnen Mundarten Wegfall des *v* (*w*) auch vor andern Vokalen vor: *zujtina* «Fischlein» aus *zu(w)itina*, neben *zuve* und *suvēnc* (Preekuln), N. Pl. *zues*, N. S. *sapuis* «verfault» (Nigranden), D. Pl. *guoim* «den Kühen» (Schmarden), *suans* «Ferkel» (Piltten), woraus weiterhin *suōns* (Schlehk; hier hat sich, wie überhaupt in Westkurland, der fallende Ton dem Stoßton angeglichen) oder *suōns* (Sarnaten; dagegen in Sirgen, Wensau, Suhrs u. a. noch *suvans*). Dies sind aber, wie gesagt, nur vereinzelte Fälle, deren keiner allen oder auch nur den meisten westkurischen Mundarten eigen ist, während *duj* gemeinwestkurisch ist; ja, es zeigt sich das *j* sogar in allen Kasus und Ableitungen: Gen. *mūduju* «unser beider» (Rutzau), Dat. *dujuom*²⁰ (Leitischneeken) oder *dujiem* (Preekuln), fem. *dujām* (Durben), Lok. *dujuos* (Sackenhäusen); *dujatā* «zu zweien» (Gramsden), woraus weiterhin *duitā* (Kaleten); *dujād* «zweierlei» (Sarnaten); das *v* habe ich nur noch in der Ableitung *duvējād'* «zweierlei» (Alschwangen u. a.) gehört, vgl. dazu Bezenberger Spr. d. pr. L. 72 und 118. Wie *duj* aufzufassen ist, zeigt uns das ebenfalls gemeinwestkurische *tuju* «nahe», das offenbar über **tuu* auf *tuvu* zurückgeht. Also

¹⁹ Die Form *duva* nämlich, die Bielenstein (LSpr. II 64) aus Sackenhäusen anführt (ohne zu sagen, ob er dieselbe selbst gehört hat oder der Mitteilung eines andern verdankt), scheint mir zu schlecht beglaubigt. Zwar will ich den Umstand, daß zwei von mir befragte ältere Personen aus Sackenhäusen nur *duj* kannten, als keinen entscheidenden Gegenbeweis ansehen, doch sonst scheint mir die Form *duva* sehr sonderbar zu sein. Sollte dieselbe wirklich vorkommen, so könnte sie eine Neubildung (aus der Zeit, wo in die Zweizahl noch nicht das *j* eingedrungen war) nach *aba* sein, vgl. *aba-duj* «beide» (Nieder-Bartau, Kruhten u. a.); dieses *aba* scheint mir durch Vokalassimilation entstanden zu sein aus dem alten Nom., Akk. Mask. G. **abu* (vgl. den Akk. *abudū* in der Dispositio), als das *-u* nicht mehr als Dualendung lebendig war. Zu der angenommenen Assimilation vgl. z. B. *mugura* «Rücken» aus älterem // (vgl. lit. *nugarà*) *mugara* (im nördlichen Lettland) oder *upurēt* «opfern» aus *uperēt* (so noch bei Mancelius).

²⁰ Diese Form ist, gleich *abjuom* (Nieder-Bartau) und *trijuom* (Ober-Bartau, Bezenberger Spr. d. pr. L. 16), eine Neubildung mit *uo* nach dem Lokativ, nach Maßgabe des Femininums, wo *ā* im Lok. und Dat. steht.

führe ich *duj* aus **duju* über **duu* auf **duwu*, die Form des Nom., Akk. Mask. G. (= aksl. *dъva*), zurück. Bekanntlich war im Lettischen und Litauischen der Schwund des *u* vor *u* und *uo* und des *i* vor *i* von jeher lautgesetzlich (Brugmann Grdr. I² 289, 337, 340). In den verschiedenen Paradigmata wird dieses Lautgesetz zwar vielfach durch den Systemzwang durchbrochen, aber doch hört man auch die regelmäßigen Formen: Nom. S. Part. Fem. G. *paguusi* // von *pagūt* «erlangen» (Rutzau), Gen. Pl. *zuu* «der Fische», Nom. Pl. Part. Fem. G. *samēlaušas* aus *samēla(w)ušas* von *samēluot* «zusammenlügen» (Nieder-Bartau), I. S. Prät. *nūokau* von *nūokaūt* «erschlagen» (Wolmarshof); Nom. S. Part. Mask. G. *skrēis* von *skriet* «laufen» (Nieder-Bartau), Demin. *paīņas* von *paijas* «Kinderspielzeug» (Kumborn), Loc. S. *leinā* «im kleinen Tal» von *leja* (Wolmarshof) u. a. Auch wo kein vollständiger Schwund eingetreten ist, spricht man doch, soviel ich beobachtet habe, in der Regel vor *u* und *uo* — *u* (nicht *v*) und vor *i* — *i* (nicht *j*). Es mußten also aus *tuwu* und **duwu* in Westkurland lautgesetzlich die Formen **tuu* und **duu* entstehen; dieselben erhielten sodann zur Vermeidung des Hiatus ein *j*, so daß *tuju* und **duju* entstanden. Da nun der Nom., Akk. **duju* viel gebräuchlicher war als die übrigen Kasus und Ableitungen, so drang auch in die letzteren das *j* aus **duju* ein. Ähnlich muß man, glaube ich, auch das *j* auffassen in den Formen Nom. S. *zuj^e* «Fisch» (Iwanden u. a.), Nom. S. *guoj^e* «Kuh» (Lubb-Essern u. a.), Nom. S. **aj^e* «Schaf» (vgl. Dat. Pl. *ajam* und Akk. Pl. *aj's* bei Bezzenberger Lett. Di.-St. 160); hier wird das *j* zuerst in den Gen. Pl. *zuu* (so in Nieder-Bartau), **guou* (vgl. *guowu* in Kabillen), **au*²¹ (eine solche Form oder auch **awu* kann ich nur zufällig augenblicklich nicht belegen) regelrecht aufgekommen und von da aus in die übrigen Kasus eingedrungen sein, zumal auch in diesen (von *zuws* und *guows*), wie oben gezeigt ist, zuweilen der Hiatus erscheint. Das *j* in **aj^e* ist eventuell erst durch den Einfluß von *guoj^e* aufgekommen. — Nun sollte die Form **duju* das -*u* eigentlich bewahrt haben; wenn man aber bedenkt, daß dieses -*u* zuletzt ganz isoliert dastand (der Dual war ausgestorben), so wird der Schwund desselben in einem so gebräuchlichen Zahlwort nicht

²¹ Dafür finde ich in der Postille des Manzelius die regelrechte Form der *i*-Stämme: *awjo* I 306 oder *aujo* II 24 (ich lasse die Formen ohne Transkription); auch glaube ich im südlichen Westkurland den Gen. Pl. *auju* gehört zu haben, ohne jedoch leider die Form mir gleich notiert zu haben.

allzu auffällig erscheinen, vgl. dazu *nuôst*²² «weg» aus **nuostú* (vgl. lit. *atstù* und lett. *attastu* «seitwärts ab», nach Treu Mag. XIII 1, 26 // in Oppekaln gebräuchlich), *kad* «wann» aus **kadu* (Zubatý Flickvok. 20). — Etwas schwierig ist das *dû* der Dispositio (^ ist dort Längezeichen) zu beurteilen; es könnte etwa aus **duu* kontrahiert sein, oder (und dieses ist mir wahrscheinlicher) *dū* ist die hochlettische Form (mit dem hochlettischen Wandel des *uo* zu *ū*) für niederlettisch **duō* (= lit. *dū*, ai. *dvāú* oder *dvá*). Denn die Dispositio ist nicht (wie Bielenstein Mag. XIII 3, 103 sich ausdrückt) «in niederlettischem Dialekt mit nur wenig hochlettischer Färbung» verfaßt, sondern ist eine vom Verfasser vorgenommene willkürliche Mischung einer streng hochlettischen Mundart und des mittelkurischen Dialektes, worauf der Autor selbst hindeutet («haec grammatica, licet non nimium Curlandicae dialecto inhaeret, eam tamen magis sequitur»²³). Meist ist zwar *uo* (nicht *ū*) geschrieben, aber *ū* (aus *uo*) bieten die Formen Gen. Pl. *tū*, *jū*; I. S. Präs. *celus* (lies *ceļūs* = niederlett. *ceļuos*), I. S. Prät. *cēlus* (=niederlett. *cēluōs*), I. S. Fut. *celszūs* (=niederlett. *ceļšuōs*). Außerdem stellt der Autor neben *dū* die schriftlettische Form *divi*, und diese beiden Formen können unmöglich einer und derselben Mundart angehört haben, was also gleichfalls zugunsten der hochlettischen Provenienz von *dū* spricht²⁴.

Let. *trīs*, lit. *trīs* gehen, wie ihr Akzent zeigt (vgl. o. [BB XXV] 269), auf eine gemeinsame Grundform **trijēs* zurück; dazu stimmen zwar nicht ai. *tráyas* und gr. (gort.) *τρῆς* (was bekanntlich nicht der einzige derartige Fall wäre), wohl aber osorb. *třo*, nsorb. *tšo*, die auf **trbjé* zurückgehen (Mikkola Betonung und Quantität in den westslav. Sprachen I 37). Das *i* von **trijēs* stammt ganz entschieden, wie auch Brugmann (Grdr. II 665) vermutet, aus dem Casus obliqui.

In *četri* «vier» weist das anlautende *č* auf Entlehnung aus dem Slavischen hin; bei dieser Auffassung würde sich auch am besten das geschlossene *e* erklären, das in allen Kasus beider

²² Dialektisch ist *nuôst* zu *nuô* (nicht zu verwechseln mit der Präposition *nuo!*) verstümmelt. Die ungekürzte Form *nuôstu* habe ich in Grundsahl gehört.

²³ Wie aus den darauffolgenden Worten hervorgeht, hat der Autor die Absicht gehabt, für Leser, die nur des Hochlettischen mächtig waren, auch die niederlettische Schriftsprache zugänglich zu machen.

²⁴ /Die entsprechende niederlettische Form *duo* (geschr. *doh*) findet sich in der *Lotavica grammatica* vom Jahre 1737 in der Abteilung *De adverbis*. Korr.-note./

Genera auftritt, auch in solchen Mundarten, die das jotierte *r* nicht verloren haben (z. B. Lok. *četruōs* in Kandau). Die entsprechende Ordnungszahl lautet in Kruhten // *čętruotaiš*; wie die Form aufzufassen ist, bleibt mir zweifelhaft. Man könnte ja an Metathese denken (vgl. *čętuortais* in Gaweesen u. a.), aber *uor* kommt meines Wissens in dieser Form nur in solchen Mundarten vor, die überhaupt antekonsonantisches *ur* zu *uor* verwandeln. In Kruhten aber bleibt antekonsonantisches *ur* (und *ir*) nicht bloß unverwandelt, sondern es stellt sich sogar ein svarabhaktischer Vokal ein: *kur^alc* «taub», *dzir^adēt* «hören» u. a.

Bielenstein (LSpr. II 67) gibt für «sieben» nur *septiņi* und für «neun» nur *deviņi* an; aber in Wolmar u. a. sind nur die älteren (vgl. Brugmann Grdr. II 479) Formen *septiņi* und *deviņi* bekannt (*septiņi* und *deviņi* kenne ich aus Nieder-Bartau).

Die Acht lautet im Lettischen *astuoņi* oder (in Wolmar u. a.) *astuņi*; *astuņi* ist nicht etwa eine lautliche Kürzung aus *astuoņi*, sondern hat das *u* von der Ordnungszahl **astuntais* (= lit. *aštuņtas*) bezogen, worauf über **astūtais* die Lemsalsche Form *astutaš* zurückgeht (RKr. XIII 74). Umgekehrt hat die Form *astuōtais* das *uo* wahrscheinlich von *astuoņi* bezogen.

In Dondangen habe ich die Formen *sept^{antę}* «siebenter», *ast^{antę}* «achter», *dev^{antę}* «neunter» gehört. Man wird wohl hier nicht an Bewahrung des *n* denken dürfen, sondern es wird dasselbe wohl von den entsprechenden Kardinalzahlen eingedrungen sein. Die Formen *sept^{antę}*, *ast^{antę}* (vgl. daneben *astin* «acht»!), *dev^{antę}* gehen zunächst wohl auf **septņtęš*, **astņtęš*, **devņtęš* zurück, wie Akk. S. *nikan* über **nikņ* auf *niknu*, N. S. *stiēr^an* über *stiērņ* auf *stiērna* u. a.; **septņtęš* etc. ist aber wohl aus **septintęš* etc. entstanden.

ZUR DEKLINATION DER LETTISCHEN BESTIMMTEN ADJEKTIVA

[1902 BB XXVII 310—315]

Mit Recht verwirft Leskien (Deklination im Slavisch-Litauischen und Germanischen, S. 135) die Ansicht von Bielenstein und Miklosich, daß in der Deklination der bestimmten Adjektiva das Lettische in allen Kasus das Thema des Adjektivs enthalte und eine Form wie der Nom. Pl. *labie* «die guten» durch Kontraktion aus *labāji* entstanden sei, indem er hinweist, daß *labie* nach den lettischen Lautgesetzen gar nicht aus *labāji* hergeleitet werden kann. Verfehlt ist jedoch die weitere Behauptung Leskiens: «*labā-* kann deswegen nicht Stamm des Adjektivs sein, weil sein *a* stets lang ist; wer es dennoch dafür //hält, muß eine Erklärung der Länge geben.» Denn wollte jemand noch die Ansicht Bielensteins und Miklosichs vertreten, so könnte er mehr als die Erklärung der Länge geben, nämlich die postulierte Kürze des *a* nachweisen. Dabei kommen freilich nicht Formen aller Mundarten in Betracht. Es werden nämlich in Rujen, Allendorf, Salis, Lemsal, Ubbenorm, Pernigel, Adiamünde und Loddiger in den Suffixen alle langen Vokale (und an diesen Orten, außer in Loddiger, auch der Diphthong *uo*, teilweise auch *ie*) zu kurzen Vokalen; noch weiter gehen bekanntlich in dieser Hinsicht die tahmischen Mundarten Kurlands, wo die gekürzten Längen teilweise ganz geschwunden sind (vgl. Bezenbergers Lettische Dialekt-Studien 150 ff. und oben [BB] XXVII 189). Aber auch in solchen Mundarten, die sonst eine Verkürzung der suffixalen Längen nicht kennen, werden gerade vor *j* lange Suffixvokale gekürzt; so z. B. in Rodenpois und Segewold. Es kann demnach eine Form wie der Dat. S. *vecajam* «dem alten» aus Stenden auch auf *vecājam* zurückgeführt werden, denn in Stenden werden in einigen Formen die langen Suffixvokale gekürzt: Dat. Pl. *mācitajim* «den Pastoren», Inf. *turēt* «halten», Dat. Pl. *meitam* «den Töchtern», Lok. S. *meža* «im Wald», Prät. *nevarej* «konnte

310

311

nicht», Fut. *nuokuodis* «wird abbeißen», *mēs runa* «wir sprechen», Nom. S. *irbit* «kleiner Rebhuhn», *dusmīgs* «zornig» u. a. (daneben: Komp. *lētāks* «leichter», Prät. *izdzērās* «zechte zur Genüge», Lok. Pl. *pulkās mājās* «in vielen Häusern» u. a.). Dagegen dürfen wir in folgenden Formen keine Verkürzung des *a* annehmen: Dat. S. *smolkajam* «dem feinen» (Palzmar), *labajam* «dem guten» (Smilten, Dickeln, Olai, Wallhof, Mitau, Grünhof, Doblen, Schwitten, Liewenbersen, Siuxt, Lesten, Neuenburg, Remten, Frauenburg, Kursiten, Ringen, Grösen u. a.), Lok. S. *labajā* «in der guten», Dat. Pl. *liēlajām* «den großen», *jaūnajiem* «den jungen» (Wolmar). Denn in diesen Mundarten wird die ursprüngliche Länge des *a* auch vor *j* bewahrt: Dat. S. *arājam* «dem Pflüger», *mācītājam* «dem Pastor», Lok. S. *linājā* «auf dem Flachsfeld», *runājām* «wir sprechen» u. a. (Wolmar). Für die Nomina agentis auf *-tāja-* und *-āja-* gilt dieses von allen den eben genannten Mundarten, während in den Verbalformen einige derselben verkürztes *a* aufweisen: Prät. *dziēdāja* «er sang», *mazgājās* «wusch sich»; daneben: *mācītājs* «Pastor» (Olai). In den mittleren Mundarten Livlands und Kurlands, die der letti-//schen Schriftsprache zugrunde liegen, scheinen also bloß Adjektivformen mit kurzem *a* vorzukommen, wobei die Kürze des *a* ursprünglich sein muß. Formen mit langem *a* (z. B. Dat. S. *slinkājam* «dem faulen») habe ich in Serbigal, Mehrhof (Livland) und in den westkurischen Mundarten von Nieder-Bartau, Klein-Gramsden, Preekuln, Grobin, Amboten, Nigranden, Wirginahlen, Schrunken, Wormen, Lahnen u. a. gefunden. Auf *-ājam* muß wohl auch die Endung *-ām* (z. B. *slinkām* «dem faulen») zurückgeführt werden, die ich in Firckshof, Schnehpeln, Groß-Iwanden, Dubenalken, Hasenpoth, Zierau, Sackenhäusen, Appriken und (in Livland) in Adsel-Schwarzhof gehört habe. Das *a* der Schlußsilbe wird nämlich auch tonlos gesprochen (*slinkāj^am* in Wahnen und Kabillen; *mundraj^am* «dem muntern» Ober-Bartau) und fällt dann auch ganz aus, worauf das *j* nach *ā* gleichfalls wegfällt (*slinkām*) oder mit *ā* bezw. *a* den Diphthong *ai* bildet: Dat. S. *mundraim* in Kalleten¹ (ähnlich wird in Kalleten der Nom. S. Fem. G. *izgājusi* «*эхβāса*» zu *izgāisi*, in Wolmar dagegen zu *izgāsi* gekürzt). Die Formen mit langem *a* hat Leskien (Dekl., S. 236 f.) wohl richtig erklärt; verwerfen muß ich nur seine Erklärung des Dat. S.

¹ O. [BB] XVII 278 führt Lautenbach aus der Abaugegend den Dat. S. *labaim* an.

labājam, in dem er mit Hinweis auf lit. *labājem* aus *labām-jam* Weiterentwicklung eines ursprünglichen **labām-jam* sehen möchte. Erstens ist die von Leskien angesetzte urlettische Form mit langem *a* ganz undenkbar (dieselbe kann nur **labam-jam* gelautet haben), zweitens sind wir nicht berechtigt, Übergang von *-amj-* in *-āj-* im Lettischen anzunehmen; vielmehr muß *labājam* ebenso wie etwa der Lok. Pl. *labājuos* erklärt werden, nämlich als Analogiebildung nach dem Gen. S. Mask. G. und dem Nom. S. Fem. G.² Aus dem ursprünglichen **labam-jam* ist dagegen *labam* entstanden, das neben *labājam* im Sinne eines bestimmten Adjektivs gebraucht wird. Wie sind aber die Formen mit kurzem *a* (wie *labajam*) entstanden? Das dieselben der Verbindung des reinen Adjektivstammes (*laba-*) mit den Kasusformen von *jis* ihr Dasein verdanken, wird wohl niemand mehr // behaupten wollen. Mir scheint es, daß diese Formen vom Dat. S. Fem. G. ihren Ausgang genommen haben; dieser Kasus muß im Urlettischen **labaijai* gelautet haben; **labaijai* ist aber meiner Ansicht nach rein lautgesetzlich zu *labajai* geworden. Zu dem Fem. *labajai* dürfte zunächst das Mask. *labajam* hinzugebildet sein³ und weiterhin die übrigen Kasus. Freilich kann ich keinen sicheren Fall des angenommenen Wandels von suffixalem *-aij-* in *-āj-* namhaft machen; allenfalls lassen sich die hochlettischen Präterita auf *-eju* oder *-ęju* für *-eiju* (= schriftlett. *-iju*; vgl. Bezenbergers Lett. Di.-St. 131) vergleichen⁴. Andererseits spricht aber meines Wissens nichts gegen die Annahme eines solchen Lautwandels, und man versuche nur Formen wie **labaijai* rasch zu sprechen, so wird der Übergang von **labaijai* zu *labajai* sehr natürlich vorkommen.

313

Nach dem Muster des Dat. S. Fem. G. wie *labajai* scheinen ursprünglich für alle Kasus Nebenformen mit einem scheinbaren Adjektivstamm auf *-a* oder — nach andern Musterformen — dialektisch auf *-ā* im Gebrauche gewesen zu sein: wenigstens lassen sich solche Formen aus den Volksliedern nachweisen (Beispiele bei Bielenstein LSpr. II 57). Da aber eine Form wie der Akk. S. *labuo* «den guten» aus **labuo-ju* (Bielenstein LSpr. II 57 weist, freilich mit falscher Auffassung,

² Ähnliche Neubildungen kommen auch im Litauischen vor: außer hierher gehörigen Formen in Kurschats Gr., S. 251 vgl. noch den Dat. S. Fem. G. *trecziōjei* (Bezenberger Lit. Forsch. 1), *jaunesnōjei* (ibid. 9).

³ Vgl. dazu den lit. Dat. S. Fem. G. *báltājai* (Kurschat. Gr., S. 250), der doch wohl nach der Maskulinform *baltājām* (ibid. 248) neugebildet ist.

⁴ Vgl. dazu folgende lit. Formen: Dat. S. *teisamuiam* (Psalteras Dowido 1625, Ps. 37, 12), *piktamujem* (Ps. 94, 13).

aus einem Volkslied die Form *ražnuo-ju*⁵ nach) sich auch so deutlich von *labu* «einen guten» unterschied, so konnte die längere neugebildete Form *labaju* oder *labāju* neben *labuo* nicht recht aufkommen. Dagegen unterschied sich eine Form wie der Dat. S. *labam* «dem guten» aus **labam-jam* äußerlich durch nichts von *labam* «einem guten», und deshalb wurde hier die // Neubildung *labajam* oder *labājam* sehr üblich. In der lebendigen Volkssprache setzt sich also das Paradigma folgendermaßen zusammen (der Kürze wegen führe ich hier nur die Wolmarschen Formen an):

	Maskulinum	Femininum
Sing.	Nom. <i>labàis</i>	<i>labà</i>
	Gen. <i>labà</i>	<i>labàs</i>
	Dat. <i>labajam</i> od. <i>labam</i>	<i>labajài</i> od. <i>labài</i>
	Akk. <i>labùo</i>	wie Mask.
	Lok. <i>labajà</i> od. <i>labà</i>	wie Mask.
Plur.	Nom. <i>labiè</i>	<i>labàs</i>
	Gen. <i>labùo</i>	wie Mask.
	Dat. <i>labajiem</i> od. <i>labiem</i>	<i>labajàm</i> od. <i>labàm</i>
	Akk. <i>labùos</i>	<i>labàs</i>
	Lok. <i>labajuôs</i> od. <i>labuôs</i>	<i>labajàs</i> od. <i>labàs</i>

Endlich sei hier noch erwähnt, daß in den westkurischen Mundarten von Appricken und Paddern der Dat. Pl. Mask. G. der bestimmten Adjektiva auf *-iem*, bei den unbestimmten dagegen auf *-im* auslautet, z. B. *tiem mudîgiem suņim* «den flinken Hunden» neben *ar savim vęcim draūgim*⁶ «mit seinen alten Freunden» (Paddern). In diesen Mundarten (wie in vielen andern) lautet nämlich der Dat., Instr. Pl. der *o*-Stämme und *io*-Stämme auf *-im* aus. Dieses *-im* kann nun freilich keine rein lautliche Schwächung aus *-iem* sein, wie Bezenberger Lett. Di.-St. 129 meint, denn dagegen sprechen mundartliche Formen: so wird z. B. in Rujen suffixales *ie* durchgängig zu *e*

⁵ Übrigens ist es zweifelhaft, ob *ražnuoju* wirklich die alte vorausgesetzte Form ist; man könnte auch an Kontamination von *ražnuo* und *ražnāju* denken, wie denn der Lok. S. *taini* (Behrshof) «in dem» (dazu der Lok. Pl. *tainijās* aus Ziepelhof) durch Mischung von *tai* und *tani* entstanden ist. In *taini* einen Umlaut zu sehen, was Bielenstein o. [LSpr.] I 217 tut, ist unmöglich. Zu *ražnuoju* stelle ich noch zwei andere Akk. S.: *skliduoju* (BW 2387, 1), *szouwe pirmoye Deele* (Evangelia und Episteln, Riga (1615)).

⁶ *ę* ist offenes *e*; in diesen Mundarten hat sich der fallende Ton dem Stoßton angeglichen, daher: *draūgim*.

gekürzt (z. B. *celes* «erhebe dich» aus *celiês*), im Dat. Pl. erscheint aber hier nicht etwa *-em*, sondern gleichfalls *-im* (z. B. *zùobim* «den Zähnen»; vgl. auch RKr. XIII 75 und 86). Dieses *-im* der *o*- und *io*-Stämme stammt vielmehr von den maskulinen *i*-Stämmen, wie *làudim* «den Leuten». In Wolmar unterscheidet man noch das Maskulinum *làudim* (mit kurzem *i*) von den Feminina wie z. B. *gùovim* (mit sekundärer Länge des *i*) «den Kühen». Anderwärts spricht man aber jetzt auch *làudim*, indem dieses Wort sich ganz den Feminina angeschlossen hat; ja, in den talmischen Mundarten von Sirgen, // Pilten u. a., wo die weiblichen *i*-Stämme in die Deklination der *iê*-Stämme übergegangen sind, heißt es im Dat. Pl. *loudem* wie *duo^erem* «den Türen», *vàrtem*⁷ «der Pforte»; vordem hat aber auch hier *làudim* sein *-im* auf die *o*- und *io*-Stämme übertragen, denn auch hier geht der Dat. Pl. dieser Stämme auf *-im* aus: *skapim* «den Schränken», *ra'im*⁸ «den Rädern», *kâl'jim* «den Schmieden» (Pilten), *kuo'kim* «den Bäumen», *akminim* «den Steinen» (Sirgen). Von den Substantiva ist dann die Endung *-im* auch auf die Adjektiva übergegangen; natürlich wurde dabei *-iem* nicht plötzlich durch *-im* vollständig verdrängt, sondern es konnten eine Zeitlang beide Endungen nebeneinander gebraucht werden (so noch in Wolmar; anderwärts hört man bereits nur *-im*). In den erwähnten Mundarten von Appricken und Paddern ist dann das Nebeneinander von *-iem* und *-im* in der Weise ausgenutzt worden, daß die volleren Formen auf *-iem* den bestimmten, die auf *-im* den unbestimmten Adjektiva zufielen.

⁷ Hierzu der N. Pl. *vàrt's*; im Wolmarschen dagegen N. Pl. *vàrti*.

⁸ In der Umgegend von Windau sind oft Erweichungen zu hören; ich gebe einige Beispiele: *nāc' êst'* «komm (zu) essen» (Schlehk); N. S. Fem. G. *pazudaš* «verloren», *māi'* «Mutter», *džegaž* «Kuckuck», *vāladž* «Pfingstvogel» (Sirgen); *te'pat'* «hier selbst», N. S. Mask. G. *sačes* «locutus», A. S. *nāž* «das Messer» (Pilten); N. Pl. *ac's* «Augen», L. Pl. *tout'inas* «in der Fremde», Prät. *gad'ijas* «traf sich» (Suhrs); Prät. *nenuosūt'ê* «schickte nicht ab», D. Pl. *dâtbem* «den Arbeiten» (Hasau). Aus der Erweichung entstand dann öfters ein epenthetischer Vokal: *vāladž*, *balad's* «Taube» (Hasau); N. *vāer't'* «Pforte» (Popen) u. a.

KAS BIJA ŪSIŅŠ?

[1903 Apskats II 25—27]

- 25, Uz šo jautājumu ir devis atbildi mācītājs R. Aunings (rakstā: «Wer ist Uhßing?» Mag. XVI 2). Ūsiņš bijis vispirms gaismas dievs, bet ar laiku izvērties par zirgu baņotāju. Mani šī atbilde neapmierina. Par to, ka Ūsiņš senāk bijis gaismas dievs, Aunings pārliecinājies, apcerēdams šā vārda etimoloģiju, kuŗu devis prof. Becenbergers (turpat, 39. lpp.): pavasaras dievs Ūsiņš esot etimoloģiski rada vācu dievei Ostarai — vārdam, kas cēlies no pirmatnējas formas *ausrā* un pilnīgi saskan ar leišu *aušrā* «rita gaisma»; vārds *Ūsiņš* tātad esot atvasināts no saknes, kuŗu atrodam laikvārdā *aust* (*diena aust*). Arī Ūsiņa kults rādot, ka Ūsiņš bijis gaismas un pavasaras dievs: Ūsiņam ziedojuši gaiļi, dienas gaismas simbolu, un olas, simbolus dzīvības radītājai dabai un auglībai. Bet šim argumentam nav nekādas nozīmes, jo gaiļus un olas ziedojuši arī tādiem dieviem, kuŗiem ar gaismu nekāda darīšana nav bijusi; olas ziedojuši arī pūķim// (sal. Mag. XIX 1, 43) un gaiļus arī Mājaskungam (Usener Götternamen 108). Atliek Auningam tikai Becenbergera dotā etimoloģija, uz ko atsaukties; tā varētu gan pareiza būt, bet paļauties var uz to tikai tad, ja tai par labu runā arī citi apstākļi, un tādu nav. Nav arī rādīts, kā gaismas dievs izvērties par zirgu baņotāju. Man tāpēc liekas cits izskaidrojums vajadzīgs.

Kāda dieva nozīme var ar laiku mainīties, bet veco vārdu tas patur; pārrunāsim tad vispirms *Ūsiņa* vārdu. Te nu jāievēro, ka šis vārds viscauri parādās dēminūtīva formā, gan Auninga uzrakstītās tautasdziesmās, gan ziņās no septiņpadsmitā gadsimtena sākuma (*Uhsching*; sal. Mag. XVI 2, 33). Tikai vienā (№ 36) no Auninga pasniegtām dziesmām atrodam formu *Ūss* (*danco Ūsa stiliņģi ābolaini kumeliņi*). Dēminūtīvi gan ir ļoti iecienīti mūsu tautas dzejā; «Jānīti» tur apdzied pat biežāki nekā «Jāni», bet vienādi runā tikai par *Jāņadienu* jeb *Jāņiem*, nekad par «Jānīša dienu». Turpretim pazīst tikai *Ūsiņa dienu*, *Ūsiņa tirgu*, *Ūsiņa kalnu*,

Ušiņa krogu, Ušiņa māju, nevis kādu «Ūsa dienu» etc. Tāpēc tautasdziesmās vienreiz sastopamā forma *Ūss* ir jāuzlūko kā abstrahējums no šķietamā dēminūtīva *Ūsiņš*, kas īstenībā nav bijis nekāds dēminūtīvs, bet šā vārda pirmatnējā forma. Un taču citādi visi latviešu vārdi ar galotni *-iņš* ir dēminūtīvi; ja nu vārds *Ūsiņš* neizrādās par dēminūtīvu, tad tas varbūt nav nemaz īsts latviešu vārds; un tādas ir manas domas. J. Grimms saka savā *Deutsche Mythologie* I⁴ 413: «Kas romniekiem saucas *lar* un *penas*, to *mūsu* (tas ir: vācu) senā valodā sauc *hūsing* (izrunājams *hūsing*) jeb *stetigot*.» Ja šis senvācu *hūsing* («mājas gars», no vārda *hūs* = // jaunvācu *Haus* «māja») līdz ar kristīgo dievu ieceļoja mūsu dzimtenē, tad latviešu mutē tam bija jāpārvēršas par *Ūsiņu*¹. Ka vācu ienācēji atveduši latviešiem dažādus māņu tēlus, to apliecina arī vārdi *spuoks* un *pūķis*. Mācītājs Aunings gan domā (*Mag. XIX* 1, 112), ka pūķis radies pie latviešiem un šie to patapinājuši igauņiem un ģermāņu ciltīm, bet nav ticams, ka no mazās latviešu tautas pūķis varēja nokļūt pat Anglijā un Islandē. Tāpēc jādomā, ka arī pūķi mūsu senči patapinājuši no saviem vācu kungiem; un tāpat laikam būs bijis arī ar *Ūsiņu*. Katrā ziņā mājas gars (*hūsing*) drīzāki varēja izvērsties par zirgu dieviņu nekā kāds gaismas dievs.

26,

Mājas gara *Ūsiņa* attīstīšanos par zirgu dieviņu nevaram gan pilnīgi rekonstruēt; tomēr atrodam dažus materiālus, kas šo lietu daudz maz apgaismo. Pirmā dziesma pie Auninga skan:

Ūsiņ (= Ūsiņš?) sēd sētmalā,
Gaid, lai lūdz istabā;
Nāc, Ūsiņ, istabā,
Sēdies galda galiņā!

Man liekas, ka šai dziesmā *Ūsiņš* ir uzlūkots vēl kā mājas gars, jo istabā pie galda lūgt varēja gan laikam tik kādu mājas garu, bet ne zirgu dieviņu; pēdējam ir vieta stallī, kā redzam citā (№ 12), laikam jaunākā dziesmā:

Ūsiņš stāvu slaistījās
Mana stalla pakaļā;
Ej, Ūsiņ, stallītī,
Baŗo labus kumeliņus!²

¹ Dažās izloksnēs pazīstamā forma *Ūsiņš* ir vai nu vēlākas vācu izrunas atspoguļojums, jeb pašu latviešu izdarīts pārgrozījums. [Sai piezīmē *Ūsiņš* vietā jālasa laikam *Ūziņš*. — Red.]

² Sal. arī № 14; № 13 ir maisījums no № 1 un № 12.

Par senvācu mājas gariem raksta J. Grimms (turpat, 414), ka tiem bijis sevišķi sakars ar mājas ugunskuru; pa to tie nākuši ārā no sava apakšzemes mājokļa; tie bijuši īsteni ugunskura dieviņi. Kad nu Ūsiņš vispirms bijis mājas gars, tad arī viegli saprotam, ka dažkārt Ūsiņa gaili kāvuši ķēķī virs pavarda un asinis tecinājuši ugunskurā un ka Ūsiņa dienai darīto alu vispirms slacījuši ugunī. — Senvācu mājas gari labprāt mituši stallos, šķūņos, pagrabos vai arī netālu no mājas kādā kokā, un arī mūsu Ūsiņam dažkārt ziedojuši uz koku celmiem. — Arī Ūsiņam ziedotās lietas atgādina mājas garu kultu; kā jau minēju, olas ziedotas arī pūķim, un pūķis kā mantas nesējs ir pieskaitāms mājas gariem³; un gailus ziedojuši Mājaskungam; kas Mājaskungs latviešiem, tas leišiem bijis Dimstipatis, par kuŗu lasām (Usener Götternamen 89), ka tam ziedojuši pāri gaiļu. Un senvācu paražu dot savam mājas garam raibus svārkus ar skanīgiem zvārguļiem (J. Grimms, turpat, 423) atgādina tautasdziesma (№ 34) ://

26₂

Ūsiņam svārkus šuvu
Deviņiem muduriem,
Lai tas man citu gadu
Labus zirgus audzināja.

Par senvācu mājas gariem saka J. Grimms (turpat, 420), ka tiem palaikam bijuši sarkani mati vai sarkana bārda; reti trūkusi sarkana cepure. Arī leišu mājas gariem Kaukiem bijis sarkanums uz galvas (Usener Götternamen 92). Tāpēc mums Ūsiņš laikam jāuzlūko kā mājas gars arī tautasdziesmā (№ 41):

Ūsiņam divi dēli
Sarkanām galviņām;
Vienu sūta pieguļā,
Otr' ar arklū tirumā.

Ar to es, zināms, nostājos pret Auninga domām (turpat, 32), ka šie Ūsiņa dēli «bez šaubām» bijuši vakara blāzma un rīta gaisma. — Senvācu mājas gari bijuši dažādi, un dažādos darbos tie ļaudīm palīdzējuši, it sevišķi ķēķī un stallī (J. Grimms, turpat, 420 un 422); tāpat latviešu, par pūķiem sauktie mājas gari bijuši dažādi: labības, naudas, piena, zirgu pūķi (Mag. XIX 1, 117). Tad nu, zināms, varēja notikt, ka vienu no dažādajiem darbiem cilvēks uzlika savam mājas garam kā sevišķu pienākumu; varēja notikt, ka no daudzajiem,

³ Sal. LP VI 1, 80 un Mülenbacha referātu Austrumā VIII 1, 364.

par ūsiņiem sauktajiem mājas gariem palika tik viens — Ūsiņš. Dažos vidučos no ūsiņa, kas apkopa arī sava saimnieka bites, ir attīstījis bišu dievs Ūsiņš, par ko mums stāsta vecais Stenders (sal. Mag. XVI 2, 8 un 10); citur redzam zirgu dievu Ūsiņu.

Kādā kārtā Ūsiņš ar zirgiem saistījis, par to neesmu gluži skaidrībā. Tas varēja, zināms, notikt jau minētā ceļā: no dažādiem darbiem Ūsiņam atstāja tik zirgu kopšanu. Bet varēja tas arī citādi notikt. Dažās Auninga uzrakstītās tautasdziesmās Ūsiņš mums parādās kā 23. aprīļa un līdz ar to pavasaras personificējums, piemēram:

Ūsiņš nāk, Ūsiņš nāk,
Mārtiņš nāk vēl labāks;
Ūsiņš nāk zaļu lauku,
Mārtiņš rudzu apcirkni. (№ 3)
No Ūsiņa līdz Miķeļam
Tīru slauku pagalmiņu (№ 5); jeb:
Jāja puiši piegulā (№ 6).
Puiši klieudz, puiši brēc:
«Vai dieviņ, Ūsiņš nāk!
Būs jājāj piegulā,
Kur paliks mīksta vieta!» (№ 7)
Ūsiņš jāja par kalniņu
Ar akmeņu kumeliņu;
Tas atnesa kokiem lapas,
Zemei zaļu mēteliņu (sal. arī
№№ 2, 4, 15, 22, 26, 27).

Ar Ūsiņa dienu sākot, jājuši ar zirgiem piegulā; ar to varēja Ūsiņu uzskatīt kā zirgu dieviņu. Bet kā izskaidrojams, ka Ūsiņa diena iekrīt 23. aprīlī? // Drošu atbildi nevaru dot, tomēr gribu kādu hipotēzi izteikt. Aprīļa 23. dienā pārkravājas ļaudis, it sevišķi gājēji, bet dažkārt arī saimnieki, no vienas mājas uz otru; varam iedomāties, ka tad mājas garu Ūsiņu sevišķi godināja, lai tas gādātu labu dzīvi jaunā gadā (sal. LP VI 1, 80).

Ar to šoreiz beigšu; turpmāki pētījumi var Ūsiņa vēsturi labāki apgaismot. Šai vietā izteikšu tikai vēl savu nožēlošanu, ka Auninga kgs nav nemaz avotus minējis sakrātām tautasdziesmām: daudz ko nozīmē zināt, kāda persona ir vienu vai otru dziesmu teikusi. Tā Auninga kgam izliekas viegli saprotama dziesma № 42:

MŪSU RAKSTU VALODAS PASĀKUMI

[1903 Apskats XVI 252—255]

Pirmā latviešu grāmata, Lutera mazais katechisms, iznāca 252,
Königsbergā 1586. gadā; gadu vēlāk ir turpat iespiestas vēl trīs
citas grāmatas: 1) Undeudsche Psalmen und geistliche Lieder,
2) Undeudsche Evangelia und Episteln, 3) Passio; von dem
Leiden und Sterben unsers Herrn // und Heilandes Jesu Christi. 252,
Viens eksemplārs no visām šām grāmatām atrodas Jurjevas
universitātes bibliotēkā, otrs — Königsbergā; divi pirmās grā-
matas ir nesen par jaunu iespiestas: katechisms, izdots no prof.
Becenbergera iekš «Litauische und lettische Drucke des
16. Jahrhunderts» 1875. g., un «Nevācu psalmi un garīgas
dziesmas», izdotas no Becenbergera un Bilensteina 1886. g.
Latviski sarakstīti rokraksti ir bijuši jau priekš 1586. gada:
Rīgas mācītāji Eks un Ramms ir ap 1530. g. tulkojuši baušļus
un garīgas dziesmas, un Sventājas baznīcā 1560. g. atradušās
divi uz pergamentu rakstītas grāmatas ar perikopu, ciešanas
stāstu, katechisma un liturģijas tulkojumiem. Šie Sventājas
rokraksti ir, kā liekas, bez vēsts nozuduši; bet Eka un Ramma
tulkojumi ir paglābušies. No visām pirmajām latviešu grāma-
tām 1615. gadā iznāca Rīgā otrs izdevums (arī no šā izdevuma
ir viens eksemplārs Jurjevas universitātes bibliotēkā); šai otrā
izdevumā garīgo dziesmu krājums ir stipri paplašināts: starp
citiem tur uzņemti arī Eka un Ramma tulkojumi, kuŗu pirmajā
izdevumā vēl nav. Tomēr nevaram šos Eka un Ramma tulko-
jumus kā vecākos latviešu valodas pieminekļus uzlūkot; abus
izdevumus salīdzinot, izrādās, ka otrā izdevumā teksts ir stipri
grozīts (bet ne ikreiz pārlabots; bieži vien pirmā izdevuma
valoda ir labāka); tātad jādomā, ka otra izdevuma redaktors
grozījis tekstu arī Eka un Ramma tulkojumos. Paraugus no Eka
un Ramma tulkojumiem pasniedz Cimmermanis savā «Versuch
einer Geschichte der lettischen Literatur» (Jelgavā, 1812.) pēc
1615. gada izdevuma, bet šos paraugos iezagušās daudz kļūdas,
tā ka valodniekam tie ir nederīgi. Šo pirmo grāmatu saraksti-
tāji bijuši pieci mācītāji: Rīvius no Dobeles, Mike no Iecavas,
Lembreks no Tukuma, Reimerss no Bauskas, Vegmanis no
Saldus; varētu jau nu būt, ka viens un otrs no šiem vīriem ir

mācījies latviski, vēl mācītājs nebūdams, kaut kur citur un ne savā vēlākā vietā, bet pirmās domas katram gan būs tās, ka minētie mācītāji noklausījušies savu draudžu valodā. Un kad nu visas šās draudzes runā Kurzemes vidējo izloksni, tad šī pati izloksne jāmeklē arī minēto vīru rakstos. To atzīst arī Mūlenbachs, kas par šo jautājumu raksta Baltijas Vēstnesī (pag. g. Nr. 273); tomēr Mūlenbachs sakās atradis šo vīru rakstos arī tāmnieku izloksnes savādības: 1) vīriešu kārtā stājas dažreiz sieviešu kārtas vietā; 2) daudzskaitļa datīvā sastopama galotne *-ims* visos celmos; 3) adjektīvu galotnes *-ais* vietā lieto *-eis*; 4) prepozīcijas *āz* un *pi*; 5) prepozīcijas, kas citādi kopojas ar ģenitīvu, sabiedrojas ar akuzatīvu; 6) *au* pārvērties par *ou*; 7) plūstošu līdzskaņu priekšā parādās lieks patskanis, piem., *katers*; 8) visās galotnēs stāv patskanis *e*. Ar tāmnieku izloksni nesaskatot vienskaitļa datīvs *tōw* (tāmnieki saka *tau* jeb *tou*) un izšķirtas personu galotnes konjugācijā. Tāpēc Mūlenbachs domā, ka tulkotāji izlietojuši tāmnieku izloksnē sarakstītus rokrakstus, bet, paši runādami vidējo izloksni, nav ievērojuši savos rakstos izloksnes vienādību. Arī forma *jir* «ir» bijusi pašu tulkotāju valodai sveša un patapi-// nāta no augšzemnieku izloksnē sarakstītiem rokrakstiem. Te nu varētu pieminēt arī prepozīciju *da* (piem., *dağahje* Und. Psalm. 70, 23; *damehde* Evangelia; *daľidūšđe* Passio) un nākotnes formas: *ľidtczņš* (= *licis*), *naetczņš* (= *nācis*), *tapņš* (= *tapis*), *pabeidtczņš* (= *pabeidzis*), *peludtczņš* (= *pielūdźisi*) Evangelia; *esatchņš* (= *iesācis*), *aņšľedtczņš* (= *aizľedźisi*) Passio, kas tāmnieku un Kurzemes vidus izloksnei svešas. Ja nu varētum pievienoties Mūlenbacha domu gaitai, tad prepozīcija *da* varētu būt cēlusies no tā paša augšzemnieku rokraksta, no kuŗa patapināta forma *jir*; bet minēto nākotnes formu dēļ vajadzētu iedomāties, ka tulkotājiem bijis vēl viens cits rokraksts, apmēram no Valmieras apgabala, jo minētās formas, cik zināms, pazīstamas tikai Valmieras apgabalā. Bet jo vairāk rokrakstu vajadzīgs Mūlenbacha teorijai, jo neticamāka tā kļūst. Un ar kādu tiesību tad drikstam apgalvot, ka tulkotāji izlietojuši kaut kādus rokrakstus? Kā jau minēju, Sventājas baznīcā atradušies tādi rokraksti; bet ka arī mūsu tulkotāji izlietojuši kādus rokrakstus, nekur netiek minēts. Katechisma priekšvārdos Mike, Lembreks, Reimerss, Vegmanis saka, ka Rivius daudz pūlējies tulkodams («an die Verdolmetschung... nicht... geringen Fleiß gewandt»), bet, ātri mirdams, nav varējis savu darbu pabeigt; tad viņi darbu par jaunu uzsākuši un pabeiguši. Šie vārdi nu gan nepierāda, ka tulkotājiem

tiešām nav bijis nekādu rokrakstu, bet taču vedina mūs uz tādām domām. Pret Mūlenbacha domām liecina vēl citi svāri-
 gāki apstākļi. Ja tulkotāji tiešām būtu izlietojuši triju dažādu
 apgabalu izloksnēs sarakstītus rokrakstus, tad šo viru darbā,
 ievērojot viņu nepilnīgo latviešu valodas prašanu, vajadzētu
 atrast visai lielu izlokšņu maisījumu. Patiesībā viņu rakstos
 atrodam ļoti lielu valodas vienību. «Ciešanas stāstus» (Passio)
 ir tulkojis Bauskas mācītājs Reimerss viens pats, bet šis tulko-
 jums ne valodā, ne ortografijā nekā neizšķiras no citiem tul-
 kojumiem. Viscauri atrodam tikai prepozīcijas *āz* un *pi*, nekur
aiz un *pie*, viscauri (atskaitot vārda sākumu, piem., augle Und.
 Psalm. 1, 28) tikai diftongu *ou*, nekur *au*, viscauri tikai formu
katers, nekur *katris*, viscauri tikai datīvu *tōm*, nekur *tou*, vis-
 cauri formu *jir*, nekur *ir!* Vai ir jēl maz ticams, ka tulkotāji
 būtu tik pastāvīgi lietojuši minētās formas, ja viņu rokās būtu
 bijuši dažādās izloksnēs sarakstīti rokraksti? Kāpēc gan viņi
 būtu viscaur paturējuši tāmnieku *āz*, *pi*, *ou*, *katers*, bet tām-
 nieku formas *tou* vietā viscauri likuši vidējās izloksnes *tōm*,
 citas augšzemnieku formas atmetuši, bet formu *jir* viscauri
 paturējuši? Ka viņi šai ziņā nav ar nodomu bijuši tik konsek-
 venti, to rāda svārstišanās citu formu lietošanā, piem., timš
 blakus temš (= *tiems*) tai pašā gabalā (piem., Und. Psalm. 28)
 jeb nākotnes formas lidtczhs (= *licis*) blakus nojfyryje (= *nuo-
 šķirs*) Evangelia. Es tāpēc domāju, ka mūsu pirmajiem rakst-
 niekiem nav bijuši nekādi gatavi rokraksti un ka tie visu tul-
 kojuši savu draudžu (Kurzemes vidus) izloksnē. Bet minētās
 tāmnieku, augšzemnieku, valmieriešu izlokšņu formas? Gribu
 rādīt, ka neesam nemaz piespiesti uzlūkot minēto vīru valodu //
 kā dažādu izlokšņu maisījumu. Mūlenbacha argumentācija 253₂
 dibināta uz neizteiktām domām, ka 16. gadusimtenī mūsu
 valodas izloksnēm bijis tas pats veids, kas tagad, bet tādu
 domu nepareizība nav vēl sevišķi jāpierāda, jo dzīva valoda
 maina savu veidu bez mitēšanās. To rāda sevišķi gaiši šāds
 piemērs: tagad nav zināma neviena izloksne, kas pārvērs *ev*
 par *öv*, bet mūsu rakstniecības tēvi līdzsaka *v* priekšā (un
 tikai *v* priekšā) raksta gandrīz viscauri *ö*, piem., thow «tev»,
 ŷow «sev», doewiš «devis», doewihtez «devīts»; tas izskaidro-
 jams tikai tā, ka toreiz Kurzemes vidus izloksnē tiešām runā-
 juši *töv*, *söv* utt. Tāpēc drīkstam arī domāt, ka toreiz turpat
 runājuši arī diftonga *au* vietā *ou* (*louks*, *drougs* utt.); pāreja
 no *au* uz *ou* un otrādi ir ļoti viegla un visur novērojama. Atraz-
 dami daudzskaitļa datīvus ar galotni *-ims* (greekimš) blakus
 galotnei *-iems* (greekemš), drīkstam domāt, ka Kurzemes vidējā

izloksne toreiz tāpat pazinusi abas galotnes, kā tagad Valmieras izloksne runā abējādi (gan *grēkiem*, gan *grēkim*); ilgi valoda necieš divi galotnes vienai formai, bet patur tikai vienu. Tas pats sakāms par nākotnes formām *tappyš*, *naetczyš* u. c.; kā tagad Valmieras apgabalā lieto abējas formas *nācis* un *nāks*, tā 16. gadusimtenī Kurzemes vidus izloksne varēja būt pazīstamas abas formas. Arī forma *jir* (*ir* vietā) var senāk būt bijusi lietojama Kurzemes vidus izloksne. Varēja tur būt pazīstama arī prepozīcija *da*, kas sastopama arī Mancela rakstos. Prepozīciju *āz* mūsu pirmajos rakstos sastopam tikai savienojumā *aešto* «jo» un bez tam vēl vienā vietā 1615. gada Psalmos (*aeš touve lele gode* 5. lpp.); prefiksa forma viscauri ir *aiz* (no *aismuggerre*, *ašmiggā* Evangelia; *ašmirjātam* Und. Psalm.; *ašlēdteze*, *ašbdode*, *ašjailbeeth* Katech.), un vienīgā vietā, kur atrodam prefiksu *āz*: *ašlēdteze* (Katech. 26, 11), ir laikam drukas kļūda. Ka forma *āz* senāk bijusi tālāk izplatīta, to liecina (laikam visur pazīstamais) vārds *azuots* (un laikam arī *azaid*); un Fūrekera vidējā izloksne sacerētās dziesmās (Lettische Geistliche Lieder und Psalmen 1671) arī sastopam formas *aššvejš*, *aššbrauz*, *aššars*, *aššlēhš*. Arī tagad forma *āz* nav pazīstama vienīgi tāmniekiem: to lieto Kurzemes vakaros no Rucavas līdz Blīdenei; nav tāpēc nekāda iemesla šaubīties par to, ka 16. gadusimtenī ap Bausku un Dobeli runājuši *āz* (varbūt vēl tikai savienojumā *āztuo*) blakus prefksam *aiz*. Līdzīgi jāizsakās par *pi*; *pi* (rakstīts *py*) ir prepozīcija (*py* *šhernemš* Katech.), *pie-* ir prefikss (*pemēfle* Katech.); tāpat gandrīz viscauri izšķir *py* un *pee-* arī Mancelis (*py* *šrušta-šobhu* *peefištš*), un nav ticams, ka viņš, kas citādi lieto tīru vidējo izloksni, *pi* un *pie-* lietošanā būtu pieslējies tāmniekiem. Arī Rēhehūzens savā gramatikā izšķir prefiksu *pie* (*pemājt*) no prepozīcijas *pie* (= *pī*; *pie* *Šzillāš*); līdzīga izšķirība novērojama arī augšzemnieku izloksne. Visu to ievērojot, prof. Becenbergers pareizi apgalvo (Lett. Di.-St. 16), ka senāk visi latvieši izšķiruši prefiksu *pie-* no prepozīcijas *pi*. — Kas attiecas uz adjektīva galotni *-eis* (īvēteiš, mīleiš), tad Mūlenbachs pats piemin, ka sastopama arī galotne *-ais* (*pirmais*, *trešais* u. c.), un uz-//skata to par jaunu pierādījumu izloksnes nevienībai; bet līdz šim minētie iemesli mums liedz mūsu pirmo grāmatu valodu uzlūkot kā dažādu izlokšņu maisījumu, un tāpēc formas ar galotni *-eis* mums pierāda tikai to, ka mūsu pirmie rakstnieki ļoti pavisā pratuši latviski. Jāievēro arī tas, ka pareizo galotni *-ais* sastopam daudz biežāki nekā galotni *-eis* un ka galotne *-ais*, neskaidri izrunāta, arī izklausās gandrīz kā *-eis* (arī vidus

izloksnē). Nekāda tāmnieku īpašība, bet vienīgi latviešu valodas neprašana ir arī biežā patskaņa *e* lietošana galotnēs; nereti sastopam arī pareizās formas, piem., viensk. nōm. walfstība, ņewa Evang.; tumšība Passio; viensk. ģen. nactiņš Und. Psalm.; wenas pīlliņš, gowiņš Evang.; daudzsk. nōm. ņuemiņš «zivis», ņunniņš Evang.; daudzsk. akuz. pālligūš, rofaš Evang.; pagātnes formas aņņmigga, iņgaba, auga, fritta u. c. Evang.; nākotnes I pers. ņatcņņču Evang. un daudz citas. Bet, latviešu valodu labi neprazdami un pieraduši savā vācu valodā pie galotņu patskaņa *e*, tulkotāji pa lielākai daļai īsto galotņu patskaņu vietā rakstījuši *e*. Isu galotņu patskaņi arī vidus izloksnēs nav ikreiz skaidri (īpaši nelatviešam) sadzirdami; pat Mancelis vēl nereti, īpaši adverbos, nevietā izlieto patskani *e*, piem., tūve «tuvu», papreeņņe, jebņe, ņohte u. c. — Par prepozīciju rekēciju runājot, jāsaka, ka nebūt nestāv vienīgi akuzātīvs, bet (pēc ģenitīva prepozīcijām) diezgan bieži arī ģenitīvs, piem., pņ muņzigeš ņuimibeš, pņ ņippreš ņitziibeš, no ņhaeš ņurņibeš, no ņenneš Und. Psalm.; no ņhaeš jumpruwaš Katech.: no wenas ņīlliņš Evang. u. c. Akuzātīvu pēc ģenitīva prepozīcijām gadās sastapt gan pie Mancela (visai bieži, īpaši pie vīriešu kārtas vārdiem, gluži kā pārrunājamās tulkojumos), gan arī tagad Kurzemes vidējā izloksnē (sevišķi kad lietvārds savienots ar pronōmenu), piem., *nuo tuo pusi* Bauskā, *aizgāju pie savu jaunākuo brāli* Rundālē, *pie tuo suolišanu*, *pie tuo saimnieku*, *nuo tuo būdu* Lielvirca, *biju pie brāli*, *nuo tuo vēzi* Bēravircavā, *pie tuo slimuo*, *pie tuo pašu mācītāju* Ozolmuižā (pie Jelgavas) u. c. Tad vēl jāievēro, ka vācieši, kas neprot labi latviski, mēdz pēc visām prepozīcijām lietot akuzātīvu; to novērojuši arī mūsu avīžnieki, kas, kariķēdami vāciešu latvisko žargonu, liek tiem lietot akuzātīvu arī pēc ģenitīva prepozīcijām. Tātad arī prepozīciju rekēcijā mums pirmajos tulkojumos nav jāmeklē tāmnieku savādības. — Bet šos rakstos bieži vien sieviešu kārtas lietvārdi ir lietoti kā vīriešu kārtas vārdi (piem., ar ņallidņtimš roņimš, ņoņš toumeš dawaneš u. c.), un tā tiešām liekas tāmnieku īpašība, jo šāda parādība nav tagad pazīstama vidus izloksnē un nevar arī nekad senāk tur būt bijusi. Tomēr, lietu tuvāki pārbaudīdami, iztiksīsim arī te bez tāmnieku izloksnes. Minēto parādību novērojam mūsu pirmajās grāmatās tikai daudzskaitlī: esmu izskatījis visu katechismu un «Nevācu psalmus» ar nolūku atrast kādu piemēru, kur vienskaitlī sieviešu kārtas vārds locīts kā vīriešu kārtas vārds, bet neesmu atradis nevienu piemēru, un līdzīgu iespaidu esmu arī ieguvījis, Evangelia un Passio lasīdams. Turpretim

254₂ tām-//nieki šai ziņā nepazīst nekādu starpību starp vienskaitli un daudzskaitli, bet runā gan *tas meit*, gan *tie meit's*. Tāpēc minētie piemēri mūsu pirmajās grāmatās nav nekas cits kā rupjas valodas kļūdas: vācu valodā artikulam ir gan vienskaitli sevišķas formas vīriešu un sieviešu kārtai, bet daudzskaitli tikai viena forma abiem dzimumiem; tā izskaidrojas apstākļi, ka tikai daudzskaitli sieviešu kārtā samainīta ar vīriešu kārtu. Par pierādījumu, ka tulkotāji tiešām varēja tik rupjas kļūdas nodarīt, minēšu te kādus briesmīga tulkojuma paraugus: *maḡaš pemeffe* ("Heimsucht" Kat. 2), *eš maette tur aran* ("ich lerne daraus" Kat. 2), ar *špidibe thās teješ* ("mit einem Schein des Rechtes" Kat. 11), *adšijitš man* ("bekenne mich" Kat. 19), *eřfan auřte* ("in der Höhe" Und. Psalm. 10), *eřfan muřzige* ("in Ewigkeit" Und. Psalm. 12), *aran palliđt* ("ausbleiben" Und. Psalm. 20; mūsu modernie valodas maiņātāji tulko šo vācu verbu ar «izpalikt») u. c. Ar šiem piemēriem, domāju, pietiks. — Atliekas vairs tikai nōminātīvi *ķaters* «katrs» un *oťers* «otrs» no visiem šķietamiem «tāmismiem». Salīdzinādami šo pronōmenu citus locījumus *ķattra*, *oťtram*, *ķattrimš* u. c., tiešām dabūjam iespaidu, it kā *ķaters* un *oťers* būtu cēlušies no tāmnieku izlokšnes (sal. formas *stipars* Popē, *katalš* Ancē, *kārkalš*, *sviedeř* Dundagā u. c.). Bet tam pretojas citi nōminātīvi, piem., *taņņiņš* Und. Psalm. 36, *įmefliņ* 44; *fuťriņš* Katech. 19; *štipriņš*, *gudđriņš*, *buņļiņš* Evangelia. Kād šo formu vietā nekur nelasām *stipers*, *guders* utt. (Psalmu 1615. gada izdevumā turpretim gan atrodam nōminātīvus *đžeťterš*, *štipperš*, *šfaiderš*), tad arī nōminātīvi *ķaters* un *oťers* nevar būt cēlušies (pa tāmnieku parašai) no *ķatr(a)s*, *uotr(a)s*, bet no **ķater(a)s*, **uoter(a)s* (sal. senslavu *коtopуѣ* jeb *корепыѣ* un gotu *anthar* «otrs»), kas ir šo pronōmenu vecākās formas. Ar laiku, patskanim *e* pēc *t* izkritot, radās blakus vecākām formām *ķaters*, *uoters* jaunākas formas *ķatrs*, *uotrs* (vēlāk *ķatris*, *uotris*); vīriešu kārtas viensk. nōminātīvā vecās formas *ķaters*, *uoters* ilgāki paglābās (viegļāki izrunājamas nekā *ķatrs*, *uotrs*), bet beidzot gandrīz visur ir zudušas. Arī Mancelis lieto nōminātīvus *ķatterš* un *oťterš*; Lercha-Puškaiša krājumos (VI 1, 437) pasakā no Valkas sastopam nōminātīvu *ķatars*. Dažās izlokšnēs arī citos locījumos ir vēl starp *t* un *r* patskanis, piem., viensk. akuz. *ūtaru* Gulbenē (Etn. IV 12), *ūtoru* Vitebskas gub. (BW 292¹), *uotaru* Lubānā (BW 312). — Tātad arī formas *ķaters* un *uoters* nav nekādi «tāmismi»; varam droši apgalvot, ka jau pirmās latviešu grāmatas ir sarakstītas vidējā izlokšnē.

Gribu te lasītājiem vēl pasniegt dziesmas «Dievs Kungs ir mūsu stipra pils» vecākos tulkojumus. Vecākais no tiem (līdz šim nedrukāts) uzrakstīts Jurjevas universitātes bibliotēkai piederīgā Undeubſche Evangelia pirmajā (1587. g.) izdevumā uz beidzamās (tukšās) lapas. Vēlāki, grāmatu iesienot, ir malas stipri apgrieztas un arī tulkojuma ārmala līdzī nogriezta; iztrūkstošās vietas apzīmēšu ar punktiem. «Psalmu» otrā (1615. g.) izdevumā lasām to pašu dziesmu pavisam citādi tulkotu; tāpat jādomā, ka pirmais tulkojums uz//rakstīts starp 1587. un 1615. gadu; arī rokraksts pēc bibliotēkāra Dr. Slūtera kga domām rādās tam pašam laikmetam piederīgs. Iekavās ieliktie burti ir no manis papildināti.

Weens ſtippers pils g[ir] muje dems,
 Weens lahs erodtze vnd ſchude;
 Tas pallidtze muns ſwabade no muße bede,
 Rattre muns nu gir aptw[e]ruße.
 Tas wedtzas louns Enaidner
 No ſyrdes tas to doma;
 Dels ſpecks vndt dauze wiltibe
 Winge brefme brunge ta gir;
 Wur ſon ſemme newaide wing

Par muſ karie [t]as tejs wirj,
 Rattre dems paz gir iſ[r]edtzes.
 yodta tu, kas tas gir?
 tas deme Jeſus Chriſt,
 tas kunz tas leles kopes,
 vndt newaid newens cits dems;
 to tirum bues tam patturreth.
 vnd kad ta paßoule puln welne bueth
 [v]ndt gribbeth muns muſtien aprith,
 tad [ne]bystam mes tick lothe,
 tas muns ganne lajhs.
 tas wurſenecks ſchaes paßoules,
 ka ſchabs tas ſeue turraſ,
 tas muns [n]eneke darris,
 aiſto tas gir noſodiz:
 wens wardinge war to noſodiz.
 [t]o warde themſ bus licht pallickt
 undt [n]ewene patteickſchen turrett!
 tas gir py muns hs to wete
 ar ſouwe garre vndt [d]awan.

Jem te mus to meße,
mante, gode, hernes vndt seme,
laid eth tur proham!
tems nebus newenns auglis;
ta walstiba bus muns pallickt!

Psalmu 1615. gada izdevumā ši dziesma skan:

Wena stippra Bils gir mušo Dews,
mens labhs Groths vnd brunnas
Tas pallideze mums drošhe no wuffams badems,
Kattre mums nu gir aiskarushe,
Tas wetzeis louns Enaideneck,
patteje to ezerre,
leels speeks vnde wiltiba,
winna bresmige bunnas gir,
wuršzon Semmes newens gir tam lidcz.

Ar mušo specku neeneka gir darritzis,
mhes effem driše vswarrethi.
Prezan mums tas patteje wirs karrio tur,
kattru Dews patz gir iszweleis,
Prajzi tu kas gir tas?
tas dew JEsus Christ,
Tas Kunz Zebaoth,
Vnde negir newens czits Dews
Lo louko bus tam patturret. //

255₂

Vnde ieb ta passoule pulna welnu bute,
Vnde gribbet mums wustim apryth,
Tomert mhes nebha tam mums tid lothe,
Tas bus mums tock isflates,
Tas lels Kunz schäs passoules,
Ka skoudige tas šow turras,
Nefait tas mums tock neneka,
Aisto tas gir nosoditz,
Wens wardings war to Semmen mest.

Tas wardtz tems bus lid pastaweth,
Vnd neween patteiczibe tur klath dabboith,
Tas gir py mums labh wuršon to louke,
Ar souwo Garru vnde Dawanne,
Noiem te mums to Meše,
Baggatibe, Gode, Beernus vnde Sewu,
Laid proiam broudt,
Themš negir te newene aogle,
Ta walstiba bus mums tock pallickt.

FILOLOGA PIEZĪMES KONVERSĀCIJAS VĀRDNĪCAS
REDAKCIJAI

[1904 Austrums IV 270—272]

Lietas labā gribu te izteikt kādas piezīmes par saturu un par ortografiju. Konversācijas vārdnīca ir nolemta visiem daudz maz izglītotiem lasītājiem, ne arodniekiem; ar to ir noteikts viss darba raksturs tādējādi, ka šai grāmatai jāsniedz pēc iespējas tikai drošas ziņas, bet ne hipotēzes, par kuŗu ticamību tikai arodnieki var spriest, un ja kādreiz nevar iztikt bez hipotēzes, tad rakstītāja pienākums lasītājiem to par tādu saukt. Ja visu to neievēro, tad bieži vien maldina lasītājus un nelietīgi aizņem tik dārgās telpas. Šai ziņā jūtos piespiests te ieminēties par dažām vietām pirmajās divi burtnīcās. Tur sastopam mēģinājumus izskaidrot vietu nosaukumu pirmatnējo nozīmi (kas tas gudrinieks bijis, nezinu; Mūlenbachs droši vien ne). Tā nu vispāri ir ļoti grūta lieta, jo vietas nosaukumu nereti var no dažādām, tikai ārēji līdzīgām saknēm atvasināt, un kā tad lai atrod to īsto? Var arī gadīties, ka vietas vārds atvasināts no saknes, kuŗu dzīvā valoda citādi vairs nelieto. Mūsu vietu nosaukumus tulkot ir sevišķi grūts darbs tāpēc, ka mūsu zemē dzīvojuši arī lībieši, un tātad bieži vien nevar zināt, no kādas valodas vietas vārds cēlies. Visu to ievērojot, vajadzēja atturēties no vietu vārdu tulkošanas, ja nevar gluži drošus izskaidrojumus sniegt. Bet redakcija uzņēmusi dažus diezgan neticamus izskaidrojumus. Tā, piem., par *Allažiem* mums papriekšu stāsta, ka vārds senāk «varbūt» skanējis *Alazille*; tālāk dabūjam zināt, ka «varbūt» bijušā vārda *Alazille* galotne *zille* lībiski «laikam» apzīmējusi «augšieni»; un beigās mums kategoriski apgalvo, ka latviski nosaukums tul-//kojams ar «nokalne». Bet visa šī fantazija pilda veselās pieci rindas, un taču tādas fantazijas pavisam nav uzņemamas konversācijas vārdnīcā. Šai gadījumā uzmanīgs lasītājs pats atskārst, ka tā lieta tik droša nav; bet *Alšvangas* vārda tulkojums var katru nevalodnieku maldināt. Vārds esot cēlies atkal no lībiešu valodas: «lībiski *alli* 'apakšējais' un *vanga* 'upmales plava',

270₁

270₂

tātad latviski 'lej'spļavas' novads.» Vārds *vanaga* (ja pareizi esmu sapratis) savukārt esot patapināts no baltiešu valodām, jo *wangus* senprūsiski nozīmē «panīkušu mežu», sanskritā *wandja* (drukā kļūda? pat lielajā Bötlinga—Rota vārdnīcā nevarēju tāda vārda atrast) «neauglīgs, vājš», leitiski *wangus* «slinks». Bet Bilensteins (Die Grenzen des lettischen Volksstammes 284) daudz labāki tulko šo nosaukumu; tā otrā daļā tas redz to pašu prūšu *wangus* «mežs», bet pirmajā daļā vārdu *alksnis* (*k* šai vārdā ir tikai vēlāk ieradies). Tātad *Alšvanga* = «alkšņu mežs». Šo izskaidrojumu Bilensteins vēl apstiprina ar aizrādījumu, ka Prūsijā sastopami vietu nosaukumi *Alexwanga* (= *Alšwanga*) un *Abschwangen* (= «apšu mežs»). — Reizā ar Alšvangas tulkojumu mums tiek pasniegta arī gaŗa gaŗa teika par «suitu» vārda nozīmi. Kas šis pētnieks ir, kam tik viegli visādus vārdus izskaidrot, nav zināms, bet Konversācijas vārdnīcas līdzstrādnieku skaitā tiek minēti Mūlenbachs un šo rindiņu rakstītājs, un tāpēc varbūt taču viens un otrs lasītājs var nodomāt, ka tādi vārdu tulkojumi ir mūsu, valodnieku, darbs. Un tāpēc griežos šai vietā pie Konv. vārdnīcas redakcijas ar lū//gumu — gādāt, ka turpmāk pa mūsu Konversācijas vārdnīcu vairs nespokojas dažādas sanskrita un libiešu valodas saknes.

Ipašvārdu rakstībā mums tagad valda lielas jukas. Var domāt, ka uz priekšu Konversācijas vārdnīcas rakstība tiks šai ziņā uzlūkota par priekšzīmīgu. Bet līdz šim tā nebūt nav priekšzīmīga. Kā zināms, ir ļaudis, kas, kādam vārdam gaŗuma zīmi izmezdami, šķietas celmu tautas druvā izlauzuši. To starpā ir tādi fanātiķi, kas nekautrējas pat tīšām cita domas nepareizi atstātīt. Tā, piem., Kaŗoku Davis (senāk, ja nemaldos, šis kungs saucās Kaŗoku Dāvis) raksta *Ņiŗas Ņviŗes* 1903. g. 165. nr. par mani, es esot (kur tad?) apgalvojis ka «viscaur Latvijai» izrunājot *bargs* un *vergs*. Patiesībā es tādu aplamību nekur neesmu teicis un nevarēju teikt, jo visi tāmnieki, kas runā *dārbs*, *kārsts*, *vārde*, *dzērt*, *kērt* u. c., tie runā arī *bārgs* un *vērgs* un *gārds* un *aizkārt*, un no turienes tādas formas ir rakstu valodā iekļuvušas (tik daudz gan Kaŗoku Davja kgs būtu varējis pats iedomāties, ka vajaga būt izloksnei, kas runā *bārgs*, jo kā tad citādi būtu sākuši tā rakstīt?). Esmu gan teicis, ka vidus izloksnēs runā tauta *bargs*, *gards*, *vergs* (arī *aizkart*) un ka tāpēc tā arī jāraksta (bet tie paši, kas citur aplam izmet gaŗuma zīmi, šos vārdus aplam raksta ar gaŗuma zīmi); un, mūŗīgi lasīdami *bārgs*, *vērgs*, *gārds*, tagad «grāmatnieki» (ne pati tauta) arī vidus izloksnēs dažkārt runā *vērgs*

etc. Tātad burtam ir gan iespaids uz izrunu (ko Kažoku Davja kgs grib noliegt). Kažoku Davja kgs lai karo pret gaņuma zīmi, cik tam patīk; es tam to prieku netraucēšu; bet tikai lai par mani tas pie tam neapgalvo nepatiesību! — Liekas tīri, ka arī pie Konversācijas vārdnīcas darbotos tādi gaņuma zīmju skaudēji; tas manāms sevišķi vietu vārdu rakstībā. Ja nu Rīgu pārtaisa par *Rigu* (tāpēc vienīgi, ka vācieši raksta «Riga»), tad nelaime // vēl nav tik liela, jo katrs latvietis zina, kā šis vārds izrunājams. Bet muižu vārdu pareizā izruna zināma palaikam tikai šo muižu tuvākā apkaimē, un tāpēc šādos vārdos vokāļu gaņums būtu vienmēr jāapzīmē, un senāk tā arī darīja. Bet jaunākā laikā avīžu korrespondenti, ieskatījušies, ka vācieši raksta, piem., «Rujen, Nitau» u. c., sāk arī latviski rakstīt: *Rujene, Nitaure* u. c. (citus vārdus kā, piem., *Nīca* visi raksta vienīgi ar gaņuma zīmi, tāpēc ka par laimi vācieši šo vietu sauc pavisam citādi, par «Nieder-Bartau»); kā nu lai kurzemnieks zina izrunāt «Nitauri», ar īsu jeb ar gaņu *i*? Arī Konv. vārdnīcā lasām 65. lpp. par *Judažiem*; pats no Valmieras būdams, neesmu nekad dzirdējis šo vārdu izrunājam, un tāpēc to izrunātu ar īsu *u*; bet Ulmanis to raksta *Жудайчи*, un tātad jādomā tomēr, ka tai vārdā gaņš *u*. Runājot par *Aizdziņām, Aizputi, Aizviķi*, piezīmēts, ka turienes ļaudis šīs vietas paši sauc par *Azdzīņām, Azputi, Azviķi*; šādas piezīmes varētu būt daudz derīgākas par augšā minētiem vietu vārdu tulkojumiem, tikai vajaga pareizi tos vārdus rakstīt! Kā lai tagad kāds vidzemnieks jeb augškurzemnieks iedomājas, ka minētie vietas vārdi patiesībā izrunājami *Āzdzīņas, Āzpute, Āzviķe* (ar grūstu *ā*; nevis *Azdzīņas* utt.)? Arī gaņo vokāļu akcentu (stieptu, krītošu, lauztu) tādos vietu vārdos derētu piezīmēt; un ne vien sakņu zilbēs, bet arī galotnēs vajadzētu izrunu apzīmēt (kā, piem., lai izrunājam «Aluksni», ar īsu jeb ar gaņu *u*?). Vēlreiz atkārtāju, tādas piezīmes daudz derīgākas nekā nedroši vārdu tulkojumi. — Bija laiks, kad rakstīja *elles, velna* jeb *vella* vietā par *eli, velu*; tāda rakstība par laimi tagad atmesta, bet Konversācijas vārdnīca nepareizi vēl raksta par *Alažiem* (esmu dzirdējis tikai par *Allažiem*) un par *alopatiju* (*allopatis* vietā). — Konv. vārdnīca raksta arī par *Firekeru* (14. lpp.) un *Gliķi* (93. lpp.); vai viņa arī *Mūlenbachu* pārdēvēs par *Mīlenbachu*? Bet ja ne, tad // bija arī jāraksta *Fūrekers* (bez *ū* īpašvārdos nevar labi iztikt) un *Glūks* (arī ne *Glūķis* — tā būtu nevajadzīga vārda sabojāšana!). — Mēs vispāri runā-

271₂272₁

jam tā, kā rakstām: tāpēc bija jāraksta¹ arī par „Soroaštru“ un „Ormušdu“, nevis par „Zoroaštru“ un „Ormušdu“, kā lasām 33. lpp. (šo vārdu z tiek izrunāts kā ʃ !).

272₂

Beigās griežos pie Konversācijas // vārdnīcas redakcijas ar lūgumu piesūtīt rakstu autoriem korrektūras loksnes; citādi, sevišķi īpašvārdos, ieviešas drukas kļūdas. Tā, piem., savā rakstiņā par albāniešu valodu un literātūru biju rakstījis par rakstnieku „Rrištoforidi“, bet nodrukāts aplam — „Rrišto Zoridiš“! Un līdzīgas kļūdas var arī citiem gadīties, ja paši autori nedabū korrektūru lasīt.

¹ [t. i., toreizējā rakstībā. — Red.]

EIN HOCHLETTISCHES LAUTGESETZ

[1905 BB XXIX 277—280]

In hochlettischen (infläntischen) Texten findet man die Lautverbindung *ir* vor Konsonanten bald erhalten, bald zu *er* umgewandelt; oft hat von zwei nebeneinander stehenden Wörtern das eine *ir*, das andere *er*, z. B. *sermi zyrgi* «graue Pferde» in Latwju dainas 4890, 7, 9. Man gewinnt also die Überzeugung, daß man es hier mit einem Lautgesetz zu tun hat, und dieses läßt sich folgendermaßen formulieren. In hochlettischen Mundarten wird die Lautverbindung *ir* antekonsonantisch erhalten in Wurzeln, die in der Wolmarschen Gegend den Stoßton, zu *er* ver-//wandelt in Wurzeln, die in der Wolmarschen Gegend den Dehnton oder den fallenden Ton haben. Da ich die betreffenden Mundarten bisher nicht an Ort und Stelle untersucht habe, so entnehme ich die Beispiele folgenden Texten: Märchen, aufgezeichnet von Stefania Ulanowska im Rosittenschen Kreis, abgedruckt in Zbiór wiadomości do antropologii krajowej XVIII 236—492 (im folgenden mit Zb. XVIII zitiert), Volkslieder, aufgezeichnet von Celine von Plater in Kraslaw, abgedruckt im Magazin der lettisch-literarischen Gesellschaft XIV 2 (im folgenden mit Mag. XIV 2 zitiert), von Baron und Wissendorff unter dem Titel «Latwju dainas» herausgegebene Volkslieder (im folgenden mit BW zitiert). Dabei gebe ich die Beispiele im ganzen nach meiner Orthographie, wobei jedoch die mir unbekannte Qualität des *e* und die Intonation unbezeichnet bleiben.

A) Beispiele für Wurzeln, die in der Wolmarschen Gegend den Dehnton haben: (von *miřt* «sterben») III. Kond. *mertu* Zb. XVIII 236, I. S. Kond. *mertu(m)* BW 5288, Nom. S. Fem. G. Part. Präs. *merdama* BW 4204, 1; (von *ziřnis* «Erbse») G. Pl. *žerņu* Zb. XVIII 245, Mag. XIV 2, 166, BW 5531; (von *dziřnavas* «Mühle») G. Pl. *džernowu* Zb. XVIII 246; (von *šķiřba* «Ritze») A. S. *šķerbu* Zb. XVIII 350; (von *šķiřt* «scheiden») I. S. Fut. *šķeršu* Zb. XVIII 360; (von *šķiřsts* «Kiste») Lok. S. *šķerstā* Zb. XVIII 373, Akk. S. *šķerstu*

BW 2692, 3; (von *bīz̄s* «Birkenwald») Akk. S. *b'erzi* Mag. XIV 2, 170; (von *siřms* «grau») Akk. S. *šermu* Mag. XIV 2, 171, N. Pl. *šermi* BW 6084; (von *bīft* «rieseln») III. Präs. *b'erst* Mag. XIV 2, 199, BW 3985, 1; (von *iřbe* «Rebhuhn») N. S. *jērb'ē* BW 2675, 1; (von *zviřbulis* «Sperling») Dat. S. *zviřbuļam* BW 2546, 1.

B) Beispiele für Wurzeln, die in der Wolmarschen Gegend den fallenden Ton haben: (von *dirst* «cacare») N. S. Fem. G. Part. Pass. *d'ersta* Zb. XVIII 239; (von *dzirdēt* «hören») III. Präs. *džerd* Zb. XVIII 239, III. Prät. *džerd'ējē* BW 4993, 1; (von *aižmirst* «vergessen», so akzentuiert nach P. Schmidt, Trojakaja dolgota 11; vgl. auch lit. *miřšti*) III. Prät. *aiž-řersa* Zb. XVIII 240, BW 909, 5, 7; (von *cirst* «hauen») III. Prät. *čerta* Zb. XVIII 248, I. S. Fut. *čerteišu* BW 2427, 2 (vgl. auch A. S. *červi* Zb. XVIII 274 «Axt»: lit. *kiřvois*); (von *pirts* «Badstube») A. S. *perti* Zb. XVIII 261, Dat. S. *pert'enai* Mag. XIV 2, 203, Lok. S. *perti* BW 1147, 2; (von *pirkt* «kaufen») III. Prät. *pērka* Zb. XVIII 264, BW 5700, 1, I. S. Prät. *pērku* Mag. XIV 2, 169; (von *tirgus* «Markt») A. S. *t'ergu* Zb. XVIII 290, G. S. *terga* BW 1194, 2; (von *pir(k)sts* «Finger») G. S. *pērsta* Zb. XVIII 300, N. Pl. *pērsti* Mag. XIV 2, 182, BW 2417, 2; (von *mirk̄t* «weichen») // III. Präs. *řerkst* Zb. XVIII 312, III. Prät. *řerka* Mag. XIV 2, 191, BW 5333, 1; (von *circenis* «Heimchen», so akzentuiert nach P. Schmidt 16) Dat. S. *cerciņam* BW 2728, 3; (von **dirva* «Acker», vgl. lit. *dirvā*, Akk. S. *dīrvq*) N. S. *derva* BW 4506, 2.

C) Beispiele für Wurzeln, die in der Wolmarschen Gegend den Stoßton haben: (von *pirst* «pedere») III. Prät. *pyrda* Zb. XVIII 242; (von *siřds* «Herz») A. S. *siřdi* Zb. XVIII 254; (von *ziřgs* «Pferd») N. S. *zyr̄gs* Zb. XVIII 300, N. Pl. *zyrgi* Mag. XIV 2, 167, BW 4890, 7; (von *smirdēt* «stinken») III. Präs. *šmird* Zb. XVIII 322; (von *dzirdit* «tränken») I. S. Prät. *džird'eju* Mag. XIV 2, 187 (wenn die Form *džerd'eju* Zb. XVIII 267 keinen Fehler enthält, so steht sie für schriftlett. **džerdiju*; vgl. den Infin. *dzērdinat* «tränken» in Ladenhof für gewöhnliches *dzirdināt*); (von **pirmais*, vgl. lit. *pirmas*; in Wolmar dagegen *pirmais*) A. S. *pyrmū* Zb. XVIII 303. Wirkliche Ausnahmen habe ich von diesem Lautwandel nicht gefunden. Wie weit dieser Lautwandel verbreitet ist, kann ich nach den mir vorliegenden Texten allein nicht sagen; jedenfalls scheinen nicht alle infläntischen Mundarten dieses Lautgesetz zu kennen, denn in Bezenbergers Texten aus Swirdsen und Raibi (Lettische Dialekt-Studien 24 und 29) findet man auch in

Wolmar fallend betontes *ir* erhalten (*atcirstu, pirktu*). Um diesen Lautwandel phonetisch zu erklären, müßte man die Intonation und die Qualität des *i* und *e* in diesen Mundarten kennen, was sich aus den mir vorliegenden Texten nicht entnehmen läßt. Alle die mir bisher bekannten ostlettischen Mundarten haben nur noch eine zweifache Intonation. In Wolmar gedehnte und fallend betonte Silben werden dort in gleicher Weise fallend betont (offenbar in diesem Sinne ist auch Bezenbergers Angabe, Lett. Di.-St. 5, zu verstehen, daß in Seßwegen z. B. der Nom. S. Fem. G. *malna* «schwarze» den «Stoßton» habe). Höchst wahrscheinlich ist dieses der Fall auch in den Mundarten, die den oben besprochenen Lautwandel kennen. Für einige Mundarten läßt sich dieses aus BW nachweisen: in 4993, 1 haben die Wörter *mōt'e* «Mutter», N. Pl. *šermi* «grau» (in Wolmar gedehnt) ebenso den Gravis (im Original) wie *bārns* «Kind» (der im Vergleich zu lit. *bėrnas* abweichende fallende Ton in diesem Wort stammt vielleicht aus dem sehr üblichen Vokativ; der Nom. S. dürfte ursprünglich **bērnas* gelautet haben, vgl. N. S. *tē(v)s* «Vater»: Vok. S. *tē(v)* o. [BB] XXV 266), N. Pl. *gūvs* «Kühe», G. S. *kūka* «Holzes» (in Wolmar fallend betont), im Gegensatz zu Gen. S. // *vīna* «eines», III. Prät. *džērē* «tranken», *klōt* «herbei», *tī* (für schriftlett. *tie*) «dort» (in Wolmar gestoßen), die im Original den Akut tragen. Dagegen werden die in Wolmar gestoßenen Silben in einigen ostlettischen Mundarten ebenfalls gestoßen, in andern dagegen steigend betont. Wie es sich damit in denjenigen Mundarten verhält, die fallendes (und gedehntes) *ir* zu *er* wandeln, weiß ich nicht; aus dem infläntischen Sprachgebiet kenne ich die Intonation nur für Livāni: dort ist der Stoßton üblich, und aus Livāni stammt BW 4204, 1 mit *nūmerdama* «sterbend». Ob aber auch die übrigen Mundarten, die jenen Lautwandel kennen, den Stoßton haben, kann ich zur Zeit nicht angeben.

ZUR ENTSTEHUNG DES LETTISCHEN DEBITIVS

[1905 BB XXIX 320—321]

Aus einem Briefe J. Endzelins an W. Prellwitz
(Jurjew, 10/V. 1904). Vgl. BB XXVIII 319.

- 320 Was Sie mir über das Debitivpräfix *jà-* schreiben, hat mich sehr gefreut, da ich selbst es auch jetzt nicht mehr aus dem Deutschen, sondern aus dem Relativpronomen **jo-* herleite. Als ich meinen Aufsatz schrieb, wußte ich noch nicht, wie man *ju-* aus dem Paradigma von **jo-* ableiten könnte, und entschied mich daher für Entlehnung. Jetzt glaube ich aber auch *ju-* mit **jo-* verbinden zu können. Im Lett. und Lit. unterliegen Diphthonge und lange Vokale einsilbiger Formen in proklitischer Stellung einer Kürzung, wobei (worauf es hier ankommt) *uo* zu *u* wird. Beispiele: lit. *dù* «zwei» aus **duo* = lett. *duo* (BB XXVII 328 Anm. 2), *nu* «von» (lit. und lett.) aus *nuo*, lett. II. S. Imper. *duču* (BB XVII 274) oder *duč* (Popen) «gib her» aus *duod-šu(r)* (der Wortakzent ruhte auf *šur*), *šudēn* «heute» (Popen, Anzen) aus **šuo-dien* (die andern Mundarten betonen *šuodien*, doch kenne ich aus der Popenschen Gegend auch Komposita mit dem Wortakzent auf dem II. Bestandteil, z. B. *cie[n]-//māt* «gnädige Frau», III. Pr. *ap'mēla* = *ap'mēluo* «verleumdete», Akk. Pl. *ap'gēr'b's* «Anzüge», Prät. *pa'dařē* = *padarija* «vollzog» Popen; *ap'louks* «Koppel», *ri[t]dien* «morgen», *nuo'grimst* «versinkt» (III. Präs.), Inf. *pa'likt* «bleiben», Gen. Pl. *ser'dien* «der Waisen» u. a. Anzen). Da nun *man nav juēst* die gleiche Bedeutung hat wie *man nav kuo ēst*, so liegt es, wie auch Sie bemerkt haben, sehr nahe, *ju-* mit *kuo* begrifflich zu identifizieren, und dies ist m. E. sehr wohl möglich: *ju-* ist gleich *kuo* der Akk. S. des Relativpronomens, in proklitischer Stellung aus **juo* entstanden (das *kuo* ist in solchen Verbindungen tonlos, wird aber nicht zu *ku* /wenigstens habe ich bisher eine solche Form nicht gefunden; das *ku* BB XXVI 73 ist Druckfehler für *kuo*/, da seine etymologische Bedeutung lebendig empfunden wird, während *jo-* als
- 321

Relativpronomen ausgestorben war). Meine Vermutung BB XXVI 70, daß neben *jǔ-* auch *jū-* vorkomme, hat sich bisher nicht bestätigt. Neben dem Gen. S. *jā-* (mit dem gleichen fallenden Ton wie *kà, tà*; der Gen. mochte zuerst ein Gen. partitivus sein, wie auch nach Negationen stehen) führen Sie in Ihrem Brief auch *jǎ-* aus **jod* an. Ich weiß zwar nicht, woher Sie diese Form haben (in gedruckten Quellen habe ich sie nirgends gefunden)¹, doch kommt sie tatsächlich in einigen westkurischen Mundarten vor: *jastrādā* «laborandum est» (Wirginahlen), *jasceļas* «surgendum est» (Popen), *jaiet* «eundum est» (Angermünde), *jaliēk* «ponendum est» (Anzen), *japadār* «conficiendum est» (Dondangen); doch könnte dieses *ja-* eine Verkürzung in der Proklisis aus dem Gen. S. *jā-* sein.

Zum Schluß bemerke ich noch, daß auch *kuoecēt* BB XXVI 73 (als ein Wort gedruckt) falsch ist; es muß heißen: *kùo ecēt*. Auch muß S. 70, Zeile 1 von unten, *duôt* gestrichen werden, da dessen 3. Pers. Präs. nicht mit dem Infin. gleichbedeutend ist...

¹ /Beruht auf S. 72 unten a. a. O. [BB XXVII]. Pr./ [Prelvica piezīme. — Red.]

ZUR ERWEICHUNG DER GUTTURALE IM LETTISCHEN
[1905 BB XXIX 178—195]

- 178 Bekanntlich werden im Lettischen *k* und *g* vor *i*, *e*, *ie* zu *c* und *dz*¹; lit. *akis* : le. *acs* «Auge», lit. *kēlti* : le. *celt* «heben», lit. *kietas* : le. *ciēts* «hart», lit. *gývas* : le. *dziŭs* «lebendig», lit. *genys* : le. *dzenis* «Specht», lit. *giedoti* : le. *dziēdāt* «singen». Auch die Verbindungen *kj* und *gj* werden lautgesetzlich zu *c* und *dz*. Das hat bereits Bielenstein (LSpr. §§ 60, 124, 126) erkannt; freilich haben Leskien (AfsIPh. V 14 und noch IF XIII 174) und nach ihm Osthoff (Perf. 78, wo jedoch Leskien nicht erwähnt wird) Bielensteins Ansicht für falsch erklärt und behauptet, *kj* und *gj* würden lautgesetzlich vielmehr zu *č* und *dž*. Diese Ansicht Leskiens ist jedoch so unhaltbar, daß ich sie weiter nicht berücksichtigen werde. Also, wie gesagt, *kj* und *gj* werden lautgesetzlich zu *c* und *dz*. Im Anlaut hat man nur Beispiele für *kj* > *c*; lit. *kiāunē* : le. *caūne* «Marder», lit. *kiāuras* : le. *caūrs* «durchlöchert». Weitere Beispiele, und zwar für den Inlaut, liefern die Flexionsformen. Bei der Deklination der -*io*-/Stämme bieten außer dem Nom., Akk., Vok., Lok. S. alle übrigen Kasus die Verbindungen *kj*, *gj*; es entsprechen sich also regelrecht Nom. Pl. lit. *rugiai* : le. *rudzi* «Roggen», Gen. Pl. lit. *rugiū* : le. *rudzu* u.s.w. Dies ist aber meines Wissens der einzige -*io*-Stamm im Lettischen, der das lautgesetzliche Paradigma bewahrt hat; alle übrigen haben jetzt *č*, *dž* für *c*, *dz*. Es sollte z. B. der Gen. S. von *lācis* «Bär», *drudzis* «Fieber» den lit. Formen *lōkio* (mit auffallendem Schleifton)²,

¹ Dieser Lautwandel ist bereits im 13. Jahrhundert n. Chr. abgeschlossen gewesen, wie sich aus lettischen Ortsnamen in Urkunden jener Zeit ergibt, z. B. *Cersangere* (Bielenstein Grenzen 183 und 363 ff.), *Cervical* (ibid. 195 und 285), *Celde* (ibid. 203), *Dzerbiten* (ibid. 208), *Serwe* oder *Zerwe* (ibid. 222), *Celme* (ibid. 233), *Letsime* (ibid. 243) u. a.

² Nach einer mündlichen Mitteilung von Prof. Jaunis ist bei mehreren Wörtern mit beweglichem Wortakzent die Intonation der Wurzelsilbe in verschiedenen Mundarten verschieden; vielleicht ist auch *lokys* ursprünglich nach Kurschats (Gr. § 559) Schema II a und nicht I a akzentuiert worden.

drūgio entsprechend eigentlich **lāca*, **drudza* lauten; man spricht jedoch dafür *lāča*, *drudža*. Während nun das *dz* in *rudzi* auf keinerlei Weise aus *dž* entstanden sein kann, lassen sich Formen wie *lāča*, *drudža* leicht als Neubildungen erklären. Neben den Nominativen *vecis* aus **vet̃sis* «alter Mann», *ezis* «Igel», *gailis* «Hahn», *klēpis* «Schoß», *bridis*³ «Weile», *āksnis* «Erle», *vērsis* «Stier», *zutis* «Aal», *kuřmis* «Maulwurf» u. a. stehen die Genitive *veča* aus **vet̃ša*, *eža*, *gaiļa*, *klēpja*, *brīža*, *ālkšņa*, *vērša*, *zuša*, *kuřmja* u. a. Da in solchen Beispielen der Stamm im Genitiv dem Nominativ gegenüber um ein *j* erweitert zu sein schien, so kamen für die lautgesetzlichen Formen **lāca* (= lit. *lōkio*), **drudza* (= lit. *drūgio*) zum Nom. *lācis*, *drudzis* die Neubildungen **lācja* > *lāča*, **drudzja* > *drudža* auf, weil eben die Formen **lāca*, **drudza* dem Nom. *lācis*, *drudzis* gegenüber für die Sprechenden kein Plus von *j* zu haben schienen. Aus *rudzi* aber entstand kein **rudži*, weil das Wort in der Regel nur im Plural vorkommt und daher im Sprachgefühl den *o*-Stämmen sich an-//schloß (Nom. Pl. *rudzi* : Gen. *rudzu* = Nom. Pl. *vīri* «Männer» : Gen. *vīru*). Als Gattungsname ist mir das Wort im Singular überhaupt nicht geläufig; von einem Eigennamen *Rudzis* aber kann jetzt der Gen. nur *Rudža* lauten. Außer *rudzi* kenne ich noch einen Rest der ursprünglichen Bildungsweise: während man in Wolmar u. a. *lāčāuzas* (aus *lāču* oder *lāča āuzas*) «Trespe» spricht, ist dafür in Baldohn u. a. noch die ältere Form *lāc-āuzas* (aus **lāču* oder **lāca āuzas*) üblich, weil man hier die Zugehörigkeit von *lāc-* zum Paradigma von *lācis* nicht mehr so deutlich empfindet⁴. — In der Deklination der *iē*- und *i*-Stämme können die Verbindungen *kj* und *gj* nur im Gen. Pl.

180

³ Le. *bridis* ist sicherlich identisch mit lit. *brjdis* «Waten», wie aus der Gebrauchsweise des lit. Wortes, die Lit. Mitt. I 16 und 132 und bei Bezzenberger Lit. Forsch. 102 angegeben wird, klar hervorgeht; das bemerke ich wegen Leskien Nom. 137, wo die Zusammengehörigkeit der beiden Wörter bezweifelt wird. Eine ähnliche Bedeutungsentwicklung hat das aus dem Niederdeutschen (*reise* «Mal», vgl. Lit. Mitt. I 132 und KZ XIX 358) entlehnte le. *reiza* «Mal, Reihe» (schon auf deutschem Boden) durchgemacht (vgl. auch serb. *put* «Weg, Reise»: *jedan put* «einmal»); bei Leskien Nom. 71 wird le. *reiza* freilich als eine echt lettische Bildung angeführt. Auch Wiedemann leitet noch (o. [BB] XXVIII 58) le. *reiza* von einer Wurzel *reig-* ab.

⁴ /Nachträglich fand ich noch den Gen. S. *lica* BW 6493, *dadza* BW 6621, 8. Var., *lāca* BW 8986, 1; 10602, 2. Var.; 12542 Var., *rudza* BW 11917 Var., den Dat. S. *rudzam* BW 11918, 5. Var., den Gen. Pl. *dadzu* BW 6621, 8. Var. Korr.note./

vorkommen; und dem lit. *akiū* «der Augen» entspricht regelrecht le. *acu* (eine allgemein und sehr übliche Form, die als lautgesetzlich betrachtet werden muß; nur aus Markgrafen kenne ich nach den Aufzeichnungen Hrn. Mühlenbachs dafür die Neubildung *ač*; es werden dort auch ursprünglich lange Endvokale abgeworfen). Auf die Formen Gen. Pl. *draudzu* (Bielenstein LSpr. § 338) von *dràudze* «Gemeinde», *jūdzu* (Bielenstein ibidem; Bezzenberger Spr. d. pr. L. 122) von *jūdze* «Meile», *pūcu* (Bezzenberger ibidem 170) von *pūce* «Eule» möchte ich dagegen mich nicht berufen; von diesen Wörtern ist der Gen. Pl. nicht gerade sehr gebräuchlich⁵, und daher könnten die Formen *draudzu*, *jūdzu*, *pūcu* mit den offenbar unorganischen Neubildungen *mātu*, *priedu*, *mutu* (Bielenstein LSpr. § 338) von *māte* «Mutter», *priēde* «Kiefer», *mute* «Mund» gleichwertig sein. Sonst sind *c* und *dz* wiederum durch *č* und *dž* verdrängt: da z. B. neben den Nom. Pl. *ciltis* «Geschlechter», *sirdis* «Herzen», *bites* «Bienen», *vardes* «Frösche», *zāles* «Kräuter», *zvaigznes* «Sterne», *drēbes* «Kleider», *kuŗpes* «Schuhe» u. a. die Genitive *cilšu*, *siržu*, *bišu*, *varžu*, *zāļu*, *zvaigžņu*, *drēbju*, *kurpju* stehen, so kamen zu den Nom. Pl. *acis*, *sveces* «Kerzen», *preces* «Waren», *uodzes*⁶ «Ottern», // *kāudzis* «Heuhaufen», *jūdzes* u. a. für die lautgesetzlichen Genitive *acu*, **svecu*, **precu*, **uodzu*, **kāudzu*, **jūdzu* die Neubildungen **acju* > *ač* (Markgrafen), **svecju* > *sveču*, **precju* > *preču*, **uodzju* > *uodžu*, **kāudzju* > *kāudžu*, **jūdzju* > *jūdžu* auf. — Viel besser haben sich die lautgesetzlichen Formen in der Verbalflexion erhalten. Alle hierher gehörigen Präsensia der IV. Klasse Bielensteins zeigen durchweg die regelmäßigen Formen; z. B. I. S. lit. *lenkiū* : le. *liecu* «ich beuge», II. S. lit. *lenki* : le. *liec*, III. S. lit. *leņkia* : le. *liec*, I. Pl. lit. *leņkiamē* : le. *liecam*, II. Pl. lit. *leņkiate* : le. *liecat*; lit. *jūngiu* : le. *jūdzu* «ich spanne an», lit. *jūngi* : le. *jūdz*, lit. *jūngia* : le. *jūdz*, lit. *jūngiamē* : le. *jūdzam*, lit. *jūngiate* : le. *jūdzat*. Nur aus wenigen Mundarten sind Formen mit *č*, *dž* für *c*, *dz* bekannt. Bielenstein (LSpr. I S. 365) führt aus Kokenhusen die Form

⁵ /Nach Zahlwörtern kommt der Gen. Pl. *jūdzu* doch häufig genug vor und kann daher wohl als lautgesetzlich betrachtet werden. Korr.-note./

⁶ Der Nom. S. *uodze* ist wahrscheinlich eine lettische Neubildung für das zum Sprechen unbequeme **uodzs* (= lit. *angis*, lat. *anguis*). Ebenso zu beurteilen sind le. *ūogle* : lit. *anglis*, ablg. *qglb* «Kohle», le. *sakne* : lit. *šaknis* «Wurzel».

sedžu an für sonstiges *šędzu*⁷ «ich decke»; Bezenberger verzeichnet aus der Sprache der preußischen Letten (S. 83) die I. S. *brauču* für *bràucu* «ich fahre», *sauču* für *sàucu* «ich rufe», *lūdžu* für *lūdzu* «ich bitte», *slauču* für *slàucu* «ich melke», *salieču* für *saliecu* «ich biege zusammen», *āzlēdžu* für *āzslēdzu* «ich schließe zu», *zmaudžu* für *zmaudzu* «ich würge», *šnāču* für *šņācu* «ich schnarche»; (S. 84) die II. S. *lūdži* für *lūdž(i)*, *sauči* für *sauč(i)*; die I. Pl. *lūdžam* für *lūdžam*; (S. 85) die III. Präs. *lūdž* für *lūdž*. Aus einer Sammlung von geistlichen Liedern vom Jahre 1671 entnehme ich ferner die I. S. *lušdšho*, *brautšho* für *lūdzu*, *bràucu* (in der Postille des Mancelius dagegen vom Jahre 1653 habe ich nur regelmäßige Formen, z. B. I. S. *lušdšo*, gefunden). Auf die Erklärung der Formen mit *č*, *dž* komme ich später zurück nach der Betrachtung der hierher gehörigen Verba der XII. Klasse Bielensteins. Auch hier kennen die meisten Mundarten nur die lautgesetzlichen Formen, z. B. I. S. lit. *tikiù* : le. *ticu* «ich glaube», lit. *regiù* : le. *řędzu* «ich sehe»; II. S. lit. *tiki* : le. *tici*, lit. *regi* : le. *redzi*; III. Präs. lit. *tik(i)*, *ręg(i)* : le. *tic*, *řędz*⁸; I. Pl. lit. *tikime*, *ręgime* : le. *tycim* (in einem hochlettischen Text in Wolters Litovskaja chrestomatija I 152), *redzim*; II. Pl. lit. *tikite*, *ręgite* : le. *ticit*, *redzit* (südwestkurisch; vgl. Bezenbergers Spr. d. pr. L. 125). Da aber neben // Formen wie *ticu* : *ticim*, *řędzu* : *redzim* andere Formen derselben Klasse standen wie *dziržu* «ich höre» : *dzirdim*, *guļu* «ich liege» : *gulim*, *vaņu* «ich kann» : *varim* u. a., wo in der I. S. der Stammaslaut deutlich jotiert ist, während in *ticu*, *řędzu* dasselbe *c*, *dz* (aus *kj*, *gj*) vorzuliegen schien wie in den andern Personen, so wurde in einigen Mundarten nach dem Vorbild von *dziržu*, *guļu*, *vaņu* u. a. in *ticu*, *řędzu* das *j* von neuem eingeführt, und es entstanden somit Formen wie *tiču*, *redžu*, *palidžu* «ich helfe» (für *palidzu*), *sūdžu* «ich klage» (für *sūdzu*), aus **ticju*, **redzju*, **palidzju*, **sūdžju* (Bielenstein LSpr. § 279). Nun blieben aber eine Zeitlang neben den Neubildungen wie *tiču*, *redžu* die älteren Formen wie *ticu*, *řędzu* noch im Gebrauch, und dieses Nebeneinander von *tiču* und *ticu*, *redžu* und *řędzu* war die Veranlassung, daß auch neben Verbis der IV. Klasse wie *bràucu*, *šędzu* u. a. die Neubildungen *brauču*, *sedžu* u. a. aufkamen. Sodann

182

⁷ Mit *ę* bezeichne ich das offene *e* (*ä*).

⁸ Daß Leskien (AfsI Ph. V 16) als lautgesetzliche Form der III. Präs. im Lettischen **reg* ansetzt, sei hier als Kuriosum erwähnt.

wurde, etwa nach dem Verhältnis der I. S. *aūžu* «ich webe» zur I. Pl. *aūžam* u. a., zur I. S. *brauču*, *tiču*, *redžu* u. a. die I. Pl. **braučam* (vgl. die oben angeführte Form *lūdžam*), *tičam*, *redžam* (Bielenstein LSpr. § 126) gebildet (schriftlettisch dagegen I. Pl. *ticam*, *ređzam* zur I. S. *ticu*, *ređzu* nach dem Vorbild von *brāucu* : *brāucam*, *seđzu* : *seđzam*)⁹. — Es bleiben noch die hierher gehörigen Präterita der primären Verba. Die schriftlettischen Mundarten haben auch hier die lautgesetzlichen Formen bewahrt, z. B. I. S. lit. *lėkiaū* «ich flog» : le. *lėcu* «ich sprang», lit. *segiaū* «ich heftete» : *sedzu* «ich deckte». Dazu lauten die übrigen Personen: II. S. *lėci*, *sedzi* (= lit. *lėkei*, *segei*), III. S. (jetzt nur noch dial.) *lėce*, *sedze* (= lit. *lėkė*, *sėgė*), I. Pl. (jetzt nur noch dial.) *lėcēm*, *sedzēm* (= lit. *lėkėme*, *sėgėme*), II. Pl. (jetzt nur noch dial.) *lėcēt*, *seđzēt* (= lit. *lėkėte*, *sėgėte*). Daneben standen aber Formen wie I. S. (jetzt nur noch dial.) *vežu* «ich führte», *mešu* «ich warf», *nešu* «ich trug», *bėřu* «ich streute» u. a. (= lit. *vedžiaū*, *mečiaū*, *nešiaū*, *bėriaū*): I. Pl. (jetzt nur noch dial.) *vedēm*, *metēm*, *nesēm*, *bėrēm* u. a. (= lit. *vėdėme*, *mėtėme*, *nėšėme*, *bėrėme*). Infolgedessen bildete man mundartlich, nach dem Vorbild von I. Pl. *vedēm* : I. S. *vežu* u. a., zur I. Pl. *lėcēm*, *sedzēm* die I. S. (mit Neueinführung des *j*) **lėcju* > *lėču*, **sedzju* > *sedžu*. In den schriftlettischen Mundarten dagegen // wurde in umgekehrter Richtung eine Ausgleichung vorgenommen: nach dem Vorbild von I. Pl. *lėcēm* : I. S. *lėcu* u. a. bildete man zur I. Pl. *vedēm* die I. S. *vedu* (wo nur noch das geschlossene *e* der Wurzelsilbe auf die ehemalige Mouillierung des *d* hinweist). Zuletzt wurde, etwa nach dem Verhältnis der I. S. *augu* «ich wuchs» (= lit. *augau*) : I. Pl. *aūgām* (= lit. *augome*) zur I. S. *lėcu*, *vedu* die I. Pl. *lėcām*, *vedām* gebildet. — Man sieht, die Regel «*kj*, *gj* > *c*, *dz*» erklärt alles aufs beste; nach alledem wird wohl niemand von mir verlangen, daß ich die verkehrte Argumentation Leskiens und Osthoffs noch im einzelnen widerlege, da dies ja nur ein unnützer Zeitverlust wäre.

Ich wende mich zur Besprechung von Wortformen, welche für *c*, *dz* — *s*, *z* (und umgekehrt) aufweisen. Einiges gehört nur scheinbar hierher, z. B. *sėřmuōkslis* neben *cėřmuokslis* «Eberesche» (Wurzel *kerm-* neben *kerm-*, vgl. Torbiörnsson Liqmet. II 12), *trisėt* (vgl. ai. *trāsati* «erzittert», aksl. *tręsą* «ich schüttele») neben *tricėt* «zittern, beben» (= lit. *trinkėli*

⁹ Die II. S. *lūdži*, *sauči* hat bereits Bezenberger (Spr. d. pr. L. 86) richtig beurteilt.

«dröhnen»). Während hier schon ursprachliche Differenzen vorliegen, läßt sich das von den folgenden Formen nicht behaupten. Neben *cvīķis* «Zwick», *dzītars* «Bernstein» (= lit. *gintāras*), N. Pl. *dzivīs* «Garn» (vgl. *dzija* «Garn» = lit. *gijā*), *dzēltains* oder *dzēltāns* «gelb» (= lit. *geltōnas*), *bardzība* «Strenge» (von *barģs* «streng»), *surdzēt* «murren, heulen und weinen» (vgl. lit. *surgti* «wimmern»), *dzelt* «stechen» (= lit. *gēlti*), *dzirkalis* «Steinmetz» (= lit. *gīrnkalis* «Mühlsteinhauer»), *dzelme* «tiefe Stelle im Fluß» (= lit. *gelmē*), *dziļums* «Tiefe» (lit. *gilūmas*) stehen *svīķis*, *zītars*, *zīves* U, *zēltains* oder *zēltans* (die Quantität des *a* ist nicht angegeben) BW¹⁰ 2487, *bārzība* U, *surzēt* und *surzīs* «der immerdar weint» U, *zelt* und *zilināt* (Lautenbach o. [BB] XVII 275) oder *zeldināt* BW 6633; 6647, *zirkalis* (Bielenstein Grenzen 285), *zelme* (ibidem), Lok. S. *ziļumā* (Mancelius Post. II 75). Dem lit. *gilē* // «Eichel» 184 gegenüber steht im Lettischen meines Wissens nur noch die Form *zīle*. Bezenberger verzeichnet aus der Sprache der preußischen Letten die Formen *zirdi* für *dzirdi* «du hörst» (= lit. *girdi*), *zelezis* für *dzēlzs* «Eisen» (lit. *geležis*), *ziedēt* für *dziēdāt* «singen» (lit. *giedoti*), III. Präs. *izziest* (S. 37) für *izdziest* «erlöscht» (vgl. lit. *gēstū*), *zērte* für *dzert* «trinken» (lit. *gērti*), *zievēte* (S. 169) für *dzievāt* «arbeiten» (vgl. lit. *gyvėnti*). In diesen Fällen¹¹ scheint die Affrikata älter zu sein als der Spirant; bei den folgenden Formen¹² dagegen ist das Umgekehrte der Fall. Neben *pazīt* «kennen» (= lit. *pažinti*), *ziņņi* «Erbsen» (= lit. *žirņiai*), *zūoss* «Gans» (= lit. *žąsis*), *dauzītiēs* «sich herumstoßen» (= lit. *daužytis*), *zaltis* «Schlange» (= lit. *žaltys*), *zirkles* «Schafschere» (Bezenberger Lett. Di.-St. 77; = lit. *žirklės*), *aizmilze* «Nagelgeschwür» (vgl. *milzt* «schwären», lit. *milžinas* «Riese»; Leskien Abl. 73; Wiedemann o. [BB] XIII 305), *zēlts* «Gold» (vgl. russ. *zoloto*),

¹⁰ Mit BW bezeichne ich die von Baron und Wissendorff unter dem Titel *Latwju dainas* herausgegebene Sammlung lettischer Volkslieder, von der bereits zwei große Bände erschienen sind und auf die ich die Aufmerksamkeit aller Fachgenossen lenke, die sich für lettische Sprache und Volkspoesie interessieren. Mit ihrer großen Variantensammlung ist diese Edition eine unerschöpfliche Fundgrube für alle «Lettologen».

¹¹ /Dazu stelle ich noch: *miezīņš* BW 8044 Var. neben *miedzīņš* von *miegš* «Schlaf», *duz* «viel» BW 8486, 1. Var. neben *daūdz* (lit. *daūg*), *Vok. S. zagūzēt'* BW 4139, 1. Nachtr. neben *dzēguze* (lit. *gegužē*) «Kuckuk». K.-n./

¹² /Dazu stelle ich noch: (I. S.) Fut. *vidzināšu* (zu *vizināt* «spazieren führen», vgl. lit. *pa-vyžēt* bei Bezenberger Lit. Forsch. 200) BW 11270 Var.; jünger ist wohl auch das *dz* in *vidzēt* BW 5944, 4. Var., 10033, 2. Var. neben *vizēt* «schimmern». K.-n./

dzēlzs «Eisen» (= lit. *gelžis*), *zeme* «Land» (= lit. *žemē*), *sītsinc* (Wolmar) «Hornisse» (lit. *šīršuo* «Wespe»), *sīmts* «hundert» (= lit. *šīmtas*), *sieksts* (= lit. *šiekštas*) «liegender Block», *sīraps* «Syrup» stehen I. S. Prät. *padzinu* «ich erkannte» BW 817, 3. Var. (aus Salzburg) und 9840 Var. und III. Präs. *nepadzīkst* «erkennt nicht» (Rujen), *dzirņi* (Blieden Mag. XIII 1, 9), *dzuoss* (RKr. XIII 83), *daudzīties* (ibidem; Mancelius Post. I 35), *dzaltis* U, *dziŕkles*, *aizmildze* U, *dzēlts* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 37), Gen. Pl. *dzēldzu* (Rujen), *dzeme* (in Lubahn nach Bielenstein Grenzen 285), *cīrsens* (U; die Qualität des *e* ist unbezeichnet), *cimti* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 169), *cieksts* (vgl. lit. *čiekštas*), *cīraps* (Suhrs; auf einige anders geartete Fälle von *c* für *s* komme ich etwas später zu sprechen). Endlich erwähne ich einige Wörter, deren etymologische Beziehungen mir unklar sind, so daß ich nicht sagen kann, ob Affrikata oder Spirans älter ist. Neben *bendzeles* «kleine Querbalken zwischen den Sparren» steht *benzeles* (als // dritte Form daneben *bendeles*; dieses Wort stellt von Grienberger, AfslPh. XVIII 33, zu *biedris*, *bēndars* «Genosse», lit. *beņdras*, nach meiner Ansicht mit Unrecht. Es bliebe das *dz* oder *z* der Nebenformen unerklärt; und überhaupt scheint mir das Wort, schon des *n* wegen, ein Lehnwort zu sein, obschon ich die Quelle nicht anzugeben weiß. Formell erinnert das Wort auffallend an das russische aus dem Germanischen entlehnte *benzel* «Bindseil»; vielleicht ließe sich das lettische Wort auch semasiologisch damit verbinden), neben *zelēt* «sabbeln, lecken, aber auch wohl kauen überhaupt» — *dzēlēt* (von Bezenberger o. [BB] XXVII 183 zu gr. *χελύνη* «Lippe» gestellt, dessen *χ* zweideutig ist; wenn *dz* älter wäre und die ursprüngliche Bedeutung «kauen, verdauen» wäre, könnte man auch an slav. *želqdžkž* «Magen» denken, das von Mikkola o. [BB] XXI 225 zu got. *kilpei* «Mutterleib», von Bezenberger aber o. [BB] II 154 zu gr. *χολάδες* «Gedärme» gestellt wird), neben *dzintele* «eiserne Klammer» — *zintele*, neben *ziŕnēklis* «Spinne» — *dzirneklis* (U; die Quantität des *e* ist nicht angegeben), neben *acu dzirnums* «Augenstern» — *acu zirnums*, neben *dziēdrs* (Grösen) «Querbalken» oder *dziēds* — *ziēds* (unter der Voraussetzung, daß *z* älter ist, möchte Leskien Nom. 36 dies Wort mit *zuōds* «scharfe Kante» zusammenstellen; aber dieses ist mir höchst unwahrscheinlich). Einerseits scheint die ursprüngliche Bedeutung von *dziēds* «Querbalken», nicht «Ende eines Querbalkens» gewesen zu sein; andererseits bedeutet *zuōds*, lit.

žāndas zunächst wohl nur «Kinn, Kinnbacken», und wenn Ulmann daneben die Bedeutungen «scharfe Kante, Ecke eines Steines, eines Klotzes, die man mit dem Hebebaume fassen kann, die Ecke an der Schneide einer Axt» angibt, so ist dies alles wohl nur in bildlichem Sinne gemeint. Ich selbst möchte hier *dz* für älter halten und *dzied(r)s* von einer Wurzelform *guhendh-* ableiten, auf die Lidén o. [BB] XXI 98 verschiedene keltische, germanische und slavische Formen zurückführt (die betreffenden germanischen Formen werden von Waldstein IF V 30 wohl falsch beurteilt). Wie erklärt sich nun dieses Nebeneinander von *dz* und *z*¹³, *c* und *s*? An einen bereits ursprachlichen Wechsel, wie er z. B. in *dzēttāns* «gelb» neben *zelt* «grünen» vorliegt // (vgl. Brugmann Grdr. I² § 597), darf man hier nicht denken, wenigstens bei der großen Mehrzahl der Beispiele nicht. Eine durchaus befriedigende Erklärung aller Fälle kann ich nicht geben, zumal mir genaue Daten über die geographische Verbreitung der angeführten Formen fehlen (für einige von Ulmann angeführte Formen ist der Fundort überhaupt nicht angegeben). Von den etymologisch unklaren Formen abgesehen, sei zunächst konstatiert, daß von den Beispielen für *z* aus *dz* nur *zile* «Eichel» und von den Beispielen für *dz* aus *z* nur *dzitkles* «Schafschere» gemeinlettisch oder doch den meisten Mundarten eigen sind. Alle übrigen Formen sind nur in einigen Mundarten bekannt. Eine einheitliche Erklärung aller Fälle wäre zwar erwünscht, ist aber theoretisch nicht nötig. Die Beispiele für diesen Lautwandel verteilen sich auf verschiedene Mundarten, und deshalb darf er nicht als «dialektisch» (d. h. als lautgesetzlich für bestimmte Mundarten) gelten. Nur in der Sarkauer Mundart (Bezenberger Spr. d. pr. L. 37) scheint der Wandel von anlautenden *dz* zu *z* den Charakter eines Lautgesetzes zu haben. In einem Teil der übrigen Fälle sehe ich Beeinflussung durch andere ähnlich lautende Wörter, für die ich o. [BB] XXVII 330 bereits einige Beispiele¹⁴ aus dem Lettischen gegeben habe. Dies ist ganz ohne Zweifel der Fall bei *zēttains* (*zēttans*) für *dzēttāns* (*dzēttains*), wie sich aus dem zitierten Volkslied (BW 2487) klar ergibt: es ist ein Wortspiel, in dem die «(gold)gelben»

186

¹³ Sporadischer Wandel von *z* zu *dz* findet sich auch in verschiedenen slavischen Mundarten, vgl. Miklosich Vergl. Gr. I² 448, Werchratskij AfslPh. XV 57, Leskien Nom. 85.

¹⁴ Ein derartiges Beispiel ist offenbar auch le. *lapsene* «Wespe» für **vapsene* (vgl. lit. *vapsā* «Bremse»), angelehnt an *lapsa* «Fuchs» (lit. *lāpė*).

Füße (*zēltainās kājiņas*) des Rebhuhns mit der Goldweide (*zēlta kārkli*) in Beziehung gesetzt sind (ursprünglich standen wohl nebeneinander **zēltains*¹⁵ «goldig» und *dzēltāns* «gelb», worauf durch Kontamination¹⁶ die Formen **zēltāns* und *dzēltains* entstanden). Desgleichen entstand *dzēlts* für *zēlts* im Anschluß an *dzēltāns*. So entstand vielleicht auch *dzaltis* für *zaltis* im Anschluß an *dzelt* «stechen». Zu *cirsens* (daneben *cirkšļi* «große Wespen», *cirksnis* «Hornisse»: lit. *širšl̥ys*, *širkšl̥ys*, *čirkšl̥ys* «Wespe») für *sirsinc* vergleiche man *cirslis* oder *cirksnis* «Spitzmaus», *circenis* «Heimchen», lit. // *kiršl̥ys* «Äsche». Zu *dzirkles* für *zirkles* vergleiche man die Form *cirklas* U, die aufs Verbum *cīrpt* «scheren» (lit. *ki̯rpti*) hinweist. Die Form *cīraps* für *sīraps* entstand wahrscheinlich dank dem Nebeneinander von *cukurs* und *sukurs* «Zucker» (das *s*- der letzten Form nach russ. *sachar* «Zucker» oder *sukari* neben *cukari* < russ. *suchar* «Zwieback»). — Anderes könnte auf Assimilation beruhen, so wahrscheinlich der Gen. Pl. *dzēldzu* für *dzēlzu*, vielleicht auch (mit unvollständiger Assimilation) *daudzities* für *daūzitiēs*. Aus *cvīķis* ist *svīķis* entstanden, um die Aussprache zu erleichtern (die Lautfolge *cv* ist im Lettischen nicht üblich), vgl. kaš. *svjardnɔc* «hart werden» neben *cvjardi* «hart» (Сборн. Фопт. 563). Nachdem auf diese Weise in einigen Formen *z*, *s* für und neben *dz*, *c* (und umgekehrt) aufgekommen waren, konnte das Schwanken zwischen Affrikata und Spirans auch auf einige andere Formen sich übertragen. — Endlich wird anlautendes *s* (gleichviel welchen Ursprunges) durch Assimilation zu *c*, wenn die nächste Silbe mit *c* beginnt: *cūcāurums* «Afteröffnung» aus **sūd(u)-caūrums*, *cecen* für *secen* «vorbei» (die Qualität der beiden *e* ist mir unbekannt, doch schreibt Mancelius Post. I 83 *zätzän*, und hochlettisch ist *a* in der Wurzelsilbe, z. B. *cacyn* BW 2796, 3 (der Nachträge); in *secen* hat man *s*- im Anschluß ans Verbum *sekt* «folgen», *pacacnieks* U «Geschichtenerzähler» für **pasacnieks* von *pasaka* «Erzählung» (*sacīt* «sagen» kann das *s*- nach dem Präsens *saku* bewahrt haben; doch braucht wohl ein Assimilationsvorgang nicht ausnahmslos zu sein). Unklar ist mir das Nebeneinander der Formen *šekumi*, *šecumi*, *čecumi*, *čekumi* «Mistgabel» (vgl. lit. *šākė* «Gabel»); *čecumi* kann aus *šecumi*

¹⁵ Vgl. *mālainis* «lehmicht» von *māli* «Lehm», *sidrabains* «silberartig» von *sidrabs* «Silber» u. a.

¹⁶ /Vgl. dazu auch Zubatý O alliteraci 15 ff. und *dzeltēs* neben *zeltēs* (ein Pflanzenname) BW 7139 Var. Korr.-note./

entstanden sein und darauf *čėkumi* hervorgerufen haben, doch woher das *c* in *sėcumi* (vgl. etwa die von Mühlenbach RKr. XIII 47 angeführten Formen *braucumiņš*¹⁷ BW 991 Var. für *brāukumiņš* «Fahrt», *slėdzumiņš* BW 3137, 1. Var. für *slėgumiņš* «Zuschließen»)?

Nicht jedes erweichte *k*, *g* ist zu *c*, *dz* geworden. In einer Anzahl von Fällen sind *k*, *g* vielmehr geblieben und werden jetzt wie stark mouilliertes *t*, *d* gesprochen, ungefähr ähnlich den russischen *t'*, *d'* (wie schon Pogodin PФВ XXXVIII 30 bemerkt hat); daher wird russ. *t'*, *d'* in Lehn-/wörtern durch le. *ķ*, *ģ* (spr. *t'*, *d'*) wiedergegeben, z. B. r. *tjuřma* > le. *ķuřmis* «Gefängnis», r. *degot'* > le. *ģėgũots* «Birkenteer». In der Schrift jedoch will ich (dem allgemeinen Brauche folgend) die Zeichen *ķ*, *ģ* (für gesprochenes *t'*, *d'*) beibehalten, um nicht etwaige Verwirrung hervorzurufen und weil die Zeichen *t'*, *d'* für mundartliche (aus *t*, *d* entstandene) weniger stark mouillierte *t*, *d*¹⁸ (wie man sie in litauischen Mundarten hört) nötig sind. — Zunächst werden bekanntlich die Verbindungen *sk*, *zg'* zu *šķ*, *žģ*, z. B. lit. *skėlti* : le. *šķelt* «spalten», lit. *rėzgis* : le. *režģis* «Flechwerk» (cf. Meillet MSL XII 19). In ostlettischen Mundarten (z. B. in Palzmar, Adsel, Selburg, Odensee; nach Kauliņ [BB] XII 223 auch in Saussen) wird sodann *šķ* zu *šk* (wohl auch *žģ* zu *žg*, wofür mir Beispiele fehlen), z. B. *šķirsts*¹⁹ (Adsel-Schwarzhof) für *šķirsts* «Kiste». In ein paar Fällen findet man analogisch übertragenes *šķ* für lautgesetzliches *sk*: *šķaidit* «vergeuen» für *skaidit* nach *šķiēst*, *šķuobit* «neigen» für **skuobit* nach *šķiebt*. Vor dem Deminutivsuffix *-iņš* finde ich nur *sc*, *zdz* aus *sk*, *zg'*: Dat. S. *sesciņam* BW 2330 von *sėskis* «Iltis» (daneben auch *seskiņš* BW 2323 Var., *seskiťs* BW 2329 mit *sk* nach *sėskis*; eine Form **sešķiņš* jedoch scheint nicht vorzukommen), Lok. S. *lizardziņę* zum Gen. S. *lizg* (Suhrs) «des Nestes»; hier²⁰ ist das Verhältnis anderer Formen wie z. B. *vilks* «Wolf» : *vilciņš*, *rags* «Horn» : *radziņš* vorbildlich gewesen. — Die Verbindungen *šķ*, *žģ* entstehen aber nicht nur aus *sk*, *zg'*, sondern auch aus *stj*, *zdj*; während *tj*, *dj*

¹⁷ Das *c* in *braucumiņš* könnte durch das vorausgehende Präteritum *brāuc'* veranlaßt sein.

¹⁸ Beispiele habe ich o. [BB] XXVIII 315 und RKr. XIII 82 gegeben.

¹⁹ Es ist hier das *k* ebensowenig mouilliert wie etwa im Nom. Pl. *laiki* «die Zeiten».

²⁰ /Dazu stelle ich noch: *pusciņš* BW 5311 von *pušķis* «Strauß», *cisciņa* BW 10997 Var. von *ciska* «Hüfte», *sescenite* «Mütze von Iltisfell» BW 5645, 1. Korr.-note./

sonst zu *š*, *ž* werden, wandeln sich *stj*, *zdj* regelmäßig zu *šk*, *žg* (spr. *št'*, *žd'*)²¹, wie bereits Zubatý // IF III 137 und Leskien IF XIII 174 bemerkt haben. So lautet z. B. von *rikste* «Rute» der Gen. Pl. *rikšku* (= lit. *rykščiū*) aus **rikstju*; oder der lit. I. S. Präs. *purkščiū* «pruste» entspricht le. *purkšku* «knarre» aus **purkstju* (Leskien IF XIII 173); für *žg* aus *zdj* fehlen mir Beispiele. Nicht selten wird dann *šk* analogisch auf andere Formen übertragen, die eigentlich *st* haben sollten. So hat sich z. B. zum Gen. S. *ikška* (lit. *nykščio*) aus **ikstjā* neben dem regelmäßigen²² Nom. S. *ikstis* (lit. *nykštys*) «Daumen» die Form *ikškis* gebildet etwa nach dem Verhältnis der Gen. S. *kuška* (lit. *kūškio*) zum Nom. S. *kuškis* (lit. *kūškis*) «Büschel»; oder zum Präs. *klukšku* «glucke» aus **klukstju* (neben *klukstu*) hat sich neben dem regelmäßigen Infinitiv *klukstēt* die Form *klukškēt* gebildet etwa nach dem Verhältnis des Präs. *brakšku* (= lit. **braškiū*) zum Infin. *brakškēt* (= lit. *braškėti*; die le. Form hat vor *š* ein eingeschobenes *k*) «krachen» (vgl. Leskien IF XIII 173 ff., der aber mit Unrecht die Identität von le. *brakškēt* und lit. *braškėti* bezweifelt; ohne das Vorbild solcher Verbalformen wie *brakšku* : *brakškēt* wären Neubildungen wie *klukškēt* kaum entstanden). Oft wird dann weiterhin, wie Leskien IF XIII 175 richtig bemerkt, die unbequeme Lautgruppe *kšk* zu *kš* vereinfacht: neben *rikšku*, *purkšku*, *klukškēt*, *brakškēt* stehen *rikšu*, *purkšu*, *klukšēt*, *brakšēt*²³. Zu den Adverbien wie *nešus* «tragend», *vešus* «führend» für **neškus*, **veškus* vgl. Zubatý IF III 137.

Es finden sich aber *k*, *g* außer nach den Zischlauten auch anderswo. In ein paar Fällen ist mundartlich *g* aus *j* ent-

²¹ Als ich o. [BB] XXVII 190 le. *aūša* auf **austjā* zurückführte, hatte ich diese Regel übersehen; jetzt gebe ich die dort vorgeschlagene Etymologie auf, zumal sie auch semasiologisch nicht gerade evident ist. — Bielensteins Ansicht (LSpr. § 124, Anm. 3), daß le. *tj*, *dj* auch sonst zuweilen zu *k*, *g* werden, ist falsch. Von den vier Beispielen, die er gibt, sind *suiķis* «Sprachmenger» und *Pluģi* (Gesindename) etymologisch dunkel; *sūoģis* «Richter» (neben *sūodt* «richten») gibt mit *g* (= *d*) das russ. *d* in *sudja* wieder, und dem le. *skauģis* «Neider» entspricht auch lit. eine Wurzelform *skaug-*, z. B. *skaugus* «neidisch» (Geitler Lit. St. 108), *suskaugėti* «zusammengeizen» (Bezenberger Lit. Forsch. 169).

²² In andern Fällen ist die regelmäßige Form ganz verdrängt: so lautet jetzt zum Gen. S. *kuņška* aus **kumstjā* (vgl. lit. *kūmstė* «Faust») der Nom. S. meines Wissens nur noch *kuņškis* «eine Handvoll».

²³ /So auch *ikšis* neben *ikškis*; nach solchen Vorbildern entstehen weiterhin Neubildungen wie Nom. Pl. *pakški* neben *pakši* (aus **paksjai*) «Hausecken», oder Gen. Pl. *uolekšku* BW 5687 Var. neben *uolekšu* von *uôlekts* «Elle» u. a. Korr.-note./

standen: Nom. S. Fem. g. *ġēla* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 37) für *jēla* «roh»; *ġirbe* aus **jirbe* (erschlossen aus *jirbene* BW 4655 = *irbene* «*viburnum opulus*»); zum Vorschlag des *j* vgl. Bezenberger Lett. Di.-St. 77) für *iŕbe* «Rebhuhn» (ähnlich stehen nebeneinander lit. *ġerubė* und *jėrubė*; weitere Analogien aus dem Litauischen verzeichnet Brückner Litu-slav. Stud. I 50); *ġēġeris* durch Assimilation aus *jēġeris* «Jäger». Um-//gekehrt ist *ġ* vereinzelt zu *j* geworden: *jelzis* für *ġelzis* «stumpfes Messer» (lit. *gelžis*); *jentes* neben *ġente* «Familie»; auch *ġęstrs* «straff, spröde, rauh» ist wohl älter als das gleichbedeutende *jęstrs* und im Grunde identisch mit *džęstrs* «kühl». Unklar ist mir das Nebeneinander von *jundēt* und *ġundēt* «öffentlich verkündigen, murren, verwünschen». Vielleicht ist dieser Wechsel zwischen *ġ* und *j* auf deutschen Einfluß zurückzuführen: in Lehnwörtern ältern Datums wird das deutsche *g* vor hellen Vokalen durch *ġ* vertreten (Beispiele bei Bielenstein LSpr. I 474); jetzt aber sprechen die Deutschen der russischen Ostseeprovinzen das *g* vor *e, i* als *j*, und so sagen denn auch die Letten neben *ġipši* auch *jipši* «Gyps». — Ferner werden *k, g*, wenn sie erst nach Abschluß des Lautwandels *k, g' > c, dz* vor helle Vokale geraten, regelmäßig zu *ķ, ġ* erweicht. So habe ich bereits o. [BB] XXVII 190 le. *ķeiris* «Linkhand» durch Dissimilation aus **kreiris* hervorgehen lassen. Das Verbum **kart*, das sich im Kompositum *āizkart* «anrühren» erhalten hat, ist, in bezug auf den Vokalismus durch das gleichbedeutende *tveft* «fassen, greifen» beeinflußt, zu *ķeft* geworden (*tveft* seinerseits ist unter dem Einfluß von **kart* oder *ķeft* in Alschwangen nach Bielenstein LSpr. I 370 zu *kvęrt*²⁴ geworden); unter dem Einfluß von *ķeft* ist dann auch das abgeleitete Verbum **karstīt*²⁵ in der Abagegend (nach Lautenbach o. [BB] XVII 273) zu *ķārstīt* «haschen» geworden. Dasselbst ist auch *kārkt* (lit. *kaŕkti*) «gackern» unter dem Einfluß von *ķērkt* «gackern» zu *ķārkt* (Lautenbach *ibid.* 287; der betreffende Dialekt unterscheidet nicht mehr den fallenden Ton vom Stoßton) geworden. Wie etwa *dziļš* «tief», *plašs* (neben *plats*) «breit» mit ihrem erweichten Wurzelauslaut auf einen ursprünglichen *u*-Stamm

²⁴ In den nordwestkurischen Mundarten werden *ar, er* von Konsonanten immer zu *ār, ēr*.

²⁵ Bei Ulmann steht auch ein *karstīt*, aber das könnte ein Druckfehler für *ķarstīt* sein: für *ķ* ist dort sehr häufig *k* gedruckt.

(lit. *gilūs, platūs*) hinweisen, so scheint auch *mač*²⁶ aus **maķš = *mat'š* «klein», Gen. S. *maġa* auf einen ursprünglichen *u*-Stamm *magu-* hinzuweisen (vgl. got. *magus* «Knabe, Kind, Knecht», urkelt. **magus* oder **mogus* «Diener», Stokes Urkelt. Sprachschatz 198); // nach Abschluß des Lautwandels *ķ, ġ > c, dz* kann es im Lettischen noch adjektivische *u*-Stämme gegeben haben. Auch alle Lehnwörter aus den slavischen, finnischen und germanischen Sprachen, die nach Abschluß dieses Lautwandels ins Lettische aufgenommen wurden, mußten *ķ, ġ* vor hellen Vokalen erhalten und behalten. Es kann hier nicht meine Absicht sein, die betreffenden Beispiele aufzuzählen, zumal Vollständigkeit nicht zu erreichen wäre (auch bei Ulmann noch fehlen viele lettische Wörter); ich verweise daher hier nur auf die bekannten Werke Thomsens und Brückners und auf die Abhandlung Zeidlers (Mag. XVI 1). Es findet sich aber altes (nicht sekundär entstandenes) *ķ, ġ* nicht selten auch in echt baltischen Wörtern. Über derartige Formen findet man zuweilen nicht ganz zutreffende Ansichten ausgesprochen; so führt Zubatý (AfsIph. XVI 386) ein le. Wort *ķisis* «Raubbold»²⁷ an und meint, das *ķ* sei «wohl dialektisch»; und Berneker meint IF X 159 le. *ķaukste* «Hirnschale» des *ķ* für *c* wegen für «dialektisch oder für entlehnt» betrachten zu müssen. Demgegenüber sei hier erklärt, daß es einen lettischen Dialekt, der *ķ, ġ* auch außer nach Zischlauten lautgesetzlich bewahrt, nicht gibt. Wohl alle Mundarten kennen mehr oder weniger Beispiele für regelwidriges *ķ, ġ* (Beispiele geben Bielenstein LSpr. § 113 und Lautenbach o. [BB] XVII 275). Genaue Daten über die geographische Verbreitung solcher Formen fehlen mir zwar (ohne eine rege Beteiligung aus dem Volke lassen sich solche sehr schwer beschaffen); aber im allgemeinen wird man wohl sagen können, daß die Zahl solcher Wörter um so mehr zunimmt, je näher man der litauischen Grenze kommt (im Grenzgebiet treten solche Formen massenweise auf). Und so hat denn auch Zupitza im allgemeinen recht, wenn er

²⁶ /Nach Becker o. [BB] XVIII 273 lautet in Perwel das Femininum dazu auch *madža*, indem man *mač* als aus **madžs* entstanden aufgefaßt hat. Korrr.-note./

²⁷ Dieses mir unbekanntes Wort fehlt auch bei Ulmann; jedenfalls ist es aber identisch mit dem aus einer finnischen Sprache (Thomsen 262) entlehnten *ķisis* «Kaulbarsch» und hat somit nichts mit einer Wurzelform *kin-* zu schaffen.

KZ XXXVII 402 solche Formen durch den Einfluß²⁸ des benachbarten Litauischen erklärt. Nur hat // man sich den Vorgang wohl schwerlich so vorzustellen, daß die entlehnten Formen vom Grenzgebiet aus ganz allmählich nach Norden vorgedrungen sind (das wird wohl nur bei einem Teil der Fall sein). Die Chronisten berichten uns von mehreren Raubzügen der Litauer nach Lettland und der Letten nach Litauen; bei solchen Gelegenheiten wurden auch, wie ausdrücklich erwähnt wird, Kriegsgefangene gemacht, und diese könnten einige fremde Formen importiert haben. Aber es könnten auch vor der Begründung der deutschen Fremdherrschaft friedliche Beziehungen zwischen Letten und Litauern zeitweilig bestanden haben. — Übrigens könnten einige von solchen Formen auch lettische verhältnismäßig junge Neubildungen sein; ich denke dabei an sekundäre Bildungen auf *-ķis* und *-ģis*, wie z. B. *lauķis* (neben *laucis*) «Pferd oder Ochse mit einer Blässe» von *lāuks* «blässig», *pelēķis* (neben *pelēcis*) «mausfarbiges Pferd» von *peļēks* «grau» (vgl. daneben etwa *siřmis* «graues Pferd» von *siřms* «grau»), oder auch *deģis* «Branntweinbrenner» von *degt* «brennen» u. a. (vgl. Bielenstein LSpr. §§ 113 u. 181). Es könnten solche Formen im Lettischen nach Abschluß des Lautwandels *k, g' > c, dz* entstanden sein²⁹; während z. B. die Deminutiva auf *-ciņš, -dziņš* ihren Stammwörtern auf *-ks, -gs* gegenüber (z. B. *vilks* «Wolf»: *vilciņš*) dank ihrer Menge einen festen Bildungstypus aufweisen, läßt sich dies von Formationen auf *-ķis (-cis), -ģis (-dzis)* nicht

²⁸ Auf die gleiche Weise erklären sich wohl auch die nicht selten bewahrten Nasaldiphthonge (Beispiele gibt Bielenstein LSpr. §§ 95 und 96) und manches *š, ž* für echt lettisches *s*, z. Vielleicht läßt sich auch lettischer Einfluß aufs Litauische (von den Grenzdialekten abgesehen) nachweisen. Aus der livländischen Reimchronik (VV. 11395—11420 und 11495—11499) erfahren wir, daß ein Teil der Semgallen, von fremd-//ländischen Räuberbanden hart bedrängt, den väterlichen Boden verläßt und nach Litauen auswandert. Und in der von Wolter (Lit. Mitt. IV 166 ff.) beschriebenen lit. Mundart von Slonim im Gouvernement Grodno erinnert einiges auffallend ans Lettische: der Übergang von *uv* in *iv* (vgl. o. [BB] XXVII 322), *z* für *ž*, z. B. *zasis* «Gans», das Präfix *sa-*. Wenn die russische Hypatius-Chronik nur von preußischen Ansiedelungen in jener Gegend erzählt, so könnte vielleicht ein Irrtum vorliegen. Es sei hiermit die Aufmerksamkeit der Spezialforscher auf diese Frage gelenkt.

²⁹ Vielleicht sind auch die Nomina agentis auf *-iķis* (z. B. *jumiķis* «Dachdecker», *grābiķis* «Zugreifer») späte Umbildungen älterer Formen auf *-ik(a)s* (im Litauischen kommt *-ikis* neben *-ikas* nur selten vor, Leskien Nom. 359 ff.), entstanden nach dem Vorbild solcher Formen wie *deģis, nemāķis* «der nichts gelernt hat» u. a. (Bielenstein LSpr. I 260).

behaupten: sie sind zu selten, um in ihrer Bildungsweise etwas als charakteristisch in bezug auf den Wurzelauslaut erscheinen zu lassen, und deshalb konnten solche Formen zu jeder Zeit neu gebildet werden.

In hochlettischen Mundarten ist sodann *ķ*, *ġ* (gleichviel welchen Ursprungs) außer nach Zischlauten zu *č*, *dž* geworden, // z. B. *čēve* für *ķēve* «Stute», *kudžis* für *kuģis* «Schiff» (Bielenstein LSpr. § 54 und Bezenberger Lett. Di.-St. 116). Aber auch andere Mundarten kennen (außer den oben besprochenen Flexionsformen) verschiedene Formen mit *č*, *dž*. Einige von diesen sind Lehnwörter aus dem Slavischen (Beispiele bei Brückner Litu-slav. Stud. I 169 ff.) und Litauischen (z. B. *džaugtes* «sich ergötzen»: lit. *džiaūgtis*). Ein großer Teil entfällt auf onomatopoetische Bildungen; von diesen sind einige identisch mit litauischen Formen (Beispiele gibt Leskien IF XIII 191 ff.), und man wird wohl annehmen dürfen, daß einige von ihnen bereits zur Zeit der lettisch-litauischen Sprachgemeinschaft entstanden sind (in andern Formen brauchen deshalb die Laute *č*, *dž* damals nicht vorgekommen zu sein, vgl. bei Leskien IF XIII 190 ff. litauische Schallnachahmungen mit *c*). Außer Lehnwörtern und onomatopoetischen Bildungen haben noch andere Formen *č*, *dž*. Und zwar bloß mit *č* sind mir die, wie es scheint, weit verbreiteten Formen *čaula* «Schale» und *čaumala* «harte Schale» bekannt; es entsteht die Frage, wie verhalten sich diese Formen mit ihrem *č* zu lit. *kiāvalas* oder *kēvalas* «Eierschale», *kiautai* «Getreideschalen», preuß. *keuto* «Haut»? Bezenberger (o. [BB] II 144) und Berneker (IF X 165) halten auf Grund theoretischer Erwägungen für richtiger die Schreibweise *kiāvalas* (aus der litauischen Dialektologie müßte sich doch wohl ergeben, welche Schreibweise richtiger ist) und fassen le. *čau-* als direkt aus *kjau-* entstanden auf. Oben aber habe ich bereits gezeigt, daß aus *kjau-* nur *cau-* entstehen konnte. Ist *kiāvalas* älter, so ist es zunächst aus **kavalas* entstanden, indem unter dem Einflusse von *kiautai* aus **keutai* *k* zu *ķ* wurde; **kavalas* aber kann aus **kevalas* entstanden sein. Ist aber *kēvalas* älter, so muß es aus **kevelas* entstanden sein, weil aus **kevalas* weiterhin **kavalas* entstanden wäre³⁰. Jedenfalls dürfen wir demnach le. *čaula* auf **kevalā* aus **kevelā* zurückführen; **kevalā* wurde zu **cevalā* und nach Ausfall des *a* zu **cevlā*,

³⁰ Die hier angenommenen Lautübergänge näher zu begründen wäre zwar nicht überflüssig, doch muß ich dieses auf ein anderes Mal verschieben.

und wie sonst *eu* zu *jau* geworden war, so mußte auch **ceulā* schließlich zu *čaula* aus **cjaulā* werden. Unter dem Einfluß von *čaula* scheint dann **caumala* aus **keumalā* zu *čaumala* geworden zu sein (dies Wort ist mir übrigens hinsicht-//lich des suffixalen Teiles unklar). In andern Fällen sind *č* und *dž* auf einzelne Mundarten beschränkt. Neben *caūne* «Marder» steht *čaunis* BW 2404 Var., neben *ciekurs* oder *ciēkurzis* «Tannenzapfen» — *čiekurs* oder *čuokurs* oder *čenkurs* (vgl. lit. *čičkà*³¹ und *kankórėžis*), neben *cinītiēs* «ringen» — *činities* BW 2959, neben *cikstēt* «knarren» — *čikstēt*³², neben *teciņus* «in kleinem Trabe» — *teciņus* (Latweeschu *tautas teikas un pasakas* VI 702), neben *kažuociņš* «kleiner Pelz» — *kāž'čiš* (Anzen), neben *cūka* «Schwein» — *pusčūka* «Halbschwein», *čūčis* oder *čūčele* (o. [BB] XVII 285) «Ferkel» (hier ist wahrscheinlich der Gen. S. **cūča* durch Assimilation zu *čūča* geworden und zu diesem Genitiv ein Nom. S. **čūcis* > *čūčis* gebildet und weiterhin das *č* auch auf andere Formen übertragen worden), neben *cacis* «Kinderspielzeug» (nach Brückner aus poln. *caco*) — *čačis* (wahrscheinlich auf die gleiche Weise aus *cacis* entstanden wie *čūčis* aus **cūcis*), neben *cūksla* «Moosichterhümpel» — *čūksla*, neben *čipstalas* «Nachbleibsel von ausgeschmolzenem Fette» — *čipstalas*, neben *caurumelis* «kleines Loch» — *čaurumelis*, neben *cuokari* «Krollen im Garn» — *čuokari*³³, neben *cupis* «Haufe» — *čupis* oder *čupa*, neben *čemuors* «Traube» — *čemuors*, neben *ciebt* oder *ciept* (onomatopoetisch) — *čiebt* oder *čiept*, neben *čegums* «Pferdezopf» — *čēgauns*, neben *cibuka* (nach Brückner aus poln. *cybuch*) «hölzerne Tabakspfeife» — *čibuka*, neben *cikuot* «klägliche Töne auf der Violine hervorbringen» — *čikuot* und *čika* «Fidel», neben *cinkslis* oder *cimslis* «starke Sehne in der Kniebeugung» — *činkslis* oder *čimslis*, neben *cūška* (Oppekaln) «Schlange» — *čūška* (gemeinlett.), neben *dzirkste* «Gliederschmerz» — *džirkste*, neben *dzerkstele* «Krollen im Garn» — *džergzdele*. In einigen Fällen mag hier das *č* aufgekommen sein durch analogische Beeinflussung solcher Doppelformen wie *cacis* : *čačis*; in andern

³¹ Nach Brückner Litu-slav. Stud. I 78 aus klr. *šyška* entlehnt, womit aber nicht das *č* erklärt ist.

³² Vgl. BW 2984; in den Varianten dieses Liedes findet sich auch *čikstēt*; somit ist wohl das *c* in *cikstēt* aus *k* entstanden und die Kombination Leskiens IF XIII 191 verfehlt.

³³ Diese Formen sind wohl wurzelverwandt mit *ciekurs* «Tannenzapfen» und haben ihr *c* (*č*) für lautgesetzliches *k* (vgl. lit. *kankórėžis*) nach *ciekurs* (*čiekurs*) bezogen.

Fällen ist wohl *č* aus *cj* entstanden, wobei die Jotation ähnlich zu beurteilen ist, wie in den nicht ganz seltenen Fällen von *l* für *l*, *n* für *n*, *r* für *r* (nicht vor *au*), worüber aber im Zusammenhang zu handeln ist³⁴. Seltener stehen *č*, *dž* für *š*, *ž*: neben *šūplis* «Wiege» steht *čūplis*, neben *žėgus* «Schnucken» — *džėgus*, neben *žākstīties* «gähnen» — *džākstīties*, neben *māžuoties* «Possen treiben» — *mādžuoties* «sich mit Zauberei abgeben» (Zubatý erklärt AfslPh. XVI 399 nicht unwahrscheinlich *mādž-* durch Kontamination von *mād-* und *māž-*); solche Fälle erinnern an diejenigen von *c*, *dz* für *s*, *z* (Analoges aus dem Litauischen bei Brückner Litu-slav. Stud. I 55). In andern Fällen steht *č* für *s*: neben *sūlāt* «siepen» steht *čūlāt*, neben *sarma* «Reif» — *čarma*, neben *susla* «schlechter Absud» — *čusla*, neben *sakārnis* «umgestürzte Baumwurzel» (vgl. lit. *šakà* «Ast»; der suffixale Teil erinnert an slav. *korenò* «Wurzel») — *čakārnis*.

Endlich sei hier erwähnt, daß vor *i*, *ie* in Flexionsendungen auch *k*, *g* auftreten, z. B. Nom. S. *laiskis* «faul» aus **laisk(a)s*, Nom. Pl. *ragi* «Hörner», Dat. Pl. *vīlķim* oder *vīlķiem* «Wölfen», Dat. S. *rūoki* (o. [BB] XXVII 317) «der Hand», Adverb *jaūki* «angenehm», II. P. S. Präs. *saģi* «du bewahrst», II. S. Prät. *aūgi* «du wuchsest». Solche Formen sind bereits von Bezenberger (Lett. Di.-St. 115 ff.) im allgemeinen richtig beurteilt: *k*, *g* stehen hier infolge von Systemzwang für lautgesetzliches *ķ*, *ģ* (> *č*, *dz* im Hochlettischen), und es finden sich Belege für lautgesetzliche Formen, z. B. Adverb *smal'ēi* (hochlett.) für *smalki* «fein» (Zb. XVIII 262), Dat. Pl. *kung'iem* «den Herren» (Seßwegen, Bezenberger Lett. Di.-St. 31). Wenn in Swirdsen (Bezenberger *ibid.* 116) neben *začis* «Hase» ein Dat. Pl. *kuņg'im* vorkommt, so ist letzteres eine Neubildung mit analogisch restituiertem *g*, das dann von neuem zu *ģ*, aber nicht mehr zu *dž* geworden ist.

³⁴ Kleinrussische Beispiele von *č* für *c* gibt Werchratskij AfslPh. XV 58.

ЛАТЫШСКИЕ ПРЕДЛОГИ

I ЧАСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Работа моя не претендует на абсолютную полноту обработки предмета: живой язык не поддается столь основательному исследованию, какому можно подвергнуть любой текст, уже по одному тому, что живой язык постоянно изменяется. Но я думаю, что в моем изложении можно найти все существенное относительно латышских предлогов; некоторые новые подробности, вероятно, можно было бы прибавить¹, если бы посвятить время и материальные средства исследованию неизвестной пока еще для меня части латышских говоров, а между тем быстротечная жизнь требует своего...

В основе моего изложения лежат как печатные источники (главным образом памятники народной поэзии, представляющие из себя среди печатных источников самые надежные для изучения ла. языка), так и рукописный материал, собранный мною во время диалектологических экскурсий, принятых мною в летние вакации 1900, 1901, 1902 и 1903 годов, по большей части сообща с *sand. phil.* К. Мюленбахом. Добытым материалом мы менялись, так что для этой работы я пользовался также записями г. Мюленбаха, причем в самой работе на это указывается только изредка, где это по той или другой причине казалось желательным.

Что касается правописания, то я передаю в правописании подлинника только цитаты из старопечатных текстов, где действительное произношение не точно известно. Все же остальные цитаты я привожу в своем собственном правописании, которое употреблено мною и в других // статьях.

¹ [Autora eksemplārā ir sastopamas daudzas ar viņa roku rakstītas (dažāda vecuma) papildu piezīmes; tās šeit tiek publicētas gluži negrozītā veidā un visas — arī tās (nedaudzās), kas saturā saskan ar autora dotajiem papildinājumiem, kādi nodrukāti pirmizdevumā gan I, gan II daļas beigās. — Red.]

А именно: $c = \text{ц}$, $z = \text{з}$, $\check{c} = \text{ч}$, $\check{z} = \text{ж}$, $\check{s} = \text{ш}$; $b', \acute{c}, \acute{d}, \acute{g}, \acute{k}, \acute{l}, \acute{n}, \acute{m}, \acute{p}, \acute{r}, \acute{s}, \acute{t}, \acute{v}, \acute{z}$ обозначают смягченное $b, c, d, g, k, l, n, m, p, r, s, t, v, z^2$; $v =$ (спирант) v ; $\omega =$ согласное μ^3 ; $t =$ русское (твердое) $л$; $\acute{a} =$ звук, средний между a и o ; $\acute{e}^4 =$ двугласный (ia), в обычном ла. правописании передаваемый посредством ee^4 ; $\acute{u}^5 =$ двугласный (ua), в обычном ла. правописании передаваемый посредством o ; $y =$ звук (мною самим не слышанный), похожий на р. $ы$. Ла. открытое e , похожее на нем. \ddot{a} в *Gärtner* (по здешнему произношению), я в других своих статьях обозначаю посредством e с точкою внизу, но так как в здешней типографии нет такого знака, то я был принужден передавать этот звук посредством \acute{a}^6 . За неимением шрифтов в здешней типографии, я не мог также последовательно обозначить интонации гласных, и поэтому я обозначаю интонацию здесь только в таких случаях, где это является особенно желательным, причем извилистый циркумфлекс обозначает длительную, угловатый циркумфлекс — прерывистую, гравис — нисходящую интонацию; акут же обозначает слоударение (где оно не на начальном слоге)⁷. Количество гласных в цитатах из печатных источников (где оно или вовсе не обозначается, или же обозначается только в коренных слогах) я обозначаю в общем на основании (среднелатышского) вольмарского говора; этим же говором я обыкновенно руководствуюсь при различении e и \acute{a}^6 , что особенно следует иметь в виду при цитатах из памятников инфлянтского наречия, известного мне пока только по текстам (а по этой причине также смягчение согласных и количество гласных в инфлянтских оборотах, вероятно, не всегда правильно обозначены). В цитатах из народных песен я приставные гласные (Flickvocale) обыкновенно опускаю,

² [Šads mikstinājuma apzīmējums šai izdevumā ir atstāts palatalizētiem līdzskaņiem, bet palatālie l, r, n, k, g te ir apzīmēti ar l, r, n, k, g ; augšzemnieku dialekta piemēros l, n ir rakstīti pirmizdevumā l, n vietā tur, kur l, n atbilstoši ir arī lejzemniekiem pēc gramatiskās sistēmas. Vārdi autora papildu piezīmēs ir atstāti rakstībā negrozīti. — Red.]

³ [Šādā nozīmē autors pirmizdevumā lietojis ω (blakus v) parasti Viļānu izloksnes citātos no Zb. XVIII, kur šim ω atbilst \acute{u} (piem.: *sowu tāvu* Lat. predl. II 129 = *soīu tawu* Zb. XVIII 344). — Red.]

⁴ [Šai izdevumā ie . — Red.]

⁵ [Šai izdevumā uo , kas (līdzīgi ie) lietots arī leišu valodas vārdos viscaur. — Red.]

⁶ [Šai izdevumā \acute{e} . — Red.]

⁷ [Šai izdevumā šāds akūts latviešu valodas vārdos ir aizstāts ar punktu uzsvērtās zilbes priekšā. — Red.]

так как они не имеют никакого морфологического значения. — Что же касается правописания в литовских цитатах, то я вследствие типографских затруднений не мог ни сохранить везде правописание подлинников, ни провести везде одно правописание; в общем я по мере возможности сохраняю правописание подлинников, и отступления (напр., иногда *ž* вместо *z*) столь несущественны, что не вызывают никаких недоразумений. Также в литовском я не мог везде обозначить интонации гласных, и иногда я должен был для // обозначения восходящей интонации над согласными и двугласными ставить знак долготы вместо извилистого циркумфлекса⁸ (напр., $\bar{r} = r$ с восход. инт.; знак долготы стоит вместо извилистого циркумфлекса также в формах *ūpės* стр. 17, строка 23, *ažūpakalys* стр. 22, строка 10, *ažūgavenios* стр. 22, строка 11). — Небольшие (и без дальнейших объяснений понятные) отступления от общепринятой транскрипции других языков опять всецело обусловлены типографскими затруднениями; церковнославянские формы, за неимением некоторых знаков в типографии, иногда приходилось печатать латинским шрифтом.

Ввиду того что большинство языковедов мало знает латышский язык, я счел нужным дать перевод всех латышских слов и оборотов, причем я изредка вместо русского языка употребляю какой-либо другой общедоступный язык, если на этом языке смысл латышского выражения передается яснее и точнее. Где уже в подлиннике ла. текст снабжен (нем., польским или русским) переводом, там я обыкновенно сообщаю этот перевод, если он является точным и если смысл ла. выражения для меня самого не вполне ясен.

Первоначально я имел в виду издать разом всю эту работу о латышских предлогах, но затем по чисто внешним (но зато весьма уважительным для меня лично)⁹ причинам я должен был разделить эту работу на две части. В этой первой части, которая теперь появляется, я говорю о формах и об этимологии предлогов и префиксов, об употреблении

⁸ [Šai izdevumā ir restaurēts pienācīgs cirkumflekss. Ir lietotas arī vairākas citas diakrītiskas zīmes, kādu ir trūcis, pirmizdevumu drukājot, un uz kādam autors deskriptīvi norāda īpašās piezīmēs (šās piezīmes tad te ir atnestas). — Red.]

⁹ [Ir bijis nodoms aizstāvēt Lat. predl. II daļu par doktora disertāciju. To liecina autora paša rakstīts «curriculum vitae», kas saglabājies Ļeņingradā (Центральный государственный исторический архив СССР, šifra 733-154-78). — Red.]

предлогов и о сложенных с префиксами именных формах. Во второй части будет речь об управлении предлогов и об употреблении глагольных префиксов. А так как об управлении предлогов я буду подробнее говорить только во второй части, то я считаю нужным уже здесь вкратце изложить особенности в управлении ла. предлогов.

VI 1) После всех предлогов существительные, определенные посредством *abi* «оба» или числительных количественных, могут оканчиваться на *-i* или *-u* (первоначальная форма ном.-асс. du.; ср. Mühlenbach IF XIII 235 сл.); 2) после всех предлогов могут ставиться формы личных местоимений *man(im)*, *tev(im)*, *sev(im)*, ср. Mühlenbach I. с. 240 сл. и 246; 3) после всех предлогов могут ставиться *dat. // s. kam* (от *kas* «кто, что») и *tam* (от *tas* «тот, то»), ср. Mühlenbach I. с. 241 сл.; 4) в части говором после всех предлогов ставится (или может ставиться) *gen. s.* форм женского рода, ср. Mühlenbach I. с. 243 сл.; 5) в большинстве говором и в литературном языке во множественном числе после всех предлогов обыкновенно ставится *dat.-instr.*, ср. Mühlenbach I. с. 247 сл.; 6) в северо-западных говором после всех предлогов является *асс.-instr. s.* форм мужского рода и таких форм женского рода, которые не обозначают лиц, ср. Mühlenbach I. с. 252 сл. и 264. — Вследствие этих особенностей в управлении предлогов, о которых я подробнее буду говорить во второй части (с объяснениями Мюленбаха я не везде согласен), и потому, что и сверх того заметно колебание между различными падежами в управлении предлогов, я нередко даю примеры не столько с целью показать значение предлога, сколько с целью установить управление предлога.

Оказалось нужным в конце прибавить несколько дополнений и поправок, главным образом вследствие того, что во время печатания были опубликованы некоторые новые статьи и источники. Некоторые источники и пособия не были для меня здесь доступны.

Юрьев, 28 марта 1905.

І ЧАСТЬ

ОБ ОКОНЧАНИЯХ СЛАВЯНСКИХ ПРЕДЛОГОВ

§ 1. В предстоящем исследовании придется не раз сравнивать латышские предлоги со славянскими, и поэтому будет полезно прежде всего составить себе по мере возможности определенное представление о некоторых формальных особенностях славянских предлогов. Весьма многие из них в древнецерковнославянском оканчиваются на -ѣ, и возникает вопрос об этимологическом значении этого -ѣ. Что касается предлогов, оканчивающихся на -ѣ (*безѣ, вѣзѣ, изѣ, разѣ-*), то Бодуэн де Куртенэ (ЖМНПр. т. 188, стр. 155; ср. также статьи Кирсте AfslPh. VIII 395 слл., Брандта РФВ XIV 350, Соболевского РФВ XXII 47 слл., Meillet Études I 111 слл.) указал на следующее. Формы на -ѣ являются в качестве префиксов обыкновенно и часто также в качестве предлогов без -ѣ (напр., *безмѣрънѣ, вѣзѣти, изѣти, раздѣлити; без народа, вѣз благодѣть, из гробѣ*); что формы *без, вѣз, из, раз-* не только писались, но и произносились без -ѣ, видно из того, что конечное -ѣ этих форм подвергается в соприкосновении с начальным согласным следующего слова звуковым законам, действующим вообще в исконных сочетаниях согласных, между которыми нельзя допускать существования когда-то какого бы то ни было гласного (напр., *раскопати, вѣстѣти, бе-страха, ишьдѣ, иждѣти, вѣждѣлѣти, бешѣтѣльнѣ* или *бечѣтѣльнѣ, ишѣрѣва* или *и-чѣрѣва, ишѣлѣти* или *ицѣлѣти, раз-д-рѣшѣти, из-д-рѣкѣ, без-д-рала, вѣжлюблѣж* и др.). Поэтому, заключает Бодуэн де Куртенэ, не совсем справедливо считать формы *безѣ, вѣзѣ, изѣ*... настоящими древними старославянскими, в противоположность формам *без, вѣз, из*..., соблюдаемым, напр., в Остромировом евангелии с // 2
полною последовательностью. Можно, значит, и даже следует думать, что когда-то в славянском существовали только формы (*без -ѣ*) *без, вѣз, из, раз-*. Формы же на -ѣ (откуда, напр., р. *безо, взо-, изо, разо-,* срб. *беза, уза, иза, раза-*) более позднего происхождения; они образовались из

форм на -з, вероятно, в случаях стечения согласных и отсутствия ассимиляции между ними (Соболевский I. с. 48; ср. появление *ѣ* в заимствованных формах *Анѣдрѣа*, *олѣтарь*, *текѣтоништѣ* и др., ср. Meillet *Études* I 112) и под влиянием таких предлогов, как *подѣ*, *надѣ*, *къ* и др., которые имеют постоянный -ѣ (Брандт I. с.). Далее, Брандт и Соболевский говорят даже, что вышеупомянутые формы издавна кончались на -з, и сохранение конечного -з не говорит против этого, так как предлоги употреблялись постоянно в самой тесной связи со следующими за ними словами¹. Но вряд ли все те предлоги издавна кончались на -з; конечное -з может быть различного происхождения. Это ведет нас к вопросу об этимологическом происхождении этого -з. Мнение Кирсте (AfsI Ph. VIII 397), по которому формы на -з возникли вследствие неверного разделения сложных слов (напр., *нис-пасти* из **ни-спасти* от *√spad-*), никем, кажется, теперь не признается, и поэтому не стану его опровергать. Не принимаю я во внимание также мнение Микколы (Balt. u. Slav. 36 слл.), так как из указанного места для меня не ясно, как собственно Миккола представляет себе возникновение конечного -з. По-моему, правы те ученые (Miklosich *Etym. Wrthb.* 69, Фортунатов AfsI Ph. XII 96 и Зап. И. Ак. Н. т. 49, прилож. № 1, стр. 102 слл., Walde *KZ* XXXIV 520 слл.²), которые видят в -з какую-либо частицу. Миклошич говорит, что, напр., «низѣ» образовалось из *ни* (ср. скр. *ni*) и частицы *зи*, которая еще теперь употребительна в южнославянских языках³; ту же // частицу он находит также в лит. *prieš* (из **prie-ž*) рядом с *prie*. При этом он, однако, ничего не говорит о звуковом отношении окончания -зѣ к частице *зи*. А по мнению Фортунатова, приставка -зѣ (напр., в *безѣ*, *разѣ*-) образовалась из частички, родственной, по крайней мере по согласному, с греч. *γε*, *γα*. Вальде же видит, напр., в «*бе-з*» такую же частицу, как в скр. *ba-hi-s* «вне» (конечное -s санскритской формы он отождествляет с -s в греч. *ἐξ*⁴ рядом с *ἐκ*); частицу

3

¹ Поэтому (ср. также Meillet *Études* I 111 слл.) я считаю неверным мнение Кирсте (AfsI Ph. VIII 396) и Вальде (*KZ* XXXIV 519), что искони конечное иде. -z или -s непременно отпало бы в указанных слав. предлогах. И так как иде. конечное -s или -z отпало бы в славянском, продолжает Вальде, то искони конечное -з славянских предлогов восходит к иде. палатальному *g(h)*. Но где же, кроме указанных предлогов, еще встречаем в славянском сохранение конечного -з из иде. *g(h)*?

² [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1400//]

³ [Autora eksemplārā: срб. *я сам зи видио ту зем.ѣу* //]

⁴ Другие примеры у Бругмана (*KVG* § 584).

же *hi* в скр. *ba-hi-s* он отождествляет с скр. *hi* (об употреблении этого *hi* ср. Delbrück Altind. Synt. § 258⁵), з. *zi*, гр. - $\chi\iota$ (в $\nu\alpha\iota\text{-}\chi\iota$, $\sigma\upsilon\text{-}\chi\iota$ и др.), слав. *zi* (где -*i*, вероятно, из индоевр. -*i*; ср. о всех этих формах также Brugmann KVG § 848, Delbrück Vergl. Synt. II § 168). Но, продолжает Вальде, слав. -*z* (в *be-z* и др.) не получилось из **-zī* (так как *ī* уже представляет собою слабую ступень вокализации и более не выпадает), но из частицы **-z(e)*. Существование, однако, такой частицы крайне сомнительно (скр. *ha*, рядом с которым стоит *gha*, вероятно, соответствует слав. *же*, Brugmann KVG § 851), и поэтому Вальде предполагает, что слав. **-z(e)* получилось путем смешения частиц **zī* и *že*. Допускаю я возможность такого объяснения, но не считаю его вероятным. По-моему, слав. -*z* все-таки получилось непосредственно из частицы **zī* (в таком случае гр. $\upsilon\epsilon$ не имеет ничего общего с -*z*). Гласный *ī*, правда, обыкновенно сохраняется, но, как известно, часто употребляемые частицы и наречия нередко подвергаются «незаконным» сокращениям. Так, например, в литовском *ī* в конечном слого вообще сохраняется (напр., в поп. s. основ на -*i*, в III sing. praes. основ на -*i*), но префикс *ap-* из *apī-* теперь является обыкновенно без -*i* (да и слав. *o*, по-видимому, восходит к **op(ī)* или **ob(ī)*, ср. ниже § 6), или в латышском *ī* в конечном слого вообще сохраняется (напр., в поп. s. основ на -*u*), но предлог *az* из **azu* (ср. ниже § 3) теперь всегда является без -*u* (ср. также ВВ XXVII 327 слл.). Объяснению -*z* из **-zī* не противоречит сохранение конечного -*ѣ* предлогов на -*дѣ*: с одной стороны, формы на -*дѣ*, кажется, новее форм на -*з*, с другой стороны, -*ѣ* вообще дольше сохра-//няется, нежели -*ī* (напр., в латышском в конечных слогах *ī* сохраняется, *ī* выпадает). Но все ли предлоги на -*z* прежде оканчивались на -*zī*, в этом позволительно сомневаться; такое -*z* из -*zī*, по всей вероятности, имеем, напр., в *be-z*, а о предлогах *вѣз* и *из* будет речь ниже, где говорится об этимологии латышских предлогов *uz* и *iz*.

Некоторые предлоги оканчиваются на -*дѣ* (напр., црксл. *надѣ* рядом с *на*, *подѣ* рядом с *по*, *прѣдѣ* рядом с *прѣ-*), и возникает вопрос о происхождении этого -*дѣ*. Высказывали⁶ мнение, что это -*дѣ* произведено от глагольного корня *dhē-*. Но происхождение этого предложного суффикса (притом,

⁵ [Auctora eksemplārā: denn, ja //]

⁶ Так, напр., Jagić Das Leben der Wurzel *dē* in den slawischen Sprachen и Даничић Основе српскога или хрватскога језика 5.

по-видимому, уже на славянской почве) из глагольного корня я считаю невероятным. Другие видят в этом *-dъ* особую частицу. Так, Фортунатов (*Sâmvêda-âraṇyaka-saṃhitâ* 83⁷) сравнивает *-dъ* с лт. *-d* (*red-, sed, prod-* и др.), пр. *-dau* (напр., *pansdau* «затем»), скр. *-dha* (в *sadha-*); и Мелье (*Du genre animé en vieux-slave* 43 и *MSL IX* 157) прямо отождествляет *-dъ* с гр. *-θα*, возводя, ввиду гр. *θεν*, слав. *-ъ* и гр. *-α* к «*n sopans*». Погодин же (*Следы* 210) возводит *-dъ* (предлогов *надъ*, *прѣдъ*, но не *подъ*) к *-do* и сопоставляет это *-do* с лт. *en-do*, дрврхн. *za* и др. Славянское *-ъ*, правда, различного происхождения, но объяснение его из *-o* или из «*n sopans*» для меня вполне невероятно; кроме того, и гр. *-α* в *-θα* может и не восходить к «*n sopans*». Происхождение же и первоначальная форма латинского *-d* вполне загадочны; скр. *-dha* может соответствовать гр. *-θε* (напр., в *πρόθε*; так Brugmann *KVG* § 587), и в вокализме оно не совсем сходится со слав. *-dъ*. Прусскому *-dau*, наконец, которое сравнивается также со слав. *-du* (напр., црксл. *кѣду*, *всѣду* и др.; *Berneker Pr. Spr.* 148), предшествует, за исключением форм *stwendau* и *quendau*, еще *s* (напр., *pirsdau* «перед»). Ввиду всего этого я считаю более вероятным мнение, по которому формы на *-dъ* представляют собою славянские новообразования. В этом духе высказывается Zupitza (*Die german. Gutturale* 201 слл.): он (и затем также Hirt *BB XXIV* 255, Pedersen *KZ XXXIX* 433 слл.) сопоставляет герм. (напр., // древнесакс.) *gat* «Loch», гр. *χόλαρος*, скр. *hadati* «сасат» с црксл. *задъ*, *задъ*, *зади* и видит в предлоге *за* (из **zōd*) местный пад. основы на согласный. Далее Zupitza высказывает предположение, что по образцу отношения *задъ* : *за* возникли *надъ*, *подъ* и др. рядом с *на*, *по* и др. Но *задъ* употребляется в качестве предлога только в южнославянских наречиях (в болг. и словинск.), между тем как *надъ*, *подъ* и **perdъ* являются общеславянскими предлогами. Затем, и вокализация славянских форм (*ō*) не говорит в пользу их родства с указанным глагольным корнем. Наконец, вряд ли правильно отделять слав. *за* от лит. *ažù* из *ažuo* (ср. § 3). Поэтому я предпочитаю мнение Брандта, изложенное в *РФВ XXIII* 301. Брандт (а затем и Погодин *Следы* 203), в противоположность Миклошичу (*Etym. Wrth.* 253 слл.), производит предлог *подъ* от существительного *подъ* (= лит. *pādas* «подошва», лат. *pads* «глиняный пол» *Etn. IV* 162). Существительные же слав.

⁷ [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1440 //]

podъ, лит. *pādas*, лат. *pads* не сложились, как полагает Bugge RVrV XIII 177, из предлога *po* и глагольного корня *dhē*, но родственны с гр. *πέδον*, скр. *padá-m* «след» и др. (ср. Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 79).

Что предлоги происходят из существительных, это — известное явление. Так как лит. *põ*, лат. *pa* имеют, между прочим, значение «под», то позволительно думать, что когда-то и слав. *po* имело значение «под». Но *po* имело и разные другие значения, и это обстоятельство⁸, по-моему, вероятно, и содействовало возникновению и распространению предлога *podъ*. А затем, говорит Брандт, вследствие сопоставления предлогов *po* и *podъ* в народном сознании *-dъ* стало считаться предложным суффиксом, посредством которого затем были произведены предлоги *надъ* и **perdъ* от *na* и **per-*. По образцу мнимого отношения предлога *po* к сущ. *podъ*, вероятно, возникло сущ. *задъ* рядом с предл. *за*. //

О ВОКАЛИЗМЕ ПРУССКИХ ПРЕДЛогов

§ 2. В правописании прусских предлогов, с которыми 6
ниже сопоставляются разные лат. предлоги, заметно колебание между *e* и *a*, с одной стороны, и между *a* и *o* — с другой стороны. Колебание между *e* и *a* видим в предлогах *en* (= лат. *ie-* из **en-*) и *an*, *prei* (= лат. *prie-*) и *prai*, *esse* и *assa*, *et-* и *at-* (= лат. *at-*), *per* и *par*, *sen* и *san-* (= лат. *suo-* из **san-*), *eb-* (или *ep-*) и *ab-*. Колебание ли это правописания или же самого произношения? Беценбергер (ВВ XXIII 296) указывает склонность видеть тут колебание самого произношения, утверждая, что пр. *an*, может быть, следует отличать от *en* и сопоставлять с гр. *ἀνά*⁹, что пр. *at-* сходится с лит. *at-*, слав. *отъ*, между тем как пр. *et-* может соответствовать гот. *id-*, и что *ep-* (*eb-*) сходится с гр. *ἐπί*, между тем как *ab-* соответствует слав. *объ*. Другие же полагают, что в действительности прусскому языку были свойственны только формы с *e* или же только формы с *a*. Так, Мелье (MSL IX 49 и, по-видимому, также Бернекер Pr. Spr. 131) полагает, что пр. *an* (рядом с *en*) столь же мало говорит в пользу древнего *a* (*o*), как, напр., *gannai* «жены» (рядом с *gennai*).

⁸ По подобной причине, ср. ниже § 11, лат. предлог *ap* «под» был заменен формою *apakš*, произведенною от существительного *apakša*.

⁹ Безо всякой оговорки сопоставляет Uhlenbeck (Die lexical. Urverwandtschaft des Baltoslav. u. Germ. 34) пр. *an* с цркл. *въ*, гот. *ana*, гр. *ἀνά*.

7 Паули же (KSB VII 216 слл.) говорит, что первоначально пр. язык знал, напр., только форму *ap-* и что из этого *ap-* затем в проклитическом положении получилось *ep-*. Если я верно понимаю мнение Паули, то он полагает, что неударяемое *a* в действительном произношении перешло в *e*. Но в таком случае остается непонятным, отчего в одном и том же памятнике одна и та же форма является то с *a*, то с *e* (напр., асс. s. *absignasnen* Enchir. 76, *ebsignāsnan* 84). По-моему, скорее можно было бы думать, что неударяемое (и беззвучное) *a* часто производило на немцев, плохо владевших пр. языком, акустическое впечатление гласного *e*; для этого имеем несомненные примеры (пом. s. *stes* вместо *stas* и др., ср. Berneker Pr. Spr. 143). Но, как указывает Бернекер, *e* вместо неударяемого *a* пишется довольно редко (только // во втором катехизисе часто встречаем такое *e*); между тем указанные предлоги в большинстве случаев пишутся с *e*. Ввиду всего этого я считаю более вероятным мнение (Мелье, Бернекера), по которому пр. предлоги *en* (*an*), *prei* (*prai*), *eſse* (*assa*), *et-* (*at-*), *eb-* (*ab-*) в действительности произносились всегда с *e* (о предлогах же *sen* : *san-*, *per* : *par* ср. ниже ла. *sa-*, *par*). Как видно из частых случаев появления *a* вместо этимологического *e*, пр. *e* было весьма открыто (ср. Joh. Schmidt KZ XXIII 345 слл. и Berneker Pr. Spr. 128 слл. и 250; звук средний между *e* и *a* встречается, напр., в разных верхнелатышских говорах). И чаще всего эти предлоги пишутся с *a* в первом катехизисе, где и в других словах чаще пишется *a* вместо *e*. Поэтому следует думать, что формы с *a* представляют собою только орфографические варианты к формам с *e*.

Колебание между *a* и *o* мы видим в предлогах *pa-* и *po-*, *pa* и *po*, *pra* и *pro*, причем гласные этих предлогов иногда снабжены знаком долготы, так что приходится установить не только этимологическое значение, но и количество гласных. О количестве будет речь ниже (во II ч.), где говорится о количестве гласных в ла. и лит. предлогах; теперь скажу только, что, по моему мнению, гласные указанных пр. предлогов были, вероятно, то долги, то кратки, в зависимости от определенных условий. Прусское *ā*, как известно, восходит к индоевр. *ā* и *ō*, и, по всей вероятности, это было закрытое *a*, так как оно иногда передается посредством *o*. В Эльбингском словаре является *o* вместо *a* нередко и в коренных словах, особенно после губных и гортанных (Berneker Pr. Spr. 253). В трех же катехизисах, кажется, только неударяе-

мое *a* некоренных слогов (за исключением причастия *enkopts Enchir.* 15, 31, 91, *encops* кат. I, *enquoptzt* кат. II; ввиду лит. *kāpas*, ла. *kapāt*, слав. *конати* Бернекер, Pr. Spr. 143, по-видимому, правильно утверждает, что *o* тут представляет собою краткий гласный) иногда передается посредством *o* (примеры дает Бернекер Pr. Spr. 143). Так как предлоги часто являются без ударения, то, вероятно, и пр. *po*, *no*, *pro*, по крайней мере в части случаев, имеют *o* вместо неударяемого (весьма закрытого) *ā* (таково мнение Паули KSB VII 221 и 224 и Бернекера Pr. Spr. 143). Что же касается долгих гласных в этих предлогах, то для определения // их этимологического значения мы должны установить судьбу индоевр. *ā* и *ō* в пр. языке. В литовско-латышском индоевр. *ā*, вероятно, еще сохранилось, а затем из этого *ā* получилось *ō* (разного качества) в большинстве литовских и в части латышских говоров. А из индоевр. *ō* получилось в литовском и латышском *uo* (которое в части говоров подвергается дальнейшим видоизменениям). В прусском же индоевр. *ā* и *ō*, по-видимому, совпали¹⁰ в один звук, вероятно, в долгое *ā*. В говоре Эльбингского словаря это долгое *ā* сохранилось и передается то через *o*, то через *oa*¹¹ (ср., напр., *woasis* = ла. *uosis*, лит. *uosis* «яшень» и *noatis* = ла. *nātre* «крапива» и др., Berneker Pr. Spr. 254 сл.). А в наречии, которое лежит в основе катехизисов, долгое *ā* после губных и гортанных перешло через *ō* в *ū*, а в другом положении стало звуком более открытым, который обыкновенно передается посредством *ā* (*a*), но иногда, кажется, также посредством *ō* (*o*). Так как исключительно *ō* пишется в словах *tickrōms*¹² Ench. 11, *tickrōmien* 15, 91, *tickrōmai* 30, *tickrōmiskan* 9, 16, 18, 31, *perōnin* 37, 63, 70, 88, *peronin* 66,

8

¹⁰ В этом отношении, как и в передаче индоевропейских интонаций и палатальных *k*, *g*, *gh*, пр. язык является переходным наречием от литовского к славянскому.

¹¹ Бернекер Pr. Spr. 255 неосновательно думает, что *oa* вместо *o* является «unter dem geschleiftten Top» (который, кстати сказать, играет вообще слишком большую роль в его книге и чуть ли не представляется какою-то чудотворною силою): в пользу этого можно привести всего одно (и то заимствованное) *ploaste*: лит. *plōštė*; в прочих случаях, где интонация нам известна, прусскому *oa* соответствует или в ла. и литовском или только в латышском акутованный гласный, ср. *woasis*, лит. *uosis*, ла. *uosis* (с прерывистою интонацією), *woaltis*: лит. *uolektis*, ла. *uolekts* (с прер. инт.), *noatis*: ла. *nātre*, *moazo*: ла. *māsa* «сестра» (откуда взял Бернекер лит. *mōša?*), *soalis*: ла. *zāles* (в литовском же *žolės*).

¹² [Autora eksemplārā: (ge)recht //]

perōnien 75 (2 раза), 88, *perōni*¹³ 70, *perōniskan* 17, 70, 92, *peroniskan* 77, *perōnisku* 39, *perroniscon* кат. I, *perronisquan* кат. II, то трудно считать появление *ō* тут случайным. Я полагаю поэтому, что долгое *ā* перед носовыми стало настолько закрытым, что могли передавать его посредством *ō*. Насколько знаю, нет форм, которые бы решительно противоречили этому. В таких случаях, как *dat. pl. gennāmans, ā*, может быть, восста-//новлено под влиянием тех падежей, где за *ā* не следует носовой звук; то же самое следует сказать о I *pl. waitiāmai*, и *postānai, postānimai* стояли под влиянием *postāt, postātwei, postāsei* etc. И если форма *nom. s. rāms*, которая встречается всего один раз (Ench. 51), верно имеет знак долготы, то *rāms* может соответствовать по количеству гласного не лит. *romūs* (как полагает Бернекер Pr. Spr. 151), но лит. *ramūs*, ср. пр. *tāns* «он» из **tanas* (Фортунов BB XXII 176). — Что же касается предлогов *no, pro, po*, то их *o*, если оно долго (о чем говорится ниже), или возникло в проклитическом положении, или первоначально перед начальным носовым следующего слова (напр., *pōmien* Ench. 95) и затем было обобщено, подобно тому как в кашубском *zò* и *nò* (ср. Сборник статей, посвящ. Ф. Ф. Фортунатову 564). — Я должен, однако, здесь еще упомянуть, что, по мнению некоторых ученых, пр. язык различает еще индоевр. *ā* и *ō*. Так, Zubatý полагает (BB XVIII 245), что в прусском *ō* перешло в *ū* (> *ou*), и считает пр. *dāt* (= лит. *dūoti*, лат. *duot*) «дать» заимствованным из славянского. Его аргументацию, однако, уже опроверг Бернекер Pr. Spr. 149 слл. Сам же Бернекер, который в своей *Die preußische Sprache* защищает мнение, что в прусском индоевр. *ā* и *ō* совпали в один звук, впоследствии (AfsI Ph. XXV 476) присоединяется к учению Фортунатова (BB XXII 163 слл.), который (а за ним и Поржезинский К истории форм спряжения в балт. языках 7) полагает, что акутованное *ō* в прусском перешло в *ū* (> *oū*), а циркумфлексованное *ō* сохранилось. Но примеры для *ū* (*oū*) из *ō* также, по мнению Бернекера AfsI Ph. XXV 476, не имеют доказательной силы, а о формах *perōni, tickrōms, no*, которые считаются доказательством для правила о сохранении циркумфлексованного *ō*, я уже выше говорил. Кроме глагола *dāt*, я считаю доказательством своего мнения также окончание I *sing. -a* (напр., *as imma* = лит. *imū* из **imuo* «беру»). Бернекер (I. с. 477) и Зубатый (IF Anz. XVI 51) выска-

¹³ [Autora eksemplārā: gemeinde //]

зывают предположение, что пр. формы I лица ед. ч., как *imma*¹⁴, в сущности, может быть, представляют собою формы III лица, ошибочно употребляемые немецкими пере-//водчиками вместо форм I лица ед. ч. Но это для меня вполне невероятно, так как для прочих форм лиц и чисел несомненно являются верные формы (ср. также I sing. *asmu*) и так как ввиду всего изложенного и следовало ждать окончания *-a* для I лица ед. ч.

*àiz (az, āz)*¹⁵

§ 3. Предлог этот теперь имеет форму *àiz* во всех, кажется, верхнелатышских¹⁶ говорах и во всех нижнелатышских говорах Лифляндии и большей части Средней Курляндии, а вследствие этого и в литературном языке. В Гросс-Эзерне, по указанию Биленштейна LSrg. § 540, этот предлог произносится «почти» как *aiž*. Если это верно (я сам знаю только форму *āz* из этого говора), то в переходе *z* в *ž* или следует видеть литовское влияние (Гросс-Эзернский приход граничит с литовскою територіею), или (Биленштейн сообщает форму *aiž* вне связи) *aiž* стоит вместо *aiz* только перед *j* и смягченными согласными, о чем буду говорить во II ч. В говорах же западной Курляндии вместо *aiz* употребляются формы *az* или (чаще) *āz* (*āz* или чаще *āz*¹⁷). При этом в одних говорах и предлог, и префикс имеют форму *az* или же *āz*, в других же говорах предлог имеет форму *az*, префикс же форму *āz*-. Предлог иногда в одном и том же говоре произносится и *az*, и *āz*. Следующая таблица показывает географическое распространение отдельных форм (причем замечу, что *āz* я пишу там, где интонация в моих записях не обозначена, и что из некоторых говоров я знаю только или форму предлога, или форму префикса):

āz- : *az* — Амботен, Сарнатен, Вензау, Пильтен, Газау, Бринкерс-Педвален¹⁸./

¹⁴ На объяснение же, данное Поржезинским для окончания *-a*, я смотрю так же, как Бернекер (l. c.) и Зубатый (l. c.)

¹⁵ [Autora eksemplārā: *āziet* Bixten // Elgers: prandium *ayzaeda layks* // *āzaid*s RKr. 16 263 // Abhandl. d. sächs. Ges. d. Wiss. 22, 116; Buga I 115 //]

¹⁶ Найденные мною в верхнелатышских текстах формы *azherka* (Вольтер Мат. 311) и loc. s. *aceptē* BW 1033, 2 (об исчезновении *z* перед *s* говорится во II ч.), вероятно, ошибочно записаны или напечатаны, так как из других верхнелатышских текстов я знаю только форму *aiz*.

¹⁷ Следует заметить, что говоры, из которых я знаю *āz*, более не различают нисходящей от прерывистой интонации.

¹⁸ [Autora eksemplārā lappuses apakšā: (*rudzu, kvišu*) *ōzbōrs* «крупа», *ōzul'a* (= *azūts*) inf. (Kaunata) // *ōzbors* Korsova, Zb. XVI, 208 //]

- 11 *āz-* : *az* — Грезен, Вибинген, Нидер-Бартау¹⁹.
āz : *az* — Крутен, Калетен, Нигранден, Тадайкен, Турлау.
āz- : *az* или *āz* — Прекульн.
âz- : *âz* — Шнепельн, Броцен.
āz- : *āz* — Клейн-Граммден, Гавезен, Иллиен, Дубеналькен, Виргинален, Газенпот, Рудден, Фрауэнбург, Каргадден.
az- : *az* — Зурс, Попен, Пуссен (здесь также *aiz-*), Таргельн (в этом приходе префикс произносится также *āz-*).
az — Ротгоф²⁰, Липстгузен (здесь уже также *aiz-* : *aiz*).
âz — Гросс-Эзерн.
āz — Спарен, Обер-Бартау (здесь также *az*).
āz- — Ремтен.
âz- — Ланен, Сессилен, Шеден, Дурен, Гриккен, Блиден, Альшванген, Шлек, Стенден.
āz- — Рутцау, Строкен, Лигуттен, Цирау, Липпайкен, Паддерн, Рудбарен, Сатинген, Гайкен, Лутринген, Ошенекен, Ирген, Вормен, Кабиллен, Сакенгаузен, Феликсберг, Эдвален, Иванден, Гольдингён, Нидден²¹.
az- — Донданген (но по Lett. Di.-St. 54 и 165 и LP VII 1, 109 *āz-* : *āz*); теперь также *aiz*. К этому следует еще прибавить указания, данные Бецценбергером Spr. d. pr. L. 32 и 117.

Но под влиянием литературного языка, который читается в книгах и газетах и которому обучаются в школах, теперь и в этих только что упомянутых местностях начинает (как отчасти уже указано) распространяться форма *aiz* и вытеснять собою формы *āz* и *az*. Так, в Анцене и Альт-Жвардене нам говорили, что теперь уже только старые люди еще употребляют форму *az* (Анц.) или *āz-* (Альт-Жв.).

- 12 Для определения географического распространения форм // этого предлога я помещу здесь еще список местностей западной Курляндии, из которых мне известна только форма *aiz*: Вайноден, Паурен, Маткульн, Ванен, Замитен, Нейен-

¹⁹ По сообщению же Спрингиса Etn. II 154, в Нидер-Бартау также предлог произносится *āz*.

²⁰ Здесь, по BW 7448, и префикс *az-*.

²¹ Также в Стургофе — по Mag. XIII 1, 13, и в Кевельне — по LP VI 924, и в Пузенекене — по Lett. Di.-St. 165.

бург, Альт-Аутц, Ангермюнде, Угален, Вандзен, Ногаллен, Лайдзен, Нурмгузен, Тальсен, Постенден, Адзирн, Кандау, Зельгербен (также по Etn. IV 60), Ламминген, Пурен; ср. также указания Беценбергера Lett. Di.-St. 165. Но не следует думать, что в только что упомянутых местностях в самом деле теперь знают только форму *aiz-*; в некоторых (наиболее западных) из них, может быть, употребляется еще и *āz* (*az*), особенно в устах старшего поколения, а в разговоре с чужими людьми, способные на это, нередко намеренно скрывают свои диалектические особенности. По сообщению Билештейна (LSrg. § 540), префикс *āz-* распространен дальше к востоку, нежели предлог *āz*. В старину, как видно из текстов XVI и XVII столетий, представляющих один из среднелатышских говоров Курляндии (ср. Apskats I 252 слл.), формы *āz* и *az* были еще далее распространены. А именно, в текстах XVI ст. префикс всегда имеет форму *aiz-* (форма *aBledtze* «запер» Kat. 26, 11, вероятно, опечатка), предлог же — форму *āz* (пишется *aef*, встречал я, впрочем, этот предлог только в сочетании *āztuo* «ибо»). В памятниках же XVII ст. встречаем и предлог, и префикс *āz*, напр.: *aes touwe lele gode* «из-за твоей великой чести» Psalmen² 5, *āz aušu* «за уши» Mancelius Phras. cap. V (там же встречается также *aiz-*), *āzsmacis* «охрипший» *ibidem*, *asmirssu* «я забыл» *ibid.* cap. III (следует, вероятно, читать *āzmirsu*, ср. *ibid.* cap. IV *ada* вместо *āda* «кожа»), *ahswefts* «увезенный», *ahsbrauz* «уезжают», *asflehd*s «запирают» (вероятно = *āzslēdz*; Lett. geistl. Lieder u. Psalmen 1671 г.). Я уверен даже, что когда-то в латышском знали только форму префикса и предлога *az*. В пользу этого говорят, с одной стороны, формы лит. языка (как сейчас увидим), с другой стороны, сложная форма *azuots*²² «пазуха» (где *-uots* = лит. *añtis* «пазуха»), которая, кажется, свойственна и теперь еще всем латышским говорам, и // таким, которые теперь употребляют в прочих случаях только *aiz-*, и таким, которые в прочих случаях употребляют только *āz-* (так, напр., в газенпотском говоре стоят рядом *azuote* и *āzkrāsne* «запечек»). Сохранение *az-* в этом слове объясняется тем, что несложная форма **uots* вышла из употребления, а вследствие этого перестали видеть в *azuots* префикс *az-*. Такое древнее *az-* Беценбергер (BB XXI 316) склонен видеть также в ла. *azaid*s (по Ульману «Mittags-

13

²² Вольтер (Lit. Mitt. IV 179) приводит из наречия виленских литовцев вполне соответствующую форму *azuñcis* из* *ažañtis*.

mahlzeit», а по «Латышско-русско-немецкому словарю» 1879 г. «завтрак, полдник»), сопоставляя его с лт. *idus*; но так как первоначальное значение и латышского и латинского слова неизвестно, то можно сомневаться, содержит ли вообще форма *azāids* префикс *az-*. Формы же *āz* и *aiz* следует считать ла. новообразованиями как ввиду старинной формы *azuots*, так и ввиду отсутствия сходных форм в родственных языках. О возникновении *āz* рядом с *az* будет речь ниже во II ч. А каким путем из *az* получилось *aiz*, на этот вопрос вполне удовлетворительного ответа я не могу дать. Может быть, что это произошло следующим образом. В некоторых сочетаниях префикс *aiz-* (прежде *az-*) или вполне, или почти равносильен по значению префиксу *iz-*, напр. *aizbēgt* или *izbēgt* «убежать», *aizgājuša* или *izgājuša nedēļa* «прошлая неделя», *aizgōja* или *izgōja šei vosara* BW 6070, 8 «прошло это лето». Затем, принимая во внимание значение лит. предлога *iš* (Kurschat Gr. § 1448) и слав. *iz* (= из-за, вследствие), можно думать, что когда-то и ла. предлог *iz* имел подобное значение²³, а в таком же (каузальном) значении употребляется еще теперь предлог *aiz* (ср. ниже § 4). Вследствие этого, быть может, произошло смешение форм *az* и *iz* и возникла новая форма *aiz*, подобно тому как вследствие смешения предлогов *pi* и *pēs* возникло новообразование *pic* (о чем говорится ниже)²⁴. И эта новая форма *aiz* затем в большинстве ла. говоров вполне вытеснила форму *az* (за исключением формы // *azuots*). Латышскому *az* и по значению, и по форме вполне соответствуют лит. формы: *ažuo-*, *ažū-*, *ažu-*, *až-*, *až(ū)*. В настоящее время эти формы, кажется, употребительны только еще в восточнолитовских говорах. Префикс *ažuo-* и *ažū-* слагается теперь только с существительными, напр. *ažúostogė*, *ažúomarša*, *ažústatė* и др. (восточнолит. нар. Ков. губ., Барановский Зам. 63); но форма *ažuo-t* (Межинис) «вместо» показывает (ср. Zubatý IF VI 280, Bezenberger ВВ XXVII 159), что когда-то существовал и предлог **ažuo*. Префикс же *ažu-* слагается и с существительными, и с глаголами, напр. *ažūsakaū*, *ažūpakalys*²⁵ (восточнолит. нар. Ков. губ.,

²³ Ср. также албанское *iθ* «за» (= н. hinter).

²⁴ На примеры подобного смешения предложных форм в слав. указывают Бодуэн де Куртенэ (Оп. фонет. резьян. гов. 110) и Брандт РФВ XXII 136. Так, быть может, также п. и чеш. *ku* рядом с *k(e)* возникло путем контаминации форм *k(e)* и *u*.

²⁵ *ū* здесь полудолгое *u*, которое в этом наречии получается из краткого *u* под ударением.

Барановский Зам. 63); другие примеры Ап. 242 (здесь 138, 206, 207 и др. также *až-*), Юшкевич, нар. п. № 7, Lit. Mitt. IV 175, 178 (из Ошмянского у. Вил. губ.; здесь 175 и 179 также *až-*). Вместо *ažu-* встречается также сокращенная форма *až-*: кроме уже указанных мест ср. еще Даукша Кат. 155 (из Свенянского у. Вил. губ.), Geitler Lit. St. 24 (из Новоалександровского у. Ков. губ.). В качестве предлога употребляется или *ažù*, ср. Даукша Кат. 156 (из Свенц. у.), Lit. Mitt. IV 183, 184, 185 (из Ошмянск. у.; здесь 175 также *až*), Барановский Зам. 63 (здесь перед гласными *àž* вместо *ažù*), или *až*, ср. еще Даукша Кат. 165 и Geitler Lit. St. 24 (в обоих местах из Новоалександровск. у.). В старину употребление *ažù* было дальше распространено: *ažù* (*ažu-*) встречается²⁶ не только в памятниках восточнолит. наречия, как напр. у Ширвида (ср. PS XLV), в катехизисе 1605 г. (LChg. 59, 60), в катехизисе 1677 г. (LChg. 91, 92), в требнике 1765 г. (Lit. Mitt. V 301), но также у Виллента (EE 9, 18 и 28, 5), писавшего на одном из северных говоров Прусской Литвы (ср. Bechtel, введение XCVI слл.). В говорах не восточнолитовских *až(ù)* теперь повсюду, кажется, вытеснено формою *už(u)*, о чем ср. ниже под *uz*. А в говорах восточнолитовских, по крайней мере в части их, по указанию Мелье (MSL XI 184; относительно языка Ширвида и катехизиса 1605 г.) и Барановского (Зам. 63; относительно восточнолит. нар. Ков. губ.), соблюдается в употреблении форм *až(u-)* и *už(u-)* почти такое же различие, как между ла. *az* (*aiz*) и *uz*. Из приведен-//ных лит. форм самую древнюю следует считать *ažiuo-*, откуда (вне сложения) правильно получается сокращенная форма *ažù* (о возникновении же формы *ažù-* рядом с *ažù-* ср. II ч.), а из *aži*, наконец, сокращено *až* (так, вероятно, и ла. *az* восходит через **azi* к **aziuo*).

15

С лит. *aži*, ла. *az* Мелье (MSL IX 54 слл., X 142, XI 183 слл., XII 423 и 425, Esquisse 17) сопоставляет пр. *esse*, сл. *za*, гот. *ga-*, арм. *z-*; эту этимологию признает Uhlenbeck (Etym. Wrthb. d. altind. Spr. 84; Etym. Wrthb. d. got. Spr. 52), а Hübschmann (Armen. Gramm. I 446) считает ее возможною, но сомнительною. Что касается слав. *za*, то и я уверен в родстве его²⁷ с лит. *ažiuo-*, ла. *az*: значение их тождественно, и что касается формы их, то лит. *ažiuo-* : слав. *za* = гр. *ἀνω-* : слав. *na*. Также в литовском, по-видимому, находим краткую

²⁶ [Autora eksemplārā: auch Bystroñ //]

²⁷ Иначе, но, по-моему, неправильно Zupitza, ср. выше § 1.

форму *žu-* (из **žuo*): *žustaisk* (2 раза) «закатывайся» Даукша Кат. 166 (из Лидского у. Вил. губ.)²⁸. Возможность родства пр. *esse* (*assa*, ср. выше § 2) с лит. *ažù*, ла. *az* я допускаю, но считаю ее крайне сомнительною, так как мы не знаем ни точного произношения (*ss* может обозначать и *s*, и *z*; неясен и вокализм), ни собственного значения пр. формы. Прусская форма обыкновенно передает нем. *von* (в различных его значениях, так что возникает сомнение в правильности перевода) и только раз (Ench. 37) нем. *aus* (но и тут *aus* почти равносильно по значению форме *von*). Наконец, два раза встречаем также форму *es*: *es Deiwan* «aus Gott» (Ench. 82; в следующей строке стоит: *esse Deiwan* «von Gott»; так что можно думать, что *es* стоит здесь по ошибке вместо обыкновенного *is* «aus»), *es teinu* «von pin an» (Ench. 87; по мнению Нессельмана, Thesaurus 40, и здесь *es* стоит вместо *is*). Бернекер (Pr. Spr. 161 и 289) и Бругман (KVG § 598) сближают пр. *esse* с гр. $\xi\zeta$, лт. *ex*, галльск. *ex-*; но против этого говорит, кажется, пр. *is* «aus». Итак, о происхождении пр. *esse* ничего определенного я не могу // сказать. То же самое следует сказать об арм. *z-*, гот. *ga-*; в готском *ga-g* может и не восходить к индоевр. палатальному *gh* (а спирант славяно-балтийских форм может восходить и к индоевр. палатальному *g*), и какой гласный был при арм. *z-*, не знаем. А по значению арм. *z-*²⁹ мало сходится со славяно-балт. формами, и в употреблении гот. *ga-* я не вижу ничего общего со значением славяно-балт. форм. Арм. *z-* Bartholomae (ср. IF Anz. X 45) сближает с греч. $\epsilon\iota\varsigma$ из * $\epsilon\iota\varsigma$, и Pedersen (KZ XXXIX 433 слл.) отождествляет это *z-* с арм. *ast*, возводя их к **posti*³⁰. Если бы Мелье все-таки был прав, то спирант славяно-балт. форм восходил бы к индоевр. палатальному *gh*. Prellwitz же (BB XXIII 67) сопоставляет со слав. *za* гр. $\gamma\omega$ - в $\gamma\omega\rho\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ «футляр для хранения лука» и $\acute{\alpha}\gamma\alpha$ - в $\acute{\alpha}\gamma\alpha\lambda\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\acute{\alpha}\gamma\alpha\pi\acute{\alpha}\omega$ и др.; но и это весьма сомнительно.

Наконец, я укажу на то, что Соболевский (РФВ XVII 215 слл.) отождествляет (пр. *assa* и) лит. *aži* с префиксом *oz-*, который встречается в некоторых польских и русских говорах; по-моему, это неверно. Так как п. *oz-* по значению вполне тождественно с *roz-* и ни в чем не сходится с лит. *aži-*, то,

²⁸ Что же касается формы *žógana* (рядом с *užúo(wa)gana*, ср. Bezzenberger BB XXI 315), которую приводит Бещенбергер Lit. Forsch. 193, то она (если действительно встречается, ср. I. с.), вероятно, возникла под влиянием слав. *загонъ* (ср. Zubatý Böhm. Sitzungsber. 1901 г. № VII 7).

²⁹ [Autora eksemplārā: $\pi\epsilon\rho\iota$ //]

³⁰ [Autora eksemplārā blakus šim vārdam pierakstīts: «selon»]

на мой взгляд, правы те ученые (ср. 1. с.), по мнению которых *oz-* образовалось из *roz-* путем диссимилиации в словах с *r* (и *l*) в корне. Правда, *oz-* встречается и в словах, не имеющих в корне плавного, но можно думать, что *oz-*, возникшее в словах с *r* (и *l*) в корне, впоследствии было перенесено и на слова, не имеющие в корне плавного. Русское же *оз-* в приведенных Соболевским формах, по-моему, стоит вместо *воз-* (насколько формы, приведенные из древнерусских памятников, вообще не описки, и насколько в них вообще заключается префикс *оз-*, а не *о-*), ср. колебание между *осемь* и *восемь*, *острый* и *вострый*³¹ и др. В примечании Соболевский еще приводит болг. *озгоре* «сверху»; в словаре Дювернуа кроме того дается *оздбле* «снизу», и также в сербском имеются формы *ôzgor* «superne, supra» и *ôzdb* «infra». Но и это *оз-* по значению не имеет ничего общего с лит. *ažù* и знатоками болг. и серб. языков, вероятно, объясняется иначе (не получились ли формы как *озгоре* // из **o(ð)*-*згоре*, где *z-* из *cž*? ср. также серб. *ôstrâg* «ропе» : *strâga* «hinten, post» : *trâg* «vestigium»).

17

§ 4.³² Основное значение предлога *aiz* (*āz*, *az*) — «за» (в значении нем. *hinter*) : (на вопрос «где?») *aiz kalniņa meitas dzied* BW 318 «за холмом поют девушки», *aiz Daugavas mēlni meži* Спр. 13 № 7 «за Двиною черные леса», *az kalna* (Нидер-Бартау) «за горою», *āz upītes* (Газенпот) «за речкою», *az ups* (Сарнатен) «за рекою», *az upīts* (Пильтен, Газау), *az Ventņ's* (Зурс) «за р. Виндавою», *aiz papas gultu* (асс. s.; Луде) «за кроватью отца», *aiz kalniņu* (асс. s.; BW 2324, 2; 4347), *az up* (асс. s.; Таргельн, Попен, Пуссен, Липстгузен), *aiz klēt'* (асс. s.; Кёнигсгоф) «за клетью», *az kuoku*, *az kāpu* (ген. pl.; Нидер-Бартау) «за деревьями», «за дюнами», *āz vārtu* (ген. pl.; Дубеналькен) «за воротами», *aiz jūru* (ген. pl.; Zb. XVIII 378) «за морем» (ср. там же 379 loc. pl. *jiurōs* «в море» и лит. *jūrios* «море»), *tova māmeņa aiz treju atslāgu* BW 5179 «твоя матушка за тремя замками (ключами)», *aiz tūs mež* (ген. pl.; Вольтер Мат. 250) «за теми лесами», *aiz vārtiem* (Бауске) «за воротами», *aiz durīm* (Гросс-Вюрцау) «за дверьми», *cits aiz cita steidzas* (Вольмар) «один спешит за другим» (обыкновенно с пере-

³¹ Так, в древнерусском рядом с *возлѣ* также *озлѣ* (Срезневский Мат. для слов. др.-р. яз. II 635).

³² [Autora eksemplārā: *aiz pakška aizskriet* Ekau / *jābāž aiz muguras* Baldohn // *aizskriet aiz stūra* Baižkaln //]

носным значением «спешат вперегонку»); ср. лит. *ažū stāto* (Барановский Зам. 63; Lit. Mitt. IV 183) «за столом», *āž ūpēs* (Барановский Зам. 63) «за рекою»; (на вопрос «куда?») *muļķītis ... ielien priekšnamā aiz krāsns* LP I 111 «дурачок влезает в сенях за печь», *aizskriet aiz pakša* (Каугерсгоф), *pākša* (Линден), *pakšļa* (Экау), *pokška* (Зельбург) «побежать за угол», *āzskriet az pakša* (Вибинген, Тадайкен, Перкунен, Прекульн, Калетен), *pakšļa* (Турлау, Бринкерс-Педвален), *āz pakša* (Гавезен, Дубеналькен, Виргинален), *az stūra* (Крутен) «за угол», *aizskriet aiz sienas* (Бауске) «за стену», *aiz skēpa* (Сауссен, ВВ XIV 116) «за шкаф», *aiz mājas* (Каугерсгоф) «за дом», *aiz meža* (Вольмарсгоф, лицо А.) или *aiz mežu* (асс. s.; там же, лицо В.) «за лес», *aiz māju* (асс. s.; там же, лицо В.) «за дом», *aiz kūti* (там же, лицо В.) «за хлев», *az paks* (асс. s.) *skriet* (Липстгузен) «бежать за угол», *az kiēt* (Попен) «за клеть», *aiz tūs bārnu* (gen. pl.; Zb. XVIII 271) «за те dzieci», *aiziet saule aiz kuokiem* BW 3935 «солнце заходит за деревья». В предложении *nadūd' mani aiz azara* BW 9558 «не отдавай меня (замуж за чело-//века, обитающего) за озером» предлог *aiz* является еще с обычным местным значением, но в (известных мне только из верхнелатышских текстов и, по всей вероятности, заимствованных) оборотах *nadūd' mani aiz kal'vēiša*³³ Mag. XIV 2, 182 «не отдавай меня (замуж) за кузнеца», *aiz atraiša*³⁴ *es naišu* BW 9716, 3 «за вдовца я не выйду замуж» первоначальное значение предлога *aiz* более не создается; ср. лит. *nutekiedama ažu wiro* (Ширвид PS 91, 6) «выходя замуж», *ažu žalkčio* (Geitler Lit. St. 42) «(замуж) за змея». — На том же местном значении предлога *aiz* основано его употребление при глаголах со значением «держатъ, брать, хватать, вести, тащить, дергать»: *aiz valga*³⁵ *turēdama* BW 1843, 2 var. «держатъ за привязь», *bagātais saķer bēgli aiz skausta* LP I 109 «богатый схватывает беглеца за затылок», *kuo aiz astes nevar kalnā uzvilkt* (Трейланд Мат., загадки 518) «что за хвост на гору не втащишь», *ņemšu aiz matu* (Каугерсгоф) «возьму за волоса», *grābšu es tev āz aušu* (Mancelius Phras. cap. V) «схвачу я тебя за уши», *tu sagiun jū aiz motu* (Zb. XVIII 408) «ты chwyc ją za włosy», *tveriš koč aiz kfēpu munu* (Zb. XVIII 451) «chwyc się choć grzywy mojej», *kalps izvēd*

³³ Вместо *aiz* сущ gen. в таких оборотах обыкновенно является *dat.* без предлога, ср. BW 9503—9555.

³⁴ Вместо *aiz* обыкновенно *pie* сущ gen., ср. BW 9712—9716.

³⁵ Так же употребляется предлог *pie*, ср. BW 1843, 3, 5, 6.

lāčus aiz ausim LP I 78 «батрак выводит медведей (из хлева) за уши», *gailis dzied aiz zarnām raustāms* (Трейланд Мат., загадки 1568) «петух поет, коли его за кишки дергают»; ср. лит. *vienas jeme ažu runkos* (Lit. Mitt. IV 185) «один взял за руку», *ažu širdēs tvēria* (Ап. 21) «хватает за сердце». — В таком же смысле, как при представлении о пространстве, предлог *aiz* употребляется при понятиях времени: *āz pus-svētas svētdiena* (Виргинален; более употребительно в таких случаях *pēc*) «за субботою (следует) воскресеньем», *šū god marga, cit god sīva, aiz cit god mōmul'eņ* (Вольтер Мат. 236) «этот год девица, на другой жена, за тем годом мамочка»; явный полонизм (ср. Miklosich Vergl. Gr. IV 528) имеем перед собою в обороте (из инфлянтских евангелий 1753 г.) *aiz augstaju baznīckungu Annaša un Kaifaša* (LChr. 147): так передано польское *za najwyższych kaptanów Annasza i Kaiphasza*. // Предлог *aiz* присоединяется также к некоторым наречиям времени и сливается с ними в одно слово (имея на себе словоударение): *aizvakar* «третьего дня» (*vakar* «вчера»), *aizparit* «через два дня» (*parit* «послезавтра»), *aizpērn* «в запрошлом году» (*pērn* «в прошлом году»), *aizviņu nedēļu* «позапрошлую неделю» (*viņu nedēļu* «в прошлую неделю»); ср. лит. *až parit* (Даукша Кат. 165) «послезавтра»³⁶. — Местное значение предлога *aiz* в некоторых случаях переходит в компаративное: *augši dzied cirulitis aiz visiem putniņiem; dievam gudris pāduomiņš aiz šuo visu pasaulit'* RКг. V 217 «высоко поет жаворонок за всеми птичками (т. е. выше всех); у бога более мудрый совет, чем у всего этого света», *šūgod laba vasariņa aiz visām vasarām* BW 2681 «в этом году лето лучше всех лет», *izsaveice man darbiņš aiz visām māsiņām* BW 394 «у меня работа сошла с рук лучше, чем у всех сестер». Первый из приведенных примеров ясно показывает, в каких оборотах прежде всего развилось компаративное значение предлога *aiz*. Как Биленштейну (LSpr. II 290), так и мне такое употребление предлога *aiz* известно только из народных песен (более обычным в таком смысле является предлог *par*, ср. BW 4506 — 4508); лит. *ažu* (как и вытеснившее его *ūž*) в таком смысле (и с вин. пад.) встречено мною только³⁷ после сравнительной степени³⁸:

³⁶ Так переводит Вольтер; но, может быть, это лит. выражение равняется по значению латышскому *aizparit*.

³⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

³⁸ [Autora eksemplārā: *ūž cum pos.* // Лит. хрест. // 211, 26 // LP VI 592 // superl. // + II 138 // *aiz visām māsām tā skaistākā* LP 6, 592 //]

aukštesnis ažu dungu (Ширвид PS 87, 32) «выше неба»; в латышском же *aiz* с таким значением после сравнительной степени известно мне только из словаря Ульмана (под *aiz*): *Anna smukāka aiz Trīnas* «Анна красивее Трины»³⁹, из народных песен: *augšok dzid ģeiruteit's aiz* (там же: *par*) *visim putnējim* BW 2597, 1 «выше поет жаворонок, чем все птички», и из первелькского говора: *tas vīrs ir juo labs az vīņa* (BB XXVIII 273) «der Mann ist besser wie (т. е. als) jener». Сюда же присоединяется употребление предлога *aiz* при числительных в значении «больше», известное мне из инфлянтских текстов: *koč aiz kaidam syntam jiusu byutu* (Zb. XVIII 386) «žeby was bylo więcej niż sto», *aiz diw simti sazatašeja* (Zb. XVIII 388) // «przeszło dwie setki ich się zebrało»; ср. русск. *в колчане было за триста стрел* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 405). В других оборотах *aiz* locale обращается в *aiz* causale: *aiz kalniņa meitas dzied, aiz migliņas neredzēju* BW 318, 1 «за холмом поют девушки, (находясь, с точки зрения девушек) за мглою (из-за мглы) я не видел (их)». Ввиду того что первое *aiz* здесь сохраняет чисто местное значение, позволительно при параллельном положении обоих *aiz* приписывать в данном случае еще и второму *aiz* местное значение (как видно из моего перевода), но можно также уже считать «мглу» причиной, не позволявшею видеть. В других случаях первоначальное местное значение уже менее сознается: *miega dēļ, darba dēļ nevar manis nicināt; ja nicina, lai nicina aiz* (var.: *dēļ*) *mazā augumiņa* BW 6775 «из-за сна, из-за работы нельзя меня презирать; если презирают, пусть презирают из-за малого роста», *daža māmiņa raudāja aiz tā tava straujumiņa* RKг. V 38 «немало матерей плакало из-за твоей вспыльчивости», *es būtu skaisti padziedājse, aiz kundziņa nedrikstēju* BW 57 «я бы красиво попела, из-за барина не смела», *aiz tā skaista dziedājuma trīs rītiņi sieku mala* BW 687 var. «из-за того красивого пения (она) три утра молола один сек⁴⁰», *aiz lepnības nedziedāja, aiz barguma nerunāja* BW 826 «из-за гордости (она) не пела, из-за суровости не говорила», *as aiz lielas kliegšanas tīri aizsmēcs* BB XIV 116 «от большого крика я совсем охрип», *mās aiz vīņa (teviem или tevi) navaram tverties* BB XIV 116 «нам из-за него (тебя) некуда деваться», *aiz kuo ļaudis nedziedāja* BW 763 «отчего люди не пели», *aiz tuo* (acc. s.) BB XIV 116 «потому», *aiz tuo zaru*

³⁹ Ср. русск. *моя шуба лучше за твою* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 405).

⁴⁰ Сек (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

nenāk mani bāleliņi RKr. V 32 «из-за тех сучьев не приходят мои братцы», *aiz osoru parazynu sowa ... brōtetāņu* Mag. XIV 2, 180 «из-за слез я не узнала своих братцев», *es nevaru še dzīvuot aiz ļautiņu valuodām* Спр. 175 № 17 «я не могу здесь жить из-за сплетней людей», *aiz tiems ļaudiems nevarēja* Disp. 211 «proae turba non potuit».

Славянское *za*, как известно, получает также значение «вместо»: для ла. *aiz* с таким значением могу привести всего два примера⁴¹: *aiz māmiņas maltu gāju ne aiz // brāļa ligaviņas* BW 7935 «за матушку я шла молотить, не за жену брата»; *aiz manis ūdens strādā* (грамматика Стерсте II 39) «за меня работает вода». Ближе сюда подходит, впрочем, и следующий пример: *nūgōja jau tys duraks aiz ševa* Zb. XVIII 299 «poszedł już ten głupi za siebie» (ночевать у могилы отца; в две предшествующие ночи он там ночевал за своих братьев). О слав. *za* (= вместо) говорит Потт (Etymol. Forsch. I² 617 и сл.) следующее: «Während Lat. Gr. πρός, irz. pour, Deutsch für bei der Stellvertretung und bei dem Thun im Interesse Jemandes von einem räumlichen Vor ausgehen: hat der Slawe, umgekehrt, in dem *za* sein Augenmerk gls. auf den Hintermann geworfen, der, im Falle der Vordermann seine Schuldigkeit nicht mehr thun kann, in dessen Stelle (für ihn) einrückt... Der Substitut steht ja gls. hinter dem, welchem eigentlich die Handlung obläge». Это же самое, конечно, относится также к ла. *aiz* «вместо».

Наконец, встречаем выражение: *aiz savus parādus* Disp. 211 «pro suis debitis»; трудно, однако, сказать, действительно ли такое выражение взято из уст народа; ср. лит. *ažu pinigų wiso gali žmogus gaut* (Ширвид PS 138, 22) «за деньги человек все может достать», *ažū toky dārбу* (Барановский Зам. 63) «за такую работу», *ka tį Perunas aždaušt aš tai* (Lit. Mitt. IV 175) «чтобы тебя Перун убил за это!».

В качестве наречия употребляется сочетание *aiz vien(u)* «постоянно» (ср. малор. *za jedno* «in einem fort», Miklosich Vrgl. Gr. IV 411); встречается и дат. пад. в этом же сочетании: *aiz vienam* BW 1011, 1. Окончание *-am* появилось здесь, может быть, под влиянием того или другого наречия на *-am*, а вин. пад. (*aiz vienu*), может быть, обусловлен синонимным выражением *ar vienu*.

Итак, оставляя в стороне оборот *aiz kaidam syntam*, о котором не знаю, действительно ли он известен народному языку, можно сказать, что предлог *aiz* требует обыкновенно

⁴¹ [Autora eksemplārā: BW 17504 v. // *aiz manim* RKr. 17, 100 //]

род. падежа. Реже является вин. падеж, а именно в северо-западных говорах и на границе с эстонскою языковою областью, в других же говорах очень редко, притом без всякого различия в значении. Старые же грамматики (Adolphi, Lotavica Grammatica, Stender, Rosenberger) говорят, что на вопрос «где?» ставится род. п., а на вопрос «куда?» — вин. п.; но уже Hesselberg и Bielenstein заметили, что также на вопрос «куда?» является род. // п. (рядом с вин. п.). Насколько правильно утверждение старых грамматиков, об этом будет речь впоследствии.

§ 5. Существительные, сложенные с *aiz*, обозначают то (место или время), что находится или следует за тем понятием, которое выражается именем несложным, например: loc. s. *aizpurā* BW 376, 2 «в заболотье» (отсюда *aizpurietis* там же «заболотник»), *aizkrāsne* «запечек», loc. s. *aizvējā* «в заветерье», *aizgavēnis* U «Sonntag nach Fastnacht», loc. s. *azgalda* (Попен) «в перегородке», *āzugune* (Дубеналькен) «место за очагом». Ср. лит. *ažūpakalys*, *ažūgavenios*, *ažūstatė*, *ažūovėja* (Барановский Зам. 63).

В сложении с прилагательными *aiz* обозначает слабое проявление качества, но мне известен всего один пример из словаря Ульмана: *aizkurls* «ein wenig taub, halbtaub»; ср. чеш. *zakyslý* «säuerlich» (Miklosich Vrgl. Gr. IV 206).

ap

§ 6. Как в качестве предлога, так и в качестве префикса в латышском теперь употребительна только форма *ap*. Встречающаяся в инфлянтских текстах (рядом с более частым *ap*) форма *ab*⁴² (напр., *abraudžēitu* «навестить») Mag. XIV 2, 174; *ab ūtru* «о другом» Вольтер Мат. 244, *ab maņi aprunōja* «меня оговаривали» 257), вероятно, представляет собою видоизменение обычного *ap* под влиянием русского *об*.

В прусско-лит. литературном языке соответствующий предлог имеет форму *apie* (*ie* с восход. инт.). Но в живом народном языке *apie*, кажется, имеет ударение на *ie* только перед неударяемым слогом; а перед ударяемым слогом является или *apie* без всякого ударения, если предшествует ударяемый слог, или же *àpie* после неударяемого слога. Так, читаем, напр., в Märchen Юркшата: *apie jo prādze* 51 «von dessen Ursprung», *kalbēt apie lēkiantį laiwa* 27 «von einem fliegenden

⁴² [Autora eksemplārā: prt. *abuovu* Kaunata //]

Schiffe zu reden», *pāsaka àpie 'Ansq* 75 «Erzählung von Hans». О переходе *apīē* в *àpie* перед ударяемым слогом ср. статью Явниса Поневежский уезд 97 слл. и 106. Вместо *apie* во многих говорах употребляется *àpé* (*apé*), напр. в Марьямпольском у. (Даукша // Кат. 131), в шавельском гов. (Lit. Mitt. I 358 слл.), *ape* (= *apé*) в катехизисе 1598 г. (AfsI Ph. XIII 575, 580), у Даукши (и в Катехизисе, и в Постилле всегда *ape*), Ширвида (всегда *ape*, ср. PS XVIII¹), в библии Минвида-Хилинского (Вольтер Об этногр. поездке 74), в катехизисе 1547 г. (LLD I 5, 6, 10, 11). Краткость *a* в *àpé* объясняется и проклитическим положением этой формы, и тем, что ударение прежде стояло на последнем слоге; в годлевском говоре, однако, *àpé* (т. е. *āpé*), Lesk.-Brugm. 282. Так как в упомянутых говорах *ie* вообще не смешивается с *é*, то следует думать, что *àpé* получилось из *àpie* в проклитическом положении, ср. *pēnēlys* рядом с *pienas* «молоко» в восточнолит. нар. Ковенской губ. (Барановский Зам. 66). В Universitas Linguarum Lituaniae (cap. III § 4) читаем (всего один раз) *ape* (и *be*), и так как *e* этого памятника обыкновенно = *ē*, то J. v. Rozwadowski (IF VII 256 слл.) в самом деле усматривает тут *apĕ* (и *bĕ*), ссылаясь при этом на Elementarius Олехновича (книгу, мне не доступную), где будто бы всегда пишется *apĕ* (и *bĕ*), а *apé* (и *bé*) Олехновича будто бы представляет собою *apĕ* (и *bĕ*) по правописанию Куршата. В них von Rozwadowski усматривает «Formen des bedingten Auslauts» (т. е. формы предлогов перед падежами), а *bĕ* и **apĕ* он считает за «Formen absoluten Auslauts». Но вряд ли это так. В приведенном (I. с. 260 слл.) отрывке из книги Олехновича акут обозначает также восходящую интонацию, напр., *tréczius, dészīnen*; и так как формы *ape* (и *be*) в Universitas (где довольно много несомненных печаток) встречаются всего один раз, то позволительно видеть в них печатки, тем более что (неизвестные нам из других памятников) формы *apĕ* (*apĕ*) были бы довольно странны рядом с *apīē*. Вместо *apie* встречается также *apei*, и не только в тех жемайтских говорах, которые вообще всякое *ie* превращают в *ei*, так, напр., в тельшевском говоре (Lit. Mitt. IV 528), но также в текстах, не изменяющих *ie* в *ei*, напр. в переводах Станевича (LChg. 170), у которого обыкновенно *i* вместо *ie*, и в катехизисах Лахавича и Скродзького (Даукша Кат. 170 и 171), где *ie* обыкновенно сохраняется. Но язык этих катехизисов не чистый народный язык той или другой местности, но смесь жемайтского и верхнелитовского наречий; поэтому //

24 можно думать, что и тут *apei* из *apie*. Вероятно⁴³, также *apei* у Станевича имеет *-ei* не из пралит. *-ei*; скорее *apei* тут не строго диалектическая форма вместо ожидаемого **api*: говоры с *i* из *ie* граничат с говорами с *ei* из *ie*, и поэтому *apei* могло, пожалуй, явиться также в говоре (или даже только в тексте?) с *i* из *ei*. Вместо *apie* изредка встречается *api*⁴⁴ (Lesk.-Brugm. 264 и 311)⁴⁵ и (сокращенное из *api*) *ap* (в стихах Жельвовича Lit. Mitt. III 456). Об отношении *api* к *apie* будет речь во II части. Наконец, вместо *apie* встречается также *āple* (Geitler Lit. St. 77, восточнолит.; Bezzenberger Lit. Forsch. 96, из D. Crottingen и Meddicken), или *aplie* (с ударением на *ie*) или (вероятно, из *aplie*) *aplei* (Словарь Юшкевича). Форма *aplie*, по-видимому, продукт смешения форм *apie* и *apliñk*.

В качестве префикса в литовском встречаются формы *api-*, *apý-*, *ap-*, причем с глаголами слагаются только *api-* и *ap-*. А именно: *api-* в большинстве современных говоров, кажется, является только перед глаголами, начинающимися с *p*, *b*, но и перед *p*, *b*, по указанию Куршата (Gr. § 444 и Wörterb.), теперь чаще ставят *ap-*. Прежде же, да и теперь еще, в некоторых говорах *api-* является также перед другими звуками, напр.: *apínešu* (*i* здесь долговатое *i*, возникшее из краткого *i* под ударением) рядом с *apnēšti* в восточнолит. нар. Ковенской губ. (Барановский Зам. 63), *apistōsis* (Даукша Post. 22, 15), *apiziebtu* 37, 32, *apiturėjimo* (Даукша Кат. 17, 9), *āpigáteia* в кат. 1598 г. (AfsI Ph. XIII 586), *āpiraBa* в Кейданских текстах 1653 г. (LChr. 70), *apiwitktas* в библии Минвида-Хилинского (Вольтер Об этногр. поездке 94), *apiraszyti* (Lit. Mitt. IV 227), *apidowanojo* 256, *apisakidams* 259. В сложении же с прилагательными и существительными встречаются формы *api-*, *apý-*, *ap-*, причем в употреблении их заметно колебание, напр.: *apýkaklė* по Беценбергеру GGA 1885, 920, *apikaklė* по Куршату, *apkaklė* по Юшкевичу, или *apisenis* по Шлейхеру (Lesebuch 221 и 254), *apýsenis* по Куршату, Юшкевичу, Барановскому (Зам. 64) и др. Об отношении *apý-* к *api-* // будет речь во II части. В катехизисе 1547 г. (LLD I 16, 32) читаем *apedėgimij*, и Bezzenberger

⁴³ [Форма *apei* встречается, однако, также в жемайтском катехизисе, перепечатанном MSL XIII 117 слл., где из *ie* обыкновенно *yj* (= *ij*), так что *apei*, вероятно, не непосредственно из *apie*. Но вряд ли также *-ei* в *apei* из пралит. *-ei*.

⁴⁴ [Autora eksemplārā: li. *api* LChr. 337,21 //]

⁴⁵ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

(BGLS 247) приводит из Кейданских богослужебных книг 1653 г. форму *ápeczistiti*, усматривая в этом *ape-* форму *apie-*. Но так как больше примеров такого **apie-* мы не знаем, то это *ape-* скорее опечатка или неточное написание вместо *api-*: неударяемое *i* в старопечатных лит. текстах нередко передается посредством *e*; так, напр., из тех же Кейданских книг Беценбергер (1. с. 165) приводит *iseduotumey*. Наконец, Беценбергер (1. с. 87 слл.) приводит из старопечатных текстов примеры префикса *ab-* (не только перед звонкими взрывными, как *abginti*, но также перед другими звуками, как *ableidz*, и даже *absakoma* и др.), отделяет это *ab-* от *ap-* и сопоставляет (также ВВ XXIII 296) *ab-* с пр. *ab-*, слав. *ob-*. Я с этим не согласен и объясняю *ab-* из *ap-*. Так как здесь, по крайней мере относительно прусско-литовских текстов, о славянском влиянии трудно думать, можно представить себе происхождение *ab-* следующим образом: с одной стороны, под влиянием таких форм, как *abginti*, могли возникнуть *ableidz*, *absakoma* и др., с другой стороны, тут, может быть, сказывается влияние немецкого правописания того времени таких форм, как *Haupt* (ср. Berneker Pr. Spr. 167); сам Беценбергер (BGLS 85 слл.) приводит из тех же текстов такие формы, как *wersgmu*, *tegtai*, *angschtai* и др.

В прусском по значению точно соответствует префикс *ep-*, *eb-*, *ab-* (выше, в § 2, уже высказано мнение, что также *ab-*, вероятно, произносилось с открытым *e*). Некоторые ученые (Bezenberger ВВ XXIII 296, Berneker Pr. Spr. 288, 289) отделяют *eb-* от *ep-*, сопоставляя *eb-* (*ab-*) со слав. *ob-*, а *ep-* с лит. *ap-*, гр. *ἐπί*. Я считаю это возможным, но не вероятным, так как *ep-* по значению несколько не отличается от *eb-*. Форма *ep-* перешла перед звонкими взрывными и спирантами в *eb-* (*ebsentliuns*, где *s=z*), а затем это *eb-* могло ставиться также перед другими звуками (*ebimmai*). Слав. *объ* (*o*) обыкновенно сопоставляется с скр. *abhí*; на мой взгляд, в слав. *объ* (*o*) совпали два предлога: **op(ь)* = балт. *ap(i)* и *ob(ь)* = скр. *abhí*. Рядом с *объ*⁴⁶ (также *obu-*, ср. Miklosich Etym. Wrth. // 219 и Vrgl. Gr. IV 219)⁴⁷ и *обь* (также *оби-*, ср. Miklosich 1. с. и Соболевский РФВ XXII 48) уже в праславянском существовала форма *ob* (ср. выше, в § 1,

26

⁴⁶ Brugmann (KVG § 599) производит *объ* из // *обь*; но ввиду формы *оби-* я предпочитаю считать формы *объ* и *обь* одинаково древними (ср. статью Погодина РФВ XXXV 139 слл.).

⁴⁷ [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1440 //]

26

упомянутые статьи Бодуэна де Куртенэ, Брандта, Соболевского), как показывают формы црксл. *облѣштити*, *обити* (из *обвити*) и др. Это *ob* может восходить и к *ob(ь)*, и к **op(ь)*, так как возникшее из **op* перед звонкими взрывными и спонантами *ob* могло затем быть обобщено под влиянием *ob* из *obь*. А форма *o*, существующая рядом с *ob*, могла образоваться не только из *ob* (Брандт РФВ XXIII 94), но также прямо из **op*. Также употребление слав. предлога говорит в пользу происхождения его из двух предлогов *ob(ь)* и **op(ь)*. Скр. предлогу *abhí* соответствует слав. *obъ* в таких оборотах, как црксл. *obъ onъ polъ; sêde o desnaĵa otyca; o kamenъ obrazivъše se* и др. (ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 425 слл., Delbrück Vrgl. Synt. I 689). Префикс же *ob-* только в редких случаях сходится с скр. *abhí*, так, вероятно, в црксл. *obrêsti* (рядом с *sъrêsti*, ср. Miklosich 1. с. 219, Delbrück 1. с. 688). А в громадном большинстве случаев префикс *ob-* и весьма часто предлог *obъ*, *o* имеют такое же значение, как балт. *ap(i)*, напр. лит. *apaũti* = ла. *apaut* = слав. *obuti*; примеры предлога *obъ*, *o* в значении лит. *apie*, ла. *ap* у Миклошича (1. с. 425 и 668 слл.). — Славяно-балтийские формы не показывают, восходит ли начальный гласный к индоевр. *o* или *a*; пр. *ep-*, однако, скорее говорит в пользу *o*. И уже по одному этому мало убедительны этимологии, которые предлагают Johansson ВВ XV 311 (лит. *apie* : лт. *ab, ap-erio*), Pedersen KZ XXXVIII 224 (лит. *apie* : гр. *ἀπαί*), тем более что и значение лит. *apie* противоречит такому сближению. Более правдоподобно сопоставляются балтийские формы с гр. *ὀπι-* (в *ὀπι(σ)θε, ὀπισσω*), *ἐπί, ἐπί*, лт. *ob, op-* (в *operio*), осск. *op*⁴⁸, скр. *âpi* (из **êpi* или **ôpi*), з. *aipi*, гот. *if*⁴⁹ (в *iftuma* «ближайший, следующий»), ср. Prellwitz Etm. Wrtb. 226, Stokes Urkelt. Spr. 24, Leumann Etm. Wrtb. I 16, Osthoff MU II 33, IV 225 слл. и PBrV XVIII 243, von Planta Gramm. I 276, II 447, Lindsay-Nohl 673, Grassman KZ XXIII 575, Delbrück // Vergl. Synt. I § 279, Brugmann KVG § 596. По значению, правда, и эти формы расходятся с балтийскими, но формальное сходство велико.

§ 7. Предлог *ap* соответствует по значению русск. «вокруг, около, о»⁵⁰: *kēniņam bijis ap pili... dārzs* LP I 65 «у царя-де

⁴⁸ [Autora eksemplārā blakus: «apud» //]

⁴⁹ [Autora eksemplārā blakus: «auf» //]

⁵⁰ О предлоге *ap* в значении «под» идет речь ниже в § 11.

был вокруг двorca сад», *ap tevim vīri sēd* Спр. 286 «вокруг тебя (стол!) сидят мужи», *ap Jēlgavu* LSpr. II 291 «около Митавы (= в окрестностях Митавы)», *ap mu'ei'eš* (gen. s.) *glaudeidama* Mag. XIV 2, 181 «глядя вокруг рта», *sniegi, vēji putināja ap tuo manu kumeliņ'* Спр. 151 «снег, ветры бушевали вокруг моего коня», *visi nu sanāk ap brīnumu tauri* LP I 65 «все теперь сходятся вокруг чудесной трубы», *balts kurts ap pili tēk* RKr. VII заг. 318 «белая борзая собака бежит вокруг замка», *visapkārt tautas jāja ap... birzi* Спр. 46 «чужие люди ездили вокруг березняка»; ср. лит. *apėjo apī tūos trīs bėržus* Lesk.-Brugm. 264 «обошел те три березы». В таком же смысле *ap* употребляется также при понятиях времени: *ap Jāņa dienu ēžeri salst* RKr. VII заг. 802 «около Иванова дня озера замерзают», *ap pusnakti* «о полуночи», *ap šuo laiku* «об эту пору».

Далее, при *ap* является то именное понятие, вокруг которого вращаются умственные интересы, например: *pūš vējiņis, runā ļaudis ap tuo manu augumiņ'* Спр. 22 «дует ветер (вокруг моего стана), толкуют люди о моем стане», *lai mēs savus zābaciņus ap meitām(i) neplēšam* BW 12363 «чтобы мы не изнашивали своих сапог около девушек (т. е. ухаживая за девушками)», *vairāk būs mums ap tuo debes darbuoties nekā ap tās zemes* (gen. s.) Mancelius Post. II 90 «больше следует нам трудиться о небе, нежели о земле», *brīnumš bija... ap tām muižas meitiņām* Bt. 2487 «чудо было относительно мызных девушек (т. е. их поведение было странно)», *kuo, bāliņi, baraties ap tuo vienu uozuoliņu?* BW 3780 «чего вы, братцы, ссоритесь о том одном дубе?», *tik ļaudim valuođiņu, kā ap⁵¹ mani bārenīti* BW 4840 «у людей нет иных сплетней, как обо мне сиротке», *ap⁵² seviem vien dziedāju, ap saviem brāliņiem* // BW 956 «о себе лишь я пела, о своих братцах», *ab ūtru runōdama* Вольтер Mat. 244 «другого оговаривая», *kū soki ap t'evi pošu* LChr. 146 «что говоришь о себе самом?»⁵³. В заглавиях инфлянтских сказок постоянно встречаем *ap* «о», напр.: *ap kažeņom* Zb. XVIII 239 «о kózkach», *ap gaiteiti* Zb. XVIII 245 «о kogutku», *ap treis mōsys* Zb. XVIII 321 «о trzech siostrach», *ap treis brōļi* Zb. XVIII 327 «о trzech braciach». В нижнелатышских говорах *ap* обыкновенно сохраняет первоначальное местное значение и в значении «о» (= латинск. *dē*) известно мне только из народных песен, а в

28

83

⁵¹ В вариантах *par* и *nuo*.

⁵² В варианте *par*.

⁵³ [Autora eksemplārā vēl piemērs ar citas nozīmes *ap* (sal. 11. §): *ap uozuoli pabiruse* //]

верхнелатышских говорах, как и в литовском (ср. Kurschat Gr. § 1440) *apie*, предлог этот, по-видимому, обыкновенно соответствует по значению русскому *о*, и первоначальное местное значение «вокруг» выражается там сложною формою *apteik* (лит. *apliņk*), ср. § 10.

Как видно из приведенных примеров, предлог *ap* обыкновенно требует винит. падежа; что при *ap* издавна стоял вин. пад. (а не творит. п.), можно судить как на основании инфлянтских текстов, различающих еще вин. пад. от творит. п. (напр., асс. s. *runōt... ap Jōni* LChr. 146 «говорить об Иоанне», *eņģeli* 146 «ангела»; instrum. s. *ar yudeņu* 146 «с водою», *ar eņģeļu* 148 «с ангелом»), так и на основании литовского языка, где предлог *apie* требует именно вин. падежа (только в старолитовских текстах, ср. Bezenberger BGLS 244 и Lit. Mitt. V 240, изредка встречается род. п. при *apie*).

§ 8. Сложенные с *ap* существительные означают то, что так или иначе окружает понятие, выражаемое несложным именем, напр. *arauši* «недоуздок» (собственно, то, что находится вокруг ушей), *apkakle* «воротник, шиворот» (ср. лит. *apkaklė* Юшкевич Слов., или *apikaklė* Kurschat Wrth., или *apūkaklė* Bezenberger GGA 1885, 920), *apkaimē* или *apciems* «соседство деревень» (ср. лит. *apikaimė* Kurschat Wrth. или *apūkaimė* Юшкевич Слов.), *apruocē* «обшлаг» (ср. лит. *apūrankė* «браслет» или *āprankė* «рукавчик» Юшкевич Слов.), *apdūris* «узкий конец рукава у рубашки» Etn. III 129, *ap-purvis* «низменность вокруг болота», *apmaļi* U «einzelne Stücke Feldes an der Grenze», *apsērde* «дерево вокруг сердцевины» Etn. III 129, *apriņķis* «округ», *apgabals* «околоток, окрестность». Другой характер имеет слож-//ная форма *ap-dārzs* Etn. III 145 (*ap mēnesi ir liels apdārzs* «около луны большой круг»); здесь сложенное с *ap* существительное означает выражаемое несложным именем понятие, окружающее какой-либо другой предмет. В литовском не только существительных, сложенных с этим предлогом, больше, чем в латышском, но встречаются и прилагательные с этим префиксом (напр., *apjūsenis* «староватый» и др.; ср. п. *obstary* «ältlich», чеш. *obdlouhý* «länglich» и др. Miklosich Vrgl. Gr. IV 218), каких в латышском, кажется, вовсе нет⁵⁴.

⁵⁴ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

§ 9.⁵⁵ Предлог *ap* иногда заменяется сложными формами *apkārt* и *aplik*. Из них *apkārt*, как уже заметил Биленштейн LSprg. § 560, сложено из *ap* и *kārtā*⁵⁶ «очередь, слой»; эта сложная форма **apkārta* вполне совпадает с лит. *apikarta* «Umgebung» (Geitler Lit. St. 77, из сочинений Довконта) и имела, вероятно, также значение литовского слова. Трудно, однако, сказать, окончание какого падежа (местного или творительного или винительного) утрачено формою *apkārt*. Вместо *apkārt* иногда говорится также *visapkārt* и также *apkār* RКг. XIII 67, и *apār* или *visapār* BW 7171 var., и *apart* RКг. XIII 94 (о сокращении второго *a* ср. там же 74 и сл.) с нефонетической⁵⁷ утратою конечного *-t* и с выпадением *k* (ср. *apakle* из *apkakle* «воротник»). Форма *apkārt* употребляется прежде всего и весьма часто как наречие: *apkārt staigāt* «ходить туда и сюда», *iet ap namu apkārt* или *iet namam apkārt* «идти вокруг дома», *tec trīs reizes apkārt baznīcai* Трейланд Мат., нагов. 401 «беги три раза вокруг церкви», *te visapkārt meži* «здесь со всех сторон (находятся) леса». Что-то среднее между наречием и предлогом представляет собою *apkārt* в следующих оборотах: *apkārt tēk ežariņu* BW 2491 «бежит вокруг озера», // *apkārt braucu ruožu pili* BW 5827, 1 var. «еду вокруг розового замка»; так как в современном латышском языке предлог не отделяется от управляемого слова другим словом, то форму *apkārt* здесь нельзя считать предлогом, и винит. падеж зависит здесь от сочетания глагола с *apkārt*. Предлогом же является *apkārt* в следующих примерах: *apkārt tevi staigādama* BW 144 «ходя вокруг тебя», *stādīsim liepu mežu apkārt mūsu pagalmiņu* (в варианте: *pagalmam*) BW 2785 «насадим липовый лес вокруг нашего двора», *apkārt kalnu saule tēk* BW 4347 «вокруг горы двигается солнце», *es aptēku apkārt kapu* Bt. 2575 «я обегая вокруг могилы», *trīskārt bite riņķi grieze apkārt manu cepurīt'* Спр. 84 «три раза облетела пчела вокруг моей шапки», *lācis vilka mēdus puodu apkārt manu istabiņ'* Спр. 109 «медведь тащил горшок с медом вокруг моей избы», *pinu ruožu vaiņadziņu apkārt miežu līdumiņu* BW 5965 «я сплетала

30

⁵⁵ [Autora eksemplārā: *apkār leidumiņu* J-Gulbene //]

⁵⁶ Это слово и соответствующие формы родственных языков (лит. *kartā* «слой», *kaftas* «раз», црксл. *кратъ*, скр. *křtvas* «раз») произведены от глаголов ла. *cirst*, лит. *kiřsti* «рубить», црксл. *чрѣсти*, скр. *krntāti* «режет» (Leskien Abl. 70, Pedersen IF V 39 и KZ XXXVI 102; иначе, но, на мой взгляд, неверно Brugmann KVG 450).

⁵⁷ Ср. Zubatý IF VI 294 и сл.

розовый венок вокруг вырубки, засеянной ячменем», *apkārt galvu vāli griežu, ... apkārt* (в вариантах: *ap*) *ruoku matus tinu* BW 7504 «вокруг головы верчу валец, ... вокруг руки мотаю волоса», *ratapili apkārt tās* (gen. s.) *sist* LChr. 126 «разбить лагерь вокруг нее», *apkārt ģzaru mežs* Bielenstein LSpr. § 560 «вокруг озера лес», *lai es varu daiļi jāt(i) vis-apkārt(i) meitu ciemu* BW 10290, 6 «чтобы я мог красиво ездить вокруг деревни девушек», *saule visapkārt jūru tēk* Трейланд Мат., заг. 1346 «солнце вокруг моря бегаёт», *apkārt tuo laiku* LChr. 122 «около того времени», *apkarat gadu Jānis jāja, atjāj Jāņa vakarā* (народная песня из Нейенбурга⁵⁸) «круглый год ехал Иван (если только я верно понимаю это необычное выражение), приезжает в Иванов вечер», *apkārt sevi vien dziedāju, apkārt savu kumeliņu* BW 956, 1 «о себе лишь я пел, о своем коне», *apkārt manis runādami* Bt. 2591 или *apkārt* (в вариантах: *ap, apār, par, gar, nuo*) *mani runājuot* BW 8461 var. «оговаривая меня», *apar* (или вернее *apār*?) *mani ļaudis rēja, apar manu kumelīn'* BW 8326 «на меня лаяли люди, на моего коня».

31

Как видно из приведенных примеров, предлог *apkārt* обыкновенно имеет при себе винит. падеж; Hugen-//berger (Mag. II 2, 69) и Hesselberg (§ 319), однако, говорят, что на вопрос «где?» ставится родит. п., и приводят примеры *apkārt ģzara ir mežs* «около озера находится лес», *apkārt dārza (pļavas) ir sēta* «вокруг сада (луга) забор». Если их наблюдения относительно того или другого говора, быть может, и верны, во всяком случае нужно считать род. п. при *apkārt* редкостью.

Примеры для предлога *apkārt* взяты главным образом из народных песен и старых текстов: в живом народном и литературном языке в настоящее время предлог *apkārt* встречается, по-видимому, лишь очень редко.

Опущением первой части из *apkārt* получилось *kārt*. Для этого редкого предлога Adolphi приводит примеры *kārt vakaru* «umb den Abend», *kārt luopiem tinās* «er geht mit Vieh umb»; в издании духовных песен 1671 года встречается стих *tavs eņģels laid kārt mani mīt* «твой ангел пусть пребывает около меня»; из библии приводит Stender (Gramm. § 182) оборот *kārt vīru būt* «быть вокруг мужа». Можно было бы

⁵⁸ В этом говоре *ar* и *er* перед согласными всегда являются с краткостью гласного и сварабхактическим гласным неполного образования после *r*.

считать этот предлог вышедшим из употребления, если бы в словаре Ульмана не говорилось, что в Курляндии встречаются обороты *kārt vakaru* «gegen Abend», *kārt sēju* «um die Saatzeit», *kārt luopiem* «beim Vieh». Насколько это верно, я не знаю; некоторое подозрение возбуждается совпадением двух примеров с примерами Adolphi.

§ 10. Форма *aplik* вполне совпадает с лит. *apliņk* или (более древним) *apliņkui*⁵⁹; *-lik*, лит. *-link*, как уже заметил Schleicher Grammi. § 131, произведено от глагола *liekt*, лит. *leñkti* «гнуть» (црксл. *lešti*) и представляет собою, вероятно, форму местн. падежа⁶⁰. Форма *aplik* как в значении наречия, так и в значении предлога известна мне только из восточнолатышских текстов. Примеры для наречия *aplik*: *tec apļeik* (с верхнелатышским переходом *i* в *ei*) *bōryņeita* Mag. XIV 2, 196 «беги кругом, сиротка», // *vysapļeik mīļi vōrdi* BW 7171, 2 «кругом со всех сторон милые слова». Предлог требует винит. падежа: *aplik kalnu saule tēk* Etn. II 81 (из Лубана) «вокруг горы бежит солнце», *apļeik muižu tautis jōja* Вольтер Mat. 239 «вокруг мызы ехали чужане», *apļeik* (в вариантах: *apkārti*) *kolnu ar leikumu tautu dālu pavadeju* BW 9352, 1 «вокруг горы кругом я проводила жениха»; ср. лит. *āplinkuy tawa namus* LChg. 68 «около твоего дома» и (в переносном значении) *aplink tavi mislyt* Lit. Mitt. V 291 «о тебе думать».

32

*apakš*⁶¹

§ 11. Предлог *apakš* «под» произведен от сущ. *apakša* «низ, испод», восходящего, как показывает лит. *apačīdā*, к **apatjā*, так что *k* ла. слова нужно считать вставочным (Bezenberger BB IX 334, Zubatý IF VI 279 слл.). Такой же суффикс находит Fick (Vergl. Wrtb. I⁴ 363) в греч. *πρόσσω* из **πρότjω*. Наконец, суффикс *-tjo-* находим также в санскрите: *āpatya-m* «потомство» (ср. Bezenberger BB

⁵⁹ Ср. еще лит. формы *išlinkai* «nach außen hin», *kuřlink* «wohinwärts», *tēnlink* «dortwärts» и Kurschat Gr. § 1487.

⁶⁰ Ehrismann (PBrV XVIII 233 и сл.) сближает с балтийским *-link* окончание германских наречий *-ling*, *-lang*.

⁶¹ [Autora eksemplāra: *āpākš* Liezere //]

XXVII 159), *nitya-s* «врожденный, постоянный» и др. (ср. Zubatý AfslPh. XIV 151 слл., KZ XXXI 60)⁶². Итак, мы получаем прабалтийский предлог **apa* «под» (Bielenstein LSprg. § 562), который формально вполне совпадает с индоевр. предлогом **ápo* (скр. *ápa*, з. *apa*, гр. *ἀπό*, лт. *ab*, гот. *af*⁶³; Delbrück Vergl. Synt. I § 276); несмотря на разницу в значении, я (как и Brugmann, KVG § 604) считаю тождество прабалтийского **apa* и индоевр. **ápo* вероятным. Как ниже увидим, в народных песнях из северо-западной Курляндии изредка встречается предлог *ap* в значении «под», который мы именно по этому значению должны вполне отделить от предлога *ap* «вокруг». Но я считаю весьма сомнительным, чтобы это *ap* «под» непосредственно восходило к прабалтийскому **apa*; // это **apa*, перешедши на латышской почве в **ap* (с фонетической утратой конечного *-a*), формально совпало с другим *ap* «вокруг» из **api* и поэтому, вероятно, рано исчезло, а *ap* «под» в народных песнях, может быть, по требованиям размера насильственно сокращено из *apakš* (в прозаической речи *ap* «под», кажется, не встречается). Рядом с *apakš*, *apakša* встречаются формы *apukš* (Зельгербен LP VII 1, 105; Стенден, Постенден, Валгален, Нейгут, Смильтен, Зербигал), *apukša* (BB XVII 274, Смильтен Lett. Di.-St. 82), *apuša* (Залисбург Lett. Di.-St. 82) или *apuža*⁶⁴ (Каугерсгоф), *apuš* (Вольмарсгоф) или *apūž* BW 9153 var., Вилькенгоф Etn. III 39 или *apš* BW 575¹ (из сасмакенской окрестности, где краткие неударяемые гласные теряются, напр. лос. pl. *kām'ņes* «в санях» из *kamānās*). Эти формы как бы произведены от **apu*, с которым

⁶² Сомневаюсь только, прав ли Зубатый, утверждая KZ XXXI 60, что санскритский суффикс *-tva-* «наверно» первоначально был тождественным с местоимением *tva-*; можно думать скорее о расширении известного суффикса *-ti* (**pro-ti*, **po-ti* и др., ср. Brugmann KVG § 581, Bezzenberger BB XXVII 156 и сл.) посредством суффиксов *-o-*, *-ā-*.

⁶³ [Autora eksemplārā blakus: «weg» //]

⁶⁴ Форма *apuža*, несомненно, образовалась из *apuša*, как *ecēža* Спр. 157 из *ecēša* «борона» (лит. *ekėčios*), *atneži* или *atnezu* (в разных лифляндских говорах) из *atnešu* или *atnesu* «я принес» (в несложном глаголе я знаю только *š* или *s*: *nešu* или *nesu* «я нес»), *puzuoitra* (Вольмар) из *pusuoitra* «полтора» (но везде только *puse* «половина!»), ср. также Bezzenberger Lett. Di.-St. 57, прим. 1; вероятно, мы имеем здесь дело с «спорадическими» случаями известного из герм. языков перехода после неударяемого гласного глухих спирантов в звонкие. Формы же *apuš* и *apūž* чередуются отчасти в зависимости от начального (звонкого или глухого) согласного следующего слова. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

совпадало бы греч. (эол., аркад.) ἀπό; но вряд ли это верно. Если даже допустим, что ἀπό восходит к индоевр. **ari* (а сомневаться в этом позволительно), то это одно еще не дает нам права искать предлога **ari* также в ла. *ariša*. Полагаю скорее с Беценбергером (Lett. Di.-St. 82), что мы имеем тут дело с спорадическим переходом после губных неударяемого *a* в *u* (тут же Bezenberger приводит переходные формы loc. s. *āpokšā* из Роннебурга и *āpokšę* из Вальдегалена, где начальное *ā* из *a* под влиянием ударения, как обыкновенно в лит.); есть еще несколько других примеров такого перехода *a* в *u*: *appukaļ* ВВ XVII 275 из *atpakaļ* или *apukļam* «назад» LP VII 1, 105 (из Зельгербена), *pipurs* ВВ XVII 274 вместо обычного *pipars* «перец», *gabuls* Lett. Di.-St. 82, ВВ 1341, 2 var. из *gabals* «кусоч», *jūrmule* Spr. d. рг. L. 35 из *jūrmale* «морской берег» (но всегда, // кажется, *mala* «берег»). В текстах XVI столетия вместо *apakš* встречаем форму *ap(p)eskan* (напр., *apeskan* Und. Ps. 11, 4, *appeskan* Und. Ps. 15, 9, Кат. 12, 17); спрашивается, как произносилась эта форма? Что касается до *e*, то это, несомненно, неверное написание вместо неударяемого *a*, как, напр., также в *appelybe* Und. Ps. 8, 6 вместо *apaļiba* «округлость»; сомнительно только чтение сочетания *sk*. У Манцелия (напр., Post. I 10) встречаем *apakšan*, но вряд ли так следует читать форму *ap(p)eskan*, так как сочетание *kš* в других словах нигде не передается посредством *sk*. Биленштейн (Und. Ps. 73, в примечании к 1, 6) высказывает предположение, что, ввиду нижненемецкого произношения *š* как *sk*, также в *appeskan*, может быть, *sk* следует произносить как *š*; в таком случае мы получили бы возможную форму **apašan*, которая, по всей вероятности, когда-то и существовала. Только *š* в других случаях нигде не передается посредством *sk*. Остается, по-видимому, только возможность читать *apaškan* или *apaškan*, ср. формы *apaškas* Lett. Di.-St. 40, *apuškā* ВВ XII 235. Возникает вопрос о происхождении этих форм. Как в другом месте (ВВ XXIX 188 слл.) подробнее изложено мною, сочетание *šķ* в восточнолатышских говорах перешедшее в *šk*, двоякого происхождения: из *sk* перед *i*, *e*, *ie* или (ср. Дополнения) из *stj*. Затем сочетание *kšķ*, представляющее некоторое неудобство для произношения, часто упрощается, переходя в *kš* (Leskien IF XIII 175), напр.: от *rikšte* «прут» gen. pl. *rikšķu* или *rikšu*; *augša* «верх», вероятно, из **augšķa* (ср. acc. s. *augšku* Lett. Di.-St. 40) из **augstjā* от *augsts* «высокий» (Leskien Nom. 166; Zubatý IF VI 279; из подобных

образований Leskien тут же приводит из словаря Ширвида *mažia* «Kleinigkeit» от *māžas* «малый»; ср. еще, напр., *суша* от *сух*, лт. *modestia* от *modestus* и др.); от *ikstis* «большой палец» ген. s. *ikška*, и по образцу отношения ген. s. *kuška* к ном. s. *kuškis* (= лит. *kuškis* Geitler Lit. St. 93) «клочок» также к ген. s. *ikška* образуется ном. s. *ikškis*, а из последней формы далее получается *ikšis* (напр., Трейланд Мат., послов. 322). Вследствие такого колебания между *kšķ* и *kš* затем иногда к более древнему *kš* возникает новообразование *kšķ*; напр., рядом с *paksis* «(наружный) угол (дома)» или (с перенесением *š* из косвенных падежей) *pakšis* (ср. скр. *pakšá-s* // «бок, крыло», Bezenberger BB XVI 120, Wiedemann BB XXVII 254) возникло *pakšķis*⁶⁵. Итак, можно думать, что также рядом с *apakša* возникло **apakška* (может быть, под влиянием противоположной по значению формы **augška*)⁶⁶. А сочетание *kšķ* переходит, по-видимому, не только в *kš*, но также в *šķ* (откуда восточнола. *šk*)⁶⁷, ср. формы *auškā*⁶⁸ «вверху», *ieškā* «внутри» из **iekška* BB XII 235 и Lett. Di.-St. 40. Так и из *apakška* могло возникнуть **apaška* (ср. *apaškas* Lett. Di.-St. 40). Все это, думаю, дает нам право читать форму *ap(p)eskan* как *apaškan* или *apaškan*. Теперь, правда, в среднелатышском наречии Курляндии (на котором написаны тексты XVI столетия, как я пытался доказать в журнале *Apskats* I 252 и сл.) известна только форма *apakša* (а не **apaška*), но прежде, в XVI столетии, могла там существовать также форма **apaška*, откуда и происходит *ap(p)eskan*.

⁶⁵ Вероятно, и восточнолатышские partic. fut. act. на *-škis* (ср. BB XIV 125) объясняются так, что окончание *-škis* сперва возникло у глаголов, корень которых оканчивается на гортанный звук (напр., *saukškis* из *saukšis* к *saukt* «звать»), и затем было обобщено (напр., *ieškis* вместо **iešis* к *iet* идти); ход развития можно себе так представить: **sauksjans* (ср. Bezenberger BB XXVI 179) > **saukšuos* > **saukšus* > **saukškus* > **saukšk's* (ср. *būšks*, *duošks* в Зельзау BB XVI 337) > *saukškis* (гласный *i* вставлен для облегчения произношения, ср. BB XII 229). В говорах, сохраняющих *u* в последнем слоге, имеются еще формы на *-škus*, напр. *būškus* Mag. XIV 1, 166; окончание же *-uos* сохранилось в соответствующих возвратных формах, напр., *saukškuos* BB XIV 130. Иначе, но неверно, по-моему, объясняет формы на *-škis* Zubatý IF VI 280: из форм, приведенных, напр., BB XII 235¹, видно, что *-škis* не из **-kšis*.

⁶⁶ [Autora eksemplārā: cf. *opauškā* // «untēn» in Odjen //]

⁶⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁶⁸ [Autora eksemplārā blakus: *nāškis* // *liškis* LP VI 740 //]

Остается вопрос, как относится *apakš* к *apakšan* (у Манцелия) или *apakškan*⁶⁹. Сокращено ли *apakš* из *apakšan* или из формы лос. s. *apakšā*? Если Adolphi говорит в своей грамматике, что предлог всегда имеет форму *apakš* и употребление *apakšan* в качестве предлога неверно, то это имеет значение только для его времени и для известного ему наречия. Не исключена, правда, возможность, что переводчики XVI века, вообще довольно плохо владевшие латышским языком, неверно употребляли *ap(p)eskan* вместо *apakš* в качестве предлога, а если Манцелий, уже довольно хорошо знавший ла. язык, также употребляет *apakšan* // (рядом с *apakš*) как предлог, то в этом можно усматривать литературную зависимость его от текстов XVI века. Но очень может быть, что латыши когда-то действительно употребляли *apakšan* в качестве предлога; по недостатку надежных источников ничего определенного по этому поводу сказать не можем. Если Манцелий употребляет рядом с *apakšan* также уже *apakš*, то из этого, разумеется, не следует также, что *apakš* сокращено не из *apakšan*, но из лос. s. *apakšā*. Возможно и то и другое, ср. *labad* «ради» из **labadēļ* (Zubatý Flickvok. 13), и истины добиться мы тут не в состоянии.

§ 12.⁷⁰ Предлог *apakš* (*ap*) обыкновенно требует род. падежа: *ap zemītes* (var.: *apakš zemes, zem zemītes, pa zemīti*; а BW 4137, 1 var. *ap zemīti*) *tēvs, māmiņa* BW 4821, 3 «под землю отец, матушка», *nesēduos ap* (var. *zem*) *uožuola, ... ap* (var. *zem*) *uožuola liela rasa* BW 10462 «я не сиделась под дуб, под дубом большая роса», *es apgulu nedēvēta ap zaļājas velēniņas* Bt. 246 «я легла непомолвленную под зеленую дернину»; *tautu meita skaidas lasa apakš brāļa uožuoliņa* Spr. 32 «чужая девица собирает щепки под братниным дубом», *apakš tevi zaļa zāle* BW 11599 «под тобою (дуб!) зеленая трава», *apakš baltu villainīšu* BW 1412 «под белыми шерстяными накидками», *apakš tuo akmeņu* Spr. d. рг. L. 106 «под теми камнями», *apukš lāvs* (Валгален) «под полком», *apuš suolīna* (Вольмарсгоф) «под скамейкою», *mans jaunais ligaviņš gul apš zaļ veleniņ* BW 575¹ «моя молодая невеста

⁶⁹ Об окончании *-an* ср. Zubatý IF VI 278 слл.

⁷⁰ [Autora eksemplārā: *apakš galda* Baldohn //]

лежит под зеленою дерниною», *apeskan tho juge* (acc. s.) Und. Ps. 11, 4 «под игом», *palidis apakš galda* (Экау) «подползши под стол», *apakš sliekšņa sluotu lika* BW 10288, 1 «под порог он ставил метлу», *apakš kājām mest* (Mancelius Post. 11) «бросить под ноги», *mēs bijām... apakš ļaužu valuodām* Спр. 175 «мы были в людских пересудах», *apakš tāda kunga grūti dzīvuot* (Hesselberg § 320) «под таким барином тяжело жить», *apakš ruokas iet* U «Arm in Arm gehen», *viņš nurd apakš sevis* U «er knurrt bei sich selber». Только из народных песен известны мне обороты: *apakš vēja dēlu māte manu balsi klausījās* BW 501 «по ветру прислушивалась сыновняя мать к моему голосу», *apakš saules* (var.: *bez saulītes*) *vakarā* BW 142 и 437, 5 var. «вечером после захода солнца». В северо-западных говорах при *apakš* // является вин. п., напр. *apakš tuo kuok* (Эрвален) «под тем деревом». Stender, Hesselberg, Bielenstein утверждают, что на вопрос «куда?» при *apakš* ставится как род., так и винит. п., а Hugenberger (Mag. II 2, 69) и Ulmann говорят даже, что на вопрос «куда?» при *apakš* правильно стоит только винит. п., напр. *apakš galdu mest* «бросить под стол». Насколько правильны их утверждения, трудно сказать; мои личные наблюдения их не подтверждают.

В восточнолатышских говорах, по крайней мере в части их (ср. ВВ XIV 118), предлог *apakš* не употребителен и заменяется предлогом *zem* или (с восточнола. переходом *e* в *a*) *zam*.

*zem*⁷¹

§ 13. В среднелатышских говорах этот предлог произносится *zem* (напр., в Линденберге), а в восточнолатышских говорах, изменяющих *e* в *ē* или *a*, *zēm* (напр., в Адзель-Шварцгофе) или *zam*⁷². Погодин (Следы 203) отождествляет предлог *zem* с согласною основой, какую встречаем, напр., в зендском *zēm-* (Brugmann Grdr. I² 562 и KVG 312), утверждая, что основа *zem* стала употребляться

⁷¹ [Autora eksemplārā: *zamlīkt* RKr. 17, 86, *zamlēist* 138 //]

⁷² Форму *zam* встречаем также в сборнике Спрогиса, где текст дается вообще на среднелатышском (литературном) наречии; но из предисловия видно, что песни этого сборника собраны в области верхнелатышского наречия. Итак, прочие верхнелатышские формы тут переведены на литературный язык, но верхнелатышская форма *zam* ошибочно не заменена среднелатышским *zem*.

в смысле предлога. Но из формы **zem* в латышском непременно получилось бы **zie*, и сохранение *-m* в конце предлога *zem* показывает, что за *-m* отпал какой-то гласный. Как уже Биленштейн заметил (LSpr. § 580), *zem*, вероятно, сокращено из loc. s. *zemē* (или *zemen*⁷³ Lett. Di.-St. 18, Und. Ps. 15, 10) от *zeme* «земля»⁷⁴. Если BW 13060, 2 этот предлог является в форме *zemi*, то это не доказывает, что *zem* восходит к **zemi*: гласный *i* тут, // как часто бывает, вызван требованиями размера. Adolphi и Hesselberg, знавшие только среднелатышское наречие Курляндии, вовсе не упоминают о предлоге *zem*, и Stender знает только *zam* из части Верхней Курляндии. Наконец, Bielenstein утверждает (LSpr. § 580), что *zem* в Средней и Нижней Курляндии не встречается, и, вероятно, он прав. Встречается, правда, предлог *zem* в Latwju dainas изредка также в песнях, записанных в северо-западной Курляндии (напр., 5059, 4 и 10462 var.)⁷⁵; но не исключена возможность, что такие песни записаны, правда, в северо-западной Курляндии, но со слов лиц, переселившихся туда из другой области, или вообще неточно (ср. мою рецензию II тома этого издания в журнале Austrums 1904 г., стр. 553 и сл.). Итак, можно сказать, что этот предлог встречается в среднелатышском наречии Лифляндии (оттуда, по-видимому, он перешел также в литературный язык) и в восточнолатышском наречии.

§ 14. Предлог *zem* «под» обыкновенно требует род. падежа: *gul zem zaļa velēniņa* BW 141 «лежит под зеленою дерниною», *zem eglītes pārgulēt* BW 2355 «переночевать под елкою», *eš gulātu zam zemeit'as kai zam boltu vylnaņēišu* BW 4098 «я бы лежала под землею, как под белыми шерстяными накидками», *zem uozuola nestāvēju* BW 10665 «под дубом я не стояла», *meitas saču guodu nesa zem baltuo*

⁷³ [Autora eksemplārā: *zamu* // = *apakšā* // Zbiór 284, 291 // cf. žem. Scheu //] [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁷⁴ Как заметили Bezenberger и Fick (BB VI 237), от того же корня произведен также умбрийский предлог *hondra* «infra» (von Planta Gramm. II 446).

⁷⁵ BW 10665, в варианте из Угалена, читаем даже форму *zam*; тамошний говор знает переход *e* в *ę* в односложных формах, напр. *teç* «беги», но вряд ли там *e* перешло бы в *a*. Если это *zam* не опечатка, то оно, вероятно, восточнолатышского происхождения.

vilnainiti (acc. s.) BW 6591 «девушки носили свою честь под белую шерстяную накидку», *kas jej zam pazušu* Zb. XVIII 331 «со и niej pod pacha», *zam čeļu* Zb. XVIII 286 «pod kolanami», *zem kumeļa kājiņām* BW 10157 «под ногами коня», *divas... mēs, māsiņas, zem tām ļaužu valuodām* BW 8689, 1 «мы две сестрицы в людских пересудах», *liku bēdu zem akmeņa* BW 107 «я клала горе под камень», *zam arkla sāt* BB XIV 118 «zuerst säen, dann pflügen und eggen» (дословно: сеять под плуг), *es pagūlu zem bārzdiņas* BW 9480 var. «я легла под бороду», *patin zam čepļa* Zb. XVIII 239 «подползает под // печь», *patiksi zam spōrņeņa gatvēnu* Zb. XVIII 243 wiożysz giówkę pod skrzydeiko», *kab nazavārt' zam capuri* (acc. s.; там же ниже *capuris*) Zb. XVIII 275 «чтобы он не глядел под шапку», *zēm pajumtu* (acc. s.; Вальгоф, по сообщению Манцелия в Gespräch eines reisenden Mannes IV) «(веди) под кровлю», *cymdu pakōrt' zam grīstu* (gen. pl.) Zb. XVIII 483 «повесить рукавицу под потолок», *skanādams pētecē zam arāja kājiņām* BW 6291, 4 «звеня побежало (кольцо) под ноги пахаря». Stender и Ulmann говорят опять, что на вопрос «куда?»⁷⁶ ставится также винит. падеж.

В следующих оборотах употребление *zem*, по всей вероятности, обусловлено иноязычным влиянием: *jej byuš atrakaļ zam vokora* Zb. XVIII 275 «она вернется под вечер»⁷⁷, *zam vacuma* Zb. XVIII 361 «pod starość», *zam gaismys* Zb. XVIII 478 «pod świt» (это — единственные известные мне примеры для такого употребления предлога *zem*), *zam tū žeirņu maižes in veina* LChr. 150 «под знаками хлеба и вина». В газетном жаргоне встречаются также явные германизмы, вроде следующего: *zem tādiem nuoteikumiem* «unter solchen Bedingungen» (ср. Mühlenbach DJ III 82).

ar

§ 15. Предлог *ar* «с» (с твор. п.) со времен Потта (Etymol. Forsch. I² 703) по справедливости отождествляется с союзом *ar* или *arī* «также»⁷⁸. Как союз *ar* «также» получил значение предлога «с», это Мюленбах (DJ II 82) объясняет

⁷⁶ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁷⁷ [Autora eksemplāra: *zam vakara* LP VI 939 //]

⁷⁸ Встречается также форма *aridzan*, предполагающая собою первоначальное **ari-dz(i)*, перешедшее затем под влиянием других частиц и наречий на *-an* в *aridzan*. Сохранение конечной долготы в *arī* показывает, что в конце отпал один слог, вероятно, то же *-dz(i)*.

следующим образом: было время, когда в латышском *instrumentalis sociativus* употреблялся еще без предлога и говорили, напр., *tēvs gāja dēlu* «отец шел с сыном»; так как эта же мысль выражалась также *tēvs gāja, ar(i) dēls* (собственно: отец шел, также сын; обыкновенный, однако, порядок слов: *t. g., dēls ar*), то путем смешения обоих оборотов возникла новая кон-//струкция *tēvs gāja ar dēlu*, где форма *ar* уже стала считаться предлогом в значении «с». Мюленбах допускает, впрочем, также другое объяснение: в оборотах, как *tēvs gāja dēlu*, перед *dēlu* в виде плеоназма вставлялась для большей выразительности форма *ar* в значении «также, вместе» (ср. греческий оборот $\epsilon\pi\sigma\theta\alpha\iota \ \acute{\alpha}\rho\alpha \ \tau\iota\nu\acute{\iota}$ вместо $\epsilon\pi\sigma\theta\alpha\iota \ \tau\iota\nu\acute{\iota}$ ⁷⁹), и с течением времени *ar* в таких сочетаниях получило значение предлога «с». Я предпочитаю последнее объяснение, так как при обыкновенном порядке слов (*tēvs gāja, dēls ar*) вряд ли была возможна такая контаминация, о какой думает Мюленбах. Но как бы то ни было, во всяком случае переход союза *ar* «также» в предлог *ar* «с» представляется весьма возможным. С союзом же *ar(i)* теперь всеми сближается союз *ir*⁸⁰ «также», лит. *ĩr* «и, также», пр. *ĩr* «и, также»; далее, того же происхождения вопросительные частицы (теперь устарелые) *ar* или *arĩg*⁸¹ из **ari-gu*, лит. *aĩr* (*aĩgi* или *aĩgu*) или (в старых текстах) *er* (Bezenberger BGLS 56, Brückner Fremdw. 43, Leskien IF XIV 91, Gaigalat Lit. Mitt. V 17; также у Ширвида и Виллента) «ли»⁸², прусское *er* (Pott Etymol. Forsch. I² 703, Persson Stud. et. 63, Bezenberger BB XXIII 298, Prellwitz Etm. Wrthb. 28) или *ergi* «до» (всегда перед другим предлогом, напр. *ergi en* «bis in» Ench. 11, *er prei* «bis an» Ench. 22; ср. нем. *und* «и»; гот. *und* «до», *unte* «пока»), *er-ains* «каждый» (Бернекер Pr. Spr. 279

⁷⁹ Подобно этому, теперь предлогу *ar* иногда предшествует наречие *līdz*: *ar viņu* или *līdz ar viņu* «(вместе) с ним».

⁸⁰ По всей вероятности, также слав. *и* вполне соответствует балт. *ir* (восходя к **o(r)*; ср. местоимение *и-* из **is*), а не (как думает Zubatŭ IF IV 470 слл.) лит. *e* или *ẽ*: существование лит. *ẽ* (с восход. интон.) не доказано, и из индоевр. *ẽ*, по-моему, в слав. никогда не получается *ĩ*. В *mati, dъшти я* (как и Соболевский Древний црк.-слав. яз. 105) вижу новообразование под влиянием таких форм, как *gospodyni*. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁸¹ Биленштейн пишет *ari, arig, aridzan*, но я знаю только формы с долгим *ĩ*, напр. *arrieg* (т. е. *arĩg*) у Манцелия Post. I 42.

⁸² Такой же переход значения «также» в значение «ли» видим у скр. *api* (ср. Brugmann Sächs. Ber. XXXV 68 и Persson Stud. et. 52).

- 41 сравнивает лит. *ik(i)* «до»: лат. *ik-viens* «каждый»⁸³ // и греческие формы *ἄρα* или (кипр.) *ἔρα* (об отношении *ê-* к *â-* ср. Persson Stud. et. 54), *ἄρ*, *ῥά* (ср. особенно статью Бругмана «Griech. ἄρα, ἄρ, ῥά und lit. ir» в Sächs. Ber. XXXV 37 и сл. и Persson Stud. et. 15 и сл.; *ἄρ* и *ῥά* представляют собою, может быть, ту же слабую ступень вокализации, как и балтийское *ir*, ср. Persson Stud. et. 55). Meillet же, сопоставляющий (MSL VIII 238) с указанными формами пра-критское *ira* «конечно», по всей вероятности, неправ, так как пра-крит. *ira*, вероятно, образовалось из *kira* (= скр. *kila* «конечно»), ср. Pischel Gramm. der Prākrit-Sprachen 135. Только что приведенные балтийские и греческие формы некоторыми учеными (Pott. I. с. 704, Brugmann I. с. 70, KVG § 832, Prellwitz I. с. 28) производятся от глагольного корня *ar-*, который является в греч. *ἀραρίσχω*; ср. об этом Persson Stud. et. 15 и сл. и 118 и сл. — Некоторые ученые (Pott I. с. 698 и сл., Scherer GDSpr. 443, Фортунатов *Sāmaveda-āraṇyaka-samhitā* 82 и сл., Persson I. с. 63, Johansson BB XV 313, Bezzenberger BB XXIII 298 и XXVII 158, Prellwitz I. с. 33, Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 355) приписывают уже индоевр. праязыку предлог *ar*, сопоставляя с лат. *ar* «с» // — лит. *ar* «ad», Потт и Фортунатов — также осетинское *är-*, арм. *aṛ* и кельтское *ar*. Для гаэльского *ar* Потт I. с. 702 приводит, между прочим, значение «с» (*cum*), но первоначальное значение этого предлога, по Эбелю (*Zeuss Grammatica*
- 42

83 Прусское *er* употребляется, как известно, также в качестве глагольного префикса: *erdērkt*s Ench. 81 «vergiftet», **erkinint* // Ench. 83 «erledigen», *erlaikūt* Ench. 25 «erhalten», *erlāngi* Ench. 63 «er erhöhe», *ermirit* Ench. 37 «erdichten», асс. *ernaunis[n]*an Ench. 30 «Erneuerung», *ernertimai* Ench. 4 «wir erzürnen», *erpilninaiti* Ench. 73 «erfüllt», *ersinnat* Ench. 23 «erkennen», *erschwāigstina*i Ench. 18 «er erleuchtet», *ertreppa* Ench. 12 «sie übertreten». Тут замечательно то, что, за исключением лишь двух форм *erdērkt*s и *ertreppa*, прусскому *er-* в переводе соответствует немецкое *er-*, и возникает вопрос, как это объяснить? Так как немецкое *er-* восходит к *us-*, то между пр. и нем. *er-* не может быть никакого родства, а о случайном совпадении также трудно думать. Поэтому я считаю пр. префикс *er-* заимствованным из нем. языка. Заимствование глагольных префиксов встречаем также в верхнелатышском наречии: *pad-* (напр., *kab... padgriztu* Zb. XVIII 390 «žebū... podriowali»), *pra-* (напр., *pravadej* «проводи», Вольтер Mat. 304, *prodzyna* Zb. XVIII 457 «прогноал»), *raz-* (напр., *rozkur* «разжигают», Вольтер Mat. 6). Итак, не удивительно, если в языке пруссов, сто лет спустя всецело принявших немецкий язык, встречаем заимствованный префикс *er-*. Это было, пожалуй, тем более возможно, что прусский язык уже искони знал форму *er* (хотя и в другом значении); префикс *er-* мог впоследствии употребляться и в таких сочетаниях (как *ertreppa*), которые по-немецки уже не передаются посредством *er-*.

Celtica 622 и 669), в гаэльском «ante, прае, про» и в бриттском «ad», и, что еще важнее, кельтское *ar* можно возвести к **par-*; поэтому теперь и сближают (Gramm. Celtica 67, Stokes Urkelt. Spr. 35) кельтск. *ar* с греч. *παρά*. Также армянское *ar* «близ, у, вдоль» (Meillet Esquisse 67, 69, 70) могло утратить начальное *p-* (ср. Meillet I. с. 11, MSL XII 423 и 429 слл., Pedersen KZ XXXIX 370 и 438, Brugmann Grdr. I² 510). Что же касается осет. *är-* «при-» (напр., *äртäxvn* «прилетать», В.с. Миллер Осетинские этюды II 216), то в языке авесты и других иранских языках нет ничего несомненно соответствующего, и поэтому В.с. Миллер считает происхождение осет. предлога темным, находя сходство его с *ar* европейских языков малоубедительным. Итальяское же *ar* (форма эта встречается не только у латинян, но также у умбров и вольсков, ср. von Planta Gramm. I 408) возводят или непосредственно к *ad* (Seelmann Aussprache des Latein 311, Lindsay-Nohl Latein. Sprache 325 и сл., Thurneysen KZ XXX 498, Sommer Handb. d. lat. Laut- und Formenl. 248, Brugmann IF XIII 88 и сл.; в пользу фонетического перехода *ad* в *ar* говорит то, что *ar* встречается почти исключительно перед губными), или же к **az* из **ads* (= осск. *az*, так Mikkola Balt. u. Slav. 37; это было бы возможно перед *g* и, может быть, также перед *v*, ср. Bartholomae Stud. z. indog. Sprachgesch. I 7; в последнем случае *pruina*, может быть, путем диссимиляции из **pruroina*). Предлог *ar* усматривают, наконец, в скр. **arva-* (Фортунатов I. с., Persson I. с. 5 и сл.), арм. *ard* «теперь» (Persson I. с. 56), гр. *ἄρτι* (Pott I. с. 704, Фортунатов I. с. 83, Persson I. с. 56), гр. *ἄρπεδής*⁸⁴ (Prellwitz Etm. Wrth. 33), лит. *arti* «близко» (Pott I. с. 795, Persson I. с. 56, Bezenberger BB XXVII 158), *alvaras*⁸⁵ из **arvaras*, пр. *arwarbs* «дрога» (Фортунатов I. с. 83)⁸⁶, пр. *ar-//globis* «темя» (Фортунатов I. с., Berneker Pr. Spr. 304). Так ли это, позволительно сомневаться; во всяком случае эти формы не могут считаться доказательст-

43

⁸⁴ [Autora eksemplārā malā: *flach*.]

⁸⁵ Кроме *alvaras* Беценбергер приводит в BGLS еще другие примеры для префикса *ar-* в литовском: *a(r)r(a)(i)kis* 63, *arsigulk, // armink, alviens* 247. Но эти формы или опечатки (*armink, arsigulk*, ср. Bechtel LLD III, CXII и CXXXIV; *ar-* вместо *at-*), или вовсе не содержат префикса *ar* (*alviens* и, вероятно, также *a(r)r(a)(i)kis*). [Autora eksemplārā pie *a(r)r(a)(i)kis* pierakstīts: Grenze. //]

43

⁸⁶ [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1440 zu slav. *ra-zъ* aus **or-zъ* //]

вами для существования в индоевр. праязыке предлога *ar*.
 Формы арм. *ard*, гр. ἄρτι (ср. Bezenberger BB XXVII 157),
 лит. *arti* я скорее произвожу непосредственно (как Brugmann
 Sächs. Ber. XXXV 70) от глагольного корня *ar-* (ср. арм. *ard*,
 gen. *ardu* «struttura, costruzione», гр. ἄρτις· σύνταξις Hesych.,
 лт. *artus*, лит. *artas* «близкий» у Юшкевича, *artūmas*
 «близость»). А пр. *arglobis*, по всей вероятности, распадается
 на *arg-lobis* (*-lobis* с *o* вместо открытого *u* = црксл. *лѣбѣ*,
 как заметил Burda KSB VI 394), а не на *ar-globis* (как
 думает Фортунатов I. с., сближая *-globis* с *glawo* «голова»);
arg- же вряд ли распадается на *ar* и *g(i)*, как полагает
 Бернекер, отождествляя *arg-* с *ergi* «до», так как в такой
 сложной форме предлог не имел бы при себе частицы *g(i)*.
 А что такое *arg-*, я также не знаю. Как бы то ни было, встре-
 чался ли в индоевр. праязыке предлог *ar* или нет, несомнен-
 ным я считаю то (так думает и Бругман KVG 470), что ла.
ar «с» в отдельной жизни ла. языка образовалось из союза *ar*
 «также». На это указывает, с одной стороны, то, что в других
 балтийских и славянских языках не находим несомненных
 следов предлога *ar*, с другой стороны, то, что нет в латыш-
 ском ни глаголов, ни имен, сложенных с *ar*, а таких следо-
 вало бы ждать при большей древности предлога *ar*.

Весьма часто (ср., напр., Etn. IV 18 и Bielenstein
 LSpr. I 156) *ar* теряет свое *-r*, причем в одном и том же говоре
 рядом встречается *ar* и *a*, так как отпадение *-r* тут не обуслов-
 лено никаким фонетическим законом; подобное явление
 имеем в формах *i(r)* «есть, также», *pa(r)* «через», *ku(r)*
 «где», *šu(r)* «сюда». — В некоторых верхнела. говорах встре-
 чается (по-видимому, рядом с *ar*) также форма *ai*⁸⁷ (Bezen-
 berger Lett. Di.-St. 19 и сл., Вольтер Мат. 11, 250, 288, 292).
 Бецценбергер (I. с., прим. 3 и BB VII 274) полагает, что *ai*
 44 получилось из *ari*; но нет никаких других при-//меров пере-
 хода *-ri* в *-i*. Lett. Di.-St. 19 он возводит *vei* «смотри» к *veri*,
 но в поправках на стр. 180 сам признает это неверным (ср.
pasavef «посмотри» Вольтер Мат. 158); кроме того, он воз-
 водит форму *ε* «также» (Донданген, Попен, Ангермюнде)
 через **ai* к **ari*, но, во-первых, это в сущности то же слово,
 как предлог *ar(ai)* «с»⁸⁸, во-вторых, в тех говорах только
 неударяемое *ai* переходит в *ε* (напр., *lε* «пусть» Lett.
 Di.-St. 55), а форма *ε* «также», как можно убедиться при

⁸⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁸⁸ Предлог в том же стихотворении Дюнсберга (Lett. Di.-St. 53 и сл.),
 где встречаем *ε* «также», является в форме *a!*

чтении стихотворения Дюнсберга (Lett. Di.-St. 53 и сл.), всегда произносится с ударением. Значит, форму *ę* нельзя возвести к **ai*; *ę* образовалось из *ęr* (= лит. и пр. *er*), как *a* из *ar*, и в анценском говоре в самом деле встречаем еще *ęr* рядом с *ę*. Форма *ai* «с» (при *ar*), по-видимому, походит на *ai* «ли» (U; при *ar*); но не думаю, чтобы и то, и другое *ai* было одного и того же происхождения: рядом с *ar* «ли» употребительно *vai*, и можно думать, что *ai* «ли» возникло путем смешения *ar* и *vai*. Предлог же *ai*, по-моему, восходит к сокращенной форме *a*. В верхнея. говорах заметно⁸⁹ сильное стремление избегать зияния при стечении двух слов, ср., напр., *i-j-ejūt* «инеунтем» Вольтер Мат. 253, *sa-j-aug* «возрастают» Zb. XVIII 337, *pa-j-ęst* «поестъ» Bezenberger Lett. Di.-St. 19 (в той же строке *ād* «едят»), *paiegle* «можже-вельник» *ibid.* 77, *ne-j-iet* «не идет» (Сауссен, ВВ XII 234, ср. особенно ВВ XIV 121 и также Bezenberger Spr. d. pr. L. 37). Итак, я полагаю, что *a* прежде всего перед начальным гласным (может быть, и перед *j*) следующего слова для избежания зияния перешло в *ai* и что затем так возникшее *ai* было обобщено и стало являться также перед согласными⁹⁰. //

§ 16. Предлог *ar* является в части тех случаев, где прежде стоял творительный пад. без предлога (ср. статью Мюленбаха *Var prepozīciju „ar“* DJ II 78 и сл. и мою статью *Instrumentalis RKr. XIII 7* и сл.). При этом, как указывает Мюленбах I. с. 83, в единств. числе предлог *ar* чаще прибавляется, чем во множ. числе, так как в единств. числе творит. падеж уже давно совпал формально с винит. падежом. *Instrumentalis sociativus* или *comitativus* от названий одушевленных существ теперь совсем вышел из употребления и всегда заменяется конструкцией с *ar*: *ik dienīņas druvaī gāju lidz ar savis bāle-*

45

⁸⁹ В печатных текстах, по всей вероятности, не строго соблюдено действительное произношение. Вероятно, и частое появление в верхнея. говорах *j* и *v* перед начальным гласным следует приписывать стремлению избегать зияния, ср., напр., лос. s. *jupit'ē* вместо *upitē* «в речку» Вольтер Мат. 278 (предшествует *moīi* «меня»), *j-irbe* BW 11111, 18 или *v-erba* BW 2659, 1 «рябчик», *j-entere* (U) или *v-ietara* «ятровъ» BW 7570, 2 (этот пример взят из нижнея. наречия), асс. s. *j-ēržeti* «жеребца» Zb. XVIII 364, *v-utes* «вши» BW 8998, 2 var., ср. также Bezenberger Lett. Di.-St. 77.

⁹⁰ [Autora eksemplārā: *ar rogovys, acim* Borchow / *ai komonom* Bierzgale / *ai rotim, rogovuôm* // *aciēm, ausiēm* Baltinov / *ai acuôm* Marienhäusen / *ai ačš* // *ai rūkom* Korsova // — Pirmajam piemēram (*ar rogovys*) apakšā parakstīts: + Warkland]

līpis BW 10056 «ежедневно я ходила на поле вместе со своими братьями», *tyuleņ buja ar enģeļu* (ср. § 7) *putks dabasu draudzības* LChr. 148 «тотчас был с ангелом сонм небесных сил», *ar Laimiņu* (там же *gen. Laimiņas*) *staigājuot* BW 1082 var. «ходя со Счастьем», *cūk' ar vepri kaudzi meta* BW 2419 «свинья с боровом наметала кучу», *dziedat, meitas, ar manim* BW 20 «пойте, девицы, со мною», *skrin topsa ai divējim bērniem* Lett. Di.-St. 22 «бежит лисица с двумя детенышами», *brauc uz mājām ar vis sov māt* (Тальсен) «поезжай домой вместе со своею матерью», *es pazinu tuo meitiņu, kas ar tēvu*⁹¹, *bez māmiņas* BW 4534 var. «я узнавал ту девицу, которая с отцом, без матери (т. е. у которой отец жив, мать умерла)», *paķaļ nāce mans pūrinis ar deviņu bāleliņu* Bt. 955 «позади следовало мое приданое с девятью братцами» (*deviņu bāleliņu* собственно пом., асс. du., ср. Mühlenbach IF XIII 239 и Двойств. ч. 35 и сл.). Далее, является предлог *ar* в зависимости от выражений, обозначающих разного рода взаимные отношения и взаимодействия (*instr.* без предлога теперь так не употребляется): *ne ikdienas sveša māte ar manim laba bija* BW 4130 «не всякий день мачеха была добра ко мне», *es ar savu ligaviņu ilgi naida neturēju* BW 3481,1 (или: *es ar savu ligaviņu... sabāruos* 3481,2) «я недолго жил в разладе со своею женошкою (или: я поссорился с...)», *tas ar manim ienaidā* Спр. 35 «он во вражде со мною», *kaušūs // ar l'ēvim* Zb. XVIII 395 «буду биться с тобою», *eš škirūs ar brōteņu* Mag. XIV 2,176 «я расстаюсь с братцем», *ar māmiņas* (*gen. s.*) *satikties* BW 3182 «встретиться с матушкою», *ar ligavas* (*gen. s.*) *runājuot* BW 11359 «беседуя с невестою», *ar čigānu zirgu miju* Bt. 2088 «я с цыганом поменялся лошадыю», *ar puisiem bučuoties* BW 5278,1 «целоваться с парнями», *voj ta tu nadžeivōši ar tuysu* (странным образом *gen.*) Zb. XVIII 365 «разве ты не будешь жить с нами (т. е. у нас)».

Далее, *ar* ставится при том понятии (предмете, явлении, настроении, действии, обстоятельстве и пр.), которым сопровождается действие или состояние подлежащего (такое понятие является в народных песнях также еще в твор. п. без предлога, если оно стоит во множ. ч. или имеет при себе

⁹¹ В другом варианте *gen. tēva*; *gen.* здесь, вероятно, под влиянием третьего варианта *kas bez tēva, māmiņites*. Лицо, из уст которого записан вариант *ar tēva*, могло, с одной стороны, иметь в виду вариант *bez tēva*, с другой стороны, уже думать о следующем *bez māmiņas* (*gen.*).

определение): *ar dziesmām guldits kļūšu* BW 3 var. «с песнями я буду похоронен», *ar tumsu nāca mājā* (Вольмар) «в темноте пришли домой», *ar saulīti nuopērās* BW 3088 «до захода солнца выпаривались», *ar saulīti lietus lija* Спр. 16 «при солнышке шел дождь», *gara diena ar sauliņas* (gen.), *vēl garāka bez sauliņas* BW 4019 «долго тянется день при солнышке (т. е. когда солнце сияет), еще дольше без солнышка», *rudens atiet ar ābuoļis* (Нидден) «осень приходит с яблоками», *kūti tēku guovis slaukt ar deviņas slauktaviņas* BW 4859 var. (в другом вар. instr. без *ar*: *deviņām slauktuvēm*) «я хожу в коровник с девятью дойниками доить коров», *es uzaugu sērdienīte ar vītuola vainadziņu* BW 4532 «я выросла сиротою с ивовым венком», *ar mieru būt* «быть довольным», *saliksam ar lobu* «помиримся» (Ней-Шваненбург ВВ XXIX 74), *ar apduomu man dziņiņot* BW 4691 «разумно я должна жить», *labāk nabags ar guodu nekā bagāts ar neguodu* (Трейланд Мат., послов. 420) «лучше быть бедным с честью, нежели богатым с бесчестьем», *ar likumu tautas jāja* BW 5078 «кругом ездили женихи», *lai sadega zēlta nauda ar zilām ugunīm* BW 6568, 2 (в другом вар. instr. без *ar*: *zil' uguni*) «пусть сгорят золотые монеты синим пламенем», *b'eja kungs styms, oys ar ašni meiza* Zb. XVIII 254 «барин был болен, все испускал мочу с кровью», *ar guļu gul uz gulti* Mag. XIII 1, 17 «лежмя лежит на кровати», *es... uozuolā ar tecīņu uztečētu* BW 82 «я бы бегом взбежал на дуб», *viņa... nuorāva ar raušus sev lakatu nuo galvas* Austrums IX 1, 431 (ср. Zubatý O alliteraci 24) «она срывом сорвала себе // платок с головы», *ar jāšus (atnācis)* Mag. X 3, 86 «верхом (прибыл)». — Предлог *ar* ставится также при именном понятии, обозначающем временное состояние или постоянное телесное или душевное качество подлежащего (часто еще употребляется instr. qualitatis без предлога): *iztecēja klausīties pliku gālu, mēllu muti, ar basām kājiņām* BW 446, 3 (появление предлога *ar* здесь обусловлено только требованиями размера) «выбежали прислушиваться с обнаженной головою, с нечистым лицом, с босыми ногами», *puķe ar blāvis ziedis* (Нидден) «цветок с голубыми цветами», *tā krūze ar pienu* (Вольмар) «кружка та (запачкана) молоком», *skriņ ragaņc ar šešys gotvys* Zb. XVIII 395 «leci smok z szešciu głowami».

Далее, является предлог *ar* перед именным понятием, вызывающим (причиняющим) то или другое состояние или действие подлежащего (изредка еще является instr. без предлога): *tā ar savu lēpnumiņu sēdēs ilgi vainagā* BW 829

«та при своей гордости будет долго сидеть с венком», *ar lielu slinkumu liekās tā tuos matus savelt* Mancelius Phras. cap. V «von großer Faulheit läßt sie die Haare sich verwühlen», *ar maizīti nuolikušas (galdam kājas), ne ar zeltu, sudrabiņu* BW 1425 (в вар. вместо *ar* — *nuo* с род.) «от хлеба скривились (у стола ножки), не от золота, серебра», *miris ar tādu kaltējumu* Mag. XIII 1, 20 «умер от чахотки», *jaunas meitas saslimušas ar tuo gūžu nelaimīti* BW 839, 1 «молодые девицы заболели болезнью бедер», *slims ir ar drudzi* Mag. XIII 1, 4 «он болен лихорадкой». И не только перед названием болезни является *ar*, но также перед названием той части тела, которая заболела: *ar muguru nevarēju* BW 12480 «я страдала спиною», *vīrs saslimis ar kaklu* LP VII 1, 1255 «у мужа заболела шея», *viņš sūdzās ar galvu* Hesselberg § 311 «er klagt über Kopfschmerzen», *viņš brēc ar krūtīm* ibid. «er klagt über Brustschmerzen», *viņš gul ar vēdēru* ibid. «er liegt an der Ruhr», *viņš nuomira ar kaklu* LSpr. II 313 «er ist gestorben an einer Halskrankheit».

Именное понятие с *ar* является также в зависимости от прилагательных со значением «полный» (вместо *ar* также instr. или gen. без предлога): *pilns kakts ar... uolām* (RKr. VII зар. 554) «угол полон яиц».

Именное понятие при *ar* иногда зависит от выражений тождества или равенства (instr. без предлога так не встречается): *uožuols auga ar liepiņu vienā lazdas krūmiņā; es izaugu // ar tautieti vienā tautas sētiņā* Спр. 31 «дуб рос с липою в одном (и том же) орешнике; я выросла с молодцом в одном (и том же) селе» (*ar liepiņu* и *ar tautieti* здесь не относятся непосредственно к подлежащему и сказуемому, но к следующему *vienā*), *es līdz ar pušķuojuos ar* (в вар. *līdz*) *bajāra meitiņām* BW 4493, 2 «я наряжалась наравне с дочерьми богача», *līdz ar mūri ir kastīte* Mag. XIII 1, 7 «das Kästchen geht bis an die Mauer».

Также в других случаях (напр., *ar* при instr. sociativus и qualitatis) именное понятие при *ar* не относится к подлежащему и сказуемому, но к какой-нибудь другой части предложения, напр. дополнению (такое *ar* иногда удобнее передается через русское «и»): *nuocīr' zaļu uožuoliņ' ar visām bitītēm* RKr. V 176 «срубил зеленый дуб со всеми пчелами», *uods nuosita tēv' ar māti* BW 2749 var. «комар убил отца и мать», *redzēj' manu tēv' ar māti* BW 4996 «видел ли ты моего отца и мать», *žeila ņeša vēst'i tāvam ar mō'i* Mag. XIV 2, 194

«синица несла весть отцу и матери», *dzeivōja jauns kēniņč pi* (или *pi?*) *tāva ar mōt'is* Zb. XVIII 415 «жил молодой король у отца и матери», *atbrauč da tōs meitys tāva ar mōt'i* Zb. XVIII 384 «приезжает к отцу и матери той девицы», *picap gaļiš ar ūtōm* Zb. XVIII 277 «нажаривает мяса с яйцами», *kažeņiš daļik ōžeji' ar četriš acš* Zb. XVIII 239 «kózki zostawiają koziołka z czterema oczami», *es rudenī pārvedišu ar kurbēm plūcējiņu* DJ II 86 «осенью я привезу себе (жену) с башмаками, которая бы рвала (лен)». Посредством «и», впрочем, можно иногда передать и такое *ar*, которое соединяет какое-либо имя с подлежащим: *pūtin pūta, dūcin dūca mēlnais strazds ar baluodi* BW 2542 «свистал скворец и ворковал голубь».

Весьма часто именное понятие при *ar* представляет собою средство или орудие, при помощи которого подлежащее совершает действие (часто, особенно во множ. ч., встречается еще *instrumentalis* без предлога): *es krystu ar yudeņu* LChr. 146 «я крещу водою», *ai pušķim nomu slauka*⁹² Вольтер Мат. 292 «кистями сени метет», *ai gulbei'i nūseuteitu pōru boltu paladzeņ'* *ibid.* 250 «с лебедкою я послала бы пару белых простынь», *ķēniģis jāj ar seši zirģis* (Нидден) «король ездит шестеркою лошадей», *ar osorōm taista kūku* Zb. XVIII 346 «izami podlewa drzewo», *saka sveša māte, kā ar tauri taurējuot* BW 4015¹ «говорит мачеха, что я словно // в трубу трублю», *cits ar naudu lielijās, cits ar savu māmuliņu* BW 3271 «один хвастался деньгами, другой своею матушкою», *grūtu mūžu pavadīju ar lustīgu paduomiņu* BW 122 «тяжелую жизнь я проводил с веселым умом», *es ar savu dziedāšanu rauduliti smīdināju* BW 194 «я своим пением смешила плаксу», *mēteliši ar uguni nuosviluši* BW 2321, 8 «плащи опалились огнем», *ja ar kāju nepiemīnu* BW 92 «если я ногою не пристукивала», *ar kājiņas* (gen. s.; в других вариантах: *kājiņām* или *ar kājiņu*) *mīdidama* BW 7905, 1 «ножкой (ножками) притаптывая», *ar divi pupiņas visu tīrumu apsēj* (RKr. VII заг. 21) «двумя бобинами засевают все поле», *kōp ar kōjis* (gen. s. или acc. pl.?) *vērsā* Zb. XVIII 267 «наступает ногою (или ногами)», *myrkšynōšu ar acš* (acc. pl.) Zb. XVIII 433 «ja mruņņe oczami», *apgrūtenātas ar liekas ēšanas un dzeršanas* (gen. s.) Mancelius Post. I 22 (*ibid.* 25 в таком же сочетании instr. при *ar*) «обременены излишнею едою и питием».

⁹² [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

Всегда ставится предлог *ar* при именном понятии, с которым что-нибудь случается или делается: *kas ar manu kumeliņu* Спр. 56 «что (случилось) с моим конем», *ar viņu pagalam* Hesselberg § 311 «es ist mit ihm aus», *kū ta darēt ar jūs* (по-видимому, асс. pl.) Zb. XVIII 283 «что же делать с ними».

Наконец, приведу один пример, где *ar* имеет, по-видимому, местное значение («рядом с, около, у»): *ar* (в других вариантах: *gar, aiz, pie, par*) *vārtiem ruozes zied, ar vārtiem maguonites: pa vārtiem izvedis pašu ruožu dēstītāju* BW 6435 (предлог *ar* тут дают всего четыре варианта) «около ворот цветут розы, около ворот — мак». Сам издатель, г. Барон, правда, понимает *ar vārtiem* иначе: он говорит: «недостает одного лепестка (но отчего это?), так что остается промежуток в венчике (и этот промежуток будто бы называется «воротами»)». Но такого рода неправильность вряд ли встречается⁹³, и на местное значение предлога *ar* указывают предлоги *gar, pie* других вариантов. Правда, это единственный мне известный пример предлога *ar* с таким (местным) значением⁹⁴.

50

Как видно из приведенных примеров (напр., *ar bā-||leliņis, ar enģeļu*, ср. § 7), предлог *ar* обыкновенно требует твор. падежа, чего и следовало ожидать, если иметь в виду этимологическое происхождение этого предлога. О родительном падеже единств. ч. форм женского рода при *ar* (напр., *ar ligavas*) будет речь ниже во II части. Что же касается род. п. ед. ч. форм муж. рода, то об одном примере (*ar tēva*), где род. п., по-видимому, вызван особыми условиями, уже была речь. Но грамматики старого времени дают и другие примеры; Adolphi даже не упоминает о творит. п. при *ar* и говорит: *ar* «mit» regit ablativum (=genit.), *ar prāta* «mit Verstand». Lotavica Grammatica (1737 г.) учит: *ar* «cum» ponitur bene cum accusativo (=instrum.) et genitivo, *ar tavu garu vel ar tava gara* «с твоим духом». Наконец, Hugenberger (Mag. II 2, 69) дает даже (довольно запутанное) правило, когда ставится accus. (=instrum.) при *ar* и когда ablat. (=genit.), причем примерами для genit. служат: *ir ar naža un maizes klāt* «er ist mit Brod und Messer da», *ar viņa un ar viņas varam ar mieru būt* «wir können mit ihm und mit

⁹³ Также П. Шмидт (MWM X 650) не признает объяснения Барона и понимает *ar vārtiem* в смысле «рядом с в.» или «на одной высоте с в.»

⁹⁴ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

ihr zufrieden sein», *ar viņa pagalam* «mit ihm ists aus». Трудно представить себе, чтобы примеры, которые даются названными грамматиками, были бы взяты из уст народа; я полагаю скорее, что эти авторы, встречая при *ar* род. п. форм женск. рода, затем сами, не обращая внимания на род, придумали примеры род. пад. форм муж. рода при *ar*. Для род. п. множ. ч. при *ar* Биленштейн (LSrg. II 313) приводит пример: *vaļa bērziņam ar lapiņu paspēlēt* Вт. 627 «у березы есть досуг, чтобы поигрывать *ar lapiņu*»; *lapiņu* Биленштейн считает род. п. множ. ч. и переводит «mit den Blättern», но Мюленбах IF XIII 259, по-моему, верно принимает *lapiņu* за асс. s. (в смысле имени собирательного) «листвою». Другой пример (*ar myusu*) выше приведен из инфлянтских текстов Уляновской; но следует сомневаться, действительно ли так говорят витебские латыши: с одной стороны, в этих текстах обыкновенно стоит instr. pl. при *ar*, а с другой стороны, различные явные ошибки в этих текстах показывают, что Уляновская не вполне владела латышским языком и поэтому иногда неверно записывала⁹⁵. То же самое следует ска-//зать об асс. pl. (без числительного), который изредка встречается (напр., *ar acs*) в текстах Уляновской и раз также у Вольтера (*ar lūpus* «со скотом» Мат. 231)⁹⁶; а об асс. pl. существительных, сопровождаемых числительным (напр., *ar četriš acs*)⁹⁷, будет речь ниже, во II части.

51

ār(an)

§ 17. В старопечатных текстах встречается предлог *āran* или *ārā* «из, вне»: *tas manne kaye aran to Tykle* (асс.) *ifwylx* Und. Ps. 245 «он вытащит мою ногу из сети», *pallidtczey thas tums aran thaes Helles fape* 19, 19 «он спас нас из адской муки», *wed man aran mannims Beedims* 24, 9 «выведи меня из моих бедствий», *ko maetce tu aran tims defmette boublims* Кат. 2 «чему ты учишься из тех десяти заповедей», *aran Pillis* Ев. «из замка», *aran tawas Muttes Syrach* 64 «из твоего рта», *wed man āran manām tuokām* Mancelius Post. I 5 «выведи меня из моих страданий», *ārā pils* LChr. 122 (из текста 1644 г.)

⁹⁵ Ср., напр., II s. *tu... apmonieja* Zb. XVIII 285, *tu... apjedia* 297, *tu prosa* 339; III praet. *izruka* (вместо *izraka* «выкопал») 289, // *sapruta* (вм. *saprata* «понял») 426; *danogszu* (вм. *danōkšu* «догоню») 319; асс. s. *wysu ziūs* «всю рыбу» 279, асс. pl. *munus obiejejszi* 313 и др.

⁹⁶ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

⁹⁷ [Autora eksemplārā: *ar ilūkys* BW 21551, 5 v //]

51

«вне города», *āran ustabas* Disp. 210 «вне комнаты». Также немецкое *aus causale* передается этим *āran*: *enide man aran leepnibe* Und. Ps. 24, 14 «ненавидят меня из-за (своей) надменности», *aran tire Beelaftibe* 63, 6 = нем. *aus lauter Gnade*.

52 Возникает вопрос, действительно ли так когда-нибудь говорили. Уже Adolphi говорит в своей грамматике, что *ārā* или *āran* никогда не имеет значения предлога, но только наречия (напр., *ej ārā nuo istabas* «иди вон из комнаты»), и что поэтому ошибочно говорить, напр., *ko mahzais tu ahran teem desmiteem Deeva bausleem* «was lernestu auß den zehen Geboten Gottes». Затем он сообщает еще, что Манцелий в последнем издании (катехизиса ?) заменил *āran* посредством *nuo*. Последнее сообщение особенно важно: оно показывает, что Манцелий, в своей Постилле также употреблявший *āran* в значении «из» (должно быть, под литературным влиянием текстов XVI столетия), впоследствии // убедился в ошибочности такого употребления *āran*. Поэтому позволительно думать, что *āran* в самом деле никогда не имело значения «из» и что вышеприведенные примеры для *āran* «из» ошибочны (в текстах XVI столетия, авторами которых были немцы, встречаются самые грубые ошибки). Но выше я привел также два примера для предлога *āran* (*ārā*) «вне», и сам Adolphi, отрицающий употребление *āran* в значении предлога, все-таки затем приводит выражение *ārā pils* «außerhalb Schlosses», где *ārā*, очевидно, имеет значение предлога «вне». И такой предлог *āran* или *ārā* «вне», по всей вероятности, когда-то существовал (только переводчики XVI столетия ошибочно придавали ему значение «из»); еще Hesselberg (Lett. Sprachl. § 299) приводит «редкий» предлог *ār* «вне» (с род. пад.), напр.: *ār nama* «вне дома», *ār pilsēta* «вне города»⁹⁸. И кроме того, как указал Биленштейн LSpr. II 314, выражение *ārprātā* «вне себя», очевидно, образовалось из сочетания **ār prāta* «вне ума» (подобно тому как *aizgaldā* «в перегородке» из *aiz galda* «за доскою»).

Форма *ār* сокращена из более длинных форм *ārā* (loc. s.; употребляется теперь в значении наречия «вон, на дворе») или *āran*, произведенных от существительного *ārs* «das Außen, das außerhalb Gelegene» (имен. п. редко, кажется, встречается), которому соответствует лит. *oras* «Wetter, atmosphärische Luft» (откуда *oran* Lit. Mitt. IV 176, *aran*

⁹⁸ Вместо *ār* теперь говорят *ārpūs*.

Ширвид PS 16, 8 «вон»). Того же корня, по-видимому, лт. *ārea* «свободное место, площадь»⁹⁹ и, может быть, также скр. *ārē* «вдали», *ārād* «издали» (Fick Vergl. Wrtb. I 4 5 и 358). Попытки возвести эти слова к различным глагольным корням (Fick l. с. от *Ver-* «разделять», Bugge BB XIV 77 от *ʷan-* «дышать», Prellwitz BB XXIII 74 от *ʷāi-* «блистать, гореть»; существование такого корня и возможность перехода *āiro-* в *āro-* нельзя считать доказанными) я считаю неудачными. По-моему, основное значение слов *ārs*, *óras*, *ārea* — «свободное (не поросшее лесом) место, поле» (ср. лат. *lauks*, лит. *laukas* «поле», скр. *lōka-* «свободное пространство»: лат. *laukā*, лит. *laukan* «вон», лит. *laukė* «на дворе»), и в таком случае эти слова, может быть, про-//изведены от корня *ar-* «орать» (в лесистых местностях свободное пространство именно пашни). В латышском встречаем еще также более древнее значение слова *ārs* «плодородное (годное как для пашни, так и для лиственного леса) поле» (в противоположность к *purvs* «болото»), напр.: *ār-zāle* U «das am Feldrande wachsende Gras», *āra pļava* (Зербен) «плодородный (лежащий между пашнями) луг», *āra bērzis* (Etn. III 145) или *ārīskis bērzis* RKr. V 95 «береза, растущая в хорошей почве» (в противоположность к *purva bērzis* «болотная береза»; ср. также *dzied* (поет) *purviski*, *dzied ārīski* BW 600), *āra ataudziņa* (поросль) BW 2760, 5. Далее читаем Etn. III 145: *āre* = *meža gabali* (участки леса), *kur aug* (где растут) *āra kuoki* (деревья, т. е. лиственные деревья, требующие лучшей почвы; *ārs* : *āre* = лат. *lauks* «поле»; лт. *lūcus* из *loucos* «роща»), *ārīgs* (или *ārīgsnējs*) *tīrums* «плодородная пашня», *ārīga pļava* «луг с хорошою травой», *ārīgs mežs* «лес, где растут лиственные деревья, липа, клен, ясень, вяз». В литовском теперешнее значение слова *óras* «Wetter, Luft», вероятно, образовалось из более древнего «das Außen», какое еще имеет лат. *ārs*, а значение «das Außen» возникло на основании форм *ārā* «на дворе», *āran* «вон» (собственно «на поле»).

53

*at*¹⁰⁰

§ 18. Рядом с обыкновенною формою *at* в народных песнях изредка встречается форма *ata*¹⁰¹: *atagult* «уклады-

⁹⁹ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹⁰⁰ [Autora eksemplārā: *an-* Trasun 265 *antvars* //]

¹⁰¹ [Autora eksemplārā: *atavāze* BW 16826, 1 v //]

ваться» BW 1209, *atasēdu* «я присела» BW 8336, Спр. 174, 239, *atasēda* «уселась» Спр. 206, *atasēd* «присядь» Спр. 229, *ataskatu* «оглядываюсь» Спр. 272, *atadzīt* «отогнать» BW 11003 var., *atastu* «поодаль» BW 11341, 4 var. (это наречие встречается также в разговорном языке, ср. ВВ XXVII 327 и словарь Ульмана и о форме также ВВ XXVII 157¹). Затем читаем изредка вместо *at-* также *ad-*: *adwytkuše* «притащившая» Mag. XIV 2, 185, *adweglo* «облегчает» Und. Ps. 20, 22 и даже *adpeftyth* «избавить» 44, 11; если только эти формы вообще верны, то следует видеть в них аналогичное распространение формы *ad-*, возникшей из *at-* перед звонкими взрывными и спирантами, ср. *adfzifte* «признаешь» Und. Ps. 20, 21, *adzagutstas* «укладываются» Zb. XVIII 271 и др. // Наконец, вместо *at-* встречается изредка также *et-*, и не только в говорах, в которых *a* правильно переходит в *e* перед *i*, *e*, *ie* следующего слога (ср., напр., ВВ I 216, XII 215 слл.), но также в говорах, вовсе не знающих такого перехода: *eclēga* «ключ» Lett. Di.-St. 47, 4, 7 (из валкского говора; оттуда же, там же 47, 7, *atslēdz* «отпирают»). Тем не менее было бы, вероятно, неправильно видеть в этом *e* индоевроп. *e*, так как в балтийских языках бывают несомненные случаи сравнительно позднего перехода *a* в *e*: *dencuot* «танцевать» (Шмидт Трояк. долг. 17; вместо обыкновенного *dancuot*), *tēbēka* «табак» (ibid. 44; вм. обыкн. *tabaka*), *pātēga* «плеть» BW 3048, 1 вм. обыкн. *pātaga* (из р. *барогъ*, Brückner Fremdw. 73, 179), *semts* «бархат» BW 5524 var., 10295 var. вм. обыкн. *samts* (из н. *Sammet*), *stēnga* «лом» U вм. обыкн. *stanga* (из н. *Stange*), *mēguone* «мак» BW 6061 вм. обыкн. *maguone*, *ebulinc* «клевер» (Руен) вм. *abulic* (Вольмар); еще другие примеры дает Беценбергер Lett. Di.-St. 96 и 100. Из лит. языка приводят примеры Geitler Beitr. 23, Brückner Fremdw. 42 слл., Bezzenberger GGA 1885 г., стр. 915 и BGLS 54 слл. Беценбергер называет (Lett. Di.-St. 96 и 100) это явление «spontane Tonerhöhung»; ср. также Bezzenberger ВВ XXIII 296, Zubatý AfsIPh. XXV 364², Погодин Следы 153.

В литовском, как обыкновенно и в латышском, форма *at* встречается только в качестве префикса. По указанию Куршата (Gr. § 455), в сложении с глаголами прежде перед *d* и *t* ставили *ata-* вместо *at-*; теперь в Прусской Литве это бывает реже. Но в старопечатных текстах и в части современных говоров *ata-* встречается также перед другими

звучаю: *atawere* в кат. 1598 г. (AfsI Ph. XIII 571), *attaneſche*, *ataieme* в Постилле 1573 г. (Lit. Mitt. V 241), *âtaneſe* у Даушки (Post. 68, 9), *ataneſie* у Ширвида (PS 136, 30), *atawerey* у Мосвида (Tedeum), *attawert* у Виллента (LLD III 33, 26), *ataprunksztúoji*, *atablizgúoje* в Биржах (Lit. Forsch. 1), *ataminé* восточнолит. (Юшкевич, нар. п. № 7), *atāneszu* восточнолит. (Барановский Зам. 63; в Оникштах, где *ā* переходит в *ō*, *atō-*: *atojemu*, *atomenu* Schleicher Donal. 334, Geitler Lit. St. 42), ср. также Bezzenberger BGLS 247. Вместо *at-* встречается также *ati-*, но только в текстах новейшего времени и только перед *d* и *t*: *atidawi*, *atidāwęs* (Jurksch. 134), *atiduok* из шавельск. гов. (Lit. // Mitt. V 276), *atidūs* из швекшнянск. гов. Россиенск. у. (Даушка Кат. 167), *atidarikit* из Трокск. у. (ibid. 184), *atidarysu* из Шавельск. или Понежежск. у. (Geitler Lit. St. 29), *atitráukt* и др. в годлевском гов. (Lesk.-Brugm. 311; тут же сообщается, что в языке лица R является *ati-*, если ударение на предлоге, *ata-*, если ударение на глаголе, напр., *atidavė* рядом с *atadiosiu*. Это, вероятно, объясняется смешением разных говоров, ср. характеристику этого лица на стр. 87), *atiduotu* у Волончевского (Lit. Mitt. III 110), в шадовском гов. (ibid. 528), *atiduosiu* из Тельшевск. у. (Lit. Mitt. V 88); другие примеры в словаре Юшкевича. С именами слагаются формы *at-*, *atā-*, *atō-* (примеры дает Барановский Зам. 63) и также *atuo-*: Беценбергер говорит (GGA 1885, 913), ссылаясь на севернолит. *atódagā*, на асс. pl. *atuodagus* «Spelt» в библии Бреткуна и на рагнитское *atuodagei* (Lit. Mitt. II 127), что Куршат неверно пишет в словаре *atoduogiai* «ярица» вместо *atúodogiai*, и также в словаре Юшкевича читаем *atúodugis*¹⁰². У Юшкевича рядом с *atúodugis* дается *atúdugis*, где *ū*, вероятно, жемайтского происхождения (из *uo*, ср. после-слобие Яблонского ко втор. выпуску I тома слов. Юшкевича, стр. IV слл.). Об отношении *atuo-* к *ato-* и *ata-* будет речь во II части; форму же *ati-*, которая встречается только в текстах новейшего времени и только перед *d* и *t*, я считаю новообразованием к *at-*, возникшим по образцу отношения

¹⁰² Вторая часть этого сложного имени, по всей вероятности, родственна с лит. *dāgas* «горение, зной, время жатвы», пр. *dagis* «лето», гот. *dags* «день» (ср. лат. *a[ſ]dieñi* «ярица»: *diena* «день»); а формы *atuodagei* и *atúodugis*, вероятно, нефонетические видоизменения первоначальной формы *atuodogiai*, возникшие вследствие того, что этимологическое происхождение этой формы было забыто.

api- к *ap-*. Беценбергер приводит (BGLS 246 слл.) из старолитовских текстов также форму *ad-* (напр., *adwedet*) и отождествляет (стр. 88) ее, отделяя от *at-*, с лт. *ad*-¹⁰³. Можно было бы, конечно, объяснять это лит. *ad-* подобно ла. *ad-* (в употреблении, как видно из приведенных Беценбергером примеров, *ad-* и *at-*, во всяком случае в текстах XVI в., не различались друг от друга); // но Беценбергер приводит (ibid. 243) из библии Бреткуна предлог *ad: ifcheit ad fchullines* «выходит к колодцу (источнику)», где *ad* в самом деле и по смыслу соответствует латинскому *ad*. Но не описка ли это лит. *ad* вместо *an(t)*? Правда, и глагольный префикс *at-* иногда по значению соответствует лт. *ad-* (напр., лит. *ateiti* = ла. *atiet* = лт. *advenire*), но во II части будет показано, что значение «*ad-*» (для балт. *at-*) могло образоваться из более древнего значения «*ged-*». Ввиду всего этого я склонен думать, что в литовско-латышском языке существовал только префикс *at(a)-* (не *ad-*). В прусском также встречается только префикс *et-* (*at-*, ср. § 2 и Verneker Pr. Spr. 131), имеющий такое же значение, как лит.-ла. *at*.

В славянском по значению точно соответствует¹⁰⁴ форма *otъ*¹⁰⁵. Этимологическое значение конечного *-ъ* в этой форме для меня неясно. Многие ученые (напр., Bopp Vergl. Gramm. III 493, Ebel KSB I 271, Hirt IF II 347, Wiedemann Prät. 14¹ и, по-видимому, также Meillet Études I 155) сопоставляют слав. *otъ* с скр. *átas* «оттуда». Считаю это возможным, но не несомненным; *-ъ* могло образоваться также из иде. *-u* (Погодин РФВ XXXV 139). Мнение же Бругмана (KVG § 597), по которому *otъ* образовалось фонетическим путем из **otъ*, я считаю довольно сомнительным. Рядом с *otъ*, по указанию Бодуэна де Куртенэ (ЖМНПр. т. 188, стр. 155), Брандта (РФВ XIV 350), Соболевского (РФВ XXII 48), Мелье (Études I 157), в црксл. иногда встречалась также

¹⁰³ Впоследствии, однако (BB XIV 177), Беценбергер сопоставляет и лит. *at-* с лт. *ad*, гот. *at* «у, к», возводя лт. *ad* и гот. *at* к индоевр. **at*, откуда перед звонкими звуками **ad*. И // к этому мнению присоединяется Prellwitz (BB XV 159, XIX 304 слл., Etm. Wrtb. 34). Я же считаю это невероятным, так как по значению славяно-балтийские формы сильно отличаются от германских и итальянских форм (ср. также Meillet Études I 156).

¹⁰⁴ Мнение Педерсена (IF V 60), будто бы литовско-ла. *at(a)-* «несомненно» заимствовано из славянского, вполне невероятно, как уже указал Meillet (Études I 156).

¹⁰⁵ [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1440 //]

форма¹⁰⁶ *ot-* (ср., напр., *otiti, otchoditi, oṭeti, otrokъ*), вполне соответствующая литовско-ла. *at-*. — Славяно-балтийские формы не показывают, восходит ли их начальное *a-* (*o-*) к иде. *a* или *o*¹⁰⁷, и также другие языки // не решают этого вопроса. В прусском, правда, *et-*, а с *e* обыкновенно чередуется *o*, и поэтому Бругман (KVG § 597) действительно приписывает иде. праязыку форму **oti*. Но это сомнительно, так как иногда, особенно в начале слова, с *e* чередуется также *a*, ср. Persson Stud. et. 54 слл., IF II 228, Meillet Études I 156 слл.; последний и возводит слав. *otъ* к иде. **atos*, на мой взгляд, слишком уверенно. — Из других языков, несомненно, сюда относится кельтское **ati-* «*re(d)-*», ср., напр., кельт. *atisqâ* «ответ»: лит. *atsakýti* «отвечать» (Stokes Urkelt. Spr. 8 слл.). Кельтскому же **ati-* Stokes приписывает также значение «*darüber*», а между тем оба **ati-*, вероятно, все-таки в конце концов одно и то же слово. И с кельт. **ati* «*darüber*» (и также со славяно-балтийскими формами) 'далее сопоставляются скр. *āti* «*über — hinaus*» (ср. скр. *atirēka-s*, црксл. *otъlěkъ*, лит. *ātlaikas*, ла. п. pl. *atliekas* «остатки»), з. *aiti* (Osthoff MU IV 222, ср. Bartholomae Altiran. Wrtb. 936, приводит *aiti-bar-* «*wiederbringen*», что было бы по-латышски *atnest*), др.-перс. *atiy* (к какому иде. гласному восходит арийское *a-*, неясно), гр. ἄτι, лт. *et, at*¹⁰⁸ (в *at-avos*), гот. *ith* «и, же», *id-* (ср. Uhlenbeck got. etym. Wrtb. под *idreiga* и *idweit*), ср. Prellwitz Etm. Wrtb. 105, Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 163, Leumann Etm. Wrtb. 11 слл., Johansson BB XV 314, Meillet Études I 155 слл., Brugmann KVG § 597. Наконец, сюда относят также скр. *ād-bhuta-* «удивительный» (Leumann l. c.), гр. ἀτ-ρήν¹⁰⁹ «холоп» (Prellwitz l. c. 38 BB XIX 304), ἀτρήρας (Zeyf KZ XIV 415), ἀτάρ, лт. *at*¹¹⁰, гот. *ath-than* (Meillet l. c. 156); но все это более или менее сомнительно.

¹⁰⁶ Соболевский (l. c.) говорит, что встречалась также форма *oti-*, но не дает примеров. О форме же *od*, употребительной в части слав. наречий, говорят Боуэн де Куртенэ (Оп. фонет. резьян. гов. 110) и Мелье (Études I 157 слл.).

¹⁰⁷ [Autoga eksemplārā: Kappus, Ablativ 16 слл. //]

¹⁰⁸ Менее вероятно объясняют другие ученые (напр., Bréal MSL VII 447 слл., Zimmermann Rhein. Mus. f. Philol. NF LII 458) *atavos* из *ata* и *avos*.

¹⁰⁹ Против этого высказывается Lagercrantz KZ XXXIV 383 слл.

¹¹⁰ Pott Etymol. Forsch. I² 253 сопоставляет лт. *at* с скар. *atha*.

§ 19. Предлог *at* (в значении гр. *κατά* с вин. п.) известен мне только из двух народных песен, записанных в Ранкенской волости Гольдингенского у. и присланных мне г. К. Петерсоном (которому и здесь за это я выражаю свою признательность): 1) *luokāties, šmīdri bērzi, pret sauliti, at sauliti* (асс. с.) «гнитесь, стройные березы, про-//тив солнца, с солнцем!», 2) *vakar bēri pildināju* (sic!)¹¹¹ *pret straumiti, at straumiti; šuodien braukšu māršas vēst pret kalniņu, at kalniņu* (асс. с.) «вчера бурку я купал против течения, по течению; сегодня поеду привезти невестку в гору, под гору»; и из народной песни Цабельнского прихода, любезно сообщенной мне многоуважаемым моим коллегой, магистром Я. И. Лаутенбахом: *pret kalniņu ruokē vedu, at kalniņu ātri braucu* «в гору я (коня) вел рукою, под гору быстро ехал». Кроме того, в том же говоре, по сообщению г. Лаутенбаха, и в разговорной речи употребляется оборот *atkalnu* (с ударением на первом слоге, а это показывает, что сочетание это уже принимается за одно слово — наречие) *braukt* «ехать под гору». Основное значение префикса *at-* можно будет установить только во II части при рассмотрении употребления глагольного префикса *at-*; поэтому теперь приведу только примеры употребления этого префикса в сложении с именами. Иногда *at-* имеет значение нем. «wider-»: нар. *atžagarni* (и с сокращением коренной части: *adžgārniski*) «задом» (от *žagars*¹¹² «хворост»), ср. лит. *ātžagaras* (по Куршату: *verkehrt, eig. gegen die Richtung der Äste od. des Strauchwerks ... stehend, sich bewegend*); *atāķis, atkāsis, atkrampis* «Widerhaken», *atnadzis* «заклепа», *atskabargs* или *atskabarga* «Gegensplitter», ср. также лит. *atšankē* «Widerhaken, hakenartiger Vorsprung an einem Stock, Baum, etc.» (к *-šankē* ср. црксл. *сжкѣ*), *atšakas* «упорный, строптивый» (Юшк.; *šakà* «сук»), *atžaras* «резкий, колкий, грубый, обидный» (Юшк.; ср. у него *atžagaras* «обратный, шероховатый, грубый»; ла. *atzars*, от *zars* «сук», переводится «отросток»; лит. *žāras* известно теперь только в переносном значении, ср. словарь Куршата и Leskien Nom. 20). — В других случаях *at-* имеет значение нем. «wieder-, nach-»: *atbalss* (лит. *atbatsas* или *ātgarsis*) «отголосок», *atkāzas* (лит. *atšovbis*) «Nachhochzeit» (пиршество в восьмой день после

¹¹¹ *pildināt* вместо обыкновенного *peldināt* также, по сообщению г. Петерсона, в окрестностях Либавы.

¹¹² Бещенбергер, GGN 1877, стр. 258, напрасно оспаривает это.

свадьбы), *atbēres* LP VII 1, 403 (значение этого слова тут не дается, но, вероятно, *atbēres* : *bēres* «похороны» = *at-kāzas* : *kāzas* «свадьба»), *atsvēte* «Nach-//fest» (первое воскресенье после Рождества, Пасхи и Троицы; ср. лит. *atkalēdis* «святки», *ātsekminis* «первое воскресенье после Троицы», *ātvēlykis* «Фомино воскресенье»), *attirgus* (лит. *atjomarkis*) «Nachmarkt», loc. s. *atskuolā* «в переучении»¹¹³, *atmiegu gulēt* «ein Nachschlāfchen halten», *atsāpes* «Nachwehen», *atziema* «Nachwinter», *atsēja* «Wiedersaat» (лит. *ātsējos* «вторичный посев»), *atpali* Etn. III 146 «второе наводнение (*pali*), если первое еще не кончилось и вода снова поднимается». — Не совсем ясно для меня значение префикса *at-* в следующих случаях: *atbulu* (Etn. II 33, из рутцауского гов.; лит. *atbulaī*), *atmuguriski*, *atsprāklis* «задом», *atpa-kaļ*¹¹⁴ «назад», *atruoči* «mit verwandter (umgewendeter) Hand», *atdiršu sēdēt* «Rücken an Rücken sitzen», *atkakls* «резвый» (Etn. II 33, из рутцауского гов.; ср. лит. *atkāktas* «упорный, упрямый»), *atsūdu zeme* «das für das vorjährige Getreide gedüngte Land», *atpēdnes* (Etn. III 146: *zaķis nāk uz atpēdnēm* «заяц приходит обратно по тем же следам»; у Юшкевича то же самое по-литовски: *kīškis atpēdžiu grinžta*), *atstuote* Etn. II 113 «отворот (у одежды)», *atspuole* «ткацкий челнок» (*spuole* «цевка»), *a[t]dieņi* (лит. *atūdogiai*, ср. § 18) «ярица», *atkalnu adīt* «eine Reihe mit krausen Maschen stricken» (лит. *atkālnē* «косогор, бок горы», вероятно, возникло из оборота **at kālnq* «под гору»; ср. также лит. *atkrantis* «побережье», *atšlaitis* «косогор»), *otkon*¹¹⁵ «опять» Lett. Di.-St. 167 (Беценбергер, указывая на црксл. *конь* «начало» и р. *искони*, считает ла. форму заимствованною из славянского, но формы **откони* я не знаю и поэтому не считаю ла. *otkon* заимствованным).//

¹¹³ Деревенские дети ходят у латышей обыкновенно три зимы в школу, а в следующие зимы недели на две сходятся снова для повторения, и это называется *atskuolā iet* (*iet* «идти»).

¹¹⁴ Не заключается ли префикс *o(t)*- также в црксл. формах *опаки*, *опако*? Особенно вероятным считаю я это относительно формы црксл. *оретъ* (из **ot-petъ*: собственно, сочетание предлога **ot* с вин. п., как в латышском), ср. лит. *atpeñč* «напротив» (у Юшкевича *atpent* «снова» и у Беценбергера BGLS 71 *atpenti*), по-моему, из *at-* и *pēntis* «обух», а не **pēntis* (пр. *pintis*) «путь», как полагает Беценбергер l. c. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹¹⁵ Употребляемое в нижнелатышском *atkal* «опять», вероятно, глагольного происхождения (Leskien Nom. 102), ср. лит. *ātkaitas* «прислоненный, опертый, обратный»: *atsikālti* «опереться».

Есть также один пример сложения *at-* с прилагательным, причем *at-* выражает ограничение качества: *attāļš* «etwas fern» («находящийся в некотором расстоянии»).

au-

- § 20. В латышском сохранились некоторые формы, которые очевидно содержат префикс *au-*. Бецценбергер (ВВ XVIII 267) первый указал на следующие примеры: *aumaļām* или (с переходом *a* в *u*, о чем ср. § 11) *aumuļām*¹¹⁶ (от *mala* «край») «stromweise, im Uebermaaß» (по объяснению Бецценбергера, собственно: «von den Rändern, Ufern hinweg, herab, uferlos», напр. *asaras aumaļām birst* «слезы льются потоками»), *aumanis* «unsinnig, rasend» (от *maņa* «разум»); *aumež* «gar arg, gar zu sehr» (по Бецценбергеру, из *au-* и **meda* = дрвхн. *mez* «мера», собственно, immodice). Зубатый (О alliteraci 24³) относит сюда также *aulekšu* или *aulekšus* (от *lekt* «прыгать»; также *auleķiem, auļakiem, auļikām* ВВ 12674 или *auļakām*; также *aulekši* «галоп», *aulekšuot* «галошировать») «во всю прыть»; но это сомнительно¹¹⁷, так как встречаются также формы *auļiem, auļiņām, auliski* «во всю прыть», которые как будто указывают на корень *aul-*. Еще более сомнительна этимология, которую предлагает Prellwitz (ВВ XXII 124), разлагая *aupēties* «sich Mühe geben, sich abarbeiten, sorgen, sparen, wirtschaften» на *au-* и **pēties* (: лт. *pēior, pēnūria*; гр. *πῆρα, πῆρός, ταλαί-πωρος*). — Из литовского Зубатый (AfsI Ph. XV 480) сюда относит формы (из лит. газети Auszra) *aulinkui* «fernerhin, später» и *aulinkinis* (напр., *visi aulinkiniai numeriai* «alle späteren, folgenden Nummern»). Это *au-* Бецценбергер и Зубатый верно сопоставляют с пр. *au-* (напр., асс. s. *autūsnaņ* «умытие»), слав. *у* (р. *убогий*)¹¹⁸
- 61 перешло в ла. язык в виде *ubags*), // лт. *au-*¹¹⁹ (в *aufferre, aufugere*; сохранение *au-* тут легко объясняется: **aufferre* из **ab-ferre* совпало бы с *aufferre* из *adferre*), скр. *áva*, з. и др.-перс. *ava*, гр. *αὐ-* (в *αὐερόειν*)¹²⁰ и, ср. Brugmann KVG § 600,

¹¹⁶ Того же происхождения, вероятно, и форма *aumulītis*, которую читаем ВВ 11604: *ai, puisiti* («парень») *aumulīti* (voc. s.)!

¹¹⁷ Ср., впрочем, статью Мюленбаха Изв. IX 3, 259¹.

¹¹⁸ Мнение Погодина Следы 130, по которому *убогъ* из **жбогъ*, я считаю неверным.

¹¹⁹ Фортунатов же (Зап. Имп. Ак. Н. т. 49, прилож. № 1, стр. 102) и Bréal (MSL IX 260 слл.) объясняют, по-моему, неверно лт. *au-* из *ab-*.

¹²⁰ Уже Gellius (Noctes Atticae XV 3) сопоставляет это греч. *αὐ-* с лт. *au-*.

может быть, в ἀρχαίτην ἀναχωρήσαι). Сюда относят также (Persson Stud. et. 2 слл., Johansson BB XV 315 слл., Prellwitz Etm. Wrthb. 39) гр. αὐ, αὐτε, αὐτις, лт. *aut, autem*, осск. *auti*, гот. *auk* и (Wackernagel Altind. Gr. I 54, Brugmann KVG § 600) скр. *o-* (напр., в *ogaṇa-s*; иначе Johansson IF III 241 слл., который производит это слово от корня *aug-*). Считаю все это возможным, но более или менее сомнительным.

*bez*¹²¹

§ 21. Рядом с формой *bez*, употребляемую в литературном языке и в части говоров, во многих говорах встречается *bes* (Сауссен BB XIV 116; Нидер-Бартау, Прекульн, Гавезен, Виргинален, Альт-Жварден, Гайкен, Лутринген, Вормен, Замитен, Ремтен, Вейншенкен, Струтельн, Лестен, Нейенбург, Бенен, Грюнгоф, Жукст, Альшванген, Зурс, Эрвален, Стенден, Пурен, Бауске, Нейгут, Экау, Зельбург, Альт-Пебальг), или *beš*¹²² (Сауссен BB XIV 116; Сунцель, Штокмансгоф, Гохрозен, Линден в Лифляндии; еще другие местности указываются RKг. XIII 93⁴), или изредка *be* (*bę*)¹²³, напр.: Вольтер Мат. 147, 241, 242, 276, BW 9363, 1. Так как форма *be* (*bę*), не обусловленная следующим *c, dz, s, z, š, ž* (о чем будет речь во II ч.), известна мне только из инфлянтских говоров, отличающихся вообще разными литуанизмами, то я считаю инфлянтское *be* (*bę*) заимствован-//ным из лит. языка. Что же касается формы *bes*, то *bez* перед глухими звуками правильно перешло в *bes*, и так возникшее *bes* могло потом путем аналогического распространения явиться и перед не глухими звуками. Но так как в говорах с *bes* есть и предлоги с конечным *-z* (напр., *uz, az*), то распространение формы *bes*, вероятно, обусловлено посторонним влиянием, а именно существованием наречия *bešā, bešū* (Диккельн),

62

¹²¹ [Autora eksemplārā: *bes* Baldohn // *b'ez* «pēs» Raipol //]

¹²² Также *bež*? BW 7069, 2 var. читаем *bež paladziņa* «без простыни» (но перед *p* возможно только *beš*, и можно также считать это опечаткою или опискою), и Бещенбергер приводит (Leit. Di.-St. 78¹) из книги Ливенталя также рядом с *beš* и *bež* (но не приведено следующее за *bež* слово). [Autora eksemplārā: *beš* A-Kalzenau Laudohn Saikava Mārciena Odjen, Gulbere, Bersohn // Grazdohn Vestiena Liepkalne Stukmaņi Erlau Unguri //]

¹²³ [Autora eksemplārā: *bē vainaka + bes oudeņa* Gr-Buschhof M // *bie* (2×) *tobo kumielenia* Leiksna Skr. //]

*bešu, bešus, beš*¹²⁴ «с пустыми руками» (ср. Bielenstein LSpr. § 543, Kauliņ ВВ XIV 116 и словарь Ульмана). Из этих форм наиболее древнею можно считать *bešā* (от основы **betjā-*, ср. § 11), а прочие формы — нефонетические видоизменения этого *bešā*, возникшие по образцу подобных окончаний других наречий¹²⁵. Итак, под влиянием этих наречий *bez* перешло в *bes* и далее в *beš* (мнение же Беценбергера о предложной форме *beš*, высказанное им в Lett. Di.-St. 78¹ и 147, неверно, как видно из всего сказанного).

Латышское *bez*, конечно, того же происхождения, как пр. *bhe* (т. е. *be*) Enchir. 21, лит. *bė* «без». О попытке фон-Розвадовского (IF VII 256 слл.) установить существование в литовском формы *bė* рядом с *bė* была уже речь в § 6¹²⁶. — Гейтлер (Rad jugoslav. akad. XL 125) приводит из Постиллы Бреткуна выражение *be swalios* (в другом месте *beswalios*), переводит «sine voluntate», читая «bes walios», и получает таким образом лит. предлог *bes* «без». Но это для меня крайне сомнительно: латышскому *bez* (*bes*) могло бы соответствовать только лит. **bež* (**beš*), а не *bes*; да и перевод «sine voluntate» вряд ли верен. Правда, и форма **swaliū* неизвестна. Non liquet. Далее, сюда относится слав. *без* (ср. § 1). Соболевский (РФВ // XXII 47 слл.) приводит из древнерусских текстов форму *бе* (напр., *бе грѣха*, *бе уснѣшьна* и др.) и отождествляет ее непосредственно с лит. *bė*. Но вряд ли это верно: по-моему, в этих формах следует видеть аналогическое распространение того *бе*, которое возникло из *без* в таких случаях, как *бе-страха*, *бечисльнѣ* и др. (ср. примечание Ягича к статье Кирсте AfslPh. VIII 396¹; подобно объясняет Gebauer древнечешский префикс *ro-*, встречающийся иногда вместо *roz-*, напр. *rohnyewali*, Histor. mluvn. jaz. česk. I 497). Наконец¹²⁷, сюда относят скр. *bahis*

¹²⁴ ВВ 6715 и *bez* имеет смысл такого наречия: *es gan miega negulētu, kad varētu bez iztikti* «я бы не спал, если бы я мог обойтись без (сна)»; но здесь, вероятно, после *bez* подразумевается из предшествующего стиха gen. *miega*. [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹²⁵ Ср. статью Мюленбаха Изв. т. IX, кн. 3, стр. 259.

¹²⁶ У Манцелия в одном месте (Post. 501) читаем форму *bēhs* (что было бы *bēs* или *bēz*), но это, наверно, ошибка: с одной стороны, у него обыкновенно является *bes* (напр., I 5, 76, 508 и др.), с другой стороны, нередко стоит, по-видимому неверно, *h*, напр. *aissehđje* «закрыли» I 307 и др.

¹²⁷ Догадка Прельвитца (ВВ XXII 81), что эти предлоги, может быть, родственны с прилаг. лит. *bāsas*, ла. *bass*, слав. *bosъ*, мало убедительна.

«вне» из *ba-hi-s* (Walde KZ XXXIV 520; ср. § 1). Полагаю, что эти формы содержат коренную часть *be* (или **bhe*), сохранившуюся в нераспространенном виде в литовском и в прусском; ла. *bez*, слав. *без* представляют собою, вероятно, сочетание этого *be* с частицей **zī*, и в санскрите к этому сочетанию еще прибавлено *-s*, встречающееся и в конце других предлогов (рядом с *bahis* стоит прилагательное *bāhya-s* «внешний»). К корню *be* (**bhe*) возводит эти формы также Osthoff IF VIII 48, но он разлагает *bahis* на *ba-h-is*, видя в *h* производный суффикс, такой же, как в слав. *бе-зѣ*, а в *-is* — известное компаративное окончание. Но это мнение для меня менее вероятно, так как существование распространенной основы *bez-* (рядом с *be*) представляется довольно проблематичным, между тем как частицы (как видно в литовском) нередко присоединяются к предлогам, и существование частицы **zī* в славяно-балтийском (= *hi* в санскрите) представляется возможным (ср. § 1). Meillet же (Études I 153) и Brugmann (KVG § 614) относят *z* (скр. *h*) к корню, полагая, таким образом, что лит. *bè* восходит к **bèž*. Но против этого, кажется, говорит ла. *bešā*, которое, вероятно, предполагает основу **betjā-* (от **be-ti*¹²⁸). Считаю также недоказанным и излишним мнение Мелье, будто бы конечное *-z* в *bez* (слав. и ла.) сохранилось только потому, что оно получилось из группы согласных (*-zs*; ср. I. с. 153 и 160; в таком случае мы, вероятно, имели бы форму **bes*, а не *bez*), ср. § 1.

Brückner (Fremdw. 167 слл.) и Miklosich (Vrgl. Gr. I² 580) считают ла. *bez* (: лит. и пр. *bè*) заимствованным из славянского. И в самом деле, ла. *bez* рядом с лит. и пр. *bè* довольно странно, тем более что *-z* в латышском вовсе не такая производительная приставка, как в славянском. Погодин (Вестн. археол. и историч. X 70), ссылаясь на то, что в латышском и славянском одинаково получаютс*я* *s*, *z* из иде. палатального *k*, *g*, *gh*, в литовском же *š*, *ž*, и что *k*, *g* в латышском и славянском одинаково переходят в аффрикаты (ла. *c*, *dz*, слав. *č*, *dž*, откуда *ž*), в литовском же сохраняются, утверждает, что латышский язык является переходным говором от собственно литовского к славянским языкам. Без сомнения, Погодин идет слишком далеко в этом отно-

¹²⁸ Не сохранилось ли это **beti* в ла. и лит. *bèt* «но»? Ср. средневерхн. *sunder* «без», «но» (ср. Kluge Etym. Wrtb. d. deutschen Spr. под *sonder*) и лт. *sed* «без» (в древнелт., ср. Neue Formenlehre II³ 904), «но».

шении: переходным говором обыкновенно называют такой говор, о котором трудно сказать, к которому из двух соседних наречий или языков он скорее принадлежит, между тем как в принадлежности ла. языка к балтийской группе не может быть ни малейшего сомнения. Можно сказать только, что когда-то латыши стояли ближе к славянам, чем литовцы. К фактам, указанным уже Погодиным, я прибавлю еще следующие: 1) долготы циркумфлектованные как в латышском, так и в славянском произносились (и произносятся) с нисходящею интонациею, в литовском же с восходящею, и акутованные долготы в латышском и славянском произносились с восходящею интонациею, в литовском же с нисходящею (ср. мою статью «Заметки к латышской акцентовке» в Изв. VI 4); 2) в древнейших латышских заимствованиях р. *y* (из *ou*) передается еще посредством *uo* (напр., *bļuoda* «блюдо», *duomāt* «думать» и др.), между тем как в древнейших литовских заимствованиях (как и в ла. заимствованиях более позднего времени) слав. *y* (прежде *ū*) передается уже только посредством *ū* (напр., лит. *bliūdas*, *dūmōti* и др.; ла. *kūms* «кум» и др.)¹²⁹. А это по-//казывает, что когда-то латыши состояли в более тесных сношениях со славянами, чем литовцы. Значит, можно думать, что в ту отдаленную эпоху, когда славянский и латышский языки стояли еще так близко друг к другу, что говорившие на этих языках еще кое-как понимали друг друга, — под влиянием слав. *bez* и латышское **be* было переименовано в *bez*.

§ 22.¹³⁰ Предлог *bez* обыкновенно требует род. падежа и соответствует и по значению русскому «без»: *atsēduos bez darbiņa* BW 9363 «я присела без работы»; *kur es iešu bez pūriņa, kur pūriņis bez manim* (instr.) BW 9474 «куда я пойду без приданого, куда приданое без меня?»; *kura pride, kura egle be zareņa izauguše* (Вольтер Мат. 242) «какая сосна, какая ель без ветви выросла?»; *bež gala daudz* (Гохрозен) «бесконечно много»; *tās dziedāja... bez saules vakarā* BW 81 «они пели... без солнца вечером»; *bez rubuļa nepārduošu* «без рубля не продам»; *steidžu ruožu dārzu beš rešinas izra-*

¹²⁹ Ср. мою статью «Ла. заимствования из слав. языков» // (Жив. Стар. IX 285—312) [Skat. šajā sējumā 80.—113. lpp. — Red.], где, впрочем, много опечаток, так как корректура мне не была прислана.

¹³⁰ [Autora eksemplārā: *bes kuo* Ekau, Live / *bes kam* Baldohn // *bez acu* J-Rauna / *bez ziepu* Drusti //]

vāt BW 6496, 7 «я торопилась выполоть розовый сад без росы (т. е. до появления росы)»; *bez vakara*¹³¹ *nepārnāks* (Bielenstein LSpr. § 543) «без вечера (т. е. до вечера) он не вернется»; *viņš man tuo bērnu atņēma bez gada* U «он отнял у меня дитя без года (т. е. до истечения года)»; *nebraukšu pruojam bez sava laika, bez triju dienu* Ltd. 541 «я не уеду безвременно, прежде (до истечения) 3 дней»; *bez neviena tiesneša* (RKг. VII зар. 848) «sine ullo giudice»; *kūl bez nekād' ties'* (acc. s.; Аппас) «секли без всякого суда»; *bes sunit* (acc. s.; Зурс) «без собачки»; *visas meitas, bez vien tās klibās, uogās* (Hugenberger Mag. II 2, 70) «все девушки, за исключением хромо́й, (пошли) за ягодами»; *es neiešu tautiņās bez deviņi paladziņi* BW 7480 «я не выйду замуж без девяти простынь»; *tris arāji bez zirgiem* BW 2667, 6 «три пахаря без лошадей». Предлог *bez* чаще других предлогов имеет и во множ. числе род. падеж за собою¹³²: // *beš acu* «без глаз» 66 (Сауссен ВВ XIV 116), *ustoba b'ez tūgu* Zb. XVIII 274 «изба без окон», *b'ez rogu* 285 «без рогов», *b'ez kaņepu* 492 «без конопли»; *meita bez brunču* (Роннебург) «девушка без юбки», *bez svārku* (Венден) «без сюртука», *bez gānu* (Лизон) «без пастухов», *bez bikšu* «без штанов» (Смильтен, Бауске), *bez biksu* (Грёзен, Апшуппен, Шмарден, Удзен, Лестен), *jāstaigā bez bikšu* «приходится ходить без штанов» (Вольмарсгоф), *bez biksu palicis* «остался без штанов» (Шрунден), *bez biksu staigāt* «ходить б. ш.» (Кумберн), *nevar iet bez biksu* «нельзя ходить б. ш.» (Ванен), *palicis bez drēbu* «остался без платьев» (Каугерсгоф), *bez drēbju* «б. платьев» (Жукст, Шлампен), *bez drānu* «б. платьев» (Гросс-Пёнау, Бикстен), *palicis bez zirgu* «остался б. лошадей» (Вольмарсгоф, Саукен, Обер-Бартау, Ругенталь), *beš zirgu* (Гохрозен), *bez ziergu* (Фрауэнбург, Кабиллен), *bez ziepu* «без мыла» (Каугерсгоф), *bez utu* «без вшей» (Нидер-Бартау); другие

¹³¹ Ср. лит. *be porýt* «von übermorgen» (Kurschat Wrtb. под *bē*).

¹³² Стерете (Latweeschu walodas mahziba II 39) утверждает, что *bez* сущ. gen. pl. выражает полное отсутствие чего-нибудь, и дает примеры: *ceļnieks pārnācis pat bez svārku* «путешественник // вернулся даже без сюртука» (т. е. ничего более не имея; но: *lai bērns veļk svārku mugurā; bez svārkiem saaukstēsies* «пусть ребенок наденет сюртук; без сюртука он простудится»); *kaimiņš palicis bez luoru* «сосед остался без скота» (т. е. скот у него околел; но: *ganam kauns nākt mājās bez luoriet* «пастуху стыдно вернуться без скота»). Я сам не наблюдал такого различия в употреблении gen. pl. и instr. pl. после *bez*.

примеры Bielenstein LSpr. § 543, RKr. XIII 94, Etn. II 155, III 117.

Местоимения указательные и вопросительные как при других предлогах, так и при *bez* стоят (в значении среднего рода) или в вин. пад.: *bes kuo* «без чего» (Венден, Линденберг, Линден, Экау, Саукен, Вальгоф, Нидер-Бартау, Обер-Бартау, Сессилен, Кронс-Вюрцау, Швиттен, Апшуппен, Шлампен, Калнацем, Грюнгоф, Ливенс-Берзен, Паурен, Ошенекен, Вейншенкен, Лестен), *bes tuo* «без того» (Бауске, Сунцель, Липстгузен); или в дат. п.: *bes kam* «без чего» (Нейгут, Вольмар, Шрунден, Броцен), *bes tam* «без того» (Лестен); или также в род. п.: *bes kā* «без чего» (Лизон); ср. также RKr. XIII 93 слл. и 98.

67 Иногда существительное с *bez* служит определением другого слова: *man atsūta tautu dēlis bez iemauktu kumeliņu; es tau, šķelmi, atsūtišu bez ikšķiša baltus cimdrus* Bt. // 1881 «мне присылает суженый коня без узды; я тебе, шельма, пошлю белые рукавицы без напалка». Здесь сочетания *bez iemauktu* и *bez ikšķiša* в положении перед определяемым словом почти составляют одно слово¹³³. Более употребительные сочетания такого рода, в самом деле, сливаются в одно слово, что выражается перенесением ударения на *bez*, и также пишутся как одно слово: *kā jau bespupa bērs* Mag. XIII 1, 5 «wie schon ein Kind sein kann ohne Mutterbrust»; *raganas skrien par bezastes žagatām* LP VII 1, 548 «ведьмы летают в виде бесхвостых сорок»; *bezgala nabags* 772 «бесконечно бедный»; *gluži pēlēks nuo bezmiega nakts* (D. Gr. N. kal. 1903 г., стр. 122) «совсем серый от бессонной ночи». Такие адвербиальные сочетания затем и склоняются: loc. s. *bezlaikā* BW 6568, 2 «безвременно» (т. е. преждевременно; от **bez-laika*). Наконец, от таких сочетаний образуются существительные: *bezdvēsele* BW 869 (лит. *bedūšis*) «бездушный человек» (от *bez dvēseles* «без души»), *bezguode* BW 950, 2, *beskauņa* BW 950, 3 (в другом вар.: *bes kauna*; лит. *begėdė*) «бесстыдница», *bezdievis* (лит. *bedievis*) «безбожник», *bezzuobis* RKr. VII заг. 791 (лит. *bedañtis*) «беззубый человек», *bezdiņens* (лит. *bedūgnis*) «бездна», *bešruo^ccs* (Сауссен, ВВ XII 231; лит. *beraņkis*) «безрукий

¹³³ Если сообщение Стерсте (ср. предшествующее примечание) верно, то сохранение ген. pl. при *bez* (в противоположность к оборотам с instr. pl. при *bez*), вероятно, объясняется именно большим сращением существительного (в ген. pl.) с *bez* в одно слово.

человек» и др.; и прилагательные: *bezgaligs* (лит. *begalinis*) «бесконечный», *beskaunigs* (лит. *begėdiškās*) «бесстыдный», *besspēcīgs* «бессильный» (от *bes spēka* «без силы») и др.

Здесь я упомяну также, что Brückner (Fremdw. 206) приводит из (недоступного мне) польско-латинско-латышского словаря Курмина инфлянтский предлог *liš* сgm gen. «без», заимствованный (как и жемайтский предлог *liš* «без», *ibid.* 103) из славянского (малор. *лиш*).//

caur

68

§ 23. Предлог *caur* «через, сквозь» произведен от прилагательного *caurs*¹³⁴ (с длительною интон.; лит. *kiūras*) «дырявый, сквозной»; с этими формами Бещенбергер ВВ XIII 299 правдоподобно сопоставляет греч. σῶριξ (с той же ступенью вокализации, как в лит. *kiūrti* «дыряться»). Менее убедительно (но, может быть, и верно) балтийские формы сближаются с р. *кур-носый*, *кургузый* (Berneker IF X 159) и с лит. *skiaurė* «ein durchlöcherter Kahn als Fischbehälter», нидерл. *scheur* «Riß» (из **skuri-*), англ. *score* «Kerbe, Strich» (Uhlenbeck PBrV XX 43). — В инфлянтских текстах иногда вместо *caur* встречаем *car* (Lett. Di.-St. 25; BW 5791, 12; 8603, 14)¹³⁵ или *dzar* (BW 10297, 7 var.)¹³⁶. И та и другая форма, несомненно, так или иначе образовалась из *caur*: возникновение формы *car*, вероятно, обусловлено проклитическим положением предлога *caur* или влиянием *par*, имеющего иногда, как увидим, такое же значение, как *caur*, или же одновременно и тем и другим. О форме же *dzar* (если только эта форма вообще верно записана) можно сказать только то, что она образовалась из *car*, но как, — это для меня не ясно (не под влиянием ли п. *dziura* «дыра»; в восточнола. говорах заметны следы¹³⁷ польского влияния)¹³⁸.

Предложная форма *caur*, конечно, сокращена из наречия *cauri* (напр., *cauri list* «пролезать»), образованного к прилагательному *caurs*; ниже будет приведена из народных песен еще полная форма предлога *cauri*. Что же касается предлож-

¹³⁴ Ср. гот. *thairh* «через, сквозь»: дрврхн. *dērh* «дырявый» (ср. Kluge Etym. Wrtb. d. deutschen Spr. под *durch*).

¹³⁵ [Autora eksemplārā: *car* Aluksne Preili Birsen // *carbraukt car mežu* //]

¹³⁶ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹³⁷ Ср. Brückner Fremdw. 206, Bezzenberger Lett. Di.-St. 75.

¹³⁸ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

ной формы *cauru* BW 8998 var., то в конечном *-u* этой формы следует видеть только приставной гласный, не имеющий никакого морфологического значения (ср. Mühlenbach IF XIII 261, Погодин ЖМНПр. ССCLII 95 слл.).

69

Предлог *caur* «через, сквозь» (н. «durch») требует обыкновенно творит. падежа и имеет прежде всего местное значение (при таком значении иногда при глаголе для усиления является еще наречие *cauri*): *upe tēk caur zaļaju || eglainīņu* Спр. 7 «река течет через зеленый ельник»; *caur ābeļu birzi jāju* Спр. 39 «еду я через яблоневую рощу»; *caur bajāra sētu jāt* Спр. 255 «ехать через боярский двор»; *cauri tēku caur Jēlgavu* BW 5932 «быстро прохожу через Митаву»; *tēk caur* (в вариантах: *par*) *sētu ziedēdama dēlu mātes dārziņā* BW 6427 var. «(роза) проникает, цветя, сквозь забор в сад матери сыновей»; *spīdi gaiši, mēnestīni, cauri manu glāžu luogu* BW 6837 var. «светло сияй, луна, через мое стеклянное окно»; *car siņēnu es dzerdēju* BW 8603, 14 «сквозь стену я слышала»; *sper, pērkuonis, tautu dēlu caur ūdeņu, caur akmiņu* BW 8916 «швырни, Перун, жениха сквозь воду, сквозь камень»; *cauri bridu caur upīti* BW 9053 «я переходила вброд через речку»; *jis cauri guni leida* BW 9847, 2 «он проползал сквозь огонь»; *mēlna čūska zīdu vilka dzar akmini, dzar ūdeni* BW 10297, 7 var. «черная змея продевала шелковину сквозь камень, сквозь воду»; *vējiņš manu balsu nesa... caur luodziņu istabā* BW 464 «ветер носил мой голос сквозь окно в комнату»; *atvelc, pelīte, bērnam miedziņu caur luodziņu*¹³⁹, *caur istabu, caur šūpuļa galdiņiem* BW 2056 «притащи, мышка, ребенку сон сквозь окно, через комнату, сквозь дощечки колыбели»; *cauri zemi dūmi kūp* BW 2329 «сквозь землю дым дымится»; *caur cepuri mati auga* Bt. 2167 «сквозь шапку волоса росли»; *caur cepures* (gen. s.) *dūmi kāp* Bt. 1176 «сквозь шапку дым поднимается»; *caur dieva mutes* (gen. s.) *iet* (Mancelius Post. I 273) «проходит через божьи уста»; *es tavu sierdi raušu caur ābeles sikis zaris* BW 10857, 4 «я буду рвать твоё сердце сквозь тонкие ветви яблони»; *tautiets man ruoku prasa caur brālīša vara vārtis* BW 6389 «жених просит у меня руки

¹³⁹ Hugenberger (Mag. II 2, 83) различает обороты *suns caur luogu izlēcis* «собака выскочила через оконное стекло» и *suns pa luogu izlēcis* «с. в. через открытое окно»; Hesselberg же (Lett. Sprachl. § 317) различает обороты *caur luogu lēkt* «пригнать через окно» и *par luogu skatīties* «смотреть через окно». Считаю их наблюдения верными; но, как видно из приведенных мною примеров, это тонкое различие не всегда соблюдается.

«сквозь медные ворота брата»; *caur tautām cauri gāju* Спр. 39 «я проходила между чужими людьми»; *spīdēj' mans vainadzīņš caur deviņi glāžu luogi* (в вариантах: *caur deviņu glāžu luogu*¹⁴⁰; acc. du.); *vedīs manu augumiņu caur deviņi kungu valsti* (в вариантах: *caur // (или par) deviņas kungu valstis*) BW 6136 «сиял мой венок через девять стеклянных окон; увезут меня (собств.: мой стан) через девять господских владений».

Грамматики дают также примеры предлога *caur* при понятиях времени: *caur visu dienu*¹⁴¹ *viņu meklēju* (Hesselberg § 317) «весь день я его искал»; *caur dienām un naktīm*¹⁴² *jums esmu klausījis* (Bielenstein LSpr. § 582) «целые дни и ночи я вас слушался». Сам я встретил только один такой пример: *jei tyka caur nakti pataisēt sotu i dōrzu* Zb. XVIII 430 «она казата przez noc zrobić wyspę i ogród». Наконец, при *caur* стоит то именное понятие, через которое или посредством которого что-нибудь делается: *laimīgs caur mani tu tiki* LP III 9 «счастливым ты сделался через меня»; *jis caur pētei'i i bogōts i gudfis patyka* Zb. XVIII 331 «он при помощи мышки сделался и богатым, и умным»; *caur sulaiņu pie kungu pietiku* (Hugenberger Mag. II 2, 83) «durch den Bedienten gelangte ich zum Herrn»; *caur ļaunu cilvēku tas man nuoticis* (Bielenstein LSpr. § 582) «durch einen bösen Menschen ist mir das geschehen»; *dievs zina caur mazu lietu savu lielu darbu darīt* (Mancelius Post. I 6) «бог умеет сделать свое великое дело посредством небольшой вещи»; *visi esieta jūs dieva bērni caur tās ticības* (gen. s.) I 89 «вы все чада божьи через веру»; *kaida maņ naitaima nūtyka caur jiusim* Zb. XVIII 287 «какое несчастье случилось со мною через вас»; *eš caur jius* (acc. pl.) *naitaimēigs patyku* 285 «я через вас сделался несчастным»; *car souu mōti izgubeja souu sīvu* Lett. Di.-St. 25, 186 «через свою мать он погубил свою жену». — В народном языке такое значение предлог *caur* имеет не часто (из народных песен я не знаю ни одного примера), но тем чаще в литературном языке под влиянием немецкого *durch* (ср. Mühlenbach DJ III 80).//

¹⁴⁰ Также *iemauktu* «узда» (лт. *freni*) в сочетании *caur iemauktu* // Bt. 1340 acc. du., а не gen. pl., как думает Bielenstein LSpr. § 582 (ср. статью Мюленбаха Двойств. ч. 35 слл.).

¹⁴¹ Обыкновенно говорят *visu cauru dienu*.

¹⁴² Обыкновенно: *caurām dienām un naktīm*.

§ 24. Форма *da*¹⁴⁴ употребляется и в значении предлога, и в значении префикса, но только в восточной части латышских говоров, причем префикс *da-* распространен далее к западу, чем предлог *da*. Так, префикс встречается в вольмарском, трикатенском, роннебургском (много примеров дает П. Шмидт МWM 1903 г., стр. 653), венденском, шуенском говорах, не знающих предлога *da*. В XVI и XVII веках префикс *da-* встречался, по-видимому, также в Средней Курляндии, как показывают тексты того времени, написанные на среднелатышском наречии Курляндии (ср. мою статью *Apskats I* 252 слл.), напр.: *dagayfe* Und. Ps. 70, 23; *dawedde* (Ev.); *dalickuffche* (Pass.); *daggaya* (в тексте 1644 г.; LChr. 119); *daggayis* (Geistl. Lieder u. Psalmen 1671 г.). В литовском я встречал форму *da* только в качестве префикса, притом из современных говоров только в русско-литовских, напр.: *dasižinóti* (в шадовском гов., Lit. Mitt. IV 45), *dabėgs* (из Удрии Кальварийск. у., Lit. Mitt. IV 312), *dasiėdet* (в Дорсунишках Трокек. у., ibid. 411), *dajojom* (в Подубиссях Шав. у., ibid. V 188), *dasižinoja* (в Шав. у., ibid. 278), *daturėšu* (в Ворнянах Шав. у., Даукша Кат. 138), *dažinót* и др. (в годлевск. гов., Lesk.-Brugm. 312), *daplauksim* (в людвиновск. гов., Лит. нар. п. 144); много примеров в словаре Юшкевича. В прежние времена префикс *da-*, по-видимому, был далее распространен, так как встречаем его не только у русско-литовских писателей XVI и XVII столетий, как у Даукши (напр., *datáiskit* Кат. 3, 12), в катехизисе 1598 г. (напр., *dataydo* AfsI Ph. XIII 576), у Ширвида (напр., *dasiBaukt* PS 60, 15), у Минвида-Хилинского (напр., *datayde* и др., Lit. Mitt. IV 267), в катехизисе 1677 г. (напр., *dasitaydžiame* LChr. 91), — но также в форма *chrikstima*

¹⁴³ [Autora eksemplārā: Liepkalne Selburg Stukmaņi // Sunakste Gr-Buschhof A-Pebalg // *da simtam* Lisohn V-Kalsnava Ekengraf Vorkova Lassen Liksna // *da Reigai* Kr-Laicene Preili Pixtern Druvienu V. Odzienu Kraslaw Raipol // J-Gulbene // *da mežam* Liezere Ranka J-Piebalga Sece Erlaa Dubena Kraslaw // Vorkova Dubena V-Piebalga Tirza // *da motys* Korsova // *da meža* Lubahn Laudohn Kaunata // *da durovu* Birsens Baltinov Marienhausen // *da-Cesvaine* Augulene Sarkanpag. Alswig Ogre Bersohn Dewen // Gulbere Odjen Holmhof Illuxt Saviena Selsau //]

¹⁴⁴ Форма префикса *du-* (*dujās* «приедет» BW 7214, 2) или опечатка, или неумелое написание вместо *do-* (с сильно закрытым *o* из *a* под влиянием русского *до-*).

(напр., *dassilitetu* LLD II 33, 11), у Виллента (напр., *dassileides* LLD III 170, 23); другие примеры из старых прусско-литовских текстов // дают Шлейхер (Gramm. 141) и Бецценбергер¹⁴⁵ BGLS 247. Общелитовской, кажется, можно считать форму *dabóti* «стеречь» (при *bóti*, *atbóti* «внимать», «радеть»). Но этот глагол как-то странно и по значению, и по форме походит на п. и белор. *dbać* (от корня **dzb-*) «радеть, заботиться», между тем как о родстве литовских и славянских форм думать нельзя. Поэтому я считаю весьма правдоподобною догадку Брюкнера (AfsIph. VI 271¹) и Лескина (Nom. 307), что простой глагол *bóti* выведен из *atbóti* и что *atbóti* и *dabóti* переиначены из труднопроизносимого п. или белор. *dbać*. То же самое, по-видимому, следует сказать о ла. **dabāt* (в *izdabūt* «угождать»). Кроме того, все, кажется, латышские говоры знают глагол *dabūt* «получать», но Брюкнер (Fremdw. 170), вероятно, прав, считая ла. *dabūt* заимствованным (р. *добыть*); в пользу этого говорит также форма инфинитива *dabuit*¹⁴⁶, встречающаяся в юго-западных говорах Курляндии (Нидер-Бартау, Обер-Бартау, Крутен, Прекульн, Амботен, Вайноден; ср. также Bezenberger Spr. d. рг. L. 129, Lett. Di.-St. 96³, BB XII 225³), где *ui*, как и в других старых заимствованиях (ср., напр., *kuilis*¹⁴⁷ «пороз» из слав. **кыль*, ср. р. *киляк* и др., v. Rozwadowski IF Anz. X 269), правильно передает р. *ы*. — Если, таким образом, (предлог и) префикс *da-* встречается только в восточных говорах латышского и литовского языков (в памятниках прусского языка он вовсе не встречается), то ла. и лит. *da-* (*da*) или заимствовано¹⁴⁸ из славянского (как

¹⁴⁵ Бецценбергер l. с. приводит из тех же текстов также формы *dobotiesi* и *doboiasi* и видит в них «более древнюю» форму префикса *do-* (из **dā-*); по-моему, это только опечатки вместо *dab-*.

¹⁴⁶ Сауссенская форма *dabit* (BB XII 225) имеет *i* из *ы*, как в более поздних заимствованиях (напр., *sits* «сытый»), или *dabūt* возникло к ргаегг. *dabiju* (*dabiju* к *dabūt*, как *biju* «я был» к *būt* «быть») по образцу глаголов на *-it* (напр., *kristit* «крестить»: *kristiju* или *kristiju* «я крестил»).

¹⁴⁷ В более позднее время это слово заимствовано уже в виде **ķilis*, откуда инфлянтское *čeilis* (Wolter BB VIII 299). Hirt же (PBvB XXIII 348) неверно возводит *kuilis* к нем. *keiler* или *keuler*.

¹⁴⁸ Только не следует думать (как делает Погодин Следы 209), что префикс *da-* распространился из таких общепупотре-//бительных заимствований, как *dabūt*, с одной стороны, и под влиянием литературного знакомства с славянскими языками, с другой стороны: о таком знакомстве у латышей почти речи быть не может, и *da-* в *dabūt* не имеет

73 думает Brückner // Fremdw. 161), или, если оно когда-то прежде было общепольским, сохранилось в восточных говорах ла. и лит. языков благодаря славянскому влиянию. — Несомненно заимствована из славянского лит. форма предлога *do*, примеры которого дают Беценбергер (BGLS 244) и Фортунатов (BB III 65), напр. *kas tau do to* «что тебе до этого?». — Слав. *do*¹⁴⁹ правдоподобно сопоставляется с з. *-da* (*vaēsmān-da* «к дому»), гр. *δε* (*οἶκόν δε*), дрвхн. *za* или *zuo* «к» и др., ср. Grassmann KZ XXIII 569 и 571, Scherer GDSpr. 406, Miklosich Etym. Wrtb. 47 и Vrgl. Gr. IV 202, Persson Stud. et. 71 слл., Johansson BB XV 312, Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 65, Delbrück Vergl. Synt. I 766, Brugmann KVG § 605. Вероятно, и в кельтском была предложная форма *do*, ср. Stokes IF XII 189.

§ 25. Предлог *da* требует или (как слав. *до*) род. п., или же дат. п.¹⁵⁰ Что касается дат. п., которому удивляется Брюкнер (Fremdw. 161³), то он стоит при *da* под влиянием дат. п. при однозначном предлоге *līdz* «до». — Ла. *da* (как и р. *до*) означает прежде всего предел движения, распространения, действия в пространстве и во времени и в таком значении равносильно литературной форме *līdz: šys nu* (или *nū?*) *prīdis da prīdis skraidēškys* Zb. XVIII 243 «он-//де будет бегать от сосны до сосны»; *nadabrauksim da vōrt'eņa* Mag. XIV 2, 172 «не доедем до ворот»; *da zemienes lazda zied* BW 3520, 2 var. «до земли цветет ореховое дерево»; *tautu dālu palaiđeju da viņam kat'ņēņam* BW 5964 «жениха я провожала до той горки»; *da golam darynōt* BW 7457, 1 «до конца доделывать»; *augsti kalni, gari meži da manai māmiņai* BW 227 «высокие горы, длинные леса до моей матушки»; *da piertai*

никакого определенного значения (поэтому *dabūt*, подобно простым глаголам, слагается с префиксами, напр. *izdabūt* «выхлопотать»), так что *dabūt* не могло быть образцом для образования других сложных с *da*-глаголов.

¹⁴⁹ Погодин (Следы 208 слл.) утверждает, что слав. исходное *-o* никогда не восходит к иде. *-o* или *-a* (предлог *pro* он выводит из **pros*, а между тем лит. *pra-* нельзя считать заимствованным или не тождественным с слав. *pro*), и возводит поэтому слав. *do* к **dom* «дом». Считаю эту этимологию вполне невероятной. Что же касается род. п. при *do*, из-за которого Погодин еще более сомневается в верности общепринятой этимологии предлога *do*, то ср. об этом Meillet Études I 156.

¹⁵⁰ Огоновский (Rozprawy i sprawozd. z pos. wyd. fil. Ak. um. V 54) приводит и слав. примеры дат. п. при *do*.

tiltu grīdu BW 1082, 2 «до бани я ставил перекладины»; *kaudze da pamatam nuodeguse* LP VII 1, 464 «стог сгорел дотла»; *da tam mežam* (Линден в Лифляндии) «до того леса»; *da klētei* (Зельбург) «до клетки»; *dā mājai* (Берзон) «до дома»; *pytna klēts da grīstu* (gen. pl.) *pitykta* Zb. XVIII 256 «клеть наполнена до потолка»; *da pazušu* 397 «до пазухи»; *vysi jauni... nu* (или *nū?*) *bogōtu da b'ēd'eigu, nu* (или *nū?*) *kungu da mužiku* 454 «все молодые, начиная с богатых до бедных, начиная с бар до мужиков»; *i da vārtu nedajāju* Спр. 242 «и до ворот я не доехал»; *da čelīm zōti brydu* BW 3522, 1 «до коленей я шагала по траве»; *da sirdim māsa mil... bāliņam* BW 3520, 2 var. «до (глубины) сердца брат любит сестру»; *brāji, māsas neturiet da vakara druviņā* BW 5973, 2 «братья, не задерживайте сестры до вечера на ниве»; *nuo rudeņa da rudeņa* BW 7713 var. «с осени до осени»; *da pusnaktei* LP VI 1, 479 «до полуночи»; *da sauteitei* Вольтер Мат. 13 «до (восхода) солнца»; *da picīm* Mag. XIII 1, 21 «до пяти (часов)».

Иногда *da* означает не только предел, но вместе с тем и цель движения (с таким случае *da* соответствует не столько литературному *līdz*, сколько предлогам *pie* или *uz*): *pādi daīt da katva klēts* Zb. XVIII 256 «следы доходят до клетки кузнеца»; *runōj' ļaudis kū runōj', vys da maņa darunōj'* BW 9027, 1 «о чем бы люди ни говорили, все до меня договаривались»; *es aizbrauču da Smiltenei* (Мергоф) «я доехал до Смильтена» или «я поехал в Смильтен»; *teč... da tam smilkšu katņeņam* BW 4375 «беги до той песчаной горки» (или «к той песчаной горке»); *dagōja da tūs patmaļu kiōtu* Zb. XVIII 485 «дошел он до той мельницы» (или «пришел он к той мельнице»); *daskriņ jī otkait da jiuuru* (gen. pl.) Zb. XVIII 343 «добегают они опять до моря» (или «прибегают они опять к морю»); *da'ečeju da diveņa noma duru* BW 3462 «я добежал до дверей божьего дома» (или «я прибежал к дверям б. д.»).//

В других случаях, затем, *da* означает уже только цель движения или действия (как *do* в части слав. наречий, ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 521 слл.; такое *da* равносильно литературному *pie* или *uz*): *nūjōja jis da jō dāta* Zb. XVIII 252 «поехал он к его сыну»; *teč da sovas mōmuteņes* Вольтер Мат. 142 «побеги к своей мамочке»; *seuta mani sveša mōlē da ōbutis* BW 3944, 11 «посылает меня мачеха к яблоне»; *da muteites dalykdama* BW 3335, 3 «прикладывая ко рту»; *lic da loba orōjeņa* BW 10936, 1 «приставь (меня) к хорошему

75

пахарю» (т. е. выдай меня замуж за х. п.); *kai jū izwuičēt da dorba* Zb. XVIII 237 «как ее приучить к работе»; *ej da puram* Mag. XIV 2, 184 «пойди к болоту»; *kur tu t'eci, moza peła? da orūdam, žerņu zogtu* Mag. XIV 2, 166 «куда спешишь, маленькая мышь? — к закрому (или «в закрое»), горох красть»; *braucu da gorodai* BW 2217, 1 (в прилож.) «еду в город»; *īsim da kungam* BW 2290, 3 «пойдем к барину»; *div' da sevīm aicynōi* BW 4375 «две звали (меня) к себе»; *daīt da tūs zornu* Zb. XVIII 297 «приходит он к тем кишкам»; *daskriņ da gonu* 319 «прибегают к пастухам»; *atgōja da jiuru* (gen. pl.) 378 «пришел он к морю»; *ni es gōju da brōlim, ni brōteņi da manim* BW 3865, 2 (в прилож.) «ни я не ходила к братьям, ни братья ко мне»; *satin mani, māmuliņa, da ruozišu lapiņām* BW 1192 var. «заверни меня, матушка, в розовые листья». — Отсюда далее развивается более отвлеченное значение предлога *da*, выражающее склонность к чему-либо (ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 522): *vēl man b'eja tys prōt'eņš da* (в вариантах: *uz*) *jaunōm tēit'eņōm* BW 13009, 1 «меня все еще тянуло к молодым девицам»; *puiši da maitām, . . . zirgi da auzām* Вольтер Мат. 236 «парни (падки) до девок, кони до овса»; *spētēj pīci muzykañti da minam vainokam; lai spētēja ūtri pīci da minam augumam* BW 6129 «играли пятеро музыкантов, домогаясь моего венка; пусть играют другие пятеро, домогаясь моего роста» (т. е. меня самой)¹⁵¹.

līdz

76 § 26. В большинстве говоров вместо *da* употребляется предлог *līdz* (с длительною интонацией; в восточнола. говорах, где всякое *i* обращается в *ei*, *leidz*). Предлог // *līdz* (или в народных песнях, напр. BW 5313, 2 var., также еще *līdzī*) образовался из наречия *līdz(i)*¹⁵² (об употреблении

¹⁵¹ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹⁵² Наречие это является также в форме *lidza* (*leidza* в восточнола. гов.), напр. Zb. XVIII 236 (ср. также Bielenstein LSpr. II 271 и Zubatý Flickvok. 18 и 24), где *-a* вместо *-i*, вероятно, под влиянием других наречий или частиц на *-a* (в народных же песнях *-a* часто только вставной гласный); BW 5313, 1 встречаем даже предложную форму *lidza*, но можно вместо *lidza* читать *līdz a(r)*, — другой вариант в самом деле дает *līdz ar*, — или же *-a* вставной гласный; предлог *leidza* также Zb. XVIII 351. Во всяком случае, однако, эти формы не доказывают, что *līdz* сокращено из *lidza*.

которого ср. словарь Ульмана), произведенного от прилагательного **ligus* «ровный, равный» (откуда и асс. pl. fem. g. *lidzas* BW 4602). Вместо *lidz* в некоторых говорах употребляется форма *lig*, напр. BW 9189, 3 var. (из Синолена), и, по словарю Ульмана, также в Залисбурге и в Рутцау (в этом говоре *lig*, вероятно, литуанизм); форма *lig*, вероятно, образовалась из среднего рода прилагательного **ligu*. В некоторых говорах у предлога *lidz* отпадает конечное *-dz* и получается *li* (Цирау, Сакенгаузен; другие примеры подобного нефонетического отпадения конечных согласных дают Zubatý Flickvok. 13¹ и IF VI 295, Lautenbach BB XVII 277). В других говорах сокращается *i* вследствие проклитического положения и получается *lidz*¹⁵³ (Стенден) или *li* (Шлек, Газау, Таргельн, Попен; ср. также Bielenstein LSpr. § 571); в дондангенском говоре вместо этого *li* слышится также *le*, где *e* из неударяемого *i*.

Есть и в литовском, но, кажется, только в северной части говоров¹⁵⁴, вполне соответствующий предлог *lýg*, считающийся (Schleicher Gramm. 280) сокращением наречия *lýgiai* к прилагательному *lýgus* «ровный, равный». Есть, однако, и предложная форма на *-i*: *ligi* или *ligi* в куртовянк. гов. Шав. у. (LChr. 210 и 211), *ligi* или *lig* в Шав. у. (Lit. Mitt. V 286 и 287; долгое *i* в этих текстах обыкновенно передается посредством *y*), *ligi* в Подубиссях // Шав. у. (Lit. Mitt. V 180; долгое *i* и тут обыкновенно передается посредством *y*). Приходится, значит, думать, что есть и форма с кратким *i* (ср. Дополнения); из текстов, вообще обозначающих долгое *i* посредством *y*, приведу еще *lig* Lit. Mitt. V 199 и IV 517 (из Шав. у.). В пользу краткости *i* говорит также *lig* у Барановского (Ап. 236 и 267; рядом с *gaidys* 243). Встречается также форма *likì*, или *liki*, или *lik* (Kurschat Gr. § 1446). Форма *lik(i)*, вероятно, продукт смешения однозначных форм *lýg* (перед глухими звуками *lýk*, напр. Lit. Mitt. II 39) и *ik(i)*; форма же *lig* получилась из *lýg* или вследствие проклитического положения, или под влиянием формы *lik*. А форма *ligi* (или есть тоже *lýgi*?) могла возникнуть к *lig* по образцу отношения *likì* к *lik*. Далее Куршат приводит

¹⁵³ Форма *lic* в нидденском говоре, употребляемая там рядом с литуанизмом *lik* и известная мне из записей моего друга г. пастора Л. Берзиня, вероятно, образовалась из *lidz* перед глухими звуками и под влиянием сходного по значению предлога *pic*, о котором речь впереди.

¹⁵⁴ Куршат вовсе не знает предлога *lýg*.

сложную форму *sulýg*, вместо которой в годлевском гов. употребляется *salik* (Lesk.-Brugm. 313; *-k* может быть из *-g*, ср. *dauk*, *priek* и др. *ibid.* 291; о *sa-* ср. Bezenberger ВВ XIII 147).

Из родственных языков того же корня следующие формы: пр. асс. *s. polligun* Ench. 35 «равного», *ligint* 15 «судить», гот. *galeiks* «подобный» и др. (ср. Uhlenbeck got. etym. Wrtb. 56 и 100 слл., Kluge Etym. Wrtb. d. deutschen Spr. 147, Prellwitz ВВ XIX 307), ирл. *álic* «приятный», кимр. *cyffelyb* «consimilis» (Stokes IF II 168).

78 § 27.¹⁵⁵ Предлог *līdz*¹⁵⁶ управляет дательным, или творительным, или изредка и родительным пад.¹⁵⁷ Означает он, во-первых, предел движения, распространения действия в пространстве, во времени и в числе или степень, до которой доходит что-нибудь: *līdz zemei klanijās* Спр. 189 «он кланялся до земли»; *līdz pirtei tiltu grīdu* 287 «я сделал мостовую до бани»; *vēra vārtus li galam* Вт. 2050 «они отворяли ворота до конца»; *līdz kūtei* (Линден в Курл.) «до хлева»; *līdz mežam, pļavai* (Экау) «до леса, луга»; *līdz dubenam* (Гавезен), *le dubnam* (Донданген) «до дна»; *līdz me-//žam, upi* (dat. или instr.), *kūti* (Вольмарсгоф, Каугерсгоф) «до леса, реки, хлева»; *līdz pļavi* (dat.), *tai mājai* или *tuo māju* (Каугерсгоф) «до луга, того дома»; *līdz Rīgi* (dat.; Бауэнгоф) «до Риги»; *līdz Rīgai* (Сауссен, ВВ XIV 118); *es redzēju savu Laimi līg pusīti* (dat. или instr.; в вариантах: *pusei* или *pusites*) *ūdenī* ВВ 9189, 3 var. «я видела свое Счастье до половины в воде»; *viņš... tuocija tuos līdz beidzamam* LP VII 1, 110 «он мучил их до крайности»; *dāb's svārciņ's li paš' zem' ВВ 7475* (ср. также ВВ 1060) «получишь юбку (доходящую) до самой земли»; *niuo namiņa līdz istabu* ВВ 1082, 4 «от прачечной до избы»; *līdz muižu* (Каугерсгоф) «до мызы»; *līdz pļavu, kuoku* (Вольмарсгоф) «до луга, дерева»; *li duban* (Пуньен) «до дна»; *lic* (также *lik* или *ik*) *miesta* (Нидден) «до города»; *līdz zemītes* (в вар.:

¹⁵⁵ [Autora eksemplārā: *līdz gaismai* Ekau, *līdz mežam, pļavai* Ekau / *līdz klētei* Līve / *līdz tam // akmeņam, līdz kūtei, gaismai* Baldohn / *līdz malai* Drusti // *leidz šā laika* Dubena //]

¹⁵⁶ Иногда для усиления после *līdz* вставляется еще форма *pat*, сокращение местоимения *pats* «сам».

¹⁵⁷ Странный и, может быть, ошибочный оборот читаем Psalmen² 53^b: *lidcz tan trejchan denan* (местн. п. на *-an*) «до третьего дня».

zemiti) zari likst BW 5450 «ветви гнутся до земли»¹⁵⁸; *leidz ģeļim* Zb. XVIII 397, *lidz ceļis* (Нидер-Бартау) «до коленей»; *guli tu leidza postoru dinai* 351 «спи до страшного суда»; *lidz gaisumai* (Линден в Курл., Вальгоф), *gaismai* (Экау, Эллей, Апшуппен), *gaismi* (dat. s.; Сессилен, Катариненгоф, Лестен, Нейенбург), *gaismu* (Апшуппен) «до рассвета»; *lidz uotram rudeņam* (Вольмарсгоф) «до следующей осени»; *lidz pat uotram ritam* LP VII 1, 231 «вплоть до следующего утра»; *lidz nākuošai svēdienai* (Сауссен, ВВ XIV 118) «до следующего воскресенья»; *li ziemiņ'* Bt. 756 «до зимы»; *lidz dziļu nakti* BW 2132 (стр. 344) «до глубокой ночи»; *lidz svēdienu* Mag. XIII 1, 3 «до воскресенья»; *lidz šuo baltu dien(u)* «доныне» (собств. «до этого белого дня»; Стенден, Сауссен ВВ XIV 118, Hesselberg § 324); *lidz pusdienas* BW 1327, *pusdien's* (Цабельн) «до полудня»; *lidz vēcū Jāņu* (gen. pl.¹⁵⁹; Петергоф) «до старого Иванова дня»; *li desmit* (Цирау) «до десяти»; *maksāšu lidz rubulim* LSpr. § 571 «буду платить до рубля» (т. е. не меньше р.). Иногда *lidz* (как и *da*) означает не столько предел, сколько цель движения или действия: *aizbrauksim lidz pilsētām* (Каугерсгоф) «поедем в город»; *kam, puisiti, dubļus bridī lidz* (в вар.: *uz*) *manim bārenīti* BW 5130, 2 «к чему ты, парень, ходил по грязи ко мне, сироте»; *li kale* (Шлек) «к кузнецу»; *runā ļaudis, kuo runāja, vis' lidz manis darunāja* BW 8841, 1 «о чем бы люди ни // говорили, все до меня договаривались»; *es grib tapt a sō^ulit li sevēm bālīņēm* (Газау) «я хочу до заката солнца прибыть к своим братьям».

79

Изредка *lidz* обозначает срок, к которому что-либо должно совершиться: *lai gatava taisījuos lidz*¹⁶⁰ *citam rudeņam* BW 10526 «чтобы я приготовилась (выйти замуж) к будущей осени».

В других случаях предлог *lidz* имеет значение «наравне с» (соответственно, возле): *audz, mana pādīte, lidz mani liela* Spr. 140 «расти, моя крестница, с меня ростом»; *patš leidz spēidi* Zb. XVIII 404 «сам он (ростом) в пядь»; *lai zied mani vaigu gali lidz sarkanu ābuoliņu* BW 5416 var. «пусть цветут кончики моих щек наравне с красным клевером»; *es uzaugu pus mežiņa, vaiņags lidzi meža galu* (в вар.: *meža galu* (instr.) *vainadzīņš*) BW 5313, 2 var. «я выросла (вышиною)

¹⁵⁸ [Skat. Дополнения и поправки. — ReĶ.]

¹⁵⁹ Обыкновенно: *lidz Jāņiem*.

¹⁶⁰ В вольмарском говоре сказали бы: *uz*.

в пол-леса, венок на одной высоте с верхушками леса»; *sēd līdz* (в вар.: *pie*) *mani* BW 582, 4 «сядь возле меня»; *tava dēla valuodiņa stāv līdz asu zuobentiņu* BW 3126 «речь твоего сына похожа на острый меч»; *līdz bāliņa neizaugu* BW 5300 «я не выросла (ростом) с брата»; *līdz vanaga ladināt* Bt. 2659 «носиться подобно соколу»; *tai maņ nūtik teidz*¹⁶¹ *tova vārda* LChr. 150 «да случится со мною сообразно с твоим словом»; *lai es arī balta augu līdz citām māsiņām* BW 2856 «чтобы и я выросла белая наравне с прочими сестрами»; *es līdz pušķuojuos līdz* (в вар.: *ar* или *dat.* без предлога) *bajāra meitiņām* BW 4493 «я наряжаюсь наравне с дочерьми богача»; *gara priede lieljāsi līdz smalkām eglītēm* BW 4537 «длинная сосна хвасталась наравне с тонкими елками» (т. е. сравнивала себя по достоинству с т. е.); *es darba nedarīju līdz citām māsiņām* BW 6657, 2 «я не работала наравне с (т. е. я раб. хуже) прочими сестрами»; *līdz lapām es zaļuoju* BW 5979 «наравне с листьями я зеленела» (т. е. пышно росла); *man sarkani vaigu gali līdz ruožu lapiņām* BW 5445 «кончики щек у меня красны наравне с розовыми листьями»; *tās vistas jau šuogad līdz mežuoniem* (Цемпенгоф) «куры, однако, в этом году похожи на дикарей» (т. е. очень назойливы, прожорливы); *lai neauga rudzi, mieži... līdz deviņas vasariņas* LP VII 1, 573 // «чтобы рожь и ячмень не росли в продолжение девяти лет» (*per povem aestates*; или можно также считать здесь *līdz* наречием и перевести «ровно девять лет»). — В этих случаях *līdz* иногда заменяется посредством *līdz ar*: (*serde*) *līdz ar kuoka virsaunēm* (Трейланд Мат., заг. 612) «(сердцевина простирается) до верхушек дерева»; *tieva, gara es uzaugu līdz ar* (в вар.: *līdz pat*) *meža galiņiem* BW 5313, 1 var. «я выросла тонкою, высокою наравне с верхушками леса». — Литовское *lyg* употребляется, в общем, так же, как и ла. *līdz*, и управляет род. или дат. падежом¹⁶²: *lig dugna* «до дна» (Lit. Mitt. V 89; из Тельш. у.); *nekelk vartų ligi galo* «не поднимай ворот до конца» (V 180); *lyg Klaipėdôs* «до Мемеля» (I 64; из мемельск. гов.); *lyk kėlu lykrėtu* «до коленей, до груди» (II 39); *salik atkėniu* «до локтей» (Lesk.-Brugm. 266); *nō szaknės lig wirszėnei* «от корня до верхушки» (An. 267); *lyg*

¹⁶¹ Ср. лит. *palyg* (cum. gen.) «gemäß» Kurschat Wrth.

¹⁶² Встретил я раз и винит. п.: *no rėta lig wakarą* (Lit. Mitt. I 358) «с утра до вечера»; но позволительно думать, что *wakarą* опечатка или описка вм. *wakara*.

szo laiko «до настоящего времени» (Lit. Mitt. I 62); *lig musu amžiaus* «до нашего века» (Geitler Lit. St. 38); *ligi gaidiāliu* «до пения петухов» (LChr. 210); *lyg pat dienos* «до бела дня» (Lit. Mitt. V 272); *lig pat rudēnies* «вплоть до осени» (IV 404); *lig ilgōs naktes* «до глубокой ночи» (V 90); *lig szej dienai* «до сегодняшнего дня» (V 199); *lig pačiam rudēnēliui* «до самой осени» (V 287); *pasītaise ant kēlo lyg Klai-pēdōs* «он отправился в дорогу в Мемель» (I 65); *szi zōdi lyg jūsū izslēist* «(издать и) послать (к) вам эту статейку» (I 61); *taī tū nēke nēturi sakūte lyk trēju nakte* «dann darfst du drei Nächte lang nichts sagen» (II 39; ср. выше ла. *lidz deviņas vasariņas*); *lig slunksnia diduma, lig suola platuma* «величина с порог, ширина со скамейку» (V 288); *lyg paušzczui lēkti* «gleich einem Vogel fliegen» (Schleicher Gramm. 280); *medēlio wirbūnē būwo sulyg māno pecziāis* «des Bäumchens Gipfel war in gleicher Höhe mit meinen Schultern» (Kurschat Gr. § 1450; другие примеры в его словаре под *sulyg*; *sulyg* соответствует латышскому *lidz ar*).

Что касается падежей, которыми управляют ла. *lidz*, лит. *lyg*, то дат. и твор. п. стоят при этом предлоге, вероятно, под влиянием употребления этих же падежей при // прабалтийском прилагательном **ligus* (ср. Delbrück Vergl. Synt. I § 124). Можно сказать, что в латышском от имен женск. р. твор. падеж чаще встречается при *lidz*, чем от имен муж. р. (так, напр., в сауссенском говоре, по сообщению Каулиня ВВ XIV 118, при *lidz* обыкновенно стоит дат. п., но твор. п. встречается в обороте *lidz šuobaltdien*); правдоподобно это объясняет Мюленбах IF XIII 253 (формы на -*u* при *lidz* он, однако, на мой взгляд, неправильно называет винит. пад.). — Что же касается род. п. при этом предлоге, то и его употребление может быть древнего происхождения (ср. Meillet Études I 156), но следует иметь в виду, что в литовском род. п. при *lyg* мог явиться под влиянием того же падежа при однозначашем предлоге *iki*; в латышском же этот падеж при *lidz* встречается довольно редко и в восточнола. говорах, может быть, обусловлен род. падежом при однозначашем предлоге *da*, а в прочих говорах разными другими причинами (напр., род. п. в *lidz vēcu Jāņu*, может быть, под влиянием род. п. в таких оборотах, как *priekš* («до», ante) *Jāņu*, *pēc* («после») *Jāņu*). Относительно значения вполне безразлично, который из этих падежей стоит при *lidz*; если же Hugenberger (Mag. II 2, 73) утверждает, что разные падежи при

lidz имеют и разное значение, то в этом следует видеть произвол грамматика, так как данные языка не подтверждают этого (ср., напр., Hesselberg § 324).

*dēļ*¹⁶³

§ 28. Рядом с формой *dēļ* («ради, для») Биленштейн (LSpr. § 566) приводит форму *dēļ*, отношение которой к *dēļ* для меня не совсем ясно. В народных песнях встречаем также более длинную форму *dēļi* (примеры дает Zubatý Flickvok. 7); *-i* в *dēļi* приставной гласный, или же *dēļi* непосредственно соответствует лит. *dēliai*. Далее приводит Зубатый (l. c. 18) из народных песен также форму *dēļa*, где *-a*, вероятно, опять только приставной гласный или же, быть может, сокращено из *-ā* в *dēļā* (напр., *tā dēļā* «потому», Цемпенгоф). Беценбергер (Lett. Di.-St. 161) приводит также форму *dēļ*, сокращенную из *dēļ* в проклитическом положении.//

82

В литовском есть соответствующая форма *dēt*, сокращенная, кажется, из *dēliai*. Встречаем, однако, в катехизисе 1598 г. также форму *dela* (AfslPh. XIII 588) и у Даукши (Post. 34, 17) форму *ko-de^ali-g*, где *i* допускает разное толкование. В годлевском гов. (ср. Lesk.-Brugm. 284 и 312) вместо *dēt* говорят *dēt* или в проклитическом положении — *dēt*. В некоторых говорах отбрасывают конечное *-t* и говорят *dē* (Jurksch. 97 и 132), и у Юшкевича (в его сборнике народных песен), по указанию Зубатого (Flickvok. 13), вместо *kuo-dēt* «почему» употребляется и сокращенная форма *kuo-d*.

Этимологическое объяснение этого литовско-латышского предлога довольно затруднительно. Связь его со слав. (црксл., древнер.) *дѣля* (в црксл. также *дѣльма*) несомненна, но неясно отношение балтийской формы к славянской форме, так как с достоверностью не знаем, образовалось ли слав. *ѣ* этой формы из *ē* или из *oi*. Вероятнее, однако, происхождение *ѣ* из *oi*, так как другие славянские формы, с которыми можно сближать *дѣля*, указывают на *oi*; црксл. *дѣльъ* «часть», с которым сопоставляется *дѣля* (ср. Fick ВВ II 209, Miklosich Etym. Wrth. 45), вероятно, соответствует однозначному гот. *dails*. Форма же *дѣло*, о родстве которой с *дѣля* также можно думать, может быть, и не произведена от

¹⁶³ [Autora eksemplārā: РФВ 60, 434 // *d'ēļ' naudys Birsen* //]

известного глагольного корня *dhē-* (ср. Miklosich I. с.): в литовском есть форма *dailė* «дело, производство» (напр., *daitė rąkų tawų* «дело твоих рук» Даукша Кат. 72), *dailýdė* «зодчий, строитель» (Юшкевич), *dailycžia* «Werkstatt» (Kurschat) и др., которые трудно не сближать со слав. *дѣло*. Наконец, если прав Миклошич, который сопоставляет *дѣля* с *для*, а при сходном значении обеих форм это довольно правдоподобно (ср. Etym. Wrtb. 45 и 55, Vrgl. Gr. IV 526), то имеем перед собою чередование коренных форм *doil-* : *dil-*¹⁶⁴. А если это так, то литовско-латышская форма, вероятно, в раннюю эпоху заимствована из славянского. Значение (ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 526) и форма (ла. *dēļā*, лит. *dela*) балтийского предлога вполне соответствуют значению и форме слав. предлога; общим свойством является также их положение после того слова, которым они управляют. В пользу заимствования говорит также восходящая интонация литовской формы (ср. de Saussure MSL VIII 426 // слл.; возможно, впрочем, восход. интонацию лит. *dēt* возвести к более древней нисход. интонации, которая соответствовала бы длительной интонации ла. формы, ср. статью Явниса Понев. у. 93 слл. и такие формы, как *mēs* «мы», III fut. *žinōs* «будет знать» и др., ср. Сборн. LXIV № 11, стр. 154, Изв. I 487, ВВ XXII 248¹, MSL XII 230; под влиянием восход. интон. односложной проклитической формы *dēt* могла потом и в двусложной форме *dėliai* нисх. инт. быть заменена восходящею инт.). Наконец, в литовско-латышском не знаем такой именной основы *dėl-*, к которой мог бы восходить наш предлог.

83

§ 29. Предлог *dēļ* в большинстве случаев управляет родит. падежом и стоит или после того слова, которым он управляет, или перед ним. При *dēļ* стоит то именное понятие, которое вызывает или причиняет то или другое действие или состояние: *dziesmas* (в вар.: ген. пл. *dziesmu*) *dēļ* ... *ienaidīņa neceliet* ВВ 957 «из-за песни не обижайтесь»; *tevis dēļ* (в вар.: *dēļ tevīm*) *man jāguļ* ВВ 1089, 1 «по твоей вине я должна лежать» (говорит родильница мужу); *strazdiņš pēma dzeņa meitu dēļ* (в вар.: *par*) *tā raiba kažiociņa* ВВ 2535 «дрозд женился на дочери дятла из-за пестрого кожуха»; *maksas dēļ neņsmu tuo darijīs* LP III 2 «ради платы я этого

¹⁶⁴ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

не делал»; *darba dēļ nuoskumuse* BW 4691¹ «из-за работы (т. е. потому, что должна работать) она уныла»; *darba dēļ sveša māte nevar mani nicināt; lai nicina miega dēļ* BW 6698 «из-за работы (т. е. за лень) свекровь не может меня поносить; пусть поносит из-за сна (т. е. за сонливость)»; *bi man vien' riekst' dēļ tād' liel' lēgzd' liekt, bi man vien's meit's dēļ tād' tāļ' ceļ' jāt* Etn. IV 60 «разве мне следовало из-за одного ореха сгибать столь большую ореховину, разве мне следовало из-за одной девицы проехать столь далекий путь»; *viņ' sanāc aka dēļ tuo paš' puik'* (асс. с.) *strīdē* Etn. IV 60 «они опять поссорились из-за того же самого мальчика»; *dēļ tuo karu* RKr. XIII 93³ «по причине той войны»; *d'ēļ tō* (ibid. 242: *tam*) *ka* Zb. XVIII 236 «потому что»; *kam dēļ* «почему»; *dēļ tam* (dat.) RKr. XIII 94¹ «потому» (ср. Mühlenbach IF XIII 241 слл.); *tuo dēļ* (Анцен) «потому» (ср. Mühlenbach l. с. 252 и 262)¹⁶⁵; *es nevaru ļaužu dēļ caur bajāra // sētu jāt* Спр. 255 «из-за людей (т. е. опасаясь людских толков) я не могу ехать через боярский двор»; *puišems* (instr. pl.; в вар.: gen. pl. *puišu*) *dēļ es negāju ne pa luogu raudzītēs; kā puisitis meitams* (в вар.: *meitu*) *dēļ jūdžem skrej vakarē* BW 10554, 3 var. «из-за парней я даже не ходила смотреть через окно; парень из-за девиц за несколько миль бегаёт вечером»; *munu dēļ* (о форме *munu* ср. Mühlenbach IF XIII 234) ... *māte piekususi* BW 10998 «ради меня... мать устала»; *nevilšu dēļ* (Нейенбург) «по нечаянности (нечаянно)».

Если взять оборот *tēva dēļ, mātes dēļ* (в вар.: *par tuo tēvu, māmuliņu*) *bez vārdiņa dzīvuotum* BW 1345 «из-за отца, из-за матери я бы жил без имени», то и здесь именное понятие при *dēļ* (отец, мать), собственно, является виновником того, что дитя чуть-чуть не осталось без имени, но в действительности каузальное значение предлога здесь более не чувствуется вполне ясно, так что *dēļ* вернее здесь переводится «что до»: «что до отца, матери» (насколько это зависело от о., м.). В других случаях *dēļ* уже вовсе не имеет каузального значения: *šitie puiši manis dēļ vai bijuši, nebijuši* BW 7833 «что до меня (то мне все равно), существуют ли эти парни или нет»; *munu dēļ* «meinetwegen» (уступительно; BW XV 297², ср. выше *munu dēļ* «ради меня»).

¹⁶⁵ В инфлянтских текстах обороты *d'ēļ kam* (Zb. XVIII 250, // 259) или *dēļ kō* (353), странным образом, не значат «почему», но «почему нет» (в п. переводе «szemu nie»), напр. «*idūd maņ paraudzāt!*» — «*dēļ kam! dūšu*» (250) «дай мне ответить!» — «отчего же (не дать)? я дам».

Наконец, предлог этот, особенно в восточнола. говорах, получает значение «для». Если взять пример *puišu dēļ* *pušķuojās* Спр. 150 «из-за парней она наряжается», то именное понятие при *dēļ* (парни) здесь является виновником действия в том смысле, что в угоду ему производится действие; поэтому можно *dēļ* здесь передать посредством «для». В других примерах уже предлог *dēļ* имеет исключительно значение р. «для»: *maņ d'ēļ kēniņa putneņč ira* Zb. XVIII 275 «у меня есть птичка для царя»; *d'ēļ maņa nab'eja tys griuts* 432 «для меня это не было трудно»; *kab tu jūs nažātōtu d'ēļ maņi* 422 «если бы ты их не жалел для меня»; *buyš d'ēļ t'evi* 299 «будет для тебя»; *audzē, dieviņ, dēļ* (в вар.: *priekš*) *manim vienu krietnu kalpa zēnu* BW 10954 var. «боже! вырасти для меня одного порядочного парня-батрака»; // *pa jūstai ōdys d'ēļ syksnu* Zb. XVIII 462 «по пасие skóry на rzemieenie»; *d'ēļ tūs cytu . . . natyka* 402 «для остальных не хватало»; *ti gūds . . . dēļ vysu zōēru* 386 «там пиршество для всех зверей»; *atnēs mytktu d'ēļ peiragu* 267 «przynieś maķi na buiki»; *tufēja tobōku sirdi d'ēļ b'ēd'eigus* (gen. pl.) 254 «он имел более доброе сердце для бедных»; *es nūveitu vaiņiņceņu d'ēļ vysōm meitiņōm* BW 5924 «я бы сплела венок для всех девиц». В литературном языке *dēļ* не имеет значения «для» в этом смысле.

85

Лит. *dēt* имеет в общем такое же значение, как и ла. *dēļ*, и обыкновенно управляет род., изредка также винит. пад.¹⁶⁶ (Schleicher Gramm. 286, Kurschat Gr. § 1444 u. Wörterb., Bezzenberger BGLS 244, Lesk.-Brugm. 303 и 312, Юшкевич Слов.): *dē diēwa* «ради бора» (Jurksch. 132); *wisi jo puikystes dē būwa įsipykine* (97) «alle hatten sich seines Prunkes wegen eingärgert»; *katrās mīrē dēļ mergjētēs* (SvD, стр. 17 № 18, 10) «который умер из-за девицы» (т. е. не получив ее); *kepūrē dēļ tāvęs nupirkaū* (Юшкевич Слов.) «я купил шапку для тебя».

§ 30. Предлог *dēļ* в постпозитивном положении и со значением «ради» иногда заменяется формой *labad*. Эту форму Зубатый (Flickvok. 13) очень правдоподобно считает сокращением первоначального **laba dēļ* (напр., **kā-laba-dēļ*)¹⁶⁷

¹⁶⁶ Изредка является вин. п. и при слав. предлоге: *что дѣльма* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 526).

¹⁶⁷ [Autora eksemplārā blakus: *tālabapēc* // *kālabapēc* // LP VI 938, 942 //]

«*sciuis boni causa*», откуда *kā-labad* «почему, ради чего»; ср. выше § 28, лит. *kuod* из *kuodēl*¹⁶⁸. Форма *laba* тут гер. s. прилагательного *labs*¹⁶⁹ (= лит. *lābas*, пр. *labbas*) «добрый, хороший». Вместо *labad* в народных песнях встречается также *labadi* (примеры дает Зубатый Flickvok. 14), *labada* или *labade* (примеры *ibid.* 18 и 19), или *labadu* BW 6449 var., где *-i*, *-a*, *-e*, *-u* известный приставной гласный, или даже *labades* (*kālabades* BW 6449 var. «почему»), где *-es*, вероятно, возникло под влиянием того или другого наречия или частицы на *-es* // (*-ēs*). Далее, вместо *labad* встречается также *labād* (*kālabād* «почему» Vt. 164), где *ā* допускает различное толкование; вероятно, *labād* — продукт смешения форм *labad* и *labā*. А именно, рядом с *labad* употребляется и *labā* (напр., *kā-labā* BW 8502), форма, представляющая из себя, вероятно, loc. s. (иначе, но менее вероятно для меня объясняет ее Зубатый Flickvok. 14¹). Наконец, вместо *labad* употребляется и *lab* (в сочетаниях *kā-lab* «почему», *tā-lab* «потому»). Зубатый (Flickvok. 14¹) считает *kā-lab* сокращением первоначального **kā-laba* (род. п. без предлога, но с тем же значением, как и с предлогом); я допускаю возможность такого объяснения, но считаю также возможным видеть в *lab* сокращение из *labad*.

Форма *labad* встречается главным образом в оборотах *kā-lab(ad)*, *tā-lab(ad)*, также *kam-labad*, *tam-labad* (Mühlenbach IF XIII 241), а изредка и в других сочетаниях: *tās villas labad* (Сакенгаузен) «из-за той шерсти»; *tēva labad pieņem dēlu* (LSpr. § 570) «ради отца прими сына».

В словаре Ульмана приводится также «малоупотребительный» постпозитивный предлог «*behd*» (вероятно, = *bēd*), напр. *manis behd* «meinethalben». Форма *bēd*, собственно, творит. пад. существительного *bēda*¹⁷⁰ (с нисход. инт.; лит.

¹⁶⁸ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹⁶⁹ Одного корня с *labs*, может быть, арм. *lav* «besser» (Hübschmann Armen. Gramm. 451). Менее убедительно сопоставляются с *labs* некоторые санскр. и греч. формы (Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 120, Prellwitz Etm. Wrtb. 177, Uhlenbeck aind. etym. Wrtb. 258).

¹⁷⁰ Связь ла. *bēda*, лит. *bėdà* со слав. *бѣда* несомненна. Между тем Fick сближает (Vergl. Wrtb. I⁴ 89) лит. *bėdà* с скр. *bādhatē* «вытесняет, притесняет» и др., а слав. *бѣда* (*ibid.* 490) с гот. *baidjan* «принуждать» (последнюю этимологию признают также Miklosich Etym. Wrtb. 12 сл., Uhlenbeck got. etym. Wrtb. 22). Если же *ѣ* в *бѣда* из *oi* (ср. еще црксл. *бѣдѣти* «принуждать» = гот. *baidjan*, *о-бида* и др.), то ла. *bēda*, лит. *bėdà* могут быть только заимствованы из славянского, в пользу чего говорит также циркумфлекс коренного слова лит.-ла. формы (ср. de

bēda, с восход. инт.) «беда», как видно из следующих примеров: *manu bēdu... dēlu māte nuomiruse* BW 10532 «(горюя) из-за меня мать сыновей умерла» (говорит девица); *manu bēdu* (в вар.: *manu bēd*, или *manu pēs*, или *manu dēļ*, или *manis pēs*, или *manis dēļ*), *bāleliņi, zēmu acu nenesiet* BW // 6574 var. «из-за меня, братья, не опускайте глаз (стыдась)»; *manu-bēd dievs ar Laimu iet lielā ienaidā* BW 9242 «из-за меня бог со Счастьем сильно поссорился». Из этих примеров видно, что первоначально говорили *manu bēd(u)*, а так как это выражение по значению равносильно обороту *manis dēļ*, то стали также говорить *manis bēd*.

87

ie-

§ 31. Форма *ie* употребляется теперь только как префикс в сложении с глаголами и существительными и восходит к **en*, точно соответствуя прусскому предлогу и префиксу *en* (или *an*, ср. выше § 2) «в». В литовском же встречается только форма (предлог и префикс) с слабою ступенью вокализации¹⁷¹, а именно в прусско-лит. литературном языке *ī* (из *in* в самостоятельном положении и перед спирантами, носовыми и плавными; затем *ī* обобщено и в части говоров совсем вытеснило *in*), а в части говоров (напр., в лудвиновск. нар. Лит. нар. п. 133, в Новоалександровск. у. *Kurschat Gr.* § 1445 и др.) и в старопечатных текстах (напр., *forma chrikst.* LLD II 33, 16, у Виллента, ср. LLD III, стр. LXXXI, у Ширвида, ср. LLD IV, стр. XXXIX слл. и др., рядом с *i*) также *in*¹⁷² (предлог — часто также, с прибавлением известной частицы, *ingi* или *ing*, напр. в катех. 1547 г. LLD I 12, у Виллента LLD III 63, 12 и др.). В части говоров вместо (и отчасти

Saussure MSL VIII 426 слл.). Если в помпьянском (лит.) говоре рядом употребляются формы *bēda* «беда» и *biednas* «бедный, жалкий», то это не доказывает (как полагает Явнис Понев. у. 126), что лит. *bēdā* не заимствовано, но только то, что *bēda* и *biednas* заимствованы не в одно и то же время (ср. выше, § 24, ла. *kuilis* рядом с *čēllis*). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹⁷¹ Ср., впрочем, статью Зубатого IF VI 269 слл.

¹⁷² Мнение Фортунатова (Зап. Имп. Ак. Н. т. 49, прилож. № 1, стр. 103), по которому лит. *in* из *ing(i)*, я не считаю безусловно верным: префикс в большинстве случаев законно сохраняет форму *in-* и мог содействовать сохранению этой же формы также в качестве предлога, который и без того в тесной связи со следующим словом по большей части законно сохранял конечное *-n*.

рядом с *i* или *in* употребляется (предлог и префикс) *int* «в» (напр., у Бреткуна Geitler Lit. St. 13, в Новоалександровск. у. *ibid.* 24, в вилкомирск. нар. *ibid.* 86, в Оникштах An. 220 и Schleicher Donal. 334, в слонимск. нар. Гродн. губ. Lit. Mitt. IV 170, в годлевск. гов. Lesk.-Brugm. 312, в Сувалкск. губ. Lit. Mitt. II 179 и др.). Meillet (MSL // IX 156) и Prellwitz (Etm. Wrthb. 25) совсем отделяют *int* от *in* и отождествляют *int* с гот. *und* «до», возводя лит. *in-*, гот. *un-* к сонанту *n*. Но ввиду того, что *in* и *int* имеют одно и то же значение, я присоединяюсь ко мнению тех ученых, которые производят *int* от *in*. Фортунатов (ВВ III 63) возводит *int* к **in-ti* (о *-ti* ср. выше § 11); но мы нигде не встречаем формы **inti* (между тем как рядом с *idánt* «чтобы», по крайней мере в старопечатных текстах, встречается еще *idanti*). Итак, более правдоподобно, на мой взгляд, говорит Бругман (Lesk.-Brugm. 312), что *int* или новообразование к *in* по образцу отношения *ant* к *an* (из *ant*, ср. *ibid.* 311), или первоначально возникло из *in* перед *s-* (подобно *pinciu* из *pinsiu* «буду плести») и затем было обобщено, быть может, под влиянием формы *ant* рядом с *an*. Но, кажется, не все говоры с *int* знают переход *ns* в *nts* (по текстам, которые в моем распоряжении, я не могу решить этого вопроса), и поэтому я (как и Zubatý AfslPh. XVI 404) думаю, что появление *int* (рядом с *in*) обусловлено именно существованием *ant* (при *an*). Такое новообразование было тем более возможно, что в употреблении формы *ant* и *in* отчасти сходятся (ср. словарь Юшкевича под *i*, *an*, *ant*), чему содействовало влияние соседних языков; так, Brückner (Fremdw. 164) приписывает возникновение оборота *ant staidq* «в хлеве» (Купишки, Kurschat Gr. § 528) польскому влиянию (*na stajnie, na stodole* и др.). Формальная параллельность предлогов *in(t)* и *an(t)* и частое их сходство в употреблении были, далее, причиною того, что в части говоров *in(t)* получило значение «на», а в других говорах *an(t)* получило значение «в». Так, в восточно-лит. нар. Ковенск. губ., по сообщению Барановского (Зам. 68), *unt-* (из *ant* с фонетическим переходом *an* в *un*) имеет значение «в-» (напр., *unteit* «входить»). С другой стороны, значение «на» имеет *in* (в ошмянск. нар. Вил. губ., Lit. Mitt. IV 184, в тверечск. гов. Вил. губ., LChr. 377) или (предлог и префикс) *int* (в северных говорах Прусской Литвы, ср. Geitler Lit. St. 19, 20, 86, Bezenberger Lit. Forsch. 26, 33, 47, 40, 46, Lit. Mitt. II 31, 32, 38, 43, ВВ VIII 102, XXIV 318). Рядом с *int* «на» в тех же говорах встречаются однозначные формы

(предлога и префикса) *inš* и (предлога) *inč* (Bezenberger Lit. Forsch. 113, BB VIII 102, Lit. Mitt. II 39, 40), и // (предлога) *anš* (Bezenberger Lit. Forsch. 32, 96, BB VIII 102, ср. также Lit. Mitt. II 47), и (префикса) *anč*¹⁷³ (Geitler Lit. St. 76, в векшнянск. гов. LChr. 314, в хвейдано-швекшнянск. гов. *ibid.* 318). Форма *inš*, на мой взгляд, представляет из себя сочетание предлога *in* с частицей **ž(i)* (= слав. **zŕ*, ср. § 1), которую Миклошич (Etym. Wrthb. 69) и Зубатый (KZ XXXI 60) усматривают также в лит. *prieš* «против» (из **prie-ž*); если это верно, то *in-* в *-inš* (вместо ожидаемого **iš*) восстановлено под влиянием *in* и *int*. Форму же *anš* нельзя непосредственно возвести к **an-ž(i)*, так как *an* само из *ant*; вероятно, *anš* возникло к *an* (*an* встречается уже в текстах XVI стол., напр. в *forma chrikst.*, и весьма употребительно в части современных говоров, напр., в Мärgchen Юркшата почти исключительно употребляется *an* вместо *ant*) по образцу отношения *inš* к *in*. Что касается форм *inč* и *anč*, то Фортунатов (BB III 63) и, по-видимому, также Беценбергер (BB VIII 99) возводят эти формы к **inti* и **anti*. Но это для меня невероятно: лит. *ant*, по-видимому, образовалось из более древнего и в старопечатных текстах еще часто встречающегося *anta* (= гр. *ἀντα*, гот. *anda-*), рядом с которым никакого **anti* не встречаем. Затем, конечное *-i* в литовском перед следующим гласным, насколько я знаю, не переходит в *-j*, но отпадает (напр., *ap-ąugti* «обрастать» из **api-ąugti*). Наконец, в говорах с *inč*, по сообщению Беценбергера (BB VIII 99), сочетания *tj*, *dj*, за исключением начала слова, не переходят в *č*, *dž*. Ввиду всего этого я думаю, что формы *inč*, *anč* образовались путем смешения форм *inš* и *int*, *anš* и *ant*.

Из родственных языков сюда относятся слав. *on-*, *q-*, *vъn-*, *vъ* из **on*¹⁷⁴ (ср. Miklosich Etym. Wrthb. 221 слл., Solmsen KZ XXIX 97), герм. *in*, кельтск. *en* (Stokes Urkelt. Spr. 29), древнелт. *en* (Neue Formenlehre II³ 907, Lindsay-Nohl 672), //

¹⁷³ [Autora eksemplārā: Buga I 115 //]

¹⁷⁴ Менее вероятно возводят слав. *on-* к иде. **an* Соболевский (РФВ XXII 43), Uhlenbeck (got. etym. Wrthb. 11), Meillet (MSL IX 49 слл.). Кроме того, Meillet и также Joh. Schmidt (KZ XXVII 307) отождествляют слав. *vъ* с лит. *i*. Такое сопоставление, однако, в фонетическом отношении не безукоризненно, и нет никакой надобности отделять *vъ* от *on-*, *q-*: форма глагольного префикса *vъ-*, *vъn-* или фонетического происхождения, восходя к той эпохе, // когда префикс и глагол еще не составляли одного слова, или же представляет из себя видоизменение более древнего **on-*, **q-* под влиянием предложной формы *vъ*, *vъn-*.

90 осск. и умбр. *en* (von *Planta Gramm.* II 445, *Brugmann IF XV 71*), гр. *ἐν*, алб. *in* «до» (*G. Meyer Etym. Wrtb.* 159), арм. *i* (*Meillet Esquisse 69, Pedersen KZ XXXVIII 223*), ср. *Brugmann KVG § 594* (о слав. *vъ* *ibid.* стр. 279¹).

§ 32. Употребление префикса *ie-* непременно предполагает существование в старину предлога **ie* «в»: *ieruocis* (лит. *įrankis* или *įnagis*) «орудие» (собственно: то, что есть «в руке»), *ieradzis* «die weiche Substanz im Horne (*rags*) der Tiere», *ienāši* (лит. *įnosės*) «сап», *ieleja* (или *leja*) «долина» (ср. лит. *įtomis* «впадина»; ла. *lāma* «яма»; црксл. ждоль, р. удоль : дол), loc. s. *iekrēsliņā* (Трейланд нар. п. № 436) «в вечернем сумраке», *iemulda* «muldenförmige Vertiefung». Уже в этих примерах встречаем уменьшительное значение префикса *ie-*: *iekrēsliņā* (в противоположность к *krēsli* «в сумерках») значит, собственно, «в начале сумерек» (когда еще менее темно). В сложении с прилагательными и с наречиями префикс *ie-* имеет исключительно уменьшительное значение: *iedzēltāns* «желтоватый» (собственно: то, что уже впадает в желтый цвет), *iesarkans* «красноватый», *iezilgans* (*zirgs*)¹⁷⁵ LP VII 1, 1233 «сероватый (конь)», *iepeļēks* «graulich», *ieskābs* «кисловатый», *iesalkans* «сладковатый», *ievēlgans* «сыроватый», *iegarēns* «продолговатый», *ietāšs* «далековатый», *iestāvs* LP VII 1, 1327 «крутоватый», *ieslīpi* «etwas schräge», *iesķībi* «ein wenig schief», *iesķērsām* «etwas quer liegend», *iestūriski* «nicht ganz winkelrecht» (ср. лит. *įžāmbei* «наискось»), *iesānis* «seitlich, etwas von der Seite her», *iepreti* или *iepretim* «nicht ganz gegenüber (*preti*), sondern mehr seitlich», *ieblakus* LP VII 1, 451 «не совсем (почти) *blakus* (возле)», *iepaķaļ* «немного позади» (ср. LP I 64), *iepriekš* «(немного) впереди, заранее»; ср. еще лит. *įkartais* «по временам, иногда», *įtarpais* «в свободное от занятий время, изредка».

91

iekš

§ 33. Предлог **ie*, по крайней мере в части случаев, вытеснен формой *iekš*¹⁷⁶, образованной от существительного

¹⁷⁵ [Autora eksemplārā *blakus*: T. 65 //]

¹⁷⁶ В наречии прусских латышей встречается, по указанию Бецценбергера (*Spr. d. pr. L.* 50), также форма *ikš*, сокращенная из *iekš* в проклитическом положении.

iekša (с нисходящею интонацією) «внутренность» из **en-tjā* (ср. Bezenberger BB IX 334, XXVII 159 и выше § 11). Согласный *k* перед *š* — известный вставочный звук; в некоторых говорах встречаются еще формы без этого *k*: существ. *ieša* (Вилькенгоф) и предлог *ieš* (Блиден, Etn. IV 18). Другие диалектические формы предполагают форму **iekšškā* : *iekššīgs* «внутренний», *ehcksck* (= *iekšš*) «в» или *ehcksch* (= *iekš*; в грамматике Pereguzena Mag. XX 2, 33), *exkan* (= *iekškan*, Und. Ps. 1, 6; там же, напр. 2, 11, *exan* = *iekšan*) или *ieškā* «внутри» (Сауссен BB XIV 118) и др. Все эти формы можно вывести из **entjā* > **iešā* (ср. выше § 11), но ввиду того, что ла. *iekšas* «внутренности, кишки» по значению точно соответствует лит. форме *iščos* (ср. Leskien Nom. 394, Bezenberger BGLS 40 и BB XXVII 159), позволительно думать, что *iekšas* восходит через **ieškās* к **enstjās*; значит, можно предполагать, что когда-то рядом с **entjā* существовало **enstjā* и что потом обе формы совпали в **ie(k)š(k)ā*. От этого существительного образовалось наречие *iekšan* или (loc. s.) *iekšā* «внутри» или «внутри». В старопечатных текстах *iekšan* употребляется еще в качестве предлога, и если Adolphi (стр. 239) утверждает, что *iekšan* имеет только значение наречия, то это еще не доказывает, что *iekšan* никогда и нигде не имело значения предлога. Восходит ли сокращенная форма *iekš*¹⁷⁷ только // к *iekšan* или также к *iekšā*, этого не знаем; сокращенная форма встречается также в значении наречия, напр. *nāc iekš* «komm herein» (Апприкен).

92

§ 34.¹⁷⁸ Предлог *iekš* распространяется на счет местного пад. без предлога, отчасти, может быть, под влиянием церковного языка, созданного немецкими пасторами, которые свое нем. *in* обыкновенно передавали посредством *iekš(an)*. Еще

¹⁷⁷ Мюленбах (Изв. IX 3, 257) называет сокращение *iekš* (и др.) из *iekšā* (и др.) «немыслимым» и полагает, что *iekš* (и др.) возникло рядом с *iekšan* (и др.) по образцу уже прежде рядом существовавших форм *klātan* : *klāt* «близ», *šurpan* : *šurp* «сюда». Но формы *klātan* и *šurpan*, по-видимому, никогда не были общеупотребительными. Затем, влиянием каких слов Мюленбах может объяснить возникновение форм *rag* «подожди» (рядом с *ragaidī*), *li* «до» // (рядом с *lidz*) и др. (ср. выше стр. 36)? Одним словом, Мюленбах напрасно оспаривает возможность сокращения *iekšā* (или *iekšan*) в *iekš*.

92

¹⁷⁸ [Autora eksemplārā: *caurumu iekat iekš tuo akmeni / iekš alus / kuo bērsi iekš tā lielā // maisa / sēžu iekš gultu* Baldohn //]

теперь всякое сочетание *iekš* с падежом можно заменить одним местн. падежом без предлога. Предлог *iekš* имеет при себе обыкновенно родит. п., а изредка (без различия в значении) также вин. п.¹⁷⁹: *iekš tā zaļa niedrājiņa divi... avuotīņi* BW 5036, 10 «в том зеленом тростнике два источника»; *iekš tā dārza viens uozuols* RKг. VII заг. 348, 2 «в том саду один дуб»; *iekš tās zelta ābeliņas* RKг. V 83 «в той золотой яблоне»; *iekš tā mēdus* (Зербигал), *ie. mēdus* (Крутен, Апприкен, Амботен, Кабиллен), *ie. mēd's* (Эдвален), *ie. mēđ* (Пуньен) «в меду»; *ie. mājas* (Венден, Бенен) «в доме»; *ie. skarja* (Нидер-Бартау), *skāpa* (Линден в Курл.) «в шкапу»; *ie. ūdeņa* (Вайноден, Иванден), *ie. tuo ūdeni* (Ванен) «в воде»; *ie. āls* (Озельн), *āl* (Пурен) «в пиве»; *iekš tās putas* (Нигранден) «в той каше»; *ie. zemītes* (Иллиен), *exan Semmes* (Und. Ps. 2, 11) «в земле (или стране)»; *ie. Lielupes* или *ie. tuo Lielupi* (Гросс-Вюрцау) «в реке Аа»; *ie. istab's* (Феликсберг), *ie. tuo istab* (Шлек) «в комнате»; *kas kait manim nedzīvuot vēl iekš... vainadziņa* BW 5268, 1 «что мешает мне (не) жить еще в венке (т. е. незамужнею)»; *es vāja taru iekš miega* (Заркау) «я стала слабою во сне (т. е. я стала страдать от бессонницы)»; *iekš vienas ciešanas vien ir dzīvojujis* (Блиден, Mag. XIII 1, 7) «он жил в одном страдании (т. е. постоянно страдал)»; *ie. tās valuodas* (Зербигал), *ie. valuodu* (Шеден) «в речи»; *ie. ēnas* (Феликсберг) «в тени»; *ie. kara* (Рутцау) «на войне»; *iekš devītās desmitas* (Обер-Бартау) «на девятом десятке»; *ie. septītās des-//mits* (Лутринген) «на седьмом десятке»; *visi saka, ka Jēkabs iekš tēva*¹⁸⁰ *ēsuot* U «все говорят, что Яков весь в отца»; *iekšan pasaules* Mancelius Post. I 15 «на свете»; *ikšan* (с восточнола. *i* из *ie*) *siles* (из инфлянтск. текста 1753 г. LChr. 148) «в яслях»; *ie. tuo mēru* (Гросс-Вюрцау) «в таксе, в мере»; *iekš tuo laupījumi* (Жукст) «в добыче»; *dzimis iekš tuo pagastu* (Альт-Аутц) «родился в той волости»; *ie. plāv* (acc. s.; Шлек) «на лугу»; *ie. smilkt*, *ie. tuo iscirtum* (Стенден) «в песке, в вырубке»; *ie. tuo trauk* (Зельгербен) «в сосуде»; *iekš tuo nam' dzīvot doktērs* (Зельгербен, Etn. IV 60) «в том доме живет доктор»; *iekš tuo šūpulišu* (gen. pl.) *daudz... bērniņu* RKг. VII заг. 1440

¹⁷⁹ В текстах XVI столетия, вероятно ошибочно, иногда при *iekš(k)an* являются формы на *-an*: *exkan Debbes walštiban* (Und. Ps. 48, 23) «в царстве небесном».

¹⁸⁰ Ср. *tēvei* (loc. s.) *piezimuši* BB XVII 277 «родились (похожими) на отца».

«в тех колыбелях много ребят»; *ie. kārklū, rudzu* (Нидер-Бартау П.) «в вербах, во ржи»; *es gulēju iekš māmiņas ruociņām* BW 1943, 3 «я спала на руках мамочки»; *iekš piķēm iesēdies* (Вольмар) «севши в цветы»; *es uzaugu ar tautieti iekš vienām ruobežām* BW 9397, 2 var. «я выросла с женихом в одной и той же волости»; *iekš vēciem rakstiem* (Буртнек) «в старых книгах»; *es iekš ļaužu valuodām* BW 8456, 1 (в вар.: loc. pl. без предлога) «я в людских сплетнях (т. е. обо мне сплетничают)»; *ikšān padebesim* (LChr. 145) «в облаках»; *iekš trim dienām* LSpr. § 568 «in drei Tagen». Спрингис приводит (Etn. II 154) из нидер-бартауского говора пример instr. pl. при *iekš*: *iekš viņis lielis mežis* «в тех больших лесах»; но я сомневаюсь, действительно ли там так говорят: насколько я знаю, в этом говоре является instr. pl. только после тех предлогов, которые и в единств. ч. требуют творит. (или вин.) падежа; а сообщение Спрингиса, может быть, вызвано недоразумением: встречая instr. pl. после предлогов, требующих этого же падежа и в ед. ч., он мог подумать, что в нидер-бартауском говоре (подобно тому как в литературном языке) после всех предлогов во множ. ч. ставится instr. pl., и сам придумать приведенный пример instr. pl. при *iekš* (мои соображения были бы невозможны только в том случае, если бы г. Спрингис сам был родом из Нидер-Бартау, чего я, к сожалению, не знаю).//

Adolphi (стр. 239), Hugenberger (Mag. II 2, 71) и Ulmann 94 утверждают, что на вопрос «где?» ставится gen. (*iekš dārza* «в саду»), на вопрос «куда?» асс. (*iekš dārzu* «в сад»); мои собственные наблюдения не подтверждают этого¹⁸¹.

*gar*¹⁸²

§ 35. Предлог *gar* «вдоль» представляет из себя сокращение наречия *garām* (LSpr. § 567) или *garām* «мимо» (Вольмар, где *ř* вообще неизвестно), произведенного от прилагательного *garš* «длинный» (ср. нем. *lang* : *längs*); от того же корня происходит пр. *pagār* (*pagār mien* Ench. I «neben mir»), где *-ār* из *-ar* при нисходящей интонации (как *pēr* из *per*

¹⁸¹ [Autora eksemplārā: *ēks nūvada ēligūja* BW 17793 //]

¹⁸² [Autora eksemplārā: *garit gar cimu* RKr. 17, 138 // *it garum golda Preili garum motys* Jaunušāni // *dzar (= gar)* Ekengraf // *car (= gar)* Andrejno //]

и др., ср. Fortunatov ВВ XXII 176). Вместо *gaŗ* встречается также *gar* не только в говорах, вообще не знающих *ŗ*, но также в некоторых говорах, вообще сохраняющих *ŗ* (Зурс, там же *gaŗam*; Бенен, там же *gaŗāks* «длиннее»; Тадайкен); ср. (§ 28) *dēļ* при *dēļ* (переход *ŗ, ļ* в *r, l*, может быть обусловлен тут проклитическим положением предложных форм). Также в значении наречия известна сокращенная форма *gar*, напр. ВВ 6135 var. и 9275. Встречаются также у Манцелия и в нар. песнях в качестве предлога несокращенные формы *gaŗam* (Mancelius Post. II 34, LSpr. § 567), *garām* Спр. 172, *garēm* ВВ 9920, 1 var., *garum*¹⁸³ ВВ 8659, *gariem* ВВ 5902, 1 var., 6836 var., 12593 var. (где окончания *-ēm, -um, -iem*, вместо *-am* или *-ām*, под влиянием других адвербиальных форм на *-ēm, -um, -iem*). Встречаются и предложные формы с приставкою *vis* (от *viss* «весь»): *visgarēm* (Вольмар; ВВ 2314), *visgaŗam* ВВ 8061, 3, *visgaram* ВВ 13151. В настоящее время несокращенные формы предлога встречаются, кажется, только в народных песнях, но не в живом народном языке; так, напр., Каулинь (Etn. I 70) сообщает, что в саусенском говоре в живой речи употребляется только краткая предложная форма *gar*, а в народных песнях того говора встречается и предлог *gŗrām* (*ŗ* из *a* перед первоначальным *ŗ*; ср. ВВ XII 226). Конечное *-u* или *-i* предложной формы *garu* или *gari* ВВ 6836 var. — вероятно, вставочный гласный.//

95

§ 36. Часто можно еще безразлично употреблять и наречие *gaŗam* (*garām*), и предлог *gaŗ(am)* «вдоль»: *gāju linu druvaļ garām* (adv.), или *garām* (adv.) *gāju linu druvaļ*, или *gāju gar(ām; ггаер.) linu druvi* «я шел мимо (вдоль) льняного поля»; а в народных песнях (напр., Спр. 79) вместо этого говорится также *garām gāju linu druvi*, где *garām* что-то среднее между наречием и предлогом (предлог теперь ставится всегда непосредственно перед тем словом, которым он управляет, а от наречия в латышском не зависит винит. падеж; ср. греч. *πρὸ δὲ σκῆπτρον βάλε γαίῃ* А 245 и др., Delbrück Vergl. Synt. I § 272). Какой падеж собственно *druvi* в приведенном примере, винительный или творительный, не могу сказать; этого вопроса не решает также нидер-бартауский оборот *gar ciemīnis* (instr. pl.) «мимо гостей», так как в этом говоре, вследствие формального совпадения вин.

¹⁸³ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

и твор. пад. в ед. ч., все предлоги, не требующие род. пад., во множ. ч. требуют творит. пад.¹⁸⁴ (также, напр., *uz* «на», при котором первоначально, несомненно, стоял винит. пад.). Изредка при *gaŗ* является также родительный пад. (но без различия в значении). При *gaŗ* стоит прежде всего то именное понятие, вдоль которого что-нибудь движется или простирается: (acc. или instr. s.) *gaŗ... pagalmiņu trīs upītes... tēķ* Спр. 5 «мимо двора текут три речки»; *kundziņš jāja... gaŗām manu rudzu lauku* Спр. 258 «барин ехал мимо моей ржаной нивы»; *gaŗ kruodziņu gaŗām* (в вар. *garam kruogu* или *gariem kruogu*) *gāju* BW 5902 var. «я прошла мимо корчмы (не входя в нее)»; *teci gaiši, mēnesnica, garam* (в вар.: *gar*, или *gari*, или *garu*, или *gariem*) *manu glāžu luogu* BW 6836 «светло катись, луна, мимо моего стеклянного окна»; *lācīts vilka mēd's vāceli visgaŗam purva malu* BW 8061, 3 «медведь тащил горшок меду вдоль всего болота»; *zaķīts lida lidumiņu visgaŗēm Daugaviņu* BW 2314 «заяц очищал (лес) под пашню вдоль всей Двины»; *gar manimi* (форма творит. п.) *staigādama* BW 2124, 1 «проходя мимо меня»; *gar zemit kāj's vītk* (Зурс) «он шлепал ногами по земле»; *raganai jākrit gaŗ zemi* LP I 52 «ведьма должна пасть наземь» (и лечь «вдоль земли»); *visi mani žēluotāji gaŗ zemiņi paguluši* BW 4717, 2 «все жалеющие // меня (люди) легли вдоль земли (т. е. умерли)»; *labāk guļu gaŗ*¹⁸⁵ *priedīti, ne gaŗ*¹⁸⁵ *laisku tēva dēlu* BW 12571, 1 «лучше я буду лежать подле сосны, нежели подле ленивого (зажиточного) юноши»; *gariem* (в вар.: *apkārt*) *sienu skrāpējuos* BW 12593 var. «я царапал по стене»; *gaŗ uguni sēdēdami* BW 612 «сидя подле (или вокруг) огня»; *nuosēžas gaŗ galdu* LP III 4 «усаживаются за стол»; *tavu krēklu šuvu gaŗ uozuolu mēruodama* Спр. 269 «я шила твою рубашку, примеривая ее к дубу (собств.: вдоль д.)»; *gaŗām suolu, gaŗām beņķi augumiņ' mērināji* Спр. 172 «ты мерила свой рост (т. е. лежала) на лавке, на скамье»; *kuo, mušiņa, dzindzināji gaŗ tuo manu vainadziņu* BW 5950 «к чему ты, мушка, жужжала около моего венка»; *lai sadega pušiem nagi, gaŗ* (в вар.: *ap*) *manim* (форма instr. s.) *ķerstuoties* BW 7375, 1 «пусть сторят у парней пальцы, хватаясь за меня»; (gen. s.) *garam krāsns* (в вар.: *krāsni*), *gaŗ piekrāsns* (в вар.: *piekrāsni*) *lieku savu muguriņu* BW 7633 var. «возле печи, возле припечка я укла-

¹⁸⁴ Ср. об этом Bezenberger Spr. d. pr. L. 107.

¹⁸⁵ В вар.: *pie* «у, при».

дываю свою спину (т. е. ложусь)»; *gaŗ upes* «вдоль реки» LSpr. § 567; *vis-garēm dienas* (Вольмар) «per totum diem»; (instr. pl.) *gar kapiem staigādami* Спр. 216 «проходя мимо кладбища»; *gar vārtiem ruozes zied* BW 6435 var. «вдоль ворот цветут розы»; *gar sētām mani veda* Bt. 328 «мимо дворов меня везли»; *kāds grabinās gaŗ durvīm* LP I 77 «кто-то слегка стучится и хватается за двери»; *nedriksť gaŗ tikliem nekuo strādāt* LP VII 1, 406 «ничего не полагается чинить у сетей»; *gaŗ ausīm duot* U «eine Ohrfeige geben»; (gen. pl.) (*upe tēk*) *gar... dur(v)u* BW 3721; 11795; 12333, 3 «(река течет) мимо дверей». — Если движение простирается не только вдоль части, но вдоль всей периферии именного понятия, то *gaŗ* делается равносильным предлогу *ap* «вокруг»: (acc. или instr. s.) *sluoka dzina paipaliņu gaŗam visu pura malu* BW 2690 «кулик преследовал перепела вокруг всего болота»; *dziju aptin gaŗ uozuola cēlmu* LP III 4 «ствол дуба обвязывают ниткою»; *zaltis aptinies meiŗai gaŗ kaklu* LP III 19 «змея обвился вокруг шеи девицы»; *es apvilku vaŗa ķēdes gaŗ* (в вар.: *apkārt*) *Ciravas nuovadiņu* BW 11782 var. «я обтянул медные цепи вокруг Цирауской волости»; *augat, mani gaŗi mati, gaŗ* (в вар.: *ap*) *vaiņagu tidamies* BW 5498 var. «растите, // мои длинные волосы, обвиваясь вокруг венка»; (instr. pl.) *reŗnuo deŗu aptin gaŗ vārtiem* LP I 103 «толстую колбасу обвивают вокруг ворот». Здесь я приведу также оборот *es eŗsmu dzīvuojis gaŗ kungiem* U «я жил (как слуга) у бар». — Наконец, предлог *gaŗ* показывает, что действующее лицо так или иначе заинтересовано тем именованным понятием, вдоль (или вокруг) которого происходит действие (часто отвлеченного характера); (acc. или instr. s.) *tris brāŗi gaŗ kurpi raustās* LP I 71 «три брата дергают за башмак (каждый добивается его для себя)»; *tik vien lustes veŗajam kā gaŗ jauni kaŗuociņu* BW 232 «единственное веселье старому (человеку) доставляет новый кожух»; *gaŗ* (в вар.: *par*) *manimi bēdādami* BW 8632, 1 «заботясь обо мне»; *kuo gaŗ mani lakstuoŗies* BW 9358 «к чему ты волочишься за мною»; *piecas meitas ķīvējās gaŗ tuo manu augumiņu* BW 11394 «пять девиц ссорились из-за моего роста» (каждая хочет, чтобы я был ее женихом); *gaŗ manim* (или *gaŗam mani*; в вар.: *ap*, или *par*, или *nuo*, или *apkārt*) *runājuot* BW 8461, 4 или *gaŗum manis* (gen.) *runājuot* BW 8659 «сплетничая обо мне»; (instr. pl.) *es gaŗ luoŗiem nitīnuos* (Олай) «я о скоте не забочусь»; *kas tev kaiŗ... gaŗ manām māsiņām* BW 11923 «какое тебе дело до моих сестер».

§ 37. Такое же значение, как *gar*, имеет редко (ср. LSpr. § 577) встречающаяся (и известная мне только из народных песен и старых грамматик) форма *secen* или *sec*, произведенная от глагола *sekt* «следовать» (: лит. *sėkti*, лт. *sequi*, гр. *ἑπεσθαί*, скр. *sacatē* и др., Brugmann Grdr. I² § 649), подобно тому как от того же корня произведены в латинском *secundum* и *secus*, в ирландском *sech* «praeter» (Stokes Urkelt. Spr. 296), в санскрите *sācā* и *sākām* «вместе с», ср. Delbrück Vergl. Synt. I § 298 и Brugmann KVG § 618. Зубатый (IF VII 183) склонен отождествлять ла. *sec* с скр. *sācā* также формально, возводя *sec* к **seqē*, но для меня гораздо вероятнее, что ла. *sec* сокращено из *secen* (об образовании этой формы говорит Зубатый IF III 132). Путем ассимиляции (ср. мою статью ВВ XXIX 187) начальное *s-* переходит также в *c-*: // *secen* (у Ульмана). Качество гласного *e* в *sec(en)* мне неизвестно; но Манцелий (Post. I 83) пишет *zätzän*, и в верхнелатышском, где в общем только *ę* переходит в *a*, встречаются формы с *a*: *casyn* BW 2796, 3, и также у Трей-ланда (нар. п. № 117) читаем мы *seçen*.

98

Форма *secen* употребляется также еще в качестве наречия: *pāri tevīm bites skrēja, secen gāja dravenieki* Спр. 30 «через тебя (дуб!) перелетали пчелы, мимо проходили пчеловоды». Предлог требует вин. (твор.) падежа: *secen sienu slaiķu savu muguriņu* BW 7633 var. «я лежу, растянувшись вдоль стены»; *secen sētu Laime gāje* BW 1890, 2 «Счастье шло мимо двора»; *sec avju kūti* (Adolphi 244) «мимо овчарни»; *sec viju* (Stender § 182) «neben dem Zaun vorbei».

Другое значение (= *caur*), по-видимому, имеет предлог этот в следующей инфлянтской песне: *cas obeiņu biŗzi jōju . . . ; cas tautu sauri gōju* (Вольтер Мат. 355); Вольтер переводит «я ехал (но говорящее лицо в обоих предложениях, по-видимому, женщина) через яблонную рощу . . . ; я шел через (толпу) чужан». Первому *cas* здесь можно было бы еще приписывать обыкновенное значение «вдоль, мимо»; но второе *cas* (ввиду следующего *sauri*) такого значения, кажется, уже не имеет и является, странным образом, в значении *caur* («через»). Но стих этот ошибочен также в метрическом отношении, и гер. pl. *tautu* после *cas* также озадачивает читателя (асс. s. не может быть эта форма, так как это слово в таком значении не употребляется в единств. ч.); ввиду всего этого я считаю этот текст испорченным.

§ 38. Форма *iz* «из» употребляется и в качестве префикса, и в качестве предлога. Но предлог *iz* встречается только в восточной части латышских говоров. Еще в XVII столетии употребление предлога *iz*, по-видимому, было распространено дальше к западу, так как в грамматике Adolphi (240), основанной на среднелатышском наречии Курляндии, приводится предлог *iz*. В грамматике же Гессельберга (§ 302), изображающей то же самое наречие, уже говорится, что предлог *iz* употребителен только // в Лифляндии. Относительно говоров Средней и западной Курляндии сообщение Гессельберга подтверждается моими наблюдениями; если из зельгербенского говора Etn. IV 60 приводится оборот *iz tuo mež izskrēj zaķ's* «из того леса выбежал заяц», то тут или можно думать о влиянии литературного языка, где писателями, плохо знающими свой родной язык, под влиянием нем. *aus* и р. *iz* часто употребляется¹⁸⁶ предлог *iz* не только там, где он употребляется в восточных говорах, но и там, где все говоры употребляют предлог *no*, — или же можно сомневаться в достоверности сообщения: автор его мог сам придумать данный пример. Относительно же говоров восточной Курляндии сообщение Гессельберга не имеет никакого значения, так как он вовсе не исследовал тамошних говоров. Немного точнее выражается Биленштейн (LSrg. § 545), утверждая, что предлог *iz* встречается только в верхнелатышских говорах. В западной Лифляндии я не встречал предлога *iz*, и, по сообщению Каулия (BB XIV 117), предлог *iz* неупотребителен даже в Сауссенском приходе (в восточной Лифляндии). Но в среднелатышских говорах Вольмарского и Смильтенского приходов встречается предлог *iz*¹⁸⁷. У Манцелия (Post. I 148) раз встречаем предложную форму *ihs*, но, по всей вероятности, это только опечатка. В громадном большинстве говоров западной Курляндии и в части говоров Средней Курляндии (Рутцау, Нидер-Бартау, Обер-Бартау, Крутен, Калетен, Грамзден, Гавезен, Иллиен, Дубеналькен, Шнепельн, Рудбарен, Амботен, Вибинген, Вайноден, Жварден, Шрунден, Лутринген, Дурен, Вормен, Кабиллен, Маткульн, Ремтен, Лестен, Нейенбург, Альт-Аутц, Ливенс-Берзен, Жукст, Шмарден, Сакенгаузен, Алышванген, Эдвален,

¹⁸⁶ Ср. Mühlenbach DJ III 81.

¹⁸⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

Гольдинген, Шлек, Вензау, Донданген, Эрвален, Тальсен, Стенден, Цабельн, Пурен, Нидден и др.) префикс имеет форму *is-*. Только в редких говорах западной Курляндии (Кандау, Попен, Ангермюнде) встречается префикс *iz-*, между тем как в Лифляндии, в Витебской губернии и в восточной Курляндии, насколько мне известно, встречается только форма *iz-*, употребительная также в литературном языке.//

В литовском соответствует ла. *is-* форма *iš* (предлог и префикс). Перед следующим *s-* *iš* переходит в *is*, напр. *is sąwa palōcziaus... iszeidams* (Jurksch. 93), ср. Kurschat Gr. § 132. В части современных говоров и в старопечатных текстах вместо *iš* (и рядом с *iš*) употребляется *iž*¹⁸⁸, напр.: *iž akmeniū* Ширвид PS 17, 13, *ižrišti* 19, 20 (рядом с *iš io* 43, 12, *išeio* 19, 2), *ižmanitu* в катех. 1598 г. (LChg. 53; там же *išmokiey*), *iž wissos szirdes* в катех. 1605 г. (LChg. 60; там же 58 *neyszmanū*), *iž ákmenio* в Кейданских богослужебных книгах 1653 г. (LChg. 67; там же 68 *išwisi*), *iž wisos širdes* в требнике 1765 г. (Lit. Mitt. V 300), *iž upes* в Слонимск. у. Гродненск. губ. (Lit. Mitt. IV 172; там же 171 *iš awikos slėdo*, 172 *išwarinėk*), *iž rojous* в Олькениках (Даукша Кат. 161), *ižwėsme* в Россиенск. у. (Вольтер Мат. 88), *iž* (рядом с *iš*) у Довконта (Geitler Beitr. 374). Но вряд ли *iž* непосредственно соответствует латышскому *iz*. Получается впечатление, что когда-то лит. язык знал только форму *iš*. В пользу этого говорит то обстоятельство, что в большинстве говоров, по-видимому, употребительна только форма *iš* и что рядом с *iž* везде, кажется, встречается и *iš*. Распространению формы *iž*, возникшей из *iš* перед звонкими взрывными, вероятно, содействовали часто встречающиеся в старых текстах сложные предложные формы *ižgi* (напр., в катех. 1547 г. LLD I 33, 5) или *ižg* (напр., у Даукши, Кат. 7, 9): у Даукши (в катехизисе) *iž* встречается чаще в качестве предлога, чем в качестве префикса, и такая древняя сложная форма, как *išmintis* «разум» (этимологический состав которой, вероятно, более не сознавался вполне отчетливо), всегда пишется с *iš-* в катехизисе Даукши (напр., асс. s. *išminti* 10, 1; *išmintingas* «разумный» 11, 14).

¹⁸⁸ В текстах хвейдано-швекшнянск. гов. (LChg. 316) и андреевск. гов. (ibid. 321) встречается предлог и префикс *iš* (в оригинале *uš*, где *u=i*) вместо *iž*; как смотреть на долготу *i*, для меня неясно (ср. ниже *iž* из тех же говоров).

В прусском мы встречаем и предлог и префикс *is* «из», где *-s* представляет из себя или *s*, или *z*.

101

Балтийскому предлогу точно соответствует црксл. *из* (ср. § 1) из **(j)bz* (Miklosich Etym. Wrtb. 97, Leskien AfslPh. XXI 361, Mikkola Balt. u. Slav. 37). Некоторые ученые усма-//тривают также в этой форме приставку *-zъ* (о которой ср. § 1) и возводят *из* или к **i-zъ* (Osthoff IF VIII 17, Pedersen KZ XXXVIII 421), или же к **is-zъ* (Fortunatov KZ XXXVI 35). Но, возводя *из* к **i-zъ*, приходится совсем отделить *из* от гр. $\acute{\epsilon}\xi$, лт. *ex*, кельтск. *eks* (Stokes Urkelt. Sprg. 26), а между тем по значению эти формы тождественны, и в формальном отношении сопоставление славяно-балтийских форм с гр. $\acute{\epsilon}\xi$, лт. *ex*, к. *eks* представляется возможным¹⁸⁹ (ср. Fortunatov I. с., Walde KZ XXXIV 519, Meillet Esquisse 91). А возводить с Fortunatovым *из* к **is-zъ* я не вижу решительно никакой надобности; во всяком случае, нельзя доказать, что Fortunatov прав в этом. Кроме того, славяно-балтийская форма первоначально, вероятно, оканчивалась на звонкий спирант (лит. $i\check{s}^{190}$ из $i\check{z}$), а не на глухой спирант, как, по-видимому, полагает Fortunatov (и также Mikkola I. с.), так как гр. $\acute{\epsilon}\xi$, лт. *ex*, к. *eks*, вероятно, из *egh-s* (с палатальным *gh*; ср. Wackernagel KZ XXXIII 40, Brugmann KVG § 598). Далее, довольно правдоподобно сюда относят алб. *iθ* «за» (н. «hinter»; с род. п.) из **iθ* (G. Meyer Etym. Wrtb. 158). Что же касается скр. *iš-* (в *iškrti*¹⁹¹ и др.), которое тоже сопоставляется со славяно-балтийским предлогом (A. Kuhn KZ V 213, Meillet MSL VIII 296), то эту связь я считаю крайне сомнительной.

§ 39.¹⁹² Предлог *iz* означает движение изнутри и управляет род. падежом: (gen. s.) *saimnieks nau nācis iz istabas*

¹⁸⁹ Pedersen (I. с.) оспаривает это, ссылаясь, между прочим, на то, что в таком случае было бы трудно объяснить происхождение конечного *-z* в слав. форме. Но, как выше (§ 1) показано, древнейшею црксл. формой является *из* (без *-zъ*).

¹⁹⁰ [Autora eksemplārā starp pirmizdevuma 100. un 101. lpp. ir atrodama no drukāta teksta izgriezta zīmīte, kur 1) drukāts: 13. *Iš kalno bēga vanduo. — Išprašo iš // maņš. — //*; 2) ar autora roku pierakstīts: Dus. Viltis 1908, 77 //]

¹⁹¹ [Autora eksemplārā malā: лѣчение //]

¹⁹² [Autora eksemplārā: *iz avuota smelt J-Rauna iz muļtes nāk J-Piebalga // iz kara neizpirka V-Piebalgas Lode //*]

ārā (Вольмар) «хозяин не выходил из комнаты»; *lēš gaļu ārā iz puoda* (Вольмар) «он, говорят, вылил мясную похлебку из котла»; *es viena iztecēju iz dziļā ezeriņa* BW 4325 «я одна выбежала из глубокого озера»; *ceļās irbe iz* (в вар.: *nuo*) *ezara, es iz* (в вар.: *nuo*) *ļaužu valuodām* BW 8456, 1 var. (из Вольфарта; *ibid.* 2 var. из Лёзерна; *ibid.* 4 var. из Марцена; *ibid.* 7 var. из Нервенсберга) «поднимается куропатка из озера, я — из людских пересудов»; *iz vietīnas // ārā celties* (Смильтен) «встать с постели»; (gen. pl.) *viņam jānīkst iz māju ārā* (Смильтен) «он непременно разорится (и должен будет удалиться) из своей усадьбы»; *izzudusi iz cisiņu ligaviņa* BW 1143, 4 (из Лёзерна) «жена исчезла с постели»; (instr. pl.) *nāc ārā... iz* (в вар.: *nuo*) *tām ļaužu valuodām* BW 5070 var. (из Либьена и Мезелау) «выйди из тех людских пересудов»; *tas izvīla mūs' māsiņu iz* (в вар.: *nuo*) *bāliņiem* BW 600... 2 var. (из Ленневардена) «он выманил (и увез) нашу сестру из (среды) братьев».

Префикс *iz-* встречается в некоторых адвербиальных формах, произведенных от прилагательных: *iztālēm* BW 9815 (= *nuotālēm* BW 9816 var.) «издали»; *izgudrēm* BW 10760, или *izgudram*, или *izgudrim* BW 12546 var. (количество гласного в последнем слове не обозначено) «хитрецьки»; *izlēņi* (в вар.: *palēņi*) BW 3745 var. «(немного) медленно». Эти наречия, вероятно, образовались из сочетания предлога *iz* с род. пад. среднего рода соответствующих прилагательных¹⁹³, слившегося в одно слово и затем изменившегося под влиянием окончаний разных наречий.

iz

§ 40. В старопечатных текстах XVI и XVII столетий встречается предлог *ihs, is, ys* «до» (который теперь заменен формой *lidz*); на основании нижеизложенных этимологических соображений я (как и Зубатый IF VI 278) читаю эти *ihs, is, ys* как *iz*. При этом предлоге (как и при *lidz*) безразлично для значения стоят дательный и творительный (или же совпавший с ним в ед. ч. винительный?) и изредка также родительный пад. Примеры: (dat. s.) *ihs schim* (Mancelius Post. I 95) «доныне»; *no weenu deenu ihs ohtray* I 181

¹⁹³ Ср. лит. *iš tólo* «издалека».

«с одного дня до другого»; *laid... augh ihs pļaujamam laikam* I 194 «пусть растут до времени жатвы»; *ihs tai nahwei* I 448 (или *ihs patt nahwei* (dat. или acc.-instr.) I 44, *ihsz nahwes* (gen. s.) I 520) «usque ad mortem»; *nhe warressi runnaht ihs tai deeni* II 46 «не будешь в состоянии // говорить до того дня»; *ihs tam rietam* II 57 «до утра»; *ihs kalnam* (в библии 1689 г.) «до горы»; *is gallam* в катех. 1586 г. (LLD II 14, 29) и Und. Ps. 1, 15 «до кончины»; (instr. или acc. s.) *ihs passchu nackti* (Mancelius Post. II 57) «до самой ночи»; *js to pastare dene* Und. Ps. 63, 13 «до страшного суда»; *is to nolickie layke* Ев. «до назначенного срока»; *ys tho plauyamme laike* Ев. «до времени жатвы»; *is scho patte dene* Pass. «до этого самого дня»; *js to doeuwite stunde* Pass. «до девятого часа»; (gen. s.) *no weenas zilltas ihs ohtras* (Mancelius Post. II 82) «от одного поколения до другого»; (instr. pl.) *eesahz no teem pehdigheem ihs teem pirmsajems* I 233 «начни с последних (и дойди) до первых». Иногда при *iz* стоят формы на *-an* (ср. Zubatý IF VI 278): *no wene galle is otran* Und. Ps. 60, 2 «с одного конца до другого»; *ys... gallan* Psalmen² 22^p «до конца»; *ys... rytan* 80^a «до утра». Манцелий употребляет рядом с *iz* также *lidz*, и Адольфи (грамм. 240) знает предлог «*ihs*» только из сочинений Манцелия.

§ 41. Предлог *iz* «до» Беценбергер (Spr. d. pr. L. 51) склонен сблизжать с прусско-латышским предлогом *iz* (или *is*) «в», и я думаю, что он вполне прав в этом. В семасиологическом отношении *iz* «в» : *iz* «до» = лит. *į* «в» : *į* «до» (примеры в словаре Юшкевича 503), гр. *ἐνί* «в» : алб. *in* «до» (G. Meyer Etym. Wrtb. 159). Рядом с *iz* (*is*) употребляются формы *iž*, *iš* (о возникновении которых ср. Bezenberger I. с. 52) и изредка *iž* (ср. Bezenberger I. с. 32; Becker ВВ XXVIII 259). Этот предлог с род. пад. там заменяет местный пад. (подобно тому как в северных пруссколитовских говорах местн. пад. заменяется предлогом *į*, Kurschat Gr. § 1445). Предлог *iz* сун genit. ставится и на вопрос «где?» и на вопрос «куда?». Примеры: (gen. s.) *is vėzuma* (Нидден Б.) «в телегу»; *is Klaipėdas* (Заркау Б.) «в Мемель»; *putnis lēc iž gaisa* (Нидден Б.) «птица летает в воздухе»; *tris stirnas skrēja iz meža* (Нидден Б.) «три серны бежали в лесу»; *dies raugas is sirdis* (Нидден Б.) «бог заглядывает в сердце»; (gen. pl.) *is tukšu ratu* (Нидден Б.)

«в пустую повозку»; *iz debešu* (Нидден Б.) «в воздухе»¹⁹⁴; много других примеров дает Беценбергер I. с. 48 слл.//

§ 42. С этим *iz* «в» Беценбергер (I. с. 50 слл.), далее, вполне правильно отождествляет верхнелатышский предлог *iz* «на». В семасиологическом отношении это не вызывает никаких затруднений: прусско-латышское *iz* Беценбергер иногда переводит посредством нем. *auf* (на), напр.: *iz... jūres* «auf die See»; *is pusceļa* «auf halbem Wege»; ср. также выше § 31 о лит. *in(t)* «в, на» и др. — В сборнике Ltd. вместо *iz* иногда читаем *iz* (на примеры указывает Беценбергер I. с. 51); но, как и Беценбергер догадывается, знак долготы тут, вероятно, поставлен ошибочно. Дело в том, что редактор этого сборника (Биленштейн), плохо понимая свою задачу при издании текстов (записанных часто без обозначения количества гласных), несомненно, весьма часто сам обозначал долготу гласных, и притом весьма часто — ошибочно (примеров не стану приводить, так как каждый знаток латышской диалектологии легко их найдет сам). Из других, более надежных источников и из своих собственных записей я знаю только форму *iz*. Что же касается примеров префикса *iz-*, данных Биленштейном Und. Ps. 75 (в примечании к I, 15), то мы лишены возможности составить себе определенное понятие об этом *iz-*. А именно, Биленштейн там приводит «из Нерфта и Режицы» формы *izvārds* «фамилия» (Zuname) и *izkāpt* «взлезть». Формы эти во всяком случае ошибочно записаны, так как в тех говорах, насколько я знаю, нижнелатышское долгое *a* переходит в долгое *ā* или *o* и нижнелат. *ī* в *eī*. Значит, диалектические формы *vārds* и *kāpt* тут заменены нижнелатышскими *vārds* и *kāpt*; но мы не знаем, как смотреть на *iz-*. Заменяет ли *iz-* верхнелатышское **eiz-*, или же в Нерфте и Режице говорят *iz-*? В последнем случае еще остается неясным, восходит ли *ī* тут к *ie* (в восточнола. говорах *ie* переходит в *ī*), или же это *ī* только долговатое *i*, возникшее под ударением (ср. Bezenberger Lett. Di.-St. 67 слл.) из краткого *i*? Последнее я считаю наиболее вероятным (если только вообще такое *iz-* существует). Рядом с предлогом *iz* встречается в инфлянтских текстах также форма *z* (как перед гласными, так и перед

¹⁹⁴ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

согласными), напр.: Lett. Di.-St. 19, 32 и 23, 121, 123, 139; BW 13226; Zb. XVIII 300, 370, 378, 388, 399, 429. По-моему, это *z*¹⁹⁵ рядом с *iz* яви-//лось под влиянием соседнего белорусского наречия¹⁹⁶, где вместо *из* говорят также *з* (верхнела. *iz* значит также «из»). Рядом с *iz* «на» в верхнела. говорах встречается также *uz* «на»; так, в одной и той же песне BW 5057 встречаем предлоги *iz* «на», *uz* «на», префикс *iz*-«воз-» и «из-». Так как верхнела. префикс и предлог *iz* «на» в употреблении ничем не отличается от *uz* «на», то я, во избежание лишних повторений, дам примеры для *iz* ниже вместе с примерами для *uz*.

Остается вопрос об этимологическом происхождении предлога *iz* или *iz*. Как уже Беценбергер (Spr. d. pr. L. 51) заметил, этот предлог по происхождению своему не имеет ничего общего с *uz*. Объяснить *iz* фонетическим путем из *uz* нет никакой возможности¹⁹⁷, и рядом с *iz*, по-видимому, встречается *uz*. По-моему, близко к истине подошел Бурда (KSB VI 90), который возводит ла. *iz* (*is*) «до» к **ins*, сопоставляя с этим греч. εἰς из *ἐνς. Только форма *ἐνς вероятно, греческое новообразование (ср. Brugmann Sächs. Ver. XXXV 189 сл.); и конечное -z (-s) латышской формы не может восходить к иде. -s, так как она, по-видимому, тождественна с лит. *iž* (или *iž*): *anà ne norējo antdōt nī iž* (= *už*) *kókus āsmókus* (из Слонимск. у. Lit. Mitt. IV 171) «она не хотела отдать ни за какие деньги»; *iždēsim in galvos* (из Ошмянского у., *ibid.* 184) «наденем (венки) на голову». Так как в этих текстах количество гласных или вовсе не обозначено, или обозначено непоследовательно, то позволительно читать тут *iž*. А это *iž*, по-видимому, восходит к **in-ž* и тождественно, таким образом, с лит. *inš* (о котором ср. выше § 31). Значит, и ла. *iz* «до» образовалось из **in-z* «в»¹⁹⁸; и формы *iz* «в» и *iz* «на» сокращены из *iz* в проклитическом положении (если лит. *iž* имеет краткое *i*, то и оно сокращено из *ī* в проклитическом положении). Сокращение *iz* «в» и «на» из *iz* уже потому вероятно, что исконное

¹⁹⁵ Ничего общего с этим *z* не имеет (всего один раз // встреченный мною) лит. префикс *ž-*: *negalieje žeit* (= *užėiti*) Lit. Mitt. II 29 «не мог взлезть»; тут мы имеем только *aphaeresis* начального *u-* после конечного гласного предшествующего слова.

¹⁹⁶ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

¹⁹⁷ Переход *u* в *i* в латышском наблюдается только перед губными, ср. мою статью ВВ XXVII 319 сл.

¹⁹⁸ [Autora eksemplārā: vgl. alb. *iñ* bis //]

существование предлога *iz* «в, на» рядом с предлогом *iz* «из» неправдоподобно.//

§ 43. Предлог и префикс *iz* «на, в», «воз-» в большинстве лифляндских, в части курляндских говоров и в литературном языке всегда имеет краткое *и*. Другие же местности рядом с предлогом *iz* знают префикс *ūz-*, так в Лифляндии Шлок и (по записям г. Мюленбаха) Альт-Пебалы²⁰⁰, в Курляндии Калетен, Прекульн, Цирау, Бенен, Амботен, Вайноден, Нигранден, Лутринген, Ошенекен, Дурен, Вормен, Кабиллен, Лестен, Альт-Аутц, Жукст, Сакенгаузен, Альшванген, Эдвален, Эрвален, Рутцау. Из следующих местностей я случайно знаю только форму префикса *ūz-*: Айстерн, Лигуттен, Турлау, Паддерн, Вибинген, Вельден, Ранкен, Шмарден, Шлек, Угален, Вандзен, Тальсен, Липстгузен, Бринкерс-Педвален. В западной Курляндии встречал я префикс *из-* только в следующих местностях: Зурс, Попен, Ангермюнде, Анцен, Донданген (в стихотворении Дюнсберга Lett. Di.-St. 53 слл., однако, написанном на дондангенском говоре, мы встречаем рядом с предлогом *iz* префикс *ūz-* 56). В некоторых говорах западной Курляндии (Сарнатен, Нидер-Бартау) и в прусско-латышском наречии рядом с предлогом *iz* употребляется префикс *uoz-* (ср. *Bezenberger Spr. d. pr. L.* 45 слл. и 120 слл.). Интонация в моих записях только изредка отмечена: *ūz-* с длительною инт. в бененском говоре и *uoz-* с прерывистою инт. в сарнатенск. гов. (этот говор более не отличает нисходящей инт. от прерывистой). По Биленштейну же, не отличающему нисходящей инт. от прерывистой, *ūz-* имеет прерывистую инт., а *uoz-*, по Беценбергеру (I. с.), длительную интонацию. Биленштейн (LSpr. § 559) приводит (рядом с *iz*) также предлог *ūz*²⁰¹; я сам в живом народном языке нигде не встречал предлога // *ūz* (а Биленштейн I. с., приводя примеры из сборника

¹⁹⁹ [Autora eksemplārā: *iz mežu ūt — iz golda likt J-Laicene Bormaņi // iz mežu braukt, iz golda ir Roseneck Dubena // iz mežu iet — iz golda gultas stāv Selburg // z golda Birsēn //*]

²⁰⁰ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

²⁰¹ Впоследствии (GGA 1885 г. 364 и 1888 г. 396) Биленштейн сам говорит о «весьма распространенном» различии между предлогом *iz* и префиксом *ūz-*.

Вт., напр. Вт. 1335, сам от себя снабжает *uz* знаком долготы). А в старопечатных книгах мы действительно встречаем (рядом с *uz*) предлог *ūz*, напр. у Манцелия (Post. I 12, 17, 411, 425, 427, II 267), в библии 1689 г., у Ререгузена (Mag. XX 2, 32, 33, 38). Что же касается текстов, напечатанных Lett. Di.-St. 47 слл. и 61 слл., и сборника Ltd., тоже дающих примеры предлога *ūz*, то эти тексты не могут служить в этом отношении надежным источником, так как они в рукописи прошли через руки Биленштейна. Форма же *uoz* употребляется также в качестве предлога (ср. Bezenberger Spr. d. pr. L. 47 и 121). К этому же *uoz* восходит, по-видимому, также предложная форма *ō[z]* первелькского говора: *viñs met tā maizi ō zem'* (BB XXV III 281) «er warf das Brot auf die Erde» (*ō* из *uo*, как в *prapōlu* «verschwinde»: лит. *prapuolu* ibid. 261; а *ō* из *ōz* перед следующим *z*). — Об отношении *uoz* и *ūz* к *uz* будет речь во II части; теперь я замечу только, что древнейшею формою я считаю *uz*.

Латышскому *uz* формально точно соответствует лит. префикс и предлог *ūž*; а одинаковое значение теперь имеет только префикс *už-* (напр., лит. *užkópti* = ла. *uzkâpt* «взлезть» и др.). Предлог же *ūž* теперь имеет приблизительно значение восточнолит. *ažù* и ла. *az* (ср. выше §§ 3 и 4); но ввиду того, что с ла. *uz* по значению сходится также слав. *взз* и также лит. префикс *už-*, я полагаю, что когда-то и лит. предлог *ūž* имел такое же значение, как ла. *uz*. Возможность перехода значения «на» в значение «за»²⁰² была обусловлена, с одной стороны, существованием рядом с **ūž* «на» предлога *añt* «на», с другой стороны, частым совпадением в употреблении предлога *už* с (несколько подобно звучащим) предлогом *až(ù)*; так, ла. предлог *uz* «на» (как и лит. *ūž*) в некоторых говорах ставится при сравнительной степени, напр. *uz manim vēcaks* (BB XXVII 319; лит. *senēsnis ūž manē*) «старше меня», а в таком же значении употребляется (ср. выше § 4) ла. *az (aiz)*, лит. *až(ù)* «за»; ср. также лит. *dėkawoti kām ūž ką* «благодарить кого за что» и белорусский оборот (из XVI в.) // *дэкуемъ ти на дворности* (AfsI Ph. IX 372) «благодарим тебя за учтивость» или *црксл. възъ брѣдо потече* «он побежал на холм» — рядом с

²⁰² В наречии прусских латышей наблюдаем мы обратное явление: предлог *āz* имеет там также значение «на», напр. *āz kuokis* «на деревьях», ср. Bezenberger Spr. d. pr. L. 170¹.

благодѣть въз благодѣть «*χάριν ἀντὶ χάριτος*» (Miklosich Vrgl. Gr. IV 402 слл.; ср. лит. *kárve ūž árklī dúoti* «дать корову за лошадь»; Kirschat Gr. § 1485). Рядом с *ūž* встречается в части современных говоров и в старых текстах также префикс и предлог *uži*, так, напр., в катех. 1547 г. (LLD I 16, 14), у Виллента (LLD III, стр. LXXXVIII), у Ширвида (LLD IV, стр. XLV), у Даукши (Кат. 12, 17 и Post. 12, 16 и 21, 12), в постилле Бреткуна (LChr. 27), в рукописи 1573 г. (Lit. Mitt. V 54), в катех. Пиеткевича (LChr. 54, 55, 56), в восточнолит. наречии Ковенск. губ. (Барановский Зам. 63). Встречается также префикс *užú-* (в *užúkritys, užúpuolys, užútwins, užútikys* в восточнолит. наречии Ков. губ., Барановский Зам. 63), или *užúo-* (в *užúomarša* «забывчивый человек», *užuomarka* «ein über-sichtiger, der mit den Augen blinzelt», *užuowagana* или *užuogana* «загон», *užuoi* «вместо», *užuočia* «скрытность», ср. Bezenberger BGLS 336, Lit. Forsch. 193, BB XXI 315 слл., XXVII 159, Zubatý IF VI 279 слл.), или *ūž-* (в *ūžmuš* «убивает» Lit. Forsch. 37; *ūžgaida* «ein begehrlcher Mensch», *ūžgaulis* «die Beute», *ūžupiai* «die Leute von jenseit des Flusses», *ūžvalkas* или *ūžvalkalas* «der Bettbezug», *ūžveizdas* «der Aufseher» в словаре Куршата)²⁰³. Ввиду славянского *въз* я древнейшею формою считаю *ūž*: к *ūž* присоединились новообразования *uži, užú-, užúo-* по образцу отношения форм *ažù, ažú-, ažúo-* (ср. выше § 3) к *až*, которые в большинстве говоров вполне вытеснены формами *ūž, uži, užú-, užúo-*²⁰⁴. Формы же ла. *ūz-*, лит. *ūž*²⁰⁵ имеют или исконное *ū*, или же *ū* из *un*, если прав Бецценбергер, сопоставляющий (BB XXI 315) эти формы с пр. *unsaí* или *unsei* (напр., *unsei gūbans* Epch. 91 «aufgefahren»). Во всяком случае, я считаю эту этимологию для пр. *unsei* более // вероятною, чем сопоставление его с црксл. *высь, высокѣ* (Berneker Pr. Spr. 147 и 328, Mikkola BB XXII 248).

109

²⁰³ Префикс (глагольный) и предлог *ūž* (в подлиннике: *už*, где *u*, перевернутое *m*, = *ū*) встречается также в текстах из хвейдано-швекшмянск. и андреевск. говоров (LChr. 319 и 321), где также префикс и предлог *iš* (в подлиннике *is̄*) вместо *iš*.

²⁰⁴ [Autora eksemplārā starp pirmizdevuma 108. un 109. lpp. atrodama no drukāta teksta izgriezta zīmīte, kur 1) malā ar autora roku pierakstīts: Слоним. // у. //; 2) drukāts: 4. Iž (=už) *inpenētas zāsis* (z, ne ž!) // *parinko po du rubliu* //; 3) autora pierakstīts: Viltis 1908, 125 //]

²⁰⁵ [Autora eksemplārā: Buga I 114 //]

Латышскому *uz*, далее, точно соответствует и по значению, и по форме слав. *въз* (ср. выше § 1)²⁰⁶. Миклошич же (Etym. Wrth. 396) неправильно разлагает *въз* на *въ* (из **on*) и приставку *-з*. Для этого предлога даются две этимологии. Meillet (MSL IX 55, XI 183 слл., Études I 160) возводит ла. *uz*, лит. *už* (из **uz* под влиянием формы *iž*, с которой совпадало **uz* перед *s-*, *š-*, *ž-*), слав. *въз* к **ubz* из **up-s*, ср. дрврхн. *ūf* «на», лт. *s-u(p)s-*. Но если даже признать объяснение лит. *už* из **uz*, то эта этимология все-таки по одному тому невозможна, что в балтийских языках губные не выпадают перед свистящими (ср. лит. *vapsà* «овод», ла. *lapsa* «лисица»). Значит, мы не имеем никакого права возводить *uz* к **ups*. Другие же ученые сближают этот предлог с скр. *ud* «воз-, вы-» и др. (ср. Brugmann KVG § 591), причем Osthoff²⁰⁷ (MU IV 262) выводит ла. *uz*, лит. *už* (из *uz*), слав. *въз* (и также з. *uz* или *us* «воз-, вы-» и гот. *us* «из») из **ud* перед зубными звуками. Но, говорит Walde (KZ XXXIV 519), в таком случае мы имели бы в славянском также префикс **выз-* из иде. *ūd* (откуда дрврхн. *ūz* «вон»), а не *вы-*. Сам же Вальде предлагает следующее объяснение: иде. *ud* (или *ūd*) в славяно-балтийском праязыке правильно перешло в **u* (или *ū*), и к этому **u* (*ū*) присоединилась та же частица, которая является и в других предлогах (ср. выше § 1); форма же **ū* (откуда слав. *вы-*), встречаясь только в сложении с глаголами, не принимала этой частицы. В фонетическом отношении я считаю эту этимологию безупречною; но возникают другие затруднения. Пришлось бы, во-первых, отделить пр. *unsei* от ла. *ūz-*, лит. *ūž-*, что было бы не особенно правдоподобно. Далее, было бы несколько странно то, что в латышском и литовском *už-* (*uz-*) и *ūž-* (*ūz-*) ничуть не различаются по значению, между тем как слав. *въз-* и *вы-* имеют различное значение. Имели бы мы, наконец, в таком случае, вероятно, какие-либо остатки предполагаемой формы **u > въ*. Meillet (Études I 159 слл.), в самом деле, отождествляет с *въз*, лит. *už* слав. *въ* в таких оборотах, как црксл. *въ истинъ* «ἐν ἀληθείᾳ» = лит. *už tiesu* (у Ширвида) и др. (только он возводит такое *въ* к **up*, как *въз* к **up-s*). Но Meillet сам не отрицает возможности объяснять также это *въ* из **on* (ср. греч. εἰς θεόν, лт. *mirum in modum*); и если это *въ* в самом деле не из **on*, то

²⁰⁶ [Autora eksemplārā: Сборн. Лам. 1440 //]

²⁰⁷ Впоследствии, однако (IF VIII 17), Osthoff разлагает *въз* на *въ-з*.

представляется еще возможность (вместе с Бодуэном де Куртенэ ЖМНПР. CLXIV 179) объяснять это *вѣ* из *вѣз* при более самостоятельном положении предлога (ср. выше § 6 *о*-рядом с *об*-). Форма *вѣ* из **u(d)* могла бы сохраниться особенно как префикс в таких сложных формах, этимологический состав которых уже давно был забыт; так, рядом с *орѣть* из **ot-pęть* (ср. выше § 19) мы, вероятно, имели бы форму **vępęть*, а не *vęspęть*. Ввиду всего этого я не признаю этимологию, которую дает Вальде, и предпочитаю (как, по-видимому, и Беценбергер ВВ XXI 315) возводить этот славяно-балтийский предлог к иде. **ug(h)* с палатальным *g(h)*. Если же это так, то позволительно отождествлять со славяно-балтийскою формою также Zendскую форму *uz (us)*, которая теперь обыкновенно объясняется (J. Schmidt Neutra 220, Fick Vergl. Wrtb. I 4 177, Delbrück Vergl. Synt. I § 281, Brugmann KVG § 591) из **uds* или (Bartholomae Altiran. Wrtb. 405) из **ud* в положении перед зубными.

§ 44.²⁰⁸ Сопоставляя употребление лат. *uz*, лит. *už*-, слав. *вѣз*- (ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 199 и 402), мы приходим к заключению, что первоначально этот предлог, подобно греч. *ἀνά*, означал движение вверх. А затем, с одной стороны, имеется в виду только результат этого движения (положение **на** поверхности чего-нибудь), с другой стороны, имеется в виду только движение к определенной цели (в таких оборотах, как *uz kalnu kâpt* «подниматься на гору», представление о движении вверх заключается уже в глагольном понятии, и поэтому могло казаться, что предлог *uz* определяет тут только цель этого движения; а вследствие этого теперь говорят, напр., *brauksim uz*²⁰⁹ *Ziluo kalnu* //

²⁰⁸ [Autora eksemplārā: *iz Reigu braukt* Marienburg Korsova Sprūgu с. Baltinov Marienhausen // Rositten Borchow Warkland Aahof Roseneck (*iz*-) Alswig Bormaņi // Oppekaln J-Roze Lubahn Odĵen Preili Holmhof Ekengraf Illuxt Vorkova // Pīkstere Liksna Adĵel Selburg Sece Dubena Sonnaxt Gr-Buschhof Skriveri // Litene Stāmere Kaunata J-Gulbene Krape Beĵava // z Lassen Bukm. Ramslova //]

²⁰⁹ Вследствие этого предлог *uz* иногда отличается некоторою двусмысленностью, и во избежание этой двусмысленности, по-видимому, появился (всего один раз встреченный мною) предлог // *augš* (вероятно. 111 сокращение loc. s. от существительного *augša* «верх», о котором ср. выше § 11): *puisīts tēk augš kalniņa* (в вар.: loc. *kalniņa* без предлога) BW 10286, 1 «парень бежит вверх по горе» (*p. t. uz k.* могло бы иметь

111 «поедем на (= н. *pach, zu*) Голубую гору»). В восточнола. говорах вместо *uz* (и рядом с *uz*) употребляется предлог *iž* (ср. выше § 42). Предлог *uz* (*iž*) управляет род., вин. и изредка также дат. падежами; по какому правилу в разных говорах является тот или другой падеж, это — вопрос довольно сложный, к рассмотрению которого я приступлю ниже, изложив сперва разные виды употребления предлога *uz* (*iž*)²¹⁰.

Предлог означает движение вверх: (gen. s.) *uz kalniņa* (в вар.: loc. s. без предлога) *dziedāt kāpu* BW 224, 1 «я всходила на холм (чтобы там) петь»; *ļeç uz luoga, ļeç uz vadža* BW 2732 «вспрыгивает то на окно, то на вешалку»; *ar trepēm uz zirga kāep* (Сауссен, ВВ XIV 117) «он посредством лестницы взлезает на лошадь»; *iž (iž из iz перед j-) jumta iskāpt* (Адзель) «взлезть на крышу»; *izskrāja z tō kotna* Zb. XVIII 300 «взбежал на ту гору»; (acc. s.) *uzkār uz kuoku* (Нидер-Бартау) «взлезь на дерево»; (gen. pl.) *izkōp jej iz grīztu* Zb. XVIII 241 «она взлезает на чердак».

Предлог означает положение (или движение) на поверхности чего-нибудь: (gen. s.) *uz mēles mēdus, apakš mēles lēdus* (Трейланд Мат., послов. 736) «на языке мед, под языком лед»; *rauduvīte uz ežara velējās* (Смильтен) «дикая утка на озере полоскалась (собств., колотила вальком)»; *ceiruls olu dara iz tō mīta gola* (Вольтер Мат. 12) «жаворонок варит пиво на конце кола»; *iz akmeņa pōrgulēt* (ibid. 238) «переночевать на камне»; *doncōj' kaķis iz* (в вар.: *uz*) *akmiņa* BW 9444 «кошка плясала на камне»; *a z tōs vītys gul bōba nūsysta* Zb. XVIII 399 «а на том месте лежит баба убитая»; *kas kaitēja... uz Ventīņas nedziuoūt* Bt. 737 «отчего бы не жить на р. Виндаве (т. е. на берегу В.)»; (acc. s.) *vēcais tēvs uz aku* (в вар.: gen. *akas*) *sēž* BW 2206 «дед сидит на колодце»; *mūca uz mūcu* (Валк) «(одна) бочка (стоит) на // другой»; *uz ežiņu kājas avu* Bt. 840 «на меже я обувала ноги»; *uz tevīm* (форма instr. s.) *gulēdams* RĶг. V 171 «на тебе лежа»; (gen. pl.) *uz jumtu* (из заркауск. гов., Spr. d. pr. L. 106) «на крышах»; *byus žēimes uz saules un mēneša*

также значение «п. бегает на вершине горы»). Также в лит. встречается предлог *augšt* (от *augštas* «высокий»): *wandinei... nesche ana aukscht szemes* (из библии Бреткуна; Geitler Lit. St. 14) «вода поднимала его (ковчег) над землю».

²¹⁰ [Autora eksemplārā: *sēž uz akmeņa, gultas; braukt uz mežu, pļavu; stāv uz tiesām vien // Ekau / sēžu uz akmeņa, uz galda, beņka, grāmatas; iet uz mežu, nāk uz // pusdienu Baldohn / uz savieša sacīt //]*

un zvaigznu (LChr. 145) «будут знамения на солнце, и на луне, и на звездах»; *z ocu ņešę capureiti* BW 13226 «надвинув на глаза, он носил шапку»; *sādādama iz griztu* Zb. XVIII 241 «сидя на чердаке»; *guļ iz cysu* 286 «лежат на соломенной постели»; *iz čeļu* 345 «на коленях»; *iz kūku* 430 «на деревьях»; *iz vysaidu zyrgu* 431 «на всяческих лошадях» (ездить); (instr. pl.) *uz ties kuokis* (Spr. d. pr. L. 106) «на тех деревьях»; *uz ties kalnis* (Нидден Б.) «на тех горах»; *tās zāles aug uz kāpam* (Нидден Б.) «те травы растут на дюнах». Сюда относится также оборот *eši iz munys vītys pi munys sīvys* Zb. XVIII 419 «bądź na mojem miejscu (заменяй меня) przy mojej żonie».

Предлог означает движение к определенной цели: (gen. s.) *uzvēdat uz ceļņa* (в вар.: асс. s.) BW 2995, 1 «наведите (меня) на путь»; *nāk uz lauka* (RKг. VII заг. 321, 7) «выходят на поле»; *uz klēts āziet* (Стургоф Mag. XIII 1, 13) «nach der Kleete gehen»; *uz kumeļa ziedi bira* Bt. 29 «на коня выпалились цветы»; *tupstis tu iz bucys* Zb. XVIII 251 «сядь на бочку»; *atjōja vēceits iz tō dāta* 252 «приехал старик к тому сыну»; *deva sutainam ņašt iz doktora* 254 «дал слуге нести к доктору»; (асс. s.) *lai iet bērni iz baznīcu* (в вар.: loc. без предл.) BW 2205, 1 var. «пусть пойдут дети в церковь (= н. zur Kirche)»; *lai es braucu uz Maskavu, uz citiem lielmaņiem* (instr. pl.) BW 2423 «чтобы я поехал в Москву²¹¹ к другим вельможам»; *es biju uz birstīnu* (Смильтен) «я пошел в березняк (и был там; ср. греч. παρήσα» εἰς Σάρδεις Хеп. Anab. I 2, 2)»; *es biju uz pagrabu* (Вольмар) «я пошел в погреб (и был там)»; *es aizgāju uz kalēju* RKг. V 176 «я пошел к кузнецу»; *es nebūtu atnākuse uz bāliņu ciemoties* BW 1260 «я бы не пришла к братцу в гости»; *iesim, lāci, uz kundziņu* (в вар.: *pie kundziņa*) BW 2290, 1 «пойдем, медведь, к барину»; *ej uz guovi* RKг. VII заг. 366 var. «пойди к корове»; *es tecēšu uz Jēlgavi pie... kalējiem* BW 4574 «я побегу в Митаву к кузнецам»; // *kam... purvu bridī uz maņiem* (форма instr.; в вар.: *paķaļ maņi* или *lidz maņim*) *bārenīti* BW 5130, 5 «к чему ты брел через болото ко мне, сироте»; *iešu uz tēvu* (Экау) «пойду к отцу»; *uz melderī brāukt* (Линден в Курл.) «поехать к мельнику»; *nūsyutiņa... baznīckungus... uz Jōni* (LChr. 146; ср. *ibid. ar yudeņu*, ср. выше § 7) «послали священников к Иоанну»; *puisis paaicināš zagļus uz tuo māju*

113

²¹¹ Ср. древнер. *поѣха изо Пскова на Москву* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 414).

(Вольмар) «парень, говорят, пригласил воров (прийти) в ту усадьбу»; *nuo Jēlgavas uz Duobeli četras jūdzes* Mag. IX 2, 314 «от Митава до (собств., если идти в) Добра на четыре мили» (ср. выше §§ 40—42 *iz, iz* «в, на, до»); *kamār valls iz roaciņu gābalu nūgoaja* (из яун-розенск. гов., Жив. Стар. V 84) «пока черт шел на брюквенное поле»; *nūvad jū iz jauniča sātu* Zb. XVIII 236 «увозят ее на двор молодого»; *atit tāus iz mat'eit'i* 238 «приходит отец на обед»; *jis ... jōja iz medeibys* (gen. s.) *iz mežu* 415 «он ездил на охоту в лес»; *jis ... nūjōja iz jō sīvu* 420 «он поехал к его жене»; *atbraucit niu iz²¹² manim* (форма instr. 238 «приезжайте теперь ко мне»; (dat. s.) *uz tai pusi* (Вольмар) «в ту сторону» (а потом этот же оборот употребляется также на вопрос «где?»: на той стороне)²¹³; (gen. pl.) *iz kōzu b'eju* Zb. XVIII 302 «я был на свадьбе» (собств.: я поехал на свадьбу и был там; русскому же «на свадьбе», собственно, соответствует лат. местн. п. без предлога: *kāzās* или *pa kāzām*); (acc. pl.) *uz kalnus* Disp. 211 «ad montes»²¹⁴; (instr. pl.) *jābrauc iz dzirnavām* (Адзель-Шварцгоф) «нужно поехать на мельницу»; *kungs b'eja nūgōjis iz mōjam²¹⁵* Zb. XVIII 255 «барин пошел домой»; *tai brauc iz kōzōm* 421 «пусть приедет на свадьбу»; *uz brāļiem sērsti nāce* Спр. 29 «она приходила гостить к братьям»; *īsim ... iz kaženōm* Zb. XVIII 241 «пойдем к козочкам». В последнем примере предлог означает только место, к которому направлено движение; а затем // предлог *uz (iz)* иногда стоит также при том именном понятии, к которому направлено и вместе с тем из-за которого происходит движение: *kam tu skrēji pār upiti uz manām vistinām* BW 2583 «зачем ты (ястреб) летал через речку на моих кур»; *kājas ava uz tā mana augumiņ'* Ltd. 1868 «он обувал ноги (собираясь прийти свататься) ко мне» (собственно: к моему росту); *iet jūrā zvejuot uz zušis* (Нидден Б.) «идут в море на ловлю угрей»; *taiks jau braukt iz tauleibōm* Zb. XVIII 354 «пора уже ехать на венчание»;

²¹² Ср. болг. *елате вѣз мене* «придите ко мне» (Miklosich Vrgl. Gr. IV 403).

²¹³ Другой пример дат. п. был бы *tagad brauks jau kupča dāts iz kēniņa meitai, svētūs* Zb. XVIII 341 «jedzie teraz kupiecki syn do królewny w swaty»; но можно поставить здесь запятую после *kēniņa*, а тогда дат. s. *meitai* зависел бы от *svētūs*.

²¹⁴ Следует, впрочем, сомневаться, действительно ли еще в XVIII веке встречался где-либо асс. pl. при предлоге *uz*.

²¹⁵ Ср. древнеп. *idac na dom* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 414).

iz tū munu žōigšonu atskris mōt'a Zb. XVIII 460 «на то moje rzenie przyleci matka»²¹⁶.

Далее, этот предлог стоит при глаголах со значением «класть, ставить, бросать» и др., означая цель, к которой направлено действие: (gen. s.) *ņem katlu, liec uz kāša* (RKг. VII заг. 365, 2 var.) «возьми котел, повесь (собств.: поставь) его на крюк»; *uz azara linus sēju, lei nava jārevē* (Сауссен, ВВ XIV 117) «auf dem See sāete ich Flachs, damit ich ihn nicht zu jāten brauche»; *uz zuoņena atsaspiedis* (Нидер-Бартай) «опершись о меч»; (acc. s.) *uz galdu liekams* (RKг. VII заг. 686) «in mensa ponendus»; (gen. pl.) *iztik tū maisu iz ptacu* Zb. XVIII 266 «накидывает тот мешок на плечи»; *izšōida jam rožancys... iz kokta* (gen. s.), *grōmotu iztyka iz kriušu* 328 «он накинул ему четки на шею, положил книгу на грудь»; *tai spļauņ iz jōs ocu* 337 «пусть плюют ей в глаза»; *capuris... pakōra iz zoru* 390 «czapki powiesili na galęziach»; *iz izkapšu sasprauda capuris* 390 «на косы pozatykata czapki»; *jis... krita jīm iz ptacu* 425 «он пал им на плечи» (т. е. в объятия). Далее, предлог *uz (iz)* означает дополнение различных глаголов с более или менее отвлеченным значением и предмет разного рода страстей и умственных интересов: (gen. s.) *cits uz cita* (в вар.: acc. *citū*) *raudzījās* BW 3138 var. «смотрели друг на друга»; *vys ūeras iz tōs mēitys* Zb. XVIII 415 «все он смотрит на ту девицу»; *pūš vējiņš, runā ļaudis uz* (в вар.: *ap* или *apkārt*, или *gar*, или *par*, или *virš* cum acc.) *tā mana augumiņa* BW 8818 var. (в вар.: *uz* cum acc.) «дует ветер (на меня), оговаривают меня люди»; *gailits saka uz vistinās* (в вар.: *uz vistinū* или *dat.* без предл.) BW 2470 «петух говорит курице»; *soka tāus iz mōtis* Zb. XVIII 237 «говорит отец матери»; *uz saulītes* (в вар.: *dat.* без предл.) *pavaicāju* BW 4370, 4 var. «я спросила у солнышка»; *Laim' uz Laimes jautājās* BW // 4376, 2 var. «одна Лайма (= Счастье) спросила у другой»; *uz viņas prasīt* (Одензе) «спросить у нее»; *kuo uz* (в вар.: *vez*) *manis* (в вар.: *mani* или *manim*) *gauži raudi* BW 2762, 2 «зачем ты горько плачешься на меня»; *uz vācieša duomādama* BW 7612, 1 «рассчитывая на немца» (т. е. р. выйти замуж за н.); *uz sava brāļa dusmīgs* (Грюнгоф) «сердитый на своего брата»; *ni bej nabagam ātkal uz diva skaudiba* (из яун-розенск. гов., Жив. Стар. V 84) «бедняк

115

²¹⁶ [Autora eksemplārā: *uz tai pusi* V-Piebalgas Lode //]

опять позавидовал богу»; *tu taisies, es taisuos uz tās vienas zeltenites* BW 5756, 3 var. «и ты собираешься, и я собираюсь (свататься) к той одной девице»; *uz braukšanas vies stāvu* (Арраш) «у меня нет другого дела, кроме езды» (говорит извозчик); *tas jau uz manis* «das ist ja auf mich gemünzt» U; *vinč uz staka, kā²¹⁷ lāecs uz mads* (Цауссен, BB XIV 117) «er liebt so den Hanf, wie der Bär den Honig»; *uz pipēšanas kā²¹⁷ uizsvils* ibid. «aufs Rauchen wie versessen»; *uz kāt gan tev prāts visvairāk nasas* ibid. «was ist wohl deine liebste Beschäftigung»; *maņi t'a tyka z pokotys* Zb. XVIII 370 «mnie tu dali na pokotę»; (acc. s.) *dzer... uz pādites veselību* BW 2015 «пей за здоровье крестницы»; *tris zvejnieki saplēsās uz²¹⁸* (в вар.: *pēc cum gen.*) *tuo vienu reņģes galvu* BW 2378 «трое рыбаков поссорились из-за головы одной кильки»; *uz meitām* (instr. pl.) *mans prātiņš, uz labuo kumeliņu* BW 3140 «я охотник до девиц, до хорошего коня»; *man ūzauga div' brālīši, — simtai tādu nedabūsi, — uz jāšanu, uz braukšanu* BW 3436 «у меня выросло двое братьев — среди сотни других не найдешь таких (охотников) до верховой езды, до катанья»; *nevaram uz dievu brēkt* Mag. XIII 1, 8 «не можем жаловаться на бога»; *tas bijis ļuoti kārs uz naudu* LP VII 1, 1120 «говорят, что он был очень жаден к деньгам»; *viņš tā kā uz mikstu* Mag. XIII 1, 17 «es scheint gelinder zu werden»; *vēlns tīri traks uz ķēvi* LP I 90 «черт страшно сердит на кобылу»; *vaj es tevi uz²¹⁹ nelabu mācīšu* LP I 141 «разве я стану учить тебя нехорошему»; *tas uz²²⁰ // miršanu* (Вольмарсгоф) «ему близко предстоит смерть» (говорится про больного); *spēlēj' pieci spēlmanīši uz tuo manu vainadziņu* BW 6130 «играли пятеро игроков (желая этим добиться) моего венка»; *viņš nebūs uz mieru* (Липпайкен, Mag. X 3, 78) «er wird damit nicht zufrieden sein»; *cerē uz dievu* «надейся на бога»; *soka... iz tū jaunū puisi* Zb. XVIII 236 «говорят тому молодому парню»; *pavaicōj... iz mōti* 238 «спроси у матери»; *nazaverit ni z kreisu pusi ni z tobu pusi* 388 «не смотрите ни в левую сторону, ни в правую сторону»; *uz tevīm* (форма instr. s.) *klausuoties* BW 382, 1 «прислушиваясь к твоему голосу»; *ne visiem ļautiņiem uz manīm labs prātiņš*

²¹⁷ Так, вероятно, следует читать вместо *ka* в оригинале.

²¹⁸ Ср. малор. *не треба ся на дівчині бити* «pugnare propter puellam» (Miklosich Vrgl. Gr. IV 667).

²¹⁹ Ср. малор. *що на лихо мене учила* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 420).

²²⁰ Ср. серб. *kći je moja na smrti* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 663).

BW 933 «не все люди благосклонны ко мне»; *uz manim rādamies* BW 3048, 1 «бранясь на меня»; *uz tevim duomājuot* BW 4468 «думая о тебе» (с желанием жениться на тебе); *es atstōju tāvu, mō'i, iz tevim vildamōs* Вольтер Мат. 269 «я оставила отца и мать, тобою соблазняясь»; (gen. pl.) *jis... iz ļaužu b'eja nažēteigs* Zb. XVIII 348 «он был жесток по отношению к людям»; *rozgrīža kēņiņč ogurči iz treju daļu* Zb. XVIII 338 «król rozkroīt ogórek na trzy części»; *křidz iz ļaužu* 452 «кричит людям»; (instr. pl.) *trīc puīša dvēselīte uz jaunām meitiņām* РКг. V 105 «трепещет душа парня (стремясь) к молодым девицам»; *uz* (в вар.: *priekš* или *pēc* cum instr. или *meitu dēļ*) *meitām ruozes zied* BW 6467, 2 var. «для девиц цветут розы»; *soka... iz gonim* Zb. XVIII 391 «говорит пастухам»; *uz pusēm dalīt* «делить пополам». Предлог *uz* (*iz*) стоит, далее, при понятиях времени, управляя род., или дат., или вин. падежом: *lai aizvēd mani uz vienu dienu pie tēva* LP III 2 «пусть привезут меня к отцу на один день»; *na uz diņeņas, na uz nēdeļas, tautōs nūgōja uz vusa myuža* BW 5180 «ни на день, ни на неделю, на всю жизнь она вышла замуж»; *ēsmu uz deviņiem gadiem nuoburts* LP I 47 «я заколдован на девять лет»; *es t'eu atdūšu tū zyrgu iz treju godu* Zb. XVIII 253 «я тебе отдам ту лошадь на три года». В этих случаях сочетание предлога с именным понятием отвечает на вопрос «на сколь долгое время?». В других случаях такое сочетание означает время, на которое падает какое-либо событие, или срок, к которому что-либо совершается: *uz*²²¹ *vakara* (или *vakaru* // BW 451, 2) *gavilēju* BW 136, 1 «(когда день склонялся) к вечеру, я весело пела»; *vīrs uz pusnakt atsmuostēs* LP VII 1, 109 «человек просыпается к полуночи»; *uz nākuošu rudentiņu iešu pati pakaļā* BW 6232, 4 «к будущей осени я сама пойду вслед за ним»; *ja dabūsi, tad dabūsi uz citam rudenam* BW 11591 «если ты достанешь (мужа), то достанешь к будущей осени»; *viņč ies uz vasarai kājām* (Вольтмар) «к лету он (ребенок) станет ходить»; *uz rudenam* (Вольтмар, Зербигал, Роннебург) «к осени»; *uz citi vasari* (dat.; Смильтен) «к будущему лету»; *ni avīzi nedabūs kamēr uz trešdienai* (Вольтмар) «теперь газеты не получают раньше, чем в среду»; *uz nākamai svētdienai viņč būs mājā* (Вольтмар) «к будущему воскресенью он прибудет домой»; *uz mandēgam jāsāk mēsli vešana*

117

²²¹ Ср. болг. и чеш. *nad* («под») *večer* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 424).

(Вольмар) «в понедельник нужно начать вывозку навоза»; *sešdesmit divi gadi būs uz divdesmit ceturtaam oktōberam* (Смильтен) «62 года исполнится к 24 октября»; *ķēniņš nu taisa uz parītu kāzas* LP I 64 «царь теперь готовит свадьбу к послезавтрашнему дню»; *kur tu uz svētkiem brauksi* LSpr. II 310 «wo wirst du vor dem Fest hinfahren, um dieses zu verbringen». В инфлянтских текстах (под славянским влиянием?) этот предлог ставится также просто на вопрос «когда?»: *iz ūtrys dinys* Zb. XVIII 237 «на другой день»; *iz reita* 247 «nazajutrz»; *iz ūtra gods* 245 «на drugi rok». Из народных песен я знаю также один пример, где *uz* стоит на вопрос «во сколько времени?»: *vaj es nesavērpju... uz duj gadis vienu spuoli* BW 6927 «разве я не напярла в два года одну катушку»²²².

В некоторых оборотах *uz* имеет такое же значение, как лит. *ūž*; так, в некоторых говорах западной Лифляндии (ср. РКг. XIII 94) *uz* ставится после сравнительной степени²²³: *uz manim vēcaks* (Лоддигер; лит. *senēsnis už manę*)²²⁴ «старше меня». Или *uz* (подобно лит. *ūž*) имеет значение «за»: *tu žēlig' uz*²²⁵ *mums gādā* (Geistl. Lied. u Psalm. 1671 г. 82) «ты милостиво хлопочешь о нас» (ср. лит. *rūpik už manę* «заботься обо мне»); *uz cēkula turēdama* BW 2720, 2 (в вар.: *aiz* или *pie*) «держа за хохол» (ср. лит. *ūž raīkos nusitvērti* «схватить за руку»); *apmīt (meitu) uz kumeliņu* LP VI // 940 «обменять (девицу) на коня» (ср. лит. *kārvē už ārkļi dūoti* «дать корову за лошадь»); *ceļu talku uz talciņas* BW 6319 «я устраиваю одну толоку за другой»; *laim' uz laimi man* BW 10165 «мне достается одно счастье за другим»; *veiju vaiņuku iz vaiņuka* BW 6210 «я вью (себе) один венюк за другим»; *kad pārvēd ligaviņ, tad paldies uz paldies* (Эрвален) «когда (отец сыну) привез невесту, тогда (сын говорил) одно «спасибо» за другим». Последний вид употребления предлога *uz*, вероятно, образовался в таких оборотах, где речь шла о нагромождении одного предмета над другим.

Наконец, приведу разные идиотизмы, где первоначальное значение предлога *uz* слабо или вовсе не сознается: *viņč uz*

²²² [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

²²³ Ср. п. *stodziejsza nad miód* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 424).

²²⁴ [Autora eksemplārā: cf. *ant cum // compar. // Daukša Post. 71, 14, 74, 31 //*]

²²⁵ Ср. малор. *на (= для) мельника вода робить* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 416). [Sal. Дополнения и поправки. — Red.]

maniem liniem daudz nepelnīs (Вольмар) «он (торговец) получит небольшой барыш, перепродавая мой лен»; *uz tā viena šāvieniņa trīs dieniņas birtin bira* BW 2430 «вследствие одного выстрела три дня (голуби) сыпались (падали)»; *saimnieks dzīvo ar vēlnu uz vienu ruoku* LP I 77 «хозяин живет в ладу с чертом»; *pārņ viņš dzīvoja uz seviem* (Сауссен, ВВ XII 236; или *uz sevi*, Вольмар) «voriges Jahr lebte er als Tagelöhner (nicht als Knecht)»; *uz reizi²²⁶ sāk zeme dimdēt* LP III 4 «вдруг земля начинает трястись»; *uz* (или *iz*; в вар.: *pa*) *vāciski* BW 7006 var. «по-немецки» (ср. н. *auf deutsch*); *es uz²²⁷ acim ešmu slimīgs* Mag. XIII 1, 10 «ich habe kranke Augen»; *uz ausēm kurlis* (Вирбен) «глуховатый»; *saderējuši kādi kungi uz seši sieki naudas* LP VII 1, 1315 «какое-то баре побились об заклад на шесть секов²²⁸ денег» (ср. н. *auf etwas wetten*); *uz²²⁹ ruokām vien maizi pelnīt* U «von der Hände Arbeit allein leben»; *atsidūdam po vusam iz tovas vaļas* (LChr. 152) «мы всецело предаемся в твою волю»; *iz muna tāva* Zb. XVIII 366 «при (= при жизни) моем отце» (п. *za mego ojca*). Славянское влияние следует видеть в инфлянтском обороте *aizštāgt iz atštāgys* Zb. XVIII 286 «zamkņac na zamek». В словаре Ульмана (152) приводится из материалов Нейкена оборот *man-uz* = *uz man* «на меня», // где предлог стоит позади; но сам Ульман замечает, что он такого оборота не слышал. Вероятно, мы тут имеем только дело с каким-то недоразумением.

119

§ 45. Как видно из данных примеров, дат. п. за *uz* встречается почти исключительно при понятиях времени. Встречается и в литовском дат. п. после *ūž*: *ustaloīi* «за столом» (Lit. Mitt. II 43; ср. примечание Беценбергера к этому месту), *ōž* (из *ūž*) *battam statui* «за белым столом», *ōž daržams* «за садами» (из народных песен Довконта, Bezenberger GGN 1885 г. 160). Так как (диалектическое) употребление дат. п. после лит. *ūž* несколько не сходится с (диалектическим) употреблением того же падежа после

²²⁶ Может быть, это германизм (*auf ein Mal*).

²²⁷ Ср. малор. *на одно око сліпий* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 422), серб. *хром сам на ногу* *ibid.* 667.

²²⁸ «Сек» (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

²²⁹ Ср. словинск. *živēla na rōkah* «sie lebte von ihrer Hände Arbeit» (Miklosich Vrgl. Gr. IV 666).

ла. *uz* и так как вообще употребление дат. п. после предлогов представляет из себя нововведение, то я полагаю, что также употребление этого падежа после ла. *uz* — латышское нововведение, возникшее, вероятно, под влиянием дат. п. при *lidz*, имеющем иногда (ср. выше § 27, стр. 79, примеч. 160) одинаковое значение с *uz*; ср. также (§§ 40—42) предлоги *iz* (с дат. п.) «до»: *iz* «на». — Из первелькского говора приводит Becker (BB XXVIII 267) даже оборот *uz vīrsui* «auf der Höhe», где *vīrsui* — местн. п., который вообще не ставится в латышском после предлогов: возникновение такого оборота обусловлено тем, что это — говор вымирающий (под сильным влиянием немецкого и литовского языков). — Что же касается падежа ед. ч. на *-u*, *-i* после *uz*, то это, вероятно, вин., а не твор. пад.: в пользу этого говорят вин. п. после лит. *įž* и слав. *вѣз* и первоначальное употребление вин. падежа на вопрос «куда?». А относительно instr. pl. после *uz* (*uz ties kuokis*) ср. Bezenberger Spr. d. pr. L. 107; instr. встречается также в лит. говорах после *įž* (ср. Bezenberger BB XXIV 318), что, вероятно, также нововведение лит. языка. Итак, мне представляется вероятным, что когда-то раньше встречались только род. и вин. пад. после *uz*. Мюленбах же (IF XIII 259) вполне неосновательно считает употребление род. п. после *uz* ла. нововведением (во всяком случае невозможно его предположение, что прежде всего стал употребляться род. п. от местоимений и имен женск. рода, о чем ср. IF XIII 243 слл., а потом был перенесен оттуда также на формы муж. рода: род. п. после *uz* встречается чаще всего в во-//сточной части ла. говоров, которые редко или вовсе не ставят род. п. от местоимений и имен женск. рода после предлогов, требующих вин. или творит. пад.)²³⁰. Сопоставление разных говоров явно указывает на исконное употребление и род., и вин. пад. после *uz*. Первоначально вин. пад. ставился после глаголов движения (идти, ехать и др.) на вопрос «куда?»; на вопрос же «где?» ставился род. п. Мюленбах (IF XIII 259 слл.) оспаривает это, но целый ряд ла. говоров соблюдает это правило. Так, относительно сауссенского говора сообщает Каулинь (BB XIV 117 слл.), что там после *uz* вообще ставится род. п. (напр., *uz galda* «на столе», и также *lic uz galda* «поставь

²³⁰ [Autora eksemplārā: inl. *uz* vel *iz*, wenn = do, cum acc. (*uz satu* = do domu, *uz kotnu* na gōrē) // wenn = na, — cum gen. (*uz satas* na domie, *uz kotna*) Kossowski Gr. 14 //]

на стол», и — *nakāp uz jumta* «не лезь на крышу»; вообще на вопрос «wo hinauf?»), на вопрос же «nach wohin?» ставится вин. п. (напр., *uz Rīgu* «в Ригу», *uz mežu* «в лес», *uz māju* «домой» и др.). По такому же правилу употребляются род. и вин. пад. после *uz* также в говорах вольмарском (напр., *už jumta* «на крыше»; *saimieks trīsreiz uzlēš uz kāša tās zupas* «хозяин, говорят, три раза наливал суп на крюк»; *nācis apagašs uz namu* «он, говорят, вернулся домой»), смильтенском (*uz jumta; uz ciemu* «в соседнюю усадьбу»), пальцмарском (*už jumta; uz mežu* «в лес»), зербигальском (*uz akmina* «на камне»; *uz mežu*), адзельском (*izkāpt iz jumta* «взлезть на крышу»; *iz mežu*), зельбургском (*iz golda* «на столе», *iz gultas* «на кровати»; *iz mežu*), линденском курл. (*uz akmeņa* «на камне», *uz gultas, uz beņķa* «на скамейке»; *uz mežu, uz pļavi eimu* «иду на луг», *uz melderī brāukt* «поехать к мельнику»), баускенском (*uz galda, uz gultas; uz mežu*), нейгутском (*uz gālda, uz gultas; uz mežu*), экауском (*uz akmeņa, uz beņķa, uz gultas; uz mežu, uz pļavi, uz tēvu* «к отцу»). В других же говорах такое различие в употреблении род. и вин. п. после *uz* не соблюдается, причем в части говоров на вопрос «где?» ставится, по-видимому безразлично, то род., то вин. п., напр.: *uz jumta* «на крыше», и — *uz vienu kāju* «на одной ноге» в альт-пебальгском говоре. В говорах же западной Курляндии (Нидер-Бартау²³¹, Кале-//тен, Прекульн, Гавезен, Дубеналькен, Виргинален, Дзервен, Амботен, Нигранден, Альт-Жварден, Сессилен, Шлампен, Сатинген, Фрауэнбург, Броен, Ошенекен и др.) я встречал после *uz* только вин. пад. как на вопрос «куда?», так и на вопрос «где?». В других же говорах западной и Средней Курляндии (Грёзен, Ринген, Шрунден, Апшуппен, Гросс-Пёнау, Жукст²³², Анненгоф, Альт-Аутц, Бенен, Гайкен, Лутринген, Шеден, Дурен, Вормен, Кабиллен, Маткульн, Ванен, Ремтен, Весатен, Вейншенкен, Лестен, Нейенбург) вообще (на вопросы «где?» и «куда?») ставится вин. п., от основ же на -o род. п. (напр., *uz galda, uz beņķi, uz gultu, uz sirdi* «на сердце», *uz ledu* «на льду»; *uz meža braukt* «поехать в лес», *uz pļavi*). Еще в других говорах той же местности (Грюнгоф, Удзен, Струттельн) ставится род. п. также от тех основ на -jo, которые в им. пад. окан-

²³¹ Род. п. я встретил там только в выше (стр. 114) приведенном обороте народной песни: *uz zuoņena atsaspiedis*.

²³² Ср. Etn. III 117.

чиваются на *-is* (напр., *uz sliekšņa* «на пороге»; *uz meža*; *uz bļūdu* «на блюде»). Если же основа на *-o* определена местоимением, то в части этих говоров род. п. остается (напр., *uz tā meža braukt* «поехать в тот лес», Грёзен, Кабиллен, Маткульн, Ремтен, Весатен), в других же говорах тогда (ср. Mühlenbach IF XIII 252) является вин. п. (напр., *uz tuo mežu braukt*; но: *uz meža*; *uz kalna* «в гору», *kāpt uz augsta kalna* «подниматься на высокую гору» и др., Жукст и др., ср. IF XIII 265). Причины этого странного явления для меня не совсем ясны; несомненно только то, что такое распределение род. и вин. п. при *uz* в этих говорах предполагает более древнее состояние, где (как еще в части современных говоров) вин. п. ставился на вопрос «куда?», род. п. на вопрос «где?». Но так как в некоторых случаях издавна можно было колебаться между род. и вин. пад., то в этих говорах впоследствии стали употреблять безразлично и род., и вин. пад. при *uz*, пока, наконец, по каким-то неизвестным причинам²³³ не установилось употребление род. п. от основ на *-o*, вин. пад. от прочих основ. Во всяком случае, формы на *-a* после *uz* представляют из себя род., а не твор. пад., как полагает Мюленбах IF XIII 265 слл. Если бы эти формы на *-a* были твор. пад., то было бы непонятно, почему такие твор. пад. на *-a* сохранились только после *uz*, а не также после других предлогов. В других же оборотах, где Мюленбах усматривает такие же твор. пад. на *-a*, везде (что отчасти признает Мюленбах сам) можно считать эти формы род. пад. (такие обороты, как *man Jānis vārda* «mihi nomen est Jānis», возникли на основании оборота *kas tev vārda* «quod nomen tibi est», где *vārda* — gen. totius, зависящий от *kas*). Наконец, предложение Мюленбаха невозможно также потому, что ла. конечное *-a* может восходить только к иде. *-ā(d)*, а родственные языки не знают твор. п. с таким окончанием (литовские формы на *-o*, приведенные Беценбергером BGLS 124 слл. из старых текстов, на которые ссылается Мюленбах, не имеют никакой доказательной силы: это — описки или опечатки или отчасти вовсе не твор. пад., — Беценбергер приводит эти формы вне связи).

²³³ Не во избежание ли недоразумений? асс. s. основ на *-o* совпадает с gen. pl., а от основ на *-ā*, сверх того, gen. s. совпадает с асс. pl. (а эти падежи совпадают также у основ на *-jē* и прежде, должно быть, также у основ на *-i*).

§ 46.²³⁴ Сложенные с *-uz* именные формы предполагают сочетания предлога *uz* со следующим падежом: *uzacis* или *uzaci* (LP VII 1, 195) «брови» (собственно: то, что *uz acim*), *uzplecis* «наплечник», *uzpurns* «намордник» (ср. Etn. II 34 и 49), *uzsvars* «перевес», *uzvārds* «фамилия» (н. Zuname). А в двух следующих формах префикс, по-видимому, показывает, что сложное с ним именование находится над чем-либо: *uzkalns* U «Anberg, Hügel», *uzragi* U «Dachreiter, Kreuzhölzer, die das Dach oben zusammenhalten»²³⁵.

virš, vez

§ 47. По значению походит на *uz* предлог *virš* (с нисходящею инт.) «над, на», сокращенный из лос. s. *viršū* или из формы *šuerBon* (Kat. и Und. Ps.; здесь также уже *šuerB* 5, 1), *wirffon* (Manс. Post. I 13; рядом с *virš* I 7). Зубатый (IF VI 280) видит в *o* последнего слога изображение краткого открытого *u* и читает *viršun*; но можно думать также, что *o* тут, как обыкновенно, передает дву-//гласный *uo*, и читать *viršuo* (продукт смешения диалектического лос. s. *viršuo* и формы *viršun*). Форма *šuerBon*, *wirffon* употребляется (рядом с *virš*) в текстах XVI в. и у Манцелия как предлог, и если Adolphi (244) говорит, что эта форма имеет только значение наречия («вверху»), то это относится только к его времени и известному ему говору. Эти формы произведены от существительного *viršus*, тождественного по форме и значению с лит. *viršūs* (с восход. инт. коренного слога), црксл. *врѣхъ* и родственного с лт. *verřūca* «бородавка», скр. *varšman-* «высота» (ср. Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 132), ирл. *ferr* «besser», кимр. *gwarr* «occipitium, cervix» (Strachan IF II 370). В качестве предлога употребляются также местн. пад. от лит. *viršūs* (напр., *ràsit mùn vainikèlį viršui vandėns plūduriant Schleicher Leseb. 50* «вы найдете мой веночек плавающим поверх воды»; *paukszczey tetekioja wirszuy žiames* «птицы пусть летают поверх земли», из библии Минвида-Хилинского, Вольтер Об этногр. поездке 77; *pasikiete wirszuñ žiames ibid.* («Ноев ковчег) поднялся над землею») и црксл. *врѣхъ* (напр., *стоявъ врѣху леда; походилъ врѣху моря; велия врѣху насъ*

123

²³⁴ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

²³⁵ [Autora eksemplārā: *ar lielām uzkaudzēm Unguri* //]

милость твоя; хорв. *goru vrh*²³⁶ *gore kladihu*; малор. *верх води пливати* и др., Miklosich Vrgl. Gr. IV 514 слл.).

124

Рядом с *virс* и *из* встречается предлог *vez*; по сообщению в Austrums VIII 1, 366, в Гольдингенском уезде старое поколение говорит по большей части *vez*, молодое же — *из*. Я же сам встречал *vez* только в народных песнях из западной Курляндии, и также г. К. Петерсон (в письме от 17 окт. 1904 г.) сообщает мне, что он встречал этот предлог только в народных песнях, хотя часто беседовал с женщинами, употреблявшими в своих песнях *vez*. Так как в употреблении *vez* ничем не отличается от *из*, то на первый взгляд заманчиво сближать обе формы также в этимологическом отношении (с известным чередованием *ve : u*). Но так как родственные языки не знают формы, соответствующей ла. *vez*, и так как *vez* употребляется (насколько я знаю) только как предлог, а не как префикс²³⁷ (между тем как в латышском при существовании рядом двух предложных форм // одного корня обыкновенно употребляется в качестве префикса более полная из них), то я полагаю, что *vez* по происхождению своему не имеет ничего общего с *из*, но представляет из себя диалектическое видоизменение предлога *virс*. А именно, я знаю предлог *vez* только из говоров сакенгаузенск. (BW 5731 var.), дубеналькенск. (1459, 6256), цирауск. (1920 var.; 9267, 1), шрунденск. (7291, 2 var.; 9840 var.), кабилленск. (9082), ошенекенск. (1891 var.), ранкенск. (по сообщению г. К. Петерсона), где тавтосиллабическое сочетание *ir* переходит в *ier* (кроме того, я встречал *vez* в BW 8916 var., 3485 из кротенского и в BW 10033, 1 var. и 11671 из равенского говоров, неизвестных мне; но так как в соседстве этих говоров известен переход *ir* в *ier*, то позволительно приписывать этот переход также говорам кротенскому и равенскому. Только один пример предлога *vez* BW 11018, 5 var. встречается в песне, записанной в Гросс-Крутене, где *ir* не переходит в *ier*; но позволительно думать, что эта песня записана со слов лица, переселившегося в Гросс-Крутен из местности, где *ir* переходит в *ier*). Значит, в этих говорах *virс* перешло в *viers*, а из *viers*, на мой взгляд, могла образоваться форма **ves* (*e* из *ie*, как в *pe* «при» в некоторых говорах в проклитическом положении из *pie*; а насчет нефонетической утраты *r* ср. *vais* ВВ XXVII 316

²³⁶ В болгарском также *врѣз* (продукт смешения форм *врѣх* и *врѣз*).

²³⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

и 318 слл. из *vairs* «больше»), а из **ves* перед звонкими взрывными образовалась форма *vez*, которая потом была обобщена под влиянием однозначашей формы *uz*. В народных песнях из Шрундена встречается (рядом с *vez*) также *vež* (*vež acēm* BW 6572, 3 var., а *vez acēm* 9840 var.; *vež manīm* 8641, 6 var.); это *vež* первоначально возникло из *vez* перед *j* и смягченными согласными, а потом стало употребляться также в другом положении.

§ 48. Первоначальное значение предлога *virs* — «поверх, над» (противоположное — *apakš* или *zem* «под»): (gen. s.) *ļaudis manu dēkļa laimī ūdenī slicināja; mana dēkļa virs* (в вар.: *vez* сит gen. или *pār* сит acc.) *ūdeņa sēd sudraba laiviņā* BW 9223, 1 var. «люди толкали мое Счастье в воду; мое Счастье сидит над водою в серебряной лодке»; *zvejnieciņa dvēselīte virs ūdeņa līdināja* BW 9550 «душа рыбака летала поверх воды»; *grūti man virs zemītes // staigājuot; kā zemītei grūt' nebija zem manām kājām* BW 4034 «тяжко мне, ходящей поверх земли; как земле не было тяжело под моими ногами»; *kattri viršfon Semmes dšiewo* (Mancelius Post. I 13) «которые живут поверх земли»; (acc. или instr. s.) *virs* (с фонетическим для этого говора переходом тавтосиллабического сочетания *ir* в *īr* с долговатым *ī*) *tuo smekļtē uestēs* (Анцен; заг.) «над отведывателем (т. е. ртом) нюхало»; *dziedādama vien staigāju virs tuo tautu nuovadiņu* Bt. 1009 «на чужбине я все расхаживаю припеваючи»; (instr. pl.) *tam uzaugušas virs acīm lielas piepes* LP I 147 «у него над глазами выросли большие грибы».

Вместо *virs* в этом значении употребляются также сложные формы *viršpus* и *augšpus*, о которых ср. ниже под *-pus*. А затем, *virs* (*vez*) употребляется в таком же значении, как *uz*, и означает положение (или движение) на поверхности чего-нибудь: (gen. s.) *gul, brāliti, virs ežiņas* BW 11845 «лежи, братец, на меже»; *guļu virs* (в вар.: *uz*) *akmeņa* BW 10107 «я лежу на камне»; *es atradu virs* (в вар.: *uz*) *celiņa* (в вар.: acc. *celiņu*) ... *ābuoliņu* BW 9623, 5 «я нашла на дорожке яблочко»; *virs akmeņa bērzī aug* Bt. 218 «на камне растут березы»; *sēdi... vez akmeņa, ne uz manu ragu galu* BW 9267, 1 «сиди на камне, не на краю моих дровней»; (acc. или instr. s.) *virs* (в вар.: *uz*) *akmeni* (в вар.: gen.) *malķu cirtu* BW 9121, 2 var. «я на камне дрова рубил»; *stāvi... virs tuo lēdus gabaliņu* Ltd. 448 (из Ангер-

мюнде) «стой на той полосе льда»; *es brāliša kūmeliņu vez* (в вар.: *uz*) *raibīti ēdināju* BW 3485 «я кормила коня брата на пестрядине»; (instr. pl.) *padziedāju vez nuovada ruobežām* BW 446 var. «я попела на границах волости»; *kālab mani brāļi nesa vež* (в вар.: *uz*) *acēm ceņurīli* BW 6572, 3 var. «почему мои братья носили шапку, надвинув ее на глаза». Сюда относится также оборот *virš vēja: ne es dziedu, ne runāju, virš vējiņa stāvēdama: apakš vēja dēlu māte manu balsi klausījās* BW 501 «я ни пою, ни говорю, стоя на ветру: мать сыновей под ветром прислушивалась к моему голосу».

126 Далее, предлог *vez* (подобно *uz*) означает движение к определенной цели (форма же *virš* так, вероятно, не употребляется, потому что чувствуется еще ее этимологическая связь с *virsus*): *nuo sētas vez sētū* (acc. s.) BW 1459 «из одной усадьбы в другую»²³⁸. Далее, предлог *virš* (*vez*), подобно *uz*, стоит при том именном понятии, на поверх-//ность которого направлено то или другое действие (или движение): (gen. s.) *virš* (в вар.: *uz*) *kumeļa ziedi bira* BW 10980 var. «на коня сыпались цветы»; (acc. или instr. s.) *liku virš* (в вар.: *uz* cum gen.) *akmeni... gredzeniņu* BW 10015, 1 «я на камень положила кольцо»; *sper, pārkuoni, tautu dēlu caur ūdeni vez* (в вар.: *uz*) *akmini* BW 8916 var. «швырни, Перун, жениха сквозь воду на камень»; *es neietu vez rugāju* (в вар.: loc. без предл.) BW 9756 var. «я бы не ступала на жнивю»; (instr. pl.) *birst... asaras virš* (или *vez* Ltd. 536) *tavām ruociņām* Ltd. 441 «сыплются (мои) слезы на твои руки».

Наконец, предлог *virš* (*vez*), подобно *uz*, означает дополнение различных глаголов с более или менее отвлеченным значением и предмет разного рода страстей и умственных интересов: *arais brēca vez dieviņa* Vt. 1965 «пахарь жаловался на бога»; *vez* (в вар.: *uz* cum acc.) *vācieša gaidīdama* BW 7291, 2 var. «дожидаясь немца (как жениха)»; *pūš vējinis, runā ļaudis virš* (в вар.: *uz*, или *ar*, или *apkārt*, или *gar*, или *par*) *tuо manu augumiņu* BW 8818 var. «дует ветер (на меня), оговаривают меня люди»; *voi virš man' apskaistās. voi virš man' bāleliņ'* BW 812 «сердится ли она на меня или на моего брата»; *vez* (в вар.: *uz*) *māsiņu raudzīties* BW 5731 var. «смотреть на сестру»; *vēca puīša aces dega vez* (в вар.: *uz*) *tuо manu augumiņu* BW 10033, 1 var. «глаза

²³⁸ [Autora eksemplārā: *rāda ceļu vez tautām* BW 17963 v. (Kandau) //]

старого холостяка сверкали, (жадно глядя) на мой рост»; *kuo vez* (в вар.: *uz*) *mani gauži raud'* BW 2762, 1 «зачем ты горько плачешься на меня»; *virš manim gauži raud* Bt. 952 «она горько плачется на меня».

Предлог *virš* в общем употребляется довольно редко (ср. Bielenstein LSpr. § 581 и Kauliņ BB XIV 118). Adolphi (244), Hugenberger (Mag. II 2, 82) и Bielenstein (l. c.) утверждают, что на вопрос «куда?» ставится вин. п. (*virš jumtu* «на крышу»), на вопрос «где?» — род. п. (*virš jumta* «на крыше»); но теперь, во всяком случае, такое различие не соблюдается, и приведенные мною примеры для вин. (или твор.) пад. взяты отчасти из текстов северо-западных говоров, где после всех предлогов ставится вин. (твор.) пад. Hesselberg (§ 305) приводит также пример дат. п.: *virš ūdenim lielas briesmas rēdz* «auf dem Wasser erleidet man große Gefahren». Если вообще можно считать это сообщение достоверным, то следует видеть в этом обороте ошибочное индивидуальное образование.//

нио

127

§ 49.²³⁹ Форма эта употребляется и как предлог («от, с»), и как префикс. Префикс всегда имеет форму *нио*, как и предлог в литературном языке и в большинстве говоров. В некоторых же говорах северо-западной Курляндии (Шлек, Вензау, Пильтен, Зурс, Газау, Пуссен, Угален, Липстгузен), в части верхнелатышских говоров (ср. Bezenberger Lett. Di.-St. 15 слл.), в наречии прусских латышей (ср. Bezenberger Spr. d. pr. L. 45 слл.) и (рядом с *нио*) в части старопечатных текстов (Und. Ps. 24, 20; Psalmen² 19^b, 29^a, 30^a и др.) предлог имеет форму *ни*, возникшую в проклитическом положении из *нио*. Встречается и *но* (Bezenberger Spr. d. pr. L. 47) — переходная ступень от *нио* к *ни*.

В литовском языке употребительны вполне соответствующие формы *нио* и *ни*, причем в литературном языке предлог имеет форму *нио*²⁴⁰, глагольный префикс — форму *ни*. Но во многих говорах (ср., напр., Schleicher Gramm. 288 и Bezenberger BB IX 288) вместо (и отчасти рядом с) *нио*

²³⁹ [Autora eksemplārā: *ni* Aluksne Korsova Савинцы Marienhausen Baltinov Alswig // Preili Vorkova Likсна Dubena Litene Bejava J-Gulbene Kaunata // Birsen Dagda Welonen Ludjen Ramslova // *nū* Roseneck Ope //]

²⁴⁰ Также (с прибавлением частицы *-gi*) *ниог(i)*.

употребляется предложная форма *nū*, сокращенная²⁴¹ из *nuo* (Bezenberger GGA 1877 г., стр. 1460). Из того же *nuo* в проклитическом положении в других говорах образовались предложные формы *no* (т. е. *nō*), напр. в Рагнитском у. (Lit. Mitt. I 83, 84, 86, II 50; Jurksch. 8, 10, 17 и др.), в Шавельск. у. (Lit. Mitt. I 360, 363; V 273, 285), в Оникштах (Ап. 5 и др.), в годлевском гов. (Lesk.-Brugm. 312), в людвиновском гов. (Лит. нар. п. № 25), в Марьямпольском у. (Даукша Кат. 132, 133)²⁴², *nōg* (из *nuog*; в попельск. гов., Bezenberger Lit. Forsch. 5), *nū* в северных говорах Прусской Литвы (Lit. Mitt. I 61, 63; II 29, 39; Bezenberger Lit. Forsch. 13, 21, 23, 27, 37; ВВ IX // 289, XXIV 318). В последних текстах ударяемое *uo* сохраняется (ср. *szlúoszczau* Lit. Forsch. 13) или же (далее к северу) переходит в *ō* (также под второстепенным ударением: *prýpol* Lit. Mitt. I 64); неударяемое же *uo* перешло в *ū* (кроме *nū* ср. еще *tūjaūs* «тотчас» Lit. Mitt. II 39; loc. pl. *szūs weikalūs* I 63, *mētūs* Lit. Forsch. 21). Беценбергер же (GGA 1885 г., 917) говорит, что иногда получается впечатление, будто бы неударяемое *uo* переходит в *ū*, но оспаривает правильность такого впечатления. Однако мое правило подтверждают приведенные Беценбергером примеры: *kūmēt* «когда» (рядом с instr. *to*), *tūjaū* «тотчас», *kūdēlis* (рядом с *kōts*; inf. же *kodót* вместо **kūdót* под влиянием родственных форм с начальным ударением), *pūdēlis* (рядом с *pō'ts*; под влиянием этой формы также *podilēlis* с *o*), I s. praes. *sēdūs* (рядом с *sukōs*, *metdōs*; а под влиянием форм с начальным ударением, как *sēdūs*, возникают также неправильные формы, как *mākenūs*, ВВ VIII 122¹). Формы же с неправильным *o*, как *osinis*, *kolālis*, *ogik'*, *dobiōts*, *jodā* и др., имеют это *o* вместо *ū* под влиянием родственных форм *ōsis*, *kōls*, *ōges*, *dōbē*, *jōdas*. А форма *gertūklis* «пьяница», вероятно, имеет исконное *ū* (ср. Leskien Nom. 353). — Глагольный же префикс имеет также форму *nuo-* в старых текстах²⁴³, напр. у Виллента

²⁴¹ Неправильно, значит, Вс. Миллер (KSB VIII 107) отождествляет предлог *nū* с црксл. *нъ* «но».

²⁴² Еще другие примеры дает Зубатый IF VI 297; ударяемое *uo* в этих говорах не переходит в *ō*. Относительно перехода *nuo* в *no* ср. *dūōna* рядом с *donēte* в восточнолит. нар. Ковенск. губ. (Барановский Зам. 66).

²⁴³ Ср. об этом Bezenberger GGA 1877 г., 1460 слл.; Bezenberger приводит (I. с. 1464 и BGLS 247) из старых текстов также несколько примеров префикса *na-*, но это, по всей вероятности, описки или опечатки вместо *ni-* или *no-* (= *nuo*).

(*nuoBenge* LLD III 10, 17, *nuomirusiu* 10, 18, *nuossidawe* 49, 8 и др.; рядом с *nu-*: *numirusiu* 102, 32, *nussidawe* 81, 3 и др.), в катех. 1547 г. (*nomires* LLD I 11, 25, *notwersit* 14, 17 и др.; также *nu-*), в формуляре для крещения 1559 г. (*nuosiduostisi* LLD II 37, 17; *nuomires* 37, 2 и др.), в постилле 1573 г. (*nonesch, nogaischintų* Lit. Mitt. V 24), в псалтыри 1625 г. (*nuossigrebei* пс. 85, 4) и, по-видимому, также в части современных говоров, напр. в календ. Ивиньского (*nuogiedrieti, nuograistimas, nuokanoti* Geitler Lit. St. 98, *nuositwilkimas* 99; *nuoslida* Jurksch. 53, *nuoslidau* 54), у Довконта (*nuomožietei* Geitler Lit. St. 99), в Россиенск. у. (*nūvažūsme, nūpjōvat* Вольтер Мат. 88; *ū* тут правильно из *uo*; другие примеры²⁴⁴ из хвейдано-швекшнянск. гов. L // Chr. 319). В северных говорах Прусской Литвы, где, как выше изложено, неударяемое *uo* переходит в *ū*, из *nuo-* получается *nū-*²⁴⁵, которое затем обобщается и является также под ударением, напр.: *nūsitūpeš* Lit. Mitt. I 62, *nūkērtams* 63, *nūvažau'* II 39, *nūwež'* 39; *nūkaldin, nūžyd, nūpjau* Lit. Forsch. 27, *nūvažót* 37; *nūžudaú* BB VIII 105, *nūtūkis* 106, *nūbrauku* 107 (также в именных формах: *nūdā, nūbažnas, nūbraukas, nūgrēbas* GGA 1885 г., 917). Существование глагольного префикса *nuo-* предполагают также такие сложные отглагольные существительные, как *nūobraukos, nūogrēbos, nūokulos, nūolauža, nuolupa, nūoskunda* (рядом с *nuskundā*) и др. В сложении с именами всегда, кажется, является префикс *nuo-*, напр. *nuolaima, nuosklaidūs*. — Почему в латышском сокращенная форма *ni* встречается только в качестве предлога и почему в литовском глагольный префикс в большинстве говоров теперь имеет (в противоположность ла. языку) форму *ni-*, этот вопрос я рассмотрю во II части.

С ла. и лит. *nuo* сопоставляются пр. *na, no*, слав. *na*, гр. *να* и др. (Pott Etymol. Forsch. I² 308 слл., Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 15, Bezzenberger BB II 134, Persson Stud. et. 14, 77, Johansson BB XV 310, Berneker Pr. Spr. 151, Delbrück Vergl. Synt. I 739 слл. и др.). Относительно значения формы *nuo*

²⁴⁴ [Autora eksemplārā: Liet. T. I 556 //]

²⁴⁵ Префикс и предлог *nū* (в подлиннике *ni*, где *i* — перевернутое *n = ū*) встречается, однако, также в андреевск. гов. (LChr. 322 и 323), где *uo* вообще переходит в *oi*; но может быть, что и тут *nū* вместо **noi* вследствие проклитического положения.

(«ἄνωθεν») Pott и Delbrück замечают, что оно образовалось в сочетании предлога с gen.-abl. («von auf», «von oben»; понятие «von» выражало окончание abl., предлог же первоначально имел значение «на»); вполне аналогичное явление мы встречаем в армянском, где, по мнению Педерсена (KZ XXXVIII 222 слл.), предлог *i* «в» (из иде. *en*), удерживающий это значение в сочетании с *dat.*, в сочетании с *abl.* получил значение «из». — Пр. предлог *na, no* имеет, как заметил Паули (KSB VII 219), двойное значение: с одной стороны, эта форма передает н. «auf, über» (= «на»; напр.: *na semmey* Кат. I «auff erden», *unsei gūbans nadangon* Ench. 91 «auffgefahren gen Himmel», *lasinna rānkan // nodins* Ench. 79 «leget die hende auff sie», *giēidi notien* Ench. 49 «warten auff dich», *isliuns ast no mans* Ench. 30 «ausgegossen hat über uns» и др.), а с другой стороны, *na, no* передает н. «nach» (ср. лит. *anó-t(e)* «по, сообразно с»: *anóte tėvo* «wie der Vater zu sagen pflegte», *anót anō kalbōs* «nach jenes Rede», ср. Bezzenberger BB XXVII 158 слл., который сравнивает гр. *ἀνά-λογος*; напр.: *seggit na tennessei pallaipsans* Ench. 12 «thun nach seinen Geboten»; *no enteikūsnan* 77 «nach Ordnung»; *notwaian... ligan* 85 «nach deinem Gericht»; *no twaian... engraudisnān* 85 «nach deiner Barmhertzigkeit»). Только Паули ошибается, различая также по форме *na* «nach» и *no* «auf» (замечая, что иногда смешиваются обе формы): из четырех примеров предлога со значением «nach» три пишутся *no*, один — *na*, и предлог со значением «auf» нередко пишется *na*. Поэтому следует думать, что обе формы вполне совпали в произношении; первоначально же они различались и формально: *na* «nach» из иде. **nā* (ср. лит. *anó-t*) или **na* (ср. гр. *ἀνά*), *na* «auf» из иде. **nō* (откуда *nuo*, сл. *на*). Пр. предлог *na, no* (ср. выше § 2), по всей вероятности, произносился в XVI стол. с кратким гласным, возникшим, вероятно, в проклитическом положении из долгого гласного; в пользу краткости гласного говорит постоянное отсутствие знака долготы, между тем как другие предлоги довольно часто снабжены знаком долготы. Префикс же, вероятно, имел долгий гласный: один раз (*nādewisin* Ench. 53 «Seufftzen») долгота обозначена, а в прочих случаях (где ударение, вероятно, было не на префиксе, напр.: *Nosēilis* Ench. 18 «Geyst», *nadruwisnān* 30 «Hoffnung») после префикса никогда не встречается удваивание согласного, часто наблюдаемое после кратких согласных.

§ 50. Предлог *nuo*, управляющий обыкновенно род. пад., прежде всего означает движение сверху: *kōp nūst nu*²⁴⁶ *tō čepļa* Zb. XVIII 252 «слезь с той печи»; (gen. pl.) *dīus jam putris sviž nu dabasu* 241 «бог ему с неба кидает кашу»; *rosa kfeit nu kūku* 280 «роса падает с деревьев»./

А затем, *nuo* означает вообще исходную точку того или другого движения или действия (если движение это происходит изнутри чего-нибудь, то вместо *nuo* в части восточных говоров ставится также *iz*): *nuo jūriņas izpeldēja* RKr. V 9 «из моря выплыли»; *nuo tālienes jau pazinu* BW 139, 2 «я уже издали узнавал»; *vistiņ' tēk nuo pakaļas* BW 2472 «курица бежит сзади»; *pils izcēlusies nuo zemes apakšas* LP VII 1, 205 «замок поднялся из-под земли»; *nāk Laimiņa, ņems nuo gala, ne nuo vidus lasidama* Bt. 46 «приходит Счастье, оно возьмет (девицу) с конца (ряда), не выбирая из середины»; *nuo virsus vėl labi izskatās, iekšā pagalam* (Hesselberg § 302) «von oben sieht es noch gut aus, inwendig ist alles verdorben»; *izlīn jei nu tōs pačēptis* Zb. XVIII 240 «она вылезает из-под печи»; *nuo tik tālu* (нар.; Нидер-Бартау) «из такой дали»; *nuo citur* (Нигранден) «ἀλλοθεν»; *nuo tur* (Гросс-Вюрцау) «оттуда»; (acc. или instr. s.) *nuo tuo būdu* (Гросс-Вюрцау) «от (или «из») той хижины»; *nuo tuo pusi* (Бауске) «с той стороны»; *isvetšuos nuo tuo gultu* (Лутринген) «я выкачусь из кровати»; (gen. pl.) *nu vusu pušu* Zb. XVIII 388 «со всех сторон»; *man atbrauca nuo Leitišu* BW 353 «ко мне приехали (женихи) из Литвы»; *tas izvila... māsiņu nuo bagātu bāleliņu* BW 600, 1 «он выманил (и увез) сестру из (среды) богатых (ее) братьев»; *iztašēit poroku nu patnu* Zb. XVIII 450 «wybrać proch z poroju»; *nūzoga nu meusu* Вольтер Мат. 195 «от нас (ее) украли»; *slīdi nu, bērniņ, nuo ruoku ruokās* BW 1529 «катись, ребенок, из одних рук в другие»; *ej nuo acu* (Нидден Б.) «уйди с глаз (долой)»; (instr. pl.) *nuo acīm izlaist* (Ругенталь) «выпустить из глаз»; *šķiries, mana līgaviņa, nuo citām meitiņām* BW 279, 7 «отделись, моя невеста, от других девиц». Сюда относятся также такие обороты, как *lasat* (в вар.: *paceļat* или *mētat*) *kuokus nuo celiņa* BW 1073, 1 «убирайте (поднимайте, кидайте) деревья с дороги»; *tam piens nuo lūrām nav nuoživis* (RKr. VI

131

²⁴⁶ В текстах, помещенных в Zb. XVIII, количество гласных не обозначается, и поэтому неизвестно, следует ли читать *ni* или же *nū* (из *nuo*; ср. Bezenberger Lett. Di.-St. 15).

погов. 599) «у него молоко на губах не обсохло»; *vysi jauni, kaidi tik ira jō kēnistli, nu bogōtu da b'ēdēigu* Zb. XVIII 454 «wszyscy młodzi, jacy tylko są w jego królestwie, od bogatych do biednych».

Предлог *nuo* означает исходную точку также по отношению ко времени: *nu tō taika jei teidz ar wysim strōdōja* Zb. XVIII 238 «с того времени она работала вместе с остальными»; *nuo šis dienas par divi nedēļām* (Hesselberg § 302) «von heute über 2 Wochen»; *nuo rīta līdz vakaram* «с утра до // вечера»; (gen. pl.) *nuo pat maģu dienu* (Обер-Бартау) «usque a parvulo»; *nuo mazu dienu* (Блиден Mag. X 3, 86; Амботен, Грэзен) «с малолетства»; *nuo jaunu dienu* (Ринген, Бенен, Лутринген, Ремтен) «с молодых лет (собственно: дней)»; *nuo būtu dienu* (Грюнгоф) «искони»; *nuo vēcim vēci laiku* (Крутен) «исстари»; *nuo piecu mētu es ēsu pie sveša gājis* (из говора прусск. латышей Б.) «с пятилетнего возраста я служил у чужого»; (instr. pl.) *nuo iesāktiem galiem* (Шрунден) «искони». Иногда сочетание предлога *nuo* с именным понятием определяет не только исходную точку, но вместе с тем и продолжение времени: *nuo rīta dziedāšu graznas dziesmas* Спр. 32 «поутру я буду петь красивые песни»; *kuo pasaukšu guldāties, kuo nuo rīta cēldāties* BW 301, 1 «кого я буду звать ложась спать, кого — утром, вставая»; *nu rītiņ agramē* (Шлек) «рано утром»; (gen. pl.) *es te dzīvāju nuo* (= н. seit) *piecdesmit gadu* (Нейенбург) «я здесь живу лет пятьдесят»; (instr. pl.) *dziedat, meitas, nuo rītiem* BW 454, 2 «пойте девицы по утрам».

В таких оборотах, как *bāgdams nu zagļu* Zb. XVIII 478 «убегая от воров», именное понятие при *nuo* означает не только исходную точку, но также причину движения. А затем, *nuo* означает также дополнение выражений боязни²⁴⁷, стыда и т. п.: *nuo ūdens bistas* (RKг. VII заг. 984 var.) «боится воды»; *nuo ūdens bailīgs* (ibid. 984) «боящийся воды»; *kuo nuo manis kaunāties* BW 575, 2 var. «зачем вы стыдитесь меня»; *nuo māmiņas slēpdamās* Спр. 115 «прячась от матушки»; *sargies... nuo tā vēja vanadziņa* BW 2589, 2 «берегись перепелятника»; *paglabāt nuo guntiņas, nuo ūdeņa* BW 3027 «охранять (ребенка) от огня, от воды»; (gen. pl.) *tu nuobijies nuo suņi* (Нидер-Бартау Etn. II 155) «ты испугался собак»; (instr. pl.) *apsedz manu augumiņu nuo ļautiņu*

²⁴⁷ Ср. лт. *timeo ab aliquo*.

valuodām BW 9080 «прикрой мой рост (т. е. меня, охраняя) от людских пересудов». Далее, при *nuo* стоит то именное понятие, от которого избавляются, или которого лишаются, или не имеют: *attaist šū nu tūs putnu* Zb. XVIII 418 «uwolnić go od tych ptaków»; *pliks* («голый») *nuo drēbēm* (Вольмар) «не имеющий (довольно) платьев»; *nabags nuo draugiem* (Hesselberg § 302) «бедный друзьями». А затем, вероятно, по образцу этих и подобных оборотов сочетание *nuo* с именем понятием (= лт. abl. limitat., гр. acc. limitat.) вообще является // определением прилагательных: *nabags nuo mantas*, *bagāts nuo prieka*²⁴⁸ (Трейланд Мат., послов. 699) «беден добром, а богат весельем»; *mazs nuo auguma*²⁴⁹ (Hesselberg § 302) «малый ростом»; *nuo acīm neredzīgi, nuo ausīm nedzirdīgi* BW 12939 «слеповатые, глуховатые (крепкие на ухо)»; *tu, puisīti, sārts nuo vaiga* BW 11720, 4 var. «у тебя, парень, румяные щеки»; *nuo balss skaidri jūs runājat* (Блиден Mag. XIII 1, 8) «Sie haben eine deutliche Stimme». В обороте *nuo slimības celties* U «встать с (одра) болезни» предлог *nuo* до некоторой степени еще сохраняет свое местное значение; а потом говорят также: *nuo slimības atspīgt* «(выздоровливая) оправляться»; *nuo darba atpūsties* «отдыхать от работы».

133

Далее, предлог *nuo* в самом широком смысле означает то именное понятие, от которого что-нибудь происходит (причину²⁵⁰), или виновника действия или состояния (действующее лицо при страдательном залоге²⁵¹; лицо, у которого просят, спрашивают, от которого ждут; материю, из которой что-нибудь делается, от которой что-либо происходит; признак, по которому узнают): *nuo* (в вар.: *aiz*) *lēpnuma nerunāja* BW 826, 1 «от гордости она не говорила»; *ne nuo prieka es dziedāju* BW 128, 3 «не от радости я пела»; *nuo* (в вар.: *aiz*) *tā skaista dziedājuma trīs rītiņi sieku mala* BW 687 «вследствие своего красивого пения она три утра

²⁴⁸ В сочетании *nuo prieka* предлог первоначально, пожалуй, мог означать и причину, о чем см. ниже.

²⁴⁹ Или это германизм («klein von Wuchs»)? Ср. Mülenbach DJ III 81.

²⁵⁰ Примеры подобного употребления лит. *nuo* приводятся Lit. Mitt. V 240.

²⁵¹ Обязательно тут ставится предлог, если имя стоит после глагола; если же оно стоит перед глаголом, то в народном языке предпочитается род. п. без предлога. О предлоге *nuo* при страд. зал. ср. Bielenstein LSpr. § 548, 7; Mühlenbach DJ III 81; Kurschat Gr. § 1457.

- 134 молола один сек²⁵²»; *nuo laba prāta samaksāšu* LP III 10 «я добровольно заплачу»; *nuo sīkstuma tas baidās pat precēties* LP I 126 «от скупости он и жениться боится»; *nuo tuo liel braukšan* (acc. s.) *viš palic's pavisam stīvs* (Зельгербен Etn. IV 60) «от частой езды он стал совсем разбитым»; (gen. pl.) *navar pacīst nu grāku* Zb. XVIII 249 «grzechy nie dają spokoju»; *bōbu sōwu nu siržu nūkōvu* (или *nūkovu*?) Zb. XVIII 287 «babę swoją // ze złości zabitem»; *jei patyka kai nūmyruša nu dřebu tūs* 416 «stała się jak martwa od sukni»; *kraktys stapnys nūšveida nu šōidru* 482 «koszula mokra od potu»; (instr. pl.) *skani skaļi, bēzru bīrze, nuo manām dziesmiņām* BW 428, 17 «громко звучи, березняк, от моего пения»; *patik manīm tā meilīņa nuo dziesmām, valuodām* BW 549 «нравится мне та девица по пению, по речи»; *nuo ļaudīm nedrīkstēju* BW 8761 «из-за людей (опасаясь людских пересудов) я не смела»; *balti man vaidziņi, ne ādeņa balināti: asarām balināti nuo nelieša* BW 4475, 3 «белые у меня щеки, не водою выбеленные: слезами выбеленные негодяем (= по вине негодяя)»; *raud sērdienīte nuo bajāra* (в вар.: gen. *bajāriņa* без предл.) *bidināma* BW 5117 «плачет сирота, которой богачом делается предложение (ко вступлению в брак)»; *šis vėzums nevar nuo duju zirgu vėlkams būt* (Нидден Б.) «этот воз не может быть везом двумя лошадьми»; *lai tautiņas neprasiņa nuo māmiņas malējiņas* BW 362 «чтобы чужане не просили молольщицы у матери»; *nuo uotra lūgt* BW 1448 «у другого просить»; *nuo ziemēja vēja gaidu* BW 1906 «от севера я жду ветра»; *nuo celmiņa grētzdu gaida* BW 3033 «от пня он ждет подкорной слизи»; *dzirdējām nuo tēva* «мы слышали от отца»; *jautājiet nuo māmiņas paduomiņu* BW 3253 «спрашивайте у матери совета»; *kuo nuo viņa var mācīties* (Вольмар) «чему у него можно научиться»; *kuo tu gribi nuo manis* (Вольмар) «чего ты хочешь от меня»; *kad nuo dieva veselība* BW 70 «если здоровье (даруется) богом»; *niupelnīt nuo bajāra villainīti* BW 4606 «выслужить шерстяную накидку от богача»; *nuo miega maizi nesēr* (Трейланд Мат., послов. 753) «из сна хлеба не выпечешь»; *nuo paldies kaķes sprāgst* (ibid. 876) «от спасибо кошки колеют»; *nuo smilgas pieķrauj lielu siena vezumu* (ibid. 1141) «из маленького злака набирают большой воз сена»; *nuo celmiņa bungas daru, nuo zariņa stabulīti* Спр. 32 «из пня я делаю барабан, из сучка —

²⁵² Сек (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

дудочку»; *nuo tās vienas pazarītes kruoni pina* (Шлампен) «из той одной ветки она вила венок»; *kā nuo viena zelta liets* BW 374 «словно из золота вылитый»; *nuo tiesas* (Вольмар) «понистине»; *tu dziedāji nuo galviņas* BW 854, 1 «ты пела наизусть (собств.: из головы)»; *mazajām meitiņām riekstu čaulu dzirnaviņas; lielajām, rēsnaļām nuo pēlēka akmentiņa* (в вар.: ген. *pēlēkā akm.*²⁵³ без предл.) BW // 2172 «у маленьких девочек жернова из ореховых скорлуп; у больших, толстых (девушек) — из серого камня»; *nuo sivēna garda gaļa, kas nuo puiša, dienas zagļa* BW 2887, 2 «от поросенка вкусное мясо; какая польза от парня-тунеядца»; *nuo zirdziņa gara vāga, nuo dēliņa dzinējiņš* BW 1895 «от (посредством) лошади (проводится) длинная борозда, из сына (вырастает) погонщик»; *nuo meitiņas sieva tapa, nuo sieviņas māmuliņa* BW 1234 «из девицы вышла жена, из жены — мать»; *kas nuo liepas kuplumiņ', ka ziediņi neziēdēja; kas nuo meitas dailumiņ', ka darbiņa nemācēja* Спр. 37 «что толку в густой листве липы, когда нет на ней цветов? что толку в красоте девицы, когда она не знает работы?»; *pirti dzima kaņa vīrs nuo sluotiņas lapiņām; stalli kaņa kumeliņš nuo dzeltāna miežu grauda* BW 1148, 2 var. «в бане родился воин из листьев веника; в конюшне — конь воина из желтого ячменного зерна»; *nuo ruozītes* (в вар.: *par ruozīti*) *uortu nēmu* BW 6447, 1 var. «за розу (собств.: с розы) я брала по орту²⁵⁴»; *ak tu titars nuo zirga*²⁵⁵ (Зербигал) «ах ты, индюк, не лошадь» (говорит сердитый извозчик своей лошади); (ген. pl.) *tai jēn, kaidu grib, voi nu kungu, voi nu sprostus* Zb. XVIII 332 «pozwala mu wziąć, jaką chce żonę, czy z panów, czy z prostych ludzi»; *nu ūgļu byus nauda* 348 «угли обратятся в деньги»; *jī iraida wysi nu tūs bārnu* 418 «są wszyscy z tych dzieci»; (instr. pl.) *es piedzimu ... nuo vēciet ļautiņiem; šūniet man ... krēklu nuo vēciet maisiņiem* BW 3002 «я родился у старых людей; шейте мне рубашку из старых мешков»; (ген. s.) *nuo balstiņas vien pazinu* BW 318, 1 «по голосу только я (ее) узнал»;

²⁵³ Биленштейн (LSpr. II 295) и Мюленбах (DJ III // 81) считают употребление предлога *nuo* для означения материи германизмом, но с этим я согласен только относительно таких оборотов, как *grēdzēns nuo zelta* (вместо лат. *zelta grēdzēns*) «ein Ring von Gold».

²⁵⁴ Орт (*uorts*) — название какой-то древней монеты, ср. Brückner Fremdw. 112.

²⁵⁵ Мюленбах (ср. DJ III 81) довольно правдоподобно считает подобные обороты германизмами (напр., *ein Teufel von einem Weibe*).

nuo ligzdas var redzēt, kāds putniņš iekšā (Трейланд Мат., послов. 627) «по гнезду видно, какова птичка в нем»; *nuo kājām (instr. pl.) tautas rauga, ne nuo tava vainedziņ'* Спр. 151 «на ноги смотрят (выведывая твой нрав) чужие люди, а не на твой веночек».

136

Сюда же относится сочетание *nuo* с именным понятием взамен *genitivi totius*: *nu tūs šeptiņu bārnu šeši armyra* Zb. XVIII 236 «из тех семи детей шесть умерло»; *nu diupacmit žydu patyka tys vins žyds* 259 «z dwunastu żydów został ten jeden żyd»; *nuo visiem tas miļākais* LSpr. § 547 «самый любимый изо всех». Явные же полонизмы (ср. Miklosich Vgl. Gr. IV 553 слл.) следует видеть в следующих инфлянтских оборотах, где предлог стоит в зависимости от сравнительной степени: *gudrōks nu myusu* Zb. XVIII 438 «mędrszy od nas» (= умнее нас); *vacōku nu tūs diōēju* 459 «starszą od tamtych dwu».

Сюда же относится такой оборот, как *kur saulite miglu jēma, ne nuo maza ezarina; kur jēm ļaudis valuodinū, ne nuo manis sērdienītes* BW 4806, 2 var. «откуда солнце брало туман, если не из маленького озера; откуда получают люди (материал для) сплетней, если не с меня сироты (т. е. о ком им говорить, если не обо мне)». А потом предлог *nuo* означает то, о чем что-либо говорят или знают: *tu dziesmiņu daudz zināji nuo sālītes, nuo maizītes* BW 14 «ты знала много песен про соль, про хлеб»; *kuo zaltis zin nuo ligavas* LP III 20 «что знает змей про невесту?»; *mātes runā nuo bērnu* (из говора прусск. ла. Б.) «матери говорят о детях»; *dzidom nū ūšim, nū kļavim* BW 740, 5 (в прилож.) «мы поем о ясенях, о кленах». Обыкновенно в таком смысле употребляется предлог *par* (или в восточнола. говорах *ap*); но тем не менее мы не имеем права считать с Мюленбахом (DJ III 81) такое употребление предлога *nuo* германизмом уже по одному тому, что такое употребление этого предлога наблюдается также в инфлянтском наречии, где нет никаких следов немецкого влияния. А сопоставляя вышеприведенные примеры, легко убедиться, что такое употребление предлога *nuo* могло возникнуть и вполне самостоятельно. Такое же употребление лит. *nuo* («о, про») Куршат Гр. § 1458 считает германизмом; если (чего я не знаю) оно наблюдается только в Прусской Литве, то Куршат, пожалуй, прав.

Как видно из приведенных примеров, предлог *nuo* обыкновенно (за исключением северо-западных говоров) требует род. падежа. В говорах, где *instr. pl.* на *-is* (от основ

на -o) еще встречается, но уже выходит из употребления (вытесняемый формой *dat.-instr.* на -*iem*), изредка // встречаются и эти формы на -*is* после *nuo*: *lec pate nuo ratis* (рядом с *nuo ratu*) *laukā* (Ранкен П.) «сама выпрыгни из телеги». Появление формы на -*is* здесь объясняется тем, что эта форма представляется для говорящих тождественной по функции с формой *dat.-instr.* на -*iem*, которая и в этих говорах начинает употребляться после всех предлогов.

§ 51. Сложные с *nuo* имена восходят к сочетаниям предлога *nuo* с падежными формами: *pa nuovakariem* (LP III 23), или *pa nuovakarēm* (Ливенс-Берзен), или *nuokrēsļā* (LP VII 1, 150; *ibid.* 760 n. s. *nuokrēsļa*) «в сумеречное время» (ср. выше оборот *nuo rīta* «поутру»); *nuorudenes* Etn. IV 161 «осенний (подножный) корм скота»; *nuopakaļus* LP I 48 «сзади» (*ibid.* 120 *nuopakaļu*); *nuotālēm*, или *nuotālis* BW 11341, 4, или *nuotālu* LP I 46 «издали»; *nuokaļņi* или *nuļeļu* (Сауссен ВВ XIV 148) «с горы (под гору)»; *loc. s. nuokraujā* LP VII 1, 18 или *nuolejā*²⁵⁶ 1035 «на откосе»; *nuomaļu* «в сторону»; *nuomalis* «боковая доска»; *nuomala* U «abgelegener Ort»; *nuogals* U «Toppende eines Balkens»; *nuodaba* U «Naturell»; *nuozarītis* U «Seitenzweig». Сложные же формы *nuošķūnis* U «Anbau an der Scheune» и *nuospāre* U «Ort unter den Sparren», вероятно, возникли по образцу отглагольного существительного *nuojums* «навес» (Überdachung, Abdachung), произведенного от сложного глагола *nuojumt*.

§ 52. Вместо предлога *nuo* в значении нем. «seit» в некоторых говорах употребляется предлог *kuopš* с дат. п.: *kuopš tam laikam* (Hugenberger Mag. II 2, 72) «с тех пор»; *krāsns ... jau kurējās kuopš trim dienām* LP VII 1, 998 «печь уже три дня (seit drei Tagen) топилась». Употребительнее, кажется, эта форма (также *kuopšu*, *kuops*) в значении наречия («как долго») и союза («с тех пор как»), ср. Bielenstein LSpr. II 279, 316, 358, 372. Происхождение и образование этой формы для меня неясны. Мюленбах (DJ III 93) считает формы *kuopš* и *kuops* древними творит.

²⁵⁶ Оттуда прилагательное *nuolejš* U «allmählich sich senkend».

падежами (из **kuopis* от *kuops* «купа»). Я это считаю // крайне сомнительным (как при этой этимологии объяснить значение наречия и союза *kuopš* или *kuops?*); во всяком случае, Мюленбах ошибается, приписывая переход -s в -š влиянию выпавшего *i*, так как *i* в ла. языке нигде не смягчает следующего *s* в *š* (в формах *pārnedēļš* из *pārnedēļis* и *pārdienč* из **pārdienš* из **pārdienis* *š* из *s*, несомненно, не под влиянием предшествовавшего *i*, но под влиянием предыдущего *l*, *n* после выпадения *i*). Более правдоподобным я считаю мнение Биленштейна (1. с.), по которому *kuopš* так или иначе стоит в связи с местоимением *kas* «кто, который»

*pa*²⁵⁷

§ 53. Форма *pa* «по» употребляется как предлог и как префикс в сложении с именами и глаголами. Замечательна форма префикса *pai-* (с длительною интон.) в наречии *pairit*²⁵⁸ «послезавтра», употребляемом во всей, кажется, западной Курляндии вместо формы *parit* прочих говоров. Беценбергер (Lett. Di.-St. 104 слл.), по-видимому, приписывает переход *a* в *ai* влиянию гласного *i* в следующем слоге; но это невозможно, так как громадное большинство говоров западной Курляндии вовсе не знает перехода *a* в *ai* перед *i* следующего слога. А как объяснить это *pai-*, я не знаю, но полагаю, что оно так или иначе возникло на латышской почве из *pa-*, а не из иде. *(*a*)*pai* (о котором ср. Ногн ВВ XVIII 298)²⁵⁹. Столь же загадочно для меня происхождение глагольного префикса *po-*, употребляемого вместо общела. *pa-* в дондангенском, ангермюндском и попенском говорах и притом, насколько я знаю, только в одном глаголе *paēst* «откушать»: part. praet. *poeid's*²⁶⁰ (Ангермюнде, рядом с *padzēr's*; Попен; Донданген, рядом с *padzēr's*), III praes. *poēd* (Донданген, LP VII 1, 867; рядом с *paliek*, *pamet's*, *pagāļe*, *pakalniņ*,

²⁵⁷ [Autora eksemplārā: ostle. *puosaga* RKr. 17, 134 // infl. *posoka* Zb. 8, 369 //]

²⁵⁸ В зельгербенском говоре (по Etn. IV 60) *peirit*, где *ei*, вероятно, из *ai*.

²⁵⁹ [Autora eksemplārā: av. *ape*]

²⁶⁰ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.] [Autora eksemplārā: cf. lit. *prūt* // aus *praet* // Jurksch. Märch. 64//]

pa *wadēs*, *pa* *ibid.* 109 из того же говора). Гласный *a* в этих говорах, в общем, не переходит в *o*. И замечательно, // что префикс *pa-* этого же глагола *paēst* в вальдегаленском и постенденском говорах (по записям г. Мюленбаха) производится с долгим *a*: *part.* *praet.* *pāēd's* (рядом с III *praes.* *padzirdin* в Вальдегалене); удлинение кратких гласных в этих говорах, в общем, наблюдается только в случае выпадения гласного в следующем слого, напр.: *loc. pl.* *nāb'guos* из *nabaguos* (Вальдегален), *nom. s.* *lāb* из *laba* (Постенден). *Non liquet.*

В литовском соответствующий предлог имеет форму *pō* («по, после, под») ²⁶¹; префикс же в сложении с именами является и в виде *pō-*, и в виде *pa-*, а в сложении с глаголами всегда в виде *pa-* ²⁶², за исключением, может быть, некоторых говоров северной части Прусской Литвы, где встречается глагольный префикс *pā-* (с долгим и кратким *ā*; ср. *Bezenberger Lit. Mitt.* II 44). — В прусском соответствуют префикс *pa-*, *po-* (о колебании между *a* и *o* ср. выше § 2; гласный был, вероятно, краток, так как он никогда не снабжен знаком долготы и так как после него довольно часто удваивается согласный) и предлог *po*, передающий нем. *unter* и *nach* (в значении *p.* «после» и «по, сообразно с»). Три раза встречал я форму *pō* (*pōstan... rānkan* *Ench.* 63 «unter die Hand»; *pō Dangon* *Ench.* 73 «unter dem Himmel»; *pōmien* *Ench.* 95 «nach mir»), так что, кажется, следует думать, что предлог (как в лит. яз.) имел, по крайней мере в части случаев, долгий гласный. А в таком случае следовало бы ожидать **pū* (ср. *Berneker Pr. Spr.* 152 и 155), *pō* вместо **pū* к *pa-*, *po-*, может быть, по образцу отношения *prā-*, *pro* к *pra-* и др. — В славянском имеем мы точно соответствующие предлог *po* и префикс *po-*, *na-* (ср. *Miklosich Etym. Wrtb.* 253). *Brugmann* же (*KVG* § 613) возводит слав. *po* (и лит. *pās* «к, у») к иде. **pos*; но я это считаю вполне невероятным, так как слав. *po* соответствует по значению не лит. *pās*, но лит. *pō*, лат. *pa*. *Pott* (*Etymol. Forsch.* I² 213 и 665 сл.), *Leumann* (*Etm. Wrtb.* 40), *Delbrück* (*Vergl. Synt.* I // § 283) сближают этот славяно-балтийский предлог

²⁶¹ В тексте, записанном Бещенбергером (*Lit. Forsch.* 31) на севере Прусской Литвы, два раза встречается предлог *pā* (сокращение из *pō*?; ср. *pō* *LChr.* 326 и 330).

²⁶² Форма же *po-*, изредка встречающаяся в старолитовских текстах, только опечатка, ср. *Bechtel LLD* III стр. XIII сл.

с скр. *úra*, гр. *ὑπό* и др. Я же считаю это невероятным ввиду того, что *pa* «под» неудобно отделять от прабалт. **ara* «под» (ср. выше § 11). Итак, балт. *pa* (**ara*), слав. *po*, на мой взгляд, правильнее сопоставляются с лт. *po-* (напр., в *po-situs*; Grassmann KZ XXIII 569), з. *pa-* (*pa-zdaye'ti* «er läßt wegrücken»), алб. *pa* «без», *pa-* «без-, не-» (ср. G. Meyer Etym. Wrth. 317, Persson Stud. et. 14 и 62, IF II 204, Osthoff MU IV 340 слл., IF V 320), дрсакс. *fa-n*, скр. *ára*, гр. *ἀπό* и др. Если же это так, то балт. *pa*, слав. *po* восходит к иде. **po*, и возникает затруднение относительно лит. *põ*, *pó-*, которое, по-видимому, восходит к иде. **pā*. Рядом с **po* могло существовать **põ* (ср. Solmsen KZ XXXV 468), а форма *pā* могла стоять только рядом с **pa*. Хотя не исключена возможность возводить балт. *pa*, слав. *po* к иде. **pa* (ср. эол. *ὑπά*), тем не менее я, ввиду лт. *po-*, гр. *ἀπό*, считаю более вероятным возводить балт. *pa*, слав. *po* к иде. **po*. В таком случае лит. *põ*, *pó-* или происходит от иде. **põ* (откуда лит. **prio*) и фонетическое **prio* вытеснено²⁶³ новообразованием *põ* (из **pā*) под влиянием того или другого предлога, имевшего рядом с кратким гласным также долгий одного и того же качества²⁶⁴; или же к *pa* (из иде. **po*) только в славяно-балтийскую эпоху возникло новообразование **pā* по образцу уже существовавших предложных дублетов с кратким и долгим гласными одного и того же качества.

141 § 54. Предлог *pa* (подобно гр. *κατά*) имеет различное значение: «под» (ср. *κατά γῆς*), «по» (ср. *κατά πᾶσαν τὴν // χώραν* и *κατά τρεῖς*), «по, сообразно» (ср. *κατά τοὺς νόμους*). Более или менее установить ход развития этих значений я попытаюсь во II части, рассматривая там употребление глагольного префикса *pa-*. Теперь же я устанавливаю только различное употребление предлога *pa*.

²⁶³ В такое время, когда **po* уже перешло в *pa*.

²⁶⁴ Таким предлогом могло быть лит. *põ* «возле, мимо», *pra* «про-» (ср. Kurschat Gr. §§ 450 и 1479) из иде. **pra*, **prā* (: гр. *παρά, πέρα, πρᾶ-νῆς*). Обыкновенно *põ*, *pra-* сопоставляются с гр. *πρό, πρω-* [Autora eksemplārā: *πρῶ-ανῆς* // Prellwitz² 384 // cf. *πρῶτηνῆς* //], лт. *põ*, *pro-*, но по значению лит. форма (и отчасти слав. *pro-*) гораздо ближе сходится с греч. *παρά*. Только в редких случаях лит. префикс соответствует гр. *πρω-* (*prõpērnai* = *πρωπέροσι*); можно поэтому думать, что из иде. праязыка перешли в славяно-балтийский яз. формы **pro*, **põ* и **pra*, **prā*. После фонетического совпадения форм **pro* и **pra* лит. форма **prio* (из иде. **põ*, ср. ла. *prio-jāt* «прочь») была вытеснена формою *põ* (из **prā*). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

Предлог *pa*²⁶⁵ (подобно лит. *põ* cum instr., пр. *po*, *põ*) имеет, во-первых, значение р. «под»: (gen. s.) *dzintāru pa zemes kaš* (Нидден Б.) «янтарь выкапывают из-под земли (собств.: под землю)»; *pa kuoka*, *pa šī akmiņa* (из говора прусских латышей, Spr. d. pr. L. 107; по мнению Бецценбергера, это — литуанизмы) «под деревом, под этим камнем»; (dat. s.) *visi mani milētāji pa zaļai velēnai* (в вар.: *pa velēniņi*, что или instr. s., или gen. pl.; или *zem velēniņas*, или *apš veleniņ*) BW 5059, 4 var. «все, любившие меня, (лежат) под зеленым дерном»; (instr. s.) *tēvs, māmiņa pa zemi* (в вар.: *ap zemītes*, или *apakš zemes*, или *zem zemītes*) BW 4821 var. «отец и мать (лежат) под землю»; (gen. pl.) *pa tuo akmiņi* (из говора прусск. ла., Spr. d. pr. L. 108 и 169) «под теми камнями»; (instr. pl.) *es pasviedu . . . riksti pa meitiņi kājiņām* Bt. 1742 «я бросил прут девицам под ноги»; *pa-klājat . . . deķi pa kumeļu kājiņām* (Трейланд нар. п. № 513) «расстелите покрывало под ноги лошадей»; *cita guodu samīnuse pa savām kājiņām* BW 6627 «другая стоптала свою честь под своими ногами»; *es izaugu pa rikstišu galiņiem* (Трейланд нар. п. № 852) «я вырос под концами розог»²⁶⁶. Если оставить в стороне примеры из наречия прусск. латышей, в которых, вероятно, следует видеть литуанизмы, то все примеры предлога *pa* «под» взяты из народных песен. В живом народном и литературном языке в таком значении теперь употребляется *apakš* или *zem*. Насколько можно судить по немногочисленным примерам, после *pa* «под» чаще всего ставится твор. п. (как и в лит. яз., ср. Kurschat Gr. § 1474), род. же пад. — в языке прусск. латышей, как иногда в литовском (ср. Bezenberger Spr. d. pr. L. 108¹; *põ galwōs pasidējēs* Jurksch. 31 «подложив под голову»). Дат. же пад., встреченный мною всего один раз, очевидно, новшество латышка.//

Далее, предлог *pa* (подобно лит. *põ*, слав. *po*) означает пространство, по которому что-либо движется или простирается, или место, которое подлежит тому или другому действию: (gen. s.) *pa niedrites pārtēcēju* Bt. 1857 «я перебежала (через воду) по камышу»; *pa zemītes nekaisiet* Bt. 2278 «не сыпьте (солода) по земле» (в той же песне

142

²⁶⁵ Слав. «по» в таком значении, вероятно, заменено формой «под» (ср. выше стр. 5).

²⁶⁶ [Autora eksemplāra: *pa uozuolu pabirusi* BW 27290, 3 // *pagulsi pa zemi* BW 27 339 //]

далее следует: *pa zemīti lasīdams* «собирая (рассыпанный солод) по земле»; (dat. s.) *īmu pa ceļam* Mag. XIV 2, 180 «иду по дороге»; (acc.-instr. s.) *pa pasauli staigādams* BW 20, 2 «странствуя по миру»; *tēk pa ceļu* BW 3008 «бежит по дороге»; *es biju sestdien pa Kažu* (Вольмар) «я в субботу (пошел и) был в (собств.: по) Каже» (название усадьбы); *pa lietu braukt* «ехать в дождь (собств.: по дождю)»; *pa miegu*²⁶⁷ *runāt* «говорить во сне (собств.: по сну)»; *viņa strādā pa Rīgu* LSpr. II 297 «она работает (в разных местах) в Риге (собств.: по Риге)»; *kas tur nāca pa jūriņu* Bt. 1310 «кто там приходил по морю»; *pa* (в вар.: *caur*) *luodziņu mēsļus bēra* BW 14000 «через окно они выбрасывали сор»; *pa luogu skatīties* «смотреть в окно (собств.: по окну)»; *iecirtu viņam pa ausi* «я ударил его по уху»; *pa priekšu* «вперед, сперва»; (instr. pl.) *iet pa salmis* (RKг. VII заг. 334) «ходит по соломе»; *pa vārtiem vadīdama* BW 12, 1 «проводя (меня) в ворота»; *pa trešies dievs iebrāuca* BW 10682, 2 «в третьи (ворота; собств.: по тр. в.) въехал бог (на двор)»; *es pārsviedu zelta zirni par sudraba uozoliņu; tas nuokrite žvazdzādams pa zariņu zariņiem* Спр. 33 «я перекинул золотую горошину через серебряный дуб; она упала со звоном через (собств.: по) все сучья и веточки»; *nejaucat... pa manām savu dziesmu* BW 134 «не подмешивайте своих песен к моим (собств.: по моим)»; *es biju pa radiem* (Смильтен) «я гостил у своей родни»; *pa juokiem* «в шутку»; (acc. pl.) *pa durs*²⁶⁸ Zb. XVIII 278 «przez drzwi». Обыкновенно при предлоге *pa* в таком значении стоит acc.-instr. s. (dat.-instr. pl.); так как лит. *põ* и слав. *по* (ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 430) с таким же значением требуют вин. п. (слав. *по* также дат. п.), то можно думать, что и после ла. *pa* в таких случаях первоначально стоял вин. п.//

143

В подобном смысле предлог *pa* ставится также при понятиях времени: (dat. s.) *jis pa tai šatt'ai igōja bažņīckunga staņceļā* Zb. XVIII 483 «on tymczasem poszedł na plebanię»; *pa tam* «между тем (н. *unterdessen*)»; *pa tam brīdim puisis nāk un saka* (Hesselberg § 325) «unterdessen kommt ein Junge und sagt»; *pa laikam tā ir ieraduši* (ibid.) «mit der Zeit haben sie sich angewöhnt»; *tā mēdz pa laikam būt* LP III 22 «так обыкновенно бывает»; *pa brīžam* «по временам»; (acc.-instr. s.) *rudeni pa* (в вар.: *par*) *miežū*

²⁶⁷ Также с дат. п.: *pa miegam runāt* (Skalbe Kā es braucu 25).

²⁶⁸ *pa duris* также BW 13355, 2.

laiku BW 2545 «осенью, когда ячмень созревает и его жнут»; *pa garu laiku es drāzu stīpes* (Hesselberg § 325) «aus langer Weile (während langer Weile) schnitzte ich Tonnenreifen»; *divi reiz pa gadu* «два раза в год»; *pa svētdienu nebūs strādāt* «по воскресеньям не следует работать»; *pa vasaru* «летом»; *pa gavēņu laiku* «в постное время»; (instr. pl.) *pazudis kā žids pa Miķeļis* (Обер-Бартау, Spr. d. pr. L. 20) «пропал, как жид в Михайлов день»; *pa Jānis* (Рутцау) «в Иванов день»; *pa trīs gadi es pievērpju vienu spuoli* BW 6991, 3 «в три года я напярла одну катушку». Подобным образом употребляется слав. *po* с вин. п. (Miklosich Vrgl. Gr. 434) и с дат. п. (ibid. 628).

Лит. *põ* (с род. п.), пр. *po* и слав. *po* (с местн. п.; Miklosich Vrgl. Gr. 676 слл.) имеют также значение «после». Также ла. *pa* имеет это значение, но так как также *par* имеет это же значение и *par* часто теряет свое *-r*, то не исключена возможность, что ла. *pa* «после» не восходит к балт. *pa*, но представляет из себя только усеченную форму предлога *par*. Это тем более вероятно, что лит. *põ* «после» только изредка можно передавать посредством ла. *pa*; чаще ему соответствует по значению ла. *pēs* или *par*. Приведу я все-таки уже здесь примеры предлога *pa* с таким значением: (dat. s.)²⁶⁹ *kad Kače pa labam brīdim iegāja... atpakaļ kambarī* (Яншевский Apskats I 165) «когда Катя несколько времени спустя вернулась в комнату»; *pa gadam* (в вар.: *par gadu*) *sērst atbrauc* BW 269, 2 (в прилож.) «через год она приезжает гостить»; (instr. pl.) *ne pa ilgis gadis ķēningis nuomira* (Обер-Бартау, Spr. d. pr. L. 17) «немного лет спустя царь умер»; *pa kādis desmit gadis* (ibid. 23) «лет десять спустя». Лит. *põ* «после», как уже сказано, теперь обыкновенно требует род. п.; но встречается и дат. п. Куршат (Gr. § 1472) приводит только обороты *põ // mažām* «помалу» и *potām*²⁷⁰ «потом»; другие примеры для дат. п. Lesk-Brugm. 313, Bezenberger BGLS 245, Вольтер Об этногр. поездке 75 (*po smertij* «по смерти», из библии Минвида-Хилинского), Даукша Post. 6, 2 (*po numirimui* «по смерти»).

144

²⁶⁹ [Autora eksemplārā malā: *po mažai // valandai // Daukša P. // 211, 17 //].*

²⁷⁰ Куршат (l. c.) и Брюкнер (Fremdw. 64) без достаточного основания склоняются к мнению, что *potām* (вместо *põ tō*) возникло под влиянием польского *potem*.

Когда-то в старину ла. язык, несомненно, знал предлог *pa* «post» («после, за»). На это указывают нар. *parit* «после-завтра» и общелатышские сложные числительные *vien-pa-desmit* «одиннадцать», *div-pa-desmit*²⁷¹ «двенадцать» и т. д. В наречии прусск. ла. *pa* (с род. п.) еще теперь (вероятно, под влиянием лит. языка) имеет такое значение: *pa Preilu nāk Peŗvelka* (Нидден Б.) «за Прейлем лежит Первельк» (названия деревень); *pa kalna* «за горою» (из Первелька, ВВ XXVIII 261). Сюда, кажется, относится также оборот *es palidu lidumiņ' pa liduma galiņam* Спр. 283 «я делал пасеку за пасекою (точнее: за концом пасеки)».

Если взять обороты *kuoks peļd pa upi* «дерево плавает по реке» или *pa vējiņu balsi laidu* ВВ 510, 1 «я (при пении) направляла (пускала) свой голос по ветру», эти примеры принципиально еще не различаются от таких оборотов, как *iētu pa ceļu* «я иду по дороге». Но, между тем как по дороге можно ходить в разных направлениях, дерево может плавать только вниз по реке, так что *pa* в таких сочетаниях получает значение лт. *secundum* (*secundum flumen*) «по, сообразно с». Такое же значение имеют также лит. *põ* (*kožnām põ pelnā užmokėti* «платить каждому по заслуге» Kurschat Gr. § 1473; *po teisybei* «по справедливости» LChr. 221; *kelaūnu po sąwam* «ich wandere für mich dahin» Lit. Mitt. I 72; обыкновенно же теперь в литовском так употребляется *pagal* Kurschat Gr. § 1459), пр. *po* и слав. *po* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 628 сл.). Примеры: (gen. s.) *pa prāta*²⁷² *ligavi meklēdams* Ltd. 4498 «отыскивая // себе по сердцу невесту» (ср. лит. *po širdies bernēlis* «по сердцу парень» Lesk.-Brugm. 49; и с дат. п.: *pa schirdij* Lit. Mitt. V 240); (dat. s.) *nedabūju pa prātam ligaviņas* RKr. V 101 «я не получил по сердцу невесты»; *nau neviena daiļa puisiņa pa manam prātiņam* Спр. 33 «нет ни одного красавца-молодца мне по сердцу»; *pa prātam man zirdziņš, pa ruokai*²⁷³ *zuobentiņš* ВВ 11374

²⁷¹ Теперь обыкновенно говорят (с утратою *e* после *d*) *vienpacmī, divpacmī* и т. д. Эти латышские формы показывают, что нет никакой надобности приписывать (как это делает Фортунатов КЗ XXXVI 36) из-за р. -дцать праслав. языку рядом с **desetъ* также форму **dbsetъ*.

145 ²⁷² Род. п. тут, вероятно, обусловлен сращением сочетания // *pa prāta* в одно слово, служащее определением следующего *ligavi*; определения же в форме род. пад. весьма обычны в ла. яз. (ср. статью Мюленбаха DJ III 51 сл.). Обыкновенно, во всяком случае после *pa*, с таким значением ставится дат. п.

²⁷³ Ср. лит. *parañkiui* «handlich».

«у меня лошадь по сердцу, меч по руке»; *tas viņam nav pa zuobam* Etn. IV 60 «это ему не по зубам»; *bruņas kaldināju pa savam augšam* Bt. 2619 «я сковываю броню себе по росту»; *mana Laime pa manim darināja (ruotu)* BW 5349 «мое Счастье изготовило (мне наряд) по росту мне»; *pa puišam krēklu šuvu* BW 7368 «я шила рубашку парню по росту»; *pa puišam es dziedāju* BW 346 «я пела, подобно (по голосу) парню»; *pa draugam* (Вольмар) «по-дружески»; *pa sevīm mācīdams* BW 3300 var. «научая по-своему»; *nuo-lūkuoju tautu dēlu pa* (в вар.: *nuo* cum gen.) *kājiņu āvītam* BW 10478, 4 «я высмотрела чужанина по обуванию ног»; *pa tam mani i pažeisi* Zb. XVIII 433 «по тем миѣ i poznasz»; *saucam pa vārdam* (Зербигал) «зовем по имени»; *pa vēsam ieradūtam* «по старому обычаю»; *pa vēsam* (Альт-Кальценау) или *pa vēcēm* (dat.-instr. pl.; Донданген) «по-старому»; *pa tiesi*²⁷⁴ «поистине»; *pa reizi* «верно»; *pa kārtai* «по очереди»; *pa vējam*²⁷⁵ *es dziedāju* BW 508 «по ветру я пела»; *pa viņam vien visi stāv* U «alle halten's mit ihm»; *atnāk viens zaķis, nuosēdisies pa šāvienam* LP VII 1, 75 «приходит заяц, присядет под выстрел»; *pa guodam*²⁷⁶ «честно, прилично»; *tas iet pa vaļai* (Бауске) «он ходит (живет) по своей воле» (т. е. как поденщик = *vaļinieks*); *pataiž kučēiti pa vaļai* Zb. XVIII 270 «он отпускает суку на волю»; (acc.-instr. s.) *nav pa prātu ligaviņa* Bt. 1305 «невеста не по сердцу»; *es tev šūdināšu pa galviņu* (в вар.: *pa* cum dat.) *cepurīti* BW 7209, 2 «я для // тебя закажу (сшить) шляпку впору для (твоей) головы»; *raudzīt, kāds ēdiens pa sāli* LP I 5 «отведать, каково кушанье по соли»; *pa vēcu runāt* (Нидер-Бартау) «говорить по-старому»; *«ziergs» pa vēcu laiku* (Гавезен) «*ziergs*» по-старому (времени; по-новому — *zirgs* = лошадь); *viņš iet pa sievu* U «er hält der Frau Kante»; *pazynu... pa gradzynu* Zb. XVIII 406 «*poznaiam* (Janka) по pierścionku». Сюда я отношу также оборот *pa labi (kreisi) ruoki* (dat.; напр. Вольмар, Сессилен, Эллей, Струттельн, Лестен), или *pa labu (kreisu) ruoku* (acc.-instr. s.; Нейенбург), или *pa labas (kreisas) ruokas* (gen. s.; Mancelius Post. II 400) «по правую (левую) руку»; ср. лит. *põ*

146

²⁷⁴ Ср. лит. *pateisiai* «поистине».

²⁷⁵ Ср. лит. *pavėjui* «по ветру».

²⁷⁶ Stender (стр. 128) приводит оборот *pa gubdam dzities* «nach Ehrent streben»; теперь, во всяком случае насколько я знаю, так не говорят.

*dešinēs, pō kairēs*²⁷⁷ или *pō dēšinei, pō kairei* (Jurksch. 14). По образцу оборота *pa labas ruokas* далее возник оборот *po tobōs puses* «по правую сторону» (Bezzenberger Lett. Di.-St. 76).

Сюда же, вероятно, относятся обороты *pa vāciskis* (instr. pl.) «по-немецки», *pa krieviskis* «по-русски» и т. п.; вследствие того, что так же употребляются наречия *vāciski* (= лит. *vōkiškai*) и т. п., говорят также *pa vāciski*²⁷⁸ и т. п.

В некоторых случаях из *pa* «по, сообразно с» развилось «по, по причине»: *galdam stūri nuositišu pa māsiņas žēlabām* Трейланд нар. п. № 570 «я отшибу край у стола с горя по сестрице»; *pa tam ka* Zb. XVIII 242 (славянизм?) «потому что»; *pa tam* 257 «потому»; *pa tam šautru sviedumam satrūkāsi . . . suņi* BW 13250, 6 «вследствие того, что был брошен хворост, собаки испугались».

Далее, ла. *pa* (как и лит. *pō* и слав. *po*) имеет значение дистрибутивное, которое, по всей вероятности, образовалось из местного и временного значения *pa* («по, на поверхности»), ср. р. *расходиться по домам, все сидят по местам, по воскресеньям, по ночам* и (уже с дистрибутивным значением) *по (целым) часам*. Примеры: (dat. s.) *sunīšam maizes devu pa lielam gabalam* Спр. 131 «я давал хлеба собаке большими кусками»; *ik pie katras stenderites pa buntei atslēdziņu* РКг. V 33 «у каждого косяка по // связке ключей»; *pa vienai salasiju (dziesmas)* BW 20 «по одной я собирал (песни)»; *meitiņa paņēм nuo katras bļuodas pa kumuosam* LP I 106 «девочка берет с каждого блюда по куску»; *dēvuši kapeniekiem pa riekšvai zirņu . . . un pa kausam brandvīna* LP VII 1, 408 «давали провожающим покойника по горсти гороху и по кувшину водки»; *vilks katru dienu nuoņēм ganam pa aitam* LP VII 1, 876 «волк ежедневно похищает у пастуха по одной овце»; *pa pāram* (Калетен) «по парам»; *cik nakts apād pa cytwākam* Zb. XVIII 372 «каждеj носу zjada po człowieku»; (acc. s.) *pa vienu* (Hesselberg § 325) «по одному»; *duod ikkatram pa vērdiņu* (ibid.) «давай каждому по вердиню»²⁷⁹; (acc. du.) *katrā zarā pa*

²⁷⁷ Брюкнер (Fremdw. 164) приписывает род. п. лит. оборота влиянию п. оборота *po prawicy, po lewicy*.

²⁷⁸ Также с дат. пад.: *pa latviskam* (Ремтен) «по-латышски»; ср. црксл. *po гръцьску*, п. *po polsku* и др. (Miklosich Vrgl. Gr. IV 630). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

²⁷⁹ «Вердинь» (*vērdiņš*, н. *Ferding*) — название старой монеты (= 1½ коп.).

četri perekļi (RKr. VII заг. 348, 7) «на каждой ветви по четыре гнезда»; *pa pieci, pa seši zam viena laksta* Спр. 80 «по пяти, по шести под одним стеблем». — Особняком стоит следующий оборот: *pa syntam nabašņiks* (или *nabašņiks?*) Zb. XVIII 268 «по stówce nieboszczyk»; здесь *pa*, сохраняя дистрибутивное значение, вместе с тем означает цену: *singula corpora (mortuorum) centenis (nummis sunt)*. Как видно из приведенных примеров, после дистрибутивного *pa* чаще всего ставится (как и в русском) дат. п.; в литовском же (ср. Kurschat Gr. § 1473) после такого *põ* обыкновенно ставится вин. п. (как иногда и в славянском, ср. Miklosich Vrgl. Gr. IV 430 сл.); только в старолитовских текстах (ср. Bezzenberger BGLS 245) встречается оборот *po graschei* «по грошу», где *graschei*, вероятно, дат. п.

Наконец, приведу я еще разные латышские идиотизмы, в которых первоначальное значение предлога *pa* более не обнаруживается: *pa visam* (= лит. *rovisám*, црксл. *po vьсему* Miklosich Vrgl. Gr. IV 630) «совсем»; *pa pilnam* (*pilns* «полный») «обильно»; *pa nagam ñemt* (буквальный перевод: брать по ногтю) LP III 8 «точить зубы (на кого)»; *pa gabalam* LP VII 1, 207 «с некоторого расстояния, издали». Особенно часто встречается сочетание *pa galam*²⁸⁰ (*gals* «конец») «окончательно» или «пропало»; *pa ausu galam dzirdēt* // (Вольмар) «поверхностно (кое-что) слышать (о чем-нибудь)»; *nēsmti viņa ne pa acu galam redzēs* (Вольмар) «я совсем его не видал»; *neaiztiku svešu ļaužu ni pa vārda galiņam* BW 956 «я не задевала чужих людей ни одним словечком».

148

Ввиду значительного разногласия отдельных балтийских и славянских языков невозможно определить, какими падежами первоначально управлял предлог *pa* в разных значениях; но мнение Вс. Миллера (KSB VIII 103 сл.), что в литовско-славянском и даже еще в славянском языке этот предлог не управлял дат. пад., я считаю по крайней мере невероятным: сходство в употреблении дат. падежа довольно значительно.

²⁸⁰ Adolphi (241) переводит это *pa galam* «до конца»; если это не ошибка, то можно сравнивать лит. *po šei dienai* (Lesk.-Brugm. 223 и 225) «по сей день».

§ 55. Весьма употребителен префикс *pa-* в сложении с именами. Часть таких сложных форм восходит к сочетаниям предлога *pa* «под» с падежными формами²⁸¹: *palāva* «подполок» (лит. *palóvė* «место под кроватью»); *pagulte* «место под кроватью»; *pagalde* «подстолье» (ср. лит. *pastalė* «Schieblade unter der Tischplatte»); *paaste* (лит. *pauodėgis*) «подхвостник»; *palagzde* «подорешник» (ср. лит. *pālazdės* «eine Pilzenart»); *pakājis* (лит. *pakója*) «подножка», loc. s. *pakājė* «под ногами»; *pakakle* (лит. *pakaklė*) «подшеек, подзатылок»; *pakausis* (лит. *pakáušis*) «затылок» (*galvas kauss* «череп»); *pasmakrs* (лит. *pāsmakris*) «Unterkinnp»; loc. *pasiržuos* «in der Gegend unter dem Herzen»; *paraže* «Stelle unter den Hörnern» (лит. *paragė* «Kajüte in der Spitze des Kahns»); *papėdis* «пятка, каблук»; *pagalve* (лит. *pagalvė*) «подглавие» (изголовье); *pavėdere* (лит. *papilvė*) «подбрюшина»; *pabārde* Etn. IV 162 «подбородник»; *padėgune* ibid. «место под носом»; *pajumts* «приют» (собств.: место под крышею, как еще лит. *pastogis*); *pasaule* (лит. *pasaulis*) «подсолнечная»; loc. s. *patiltė* BW 2591 «в подмостье»; loc. s. *padzirnė* BW 29 «под жерновами»; *pakatle* (Яншевский Арскатс I 165) «место под котлом»; *paklėte* Mag. XIII 2, 56 «подклетье»; *patrepes* Mag. XIII 3, 54 «подкрылечное место»; *pasiena* Etn. IV 163 «пустое место под стеною»; *pasere* ibid. «место под хлебом в овине» и др. Сюда относятся // также *pasile* BW 2310 (лит. *pagirys*) «подборье» (*sils* «бор»; ср. *sub monte* «у подошвы горы»); *pakraste* Etn. IV 162 (лит. *pakraštys* или *pākrantis*) «побережье»; loc. s. *pavārtė* BW 13245, 3 «пред воротами»; в латышском сложенные с *pa-* формы довольно редко имеют такое значение и обыкновенно заменяются формами, сложенными с *mala* «край» (так, вместо *pasile* чаще говорят *silmale*); в литовском же довольно часто встречаются подобные формы, напр. *pabaliai* «приболотье», *pajūrės* «поморье» и др.

Значение «под» префикс *pa-*, вероятно, имел первоначально также в тех сложных формах, которые означают что-либо только похожее на именованное понятие, выражаемое несложною формою, суррогат его (ср. р. *подхлебье* — суррогат хлеба, подкорм, подсвинок; верхнелуж. *podmalena*

²⁸¹ Таким ла. сложным формам часто соответствует в русском сочетание предл. *под* с падежною формою, напр. *нио pagaldes* «из-под стола» и др.

«verkümmerter Brombeerstrauch» Miklosich Vrgl. Gr. IV 231); *padēlis* (лит. *pósūnis*, пр. *passons*) «пасынок»; *pameita* (лит. *pódūkra*, пр. *poducra*) «падчерица»; *pamāte* (лит. *pāmotė*, пр. *pomatre*) «мачеха»; *patēvis* (лит. *patėvis*, пр. *patowelis*) «отчим»; *pamāsa* «сводная сестра»; *paburvis* LP VII 1, 657 (*burvis* «ворожей») «человек, кое-как умеющий ворожить»; *pazaglite* Bt. 1668 (*zagle* «воровка») «женщина, выказывающая некоторую склонность к воровству»; *pakungs* U «ein halber, nicht ein rechter, eigentlicher Herr»; *pakurts* U «Blendling von einem Windhund» (*kurts*); *paeglis* (*egle* «ель») «можжевельник»; *pabēzsis* (*bēzsis* «береза») «*rhamnus cathartica*»; *pamiers* (*miers* «мир») «перемирие»; *pavārdis* «прозвище»; *pavaļa* «(почти) свободное от занятий время»; *pasvētdiena* U «ein halber (nicht kirchlich begangener) Feiertag»²⁸²; *pasala* U «полуостров»; *pagarša* «посторонний вкус»; *pakalns* «холм»; *pabruokastis* (Вольмар) «еда до завтрака» (*bruokastis*); *palaunadze*²⁸³ U «Vorkost vor dem launags (= обед)». Если несложная форма означает понятие времени, то сложенная с *pa-* форма означает время, непосредственно предшествующее: *pavasaris* (лит. *pavāsaris*) «весна (собственно: подлетье)»; *pavakare* (лит. *pavakarė*) LP VII 1, 137 «подвечерье»; лос. *parudzė* U «zur Zeit, da die Roggenernte nahe ist». Если несложная форма — прилага-//тельное, то префикс *pa-* имеет уменьшительное значение (ср. подобное значение слав. префиксов *по-* и *под-* Miklosich Vrgl. Gr. IV 226 и 230 слл., гр. ὑπο-, напр. ὑπόψυφος, ὑπόψυρρος, лт. *sub-*, напр. *subdūrus*, *subcrispus* и др.): *pasauss* LP I 63 «почти (или довольно) сухой»; *paviegli*²⁸⁴ Спр. 142 (лит. *paleņgiai*) «полегоньку»; *pagreiži* Спр. 162 «искоса»; *pavājš* BW 2174 «плоховатый»; *pasarkans* BW 2775 var. «красноватый»; *palēti* BW 3309, 1 (с таким же значением и сравнит. степ. *palētāki* или *pavieglāk* ibid. в var.) «несколько вольготно»; *palēni* BW 3745 var. «несколько медленно»; *paklusu* LP I 90 «потихоньку»; *pavēls* LP VII 1, 127 «довольно поздний»; *pareti* «редковато» и др. (ср. еще лит. *pāilgas* «долговатый», *pājuodis* «черноватый» и др.).

150

²⁸² [Autora eksemplārā: *paputra* u. a. RKr 17, 137 //]

²⁸³ Это же слово, по Ульману, значит также «die Zeit zwischen Vesper (= *launags*) und Abendessen»; ср. *parit* «послезавтра» и лит. *pāčėsnis* «подпирье», *pópietis* «послеобеденное время» и др.

²⁸⁴ *viegls* «легкий» — путем перестановки из *liegv(a)s* (BB XXVIII 272) = лит. *leņgas*.

Изредка сложенные с *pa-* формы восходят, по-видимому, к сочетаниям предлога *pa* «по, на поверхности» с падежными формами: *padibenes* (лит. *pādugnēs*) «подонки».

*par, pār*²⁸⁵

§ 56. Форма *par* или *pār* «через», «пере-» употребляется и в качестве предлога, и в качестве префикса. В части говоров, напр. в вольмарском, предлог, насколько я знаю, всегда имеет форму *par*; а в других говорах рядом с *par* употребляется и *pār*. Для установления географического распространения формы *pār* нельзя пользоваться существующими изданиями народных песен, так как мы не можем полагаться в этом отношении на точность записей. Я сам встречал в разных говорах (Нидер-Бартау, Жукст, Экау, Бауске, Линден в Курл. и др.) только форму *par*; форму же *pār* я знаю (по записям г. Мюленбаха) из броценского говора и (по устному сообщению моего коллеги, магистра Я. И. Лаутенбаха) из цабельнского говора (рядом с *par*: *pār mani runāt* «говорить про меня»; *vęcāks par mani* «старше меня»; *par kuo tu negribi* «зачем ты не хочешь»; *par mani tu vari darit* «что до меня касается (н. *meinestwegen*), можешь делать»). // Также старые грамматики Adolphi (241 слл.) и Stender (128) различают от *par* «за, о» *pār* «через, над». Если их наблюдения и верны (хотя бы для некоторых говоров), а в пользу этого, кажется, говорит только что упомянутое сообщение маг. Я. И. Лаутенбаха, во всяком случае, такое различие, по моему, не древнего происхождения, так как родственные языки не знают соответствующей формы с долгим гласным и так как можно возвести *pār* (и по форме, и по значению) к *par*. Рядом с предлогом *par* издавна употреблялось наречие *pār(i)* со значением н. «hinüber» (напр., *pārlekt par grāvi* или *pārlekt par grāvi pāri* или *pārlekt grāvim pāri* «перепрыгнуть через ров»). Это наречие, по-видимому, образовалось от прилагательного **pārs*, известного теперь только в форме сравнительной степени *pārāks* «περισσότερος». В народных песнях форма *pāri* иногда имеет также значение предлога (напр., *pāri purvu tiltu grīdu* Спр. 83 «я построил мост через болото»), наречие же *pāri* часто отбрасывает свое конеч-

²⁸⁵ [Autora eksemplārā: *por* «за» Kossowski Gr 14 // *por* Preili // *pār u'piti* Ogre // *pūorīt da cima* RKr 17, 137 //]

ное *-i*; итак, предложная форма *pār* или образовалась из наречия *pār(i)*, или же из предлога *par* под влиянием наречия *pār(i)*²⁸⁶. Поэтому предложная форма *pār* является как раз чаще всего рядом с тем *par*, которое имеет местное значение «через, над». Префикс же в большей части говоров (и в литературном языке) имеет форму *pār-*, возникшую из **par-* первоначально в положении перед согласным, а затем обобщенную. В говорах же, которые не изменяют *ar* в *ār* перед согласными, форма *par-* правильно сохраняется: *par-kāpt* (Нидер-Бартау), *parej*, *parjēmta*, *parskrēja* (Нидер-Бартау Etn. II 48)²⁸⁷, *par'vedišu*²⁸⁸ (Обер-Бартау), *par^agāja*²⁸⁹ (Крутен, Калетен, Прекульн), *par'jāja* (Тадайкен). Но префикс имеет форму *par-* также в попенском (*parnākt*) и анценском (III грает. *parlūz*) говорах, где вообще всякое *ar* перед согласными переходит в *ār*²⁹⁰. Здесь // *par-*, очевидно, сокращено в проклитическом положении из *pār-*; в этих говорах сложные слова (не знаю я, всегда ли, но, по крайней мере, часто) имеют ударение не на первой части (как в громадном большинстве говоров), но на второй части, причем неударяемая долгота первой части сокращается²⁹¹, напр.: *parmāc'teš* «переучивать», *arpuš* из *ār-puse* «внешняя сторона», *ap'louks* «изгородь», *patik* «нравится» (Анцен), *ar'mēla* «клеветает» и др. (Попен). Как предлог *ar* (ср. выше стр. 43), так и предлог *par* в живом народном языке часто теряет свое конечное *-r* (примеры я дам ниже в следующем §); а в некоторых говорах западной и Средней Курляндии²⁹² (Шнепельн, Шрунден, Сессилен, Сатинген, Фрауэнбург, Ошенекен, Дурен, Ирген, Замитен, Сессау, Ливенс-Берзен, Вирбен, Берсгоф и др.) также префикс *pār-* является (насколько я наблюдал, постоянно) без *-r*, даже перед гласными, напр. *pāiet* «переходить». Только в немногих говорах

²⁸⁶ Отчасти, может быть, также под влиянием префикса *pār-* «пере-».

²⁸⁷ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

²⁸⁸ Апостроф после *r* обозначает безголосный сварабхактический гласный неопределенного качества.

²⁸⁹ Второе *a* — сварабхактическое.

²⁹⁰ В анценском говоре перешло в *ār* даже такое *ar*, которое прежде было отделено гласным от следующего согласного: // пом. s. *gārs* «дух» из **garas*, *kārš* «война» из **kařas*; в других говорах: *gars*, *kařš*.

²⁹¹ Можно поэтому думать, что также глагольный префикс *az-* (ср. выше стр. 11) не восходит непосредственно к прала. *az-*, но сокращен из *āz-*.

²⁹² Ср. также Lett. Di.-St. 17².

(Берсгоф, Удзен, Доблен, Нейвакен) *r* правильно выпадает в середине слова после долгого гласного перед согласными (напр., в берсгофском гов.: *kā[r]kli* «вербы», *bē[r]zi* «березы»; но: *darbs* «работа» и др.); дальше же распространена в указанной местности слабая артикуляция звука *r* в указанном положении, причем некоторые отдельные слова в отдельных говорах также вполне утрачивают свое *r*, и к числу таких форм принадлежит и префикс *pā[r]-*, где полной утрате *-r*, может быть, содействовала предложная форма *pa* из *par*. Замечательно, далее, то обстоятельство, что префикс *pā-* из *pār-* встречается не только в тех, вышеупомянутых, говорах, где сочетание *ar* перед согласными изменяется в *ār*, но также в таких говорах (Грёзен, Гросс-Эзерн, Ринген, Альт-Жварден, Ремтен, Струттельн, Лестен, Нейенбург, Альт-Аутц, Бенен и др.), которые в сочетании *ar* перед согласными сохраняют краткое *a*. В этих говорах, зна-//чит, префикс должен был бы иметь форму *par-*, действительно встречающуюся в Нидер-Бартау и др. Так как, на мой взгляд, форма *par-* древнее формы *pār-*, то я полагаю, что в этих говорах (Грёзен и др.) форма *par-* под влиянием наречия *pār(i)* перешла в *pār*, откуда в положении перед согласными образовалось *pā-*. Префикс *pār-*, соответствуя по значению р. *пере-*, произносится с длительною интон. (*pār-*); но есть и префикс *pār-* (с нисходящею интон.): в вольмарском говоре эта форма встречается только в глаголе *pārduot* «продавать» (= *pārduot* в экауском говоре, где нисходящая интон. совпала с прерывистою; в цабельнском же говоре, по устному сообщению маг. Я. И. Лаутенбаха, странным образом, *pārduot*). А в говорах западной и Средней Курляндии префикс имеет также значение нем. «heim-» и при таком значении произносится с прерывистою интонацией (нисходящая инт. там совпала с прерывистою), напр. *pārnest* «приносить домой» и *pārnest* «переносить» (Экау; подобное различие, по сообщению Я. И. Лаутенбаха, соблюдается в Цабельне и др.; ср. Bielenstein LSprg. II 306). Итак, уже данные самого ла. языка указывают на то, что в ла. *par* (*pār*) совпали две различные формы. И соответствующие формы лит. языка подтверждают это. В пруссколит. литературном языке и в части говоров предлог всегда имеет форму *peĩ* (Kurschat Gr. § 1462 слл.); ла.* же префиксу *pār-* там

соответствует *pér*²⁹³ (ibid. § 448), и лат. *pār-* соответствует *pař-* (напр., *pardūoti* «продавать», *pařdavē* «продавал»; *pareiti* «приходить домой» и др., ibid. § 456). А в части говоров вместо *peř* употребляется предлог *pař*, напр. в мемельском нар. (Lit. Mitt. I 61, II 32), в шавельском гов. (Lit. Mitt. IV 438, 516), в шавельском гов. IV 41, в северных гов. и в части восточных гов. Ковенск. губ. (Барановский Зам. 54, 55, 64). Менее распространена, кажется, замена префикса *pér-* формой *pār-*: в части восточных гов. Ковенск. губ., где предлог *peř* заменен формой *pař*, еще различаются префиксы *pér-* и *pař-* (Барановский Зам. 55 и 64); в северных же гов. Ковенск. губ. вместо *pér-* употребляется // *pār-* (ibid. 54), а в одном из северо-восточных гов. Ковенск. губ. (ibid. 77; ср. также Lit. Mitt. IV 41) префиксы *pér-* и *par-* вполне совпали в *par* (напр., *parvažiūot* = *pérvažiūoti* и *parvažiūoti*). Наконец, следует заметить, что в восточнолит. нар. Ков. губ. предлог *pār* употребляется в значении литературной формы *pàs* «к, у», напр.: *buvau par jį* «я был у него» (Барановский Зам. 68), *ajk pār manì* «иди ко мне» LChg. 212, *par sau* «у себя» LChg. 376 (из дусятск. гов. Ков. губ.), *pār mañ* «у меня» (Bezenberger BB XX 110)²⁹⁴. Так как возможность фонетического перехода *pàs* в *par* исключена и так как я не вижу возможности возвести *par* «у, к» к *par* «через», то я полагаю, что это *par* «у, к» представляет из себя древнюю предложную форму, соответствующую префиксу лит. *pař-*, лат. *pār-*. Первоначальное их значение было, вероятно, приблизительно такое, какое имеют р. *pri*, *pri-*. По значению подходят брет. *ar-* «ad»²⁹⁵, арм. *ař* «близ, у» (ср. выше стр. 42), гр. *πάρ*, *παρά*, и не исключена также возможность формального соответствия этих форм латышско-литовскому *par*. Рядом с этим *par*, *par-* в литовско-латышском искони употреблялось *per*, *per-* «через, пере-», перешедшее потом в латышском и в части литовских говоров в *par*, *par-*, должно быть, под влиянием исконной формы *par*, *par-*; сохранилось только различие в интонации. Этому литовско-

²⁹³ Как смотреть на форму *peř-* в *peřkelsiu*, *peřkēļes* (Lit. Mitt. IV 335, *peřplaiksi* 337), это для меня сомнительно, так как я не знаю, насколько можно полагаться на точность записи.

²⁹⁴ В гервятск. гов. Виленск. губ. (LChg. 398) употребляются рядом предлог *per* «через» и *par* «у»; в тверечском же гов. Виленск. губ. (ср. LChg. 379 и 381) форма *par* заменена формой *per*, напр. *per mañi* «у меня» (ср. I. с. 377 *perduosju* «я продам»).

²⁹⁵ [Autora eksemplārā: as. *far* «bei» PBrB 28, 554 //]

латышскому **per* точно соответствуют пр. *per*, *pēr* «durch, für» (*pēr* из *per* под влиянием нисходящей интонации; Fortunатов ВВ XXII 176), *per-*, *pēr-* и изредка (Kat. II 17, Ench. 85) *par-* (*pareysej* Kat. II 17 «zukomme» походит на лит. *pareiti* «heimkommen», но тот же нем. глагол передается через *pergeis* Kat. I 7 и *perēit* Ench. 21; итак, если пр. язык когда-то, подобно литовско-латышскому, и знал рядом с *per* и форму *par*, в XVI веке, во всяком случае, или смешивали в употреблении формы *per* и *par*, или же в *par* следует видеть только орфографический вариант к *per*, о чем ср. выше § 2), праслав. **per* (п. *prze*, Miklosich Vrgl. // Gr. IV 237, 438), **per-z*, ср. § 1 (црксл. *npъзь*, п. *przez*, *ibid.* 438 слл.), **per-* (црксл. *npъ-*, р. *nep-* и др., *ibid.* 237 слл., Etym. Wrtb. 239, Torbiörnsson Liqmet. II 47 слл.). Из других языков сюда относятся гот. *fair-*, лт. *per*, ирл. *er-* (Stokes Urkelt. Spr. 37), гр. *περί* или (диал.) *περ*, скр. *pāri*, з. *pairī* (ср. J. Schmidt Vok. II 99 слл. и KZ XXXVIII 21 слл., Persson Stud. et. 93, Reichelt ВВ XXVI 226 слл., Delbrück Vergl. Synt. § 284, Brugmann KVG стр. 475 слл.).

§ 57.²⁹⁶ Предлог *par*, как ниже будет указано, в некоторых случаях имеет приблизительно такое же значение, как предлог *pa*, и так как в народном языке, как выше сказано, часто отбрасывается конечное *-r* предлога *par*, то иногда приходится колебаться, имеем ли мы дело с исконным *pa* или же с *pa[r]*. А вследствие такого частного совпадения предлог *par*, далее, изредка заменяет предлог *pa*. — Ввиду того, что лит. *pef* требует винит. пад., можно думать, что также асс.-instr. при ла. *par* представляет из себя древний вин. пад.; а изредка после *par* стоят также род. и дат. п. — По значению ла. *par* соответствует более всего немецкому «über» и прежде всего стоит при том именном понятии, через которое простирается какое-либо движение или действие: (асс.-instr. s.) *es atnācu pār jūriņu* BW 20, 3 «я пришел через море»; *tiltu par Daugavu pārtaisīt* BW 40 «построить мост через Двину»; *tilts par upi jātaisa* (Бауске) «приходится строить мост через реку»; *pāri par tiltu iet* (Экау, Линден в Курл.) «переходить через мост»; *tāut's pūr vēd par upiņ* (Луббенгоф в Курл.) «чужане везли (мое) приданое через

²⁹⁶ [Autora eksemplārā: *pār tiltu pāri iet* Ekau / Baldohn / *par upi brist* J-Rauna, Drusti // *par jiuereņas* (U) BW //]

реку»; *pāri sviedu zelta zili par sudraba uozuoliņu* (Гросс-Пёнау) «я перекинул золотой желудь через серебряный дуб»; *lec pār krāsni* (Броцен) «перепрыгни через печь»; *es neietu ... ne par* (в вар.: *pār*) ... *pagalmiņu* BW 10553 «я бы не шла и через двор»; *es ... ne par* (в вар.: *pār*) *sētu nepārkāpu* BW 10553, 1 «я и через забор не перелезала»; *pāri tevī* (в вар.: *par tevim*) *bites skrēja* BW 2796 var. «через тебя (дуб!) летали пчелы»; *pār laipiņu laipuojuot* BW 4595 «перебираясь через перекладину»; *Jānīts nāca par kalniņu* (Сунцель) «Иван приходил через гору»; *meitiņa par lauku tēk* Bt. 268 «девица спешит через поле»; *par upiti smilgu sviežu, // pāri tēku dziedādama: tautu dēls nepārgāja ne par kuplu uozuoliņu* Спр. 9 «перекидываю через речку метелковый стебель, перебегаю по нему, распевая; чужанин не мог перейти и по густолиственному дубу»; *puiši leca meitu dēļ pāri* (в вар.: *par*) *priedi, pāri egli; neļēc meitas puišu dēļ ne pa skala druostaliņu* BW 10557, 5 «парни прыгали ради девиц через сосну, через ель; девицы ради парней не прыгают и через осколок лучины»; *sērga par visu pagastu izvazāta* LSpr. § 553 «повальная болезнь распространилась по всей волости»; *es neiešu pa* (в вар.: *pār*) *nuovadu* BW 9710, 1 «я не пойду (замуж) через (свою) волость (в другую)»; (acc. pl.) *par vysus katnus* (Disp. 211) «per omnes montes»; *bijāšana pārgāja par visus* (Mancelius Post. II 257) «страх напал (собств.: перешел через) на всех»; (instr. pl.) *par arumis* (Нидер-Бартау) «через вспаханное поле»; *gribēj' mani par nuovadis* BW 9661 var. «хотели (женясь на мне, увезти) меня через волости (т. е. в другие волости)»; *linu šķiedra par rupiem pārstaipīta* (Экау) «льняное волокно перетянуто через груди»; *pōrzačēta pōri par jūrōm* Zb. XVIII 439 «przejechali przez morze»; *ņem kājas par plēciem (= pa kamiešiem* LP VII 1, 210) «возьми ноги на плечи» (т. е. «убирайся скорее»; Трейланд Мат., послов. 462); *teci gaiši, mēnesniņi, par visām atmatām* Bt. 2 «ясно катись, луна, через (или над) все залежи»; *ēs pārsvied' zēlt' ziern' pa sudrab' zariņem* (Зурс) «я перекинул золотую горошину через серебряные ветви»; *riti, rīta rasa, par* (в вар.: *pa*) *ābeļu lapiņām* BW 8834 «катись, утренняя роса, через яблонные листья»; (acc. du.) *vakarai tālu skan par deviņu nuovadiņu* BW 454, 3 var. «вечером (голос) далеко звучит через девять волостей»; *bite mēdu aizlaiduse par deviņi ezeriņi* RKr. V 175 «пчела послала мед через девять озер»; *skanēj' mana dziedāšana par deviņi priežu sili; milēj' manis augumiņis par*

deviņas ... valstis BW 426 «звучало мое пение через девять сосновых боров; нравился мой рост в (собств.: через) девяти волостях». Сюда относятся также следующие обороты: *puiši klausijās par deviņas nuovadiņis* (instr. pl.) BW 454, 3 var. «парни прислушивались (к пению девиц) за девятью волостями (собственно: через д. в.)»; *varējis pa septiņām jūdzēm uodu ieraudzīt* LP VII 1, 253 «он мог за семь миль увидеть комара»; *par gabalu* (acc.-instr. s.) *es pazīnu* BW 318, 11 «издали я узнавал». В этих случаях подлежащее находится за именовым понятием, стоящим при *par*, // и вместе с тем простирает через него то или другое умственное действие; а в других случаях предлог *par* (подобно лт. *trans*) стоит при том именовом понятии, за которым что-либо просто находится²⁹⁷: (acc.-instr. s.) *pār upīti mēlli alkšņi sudrabiņa lapiņām*; *pār upīti man uzauga sudrabiņa valkātāja* BW 11376 «по ту сторону реки (растут) черные ольхи; по ту сторону реки для меня выросла (невеста) носящая серебряные (драгоценности)»; *aiz kalniņu jēri brēca, par upīti vėcas meitas* BW 13017, 8 «за холмом блеяли ягнята, по ту сторону реки (кричали) старые девы»; *luopi pār upi* (Hesselberg § 314) «скот (пасется) по ту сторону реки».

Ввиду лит. оборота *pef gālvq mūsti* (Kurschat Gr. § 1464) «бить по голове» можно считать исконным (а не возникшим под влиянием предлога *pa*) также подобное же употребление лт. *par*: *syť duraku par koktu* Zb. XVIII 265 «bije głupiego w kark»; *ja nāk vėzis, duod par* (в вар.: *pa*) *lipu* BW 2708 «если приближается рак, давай (т. е. ударяй) по хвосту».

Сомнительно же, можно ли считать исконным также употребление предлога *par* для обозначения движения без определенной цели по поверхности чего-либо: *par pagalmu staiģādamas* Спр. 297 «расхаживая по двору»; по образцу таких оборотов, как *par lauku iet* (= лит. *pef laukq eiti*) «идти через поле» (что иногда равносильно выражению «по полю идти»), пожалуй, мог образоваться оборот *par lauku staiģāt* «ходить по полю», но можно также думать о влиянии предлога *pa*.

Подобно нем. *über*, предлог *par* стоит не только при том именовом понятии, через которое что-либо движется, но также (изредка; чаще так употребляется *virs*) при том, над

²⁹⁷ Ср. осск. *per-t* «trāns» (von Planta Gramm. II 449).

которым что-либо происходит или находится²⁹⁸: (gen. s.) *kungs jir tava ģna par tavas labas ruokas* Mancelius Post. I 101 «господь — тебе тень над твоею десницею»; *pār galvas* «над головою» (Adolphi 241, Stender стр. 128); *caurums pret caurumi, ruoka pār muguras* (Трейланд Мат., заг. 604) «дыра против дыры, рука через спину»; *vanags lidinājās pār jumta U //* «ястреб парит над крышею» (у Биленштейна LSpr. § 553 acc.-instr.: *par jumtu*). Сюда относятся также обороты: *mana laime pa visām meitiņām* Bt. 1002 «мое счастье больше (счастья) всех девиц»; *kungs par visiems kungiems* (Mancelius Post. I 318) «господь над всеми господами». А затем предлог *par* вообще употребляется для обозначения высшей степени того или другого качества как после сравнительной, так и после положительной степени: (acc. instr. s.) *es druoši dziedāju par visu pulku* BW 815 «я пела смелее, чем вся толпа»; *nauda stiprāka par taisnību* (Трейланд Мат., послов. 829) «деньги сильнее правды»; *pa mani vēcāks* (Ланен) «старше меня»; *mazāks par mani* «меньше меня»; (instr. pl.) *apašie rāceņi garāki par ties garenies* (Нидер-Бартау П.) «кругловатые картофелины длиннее продолговатых»; *skaista auga bārenīte par* (в вар.: *aiz*) *visām meitiņām* BW 4506 «сирота росла красивее всех девиц»; *iksa bija Jāņa nakts par visām naksnīnām* (Зербигал) «Иванова ночь была короче всех ночей»; *balta gāja sērdienīte par māmiņas meitiņām* Спр. 71 «сиротинушка ходила чище хозяйских дочерей»; *šūorit agri saule lēca pa visim rītiņim; šūorit sīva māmuļīte pa visām reiziņām* BW 3303 «в это утро солнце взошло раньше, нежели во все (другие) утра; в это утро матушка сердится больше обыкновенного»; *tu man sliktu mūžu lēmi pa visām māsiņām* BW 9267, 1 var. «ты мне назначила худшее житье, чем всем (моим) сестрам»; *cirulītis jauki dzied par visiem putniņiem* BW 697 «жаворонок поет красивее всех птиц»; *māte mani agri cēla par visām māsiņām* Bt. 1200 «мать меня будила раньше всех (моих) сестер».

Подобно лит. *peř*, предлог *par*, далее, служит (как и предлог *pa*) для обозначения времени, в продолжение которого длится то или другое действие или состояние: *ka tu nara-zarōdēji par gara taika* (gen. s.; ошибка?) Zb. XVIII 253 «skoro się nie pokazateś przez diugi czas»; (acc.-instr. s.)

²⁹⁸ Ср. эол. *περ(i)* в значении *ὕπερ* (Ahrens, De graecae linguae dialectis I 151).

par nakti bagāta, par dienu nabaga (RKr. VII заг. 545) «ночью богата, днем бедна»; *kab nasnaustu por vosoru* Вольтер Мат. 5 «чтобы летом не дремал»; (instr. pl.) *par naktīm* (Альт-Аутц) «по ночам». Далее, предлог *par* (как и *pa* и лит. *pef*) означает время, в которое (в течение которого) что-либо случается: (acc.-instr. s.) *kad ņemsi sievu? rudeni, par* (в вар.: *pa*) *miežu laiku* BW 2546 «когда ты женишься? осенью, во время ячменной жатвы»; (instr. pl.) *par Mārtiņiem* LSpr. II 303 // «в Мартинов день» (ср. лит. *pef rugiūs* «während der Roggenernte», *pef Joninēs* «am Johannistage» и др. Kurschat Gr. § 1466). — Далее, сочетание предлога *par* с именным понятием отвечает на вопрос «во сколько времени?»: (acc.-instr. s.) *par nedēļu sieku mala* BW 4732, 1 var. «в неделю она смальывала один сек²⁹⁹»; (instr. pl.) *vaj audēkla nenūoaudi par trijiem gadiņiem* BW 6912 «разве я в три года не наткала полотна»; (acc. du.) *māsiņa neuzauga par deviņi vasariņi* (в вар.: *p. deviņu vasariņu*, или *p. deviņas vasariņas*, или *p. deviņām vasarām*) BW 2848, 2 «сестра в девять лет не выросла». — Далее, сочетание предлога *par* (и *pa*, ср. выше стр. 143) с именным понятием отвечает на вопрос «через сколько времени?» (по прошествии какого времени): (acc.-instr. s.) *par gadiņu, pāri uotru uz brāļiem sērsti nāce* Спр. 29 «через год (или) два года она приезжала гостить к братьям»; *par kādu laiku tuo atraduši* LP VII 1, 372 «несколько времени спустя его нашли»; (instr. pl.) *par* (или *pa*) *kādām dienām* (Валк) «несколько дней спустя»; (acc. du.) *pa divi nedēļi* (Нейенбург) «через две недели»; *par treis godi es atišu* Zb. XVIII 253 «через три года я приду»; *par treis dinys atōad maņ jū* 259 «через три дня приведи мне ее».

Далее, предлог *par* (как и н. *über*) стоит при том именном понятии, о котором говорят, думают и т. д. или которое является причиной разных душевных аффектов³⁰⁰. Как могло образоваться такое значение предлога *par*, видно из следующего примера: *pāri, pāri lietus gāja par šuo zemes gabaliņu; pāri ļaužu valuodiņas par tuo manu augumiņu* BW 8771 var. «дождь (дождевое облако) шел через (над) эту полосу земли; людские пересуды (шли) через (над) мой рост (т. е. меня оговаривали)». Отсюда весьма употребительный оборот

²⁹⁹ Сек (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

³⁰⁰ Подобное употребление лит. *pef* Куршат (Gr. § 1468) считает германизмом.

runāt (stāstīt и т. п.) par³⁰¹ «говорить (рассказывать) о». Другие примеры: *dziedi pati par jauniem, par vēcjiem* BW 22 «пой сама про молодых, про старых»; *jauni puisi diva leudza... na par sovas rūkas, kūjas, par meiteņes dvēselī'* Вольтер Мат. 242 «молодые парни богу молились // не за свои руки, ноги, — за душу девушки»; *par druviņu duomā-dama* RKr. V 161 «думая о ниве»; *es par bēdu nebēdāju* BW 107 «я горя не горюю (не предаюсь горю, не обращаю никакого внимания на него)»; *es par puisi* (gen. s.; в вар.: *pa puisi*) *nebēdāju* BW 10289, 1 «я вполне равнодушно (безучастно, или также: безбоязненно) относилась к парню»; *es par kunga* (gen. s.) *nebēdāju* Ltd. 4552 «я никакого внимания не обращаю на барина»; *rūpēties par* или *gādāt par* «заботиться о»; *par savu bērnu* (acc. s.) *in par savas sievas* (gen. s.) *gādāt* (Stender стр. 128) «заботиться о своем дитяти и о своей жене»; *viņš nebīstās ne par nagiem, ne par ragiem* (Трейланд Мат., послов. 818) «он не боится ни когтей, ни рогов»; *sūdzēties par* «жаловаться на»; *priecāties par kuo* «радоваться чему-нибудь»; *skaisties, dusmuoties par kuo* «гневаться за что-нибудь»; *kungi brīnījās par tuo lielu vėzu-miņu* BW 2460, 1 «баре дивились большому возу»; *par viņas* (gen. s.) *apžēļuojies* Mancelius Post. III 123 «сжалившись над нею». Сюда, вероятно, относятся также такие эллиптические обороты, как *par maksāšanu, mēs gan nuomaksāsim* (Rosenberger Formenlehre 318) «что до уплаты, то мы уплатим».

Лит. *peř* (ср. Kurschat Gr. § 1462) имеет (как и лт. *per*) также местное значение н. «durch». Это же значение можно, пожалуй, приписывать также ла. *par* в следующих оборотах: *klaudzēs pūriņš par silu vēduot* Спр. 168 «стучать будет сундук с приданым, когда его повезут через лес»; *tiešām bridu par upīti, par tuo pašu dziļumiņu* Спр. 9 «прямо перешла я речку, по самой глубине»; *brīenu par upi* (Бауске, Шлампен) «я вброд переправляюсь через реку»; *par vīnu nōsi jau skrin ōrā poroks, par ūtru patni* Zb. XVIII 450 «jednem pozdrzem juž leci proch, drugiem porioi». Но следует заметить, что с точки зрения современного ла. языка это *par* («durch») уже ничем не отличается от *par* («über») в выше (стр. 155) приведенных примерах, как *taut's pūr vēd par upiņ* и др. (также по-русски и то, и другое

³⁰¹ Также *pa[r] ribēja ļauži mēles, pa manimi runādamas* BW 8831 «гремели людские голоса, говоря про меня».

par передается посредством «через»); вместо *par* «durch» теперь употребляется *caur* (так, напр., лит. *tai mán ėjo pėr širdį* Kursch. § 1462 «das ging mir durch's Herz» передается по-латышски: *tas man gāja caur* (не *par*) *sirdi*). Как при лит. *per* (Kursch. § 1465), пр. *per* (*per... mukinsnan* Ench. 51 «durch Lektion»), лт. *per*, так когда-то прежде и при ла. *par* стояло то именное понятие, посредством // которого (через кот.) что-нибудь делается. На это указывают следующие обороты: *viņš par varu gribējis* LP VII 1, 176 «он непременно (первоначально, должно быть, «per vim») хотел»; *par³⁰² lai-miņas lētumiņ'*... *es pati savalkāju* Bt. 783 «по определению судьбы я сама износила (башмаки)»; *par laimi* «по счастью»; *par nelaimi* «по несчастью»³⁰³; *par tuo tēvu, māmuliņu* (в вар.: *tēva dēļ, mātes dēļ*) *bez vārdiņa es uzaugtu* BW 1345, 2 «насколько это зависело от отца, матери, я бы вырос без имени»; *par mani tu vari iet* «что до меня, то ты можешь пойти» (ср. лт. обороты: *per me licet; cum per valetudinem posses, venire tamen noluisti* и др.).

Как гр. ὑπέρ «над» иногда значит также «вместо», так и *par* получает значение «вместо» (ср. пр. *stallēti pēr-din* Ench. 89 «vertretet ihn»): *ei par mani parunāt* Спр. 191 «выйди поговорить за (вместо) меня»; *māsiņal... ei par mani tautiņās* Bt. 1830 «сестрица! выйди замуж вместо меня»; *par mani gaviļē* BW 322 «весело поет вместо меня»; *par uotru strādāt* (Hugenberger Mag. II 2, 77) «работать за (вместо) другого»; *es par t'evim vysu dafeju* Zb. XVIII 434 «ja za ciebie wszystko robiam»; *par mums nabbagems karye tur* Und. Ps. 54, 28 «за нас бедных воюет». В последнем примере *par* «за» значит одновременно и «вместо», и «в пользу, для». В прусско-латышских говорах (может быть, под литовским влиянием, ср. *pār māņę vėņę tēk daūge turėse vėtās* «für mich allein wirst du Platz genug haben» Lit. Mitt. II 41, из северного наречия Прусской Литвы) *par* имеет, между прочим, также исключительное значение «для»: *par viņu pakavat* «für ihn verwahren» BB XXVIII 281. Такое значение имеет также пр. *pēr*: *pēr-wans dāts* Ench. 41 «für euch gegeben».

³⁰² Bt. 787 в таком же обороте мы читаем *pa* вместо *par*.

³⁰³ В оборотах *par laimi*, *par nelaimi* можно, впрочем, усматривать также то *par* (см. ниже), сочетание которого с падежною формою заменяет собою предикативный *instrum.* без предлога.

С другой стороны, на основании значения «вместо» возникает употребление³⁰⁴ предлога *par* с падежною формою взамен прежнего предикативного *instrum.*: (acc. s.) *es tev būšu par tēvu, tu man būsi par dēlu* LSpr. II 305 «я тебе // буду отцом (вместо о.), ты мне будешь сыном»; *Vilis mājās par saimnieku, Janis tur par kalpu* LSpr. II 304 «Вильгельм (живет) в усадьбе как хозяин (в качестве х.), Ян там (служит) батраком»; *tu byusi par kēniņu* Zb. XVIII 448 «ты будешь царем» (ср. лит. *buk tō mums par karalō* «будь ты нам царем» Geitler Lit. St. 19); *vistiņas spārniņi par mētelīti* BW 2521 var. «курные крылышки — (его) плащ»; *par meitiņu viegla dzīve* BW 5260 «девицею (в девицах) легко жить»; *Pitāts byja pōr* (или же *pōr?*) ... *kungu* LChr. 147 «Пилат был повелителем»; *jis par zagļi patyka* Zb. XVIII 257 «он стал вором»; *par kēniņu ūzmesties* LSpr. II 305 «(незаконно) объявлять себя царем»; *par lielu kungu iztaisīties* (ibid.) «прикидываться большим барином»; *lai es augu balta meita par brīnumu ļautiņiem* BW 2926 «чтобы я росла белою девицею на чудо (собств.: как чудо) людям»; *es izaugu meitiņām par lielu nelaimīti* BW 473, 5 «я вырос на большое несчастье девицам»; *par savu bērnu pieņem* «усыновлять»; *kat tu mani līdz neņēmi... sev par kāju āvējiņu?* BW 4060 «почему ты не взяла меня с собою как обувальщицу»; *neņem par ļaunu* «не обижайся»; *ņem par labu* «будь доволен (угощением)» (ср. лит. *ką peř gēr priimti* «etwas als gut aufnehmen» Kursch. § 1468); *guļ par aizmygušu* Zb. XVIII 469 «лежу, удаjąc спијасего»; *puisim jākalpuo pie kunga par zirgu puisī* LP III 5 «парень должен у барина служить конюхом» (ср. лит. *šlūžuja peř bērņā* «служит батраком» Kursch. § 1468); *par palīgu nākt* «приходить на помощь (собств.: помощником)»; *par kuo man tēv galds* (Сасмакен) «для чего (к чему) у меня отцовский стол»; *it jis par ubogu* Zb. XVIII 254 «idzie jako żebrak» (ср. лит. *smertis atet par ōbag’* Lit. Forsch. 36 «смерть приходит в виде нищего»); *raganas dvēsele skrienuot par lapseni* LP VII 1, 541 «(говорят), что душа колдуньи летает в виде осы»; *pār tiesas vīru celt* «выбирать судьбою»; *par ligavu nedabūju* BW 1941 «я не получил (девицы) в жены» (ср. лит. *dūok mā tā per wýrā* «gieb mir den zum Manne» Jurksch. 136); *mani sauc par Jāni* «меня зовут Яном» (ср. лит.

³⁰⁴ Подобное употребление лит. *peř* Куршат (Gr. § 1468) считает германизмом, Брюкнер же (Fremdw. 165) — полонизмом.

kūrus par Rūdšparnus iščýdij Lit. Mitt. I 61); *tevi tur par nejēgu* «тебя считают дурнем» (ср. лит. *jis tai peř tiesę laiko* «он считает это правдою» Kursch. § 1468); *nepārduod kaķi par zaķi* (Трейланд Мат., послов. 471) «не продавай кошки (выдавая ее) за зайца»; *par velti* «даром»; *par spīti* «наперекор»; *kam // par labu* «cui bono»; (gen. s.) *mani aicynōj pōr* (или *por?*) *kotpyuņes* Mag. XIV 2, 169 «меня приглашает (быть) служанкою»; (instr. pl.) *visa pasaule par draugis* (Нидер-Бартау, П.) «весь мир (все люди) друзьями»; *vidzemnieki nuošāvuši (meitas) par vārnām* BW 12868, 2 «лифляндцы застрелили (девушек, принимая их) за ворон»; *kad jums pār³⁰⁵ kalpiems dar* Evang. «когда вас делают рабами»; *nelidzēnas (vitas) byus pōr* (или *por?*) *ktaim ceļim* LChr. 147 «неровные (местности) станут открытыми дорогами»; *pa kalpis būt* (Обер-Бартау, Spr. d. рг. L. 17) «быть (служить) батраками»; (acc. pl.) *ka jums par dieva bērnus darītu* (Mancelius Post. I 2) «чтобы сделать нас чадами божими»; *visus ļaudis grib par draugus dabūt* III 91 «хотят всех людей сделать своими друзьями»; *katrus dievs tiem par sargus pielicis* II 272 «которых бог им приставил стражами»; *darīt par kungus* I 318 «сделать господами»; *katrus viņš* (в оригинале: *wings*) *par strādniekus ... grib* I 238 «которых он хочет (иметь в качестве) работников».

На основании этого значения *par* далее возникает употребление этого предлога с вопрос. местоимением *kas* «кто» взамен вопрос. форм *kāds* «какой» или *kas tāds* «кто такой». Если, напр., говорят *viņš te par kalpu* («он здесь служит батраком»), то легко рождается вопрос *kas tas par kalpu* («что он за батрак»), вместо более древнего оборота *kāds tas kalps* («какой он батрак»). Вследствие смешения обоих оборотов после *par* является (реже) также имен. пад. Примеры: (acc. s.) *kas tai meitu māmiņai par ražēnu dzīvošanu* BW 383, 3 «что за славное житье у матери дочерей»; *kas par viru, nedzer alus* BW 775 «что (это) за мужчина, не пьет пива»; *kas par vainu tam alam* BW 773, 1 «что за недостаток у этого пива»; *brīnījās, kas par lielu vāzumiņu* BW 2460 «дивились, что за большой воз»; *zināt, kas tā par peliti* LP VII 1, 17 «знать, что это за мышь»; (instr. pl.) *kas tie par cilvēkiem* «что это за люди»; ср. лит. *kas tas par kālba* Lit. Mitt. I 65 «что это за язык»; (ном.) *es nezīnu, kas par vīze* Bt. 2532

³⁰⁵ Или же *par?* в оригинале *pār*, а это *ā* по большей части = *ā*, но ср. Bezenberger LLD II, стр. XI слл.

«я не знаю, что (это) за привычка»; *kas tys ir par břeinums* Zb. XVIII 241 «что это за чудо»; *kas ta maņ // par bāda* 252 «какое мне дело (до того, что ...)»; *kas t'ei par sāta taida* 422 «со то за дом taki»; *kas tie par cilvėki* LSpr. II 305 «что это за люди»; *kas viņam pa daļ* (acc. или nom.) LP VII 1, 105 «какое ему дело (до того)»; ср. лит. *kās tai pef žmogūs* «что это за человек» (Kurschat Gr. § 1468). Биленштейн (LSpr. 305) считает это употребление предлога *par* германизмом («was für»; так же смотрит Куршат I. с. на лит. *pef*; ср. также Brückner Fremdw. 165, который думает о славянском влиянии³⁰⁶: п. *co za* «что за»). Так ли это, трудно решить; выше я показал, что такой оборот мог возникнуть на латышской почве и без постороннего влияния.

Из значения «вместо» далее развивается значение «за» (при выражениях, означающих воздаяние, возмездие, мену, цену): *paldies saku pa tuo lindraciņu* (Амботен) «благодарю за юбку» (ср. пр. *dinkaumai ... per wissan twaian labbasēgisnam* Ench. 50 «wir dancken für alle deine Wolthat»); *pa zims atnešan* LP VII 1, 106 «за принесение записки»; *še tou pa tuo dēļ* (Анцен) «вот тебе за сына»; *pa lūgšēn* (Зурс) «за просьбу (= пожалуйста, будьте так добры)»; *ņem šuo dāvāniņu par savu milību* (Hesselberg § 314) «прими этот маленький подарок за свою любезность»; *pats par savu naudu dzeru* Спр. 20 «я пью на свои собственные деньги»; *dabūju divi ābuļus par kapeiku* «я получил два яблока за копейку»; *tautiņas naudu skaita pāri manu augumiņ* Спр. 145 и BW 13676 «чужие люди (сваты) отсчитывают деньги за мою красоту» (Спрогис же переводит, по-видимому, неправильно: отсчитывают больше денег, чем стоит моя кр.); *cik prasi par tiem zābakiem* «сколько требуешь за эти сапоги»; *pārdevu krieivam par piecu mārku* BW 2219 «я продал (бороду) русскому за пятиалтынный»; *par mūsiems grēkiems cietis* Und. Ps. 45, 19 «страдал за наши грехи».

На основании этих и также таких выше (стр. 160) приведенных оборотов, как *priecāties par kuo* («радоваться ч.») и др., возникает употребление предлога *par* для означения причины³⁰⁷: *strazdiņš jēma dzeņa meitu par raibuo kažuociņu //* (в вар.: *dēļ tā raiba kažuociņa*) BW 2535 var. «скворец

165

³⁰⁶ Миклошич (Vrgl. Gr. IV 411) считает германизмом также соответственное употребление слав. *za*; но трудно представить себе, как нем. язык мог влиять так сильно и на р. язык.

³⁰⁷ Ср. подобное значение п. *prze* (Miklosich Vrgl. Gr. IV 438).

женился на дочери дятла из-за (ее) пестрого кожуха»; *tu par māni grūti cieti* BW 3025, 9 var. «ты из-за меня тяжело страдала»; *ka byut vusa nūsteikušę par* (в вар.: *aiz*) *munōt osorōm* BW 9189, 1 «о если бы она вся утонула за мои слезы (т. е. за то, что я должна плакать)»; *par tuo plīķi es tevi pietiesām vedišu* «за ту пощечину я тебя приведу пред суд»; *par tū, ka* Zb. XVIII 238 «przez to, że» (вследствие того, что); *par kam* LP VII 1, 201 «зачем»³⁰⁸.

Изредка *par* употребляется вместо *pa* (ср. выше стр. 155): *lai tautas meklē par dzīpariem* Bt. 1923 «пусть чужие люди ищут (тебя) в шерсти» (ср. *pa* стр. 142); *par guodam audzina* Bt. 2057 «прилично воспитывает»; *par guodam nuovalkāj'* BW 6570, 1 var. «с честью я изнашиваю» (ср. *pa* стр. 145); *par vienam skaitīdams* Bt. 71 «отсчитывая по одному»; *par* (в вар.: *pa*) *vienam nuoritēja* BW 6355 var. «по одному скатывались»; *ikviens vedējs par dālderim* Bt. 1921 «каждый провожатый по талеру»; *ikgadu isveda par vēzumiņu* Bt. 1354 «ежегодно увозили по возу» (ср. *pa* стр. 147).

Предлог *par* (как и лит. *per*, ср. Kurschat Gr. § 1469 и Барановский Зам. 64, и пр. *per*, напр. *per tēprai perdauns* Epch. 36 «zu thewr verkaufft») перед прилагательными и наречиями имеет также значение «слишком», причем прилагательные ставятся или в асс.-instr., или (реже) в пом.: *par lieku* (или *pārlieku*) «слишком»; *man par mazu* (Бенен) «для меня слишком мало»; *viņam tās drēbes par vienkāršām* LP III 1 «для него эти платья слишком просты»; *par liels* LSrg. II 303 «слишком велик»; *par daudz* «слишком много»; *par agri* (Нейгут) «слишком рано». Как смотреть на происхождение такого употребления формы *par*, для меня сомнительно. Ввиду того, что и это *par*, и то *par*, которое в сочетании с падежною формою заменяет прежний предикативный instr. (ср. стр. 161), можно передавать по-немецки посредством одного и того же *zu*, я склонен думать, что *par* «слишком» восходит к «предикативному» *par*. Такой оборот, как, напр., *viņam tās drēbes par vienkāršām*, мог возникнуть из такого оборота, как *viņam tās drēbes izliekas par vienkāršām* «для него эти платья кажутся простыми», ср. лт. *parum* (из **parvom*) «слишком мало». Так как рядом с *par gudru* «слишком умен», *par druošu* «слишком смел» издавна говорили *pārgudrs*, *pārdruošs* (ср. црксл. *пр̣богатъ*, //

³⁰⁸ [Autora eksemplārā: *par kuo // par mani tu vari darīt //*]

pr̥velik̃ и др., Miklosich Vrgl. Gr. IV 237, лт. *permagnus* и др.) или также *pārāk(i) gudrs* «слишком умный», *pārāk(i) druošs* «слишком смелый», то путем смешения могли возникнуть и сочетания *par gudrs*, *par druošs*.

Наконец, я еще приведу некоторые обороты, в которых первоначальное значение (и также первоначальная форма, *par* или *pa?*) предлога для меня неясно: *priedi par abiem varēšuoť aiznest* LP VII 1, 803 «сосну они оба (вдвоем) смогут унести»; *par niekam... nelaižat valuodiņas* BW 8782) «попусту не пускайте в огласку»; *viņš mani it par nepatiesu sītis* (Hesselberg § 314) «он меня бил совсем по несправедливости (т. е. без всякой причины)»; *deva pa ševim pokoju kur gutātu* Zb. XVIII 434 «dali osobny pokój do spania»; *sab'ert šeu kuru pa ševim sowā maisā* 450 «zsyrać kaźde osobno w osobny worek».

§ 58. Сложенные с *pār-* существительные восходят к сочетаниям предлога *par* с падежными формами: *pārgalvis* (лит. *pergalvis* с восход. инт. второго слога) «упрямец», ср. *par galvu laist* «не обращать внимания на (собств.: пускать через голову)»; *pārnuovada meitiņām* BW 291 «девицам соседней волости» (в той же песне предшествует *pār-nuovadu* — сочетание предлога с падежной формой, имеющее уже характер наречия; то же самое следует сказать о форме *pār-nuovadis* BW 9710 var.); *pārruobežu puisņiem* BW 515, 1 «парням соседней волости (собств.: заграничным)»; *niuo pār-jūras* LP VII 1, 503 «из заморья»; *pārdebešiem lit*; *pārzuobēm* ср. Etn. IV 162. Затем, некоторые сочетания предлога *par* с падежными формами употребляются в качестве наречий, имея ударение на предлоге: *pārkrustis* LP VII 1, 74 «крестнакрест»; *pārstūris* ср. ibid. 635; *pārritu* BW 8128 «каждое второе утро»; *pārdienām* или *pārdienis* «alternis diebus»; *pārkalņš* из **pārkalņis* ср. Etn. IV 162. Есть и некоторые сложенные с *pār-* адвербиальные формы: *pārtiešus* LP VII 1, 273 «прямым путем»; *pātiešā runāt* (Ошенекен) «просто (без обиняков) говорить»³⁰⁹.

§ 59. К предлогу *pār* «через» изредка присоединяется *viss* (= лит. *visas*, пр. *wissas*) «весь»: *izsējis zeltu vispār dārzu* LP III 18 «рассеял золото по всему саду».

³⁰⁹ [Autora eksemplārā: *pārdruošs* //]

В значении «поперек» предлог *par* («через») изредка заменяется формами, произведенными от *krusts* «крест» и // **šķērss* «поперечный» (: лит. *skēšas*, пр. предлог *kerscha* или *kirscha* «über», ср. Berneker Pr. Spr. 158 и 167, црксл. *чрѣсѣ*, ср. Pedersen IF V 54 слл., Torbiörnsson Liqmet. II 18 слл.): *krustim* (в вар. *krustiem* или *krustam*, ср. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 259) *ceļa* (в вар.: *ceļu*) BW 10289 или *krustis ceļu* Ltd. 4502 и 4510 «поперек дороги»; *šķērsām* (о форме ср. статью Мюленбаха l. c.) *jūru* Ltd. 4682 «поперек моря».

pie, -*p*

§ 60.³¹⁰ Форма *pie* «при» употребляется и как предлог, и как префикс, причем префикс всегда имеет эту форму, и в литературном языке и в большинстве современных говоров — также предлог; в части же говоров (Сакенгаузен, Шлек, Сарнатен, Зирген, Вензау, Пильтен, Зурс, Газау, Таргельн, Ротгоф, Попен, Анцен, Пуссен³¹¹, Угален; ср. также указания Беценбергера Lett. Di.-St. 15 слл., Spr. d. pr. L. 45 слл.) и в текстах XVI и XVII столетий предлог имеет форму *pi* (так, по всей вероятности, следует читать форму *py* старопечатных текстов). Как *pi* (а не *pī* или *pie*), вероятно, следует также читать форму *pie* у Ререгузена (Mag. XX 2, стр. 30, 31, 32, 35, 40): *ie* в правописании (*sit venia verbo!*) его передается посредством *eh* или *e*, а *i* посредством *ih*; *pie* (вместо *pi*) он мог писать по образцу нем. *die*, которое обыкновенно произносится с кратким *i*. А в других говорах (Липстгузен, Нейвакен, Оксельн, Кандау, Вирбен, Грёзен) является предложная форма *pe* (в проклитическом положении из *pie*), причем в грёзенском говоре перед гласными (по крайней мере, перед *i*) остается только *p*, напр. *p-istabas* «у избы». Предложную форму *pi* (*pie*) следует отождествлять с постпозитивным предлогом -*p* (из -**pi*),

³¹⁰ [Autora eksemplāra: cf. Sborn. filol. II 94 // *pī* Aluksne Lipna Савинцы Marienhausen Baltinov Oppekahn // Lubahn Preili Vorkova Liksna Dubena Gr-Buschhof Litene Beļava J-Gulbene Kaunata Birsen Kraslaw Josefovo Dagda Andreпно Bukm. Landskrona Dricani Raipol Tuteņi Muizincka Ramslova Jaunušani // *pī* Roseneck Warkland Alswig Ope //]

³¹¹ В песне из этого говора Lett. Di.-St. 59 мы читаем *pī*, где *i*, вероятно, продукт случайного удлинения.

который встречается в следующих формах: *turp* «туда» (*tur* «там»), *šurp* «сюда», *kurp* «куда» (о диалектических видоизменениях этих форм ср. Zubatý IF III // 124, Мюленбах Изв. IX 3, 246), *savrup* (путем перестановки из **savurp*³¹²) «в сторону»; *tejurp* LSpr. § 555 «в ту сторону»; *abējurp* U «в обе стороны»; *vienurp, uotrup* LSpr. § 555 «туда и сюда»; *lejup* LP I 4 «вниз»; *augšup* или (Mancelius Post. II 172) *augšuop* (в оригинале: *augšchohp*) «вверх»; *ârup* LSpr. § 555 «вон»; *mutup gulēt* Etn. IV 147 «лежать лицом вниз»; *paliek kâjurp* LP I 126 «не идет спать (буквально: остается на ногах)» или *kâjuop cellies* Mancelius Post. I 62 «стать на ноги»; *viruop iet* ibid. I 84 «выходить замуж (буквально: идти к мужу)». Формы *leju-*, *augšu-* или *augšuo-*, *âru-*, *viruo-*, по-видимому, представляют из себя вин. падежи, причем *augšuo-* и *viruo-* сохранили конечное *-uo* благодаря присоединению слога *-p(i)*. Что же касается форм на *-u*, как *augšū-p*, то можно думать, что после перехода конечного *-uo* в *-u* постпозитивный предлог *-p(i)* еще некоторое время был в живом употреблении, так что рядом с *augšuoop* могла возникнуть новая форма *augšup*. Форма же *kâjurp* и *kâjuop* содержит, вероятно, gen. pl. *kâju* (прежде **kâjuo*). А такая форма, как *mutup* (от *mute* «рот, лицо»), представляет из себя новообразование по образцу таких форм, как *lejup*, *augšup* и др., которые, казалось, имели окончание *-up*.

По значению ла. *pie* соответствуют лит. *prie*, пр. *prei*, слав. *pri*, а также формально — лит. постпозитивный предлог *-pi* или (с отпадением *-i*) *-p* «при, у, к», ср. Kurschat Gr. § 1477, Schleicher Gramm. 293, Bezzenberger BGLS 250 слл., Gaigalat Lit. Mitt. V 242 слл., Brückner AfslPh. XIII 565, Garbe LLD IV стр. XLII слл., Барановский Зам. 69, Wolter Lit. Mitt. IV 176, Reinhold ibid. IV 261, Osthoff MU II 8 и 32. Перед этим *-pi* являются весьма разнообразные падежные формы, о которых, может быть, я успею поговорить в другой раз; теперь же разбор их отвлек бы нас слишком далеко от нашего предмета. В старопечатных лит. текстах (ср. BGLS 250 и AfslPh. XIII 565) изредка, рядом с *-pi*, встречается также *-pe*, и Бецценбергер l. с. читает это *-pe* как *pie*, отождествляя его с ла. *pie*. По-моему же, в этом *e* мы должны видеть неточную передачу неударяемого *i*, ср. выше стр. 25. Конечное же *-i* в *-pi*, по

³¹² [Autora eksemplārā: *savruop* BB 17, 274 //]

всей вероятности, восходит к иде. *-i*. Правда, в постилле Даукши (129, 17) мы читаем *tospieg* (рядом с *wienospig* 152, 18), и вряд ли это простая опе-//чатка. Но тем не менее, по-моему, это *tospieg* не доказывает, что *-pi* восходит к **-pie*. Перед энклитической частицей *-g(i)* конечный гласный нередко сохраняет свой первоначальный вид, ср., напр., I s. pгаes. *nariuo-gi* BGLS 192, I pl. *praschomie-gi* ibid. 193, II pl. imper. *bukitie-gi, ischmanikitie-gi, parodikitie-gi* ibid. 221; при этом чаще всего оказывается *-ie* (откуда *-i* в конце слова) перед *-gi*. Вследствие этого изредка принимают *-ie* перед *-g(i)* даже такие формы, которые никогда не оканчивались на *-ie*: gen. s. *tos-ie-g* «той» Даукша Post. 191, 3, instr. pl. *tais-ie-g* «теми» 146, 8. Ввиду всего этого можно, кажется, думать, что *tospieg* представляет из себя аналогичное видоизменение более древнего *tospig*. — В мемельском наречии встречается предлог *py*, который (может быть, под ла. влиянием) ставится перед падежными формами, напр.: *py mūsū* «у нас» Lit. Mitt. I 64 (там же *pry mūsū* с тем же значением), *py tēwēs* «у тебя», *py mānēs* «у меня» ibid. 66, ср. также Bezenberger Lit. Forsch. 154.

Из тех же северных говоров Прусской Литвы Беценбергер I. с. приводит и сложные формы *pýgalvis*, или *pygalvòks*, или *pėgalvis* «подушка». Указывая, что, по сообщению тамошних литовцев, прежде там говорили (вместо *pýgalvis* или *pėgalvis*) *prýgalvis*, Беценбергер сомневается в тождестве этого *py*, *pė-* с ла. *pie*. А между тем нет никакой причины сомневаться в этом. В указанных говорах, как ниже (под *prie-*) будет показано, ударяемое *ie* переходит в *é*, неударяемое же *ie* — в *y*; *py* и *pė-*, значит, восходят к **pie* (= ла. *pie*). Если же там и прежде говорили *prýgalvis* вместо *pýgalvis*, то это не значит, что *prý-* перешло в *pý-* чисто фонетическим путем. После того как вместо предлога *prie* (> *pry*) стали употреблять *py*, также префикс *pré-*, *pry-* был заменен префиксом *pė-*, *py-*. Предлог же *prie* (> *pry*) стал заменяться формой *py*, вероятно, под латышским влиянием; но могло это случиться и без всякого постороннего влияния: так как рядом стояли (почти или совсем) однозначащие обороты, как *pry mūsū*³¹³ или *mūsumpi*, то легко мог возникнуть новый оборот **pi mūsū*, а **pi* под влиянием *pry* затем // перешло в *py*. Наконец, в тексте из Слонимского у.

³¹³ В старых текстах встречается также постпозитивный предлог *-pri*, напр. *namopri* (Bezenberger BGLS 254).

(Lit. Mitt. IV 173) мы читаем: *lesniks... žiūre pi^e stūrus*, но это *pi^e*, вероятно, не = ла. *pie*, но = лит. *apie*. Или следует читать *žiūf — epi^e* (тогда *e* из *a* после *f*), или же *žiūre 'pi^e* (ср. в том же тексте *(u)žedinėja*). В качестве глагольного префикса, насколько мне известно, *pie* в литовском не встречается (форма *pekwiete*, которую приводит Бещенбергер BGLS 247, опечатка вместо *pakwiete*)³¹⁴. — Лит. *-pi*, ла. *-p* формально соответствуют гр. *πi-* (в *πiέζω*), скр. *pi-* (в *pidayati*), ср. Osthoff MU IV 225 сл. и PBrV XVIII 243, Bartholomae Stud. z. idg. Sprachgesch. I 107, J. Schmidt KZ XXVI 23, Brugmann KVG § 596.

Остается вопрос об отношении ла. *pie* к *-p*, лит. *-pi*. Некоторые ученые (Fick BB VII 94 и Vergl. Wrtb. I⁴ 479, Bechtel в Samml. d. griech. Dialekt-Inschr. von Collitz, № 1479, стр. 54, Prellwitz BB XVII 173, GGA 1887 г., стр. 439 слл., Etm. Wrtb. 261, Kretschmer KZ XXX 571) отождествляют ла. *pie* с гр. (локр., арг.) *πoi* (= *πρός*). Но в таком случае приходится отделять *πoi* от однозначащего³¹⁵ *πoτί*, а это я (как и J. Schmidt KZ XXXVIII 19 слл.) считаю крайне невероятным. А объяснение Шмидта (*πoi* из *πoτί* в проклитическом положении) также неубедительно, так как мы не знаем ничего похожего на такой переход *-oti* в *oi*. Я сам предложил бы следующее объяснение: рядом с *πoτί* (= *προτί*, *πρός*) употреблялись сокращенные формы *πot* и *πo* (ср. Baunack в Curtius Stud. z. gr. u. lat. Gr. X 103 слл.); по образцу отношения *πoτί* к *πot* могла, пожалуй, и рядом с *πo* образоваться новая форма *πó-i*, перешедшая потом путем слияния в *πoί* (об интонации ср. Prellwitz GGA 1887 г., стр. 440). Так ли оно или нет (ср. также Hoffmann GGA 1889 г., стр. 900), во всяком случае я убежден, что гр. *πoi* не имеет ничего общего с ла. *pie*, в котором, по моему, следует видеть ла. новообразование, возникшее из **pi*³¹⁶. Имея в виду, что по значению ла. // *pie* соответствуют лит. *prie*, пр. *prei*, слав. *pri* и что в латышском, как ниже будет показано, сохранились еще некоторые следы формы *prie* в виде таких сложенных с *prie-* форм, в которых народ уже

171

³¹⁴ Форма *pibēgys* «прибежав» (LChr. 369; из дюсятск. гов.), вероятно, опечатка вместо *pribēgys*, ср. там же *pripýlē*.

³¹⁵ Prellwitz (BB XIX 305, XXII 123 и Etm. Wrtb. 258) видит предлог *πoi* также в *πoιμήν* (лит. *piemu*) «пастух», но это вполне неправдоподобно.

³¹⁶ Поэтому я считаю невероятным и то мнение (ср. Stokes // Urkelt. Spr. 30), что ла. *pie* (из **poi*) относится к *pa* (из **po*), как гр. *ένί* к *έν*.

171

перестал видеть особый префикс *prie-*, и что форма *pie* не имеет ничего вполне и несомненно соответствующего в родственных языках, — имея в виду все это, можно думать, что когда-то раньше ла. язык, подобно литовскому, употреблял предлог и префикс *prie* или (в проклитическом положении) *pri* рядом с постпозитивным предлогом **-pi*. Немного выше, говоря о лит. *py*, я уже показал, как затем мог образоваться «препозитивный» предлог **pi*, перешедший затем, под влиянием отношения *pri* к *prie*, в *pie* (откуда потом в проклитическом положении снова образовалось *pi* и в более позднее время *pe*). После того как предлог *prie* стал вытесняться формой *pie*, также и префикс *prie-* был заменен формой *pie-*, за исключением тех немногих форм, в которых уже не узнавали префикса *prie-*. Что действительно в латышском произошла такая замена префикса *prie-* посредством *pie-*, в пользу этого я укажу на следующее: в двух грамотах — 1225 г. и приблизительно 1259 г. (ср. Bielenstein Grenzen d. lett. Volksstammes, стр. 416 и 457) упоминается местность *Prebalge* (т. е. *Prie-balga*); если и допустим, что Биленштейн (ср. I. с. 83) прав, утверждая, что упомянутая местность не тождественна с современной *Piebalga*³¹⁷, но, во всяком случае, можно заключить, что современная форма *Pie-balga* — более новая, вытеснившая собою более древнюю форму *Prie-balga*.

172 § 61. Предлог *pie*, требующий обыкновенно род. падежа³¹⁸, стоит при том именном понятии, близ которого что-либо находится или происходит: *es uzaugu pie mātiņas* BW 5436 «я выросла у (своей) матушки»; *ir pie dieva tāds kuociņš* BW // 3068 «есть у бога (apud deum) такое деревцо»; *pi mūsu ciema* BV XXVIII 281 «у нашей деревни»; *pie miršanas* (Маткульн и др.) «при смерти (больной)»; *sit pie duru* (gen. pl.), *sauc pie luoga* (Экау, Etn. III 117) «стучат в дверь, зовут у окна»; *pie siena vēl nestrādā* (Hesselberg § 303) «man arbeitet noch nicht am Heu»; *pie mana brāļa tādu viltību neatradis* (ibid.) «bei meinem Bruder wird man eine solche Unredlichkeit nicht finden»; *simtiem tādu nedabuja, kā mēs ...*

³¹⁷ Уже в грамоте 1318 г. (Bielenstein I. с. 444) встречается форма *Piebalche*.

³¹⁸ В тексте 1644 г. (LChr. 121), вероятно ошибочно, стоит дат. п.: *pi sev pašam* «у себя самого», ср. также *pi šeu* «у себя» Zb. XVIII 331.

pie jāšanas, ... pie kumeļu barīšanas (Нидер-Бартау) «между сотнями не находили таких, каковы мы (т. е. таких охотников до) при (верховой) езде, при кормлении лошадей»; *teicu vārdu pie vārdiņa* BW 4256 (ср. также 4257) «я говорю слово за словом»; (acc. s.) *es māsiņ pi māsiņ* (Зурс) «мы все сестры (без братьев; дословно: я сестра у сестры)»; *viš apgulstēs pi tuo ugiņ* (Донданген, LP VII 1, 109) «он ложится спать у огня»; *pi viņu* «у него» (Первельк, ВВ XXVIII 281); *pie tuo suolišanu* (Гросс-Вюрцау) «при предложении цены» (на аукционе); *pie tuo saimnieku* (ibid.) «у того хозяина»; *biju pie brāli* (Вюрцау) «я был у брата»; *pie gaili* (другой раз то же лицо: *pie gaiļa*, ibid.) «у петуха» (ср. там же: *pie dēla* «у сына», *pie mātes* «у матери», *pie suņa* «у собаки», *pie kaķa* «у кошки», *pie cāļa* «у цыпленка» и др.); *pie tuo mācītāju* (или *pie tā mācītāja*) «у того пастора» (Паулсгнаде); *pie tuo dakteri* «у доктора» (ibid.); *pie tuo slimuo* «у больного» (ibid.); (gen. pl.) *pie vārtu gavilēju* BW 145 «я (весело) пою у ворот»; *tik pi myusu lobūs ļaužu* BW 3671, 1 «столько у нас добрых людей»; *nadzeivot pi ... boteņu* BW 3713, 3 «не жить у братьев»; *vytkš pi*³¹⁹ *vušku* Zb. XVIII 297 «волк у овец»; *meklēt pi vysu puisu* 302 «szukać u wszystkich chłopaków»; *ustobēņu pi ... vōrtu* 337 «chatkę przy bramie»; *kō pi jiusu nava* 361 «czego u was niema»; *pi tūs ļaužu* 380 «u tych ludzi»; *pie vartu* (Нидер-Бартау) «у ворот»; *pie šuo durvu* (ibid.) «у этих дверей»; *pie duju kuoku* (Обер-Бартау) «у двух деревьев»; *pie duru* (Калетен) «у дверей»; *pie svešu cilvēku* (Грамзден) «у чужих людей»; *pie puisu negulēju* (Прекульн) «у парней я не лежала»; *pie kūšu, pie bišu* (Adolphi 242) «у коровников, у пчел»; *pie māju* (Ней-Аутц, LSpr. II 307) «zu Hause»; *pi dēbešu* (LChr. 119) «на небе (н. am Himmel)»; *pie beigu* // «zu Ende» (Апшуппен, Гросс-Пёнау, Экендорф, Лутринген, Шеден, Дурен, Ванен, Вейншенкен, Струттельн, Лестен, Нейенбург, Ливенс-Берзен); (instr. pl.) *pie mājām uozuoliņi* RKr. V 64 «у усадьбы дубы».

Сюда относится употребление предлога *pie* в зависимости от глаголов со значением «держатъ, брать, хватать, вести, вешать, вязать» и др. (ср. выше стр. 18 подобное употребление предлога *aiz*): (gen. s.) *pie* (в вар.: *aiz*) *saites turēdama* BW 1843, 5 «держа за привязь»; *pie kuociņa piesiedams*

³¹⁹ В текстах, помещенных в Zb. XVIII, количество гласных не обозначено.

BW 2748 «привязывая к дереву»; *dieviņš ņēma pie ruociņas* Bt. 7 «бог взял (меня) за руку»; *pie sienas pakārt* (Hesselberg § 303) «an die Wand hängen»; *pie viena vadža pakar daudz zagļus* (Трейланд Мат., послов. 1309) «на один гвоздь вешают много воров»; (gen. pl.) *ņemšu pie matu* (Вольмар) «возьму за волоса»; *ņem viņu pie krūšu* (Жукст, Etn. III 117) «схвати его за грудь»; *pišāja jū pi vōrtu* Zb. XVIII 365 «przywiązali go u wrót»; *neķeries pie krūšu* (Вольмар) «не хватайся за грудь»; (instr. pl.) *pie ausīm turēdams* BW 4492 «держа за уши».

На том же местном значении предлога *pie* («у, при») основано его употребление в следующих оборотах: *pi simtu gadu vēcs* (Сакенгаузен) «ad centum annos natus»; *pie maza viņš ir labs* U «in Betracht seiner Kleinheit (или, быть может: несмотря на малый рост) ist es (лошадь) gut»; *neraugi viru pie cēpures* (Mag. IX 2, 320) «не суди о человеке по шапке»; *pie tā viņu var pēzīt* (Сауссен, BB XIV 117) «по тому можно его узнать».

Иногда (может быть, под нем. влиянием) предлог *pie* присоединяется к понятиям времени: *pie laika* «bei Zeiten (заблаговременно)»; *tas darbs vēl padarāms pie dienas* (Stērste 40) «эту работу нужно сделать еще днем (bei Tage)»; *pa pāram jauni ļaudis pie tā jauka rudentīna* (Калеген) «попарно (живут) молодые люди в эту прекрасную осень»; *pie dienasvidus* (Грамзден) «в полуденное время»; *pie svētdienas* U «am Sonntage».

С большею уверенностью можно усматривать нем. влияние³²⁰ в следующем употреблении предлога *pie*: *kur pie juoda* (в вар.: *vēlla*) *ciema gani* BW 743 «где, черт возьми (нем. zum Teufel), соседние пастухи».

174 Далее, предлог *pie* стоит при том именном понятии, к которому направлено какое-либо движение или действие: (gen. s.) *tec pie mana arājiņa* BW 444 «спеши к моему пахарю (мужу)»; *dēls iziet mežmalā pie rēsnā uozuola* LP III 4 «сын выходит из лесу к толстому дубу»; *pie mutītes pielikdama* BW 4121 «прикладывая ко рту»; *pie ābeles piestājuos* BW 3944, 9 «я пристала к яблоне»; *daīt jōs pi cēpla* Zb. XVIII 240 «idā one do pieca»; *dagōjuši pi... ustobys* 241 «przyszedzisy do chaty»; *pie vīra iet* «выходить замуж»; *išu pi jō* Zb. XVIII 354 «выйду (замуж) за него»; *pie kālpa iet*

³²⁰ Ср. также статью Мюленбаха DJ III 83.

(Линден в Курл.) «выходить (замуж) за батрака»; *iet māsiņa . . . pie dzērāja* Спр. 8 «выходит сестрица за пьяницу»; *pagāž pie zemes* (Бенен) «сваливают наземь»; *pie malas likt* «в сторону ставить»; *es pie sava brāļa grāmatu nuolaidu* (Hesselberg § 303) «я послал письмо своему брату»; (acc. s.) *piebrauc pi tuo lidam* LP VII 1, 109 (Донданген) «приезжает к той вырубке»; *is pi vēžu kēniņu* Zb. XVIII 353 «рójdzie за króla raków»; *pie atrait es neieš* (Постенден) «я за вдовца не пойду»; *es pie tuo viru neiešu* LSpr. II 307 «zu dem Mann werde ich nicht gehen»; *aizgāju pie savu jaunākuo brāli* (Ругенталь) «я пошел к своему младшему брату»; (dat. s.) *pi kam* «к кому (или: у кого)» LChr. 143 (из текста 1685 г.); (gen. pl.) *iesim pie zirgu* (Нидер-Бартау, Etn. II 155) «пойдем к лошадям»; *piebrauc pie duru* (Вольмар) «подъезжают к дверям»; *daīt pi durovu* Zb. XVIII 256 «приходят к дверям»; *daskfāja pi sovu cytu* 244 «przybiegł do swoich»; *it pi gonu* 297 «подходит к пастухам»; *pie citu cilvēku iet* (Грамзден) «идти к другим людям»; (instr. pl.) *aicināja savus radus pie bērziņa pumpuriem* BW 2551 «(тетерев) звал свою родню к березовым почкам»; *runcis aizvedis vilku uz muižu pie kunga aitām* LP III 1 «кот повел волка в мызу к барским овцам»; *es aizjāj pi vārtim* Bt. 1436 «я поехал к воротам»; *pie citūr* (наречие: alibi) *jāiet* (Нигранден) «alio eundum est».

Наконец, в некоторых говорах юго-западной Курляндии предлог *pie* (вместо предлога *pēc* прочих говоров) означает также цель, из-за которой происходит движение: *pie zuvu* (gen. pl.) *braukt* (Нидер-Бартау) «ехать за рыбою»; *pie zāļu iet* (ibid. и Грэзен) «идти за травой».

Старые грамматики (Adolphi 242, Hugenberger Mag. II 2, 78) утверждают, что после предлога *pie* на вопрос «где?» // ставится род. пад., на вопрос «куда?» — вин. пад.; теперь, во всяком случае насколько мне известно, такое различие не соблюдается.

175

§ 62. Сложенные с *pie*- существительные немногочисленны: *piekalne* Etn. IV 163, LP VII 1, 633 «пригорье, пригорок»; *piekalniņš* LP VII 1, 1069 «пригорок»; loc. s. *pieklēti* LP VII 1, 132 «в приклетке»; *pielievenc* (Линден в Лифл.) «род пристройки» (ср. *lievenis* в словаре Ульмана); *piekrāsns* BW 7633 var. «припечек»; *piezaris* (Амботен) «побоч-

ная ветвь»; *piesirds* (по словарю Ланге) «Herzgrube»; *pievārds* U «Beiname»³²¹.

§ 63. Ради усиления к предлогу *pie* иногда прибавляется наречие *klāt(u)*, напр. *kurhets jau stōv klōtu pi jō Zb. XVIII 452* «konik juž stoi przu nim». В некоторых говорах Средней Курляндии (Вейншенкен, Лестен) *klātu* употребляется вместо литературной формы *tuvi* «близко»; в других говорах оно имеет значение нем. «hinzu» (ср. также LSpr. § 569). О происхождении этой формы ср. Zubatý IF III 134 (менее убедительно для меня объяснение Беценбергера BV XXVII 159).

По сообщению старых грамматиков, *klāt* иногда употребляется в значении предлога *pie*; *klāt sievas*, *klāt draugiem* (Adolphi 240) «beim Weibe», «bei den Freunden»; *klāt altāra* (Stender стр. 127) «близ алтаря»; *klāti leļdiņes* (Disp. 210) «проге pascha». Теперь, во всяком случае, кажется, *klāt* не употребляется в качестве предлога.

pēs

176 § 64.³²² Предлог *pēs* «после», как указал Мюленбах (DJ III 87 слл.), по всей вероятности, образовался из формы *pēdis* «напоследок»³²³, а *pēdis* (ср. мою статью Austrums XIII 624) представляет из себя instr. pl. существительного *pēds* «стопа, след» (напр., BW 4617): лит. *pėdà* // «след»³²⁴, лт. *pes* и др.; от того же корня также гр. (диал.) *πεδά* (= *πετά*), арм. *het* «после, за» (ср. Osthoff Perf. 574). Из *pēs* в проклитическом положении образуется в некоторых говорах (Кацданген) *pec*. — Вследствие частичного совпадения в значении предлогов *pi* (*pie*) и *pēs* в наречии прусских латышей (Spr. d. pr. L. 106) образовалась путем контаминации новая форма *pic*³²⁵. — Форма *pēs* употребляется еще также в значении

³²¹ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

³²² [Autora eksemplārā: *pēdz juo Korsova* // *b'ez «pēs» Raipol* // *pēs prātam* RKr 16, 81, 140 // *pēs Birsēn* //]

³²³ Потенция же (РФВ III 193) неправдоподобно сближает лт. *pēs* с малор. *пек*.

³²⁴ Также *pēdas*: асс. pl. *pedus* у Ширвида PS 30, 32 и 32, 33.

³²⁵ Подобно этому, лит. (мемельский) предлог *pās* «по» (ср. Lit. Mitt. II 46), по письменному сообщению проф. Беценбергера, образовался из *pā* (= *po*) под влиянием лт. *pēs*.

наречия, напр.: *pirmie gani, pēc arāji, visu pēc tās jaunas meitas* (Удзен) «первыми (бывают) пастухи, потом пахари, позже всех — молодые девицы» (в сочетании *visu pēc* можно, пожалуй, считать *pēc* уже предлогом, от которого зависит ген. *visu*; но можно считать форму *visu* также за ген. *totius* в зависимости от наречия *pēc*). От наречия *pēc* образуется также сравнительная степень *pēcāk* или *pēcāk* «позже, после».

§ 65. Предлог *pēc*³²⁶, обыкновенно управляющий род. падежом, прежде всего, соответственно своему происхождению (*pēdis* «по следам»), стоит при том именном понятии, позади которого кто-нибудь или что-нибудь следует или происходит: *nebraucat blakus pa ceļu, bet cits pēc cita* (DJ III 95) «не ездите рядом по дороге, но один за другим»; *vēcš... aiznāta durs pēc vāciš* Zb. XVIII 239 «старик запер дверь за (вышедшею) старухою». Подобно *pēc* употребляется по отношению ко времени: *nāks dieniņa pēc dieniņas* BW 269, 5 «настанет день за днем»; *pēc saulītes vakarā* BW 439 «после (захода) солнца вечером»; *pēc tō* Zb. XVIII 236 «после того»; *pēc darba maize lien* «после работы хлеб вкусен (собственно: лезет)»; *pēc tāda laika* (Ливенс-Берзен) «некоторое время спустя»; (acc.-instr. s.) *pēc kādu brīdi* U «немного времени спустя»; *pēc kādu mazu laiciņu* (Ливенс-Берзен) «немного времени спустя»; *nuo šīs dienas pēc gadu atradīsi jaunas mājas* (Hesselberg § 321) «через год ты найдешь новую усадьбу»; *pēc mattei'i* Zb. XVIII 410 «ро // obiedzie»; (dat. s.) *pēc tam* «после того»; (gen. pl.) *pēc kōzu* Zb. XVIII 237 «после свадьбы»; *pēc b'ēru* 298 «после похорон»; *pēc tū treis diņu* 356 «после тех трех дней»; *pēc Jāņu* (Венден, Бенен, Удзен, Вольмар) «после Иванова дня»; *pēc svētku* (Вольмар) «после праздника»; (instr. pl.) *pēc kōzōm* Zb. XVIII 410 «после свадьбы». Сюда я присоединю оборот, вызванный, как мне кажется, славянским влиянием: *pēc rozboinīkim patyka daudz šmuku drēbu* Zb. XVIII 414 «ро rozbójnikach (по смерти разб.) zostało dużo ładnego ubrania»; это — единственный известный мне пример такого употребления предлога *pēc*.

177

³²⁶ Об употреблении этого предлога ср. также статью Мюленбаха DJ III 95 слл.

Далее, сочетание предлога *pēc* с падежною формою служит для обозначения очереди (в переносном смысле): *pēc tēva es māti nuo visiem vairāk milēju* (Rosenberger Mag. IX 2, 319) «после отца я больше всех люблю мать».

Далее, предлог *pēc* стоит при том именном понятии, за которым идут и т. п. с целью достать, получить его³²⁷: (gen. s.) *pēc uguns vien aizgāju* Спр. 190 «я пошел только за огнем»; *es atnācu pēc māsiņas* Спр. 286 «я пришел за сестрицею»; *pēc ķikuota dzeņuoities* BW 2491 «гонясь за бекасом»; (acc.-instr. s.) *nūgōja tāus pēc kēvi* Zb. XVIII 361 «poszedł ojciec po kobytę»; *nūjōja pēc tū sowlu draugu* 419 «pojechał za tym swoim przyjacielem»; *puis' atbrauc peic*³²⁸ *šituo akmeņ'* (Зельгербен Etn. IV 60) «батраки приехали за этим камнем»; (gen. pl.) *pēc džernovu* Zb. XVIII 246 «po młynek»; *mañ... pēc jiusu pakaļ jōstaigōj* 260 «мне приходится ходить за вами»; *syuta vatns... pēc jauniču* 434 «черт посылает за новобрачными»; (instr. pl.) *jei džeišiš pēc myusim pakaļ* 319 «она будет гнаться за нами»; *nūsyuta pēc... brōfim* 416 «посылает за братьями»; *viņš... brauc uz mež peic žagariem* (Зельгербен LP VII 1, 105) «он едет в лес за хворостом».

В наречии прусских латышей *pēc* (или *pic*, ср. § 64), очевидно под влиянием нем. *nach*, употребляется также для обозначения цели, куда происходит движение: *gā pēc* (или *pic*) *Kursu zemes* (Нидден Б.) «шли в (н. nach) Курляндию»; *es iemu pēc miesta* (Нидден Б.) «я иду в (н. nach) // город»; *pic tevis* Spr. d. pr. L. 106 «к тебе»; (gen. pl.) *iešu pic māju* 10, 25 «я пойду домой».

В некоторых говорах предлог *pēc* употребляется (вместо *pie* или *aiz*, ср. выше стр. 173) в зависимости от глаголов со значением «брать, хватать, дергать, вести»: (gen. s. с предлогом позади) *astes pēc zirgus jāj* BW 12769, 5 (из Руена) «ездят верхом, (держа) лошадей за хвост»; (acc.-instr. s.) *grābt pēc apakl* (Вилькенгоф Etn. III 39) «хватать за воротник»; *es viņ saķēr pēc ruok* (ibid.) «я его схватил за руку»; *vērss bļau, pēc ast rau* (ibid.) «бык мычит, (его) дергают за хвост»; (instr. pl.) *jēmt pēc matim* (ibid.) «брать за волоса»; (gen. pl. с предлогом позади) *ved tuo*

³²⁷ Ср. подобное употребление наречия *pēc*: *pēc t'ečēju*, — *nadanōču* Mag. XIX 2, 163 «я бежал за (н. ich lief nach) ..., не догнал».

³²⁸ В северозападных говорах *ē* (не *ē*) с прерывистою интонацією переходит в *ei*.

cilvēku šurp matu pēc (в словаре Ульмана из руенского гов.)
«führ den Menschen an den Haagen her».

Далее, предлог *pēc* употребляется в зависимости от разных глаголов, выражающих то или другое душевное стремление («просить, спрашивать о..., плакать по..., заботиться о...» и др.): *lai pēc manis neraudāja* BW 224, 14 «чтобы она не плакала по мне»; *pēc māsiņas raud* (Кацданген) «плачут по сестрице»; *kas pēc manis klausījās* BW 505 «которые прислушивались ко мне (к моему пеннию)»; *pēc lietus lūgties* U «молить о дожде»; (acc.-instr. s.) *mana māmiņa pēc mani raud* Bt. 350 «моя матушка плачет по мне»; *pēc tevīm lūkuojuot* BW 382, 12 «глядя на тебя»; (gen. pl.) *pēc vescu laiku prasa* (Калетен) «спрашивают о старых временах»; *es peic lin nebēdēi, man liniņ nevajag* BW 7426 «я о льне не заботилась, мне льна не нужно»; (instr. pl.) *pēc saviem matiem vaidēja* (Сатинген) «(она) стонала (тоскуя) по своим волосам».

Далее, предлог *pēc*, означая причину, соответствует р. «ради, из-за». Такое значение могло образоваться, с одной стороны, на основании оборотов, как *raudāt pēc* «плакать по», с другой стороны, на основании таких оборотов, как *vai pēc* (в вар.: *dēļ*) *kunga grūta darba man bēdigi jādzīvo* BW 648 «разве после (или уже «из-за», как показывает вариант *dēļ*) тяжелой барщины я должна грустно жить». Примеры: (gen. s.) *ne pēc tevis* (в вар.: *tevis dēļ*) *es dziedāju* BW 505 «я не ради тебя пела»; *nidēj' mani... pēc tā zaļa uozuoliņa* BW 5036, 3 «ненавидели меня из-за (срубленного мною) зеленого дуба»; *vai pēc* (в вар.: *dēļ*) *barga saimenieka jauna iešu tautiņās* BW 648 var. «разве я//из-за строгого хозяина (слишком) молодая пойду замуж»; *es nācu pēc sava vīra: es gribu likt tā dieva lūgt* Mag. XIII 1, 6 «я пришла из-за своего мужа: я прошу (за него) молиться богу (помянуть его)»; *gaŗa laika pēc* LP VII 1, 201 «от скуки»; *tā ba pēc* Mancelius Post. I 132 «потому именно» (здесь предлог отделен от управляемого слова частицею *ba*); *pēc kā*, или *kā-pēc*, или *pēc kam* (dat.), или *pēc kuo* (acc.-instr. s.) «почему» U; (acc.-instr. s.) *pēc tuo es tevi nevainuoju* U «um dieser Sache willen gebe ich dir keine Schuld»; (instr. pl.) *es nekāptu kumeļā pēc bajāra meitiņām* Спр. 255 «я бы не садился на коня ради боярских дочерей»; *pēc meitām* (в вар.: *priekš m.* или *meitu dēļ*) *ruozes zied* BW 6467, 2 «ради (для) девиц цветут розы». Перед *pēc* в некоторых говорах являются формы *manu*, *tavu*, *savi*, вызванные, вероятно,

оборотами *manu bēd(u)*, *tavu bēd(u)*, *savu bēd(u)*, о которых ср. выше стр. 86 сл.: *savu pēc* (Сауссен ВВ XII 236) «ради себя»; *manu pēc* (в вар.: *manu bēd* или *manis dēļ* или *manis pēc*) ... *zēmu acis nenesiet* ВВ 6574 var. «из-за меня (от стыда) не опускайте глаз». — Сюда присоединяются такие обороты, как *manis pēc* «что до меня касается» (н. *meinetwegen*, уступительно); *dārguma pēc* (или *pēc dārguma*) *tuovarētu gan pirkt* U «что до цены, то можно было бы это купить».

Наконец, предлог *pēc* (как и нем. *nach*) имеет значение «сообразно с, подобно»: (gen. s.) *pēc mūsu nuorunāšanas* U «по (первоначально «после») нашему уговору»; *pēc prātiņa* ВВ 11883 var. (в вар.: *pa prātam*) или *pēc* (в вар.: *pa*)... *prātiņam* (dat. s., должно быть, под влиянием дат. падежа при однозначном *pa*, ср. выше стр. 145) ВВ 7170 var., 9479 var., Etn. IV 122 или *pēc prātu* (acc.-instr. s.) ВВ 6802 «по душе (воле, желанию, вкусу, усмотрению)»; *āmuru nuolika blakus pēc ķēriena* LP VII 1, 201 «молот он положил возле (себя) удобно для хватания»; *šuo vasaru man staiģāt pēc meitinas, pēc sievinas; pēc sievinas gāļu pinu, pēc meitinas kājas avi* ВВ 10650 «в это лето я должна ходить похожею на девицу, похожею на жену; подобно жене, я заплетала волосы, подобно девице, я обувала ноги»; *pēc teļa blauties* LSpr. II 318 «nach Art eines Kalbes blöken»; *dēls pēc tēva krīt* (ibid.) «сын урождается в отца»; (gen. pl.) *pēc leitišu es dziedāju* ВВ 353 «я пела подобно литовцам»; (instr. pl.) *vienam būšu, ne visiem, pēc Laimītes likumiem* ВВ // 1946 var. «одному я достанусь, не всем, по определению Судьбы»; *es vīzītes nenuoliecu pēc savām kājiņām* ВВ 9889 «я лаптей не примерила (дословно: выгнула, scil. ношением) к своим ногам».

*pa*kaļ

§ 66. В части значений предлог *pēc* заменяется также предлогом *pa*kaļ³²⁹, представляющим собою, вероятно, сокращенную форму местного падежа от существительного *pa*kaļa (: лит. *pa*kaļa) «задница» (о происхождении этого

³²⁹ Harder (Anmerkungen u. Zusätze zu der lett. Gramm. des Hrn. Stender, стр. 58) пишет (3 раза) *pa*kaļ (вместо *pa*kaļ); ошибка ли это или действительно так где-нибудь говорили, трудно сказать.

слова ср. Leskien Nom. 27 и 165). Форма *pakaļ* употребляется еще также в качестве наречия, напр.: *dzenies pakaļ vainagam* Спр. 6 «догоняй веночек»; *pakaļ bērni netecēs* 101 «не побегут за (нею) детушки»; *man pakaļ dzīdamies* BW 5411 «догоняя меня» (ср. также BB XIV 118).

Предлог этот имеет прежде всего чисто местное значение «за»: (ген. s.) *pakaļ kruoga kaņepēs* BW 6612 «за корчмою в конопле»; *pakaļ manis staigādami* BW 5411, 10 var. «ходя за мною (н. hinter mir)»; *ei'e pakaļ manis* LChr. 149 «следуйте за мною»; *pakaļ krēsla* (Adolphi 242) «за стулом»; *viens pakaļ uotra* U «один за другим»; (acc.-instr. s.) *tēk... pakaļ mani* BW 5316 «бежит за мною»; *jāja... pakaļ mani* Bt. 392 «ездили за мною»; *pakaļ krāsni* (Adolphi 242) «за печью»; *viens brauc pakaļ uotru* (Hesselberg § 313) «один едет за другим»; *sulainis stāv pakaļ krēslu* (ibid.) «слуга стоит за стулом». Подобно употребляется этот предлог при понятиях времени: *mēs tur bijām pakaļ Ģurģa* (Цемпенгоф) «мы там были после Юрьева дня»; *pakaļ svēku* (ген. pl.; ibid.) «после праздника».

Наконец, этот предлог стоит при том именном понятии, за которым отправляются, желая догнать, достать его: (ген. s.) *pakaļ brāļa* (в вар.: *brāļam pakaļ*) *dzīdamies* BW 3647, 2 var. «догоняя брата»; *peldu pakaļ vainaciņa* (Тадайкен) «я плыву за венком»; *es aizbraucu tā akmeņa // pakaļ* (Линден в Курл.) «я поехал за тем камнем»; (acc.-instr. s.) *ej pakaļ Jāni* U «пойди за Яном» («hole den J. her»).

181

prie-

§ 67.³³⁰ Следы когда-то (ср. выше стр. 171) существовавшего предлога и префикса **prie*, как уже указал Биленштейн LSpr. § 556, сохранились в сложных формах *prie-ds*³³¹ или *prie-di* (лит. *priedai* с восход. интон.; интонация ла. *ie* мне неизвестна; срб. *príd* «Daraufgabe») «прибавка» (о форме ср. Bezzenberger BB V 319, Prellwitz BB XXII 94) и *prievis*,

³³⁰ [Autora eksemplārā: *schowac* — *asservare* — *præglabbot* Elgers 488 // *tās priedus, priedas jeb priedavas* L-Ezerē ap 1820. g. Dz. Vē. 1912. g. N 260 // *прибавка //*. — *прибавка uzrakstīts par tulkojumu virs vārda priedas.*]

³³¹ Etn. IV 166 встречается ген. pl. *priežu* от ном. s. *priedis* (как там же утверждается) или *priede*, откуда dat.-instr. pl. *priedēm* BW 14448.

пом. pl. *prievīti*, или пом. s. *prievīets* (с нисход. инт.³³² слога *prie-*; Вольмар; *prievīets* также BW 7575, 3 и в гавезенск. гов.), или *prieviet(i)s* LP I 141, или *prievētiņš* (Трейланд нар. п. № 88), или *prievīte*, или *prievītis* LSpr. § 556 «(чулочная) подвязка (собственно: привитое)». — В лит. литературном языке (ср. Kurschat Gr. § 1476) соответствующая ла. *prie-* форма *prie* употребляется как предлог и как префикс в сложении с существительными (рядом с *prīj-*; *prie* же произносится с восход. и как префикс с нисход. интонацией); глагольный же префикс имеет форму *pri-*. В старых текстах и в части современных говоров встречаются уклонения от этого правила. В качестве предлога весьма употребительна также форма *prī* (ср. Kurschat l. c.)³³³. Затем, в разных говорах, вообще сохраняющих *ie*, *prie* в проклитическом положении переходит в *prē* (ср. выше стр. 23), напр. Jurksch. 9, 11 и др., An. 72, 250 (cf. ibid. 97 *lemō lierhany*), в шавельском гов. (Lit. Mitt. I 364, 370). В северных же // пруссколитовских говорах, где *ie*, в общем, переходит в *ē*, предлог этот имеет форму *pry*, ср. Bezenberger BB IX 289, Lit. Forsch. 14, 15, 21, 26, 30, 36, 41, 42, 43, 44, 61, Lit. Mitt. II 29, I 63. По-моему, и это *pry* образовалось из *prie* в проклитическом положении, так как в этих говорах неударяемое *ie* также в других случаях перешло в *y*, ср. *žydēlis* «кольцо» Lit. Forsch. 26; *winōleka* «11», *gydūoti* «петь», *rytēt* «катиться» (Bezenberger GGA 1885 г., стр. 917; формы II s. граес., как *mākinýs* «учишься», могут иметь *-ýs* вместо *-ēs* из *-ies* под влиянием таких глаголов, которые в этих формах имеют ударение не на окончании; формы же *kýle*³³⁴ «трясогузка», ср. пр. *kylo* Voc. 771 (Фортунатов BB XXII 170¹), и *myts* «милый», ср. ла. *mīš*, имеют *y* или из пралит. *ī*, или из таких форм, где ударение не на начальном слоге). Эта же предложная форма *pry* встречается также в векшнянск. гов. (LChr. 313), в андреевск. гов. (ibid. 321; в оригинале *у*³³⁵), в кулевск. гов. (ibid. 461), где *ie* вообще

³³² Биленштейн I. с. пишет *prīwīte* или *prēwīte* и *prīds* или *prēds*; это, вероятно, значит, что он не знал интонации *ie* в *prie-*.

³³³ Форма *pri* употребляется также как постпозитивный предлог, ср. BGLS 254, причем вместо *-pri* иногда встречается *-prin*, в конечном *-n* которого Бецценбергер I. с. усматривает постпозитивный предлог *-n*.

³³⁴ Рядом с *kēle*.

³³⁵ Вообще издатель столь ценной и важной «Литовской хрестоматии» зааслуживает упреки за то, что он не провел в текстах современных говоров одинаковой графики: чуть ли не для каждого текста

переходит в *ei* (в двух последних говорах *e* в *ei* — звук средний между *e* и *i*). Кажется, что и это *pry* образовалось в проклитическом положении из *prie*. Наконец, всего один раз встретил я предлог *prei* (в оригинале *prey*) в юридич. акте Виленск. арх. 1750 г. (LChg. 270; *ie* в этом тексте вообще сохраняется). И в форме *preikālas* (рядом с *priekālas*) «наковальня» имеем мы префикс *prei-*. — Глагольный же префикс имеет также форму *prie-* как в старопечатных текстах (о чем ср. Bezenberger GGA 1877 г., стр. 1460 слл.), напр.: *prierafschiti* и др. (Tedeum), *prieim* и др. (forma chrikstima LLD II 33, 15), *preimkiet* и др. в катех. 1547 г. (LLD I 5, 32), *priestos* и др. у Виллента (LLD III 28, 27), *neprebus* и др. в постилле 1573 г. (Lit. Mitt. V 22), *priēemus* (Даукша Кат. 3, 10), *priemaiβita* (Даукша Post. 126, 5; обыкновенно же у Даукши глагольный префикс // имеет форму *pri-*), так и в части современных говоров, напр.: *priesilenkdama* из Шавельск. или Поневежск. у. (Geitler Lit. St. 28), *priekimb* Lit. Mitt. I 344, *prujam*, *prysidevi* в хвейдано-швекшнянск. гов. (LChg. 317; *ɥ = i*; в этом говоре *ie* перешло в *i*)³³⁶. В тех северных пруссколитовских говорах, в которых встречается предлог *pry*, также глагольный префикс имеет форму *pry-*, напр.: *pryžadēje* и др. Lit. Forsch. 26, 36, 41, 44, *pryskirti* и др. Lit. Mitt. I 61, *pryēite* и др. II 29 (ср. *ibid.* 44, примеч. 55); и глагольный префикс *pry-* (рядом с предлогом *pry*, ср. выше) встречается также в андреевск. гов. (LChg. 321). То, что выше сказано о происхождении предлога *pry* в этих говорах, относится и к префиксу *pry-*. Но рядом с этим диалектическим *pry* (из *prie*) существует также префикс (в сложении с существительными) *prý-* (примеры в словаре Куршата; обыкновенно с нисход. инт., но ген. s. *prytwērtines* «Verstopfung» Jurksch. 51 с восход. инт. гласного *y*), который, по-видимому, непосредственно не образовался из *prie-*. Я предложил бы следующее объяснение для этого (общелитовского?) *pry-*. Из *prie*, как уже заметил Collitz BB XVII 17, в проклитическом положении образовалось *pri* (ср. ген. s. *šiēna* рядом с *šiniālia* в вобольникск. гов. LChg. 341 и 343); поэтому я не признаю сопоставления лит. *pri* с гот. *frisahts* (по мнению Бругмана IF XIII 164, *fris-ahts*), умбр. и пелигн. *pri-* (Stokes

придуманно особое правописание, причем в части их известные знаки *y*, *ū* напрасно заменены посредством необычных *ɥ*, *ш*.

³³⁶ [Autora eksemplārā: Liet. T. I 556 //]

Urkelt. Spr. 229, Uhlenbeck got. etym. Wrtb. 50, Reichelt BB XXVI 228; об италийском *pri-* ср. von Planta Gramm. II 456). Полагаю, что прежде всего рядом с глаголами, сложенными с *pri-*, образовались отглагольные существительные с префиксом *pry-* (напр., *prýbėga*) по образцу таких соотношений, как *atókritis* (из **atákritis*) к **atakristi* (ср. выше стр. 54 слл.), *užúkritis* (Барановский Зам. 63) к **užukristi* (ср. выше стр. 108), *apýrašas* к *apirašyti* (ср. выше стр. 24)³³⁷. Но уже прежде существовали такие же отглагольные существительные с префиксом *prie-* (напр., *priespauda* рядом с *prýspauda* «притеснение»), и вследствие того, что стояли рядом однозначашие формы, как *priespauda* // и *prýspauda*, префикс *prý-* стал употребляться вместо *prie-* также в сложении с существительными (напр., *prýkelis* рядом с *priekelis* «боковая дорога»).

Ла. и лит. *prie* сопоставляется с слав. *npu*, лт. *prae* (Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 484, Delbrück Vergl. Synt. § 304, Brugmann KVG, стр. 473, Reichelt BB XXVI 227). Относительно значения ср. ла. *prie-kš* «перед» и лит. *prieodė* «Vorhaut», *priesienis* «Vorhalle» и др.; *idant atwestu karalieneį prieš weida karalaus* (Вольтер Об этногр. поездке 90) «чтобы привели королеву пред лицо короля»; *prieš zerkolieli šokyta* (Лит. нар. п. № 17) «перед зеркалом качаемая»; *dar prieš 20—30 metų* (Vilniaus žinios 1905 г. № 17, стр. 3) «еще 20—30 лет тому назад»; *paskutini karto prieš smėrti* (Lit. Mitt. IV 43) «das letzte Mal vor dem Tode»; *prieš pavietriją* (ibid. 516) «vor der Pestzeit» (о значении слав. *npu* ср. Miklosich Vgl. Gr. IV 679). Также в формальном отношении позволительно, кажется, отождествлять ла. и лит. *prie*, слав. *npu* с лт. *prae*. Правда, соответствующий пр. предлог и префикс (передающий н. *zu*, *an*, *bei*³³⁸) имеет форму *prēi* (из *prei* с нисход. интон.; в *prau* же Cat. I a, вероятно, передает открытое *e*, ср. выше § 2, Berneker Pr. Spr. 133, 134, 256, Pauli KSB VII 225). Но можно думать (в другом месте, может быть, я успею подробнее поговорить об этом), что в славяно-балтийском неударяемое конечное *-ai* (*-oi*)³³⁹ перешло

³³⁷ Поэтому, вероятно, префикс *prý-* обыкновенно имеет нисход. инт. (как *ató-*, *užú-*, *apý-*), между тем как префикс *prie-* имеет то восход., то нисход. инт.

³³⁸ Ср. также *preistattinnimai* «wir... fürstellen» (т. е. vorst.) Ench. 78, *preipist* «fürtragen» Ench. 83, *preilaikūt* «fürhalten» Ench. 19; *prei wissans* «für alle» Ench. 65.

³³⁹ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

в *-ei*³⁴⁰, откуда далее слав. *-i*, пр. *-ei*, ла. и лит. *-ie*. По устному сообщению проф. Явниса, в нижнелит. говорах вместо *priekālas* или *preikālas* употребляется форма *prakāls*, которую он возводит к **praikālas*. Сомнительно для меня, как смотреть на лит. *prei-kālas*; не заимствована ли эта форма из пр. языка (*preicalis* Voc. 517 «наковальня»)? Наконец, следует заметить, что ла. и лит. *prie*, слав. *pri* могут восходить также к иде. **prei*. //

priekš

185

§ 68. Предлог *priekš* «перед» произведен от существительного *priekša* «перед, передок» из **prie-tjā* (Bielenstein LSpr. § 575, Bezzenberger BB IX 334; о значении ср. выше под *prie-*). Согласный *k*, значит, следует считать вставочным звуком; и встречаются еще формы без *k*³⁴¹: существ. loc. s. *prieša* (Вилькенгоф РКг. XIII 83), предл. *prieš*³⁴² (Блиден Etn. IV 18; Disp. 211) или *priešan* Und. Ps. 39, 32. Рядом с *priekša* возникла (ср. выше стр. 34 слл.) форма **prieškša*, откуда *prieškšinieks* U «передник», *prekkan* Und. Ps. 3, 6, восточнола. *prīška* Lett. Di.-St. 40³. Предлог *priekš* представляет из себя сокращение формы *prieškšā* или *prieškšan* (последняя в текстах XVI и XVII столетий употребляется рядом с *priekš* в качестве предлога, напр. Und. Ps. 3, 6; Mancelius Post. I 5, здесь также *priekš*); формы же *prieškšā*, или (прежде) *prieškšan*, или также *priekš* (Изв. IX 3, 256) употребляются как наречия, напр. *las man priekš* «читай мне (н. lies mir vor)», ср. также словарь Ульмана под *prieškšā*.

Предлог *priekš*, управляющий обыкновенно род. падежом, прежде всего имеет местное значение р. «перед» (чаще, однако, так употребляется сочетание loc. s. *prieškšā* с предшествующим род. падежом, ср. LSpr. II 321): (gen. s.) *prieškš dieviņa arņēmuos nuoskumuši nedzīvuot* BW 96 «перед богом я обязалась не жить грустно»; *es priekš savas māmuļites nuoļēmuos vaiņadziņu* BW 5864 «я перед своею матушкой снимала свой венок»; *priekš tiesas taisnība jāsaka*

³⁴⁰ Ср. зельзауские (ла.) формы *ādumeis* из *ēdamais*, dat. s. *lopei* из *lapai* BB XVI 335; *lei* (Бальдон и др.) «пустить» из *lai*.

³⁴¹ Форма же *priek* (Mancelius Post. I 373), по всей вероятности, опечатка.

³⁴² [Autora eksemplārā: Disp. Kat 3× //]

(Hesselberg § 322) «перед судом следует говорить правду»; *iesim priekš tiesas* LSpr. II 321 «пойдем пред суд»; (acc.-instr. s.) *priekš tēvu* Disp. 211 «coram patre»; *priekš vaigu* LChr. 146 «перед лицом»; *lai priekš manim nerādās* Ltd. 339 «пусть не показывается перед мною»; (gen. pl.) *priekš... duru* BW 3719 «перед дверьми»; (instr. pl.) *priekš kungiem* Disp. 211 «coram dominis»; *priekš [audim]* (в вар.: *pie [autiņu]* или *pret [audiem]*) *es vēlīga* BW 125, 2 (в приложении) «перед людьми я весела»./

186

Предлог *priekš* имеет также временное значение р. «перед»: (gen. s.) *priekš saulītes, priekš gaismiņas* BW 1368, 4 «до (н. «vor») восхода солнца, до рассвета»; *priekš krāsas* LP VI 994 «до сумерек»; *lai mana pādīte priekš gada staigā* BW 1391, 2 «чтобы моя крестница ходила прежде года (т. е. не достигши еще однолетнего возраста)»; *priekš mēra* (Stender стр. 128) «перед моровою язвою»; *viņš nuogāja priekš sava brāļa* (Hesselberg § 322) «он пошел прежде своего брата»; (acc.-instr. s.) *priekš gaismiņ* Ltd. 439 (из Ангермюнде) «до рассвета»; (gen. pl.) *priekš svēt[ī]ku* «перед праздником» (Вольмар, Залисбург); *priekš Jāņu* (Вольмар, Венден, Гохрозен, Трейден, Зегевольд, Бауске) или *priekš Jāņiem* (instr. pl.; Прекульн, Амботен) «перед Ивановым днем»; (instr. pl.) *priekš desmit gadiem* «десять лет тому назад». В литературном языке (но, кажется, не в живой народной речи) форма *priekš* (с временным значением) изредка заменяется сложною формою *iepriekš*, напр. *iepriekš tiesas sākšanās* «до начала заседания (суда)» (Purariķe Savs kaktiņš 88).

В обороте *es nevaru vairs iztapt priekš tās vēcas māmulītes* BW 3274 (в вар.: dat. без предлога) «не могу больше угодить старой матушке» можно предлогу *priekš* приписывать еще местное значение «перед», но вместе с тем предлог здесь обозначает то именное понятие, для которого происходит действие. А затем, в других оборотах предлог *priekš* уже вовсе не имеет местного значения, но заменяет dat. commodi или finalem, соответствуя по значению н. *für*, р. «для, за». Как видно из приведенного примера, такое употребление предлога *priekš* могло образоваться вполне самостоятельно без всякого постороннего влияния, но, по всей вероятности, распространению его содействовало подобное значение н. *für*; переводя с немецкого, передавали сочетания н. *für* с падежными формами не одним дат. падежом, как

следовало делать, но посредством предлога *priekš* (ср. Mühlenbach DJ III 79), и под влиянием книжного языка предлог *priekš* «для, за» встречается также изредка в народных песнях. Примеры: (gen. s.) *es priekš savas ligaviņas* (в большинстве вариантов dat. без пред.) *līdz pīrtei tiltu gridu* BW 1082 var. «я для своей жены сделал мостовую до бани»; *katris priekš sevis* (Зербигал) «каждый для себя»; *cīravnieki priekš // aršanas, rāvenieki [priekš] ecēšanas* (в вар. вместо *pr. arš.* — *man aŗami* или *arāji*) BW 12684, 2 «цирауские (парни у меня) для пахания (служат пахарями), равенские — для боронения»; (acc.-instr. s.) *priekš māsiņ ganuos gāj* Ltd. 2383 (из Ангермюнде) «за сестру я ходил пасти»; *priekš dedzanšņ* (Ангермюнде) «для жжения»; *priekš tuo sēklu* (Гросс-Вюрцау) «для семени»; *priekš tevi tas nav nekas* (Hesselberg § 322) «для тебя это ничего (не значит)»; *lai priekš mani tā meitiņa* Ltd. 102 «чтобы для меня (была) та девица»; *priekš sevīm* (Броцен, Экау) или *pr. sevīm* (Венден) «для себя»; *es gāju priekš tevīm* (в вар.: *tevis dēļ*) BW 1413, 1 var. «я пошел для тебя»; *priekš manīm* (в вар.: *manis dēļ*) *galdu klāja* BW 1419 var. «для меня (мать) накрывала на стол»; *priekš tevīm tečēdama* BW 4660 и 4662 «для тебя бегая»; *lai tā auga priekš manīm* BW 6380 var. «чтобы она росла для меня»; *lai es varu lūkuoties priekš sevīm ligaviņu* Ltd. 2213 «чтобы я мог высматривать для себя невесту»; *vai bijuši, nebijuši priekš maniem* (в вар.: *manis dēļ*) *šitie puīši* BW 9809, 4 «для меня (все равно), существуют ли эти парни или нет»; (gen. pl.) *priekš tautiņu kuoši dziedu* BW 1001 «для (или в присутствии?) чужих я красиво пою»; (instr. pl.) *kam bij man asariņas priekš citiem birdināt* BW 4054 «к чему я должна проливать слезы для (или в присутствии?) других»; *lai stāv... vaiņadziņis priekš bajāra meitiņām* BW 5016 «пусть останется веночек для боярских дочерей»; *priekš meitām* (в вар.: *meitu dēļ*) *ruozes zied* BW 6467, 3 и 12076, 5 «для девиц цветут розы»; *mani auklējuse priekš ļautiņu valuodām* BW 8575 «нянчила меня для людских пересудов (т. е. чтобы люди могли сплетничать обо мне)»; *iestādišu uozuoliņu priekš jaunām meitiņām* Ltd. 2211 «я посажу дуб для молодых девиц».

Явный германизм (может быть, даже вовсе не встречающийся в устах народа) следует видеть в обороте *priekš suņu* (instr. s.) *bities* (Stender стр. 128) «sich vor dem Hund fürchten».

§ 69. В части говоров и иногда также в литературном языке предлог *priekš* «перед» заменяется предло-//гом *pirms*. Форма *pirms*, сокращенная из *pirmis* (ср. ВВ XXVII 316) и имеющая еще также значение наречия («прежде») или союза («прежде чем»), произведена от числительного *pirmais* (с нисход. интон. в Вольмаре, с прерывистой инт. в инфлянтском нар.) «первый». Рядом с *pirms* встречается также предложная форма *pirma* или (в сокращенном виде) *pirm* (о форме ср. статью Мюленбаха Изв. IX 3, 260). Также в литовском от *pirmas* «первый» (: пр. *pirmas*, англосакс. *forma* Нирт РВгВ XXIII 298, кельтск. * <p> rmo- «vor» Stokes Urkelt. Spr. 38) произведены наречия *pirmà* или *pirmai* «прежде» и предлог *pīrm*, или *pirmà*³⁴³, или *pirmai*. В обоих языках происходит также перестановка слога *-ir-*: ла. *primš*³⁴⁴ (Сауссен ВВ XII 234)³⁴⁵, лит. *prim* (Cappeller Kaip senieji Lietuvininkai guveno 30, 14). О конечном *-š* (вместо *-s*) ла. формы я не могу сказать ничего определенного, так как неизвестно, возникло ли *-š* путем чисто фонетического развития (*-mš* из *-m(i)s*, как *sāņč* из **sāņš* из **sāņ(i)s*, ср. статью Мюленбаха I. с. 259) или же под влиянием каких-нибудь других наречий на *-š* (при *-s*).

Предлог *pirms* или *pirm(a)* имеет то же временное значение, как и предлог *priekš*: (gen. s.) *pirma saules lēkta* (Оппекальн Mag. XIII 1, 23) или *pirms saules lēktas* LP VII 1, 310 «до восхода солнца»; *pirms Jurgā* LP VII 1, 1243 «до Юрьева дня»; *kotrys pyrma manis byja* LChr. 146 «который был прежде меня»; *pirms viņa* (Adolphi 243) «прежде его»; *pirms mēra* (Stender стр. 128) «перед моровой язвой»; *pirms tās apsēdēšanas* LChr. 130 «до осады»; *pirms saulītes* BW 6496, 5 «до (восхода) солнца»; *pirms aizbraukšanas* (Purapuķe Sava kaktiņš 97) «перед отъездом»; (acc. instr. s.) *pirms laiku* (Mancelius Post. I 8) «преждевременно»; (gen. pl.) *pirm triju nakču* (литуанизм вместо *nakšu*) Spr. d. pr. L. 106 «vor drei Nächten»; *pirma lieldienu* (Оппекальн Mag. XIII 1, 28) или *primš lieldienām* (instr. pl.; Сауссен ВВ XII 234) «vor Ostern»; (instr. pl.) *pirms cztter-*

³⁴³ Форма *pirmo*, которую приводит Бещенбергер BGLS 71 из библии Бреткуна, может быть, описка.

³⁴⁴ [Autora eksemplārā: Mag. XIII 3, 56 //]

³⁴⁵ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.].

paddesmette gaddems (Ев.) «14 лет тому назад»; *pirms kariem* (Adolphi 243) «vor dem Kriege»; *pirms mousim* или *pirms mousu augu-//mim* (Ильзен) «до нас (до нашего поколения)». — Подобным образом употребляется и лит. предлог: *skūbikitės prisiwālgyt pirm manē* (Jurksch. 32) «beeilt euch mit dem Sattessen vor mir»; *pirmai scha cziesa* «vor dieser Zeit» в лит. грамоте 1589 г. ВВ II 119; *pirma tas dwilikas metų* в постилле 1573 г. (Lit. Mitt. V 241); *prim vinczevū* (Cappeller Kaip sen. Liet. gyv. 30, 14) «перед венчанием». Лит. предлог имеет также местное значение «перед»: *ugnis eis pirm io* (Даукша Post. 14, 6) «огонь пойдет перед ним»; *pirma jos lėkė gegutė* Lesk.-Brugm. 99 «перед нею летела кукушка»; *kitūs pirmà savės variaú* (Cappeller I. с. 9, 25) «других я гнал перед собою»; ср. также Kurschat Gr. § 1470, Schleicher Gramm. стр. 280. Ла. же предлог местного значения, кажется, не имеет: оборот *pirm namo* «перед домом» из первельского гов. (ВВ XXVIII 281) можно считать литуанизмом.

pret

§ 70. Предлог *pret*³⁴⁶ «против» правильно сопоставляется с белор. *преци*, п. *przeciw*, малор. *проти*, чеш. и словинск. *proti*, каш. *procim*, црксл. *противъ* (Miklosich Etym. Wrtb. 266 и Vrgl. Gr. IV 561 и 633 слл.), лт. *pretium* (Prellwitz ВВ XXIII 251 слл., Brugmann IF XIII 87 слл. и KVG стр. 473), гр. *πρῶτι*, *πρός*, скр. *prāti*, *prāti*- (Osthoff MU IV 245 слл. и 383). Но вряд ли ла. *pret* непосредственно восходит к иде. **preti*: против этого говорит то обстоятельство, что *pret* не употребляется в качестве префикса и что другие славяно-балтийские языки не знают форм, которые бы непосредственно восходили к иде. **preti* или **proti*. Поэтому я скорее согласен с Биленштейном, утверждающим LSpr. § 574, что предложная форма *pret* сокращена из адвербиальных форм (произведенных от иде. **preti*). Формы эти следующие: *preti*, *pretē*, *pretę*, *pretie*, *pretim*³⁴⁷, *pretim*³⁴⁸,

³⁴⁶ В сауссенском гов. (ВВ XII 235) из *pret* образовалось *prat* (паречие же имеет форму *pretij*), как *as* «я» из *es* и др. (ibid. 217).

³⁴⁷ Форма *pretim* не образовалась из **pretm*, // как полагает Prellwitz GGA 1887 г., стр. 441 (**pretm* дало бы **preti*), но представляет из себя форму instr. pl., как указывает Мюленбах I. с.

³⁴⁸ [Autora eksemplārā: *pretim ligavinu* Laudohn //]

pretiem (ср. статью Мюленбаха Изв. // IX 3, 243 слл. и 255 слл.) или *pretin* (Линден в Курл.) «напротив, навстречу». Биленштейн I. с. и Мюленбах I. с. 256 приводят также адвербиальную форму *preti*; и Бещенбергер (ВВ XXVII 158) говорит, что это *preti*, может быть, восходит к *pretie*. Но Биленштейн и Мюленбах не сообщают, откуда они взяли форму *preti*, из книг ли (где количество конечных гласных обозначается непоследовательно), или же из уст народа, и если из уст народа, — из какого говора: из говора ли, сохраняющего долготу конечных гласных, или же из говора, сокращающего долгие гласные суффиксальных слогов. Я, во всяком случае, формы *preti* нигде не слышал (а книжную форму *preti* можно читать как *preti*); если же она действительно где-нибудь встречается, то я скорее считал бы ее сокращением из *preti*, а не из **pretie*. — Большинство приведенных адвербиальных форм, как ниже увидим, употребляется в старопечатных текстах и в народных песнях также в качестве предлога. А в текстах XVI и XVII столетий встречается также предложная форма *prettib* (Psalmen² 60^b) или *prettibe* (Kat. 10, 27), о происхождении которой я не могу сказать ничего определенного, не зная, как ее следует читать (*pretib* или *pretib*). — В инфлянтских говорах (ср. Wolter AfsI Ph. VIII 636; другие места будут ниже указаны) вместо и рядом с *pret*, *pretim* употребляются формы *pet*, *petim* (иногда в одном и том же предложении встречаются форма с *r* и форма без *r*, напр. *vīns pēt*³⁴⁹ *vinu pētīm* Zb. XVIII 490 «jeden przed drugim»). Если это *pet(im)* не возникло как-нибудь на латышской почве из *pret(im)*, то эту форму следует сближать с з. *paiti*, перс. *patiy* (Bartholomae Altiran. Wrtb. 822 слл.), гр. *παῖτι*, *πόσι*, *πετα*-³⁵⁰ (Prellwitz Etm. Wrtb. 261, Delbrück Vergl. Synt. § 286, Brugmann KVG § 612).

- § 71. Предлог *pret* имеет прежде всего местное значение р. «против» и служит как для обозначения место-//положения, так и для обозначения направления: (gen. s.) *preti*³⁵¹ *kalna tēcēdams* Ltd. 4736 «бежа в гору»; *matus pret debess sacēlis* (RKr. VII заг. 146) «подняв волосы к небу»; *kam tā sēta*

³⁴⁹ *p* из *p* в положении перед *e*.

³⁵⁰ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

³⁵¹ Как уже выше сказано, книжную форму *preti* следует, может быть, читать как *preti*.

pretim kalna BW 3687 «чей тот двор напротив горы»; *pret saules* (Stender стр. 128) «nach der Sonnen zu»; *pret ziemēļa* (Hugenberger Mag. II 2, 80) «πρὸς βορρᾶν»; (acc.-instr. s.) *zied ābele pret ābeli, ... dzied māsiņa pret māsiņu*³⁵² BW 251 и 252 «цветет яблоня насупротив яблони, поет сестрица насупротив сестрицы»; *dzied, māsiņa, tu pret mani* BW 241—4 «пой, сестрица, насупротив меня»; *pret vējiņu ausi griežu* BW 225 «я поворачиваю ухо к ветру»; *pret kalniņu* (в вар.: *preti kalna*) *netecēja* BW 997, 1 «(река) в гору не текла»; *kāpu pret kalniņu* BW 4544 «я поднималась в гору»; *balli bērzi, mēlni elkšņi cits pret citu luocijās; mani ... bāleliņi cits pret citu klanijās* BW 3449 «белые березы, черные ольхи нагибались друг против друга; мои братцы кланялись друг другу»; *pret saulit' sildijuos* (Трейланд нар. п. № 379) «на солнышке я грелся»; *pret straumi*³⁵³ LP VII 1, 691 «против течения (плыть)»; *tas mācēja laivu griezt: preti vēju, pret ūdeni* Спр. 2 «он умел лодкой править: против ветра, против течения»; *atasēda pret ... luogu stenderiti* Спр. 206 «уселась против оконного косяка»; *sienu kast pretim rīta ausēkliiti* Спр. 310 «сено грабить насупротив утренней звезды»; *rasa pret sauliti spīd* BW 6090 «роса на солнышке блистает»; *spīdi, ... mēnestiņi, pretim manu ... luogu* BW 6827 var. «сияй, луна, против моего окна»; *atsasādu ... pret'eim* (из *pretim*) *sovu pālōjeņu* BW 8337 «я уселась против своего поносителя»; *laivu iru pretim meitu māmuliņu* BW 11051 «я греб (сидя) в лодке навстречу матери дочерей»; *sniedz, meitiņa, savu ruoku pretim daiļu tēva dēlu* BW 11809, 6 «протяни (= подай), девица, свою руку (к) красивому // юноше»; *nūstōj pet tū catmu* Zb. XVIII 290 «staje przed tym pniem»; *stōvāja pet jū* 355 «stanął przed nią»; *it pet ragani* 396 «išć przed smoka»; *pataiseja pretim pet azari šmuku dōrzu* 410 «zrobila przed jeziorem ładny ogród»; *izarunōji pet sīvu* 442 «wygadaleś się przed żoną»; *nūjēms capuri pet bažņiņkungu* 484 «снял шапку перед священником»; *pret ziemēli* «к северу»; (instr. pl.) *prat ritiem* (Caussens BB XII 235)

192

³⁵² В этом же стихе из инфлянтского наречия Mag. XIV 2, 181 после *pret* следует dat. s. (*ōb'eļai, mōšeņai*); может быть, что *pret* имеет тут значение наречия.

³⁵³ Тут же немедленно следует оборот *pretstraumes zāli* «траву (плавающую) против течения»; сочетание предлога с падежной формой, сделавшись определением другого существительного, слилось в одно слово, принявшее форму род. падежа, весьма употребительного в таких оборотах, ср. выше стр. 67.

«gen Osten»; *pret... vārtiem* LP VII 1, 57 «напротив ворот»; *es taisiju rožu dārzu pret saviem luodziņiem* BW 11174 «я завел розовый сад против своих окон»; *vilkam aste stāvu stāv pret* (в вар.: *uz*) *debešiem* BW 12998 «у волка хвост поднят вверх к облакам»; *nūstōsim pēt toām acīm* Zb. XVIII 433 «мы станем пред твоими глазами»; *jōj pēt tūgim* 455 «jedzie pod oknami»; (наречие) *pretkalnis* (из **pret kalnis*) LP VII 1, 1159 «в гору». — Сюда я отношу также оборот *vaiņadziņu pret celmiņu sadauziju* BW 10125 (10126 и 10127: *pie celmiņa*) «веночек я разбила о пенек».

В подобном смысле предлог *pret* употребляется в сочетании с понятиями времени: *pret vakaru* LP III 2 «к вечеру (н. gegen Abend)»; *pret gaismu meita pārradusēs* LP III 27 «к рассвету (πρὸς ἡῶ) девушка вернулась».

Уже в части приведенных примеров предлог *pret* удобнее передавался посредством «перед», чем посредством «(на)-против», и это неудивительно, так как «напротив» и «перед» близко родственные понятия. А в инфлянтских текстах этот предлог иногда затем (может быть, под влиянием похожего по звукам р. *pred*) имеет исключительно значение р. «перед»: *koza velejōs; voi pret snīga, voi pret teita* (Вольтер Mat. 109) или *voi pēt snīgu, voi pēt teitu* (ibid. 110) «коза мылась; разве перед снегом, разве перед дождем»; *kai b'eja pēt šmerti* Zb. XVIII 374 «jaka byta przed śmiercią»; *atskriņ pēt jū* 432 «biežu przed niego»; *jis nūgōja pēt ševim raudōdams* 417 «poszedł on przed siebie płacząc»; *kotrys sataisī cēti tovu pret t'evim* LChr. 146 «который выравнивает твою дорогу перед тобою».

Далее, предлог *pret* (как и гр. πρὸς) стоит при том именном понятии, по отношению к которому что-нибудь происходит или бывает: *sak' pret tēvu, māmuliņu* BW 6416, 4 var. «εἰπὲς πρὸς τοὺς γονεάς»; *peļat mani, neteicat pret* (в вар.: *priekš*) *tautām* BW 8807 «поносите меня, не хва-//лите перед чужими» (но лат. *pret* показывает, что действие не только происходит в присутствии ч., но и обращено к ним); *es pīžvētējūs pēt t'evim* Zb. XVIII 428 «ἔφρουρι πρὸς σε»; *pret tautām liela slava* BW 7544 «перед чужими (у тебя) большая слава (т. е. чужие с похвалой отзываются о тебе)»; *maza mana atjautiņ' pret svešuo māmuliņ'* BW 4341 «невелика моя находчивость против мачехи»; *lai kauniņa man nebij pret* (в вар.: *nuo*) *citām māsiņām* BW 9481 «чтобы мне не было стыдно других сестриц»; *tā stāv puiša dvēselite pret* (в вар.: *uz*) *jaunām meitiņām*

BW 12998 var. «так стремится душа парня к молодым девицам»; *mīlestības* (gen. s.) *pretī dievu* (Mancelius Post. I 239) «любви к богу»; *viņš laipnīgs pret ikkatru* U «он со всеми ласков». — Особенно часто предлог *pret* «против» служит для выражения враждебных отношений: *preti(m) vēlnu* (в вар.: *vēlla* или *vēlnam*) *krustu metu* BW 10133, 4 «против черта я крестилась»; *karu pretī judiem* LChr. 125 «войну против иудеев»; *pret likumu* «против закона».

Далее, предлог *pret* стоит при том именном понятии, которому противопоставляется (с целью сравнения) что-нибудь другое: *zeme pret sauli maza* LSpr. II 320 «земля сравнительно с солнцем невелика»; *vilks nav nekas pret lāci* (ibid.) «волк ничего (не значит) сравнительно с медведем»; *lavs zirgs pret manu zirgu nav rēķinājams* U «mein Pferd gegen mein Pferd gehalten ist nicht der Rede wert»; *nākat piecas rīdzenieces pretim vienu kabilnieci pie vērpšanas* BW 6874, 2 «идите сюда, пять рижанок, (состязаться) с одною кабилянкою в прядении»; *kuo, meitiņa, lielījes pret tuo* (в вар.: *preti*) *puiša augumiņu* (в вар.: *preti(m) puiša augumam*) BW 11940 var. «к чему ты, девица, величаешься перед ростом парня»; *kuo lielais labu dara preti mani mazākuo* BW 5334 «что хорошего большой делает (больше) сравнительно со мною, меньшею». — Иногда предлог *pret* получает, по-видимому, значение предлога *līdz* (ср. выше стр. 79) «наравне с»: *pušķuojies, sērdienīte, pret bajāra meitiņām* BW 4581, 1 «наряжайся, сирота, наравне с дочерьми богача»; ср. BW 4631 и оборот *es šim zirgam pretinieku nemāku atrast* U «ich kann kein Pferd gleicher Güte finden».

Наконец, предлог *pret* стоит при том именном понятии, взамен которого что-нибудь дается или берется (ср. лт. *pretium* с вышеуказанною литературою): *dabūjis // pret samaksu mazus putniņus* LP VII 1, 766 «получил за плату маленьких птичек»; *es neņemšu nezeltītu pretī savu vaiņadzīņu* BW 6397 «я не возьму непозолоченного (кольца) взамен за свой веночек»; *es nemītu pieci bēzri pret tuo uoša pagāli*; *es neņemtu pieci brāļi pret tuo vienu tautu dēlu* BW 9783 var. «я бы на пять берез не променяла ясеневую полена; я бы на пять братьев не променяла одного жениха».

-pus

§ 72. В качестве предлога, обыкновенно требующего род. п., употребляется сокращенная форма loc. s. форм, сложен-

ных с *puse* (= лит. *pūsė*; пр. *possi-sawaite* «Mittwoch» Berneker Pr. Spr. 249) «половина, сторона»: (от *šis* «этот») *šīpus Sluokas* «по сю сторону Шлока» (Каугерцем), *šīpus tuo kapu* (gen. pl.; Нидер-Бартау П.) «по сю сторону кладбища», *šaipus kalna* «по сю сторону горы» BW 376, 4, *šīnīpus upes* «по сю сторону реки» (Петергоф), *šīmīpus Gaujas* «по сю ст. р. Аа» (Каугерсгоф), *šīmpus Gaujas* «по сю сторону р. Аа» (Зербигал), *šīmpus up* (acc.-instr. s.) «по сю ст. реки» (Лемзал РКг. XIII 89¹); (от *viņš* «тот») *viņāpus Daugaviņas* «по ту сторону Двины» BW 11066, *viņpus jūras* «по ту ст. моря» (Трейланд нар. п. № 40), *viņpus³⁵⁴ purva* «по ту ст. болота» BW 12459, 3; (от *uotrs* «другой») *uotrpus meža* «за лесом» LP I 13, *uotrpus tuo dižceļ* (acc.-instr. s.) «по ту сторону столбовой дороги» LP VII 1, 109 (из Дондангена); (от *leja* «низменность») *lejpus Sērpils* «infra Sērpilim» (название местечка на р. Двине) LP VII 1, 109, *lejpus dzirnavām* «infra molas» (ibid. 1299); (от *virsus* «верх») *virspus kuoduma* «supra morsum» (ibid. 1258); (от *augša* «верхняя часть») *augšpus ligzdas* «supra nidum» (ibid. 690); (от *ārs*, ср. выше стр. 52, и *iekša* «внутренность») *iekšpus savas tiesas dari, kā tikams, ārpus tās, kā atļauj citi* (Stērste 40) «внутри своих владений поступай, как угодно, вне их, — как позволяют другие»; *ārpus duru* (в вар.: *aiz durvīm*) *klausījuos* BW // 8603, 1 var. «я подслушивал за дверьми». Иногда встречаются также формы (полные или сокращенные) acc.-instr. s.: *viņu pusi Daugavēnis* BW 11459¹, 1 или *viņpus Daugaviņas* 11064 var. (в вар.: *aiz Daugavas*) «по ту сторону Двины». Ср. лит. предложные формы *anāpus* и *abypusiaī* Kurschat Gr. §§ 1431 и 1433.

В народных песнях изредка встречается также предлог *pus* или *puši* вне сложения со значением «посреди» или «до середины»: *dvēselīte pus-debešu karājās* BW 6272, 9 и 13141, 2 «душа висела посреди неба»; *jau sietiņš puši rīta* BW 6782¹ var. «уже Плеяды на полпути к утру (дословно: посреди утра)»; *lai mana pādīte pus-gada staigā, līdz gadam* (в вар.: *pa gadu* «через год») *runā* BW 1391, 1 «чтобы моя крестница ходила по прошествии полугода, говорила до истечения года»; *es uzaugu pus mežiņa, vaiņags līdzī meža*

³⁵⁴ *-puš* вместо *-pus* под влиянием формы *puš-* из (loc. du.) *puši*, употребляемой (ср. ВВ XII 231) рядом с *pus-* «пол-» в первой части сложных форм; ср. лит. *pusiūnaktis* «полночь».

galu BW 5313, 2 var. «я выросла (высотой в) пол-леса, венок (был) на одной высоте с верхушками леса»; ср. лит. *kaip tū nėšt, ar pāžemju, ar pūsēj mēdžiū, ar... par viršū mēdžiū* (LChg. 375, 24; из дусятск. гов.) «как тебя нести, — вдоль по земле, или на половинной высоте деревьев, или поверх деревьев».

В народных песнях изредка вместо *-pus* встречается *-mal*: *šaimal grāva tautas jāja, viņmal grāva bāleliņi* BW 10617 «по сю сторону рва ехали чужане, по ту сторону рва — братцы». Это *-mal* сокращено из loc. s. *malā* от *mala* «берег, край, сторона», родственного с лит. *lyg-malis* (Kurschat) «bis zum Rande voll»³⁵⁵, црксл. *из-молѣти* «eminere» (Miklosich Etym. Wrth. 200), алб. *mal* «гора» (G. Meyer Etym. Wrth. 256 слл.), ср. также Persson BB XIX 269, Stokes Urkelt. Spr. 203, Zupitza IF Anz. XIII 50. //

sa-, suo-

196

§ 73.³⁵⁶ Форма *sa* «с(о)-» употребляется только в качестве глагольного префикса. В литовском встречается префикс и предлог *sa*, но только в некоторых старопечатных текстах, ср. BGLS 246 и 248 (префикс также у Виллента, ср. LLD III, стр. XLI и в псалтыри 1625 г.: III fut. *saes* пс. XXI 10, III praes. *sadæginna* пс. LXXXIII 15, III fut. *samusch* пс. CX 5), и в некоторых современных говорах, а именно в части юго-западных говоров Прусской Литвы, ср. Bezzenberger BB XIII 146 слл. Как тут же Бецценбергер указывает, префикс *sa-*, вероятно, заключается также в форме *salik*³⁵⁷ «bis an» (Lesk.-Brugm. 343; *-k* из *-g*; ср. *sulýg* у Куршата). Затем, встречается еще префикс и предлог *sa* также в говорах Слонимск. у. Гродненск. губ. (Lit. Mitt. IV 168), но так как эти говоры

³⁵⁵ Лескин (Nom. 64) приводит также лит. *mala* «страна» из Lit. Stud. Гейтлера, взявшего это слово из сочинения Довконта; но, вероятно, прав Брюкнер, считающий (Fremdw. 22) форму *mala* у Довконта заимствованною из ла. языка.

³⁵⁶ [Autora eksemplārā: *su-mazgas* // *makstāvs* RKr. 17, 137 // *sūplok sūmozgys* Birsen // *sūplak sūmazgas* Baltinov // *sūmazgas* Roseneck, Marienhausen // *sūomazgas* Odensee, Erlaa // *sūovara* (= klūga) Erlaa //]

³⁵⁷ В словаре Юшкевича под *atkálnė*: *salýg*.

вообще отличаются многочисленными славянизмами³⁵⁸, то позволительно думать, что *sa* вместо *sū* возникло в Слонимск. у. под влиянием р. *so* (рядом с *sa* I. с. один раз даже встречается еще *so*). Это ла.-лит. *sa* следует отождествлять³⁵⁹ с гр. -ὀ- (в ὄφραος, ὄτριχες, ὄπατρος и др.) из *ō- (из иде. *so), ср. Solmsen KZ XXXV 467, Kretschmer KZ XXXVI 268, Prellwitz Etm. Wrtb. 217. Рядом с *so // в иде. праязыке существовала форма *som. И из этого *som, как указал Bezzenberger BB XIII 147 слл., образовался ла. префикс *suo-*, встречающийся в следующих (диалектических) сложных формах: *suomazgas* «помои» (в Одензе, где длительная инт. совпала с нисходящею, *uo* с нисход. интонацією), *suoblakam* «вместе» (по сообщению Бецценбергера I. с., в Сауссене), *suovaras* «Bindeholz an einer Holzegge» (ibidem; также LP VII 1, 1253), *suovārdis* U «Namensvetter», *suobars* U «ein Opfer» (= лит. *sambaras* «Steuer» BGLS 320), *suomęsti* или *suomęstavas* U «Kummetschnur», *suomiski* (о значении см. словарь Ульмана), *suoraibs* U «Zwiespalt», *suovisti* U «Kinderwindeln» (в «Lettus» Манцелия это слово дается в форме *sohwista*). Затем еще в словаре Ульмана даются сложные глаголы *sowihst* «свертывать» и *sowihst* «завядать» (из Кокенгузена); но сомнительно, как их следует читать (о у Ульмана имеет значение о и *uo*). Префикс *suo-*, как указывает Бецценбергер I. с., с глаголами обыкновенно не слагается, и если, в самом деле, следовало бы читать *suovist*, то я мог бы себе объяснить эту форму только как видоизменение обыкновенной формы *savist* под влиянием существительного *suovisti*. Но, может быть, следует читать *sovist* или *sāvist*: в том наречии, из которого Ульман приводит свое

³⁵⁸ Так, вероятно, и окончание *-ai* для instr. s. основ на *-ā* в тех же говорах возникло под влиянием р. *-oi*: *sa sawai bobai* (I. с.) «со своей бабой».

³⁵⁹ Менее вероятно Бецценбергер (GGA 1887 г., стр. 418 и BB XXVII 146) возводит *sa* к иде. **sa*, отождествляя его с гр. ἄ- (в ἀλεύω и ἀλύω); гр. *α* может восходить также к сонанту *m*, и с иде. **se* (ср. Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 136) правильно чередуется **so*. — Вполне невозможна гипотеза Зубатого (O alliteraci 5¹), по которой ла. префикс *sa-* образовался путем неправильного разделения глагола *saņemt* (по мнению Зубатого, из **san-jemt*) на *sa-ņemt*. Префикс *sa-*, как указано, встречается также в литовском, где нет глагола, соответствующего ла. *ņemt*, а ла. *ņemt* возникло путем смешения однозначных форм *ņemt* (в северных говорах Лифляндии, напр. в Руене) и *jemt* «братъ», как догадался уже Wiedemann (Prät. 69), не знавший даже о существовании глагола *ņemt*.

sowihst, а перед широкими гласными следующего слога переходит в *ā* или *o*; в форме *sowihst*, правда, во втором слоге стоит гласный *ī*, перед которым *a* не переходит в *o* (*ā*), но можно думать, что форма префикса *so-*, возникшая правильно перед широкими гласными, была впоследствии обобщена, ср. формы *dāiet* «доходить» (Линден в Лифл.), *pozīnu* «я знал» (Одензе). Латышскому *suo-* точно соответствуют лит.³⁶⁰ *sam-* (в *samdas* «Miethe», *samdīti* «miethen» Leskien Nom. 49, Бодуэн де Куртенэ Филол. Записки XVI вып. I 18, Meillet Études I 162), или *sān-* (напр., *sāndora* «Eintracht»), или *sā-* (напр., *sāžinē* «Gewissen», *sānaris* «G lied»), пр. *san-*³⁶¹ (в *saninsle* «Gürtel» Voc. 485, ср. // *sompisinis* «Grob brot» Voc. 340, где *som-* из **sam-*, ср. Бернекер Pr. Spr. 253), црксл. *сж-*³⁶² (в *сжсѣдѣ* и др., ср. Miklosich Etym. Wrth. 315 и Vrgl. Gr. IV 245), скр. *sām*, з. *ham*, ср. Delbrück Vergl. Synt. § 288, Brugmann KVG § 619 (арийские формы могут, впрочем, восходить также к иде. **sem*). — Беценбергер (BB XIII 148) приводит из словаря Ульмана еще формы *sumazgas* (из Оппекальна) «помои» и *sunāki* (из Ауца) «Gefolge» и считает их *su-* литуанизмом. Относительно формы *sunāki* Беценбергер, вероятно, прав, так как Ауц граничит с литовской территорией, но в Оппекальне, лежащем далеко от Литвы, трудно искать литуанизмы. И Etn. II 97 приводится наречие (из Лубана) *suplak* «подле». По-моему, вероятно, следует читать *sūmazgas* и *sūplak*³⁶³ (с восточнола. переходом *uo* в *ū*; ср. вышеупомянутые формы *suomazgas* и *suoblakam*); если же эти формы действительно имеют краткое *u*, то следовало бы допустить, что когда-то и в латышском встречалась форма *su*, известная из литовского языка.

³⁶⁰ [Autora eksemplārā starp 196. un 197. lpp. atrodama no drukāta teksta izgriezta zīmīte, kur 1) rakstīts ar autora roku: Слоним. у. Viltis 1908, 125 //; 2) drukāts: 14. *Bernas sā mergāte* «chłopczyk z // dziewczyną». Zyteliškių bernas yra // «chłopiec, kawaler», *jaunikis* gi «ka-//tras eit pas kita gaspadorių slūžyt». //]

³⁶¹ Соответствующий же глагольный префикс и предлог в прусском имеют форму *sēn* (из *sen* при нисходящей инт.), соответствующую старолит. *se-* (в acc. s. *sęžinę* BGLS 56), герм. *sin-* (Bezzenberger BB I 337, Osthoff Perf. 336 и 622, Brugmann IF XVII 5).

³⁶² Иначе, но неверно, по моему мнению, смотрит на црксл. *сж* Vondrák BB XXIX 211.

³⁶³ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.] [Autora eksemplārā: *sūptok goīda* Preili //]

§ 74. Предлог *starp* «между» произведен от существительного *starpa* (с прерывистой инт.) «промежуток, расстояние» и представляет из себя сокращенную форму или instr. s. (ср. *ciemu starpu staigājuot* BW 2360, 1 «ходя между деревьями»), или loc. s. *starpā* (ср. *mūsu starpā* «между нами», *kalnu starpā* «между горами»; в тексте 1644 г. LChr. 121 форма *starpā* имеет значение предлога: *starpā... kungiem* «между господами»), или наречия *starpan* (или *starpān* у Ререгузена Mag. XX 2, 38), которое в текстах XVI и XVII столетий употребляется также в качестве предлога, напр.: *starpan mums* Кат. 14, 3 «между нами», *starpan tiems lēpniems* «между гордыми» Sprüche Salomonis 1637 г. XIII 10 (форма же *starpam* в *starpam mums* Psalmen² 44^b, вероятно, опечатка вместо *starpan*).//

199

Ла. предлогу *starp* соответствует лит. предлог *tārpa*³⁶⁵ «между» (сум gen., ср. Kurschat Gr. § 1482) от сущ. *tārpas* (= ла. *starpa*). Форма *tārpa* представляет из себя сокращение или instr. s., или loc. s., ср. старолитовские предложные формы *tarpu*, или *tarpa*, или *tarpei* (Bezenberger BGLS 71 сл.). Встречаются и формы с *e* как в старых текстах, напр. *terp* у Ширвида (постоянно), в постилле 1573 г. (Lit. Mitt. V 16; здесь также *terpei*), в катех. 1598 г. (AfslPh. XIII 564; рядом с *terpu*), в библии Хилинского (Lit. Mitt. IV 237), *terpu* в катех. 1605 г. (LChr. 60), так и в части современных говоров, напр. *terp* Lit. Forsch. 2 в дюсятск. гов. (LChr. 364), в годлевск. гов. (Lesk.-Brugm. 313; здесь также *terpu*), в Ап. (33; или *terpū* 59). Формы с *e*, вероятно, возникли на литовской почве из форм с *a*, ср. выше стр. 54 и Лит. нар. п. 130. — Лит. *tārpas* (значит, и ла. *starpa*) Joh. Schmidt (Vok. II 139) правдоподобно сопоставляет с црксл. *tranъ* «fovea»; Leskien же (Abl. 89 и Nom. 19), сомневающийся в этом, сам склонен сблизать лит. *tārpas* с глаголом *tīrpti* «таять», но это вполне немислимо как в формальном (ср. различие в интонации), так и в семасиологическом отношении.

Предлог *starp* в общем соответствует по значению р. «между, среди»: (gen. s.) *vāverite... bērnus audzināja starp*

³⁶⁴ [Autora eksemplārā: *storp* Kossowski Gr. 14 //]

³⁶⁵ Переход нисход. интонации в восходящую (ср. еще *pīrm* : *pīrmas*. § 69), вероятно, обусловлен проклитическим положением предложной формы; все слоги перед главным ударением произносятся с восход. инт.

priedītes, starp eglītes BW 2337 (из Виндавы) «белка возвращала детенышей среди (ветвей) сосны, среди (ветвей) ели»; *starp tēva un mātes sēdēt* LSpr. II 322 «сидеть между отцом и матерью»; (acc.-instr. s.) *starp tāvu un māeti sādāt* (Сауссен, BB XIV 118); *starp lāeci un zaķi ir liela šķiršana* (ibid.) «между медведем и зайцем большая разница»; (instr. pl.) *starp visām meitiņām bārenīti es pazīnu* BW 4530, 3 «я узнавал сироту среди всех девиц». — Розенбергер (Mag. IX 2, 321) приводит также примеры предлога *starp* в сочетании с понятиями времени: *starp tuo laiku* «während der Zeit»; *starp dividesmit dienām* «binnen (oder: innerhalb) 20 Tagen»; я сам не встречал предлога *starp* в таких оборотах и скло-//нен считать их ошибочными. — В литературном языке и также в непосредственно известных мне говорах предлог *starp* требует acc.-instr.; а старые грамматики Adolphi (244), Stender (стр. 128) и Hugenbergер Mag. II 2, 81 утверждают, что на вопрос «куда?» ставится acc. (*starp ādu* «zwischen die Haut»), на вопрос «где?» — gen. (*starp ādas* «zwischen der Haut»); а по Биленштейну (LSpr. § 578), предлог этот даже обыкновенно управляет род. падежом. Грамматика же Гессельберга (§ 316) — источник, в общем, достоверный — знает только вин. пад. при *starp*.

200

vidū

§ 75.³⁶⁶ Loc. s. от существительного *vidus* «середина» (= лит. *vidūs* «das Innere», пр. *widus* Voc. 508 «Naht», ср. также Fick Vergl. Wrtb. I⁴ 544, Bugge PBv XXI 427 слл., Pedersen KZ XXXVIII 374) *vidū*, или *vidui*, или *vidē*, или *viduo* употребляется чаще в народных песнях, чем в живой народной речи, в качестве предлога («среди») с род. пад.: *vidū* (в вар.: *viduo*) *jūras* BW 2589, 1 или *vidē jūr* (acc.-instr. s.) Bt. 1988, 1994, 1996 (из Ангермюнде) «среди моря»; *vidū ciema* Bt. 241 «среди деревни»; *vidū sētas* BW 8050, 1 «среди двора»; *vidū lauka* Ltd. 1164 или *vidē lauk'* (Шлек) «среди поля»; *vydū ustubas* (Вольтер Mat. 211) «в середине избы»; *viduo māršu* BW 11678, 1 или *vidui māršu* Ltd. 12 «среди невесток»; *vidū brāļu stāvēdama* Bt. 389 «стоя среди братьев». В инфлянтских текстах встре-

³⁶⁶ [Autora eksemplārā: *wueddon* Und. Ps. 41, 18 //]

чается также предложная форма *vydyn* (из **vidin*) или *videñ* (ср. формы: *oukšīn* «вверх», *zemin* или *zēmen* «вниз» Lett. Di.-St. 18¹): *vydyn māršu* BW 5505, 1; *vydyn brōju* BW 10084, 1; *videñ jeuru iz akmiņa grižas putu gabaleņš*; *videñ tautu... sēd mōseņ* (Вольтер Мат. 341) «среди моря на камне вертится кусок пены; среди чужан сидит сестра». В Мат. Вольтера (304) встречается также форма *videns*: *atsasādu videns sūla, videns sovu bōleteņ* «я присела в середине лавки, посреди своих братцев»; но, вероятно, следует читать: *viden sūla, viden sovu*. — Также местн. пад. от лит. *vidūs* или *vidurys* употребляется в качестве предлога: *vidui nakties* «среди ночи» у Виллента (LLD III 157, 20), *widuy mariu* «среди моря» у Ширвида (LLD IV 25, 20), *vidui dvaro* «внутри двора» в // людвиновск. нар. (Лит. нар. п. № 30), *viduj girjos* «среди леса» в Кальварийск. у. (LChg. 436), *vidui sādā* «среди сада» в дусятск. гов. (LChg. 363; тут же 362 *vidun* на вопрос «куда?»: *vidun Dunājēliā*), *vidurj vāsaros* «среди лета» (Cappeller Kaip sen. Liet. gyy. 15, 24).

Здесь я приведу еще две редко встречающиеся предложные формы: *sānis* и *slēpeņ*. Форма *sānis* представляет из себя instr. pl. от *sāni* (лит. = *šónai*) «бока» и известна мне как предлог только из грамматики Stender'a (стр. 128): *sānis altāra* (gen. s.) «beiseits dem Altar» (оттуда³⁶⁷ же, по-видимому, взял этот оборот также Bielenstein LSpr. § 576)³⁶⁸. — Предложная же форма *slēpeņ* («clam») — сокращение наречия *slēpeņi* от прилагат. *slēpeņs* «тайный» (к глаголу *slēpt*, лит. *slēpti* «таить, прятать») и известна мне только в обороте народных песен: *slēpeņ tēva, māmuliņas* BW 7787, 1 и 995, 6 var. «clam patrem matremque»³⁶⁹. //

³⁶⁷ [Autora eksemplārā: II 141 //]

³⁶⁸ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

³⁶⁹ [Autora eksemplārā: *krustim šķērsan* 167, *klāt* 175 // *augš* 111 //]

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ И ПРЕФИКСОВ,
ОБУСЛОВЛЕННЫЕ СЛЕДУЮЩИМИ ЗА НИМИ ЗВУКАМИ**

§ 76. В некоторых говорах выпадают *s* перед *ts(c)* и *z* перед *dz*: *kru[s]ts* «крест» (Лестен, Апшуппен, Шлампен, Гросс-Пёнау, Жукст, Дикельн, Вольмарсгоф, Шуенпален, Буртнек), *pirk[s]ts* «палец» (Апшуппен, Жукст, Шлампен, Шлок, Шуенпален, Вольмарсгоф, Вильзенгоф), *kar[s]ts* «жаркий» (Апшуппен, Гросс-Пёнау, Шлампен, Шлок, Ренцен, Вольфарт, Вольмарсгоф), *auk[s]ts* (Гросс-Пёнау, Жукст) или *ouk[s]ts* «холодный» (Альт-Залис), *aug[s]ts* «высокий» (Шлампен), *val[s]ts* «волость» (Шлок). В других падежах, где за *t* не следует *s*, *s* перед *t* сохраняется, напр. от *kar[s]ts* ген. с. *karsta*¹. — Выпадает также конечное *-s* (или *-z*) перед начальным *c-* (или *dz-*) следующего слова: *ma[zs] cinis* // «маленькая кочка» (Лестен, Гросс-Пёнау, Жукст), *mē[s]* *dzeŕam* «мы пьем», *mē[s]* *cepsim* «мы будем печь», *š[i]s* *ciris* «этот топор», *tas nau man[s] ciris*, *bet tau[s] ciris* «это не мой топор, но твой топор» (Жукст), *e[s]* *dzimts* «я — рожденный...» (Вольмарсгоф). — Этому фонетическому закону подвергаются, конечно, также предлоги и префиксы, оканчивающиеся на *-s*, *-z*: *be[s]* *ciloŕka* «без человека» (Лестен),

203

¹ Бещенбергер ВВ XXIII 296 (а за ним и Вальде Lat. etym. Wrtb. 54) отождествляет ла. *augts* «высокий» с пр. *aucta-* «высокий» (Nesselmann Thesaurus 11) и лт. *auctus*; но в Lett. Di.-St. 168, где Бещенбергер приводит форму *augts* из залисбургского говора, дается только форма им. падежа ед. ч., так что позволительно думать, что род. п. этого слова *augsta*. Если бы даже род. п. имел форму *augsta*, то все же можно было бы думать, что род. п. *augta* представляет из себя новообразование (вместо *augsta*) к им. пад. *aug[s]ts*. Форма же *auksts* «холодный», которую Бещенбергер I. с. приводит из того же говора, вероятно, имеет *s* перед *ts* под влиянием литературного языка или соседних говоров. Так, напр., в Гросс-Пёнау лицо А. говорило *kru[s]ts*, а лицо В. — *krusts*, *auk[s]ts*, *kar[s]ts*.

be[s] cira «без топора» (Жукст), *i[z]dzīt* «выгонять» (Апшуппен, Шлок), *i[s]cept* (Апшуппен, Жукст, Вольмарсгоф) или *i[s]cept* «выпекать» (Шлампен, Шлок). Ср. црксл. *u[c]u^zлѣти*, *u[c] црѣкѣве*.

§ 77. Исконные сочетания *sj* и *zj* в латышском перешли в *š* и *ž*, и *s* и *z* перед смягченными согласными перешли в *š* и *ž*, ср. Bielenstein LSpr. I 164 слл. и 182 слл. При этом, по всей вероятности, *s* и *z* сначала перешли в *ś* и *ź*, откуда далее *š* и *ž* и наконец — *š* и *ž*, причем *j* вполне исчезло. Этому правилу, конечно, подвергаются и префиксы, оканчивающиеся на *-s* и *-z*: *iškerts* (Альт-Пебальг, Бальдон) или *iškerts* «выловленный» (Шнепельн, Лутринген, Дурен, Вормен, Альшванген, Шлек, Ангермюнде, Донданген, Эрвален, Стенден, Кандау и др.), *izgērbties* «раздеваться» (Кандау), *izņemi* «вынимаю» (Пурен, Альт-Аутц, Бенен), *ūzemt* «поднимать» (Лутринген), *išemt* «вынимать» (Гольдинген). Чаще, однако, под влиянием форм, правильно сохраняющих свое *j*, остается или восстанавливается *j* после *š* и *ž*, обыкновенно смягченных: *išjemt* «вынимать» (Дубеналькен, Шнепельн, Ошенекен, Дурен, Ранкен, Ирген, Феликсберг, Альшванген, Эдвален, Эрвален, Тальсен, Стенден, Липстгузен, Бринкерс-Педвален и др.), *išjāt* «выезжать» (Нидер-Бартау, Эдвален), *uzjemt* (Газау, Донданген, Вензау, Попен, Ангермюнде, Пильтен), или *ūzjemt* (Турлау, Обер-Бартау, Прекульн, Нигранден, Вибинген, Вайноден, Вормен, Кабиллен, Альшванген, Шлек), или *uožjemt* «поднимать» (Сарнаген), *āzjemt* «занимать» (Шнепельн, Прекульн). В литературном же языке и весьма часто также в живой народной речи конечное *-s*, *-z* префиксов остается неизменным под влиянием тех форм, где *-s*, *z* стоят не перед *j* и смягченными согласными: *iskerts*, *izgērbties*, *izņemi*, *izjāt* и т. д. Ср. црксл. *въжлюблѣж*. — Указанному правилу часто подвергается в живой народной // речи также конечное *-s*, *-z* перед начальным *j* или смягченным согласным следующего слова, причем начальное *j* обыкновенно сохраняется: *eš jums* «я вам» (Обер-Бартау, Газау, Угален, Липстгузен), *eš jau* «я уже» (Смильтен, Зербигал, Дурен, Кандау), *eš ļauj* (Попен, Эрвален) или *eš ļau* «я позволяю» (Вензау), *eš ļoti* «я очень» (Альшванген, Кабиллен), *mēs jau* «мы уже» (Каугерсгоф, Дурен), *mēs ļoti* «мы очень» (Ругенталь), *mēs ļausim* «мы позволим» (Ремтен), *tums ļauns* «нам новый»

(Крутен), *jūš jā* «вы едете верхом» (Шлек), *jūš ļaujiet* (Сатинген) или *jūš ļauj* «вы позволяете» (Липстгузен, Кандау), *taš jumts* «та крыша» (Зурс), *taš jau* «тот уже» (Зербигал, Прекульн, Амботен, Ринген, Бенен, Дурен, Лутринген и др.), *kaš jau* «кто уже» (Вайноден), *kaš jūgs* «кто будет запрягать» (Пальцмар), *tautaš jāja* «чужане ехали верхом» (Прекульн), *Jāniš jāja* (Биббен) или *Jāniš jāj* «Иван ехал верхом» (Попен), *ganēš jaiet* «нужно идти пасти» (Ангермюнде), *niuo tāļēniš jou* «издали уже» (Анцен), *saviš Jāņa bērņus* «своих Ивановых детей» (Бенен), *nāč Jāni* «приди, Иван» (Альт-Аутц, Амботен), *leč Jānit* «прыгни, Иван» (Зербигал), *lieč Jānit* «поставь, Иван» (Альшванген).
 Такому же изменению, конечно, подвергается часто и конечное -s, -z предлогов: *už jumta* (Пальцмар, Грундзаль, Вольмар, Бальдон, Альт-Аутц, Дурен), или *už jūmt* (Феликсберг, Эдвален, Эрвален, Кандау и др.), или *už jūmt²* (Шлек), или *iž jumta* «на крыше» (Адзель), *už jūru* «на море» (Смильтен), *už Jēlgavi* «в Митаву» (Сакенгаузен), *už jaunū* «наново» (Рудден), *rēč Jāņiem* «после Иванова дня» (Зербигал, Нигранден). — Ср. црксл. *iž ņego, bež ņego* и др.

§ 78. Исконное сочетание *tj* в латышском перешло в *š*, напр. от *zutis* «угорь» — род. п. *zuša*. Конечное же -*t* самостоятельных слов и префиксов, по легко понятным причинам, не сливается со следующим *j*- в *š*, но подвергается (в некоторых говорах) только смягчению // в *t'* или *ķ* (о произношении этих звуков ср. ВВ XXIX 187 сл.), причем *j*- после *ķ* вполне исчезает: *tā pat' jau* «так же уже» (Грамзден), *te raķēme* (ударение на *ē*; из *pat jēme*) «он здесь же брал» (Грēзен), *aķēme* «он отнял» (Грēзен), *aķemt* «отнимать» (Нидер-Бартау), *aķķūgt³* «отпрягать», *aķķāt³* «приехать верхом» (из цабельнского нар., Lautenbach ВВ XVII 275). — Конечное -*t* префикса *at-* уподобляется в народной речи также следующему *ķ*, *ģ*: *aģģist* «припоминать, понимать»,

205

² К переходу *t* в *n* перед зубным ср. еще: *sants* «бархат» ВВ 5505 var., *rindanc* (Вольмар) или *randins* (Сауссен ВВ XII 233) «тепловатый», *rinti* «сильные» ВВ 13186, 2 var. (13186, 3: *rimti*), *stundejās* «поручали się» Zb. XVIII 451, *cindi* «перчатки» ВВ 6951 var., Нидер-Бартау.

³ Двойное *ķ* вместо одного Лаутенбах, вероятно, пишет на основании каких-то теоретических соображений.

aǵǵilbināt «оживлять» (Lautenbach I. с. 274). В весьма употребительных наречиях *atpakaļ* «назад» и *atkal* «опять» конечное *-t* префикса в народной речи весьма часто уподобляется следующему *p-*, *k*⁴ и исчезает: *apakaļ*, *akal*. Ср. лт. *acc-* из *ad-c-* и *app-* из *ad-p-* и гр. (эол.) *xxx κεφάλας* и (фессал.) *κκτ παντός* и др. (Hoffmann Die griech. Dial. II 520).

§ 79. В некоторых говорах Средней Курляндии конечное *-z* самостоятельных слов и префиксов исчезает перед *l*, *r*, *n*⁵: *ne ma[z]* *nevar* «вовсе не может», *ne ma[z]* *neeimi* «я вовсе не хожу» (Лутринген-Нейгоф), *ūnest* «взносить», *ānest* «уносить», *ūrakt* «взрывать», *ūridit* «подушать», *āraidit* «угонять» (Лутринген-Нейгоф), *ūlikt* «возлагать» (Шрунден П., Ранкен, Лутринген-Нейгоф, Дурен, Ирген, Вормен), *āliegt* «запрещать» (Ранкен, Шрунден П.), *ālikt* «закладывать» (Лутринген-Нейгоф, Дурен). В положении перед другими звуками в этих говорах являются префиксы *ūz-*, *āz-* (не *uz-*, *az-*!). Ср. лт. *dirumpo*, *diligo*, *dinumero*.//

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ ДВОЙНЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ ФОРМ

§ 80. J. Schmidt (KZ XXVI 23 сл.) высказал мнение, что лит. двойные формы, как, напр., *nuo* и *nu-* или *prie* и *pri-*, возникли уже в иде. праязыке. Я это считаю вполне невероятным. В I части этой работы уже показано, что формы *nu* и *pri* могли в проклитическом положении возникнуть из *nuo* и *prie* на литовской почве. А что это так именно и было, в пользу этого говорят следующие соображения. В литовском более полные формы (*nuo*, *prie*) употребляются как предлоги, краткие же формы (*nu*, *pri*) — как глагольные префиксы; в латышском же более полные формы (*nuo*, *prie*) употребляются как глагольные префиксы, а краткие формы

⁴ К переходу *tk* в *k* ср. еще *ru[t]ks* «редька» и *svē[t]ki* «праздник» (в вольмарск. нар.).

⁵ Бывает ли это также перед *m-*, этого я точно не знаю; в записях г. Мюленбаха, который первый заметил это явление, я нахожу, правда, форму *ūzmaukt* «взвздывать» (Лутринген-Нейгоф) рядом с *ūnest*, *ūrakt*, *ūlikt*, но следует иметь в виду, что другой представитель того же говора говорил рядом с *ūlikt* также (под влиянием префикса *ūz-* в другом положении) *ūzlikt*.

(*ni*, *pi*) — как предлоги. А это ясно указывает на то, что в литовско-латышскую эпоху существовали только полные формы *niuo* и *prie* (форма *prie* в латышском заменена формой *pie*). Из *niuo* и *prie* (*pie*) в неударяемом положении возникают *ni* и *pri* (*pi*). Так как в латышском в сложных глаголах ударение всегда на префиксе, то префиксы в латышском и сохраняют свои полные формы (*niuo*, *pie*). В литовских же сложных глаголах ударение чаще падает на корень или на окончание, чем на префикс, так что в большинстве случаев вследствие неударяемости возникли краткие формы *ni-* и *pri-*, которые потом обобщены в литературном языке и в большинстве современных говоров. А в старопечатных текстах и в части современных говоров, как указано в I части, еще встречаются глагольные префиксы *niuo-* и *prie-*, не только под ударением, но вследствие обобщения также в неударяемом положении. Что же касается предложных форм, то они теперь в латышском и литовском обыкновенно произносятся без особого ударения, вследствие чего в части латышских и литовских говоров возникли краткие предложные формы *ni* и *pri* (*pi*). Если же в большинстве латышских и в части литовских говоров все-таки сохранились несокращенные предложные формы *niuo* и *prie* (*pie*), то это объясняется тем, что предлоги занимают более самостоятельное положение, чем префиксы, и вслед-//ствие этого произносятся немножко сильнее, а с другой стороны, может быть, также влиянием литературного языка, где господствуют полные формы *niuo* и *prie* (*pie*). А в старину и, может быть, еще в XVI столетии, когда было положено начало ла. и лит. письменности, в сочетаниях предлогов с именными и местоименными формами ударение, может быть, часто падало на предлоги, как это наблюдается в других индоевропейских языках⁶. В сложении же с именными формами ударение обыкновенно падает на префикс, и поэтому префиксы в сложении с именными формами сохраняют свои полные формы *niuo-* и *prie-* (*pie-*).

207

Итак, факты ла. и лит. языков объясняются вполне удовлетворительно при предположении, что в литовско-

⁶ Так как в прусском знаком долготы, в общем, снабжаются только ударяемые гласные, то следует думать, что также в прусском в таких сочетаниях, как, напр., *ēnswans* Ench. 53, *preistan* 18, *pōmien* 95, *pērswans* 41, *sēnku* 89 и др., ударение падало именно на предлог (ср. Berneker Pr. Spr. 101).

латышскую эпоху существовали только полные формы *niuo* и *prie*. Если же возводить с И. Шмидтом краткие формы *ni* и *pri* к иде. праязыку, то было бы совершенно непонятно, как двойные и однозначашие формы *niuo* и *ni*, *prie* и *pri* могли рядом сохраняться целые тысячи лет и как могло установиться современное их употребление. — Не согласен я также с Бецценбергером, который (ВВ XXIX 248) склонен приписывать также прусскому языку форму префикса *ni*: это *ni* могло возникнуть только из *niuo* (из иде. **nō*)⁷, между тем как в прусском из иде. **nō* должна была образоваться форма *nā* или *nã*, которая в проклитическом положении могла перейти в *na* или *nã*, но только не в *ni* (форма же *nuseilin* Ench. 83, на которую указывает Бецценбергер l. c., рядом с частым *naseilis* или *noseilis*, по всей вероятности, только опечатка).

208

Существующая в некоторых ла. говорах форма *uoz* (стр. 106 сл.), вероятно, возникла рядом с *uz* по образцу существования формы *niuo* рядом с *ni*. Так, может быть, и в литовском предложная форма *apie* (вместо прежнего // *apì*) возникла рядом с префиксом *api-* по образцу существования предлога *prie* (*pri*) рядом с префиксом *pri-*: в пользу этого говорит то обстоятельство, что в сложении с именными формами встречаются только формы *apý-* и *api-*, но не *apie-*, между тем как в этом положении сохраняются именно самые древние формы, ср. J. Schmidt KZ XXVI 24 сл.

§ 81. Некоторые предложные формы имеют то краткий, то долгий гласный. Так, в латышском рядом с *uz*, *az* стоят *ūz*, *āz*. Форма *ūz* имеет свое *ū* или из индоевр. праязыка (ср. иде. **ūd* рядом с **ud*, Brugmann KVG § 591), или из *un*, ср. стр. 108 сл. Форма же *āz* — по всей вероятности, латышское новообразование (ср. стр. 12 сл.), возникшее рядом с *az* по образцу отношения *ūz* к *uz*. — В литовском чередуются *apý-* и *api-*, *úž* и *ùž*, *prō* и *pra-* (ср. стр. 140²⁶⁴), *pō* и *pa-*, *ažū-* и *ažù-*, *ató-* и *ata-*, *pry-* (ср. стр. 183) и *pri-*. Из них формы *prō*, *ùž*, *apý-* (ср. скр. *apī-*, Osthoff MU IV 225 слл.) могут иметь долготу из иде. праязыка, ср. об этом Persson Stud. et. 92 сл., Wackernagel Altind. Gramm. I 310 слл. (где указана более старая литература), Solmsen KZ XXXV 468, Brugmann

⁷ Так прежде (GGA 1877 г., стр. 1460) думал и сам Бецценбергер.

KVG стр. 145. Формы же *ažū-* и *ató-* представляют из себя литовские новообразования, возникшие рядом с *ažu-* (из *ažúo-*) и *ata-* (из иде. **ato* или **oto*, ср. *atuo-* стр. 55 из иде. **atō* или **otō*; ср. также Stokes BB XXIX 171) по образцу других предложных форм (напр., *apý-:api-*), в которых искони чередовались краткий и долгий гласный одного и того же качества. О возникновении форм *pō* и *pry-* ср. стр. 140 и 183.

ОБ ИНТОНАЦИИ ПРЕДЛОГОВ И ПРЕФИКСОВ

§ 82. В некоторых предлогах и префиксах чередуются акут и циркумфлекс. Предлоги *nuo* и *prie* и глагольные префиксы *ie-*, *nuo-*, *prie-* в говорах, различающих еще все три интонации, обыкновенно произносятся с нисходящею интонациею. Также в сложении с именными формами // эти префиксы в редких случаях имеют нисходящую интонацию, напр. *ienāši* (но лит. *įnosės*), чаще же длительную интонацию, напр.: *iedželtānc*; *iegalvis* «темя»; *iekaus* «скоба» (П. Шмидт Трояк. долг. 18); *iemėslis* «причина»; *ienadzis* «хрящ» (ср. лит. *įnagis*); *ienaidis* «вражда»; *iepakajis* «немного позади»; *iepelėks*; *iepriekš*; *iepreti*; *ieradzis*; *iesāņis* «немного в сторону»; *iesarkanc*; *ieskābs*; *ieslīps* «немного отлогий»; *iešķērsu* «чуть-чуть вкось»; *iešķibs* «косоватый»; *ievēlganc* (19); *nuobara* «весенняя шерсть»; *nuodaba*; *nuodaļa* «глава»; *nuomale* «заболонка»; *nuomuodā būt* «не спать»; *nuonika* «презренный человек»; *nuopelnc* «заслуга»; *nuopūta* «вздых»; *nuovārtā* «в презрении» (31); *pie darbs* «молотильный сарай»; *piešūs* «нижняя часть женской рубашки» (33); *nuovakarīs* LSpr. I 458; *nuozaris* или *piezaris* «Nebenzweig» 459; *nuogalis* «Toppende des Baumes» 459; *ielenis* «долина» (Вольмар); *pie dagas* «пригорки» (Вольмар); *nuovads* «волость» (Вормен); *nuojums* «навес» (Дурен). Подобным образом и в литовском предлоги *į*, *nuo*, *prie* (ср. лат. *prie-* в *prievis* с нисход. инт.) произносятся с восход. интонациею; соответствующие же префиксы в сложных именных формах имеют в одних случаях восходящую, в других случаях — нисходящую интонацию (примеры можно найти в словарях Куршата и Юшкевича). Также в прусском соответствующие предлоги (*ēn*, *prēi*), по-видимому, имели циркумфлекс (ср. еще пр. *sēn* : лит. *sān-*). — Возникает вопрос о взаимном отношении циркумфлекса и акута в этих формах. Фортунатов

(ВВ XXII 176) и Явнис (Поневежский уезд 100) высказывают мнение, что акут здесь старше циркумфлекса, ссылаясь на закон, по которому акутованные долготы в конце слова перешли в циркумфлектованные. Но вряд ли можно допустить акут для прабалтийских форм *en, *in и *sen, *san. Затем, указанный закон о переходе акута в циркумфлекс никогда, по-видимому, не действовал в латышском (ср. jūs «вы», mēs «мы», tā «та», асс. pl. fem. g. tās «тех», асс. pl. masc. g. tuōs «тех», ном. pl. masc. g. tiē «те», šī «эта»). Итак, по моему мнению, циркумфлекс здесь старше акута.

Я полагаю (ср. Pedersen KZ XXXVIII 331 сл.), что в прабалтийском языке акутованные долготы произносились с восходящей, циркумфлектованные долготы — с нисходящей // интонацией. В ударяемых прабалтийских формах *en (*in), *nō, *prei, *san (*sen) в сложении с именными формами нисходящая долгота (циркумфлекс) перешла в восходящую (акут; откуда в литовском нисходящая интонация); ударяемый слог, за которым следуют неударяемые слоги, удобнее произносится с восходящей, нежели с нисходящей интонацией. Подобное явление наблюдается в датском, где, по указанию Педерсена (KZ XXXVIII 298), слово hav «море» произносится как hǎǒ (т. е., по-видимому, с двугласным ao с нисходящей инт.), а сложная форма havbugt «морской залив» — как hǎǒbukt (т. е., по-видимому, с двугласным aō с восход. инт.). — Что же касается ла. глагольных префиксов ie-, nuo-, pie-, то они, как уже сказано, из говоров, различающих еще три интонации, известны мне только с нисходящей интонацией. А в некоторых говорах Курляндии я встречал эти префиксы с длительною интонацией⁸: ieiet «входить», nuoslicis «утонув», piebraukt «подъезжать» (Миссгоф), pie-minēju «я припомнил» (Фрауэнбург), iekritis «впав», nuoravēt «сполоть», piescēlēm «мы встали» (Нидер-Бартау). И также Биленштейн пишет (LSpr. I 74) nuoziēgties (с длит. инт. префикса) «провиниться» и сообщает (I 464), что глагольный префикс nuo- произносится или с прерывистою инт. (с которою в наречии Биленштейна совпала нисходящая инт.), или же с длительною, прибавляя: «letzteres vielleicht namentlich in mehr als zweisylbigen Formen». Нисходящая интонация глагольных префиксов объясняется, вероятно, тем,

⁸ Вследствие кратковременного пребывания в этих местностях я не могу сказать, всегда ли там или только при определенных условиях эти префиксы произносятся с длительною инт.

что этимологическое тождество глагольного префикса с соответствующим предлогом (произносимым с нисход. инт.) сознается отчетливее, нежели тождество предлога с соответствующим именным префиксом: префиксы с именными формами прежде слились в одно слово⁹, нежели с глаголами, и вследствие дальнейшего развития значения такие // сложные именные формы (напр., *ielenis*, *nuomale*, *piedarbs* и др.) для латыша, не занимавшегося грамматикой, вовсе уже не представляются сложенными с префиксами *ie-*, *nuo-*, *pie-*, тем более что соответствующие несложные формы или вовсе не существуют (как при *ielenis*, *nuomale*), или имеют совсем другое значение (как при *piedarbs*; *darbs* значит «работа»)./

⁹ Отсюда также в литовском различие между именными префиксами *āp-* (напр., *āpskutos*), *āt-* (напр., *ātminti*), *pā-* (напр., *pākirpos*) и глагольными префиксами *āp-*, *āt-*, *pā-*.

I 212

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ¹

II 138

К стр. 19. Лит. *ažū* (*ūž*) с компаративным значением встречается не исключительно после сравнительной степени, как показывает пример *voj gýdra gýdra szī vasariāli už visas vasarēles* LChr. 211, 26. В латышском же компаративное *aiz* встречается также при превосходной степени: *tā jaunākā bij aiz visām māsām tā skaistākā* LP VI 592 «младшая была красивее всех (своих) сестер».

I 212

К стр. 24. Предложная форма *apī* встречается также LChr. 337, 21 (из бейсагольск. гов.).

К стр. 29. Сложенное с *ap-* наречие (произведенное от прилагательного) *мы*, вероятно, имеем BW 15545, 4, где читается (2 раза) *ganab gudri*; вероятно, следует читать: *gan apgudri* «довольно умно».

II 138

К стр. 33⁶⁴. Скорее следует полагать, что *apuša* перешло в *apuža* под влиянием деминутивного окончания *-uža*, соответствующего лит. *-ūžė* (напр., *Annuža* LP VI 477, *Ievužiņa* BW 12127 var., *mēlluža* 14426 «неряха» от *mēlns* «черный, нечистый»). Это же деминутивное окончание я усматриваю также в прусском *merguss* «mayth» у Симона Грунау, между тем как Бернекер говорит Pr. Spr. 276: «*merguss* vielleicht für n. pl. lit. *mėrgos*?»), *atnešu* «я принес» в *atnežu* (также *pōrņaža* «перенесли» Zb. XVIII 342) под влиянием *atvežu* «я привез». Переход же *s* в *z* в форме *puzuotra* нет надобности называть «спорадическим», так как нет других слов с неначальным *s* перед ударяемым гласным.

I 212

К стр. 34. О переходе *stj* в *šķ*. Мюленбах (Изв. IX 3, 261¹) говорит, что *stj* изменяется в некоторых говорах в *šč*, в других в *šķ*, в третьих в *š*. А между тем это вовсе не так. Переход *stj* в *šč* (в ген. pl. *rikšču* Обер-Бартау Ltd. 801, Швитен) следует считать литуанизмом: обе местности находятся близ литовской территории; кроме того, там вовсе не всякое *stj* (как, по-видимому, полагает Мюленбах) переходит в *šč*, ср. асс. s. *augšu* Lett. Di.-St. 61 в сказке из Обер-Бартау. Мюлен-

¹ [Norādītās lappuses attiecas uz pirmizdevumu. — Red.]

бах приводит gen. pl. *rikšči* также из планенского говора; если он говорит о Планене Тальсенского у., то о литовском влиянии тут трудно думать. Так как Мюленбах не приводит больше форм из этого говора, то нельзя ничего определенного сказать о планенской форме *rikšči*; но вряд ли там говорят также, напр., **augšča*. А что *stj*, далее, в других говорах переходит в *šk*, а в третьих в *š*, этого Мюленбах вовсе не доказывает, да и не мог доказать: во всех, кажется, среднела. говорах говорят *augša* из **augstjā*, но не во всех этих говорах от *rikste* gen. pl. *rikšu*. По всей вероятности, даже в одних и тех же // говорах рядом встречаются формы *rikšku* и *rikšu*: иначе не возникли бы такие формы, как *pakškis*. — Далее Мюленбах говорит, что в некоторых говорах «иногда» после *š* вставляется *k*; но что это *k* не продукт чисто фонетического развития, видно из того, что оно, по-видимому, никогда не встречается в таких формах, как, напр., *dvaša* «дух», где звуку *š* не предшествует и не предшествовало *k* (о таких формах, как *ieškis*, ср. выше, стр. 35⁶⁵).

I 213

К стр. 35. Переход *kš* в *šk* (откуда восточнола. *šk*) мы встречаем также в формах part. fut. *peliškis* (*palikt* «делаться»), *nāškis* (*nākt* «приходить») LP VI 740.

II 138

К стр. 37. Восточнола. предложная форма *zam* может восходить также к наречию *zamu* «внизу»: *bottu potogu ktoja jei zamu* «białe prześcieradło podścielał jej» Zb. XVIII 284 (также 245 и 291 встречается *zamu* в значении среднела. *apakšā*).

К стр. 39. *zam vakara* «под вечер» встречается также LP VI 939 (в сказке из Штокмансгофа).

К стр. 40⁸⁰. В тексте из свядосск. гов. (LChr. 350, 35; 352, 12, 18; 353, 33) действительно встречается союз *é* с восход. интонацией; но это не принуждает меня отказаться от вышеизложенного мнения о происхождении слав. *и*.

I 213

К стр. 43 слл. О возникновении предложной формы *ai*. Можно, пожалуй, также думать, что *ai* возникло рядом с *a[r]* «с» по образцу отношения *ai* к *a[r]* «ли».

К стр. 48. Следует вычеркнуть, как не относящийся сюда, пример *ai ruškim potu slauka* Вольтер Mat. 292.

II 138

К стр. 49. После указаний, данных Бандревичем MWM XI 713 сл., я отказываюсь от своего толкования стиха *ar vārtiem ruoges zied* в пользу объяснения, данного Бароном.

II 139

К стр. 50 сл. Acc. pl. после *ar* встречается также BW 15688, 1 var.: *ar odotys* (в var.: instr. pl. *odotōm*)

I 213

nūsprauduše; итак, следует думать, что в инфлянтском нар. в самом деле иногда ставится асс. pl. после *ar*.

К стр. 52. О лт. *ārea* ср. также Walde Lat. etym. Wrthb. 42 сл.

К стр. 59¹¹⁴. Потом, однако (BGLS 350), чего я сначала не заметил, Беценбергер сам отказывается от своего объяснения лит. *atpenti* в пользу объяснения, данного Ягичем (AfsI Ph. II 369), который также видит во второй части этой формы слово *pēntis* «обух».

К стр. 62. Форма *bez* имеет значение наречия также BW 15731: *lai tā bez nuodzīvuoja* «пусть она живет без (мужа)».

К стр. 68. Предложная форма *dzar* (вместо *caur*) встречается (4 раза) также BW 13635 var. (из Мейрана). Издатель приписывает этой форме значение предлога *gar*; но все варианты дают *caur* (а не *gar*), так что *dzar*, несомненно, заменяет собою не *gar*, но *caur*.

II 139 К стр. 68 и 213. Возникновение *car* из *caur*, вероятно, обусловлено всецело проклитическим положением: в Прейлях, когда говорили скороговоркою, мне иногда трудно было слышать, говорят ли *car* или же *caur*. Что же касается формы *dzar*, то она действительно имеет значение «*gar*» (а не «*caur*»): *dzar dōrzu* «мимо сада» (Дубена, Экенграф, Гросс-Бушгоф), *garum dzar tū solu* «мимо того острова» Smelters Tautas dzišmu, posoku... vōceleite 5. Считаю я эту форму продуктом контаминации форм *car* и *gar*: BW 13635 с вариантами показывает, что иногда возможно колебаться в употреблении между *ca[u]r* и *gar*.

I 214 К стр. 75. Явный славянизм мы имеем перед собою в обороте: *ni da ūgu, ni da rikstu* BW 13477 «(теперь мне) ни до ягод, ни до орехов».

К стр. 77. Краткость *i* в лит. *lig(i)* засвидетельствована текстами, помещенными LChg. 317, 31 (из хвейданошвекшнянск. гов.) и 326, 14 и 328, 32 (из янишск. гов.).

II 139 К стр. 78. Предлог *lidz* с род. пад. встречается также в обороте *lidz šā laika* «до этого времени» (Крейцбург, Дубена).

I 214 К стр. 82. О црксл. *дѣля* ср. также указания Ильинского (Сложные местоимения и оконч. род. п. ед. ч.² 90 сл.).

II 139 К стр. 85. Что *kā-labad* восходит к **kā-laba-dēl*, в пользу этого говорят также сочетания *kā-laba-pēs* «почему» LP VI 942 и *tā-laba-pēs* «поэтому» 938.

К стр. 87¹⁷¹. О лит. формах местн. пад. на *-n(a)* ср. теперь также статью Бецценбергера ГЕРАЭ 159 слл. I 214

К стр. 94. Предложную форму *garum* с род. пад. я встретил также в Прейлях: *it garum gotda* «идет мимо стола». II 139

К стр. 99. Предлог *iz* «из» встречается также в Роннебурге (*smēlu iz avuota, iz akas* «я черпал из источника, из колодца»), Ново-Пебальге (*iz mu'tes nāk* «выходят из рта»).

К стр. 103. Предлог *iz* «в» встречается также в библии Глюка, напр. *iz* (или *is*) *vājibas* «в слабости» II Кор. 13, 4.

К стр. 104 сл. Если бы *z* рядом с *iz* «на» явилось под влиянием белорусского наречия, то мы, вероятно, встречали бы также префикс *z-* рядом с *iz-*. Теперь я полагаю, что *z* возникло из *iz* в проклитическом положении: в Ликсне мне при скороговорке иногда трудно было слышать, говорят ли *iz* или же *z*. Что же касается этимологического происхождения восточнола. *iz* «на», то сокращение префикса **iz-* в *-iz* не имело бы никакой аналогии в латышском, и поэтому я теперь отказываюсь от своего объяснения восточнола. *iz* «на», полагая, что *iz* «на» возникло путем смешения форм *iz* «из» и *uz* «на». Как уже указано, в восточнолатышском встречается рядом с *iz* «на» также // *uz* «на», а префикс *uz-* там, кажется, более не встречается. II 140
А это, по-видимому, указывает на то, что префикс *iz-* «воз-», «на-» древнее предлога *iz* «на». Префиксы же *iz-* «из» и *uz-* «воз-» иногда соприкасаются в употреблении. К примерам, приведенным выше на стр. II 48⁶⁰, прибавлю еще следующие: *izdzirst* «услышал» LP VI 484 = *uzdzirst* 479 (лит. *užgirdā* LChr. 388, 27); лит. *išdrįsti* (у Куршата) «осмелиться» = *uždrįsti* (у Межиниса); *uzkāris* «повесил» или «вывесил» LP VI 148, а там же ниже это же действие называется: *izkāra*; *uzaugušas* «выросли» BW 7680 (в вариантах же: *izaugušas*); *izlēca* «вскочил» LP VI 520 (можно было сказать также: *uzlēca*); *izcēldamies* «поднимаясь» 244 (можно было сказать также: *uzcēldamies*); *izcēlies* «встал» 910 (= *uzcēlies*); *zivs atpeld, izliek* (= *uzliek*) *galvu uz malu* 729 «рыба приплыла, положила голову на берег». И в инфлянтских текстах, знающих только *iz-*, иногда этот префикс может заменяться как среднелатышским *iz-*, так и среднела. *uz*: *kab koč vatns izvastu maņi iz ēļa* Zb. XVIII 425 «žeby choć dyabeł wywiódi mię na drogę»; *tyka tū pamōti izvōest iz t'eiruma* 369 «kazai tę macochę wyprowadzić w pole»; *vacū mōti izvōeda iz kotna* 339 «kazai babkę wyprowadzić na góre»;

112 I iznas iz ustobys 240 «wynoszą na strych». Такое частичное совпадение в употреблении префиксов *iz-* и *uz-* могло быть причиной полного вытеснения префикса *uz-* префиксом *iz-*. А раз префикс *iz-* стал употребляться вместо *uz-*, то неудивительно, что и вместо предлога *uz* стали употреблять *iz*.

К стр. 106. Я сам встречал в Альт-Пебальге префикс *uz-* только с кратким *u*.

I 214 К стр. 117. Значение «до» имеет предлог *uz* в обороте *nio Miķeļa uz Mārtiņu uz luodziņu vien lūkuoju* BW 14103 «с Михайлова дня до Мартина дня я все глядела в окно».

II 140 К стр. 117²²⁵. Вместо «за» следует читать «для».

К стр. 122 § 46. Следует прибавить формы: (*ar lielām*) *uzkaudzēm* (Крейцбург) «с (большим) лишком»; *uzpils* BW 13846, 1 «переполненный».

I 214 К стр. 123. Префикс *vez-* (вместо *uz-*) рядом с предлогом *uz* встречается BW 15207 (из Шрундена): *situ knipi, vezsizdama, uz knēveļa dēguniņu*. Так как предложная форма *vez* имеет такое же значение, как предлог *uz*, то могло случиться, что и префикс *uz-* иногда заменялся формой *vez-*. Подобно этому в греческих наречиях форма $\pi\epsilon\delta\acute{\alpha}$ (ср. выше стр. 176) употребляется также в качестве префикса (вместо $\pi\epsilon\tau\alpha$).

II 140 К стр. 138. Нечто похожее на ла. *poeiðs* представляет из себя лит. *pruit* (из *praeit*, через **proeit*?) «пройти» Jurksch. 64.

К стр. 140²⁶⁴. Следует вычеркнуть $\pi\rho\alpha\text{-}\nu\acute{\eta}\varsigma$; ср. Prellwitz Etm. Wrtb.² 384.

К стр. 146²⁷⁸. Можно прибавить: *pa pūliskam* «по-польски» (Иллукуст).

II 141 К стр. 151. Сомневаясь потом в точности записи, помещенной Etn. II 48, я попросил г. К. Петерсона, прожи-//вавшего летом 1905 г. в Нидер-Бартау, обращать внимание на форму префикса *pār-* перед гласными в Нидер-Бартау. И вот что пишет мне г. К. Петерсон (в письме от 5 окт. 1905 г.): «*pār-* перед гласным я ни разу не слышал в Нидер-Бартау. Одна старуха в Нидер-Бартау сказала: *pār-gāju, pār-veð*, но: *pār-iet, pār-ejuot*. В Папенской деревне я слышал: *pār-sūdz*, но: *pārietam*. Некоторые лица, правда, мне утверждали, что говорят также: *pār-iet*; но я думаю, что в Нидер-Бартау не встречается такая форма». Итак, надо полагать, что встречающаяся перед гласными форма *pār-* в Нидер-Бартау (как и в других говорах, имеющих в сочетании *ar* перед согласными краткое *a*) возникла под влиянием наречия *pār(i)*.

К стр. 175 § 62. Примером для сложеного с *pie-* прилагательного (наречия) является *piegreiž(i)* «косо» BW 15786, если только это не описка или опечатка вместо *pagreiž(i)*.

К стр. 184. Переход славянского конечного *-oi* в *-ei* мог совершиться только в эпоху отдельной жизни слав. языка (после перехода *g, k* в *(d)ž, č* перед *ь, e, i, ě*).

К стр. 188. Форма *primš* приводится также Mag. XIII 3, 56. — Можно прибавить пример для предложной формы *pirma*: *pirma nelaimes* «перед несчастьем» (Smelters I. c. 19).

К стр. 190. Следует вычеркнуть гр. *πετα-*.

К стр. 198. Форму *sūptok* (из **suoplak*) я встретил в Преилях: *sūptok gotda* «подле стола».

К стр. 201. Можно прибавить: *sōaṅim gotda šēd* (Преили) «сидит возле стола».

К стр. 202¹. В строке 7 снизу следует читать *augta* вместо *augsta*.

К стр. 212. По устному сообщению г. Мюленбаха, Планен, о котором там говорится, находится близ литовской территории.

An. šil. [An.] = Anykszczū szitēlys, цитируется по изданию в Ostlitausche Texte von Baranowski und Weber; цифры указывают стихи.

AfslPh. = Archiv für slavische Philologie.

Б. = Рукописный материал, собранный и предоставленный мне г. пастором Л. Берзином.

Барановский Зам. = Замѣтки о литовскомъ языкѣ и словарѣ еп. Ант. Барановскаго (Сборник отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. LXV № 9).

BB = Beiträge zur kunde der indogermanischen sprachen.

BW = Latwju dainas, Barona un Wissendorffa ijdotas; цифры указывают № песни и var. означает варианты.

Bt. = Latweeschu ļaufchu dfeemas un ņinges (Mag. VIII); цифры означают № песни.

Brückner Fremdw. = Die slavischen Fremdwörter im Litauischen von A. Brückner.

Berneker Pr. Spr. = Die preussische Sprache von E. Berneker. [BGLS — skat. GLS.]

Вольтер Мат. = Вольтеръ, Матеріалы для этнографіи латышскаго племени Витебской губерніи; цифры указывают страницы.

Вольтер Об этногр. поездке = Объ этнографической поѣздкѣ по Литвѣ и Жмуди лѣтомъ 1887 г. приватъ-доцента Э. А. Вольтера (Приложение к 56 т. Записок Имп. Ак. Н. № 5).

Даукша Кат. = Литовскій катихизисъ Н. Даукши, вновь перепечатанный Э. Вольтеромъ (Прилож. к 53 т. Записок Имп. Ак. № 3); здесь же помещены песни и сказки, которые также цитируются под указанным сокращением с обозначением страницы. //

I 216 Даукша Post. = Postilla Catholica Якуба Вуйка в лит. переводе Н. Даукши, перепечатанном Вольтером (выпуск I); цифры указывают страницы и строки.

- Disp. = Dispositio Imperfecti ad Optimum, herausgegeben von Ad. Bezenberger (Königsberger Studien I 181—212).
- Daſchi jaut. [DJ] = Daſchi jautajumi par latweeschu walodu, K. Mühlenbacha iſskaidroti.
- DL [Etn.] = Etnografiskas ſiņas par latweescheem, Deenas Lapas peelikums.
- Evang. [Ev.] = Evangelia und Episteln aus dem Deutschen in Undeutsche Sprache gebracht, Königsberg 1587.
- ЖМНПр. = Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
- Flickvok. = Zubatý, Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds (Sitzungsber. d. kön. böhm. Ges. d. Wiss., Classe f. Phil. 1895, XIX).
- Geitler Lit. Stud. [Geitler Lit. St.] = Litauische Studien von Geitler.
- Geitler Beitr. = Beiträge zur lit. Dialektologie von Geitler (Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. der kais. Akad. d. Wiss., Bd. CVIII, 1884, in Wien).
- GLS [BGLS] = Beiträge zur Geschichte der lit. Sprache von Ad. Bezenberger.
- GGA = Göttingische gelehrte Anzeigen.
- GGN = Nachrichten von der kön. Gesellsch. der Wissensch. zu Göttingen.
- IF = Indogermanische Forschungen.
- Jurkschat Märchen [Jurksch.] = Litauische Märchen und Erzählungen von Jurkschat.
- Kat. = Der lettische Katechismus vom Jahre 1586; цитируется по изданию в LLD II.
- KSB = Beiträge zur vergl. Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen.
- KZ = Zeitschrift für vergl. Sprachforschung.
- Lit. Mitt. = Mitteilungen der lit. litterarischen Gesellschaft.
- LP = Lerchis-Puschkaitis, Latweeschu tautas teikas un pasakas.
- Лит. хрест. [LChr.] = Вольтеръ, Литовская хрестоматія.
- LSpr. = Die lettische Sprache von A. Bielenstein.
- Lesk.-Brugm. = Litauische Volkslieder und Märchen von Leskien und Brugmann. //
- Leskien Ablaut [Leskien Abl.] = Leskien, Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen (Abhandl. d. phil.-hist. Cl. d. kön. sächs. Ges. d. Wiss. IX № IV); цитируется по отдельному оттиску.

Leskien Bild. d. Nom. [Leskien Nom.] = Leskien, Die Bildung der Nomina im Litauischen (Abhandl. d. phil.-hist. Cl. d. kön. sächs. Ges. d. Wiss. XII № III); цитируется по отдельному оттиску.

LDSt. [Lett. Di.-St.] = Lettische Dialekt-Studien von Ad. Bezzenberger.

LLD = Litauische und lettische Drücke des 16. Jahrhunderts.

Lit. Forsch. = Litauische Forschungen von Ad. Bezzenberger; цифра обозначает страницу.

Leumann Etm. Wrthb. = Etymologisches Wörterbuch der Sanskritsprache von E. und J. Leumann.

Lindsay-Nohl = Die lateinische Sprache von Lindsay, übers. von Nohl.

Лит. нар. п. = Литовские народные песни, собранные Фортунатовым и Миллером.

Ltd. = Latweeschu tautas dĵeesmas... no latweeschu draugu beedribas; цифры означают № песни.

Mag. = Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft.

Mancelius Phras. = Mancelius, Phraseologia Lettica 1638 г.

Mancelius Post. = Постилла Манцелия 1654 г.

MSL = Mémoires de la Société de linguistique.

Meillet Esquisse = Meillet, Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique.

Meillet Études I = Meillet, Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. I.

Mikkola Balt. und Slav. [Mikkola Balt. u. Slav.] = Mikkola. Baltisches und Slavisches (Sonderabdruck aus Finska Vetenskaps-societetens förhandlingar XLV).

Мюленбах Двойств. ч. = Мюленбахъ, О слѣдахъ двойств. ч. въ лат. языкѣ (отдельный оттиск из Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. VIII, кн. 1).

MWM = Mahjas Weesa Mehneschraksts.

MU = Morphologische Untersuchungen auf d. Geb. d. idg. Sprachen von Osthoff und Brugmann.

G. Meyer Etm. Wrthb. = G. Meyer, Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. //

I 218 PBrB = Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur.

- Погодин Следы = Погодинъ, Слѣды корней-основъ въ слав. языкахъ.
- von Planta Gramm. = von Planta, Grammatik der oskisch-umbrischen Dialekte.
- Prellwitz Etm. Wrthb. = Prellwitz, Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache.
- Persson Stud. et. = Persson, Studia etymologica.
- Псалмен² = Псалмен und geistliche Lieder. Riga 1615.
- Passio [Pass.] = Passio, Von dem Leiden und Sterben ... Jesu Christi. 1587.
- П. = Рукописный материал, собранный и предоставленный мне г. К. Петерсоном.
- РФВ = Русскій филологическій вѣстникъ.
- [RKr. — skat. ZK.]
- Спр. = Спрогисъ, Памятники лат. народнаго творчества; обозначаются страницы.
- SPrL [Spr. d. pr. L.] = Ueber die Sprache der preuss. Letten von Ad. Bezenberger.
- Stokes Urkelt. Spr. = Stokes, Urkeltischer Sprachschatz.
- Syrach = Das Hauß-, Zucht- und Lehr-Buch Jesus Syrach. Riga 1685.
- Svotb. d. = Юшкевичъ, Лит. свадебныя народн. пѣсни.
- Scherer GDSpr. = Scherer, Zur Geschichte der deutschen Sprache.
- Schleicher Donal. = Schleicher, Christ. Donaleitis Lit. Dichtungen.
- Schmidt Neutra = J. Schmidt, Die Pluralbildungen der indog. Neutra.
- Ширвид PS = Szygwid's Punkty Kazań; цитируется по изданию в LLD IV.
- Шмидт Трояк. долг. = П. Шмидтъ, Троякая долгота въ лат. языкѣ (отдельный оттиск из Сборн. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Н. т. LXVII).
- Трейланд Мат. = Трейландъ, Материалы по этнографіи лат. племени.
- Трейланд нар. п. = Трейландъ, (Латышскія) народныя пѣсни.
- Tedeum = Mossvida Waitkuna przekład litewski pieśni Te deum laudamus z r. 1549, wydał Celichowski.

Und. Ps. = Undeutsche Psalmen, herausgeg. von Bezzenberger und Bielenstein. //

I 219 Zbiór [Zb. XVIII] = Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej, tom XVIII.

Zubatý O alliteraci = Zubatý, O alliteraci v pisních lot. a lit. (Sitzungsber. d. kön. böhm. Ges. d. Wiss., 1894 r. III).

ZK [RKr.] = Rakstu krajums izdots no R.L.B. Zinibu Komisijas.

Юшкевич нар. п. = Юшкевичъ, Литовскія народныя пѣсни (Сборник Акад. Н. т. II № 2).

Wiedemann Prät(er). = Wiedemann, Das lit. Präteritum.

гот. = готский; дрвврхн. = древневерхненемецкий; з. = зендский; иде. = индоевропейский; лат. [ла.] = латышский; лт. = латинский; н. = немецкий; п. = польский; пр. = прусский; р. = русский; скр. = санскритский; срб. = сербский; црксл. = древнецерковнославянский; чеш. = чешский.

ЛАТЫШСКИЕ ПРЕДЛОГИ

II ЧАСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

III

В этой II части своих «Латышских предлогов» я говорю об управлении предлогов, об употреблении глагольных префиксов и о видовом значении сложных глагольных основ. Между тем как при обработке последнего вопроса я мог пользоваться трудами Ульянова и Фортунатова и при обработке первого вопроса — статьями Мюленбаха, вопрос о развитии значения латышских глагольных префиксов почти вовсе не был затронут. Что мною этот вопрос не решен окончательно, это я сам отлично сознаю и смотрю на свой труд только как на первый опыт по семасиологии ла. глагольных префиксов. Да и вряд ли возможно вполне удовлетворительно решить этот вопрос, так как более или менее ко всем префиксам можно применить то, что говорит Дельбрюк (Vergl. Synt. I 701) об иде. **pér(i)*: «Wir sind doch nicht in der Lage, die geschichtliche Entwicklung lückenlos zu verfolgen. Im Leben schließt sich ein leichter Übergang unmerklich an den anderen, uns gehen eine Anzahl solcher Übergänge verloren, und so erscheinen getrennt von einander die verschiedenen «Bedeutungen», deren Vereinigung Aufgabe unserer wissenschaftlich geschulten Phantasie ist».

Как в I части, так и здесь я счел нужным снабдить латышские обороты переводом, хотя точный перевод сложных глаголов часто весьма затруднителен и иногда прямо невозможен, причем допускаю возможность, что лучший знаток русского языка лучше справился бы с этою задачею. Ла. *praes. historicum* перфективных основ я часто передавал р. прошедшим временем и жалею только, что это не сделано мною везде. Ла. формы совершенного //вида я иногда передавал р. формами несоверш. вида, не зная точно соответствующих форм соверш. вида в русском.

IV

Относительно правописания ср. мои указания в предисловии к I части.

Сокращения употреблены мною здесь те же, что и в I части (которая цитируется под цифрою I); следует прибавить:

Ульянов Знач. = Значения глагольных основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Изслѣдованіе Г. Ульянова.

Фортунатов Разбор = Фортунатовъ, Разборъ сочиненія Г. К. Ульянова: Значения глагольных основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. (Сборн. отдел. р. яз. и словесн. Имп. Акад. Н., т. LXIV, № 11.)

Ulm. [U] = Lettisches Wörterbuch von Ulmann.

Юрьев, 12 февраля 1906.

§ 1. При латышских предлогах встречаются родительный, винительный, творительный и дательный падежи. Так как в род. пад. славяно-балтийских языков совпали *genitivus* и *ablativus* иде. праязыка, то предлоги, при которых прежде ставился *ablativus*, теперь управляют род. падежом. К таким, вероятно, ввиду их значения, относятся предлоги *no* «от, с» и *iz* «из». Другие же предлоги, как, напр., *apakš* «под», *iekš* «в», *virš* «над», *priekš* «перед», управляют исконным род. падежом: ввиду таких оборотов как *vidū jūras* «среди моря» I 200, где *jūras* — исконный род. пад. (а не *ablativus*), зависящий от предшествующего местного пад., можно думать, что сочетания предложных форм *apakš*, *iekš*, *virš*, *priekš* с род. пад. также восходят к сочетаниям исконного род. пад. с предшествующими формами местн. пад. *apakšā* (или *apakšan*), *iekšā*, *viršū*, *priekšā*. Некоторые предлоги, наконец, требующие теперь род. падежа, когда-то прежде, вероятно, управляли местн. падежом. Теперь в латышском языке местн. падеж никогда не ставится при предлогах. В литовском же сохранились следы употребления местн. падежа в зависимости от предлогов: особенно часто встречается в старых текстах местн. падеж перед постпозитивным предлогом *-pi* (ср. BGLS 251) и, в постилле 1573 г., также после предлога *rō* (*pa*) «после» (примеры указаны Lit. Mitt. V 240; ср. слав. *po* с местн. пад.). Если, наконец, принять во внимание частое употребление местн. падежа в зависимости от предлогов как в других индоевр. языках, так и в славянском, то кажется вероятным, что когда-то местн. падеж употреблялся при предлогах также в балтийских языках: скорее всего при предлогах // *prie*¹ (ср. местн. пад. после

2

¹ Следствием прежнего употребления местн. падежа после *prie* является, может быть, колебание между род. и дат. падежами при *prie* как в старых текстах (дат. п., напр., у Даукши и Ширвида), так и в современных говорах (напр., в годлевском, ср. Lesk.-Brugm. 313): в единств. ч. формы местн. и дат. падежей отчасти совпадали.

слав. *pri*) и заменившем его ла. *pie* (ср. местн. пад. перед лит. *-pi*), лит. *põ*, ла. *pa* «после» и ла. *iz* «на» (на вопрос «где?»; относительно лит. *prie* и *põ* также Дельбрюк, Vergl. Synt. I 768, высказывает мнение, что прежде эти предлоги, может быть, управляли местн., а не род. падежом). Если же это действительно так было, то возникает вопрос, почему в балтийском перестали употреблять местн. пад. при предлогах. Я бы предложил следующее объяснение. В других индоевр. языках (напр., в славянском) для обозначения местоположения внутри чего-нибудь стали к местн. падежу прибавлять в качестве плеоназма соответствующий предлог («в»); с течением времени прибавление предлога стало обязательным. В балтийских же языках преобладало и наконец взяло верх употребление одного местн. падежа без предлога **en* или *in* (лит. *i* употребляется в общем только на вопрос «куда?», и в латышском остался только префикс *ie-*). А вследствие этого чисто местное значение балтийского локатива, обозначавшего уже преимущественно местоположение внутри чего-нибудь, сознавалось так живо, что этот падеж не только не стал «предложным» (как слав. локатив), но совсем перестал употребляться в зависимости от предлогов: было удобнее употреблять при предлогах вместо него другой падеж, не имеющий местного значения и употреблявшийся уже после других предлогов.

3 Что касается вин. и твор. падежей, то не всегда можно знать, которым из них управляет тот или другой предлог, так как в единств. ч. эти падежи совпали формально, а во множ. ч. все предлоги теперь требуют твор. падежа. К предлогам, требовавшим вин. падежа, по всей вероятности принадлежат *ar* «о, около» (ср. I 28) и *iz* «на» (на вопрос «куда?»; ср. вин. пад. при слав. *въз*). Твор. же падежом управлял предлог *ar* «с» (ср. I 49 сл.). В части инфлянтских говоров, правда, встречается рядом с твор. падежом также вин. пад. множ. ч. после *ar*. Несколько при-//меров из текстов сообщено уже I 49, 51 и 213, ср. также Spr. d. pr. L. 56². После я в Ликсне слышал от одного и того же лица еще следующие сочетания: (acc. pl.) *ar komonas* «санями», *ar rogovas* «дровнями», *ar dziernovas* «мельницею», *ar rùkas* «руками», *ar acš* «глазами», рядом с (instr. pl.) *ar aušam*² «ушами», *ar bosam kō^ujeņam* «с босыми ногами», *ar gaudam*

² а в окончании dat.-instr. pl. произносилось то кратко, то долговато.

asareņam «с горькими слезами», *ar ro'īm* «телегою», *ar nogīm* «когтями», *ar zirgim* «лошадьми», *ar puišim* «с парнями». Замечательно, и вряд ли случайно, здесь то, что асс. pl. после *ar* встречается только от основ женск. рода; позволительно думать, что вообще асс. pl. после *ar* встречается чаще от основ женск. рода, чем от основ муж. рода. Полагаю поэтому, что по образцу сочетаний предлога *ar* с асс. pl. существительных женского рода, сопровождаемых числительным, напр. *ar četriš acš* (о возникновении таких сочетаний говорится ниже, в § 2), стали потом присоединять к предлогу *ar* также асс. pl. без числительного, сперва только от основ женского рода (*ar acš*), а затем также от основ мужского рода (*ar lūpus* «со скотом»).

Дательный пад. в индоевр. праязыке, вероятно, еще не ставился при предлогах: в одних индоевр. языках этот падеж вовсе не встречается при предлогах, в других — только при некоторых предлогах (ср. Hübschmann Zur Casuslehre 87). В балтийских языках дат. падеж встречается чаще всего после ла. *līdz*, лит. *līdz* «до», ла. *da* «до», ла. *iz* «до», лит. *iki* «до», ла. *uz* «к», ла. *pa*, лит. *põ* «по» и (ср. стр. 2¹) лит. *prie* «при». Относительно дат. падежа при ла. *līdz*, лит. *līdz* ср. I 80 сл.; сочетание же дат. падежа с ла. *da*, *iz*, *uz* (ср. I 119), лит. *iki* отчасти, может быть, обусловлено употреблением того же падежа в зависимости от однозначного предлога ла. *līdz*, лит. *līdz* и, во всяком случае, не может считаться древним (дат. падеж при ла. *uz* встречается только в части говоров). В употреблении дат. падежа при *pa* ла. язык, как изложено в I части, во многом сходится со славянским и отчасти также с литовским языком; тем не менее в таком употреблении дат. падежа, вероятно, следует усматривать новшество славяно-балтийского языка. Возникло оно, может быть, вслед-//ствие того, что в некоторых случаях один 4 дат. падеж (без предлога) имел такое же значение, как сочетание предлога *pa* (по) с падежной формой; так, напр., дат. п. *guodam* в стихе *kur meitiņas guodam aug* BW 622 «где славно растут девицы» по значению ничем не отличается от сочетания *pa guodam*; польскому *tymczasem* по значению соответствует как *tai šat'ai* Zb. XVIII 436, так и *pa tai šat'ai* Zb. XVIII 483 (ср. также *tam laikam* Zb. XVIII 435 «*tymczasem*» и *pa laikam* I 143); и в песне *teic man tautas, liedz brāliši; vai būs iet, vai neiet? iešu tautu teikumam, bāleņiņu liegutam* BW 10806 «советуют мне чужане, отвечают братьцы; выйти ли мне (замуж) или нет? выйду я,

(следуя) совету чужан, (несмотря на) отговаривание братьев» можно, не изменяя смысла, между *iešu* и *tautu* вставить предлог *pa*. Если тут прежде стояли рядом дат. падеж (без предлога) и сочетание предлога *pa* (по) с вин. (или местн.) падежом, то путем контаминации могло возникнуть сочетание этого предлога с дат. падежом. В славянском употреблении дат. падежа после *po* распространено дальше, чем в балтийском; этому содействовало, может быть, формальное совпадение у некоторых основ дат. и местн. падежей единств. числа: местн. же падеж еще теперь в слав. языках употребляется рядом с дательным после предлога *po* (ср. Miklosich Vergl. Gr. IV 625 слл.).

Больше чем одним падежом, но безразлично для значения, управляют многие предлоги лат. языка; только у предлогов *pa* и (в части говоров) *uz*, при которых стоит то *gen.*, то *dat.*, то *acc.-instr.*, выбор падежа зависит от значения сочетания предлога с падежной формой.

§ 2. Весьма замечательно то, что в лат. языке некоторые падежные формы употребляются при всех предлогах без исключения. Таких форм всего шесть.

I

Существительные муж. и женск. рода, определенные посредством *abi* «оба» или числительным количественным (особенно 2—9), после всех предлогов во множ. ч. могут иметь окончание *-i* или (реже) *-u*. Примеры дает Мюленбах IF XIII 235 слл. и Двойств. ч. 3 слл. Тут же им дано и объяснение этого явления: формы на *-i* первоначально представляли из себя *pop.-acc. du.* основ среднего рода на // *-o* и основ на *-ā, -jē, -i*, формы же на *u* — *pop.-acc. du.* основ муж. рода на *-o* и основ на *-u*. Когда же двойств. ч. стало выходить из употребления, произошло смешение уже не ясно понятых форм его и указанные формы на *-i* и *-u* стали употребляться не только при числительном 2 и *abi* «оба», но также при числительных 3—9, и не только после предлогов, требующих вин. падежа, но также после прочих предлогов, благодаря именно своей омертвелости. — Встречаются, однако, также определенные числительным формы *pop.-acc. pl.* женского рода в зависимости от предлогов, напр. *ap treis mōsys* I 28, *ar deviņas slauktaviņas* I 46, *ar*

šešys gotvys I 47, *ar četriš ačš* I 48, *ar divi pupiņas* I 49, *caur* (или *par*) *deviņas kungu valstis* I 70, *par deviņas vasa-riņas* I 159, *par treis dīnys* I 159. Такие обороты, вероятно, следует считать не архаизмами, но новообразованиями: вин. пад. множ. ч. после предлогов вышел из употребления еще до начала латышской письменности, и определенных числительным форм вин. п. множ. ч. мужского рода после предлогов я не встречал, ср. в одной и той же песне I 156 сочетание *par deviņi priežu sili* рядом с *par deviņas... valstis*. Полагаю, что оборот *par deviņas valstis* возник именно по образцу не понятого *par deviņi sili*, где *deviņi sili* для латышей теперь является имен. пад. множ. ч. Что это действительно так, на это указывают следующие заглавия сказок: *ap diw brōļi gudri, treš duraks* Zb. XVIII 298 «o dwu braciach rozumnych, trzecim durniu»; *ap diw mōsys, treš brōļs* 335 «o dwu siostrach i bracie». Значит, во время возникновения таких оборотов, как *par deviņas valstis*, форма *deviņas valstis* представляла из себя собственно им. пад. множ. ч. Впоследствии, однако, когда формы на -s также без числительного стали ставиться после предлогов (*ar ačš*), эти формы представлялись уже вин. пад. множ. ч., так как им. пад. в общем не ставится после предлогов, и появились уже такие обороты, как *ar lūpus*, ср. выше стр. 7⁴.

II

Формы дат. п. *kam* «кому, чему» и *tam* «тому» являются почти при всех предлогах. Примеры: *par kam* «зачем» LP VII 1, 201, *par tam* «за то» LP VI 407, *bes kam* «без чего», *bes tam* «без того» I 66, *kamdēļ* «почему», *dēļ tam* «потому» I 83, *nuo tam* «от того» LP VI 944, *pēc tam* «затем» // *ibid.*, *pēc kam* «почему» I 179. Во всех приведенных примерах местоименные формы имеют значение среднего рода. В значении

6

³ [Autora eksemplārā: *ar komanys, rejkstis* («selten») Kossowski Gramm. 4. // *ar wazom* [Zb. XVIII] 431, *iz atkozom* 385 *pa durs* 278, 314, 380 *ar osorom* 346 // *par tyupom* 335 // *pa jiurom* 338 // *ai rogovys, rotym, ar auss* Kraslaw / *ar rogovys rot'im aušš* Jozefovo // *ar ačš aušš rogovys rotym* Dagda / *ai rogovom ar acim* Andrejno // *ar rogovom aušš ačš rot'im* Leikсна / *ai rotym rogovys ar ačš* Bukm. // *ar rogovys rotim* Osune / *ar rogovys ai acs* Landskrona // *ai rogovom rotim ar acim ai maņim* Dricani / *ai rogovys rotym* // *ai aušš* Raipol / *ar rogovom* Muizinka / *ar rotim rogovys acim* // *ar auss acs* Jaunušani //]

муж. рода мне известна только форма *kam* в обороте *pi kam* «к кому» LChr. 143, 42 (из текста XVII века, автор которого — немец). Там же, немного ниже (143, 45), следует *pi tuo* «к нему», и это соответствует мнению Мюленбаха IF XIII 241, что форма *tam* при предлогах имеет исключительно значение средн. рода. А для формы *kam* «кому» при предлогах он там же приводит и другие примеры, напр. *ar kam* «с кем», *priekš kam* «для чего» или «для кого» и др., не указывая, однако, откуда взяты эти примеры. Но также, по мнению Мюленбаха, форма *kam* при предлогах в большинстве случаев имеет значение средн. рода. — Явление это Мюленбах прежде, DJ II 83, объяснял следующим образом: благодаря одинаковому значению («почему») выражений *kā dēļ* и *kam* возник путем контаминации новый оборот *kam dēļ*, и рядом с этим *kam dēļ* «почему» возникло, вместо прежнего *tā dēļ*, новообразование *tam dēļ* «потому»; а по образцу этих сочетаний дат. пад. *kam*, *tam* с предлогом *dēļ* потом стали говорить также *nuo tam*, *pēc tam* и др. Что таким путем возникли обороты *kam dēļ*, *tam dēļ* (и однозначащие *kam labad*, *tam labad*, приведенные Мюленбахом IF XIII 241), это я считаю вполне возможным и также вероятным. Но чтобы эти обороты вызвали также сочетания *nuo tam*, *pēc tam* и др., это мне не кажется правдоподобным: трудно представить себе, как сочетание одного постпозитивного предлога с дат. пад. могло быть образцом для сочетания всех «препозитивных» предлогов с дат. пад. *kam*, *tam*. Правда, рядом с *kam dēļ*, *tam dēļ* говорится, но реже, также *dēļ kam*, *dēļ tam*; но если по образцу *kam dēļ*, *tam dēļ* не возникли (однозначащие) обороты *kam pēc*, *tam pēc* (я, по крайней мере, их не встречал) вместо *kā pēc*, *tā pēc*, то тем менее, кажется, под влиянием более редких *dēļ kam*, *dēļ tam* могли возникнуть сочетания *nuo tam*, *bes kam* и др. Впоследствии, IF XIII 242, и Мюленбах сам предпочитает письменно ему сообщенное объяснение Зубатого: форма *kam* «к чему, почему» получила адвербиальное значение, и так как вообще к наречиям присоединяются предлоги (ср., напр., *nuo tur* «оттуда» I 131, *pie citūr* «alio» I 174), то и при *kam* стали ставиться также предлоги, не требующие дат. падежа. //

7 Я же сомневаюсь также в правильности этого объяснения. К форме *kam* «для чего, почему» первоначально могли бы присоединяться только предлоги, обозначающие причину или цель, но и их сочетание с адвербиальным *kam* мне кажется столь же неестественным, как если бы кто-нибудь

вздумал говорить «для почему» или «für warum»; можно было бы опять только думать о контаминации простого *kam* и сочетания предлога с род. или вин. падежом. Затем, если *kam* в таких сочетаниях действительно представляло из себя наречие, то сочетания предлогов с таким *kam* вряд ли вызвали бы сочетания предлогов с дат. п. *tam*, так как *tam* нисколько не имеет адвербиального значения. Наконец, форма *kam*, на мой взгляд, во всех видах употребления ее еще сохраняет свой характер падежной формы; в пользу этого говорит то, что на вопросы с *kam* всегда можно отвечать формою дат. падежа, ср. народные песни: *kam šie auga gari meži? aug saulites pakrēšlam; kam es augu bārenite? augu ļauži valuodām* BW 4795, 1; *žeiteite, kur tovi b'ērņeņi? — viņpus Daugovas ob'ēļu kryumā. — kam ti b'ērņeņi? — ciučeņas gaņeit. — kam tōs ciučeņas? — oņeņas rakt. — kam tōs oņeņas? — mīzeišus šēt. — kam ti mīzeiši? — att'eņam. — kam tys att'eņš? — kundžeņam* BW 2221, 6 (в приложении). И на вопрос (приведенный Мюленбахом IF XIII 242) *kam tu tuo dari* «для чего ты это делаешь?» можно было бы ответить *pats savai vajadzībai tuo daru* «сам для своей нужды я это делаю». — Решающую роль, кажется, в этом вопросе играют литовские обороты, упущенные из виду Зубатым и Мюленбахом. Общелитовским, кажется, можно считать выражение *potām* «потом»; во всяком случае, оно употребительно также в тех говорах, в которых теперь предлог *põ* «после» обыкновенно требует род. падежа. Куршата, Gr. § 1472, и Брюкнер, Fremdw. 164, правда, склоняются ко мнению, что *potām* (вместо *põ tõ*) возникло под влиянием польского *potem*. По-моему, скорее уж можно было бы думать о р. *потом*; но вообще я сомневаюсь в возможности возникновения в Прусской Литве таких славянизмов⁴. Особенно важным для себя я считаю оборот *priegtām* «притом», встречающийся также в таких старых // текстах (напр., в катехизисе 1547 г., в форма *chrikstima* 1559 г., в *Maldos krikscioniszkos* 1653 г. LChr. 83, 8 и 85, 31, у Доналейтиса) и современных говорах (напр., *Cappeller Kaip senieji Lietuv. guveno* 2, 1, и в словаре Куршата), в которых предлог *prie(g)* обыкновенно требует род. падежа. Думать о славянском влиянии в этом случае еще труднее, так как под влиянием р. *притом* скорее возникла бы форма **pritām* или *prietām*. Последняя же форма встречается только изредка

8

⁴ *potām* встречается уже в пруссколитовских текстах XVI века.

(так, напр., в Maldos krikscioniszkos 1653 г. LChr. 85, 17; там же, как выше указано, 2 раза *prieg tam!*); обыкновенно употребляется *priegtām*, причем у Доналейтиса и Каппеллера предлог *prie* вне этого сочетания обыкновенно является без частицы *-g(i)*. Лит. *priegtām*, отделять от которого одноназначнее ла. *pie tam* было бы неестественно, запрещает также усматривать в ла. *tam, kam* формы местн. падежа, так как *tām* в лит. *priegtām* может быть только формою дат. падежа. Итак, я полагаю, что сочетания вроде лит. *priegtām*, ла. *pie tam* и др. возникли еще в то время, когда предлоги, лит. *prie(g)*, ла. *pie* и др., имели еще также значение наречий (ср. гр. ἐπί δέ или πρὸς δέ в адвербиальном значении). В зависимости же от наречий еще теперь ставится дат. падеж, ср., напр.: *tec trīs reizes apkārt baznīcai* I 29; *dzenies pakaļ vainagam* I 180; *preti(m) vēlnam krustu metu* I 193; *blakam beņķim* «возле скамейки» LSpr. § 565; *meitas gāja... gaŗam kunga istabai* BW 80 «девицы ходили мимо барского дома»; *iesim pāri Daugavai* BW 3456 «пойдем через Двину». Если формы *kam, tam* продолжали ставиться при *pie (prieg)* и др. также позже еще, когда *pie (prieg)* и др. имели уже исключительно значение предлогов, управляющих не дат. падежом, то это объясняется отчасти тем, что такие сочетания слились в одно слово, как, напр., лит. *priegtām*, отчасти тем, что таким образом представлялась возможность отличать средний род (*pie tam* «притом») от мужского (*pie tā* «при нем»)⁵. Что же // касается примеров *pie kam* «у кого», *nuo kam* «от кого» и др., приведенных Мюленбахом IF XIII 241, то можно думать, что он взял их из своего родного (кандауского) говора (в среднелатышском вольмарском говоре так, во всяком случае, не говорят); а в северо-западных говорах (к которым принадлежит и кандауский гов.) вообще часто род. падеж (gen. possessivus), особенно *kā*, заменяется дат. падежом (ср. RKг. XIII 92 сл. и оборот *tas ir labe ruoke pirksts* «это палец правой руки» из оксельнского говора). — Под влиянием сочетания таких предлогов, как *pie, pēs* и др., с *tam, kam* впоследствии стали ставить эти формы также

⁵ В части говоров, однако, также род. падеж употребляется в значении средн. рода: *pie tā viņu var peŗit* «daran kann man ihn erkennen» (Сауссен ВВ XIV 117). — От местоимений *viŗš* «тот, он» и *ŗis* «этот» дат. падеж неупотребителен после предлогов, требующих не дат. падежа, так как *viŗš* никогда не имеет значения среднего рода, а *ŗis* — лишь в сочетании *ŗis un tas*.

после таких предлогов, как *ar* и др., которые никогда не имели адвербиального значения. Мнение же Мюленбаха, что предлоги, требующие вин. падежа, гораздо позже стали присоединяться к *tam, kam*, нежели предлоги, требующие род. падежа, и что вследствие этого и теперь еще после предлогов, требующих вин. падежа, *tam, kam* ставятся реже, неправильно⁶. Предлогов, требующих по преимуществу вин. или твор. падежа (*ap, ar, caur, gaŗ, par, pret, starp*), вообще меньше, чем предлогов, требующих по преимуществу род. падежа (*aiz, apakŗ, zem, bez, dēļ, iekŗ, iz, vīrs, nuo, piē, pēc, priekŗ*). Из них *ap, gaŗ, starp* по значению своему в общем не имеют при себе также форм *tuo, kuo* в значении средн. рода (как и *apakŗ, zem, vīrs* вряд ли присоединяются к *tam, kam*); предлоги же *caur, par*, кажется, несколько не реже других предлогов присоединяются к *tam, kam* (относительно *pret* я не могу ничего определенного сказать в этом отношении). Итак, остается только *ar*, о котором была уже речь; и, по мнению Мюленбаха, *ar kam* значит только «с кем», *ar tam* вовсе не встречается.

III

Во многих говорах, может быть даже в большинстве их (ср. IF XIII 263), в зависимости от всех предлогов могут употребляться древние формы твор. пад. ед. ч. личных // местоимений *manim, tevim, sevim*. Первоначально, значит, эти формы ставились только после предлогов, требующих твор. падежа, напр. *ar tevim* «с тобою». Когда же у прочих местоименных и именных основ твор. пад. ед. ч. совпал с вин. падежом, также формы вин. пад. *mani, tevi, sevi* получили значение твор. падежа и вследствие этого рядом с *ar tevim* стали говорить также *ar tevi*. А так как формы *manim, tevim, sevim* впоследствии почти совсем перестали употребляться вне сочетания с предлогами⁷, то перестали также видеть

10

⁶ Неточно также его утверждение, что все ла. предлоги, выражающие причину или цель, требуют род. падежа: этому противоречит предлог *par* (*par kam, par tam*).

⁷ Только из восточнолатышских говоров известна мне форма *sevim* (или *seviem*) в самостоятельном употреблении: *seviem iztāisīta mōja* (Штокмансгоф) «особняком выстроенный дом»; *seviem jōmoksā* (Леменен у Крейцбурга) «особо приходится платить». В других говорах,

в них формы твор. падежа и стали их считать формами, назначенными для употребления при предлогах, и ставить не только после предлогов, требовавших вин. падежа, но также после предлогов, управляющих род. или дат. падежом⁸.

В различных восточнолатышских говорах встречаются после предлогов, требующих род. падежа, формы личных местоимений, оканчивающиеся на *-i*: *nuo mani* (Гольмгоф, Пикстерн), или *nū mani* (Гросс-Бушгоф), или *ni mani* (Ликсна, Дубена), или *nuo mu'ni* (Одензе, Штокмансгоф) «от меня», *pie mani* (Гольмгоф) или *pi mani* (Звирдзен Lett. Di.-St. 162) «у меня», *nuo tevi* (Пикстерн, Одензе, Штокмансгоф) или *ni tevi* (Дубена) «от тебя». Беценбергер полагает, Lett. Di.-St. 162, что эти ла. формы, может быть, следует отождествлять с лит. формами род. падежа *manė, manì, tavė, savė*; Мюленбах же (IF XIII 262) согласен с ним в этом, но думает, что можно отождествлять эти ла. формы с лит. формами твор. падежа *manì, tevi*. Если когда-нибудь в латышском и существовали формы твор. падежа *mani, tevi*, то во всяком случае они давно совпали с формами вин. падежа *mani, tevi*, так что можно было бы в данном случае II только // говорить о формах, общих для вин. и твор. падежей. Если эти формы мы имеем перед собою в оборотах *nuo mani, pie tevi* и др., то это, кажется, объясняется следующим образом: так как формы *manim, tevim* употреблялись одинаково и после предлогов с твор. или вин. падежом, и после предлогов с род. падежом, то также формы *mani, tevi*, первоначально употреблявшиеся только после предлогов с твор. или вин. падежом, стали употребляться также после предлогов с род. падежом, тем более что некоторые из предлогов, управляющих теперь только род. падежом, прежде, по всей вероятности, о чем будет еще речь ниже, требовали то род., то вин. падежа. Невероятною следовало бы считать эту гипотезу, если бы формы *mani, tevi* употреблялись в значении род. падежа также вне сочетания с предлогами. Из текстов известен мне лишь⁹ следующий пример: *mu'ni brōji zōbokū'i*

но крайне редко, формы *manim, tevim, sevim* употребляются в значении дат. падежа под влиянием форм дат. падежа на *-im* (напр., *šim brālim* «этому брату»).

⁸ Как мало создается первоначальное значение этих форм, особенно наглядно явствует из следующего сочетания: *nuo maniem bārenītes* BW 5079 «от меня сироты», где за формою instr. *maniem* следует приложение *bārenītes* в род. пад.

⁹ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

najims t'evi žeiļōtōis Mag. XIV 2, 185; так как *žeiļōtōis* может быть только род. пад., то и *t'evi* должно иметь значение род. падежа. Тем не менее это — пример не совсем надежный, так как, может быть, следовало писать не *t'evi ž-*, но *t'evi[s] ž-*. Итак, пока не будут подробно исследованы восточнолатышские говоры, следует считать этот вопрос нерешенным. — После всех предлогов, по сообщению Мюленбаха IF XIII 240, могут ставиться формы личных местоимений *man, tev, sev*, начиная с древнейших памятников вплоть до настоящего времени. Тексты, однако, по разным причинам в этом отношении не могут считаться надежными источниками, а в каких говорах это наблюдается, этого Мюленбах не говорит. Объясняется им это следующим образом: ла. формы *man, tev, sev* следует считать и дат. падежом (: лит. *mán, táv, sáv*), и род. и вин. падежами (: лит. *manė, tavė, savė*, црксл. *мене, тебе, себе*). Сочетания предлогов с указанными формами известны мне почти исключительно из северо-западных ла. говоров, а в этих говорах, как потом l. c. 261 сл. указывает и сам Мюленбах, различаются формы дат. падежа *man, tau, sau* (или по диалектам: *táu, tou, sâu, sou*) и формы *mân, tēv, sēv*, употребляемые после предлогов. Долгота гласного в последних формах показывает, что в конце их отпал гласный; Мюленбах, однако, ошибается, возводя эти формы к **mane, *teve, *seve*, так как в северо-западных говорах обыкновенно удлиняются только // гласные тех слогов, за которыми отпал гласный, сохраняющийся еще в среднелатышских говорах (из прала. **mane* в общелатышском получилась бы форма **man*, ничем не отличающаяся от дат. пад. *man*, за которым тоже еще в общелатышском отпал гласный). Итак, не только возможно (как потом допускает и сам Мюленбах), но даже следует отождествлять северо-западные формы *mân, tēv, sēv* с восточнолатышскими формами *mani, tevi, sevi*, употребляющимися после предлогов. В говорах, вообще сохраняющих общелатышские конечные гласные, я только крайне редко встречал такие сочетания: *niu man* (Рооп, Икскюль, Линденберг, Ленневарден, Вальгоф) «от меня», *niu tev* «от тебя» (Озельсгоф). Здесь формы *man, tev* могли бы восходить к **mane, *teve*; более вероятным, однако, я считаю, что мы тут имеем дело с нефонетическим отпадением конечного *-i* весьма употребительного оборота, подобно тому как в говорах, вообще сохраняющих общелатышские конечные гласные, все-таки встречается усеченная форма гер. pl. *mūs* «нас» вместо правильного *mūsu*.

IV

В северо-западных и в соседних с ними среднелатышских говорах (ср. указания Мюленбаха IF XIII 262) после всех предлогов ставятся 1) всегда ген. s. местоимений *viņa* «она», *tā* «та», *šī* «эта», *pati* «сама», 2) весьма часто ген. s. женских имен собственных (напр., *Anna*), 3) иногда ген. s. имен нарицательных, служащих для обозначения лиц женского пола (напр., *māte* «мать»), и изредка даже существительных женского рода, служащих для обозначения неодушевленных предметов (примеры даются в I части). Объясняется это тем, что в этих говорах формы *viņas*, *tās*, *šīs*, *pašas*, *Annas*, *mātes* и т. д. имеют значение не только род., но также вин. (твор.) падежа, что доказывается употреблением этих же форм в качестве дополнения переходных глаголов, ср. р. род. и вин. пад. *брата* (и *на брата*). О том, каким путем эти формы род. падежа приобрели также значение вин. (твор.) падежа, говорит Мюленбах IF XIII 244 сл. //

V

После предлогов, вообще требующих род. падежа, в весьма многих говорах ставится асс.-instr. s. местоимений *kas* и *tas* (после *aiz* также в сауссенском говоре: *aiz kuo* «почему», *aiz tuo* «потому» BB XIV 116). Мюленбах, вероятно, прав, объясняя IF XIII 258 это явление приблизительно следующим образом: в таких оборотах, как *izstāstījis, kuo nācis* «рассказал, зачем пришел» и *kuo tai bija netecēi* «почему бы ей не бежать», одно *kuo* имеет такое же значение, как сочетания *aiz kā, dēļ kā, pēc kā*; таким образом могли возникнуть новые сочетания *aiz kuo, dēļ kuo, pēc kuo*. И по уверению Мюленбаха, в некоторых говорах, напр. в Нидер-Бартау, только от местоимения *kas* «что» и ставится асс.-instr. s. после предлогов, вообще требующих род. падежа; и в сауссенском говоре асс.-instr. s. *kuo* ставится после *aiz*, выражающего причину, но не после *pie* «у, при». В других же говорах стали потом употреблять форму *kuo* после всех предлогов и по образцу *kuo* также форму *tuo*. Обороты *aiz tuo* «потому», *bez tuo* «кроме того», *pie tuo* «притом» и др. были далее причиной того, что в некоторых (среднелатышских) говорах замечается склонность ставить после предлогов, требующих род. падежа, также асс.-instr. s. существи-

тельных, определенных местоимением *tas*, напр. *es biju pie brāļa*, — *pie tuo brāli, kas Jēlgavā* «я была у брата, — у того брата, который (живет) в Митаве» (Апшуппен, ср. указания Мюленбаха IF XIII 264). И в кандауском говоре, по сообщению Мюленбаха, говорят *nuo viet's* «с места», но *nuo tuo viet* «с того места»; или (в Лестене, Анненгофе) *es braukšu uz meža* «я поеду в лес», но *es braukšu uz tuo mežu* «я поеду в тот лес». Изредка в среднелатышских говорах является после предлогов, требующих род. падежа, также асс.-instr. s. существительных, не определенных местоимением *tas*, напр. *pie savu brāli* «у своего брата» или «к своему брату» (Швиттен; там же: *pie gaiļa* «у петуха», *pie galda* «у стола»). Происходит ли это под влиянием сочетания предлогов, требующих род. падежа, с формами *kuo, tuo*, или же вследствие того, что прежде (о чем будет еще речь ниже) после некоторых предлогов, теперь обыкновенно управляющих род. паде-//жом, ставился также вин. падеж, это трудно решить. — В северо-западных же говорах (ср. указания Мюленбаха IF XIII 252 слл. и 264) от всех имен и местоимений ставится твор. (вин.) пад.¹⁰ после всех предлогов (за исключением предлогов с дат. падежом, за которыми ставится еще также дат. пад., напр. *līdz galam* «до конца», *pa prātam* «по сердцу»). Такому распространению твор. (вин.) падежа могли содействовать разные причины. Исходною точкою этого явления, вероятно, были вышеупомянутые сочетания всех предлогов с *kuo, tuo*. Затем этому могло содействовать формальное совпадение род. и вин. (твор.) падежей основ на -o (напр., *gald* «стола» и «стол» из *galda* и *galdu*), происшедшее в северо-западных говорах при отпадении общелатышских конечных гласных. Далее, следует иметь в виду, что прежде некоторые предлоги, теперь требующие обыкновенно только род. падежа, управляли, вероятно, и вин. падежом. Наконец, могло явиться также стремление ставить в ед. ч. после всех предлогов тот же твор. п. (совпадающий в ед. ч. с вин. пад.), который уже во множ. ч. (где он совпадает с дат. пад.) был проведен

¹⁰ Мюленбах же выражается IF XIII 258 неправильно, утверждая, что в северо-западных говорах после предлогов по определенному правилу ставится отчасти вин. (твор.) пад., отчасти же род. падеж: формы *tās, Ann's, māt's* и др. в этих говорах являются по своему значению таким же твор. (вин.) падежом, как *tuo, Jān, tēv* и др.

после всех предлогов. Это ведет нас к самому замечательному и известному явлению в управлении ла. предлогов.

VI

15 В большинстве ла. говоров теперь после всех предлогов во множ. ч. обыкновенно ставится твор. (дат.) падеж. Только постпозитивные предлоги *dēļ*, *labad*, *pēc* обыкновенно требуют род. падежа также во множ. числе¹¹. Иногда (особенно часто в народных песнях по требованиям размера) встречается еще род. п. множ. ч. также после «препозитивных» предлогов (примеры даны в I части)¹²; чаще всего // это наблюдается после предлога *bez*, о чем ср. I 65 сл. и 67¹³³. Лучше всего сохранилось употребление род. пад. мн. ч. после предлогов в инфлянтском наречии и в юго-западных говорах Курляндии (Рутцау, Нидер-Бартау, Обер-Бартау, Крутен, Калетен, Грамзден). Много примеров для род. пад. множ. ч. приведено в I части из инфлянтских текстов; по своим собственным записям я здесь приведу из инфлянтских говоров еще следующие сочетания: *b'es rūku* «без рук», *b'es kō^aju* «без ног», *b'ez oc'* «без глаз», *ni tyn^a* «изо льна» (Прейли; там же: *pi tums* «у нас», *pi vō^art'im* «у ворот», *pi tiñim* «у льна», *aiz vō^art'im* «за воротами»); *pi meusu* «у нас» (Воркова; там же: *ni tiñim*, *bes acim*); *pi dziernāvu* «у мельницы», *ni tynu*, *pi zoru* «у ветвей» (Ликсна). Из этого видно, что в инфлянтских говорах (по крайней мере, в части их) род. падеж в настоящее время вытесняется твор. падежом. Также в юго-западных говорах Курляндии теперь под влиянием литературного языка распространяется употребление твор. (дат.) падежа множ. ч. после всех предлогов. Первую причину этого явления, как заметил уже Бецценбергер Spg. d. rg. L. 107, следует видеть в том обстоятельстве, что в единств. ч. совпали вин. и твор. падежи, сначала у части основ фонетическим путем, затем

¹¹ I 84 приведены из северо-западных говоров сочетания постпозитивного *dēļ* с твор. (дат.) пад. множ. ч.: *puišēms dēļ*, *meitams dēļ* (должно быть, под влиянием оборотов *dēļ puišēms*, *dēļ meitams*).

¹² [Autora eksemplārā: *pi jūsu Warkland* / *b'ez drēb'ēm od. driebu*, *pēc svātku*, *ni (pi) komonu* // *da (aiz) durovu Birsen*, ähnlich Baltinov Marienhausen Савинцы Kraslaw // *Jozefovo Dagda Andreпно Bukm. Randoni Welonen Landskorona Dricani* // *Raipol Tuteñi Ludjen* // *caur jius Zb 285* / *caur jiusim 287 II da vō^artu Lubahn.* //]

по аналогии также у остальных основ. А так как вследствие этого в ед. ч. одна и та же падежная форма ставилась и после предлогов, требующих вин. падежа, и после предлогов, требующих твор. падежа, то впоследствии и в множ. ч. стал употребляться после обеих категорий предлогов один и тот же падеж, а именно творительный. В старопечатных текстах изредка еще встречается асс. pl. после предлогов (особенно после *par*): *paer ... loudis* Und. Ps. 3, 16, *aiz savus parādus* Disp. 211, *par vysus katnus* *ibid.*, *uz katnus* *ibid.*¹³; еще другие примеры I 163 и у Мюленбаха IF XIII 248 (ср. выше стр. 5). Но так как авторы этих текстов не латыши и в других местах несомненно грешили против законов ла. языка, то и в этом отношении нельзя на них безусловно полагаться. — Является вопрос, почему именно во множ. ч. вин. пад. был вытеснен твор. падежом, а не наоборот? Вполне удовлетворительного ответа на этот вопрос я не могу дать. Вероятнее всего мнение Мюленбаха IF XIII 249, по которому это произошло вследствие того, что в ед. ч. формы твор. пад. // *manim, tevim, sevim* ставились также после предлогов, требующих вин. падежа (о чем ср. выше под III). Можно, пожалуй, думать также о стремлении избегать двусмысленности: у всех основ женского рода и у основ на *-u* асс. pl. совпадал с ген. s. и ном. pl., так что, напр., *uz pļavas* могло значить и «на лугу», и «на луга». Если же Мюленбах указывает также на то, что у форм *manim, tevim, sevim* и у твор. пад. множ. ч. основ на *-i* было одно и то же окончание *-im*, то это неправильно, так как в текстах XVI века, в которых уже все предлоги во множ. ч. управляют твор. (дат.) падежом, твор. п. множ. ч. основ на *-i* оканчивается еще на *-ims*. После того как во множ. ч. твор. пад. совпал с дат. падежом, у части основ фонетическим путем, у остальных основ по аналогии, также после предлогов, требующих дат. падежа¹⁴, ставилась та же падежная форма, как после предлогов, требующих вин. или твор. падежа. В большинстве говоров, наконец, был проведен

¹³ [Autora eksemplārā: *par wujus // mūzūs* Disp. // Kat. во вѣки вѣковъ//]

¹⁴ Мюленбах говорит IF XIII 247, что также в нидер-бартауском говоре, где instr. pl. не совпал с dat. pl., предлоги, требующие дат. падежа, имеют во множ. ч. при себе твор. пад., имея при этом, вероятно, в виду предлоги *līdz* и *pa*; но за этими предлогами также в ед. ч. ставится твор. (вин.) падеж. А относительно появления форм твор. пад. множ. ч. на *-is* после предлогов, требующих род. падежа, ср. I 93 и 136 сл.

твор. (дат.) падеж множ. ч. также после предлогов, требующих род. падежа. По всей вероятности, прав Мюленбах, объясняющий IF XIII 250 сл. это тем, что формы твор. падежа ед. ч. *manim, tevim, sevim* ставились после всех предлогов. Теперь, правда, эти формы в некоторых говорах, напр. в вольмарском, неупотребительны, но позволительно и даже следует думать, что прежде эти формы употреблялись во всех говорах. Что действительно происходила ассоциация между формами *manim, tevim, sevim* и твор. (дат.) падежом множ. ч., это Мюленбах доказывает л. с. и 262 слл. указанием на то, что формы *manim, tevim, sevim* сохраняют свое окончание *-im* лишь в тех говорах, где встречается *dat.-instr. pl. laudim*; в других говорах говорят или *manim, tevim, sevim* с долгим *i* под влиянием окончания *-im* для *dat.-instr. pl.* основ на *-i* (*laudim*), или же *maniem, teviem, seviem* под влиянием окончания *-iem* для *dat.-instr. pl.* основ на *-o* // (*vīriem* и также *laudiem* или *laužiem*)¹⁵. — Распространению твор. (дат.) падежа множ. ч. после всех предлогов могло содействовать то обстоятельство, что некоторые из предлогов, требующих род. падежа, прежде управляли также вин. (твор.) падежом. Еще теперь в части говоров предлог *uz* требует и род., и вин., и также дат. падежа, и, судя по формам вин. пад., являющимся перед постпозитивным пред-

¹⁵ Мюленбах говорит IF XIII 251, что под влиянием таких древних форм, как *laudims*, формы *manim, tevim, sevim* приняли в конце также *-s*, ссылаясь при этом на LP VI 306, где будто бы стоит оборот *pie sevims*. Но в действительности мы тут читаем *pie sevim(s)*, а это, по-видимому, не значит, что в данном говоре (где *-s* в *dat.-instr. pl.* утрачено, ср. там же формы *tiem pašiem vārdiem, pašiem vėlniem, tām, ar divi zirgiem, nuo bailēm*) говорят рядом с *pie sevim* также *pie sevims*, но что рядом с *pie sevim* говорят также *pie sevis* (как тут же ниже мы и читаем). Даже в говорах, отчасти сохранивших *-s* в *dat.-instr. pl.*, формы *manim, tevim, sevim*, по-видимому, не приняли никакого *-s*, ср. *pi manēm* рядом с *vinēm* «им» (Газау). Скорее, кажется, можно думать, что под влиянием форм *manim, tevim, sevim* было утрачено *-s* в окончании *instr.-dat. pl.* сперва у основ на *-i* (напр., *laudim* из *laudims*), а затем также у остальных основ. Обыкновенно окончание *-m* для *dat.-instr. pl.* в большинстве латышских и в части литовских говоров считается заимствованным из двойств. числа (Брюкнер AfsI Ph. III 302 сл., Зубатый O alliteraci 8, Flickvok. 12 сл., Бругман Lesk.-Brugm. 298, Поржезинский Сборник статей, посвящ. Фортунатову, 624, Мюленбах Двойств. ч. 64 слл.) или возводится к побочной форме *dat.-instr. pl.* иде. праязыка, не имевшей в конце *-s* (Brugmann Grd. II 709 сл. и 715). Поржезинский, механически применяя известный лингвистический метод, говорит при этом даже, что начало утраты *-s*

логом *-p* (ср. I 168), можно думать, что когда-то прежде также предлог *pie* на вопрос «куда?» требовал вин. падежа. Старые грамматики, как указано в I части, в самом деле утверждают, что на вопрос «куда?» ставится вин. пад. не только после *pie*, но также после *aiz, apakš, zem, iekš*. На них, конечно, нельзя в этом отношении безусловно полагаться: они могли, пожалуй, и сами сочинить это правило, наблюдая, что после *uz* ставится вин. п. на вопрос «куда?», род. п. на вопрос «где?», и зная подобное правило относительно употребления некоторых немецких и латинских предлогов. Но все же позволительно думать, что когда-то вышеупомянутые предлоги действительно требовали на вопрос «куда?» вин. падежа: на это указывают употребление предлогов *uz* и *-p* // и существование сходного правила относительно некоторых предлогов в близко родственных славянских языках. И замечательно, что также лит. *ant* «на», теперь требующее род. падежа, в старых текстах (ср. BGLS 243 сл. и Lit. Mitt. V 240) имеет также вин. падеж за собою, и, по сообщению Шлейхера Gramm. 291, в лит. грамматике Остермейера § 235 говорится, что после *įž* «за» ставится вин. пад. на вопрос «куда?» (между тем как нам известен только род. падеж после *įž* в таком значении).

18

можно относить к//эпохе литовско-латышского языка. А между тем древнейшие памятники ла. языка (из II половины XVI века), написанные на среднела. наречии Курляндии (о чем ср. мою статью в Arskats I 252 сл.), знают, насколько мне известно, еще только окончание *-ms* для dat.-instr. pl., и только в текстах XVII века, написанных на том же наречии, впервые появляется, рядом с *-ms*, окончание *-m*. И если Мюленбах говорит, что «нельзя сомневаться, что формы дат. пад. мн. числа на *-m* существовали уже до времени Манцелия (писателя I половины XVII в.); отцы ла. литературы их только не употребляли», то такое энергичное утверждение плохо возмещает полное отсутствие доказательств. А двойственное число в латышском вышло, по-видимому, из живого употребления еще до начала ла. письменности и поэтому не могло около 1600 г. передать свое окончание *-m* формам дат. (твор.) пад. множ. ч. (литовские же формы dat.-instr. pl. на *-m*, по всей вероятности, действительно заимствованы из двойств. ч.). Итак, не пренебрегая историческими данными, приходим к заключению, что около 1600 г. ла. формы dat.-instr. pl. на *-ms* стали постепенно заменяться формами без *-s*. И, на мой взгляд, это происходило под влиянием форм *manim, tevīm, sevīm*: если по образцу оборота *ar ļaudīm* (или *ar vīriem*) оборот *ar manīm* был заменен оборотом *ar manim* (или *ar maniem*), то позволительно также думать, что под влиянием оборота *ar manim* стали говорить *ar ļaudīm* вместо *ar ļaudims*.

18

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ГЛАГОЛЬНЫХ ПРЕФИКСОВ

19 § 3. **Общие замечания.** Префиксы образуют в латышском и литовском теперь с глагольными формами одно нераздельное слово. Вследствие этого в латышском теперь и словоударение в сложных глаголах всегда ставится на префиксе, за исключением немногих говоров в северо-западной Курляндии, где также в сложных глаголах уда-//рение ставится на глагольном корне, ср. I 152. Сохранились, однако, следы прежнего самостоятельного положения префиксов. Как в литовском, так и в части ла. говоров еще теперь у возвратных глаголов между глагольным префиксом и самим глаголом вставляется форма возвратного местоимения, напр. ла. I s. praef. *pie-si-juožu* BW 13873, лит. *ap-si-jūosti*. В ла. народных песнях иногда кроме возвратного местоимения вставляются еще и другие слова между префиксом и глаголом, напр.: *iz-sa gauži raudājuos* BW 205 «я горько выплакалась», *puo-sa skaņi gaviļēju* BW 632 «я громко запела», *ie-sa man duomājās* BW 1085, 5 «мне вздумалось», *ap-sa pate duomājies* BW 4690 «подумай сама» и др. Эти ла. обороты вполне походят на греч. $\pi\rho\delta\ \delta\acute{\epsilon}\ \rho\prime\ \tilde{\eta}\chi\epsilon\ \theta\epsilon\acute{\alpha}$ A 208, древнелт. *ob vos sacro*, гот. *ga-u-hwa-sēhwi* и др. В живом ла. языке уже не встречаются такие обороты; только метрические требования сохранили в народных песнях такие архаизмы (и по их образцу в народной песне, пожалуй, и теперь еще сочиняются подобные обороты). — Также в старолитовских¹⁶ текстах и в части современных лит. говоров вставляются кроме *si* и другие энклитические местоименные формы и частицы, напр.: *pamirodik* Ширвид PS 73, 33, *atmirado* в словаре Межиниса, *pa-gi-kinkykai* в дусятском гов. LChr. 490, *paguzistat* в катех. 1598 г. AfslPh. XIII 568, *praiosbokusios* Даукша Post. 46, 23, *nuiamputuosiāmuy*¹⁷ у Беценбергера BGLS 225 из Kņiga Nobaznistes 1653 г., *intisakau* из постиллы 1600 г. BGLS 164 (здесь же и 267 много других примеров). — На прежнее самостоятельное положение префикса указывает также следующий архаизм ла. народной песни, где вместо слож-

¹⁶ И, по-моему, также в прусском: *po-me-leis* (у Симона Грунау, Berneker Pr. Spr. 276) «leck» (= фр. «baisez mon cul»); *leis* можно считать старую форму императива, обыкновенно заменяемого опативом.

¹⁷ *-putuo-* опечатка вместо *-puoti-*.

ного глагола (стоящего в предыдущем предложении) повторяется только префикс: *sader miezis ar apini, sa zālite ar ābuolu* BW 15453 «подходят друг к другу ячмень и хмель, трава и клевер»¹⁸.

Между тем как в других иде. языках к одной глагольной форме иногда присоединяются два или даже три // префикса, в балтийских языках сложные глаголы обыкновенно образуются только посредством одного префикса¹⁹. Второй префикс принимают в латышском такие сложные глаголы, которые по своему значению похожи на простые глаголы (или вследствие сильной дифференциации в значении простого и сложного глаголов, или вследствие малоупотребительности или устарелости простого глагола), напр.: *iepažīties* «познакомиться», *iepatīkties* «понравиться» (напр., LP I 154), *izpalīdzēt* «помочь», *piepalīdzēt* «помогать»²⁰; в книжном языке встречаются также германизмы *piepaturēt* «beibehalten» (напр., LP VII 1, 871), *izpārduot* «ausverkaufen» и даже (грубая ошибка!) *izpalikt* «ausbleiben» (*palikt* = bleiben). Также в литовском изредка встречаются сложные глаголы с 2 префиксами: *išpažinti* «erkennen» Jurksch. 27, *apsipažinti* в слов. Юшкевича, *uszpardoti* Lit. Mitt. V 242.

aiz-

§ 4. а) Сложные с *aiz* глагольные формы прежде всего означают движение за какой-либо предмет, название которого или дается в зависимости от предлога *aiz*, или же заменяется наречием места. Примеры: *aiziet saule aiz kuokiem* BW 3935 «солнце заходит за деревья»; *aiz brālīša aizstājuos* BW 13692 «я становлюсь за брата»; *aizlieņi aizkrāsnē* LP VII 1, 155 «залезь за печь»; *zieds aizbirst aiz*

¹⁸ [Autora eksemplārā: auch 18727 v //]

¹⁹ Также сочетания двух предлогов в латышском неупотребительны: инфлянтский оборот (всего один раз встреченный мною) *nu zam tytta* «z pod mostu» Zb. XVIII 268 — явный славянизм, как, вероятно, и лит. *iš pō* «из-под».

²⁰ Сюда, вероятно, относится и *izsamist* «отчанваться», рядом с однозначащими *izmist(ies)* и *samist*. Мюленбах, правда, считает IF XVII 406 *sa* в *izsamist* возвратным местоимением, но этот глагол встречается, вероятно, и в тех говорах, которые не знают местоименной формы *-sa-*, и также существование формы *samist* поддерживает мое толкование.

21 *zābaka* LP VII 1, 1280 «цвет закатывается за сапог»; *tur laikam kāds aizslēpies* (Вольмар) «туда, вероятно, кто-то запрятался»; *aizķēries aiz kuoka saknes* LP I 46 «зацепившись за корень дерева»; сюда же относятся глаголы *aizķert* (*te vējš aizķer* U «hier // faßt der Wind»; более древняя форма *aizkart* «задевать, трогать, обижать» уже менее ясно высказывает местное значение префикса, употребляясь в более отвлеченном значении) и *aizņemt* (*vējš te mūs aizņem* U «здесь на нас ветер дует»; также в переносном значении, напр.: *katra lieta aizņem savu laiku* LP I 22 «каждое дело занимает свое время»); ср. I 18 об употреблении предлога *aiz* при глаголах со значением «держат, брать, хватать, вести, тащить, дергать».

Подобным образом употребляются лит. префикс *ažu-* (напр.: *ažūnešē až krātū* LChr. 375, 40; *ažtiņdā aš pūodā* 378, 5; *ažgaūš saulēlē veidēty* 397, 19; *wisu swietu ažuimt* Ширвид PS 57, 18) и слав. *за-* (ср. Miklosich Vergl. Gramm. IV 206 слл.).

б) В движении за какой-либо предмет заключается также понятие удаления от исходной точки движения²¹, и при всех глаголах движения префикс *aiz-*, подобно слав. *у-*, нем. *fort*, *weg*, может обозначать только удаление. Примеры: *nuo... tuižas aizbraucuot* LP I 53 «уезжая из имения»; *aizmukt bez samaksas* I 54 «удрать, не заплатив»; *vēlns... aizsprūk* I 62 «черт улизывает»; *kungs aiziet nuokaunējies* I 84 «барин уходит пристыженный»; *sieva aizbēg nuo vīra* I 86 «жена убегает от мужа»; *zaķis grib aizlekt* I 120 «заяц хочет ускочить»; *kur palika baltas zuosis? aizpeldēja lielu jūru* BW 2221, 12 «куда делись белые гуси? уплыли по большому морю»; *putni pruojām aizsteidzās* BW 2879 «птицы умчались прочь»; *vējš aizpūta liepu lapas* BW 4106 «ветер умчал липовые листья»; *vīrs... aizdevis jau bērnu* LP I 1 «муж уже отдал (чтобы его увести) ребенка» (а затем *aizduot* получает значение «одолжать, ссужать»; противоположное: *aizņemt* «занимать, брать взаймы»); *tā aizlēk divpadsmit gadī* I 20 «так уходит двенадцать лет»; *mēri rauga aizdabūt ar labprātību* VII 1, 1238 «пытаются добром удалить мор»; *aizpļauties* «умчаться» (Вольмар); *dzied... man māsiņu aiz-*

²¹ Особенно наглядно виден переход «за-» в «у-» в таких оборотах, как *aizšāvās aizkrāsni* «ускользнула за печку» Трейланд нар. п., стр. 98, № 439.

vildams BW 600, 4 var. «поет, уманивая мою сестрицу»; *aiz-kāsēt* U «weghusten (ein böses Omen)». — Такое употре-//бление префикса *aiz-* можно считать ла. нововведением: лит. *ažu-*, насколько я знаю, так не употребляется (вместо *ažu-* обыкновенно ставится *pa-*, напр.: *pasineszi* «trug mit sich fort» Jurksch. 24; *pabėga* «lief davon» 27)²², и также слав. *za-* в общем не имеет такого значения. Можно поэтому думать, что ла. *àiz-* и лит. *pa-* в этих случаях заменили собою префикс *au-*.

с) Нередко затем к сложенному с *àiz-* глаголу прибавляется также обозначение цели²³, к которой устремляется движение или которой оно достигает; префикс *aiz-* в таких случаях приобретает значение не столько удаления, сколько стремления к определенной цели или достижения ее. Примеры: *ne līdz pusei aizticis* LP I 5 «даже середины не достигши»; *tur aizvede mūs māsiņu* Спр. 14 «туда увезли нашу сестрицу»; *pūt, vējiņi, dzen laiviņu, aizdzen mani Kurzemē* Спр. 19 «дуй, ветер, гони лодочку, унеси меня в Курляндию»; *kuri vēji tev aizpūta manas gaužas asariņas?* Спр. 232 «какие ветры занесли к тебе мои горькие слезы?»; *gāju, gāju, neaizgāju pie neveikla tēva dēla* BW 6211 var. «я собиралась, но не вышла (замуж) за неуклюжего юношу»; *aiznes manai māmiņai simtu labu vakariņu* BW 4384 «принеси моей матушке сто поклонов»; *vēlns badis akmeni, kamēr aizbadis līdz Grauzdes muižai* LP I 180 «черт толкает камень, пока не дотолкнет его до Грауздена»; *zaltis aiztinies līdz sirdij* I 118 «уж (обвивая человека) дошел до сердца»; *vēlns arī šuo aizkrāpj uz savu pili* I 66 «черт также ее заманивает в свой замок»; *tie maldās atkal ilgu laiku, kamēr aizmaldās uz kādu citu muižu* I 53 «они опять долгое время блуждают, пока не достигнут другого имения»; *kāda atraikne... aizduod... četrus dēlus pie citiem kalpuot* I 44 «какая-то вдова отдает четырех сыновей в услужение другим»; *tēs uz pilsētu aizbrauca* (Вольмар) «отец уехал (или также просто: поехал) в город».

d) Префикс *aiz-*, подобно лит. *ažu-*, слав. *za-* (нем. *zu, ver-*), показывает, что действием, выражаемым глагольной формой, производится какая-нибудь преграда. Примеры: *lielskungs tam aizstājās ceļā* LP VII 1, 1213 «барин ему

²² Еще другие примеры дает Ульянов Знач. II 42.

²³ [Autora eksemplārā: *aiznes tēvam ēst!* //]

заступил дорогу»; *durvois bijušas aizsietas* VII 1, 134 «двери были завязаны»; *aizkrāva durvois* VII 1, 133 «заслонил двери»; *aizliek // zuobinu tiltam priekšā* I 3 «закладывает мост мечом»; *aizjūgt zirgu* «запрячь лошадь»; *ausis aizkrīt* LP I 6 «уши закладывает (заложило уши)»; *tie bada-kāsiši aizrijušies* I 11 «те ненасытные захлебнулись»; *neattuop ne krusta aizmest* I 70 «и закреститься не успеваает»; *aiznagliuo zārku* I 80 «заколачивает гроб»; *aizvel... skauģam acis ar zaļām veļēnām* Спр. 126 «завали глаза завистнику зеленым дерном»; *aizaveru durtiņas* Спр. 287 «я затворяю за собой двери»; *aizkrustīt ceļu* Mag. XIII 2, 64 «загородить путь»; *kur palika gaŗais ceļš? tas aizauga zaļu mauru* BW 2221, 14 «куда делся длинный путь? он зарос зеленою муравою»; *neaižsmaku dziedādama* BW 94 «я от пения не охрипла»; *ceļu aizstāvēt* U «заступать дорогу»; *aizkavēt* «замедлять» (и по образцу *aizkavēties* «замедляться» — также *aizgulēties*, напр.: *aizza ilgi gulējuos* BW 12487 «я долго заспался»; и *aizciesties*, напр.: *nu tik viņš ēd! tik ilgi aizcieties!* Вольмар «теперь, однако, он жадно ест! так долго терпел голод»); *acis aizmiegt* «закрывать глаза» и по образцу *aizmiegt* — также соответствующий непереходный²⁴ глагол *aizmigt*²⁵ «засыпать», лит. *ažmigt* LChr. 385, 32). Сюда, вероятно, относятся также *aizliegt* «запрещать» (лит. III praet. *ažudraude* Ширвид PS 9, 4).

Ср. лит. *aždarei durus, ažuriš wyžus* Lit. Mitt. IV 175, *akis... ažumerkia* Ширвид PS 39, 4, *nasis... ažukimBa* 106, 21, *weydu sawo... ažudingdawo* 93, 17, *ažusistato raBtu* 104, 27, *kuris ažuturetu Diewu rustaiunti* 56, 18, *ažkinkei arkliaus* Lit. Mitt. IV 175, *kur ažūkasta piņigai* LChr. 382, 37, *kalālis ažuauga žotālu* Lit. Mitt. IV 178. — Дополнением некоторых глаголов этой группы (напр., *aizkraut*) является не только название предмета, посредством которого производится преграда, но также название того, что преграждается, // напр. *aizkraut malku durvim priekšā* или *aizkraut durvois ar malku* «заслонять двери дровами». Первый из этих однозначных

²⁴ Изредка *aizmigt* имеет значение переходного глагола, напр. *aizmigšu abas acis* BW 2070, 1 «я закрою оба глаза»; в этом, вероятно, следует видеть смешение обоих глаголов, которое сказывается также в том, что от *aizmigt* изредка образуется (вместо обыкновенного *aizmiegtu*) наст. время *aizmiedzu* (как от *aizmiegt*).

²⁵ По образцу таких глаголов, как *aizmigt*, где местное значение префикса уже чувствуется менее ясно, вероятно, возник сложный глагол *aizmirst* (лит. III praet. *ažumirsto* Ширвид PS 49, 26) «забывать».

оборотов, по-видимому, древнее. Возникли они, вероятно, на основании оборота *aizkraut malku aiz durvīm* «закладывать дрова за двери» (с точки зрения человека, отделенного дверьми от дров), где *aizkraut* по своему значению относится еще к группе а. С точки зрения человека, производящего эту преграду, это же действие называется *kraut malku durvīm priekšā* (LP VII 1, 133) «класть дрова перед дверьми»; путем смешения оборотов *aizkraut malku aiz durvīm* и *kraut malku durvīm priekšā* мог возникнуть новый оборот *aizkraut malku durvīm priekšā*, где префикс *aiz-* в *aizkraut* должен был приобрести новое, уже указанное значение. По образцу таких оборотов, как *aizkraut malku durvīm priekšā*, вероятно, возник оборот *aizkurt uguni* «разводить огонь» (в печном устье перед внутренним отделением хлебной печи, ср. словарь Ульмана под *aizkurs*); а затем стали говорить также *aizkurt krāsni* LP I 116 «затапливать печь», *aizdegt* «зажигать», *aizdegties* (напр., *pirts... aizdegusēs* LP I 114 «баня загорелась»). Ср. лит. *žvākės ažūdegtās* LChr. 375, 43.

е) Мы уже познакомились с оборотом *ceļu aizstāvēt* «заступать дорогу»; но этот же глагол *aizstāvēt* (с вин. п.) имеет также значение «заступаться за кого-нибудь, защищать кого-нибудь». Такое значение получил префикс *aiz-*, должно быть, прежде всего в сложении с глаголами движения, напр. *aizstāt* U «заступаться», ср. I 20 сл. о подобном значении предлога *aiz*. По образцу таких глаголов, как *aizstāt*, *aizstāvēt*, далее говорится также *aizlūgt* U «просить за кого», *aizrunāt* U или *aizbilst* Etn. III 145 «замолвливать»; ср. также отглагольные существительные *aizredzība* (*par tuo bērnu nav nekādas aizredzības* U «нет никакого присмотра за ребенком») и *aizgādība* U «Vorsorge». Под влиянием таких форм, как *aizstāvēties* «защищаться», *aizrunāties* U «sich entschuldigen», вероятно, возникла сложная форма *aizklausīties* (*nevar nemaz aizklausīties* Вольмар «противно выслушивать»; *nevar nemaz* = нельзя совсем, *klausīties* = слушать).

Также лит. *ažu-*, по-видимому, имеет такое значение: ср. *ažustoisias* Ширвид PS 56, 24 «заступник», *ažutārytor* LChr. 60, 37 (ср. также *užmelstōjis* «Fürbitter» у Куршата, *užkalbēti* «замолвить, ходатайствовать» у Межиниса). //

ф) Префикс *aiz-* выражает временное или количественное ограничение действия. Примеры: *aizsvēpās sila irbe* BW 250, 1 (в приложении) «засвистала лесная куропатка»;

25

*gailis aizdziedājies*²⁶ LP VII 1, 1311 «петух запел»; *aizakliedza* (в вариантах: *nuosakliedza*) *vanadzīņš* BW 2570, 1 «ястреб закричал»; *kēdites aizžvakstējušas* (или *-ās?*) LP VI 938 «цепочки зазвенели»; *aizplēsis vienai apsei mizu* LP VII 1, 237 «задрал кору у одной осины»; *aizlūza liepas zars* BW 9588 «липовый сук надломился»; *tēk asaras kā aizurbtam bērzam* Etn. IV 75 «текут слезы как у забурванной березы»; *aizsprāgt* U «etwas platzen, einplatzen»; *aizšauts vilks* U «ein angeschossener Wolf»; *tys jēržels kai aizažvīdža, vysa zēma aiztreišāja* Zb. XVIII 460 «jak zaržat ten ogier, to cała ziemia się zatrzęsła»; *dieviņu aizkaitinājis* LP VII 1, 328 «он божка немного рассердил»; *brūtgāns vienam burvim bij aizdevis dusmas* LP VII 1, 669 «жених рассердил одного колдуна»; *kungs aizaširdēja* Zb. XVIII 247 «pan zgiewał się»; *kab jis džart' aizgribātu* Zb. XVIII 398 «żeby mu się pić zachciało»; *aizkust* U «ermüden» (точнее: «поустать»); *gaismiņa aizsvide* U (или *aizblast* Etn. III 145) «(немножко) начало (или начинает) светать». Сюда, вероятно, относятся также *aizsaldēt masalas* (ср. словарь Ульмана) «застуживать оспу», **aizkurlis* «глуховатый» (так, вероятно, т. е. как part. praet. act.²⁷, следует читать вместо прилагательного *aizkurlis*, -a у Ульмана: в произношении обе формы вполне совпадают, и другие сложенные с *aiz-* прилагательные неизвестны), *aizēšties* (*uzskati, kamēr cūkas aizēdas aizgaldā* Etn. III 145 «надзирайте за свиньями, пока они утоляют голод»); *aizganīt* (*nuo rita vajaga luopus aizganīt, tad tie paliek mierīgi* Etn. III 145 «по утрам нужно давать скоту понаесть на пастбище, тогда он делается спокойным»). Такое же // значение имеет также лит. *ažu-*, напр.: *mergà ažustáuģė* LChr. 386, 4; *Júrgys . . . labai asiširdžija in ją* 379, 36; *diėvas un žmāniū labai ašpykys* 369, 27; *ažuauša* Lit. Mitt. IV 178. Такие ла. сложные основы, как, напр., *aizsvēlpties, aizdziedāt(ies)*, и такие р. сложные основы, как *запеть, закричать*,

²⁶ Ульянов Знач. II 61 относит сюда также *aizdzied* из Спр. 207 (*mičuojiēt, mičuoťājas, negaidiēt gaiļa laika: lai gailis neaizdzied ar vīzuļu vainadzīņ'*); но *aizdziedāt* имеет здесь другое (переходящее) значение, подобное значению глагола *aizkūkuot* (ср. словарь Ульмана) «закуковать» (в перех. значении). В других местах также невозвратная форма *aizdziedāt* имеет значение р. «запеть», напр. *gails . . . aizdzidōja* Zb. XVIII 248 «kogut zarīat»; но в общем можно сказать, что сложенные с этим *aiz-* глаголы, обозначающие того или другого рода звуки, обыкновенно являются в возвратной форме.

²⁷ Ср. глагол *apkurlt* «оглохнуть» в «Латышско-русско-немецком словаре».

заговорить и др., Ульянов (Знач. II 59 слл. и 167 слл.) одинаково называет «ингрессивными» основами²⁸ («ингрессивные основы обозначают признак как наступающий без отношения к какому-нибудь субъективному моменту времени», или «обозначают наступление целого времени признака, в его недлительности»). Если ла. сложные основы этой группы (по крайней мере, часть их) лучше всего и передаются посредством соответствующих им р. сложенных с *za-* глаголов, все-таки, на мой взгляд, нельзя считать, напр., ла. *aizdziedāt(ies)* и р. *запеть* вполне тождественными по значению. Между тем как р. *запеть*, по определению Ульянова I. с. 170, значит «воспроизвести акт пения», ла. *aizdziedāties* значит «воспроизвести непродолжительный акт пения». При этом оттенок непродолжительности, заключающийся в ла. *aizdziedāties*, вероятно, более позднего происхождения: он мог возникнуть под влиянием таких глаголов, как *aizplēst*, *aizlūzt*, *aizurbt*, *aizsprāgt*, *aizšaut*, возникших в свою очередь, вероятно, по образцу таких глаголов, как *aizkart*, *aizņemt*, *aiztikl* «задевать, затрагивать» (из группы *a*). Также слав. *za-*, кажется, иногда содержит оттенок ограничения: Миклошич приводит (Vergl. Gramm. IV 207 слл.) примеры срб. *zagudjeti* «einen Strich auf der Geige machen»; *zakusiti* «ein wenig zu sich nehmen»; чеш. *zadírati* «anfangen zu reißen» или «ein wenig reißen», *zasmáti se* «einmal, ein wenig lachen»; п. *zaktóć* «ein wenig stechen», *zaczekać* «ein wenig warten», *zazartować* «semel vel modicum iocari»; верхнелуж. *zaduć* «ein wenig blasen», *zakrać*, *zaćeć* «anschneiden», *zapiskać* «einmal aufspielen und dann aufhören». — В таких ла. сложных основах, как, напр., *aizdziedāt(ies)* «запеть», *aizsvēlpties* «засвистать», — если заключающийся в них оттенок непродолжительности действительно более позднего // происхождения, — предполагаемое «ингрессивное» значение префикса *aiz-*, конечно, не может непосредственно быть возведено к местному значению этого префикса: можно думать, что эти основы возникли по образцу таких глаголов, как *aizdegties* «загореться» (ср. выше стр. 24). Между тем как в славянском сложенные с *za-* основы получили также «начинательное» значение (Ульянов Знач. II 169 сл., Фортунатов Разбор 117 сл.), ла. сложенные с *aiz-* основы, насколько мне известно, такого значения не имеют.

27

²⁸ Фортунатов же (Разбор 91, 97 сл., 114 сл., 117 сл.) — «результативно-ингрессивными».

g) Префикс *aiz-* показывает, что субъект выражаемого глагольной формой действия превосходит им других. Примеры: *ne viens mani aizrunāja, ne viens mani aizdziedāja* Спр. 152 «никто не мог меня переговорить, никто не мог меня перепеть»; *aizbrēkt* U «überschreien»; *mazi tuo lieluo aizskaitis* U «die Kleinen werden's dem Großen da im Lesen zuvortun»; *aizstrādāt* U «in der Arbeit überholen»; *es tevi aizskriešu* (Адзель-Шварцгоф) «я тебя перегоню». — Судя по *užbēgti* (*karālius ūzdawi... lenky' bēgt; kās užbēgsēs, laimēsēs* Jurksch. 31 «der König gab auf, wettzulaufen; wer zuvorkomme, werde gewinnen». Ср. там же ниже *tās wisiēms už akiū užbēgsēs* «der war allen vor Augen gekommen»), также лит. *ažu-* имеет подобное значение²⁹, между тем как слав. *za-* в таком значении мне неизвестно. Если бы мы имели дело только с ла. формами, то можно было бы думать, что сложные с *aiz-* глаголы этой группы возникли на основании таких оборотов, как, напр., *šis ... aizskrien princesei gařam* LP I 45 «он перегоняет царевну» (дословно: он убегает мимо царевны), где *aizskrien* по своему значению относится еще к группе **b** или **c**; но лит. *ažu-* не имеет значения, о котором говорится под **b** и **c**. Поэтому приходится думать, что такие глаголы, как *aizdziedāt*, возникли на основании употребления предлога *aiz* в таких оборотах, как *augši dzied cirulitis aiz visiem putniņiem* I 19. Что сложные глаголы иногда возникают на основании употребления предлога, на это уже указал Бецценбергер BGLS 248: между тем как в библии Бреткуна еще читаем *pradeia sakyti || ape warda pono*, в библии 1869 г. уже говорится *pradējo apsakyti wardą Pono*. На основании употребления предлога *aiz*, вероятно, возникли также сложные формы *aizmaksāt* (лит. III praes. *ažutoka* Ширвид PS 17, 27) «заплатить» и *aizkūlējs*, ср. словарь Ульмана.

28

ар-

§ 5. а) Префикс *ар-*, подобно лит. *ар(и)-*, пр. ер- (*eb-, ab-*), слав. *о(бъ)-*, показывает, что движение или действие, выражаемое глагольной основой, совершается вокруг чего-нибудь (или вокруг части чего-нибудь), причем ради

²⁹ Когда это было уже написано, stud. med. К. И. Яконт сообщил мне еще оборот: *jis manī ažūrēkē* «он меня перекричал» (из купишск. говора).

усиления часто еще прибавляется наречие *apkārt* или *aplik* «вокруг, кругом». Прямым дополнением таких сложенных с *ap-* глаголов является или то, вокруг чего совершается движение или действие, или то, чем что-нибудь окружают. Примеры: *aptecēju ezeriņu* BW 3984 или *ap ezaru* var. 3 «я обжегал озеро»; *pelīte... apskrējuse... tam apkārt* LP VII 1, 16 «мышка обжегала вокруг него»; *apjā manus tirumīnus* (Зербигал) «объезжай мои поля»; *apjāj trīs reizes ap kalnu* LP I 62 «3 раза объезжает гору»; *apnes tuo trīs reizes ap pili* LP I 6 «обнеси его вокруг замка 3 раза»; *viņš apkrauj ap... laukiem... valni* LP I 39 «он окружает поля валом»; *apsieni... galvu ar lupatu* LP I 46 (говорится также: *apsieni lupatu ap galvu*) «обвяжи голову лоскутком»; *tā aplik sūniem ap kaklu savas... ruotas* LP I 64 «она надевает собакам на шею свои ожерелья»; *zaltis... aptinās meitai... gaŗ kaklu* LP I 83 «уж обвивается вокруг шеи девицы»; *vis-apkārt pilij... dārzu aptaisīt* LP I 94 «разводит сад вокруг всего замка»; *apstāj mājas nuo visām pusēm* LP I 117 «они обступают дом со всех сторон»; *viņa... apkampj brālī* LP I 97 «она обнимает брата»; *es apsitu uozuoliņu... nagliņām* Спр. 34 «я обиваю дуб гвоздиками»; *man apskrēja... svārki ar... asiniem* Спр. 73 «у меня кафтан обрызгался кровью»; *bērnš apmīzies* (или *apdirsies*) «ребенок обсикался» (или «обосрался»); под влиянием глаголов *apmīzties*, *apdirsties*, вероятно, возникло *appirsties*: *vistiņa appirdās* BW 3037 «кураца пернула»; *tur tevi ziediem apbierdinās* Трейланд нар. п. № 73 «там тебя осыплют цветами»; *māsai galva apsnigusi* Спр. 208 «у сестры голова покрылась снегом»; *lai apauga tas ce-//liņš... krūmiņiem* Спр. 221 «пусть обрастет эта дорога кустарником»; *meitas manu cepurīti kā bitītes aplipušas; vai tā mana cepurīte saldu mēdu apmēduota?* Спр. 270 «девицы, словно пчелки, облепили мою шапку; ужели моя шапка сладким медом обмазана?»; *apравēju... uozuoliņu* BW 1664 «я опалывала траву вокруг дуба»; *šūpulīti appuškuošu* BW 2106 «я разукрашу колыбель»; *apzeltitu pūru* BW 4886 «позолоченный сундук с приданным»; *jumts apjumts* LP I 5 «крыша накрыта»; *apslacina ar... asinīm... drēbes* LP I 101 «обрызгивает платья кровью»; *appūš visu kaŗa-spēku... ar smiltīm* LP I 24 «покрывает (дословно: обдувает) все войско песком»; *visas tautas apveltītas* Трейланд нар. п. № 573 «все чужие одарены»; *raganas... avis apcirpušas* LP VII 1, 532 «ведьмы остригли овец»; *šis aptausta... cimdu* LP VII 1, 177 «он ощупывает рукавицу»; *aplaupītais*

miruonis LP VII 1, 82 «ограбленный покойник»; *apzagt* «обкрадывать»; *apkrāpt* «обманывать»; *viņš apuožnā nuokautuo* LP I 151 «он обнюхивает убитого»; *apraudzil* «осматривать» (затем этот глагол, напр. Трейланд нар. п. № 128, получает значение «посещать» и, должно быть, по его образцу возникают синонимные глаголы *apsērst*, напр. LP I 152, *apmeklēt*, *apciemuot* «посещать»); *šis vēcākus ar naudu aplaimuo* LP I 23 «он деньгами ошастливил родителей» (ср. пр. *epdeiwūtint* «beseligen» Ench. 86); *ienaidnieku apkařuot* LP I 86 «воевать против неприятеля»; *apsargāt* «охранять» (ср. пр. асс. s. *absergisan* «Schutz» Ench 55); *kājas apaut* «обувать ноги»; *apsaāvu... kurpes kājiņā* BW 1321 «я надела башмаки»; *kas... tev apsedza* (в вар.: *uzsedza*) *tādu... villainiti* BW 2769 «кто тебя покрыл такую шерстяною накидкой»; *viņš apklājās ar baltu palagu* LP I 54 «он покрыл себя белой простынею»; *apbērnוותies* U «Junge bekommen (von Tieren)»; *apsievוותies* или *apprecēties* «ожениться» (эти сложные основы, может быть, возникли во время полигамии; говорится также *arņemt* сит асс. «жениться», напр. BW 5254, или «выходить замуж за», напр. LP VII 1, 39). Ср., по словарю Юшкевича, подобное значение лит. *apibēgti*, *apjōti*, *apkrāuti*, *apstōti*, *apibirti*, *apāugti*, *apkirpti*, *apžvalgyti*, *aptankyti*, *apktōti*, *apsivaikuoti* и др.

30 Иногда сложенные с *ap-* глагольные основы означают вращение предмета около собственной оси: *apgriež... trauciņu uotrādi* LP I 5 «оборачивает сосуд (в горизонтальном направлении)»; *apsagāza kamaniņas* BW 2561 «сани опроки-//нулись»; *apar manu... dārzu* Трейланд нар. п. № 731 «перепаша мой сад»; ср. лит. *apsukti* и др.

б) Префикс *ap-* показывает, что действие, выражаемое глагольной формой, производится целым рядом субъектов или распространяется на целый ряд объектов: *apkava³⁰ mūsu vīrus* LP I 4 «он перебил наших мужей»; *viss kara-spēks... armirst* LP I 32 «все войско перемирует»; *es apšūtu visu valsti* LP I 74 «я бы обшивала всю волость»; *es... visu valsti aptazgātu* LP I 74 «я бы обмывала (т. е. стирала бы белье) всю волость»; *darbi tika tāpat apdarīti* LP VII 1, 799 «работы были (все) так же сделаны»; *vilks tam apkuož*

³⁰ Ульянов Знач. II 45 приводит также, не указывая источника, *arkaut* «убыть»; я с таким значением этого глагола нигде не встречал (на *arkaut* «todtschlagen» у Биленштейна LSpr. § 294, конечно, нельзя ссылаться).

luopus LP VII 1, 763 «волк ему перекусал скот»; *kuokus aplauzīja* LP VII 1, 335 «переломал деревья»; *visu pagastu apskriet* Mag. XIII 2, 44 «in der ganzen Gemeinde gewesen sein»; *visu lauku aprakņā* Трейланд Мат. 44 «перерывает все поле»; *viens sieks ķilķēnu jāpēd Kurbadam* LP I 10 «Курбаду приходится съесть один сек³¹ клецек» (затем этот глагол весьма часто употребляется в значении «съесть» также в отношении к одному предмету, так что и в приведенном примере «суммарное»³² значение глагола *apēst* выступает менее ясно); *manu alutiņu bez dziesmām apdzēruši* (в вар.: *nuodzēruši* или *sadzēruši*) BW 782 «мое пиво выпили без пения» (дополнением этого глагола является также название предмета, ценою которого приобретаются напитки: *apdzersim siku naudu, tēva duotus kumeliņus* BW 3819 «мы пропьем мелкие деньги и лошадей, данных отцом»); *apdzisa³³ man guntiņa* BW 3350 «у меня огонь угас»; *apdzēsa³³ uguni* LP VII 1, 99 «он потушил огонь»; *viesuls tagad aprimst* LP I 147 «вихрь теперь стихает»; *apkulties* U «кончить молотить»; *apvākt laukus* U «die Ernte einheimsen»; *saule apspiež sēju* U «die Sonnenhitze dörft die Saat aus»; *aptvert // asinis* U «dem Blüten Einhalt tun». Уже некоторые из приведенных глаголов (*apdzist, apdzēst, aprimt, apspiest, aptvert*) менее ясно обнаруживают «суммарное» значение: предметы, состоящие из многих частей, могут рассматриваться также как одно целое (огонь, кровь, посев), а в таком случае относящиеся к ним сложные с *ap-* глаголы могут терять свое «суммарное» значение и применяться затем также в отношении к одному предмету. Префикс *ap-* тогда придает глаголу только значение совершенного вида. Примеры: *tautas mani apturēja* Спр. 166 «чужие люди задержали меня»; *apsastāju* BW 3944, 3 var. «я остановилась»; *apsēduosi* BW 3944 «я присела»; *es vakar apsagulu* BW 2882 «я вчера легла». Под влиянием таких глаголов, как *apdzist, aprimt, apdzēst, aptvert, apturēt, apstāties*, вероятно, возникли такие сложные глаголы, как *apsaukt (ķēniņš liek suņus apsaukt* LP I 127 «царь велит унять собак»; *saukt* значит «звать»), где префикс показывает, что действие, выражаемое простым глаголом, производится именно с целью удержания или внимания кого-нибудь.

31

³¹ Сек (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

³² Ср. Ульянов Знач. II 34 и 40 и замечания Фортунатова Разбор 94.

³³ Эти глаголы применяются особенно тогда, когда речь идет об огне очага или костра.

Возникло это «суммарное» значение сложных с *ap-* глаголов, вероятно, на основании таких оборотов, как *apstaigājuši visus laukus* LP VII 1, 32 «они обошли все поля»; *visi trauki apmazgāti* Трейланд нар. п. № 573 «вся посуда обмыта», где еще ясно чувствуется местное значение префикса.

Подобное значение могут иметь также лит. *ap(i)-* и слав. *o(бъ)-*, ср. лит. *apdirbti, apvokti, apkramtūti, apkristi, aprinkti, apgėsti, aptaikūti, apsisėtėti* и др.; р. *обегать* («все кузни обегал, а некован воротился»), *обжинать* и др. Ввиду значения ла. *apdzert* я полагаю также, что префикс *o-* в р. *опить* («его обѐли и опили») следует сопоставлять с ла. *ap-*, а не скр. *abhi* (как это делает Delbrück Vergl. Synt. I 688); ср. также црксл. *облещи* «decumbere, *ρένειν, wohnen bei*: ла. *apgult, apmesies* (и здесь Дельбрюк, по-моему, неправильно сопоставляет *об-* с скр. *abhi*); словинск. и срб. *otresti* «decutere»: лит. *apkrėsti* «отрясать» (Миклошич же возводит, Vergl. Gramm. IV 220, префикс *o-* здесь к *ot-*).

32 е) Префикс *ap-* придает оттенок деминутивного значения: *apbaurot* LSpr. I 463 «etwas (be-)mästen»; *apmazgāt* ibid. «etwas bewaschen»; *apsalt* U «etwas von Frost getroffen werden», *apsilt* U «etwas warm werden»; ср. лит. *apšalti* // «обмерзнуть». Деминутивное значение могло здесь возникнуть прежде всего у таких глаголов, как *apsalt, apsilt*: здесь еще чувствуется местное значение префикса («кругом об-»), и если поверхности предмета противопоставляется остальная (большая) часть его, то эти сложные основы естественно получают оттенок деминутивного значения. С другой стороны, такие глаголы, как *apsalt, apsilt*, выражают также изменение состояния. И по их образцу, вероятно, возникли затем и другие сложные с *ap-* глаголы, выражающие какое-либо изменение состояния, причем оттенок деминутивного значения может и вполне теряться. Примеры: *kamēr apreibsti* LP I 51 «пока голова не закружится»; *tas tā apmulst* LP I 21 «он так одуревает»; *apdilt* U «отупеть»; *apgurt* U «müde werden»; *apkausēt* U «matt machen»; *apklibt* U «охрометь»; *aplaiskuoties* U «облениться»; *apsmakt* U «охрипнуть»; *apstingt* U «erstarren»; *apskaisties* U «unwillig werden» и др. Ср. лит. *apkūrsti, apkārsti, apkāršti* и др.

d) Префикс *ap-* слагается с различными *verba dicendi* и глаголами более отвлеченного характера для выражения того, что действие, обозначаемое глагольной формой, происходит по отношению к какому-нибудь лицу или предмету

(ср. I 27 сл. подобное употребление предлога *ap*): *kumeliņu apdziedat* BW 53 «пойте о коне»; *uotru aprunāju* BW 804 «я оговариваю другого» (*aprunāties* «совещаться»; под влиянием *aprunāties*, вероятно, возникли *apprasities* LP I 43, *apjautāties* 19 «осведомляться»); *sieva apburta* LP I 49 «жена околдована»; *zīrgu kuopēju apmēluot* LP I 70 «оклеветать конюха»; *apzvana... miruoni* LP VII 1, 51 «звонят по умершем»; *apraudāt* «оплакивать» (*ap-sa gauži raudājuos* Спр. 304 «я облилась горькими слезами»); *apsmiet* «осмеивать»; *apduomāt* «обдумывать»; *apzināt* U «um etwas wissen»; *apvainuot* «обвинять». Ср. лит. *apgiedóti, apkalbėti, apsiklausinėti, apraudóti, apžinoti* и др.; пр. *epmēntimai* Ench. 8 «belügen», *ni-ebwinūts* Ench. 51 «unbeschuldigt».

Все эти глаголы в сущности относятся к группе *a*; только местное значение префикса здесь сознается менее ясно вследствие более отвлеченного характера действий, выражаемых этими глаголами.

е) Лит. *ap(i)-*, слав. *o(бъ)-* показывают также, что субъект выражаемого глагольной формой действия превосходит // им других: *wisūs apibēga* Jurksch. 31 «alle überholte»; *wisūs ir manę tas āplēki* ibid. 41 «der hat alle, auch mich im Fluge überholt»; словинск. *otrôbiti* (Miklosich Vergl. Gramm. IV 220) «im Blasen übertreffen», *opēti* ibid. «im Singen übertreffen»; р. *обежать, обойти, облететь* и др. Ла. *ар*- мне в таком значении³⁴ неизвестно³⁵. Такое значение префикса, вероятно, возникло в сочетаниях глаголов, выражающих движение с несколькими объектами.

г) Как I 32 сл. и 36 указано, в латышском сохранились следы предлога *ap* «под», и также глагольный префикс *ар*- в некоторых случаях, кажется, имеет значение «под-». Не знаю я, однако, вполне надежных примеров. Словарь Ульмана дает *aplist* «sich unter etwas verkriechen», но вне всякой связи, так что не исключена возможность, что *ар*- тут придает глаголу «суммарное» значение, а не значение «под», которое может быть обусловлено сочетанием глагола с другими словами. Из текстов я приведу еще: *kalējs... aptupās zem... krēsla* LP VII 1, 813 «кузнец сел на корточки под креслом»; *es apgulu... ar zaļajās velēniņas* Bt. 246 «я улеглась под зеленым дерном» (*ар*- может здесь иметь такое же значение, как в вышеприведенных *apsēsties, ар*-

³⁴ [Autora eksemplārā: *apdzyna* Zb. 333 //]

³⁵ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

gulties, apmesties); *nauda... aprakta zem maizes kambara* LP I 44 «деньги закопаны под хлебнею» (и здесь *ap-* может иметь свое обыкновенное значение «о(бъ)-», ср. *rakuši, rakuši, nevarējuši nekādi aprakt* LP VII 1, 135 «они хоронили, хоронили (мертвеца), но никак не могли похоронить»³⁶; *māte bijuse jau apbedīta* LP VII 1, 32 «мать была уже похоронена»; *sen bū' manu augumiņu mēlnu zemi apbēruši* BW 4793, 3 «давно бы засыпали мое тело черною землею», т. е. «похоронили бы меня»); *es apkalu kraukļam kājas* BW 2493, 1 «я ворону ноги подковал» (точнее, вероятно, было бы: «оковал», как в стихе *man pūriņa neapkali* BW 3905, 1 «ты мне сундука не оковал»).

at-

§ 6. а) Ла. предлог *at*, насколько явствует из немногих примеров, приведенных I 57 сл., соответствует // по значению скорее всего русскому «с» (с род. пад.): *at kalniņu* «с горы». Но позволительно думать, что в таких оборотах, как *at kalniņu*, предлог *at*, подобно слав. *отъ*, первоначально выражал только удаление вообще.

Это же значение («от»), вероятно, имеет также префикс *at-* в таких сложных именных формах, как *atzars* «отросток», *otkon* «опять (собственно: сначала)», *atbulu* (лит. *atbulai*), *atmuguriski*, *atsprāklis* «задом», *atpakaļ* «назад», *atdiršu* U «Rücken an Rücken» (первоначально все эти формы, начиная с *atbulu*, вероятно, значили «сзади»; когда затем предлог *at* устарел, значение этих форм могло измениться под влиянием таких форм, как *atžagarni* «задом», о которых говорится еще ниже). — Также сложенные с *at-* глаголы означают того или другого рода удаление или отделение: *šķira mani māmiņa, pagalam neatšķira* BW 2038 «отнимала меня маменька (от груди), окончательно не отняла»; *atstājies... nuo maniem* BW 5079 «отстань от меня»; *atgriezu... māsiņu nuo dzērāja* BW 11784 «я отклонила сестру от пьяницы»; *tas atsveļ zuobinu* LP I 3 «он отбрасывает меч (в сторону)»; *viņš atjuož zuobinu* LP I 4 «он распоясывает меч»; *atgriež ar zuobinu... zīgam virslūpu* LP I 9 «отрезает мечом верхнюю губу у лошади»; *nuo valdišanas atsacīties* LP I 23 «отказаться от правления»; *atturēties* LP I 63 «воздержаться (от сна)»;

³⁶ Собственно: засыпать землю.

vēlms... *atkāpjās* LP I 64 «черт отступает»; *atņem šim dzirnu-
 tiņas* LP I 78 «отнимает у него (ручную) мельницу»; *zallis
 atritinās nuo kakla* LP I 83 «уж отстаёт (развиваясь) от
 шеи»; *atraidā savu... sulaini* LP I 116 «отпускает своего
 слугу»; *atrauj savu ruoku nuost* LP I 128 «отрывает свою
 руку»; *atliek ratiņu pie malas* LP I 154 «откладывает прялку
 в сторону»; *kaķi briesmīgi ņaud, bļauj un lien racējiem virsū,
 tā ka ne atklausīties, ne atkratīties vairs nevar* LP VII 1, 1061
 «кошки страшно мяукают, кричат и лезут на копальщиков,
 так что не могут более никак от них отделаться»; *raganas
 atsargāt nuo mājām* LP VII 1, 577 «охранять дом от кол-
 дуний»; *atgaiņāties* LP I 48 «отбиваться»; *atraisīt* «отвязы-
 вать»; *saderēju, atderēju ar tuo tautu nevēklīti* Спр. 188
 «я обручилась, (но) разошлась с неуклюжим юношей»;
atmiņam nu, ...kuo mēs pērn samijām BW 15792 var.
 «возвратим друг другу, чем мы в прошлом году обменялись»;
atceliet (в вар.: || *atveriet*) *vara vārtus*³⁷ BW 636, 1 «отворите
 медные ворота»; *vārti*³⁷ *atdarās* LP I 23 «ворота отворяются»
 (по образцу последних оборотов могли возникнуть *atplēst*:
atplēš muti līdz ausim LP I 17 «разезает рот до
 ушей»; *atpīt: mati vaļā atpiti* LP VII 1, 593 «волосы
 расплетены»; *atrakt: raudzijuši pagrabus atrakt* LP VII 1, 341
 «пытались раскопать погреб»; *atburt: apburtā pils bij at-
 burta* LP VII 1, 206 «заколдованный замок был расколдован»;
atadit U «das Gestricke aufreffeln»; *ataust* U «das Gewebe
 auftrennen»; *atklāt* «открывать, обнажать»; *atminēt* «отгады-
 вать» и др.); *atduoš' tevi incišam* BW 2110, 2 «я отдам («werde
 weggeben») тебя (мышь!) кошке»; *atvainuot* «извинять»;
atrast или *atjūkt* «отвыкать» (по образцу таких глаголов,
 как *atrast*, *atjūkt*, вероятно, возникли *atēsties: nu ir atēdies*
 Mag. XIII 2, 62 «er hat etwas satt bekommen»; *atdzerties* U
 «напиться досыта»; *atsitušies* BW 12878 var. «были, пока не
 надоело»; *atriebties: tai varde atriebjās* LP I 115 «лягушка ей
 опротивела»; *atlit* U «aufhören zu regnen»; *atsvētities* U «aus-
 feiern»; *atgriezties* U «stumpf werden»; *atcirsties* U «stumpf
 werden»; *atkuosties* U «stumpf werden»); *atlikt* «оставаться»
 («übrig bleiben»); *atstāt* «оставлять» (первоначально,
 вероятно: «отставать»); *atspiest* «оттеснять»; *atmest* «от-
 брасывать»; *atsist* «отбивать» (возвратные формы последних
 трех глаголов немного изменили свое первоначальное значе-
 ние: *atsaspiede vēca liepa jaunajā uozuolā* Спр. 35 «старая

35

³⁷ Имеются здесь в виду одностворчатые ворота.

лица оперлась о молодой дуб»; *atmesties* «опираться»; *atsities* «ударяться об». Под влиянием этих возвратных форм, вероятно, далее возникли следующие возвратные формы: *milzis... atdūrās pret Kurbada zuobinu* LP I 2 «великан уткнулся в меч Курбада»; *Kurbads atzveļās pret rēšnuo uozuolu* LP I 11 «Курбад ложится, опираясь о толстый дуб»; *atsēsties*³⁸ BW 1997, 3 «присядь», *paād ji i adzagutstas*³⁹ Zb. XVIII 271 «покушав, они ложатся спать»).

36

Ср. лит. *atskirti, atjūosti, atgriežti, atimti, atlikti, atstōti, atsikratīti, atsiginti, atrāišioti, atkēlti, atvērti, atktōti, atminti, atjunki, atsiēsti, atsigērti, atsikirsti* «odciąg się», *atsiremti, atsigulti*, // *atsisēsti* и др.; пр. *etlāikusin* Ench. 66 «enthaltete sich»; *etwerreis* Ench. 84 «öffne», *etwinūt* Ench. 8 «entschuldigten».

b) Префикс *at-* показывает, что действие, выражаемое глагольной формой, направлено назад или обратно: такое значение префикса возникло из его первоначального значения в тех случаях, когда имели в виду не только исходную точку движения (удаление), но также цель движения. Примеры: *atgāzties* U «sich zurücklehnen»; *atliekt* «отгибать»; *šis, kaklu atstiepdams, dzeļ* LP I 16 «он пьет, откидывая шею назад»; *kad uz ceļa knābli atgriezišu* LP I 7 «когда я на пути буду поворачивать клюв назад»; *jāja tautas, atgriezās* Спр. 16 «ехали чужане, повернули назад»; *atbērt* U «zurückschütten»; *atdzīt* U «zurücktreiben»; *atlikt* U «zurücklegen»; *tēvs atpircis abus puisēnus* LP VII 1, 918 «отец выкупил (redemit) своих обоих мальчиков (проданных другому)»; *atduot*⁴⁰ «отдавать (reddere)»; *vecitis atdabū savu acu gaišumu* LP I 7 «у старика возвращается зрение»; *atrast* «находить (собственно:

³⁸ В таком же значении встречается также невозвратная форма, напр. *atasēd* Спр. 229 «присядь».

³⁹ В таком же значении встречается также невозвратная форма, напр. *vari pate atagult* BW 1209 «ты можешь сама укладываться».

⁴⁰ Замечательно, что в пальмарском говоре (в Лифляндии) вместо *atduot* говорят *anduo*t (другие случаи замены префикса *at-* формой *an-* мне неизвестны). [Skat. Дополнения и поправки. — Red.] И также в литовском тексте из Слонимского у. Гродненской губ. (Lit. Mitt. IV 171) в этом же глаголе вместо *at-* является *ant-* (или же *an-*): *antdotu, antdōt* (ср. в том же тексте *atsigert, atsigēre*). Мне кажется, что *-nd-* тут возникло путем диссимиляции из *-dd-* (из *-td-*) [Autora eksemplāra: = cf. hom. // γάμβαλε < // γάββαλε // Od. VI 172 // b'bl. aram. *tiddā* > // *tindā* «узанаеш»; // assyr. *inaddin* > *inandin* «дает» Brockelmann pg. 90 // tsakonisch *serindu* < *θεριδδω (=θεριζω) Thumb. Hdb. d. gr. Dial. pag. 92 // lat. *ambūbāja* < syr. *abbūbāj*, cf. KZ 33, 376, IF 4, 332 //]

reperire)»; *atgadities* U «sich einfinden»; *zivs atļec ūdenī atpakaļ* LP I 1 «рыба отпрыгивает обратно в воду»; *visi atiet atpakaļ* LP I 130 «omnes retro redeunt»; *pele... atkal atliduse mutē atpakaļ* LP VII 1, 17 «мышь опять поползла обратно в рот»; *ataskatu atpakaļ* Спр. 272 «я оглядываюсь назад». Сюда же относятся сложенные с *at-* глаголы, показывающие, что какой-нибудь звук вторично производится («отдается») другими или в другом месте: *balsi atskanēja*⁴¹ *uz tām prūšu ruobežām* BW 2 «голоса отдавались на прусской границе»; *dzirdēja gan, ataurējās* Mag. XIII 1, 20 «она слышала и откликнулась»; *nuokliedzuos; kas pretim atkliedzās?* BW 245 «я кликнула; кто откликнулся?»; *aizsvēlpās sila irbe; es atsvēlpu* Спр. 92 «засвистала лесная куропатка; я отсвистнулся»; *es kungam atsacīju* BW 2156 «я ответил барину»; *lapsa tikpat klusu atkal atčukst* LP I 128 // «лисица отвечает опять таким же тихим шопотом»; и также глаголы, выражающие отражение света: *atspīdēt* U «entgegenleuchten»; *gaisu gali atsārkuši* Трейланд нар. п. № 83 «краснеют края облаков». Сюда же относятся сложные именные и адвербиальные формы *atžagarni, atbalss*, лит. *ātžagaras, àšakas, ātgarsis* и др. I 58. Подобное значение имеют лит. *at-* (ср. *atlenkti, atgrįžti, atpirkti, atiduoti, atrasti* «отыскать», *atsiveizdėti, atsišaukti, atsakyti, atblizgėti, atspįnsti* и др.), пр. *et-* (*atrrätwei* Ench. 89 «antworten»).

37

К понятию «обратно» далее восходит значение префикса *at-* в следующих случаях: 1) префикс выражает повторение действия⁴²: *kū ar mani nūrunōja, tū ūtram atrunōja* BW 9024, I «в чем она со мною сговорилась, это она пересказала другому»; *cits atstāstija tā šuo pasaku* LP I 127 «другой так пересказал эту сказку»; *atgrēmuot* «пережевывать (wiederkäuen)»; ср. сложные именные формы *atkāzas, atskuolā, atpali* и др. I 58 сл. и лит. *atpāsakoti (mūms tā nusitikimā tañkey atpāsakodawa* Jurksch. 126 «pflegte uns diesen Vorfall oft immer wieder zu erzählen»), *atsvotbis, atjomarkis* и др. I 58 сл., п. *odchorować* «wieder erkranken»; 2) сложенные с *at-* основы выражают какое-либо возмездие: *es tev tuo atdarišu, kuo tu manām māsām esi darijis* LP VII 1, 511 «я отомщу тебе за то, что ты сделал моим сестрам»; *es vēzim atspītēšu* BW 2717 «я отомщу раку»; *atkalpuot* U «mit Dienst eine Schuld bezahlen»; *atstrādāt* U «das Ver-

⁴¹ Подлежащим при этом глаголе является также *zeme* «земля», напр. BW 224 var.

⁴² Ср. лт. *rursus* «назад, обратно, снова».

säumte, schuldig Gebliebene abarbeiten» («отрабатывать»); *atklausīt* U «versäumte Gehorchsleistung nachholen»; *es savu nedēļu atstāvējis* U «ich habe meine Arbeitswoche zu Ende gebracht»; *atgulēt* U «versäumten Schlaf einholen»; *atmaksāt* «отплачивать»; *atlīdzināt* «вознаграждать»; *atriebt(ies)* «отомщать»; ср. лит. *atmokėti*; 3) сложенные с *at-* основы выражают возвращение к прежнему состоянию: *uguns nuodziest, pēlni atdziest* LP I 152 «огонь погасает, пепел остывает» (первоначально так могли выражаться только про старое пепелище, на котором снова был разведен огонь); *krāsns atgarējusies* U «печь остыла»; *mans prāts atsalis*⁴³ («охладел») U «meine Liebe // hat aufgehört»; *sasalis kuoks siltumā atlaižas* (Вольмар) «замерзлое дерево в теплоте оттаивает»; *kumeļš atdzīvojas* LP I 99 «жеребенок ожил» (Миклошич, значит, по всей вероятности, ошибся, приводя, Vergl. Gramin. IV 219, слав. *ožiti* «reviviscere» между сложенными с *o(бъ)*- глаголами); *atdzīties*⁴⁴ U «ожить»; *atjaunuo* «обновлять» (ср. п. *odnowić* «renovare»); *atmieķēt* U «erweichen»; *atveldzēt* U «anfeuchten, erfrischen»; *atzelt* U «von Neuem grün werden»; *atlabuoties* U «sich bessern (in Krankheit)»; *atpūsties* «отдыхать»; *atēsties* U «zunehmen durch Essen» (говорится о выздоровевшем); *atspirgt* «поправляться, здороветь»; *atžirgt* «окрепнуть»; *atžirbties* U «wieder zu sich kommen»; *atmuosties* «просыпаться»; *atmanīties* U «zur Besinnung kommen»; *vīrs nu tik atjēdzās, kuo apsuolījis* LP I 65 «муж теперь только спохватывается, что он обещал»; *princese neattuop ne krusta aizmest* LP I 70 «царевна даже перекреститься не спохватилась»; *atdzimt* U «wiedergeboren werden» (ср. р. *отрождатся*, п. *odrodzić się* «renasci»); *nuokrīt jau viena galva, bet... trīs galvas ataug*

38 ⁴³ По Ульману глагол *atsilt* имеет странным образом значение «күһи werden» (*silt* значит: теплеть, согреваться). Если это не ошибка, то *atsilt* в таком значении относится к группе *a*; а по // латышско-русско-немецкому словарю 1879 г. *atsilt* значит (как и следовало ожидать): сделаться теплым.

⁴⁴ Как *atdzīties*, так и *dzīguot* «жить» (относительно коренной формы *dzig-* ср. древнесакс. *quik*, дрврхн. *quēc*) опровергают утверждение Микколы (Balt. u. Slav. 17), что в славянском встречается рядом с *živ-* также *ži-*, в балтийском же только *gīv-* или *gāv-*. А ссылаясь на это мнимое отсутствие коренной формы *gī-* в балтийском, Миккола утверждает, что пр. *geits* «Brot» заимствовано из славянского (п. *žyto*: Миккола, очевидно, скорее допускает знакомство древних пруссов со сравнительно фонетичною иде. языков, чем чтобы они сохранили такие слова, как *geits* или — ср. I. с. 26 — *genno* «жена» или *skystan* «чистый» из иде. праязыка).

vietā LP I 3 «одна голова уже отпадает, но на ее месте отрастают три головы»; *saule atspīst* U «солнце (прежде покрытое облаками) опять засияло». Сюда же, вероятно, относятся глаголы *atgādāties*, *atcerēties*, *atminēt(ies)* «remnisci». Ср. лит. *atšilti* «odcieplēc», *atgýti*, *atnájinti*, *atžélti*, *atsiēsti* «odkarmiē się», *atsiminti* и др.; пр. acc. s. *etgimsannien* Ench. 84 «Wiedergeburt», *etbaudints* Ench. 31 «auferwecket», *etskiuns* Ench. 15 «auferstanden».

с) Префикс *at-* означает приближение и вместе с тем и достижение цели: *atiet man tās dieniņas* BW 65 «настают для меня те дни»; *atnākt* «прийти»; *lai atnesa bruokas-||tīņu* BW 996 «чтобы она принесла завтрак»; *vai te mani vējš atpūta*, *vai ūdenis atliguoja* BW 1022, 1 «занес ли меня сюда ветер, прикачнула ли вода»; *atvelc*, *pelīte*, *bērnam miedziņu* BW 2055 «притащи, мышка, ребенку сон»; *atļec blusa* BW 2737 «припрыгивает блоха»; *sieva atsteigusies* LP VII 1, 16 «жена приспешила»; *viltnieks... atlabināja tuo pie upes* LP VII 1, 41 «мошенник приманил ее к реке»; *burvis atsvelpj vēllus* LP VII 1, 667 «колдун свистом призывает чертей»; *saule vēsti atsūtīja* Спр. 134 «солнце прислало весть»; *atpļauļies* (Вольмар) «примчаться».

Это значение префикса *at-*, по всей вероятности, восходит к значениям **a** и **b**: значение приближения могло прежде всего возникнуть в таких оборотах, как *viltnieks atlabināja tuo pie upes*, где указывается и цель, к которой приближают кого-нибудь, удаляя его от чего-нибудь (*atlabināja* можно здесь, пожалуй, перевести также посредством «отманил»), и в таких оборотах, как *viņš atnācis atpakaļ* «он пришел обратно», где *atpakaļ* первоначально было плеоназмом («*retro rediit*»), а плеоназм этот потом обусловил переход значения «*revenit*» в значение «*advenit*». Такое же значение имеет также лит. *at-*, ср. *ateiti*, *atnēsti*, *atvilkti*, *atlēkti* и др.; слав. же *o(tъ)-*, насколько мне известно, не имеет такого значения.

Итак, следует думать, что прабалтийское **ata* и праславянское *otъ* первоначально выражали удаление или отделение («*weg von* —»); дальнейшее их значение «*ge(d)-*» имеет также кельтское **ati-* (ср. I 57), но из этого еще не следует, что эти формы имели значение «*ge(d)-*» уже в иде. праязыке: оно могло возникнуть также в эпоху отдельной жизни славяно-балтийских и кельтских языков. Значение же «*weg von* —» Бругман (KVG § 597) правдоподобно возводит к значению

«darüber hinaus», которое имеет скр. *áti* (ср. также греч. ἔτι).

da-

40

§ 7. Как уже указано I 71, префикс *da-* теперь встречается только в восточной части ла. говоров; в прочих говорах вместо *da-* употребляются *pie-*⁴⁵ и, реже, другие пре-/фиксы (напр., *aiz-*). Префикс *da-* означает прежде всего достижение цели или предела движения (также в переносном смысле): *i da vārtu nedajāju* Спр. 242 «и до ворот я не доехал»; *iet, da dibinam nevar daiet* Спр. 318 «идет, (но) до дна не может пойти»; *davest*⁴⁶ *līdz ceļam* (П. Шмидт MWM 1903 г., стр. 653) «доставить до дороги»; *nevarēja vair davilkt*⁴⁷ *līdz mājai* (ibid.) «не могли более дотащить до дома»; *dacel*⁴⁸ *puiku līdz zariem* (ibid.) «подними мальчика до сучьев»; *dat'ečēju da... duru* BW 3462 «я добежал до дверей»; *runōj ļaudis kū runōj, vus da maņa darunōj* BW 9027, 1 «о чем бы люди ни говорили, все до меня договариваются»; *dabraukusi pie vārtiem* Спр. 28 «подъехав к воротам»; *es daietu pie dieviņa* Спр. 217 «я бы пришла к богу»; *meita daskrējusi pie... brāļa* LP VII 1, 142 «девушка подбежала к брату»; *dalēcis pie savas mājiņas* LP VII 1, 1264 «прискакал к своему домику»; *pie kuŗām neviens nevarējis datikt* LP VII 1, 808 «к которым никто не мог подойти»; *linu druvu dagājusi* BW 632 «подошедши к льняному полю»; *dazastāju* (в вар.: *daspiežuosi* или *dazasēduos*) *pie eglītes* BW 4804, 6 «я пристал (прижался, подсел) к елке»; *tacādama datecēju treis... ezereņus* BW 4375 «бегая, я прибежала к трем озерам»; *kur danōcāt vaiņucaņu* Mag. XIV 2, 173 «где вы догнали веночек»; *es auklēju bāleliņu, pie mutītes dalikdama* BW 1884, 1 «я нянчила братца, прикладывая (прижимая) его к лицу»; *Kārlis drīz daaugš Jānt* (П. Шмидт I. с.) «Карл скоро дорастет до Яна»; *dagāza gar zemi* (ibid.) «свалил наземь»; *puika skrienuot dakrita* (ibid.) «мальчик бегая упал»; *danāk*

⁴⁵ Восточные говоры с *da-* знают также *pie-* (*pi-*), различая, однако, оба префикса в употреблении, ср. указания П. Шмидта MWM 1903 г., стр. 653.

⁴⁶ Но: *pievest, cik prasa* (ibid.) «привезти (напр., материал), сколько требуют».

⁴⁷ Но: *pele pievilkuše pilnu alu ar labību* (ibid.) «мышь наполнила нору хлебом».

⁴⁸ Но: *piecēlt vāzumi ar uoļiet* (ibid.) «нагрузить воз известняком».

tas pats virs LP VII 1, 30 «приходит тот же мужчина»; *daskrien zaļa lideciņa, nuoraun viņas vainedziņu* Спр. 5 «подбегает (к девице) зеленая щучка, срывает с нее венок»; *es nebiju lauka puķe, datēkama, nuoraujama* Спр. 193 «я не полевой цветок, к которому можно подойти и сорвать»; *dasagrieze siena kaudzi* Спр. 206 «они повернули к стогу сена». Такое же значение имеет также лит. *da-*, ср. (у Юшкевича) *daeiti, daginti, da-//nókti, dasispausti, daštúoti* и др.; 41
daplauksime smilgeles — bus mūs jaunios seselēs LChr. 443, 9; *nedavažjau brolētei pusjau kēljo* 392, 9; *dajójau pirmū pulkū* 389, 14.

В других случаях сложные с *da-* глаголы выражают присоединение или прибавление лица или предмета к чему-нибудь другому, являющееся результатом достижения цели: *dadzīt guovi pie ganāma pulka* (П. Шмидт 1. с.) «пригнать корову в стадо» (для того, чтобы она оставалась в стаде); *puote jau ir daauguse* (ibid.) «черенок уже привился»; *daber*⁴⁹ *vēl drusku klāt* (ibid.) «присып еще немного»; *daliēt pienu pie putras* (ibid.) «подлить молоко в суп (с крупой)»; *damet vėl kādas šķilas malkas* (ibid.) «подкинь еще несколько поленьев»; *dapirc vėl kādas uolektis klāt* (ibid.) «прикупи еще несколько локтей»; *dasities kāsus* (ibid.) «пристал кашель»; *daspraust puķi* (ibid.) «приколоть цветок»; *cīši maņi dalaulav pī gudrōja tāva dāla* Вольтер Мат. 266 «крепко меня обвенчали с умным юношей»; *jau as b'eju darodušę sēšys mōtis volūdeņu* BW 4276, 1 (в приложении) «я уже привыкла к речи мачехи». Ср. лит. *dadirbti, dalikti*; п. *dodać, dokupić, dosypać*, срб. *dōdati, dokūpiti*. Русское же *до-*, насколько мне известно, не имеет такого значения (так, напр., р. *досыпать*, по словарю Академии Наук, значит «дополнить недосыпанное», *доливать* — «наливая, дополнять до известного предела», *додавать* — «давать недостающее»). — Итак, если ла. (и лит.) *da-* и в самом деле заимствовано из славянского (ср. I 72 сл.), то это случилось так рано, что префикс *da-* мог затем на ла. почве самостоятельно далее развивать первоначальное свое значение: ла. сложные с *da-* глаголы, как видно из вышеприведенных примеров, не всегда могут передаваться р. сложными с *до-* глаголами. С другой стороны, также р. (слав.) *до-* имеет значение (приведение действия к окончанию), чуждое латыш-

⁴⁹ Но: *pieber pilnu pūru* (ibid.) «насып полную пуру» («пура» — хлебная мера).

скому *da-*. Могут привести всего один пример из инфлянтского наречия (подвергающегося сильному влиянию славянского и литовского языков), где *da-*, подобно слав. *do-*, лит. *da-*, выражает окончание действия: *ej, Gri'eņ, dab'eidz mōti* BW 7991 «пойди, Маргарита, докончи молотье (домели)». Такой оборот, вероятно, возник в более позднее время под славянским (или // литовским ?) влиянием. Также лит. *da-*, выражающее окончание действия (напр., *dabaigti, dadžiūti* и др.), может быть, славянизм более позднего времени.

ie-

§ 8. а) Префикс *ie-*, подобно лит. *in-*, *i-*, пр. *en-*, слав. *въ-*, герм. *in-*, лт. *in-*, гр. *ἐν*, означает движение во внутренность чего-нибудь: *es iebridu... ežerā* Спр. 4 «я вошла в озеро»; *iesasēdu laiviņā* Спр. 279 «я уселась в лодочку»; *pats iet tai pili iekšā. Tā viņš ieiet tur iekšā* LP VI 735 «сам он идет в замок. Так он входит в него»; *iekrīt pate upītē* BW 995 «сама упала в речку»; *vējš iepūta upītē* BW 2221, 4 «ветер вдул (пепел) в речку»; *pirtī zari ielikūši* BW 1084, 1 «(у липы) ветви, нагибаясь, вросли в баню»; *ieluocīt* U «einbiegen»; *ruoku iegruozīt* U «den ausgerenkten Arm wieder einrenken»; *iekuost* «укусить»; *iespert* U «einschlagen» (vom Blitze; а потом также: *kungs iesper sulainim ar kāju* LP I 52 «барин пинает слугу ногою»; *iesit savam zirgam* U «gib deinem Pferde einen Hieb»); *iedzelt* «ужалить»; *tās iedūra liepu cēlmā* BW 2221 «их (= иглы) воткнули в липовый ствол»; *iecels⁵⁰ tevi karītē* BW 2628, 1 «всадят тебя в карету»; *iesēju driķišus upītes malā* BW 2140 «я посеяла гречиху на берегу речки»; *man iedeva vīstiņu* BW 2144 «мне дали⁵¹ курицу»; *ietinu palagā* BW 1159 «я закутала (жука) в простыню»; *es iejūdzu... zirgu... kamanās* Спр. 22 «я впряг лошадей в сани»; *kūtē ragi neietilpa* Спр. 128 «рога (больших коров) не вмещались в хлев»; *ieķerās kailām ruokām milzim sprandā*

⁵⁰ Затем также в переносном смысле: *iecelt (amatā)* U «einführen in ein Amt»; *ķēniņš... iecel viņu par zirgu kuopēju* LP I 70 «царь назначает его конюхом».

⁵¹ Собственно: дали в руки, вручили; ср. *ruokā duot* U «einhändigen». По образцу таких глаголов, как *ieduot, iedāvāt* U «anbieten, schenken», *ieņemt* U «einnehmen», могли далее возникнуть *ieskaitīt* U «in die Hand zählen», *iesuolīt* U «anbieten», *iegūt* или *iemantuot* «приобретать», *iegādāt* U «sich verschaffen», *iepirkties (iepirkas pilnu vāzumu* LP VII 1, 17 «закупает себе полный воз»).

LP I 3 «он обнаженными руками вцепляется великану в зашею»; *grib Kurpatu bedrē iekrāpt* LP I 14 «хочет заманить Курпата в яму»; *kaktā ietupies* LP I 48 «сев // в угол»; 43
ieruonās druošs puisis LP I 60 «является (н. findet sich ein) смелый парень»; *nevar ratuos iedabūt* LP I 78 «не могут вставить (бочку) в повозку»; *ieraud tam acīs savas asaras* LP I 82 «она, плача, нагибается над ним, чтобы слезы текли ему в глаза»; *iegriežās kādā pili* LP I 92 «заворачивает в какой-то замок»; *saimnieks ... pagrabā iesluodzīts* LP I 94 «хозяин заключен в погреб»; *ūdeni smeļot iesmeļās ... cilvērka paure* LP I 96 «черпая воду, вычерпывают (в сосуд) человеческий череп»; *vēlns bijis duobi iesēdējis* LP VII 1, 478 «черт просидел ямину (на камне)»; *pa iemītām pēdām* LP I 120 «по вытоптаным следам»; *iestaigāt* U «einen Pfad zuerst gehn, einbahnen»; *ceļu iebraukt* «начать ездить там, где еще не ездили, и таким образом проложить новый путь»; *ieplaut* LSpr. I 464 «ein Stück ins Feld hineinmähen»; *ieart* ibid. «начать пахать там, где еще не пахали»⁵² (по образцу последних глаголов, начиная с *iemīt*, могли возникнуть: *ieņemt sviestu* LSpr. I 464 «anfangen zu nehmen von der Butter eines bis dahin unberührten Vorrates»; *iegriezt maizi* ibid. «Brot anschneiden»; *ielaišt mucu* ibid. «eine Tonne anzapfen»; *ielaišts zēns* U «ein verzogener Junge»; *iezagtas bites neizduodās* U «Bienenstöcke, von denen gestohlen worden, gedeihen nicht»; *iekustināt* U «in eine erste Bewegung bringen»; *zirgu iebraukt* «объезжать лошадь»; *iejāt* U «zum Reiten dressieren»; *ieļēcināt bērņus* U «Kinder an's Geschaukeltwerden gewöhnen»; *iestrādāta zeme* U «schon bearbeitetes Land»; *viņš zirgu tā iedauzījis, ka nemaz neiet* Mag. XIV 1, 162 «он сделал лошадь такую упрямою, постоянно колотя ее, что она совсем не идет»; *ļaudis viņu iesauca par Kurpatu* LP I 14 «люди прозвали его Курпатом»; *kādu vārdu iedaudzināt* U «ein Wort in Gebrauch bringen»; *ieēdināt* U «anfangen zu füttern, gewöhnen an ein Futter»; *ieēsties* U «sich an ein Essen gewöhnen, sich in etwas verbeißen»; *iesākt*⁵³ // «начать»; *iera-* 44

⁵² Ср. Фортунатов Разбор 98; замечу, однако, против Фортунатова, что также в таких глаголах, как *ieart*, *ieplaut*, префикс *ie-* сохраняет свое «предложное» значение: на это явно указывает немецкий перевод глагола *ieplaut*.

⁵³ Для простого глагола *sākt* «начинать» Wiedemann ВВ XXVII 200 предполагает первоначальное значение «fassen, festnehmen» и сопоставляет его с лт. *sancio*. Но формальное сходство тут невелико, и если уж позволительно думать, что *sākt* имело прежде другое значение, то естест-

dināt «приучать»; *ierast* «привыкать»; *ierādu, kā es zirņus vāru* LP I 53 «я наставляю (показываю), как я варю горох»; *iemācīt* «приучить, выучить»; *uguni iekurināt*, или *iekurt* LP VII 1, 84, или *ietaisīt* LP I 52 «разводить огонь»⁵⁴; *iedegt* или *iedēdzināt* «зажигать»; *iešķiluse*⁵⁵ *uguni* LP I 116 «кремнем высекала огонь»; *uguntiņu iepūtišu*⁵⁶ BW 3938 «я раздую огонь»). Ср. лит. *įbristi, įsėsti, įeiti, įkristi, įpūsti, įleñkti, įkánsti, įspirti, įdūrti, įkėlti, įsėti, įdūoti, įgąuti, įtilpti, įtūpti, įsėdėti, įminti, įjūnkti, įmókyti, įkūrti, įdėginti* и др.; пр. acc. s. *eneissannien* Ench. 87 «Eingang», *ensadints* Ench. 67 «eingesetzt», *ēnstan swintan perōnien... enimts* Ench. 88 «inn die heilige Gemein angenommen», *endāst sien en...* Ench. 88 *begibt sich in*», *engaunei* Ench. 84 «empfangen»; гот. *insandjan, insaian, inwagjan* («in Bewegung setzen»); лт. *ineo*; гр. ἐρβαίνω и др.

На этом же местном значении префикса *ie-* основывается его употребление в сложении с глаголами, имеющими менее конкретное значение: *iečukstēdami tiem labus padomus* LP VII 1, 122 «нашептывая («внушая») им хорошие советы»; *milzis tai ierunā pat puisēnu nuomaitāt* LP I 81 «великан уговаривает (собственно: говоря, вселяет мысль) ее даже погубить мальчика»; *iestāstīt* U «jemandem etwas einbilden»; *ieteikt* U «einraunen, empfehlen»; *iesūdžēt* U «einklagen»; *iegaumēt* U «begreifen, zu Herzen nehmen» (ср. *gaumē ņemt* U «beachten, sich merken»); *iedabāties* U «sich gewöhnen» («in seine Natur — *daba* — aufnehmen»); *ieamanit(ies)* U «zur Einsicht (*maņa*) kommen»; *ievēruot* «принимать в сообра-//
45 жение, замечать, наблюдать» (ср. *vērā ņemt* или *likt* «принимать в соображение, во внимание» и гр. ἐνδορεῖσθαι; по

44 веннее всего приписывать ему значение, сходное со // значением лит. глагола *šókti* «springen» (*prašókti* «vorüber eilen»), вполне соответствующего лт. *sákt* в звуковом отношении. Лт. *sákt* и лит. *šókti* сопоставил, хотя и сомневаясь, уже Leskien Abl. 112, и Wiedemann напрасно отрицает возможность такого сопоставления: ср. франц. *je vais aller*, англ. *I am going to go*, р. *стал ходить*. И так, лт. *sáka iet* когда-то, вероятно, имело значение гомеровского оборота βῆ ἱμεν.

⁵⁴ Дополнением глагола *iekurināt* потом является также название здания: *iekurina pirti* LP I 130 «затапливает баню».

⁵⁵ Возможно, однако, также, что в глаголе *iešķilt* префикс первоначально употреблялся в местном значении: *iešķilt uguni* могло значить первоначально «направить высеченную кремнем искру в трутницу». Если это так, то также оборот *iešķilt uguni* мог содействовать возникновению глагола *iedegt*.

⁵⁶ В варианте 2 — *uzpūšu*.

образцу *ievēruot* мог возникнуть глагол *ieraudzīt* «замечать, увидеть», который, как и *ieredzēt*, после отрицания получает⁵⁷ значение «терпеть»: *neviens manis neierauga* BW 4803 «никто не терпит меня»; *patāte nevarēja pabērņus ieredzēt* LP I 59 «мачеха не могла терпеть сводных детей»); *iedzīvuoties* U «sich einleben»; *iekuopties* U «sich wirtschaftlich einrichten»; *iedzimts* «врожденный»; *iemigt* «заснуть» (Фортунатов же, Разбор 98, неправильно сопоставляет этот глагол с такими, как *ieart*, *ieņemt*, переводя его «заснуть первым сном»: человек, пробужденный из сна, снова может *iemigt*, и префикс *ie-* в *ieart*, *ieņemt* обозначает известный оттенок начала действия, между тем как *ie-* в *iemigt* означает довершение засыпания. Простой глагол **migt*, вероятно, значил «засыпать», а не «спать»)⁵⁸ и *iesnausties* «задремать (собственно: погрузиться в сон, дремоту)». Ср. лит. *įkalbėti*, *įgirti*, *įsimanųti*, *įmigti* и др.; пр. *endyrītwei* Ench. 86 «ansehen», *engemmons* Ench. 86 «angeboren», *enmiguns* Ench. 48; лт. *insusurrare*, *innasci*.

b) Далее префикс *ie-* означает впадение субъекта в какое-либо настроение или состояние: *kēniņam naudas iežēluojās* LP I 24 «царю стало жаль денег»; *brāļus labi iekārdināsīm* LP I 50 «возбудим в братьях сильное желание»; *iegribās dzert* LP I 107 «захотелось пить»; *sulainim zelta spārni ietikās* LP I 152 «слуге понравились золотые крылья» (по образцу этих глаголов могли возникнуть: *ieduomāties*: *ie-sa man duomājās* BW 1085, 5 «мне вздумалось»; *iegādāties* «вспомнить»; *ievajadzēties*: *mācītājam ievajagās uz pilsētu braukt* LP I 137 «пастору понадобилось поехать в город»; *iegadities*: *kēniņam iegadās... aizceļuot* LP I 69 «царь случайно должен уехать»); *iemīlējuse buodes zelli* LP I 107 «влюбилась в приказчика»; *kēniņš ar viņu drīzi iedraudzējās* LP I 71 «царь с ним скоро подружился»; *iepažities* «познакомиться»; *ienīdēt* «(воз)ненавидеть»; *viņš brēndvīnu ieriebis* U «er hat einen Widerwillen gegen den Branntwein bekommen»; *iedrikstēties* U «sich erdreisten»; *ieskābt* U «anfangen sauer zu werden» (ср. прилагательные *ieskābs* «кисловатый», *iesalkans* «сладковатый» и др. I 90); *sli-//miba ieilgst* U «die Krankheit wurzelt sich ein»; *iekarst* «разгорячиться»; *iekaitināt* «рассердить»; *ieniknuot* U «boshaft machen»; *ieliksmuot* или *iepriecināt* «развеселить»; *iestiprināt* U «stärken»; *iespēcināt* U

46

⁵⁷ На противного человека не глядят.

⁵⁸ [Skat. Дополнения и поправки. — Red.]

«kräftigen»; *iespēt* «успеть, быть в состоянии»; *iesvēlīt* «освящать»; *iesirgt* «захворать». Ср. лит. *įsinorėti, įsimylėti, įsipაžinti, įdriñsti, įkaitinti, įlinksmėti, įsisirgti* и др.; гот. *inswinthjan, inagjan, inaljanon, ingramjan, indrobnan*; лт. *incalescere, inacescere, incandescere* и др.

с) Префикс *ie-* выражает временное или количественное ограничение действия. Сюда относится целый ряд⁵⁹ глаголов, обозначающих разного рода звуки: *sunīlis ierējās* Трейланд нар. п. № 376 «собачка залаяла (и скоро перестала лаять)»; *kungs... iesaucās* LP I 26 «барин воскликнул»; *gailis iedziedās* LP I 61 «петух пропел»; *kāds ieaurējies* LP I 163 «кто-то зааукал (и скоро перестал аукать)»; *kurš grauds iekrīt, tas iebrēcas* LP VII 1, 111 «всякое зерно, которое падает, вскрикивает»; *viss mežs iešņācies, iekrācies* LP VII 1, 127 «весь лес зашелестел, зашумел (и скоро утих)»; *bērniņš... iešķaudijies* LP VII 1, 633 «ребенок чихнул»; *ierūkt(ies)* LSpr. I 464 «etwas donnern»; *ligava ieteikusies uz kāziniekiem* LP VII 1, 35 «невеста промолвила (обращаясь к) свадебным гостям». Употребление префикса *ie-* в сложении с этими глаголами могло возникнуть под влиянием таких глаголов, как *iegribēties, ietikties, ieduomāties, iegādāties*. Но можно возвести это значение *ie-* также непосредственно к его местному значению: напр., *ieteikties* могло значить первоначально — «вставить слово (в разговор других)». В последнем случае становится также ясным, отчего *ie-* тут выражает проявление временно ограниченного действия. Возникновению этого значения *ie-* могли, однако, содействовать также другие глаголы, к которым я теперь перехожу. В словаре Ульмана находим глаголы *iebrāzt* и *ieskrambāt* «etwas schrammen»: деминутивное значение здесь обусловлено значением простых глаголов *brāzt* «streifen» и *skrambāt* «schrammen», а префикс *ie-* здесь первоначально имел чисто местное значение. Также в *ielauzīt* U «knicken» («infringere») и *ielūzt* U «einen Bruch bekommen, ohne noch zu zerbrechen» префикс собственно имеет мест-//ное значение. А по образцу этих глаголов могли возникнуть сложные глаголы *iesukāt* (*vajaga viņu iesukāt* «следует его немножко поколотить»; Mag. XIII 2, 57 *iesukāt* переведено, по-моему, неправильно — «durchprügeln»: это было бы — *nuosukāt*), *ieplītēt* (значение такое же, как у *iesukāt*),

⁵⁹ Ульянов же ошибается, утверждая Знач. II 61, что префикс *ie-* так употребляется «только в единичных случаях».

iebārt U «ein wenig schelten» (встречается, вероятно, также возвратная форма *iebārties* «забраниться и опять скоро утихнуть», относящаяся уже к категории таких глаголов, как *ierieties, iesaukties, iedziedāties* и др.), *iebridināt* U «etwas einschüchtern durch Tadel und Warnung», *ieбайдit* U «ein wenig schrecken», *iekuost* LP I 135 «закусывать (немного есть)», *iedzēries* «немножко опьянев», *iesūkties* U «sich einen Strich anlegen», *iesutis* или *ieskurbis* U «etwas berauscht», *iesāpēt* LSpr. I 464 «etwas schmerzen». Глаголы же *iesāpēt, ieskurbt, ieбайдit* напоминают также о выше (под **b**) приведенных глаголах, означающих впадение субъекта в какое-либо настроение или состояние, напр.: *iesirgt, iekarst, ieskābt (ieskābs* «кисловатый!»), *ieliksmuot* и др.; если субъект впадает или вдается в новое настроение или состояние, то он еще не вполне усвоил нового качества или настроения, так что и отсюда могло возникнуть деминутивное значение. Ср. лит. *įtáužti, įtūžti, įgėrti*.

iz-

§ 9. а) Префикс *iz-*, подобно лит. *iš-*, пр. *is-*, слав. *iz-*, означает движение изнутри (также в переносном смысле): *lācis izlien iz krūmiem* LP I 51 «медведь вылезает из кустов»; *zirdziņš nuo biezuma izriksuo* LP I 79 «лошадка рысью выбегает из чащи»; *nuo šuo viesu nagiem izklūt* 53 «выбраться из когтей этих гостей»; *izkrata savu zuosi* 53 «вытряхивает (из мешка) своего гуся»; *kā lai... iz kūts zirgu izzagtu* 54 «как бы выкрасть лошадь из конюшни»; *kā nu laktu izdabūsim* 56 «как мы теперь вытащим наковальню (из земли)»; *izzūd iz šūpļa* 75 «исчезает из колыбели»; *namiem visas rūtis izbirst* 78 «у домов выпадают все оконные стекла»; *nuo visiem bariem tu izlasies tuo zirgu* 79 «изо всех табунов ты выбери себе ту лошадь»; *jāizgriež... sev pašam... ikri* 8 «приходится себе самому вырезать икру»; *stirpā ruobs izēsts* 63 «в копне выедено пустое место»; *izdzer alu... un izdzertuos traukus sasiť* LP VII 1, 407 «выпивают пиво и выпитые сосуды разбивают»; // *ispirc manu vainedziņ'* Спр. 6 «выкупи мой веночек»; *es meitiņu isprecēju nuo tās sīvas māmiņiņas* Спр. 12 «я высватал девицу у суровой матери»; *cirtu liepas, neizcirtu; vedu meitas, neizvedu* Спр. 36 «рубил я липы, не вырубил; сватал девиц, не высватал»; *nuo dieviņa izlūdzuos vienu zemes gabaliņu* Спр. 216 «я испросил себе у бога лишь кусок

земли»; *tas izvīla mūs' māsiņu nuo bagātu bāleliņu* BW 600, 1 «он выманил нашу сестрицу из (среды) богатых братьев»; *mani izsvieda caur... luogu* BW 2164 «выкинула меня через окно»; *vējš izgāza uozuoliņu* BW 2799, 5 var. «ветер вывалил (из земли) дуб»; *izceļās*⁶⁰... *pils* LP I 99 «подымается (из земли) замок»; *viņa tev izburs tuos nuo ruokām* 132 «она тебе их выколдует из рук»; *tikmēr smaltstija, — izsmaltstija katlu gluži tukšu* LP VII 1, 98 «он черпал, пока не вычерпал всего котла»; *vārnaī acis izpuvušas* BW 7545, 1 «у вороны глаза выгнили»; *zuobi ir issāpējuši* Mag. XIII 3, 69 «die Zähne sind ausgefallen» (собственно: «выболели»); *zvirbulis izknāba pūcītei acis* BW 2546 «воробей выклевал у совы глаза»; *vīsta izdēj... uolu* LP I 22 «курица снесла яйцо»; *liek durvis izlauzt* 40 «ведит выломить двери»; *uodiņam gribu kreisuo aci izšaut* 45 «я хочу пробить [выстрелом] у комара левый глаз»; *pavārs man acis izplucinās* 107 «повар выварит у меня глаза»; *izskaust* «истребить, вывести, выжить (кого-н.)»; *izbaidīja irbju pulku nuo... rudzu lauka* BW 2569 «выпугнул стаю рябчиков из ржаного поля» (потом *izbaidīt* получает значение «испугать», и под влиянием этого глагола мог возникнуть глагол *izbīties* «испугаться», ср., напр., BW 2570, 2 с 2569); *iznīdēt* U «heraushassen» («выжить кого-н.»); *izsaldēt* «выморозить»; *viņš savu prātu izdzīvoojis* U «он выжил из ума»; *izirēt* «отдать внаймы»; *izmānīties* или *izmeļoties* U «выпутаться ложью»; *iztaujāt*, или *iztir(z)āt* U, или *izvaicāt* LP VII 1, 17, или *izklaušināt* LP I 17 «расспрашивать (ausforschen)»; *izzināt, kas tā tāda* LP I 68 «разузнать, кто она такая»; *izmanīt* U «herausfinden»; *izgudruot* или *izprātuot* U «ausklügeln»; *izprast* «выразуметь, понять». Ср. лит. *išliñsti, išklūti, iškratyti, || išvōgti, išsiriñkti, išėsti, išgėrti, išpirkti, išvēsti, išvilti, išsikėlti, išsėmti, ištaūžti, išmanyti, išprāsti* и др.; пр. acc. s. *iseisennien* Ench. 87 «Ausgang», *isliuns* Ench. 30 «ausgegossen», *isklaitints* Ench. 86 («aus)gesondert», *issprestun* Ench. 80 «verstehen»; славянские примеры у Миклошича Vergl. Gramm. IV 210 слл.

49

b) Иногда префикс *iz-* по значению соответствует русскому «раз-». Это значение *iz-* могло развиться в таких оборотах, как *ķēniņš izlaiž ziņu* LP I 62 «царь распускает

⁶⁰ Миклошич, значит, напрасно высказывает предположение Vergl. Gramm. IV 211, будто *iz-* в болг. *izdignъ* «erheben» и срб. *izdići* «erigere» стоит вместо **vъz-*; то же самое следует сказать про срб. *izoući* («uz brdo») «extrahere», *ispeti se* «ascendere»: ср. лит. *an krañta iszlīpēs* Jurksch. 23 «stieg er ans Ufer».

весть»; *izlaiž uz visām malu malām grāmatas* 72 «рассылает во все стороны письма»; *izbārstīt* «рассыпать»; *izsvaidīt* «разбрасывать» и др., где префикс *iz-* собственно имеет еще свое первоначальное значение, понятие же разветвления действия в разные стороны обусловлено или значением всего словосочетания (в первых двух примерах), или значением и формой глагольной основы (*bārstīt, svaidīt*). По образцу этих оборотов могли затем возникнуть следующие: *izpaužās vēstis* LP I 63 «разглашаются вести»; *ķēniņš izsuola daudz naudas (tam), kas ...* 95 «царь разглашает обещание дать много денег тому, кто...»; *tā izgāja meitas slava* BW 3082 «так распространилась молва о девице»; *kā izdžen, tā visi izklist pa malu malām* LP I 9 «как только (их) изгоняют, все рассеиваются в разные стороны»; *izputina visus kā spaļus* 69 «рассеивает всех словно отрепки»; *izdala naudu uz trim daļām* 71 «разделяет деньги на три части»; *raganas tas ... izšķaida uz visām pusēm* 81 «колдуний он рассеивает во все стороны»; *pili izpuostīt* 102 «разрушить замок»; *bijis izdauzdināts par ... burvi* 161 «он был расславлен колдуном»; *matiņi izzapina* BW 1228 «волосы расплелись»; *izārdīja tilta kuokus* BW 3128, 1 «он разбросал мостовые бревна»; *iztērēju iēva naudu* BW 3120 «я растратил (истратил) отцовские деньги»; *es savu naudu izpircis* U «ich habe mein Geld beim Einkaufen ausgegeben»; *izput kōrklu zīdi* BW 4895 «разлетаются прахом вербовые цветы»; *izklāt* или *izklāstīt* «расстилать» (напр., ковер; а потом является дополнением этого глагола также название помещения, в котором что-нибудь расстилается: *iekšpuse ... lapām bij izklāta* LP VII 1, 384 «внутренность была устлана листьями»). По образцу этого оборота могли возникнуть: *izspraut: es būt savas nama durvis ruozītēm isspraudusi* Спр. 62 «я бы украсила маргаритками двери своей комнаты»; *izpuškuot: es aiņinas izpuškuošu visādām puķītēm* BW 2106, 2 «я украшу колыбель различными цветками»); // *izstiept* «распяливать»; *izšķirt* «разнимать, различать». Ср. лит. *išdalýti, išskáidyti, išpustýti, išpinti, išardýti, išpirkinėti, išktóstyti, išktóti, ištempti, iškirstyti* и др.

c) Префикс *iz-* обозначает законченность действия, выражаемого простою глагольной основой (ср. Ульянов Знач. II 40 сл. и 44 слл., Фортунатов Разбор 91 слл.). Такое значение префикс *iz-* мог получить под влиянием некоторых сложных глаголов группы **a** и **b**, где префикс *iz-*, кроме известного местного значения, получает, благодаря значению всего

словосочетания, также способность обозначать законченность действия, ср., напр.: *tikmēr smaltīja*, — *izsmaltīja katlu gluži tukšu* (стр. 48); *zuobi ir izsāpējuši* (стр. 48); *es savu naudu izpircis* (стр. 49). При этом в некоторых глаголах, под влиянием таких глаголов, как *izsāpēt*, *izpirkt*, *iztērēt* и др., префикс *iz-* выражает вместе с законченностью действия также полное поглощение субъекта или объекта этим действием: *visas dziesmas izdziedātas*; *kur mēs citas dabūsim?* BW 26 «все песни пропеты; где мы достанем другие?»; *jau valuodas izrunātas, jau duomiņas izduomātas* BW 15705 «уже речи высказаны (закончены), уже думы передуманы»; *visus grib' iznosīt* BW 6210 «я хочу износить все (венки)»; *savas bruņas lemešuos izkaluši* BW 970 «свои латы они перековали в сошники»; *izdziest* (в вар.: *apdziest* или *nuodziest*) ... *guntiņa* BW 3937, 1 «огонь угасает»; *skaliņš neizdega*⁶¹ Спр. 168 «лучина не догорела»; *ai miedzīn, nevar tevi izgulēt* Спр. 171 «ой, сон, нельзя выпасться»; *ēzars ... izžūst* LP I 13 «озеро иссыхает»; *izkūst nuo priekiem* 62 «тает от радости»; *puišam zirņi izbeidzās* 63 «у парня вышел [весь] горох»; ср. лит. *išgiedōti, išgēsti, išsēkti, išsibaigti* и др.; р. *износить платье, исплесть шелк* и др.

В других случаях префикс *iz-* обозначает вместе с законченностью действия также совершение того, что производится этим действием (ср. выше *stīrpā ruobs izžēsts* стр. 47): *bedri izracis* LP I 14 «выкопав яму»; *izliet ... dzelzs puišeli* 61 «вылить железного мальчика»; *izcērt āliņģi* 89 «вырубаят прорубь»; *brālim bārda izauguse* 89 «у брата выросла борода»; *kuo nu izdariji* 104 «что ты теперь сделала»; **51** *dziesmiņ' // mana izduomāta* BW 906 «песенка мною выдумана»; *izaudzēju arājiņu* BW 1159 «я вырастила (из ребенка) пахаря»; *izcep man kukulīti* BW 2206, 12 «испеки мне хлеб»; *nebūs putra izvārīta* BW 2272 «каша не будет сварена»; *kad tu bruņas izkalīsi* BW 2628 «когда ты выкуешь латы»; *neizaude villainīšu* BW 3905 «она не выткала шерстяных накидок»; *divējas bikses vien iznāca* (Вольмар) «вышли только двое штанов»; *tas ir gan izlepis: ne gaļa vairs nesmeķ* Етп. II 2 «уж очень он избаловался: даже мясо ему более не по вкусу»; *istās izlutina* LP I 102 «своих родных (дочерей она) изнеживает»; *istaba izaukstēsi* (Вольмар) «комната

⁶¹ Ульянов же, Знач. II 35, неправильно, по-моему, относит этот глагол к основам с «суммарным» значением.

выстыла (выстудилась); *izvecējs tautu dēls* RKr. V 71 «состарившийся чужанин»; *izsalkt* «проголодаться»; *izslāpt* «возжаждать»; *izmisis* «отчаявшись, упав духом»; ср. лит. *iškāsti, iškēpti, išvairti, išāusti, islēpti, ištrókšti* и др.; срб. *izviti* «fertig winden»; *izglādneti* «hungrig werden». — Тесно сюда примыкают сложные с *iz-* глаголы, обозначающие вместе с законченностью действия также доведение его до желанной цели: *zīrgu izpēdināt* (Трикатен) «выкупать лошадь»; *kas var dziesmas izdziedāt, kas valuodas izrunāt? kas var zvaigznes izskaitīt?*⁶² BW 38 «кто может пропеть (все) песни, кто — переговорить (все) речи? кто может сосчитать звезды?»; *daudzi man visu bēdu; kas tās visas izbēdāja?* Спр. 176 «много у меня всякого горя; кто его всё перегорюет?»; *kur es savas villainites ... iskaltešu?* Спр. 15 «где мне высушить свои покрывала?»; *izmācīse darbinam, māci gudru paduomiņu* BW 6676 «выучив (меня) работе, учи (меня) уму»; *gani rikles iztirija* BW 756 «пастухи вычистили горла»; *duos ņipiti jāizlaiza* BW 1172 «будет давать вылизать дойник»; *peļēkā izperēja* BW 3968 «серая (курица) высидела (яйцо)»; *krēklu izvelēju* BW 3921 «я выполоскала рубашку»; *galvu izsukāja* BW 3095, 5 «вычесала голову»; *metiens izkults, gaudi izvētiti* LP I 60 «слой (хлеба) вымолочен, зерна вывезаны»; *meitu izdziedēšu* 61 «я излечу девицу»; *izberzē acis* 63 «вытирает глаза»; *cieš un izcieš* 66 «терпел и вытерпел (мучения)»; *luone izmaksāta* 77 «жалованье выплачено»; *izmēž stalli* 89 «вывез навоз из конюшни»; *izmērcē // savu sakaltušo stabuliti* 17 «вымачивает свою засохшую дудку»; *maize icepusi* (Вольмарсгоф) «хлеб испекся»; *kad izaugu* (в вар.: *uzaugu*) *liela meita* BW 1190 «когда я выросла большою девушкою»; *palīdz ... man ... izbrist dubļus* BW 1223 «помоги мне пройти [через] грязь»; *kad ziemiņu izmitīšu* (в вар.: *pārmitīšu*) BW 3106 «когда я выживу зиму»; *nuo manis ... neizbēgsi* LP I 52 «меня ты не избежишь»; *nuo zālša izvairities* 83 «уклониться от ужа»; *izkurini pirti* 52 «истопи баню»; *ar tēvu izlidzināties* 55 «рассчитаться (или: примирился) с отцом»; *izrikuo ... medibas* 65 «устраивает охоту»; *izspiedišu taisnību* 96 «я рассужу правду»; *cits šuo pasaku tā izteica* 121 «другой так рассказал эту сказку»; *izstāsta visu* 17 «рас-

52

⁶² Ульянов, Знач. II 35, относит глагол *izskaitīt* к основам с «суммарным» значением, что, по-моему, неправильно: префикс *iz-* выражает здесь исключительно законченность и доведение действия до желанной цели.

сказал все» (ср. выше под а глаголы *iztaujāt, izzināt* и т. п.); *ragana... izēdās ir tiem cauri* 141 «колдунья и через те (леса) проедается»; *kā man... ar cikstuošanuos izies* 14 «какой исход будет иметь для меня борьба»; *krāsns izkurējusēs* 153 «печь истопилась»; *ilgi tiesājās ar savu lielmāti, bet neiztiesājās* LP VII 1, 120 «долго вел тяжбу со своею барынею, но не довел ее до конца»; *guovīs jau izslauktas* 552 «коровы уже выдоены»; *bērnu izmizināt* U «ein Kind abhalten»; ср. лит. *išskaityti, išdžiovinti, išmokinti, ištaizyti, išperėti, iškūlti, išvėtyti, išgūdyti, iškeñsti, išmokėti, iškėpti, išbėgti* и др.; пр. *ismukint* «erlernen» (Berneker Pr. Spr. 27).

d) Помимо законченности действия, префикс *iz-* выражает также, благодаря значению всего словосочетания или (кратной) форме глагольной основы, распространение действия на все данное время или пространство, на целый ряд объектов или на все части объекта, или же произведение действия целым рядом субъектов⁶³: *es esu visu nakti ismurdējies* Mag. XIII 2, 45 «ich habe die ganze Nacht nicht meine Augen geschlossen»; *tu bij' tālu izstaigājis, tu bij' daudzi izredzējis* BW 19, 1 «ты много исходил, ты много высмотрел»; *iztrīcini zaļu birzi, izskandini sudrabiņu* BW 728 «огласи (всю) зеленую рощу (своим пением), бренчи (своим) серебряным украшением»; *izganīju visas... purmalītes* BW 739, 3 «я выпасла все края болот»; *gana skaisti es dziedāju, puīši mani izmēdija* BW 900 «хотя я пела красиво, парни меня (т. е. все мое пение) передразнивали» («суммарное» значение, вероятно, // имел первоначально также глагол *izsmiet* «высмеять»; ср. *smiet(ies)* с дат. или вин. пад. «смеяться чему» BW 903—6); *izauklēsi savus bērnus* BW 3150 «вынянчив своих детей»; *purvu izbradāju* BW 5037, 8 «я истоптал болото»; *es izgāju bērzu birzi* BW 9664 «я исходила всю березовую рощу»; *es izjāju prūšus, leišus* BW 11061 «я изъездил (верхом) всю Пруссию и Литву»; *izjādiju svešas zemes* BW 13264 «я изъездил (верхом) чужие страны»; *izluocīju bērzu birzi pa vienam zariņam* BW 15129 «я изогнула березовую рощу по одной веточке»; *visus darbus izdarīt* LP I 17 «все работы проделать»; *māk... kungam iztapt* 37 «умеет угождать барину»; *vēcajam izrunāt pa prātam* 161 «говорить старому по сердцу»; *izdabāt* U «zu Gefallen sein»; *tam jau neviens nevar izpuišuot* U «dem kann's ja niemand

⁶³ Ср. Фортунатов Разбор 94 и 116 сл.

mit seinem Dienste zu Danke machen»; *vainedziņ' bez valuodu iznēsāt* Спр. 62 «проносить венок без людских пересудов» (Ульянов же, Знач. II 44, неправильно переводит *iznēsāt* посредством «износить» и относит его к «результативным» основам); *es nevaru ikdieniņas grazni vien isstaigāt* Вт. 199 «я не могу ежедневно все нарядно ходить»; *es jau nevaru tik viegli izsviest* LP VII 1, 177 «я ведь не могу так легко (что не разбиваются) бросать (тарелки)»; *tā izgana cūkas, ka prieks kuo redzēt* LP I 70 «так выпасает свиней, что любо смотреть»; *izmeklē visas malas* 56 «обыскивают все углы»; *izskrien puspasauli* 59 «избегает полсвета»; *izluožņāja malu maliņas* 80 «излазили все углы»; *nevar gada izdzīvuot* 124 «не может (у хозяина) выжить года»; *visu gadu izkalpuot* LP VII 1, 192 «прослужить весь год»; *savu laiku izstāvēt* U «die Zeit, da man zu dienen, zu arbeiten hatte, vollbringen»; *es tur izbiju ilgu laiku* U «ich bin lange Zeit dort gewesen»; *trīs gadiņus izdziedāju* Трейланд нар. п. № 24 «я пропела целые три года»; *kad vēcīe iedzīvuotāji izmira* LP VII 1, 328 «когда старые обыватели вымерли»; *pils tīri izmiruse* LP I 140 «замок совершенно вымер»; *iztaustījis un izuokšķerējis visus kaktiņus* LP VII 1, 545 «ощупал и вынюхал все углы». Такое же значение имеют лит. *iš-* и слав. *iz-* (примеры у Ульянова, Знач. II 35 и 155 сл., и Миклошича, Vergl. Gramm. IV 211 сл.). Также глагол *izlikties* (*viņš izliekās kā guodīgs cilvēks* U «er scheint ein ehrlicher Mensch zu sein») первоначально, вероятно, имел «суммарное» значение («постоянно или продолжительное время казаться», от *likties* «казаться»; под влиянием *izlikties*, а может быть, // также под влиянием нем. *aussehen*, вероятно, возник глагол *izskatīties* «иметь вид»).

54

е) К предыдущей группе можно отнести также еще такие обороты, как: *trīs naktis tā izmuocās* LP I 47 «три ночи она промучилась»; *simtiem tai dienā vēl izjājās, bet par velti* 62 «сотнями в тот день еще ездили, но напрасно»; *trīs dienas, trīs naktis dievs izbrīnās, kur nāve palikuse* 80 «три дня и три ночи бог удивляется, куда делась смерть»; *sieva izgaidās vienu nedēļu, uotru, — vīra kā nava, tā nava* LP I 35 «жена выжидает одну неделю, другую, а мужа нет как нет»; *cauru nakti... izkūlušies* 110 «целую ночь промолотили»; *izmalušās visu nakti* 729 «всю ночь промолотили»; *izsargājies vienu nakti, uotru nakti, — nenāk* 545 «просторожил одну ночь, другую (ночь) — не приходит». Но, помимо «суммарного» значения,

префикс *iz-* выражает здесь также, что действие производится вдоволь или досыта для субъекта или объекта. И исключительно последнее значение имеют, например, следующие обороты: *izlistas* (Цемпенгоф) «идет продолжительный дождь»; *izsaziedu, izsatriecu* (или 204: *izdziedāju, izlustēju*), *brālīņuos dzīvuodama; izsa-gauži -raudājuos, tautiņās aiziedama* BW 205 «я напелась, наговорила, живя среди братьев; горько наплакалась, выходя замуж»; *kur likšu pāditi, izdancinājsi* (в вар.: *izdīdijuse*) BW 1572, 2 «куда я положу крестницу, вдоволь побросавши ее (вверх)»; *pieci vienu uti kava; izkavās, apnikās; vēl tā dzīva vajājās* BW 12878 «пятеро убивали одну вошь; убивали, пока им не надоело; она еще живая волочилась»; *izvirina nama duris* BW 15035 «(часто) растворяет двери дома»; *izjādīsi kumeliņu* BW 15241 «ты изъездишь (до усталости) коня»; *izjāji bez apaušiem manu ērzeli* LP I 17 «проезди без узды на моем жеребце»; *izbraukājāties par velti 1* «мы напрасно проездили»; *izbraucās atkal pa tukšu 75* «они проездили опять понапрасну»; *atmuodies nevar diezgan izbrīnuoties 22* «проснувшись, не может достаточно надивиться»; *visi pieci pie mātes labi izcietmuojās 45* «все пятеро у матери хорошо нагостились»; *labi izgulējies 60* «хорошо выспался»; *tās tik bij mucas! izveļas desmit vīri, nevar ratuos iedabūt 78* «вот это бочки! десять человек их вкатывали, но не могли вкатить в телегу»; *izminējās šādi prinči, tādi prinči; neviens neuzminēja 83* «различные царевичи старались разгадать; никто не разгадал»; *slēpkavas izmeklējās, — nekā! 102* «разбойники искали, искали, — ничего (не нашли)»; *kaŗa spēks izķerās die-||nām un nenuoķer nekā 104* «войско ловило дни и ночи и ничего не поймало»; *izmuocās visādi ar bērniņu, bet par velti 104* «намучилась всячески с ребенком, но напрасно»; *pili izdzīvuoties 114* «в замке (вдоволь) нажитья»; *kungs izskatās, kungs izsmejās 122* «барин насмотрелся, барин насмеялся»; *gan tad ar vēlnu izdarišuoties 137* «тогда уж он разделяется с чертом»; *tie ... izrunājuoties it kā dzīvi* LP VII 1, 33 «они вдосталь наговариваются, словно живые»; *izlēcies 100* «напрыгался»; *izstaigājies pa pasauli 104* «(вдосталь) находился по свету»; *pa dien iscirtēs 109* «нарубился днем»; *kungs ... apsēžas, izsēžas, izduomājas 134* «барин присел, насиделся, надумался»; *visvisādi izlūdzās, lai atduod ādu 143* «всячески выпрашивал вернуть (ему) кожу»; *ķēvei ļaut izvārtīties 658* «позволить кобыле навалиться»; *viņš tur jau izbījis U*

«er hat die Stelle schon verlassen». Сюда (а не к основам «результативным» или «перфективным», как полагает Ульянов, Знач. II 44, 45, 49) относятся также *izdusēties* (*gultas, kur spiloņņuos izdusēties* Трейланд Мат. IV 445 «постели, где можно в перинах вдосталь отдохнуть»), *izēsties* (*lai tad viņi ēdās, kā mēr viņi izēdās* Трейланд Мат. IV 433 «пусть они едят друг друга, пока не насытятся»); *izmirkties* LSpr. II 226 «tüchtig durchweichen». Ср. лит. *išsikaitinti, išsikoloti, išsikrykšti, išsiperti, išsirieti* и др.; срб. *izbljuvati se* «satis spuise», *izgovoriti se*⁶⁴ «satis locutum esse», *izigrati se* «satis lusisse», *izlagati se* «satis mentitum esse», *ispisati se* «satis scripsisse».

uz- (*iz-*)⁶⁵

§ 10. а) Префикс *uz-*, подобно лит. *už-*, слав. *въз-*, означает движение вверх⁶⁶: *uzklibuoja... egles galiņā* BW 2344 «(белка) хромая, взобралась на верхушку ели»; *svārku ūzjēm-//dams* BW 5018, 2 «приподнимая юбку»; *es izkōpi pi dīveņa* BW 5057 «я взошла (на небо) к богу»; *uzvēlk vēcākuo māsu* LP I 6 «втаскивают (наверх) старшую сестру»; *uzlien... uozuolā* 15 «влезает на дуб»; *piedurknes vēl augstāki uzluoca*⁶⁷ 53 «еще выше засучивает рукава»; *cepurī tas uzsviež uz... jūnteli* 54 «шапку он забрасывает на кровельку»; *lidz galam uzjāt* 62 «въехать (на гору) до вершины»; *smēļ uotrreiz, bet atkal uzsmēļ tādu pašu pauri* 95 «черпает вторично, но опять вычерпывает (собственно: черпая, поднимает) такой же череп»; *lauku uzart* «вспахать поле»; *priedē uzbēgt* LP I 110 «(спасаясь) взбежать на сосну»; *spainis... uzsprāgst gaisā* 111 «ведро взлетает на воздух»; *uzrāpuos... tuornī* LP VII 1, 17 «я вскарабкался на башню»;

56

⁶⁴ Ульянов же, Знач. II 156, относит этот глагол к «суммарным» основам.

⁶⁵ [Autora eksemplārā: *krāpa mani uzkrāpdams* // BW 26871 //]

⁶⁶ Сюда, вероятно, относятся также глаголы *uzgribēt: mani uzgribēja* BW 15127, 5 var. «восхотел меня (т. е. жениться на мне)»; *uzdriksēties* «дерзнуть» (*uzdruošināt* «ободрить»); префикс *въз-* в *восхотеть* (ср. еще црксл. *възлакати*, р. *возлюбить, возжелать*) имеет, по-видимому, такое же значение, как в црксл. *възгорѣти* «*ἀνάπτειν*, *aufflammen*», р. *вспыхнуть, возблестеть, воспылать* и др., где еще чувствуется первоначальное местное значение префикса. Ср. лит. *uždrįsti* (у Межиниса) «осмелиться», *užsino-rėjo* «восхотел» Lesk.-Brugm. 184.

⁶⁷ Ср. срб. *uzvrātiti (rukave)* «recingere, succingere».

uztraucēts nuo miega 32 «вспуганный от сна»; *uzmuosties* «проснуться» (собственно: проснувшись, встать); *māju uzkuopt* «привести усадьбу в лучший порядок» (ср. *uzkrāmēt* «aufkrämen», *uzpuost* «aufräumen, aufputzen»); *uzteikt* или *uzslavēt* «восхвалять (собственно: laudando extollere)». Ср. лит. *ušākā katē un stālā* LChg. 367, 20 «кошка вспрыгнула на стол»; *saulē... užtekēja* 361, 2 «солнце взошло»; *ūžlipē un... 386, 42* «взлез на»; *an' kálna užjótie* Jurksch. 37 «auf den Berg reiten»⁶⁸.

57 Сюда же относятся сложенные с *uz-* глаголы, обозначающие возвышение возникающего или воздвигающегося субъекта или объекта: *bij man puīšu, kad es augu; kad uzaugu, — nav neviena* BW 911 «были у меня парни, пока я росла; когда я выросла — нет ни одного»; *redzēj' citu uztaisam* BW 2617 «я видел, что воздвигли другой (замок)»; *uzkur(inā)t uguni* «развести огонь»; *uguntiņu gan uzpūšu*⁶⁹ BW 3938, 2 (в вар.: *iepūtu*) «огонь я раздула»; *tas ūspūta vēderiņu* Трейланд нар. п. № 137 «от него вспучился живот»; *augsts tuornis uzcelts* LP I 16 «высокая башня воздвигнута»; *uzēsties* U «sich auffüttern»; *uzpampt* «вспухнуть»; *uzlauž durvis* LP I 57 // «взломал двери»; *uzšķirt* U «aufschlagen (ein Buch)»; *uzšķērst* «вскрыть» (напр., труп); *vēdērs uzrūgst* U «der Bauch bläht sich auf»; *uzzelšana* U «das Aufblühn, Emporblühn»; *tur ruozītes uzziēdēja* BW 5275 «там розы расцвели». Ср. лит. *užaugis* «выросши» Ширвид PS 47, 6.

b) Сложенные с *uz-* глаголы означают (оконченное) движение к поверхности чего-нибудь⁷⁰. Значение **b**, конечно, развилось из значения **a** («движение вверх»), и сказать: *es uzliku tētiņam uozuoliņa vainedziņ'* Спр. 291 «я возложила на батюшку дубовый венок», первоначально, значит, могло только дитя меньше отца ростом. Другие примеры: *tuoz-*

⁶⁸ Сюда, вероятно, относится также *uzturēt* «удержать, задержать» (напр., поток или лошадь на бегу; ср. н. «aufhalten» и р. «воздержать»; по образцу *uzturēt* могло возникнуть *uzkavēt* «задержать», н. «aufhalten»).

⁶⁹ По образцу *uzpūst*, *uzkurt uguni*, вероятно, возникли обороты *uzdegt* «зажигать», *uzsmēkēt* (*uzsmēkējis savu pipiti* LP I 178 «закурил свою трубку»).

⁷⁰ Изредка также положение на поверхности чего-нибудь (ср. I 111 о соответствующем употреблении предлога *uz*): *uzturēties* «находиться, проживать (н. sich aufhalten)», *uzturēt* «содержать», напр. LP I 105 (ср. ниже *uzņemt*; по образцу *uzturēt* могло возникнуть *uzglabāt* «сберечь, aufbewahren», если это не германизм); ср. срб. *uzdržati* «conservare».

maucu liepas cēltnam BW 2221, 8 var. «его (железное кольцо) я надел на липовый ствол»; *uzvelc* (в вар.: *apvelc*) *man baltu krēklu* BW 3281 «надень на меня чистую рубашку»; *uzlaidīšu vanadzīņu* Трейланд нар. п. № 271 «я напушу (на тебя) ястреба»; *lai stāvēja virsūnīte putniņiem ūzmesties* 727 «пусть остается верхушка для того, чтобы птицы могли садиться на нее»; *tie tev... uz māksies* LP I 6 «они будут привязываться к тебе»; *ragana... uz kūda deviņus valdniekus...* *Kurbadu pārvarēt* 13 «колдунья подстрекнула девять царей одолеть Курбада»; *uzvedināt* U «zu etwas bereden»; *čūska... uzlaidās... uz Kurbada galvu* LP I 13 «змея взлетела (или налетела) на голову Курбада»; *tēvs ar varu uzstāj* 51 «отец сильно настаивает»; *uzbirdīni uz akmeņiem* 142 «насыпь (земли) на камни»; *muļķītis uzaun tupeli* 133 «глупец надевает туфлю»; *ramāte uzmet ķēniņienei lūša ādu* 103 «мачеха накидывает на царицу рысий мех»; *mirušam uzcērtu trīs reizes* 99 «умершего я ударяю (кнутом) три раза»; *uzsūtījuse saldu... miedziņu* 63 «навела (на него) сладкий сон»; *bērnu uz mieta uzstipinājis* 90 «посадил ребенка на кол»; *sāk princesei uzbāzties* 64 «начинает привязываться к царевне»; *burvis uzbur... uotram slimību* VII 1, 666 «колдун навораживает на другого болезнь»; *viņam uznāca vakars* 147 «его застал вечер»; *tas uz maldījies uz... kapiem* 53 «он на-//брел на кладбище»; *tuо viņam studenti bij uzdāvājuši* «это ему студенты подарили»; *tuо tā uotra uzrakstīja* BW 26, 1 var. «другая это написала»; *uzpūš, uzspļauj* Трейланд Мат., стр. 219 «дует, плюет на (больного)»; *viņš man zirgu uzvilis* U «er hat mich durch List bewogen, ein (schlechtes) Pferd zu kaufen»; *viņam uzgāja⁷¹ lielas bēdas* U «ihm widerfuhr großes Leid»; *uzklāt* «накрыть» (напр., скатерть; а затем также: *galdu uzklāt* U «den Tisch decken»); *uztiept* «навязывать» (напр., другому свое мнение, ср. словарь Ульмана); *milīgi uzņem meiteni* LP I 104 «ласково принимает (в свой дом) девочку» (ср. н. *aufnehmen* и лит. *užjójo ant dváro* Lesk.-Brugm. 194 «приехал на двор»); по образцу *uzņem* могли возникнуть: *tuо uzaicina pie sevis* LP I 117 «приглашает его к себе»; *viņu uzlūdz par krusttēvu* 100 «приглашает его быть крестным отцом»; *uzņem darbu* U «eine Arbeit beginnen» (по образцу этого *uzņem* могло возникнуть *uz-*

58

⁷¹ *uziet* в обороте: *tur pulka zemes uziet* Mag. XIII 1, 11 «bei dieser Art (Kartoffeln zu pflanzen) geht mehr (точнее: viel) Land drauf», вероятно, германизм.

sākt: uzsācis ... valuodas LP I 178 «начал разговор»); *viņš uzņēmies tuo ēku uzcelt* U «он взялся построить здание»; *uzduot* «поручить (н. aufgeben, auftragen)»; *uzticēt* «доверять (н. (an)vertrauen)»; сюда, вероятно, также *uzvēlēt* U «auftragen», *uzļaut* «дозволить»; ср. лит. *užmuovė Anūtei un baltū runkēliū* LChr. 362, 19 «надел (кольца) Аниоте на белые ручки»; *usid'ē grābū un pecjū* 387, 43 «наложил себе гроб на плечи»; *un trēcjo užvažjāvom* 399, 6 «мы наехали на третье (поле)»; *šunēfeis užlēidjau* 398, 3 «я напустила собак (на старика)»; *unt sitpnesnio užpuldinet* Ширвид PS 56, 14 «нападать на более слабого»; *no lāpēs bēgdams an witka užbēga* Jurksch. 25 «vor dem Fuchs lief er und auf den Wolf kam er»; *kā jūdu užsiklōste* Lesk.-Brugm. 60 «чем вы (оба) накроете себя»; п. *wzuc* «induere». — Сюда же относятся еще и следующие глаголы со значением «найти (invenire)»: *nu izgāju* (в вар.: *izgōju*)..., *kur guļ mana māmuļņa* BW 3944, 9 «теперь я нашла (то место), где почивает моя матушка»; *tečēdama es uzteku trīs ... avuotiņus* BW 5036, 12 «бегая, я нашла (собственно: набежала на) три источника»; *uzjāj' ... avuotiņu* BW 5119 «едучи (верхом), // я нашел (собственно: наехал на) источник»; *ardams ... uzaris ... dzelzs durvis* LP VII 1, 1029 «вспахивая (отлогость горы), нашел железные двери». По образцу этих глаголов затем могли возникнуть и следующие: *uzruok dzelzs šķirstu* LP I 142 «копая, нашла (собственно: вскапывает) железный сундук»; *suņi uošņā pēdas ... kamēr uzuošņā* 142 «собаки нюхали следы, пока не нашли»; *es uzuodišu pagrabu* 94 «я, нюхая, найду погреб»; *neviens neuzminēja* 83 «никто не угадал»; *nevar ... istā ceļa uzdabūt* 23 «не может попасть на правый путь»; *uzšķir pirmo lapas pusi* 117 «отыскивает первую страницу»; *uzduomāt* U «auf etwas kommen, aussinpen»; *naudu uzmeklēt* LP I 43 «отыскать деньги»; ср. в словаре Межиниса лит. *užuosti* «sauost, zawąchać, zwiérzyć węchem, пронюхать, почуять».

с) К группе **b** можно отнести также глагол *uzbērt* в обороте: *jau bij sūra rutku šķēle; vēl uzbēra* (в вар.: *dabēra* или *piebēra*) *sinepītes* BW 4426 «и без того горек ломтик редьки; еще она насыпала горчицы». Но вместе с тем префикс *uz-* здесь выражает также присовокупление объекта к чему-нибудь другому («присыпать»). Еще яснее выступает последнее значение в следующих примерах: *uzadīt* (в латышско-русско-нем. словаре 1879 г.) «надвигать, an-, hinzustricken»; *uzduot* U «dazu geben»; *uzdarināt* U «noch

feiner schleifen»; *ritā uzbeigsim* (Вольмар) «завтра докончим (пахание)»; *uzkurs* U «zugelegtes Holz, um das Feuer zu unterhalten»; *uzderēt* U «sich noch etwas ausbedingen»; *uzsuolit* U «dazu versprechen»; *uzēdām* «на закуску, десерт»; *ābuoļus uzkuost* LP I 103 «закусить (заесть) яблоками» (*uzkuost* потом значит, подобно р. *закусывать*, также — «есть немного»; только в последнем значении мне известно лит. *užkįsti: duok mán užkįst* Lesk.-Brugn. 162 «дай мне закусить»).

д) Префикс *uz-* слагается с глаголами, имеющими более или менее отвлеченное значение, для выражения того, что действие направлено к какому-нибудь лицу или предмету (в сущности, эти глаголы относятся к группе **b**; ср. I 114 слл. о соответствующем этому употреблении предлога *uz*): *milzis pienāk un uzbļauj* LP I «великан подходит и кричит (ему; следуют его слова)»; *laipni uzrunā bēdīguo* 39 «ласково обращается (с речью) к грустному»; // *skarbi uzprasiĶa*⁷² 25 «сурово спросил (его)»; *uzsauc slēpkavām* 53 «кричит убийцам»; *uzlūkuot* или *uzskatīt* «смотреть (глядеть) на, надзирать»; *uzglūn bērniem* LP VII 1, 31 «подстерегает детей» (ср. н. *aufauern*); *sāk viņu uzvaktēt* 17 «начинают стеречь его»; *uzklausīties* (в латышско-русско-нем. слов. 1879 г.) «прислушиваться к, horchen auf»; *uzmanīgs* «внимательный» (н. *aufmerksam*); ср. лит. *ušųydys* LChr. 377, 5 «заметив»; *uzklāuse* 331, 18 «спросили»; *užžvelgti* (у Межиниса) «uzlūkuot, zajrzeć, взглянуть, увидеть».

е) Уже в некоторых из вышеприведенных примеров (напр., *bij man puišu, kad es augu; kad uzaugu, — nav neviena*) префикс *uz-*, помимо реального своего значения, выражает вместе с тем и законченность действия и доведение его до желанной цели. Особенно ярко выступает последнее значение в следующем примере: *es taisu jau piecus gadus cietuoksni, bet nevaru uztaisīt: kuo pa dienu uztaisu, tas pa nakti sagāžās* LP I 92 «я уже пять лет строю крепость, но не могу выстроить: что я днем воздвигаю (*uztaisu*, под **a**), то ночью обрушивается». Ср. еще *uzkūlibas dzert* U «die Beendigung des Dreschens feiern» (**uzkult* можно, впрочем, также сопоставлять с приведенным выше под **c** *uzbeigt*); *uzvārēt* или *uzvinnēt* «победить, одолеть, осилить».

⁷² По латышско-русско-нем. словарю 1879 г. *uzprasīt* значит также «запросить, vorfragen (beim Handel)» и в таком значении относится, вероятно, к группе **b**.

f) Неясно для меня происхождение и первоначальное значение следующих глаголов, вызванных, может быть, немецким влиянием: *uzvesties* «sich aufführen»; *uzsaukt* «aufbieten» (= объявлять о вступлении в брак); *uzsacīt* U «aufsagen»; *uzpūš... tauriti* LP I 63 «потрубил» (ср. н. *aufblasen, aufspielen*); *uzdzied... jautru dziesmeli* LP VII 1, 100 «запеваает веселую песенку» (ср. р. *воспеть, возговорить, возграть*, црксл. *възънѣти* «ἀναβῶν» и стр. 55⁶⁶): *uzsildīt ūdeni* 786 «нагреть воду» (ср. н. *aufwärmen*); *pats uzdzīvo ar prinča naudu* LP I 70 «сам он весело живет (тешится) деньгами царевича».

61 На основании употребления предлога *uz* (ср. I 117 *armit meitu uz kumeliņu* или лит. *kārve ūž ārkļi dūoti*), может быть, // возникло *uzmaksāt*⁷³: *lab' izmācīta sieva nejir ūzmaksātina* Sygach 59 (гл. 26, 18) «за хорошо воспитанную жену нельзя (достаточно) заплатить»; вместо *uzmaksāt* теперь обыкновенно употребляют *aizmaksāt*. Ср. совершенно или почти однозначные *aizkavēt* и *uzkavēt*, *aizkurt* и *uzkurt*, *aizdegt* и *uzdegt*, *aizdziedāt* и *uzdziedāt*, *aizgribēt* и *uzgribēt*⁷⁴ и перевод некоторых ла. сложенных с *uz-* глаголов русскими сложенными с *за-* глаголами (*uzturēt* «задержать», *uzsmēķēt* «закурить», *uzkuost* «закусить», *uzbeigt* «закончить», *uzprasīt* «запросить» и др.). Все это (и то, что сказано об этом I 107 сл. и 117 сл.) делает понятным возникновение лит. предлога и префикса *ūž* «за» (вместо *ažū*). В таких лит. текстах, которые более не знают *ažū*, поэтому не всегда ясно, восходит ли их *už-* к *už-* «въз-» или же к *ažu-* «за-»; ср., напр., у Межиниса: *užasžtrintas* «uzasināts, zaostrozony, заостренный»; *užduoti* «uzduot, zadać, задать»; *užpraszyti* «uzlūgt, zaprosić»; *užrēkti* «uzbļaut, zakrzyczeć, закричать»; *užžvelgti* «uzskatīt, zajrzeć» и др.

нио-

§ 11. а) Префикс *нио-*, подобно лит. *ни-*, прежде всего означает движение сверху: *niokāruši galvas* LP I 63 «свесив головы»; *es niovēlu... pūru niu kalniņa lejiņā* Трейланд нар. п. № 36 «я скатила сундук с горы вниз»; *visi zari niolikuši* № 226 «все ветви нагнулись»; *нио kumeļa niolēcuot* № 439

⁷³ Ср. также црксл. *въздати* «ἀντιδίδουαι», *възмѣрити* «ἀντιμετρεῖν», р. *возблагодарить*.

⁷⁴ Ср. также р. *возблистать* и *заблистать*, *возговорить* и *заговорить*, *возграть* и *заграть*, *возхотеть* и *захотеть*, *вздремать* и *задремать* и др.

«соскакивая с коня»; *nedzen tu dievu kuokāl pēs ne lūgdams nenuolūgsi* Stender Gram. 14 «не гони бога на дерево! потом никакими просьбами не упросишь его слезть»; *riekstiņi nuobiruši* BW 2526 «орехи опали»; *tuo nuogrūda lejiņā* 2826 «ее столкнули (с горы) вниз»; *lietus lija, trīs lāsītes vien nuoliņa* Спр. 16 «шел дождь, упали только три капли»; *vējš nuolauza vītuoliņu* 49 «ветер сломал иву»; *miežus nuovā-ļāšu* 291 «я (валяясь) свалю ячмень»; *zāli... nuomidija* Трейланд нар. п. № 236 «стоптали траву»; *bite druvi nenuomina* № 257 «пчела не стап-//тывала засеянного поля» (а потом говорится также: *kas taku nuomina* BW 607 «кто топтал тропинку»); *nuoguldināt sievu* LP I 12 «уложить жену»; *nuotupties* «сесть на корточки»; *nuosēsties* «присесть»; *nuomesties* «пасть на колени, поселиться»; *nuokrit medīniekam pie kājām* LP I 64 «бросается охотнику в ноги»; *nuogāž burvojus gaŗ zemi* 77 «сваливает колдунов на землю»; *nuoliekās aizkrāsni gulēt* 87 «укладывается за печью спать»; ср. лит. *tām an žėmes nusiliādus* Jurksch. 17 «als derselbe sich zur Erde niedergelassen hatte»; *nukėlkita manę an žėmes* 25 «hebt mich herunter auf die Erde»; *nulipęs nō wežima* 38 «слезши с телеги»; *no wiřszaus nukrėta* 59 «fiel von oben herab»; *viena nutupė gale kojeliu* Lesk.-Brugm. 91 «одна при- села у ног»; *rankas nuleido* 155 «опустила руки».

б) В понятии движения сверху заключается вместе с тем и понятие отделения или удаления сверху, и вследствие этого префикс *nuo-* мог далее приобрести значение отделения или удаления вообще⁷⁵. Это значение могло прежде всего развиться, напр., в следующих примерах, которые можно также еще относить к группе **а**: *es nuolauzu vienu zaru* Трейланд нар. п. № 123 «я сломала одну ветвь»; *galdam stūri nuositišu* № 570 «я отшибу у стола угол»; *nuorauj pastalu nuo kājas* LP I 3 «срывает постолу (кожаный лапоть) с ноги»; *nuosviež tiklu* 136 «отбрасывает (в сторону) сеть»; *vainadziņ' nuo galviņas nuodabūt* Спр. 96 «сорвать веночек с головы»; *nuosarņēmi cepurīti* 154 «я снял с себя шапку»; *nuo galviņas nuospēļēju savu... vainadziņu* BW 449 «играя (с парнями), я потеряла свой веночек с головы»; *nuosasedzu villainīti* 1077, 2

⁷⁵ Сюда, вероятно, относится также *nuodzerties* (*es tā alus nuodzēruos* Трейланд нар. п. № 759 «я выпила (немного) пива»; ср. также BW 2641), ср. *dzert nuo spraiņa* «пить из ведра» (Ульянов же, Знач. II 48, переводит этот глагол неправильно через «напиться вдосталь», вероятно, имея в виду неверный, на мой взгляд, перевод Биленштейна LSpr. I 464 «sich satt trinken»).

«я сняла свою шерстяную накидку»; *zarus nuodžēnāt* U «Aeste vom Baume hauen»; *bārdū nuodžīt* «сбрить бороду»; *dažu labu purva cini ganīdama nuosēdēju*⁷⁶ BW 9451, 3 «немало кочек в болоте я, пася (скот), сгладила, сидя на них». — Примеры для префикса *nuo-*, обозначающего исключительное отделение или удаление: *dābuolam gali vien nuo-kapāti* // Спр. 282 «у трилистника одни головки срезаны»; *aravus nuoaut* «снять обувь» (а затем также: *kājas nuoaut* «разуть ноги»); *zirgu nuojūgt* «распрячь лошадь»; *tam pirksts... nuopuvis* LP I 85 «у него палец отгнил»; *pūriņam atslēdziņa nuolūzuse* BW 910 «у сундука замок отломался»; *nuoslaucīja asariņas* 3993, 2 «утер (у меня) слезы»; *asariņas nuožuvušas* 4338 «слезы обсохли»; *sniegs nuokusa* 2879 «снег стаял»; *nuozūd pēdas* LP I 8 «исчезают следы»; *tiem pēdas nuojukušas* 120 «у них следы затерялись»; *nuocērt tam kaklu* 13 «отрубает у него шею»; *uodam galvu nuošaut* 24 «отстрелить голову у комара»; *pili nuoārdīt* или *nuopuostīt* 76⁷⁷ «разрушить замок»; *grēdžens pats nuonāca* 85 «кольцо само соскользнуло (с пальца)»; *mati tev nuoies* 96 «у тебя волосы сойдут»; *miegu nuodžēnājuot* 103 «отгоняя сон»; *visi tiesas nuodevuši* BW 2822 «все свою дань отдали» (оттуда *nuoduokļi* «Abgaben»); *nuoprasīju svainītim* Bt. 1883 «я спросил у зятя»; *nuoraksta sulainīm... mantu* LP I 37 «завещал слуге имущество»; *nuovēlēt* «завещать, пожелать»; *nuoklīduši nuo ceļa* LP VII 1, 61 «сбились с дороги»; *putas... nuosmalstīt* 98 «счерпывать пену»; *nuo ruņa nuošķirt* U «entwöhnen»; *pa vienai nuolasīju* Спр. 65 «по одной я собрала⁷⁸ (ягоды)»; ср. лит. *jei kās tām smākuī gālwa nūkert* Jurksch. 16 «wenn jemand diesem Drachen den Kopf abschlägt»; *kiapūre nus'imdams* 43 «снимая с себя шапку»; *bařza nupjāt* 63 «den Bart abschneiden»; *nuprātint no gērima* 61 «отучить от питания»; *numōve... žieda nū... pirszta* Lesk.-Вругм. 14 «снял кольцо с пальца»; *nenulāužykit skryniu kojelēs* 28 «не отламывайте ножек у сундуков»; *kojužēs nuauti* 47 «разуть ноги»; *aszaružēs nuszlūosczaui* 62 «я утер слезы»; *rutelę nuskynė* 91 «сорвала руту»; *lencugūs nūmeta* 166 «скидывает цепи».

⁷⁶ Можно, пожалуй, относить этот глагол также к группе а.

⁷⁷ Эти два глагола можно, впрочем, относить также к группе а (ср. н. *niederreißen*).

⁷⁸ н. «pflückte ab»; Ульянов же, Знач. II 39, переводит неверно: «набрала».

с) Сложенные с *nuo-* глаголы, приведенные под а и б, часто выражают вместе с тем также законченность действия, выражаемого простою глагольною основою (ср., напр., *riekstiņi nuobiruši; sniegs nuokusa; asariņas nuožiuvīšas* и др.). В целом ряде глаголов затем префикс *nuo-* выражает преимущественно или даже исключительно законченность действия с различными оттенками в значении. а) Действие до-//ведено до желанной цели: *rasā acis nuomazgāja* Спр. 18 «в росе лицо (собственно: глаза) умыли» (первоначально, вероятно, дополнением глагола *nuomazgāt* «смыть» могли быть только такие существительные, как, напр., *netīrumi* «грязь»); *dārzu nuocēt* 64 «заборонить цветник»; *tautu dēls lūkuojās, — šī devīta vasariņa; es tautieti nuolūkuoju, par istabu pāriedama* 185 «уже девятое лето, как высматривает меня молодец; я высмотрела молодца, проходя через избу»; *nuovēruot* «сделать наблюдение»; *nuosapņuojis, ka...* LP VII 1, 1026 «ему приснилось, что...»; *dīv' pļaviņas es nuopļāvu* Спр. 282 «я скошил два луга» (первоначально, вероятно, дополнением глагола *nuopļaut* служили такие существительные, как, напр., *zāle* «травы»); *nuoplūkušas līnu druvi* BW 637, 1 «сорвав весь лен с поля»; *līdzu nuoravēt* 1077 «я помогаю выполоть (тропинку)»; *tuο nuoēda... zuosis; ...tuο nuocirta* 2221 «ее (мураву) съели гуси; его (лес) срубили»; *nuopirku... kļiņģeris* 2177 «я купил (первоначально, может быть, *nuopirkt*⁷⁹ значило «откупить, abkaufen») кренделей»; *tas nuoķēra* (в вар.: *saķēra*) *cielaviņu* 2589 «он поймал трясогузку»; *nuoglaudīja man galviņu* 3993, 2 «погладил мне голову»; *sien, sien, kāmēr nuosien!* Трейланд Мат. IV 234 «связывай, пока не свяжешь» (ср. Фортунатов Разбор 95); *nuodzer... kāzas* LP I 152 «сыграл свадьбу»; *nuobaņuotuos zirgus* 62 «откормленных лошадей»; *nuobiūuo... tēva ruoku* 62 «поцеловал руку отца»; *nuopruot, ka piekrāpts* 59 «понял, что обманут»; *nuojēdz, kuo izdarijis* 67 «понял, что сделал»; *nuosilda dzelzi* 56 «нагревает железо»; *mēs savu sienu ģsam nuoraizējuši* U «wir haben unser Heu mit viel Sorge und Mühe zusammen bekommen»; *meitu kungi nenuorāja* BW 80 «девушек баре не могли выговором усмирить»; *es jau viņu mājā nuolērpināju, lai ir mierīgs* (Вольмар) «я уже дома угрозами наставила его держать себя (в гостях) смиренно»; *visi ziedi nuoziedēši*⁸⁰ (Смильтен) «все цветы

⁷⁹ Ср. также *pirkt nuo kā* «покупать у кого».

⁸⁰ Ср. Фортунатов Разбор 96.

отцвели»; *kuo tu kařā nuopelnĳi* BW 2629, 1 «что ты заслужил на войне»; *ėdienu jau nuosmekėjis* LP I 5 «уже отведал кушанья»; *nuogaida ūuos abus aizmiegam* 12 «дождался, пока они не заснули»; *nuorunā... gaidit* 22 «уговорились ждать»; *vėlni nuo viņa nuobėguūi* 137 «черти спрятались от него» (ср. *bėgt nuo kā* «бежать от кого»; *kur var svārkus nuoglabāt* Трей-//ланд нар. п. № 41 «где можно спрятать кафтан»; *laiks nuotecėja* LP VII 1, 39 «(определенное) время прошло»; *nuobaidit* «испугать» (первоначально, может быть: «отпугать»⁸¹; под влиянием *nuobaidit* могло возникнуть *nuobities* «испугаться»); *nuosvėrt* «свесить» (первоначально, может быть: «отвесить»); ср. лит. *gāla nenulākdamu* Jurksch. 62 «weil sie das Ende nicht abwarteten»; *nusigañdes* 70 «испугавшись»; *ta nupirka* Lesk.-Brugm. 38 «купил его»; *nutvėre... gegėle* 67 «поймала кукушку»; *rugelius nupiovė* 105 «сжали рожь»; *nusipraūses* 216 «умывшись». β) Желанная цель, до которой доведено действие, заключается в совершении того, что производится этим действием: *nuoauda zida kleitu* BW 2163 «соткал шелковое платье»; *zeķes nuodat!* 2360 «свяжите чулки»; *nuokals zuobentiņu* 2628, 1 «скует меч»; *viju, viju, nenuoviju*⁸² (в вар.: *nesaviju*) ... *vainadziņu* 6211 «я плела, плела веночек, но не сплела»; *nuotaisa... irbulu* LP I 136 «выделал палочку»; ср. лит. *vainiką nupynė* Lesk.-Brugm. 92 «сплела веночек»; *dāvė... lencūgą nukātt* 163 «велел выковать цепь». γ) Сложные с *nuo-* глаголы движения служат для выражения того, что пройдено известное расстояние или что достигнута намеченная цель (выбор префикса *nuo-* для этого понятен: стремясь к определенной цели, мы удаляемся⁸³ откуда-нибудь): *gribu vėl ūuo pavakar simts jūdžu nuoiet līdz kādam uozuolam* LP I 45 «я хочу еще сегодня вечером пройти сто миль до одного дуба»; *iet, kamēr nuoiet jūrmalā* 57 «шел, пока не дошел до морского побережья»; *nuonāk pie... bagāta kunga* 61 «пришел к богатому барину»; *nuobrauc sudmalās* 58 «приехал на мельницу»; *tuo nuoveda* (в вар.: *aizveda*) *sveūmā* BW 286, 1 var. «ее отвезли на чужбину»; *nuotikt* или *nuokļūt* «дойти (н. hingelangen)»; *mani... nuo-*

⁸¹ Такое значение оно и теперь может иметь.

⁸² Ср. *vĳiet* (scil. *vainadziņu*) *nuo tā vĳuoliņa* BW 6209 var.

⁸³ Ср., напр., лит. *pusk, vėjali, debesėli nog musu ant Prusul... debesėlei nulekaja ant Prusu* Даукша Кат. 164 «сгони, ветерок, тучу от нас на пруссов!... тучи унеслись (от нас) на пруссов»; ср. также *nulėkt* у Ульянова Знач. II 44.

deva zemnieku zirgu barā LP I 128 «отдал меня в стадо крестьянских лошадей»; *nuoliek*⁸⁴ *zāles sev blakus* 9 «поставил лекарство возле себя»; // *nuostājās tilta vidū* 3 «стал на середину моста» (затем этот глагол получает значение «перестать»: *pūt, vējņ, nuostājies* Спр. 20 «дуй, ветер, и перестань»; по образцу *nuostāties* могли затем возникнуть такие глаголы, как *nuorimt* «перестать, затихнуть, успокоиться» и др.); ср. лит. *tiā' nuējēs* Jurksch. 9 «dort angelangt»; *tei' jis nusiklāsinēja ik' i nekuri miestēli* 14 «so fragte er sich bis in eine Stadt hinein»; *nūneszi tēwui pietūs* 23 «trug dem Vater das Mittagessen hin»; *nujójo pās karāliu* Lesk.-Brugm. 188 «приехал к царю»; *ar nubēgsi... i pusantrā stundēli szimta mylēliu* 51 «проскочишь ли в полтора часа сто миль»; *vandenūžiui nustójent* 15 «пока вода отстаивалась». δ) Сложные с *nuo-* глаголы выражают умерщвление или погубление объекта или (при непереходных глаголах) гибель субъекта⁸⁵. Это значение могло прежде всего развиться, например, в следующих примерах, где префикс *nuo-* отчасти еще сохраняет свое местное значение: *muiža nuodēgusi* BW 2311 «имение сгорело» (ср. выше под **b** *pili nuoārdit*); *nuomina zvirbulim kāju* 2546 «отдавила у воробья ногу» (ср. выше под **b** *uodam galvu nuošaut*); *uodam kājas nuosvilušas* 2745, 1 (или *kāja nuodēgusi* 2745) «у комара ноги опалились» (первоначально, вероятно: «отпалились»; и такое значение и теперь еще возможно); *nuospeļ... uozuoliņ'* Трейланд нар. п. № 41 «(молния) разбивает (собственно: низвергает) дуб» (ср. выше под **a** *vējš nuolauza vītuoliņu*); *šteika, šteika, gryta, gryta: ņi nūšteika, ņi nūgryma* Mag. XIV 2, 179 «тонула, погружалась: ни утонула, ни погрузилась» (ср. выше под **a** *visi zari nuolikuši*). Другие примеры: *vai būs žurkas nuokuodušas* BW 743, 1 «крысы ли загрызли (пивицу)»; *vai būs suņi nuorējuši* 743, 2 «собаки ли загрызли (пастухов)»; *ežam bērni nuosaluši* 2228 «у ежа ежата замерзли»; *nuobadija manu mazu brūtgāniņu* 2296 «забодал до смерти моего маленького жениха»; *nuosprāgst vilks* 2370 «околед волк»; *rudzišam... sniedzīņš galvu nuogulēja*

⁸⁴ Также в переносном значении: *nuolikta diena* U «der bestimmte (festgesetzte) Tag»; по образцу этого *nuolikt* могли возникнуть // *nuoliek* или *nuosacīt* U «bestimmen», *nuolemt* U «bestimmen, verfügen», *nuoduomāt* U «beabsichtigen».

⁸⁵ Вследствие этого также наречие *nuost*, заменяющее собою префикс *nuo-* (о чем речь идет ниже), получает соответствующее значение: *viņš ir nuost* U «er ist todt».

Спр. 70 «у ржи снег задавил головку»; *vača syta, syta i nūsyta jū* Zb. XVIII 242 «babka bita, bita i zabita go»; *levi... ar darbiem nuomākšu* LP I 9 // «я тебя работами изведу»; *zirgu nuodurt* 62 «заколоть лошадь»; *Ojāru nuožņaugt* 58 «задушить Ояра»; *brāli nuomaitāt* 55 «погубить брата»; *nuoslicināja māsu* 26 «утопил сестру»; *zagļi nuobēndēti* 16 «воры умерщвлены»; *lai padēlis nuoplucinātuos* 68 «чтобы пасынок, обварившись, погиб»; *smaka, kamēr nuosmaka* 101 «задыхался, пока не задохся»; *tris bērņus tā man nuoduse* 105 «трех детей она у меня съела»; *tā viņš dažū dienu mira... un nenuomira*⁸⁶ VII 1, 133 «так он несколько дней умирал и не умер»; *zallis nuodzeļ puiku* 515 «уж ужалил до смерти мальчика»; *nuo spuokiem nuomuocīts* 37 «замучен нечистыми духами»; *saimnieks nuokāries* 20 «хозяин повесился»; *cūka meitu nuogulēja* Трейланд нар. п. № 643 «свинья задавила девушку»; ср. лит. *tą wýrą nužudýt* Jurksch. 33 «den Mann zu töten»; *nósi įklišęs ir nuszāla* 33 «als er die Nase hereinsteckte, fror er sie ab»; *stīrną nuszówi* 70 «schoß das Reh tot»; *pónas nuskénda* Lesk.-Brugm. 39 «барин утонул»; *numirsiu* 48 «я умру»; *més jį nukirskim* 164 «убьем его»; *numynė žvirblelis pelėdai koję* 146 «воробей отдалил ногу у совы»; *nuspýrė visūs árklius* 205 «залягал (убил) всех лошадей». — Ближе сюда относятся сложенные с *nuo-* глаголы, выражающие потребление или повреждение объекта или субъекта, произведенное действием, обозначаемым простою глагольной основой: *meitenīte mātei ruoku nuosēdēja* (в вар. *nuogulēja*) BW 1925 «девочка отсидела (отлежала) у матери руку» (ср. выше *rudzišam sniedzīņš galvu nuogulēja*); *biksēs nuodilušas* 2360, 3 «штаны изнасились»; *tu nuodzēri* (в вар.: *apdzēri*) *tēvam naudu* (в вар.: *tēva kumeliņu*) 3142 var. «ты пропил отцовские деньги (о. коня)»; *nuotrita galuodiņa* Спр. 4 «обточенный брусочек»; *kat nuoskrēju kumeliņu* 20 «у кого я изъездил коня»; *vainadziņu nuovalkā* 43 «износить венок»; *es pļaviņu nuoganiju* 121 «я потравил луг»; *nuoplist... kurpes* 143 «изнашиваются башмаки»; *nuokavēju*⁸⁷ *miegu savu, nuoskraidīju kumeliņu* Трейланд нар. п. № 361 «я упустил (время) сна, измучил ездой лошадь»; *sieva... nuoburta... slima* LP I 13 «жена, будучи закол-

⁸⁶ Под влиянием *nuomirt* мог возникнуть глагол *nuogibt* «упасть в обморок».

⁸⁷ Возвратная форма этого глагола значит «опоздать»; под влиянием ее мог возникнуть однозначный глагол *nuosēbuoties*.

дована, заболела»; *nuovilcināt laiku* 61 «проволочить время»; *kuŗas nuoplēsu* 134 «(башмаки), кото-//рые я износил»; *zīrgs . . . ēsuot slapjš nuobraukts* VII 1, 57 «лошадь взмылилась от езды»; *ēŗzelis bija pavisam nuodzīts vājš* 110 «жеребец, измученный ездой, совсем отощал»; *darbinieks, sūri, grūti nuostrādājies* 103 «работник, утомившись тяжкою работою»; *nuoieties* 603 «утомиться ходьбою»; *nuobrinēts bērns* 636 «ребенок, захворавший⁸⁸ вследствие того, что им восхищались»; *nuomēstas sluotas, nuopērtas sluotas* 752 «истрепавшиеся (метением) метлы, (парением) веники»; *nuoskaust luopus* U «das Vieh durch Neid in Verfall bringen»; *nuostrādāta zeme* U «abgearbeitetes, ausgemergeltes Land»; *nuoplicināt zemi* U «das Land ausmagern, erschöpfen»; *nuomizēt* U (von Zähnen:) «stumpf werden»; *nuolādēt* «заклясть (проклясть)»; *nuobrucis* U «abgelumpt»; *nuodauzījies* Трейланд Мат. II 1374 «измаялся»; *nuovārgt* «охилеть»; ср. лит. *nudėwēt* Jurksch. 7 «auftragen (ein Kleid)»; *szonus nusigulējau* 68 «я отлежал себе бока»; *rankužēs nurýmste* Lesk.-Brugm. 46 «руки у вас затекут, вследствие того что вы долго на них опираетесь»; *nivaŗgti* «измучиться». Недалеко от последней группы стоят сложенные с *нюо-* глаголы, которыми выражается, что субъект принимает какое-либо нежелательное качество: *pie arāja nuovescēja* BW 3151 «замужем (девушки) состарились»; *aiz kuo vaigi nuobālēja* 3932 «зачем щеки побледнели»; *tautiņās nuodzeltēju* Спр. 65 «замужем я пожелтела»; *alus nuovadājies* U «das Bier ist schaal geworden»; *nuovist* «завянуть»; ср. лит. *nublogēje, nuwýta* Jurksch. 112 «magerte und welkte ab». Сюда, наконец, примыкают сложенные с *нюо-* глаголы, выражающие разорение субъекта или приведение в упадок объекта (ср. н. *herab-* или *herunterkommen* «разориться»): *viņš ir pēdīgi nuodzīvuojis* (или *nuogājis*) U «er ist ganz heruntergekommen»; *nuokuopt luopus* U «das Vieh schlecht pflegen, herunterbringen». е) Сложенные с *нюо-* глаголы означают совершение чего-нибудь нехорошего: *nuoziegties* «провиниться (первоначально⁸⁹: «сойти с (правого) пути»). По образцу *nuoziegties* могли возникнуть: *nuoieties (tas man tā nuogājies* U «das ist mir so passiert», т. е. «я по ошибке это (что-либо нехорошее) совершил»); *nuogadities* U «widerfahren»; *viņš man nuotaisa par zagli* U «er macht (т. е.

⁸⁸ Ср. р. *сглазить*.

⁸⁹ Ср. лит. *žėņgti* «schreiten».

- 69 разглашает) *mich // zum Diebe*; *alutiņi-bāleliņi! kuo vīram nuodariji*⁹⁰ *vīriņš gāja pa celiņu, ceņurīti mētādams* Спр. 287 сл. «пивцо-братец! что ты сделало с мужчиною? мужчина шел по дороге, размахивая шапкою» (ср. также BW 4072); ср. лит. *nusižeñgti* «einen Fehltritt begehen».
- ζ) Сложенными с *nuo-* глаголами движения выражается опережение объекта субъектом: *guovs zaķi nuoskrietu* Трейланд Мат., послов. 629 «корова опередила бы зайца»; *nuotecēt U* «im Laufen einem andern zuvorkommen». Такое значение этих глаголов могло развиваться по образцу, например, глаголов *nuoveikt* «осилить, одолеть», *nuocinnēt* «побороть», относящихся, собственно, к группе а (ср. выше под а *nuogāž burvjus gaŗ zemi*).
- η) Помимо законченности действия, префикс *nuo-* выражает также, благодаря значению всего словосочетания, распространение действия на все данное время или пространство, на целый ряд объектов или на все части объекта или субъекта: *vīriņš ir labi nuogērbies* Mag. XIII 1, 1 «er hat sich gut verpackt»; *ka dievs nuoturētu vēl tuo laiku tādu* ibid. XIII 1, 12 «wenn Gott das Wetter noch eine Zeit lang so erhalten wollte»; *dzieduot mūžu nuodzīvoju* (в вар.: *nuostaigāju*) BW 3 «припеваючи я провела свой век»; *iev' ar lazdu lielijās abas baltas nuoziedēt* 2774 «черемуха и орешина обе хвастались, что, расцветая, станут совсем белыми»; *kas celiņu nuotēkāja* (в вар.: *nuostaigāja* или *nuorakstija*) *ar basām kājiņām?* 4567 «кто босыми ногами истоптал дорожку»; *nevar tevi nuovaldit* (в вар.: *nuoturēt*) 3592 «нельзя тебя (постоянно) иметь в своей власти»; *es būtu tuo celiņu adatām nuosprauduse* (в вар.: *audaklim nūklōjuse*) 15688 «я бы ту дорогу иглами утыкала (полотнами устлала)»; *nuosvīduši*⁹¹ *kumeliņi* Спр. 298 «кони (все) в поту»; *vaigi asarām nuomirkuši* Трейланд нар. п. № 411 «щеки размокли от слез»; *// bijuši aplam nuosaluši* LP VII 1, 84 «страшно

⁹⁰ В других случаях можно *nuodarit* перевести посредством «натворить»: *kuo nu muļķigais atkal nuodarijis* LP I 63 «что только глупец опять натворил»; лат. *nuodarit* значит только «сделать что-либо нехорошее», и поэтому Ульянов, Знач. II 38, неправильно приводит этот глагол в числе основ с «суммарным» значением.

⁹¹ Биленштейн приводит LSpr. I 465 *nuosvist* «stark beschwitzen» (и *nuolīt* «tūchtig regnen»), но, насколько мне известно, эти глаголы сами по себе (вне словосочетания) такого значения не имеют; поэтому Фортунатов, Разбор 94 сл., неправильно утверждает (ссылаясь только на эти примеры), что приставка тут вносит «значение сильной или полной степени проявления, достигаемой в длительности признака».

прозябли»; *tas ir nuoaudzis ar dažādiem skaistiem kuokiem* 1137 «она (т. е. гора) обросла (вся) различными красивыми деревьями»; *Kurbads nuopūš vėšėlu pūra vietu ar... naudū* 737 «Курбад задул деньгами целый лофштель⁹²»; *tā piekūsis, ka ne kājās nuostāvēt* 855 «так устал, что и на ногах простоять не мог»; *visu nakti... nuovazājās pa purvu* 44 «всю ночь шлялся по болоту»; *tam jau tā savs laiks jānuostaigā, jānuoblandās* LP I 180 «он уж так должен известное время ходить и шататься»; *salmus... nuokaisa pa tuo ceļu* 66 «усыпал (всю) ту дорогу соломою»; *nuolipina dibinu ar mīklu* 88 «обклеивают (все) дно тестом»; *nuostāda sargus uz visiem valsts stūriem* 17 «уставляет всю границу государства сторожами»; *ja tik nuociešās, atpakaļ neskatās* 120 «если только он вытерпит (все время), не оглядываясь назад»; *arī nu nuoturās druošs* 53 «также теперь (все время) держится храбро»; *saimniece varēja dienu mūžu nuogremsties, nuobēdāties* I «хозяйка постоянно сетовала и горевала»; *nuodarbuoties* «(всецело) заниматься чем-н.»; *šis nevaruot ne pāris desmit avis nuosargāt* 15 «он не может (за известное время) охранить даже десятка два овец»; *tris dienas tā nuoganīt, ka nevienas nezustu* 16 «три дня так пропасти (овец), чтобы ни одна не пропала»; *nespējis... algu nuoduot* 36 «не мог уплатить (всем слугам всего) жалованья»; *kunga nauda tam nuoderēja visu mūžu* 55 «деньги барина ему пригодились на всю жизнь»; *nazis nuorūsējis* 49 «нож (весь) заржавел»; *aiziet nuokaunējies* 84 «уходит пристыженный»; *nuokust* «(совершенно) устать»; *nuoskumt* «сделаться (совсем) печальным»; *nuošmaūlēties* U «sich besabbeln»; *lauks nuozēlis* U «das Feld ist begrünt»; *es tur nuobiju divi nedēļas* U «я там пробыл две недели»; *kad es šās bēdas būšu nuobēdājis* U «когда я перегорю все это горе»; ср. лит. *āsz nulytōji, āsz nusnigtōji* Lesk.-Brugm. 18 «я измокшая от дождя, я (вся) покрытая снегом»; *nuszālus* 47 «прозябши».

Ф) Сложенные с *nuo-* глаголы выражают законченность непродолжительного⁹³ действия: *nuosazviedze kumeliņš* Спр. 221 «конь проржал»; *nuoskanēja zelta pieši* Трейланд нар. п. № 439 (стр. 98) «прозвенели золотые шпоры»; *nuoņūcās dzirnaviņas* № 39 «проревела мель-//ница»; *Mīkelītis nuosaucās* № 139 «Миша кликнул»; *skaistu dziesmu nuodzie-*

71

⁹² Название полевой меры в прибалтийских губерниях.

⁹³ Понятие непродолжительности первоначально, вероятно, было обусловлено значением всего словосочетания.

dāja № 6 «я пропела красивую песню»; *spalvas vien nuoputēja* № 280 «только перья разлетелись»; *nuosa-skaņi -gavilēju* BW 632 «я громко и (весело) пропела»; *nuosakliedza* (в вар.: *aizakliedza*) *vanadziņš* 2570 «ястреб крикнул»; *kuo... nuopūties* 1358, 4 «зачем ты вздохнула»; *dūmi vien nuokūpēja* 1686 «только дым пронесся»; *sēri vien nuosmirdēja* 1686 var. «только пахнуло запахом серы»; *visa zeme nuoribēja* 2744, 2 «вся земля сотряслась»; *čėkuliņis nuotricēja* 2641 «хохол потрясся»; *egle nuodreb, meži nuokrās* LP I 134 «ель содрогнулась, леса прошумели»; *visa zeme nuodimd* 2 «вся земля прогудела»; *ši nuošķaudās vien* 8 «она только чихнула»; «*nu, nekas!*»... *Kurbads nuopurd* 5 «ну, ничего!» проворчал Курбад»; «*lai, lai!*»⁹⁴ *vīriņš nuobubina* 79 «пускай!» пробормотал мужчина»; *jaunēklis... nuosaka šim aiz muguras* 48 «юноша промолвил за спиною его»; *vīrs gan nuodievuojās, nelīdz* 181 «мужчина побожился, но (это) не помогает»; *vēl nuoskatās uz... pili* 6 «еще поглядел на замок»; *nuostīrinā kāju un atstiepās* 7 «потряс ногою и околел»; *nuospļāvies un aizgājis* 112 «плюнул и ушел»; *ši duomā nuosnausties* 138 «она намерена вздремнуть (прилечь)»; *nuostaipijās vien un bija beigts* VII 1, 64 «потянулся и скончался»; *čėri nuokustējās* 131 «кусты шевельнулись»; ср. лит. *po valandėlei žmógus girdi, tik nūtarškė-nūtarškė, nudardėjo — trinkt, trinkt!* Lit. Mitt. II 181 «nach einer kleinen Weile hört der Mensch, wie es knattert und knallt, kracht, knistert und springt». Такие основы, как *nuodziedāt, nuokustēt(ies), nuozviēgties, nuokliegties* и др., Ульянов, Знач. II 61, неправильно считает «ингрессивными»⁹⁵, вероятно, вследствие неточного перевода этих основ у Трейланда и Спрогиса посредством русских сложных с за- глаголов.

pa-⁹⁶

§ 12. а) Как указано I 140 сл., предлог *pa* (**apa*) имеет 72 прежде всего значение р. «под»⁹⁷. Это же значение // имеет

⁹⁴ Brugmann (IF XV 340 и KVG 611¹ странным образом возводит эту частицу к **wloit*: что это совсем нелегко, показывают прерывистая интонация частицы *lai* и более древняя (встречающаяся еще в старопечатных текстах) форма ее *laid* (сокращенная из II s. imper. *laidi* «пускай» от *laist* «пускать», как указал уже Биленштейн LSprg. § 622).

⁹⁵ «Обозначают признак как наступающий».

⁹⁶ [Autora eksemplārā: *pa-pone* LP 6, 403 //]

⁹⁷ [Autora eksemplārā: *pabirusi* // *pagulsi* //]

также префикс *pa-*: *ļauņu dienu pabīdīju zem savām kājiņām* BW 119 «несчастный день я подсунула под свои ноги»; *es paklāju vīllainītes* 2756 «я подостлала шерстяные накидки»; *zem spārniņa pasitūsi* 3246 «подсунув под крылышко»; *pagula zem zaļuo velēniņu* 3905 «легла под зеленый дерн»; *palīdu* (в вар.: *pabēgu*) *zem... villānītes* 8686 «я подлезла (подбежала) под шерстяную накидку»; *es pasviedu... rīkstī ra meitiņu kājiņām* Трейланд нар. п. № 479 «я подкинул ветку под ноги девушек»; *uguni pakurt* LP I 44 «развести огонь под (котлом)»; *paslēpjās zem tilta* 48 «подпрятался (или просто: спрятался) под мост»; *pakrīt zem krāsns* 84 «(кольцо) подпало под печь»; *paīlkuse savu labākuo kleiti apakšā* 115 «надела свое лучшее платье под (другие пл.)»; *parauij... kurpes apakš... paltrakiem* 131 «быстро подтянул башмаки под шинель»; *tilta apakšā... ir parakts šķirsts* VII 1, 88 «под мост закопан сундук»; *glāze palīeta zem... siles* 305 «стакан подлит под корыто»; *putns palaidās apakš ratiem* 747 «птица подлетела под телегу»; *paduoties* «подчиняться»; *rabalstīt* «подпирать»; ср. лит. *pasiliñdēs po dōreliu* Jurksch. 26 «подлезши под талер»; *kiálmą pō galwōs pasidējēs* 31 «подложив себе пень под голову»; *pō... aslā buwa ūgnī pakūrdinēs* 33 «hatte unter dem Fußboden ein Feuer anzünden lassen»; *po wādeniu panēri* 35 «tauchte unter das Wasser»; *po tuo pacziū medziū pasisēda* 48 «setzten sich unter denselben Baum»; *nepasidūod* LChr. 329, 23 «не поддается»; *palindo po toviu* Lesk.-Brugm. 205 «подполз под ясли» (еще другие лит. примеры у Ульянова, Знач. II 30); пр. *pomests* «unterworfen» Ench. 71. Слав. же *po* в таком значении, вероятно, заменено формою *pod*, ср. I 5. К значению «под» можно, кажется, возвести все остальные значения предлога *pa*. Из значения «под» (на вопрос «куда?») могло (первоначально, вероятно, в сочетании с аблативом) развиться значение «сверху вниз», отсюда далее «вниз по» (ср. р. *идти под гору*) и, наконец, «по» (*по реке, по дороге, по полю*; ср. употребление гр. *κατά*). Также значение «после, за», которое имеет этот предлог, можно, кажется, вывести из значения «под»: если смотреть сверху на что-нибудь, то предмет, лежащий под чем-нибудь, вместе с тем находится и за (*post*) ним. Также значения именного префикса *pa-*, как показано I 148 слл., можно возвести к основному значению «под». //

b) Возвести же также все значения глагольного префикса *pa-* к значению «под» я не вижу никакой возможности;

поэтому я полагаю, что в славяно-балтийском префиксе *ra-* совпали два префикса. Как указано I 140, рядом с *ra* «под» в прабалтийском стоял предлог **ara* «под», формально вполне совпадающий с гр. *ἀπό*, скр. *āra* (подобно тому, как и *ra* формально совпадает с лт. *ro-*, з. *ra-*). Но по значению прабалт. **ara* (*ra*) совершенно расходится с гр. *ἀπό*, скр. *āra* (лт. *ro-*, з. *ra-*) и соответствует скорее гр. *ὀπό*, гот. *uf*, с которыми и сближают Pott, Leumann, Delbrück (ср. I 139) этот славяно-балтийский предлог. Ввиду всего этого я полагаю, что когда-то не только рядом с **aro* стояла более краткая форма **ro*, но также рядом с **uro*; отношение между **uro* и **ro*, может быть, таково же, как между **uper(i)* и **per(i)*. Если славяно-балтийский праязык перенял из иде. праязыка и то, и другое **ro* (= «*ἀπό*» и «*ὀπό*»), то могло случиться, что под влиянием двойного значения краткой формы также прабалт. **ara* получило значение «*ὀπό*» (иде. **uro* могло быть утрачено). Последнее значение стало потом господствующим, и предлог **ara* (*ra*) совсем утратил значение «*ἀπό*» (это значение имели также другие предлоги). Префикс же *ra-* отчасти еще сохранил значение «*ἀπό*»: *kā dievs deve, tā dievs paņēme* Mag. XIII 1, 5 «бог как дал (ребенка), так и отнял» (*ἀφείλε*); *brālis.. padzina mani* LP I 39 «брат прогнал меня»; *bij patikuse nuo nelabajā ruokām* 116 «избавилась от рук дьявола»; *pasprūk ruokas nuo raga vaļā* 182 «руки соскользнули с рога»; *ja... viņi pamika* VII 1, 652 «если они улизнули»; *palaiž... suns vaļā* I 49 «спустил собак»; *nebija vēl necik tālu pabraucis* VII 1, 195 «он еще недалеко отъехал (или: поехал)»; *paiet... suoļu* 50 679 «отошли шагов на 50»; *pakļist* U «in die weite Welt gehn, sich verlieren»; *palieks* U «Rest, Überbleibsel» (ср. лит. *palikti*, гр. *ἀπολείπειν*); *pamest* U «verlieren, verlassen, hinterlassen»; *pavadīt* «проводить» (первоначально, вероятно: «выпровождать»); *patecēju lejiņā* Спр. 299 «я побежала в долину». Следует, однако, указать, что значение удаления в приведенных примерах значительно побледнело⁹⁸ // вследствие отсутствия соответствующего предлога и употребления в подобном значении префикса *aiz-* (также *at-*, *nuo-*). В литовском же, где префикс *ažu-* не выражает удаления, префикс *ra-* лучше сохранил значение «*ἀπό*»; примеры приведены выше на

74

⁹⁸ Яснее всего оно еще чувствуется в *padzīt*; в других примерах теперь примешивается или даже преобладает деминутивное или результативное значение.

стр. 22 и у Ульянова, Знач. II 42. Ср. пр. *polinka* «bleibet» Ench. 64; срб. *pòlaziti* «abreisen», *pònijeti* «davon tragen, auferre», *pòpuznuti* «von der Stelle weichen».

с) Сложенные с *pa-* глагольные основы означают способность субъекта воспроизвести действие, выражаемое простою глагольною основою; часто такие сложные формы зависят от слова, обозначающего понятие «мочь». Примеры: *juoti slima*, — *ka ruociņu nevar pacilāt* Mag. XIII 1, 5 «schwer krank (so schwach), daß es die Hand nicht heben kann»; *kad saietu pulciņā, ne zemīte nepaņēstu* BW 4145, 1 «если бы (все сироты) собрались, то даже земля не могла бы выдерживать их»; *nemaz nevar paiet* LP I 9 «совсем не может пойти»; *saka, ka nespējuot vairāk rapūst* 17 «говорит, что более не может трубить»; *vajaga arī vēl pieci pūri zēlta naudas panest* 24 «следует также еще (быть в состоянии) понести пять пур⁹⁹ золотых денег»; *paveļk 30 vīrus ragūs pa pliku zemi* 55 «в состоянии протащить 30 человек в дровнях по голой земле»; *rauga kuo runāt, bet nevar parunāt* 107 «пытается что-то сказать, но не может проговорить»; *nekur nav varējis pabraukt* VII 1, 540 «никуда не мог поехать»; *gans nevaruot pakliegt* 899 «пастух не может прокричать»; *čūskas pa smiltīm nevarējušas parāpties* 1266 «змеи не могли по песку ползти»¹⁰⁰. Литовские примеры даются у Ульянова, Знач. II 50 сл. и 102. В части этих глаголов, напр. в *panest*, префикс *pa-* первоначально, вероятно, имел значение «*ἔπι*» (ср. гр. *ἔπιφέρειν* «нести (на себе), переносить»; лт. *sufferre* «поддерживать, выдерживать»). Значит, *panest* первоначально, вероятно, имело такое же значение, как лт. *sufferre*, гр. *ἔπιφέρειν*; а оттуда могло далее развиваться значение «быть в состоянии перенести», как видно, например, из народной песни *labi bija tie ļautiņi: paņēs ļaunu, paņēs labu; mūs' brālīši nepanesa maza bērņa valudiņu* BW 963 «добры были те люди: пере-//носят (или: способны переносить) зло и добро; наши братцы не перенесли речи маленького ребенка»¹⁰¹. По образцу *panest* мог возникнуть глагол *paciest* «вытерпеть, перенести». В других же из этих глаголов префикс *pa-* первоначально, вероятно, имел значение «*ἀπό*», напр. в *paiet*, *pa-*

75

⁹⁹ Пура — хлебная мера у латышей.

¹⁰⁰ Сюда, вероятно, относился первоначально также глагол *pastāvēt* U «bestehen» (= Bestand haben); ср. лит. *ne galiū pastovėti* «не могу устоять на ногах» (у Ульянова, Знач. II 51).

¹⁰¹ Ср. также указания Ульянова, Знач. II 68 сл.

vilkst, pabraukt, parāpties, так что, например, оборот *es nevaru pavilkst* первоначально, вероятно, значил «я не могу стащить (сдвинуть) с места». А по образцу *panest, paiet, pavilkst* и др. могли затем возникнуть глаголы *parunāt, pakliegt, papūst* и др.

д) Сложенные с *pa-* глаголы движения означают также достижение цели, к которой направлено движение: *neviens mani nepanāks* BW 2333, 4 «никто меня не догонит»; ср. лит. *panókti, pavýti, paginti, pasėkti* «догнать» у Ульянова Знач. II 41 сл. Это *pa-* имело первоначально, вероятно, значение «*óπο*»: ср. (хотя и не вполне соответствующие) р. *подойти, подбежать, подѣхать* и др.; лт. *subire, subvehi* и др.

е) Сложенные с *pa-* глагольные основы имеют деминутивное значение (обозначается или слабая степень проявления, или непродолжительность действия): *pagaidiet, ļaujiet pūru piedarīt* Спр. 21 «подождите, дайте приготовить приданое»; *tev kājiņa paslidēja* 118 «у тебя поскользнулась нога»; *pakrīt... kumeliņš* 299 «конь (слегка) упал»; *ej par mani parunāt* 191 «выйди поговорить за меня»; *pakustina virvi* LP I 6 «пошевелил веревку»; *papūš... stabuliti* 9 «потрубил»; *pakuodisim!* 16 «покушаем»; *pasmējās* 20 «посмеялись»; *duomājis tik tā pat pagrūst, bet ne nuosist* 20 «хотел только слегка толкнуть, но не убить»; *pavēra... durvis* 27 «приотворила двери»; *pamiris* 29 «обмерши»; *iet... pa mēžu pastaigāties* 39 «идет погулять в лесу»; *pa luogu galvu pabāzis* 39 «(немножко) высунув голову из окна»; *aiziet... pamedīt* 46 «пошел поохотиться»; *kādu laiciņu pabijuse pie... vēcākiem* 160 «недолго побыв у родителей»; *vēl ūdenim jāpasilst* 142 «еще вода должна поднагреться»; *paberzē manu... ragul!* 140 «потри мой рог»; *muguru pakasīt* 82 «почесать спину»; *paglauda gailiti* 79 «поглаживает петуха»; *paperi ar... sluotul!* 52 «попарь веником»; *pasviež zēnam stabuliti* 52 «кинул мальчику дудку» («деминутивность» здесь заключается в том, что дудка кидается недалеко и, не будучи тяжела, без большого усилия); // *neduod šim maizes ne rauost* 60 «не дают ему хлеба и понюхать»; *padauzās pie vārtiem* 102 «постучалась у ворот»; *kad jaunais princis jau paaudzis*¹⁰²,.. *kuopēja tuo izveid dārzā padzivuoties; kamēr*

¹⁰² Ср. также *līdz šim bija knapi gadi; — nu labāki paauga* Mag. XIII 1, 14 «bisher waren schlechte Jahre; — jetzt ist (uns) etwas mehr aufgewachsen». Иногда деминутивная форма *paaugt* употребляется также там, где в действительности имеют в виду хороший урожай:

princis padziņuojās, kuopēja atkal paguļ 101 «когда молодой царевич уже подрос, няня его вывела в сад поиграть; пока царевич играл, няня поспала»; *bedrē... grēdžens paspidēja* 85 «в яме блеснуло кольцо»; *pagriežas uz tuo pusi* 84 «(немножко) поворачивается в ту сторону»; *grib pavizināties* 77 «хочет покататься»; *paskraidās* 75 «побегал»; *beidzamo reizi mani pajāt* 68 «в последний раз поехать на мне»; *pamin paminu* 62 «принаступил на подножку»; *jāiet nuo kaimiņa sieks palūgt* 73 «должен пойти попросить у соседа сека¹⁰³» (услуга, о которой просят, невелика); *pīles pašaudīt* VII 1, 14 «пострелять уток»; *gribas pasnausties* 21 «хочется подремать»; *pavēla akmeni* 18 «(немножко) откатил камень»; *avis uz mājas pusi patrencis* 30 «(немножко) подогнал овец по направлению к дому»; *pastabulējis* 31 «потрубил»; *pasijāšu miltus* 52 «просею (немножко) муки»; *nedeve paauklēt* BW 2011 «не дали понянчить»; *svārķus pacēluse* 1104 «приподняв юбку»; *parauguos... uz līgavīņas* 1054 «поглядываю на жену»; *es ļaudim pasabrīnu* 903, 1 «я людям подивился»; *pasadzied... ar māsiņām* 313 «попой с сестрами»; *pavalkā manu... vainadziņu* 297 «поноси мой веночек»; *uz akmini pakāpuos* 278, 2 «я (немножко) поднялась на камень»; *ik vāciņu pacilāju* 32 «всякий раз как я приподнимал крышечку»; *ēs kōjerņom pastōvēišu* 4056 «я постою на ногах»; *mani pabaruoja* 4339 «покормила меня»; *tiri žēl panākas* (Вольмар) «немножко жаль становится». Сюда же относятся приведенные у Ульянова *paziņģē, paskatuos, pasmējās, padrebeļuojās*¹⁰⁴ (Знач. II 7), далее все основы, приведенные там же 33 сл. и названные им «детерминатив-//ными» (за исключением основ *parunāt* и *pastaigāt* 77 Трейланд Мат. II 282, которые относятся к группе с), далее *pavilkēt* (там же 42), *paaugt* (там же 43), *paspārdīja* (там же 57), *paslidēja, pavāžu* (там же 58). Из лит. языка сюда относятся приведенные у Ульянова *pavažiūoti, pasisznekēti, pasiszokinēdama* (6 сл.), далее все «детерминатив-

paugs rudzi, paugs mieži, es guodigi aizmaksāšu Спр. 20 «уродится рожь, уродится ячмень, я честно уплачу». Под влиянием *paaugt* в последнем значении, вероятно, возник глагол *paduoties* (*kvieši nepaduodās* U «der Waizen gedeiht nicht»).

¹⁰³ Сек (*sieks*) — хлебная мера у латышей.

¹⁰⁴ Мнение Ульянова, что эти основы обозначают кратность, неправильно, как уже указал Фортунатов Разбор 71 слл.

ные»¹⁰⁵ основы (32 сл.), *pasigraibiky*, *pasiklausinēk* (40), *pasigērēti* (48), *paszókterējau*, *paspýriau*, *pastumēk* (57). Славянские примеры даются у Миклошича Vergl. Gramm. IV 227 сл. Деминутивное *pa-*, по-видимому, восходит к *pa-«ἀπό»*: ср. гр. ἀπογελᾶν, ἀποδείδειν, лт. *subridere*, *subirasci* и др. (ср. Delbrück Vergl. Synt. I 696) и слав. деминутивное *подъ-* (Miklosich Vergl. Gramm. IV 231 сл.). Глагольный префикс *pa-*, может быть, получил это значение под влиянием такого же значения именного префикса *pa-*¹⁰⁶.

f) Префикс *pa-* стал чисто формальным, т. е. таким префиксом, который придает глагольным основам исключительно значение совершенного вида. Такое значение префикс *pa-* мог приобрести различными путями (ср. об этом также рассуждения Ульянова, Знач. II 31 и 310 сл.). Так, напр., в приведенном выше под **a** обороте *pastēpjās zem tilta* можно еще *pastēpjās* перевести «подпрыгнулся»; но так как понятие «под» заключается также в предлоге *zem* и так как предлог *pa* почти утратил значение «под» (ср. I 141), то значение «под-» в *pa-* настолько побледнело, что можно *pa-stēpjās* также перевести «спрыгнулся», или, другими словами, префикс *pa-* здесь придает так же исключительно значение совершенного вида, как, напр., в *pastēpās... krūmiņā* BW 2567 «спрыгнулась в кусте». Также из *pa-«ἀπό»* могло образоваться «формальное» *pa-*, тем более что соответствующий предлог в славяно-балтийском давно утратил значение «ἀπό» и что похожее на «ἀπό» значение // имели также другие префиксы. Так, напр., относительно приведенного выше под **b** оборота *pasprūk ruokas nuo raga vaļā* можно колебаться, сохраняет ли тут *pa-* еще реальное значение («скользнули») или же имеет оно теперь уже только чисто формальное значение («поскользнулись»). Наконец, также из деминутивного *pa-* могло возникнуть чисто формальное *pa-*: в некоторых случаях можно колебаться, имели ли мы дело с деминутивным или с чисто формальным *pa-*,

¹⁰⁵ Ульянов говорит I. с. 33, что в таких словосочетаниях, как лт. *biskį paėjo*; *pajójes galūtį* и др., деминутивное значение форм *paėjo* и *pajójes* обуславливается только сочетанием этих форм с словами *biskį*, *galūtį*. Но в вышеприведенном лт. обороте *beidzamuo reizi mani pajāt* одно *pajāt* имеет такое же значение, как лт. *pajóti* в *pajójes galūtį*: слова *biskį* и *galūtį* в упомянутых оборотах являются до некоторой степени плеоназмами.

¹⁰⁶ Можно, напр., думать, что глагол *pamazināt* U «etwas verringern» произведен от прилагательного *pamazs* «маловатый».

так, напр., в *es nevaru uz zemīti paskatīt* Спр. 218 «я не могу взглянуть на землю» (ср. выше под *e parauguos*), *ar mēdu pamieluošu* BW 3873, 1 «угощу (вас) медом», или *pacienā tā kunga meitu, kā arī kalpuoni ar vīnu* LP I 110 «попотчевал как барышню, так и служанку вином» (ср. выше под *e pabaruoja*), *pasauc atkal vīrus* LP I 74 «опять позвал мужчин», или *mīļai Mārai pavaicāju* Трейланд нар. п. № 41 «я спросил у милой Марьи» (ср. выше под *e palūgt*). Примеры для чисто формального *pa-*: *ņemt gribēju, nepaņēmu nāburguos ligaviņu* BW 6211, 2 «я хотел взять, но не взял невесты в соседях»; *dievs paklausa sērdienīša... lūgumiņu* BW 4024 «бог внимает просьбе сироты»; *pādzird' manu kumeliņu* 5119 «напой моего коня»; *launadziņu paēduši* 742 «пообедав»; *kulitiņas pakāruši uozuoliņa zariņuos* 2743 var. «повесив сумочки на дубовых веточках»; *kurpes šūdināja; kad pašuva... kurpes* 843 «шила башмаки; когда сшила башмаки»; *tu zīņīti pabeidzām* 26, 1 var. «ту песенку мы окончили»; *maz darbiņa padarija* Спр. 284 «мало дела сделали»; *pamuodina pusbrāļus* LP I 4 «разбудил сводных братьев»; *pakampj savu cirvi* 10 «схватил свой топор»; *paceļ kreisuo ruoku* 13 «поднял левую руку»; *patana... zirgu* 63 «заметил лошадь»; *tev brangāku kumuosu pagādāšu* 79 «я тебе достану лучший кусок»; *prieki vēl pavairuojās* 82 «радость еще увеличилась»; *pazīdina bērniņu* 103 «накормила дитя грудью»; *pasteidzās gultā iegulties* 108 «поспешил лечь в постель»; *pāri kurpju pataisit* 160 «изготовить пару башмаков»; *mēs... vienreiz nepatiesi pazvērējām* VII 1, 45 «мы однажды ложно поклялись»; *parādīt* «показать»; *pasacīt* «сказать»; *pamācīt* U «belehren»; *paturēt*¹⁰⁷ U «behalten»; *zuda, zuda, — līdz pazuda* Трейланд // Мат. IV 177 79 «пропадала, пропадала, — пока совсем не пропала». Ср. лит. *ką tas paikūtis smākui sū kirviū padarys* Jurksch. 9 «was wird dieser dumme Hans mit der Axt gegen den Drachen ausrichten»; *pasiródi* 13 «показался»; *pabūdina* 17 «разбудила»; *pasakýt* 31 «сказать»; *kai àsz tawę pamokýsiu* 34 «wie ich dich belehren werde»; *árklį pagirdyt* 138 «напоить лошадь»; *pakila... vėjūžis* Lesk.-Brugm. 27 «поднялся ветер»; *pasiúk má marszkinéliūs* 28 «сшей мне рубашки»; *paémė botagą* 115 «взял плетъ»; *pavalgęs* 116 «окончив еду» или «поевши

¹⁰⁷ Ср. лит. *palaikýti* «удержать что-нибудь у себя» (у Ульянова, Знач. II 43); первоначально этот глагол, может быть, относился к группе с.

(досыта)»; *āsz tāve pakārsiu* 190 «я тебя повешу»; пр. *polai-pinnons* «befohlen» Ench. 52, *pomukints* «unterrichtet» Ench. 52, *poklausīmanas* «erhöret» Ench. 27, *pogattawint* «bereiten» Ench. 44, *polaikūt* «behalten» Ench. 9; слав. примеры у Миклошича Vergl. Gramm. 227 слл. — Чисто формальным является префикс *pa-* также в глаголах *palidzēt*, *pazit*, *patikt*, *pavadit*, которые, значит, первоначально имели (да и теперь еще могут иметь) значение совершенного вида («помочь, узнать¹⁰⁸, понравиться, проводить»). Но так как соответствующие простые глаголы сделались малоупотребительными (*lidzēt*, *tikt*), или совсем вышли из употребления (**zīt*), или имеют другое значение (*vadīt*), то глаголы *palidzēt*, *pazit*, *patikt*, *pavadit* имеют теперь также значение несовершенного вида («помогать, знать «kennen», нравиться, провожать»), и первые три из них настолько усвоили себе характер простого глагола, что принимают еще второй префикс (ср. выше стр. 20); ср. лит. *padėti* или *pagėlbėti* «helfen», *pažinti* «kennen»¹⁰⁹, *patikti* «gefallen», *palydėti* «begleiten» (относительно этого глагола ср. указания Ульянова Знач. II 30); пр. *pogalbton* «geholfen» Ench. 82, *podingai* «gefalle» Ench. 46.

В некоторых случаях префикс *pa-* имеет значение лит. *pra-*, слав. *про-* (префикса, утраченного в латышском): *savas nāves neparēdz* BW 2581 «не предвидит своей смерти» (ср. лит. *prānašas* «пророк», црксл. *провѣдѣти* «praescire», *прозрѣти* «prospicere» и др.); *paspēlē visu naudu* LP I 54 «проиграл все деньги» (ср. лит. *pragrajiti* «проиграть» у Межиниса, *pragėrti* «пропить»); *garām tautas pajājušas* Спр. // 172 «мимо проехали чужие люди» (ср. лит. *prajóti* «проехать»); *paiet... tāds brīdis* LP VII 1, 125 «прошло некоторое время» (ср. лит. *praeiti* «пройти»). Тем не менее вряд ли позволительно думать, что эти глаголы возникли непосредственно из соответствовавших сложных с *pra-* глаголов (скорее всего еще *paredzēt* могло путем диссимиляции возникнуть из **praredzēti*). Глагол *paspēlēt* мог возникнуть по образцу таких глаголов, как *pamest* или *pazaudēt* «потерять», а глаголы *pajāt* и *paiet* в вышеприведенных примерах могут быть отнесены к группе **b**. Что же касается *paredzēt*, то в виду формы *ragana* «ведьма» (первоначально: «Seherin»; ср. Mikkola Balt. u. Slav. 35¹)

¹⁰⁸ Ср., напр., *eš jau poša pazynu, ka vajaga maiži pel'ūt* Zb. XVIII 238 «ja już sama poznatam, że trzeba na chleb zarabiać».

¹⁰⁹ Но *pažinau* «я узнала» Lesk.-Brugm. 66.

не исключена возможность, что префикс *pa-* первоначально тут придавал исключительно значение совершенного вида.

pār-¹¹⁰

§ 13. *pār*-. Как указано I 154, лит. предлог *par* имеет значение «у, к»; из этого значения далее развивается значение «в доме», «в дом» (напр., *aik pār manī ūž mergīni* LChr. 212, 37 « поступи ко мне служанкою»; *kunigū paslikā par saū* 376, 8 « оставил священника в своем доме»). Соответственно этому и префикс *pār*-, лит. *pař* имеет значение н. «heim-»: *pārvešu brālišam ligaviņu* Трейланд нар. п. № 278 «я привезу своему брату суженую»; *gaidat mani pārejam* 335 «wartet auf meine Heimkehr»; *nuo druvas pārnākdama* BW 13, 1 «возвращаясь домой с поля»; *pārskrien zuoses* 637 var. «гуси прибегают домой»; *pārnesa* (в вар.: *atnesa*) *mēdus puodu* 2105, 2 var. «принес (домой) горшок с медом»; *pārsteidzās pirmā mājās* LP I 78 «(она) первая приспешила домой»; *kēve vēlk un pārvēlk* 90 «кобыла тащила (воз) и притащила (домой)»; ср. лит. *parjójau* Jurksch. 14 «kam nach Hause geritten»; *parnēszte vainikēļi* Lesk.-Brugm. 16 «вы принесете венок (обратно домой)»; *nū mergūžes pareinant* 18 «возвращаясь домой от девицы»; *āsz tavę parvēsiu* 21 «я привезу тебя (в свой дом как жену)»; *kā parsīsi... isz... kryģeles* 29 «что ты пришьешь (домой) с войны»; *pūsk // vējēli... parpūsk... laivēļi* 63 «дуй, ветер, 81 придуй (домой) лодку»; *āsz túos... parszaūksiu* 218 «я их призову (домой)»; пр. *wirst pergūbons* Ench. 91 «kommen wird». В части ла. говоров (напр., в вольмарском) префикс *pār*- в этом значении заменяется префиксом *at*-.

Во всех трех балтийских языках этот префикс слагается также с глаголом *duot(i)* «дать» для выражения понятия «прода(ва)ть»: ла. *pārduot*, лит. *parduoti* (напр., Lesk.-Brugm. 19), пр. *perdauns* Ench. 36 «verkauft». Первоначально эта сложная форма, вероятно, имела приблизительно значение гр. *παράδοσις*, н. *vergeben* (= отдавать). В части же курляндских говоров глагол *duot* слагается для выражения понятия «прода(ва)ть» не с *pār*-, но с *pār*-, о чем будет речь ниже. Сюда, может быть, относится и глагол *pārjemt (iztak meitu dzattōneita, pōrjam šermu kuheteņu* Mag.

¹¹⁰ [Autora eksemplārā: *pūorit da cima* RKr. 17, 137 //]

XIV 2, 172 «выбегает навстречу красавица, принимает седого коня»); но не исключена и возможность, что мы имеем тут дело с префиксом *pār-*, ср. р. *перенимать*.

Что же касается значения «*nieder-*», которое также имеет лит. префикс *par-* (ср. Kurschat Gr. § 456), то оно, вероятно, возникло из первоначального значения «при»: ср. с лит. *parmūšti* «*niederschlagen*» р. *град прибил хлеб* и ла. *piesist pie zemes* «ударами свалить наземь», *piegāzt* «свалить (кого-либо с ног)».

§ 14. *pār-*. а) Установление первоначального значения иде. **per(i)* и дальнейшего его развития в отдельных иде. языках не входит в мою задачу; ср. об этом Delbrück Vergl. Synt. I 700 слл. (где указана и более старая литература) и Brugmann KVG 475 сл. И сопоставлять с ла. сложеными с *pār-* основами буду только формы других славяно-балтийских языков, так как, напр., сходство в значении ла. *pār* в *pārskriet* «перебежать (im Laufen überholen)» и скр. *pari-kram-* «im Gehen überholen» может быть результатом совершенно случайного совпадения, а не параллельного развития основного значения (с скр. *pari-kram-* ср. скр. *pári-i-* «umhergehen» и лит. *apibėga* «überholte» Jurksch. 31).

82 На литовско-латышской почве древнейшим значением этого префикса, вероятно, можно считать местное значение н. *durch-, hindurch-*. В литовском, по сообщению Куршата Gr. § 448, говорится еще *peř miestą pėrvažiūoti* «*durch die Stadt hindurchfahren*». Но, как видно из его дальнейших указаний, теперь этот глагол чаще употребляется в значении «*hinüberfahren*». В латышском же, где предлог *par* «*durch*» заменен предлогом *caur* (ср. I 160 сл.), также префикс *pār-* более не имеет значения «(hin)durch-». Из значения «*durch-*» непосредственно развивается значение «*zer-*» (ср. J. Schmidt Vok. II 107): *virve pārkuosta* LP I 7 «канат перекушен»; *pārgriežišu ar zuobinu vēdaru* 10 «я мечом распорю брюхо»; *pāršķel milzim galvu* 13 «расколел великану голову»; *uola jāpārcērt* 25 «яйцо следует рассечь»; *pārsprāgst* 47 «лопнул»; *pārgrauž... pavidienus* 55 «перегрыз нитки»; *pārspiež zaltim galvu* 129 «раздавила ужу голову»; ср. литовские примеры у И. Шмидта I. с. и слав. примеры у него же 108 и у Миклошича Vergl. Gram. IV 237 слл.

б) С другой стороны, из значения «(hin)durch-» далее развивается значение «*hinüber-*» (ср. у Куршата Gr. § 448

pērbrīsti «hindurchwaten, watend hinüberkommen»): *es pārsviedu... zirni par... uozuoliņu* Спр. 33 «я перекинул горошину через дуб»; *skudre ceļu pārtecēja* 136 «муравей перебежал дорогу»; *par istabu pāriedama* 185 «переходя (проходя) через комнату»; *tiltu par Daugavu pārtaisit* BW 40 «построить мост через Двину»; *kas suni pārkāpis, pārkāps arī asti* Трейланд Мат. II 1210 «кто перешагнул через собаку, перешагнет и через (собачий) хвост»; *pārlēca.. pār ceļu* LP I 26 «перескочил через дорогу»; *pār ūdeni pārtikt* 47 «перебраться через воду»; *pārveļkās ir tiem pāri* 141 «перетаскилась и через те (горы)»; *pār upi pārpeļd* 99 «переплыл через реку»; *pārlīcis zuoņenu upei, pa tuo čūska pārliduse* VII 1, 18 «переложил меч через реку, по которому змея переползла»; *zari bija pārkārušies pār krastu* 1005 «ветви перевисли через берег»; ср. лит. (и русские) примеры у И. Шмидта I. с. 101.

с) Из этого значения («hinüber-») далее развивается значение «чрезмерно»: *kas tuo manu līgaviņu ar rupām pārbaruoja* BW 1055, 5 «кто мою жену (чрезмерно) закормил бобами»; *kas ātri skrej, tas pārskrejās* Трейланд Мат. II 1114 «кто скоро бежит, тот надорвется»; *ešmu drusku pārēdies* LP I 10 «я немного объелся»; *kungs pārbistās* 35 «барин перепугался»; *pārstrādājas vērpdama* VII 1, 654 «переработалась, прядя»; *pārluokas ūdeni* 1008 «опились водою»; *pārjāt zirgu* U «ein Pferd so // stark mitnehmen durch Reiten, daß es einen Schaden bekommt»; *pārkāmējis* U «ausgehungert»; *pārkurināt* U «überheizen»; *pārrau(sti)ties* «надорваться»; *pārsteigties* U «sich übereilen»; *pārciesties* U «so viel gelitten haben, daß man das Leiden nicht mehr fühlt»; ср. лит. и р. примеры у Шмидта I. с. 103 сл.

д) С другой стороны, на основании значения, о котором говорится под **b**, возникают также сложные с *pār-* глаголы, обозначающие опереживание или одолевание объекта субъектом (ср. J. Schmidt I. с. 104): *pāraugs tevi zaļa zāle* Спр. 31 «перерастет тебя (дуб!) зеленая трава»; *lakstīgalu pārdziedāju* BW 409 (в вар.: *aizdziedāt*) «я перепела словья»; *tas divus taču pārsējis* LP I 3 «он все-таки пересилил двоих»; *viņš visus grib pārgudruot* U «er will alle meistern»; *pārkaut* U «mit der Karte stechen»; *pārtecēt* или *pārskriet* U «перебежать»; ср. лит. и р. примеры у И. Шмидта I. с. 104 сл.

е) Такой оборот, как *krusa pāriet* LP I 7 «град прошел», первоначально относился к группе **b** («перешел», т. е. через наши головы или через наши поля); по теперешнему же

представлению префикс тут придает значение прекращения действия. По образцу *pāriet* «перестать» мог возникнуть глагол *pārziēdēt* (*lazdiņas pārziēdēja* BW 2779 «орешины отцвели»); ср. лит. примеры у И. Шмидта I. с. 109.

84 f) На основании значения «hinüber-», вероятно, возникли также сложенные с *pār-* глаголы, обозначающие изменение в состоянии субъекта или объекта («переход» из одной формы в другую): *par vilkaci pārvērtusēs* LP I 6 «превратившись в оборотня»; *pārgērbjas par ... vecenēm* 67 «переодеваются в старух»; *svešas mōtes napōrprosu ni gaudōm osorōm* BW 3949, 1 «мачехи я даже горькими слезами не могу умолить (переменить свое настроение)»; *pārtaisīt* LSpr. I 465 «überarbeiten, umändern»; *pārvācināt* «онемечи(ва)ть»; *pārliecināt* «(пере)уверить, убедить»; *pārrunāt* U «überreden»; *pārluocīt* (*cilvēku*) U «einen herumkriegen»; *pārkravāties* U «übersiedeln»; *pārgruozīt* U «anders einrichten, umgestalten; verkehren, verdrehen»; *pārkrīstīt* U «umtaufen»; ср. лит. и р. примеры у И. Шмидта I. с. 101 сл. — Сюда, вероятно, относится также диалектическая (ср. выше стр. 81) форма *pārduot* «прода(ва)ть», как особенно ясно видно из следую-//щего оборота: *nūsōvus¹¹¹ vōvēreit'i, pōrdūšim naudeņā* Mag. XIV 2, 171 «застрелив белку, продадим (ее) за деньги» (первоначально, вероятно: «обратим в деньги, обменим на деньги»).

g) Тесно сюда примыкают сложенные с *pār-* глаголы, выражающие повторение действия: желая, например, *pārtaisīt* что-нибудь или *pārkrīstīt* кого-нибудь, мы должны именно вторично *taisīt* или *kristīt*. Примеры: *naudu pār-mēruot* LP I 88 «перемерить деньги»; *vēl drusku pārslaucīt baznīcu* VII 1, 460 «еще немножко перемести церковь»; *pārskult* U «noch einmal dreschen»; *pārmalt* U «zum zweiten Mal mahlen»; *pārsvilināt* U «noch einmal segnen»; *pārsvētīt* U «zum zweiten Mal segnen»; ср. лит. и р. примеры у И. Шмидта I. с. 103.

h) На основании местного значения «(hin)über-», вероятно, возникли и сложенные с *pār-* глаголы, обозначающие, что субъект, производя действие, выражаемое простою глагольною основою, ошибается. Так, напр., глагол *pārskatīties* (напр., LP I 46) «ошибиться» (н. «sich versehen») собственно значит *skatīties* («смотреть») выше (*pār-*), чем следо-

¹¹¹ В инфлянтском наречии вместо нижнела. формы *šaut* «стрелять» (вероятно, из **sēuti*) употребительна форма *saut*, точно соответствующая лит. *šauti*.

вало, и вследствие этого не замечая того, что следовало, «осмотреться». Другие примеры: *es jums esmu pārteicis* Mag. X 3, 79 «я ошибся в том, что я вам сказал»; *pārklaušities* U «nicht recht gehört haben»; *pārlasities* U «sich im Lesen versehn»; *pārprast* U «mißverstehn»; *pārrakstities* U «sich im Schreiben versehn»; *pārskaitities* U «sich im Zählen versehn»; ср. лит. *āš pērsirašiau* (у Куршата) «ich verschrieb mich»; *pērsižiūrēti* «sich versehen»; *pērsiklausymas* «unrichtiges Hören»; р. *перетолковать*.

i) На основании того же местного значения («(hin)über-», вероятно, возникли и сложенные с *pār-* глаголы, обозначающие, что действие, простираясь на весь объект, вместе с тем доводится и до известной цели (находящейся как бы по ту сторону объекта, через который приходится перебираться): *ziemu pārmitišu* (в вар.: *izmitišu*) BW 3106 var. «я презимую»; *pārgulēt* LP I 85 «переночевать» (с дополнением *nakti* «ночь» у Трейланда нар. п. № 472); *tuocišanas pārciest* 66 «перетерпеть мучения»; *pārveļk ar ķētnu pār ģīmi* 81 «провел лапою по лицу»; *auklām pārsietu šķirstiņu* 81 «сун-//дук, перевязанный шнурками»; *nuo priekiem pārņēmts* 74 «охваченный радостью»; *šiem abiem šaušalas pakauliem pāriet* 66 «ужас охватил их обонх»; *visu pasauli pārredz* «окидывает взором (или: видит) весь мир»; *muļķītis veļnu un brāļus pārmāca* 89 «глупец проучил черта и братьев»; *plānu kārtiņu zemes pārbārstit* 109 «пересыпать (хвою) тонким слоем земли»; *pārklaušīnāt* VII 1, 152 «допросить (сделать допрос)»; *pārlūkuot* LSpr. I 465 «überschauen»; *pārstaigāt visu pasauli* ibid. «die ganze Welt durchwandern»; *pārduomāt* «передумать (обдумать)»; *pārmeklēt* U «durchsuchen»; *pārbaudīt* U «prüfen»; *pārprasīt* U «über Gelerntes befragen, überhören»; *pārrunāt* «переговорить (о чем)»; *pārzināt* (напр., *kas nu visu var pārzināt* «кто может обо всем знать»; потом этот глагол значит также: «смотреть за, править»); *pārsmiet* «пересмеивать»; ср. лит. *pērmiegoje* Jurksch. 8 «schief die Nacht hindurch»; *pērkentēti* «einen Schmerz bis zu Ende ertragen»; пр. *āustin perrēist* Ench. 52 «das Maul verbinden». Сюда же относятся также приведенные И. Шмидтом l. c. 105 лит. глаголы *pērjuosti* «umgürten» (ср. ла. *pārsiet*), *pērdengti* «überdecken» (= ла. *pārklāt*) и др., где И. Шмидт, по моему мнению, неправильно приписывает префиксу значение «herum».

Сюда же, вероятно, относятся также (мне самому в таком значении неизвестные) приведенные в словаре Ульмана

глаголы *pārbārt* «etwas (ein wenig) schelten»¹¹², *pārbramēt* (вероятно, *pārbrammēt*) «etwas schelten», где префикс будто бы имеет деминутивное значение. Последнее может быть обусловлено значением всего словосочетания (ср. выше-приведенный оборот *plānu kārtiņu zemes pārbrāstīt*).

к) В следующих формах, наконец, употребление префикса *pār-*, вероятно, обусловлено соответствующим употреблением именного префикса или предлога *par*: *pārkūlējs* U «der einen andern ablösende Drescher» (ср. I 166 *pārdienām*, *pārrītu*), *pārstā(vē)t* U «verteidigen, schützen» (ср. I 161 *par mums nabbagems karye tur* и пр. *stallēti pār-din* Ench. 89), *pārvaldīt* «управлять» (= *valdīt-par*). //

§ 15. а) Префикс *pie-*¹¹³, заменивший собою более древнее *prie-* (ср. I 170 сл.), подобно лит. *pri-*, слав. *pri-*, соответствует по значению лт. «ad-», н. «hinzu-», обозначая приближение и прибавление субъекта или объекта к чему-нибудь: *ne pie vārtu nepiejaļu* BW 5256 «я и к воротам не подъехал»; *pie ābeles piestājuos* 3944, 9 «я прижалась к яблоне»; *jau tie rutki gana sūri, vēl piebēra* (в вар.: *dabēra* или *uzbēra*) *sinepites* 4426, 2 «редька уж довольно горька, еще (мачеха) присыпала горчицы»; *gāju, gāju, nepiegāju* (в вар.: *nedagāju* или *neaizgāju*, или *nenuogāju*) *pie neveikla tēva dēla* 6211 var. «я собиралась (выйти замуж), но не вышла за неуклюжего юношу»; *viņš pielaida uguntiņu* 2633 «он подложил огонь»; *pie liepiņas piesēduos* Спр. 35 «присела я к липочке»; *pie kuociņa piesaspiežu* 178 «к дереву я прислонился»; *piepin... meitu pie netikļa* Трейланд нар. п. № 454 «припутывает девицу к злонравному юноше»; *milzis pienāk* LP I 3 «подошел великан»; *spuožumu pieburs... kurpēm* 131 «придаст колдовством блеск башмакам»; *piemin akmeni* 129 «притоптала камень»; *pieglaužās meitiņai* 114 «приласкалась к девочке»; *pielien pie mucas* 92 «подкрался к бочке»; *bij pielipis pie dibina* 88 «прилипнул ко дну»; *pieklist... sunis* 82 «пристала (к нему) скитающаяся собака»;

¹¹² Ср., однако, *brālis vienreiz tuo nejauki pārrāja — tā rāja, tā rāja, ka šim taču sirds atgriezās* LP VI 1, 143.

¹¹³ О различии в употреблении префиксов *pie-* и *da-* в говорах, употребляющих рядом с *pie-* и *da-*, см. выше § 7.

pieslēdz... dēlu pie dzirnavām 74 «привязала сына к мельнице»; *Ansiti pieņem par znuotu* 65 «принял Анса как зятя»; *pielabina* 63 «приманил (лошадь к себе)»; *tam pieruodās biedris* 51 «к нему присоединился товарищ»; *pie galvas pietikt*¹¹⁴ 47 «добратся до головы»; *pieāvājās* (н. «bietet sich an») *par mēklētāju* 4 «предлагает себя сыщиком»; *pieliec galvu pie pavārnīcas* 5 «наклонил голову к поварской ложке»; *piespeļ ar kāju pie zemes* 7 «топнул ногою (о землю)»; *piegur sumpurni ar zuobīnu pie zemes* 7 «мечом пригвоздил людоеда к земле»; *piesauc kuopēju pie sevis* 46 «подозвал прислужника к себе»; *mežs, cik nuolauzts, tik pieaug* 47 // «лес, насколько он сломан, настолько (опять) прирастает»; *nevar nemaz vairs darba pieduot*¹¹⁵ 56 «совсем более не может задавать (достаточно много) работы»; *kad Ansis piemīgs* 91 «когда Анс заснет» (глагол *piemīgt*, вероятно, возник под влиянием переходящего глагола *piemiedzēt*: *viņa piemiedzēja acīņas* U «sie schloß die Augen»); *pieturēšu svešus cilvēkus* VII 1, 207 «я буду держать у себя (в своем доме) чужих людей»; *piemist* «beiwohnen» LSpr. I 465; *pieķert* *ibid.* «anfassen»; *tā bante drēbei labi pieder* U «das Band paßt zu dem Zeuge»; *piemest nedarbus* (MWM 1903 г., 653) «упрекать в проступках»; *tas man pierasts* U «я к тому привык»; *piesēst(ies)* «присесть» (или: «подсесть к»); *piezimt* «родиться» (первоначально: «прийти»¹¹⁶; ср. *tam dēli atskrēja* U «er hat einen Sohn bekommen»); ср. лит. *žmōnes priwiliōjās* Jurksch. 15 «locke er Menschen an»; *kārdā prisijūoseš* 16 «er gürtete sich das Schwert um und...»; *prisidraugawōjēs* 18 «gesellte sich (zu ihm)»; *liežūwis prilipeš* 19 «...sei die Zunge angeklebt»; *prējēs prē ūpes* 23 «als er an den Fluß kam»; *kurs prē kōžnas kōjes po*

¹¹⁴ Затем этот глагол получает также переносное значение «хватать» (н. «ausreichen, hinreichen»); и под влиянием этого *pietikt*, вероятно, возник противоположный по значению глагол *pietrūkt(ies)*: *saimnieci pietrūcies sāls* LP I 183 «у хозяйки не хватило соли».

¹¹⁵ Ср. также *vai visiem varu maizi pieduot* 100 «разве я могу всем (всегда) раздавать хлеб»; по образцу этого *pieduot*, вероятно, возник глагол *piecept*: *nevar piecept vien* VII 1, 780 «не может напечь (для сына довольно ватрух)».

¹¹⁶ Хотя уже Bechtel (Über d. Bezeichn. d. sinnl. Wahrn. in d. idg. Spr. 87; ср. также его же Hauptprobleme 130 и Wiedemann BB XXVIII 39¹) сопоставил лит. *gimti*, ла. *dzimt* с гот. *qiman*, тем не менее еще некоторые ученые (напр., Uhlenbeck Etym. Wrth. d. got. Spr.² 119 сл., Walde Lat. Etym. Wrth. 206) странным образом сопоставляют этот балт. глагол с лт. *gemini* и др.

mēdį prisirīszęs 29 «welcher an jeden Fuß einen Baumstamm gebunden hatte und...»; *prė nósies priágus* 74 «an der Nase angewachsen»; *pribėgsi... lankėle* Lesk.-Brugm. 25 «прибежишь к лугу»; *prisėda... prī mǎna szalūžes* 38 «присел ко мне»; *pieg sienai prikátt* 163 «приковать к стене»; *szūnį prisiprátino prie sǎve* 191 «приучил собаку к себе»; *szė tū kitūs pritaikai* 193 «ты здесь даешь другим прижиться»; *prigýjo gatvǎ* 196 «приросла голова». Славянские примеры у Миклошича Vergl. Gramm. IV 233 сл.

88 Сюда же относятся некоторые глаголы с более отвлеченным значением: *man mǎmiņa piesaciņa* Спр. 156 «мне матушка приказала»; *piekuodināt* «(крепко) приказать» (н. «ein-/schärfen»); *pieteikt* U «anbefehlen»; *pieteikties* U «sich melden»; *pie dabūt* «склонить к, уговорить»; *pie runā puisēna māti viņu precēt* LP I 81 «уговорил мать мальчика выйти замуж за него»; *piemāca vienu nuo... sulaiņiem, lai tas saligtu pie... ķēniņa kalpuot* 20 «подучили одного из слуг наняться служить у царя»; *pielūgt* U «anflehen, beten» (этот глагол мог возникнуть под влиянием вышеприведенного *piesaukt*¹¹⁷); *večāku dēļ ļaušuos pielūgties* LP I 86 «ради родителей я дам себя упросить»; *pielabināt* U «begütigen, bereden zu etwas» (под влиянием таких глаголов, как *pielūgties, pielabināt*, далее могли возникнуть глаголы *pie duot* «простить», *piekāpties* U «ablassen von Anforderungen», *pielaieties* U «gelinder werden, nachgiebig werden»); *pie rādīt* «доказать» (первоначально, вероятно, в сочетаниях с дат. пад. лица); *pievārēt* U «Gewalt antun»; *tā piebeigta, ka nespēj ne vīra pazīt* LP I 13 «так измучена, что не может даже мужа узнать» (последние два глагола, может быть, возникли под влиянием таких оборотов, как *piegāzt pie zemes* или *gar zemi* «свалить кого-либо с ног»); *pielūkuot* «присматривать за»; *piekuopt* «прибирать, содержать в хорошем состоянии»; ср. лит. *prisakýti* «ansagen, gebieten»; *kám ką primiñti* «jmdm. etwas in Erinnerung bringen»; *āš jy priveiksiu* LChr. 326, 23 «я его осилю».

b) В некоторых случаях префикс *pie-* придает глаголу исключительно значение совершенного вида: *vīla mani...; kad pievilt nevarēja...* BW 9044 «обманывал (пытался обмануть) меня...; когда не мог обмануть,...»; *piekrāpts* LP I 59 «обманут»; *piemāna muļķīti* 60 «обманул глупца».

¹¹⁷ Под влиянием этого же глагола мог возникнуть и глагол *pie-minēt* U «gedenken, sich erinnern; erwähnen».

Первоначально эти глаголы, вероятно, имели значение «приманить к» (ср. вышеприведенное лит. *priviliójas*); под их влиянием затем мог возникнуть глагол *piejuokot*: *grib vilku piejuokot* LP I 171 «хочет провести волка (или: издеваться над в.)». Сюда, может быть, относится также *piesmiet meitu* U «ein Mädchen zu Falle bringen», но ср. также вышеприведенное *pievārēt* и *piegulēta meita* U «ein beschlafenes Mädchen» (собственно: девушка, у которой лежали). Ср. лит. *privilióti* «betrügen». //

с) Сложеными с *pie-* глаголами выражается, что действие доводится до наполнения (насыщения) субъекта или объекта или вообще производится обильно: *piepilda ar citu sienu* LP I 63 «наполнил (пустое место) другим сеном»; *piekrauj pilnus ratus* 91 «нагрузил полный воз»; *pielēju katlu pilnu* 165 «я налил полный котел»; *piesmeli... kausiņu ar... ūdeni* 46 «наполни (черпая) кувшин водой»; *pieber... ratus pilnus* 53 «насыпала полный воз»; *piegrābj maišeli ar dukātiem* 73 «поспешно наполнил мешок червонцами»; *piekrata visus kambarus pilnus ar naudu* 86 «насыпал все комнаты деньгами»; *riju ar naudu pieburt* 161 «колдовством наполнить овин деньгами»; *visu ādu vēlns pierakstījis* VII 1, 66 «черт исписал всю кожу»; *pieslaucuoт pilnus visus traukus* 555 «надаивают все сосуды (до краев)»; *pievelk visas mājas pilnas ar... striķiem* 828 «притаскивая веревки, наполняет ими весь дом»; *asariņu upe tēk, kas tuo pilnu pieraudāja?* BW 3952 «течет река слез; кто ее наплакал?»; *pūriņu piederit* 2836 «наполнить (приготовить) приданое (сундук с приданым)»; *pieziedāšu... istabiņu* 777 «наполню комнату звуками пения»; *pieart* LSpr. I 466 «vollpflügen (z. B. einen Graben)»; *istabu pielaipuoт* U «die Stube mit den Füßen schmutzig treten»; *pagalmu piebļaut* LP I 39 «огласить двор криком»; *visa pils pienēsta ar naudu* VII 1, 208 «весь замок наполнен принесенными деньгами»; *kapsēta bijusi pierakta pilna* 1028 «кладбище было заполнено могилами»; *pierijusēs kreima* 589 «нажравшись сливок»; *piezēruši*¹¹⁸ Трейланд нар. п. № 290 «напились пьяны»; *pieēduši*¹¹⁸ *lidz kaklam* LP I 57 «наелись по горло»; *piebirst man pilna sauja ligaviņas asarām* Трейланд нар. п. № 1010 «рука моя обливается (дословно: насыпается) слезами суженой»; *priede, smalka lietus pielijusi*

¹¹⁸ Ср. замечания Ульянова Знач. II 47 слл. [Sai piezīmei blakus autora eksemplāra; cf. mhd. *das hūs saz edeler vrouwen vol* u. a. Paul Prinzipien⁴ 156 //]

BW 4036 «сосна, напитанная мелким дождем»; *meži, pilni cauru pieauguši* Спр. 114 «леса, наполненные (выросшими там) кунцами»; *visi kakti pieguluši* 172 «все углы наполнены спящими»; *pilna... ustabiņa bārenišu piegājuse* BW 5051 «вся комната наполнилась пришедшими сиротами»; *visa rija pieskrēja veltu pilna* LP VII 1, 247 «весь овин наполнился прибежавшими чертями»; *pielēc pilni rati* 74 «вся телега наполнилась впрыгнувшими (в нее собаками)»; *piens bijis zemē pieliets* 560 «было пролито по земле (много) молока»; *iedami pielasa sēnes* I 60 «идя набрали (неко-/торое количество) грибов»; *tas vidus viņai piebriede* Mag. XIII 1, 3 «es schwoll ihr der Leib»; *pieaug par brašu zēnu*¹¹⁹ LP I 75 «подрос дюжим мальчиком» (причастие *pieaudzis* употребляется затем также в значении «взрослый»); *piesmircis kuoks* (Вольмар) «намокшее дерево»; *pietovics laiks* U «dunstiges Wetter»; *piemākties* U «sich bewölken»; ср. лит. *pilnā kaszēlę prikisza* Jurksch. 28 «steckte einen ganzen Eßkorb voll»; *skūbikitės prisiwālgyt* 32 «beeilt euch mit dem Sattessen»; *pilnā žāką primialuot* 46 «einen Sack ganz voll zu lügen»; *prisikrówi dúonas kelis wežimūs* 123 «belud er einige Führen mit Brot»; *isz adatos vežimą priskaldyti* (в словаре Межиниса под *adata*) «наколоть из иглы целый воз»; *priėjo pilna grintelė* LChr. 302, 1 «вся изба наполнилась пришедшими»; *tu prikirtai malkeliu isz mano kojeliu; ... tu privyjei panteliu isz mano kaseliu* Lesk.-Brugm. 94 «ты нарубил дров из моих ног; ты наплел пут из моих кос»; *pilkie pitnā mierā kad pripilsi pitnā mierā* 132 «наливай полную меру! когда нальешь полную меру»; *kātītā āszaru privērksi* 163 «наплачешь полный котел слез»; *privarjūt pitnā tvārtā paúkszcziu* 196 «наполнить весь хлев пригнанными птицами»; *ān āstos pinigū pribarstjta* 204 «по полу насыпано денег»; *prisivaŗgti* Kurschat Gr. § 451 «sich satt leiden»; *prisedirbti* ibid. «sich satt arbeiten». Ср. также примеры, данные Ульяновым Знач. II 48. — Что же касается возникновения такого значения префикса *pie-* (лит. *prie-*), то объяснение его, данное Куршатов I. с. и, по-видимому, удовлетворившее также Ульянова (ср. Знач. II 47), я считаю неудачным. Выше под **b** уже указано, что в некоторых случаях этот префикс придает глаголу исключительно значение совершенного вида. А по образцу таких глаголов, где префикс *pie-* (*prie-*) потерял свое реальное значение и придает исключи-

¹¹⁹ [Autora eksemplārā: *pieduot* 87]

тельно значение совершенного вида, могли затем возникнуть вышеприведенные сложные основы *piepildīt, piekraut* (ср. *vēzumi kraut* U «ein Fuder laden»), лит. *pipilti* и др., где также можно считать *pie-* (*pri-*) чисто формальным префиксом, придающим исключительно значение совершенного вида. Понятие же полноты тут или заключается в глагольной основе (*pildīt*), или обуславливается значением всего словосочетания (лит. *pilkie pītņā mierā!*). А по образцу таких основ, как *piepildīt, piekraut*, лит. *pipilti* и др., могли далее возникнуть другие сложенные с *pie-* (*pri-*) глаголы с подобным значением. А почему именно // этот префикс (а не другой) получил такое значение, это явствует из таких оборотов, как *pievēlk visas mājas pilnas ar striķiem; visa pils pienēsta ar naudu; visa rija pieskrēja vēlnu pilna*; лит. *priėjo pilna grintelė; privarýt pītņā tvártą paúkszcciu* и др., где в префиксе (в сложении с глаголами движения) ясно проявляется еще также первоначальное местное значение.

91

Сюда, кажется, относятся также глаголы *pieredzēt* (*kuo saimnieks malduoties pieredzējis* LP I 144 «что хозяин, скитаясь, пережил¹²⁰») и *piedzīvuot* U «erleben, erfahren, im Leben erhalten» (напр., *tādu blēdību es savā mūžā neesmu piedzīvojis* U «eine solche Schurkerei habe ich nicht erlebt»; *viņš desmits bērnu piedzīvojis* U «er hat bei seinem Leben zehn Kinder gehabt»; ср. р. *прижить*).

d) Слав. *пу-* иногда придает деминутивное значение (ср. Miklosich Vergl. Gramm. IV 233 сл.); и также про ла. *pie-* говорит Биленштейн LSpr. I 466, что оно «deminuiert den Verbalbegriff im Gegensatz gegen die Präposition *nuo, aiz*», и приводит примеры *piekust* «etwas müde werden», *pie-dilt*¹²¹ «etwas stumpf werden», *piekaut* «prügeln» (: *nuokaut* «erschlagen»), *piemirst* «ein wenig, für den Augenblick vergessen», *pievērt* «anmachen, anlehnen» (: *aizvērt* «ganz zumachen»). Правильно, однако, к этому прибавляется в словаре Ульмана (где приводятся те же примеры): «*indess ist diese Diminution gegenüber den primitivis selbst nicht hervortretend*». Глаголы *piekust* (ср. лит. *prīlsa* LChr. 331, 41 «устали») и *piekaut* (ср. лит. *ir tāve primūša* LChr. 331, 31 «также тебя прибил»), впрочем, насколько мне известно, вовсе не имеют деминутивного значения: *piekust* (где *pie-* придает исключительно значение совершенного вида) по

¹²⁰ Собственно: увидел.

¹²¹ Этот глагол мне неизвестен.

значению («устать») ничем не отличается от *nuokust*, а *piekaut* (ср. вышеприведенные глаголы *pievārēt*, *piebeigt*, стр. 88) скорее обозначает сильные побои. Глагол же *pievērt* (с местным значением префикса) в самом деле относится к *aizvērt* так же, как р. *припереть* к *запереть*: «припирающий» дверь только приближает ее к косяку, и поэтому *pievērt* по отношению // к *aizvērt* получает как бы деминутивное значение. Точно так же, как *pievērt* к *aizvērt*, относится *piemirst* (ср. лит. *primišti ką* «etwas vergessen»; префикс, однако, местного значения здесь не имеет) к *aizmirst*, причем отношение между *pievērt* и *aizvērt* могло быть образцовым для *piemirst* и *aizmirst*. Также глагол *piecelt* (первоначально: «приставить») иногда, кажется, относится к *izcelt* (или *pacelt*), как р. *приподнять* к *поднять*, но часто, по-видимому, *piecelt* по значению ничем не отличается от *izcelt* или *pacelt* (ср., напр., *pieceļ tēvu* LP I 63 «разбудил отца»; лит. *prikets tave bernužēlis* Lesk.-Brugm. 106 «разбудит тебя парень»).

sa-

§ 16. а) Сложенные с *sa-* глаголы обозначают разного рода соединение или сближение: *div' upites satecēja*, ... *div' sērdienes satikās* Спр. 11 «две речки слились, ... две сироты сошлись (встретились)»; *sacērt ruokas* LP I 5 «всплеснула руками»; *izlietuo vairs nasasmelsi* 9 «пролитого больше не соберёшь»; *zuobus sakuodis* 15 «стиснув зубы»; *saradies liels ļaužu pulks* 22 «собралась большая толпа людей»; *sasauc kaŗa-vīrus* 40 «созвал воинов»; *saacinātus savēd...* *īstabā* 47 «созванных свел в комнату»; *sasien viņa brūci* 48 «обвязал его рану»; *sarunā neiet* 62 «сговорились не пойти»; *salīgst... par kalpu* 14 «подрядился (сторговался) быть батраком»; *medinieku ar princesi salaulāt* 64 «обвенчать (свенчать) охотника с царевной»; *saradis ar citiem* 83 «свыкшись с другими»; *staigā salicis* 84 «ходит сторбившись»; *putni bariem salaižās* 94 «птицы стаями слетелись»; *sienu samest* 115 «сложить сено (в стог)»; *sagadijās visi... kuopā* 116 «все случайно сошлись»; *ar savu māsu ļoti mīli sadzīvoojis* 119 «весьма дружно уживался с своею сестрою»; *sakrāj lielu kuli naudas* 126 «скопил большую сумку денег»; *saņēmt dūšu* 56 «собрался с духом»; *ķēves sazviegušās* VII 1, 353 «кобылы (встретившись) заржали»; *sabļāva visas raganas*

197 «скликнула всех колдуний»; *sajāši, sapinuši zirgus* 75 «съехались, связали ноги лошадям»; *savaldi smieklus* 54 «сдерживай смех»; *sagudruojuši iet pie...* 17 «сообща вздумали пойти к...»; *liecu uozuoliņu, līdz saliecu ritenē* Спр. 33 «ягнула дуб, пока не согнула его в дугу»; *skudras pūli savilkušas* 87 «муравьи натаскали муравейник»; *viņi ēsuot || abi kruogā saskatījušies* Mag. XIII 3, 62 «sie haben sich beide im Krüge verliebt»; *kuo tā viena saduomāja* BW 26, 1 var. «что одна сочинила»; *sadziedāt ar Vāczemes meitiņām* 379 «спеться с германскими девицами»; *savērpū līnīpus* 704 «я спряла лен»; *tu satīņu kamuolā* 899 «я ее смотала в клубок»; *tēvs ar māti sabārās* (в вар.: *sarājās*) 1168 «отец с матерью поссорился»; *zvejnieki saplēsās* 2378 «рыбаки подрались»; *kāzas sataisija un daudz gastu saprasija; visi putni saskrēja* 2547 «справил свадьбу и созвал много гостей; все птицы слетелись»; *viņu, viju, nesaviņu* (в вар.: *nenuo-viju*) ... *vainadziņu* 6211, 4 «я вила, (но) не свила веночек»; *sajāja tautiņas, saribināja* 15104 «с грохотом съехались чужие люди»; *sader miezis ar apini* 15453 «подходят друг к другу ячмень и хмель»; *šyva*¹²², *šyva i hīkō toba nasašyva* Zb. XVIII 410 «szyły, szyły i nic dobrego nie uszyły»; *zēlta zarus lasidama; salasija zēlta zarus, sapin zēlta vainadziņ'* Трейланд нар. п. № 43 «собирая золотые ветки; собрала золотые ветки, сплела золотой веночек»; *saglāudiju gludu galvu* № 275 «я пригладила волосы»; ср. лит. *jės suránkiok* Jurksch. 38 «lies sie auf»; *susibēga* 40 «liefen zusammen»; *susilēķe* 42 «слетевшись»; *ī statdā suwarýt* 45 «in den Stall zu jagen»; *sūwogtu pinigus* 48 «das zusammengestohlene Geld»; *sukalbēje* 65 «сговорились»; *uzāģe susimila ir susiwedi* 82 «erwachsen verliebten sie sich in einander und heirateten sich»; *medziūs ī žākā susikrōwes* 28 «сложив

93

¹²² ВВ XXVII 321¹ мною высказано предположение, что верхнела *šyvu* (из *šivu*) «я шил» возникло чисто фонетическим путем из *šivu* (как, напр., *zius* «рыба» из *zius*). А между тем *šyvu* (*šivu*) встречается, насколько мне теперь известно, только в тех верхнела. говорах, где *ū* переходит в *i* или *yu* (напр., в Преялях: *šiu* «шьет» из *šūn* и *šivom* «мы шили»). А в тех верхнела. говорах, где *ū* перешло в *ei* или *ou*, употребляются формы прош. врем. *ševu* или *šovu*: *ševnam* «шьем», *ševām* «мы шили» (Воркова), *šovnam* «шьем», *šovām* «мы шили» (Гросс-Бушгоф, Экенграф). Из этого следует, что во всех этих говорах первоначальное *šivu* «я шил» было изменено (в *šivu*, *ševu*, *šovu*) под влиянием вокализма инфинитива (*šiu*, *šeut*, *šout* из *šūt*), так как обыкновенно в инфинитиве и в прош. врем. один и тот же вокализм, ср. ВВ XXV 272¹.

(нарубленные) деревья в мешок»; *sutikaú mergužėlę* Lesk.-Brugm. 43 «я встретился с девушкой»; *sumislyjo... žėnytis* 157 «вздумал жениться»; *susiriszk sąvo rubùs visùs* 158 «свяжи все свои платья»; *kàd... mąiszą linú... suvėrptu* 233 «чтобы спряла мешок льна»; *nėša, nėša || ir nesūneša* LChr. 373, 41 «несли, несли (счеты) и не могли снести»; *sąmpruotàva*¹²³, *kàd* 323, 41 «смыслила (подумала), что»; пр. *senrinka* Ench. 18 «samlet»; *sen senditans rānkans* 50 «mit gefalten henden»; *emperri sendāuns ast* 75 «zusammen gefüget hat»; *senrists* 28 «verbunden»; скр. *sám-i-* «zusammenkommen»; *sám-sthā-* «sich sammeln», *sám-bhar-* «zusammentragen» и др. (ср. Delbrück Vergl. Synt. I 730 слл.).

б) Префикс *sa-* слагается с глаголами, если действие производится целым рядом субъектов или простирается на целый ряд объектов: *sasėduši kumelā* BW 70 «сев на коней»; *vitulā sakāpušas* (в вар.: *salėkušas*) 1050 «влезли (вспорхнули) на иву»; *kulitiņas sakāruši* (в вар.: *pakāruši*) *uožuoliņa zariņuos* 2743 «повесив сумочки на дубовых веточках»; *upė ziles sabirušas* 2800, 4 «(все) жёлуди насыпались в реку»; *lai saauga* (в вар.: *izauga*) *brieži, lāči* 15624, 1 «пусть народятся (и вырастут) лоси и медведи»; *aditājas, rakstitājas sasėdušas ceļmalā* Спр. 155 «вязальщицы, вышивальщицы уселись на краю дороги»; *kartupeļi, rācenīši savēlēs Daugavā* 80 «картофель и репа (вся) покатались в Двину»; *vėjiņi, nesapūt visu gružu ežerā* 21 «ветер, не занеси всего мусора в озеро»; *sabāž barību mutēs* LP I 11 «всунул (им всем) пищу во рты»; *sakauj luopus* 43 «заколол много скота»; *sarauga maisus, sajūdz zirgus* 74 «сыскал (многие или все) мешки, запряг (много или всех) лошадей»; *sakur dikim visapkārt uguni* 77 «развел огонь вокруг всего пруда»; *visi vārdi jau citiem bērniem saduoti* 80 «все имена (роз)даны уже другим детям»; *saceļās briesmīgs viesulis* 96 «поднялся страшный вихрь»; *sapērķ tiklus* 104 «скупил (многие) сети»; *visi... sadedzina ugunis* 146 «все развели огни»; *mieži labi sanākuši* U «die Gerste ist gut aufgekommen»; ср. лит. *agurkai jau sudygo* LChr. 299, 29 «огурцы уже (все) взошли»; *sukinkė árklus į vežimùs* Lesk.-Brugm. 218 «запрягли (много или всех) лошадей»; *rutelės suskinciu* 145 «я нарву руты».

¹²³ Обыкновенно, ср. I 197, *sam-* (*sán-*, *są-*) в литовском употребляется только в качестве именного префикса, но здесь, по-видимому, эта форма является глагольным префиксом, ср. лит. *protauti* (у Межиниса), ла. *prātuot* «умствовать».

В части приведенных оборотов (напр., *viuolā sakāpušas; nesapūt visu grūžu ežerā*; лит. *ruteles suskinciu*) еще довольно ясно чувствуется // также первоначальное местное значение префикса; в других случаях (напр., *sasēduši kumeļā; lai saauga brieži, lāči*) оно значительно побледнело перед вышеуказанным вторичным значением префикса, обусловленным значением всего словосочетания. — Сюда же относятся сложенные с *sa-* глаголы, означающие, что действие простирается на все части объекта или субъекта (имена собирательные и вещественные могут рассматриваться или как нечто целое, или как нечто, распадающееся на части): *sasatrūka* (в вар.: *izatrūkās*) *irbu draudze* BW 2570 «содрогнулась стая куропаток» (подлежащим к этому глаголу может быть также название одного лица, и можно, пожалуй, отнести этот глагол¹²⁴ также к группе *a*); *saslapināju* 15752 «я замочил (лошадь)»; *Jāņa bērni samirkuši* (Смильтен) «Ивановы дети промокли (до костей)»; *kādēļ nesasildies?* LP I 13 «почему ты не согреваешься?»; *sakaltušuo stabuli* 16 «иссохшую дудку»; *samaksāt* 18 «заплатить (все)»; *sadusmuojās* 51 или *sapiktuojās* VII 1, 201 «разгневался»; *sabaidīt* I 54 «напугать»; *aiz bēdām sajucis* 69 «из-за горя сбился с толку (смутился)»; *sienu saliedēt* 115 «дать сему смокнуть под дождем»; *līdz kuo satumsis* VII 1, 44 «лишь только стемнело»; *nuo citiem samācīts* 325 «наученный другими»; *man sažēl* Трейланд нар. п. № 518 «мне стало жаль»; *saskābt* «скиснуть»; *saskumt* «опечалиться»; *sasirgt* «захворать»; *upe liela sacēlusies* U «der Fluß ist stark gestiegen»; ср. лит. *supykus'* Jurksch. 39 «erbst»; *szei' dā' suszlāpsim'* 48 «sonst werden wir noch naß werden»; *kād sutémstu tamsūs vākars* Lesk.-Brugm. 43 «если бы стемнел темный вечер»; *sūdrumste vandenēļi* 15 «замутили воду»; *kād nesulýtu* 216 «чтобы не промокла под дождем»; *susifga* LChr. 213, 29 «захворала». — Сюда примыкают сложенные с *sa-* глаголы, где префикс вносит значение сильной или чересчур сильной степени проявления действия: *bērni sabrēkušies — arī slimi* Mag. XIII 1, 19 «auch die Kinder sind krank vom vielen Weinen»; *saēdies nāves zāles* LP I 32 «наевшись яда»; *sagrābjās naudu* 40 «нахватал себе денег»; *sacepj* (это, может быть, ошибочное написание вместо *sacēp*) *maizi, kuo septiņus gadus iztikt* 43 «напек хлеба на семь лет»; *saplauj... atālu* 63 «накосил отавы»; *vari saraustīties* 67

¹²⁴ Ср. нем. *vor Schreck zusammenfahren*.

- 96 «можешь надорваться»; *labi salaistās // ar uožamām zālēm* 84 «обильно облился духами»; *skraididams svešu smaku sauodies* 93 «бегая, нанюхался чужого запаха»; *uotrus piecsimti par iemauktiem saduod* 118 «наддал за узду другие пятьсот (рублей)»; *salielās pie pesteļa gadu pārciest* 124 «нахвастался пережить год у колдуна»; *sasuolijis par dāru daudz naudas* VII 1, 103 «насулил за сад много денег»; *sadāvinājusi kaŗa vīram pulka zēlta* 485 «надарила воину много золота»; *sanāca pilna riķa ar veļņiem* 195 «весь овин наполнился собравшимися чертями»; *sasniguši lieli sniegi* 118 «навалило много снегу»; *sazuog nuo citiem saimniekiem miežus* 724 «накрал у других хозяев (много) ячменя»; *salakās pa pilnam* 747 «налакался вполне»; *sacelties* U «sich überheben»; *sastrādāties* U «sich überarbeiten»; *sabārt* U «derb ausschelten»; ср. лит. *sudavē bobai gerai per šonus* LChr. 302, 17 «порядочно намяли бабе бока»; *Anūty sūbarē* 362, 22 «изругал Анюту». — Наконец, сюда же относятся сложенные с *sa-* глаголы, обозначающие (значительную) продолжительность действия: *visu dienu sastaigāju* BW 5036, 6 «я весь день проходила»; *tris gadiņi sadziedāju* (в вар.: *izdziedāju* или *nuodziedāju*) 30, 1 «я три года пропела»; *tris vasaras saganiju... guovi* 725, 2 «я три лета пасла корову»; *runādams viņu nakti sasēdēju* 1256 «беседуя, я просидел прошлую ночь»; *tris gadiņi savadāju* (в вар.: *savadiju*, или *savazāju*, или *izvadiju*) *puisi lūka galiņā* 10856 «три года я провожала парня на лыке»; *dažu nakti sastāvēji tu manā prātiņā* 11158 «много ночей ты простояла в моем уме»; *tris dieniņas saraudāju* Спр. 231 «три дня я проплакала»; *sabrauc sešas dienas* LP I 17 «проездили шесть дней»; *samuoca zēnu divas naktis* 65 «две ночи промучил мальчика»; *ši viņu savalkā septiņus gadus* 83 «она его семь лет проносила»; *šie saguļ līdz 10* 94 «они проспали до десяти»; *tā viņš satirguojies 12 gadu* 115 «так он проторговал 12 лет»; *desmit gadus sakalpuoju* 128 «я прослужил десять лет»; *sapļāpājuši līdz pusnaktei* 146 «проболтали до полуночи»; *tā tas salaižās trīs dienas, trīs naktis* 152 «так он пролетал три дня, три ночи»; *salasija līdz pusnaktij* VII 1, 133 «прочитала до полуночи»; *sazīdināja savu dēlu līdz divdesmitam gadam* 258 «прокормила грудью своего сына до двадцатого года»; *ruoka man vēl ilgi... sasāpēja* 982 «рука у меня еще // долго проболела»; *viņu saturēt līdz svēdienu* Mag. XIII 1, 3 «продержать его до воскресенья»;

sagāju 4 piekdienas pie tiesas XIII 3, 52 «ich war 4 Freitage beim Gemeindegerecht»; ср. лит. *macziaú, kai kirto ávižas: trýs vÿrai sù kirveis trís dienàs sukírto* Lesk.-Brugm. 250 «я видел, как рубили овес: трое мужчин топорами три дня прорубили».

с) Сложенные с *sa-* глагольные основы показывают, что действие достигло известной цели: *jāju dienu, jāju nakti, līdz sajāju... sevīm jaunu ligaviņu* BW 11199 «я ездил день и ночь, пока не наездил себе молодой невесты»; *iet, iet, kamēr saiet mājiņu* LP I 7 «шел, шел, пока не нашел домика»; *samedīt trīs... vēršus 7* «охотясь, добыть трех быков»; *saķer vienu aiz ragiem 7* «схватил одного (быка) за рога»; *satver... meitu 77* «схватил дочь»; *sasniedz svešu... valsti 16* «достиг чужого государства»; *dzenies manu vainadziņu!... sadzīnu vainadziņu* Трейланд нар. п. № 414 «гонись за моим веночком! ... я догнал веночек»; *meklē* (в вар.: *taujā*) *man... ja tu vari sameklēt* (в вар.: *sataujāt*), *labu zirgu* BW 10758 var. «ищи для меня, если ты можешь сыскать, хорошего коня»; *jēri brēca... siena; ... jēri siena... sabrēca* 13017, 16 «ягнята блеяли из-за сена; ягнята блеянием добыли сено»; *sauci, sauci, nesasauci* Трейланд нар. п. № 945 «я кличу, кличу, не могу докликаться (матери)»; *zirgu sataurē* LP I 62 «трубя, можно добыть лошадь»; *salīguoju* (в вар.: *sadziedāju*, или *nuolīguoju*, или *izlīgavu*, или *izdziedāju*) *brāļam sievu* BW 343 «ликованием (пением) я добыла для брата жену»; *sapūtuši, sadūkuši lielu vēju, aukstu laiku* 2542 «(скворец и голубь) свистом и воркованием навлекли большой ветер, холодную погоду»; *bāleliņus gaidīdama, sagaidīju svešus ļaudis* 12, 3 «дожидаясь братцев, я дождалась чужих людей»; *nevar balsa sadzirdēt* 690 «нельзя расслышать голоса»; *var... malu saredzēt* LP I 8 «можно разглядеть край»; *mēnesnicā var salasīt uz uolas šādus vārdus* 25 «при лунном свете можно прочесть на яйце следующие слова»; *sepeti sauozdams* (или *sauošpādami* 107) «почуяв жаркое»; *sajust* «почувствовать»; *saprast* «смекнуть, понять (или: понимать)»; *kur nu mēs saduomāsim luopiem pakaisu* U «где мы теперь достанем (придумаем) подстилку для скота»; ср. лит. *taukė duktės, ... nesutaukė* Lesk.-Brugm. 158 «ждал дочери, не дождался»; *sujeszkójo bróli* 181 «сыскала брата»; *nieks nesuprāta māna balsēli* 66 «никто не понял моего голоса»; *kās mā' tā sužvejōs* Jurksch. 20 «wer wird // sie (die Axt) mir herausfischen»; *gyvāna kai sù pāčia. Sugyvāna vīena sūnu* LChr. 326, 11 «жил (с нею) как с женою.

Прижили одного сына». В части этих оборотов (напр., *samedīt trīs vēršus; sapūtuši, sadūkuši lielu vēju, aukstu laiku*) еще довольно ясно чувствуется также первоначальное местное значение префикса. Часть этих глаголов (напр., *sakert, sameklēt, sasaukt*) первоначально, вероятно, употреблялась только по отношению к нескольким объектам; впоследствии, однако, применяясь также по отношению к одному объекту, эти глаголы могли служить образцом для образования таких глаголов, как *sajāt, saiet, sasniegt* и др.

d) Сложенные с *sa-* глаголы обозначают разделение (раздробление, разложение, распадение) объекта или субъекта: *Jānīts kannu sadauzīja (dieva dēls sastipāja¹²⁵ sudrabiņa stīpiņām)* Спр. 303 «Иван разбил кружку (божий сын обил ее серебряными обручами)»; *saskaldīju* (в вар.: *saspārdīju*) *lēdus kalnu deviņuos gabaluos* BW 13268¹ «я рассек ледяную гору на девять частей»; *kleiti sakapājis* 2737 «разрубил платье»; *mētelītis sapluosīts* 2737, 2 «плащ разодран»; *ja tu svārkus sagriezīsi, es tev šķēres salauzīšu* 2717 «если ты разрежешь (мой) сюртук, я у тебя сломаю ножницы»; *saplūkātu ceķuliņu* 2604 «с растрепанным хохлом»; *rati saplīsuši* 2078 «телега разбилась»; *es samalu rīta māli* 8005 «я смолочила (зерна, которые мне велели смолотить) сегодня утром»; *sasprāgušas lūpas ir* Mag. XIII 1, 7 «губы растрескались»; *saēst Krišu miltuos* LP I 40 «разгрызть Криша на мелкие куски»; *kučieri... saraustīt* 64 «разорвать кучера (на куски)»; *zari saskrāpē acis* 103 «ветви расцарапали глаза»; *sašauj... svētelim spārnu* 174 «простреливает аисту крыло»; *tikām pēruši, kamēr sapēruši siksnu lupatās* VII 1, 143 «до тех пор (ремнем мертвеца) стегали, пока не разорвался ремень на лоскутки»; *zirņus... saberzēja pulveri* 671 «горох растерли в порошок»; *es sacirtu vēlnam galvu deviņiem gabaliem* Трейланд нар. п. № 42 «я рассек голову беса на девять частей»; *sluošu kāts saplaisā* LP I 124 «метловище растрескалось»; *kastīte sašķīst gabaluos* 94 «ящик разбился вдребезги»; *kalns... sabrūk* 21 «гора обрушилась»; *ala... sakrīt* 66 «пещера рухнула»; *sagāž... mājuokli* 77 «разрушил жилище»; *liek bērnu zirgiem... samidīt* VII 1, 918 «дал лошадям растоптать ребенка»; *tevi sabādīja* BW 2302 «тебя забодал»; *saper savu sulaini* LP I 39 «отколотил своего слугу»; *savelē... viņas sānus mikstus* 9 «намял ей

99

¹²⁵ Этот глагол относится к группе а.

бока»; *sasituos* VII 1, 63 «я расшибся»; *sakausējis alvu labī šķidrū* I 147 «расплавил олово»; *guni degt, nesadegt* BW 6561 «гореть в огне, не сгореть»; *tilts sapuva* 4106, 2 «мост сгнил»; *sapelēja... svārki* 1617 «скюртук заплеснел» (с последними тремя глаголами ср., впрочем, также приведенные выше под **b** глаголы *samirkt, sakalst, saliedēt, sasirgt* и др.); *sadilst vaņa kamanas* Трейланд нар. п. № 43 «медные сани изъездились (истерлись)»; *vāgus sabraukt* U «Wagen verfahren»; *zirgus sabraukt* U «изъездить лошадей»; *zirgu putās sajāt* LP VII 1, 115 «ездою взмыть лошадей»; *zirgs jāskrien putās* 154 «следует ездою взмыть лошадей»; *man ruokas sastrādātas* 177 «у меня руки от работы разломило»; *sastāvēt kājas* U «die Füße durch Stehn ermüden» (с последними пятью глаголами ср., впрочем, также приведенные выше под **b** глаголы *sabrēkties, saraustīties, sacelties, sastrādāties*); *savalkāt* U «(Kleider) vertragen»; *savazāt* U «beim Tragen beschmutzen, verderben»; *kad es viņu saslaucīšu* BW 5036, 7 «когда я его (т. е. носовой платок), утираюсь, запачкаю»; ср. лит. *sukúliau kūrpes, ... suplėsčiau trincziūs, o kėl'nes wėjes sudrāski, kiapūrę sáli sutirpina* Jurksch. 38 «zerschlug ich die Schuhe, ... zerriß den Rock, der Wind zersauste die Hosen, die Sonne schmolz den Hut»; *sumáltq* 51 «gemahlen»; *surūdiņes* 14 «rostig geworden»; *sudēgt* 115 «verbrennen»; *sulūža irklučēlis* Lesk.-Brugm. 27 «весло сломилось»; *sūmin-tas* 52 «стоптан»; *susimusziau galveļę* 91 «я расшиб себе голову»; *supūvusj mēdī* 169 «сгнившее дерево»; *mergāitę sukapōsim (paskūi sustatýsim)* 189 «мы разрубим девушку на куски (потом опять сложим)» (*sustatýsim* относится к группе **a**); скр. *sám-ruj-* «zerbrechen», *sám-vašč-* «in Stücke hauen», *sám-dah-* «verbrennen» (Delbrück Vergl. Synt. I 731). О том, как этот префикс получил такое значение, ср. замечание Куршата Gr. § 453.

В литовском этот префикс встречается также в таких сочетаниях, как *sužvingti, sušvilpti, sukukūoti* и др., в которых Ульянов (Знач. II 60; у него и приведены эти и другие примеры) усматривает «ингрессивные» основы, // перевода: «заржать, засвистать, закуковать»; в латышском же, насколько мне известно, префикс *sa-* так не употребляется¹²⁶.

¹²⁶ Скорее всего сюда относится глагол *sakliegt: tam laidis lauvi vīrsū, sakliedams, lai grābjuot labi* LP VI 722 «он на него напустил льва, крикнув, чтобы он крепко (его) схватил».

О СЛУЧАЯХ СОВПАДЕНИЯ И СОПРИКОСНОВЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПРЕФИКСОВ

§ 17. Как в других языках, так и в латышском некоторые глаголы безразлично для значения слагаются с различными префиксами. Так, например, приглашая гостя сесть, говорят ему *apsēžaties*, или *atsēžaties*, или *piesēžaties*; в основном своем значении префиксы *ap-*, *at-*, *pie-* совершенно расходятся, но в этой сложной основе первоначальное их значение настолько побледнело¹²⁷, что все три формы соответствуют по значению р. «присядьте». Ср. еще *uzdegt*, или *iedegt*, или *aizdegt uguni* «зажечь огонь»; *nuobeigt* или *pabeigt* «окончить»; *aizmaksāt* или *samaksāt* «заплатить»; *iemigt* или *aizmigt* «заснуть»; *apdzist*, или *izdzist*, или *nuodzist* «погаснуть»; *pamuodināt* или *uzmuodināt* «пробудить»; *nuoķert* или *sakert* «поймать». В таких единичных случаях полного совпадения в значении префиксы или вполне, или в значительной степени потеряли свое реальное значение, придавая глагольной основе (почти) исключительно значение совершенного вида. Я здесь, конечно, не намерен привести все примеры совпадения в значении сложных глагольных основ, но ограничусь только сопоставлением целых групп сложных основ со сходным значением. Удаление обозначают префиксы *aiz-* (стр. 21 сл.), *nuo-* (стр. 62 сл.), *pa-* (стр. 73); ср., напр., *aizmukt bez samaksas*; *miegu nuodzenājuot*; *brālis padzina mani*. Различие между *aiz-* и *nuo-* Биленштейн определяет LSpr. II 295 сл. следующим образом¹²⁸: «*nuo* verhält sich in Composition mit // Verbis der Bewegung zu *aiz* genau wie lat. *hinc* zu *illinc* oder *istinc*: *nuo* heißt von dem Sprechenden weg; *aiz* von einem Dritten weg; cf. *viņš nuogāja* und *viņš aizgāja*, er

101

¹²⁷ В *piesēsties*, впрочем, префикс иногда еще является в первоначальном своем значении, как видно из примера, приведенного выше на стр. 86.

¹²⁸ Там же Биленштейн говорит об отношении *nuo-* к *pa-* следующее: «Im Vergleich zu *pa-* bezeichnet *nuo-* einen höheren Grad, cf. *pazust*, verloren gehen, *nuozust*, ganz verloren gehen, so daß man es gar // nicht wieder finden kann». Я с этим не согласен: отыскать вещь, которая *pazudusi*, столь же трудно, как вещь, которая *nuozudusi*; разница между *pazust* и *nuozust* состоит только в том, что *pa-* в *pazust* теперь придает глагольной основе исключительно значение совершенного вида, между тем как *nuo-* в *nuozust* вместе с тем до некоторой степени имеет еще также реальное значение (о котором говорится в § 11 b).

101

ging weg. Cf. *es tuo nuodzinu, viņš tuo aizdzina*, ich oder er trieb den weg. Unter Umständen sagt man aber auch: *es tuo aizdzinu* (sc. *nuo cita*, von einem andern weg); *viņš tuo nuodzina* (sc. *nuo manis*, von mir weg)». Данными языка, однако, это не подтверждается; ср., напр., *dzied... man māsiņu aizvildams* (в вар.: *nuovildams*) BW 600, 4 var. «поет, уманивая мою сестрицу»; *tuo aizveda* (в вар.: *nuoveda*) *sveši ļaudis* BW 286, 1 «ее (т. е. мою сестру от меня) увезли чужие люди»; *vējš aizpūta* (в вар.: *nuopūta*) *liepu lapas* BW 4106 «ветер умчал (от меня) липовые листья». Различие, однако, есть между *aiz-* и *nuo-*: несовершенным видом к *aizdzīt*, например, является *pruo(jā)m dzīt*, а несовершенным видом к *nuodzīt* служит *nuost dzīt*. *nuodzīt* («отогнать») значит — «удалить из непосредственного соседства» (причем не обращается внимание на то, остается ли удаленное существо еще поблизости или оно совсем исчезает из виду); *aizdzīt* же («угнать») значит — «удалить из виду» (из непосредственного ли соседства или из близости). Если поэтому говорят *tuo nuoveda sveši ļaudis* рядом с *tuo aizveda sveši ļaudis*, то первым оборотом устанавливается только факт, что «ее» «отвезли» от говорящего (удалили из непосредственного его соседства) и что говорящий вследствие этого лишился ее, причем не обращается внимание на вопрос, куда делась «отвезенная». Вторым же оборотом высказывается факт, что «ее» «увезли» куда-то вдаль (из виду). Фактическое (реальное) значение обоих оборотов, конечно, одно и то же: разница только в субъективном оттенке. Что же касается префикса *pa-*, то уже в § 12 b указано, что значение удаления в сложных с этим префиксом глаголах теперь значительно побледнело; вследствие этого префикс *pa-*, сравнительно с *aiz-* и *nuo-*, // имеет, так сказать, более отвлеченное значение: так, например, *padzīt* «прогнать» употребляется теперь, кажется, исключительно в значении «выгнать навсегда (кого-нибудь) из дому», между тем как *aizdzīt* значит просто «угнать», «прогнать».

Далее префиксы *aiz-* и *nuo-* одинаково обозначают достижение намеченной цели (§ 4 с и § 11 су): ср., напр., *ne līdz pusei aizticis* «даже середины не достигши» и *nuotikt* «дойти» (н. «hingelangen»); *aiznes* (в вар.: *nuones*) *manai māmiņai simtu labu vakariņu* «принеси моей матушке сто поклонов». Между тем как *aiztikt* и *nuotikt*, *aiznest* и *nuonest* в только

что приведенных оборотах являются совершенно однозначными, не все глаголы, приведенные в § 4 с и § 11 с_у, принимают *aiz-* и *nuo-* в одинаковом значении. В сложении с *aiz-* имеется в виду вместе с тем и удаление от исходной точки движения; в сложении же с *nuo-* выражается прохождение известного расстояния. Если поэтому исходная точка движения не обозначена, то глагол слагается только с *nuo-*, напр. *nuonāk pie bagāta kunga* «пришел к богатому барину».

103
101

Временное или количественное ограничение действия выражают префиксы *aiz-*, *ie-*, *nuo-*, *pa-* (ср. § 4 f, § 8 с, § 11 с_о, § 12 е): ср., напр., *aizakliedza* (в вар.: *nuosakliedza*) *vanadziņš*¹²⁹; *gailis aizdziedājes* и *gailis iedziedās*; *viss mežs iešņācies*, *iekrācies* и *egle nuodreb*, *meži nuokrāc*; *bērniņš iešķaudījies* и *ši nuošķaudās vien*; *aizlūzt* и *ielūzt*; *iekuost* и *pakuost* «закусывать»; *ši duomā nuosnausties* и *gribas pāsnausties*; *iebārt* и *rabārt*. Что касается временного ограничения действия, то глаголы, обозначающие разного рода звуки, принимают префиксы *aiz-*, *ie-*, *nuo-* в одинаковом значении, соответствуя по значению скорее всего таким р. глаголам, как, напр., *взвять*, *взгрять*, *промолвить*, *прогрять*, *сосвистеть*, *среть* (у Ульянова Знач. II 167 сл.) или *свистнуть*, *крикнуть*, *кликнуть*. Префикс же *pa-* слагается с этими и другими глаголами, если, по мнению говорящего, действие продолжается недолго, но все же некоторое время (ср., напр., *ej par mani parunāt*; *pastabulējis*; *pasadzied ar māsiņām*; *pagaidiet*, *ļaujiet pūru piedarīt*; *kādu laiciņu pabijuse pie vēcākiem*; *paskraidās*). Между тем как глаголы, обозначающие разного рода звуки, слагаются для выражения минимальной продолжительности действия с префиксами *aiz-*, *ie-*, *nuo-*, некоторые другие глаголы для выражения того же значения слагаются, кажется, только с *nuo-* (ср., напр., *spalvas vien nuoputēja*; *dūmi vien nuokūpēja*; *sēri vien nuosmirdēja*; *nuostaipijās vien un bija beigts*). — Количественное же ограничение¹³⁰ действия выра-

¹²⁹ Можно было бы сказать также: *iekliedzās* (или *iesakliedza*) *v*.

¹³⁰ Неправильным следует считать мнение Ульянова (Знач. II 32 сл.), что только различия в значениях тех словосочетаний, в которые входят сложные с *pa-* глагольные формы, дают основания наблюдать известные различия по степени. В таких ла. оборотах, как *pakustina viro*; *duomājis tik tā pat pagrūst, bet ne nuosist*; *pavēra durois*; *pa luogu galvu*

жают только префиксы *aiz-*, *ie-*, *pa-* (и также *ap-*, ср. § 5 с), причем некоторые глаголы слагаются, безразлично для значения, и с *aiz-*, и с *ie-* (напр., *lūzt*). По преимуществу префикс *pa-* употребляется, если выражается исключительно деминутивное значение (без всякого реального значения префикса).

Опереживание или одоление объекта субъектом выражают префиксы *aiz-*, *nuo-*, *pār-* (§ 4 g, § 11 cž, § 14 d): ср., напр., *aizdziedāt* и *pārdziedāt*, *aizskriet* и *nuoskriet* и *pārskriet*, по значению ничем не отличающиеся друг от друга.

«Суммарное» значение придают префиксы *ap-*, *iz-*, *nuo-*, *sa-* (§ 5 b, § 9 d, § 11 cņ, § 16 b); в части случаев префиксы сохраняют до известной степени еще свое реальное значение, и в таких случаях выбор того или другого префикса зависит от значения всего словосочетания. В других же случаях, безразлично для значения, глагол слагается с различными префиксами; ср., напр., *manu alutiņu bez dziesmām apdzēruši* (в вар.: *nuodzēruši* или *sadzēruši*); *apstaigājuši visus laukus* и — *isstaigāju svešus ļaudis* (Спр. 47); *tris gadiņi savadiju* (в вар.: *izvadiju*) *puisi lūka galiņā*; *es tur nuobiju divi nedēļas* и — *es tur sabiju divi gadus* и — *es tur izbiju ilgu laiku* U; *tris gadiņi sadziedāju* (в вар.: *izdziedāju* или *nuodziedāju*).

Отделение обозначают префиксы *at-* и *nuo-* (§ 6 а и § 11 b)¹³¹, причем в некоторых случаях оба префикса употребляются в одинаковом значении: ср., напр., *šķīra mani māmuliņa*, *pagalam neatšķīra* и — *nuo pupa nuošķirt*; *tas atsviež zuobīni* и — *nuo-/sviež tiklu*; *atņemt* и — *nuoņemt* «отнять». В таких случаях, где возможно только *at-* (напр., *vēlns atkāpās*; *nuo valdišanas atsacīties*; *atgaiņāties*; *atmījam nu*, *kuo mēs pērn samijām*; *atsist*), кроме отделения выражается также, что действие направлено назад или обратно (ср. § 6 b). Так и в оборотах, где возможно только *nuo-* (напр., *aravis nuoaut*; *matī tev nuoies*), префикс *nuo-*, кроме отделения, придает также какой-либо другой оттенок значения.

rabāzis; *svārkus pacēluse*; *uz akmini pakāpuos*; *tīri žēl panākas*, префиксом *pa-* не обозначается «предельность времени признака», но только (и одним префиксом, а не значением всего словосочетания) «слабая степень проявления признака». Ср. также выше стр. 77¹⁰⁵.

¹³¹ [Autora eksemplārā malā ir kāsītis un izsaukuma zīme. — Red.]

Приближение (и вместе с тем и достижение цели) означают префиксы *at-* и *pie-* (§ 6 с и § 15 а), причем изредка оба префикса употребляются в одинаковом значении, ср., напр., *viltnieks atlabināja tuo pie upes* и — *pielabina*. Обыкновенно же различаются оба префикса в употреблении: *at-* означает более приближение издали или же возвращение (причем в последнем случае часть говоров вместо *at-* употребляет *pār-*, ср. § 13), *pie-* же означает движение в непосредственное соседство чего-нибудь, предпринятое с целью, присоединившись, оставаться там, хотя бы на некоторое время. Разница же между *at-*, с одной стороны, и *aiz-* и *nuo-* (также означающими достижение цели), с другой стороны, та, что *at-* означает достижение цели приближением к говорящему (ср., напр., *lai atnesa (scil. man «мне») bruokastiņu*), *aiz-* же и *nuo-* означают достижение цели приближением к кому-нибудь или чему-нибудь другому, ср., напр., *aiznes* (в вар.: *nuones*) *manai mātiņai simtu labu vakariņu*.

Разделение выражают префиксы *pār-* и *sa-* (§ 14 а и § 16 d); разница та, что *pār-* означает разделение на две части (напр., *uola jāpārcērt*), *sa-* же — разделение на несколько частей (напр., *es sacirtu vēlnam galvu deviņiem gabaliem*).

Значение сильной степени проявления действия вносят префиксы *pie-* и *sa-* (§ 15 с и § 16 b); ср., напр., *pierijusēs kreima* и — *salakās pa pilnam; visa rija pieskrēja vēlnu pilna* и — *sanāca pilna rija ar vēlniem*. В этих оборотах префиксы *pie-* и *sa-* придают одинаковое фактическое значение; но префикс *pie-* тут выражает наполнение субъекта или объекта (причем не обращается внимания на то, было ли наполняющее прежде разрознено или нет), между тем как *sa-* указывает тут на соединение того, что прежде было разрознено. //

О ВИДОВОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОЖНЫХ ГЛАГОЛОВ

§ 18. В следующем я не буду говорить о различиях в значении основ совершенного вида, не видя надобности в этом после исследований Ульянова и Фортунатова¹³², но о том, в каком объеме сложные основы в латышском вообще имеют значение совершенного вида. При этом я, указывая

¹³² Насколько я с ними не согласен в частности, указывается выше в разных местах.

на литовские параллели, собранные из печатных источников, не буду делать, однако, никаких выводов из них, не решаясь на это без непосредственных наблюдений над живым народным языком.

Ульянов (Знач. II 29 слл.; ср. также стр. 300) различает два рода литовских и латышских основ, сложенных с приставками: «1) основы, сложенные с приставками, не отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых основ; 2) основы, сложенные с приставками, отличающиеся по видовым значениям от соответствующих простых». Основы 1-го рода, по словам автора, получаются из простых основ посредством сочетания с такими приставками, которые изменяют каким-нибудь образом реальные значения простых основ; а именно, приставки в основах этого рода выражают те различия в глагольных признаках, которые обуславливаются различными отношениями их к объектам или субъектам. Основы же 2-го рода получаются из простых основ посредством сочетания с такими приставками, которые, не изменяя реальных значений простых основ, изменяют их видовое значение. Что касается основ 1-го рода, то они, по мнению Ульянова (I. с. 53 слл.), как и часть простых основ (I. с. 62 слл.), представляют различие двух видовых значений — длительности и недлительности, причем данное различие в значениях не обозначается в них особыми формами. Фортунатов же (Разбор 77 слл.) считает этот взгляд Ульянова на два рода сложных основ верным в основании, но формулирует (I. с. 80) его иначе: «в сложных основах 1-го рода приставки, имеющие здесь «предложное» значение, // т. е. обозначающие отношения субъектов или объектов признака, не изменяют при этом значения времени признака в значении глагольной основы, а в сложных основах 2-го рода приставки, не обозначающие здесь отношений субъектов или объектов признака, т. е. не имеющие «предложного» значения, изменяют известным образом именно значение времени признака в значении глагольной основы, причем в связи с таким значением могут обозначать и другие различия в самом признаке, и потому в этом случае получаются такие сложные глагольные основы, которые по видовому значению отличаются от соответственных простых глагольных основ». С мнением Ульянова относительно присутствия видовых значений длительности и недлительности в сложных основах 1-го рода и в части простых основ Фортунатов не соглашается

(1. с. 84 слл.), вовсе не признавая за ними видového значения. Если, таким образом, Фортунатов признает видовое значение только за теми простыми основами, которые (а именно основы, обозначающие кратность) имеют особую форму вида, то в этом я с ним согласен. Относительно же видového значения сложных основ я не могу вполне согласиться ни с Ульяновым, ни с Фортунатовым. Что следует различать два рода сложных основ, с этим и я согласен. Но, на мой взгляд, значение совершенного вида в общем имеют в латышском как сложные основы 2-го рода, так и сложные основы 1-го рода; разница между ними та, что сложные основы 2-го рода по своему видовому значению находятся в прямом отношении к соответствующим простым основам, сложные же основы 1-го рода — к сочетаниям соответствующих простых основ с наречием или с предлогом, управляющим падежною формою¹³³. Так, например, *padarīt* «сделать» по видовому значению находится в прямом отношении к *darīt* «делать»; а, напр., *nuokāpt* «сойти, слезть, спуститься» по видовому значению находится в прямом отношении не к // *kāpt* «подыматься, идти», но к *zemē kāpt* «сходить, слезать, спускаться», где *zemē* (собственно loc. s. от *zeme* «земля») имеет значение наречия («вниз»).

Наречия, придающие простым основам видовое значение длительности, часто присоединяются ради усиления также к сложным основам. Примеров приводить не стану ввиду того, что уже Биленштейн дает LSpr. II 328 несколько примеров, но постараюсь показать, чем именно заменяются отдельные группы сложных основ 1-го рода, когда требуется форма с видовым значением длительности.

Рядом с *aiz-* «за-» (н. «hinter») нет соответственного наречия, и поэтому настоящим временем, например, к *aizlist* (*aizkrāsnē*) «залезть (за печь)» или к *aizķerties* (*aiz saknes*) «зацепиться (за корень)» служат соответствующие формы простых основ: *liedu* (*aizkrāsnē* или *aiz krāsns*); *ķeruos* (*aiz saknes*).

¹³³ Следует заметить, что некоторые глаголы, принадлежащие по делению Ульянова к сложным основам 2-го рода, у меня входят в состав основ 1-го рода (напр., *nuosist* «убить»: *nuost sist* «убивать»), и (реже) наоборот (напр., *atnākt* «прийти»: *nākt* «приходить»; к последней форме, впрочем, часто прибавляется также еще и наречие *šurp* «сюда»).

Префиксу *aiz-* «у-» соответствует наречие *pruo[jā]m* «прочь»: *pruojām iedami, atminas: ...aiziet* LP VI 440 сл. «уходя, припоминают: ...ушли¹³⁴»; *pruojām jādami* 471 «уезжая»; *pašuva lielu... maisu, sabēra visu... labību un stiepa pruo* 405 «сшил большой мешок, выпал (в него) весь хлеб и стал с ним удаляться (собственно: уносил)» (далее рассказывается, что случилось на пути с уносившим); *izlaidis ... vēršus nuo kūts un dzinis... pruojām. Dzinis, dzinis — saticis ... medinieku* 722 «выпустил быков из коровника и погнал их. Гнал, гнал — встретил охотника»; *vēlns ... bēg nuo Anša pruojām* I 91 «черт убегает от Анса».

Префиксу *aiz-* «за-» (н. «zu, weg-») соответствует наречие *cietī* или *cieši* (от *ciets* «твердый, крепкий») или же (если дополнением глагола является название предмета, посредством которого производится преграда) *priekšā* (loc. s. от *priekša* «передок, лицевая сторона»): *sāks smēdes slēgt ciet* (Kariševa Sarunas par tautsaimniecību, E. Jansona tulk., 41) «станут закрывать кузницы»; *sāks šis... durvīm malkas asi kraut priekšā... Aizkrāva durvis*¹³⁵ LP VII 1, 133 «начал он класть дрова перед дверьми... Заслонил двери». //

Префиксу *ap-* «о(бъ)-» соответствует наречие *apkārt* или *aplik* «вокруг, кругом»: *skriņ ap šinu aptiek* Zb. XVIII 274 «biega kojo ściany»; *gāž pasauli apkārt* LP I 98 «перевертывает мир»; *tautas vilka zaļu zidu apkārt brāļa istabai* BW 15217 «чужие люди тянули зеленый шелк вокруг дома брата». Если дополнением глагола является название той или другой одежды или обуви, то видовое значение длительности выражается сочетанием простого глагола с местн. пад. названия соответственной части тела: так, например, настоящим временем к *apvilkt cimdus, svārkus* или к *apaut kurpes* служат сочетания: *vēlku cimdus ruokā* «надеваю перчатки», *vēlku svārkus mugurā* «н. сюртук», *auņu kurpes kājā* «н. башмаки».

Префиксу *at-* «от-» (н. «ab, weg») соответствует наречие *nuost* «прочь»: *ar tuo varuot... vēlnu atgaiņāt... Lidz ritam gaiņāja vēlnu nuo... kara nuost* LP VI 679 «той (палкой)

¹³⁴ Praesens historicum я как здесь, так и в следующем передаю прошедшим временем р. языка.

¹³⁵ Можно было также сказать: *aizkrāva malkas asi durvīm priekšā* (ср. *aizlicis pirtij krustu priekšā* LP VI 767).

можно отразить черта... До утра отражал черта от могилы».

В значении «от-», «раз-» (н. «los, auf») префиксу *at-* соответствует наречие *vaļā* или *vaļām* (= н. «los»): *lai netaisa vaļām, kamēr uz ūdeņa* LP VI 335 «чтобы не открывал (ящика), пока (находится) на воде».

В значении лт. «ge(d)-» префиксу *at-* соответствует наречие *atpakaļ* «назад»: *atpakaļ nākdami* LP VI 501 «возвращаясь»; *atpakaļ iedami* 716 «возвращаясь». Ср. в немецко-литовском словаре Куршата: *zurückbeugen atgāt leņkti*, rslт. (т. е. результирующая форма) *atleņkti*; *zurückdrehen atgāt sūkti*, rslт. *atsūkti*; *zurückfahren (zurückprallen) atgāt šōkti*, rslт. *atšōkti* и др. При некоторых глаголах вместо *atpakaļ* ставится также местн. пад. от *ruoka* «рука»: *viņš neduod ruokā* «он не отдает»; *ruokā dabūt* U «etwas Gesuchtes finden». При глаголах же, обозначающих разного рода звуки, префиксу *at-* соответствует наречие *pretī* или *pretim* «напротив»: *dēls aurējis pretim. Kā ataurējis...* LP VI 335 «сын откликнулся. Лишь только он откликнулся...»

201
109
В значении же р. «при-» (н. «her, herbei») префиксу *at-* соответствует наречие *šurp* «сюда»: *šurp jādams, velē savu kumeliņu* BW 14526¹ «едуци сюда, колотит своего коня»; *ieraudzījis...*, *ka ķēniņa meitu vēduši šurp;... tur var pat redzēt, ka... ķēniņa meitu uz šuo pusi vēd... Tikkuo vēlns tuo bij padzirdējis: ķēniņa meitu vēd šurp!... atvēduši meitu* LP VI 723 «увидел, что везли (сюда) царевну;... там можно даже видеть, что царевну везут сюда... Лишь только черт // услышал: царевну везут!... привезли царевну». Ср. у Куршата: «*her-* in Zusammensetzungen mit Verben wird meistens bei den nichtresultativen Formen der Verba durch das Adverb *šēn*, in resultativen Verben aber durch *at-*... ausgedrückt» (ср. также его указания под *heran-* и *herbei-*). Примеры: *heranschwimmen šēn* (од. *artyn*) *plaukti*, rslт. *atplaukti*; *heransteigen šēn* (од. *artyn*) *lipti*, rslт. *atlipti*; *herbeibringen šēn gabēnti*, rslт. *atgabēnti* и др.

Префиксу *ie-* «в(ъ)-» соответствует наречие *iekšā* или (в части говоров) *vidū* «внутри»: *sāks ēdienus nest iekšā* LP VI 349 «начала вносить кушанья»; *sākuse šuos vilkt iekšā* 641 «(пламя) начало их втягивать»; *lai šis, iekšā iedams, sakuot: ... Gājuši istabā; iegājuši* 162 «чтобы он, входя, сказал: ... Пошли в комнату; вошли»; *sniegs snigs iekšā* 245 «снег будет падать (в хлев)»; *neviens nelaiž šuo*

iekšā ...; *ielaiž* 417 «никто не выпускает (prs. hist.) его ...; выпустил»; *jej nataiž jō vydā* Zb. XVIII 351 «она его не выпускает (prs. hist.)»; *it jej vydā, a tī vaicōj* 353 «wchodzi (prs. hist.), a tam pytaja»; *kāpēc viņš nenāk pie manis iekšā?* LP VI 456 «почему он не входит ко мне»; *lien tur iekšā un aicina šuo ari; iegājuši alā* 62 «влезает (prs. hist.) туда (в пещеру) и приглашает также его; вошли в пещеру»; *ređz: ... vėlni viens pakaļ uotra klūp iekšā* 978 «видит: черти вбегают один за другим»; *iet tai pili iekšā. Tā viņš ieiet tur iekšā* 753 «идет (prs. hist.) в замок. Так он вошел туда»; *lidis iekšā pa tuo caurumtiņu; bet sievas tēvs braucis uz mājām. Un tā ielidis iekšā* 333 «стал вползать в ту щелочку; тесть же поехал домой. И так он вполз»; *ne dieviņis iekšā laida, ne eņģeļi vārtus vēra* BW 16, 2 «ни бог не выпускал, ни ангелы не отворяли ворот». И Куршат говорит под *hinein*: «wenn «hinein» so viel bedeutet, als in's Innere, ... so wird solches durch *ī vīdū* ausgedrückt, z. B. gehe hinein... *eik ī vīdū*»; ср. также: *hineingehen ī kq eiti*, rsl. *jeiti*; *hineinjagen ī kq varyti*, rsl. *ivaryti* и др.

Префиксу *iz-* «из-» соответствует наречие *ārā* или *laukā* «вон»: *sākuši list visādi... zvēri ārā* LP VI 933 «начали выползать различные звери»; *pašaļa vaļā, pa kū dvašai it' ārā* Zb. XVIII 289 «zostawit otwór, kędy oddychać»; *ruoku nuo kabatas ārā vilkdams, iesaucies* LP VI 976 «вынимая руку из кармана, промолвил»; *lai, nuo... pils ārā nākdami, neviens neskatuoties atpakaļ* 761 «чтобы никто не оглядывался назад, выходя из замка»; *iedams laukā, nuovēlējis* 353 «выходя, пожелал»; *ruozi, //kas driz plūkst ārā* 968 «розу, которая быстро расцветает»; *salst tā, ka zaķim acis sprāgst ārā* 635 «так морозит, что у зайца глаза выкатываются»; *ja nuo krāsnim kas ārā sprūk, nelaidil* 933 «если кто-либо станет выскальзывать из печей, не пускай»; *paņēma kamanas un vėlk nuo meža ārā. Izvėlk* 281 «схватила сани и тащит (prs. hist.) их из леса. Вытащила»; *ieraugus, ka... skrejus baluodis laukā* 337 «замечает, что вылетает голубь»; *raustu priedes ārā* 494 «я вырываю сосны»; *viens pakaļ uotram krit nuo ratiem ārā un blauj: ...es izkritu* I 91 «вываливаются (prs. hist.) один за другим из телеги и кричат: я вывалился»; *rudzi birst ārā* VII 1, 271 «рожь высыпается»; *smadzeņi tiņ ārā* Zb. XVIII 280 «mózgi wylażą»; *jiudiņc tac ārā nu spaņi* 352 «woda wyskakuje z konewki»; *ređz: teļam vėļas acis ārā* LP VI 10 «видит: у теленка выкатываются глаза»; *čūska... zīzuot... asinis laukā...; čūska... asinis bij izziduse* 143

«змея высасывает кровь; ...змея высосала кровь»; *tāda auka, kas lauzuse kuokus... ārā* 643 «такая буря, что выламывала деревья»; *zirgiem, uz kalnu jājuot, pa muti nākusi uguns ārā* 688 «у лошадей во время подъема на гору из пасти выходил огонь»; *līda nuo duobuma ārā...; tiklīdz izlīda* 698 «вылезал из дупла; лишь только вылез»; *nāca galvas cita pēc citas nuo zemes ārā* 713 «головы одна за другою выходили из земли»; *suns laizījis tam atkal ārā; bet kā izlaizījis...* 772 «собака у него опять вылизывала (зуб из уха); но лишь только вылизала»; *nemaz nelaidusi laukā* 524 «совсем не выпускала»; *sirds vēlusies nuo uguns ārā* 13 «сердце выкачивалось из огня»; *tās laukā šķetināju* BW 35 «я их разматывал»; *zēlts līs viņai nuo matiem tad ārā* LP VI 833 «(когда она будет наклоняться) у нее тогда золото будет вытекать из волос»; *kuo nu dzīs šuo ārā* 21 «зачем его станут выгонять»; *krauklis kraukļam acis ārā neknābs* Трейланд Мат., послов. 523 «ворон ворону глаз не выклюет»; *raus ūrā... cyukys, — ka raun, t'ik ašt'is patik rūkā* Zb. XVIII 270 «стал вытягивать (из болота) свиней, — как рвал, только хвосты оставались в руке»; *eš naudu jimšu ūrā, a tu stōvi iz cēļa* 292 «я pieniądze będą wyjmować, a ty stój na drodze»; *kai jis kraus ūrā* 384 «как он станет выгружать». Ср. лит. *ką tū darai? pinigų tauk sztūoji!* Lesk.-Brugm. 215 «что ты делаешь? выметаешь деньги»; *aidams tauk* 235 «выходя»; *ušpyli qnt žemis. Kād pyli tās anglis qnt žemis, anam pasiruōdi, juōg pil laukqņ pinigų* LChr. 317, 24 // «высыпал (уголья) наземь. Когда он сыпал те уголья наземь, ему показалось, будто он высыпает деньги». И Куршат говорит: «*hinaus-*, in Zusammensetzungen meistens durch das Adv. *laukan*; rslт. meistens durch *iš-*, z. B. *hinaustragen, laukan nēsti, rslт. išnēsti*».

Префиксу *iz-* «про-» (ср. *ragana... izēdās ir tiem cauri* выше стр. 52; *izkrituse ūdenim cauri* LP VI 623 «провалилась сквозь воду»; *izgājuši mežam cauri* 643 «прошли через лес»; надо полагать, что префикс *iz-*¹³⁶ здесь заменил собою префикс **pra-* или *pār-*, ср. употребление лит. *pra-* и *pēr-*) соответствует наречие *caur(i)* (ср. I 68): *Valmierai cauriedami, ... cūku nuozaguši* BW 12911 «проходя через Вольмар, украли свинью»; *cauri tēku caur Jēlgavu* 5932 «быстро прохожу через

¹³⁶ Ср., впрочем, также лит. *prō vartūs išvažiūoti* «durch das Tor durchfahren» (у Куршата под *durch-*).

Митаву»; *caur tautām cauri gāju; tautām bira asariņas* Спр. 39 (ср. также BW 12883 с вариантами!) «я проходила между чужими людьми; у чужих людей лились слезы».

Префиксу *uz-* «вз(о)-» соответствует наречие *augšā* «вверх»: *augšā ceļoties* LP VI 124 «вставая»; *ieraudzijis trepes. Kāpis augšā. Kāpis, kāpis — daudz gadu pagājuši, kamēr ticis līdz trepju galam; ... Uzkāpis augšā* 139 «заметил лестницу. Стал подниматься вверх. Поднимался, поднимался — много лет прошло, пока добрался до конца лестницы; ... Поднялся вверх»; *cēlis dēlu augšā* 389 «будил сына»; *kāps ... augšā. Kāpa, kāpa ... Uzkāpj augšā* 395 «станет подниматься вверх. Поднимался, поднимался ... Поднялся вверх»; *ceļ ... spāres augšā* (Purapuķe Savs kaktiņš, savs stūritis zemes 50) «поднимает стропила». И Куршат говорит: «*hinauf-*, in Zusammensetzungen mit Verben der Bewegung, die Richtung aufwärts bezeichnend, meistens durch das Adv. *aukštyn*, rslт. *už-*, z. B. *hinauffliegen, aukštyn lēkti*, rslт. *užlēkti*».

Префиксу *uz-* «на-» соответствует наречие *viršū* (ср. I 122): *vējš pūta man ... smaku viršū* LP VI 267 «ветер навевал на меня запах»; *kad šī ... viršū plijusies* 1009 «когда она настаивала». Если же дополнением глагола является название той или другой одежды или обуви, то видовое значение длительности выражается сочетанием простого глагола с местн. пад. названия соответственной части тела: *tik capuši gotvā* Zb. XVIII 262 «надевает шапку». //

Префиксу *nuo-* «с(о)-» соответствует наречие *zemē* (ср. I 37): *zemē jādams* LP VI 808 «съезжая»; *sōk ... ūdu plāšt' zemā ... Nanūptēša ... ūdys* Zb. XVIII 306 «начинает сдирать кожу ... Не содрала кожи»; *vytkās zemā i fadz* 314 «раздевалась и видит»; *sagīva jis mužiku mēžā, kur čerta bārzs žaņā* Zb. XVIII 385 «он схватил в лесу мужика, который рубил березы»; *tai čīši aizašīrdeja, ka ... nu gotvys mots plāša žaņā* 378 «так się zgniewał, że ... z głowy włosy rwał»; *apjēma mīgs jū čīši, ka nu zyrgu kreit žaņā* 399 «ogarnął ich sen taki, że z koni spadają»; *plēš tū šīru žaņā i ād, nūptēš vysu jumt'eņu* 316 «obrywają ser i jedzą, zerwali cały dach». И Куршат говорит: «*herunter-*, in Zusammensetzungen mit Verben der Bewegung ... durch das Adverb *žemyn*. In resultativer Ausdrucksweise wird das betreffende

Verbum mit *nu-* zusammengesetzt (z. B. herunterfliegen *žemyn lėkti*, rslт. *nulėkti*)».

Префиксу *nuo-* «от-» соответствует наречие *nuost*: *ņem nuost* «отнимает»; *ieraudzijis... zābakus — vilka nuost* LP VI 908 «увидев сапоги, стал (их) снимать»; *zēlts neiet nuost nuo pirksta;... ādu pirkstam kasīt nuost bijis žēt* 801 «золото не сходит с пальца; ... соскабливать кожу с пальца было жаль»; *vēlns vairs nav ārdijis nuost* VII 1, 374 «черт более не разрушал (церкви)».

Те сложенные с *nuo-* глаголы, о которых говорится в § II сд, заменяют префикс то посредством *nuost*, то посредством *zemē*, причем иногда один и тот же глагол безразлично для значения принимает то *nuost*, то *zemē*: *jis nakaun jū žaīnā* Zb. XVIII 345 «он го не забия»; *merstū'a žaīnā prosa* 274 «умирая, просит»; *mirstuot nuost* LP VI 1 «умирает»; *bada nuost* 687 = III praes. к *nuobadīt* «заботать до смерти»; *tur situot cilvėkus nuost* 712 «там убивают людей»; *slāpstuot nuost* 758 «задыхается»; *salst visi nuost* 884 «все замерзают»; *spiež nuost* VII 1, 679 «давит».

Префиксу *pa-* «под-» соответствует наречие *apakšā* (ср. I 32): *kuršuot mucai uguni apakšā* LP VI 611 «станут разводить огонь под бочкою».

113

Префиксу *pār-* соответствует наречие *māja* «домой» или *atpakaļ* «назад»: *kurš skaistākuo pārnesis... Muļķis maisu nēs mājā* LP VI 933 «кто принесет самый красивый (платок) ... (братья, издали увидев возвращающегося глупца, говорят:) Глупец приносит мешок»; *mājā braukdams... Pārbrauc mājā* 731 «приезжая домой... Приехали домой»; *mājā || nākdams* 804 «возвращаясь»; *atpakaļ nākdama, trīs puīšus satikuse... Pārgājuse mājā* 822 «на возвратном пути она встретила трех парней... Возвратилась домой». И Куршат говорит: «*heim-*, nach Hause, *namō(n)*; beim resultativen Ausdruck wird das betreffende Verbum (der Bewegung) mit *par-* zusammengesetzt; z. B. er ist heimgekehrt, *jis namōn pargryžęs*; er kehrt heim, *jis namōn gryžta*».

Префиксу *pār-* «пере-» соответствует наречие *pāri* (ср. I 151): *par upiti smilgu sviežu, pāri tēku dziedādama; tautu dēls nepārgāja ne par kuplu uozuoliņu* Спр. 9 «перекидываю через речку метелковый стебель, перебегаю по нему распевая; молодец не перешел и по густолиственному дубу»; *plata upe, šaura laipa, pāri tēku drēbēdama* BW 15445 «река широка, перекладина узка, перебегаю дрожа»;

ievēruoja, ka glāzei asinīs plūst pāri LP VI 709 «заметили, что кровь в стакане льется через край».

Префиксу *pār-*, выражающему разделение, соответствует наречие *pušu* или *pušām* «пополам»: *ņemuot dakšīņu un plēšuot pušu, bet nevaruot... pārplēst* LP VI 1 «берет вилочку и разрывает, но не может разорвать»; *pušām cērtu lēdus kalnu...; pušām laužu sav' sirsniņu* BW 15450 «я рассекаю ледяную гору...; я разламываю свое сердце».

Префиксу *pie-* «при-» соответствует наречие *klāt* (ср. I 175): *skrēja klāt meiteni ar varu grābt. Pieskrēja* LP VI 731 «бежал, чтобы насильно схватить девицу. Прибежал»; *bites ņesušas vasku klāt* 654 «пчелы приносили воск». Ср. употребление лит. *artyn* у Куршата под *heran-*, *herbei-*, *hinzu-*.

Префиксу *pie-* «voll-» соответствует прилагательное *pilns* «полный», согласующееся в падеже, роде и числе с подлежащим или (при переходящих глаголах) с дополнением: *glāze sāka plūst ar asinīm pilna* LP VI 745 «стакан стал наполняться кровью».

Префиксу *sa-* соответствует наречие *kuopā* «вместе»: *teļš saļ kūpā* Zb. XVIII 255 «теленочек замерзает»; *sākuši zarus vīt kuopā* LP VI 242 «начали свивать ветви»; *sākuot... rasties vilki kuopā* 294 «волки начинают собираться»; *vajadzējis katru nakti... naudu meklēt — citādi vilkti luocēkļi kuopā... Savilkti pavisam luocēkļi* 223 «должен был каждую ночь искать денег — в противном случае члены начинали стягиваться... Члены совсем были стянуты»; *sit kuopā* «разбивает». В сложении же с глаголами *ņemt* «брать», *ķert* «ловить» пре-/фиксу *sa-* соответствует наречие *cietī*: от *saņemt* «схватить» и *saķert* «поймать» — наст. вр. *ņemu cietī* «схватываю» и *ķeru (cietī)* «ловлю».

114

Утраченному префиксу **pra-* «про-» (н. «vorbei»), который теперь заменяется префиксом *aiz-* (ср. выше стр. 27: *aizskrien princesei gaļam*) или *pa-* (ср. выше стр. 79: *garām tautas pajājušas*), соответствует наречие *gaļām* «мимо»: *saka tautas gar-jādamas*¹³⁷ (в вар.: *pajādamas*) BW 14088, 1 var. «говорят чужане, проезжая мимо».

¹³⁷ В подлиннике это слово пишется без черточки — как одно слово, и не без основания, так как *gar* здесь, подобно настоящим префиксам, имеет на себе ударение. Также некоторые другие наречия, имея на себе ударение, сливаются с глаголом в одно слово; ср., напр., *caurjōdamī* BW 14088, 5; *klātgulēt* «спать у» 13250, 22; *lidzsūtīt* LP VI 815 «mitschicken». Но, подобно нем. *mit-*, *weg-*, *fort-*, *zu-*, *durch-* и др., эти ла. наречия

Иногда также сложные основы 1-го рода по своему видовому значению находятся в прямом отношении к соответствующим простым основам (не сопровождаемым наречием). Это возможно в таких случаях, где значение всего словосочетания достаточно ясно указывает на то специальное значение, которое обыкновенно придает простой глагольной основе префикс или наречие: *gribu šuo eglīti nuocirst...* *Strazds sāk lūgties, lai jele necērtuot* LP VI 283 «я хочу срубить эту елку... Дрозд начинает просить не срубить (ее)»; *vēlns derējis lielu akmeni pārplēst. Sākuši plēst — milzis pārplēsis* 405 «черт побился о заклад, что разорвет большой камень. Стали разрывать — великан разорвал»; *rēdz: — ķēniņa meitu... vēd. Atvēd* 522 «видит: везут царевну. Привезли»; *pie liepiņas piesēduos...; pie uozuola nesēduos* Спр. 35 «к липочке я подседа...; к дубу не подсаживалась». — С другой стороны, некоторые простые основы, соответствующие сложным основам 2-го рода, иногда принимают еще и соответствующее наречие; так, например, *mirt* «умирать» иногда принимает еще наречие *nuost* или *zemē* (примеры приведены выше). //

115 § 19. Бывают, однако, случаи, когда сложные основы, по-видимому, являются с видовым значением длительности, и к рассмотрению этих случаев я теперь и перейду. Несколько примеров дает Ульянов Знач. II 54 сл. (который, согласно своему основному взгляду на видовое значение сложных основ, признает видовое значение длительности только за сложными основами 1-го рода). Некоторые, однако, из данных им примеров не имеют доказательной силы. А именно, формы *palaižas* «полагается», *palīdz* «помогает»¹³⁸, *paļaujios* «полагаюсь» (первоначально эти глаголы принадлежали к сложным основам 2-го рода!) относятся к тем сложным основам, которые по причинам, указанным выше на стр. 79 (ср. также Delbrück Vergl. Synt. II 166), усвоили себе характер простого глагола и поэтому и по видовому значению

только в известных условиях сливаются с глаголом в одно слово, и поэтому такие обороты, как *saule caurspidēja plānājai ādīnai* (Andrejeva Sarkanie smiekli, Dievkuociņa tulk., стр. 3) «солнце просвечивало сквозь тонкую кожу», следует считать ошибочными (говорится: *saule spidēja cauri pl. ā.,* или: *s. sp. pl. ā. cauri*), ср. Bielenstein LSpr. § 588.

¹³⁸ То же самое следует сказать о лит. *pādeda* (или *padést*) «помогает», у Ульянова I. с.

ничем не отличаются от простых основ¹³⁹. В формах же *pār-nāk* Спр. 69, 5, *iztēk* 215, 1, *aizsit* и *aizšauj* Трейланд Мат. IV 258 я не усматриваю действительного настоящего времени: *iztēk* можно принимать за *praesens historicum*, а *pār-nāk*, *aizsit*, *aizšauj*, на мой взгляд, имеют то значение форм наст. времени, о котором говорит Ульянов Знач. II 68 слл. Затем следует заметить, что видовое значение длительности могут иметь не только сложные основы 1-го рода, но также (хотя и реже) сложные основы 2-го рода, как это явствует из нижеприведенных примеров. Примеры для личных форм¹⁴⁰ с длительным значением: *véras šiva pa lūgu, ka atbrauc véirs* Zb. XVIII 277 «widzi żona przez okno, że jedzie mąż»; *t'ei kučei'ta izskfīn i rej: ... atbrauc myusu bōfiņei'ta* 309 «ta suczynka wybiegła i szczeka: ... jedzie nasza sierotka»; *vai jūs nekā nesauožiet?* LP VI 509 «вы ничего не чуете?»; *atjāj* (в вар.: *atbrauc*, или *sajāj*, или *nu jāj*, или *atjās*, или *sajās*) ... *precinieki* BW 14130, 1 «приезжают (съезжаются) сваты»; *atiet lietus, ... atjāj tautas* 14258, 3 «приближается дождевая туча, ... приезжают чужане»; *sak', saulīte nuoejuot ...; sak', tautiņas aizejuot* 15746 «говорят, // что солнце заходит ...; говорят, что чужане уходят»; *izzagu!* 14364 (сложн. осн. 2-го рода!) «высыпается»; *sapel ... nauda, sarūs ... zuobentiņš* 14032 «деньги плесневеют, меч ржавеет»; *kādēļ nesasildies*¹⁴¹ LP I 13 «почему ты не согреваешься»; *es ti(k)kuo nenuosalstu* VI 399 «я чуть не замерзаю»; *pāriet* Спр. 78 «приходят»¹⁴². Ср. лит. *pamātē ... kād ... pārgena namó ... pūtka kiaūliu* Lesk.-Brugm. 200 «увидел, что гонит домой стадо свиней»; *turbūt jāū atsiveje* 220 «должно быть, уже гонится сюда (за нами)»; *pamātē ... kād pareiņa* 265 «увидел, что приходят обратно»; *māta, kād atvažiūoj* LChr. 327, 29 «видит, что приезжает»; *parnešam* 458, 20 «мы приносим»; *kodē' ne ussidedi*¹⁴¹ *añ' galwōs* Jurksch. 36 «warum setzt Du ihn nicht auf den Kopf». Для личных же форм прошедшего и будущего времен с длительным значением я сейчас не знаю ни одного примера. Да и личные формы настоящего времени в громадном

¹³⁹ Сюда относятся, например, *tam, kas viņu pietura* LP VI 51 «тому, кто его держит у себя»; *pieduomi* 585 «прошаю».

¹⁴⁰ Сюда я отношу также причастия, если они (в *oratio obliqua*) употреблены как *verba finita*.

¹⁴¹ Ср. к этому обороту Sarauw KZ 38, 171.

¹⁴² У Спрэгиса (опечатка?) и Ульянова Знач. II 54 неверно: «проходят».

большинстве случаев имеют не длительное значение. Во-первых, формы настоящего времени сложных основ весьма употребительны как *praesens historicum*¹⁴³ (явление это так обычно, особенно в сказках, что примеры были бы излишни). Это *praesens historicum* я усматриваю также в некоторых из тех «относительных» предложений, приведенных Ульяновым Знач. II 78 слл., где, по словам автора, «обозначая наступление сочетания признака с субъектом, форма настоящего времени от недлительных основ... является формой, не обозначающей субъективного времени» (а «на этом основании», говорит Ульянов I. с. 97 сл., «эту форму в таких относительных предложениях нельзя рассматривать как *praesens historicum*, так как это последнее есть все-таки форма настоящего времени»); например: *liela migla, liela rasa, pazūd manis kumeliņis; nuokrit migla, nuokrit rasa, atruod savu kumeliņ,* — *atruod savu kumeliņ || pie Mēneša nama dur'* Трейланд нар. п. № 89¹⁴⁴. Затем формы наст. времени сложных основ весьма употребительны в таких предложениях, которые «употребляются для выражения общих утверждений, имеющих значение без отношения к какому-либо субъективному времени» (Ульянов I. с. 97; ср. Фортунатов Разбор 138). Многочисленные примеры¹⁴⁵ дает Ульянов I. с. 68 слл. Я должен, однако, заметить, что не вижу никакого принципиального различия в значении наст.

¹⁴³ Такое *praes. historicum* встречается также в дополнительных предаточных предложениях, зависящих от *verba sentiendi*: *puisis... ieraudzījis, ka kāds sarkanums ieskrien vēcā sluotā* LP VI 121 «парень заметил, что что-то красное вбежало в старую метлу». В зависимости от действительного наст. времени такое сочетание, как *ka... ieskrien*, насколько мне известно, не встречается.

¹⁴⁴ Здесь, по Ульянову, формы настоящего времени, «очевидно, не обозначают никакого времени, а обозначают только последовательное наступление сочетаний признаков с субъектами»; а между тем, если обратить внимание на содержание всей песни, вряд ли можно сомневаться в том, что тут мы имеем перед собою обыкновенное *praes. historicum*, сообщающее факты прош. времени.

¹⁴⁵ Изредка, однако, формами наст. времени Ульянов неправильно считает формы прош. времени (напр., I. с. 69: *isšūpuoja* Спр. 3, 3; I. с. 76: *nuoraudāja* Спр. 92, 13; I. с. 80: *padziedāju, nuoraudāju* Спр. 211, 16; I. с. 82: *iegādāju, nuoraudāju* Спр. 245, 20), или формы повел. наклонения (I. с. 81: *padari, paliec* Трейланд Мат. II 238; может быть, также I. с. 80: *rapet, atduod* ibid. II 644), или формы условного наклонения (I. с. 83, в примере из Мат. Вольтера 314, 490, где вместо *nūber tuli(t) tū ceteņ* следует читать *nūbertuli tū ceteņ* «я обсыпала бы ту дорогу», ср. *as byutuli* «я была бы» BW 9641, 7).

времени между «простыми» предложениями («самым обычным значением... здесь является значение сочетаемости признака с субъектом» I. с. 68; пример I. с. 69: *sešas sievas iet pa ceļu, cita citu nepanāk* Трейланд Мат. III 967) и «относительными» предложениями («формы настоящего времени в относительных предложениях... обозначают всегда наступление сочетания признака с субъектом» I. с. 77; пример I. с. 80: *puiši... mani sit un peļ, — neviens mani nepuoķeļ* Трейланд Мат. III 1018). Особое положение, на мой взгляд, занимают только те «относительные несамостоятельные» предложения, образующиеся из сочетания главного и придаточного временного или условного предложения, где стоящая в придаточном предложении форма наст. времени, обозначая какой-либо отдельный предстоящий факт, может передаваться формой буд. времени (на буд. же время указывает форма повел. наклонения в главном предложении). Примеры: *teci, manis kumeliņis, liepu lapas braucidams; kad ieraugi meitu māti, tec, galviņu gruozidams* Спр. 120 «беги, мой конь, срывая липовые листья; когда увидишь мать до-/черей, беги, потрясая головой»; *kuļam piēcī, kuļam seši, kāmēr paaug mazājie* Трейланд нар. п. № 814 «будем молотить впятером, будем молотить шестером, пока подрастут маленькие»; *sien sien, kāmēr nuosien!* Трейланд Мат. IV 234 «перевязывай, перевязывай, пока не перевяжешь»; *iekām iesāc atbildēt, saki* 543 «прежде чем начнешь давать ответ, скажи»; *ja ieraugi meža vīru, pašemeti sakārnīti* 450 «если увидишь лесного мужика (волка), превратись в древесный корень»; *ja tu mani nesagaid, sagaid manu kumeliņ* Спр. 271 «если ты не дождешься меня, то дождайся моего коня»; *kad es nuomirstu, tad... jums... jāšargā mans kaps* LP VI 665 «когда я умру, то вы должны охранять мою могилу». Так же употребляются и простые основы: *tu būsi stāvēt..., kāmēr es nāku* Трейланд Мат. IV 576 «ты должен стоять, пока я не приду». Также в главном предложении условного периода встречается форма наст. времени, обозначающая какой-либо отдельный факт, относящийся к будущему времени: *ja tu man tuos nuoķeri un izcepi, tad zirgu atduodu* LP VI 589 «если ты мне их поймаешь и изжаришь, то я отдам лошадь». — Не имеют значения времени также формы наст. времени в таких оборотах, как: *Daugava ietēk jūrā* «Двина впадает в море»; *vēras, ka pād'i dāt da kal'va kl'ēt's* Zb. XVIII 256 «widzą, że

ślady dochodzą do kowalowego lamusa»; *pa tuo ceļu, kas uz kļuogu aizvēd* LP VI 290 «по той дороге, которая ведет к корчме». По поводу аналогичных древнерусских оборотов говорит Дельбрюк (Vergl. Synt. II 167): «Es kommt vor, daß die Verbindung der Präposition mit dem Verbum so locker ist, daß eine Perfektivierung nicht bewirkt wird»¹⁴⁶; и, приведя пример (из Нестора): «Двина изъ тогожде лѣса течеть, и идеть на полуноштіе, и вѣнидеть въ море варяжское, изъ тогожде лѣса течеть Волга на вѣстокъ, и вѣтечетъ въ море хвалисьское», заключает: «Offenbar heißt hier *вѣн-идеть* und *вѣ-течетъ* so viel wie *идеть вѣ* und *течетъ вѣ* mit dem Akkusativ». Что префикс *вѣ-* в этих сложных формах занимает более самостоятельное положение, чем в других сложных формах, с этим вряд ли можно согласиться. И, как указывает Фортунатов Разбор 111 сл., нет также основания видеть здесь имперфективное значение: формы *вѣнидеть* и // *вѣтечетъ* (как и лат. *ietek, aizvēd*) не обозначают здесь действительного настоящего времени.

Далее, по мнению Ульянова Знач. II 72, в некоторых случаях формы наст. времени от основ с недлительным значением в «простых» предложениях обозначают «готовность сочетания признака с субъектом; а значение готовности в известных случаях совпадает с значением будущего времени». И также Фортунатов (Разбор 139 сл.) высказал мнение, что глаголы совершенного вида в форме наст. времени могут обозначать «готовность сочетания признака с известным субъектом как относимую говорящим к наст. времени, т. е. ту готовность . . . , которая переходит далее в действительное сочетание признака с данным субъектом». Но в латышских примерах, приведенных Ульяновым, я не нахожу такого значения: в песне *pīguļņiki . . . pazūg munu kumeteņ; ka nūķeršu, rakōršu lela ceļa mal'eņā* Вольтер Мат. 14, 21 форма *pazūg* не значит «желают украсть» (по Вольтеру) или «хотят украсть» (по Ульянову), но (как *graes. historicum*) «украли» (за эту кражу, а не за желание украсть говорящий и грозит повесить воров, когда поймает их); в песне *palidz man, tu, dieviņ! kādēļ man nepalidz?* Спр. 301, 17 *palidzēt* вовсе не имеет перфективного значения и *nepalidz* не значит «не поможешь» (по Спрогису) или «не хочешь помочь» (по Ульянову), но «не помогаешь»; в поговорке *labāk es pa-*

¹⁴⁶ Имперфективное значение приписывает таким формам также Ульянов Знач. II 145

klausuos, kâ suns rej, nekâ sliktus vârdus Трейланд Мат. II 1233 форма *paklausuos* выражает общее утверждение¹⁴⁷, имеющее значение без отношения к какому-либо субъективному времени; в песне *celis, tūna tateņ, es paceļu veteneri* Вольтер Мат. 384, II *paceļu*, на мой взгляд, не значит «сниму» (по Вольтеру) или «подниму»¹⁴⁸ (по Ульянову), но (в качестве действительного наст. времени) «снимаю» или «поднимаю» (приглашая тебя встать); в песне *rit, rit rīta rasa pa ābeļu lapiņām: tā nuorit mans mūžiņš pa ļautiņu valuodām* Трейланд нар. п. № 831 // *nuorit*, по-моему, не обозначает никакой «готовности сочетания признака с субъектом» («закатится» по Трейланду и Ульянову), но значит «закатывается» (в качестве действительного наст. времени).

В словенском, как указал Шкрабец AfslPh. XXV 554 слл., наст. время перфективных основ употребляется также как *praesens «effectivum»* («das die Handlung nicht nur bezeichnet, sondern eben durch das Aussprechen des betreffenden Verbuns zugleich vollzieht»; пример на стр. 558: *otroci, najprej vam povem, da jutri ne bo šole.* — «Als *praesens effectivum* muß auch dasjenige betrachtet werden, das einen entsprechenden materiellen Akt begleitet und formell als solchen erklärt»; пример на стр. 555: *nā, to ti dam za spomin* «das gebe ich dir zum Andenken», wenn das Geben mit diesen Worten vollzogen wird). Также в латышском известно такое употребление наст. времени перфективных основ: *bet tuo jums abiem pasaku: uz jums palaisties nevaru* LP VI 483 «но вот что я скажу (собственно: говорю) вам обоим: на вас я не могу полагаться»; *es piesaku* (в вар.: *saku*) *tev, māsiņa: negan' ceļa maliņā* BW 13383, 1 «я наказываю тебе, сестрица: не паси вдоль дороги»; *es tās šķiltaviņas tev atšķiņķuoju* LP VI 776 «я дарю тебе это огниво». Сюда, пожалуй, относится также вышеупомянутое *paceļu* из Мат. Вольтера 384, II.

Чаще, чем личные формы, длительное значение имеют причастия на (первоначальное) *-nt-*, *-dams* и *-ams* от сложных основ. К примерам, приведенным Ульяновым Знач. II 54,

¹⁴⁷ Подобный оборот мы встречаем LP VI 914: *labāk grēdžēnu zemeņ nuometu, nekā kuņam katram atduodu.*

¹⁴⁸ Как бы для подтверждения своего мнения Ульянов указывает на форму буд. времени *pacelšu* в варианте этой песни; но в другом варианте BW 3944, 2 встречается также форма прош. времени *pacēļu*.

я прибавлю еще несколько (причем замечу, что длительное значение иногда имеют также причастия тех основ, которые Ульянов называет сложными основами 2-го рода): *es šķituos izaugdama, nevienam nesariebu* BW 13209 «подрастая, я думала, что никому не досаждала»; *izaugdama kunguos gāju, izaugusi tautiņās* Трейланд нар. п. № 539 «подрастая, я ходила на барщину, а выросши — к суженому»; *kuo dziedāšu, malt iedama, kuo, nuo druvas pāriedama* (в вар.: *pār-nākdama* или *pārejuot*) BW 13, 1 «которые (песни) я буду петь, отправляясь молотить и возвращаясь с поля»; *raud meitiņa aiziedama, čaukst lapiņa nuobirdama* 13787, 1 «плачет девица, уходя, шелестит лист, опадая»; *ēs tō sava orōjeņa izaugdama naredzēju* 14223 «я своего пахаря (суженого), подрастая, не видела»; *sak' saulite nuoiedama: nu, ļautiņi, svētš vakars! sak' māmiņa nuomirdama: nu bērniņi bāreniši!* 4204 «говорит солнышко, закатываясь: // теперь, люди, преддверие праздника! говорит матушка, умирая: теперь дети сироты»; *pastaigādāmās ierauga maisu* LP VI 758 «проходящая, увидела мешок»; *lai zemīte neribēja, nuo tautām izbēguot* BW 13442 «чтобы земля не гудела, когда я буду бежать от чужан»; *man iekrita pārejuot... vainadziņš* 13596 «когда я шла через (реку), у меня упал (в реку) веночек»; *man nebija uzauguot* 14268 «подрастая, я не имела»; *zeme rib, atraišam atjājuot* 14326 «земля гудит: вдовец едет (ко мне)»; *nedzirdēju, neredzēju arājiņu izauguot* 14360 «подрастая, я своего пахаря (суженого) ни слыхала, ни видела» (или: «когда подрастал мой пахарь, я его ни слыхала, ни видела»); *apsēduos ap uozuolu, rēdzu tautas atjājam; nav tautiņas atjājušas, uozuols saka: še meitiņa!* 13377, 1 «я села под дуб, вижу, что приезжают чужане; еще не приехали чужане, как говорит дуб: вот девица»; *tuo satiku aizvēdam* 15875 «я встретил ее, когда ее увозили»; *manijs... suniti... arvienu lielāku pieaugam* LP VI 183 «видел, что собачка все подрастает»; ср. лит. *pareidams mėtinė' jis tus pinigėlius* Jurksch. 134 «beim Nachhausegehen warf er fortgesetzt die Geldstückchen»; *mēs atjodamī pēr svieta mātēm* Lesk.-Brugm. 207 «когда мы ехали сюда по свету, мы видели»; *ār dā negirdēt atjójent* 220 «не слышно ли, что он едет (за нами)».

Между тем как в только что приведенных примерах причастие обозначает более или менее продолжительное действие, во время которого происходит другое (менее продолжительное) действие или одновременно с которым совер-

шается другое (столь же продолжительное) действие, — в других (более частых) случаях причастие обозначает действие, предшествующее другому действию, обозначаемому личной формой глагола, или следующее за действием, обозначаемым личной формой глагола, или (непродолжительное) действие, одновременное с действием, обозначаемым личной формой глагола, или действие, которым так или иначе обуславливается действие, выражаемое личной формой глагола и т. д. При этом следует заметить, что так употребляются как причастия сложных, так и причастия простых основ, между тем как Ульянов Знач. II 85, по-видимому, полагает, что только причастия от недлительных (т. е. сложных) основ могут обозначать «признак как предшествующий в его возникновении другому признаку, // обозначаемому глаголом в какой-либо форме времени». а) Причастие обозначает действие предшествующее¹⁴⁹: *vecitis pār-nākdams... iestrēbs* LP VI 147 «старичок, пришедши домой, (хлебная) проглотит»; *dēlam mājā pārbraucot, viss tā atgadijās* 182 «когда сын приехал домой, все так свершилось»; *sācis taisīt, izprasīdams... tikdaudz zemes* 216 «начал строить, выпросив столько земли»; *piesmēldams... spaiņus, pats pārnesis ūdeni* 398 «наполнив ведра, сам принес воды»; *kalps, tuo nuodzirdēdams, salasījis akmeņus* 402 «батрак, услышав это, набрал камней»; *ielicis salmu kūli, par cilvēku apģērbdams* 430 «положил связку соломы, одев ее человеком»; *nuo patīles iznākdams, nuostājas* 483 «вышедши из-под моста, стал»; *apmēlwojuši mani vėl, tur alā atstādami* 489 «оклеветали еще меня, оставив там в пещере»; *lūdza tēvu, māti, sēpurīņu nuoņēmdams* (в вар.: *nuoņēmies*) BW 15062, 5 «просил отца, мать, сняв шапку»; *pateikdamies aiziet* LP VI 116 «поблагодарив, ушел»; *mājās atbraucot, tie bija... pilni* 116 «когда он приехал домой, (закромы) были полны»; *daskfīdama... pi vušķu-gonu, soka* Zb. XVIII 392 «прибежав к овчарам, сказала»; *patuoždamies, pamanijis* LP VI 13 «проснувшись, заметил». б) Причастия обозначают «признак как готовый проявиться» (ср. Ульянов Знач. II 214 слл.): *atteicis aiziedams* LP VI 148 «сказал, собираясь уйти»; *pie vėlņa aiziedams, paņēma nazi... līdz* 383

¹⁴⁹ Примеры для причастий от простых основ: *dēls, tuo visu rēdzēdams, tricēdams nuokāpa* LP VI 45 «сын, увидев все это, дрожа слез»; *tuo dzirdēdami, laupītāji nuorunāja* 245 «услышав это, разбойники сговорились».

«собираясь уйти к черту, взял с собою нож»; *paņēmuši līdz aizjādami* 477 «взяли с собою, собираясь уехать»; *izbraukdami nuolīgām* 505 «собираясь выехать, мы условились»; *aizējuot... nuovēlējuši* 589 «собираясь уйти, пожелали».

с) Причастия обозначают действие, следующее за действием, обозначаемым личной формой глагола (ср. Meltzer IF XVII 230): *nuodūris, ietīdams visus... palagā* LP VI 699 «заколол и закутал всех в простыню»; *iznāca nuo kalna laukā, uzklupdams pavāram* 702 «вышел из горы и напал на повара»; *iebraucis... puriņā... nuogrimdams* 206 «въехал в болотце и потонул»; *nuolasīja visas kājas, aizstiepdams uz mežu* 254 «собрал все ноги и унес в лес»; *atnāca atpakaļ, iekrizdams* 409 «вер-//нулся и провалился»; *atgāzies augšpēdu, galvu uzlikdams uz akmeņa* 426 «повалился навзничь и положил голову на камень»; *uzkāpa... zirgam mugurā, iejādams pili... un uzteikdams biedrus* 465 «сел на лошадь и въехал в замок, восхваляя товарищей»; *pārvēršas par... princesi, patencinādama* 487 «обратилась в царевну и поблагодарила»; *izlēca ārā, ieskriedama* 505 «выскочила и вбежала».

д) Причастие обозначает непродолжительное действие, одновременное с действием, выражаемым личной формой глагола: *nuoliek* (praes. hist.) *uz bedres malas, nuoteikdams: tas man!* LP VI 61 «ставит на край ямы и говорит: это для меня»; *es tev varu palīdzēt, vēlns saka... putnu izazuotes izņēmdams* 116 «я могу тебе помочь, говорит черт, вынимая птицу из-за пазухи»; *piedarbā ieiedams, nuoņēmis... izkapti nuo sliekšņa* 124 «входя в ригу, снял косу с порога»; *pa... vārtiem iejādami, — sievu pārņēma... bailes* 42 «въезжая в ворота, жена испугалась»; *drāž iešņākdamies... pār galvām* 49 «быстро перелетел через головы и (при этом прошипел)»; *vēja ātrumā izcirtās ugunij cauri, ... drusku tikai apsvildami* 608 «с быстротою ветра проскочили через огонь, лишь немного опалившись»; *nuomirusi sieva, atstādama mazu puisēnu* 183 «умерла жена, оставив маленького мальчика»; *sudmalīņas pagriezdams, vēlējies* 277 «(немного) покручивая (ручную) мельницу, выразил желание»; *tas nuospēra mūs' māsiņu, saulītei uzlēcuot* BW 13517 «он схватил нашу сестрицу во время солнечного восхода».

е) Причастие обозначает действие, являющееся причиной действия, выражаемого личной формой глагола: *ieduomādamies, ... turklāt uzskatīdams... , arņēmies* LP VI 123 «вспомнив, ... кроме того взглянув на ..., решил»; *nuoprazdams... ielādējis* 146 «смекнув ..., зарядил»; *pārskatīdamies... bij iekuodis* 257

«ошибившись, укусил»; *apmanidams... salasijis* 399 «поняв..., собрал»; *izbijušies, ... ieraudzidami* 443 «испугались, увидев»; *atruoduot tēvs... tā zilināja* 585 «нашедши..., отец так поколотил». f) Причастие показывает, с какою целью производится действие, выражаемое личною формою глагола: *staigā apkārt nuomaitādami* LP VI 9 «расхаживают, умерщвляя»; *atriebdamies, ņēmis* 124 «мстя, взял»; *miegu nuodzenājuot, dzied* I 103 «отгоняя сон, поет»; *taujājuši apsmēdami* VI 667 «спросили, осмеивая»; *gājis pa... mājām apkārt, ratiņus sacirzdams un sadedzinādams* 995 «ходил по усадьбам, рубя и сжигая прялки»; *iesim... pa mājām nuoklausīdamies* // 447 «будем ходить по усадьбам, подслушивая». g) Причастие обозначает самое действие, а личная форма глагола показывает, какое значение придается этому действию или какие последствия имеет оно: *aizbēgdams izmucis... suodam* LP VI 124 «убегая, он спасся от наказания»; *neprātīgs ēsuot, suņus vien sapirkdams* 696 «безумен, скупая только собак»; *ar ādu apsegdamies, bij... izglābies nuo vēlna nagiem* 238 «прикрывшись шкурою, спасся от когтей черта»; *skādi, kuo, kustuoņus sagriezdams, padarijis* 278 «убыток, который он причинил, изрезав скот»; *atkratās, neatbildēdams* 302 «отделяется, не отвечая»; *padariji lielu labumu man, manus bērnus nuo negaisa paglābdams* 468 «ты оказал мне большую услугу, спасая моих птенцов от непогоды». h) Действие, выражаемое причастием, является следствием действия, обозначаемого личною формою глагола: *gaida pārgaidīdamies* LP VI 961 «ждал и заждался»; *izmeklējušies, muļķi palikdami* 350 «искали, пока не одурели». i) Причастия на *-uot (-īt)* и *-am* употребляются в оборотах асс. (или gen.) с *sum participiū* в зависимости от глаголов со значением «видеть, слышать, ждать». К примерам, приведенным Ульяновым Знач. II 54 и 86 сл. (ср. также р. примеры на стр. 215), прибавлю еще несколько: *ieraudzijis... divus ienākam* LP VI 62 «увидев, что вошли двое»; *izdzirda... lāci... ierūcamies* 171 «услышали, что медведь заревел»; *patana vilka asti... pakustamies* 260 «заметил, что хвост волка пошевелился»; *gaidijuse... kunga... pārnākam* 319 «ждала прихода барина»; *nuogaidijis... sievu aizmiegam* 400 «дождался, что жена заснула»; *ja redz' tautas panākam* BW 13342 «если видишь, что чужане догонят тебя». Можно, пожалуй, думать, что такое употребление причастий от перфективных основ возникло на основании таких оборотов, как

выше (116¹⁴³) приведенный *puisī ieraudzījis, ka kāds sarknums ieskrien vēcā sluotā*. На возможность переноса известного синтаксического значения с личных форм глагола на формы причастия указал уже Ульянов Знач. II 88 сл., приведя пример *četri brāļi skrej apakš vienas ceļures, cits cīta neparākdami* Трейланд Мат. III 1021 «четыре брата бегут под одной шапкой, не догоня друг друга» (= не будучи в состоянии догнать друг друга; «значение возможности сочетания признака с субъектом»). Такой же перенос значения с личных форм глагола я усматриваю также в следующих примерах: *es nebiju lauka // puķe, datēkama, puoģaijama* Спр. 193 «я не полевой цветок, к которому можно подойти и сорвать»; *uz iebraucamuo vietu* LP VI 52 «на постоянный двор»; *atlaižamuos vārdus* 56 «слова, которыми отпускаются (заколдованные люди)»; *sak' tautiņas pajādamaš* (в вар.: *aizjādamaš* или *gar jādamaš*) BW 13388 «говорят чужане, проезжая мимо» (т. е. всякий раз, как проезжают мимо; значит, *pajādamaš* стоит тут вместо *kad pajāj*, где *pajāj* не обозначает действительного наст. времени). — Причастия на *-ams* встречаются в обороте пом. cum participio в зависимости от глаголов со значением «хотеть, ждать»: *gaidu tautu pieceļama* Спр. 194 «я жду, чтобы разбудили меня чужие люди»; *pūriņš nelaida, grib piederināms* 167 «приданое не пускало (спать), желая, чтобы его изготовили»; *grib Jūlite piedziedama*¹⁵⁰ BW 605 «Юлия хочет, чтобы в песнях называли ее (невестою того или другого парня)». — В некоторых случаях причастие на *-uot* стоит как бы вместо инфинитива: *grūti man kalnā kāpt, lēt' zemē nuotecēt; grūt' man bija svešu māti par māmiņu pasaucuot* Спр. 239 «тяжело мне подыматься на гору, легко спускаться вниз; тяжело мне было называть¹⁵¹ чужую мать (т. е. мачеху или же — свекровь) именем родной матушки»; *vēja māte šūpuoja, vēja māte auklēja. Gadās vēja mātei aizmieguot* (в вар.: inf. *iesnausties*). *Kuo dara žagari, nešūpuojši? Gadās žagariem nuo-*

¹⁵⁰ Как показывает уже форма муж. рода *piederināms*, Зубатый ошибся, приводя *piedziedama* (Flickvok. 18) в числе таких форм, где «die etymologische Berechtigung von -a zweifelhaft, oder abzuweisen». Ср. еще: *es teicama negribēju* BW 6877 «я не хочу быть хвалимой»; *nauda gribās skaitāma* Трейланд Мат. II 825 «деньги любят, чтоб их считали»; *tu gribies saldi sveicams, ar mut' in sirdi teicams* (Lett. geistl. Lieder u. Psalmen 1671 г.) «ты хочешь, чтобы тебя мило приветствовали и устами и сердцем хвалили».

¹⁵¹ Ульянов же (Знач. II 86) вряд ли правильно переводит: «назвав».

kalstuot. Kuo dara nazīts, nedarinājs? Gadās nazišam nuolūstuot. Kuo dara kumeliņi, nevizinājši? Gadās kumeliņiem piekūstuot. Kuo dara auziņas, nebaruojšas? Gadās auziņām nuobirstuot. Kuo dara meitiņas, nepļāvušas? Gadās meitiņas lielas aizveđuot, mazās vien pamētuot BW 2093, 1 «мать ветров качала, м. в. убаюкивала. Случается, что м. в. засыпает. Что делают сучки, не качая (птенцов синички)? Случается, что с. засыхают. Что делает ножичек, не обрезающая их? Случается, что ножичек ломается. Что // делают кони, не катая? Случается, что кони устают. Что делает овес, не откармливая? Случается, что овес осыпается. Что делают девицы, не скашивая его? Случается, что взрослых девиц увозят, оставляют только малых» (ср. к этому месту Ульянов Знач. II 86). **к**) Наконец, я должен еще указать на некоторые особенности в употреблении причастий на *-dams* от сложных основ, известные мне только из текстов и вследствие этого не вполне ясные для меня (почему и не решаюсь переводить обороты с такими причастиями). А именно, к личной форме глагола присоединяется причастие того же глагола, сложенного с *uz-*, придавая, если я не ошибаюсь, интенсивное значение (и вместе с тем, может быть, указывая, что действие производится в несколько последовательных приемов): *vēlns, pirmuo zvēlienu dabūjis — sauca* («кричал») *uzsaukdams*: «*nesviedi vairs, nesviedi! . . .*» LP VI 404; *nu sauca gan uzsaukdama*: «*suniti, kaķiti, gailiti, suniti, kaķiti, gailiti!*» 828; (*saimnieks*) *sāka saukt puisus palīgā . . . (Krišēlis) dzird: saimnieks čukurā sauc uzsaukdams* 514; *šis sauc uzsaukdams*: — *lai vēlkuot atpakaļ, — ģsuot bail!* 581; *vēlns . . . plijas* («настаивает») *uzplidamies*: «*mainisim, mainisim!*» 443; *situ knipi, uzsizdama, uz knēvera dēguniņu* BW 15206. Встречаются в таком же значении также причастия от основ, сложенных с другими префиксами: *vēlli nu min* («гадают») *atminēdamies*¹⁵², *. . . kā nekā, tā nekā* LP VI 1015; *dūrējs dur, — lai trīs Pērkuoni tuo saspeļ! Dūrējs dur durdams, — lai deviņi Pērkuoni tuo saspeļ! Dūrējs dur* («колет») *padurdams, — lai trejdeviņi Pērkuoni tuo saspeļ!* Трейланд Мат. IV 95. В последнем примере смысл всего заклинания довольно ясно указывает на значение интенсивное (а, может быть, и кратное, которое приписывает Ульянов Знач. II 6 сл. некоторым сложенным с *pa-* основам. Итак, вместо того,

¹⁵² Не исключена, впрочем, возможность, что *at-* имеет здесь такое же значение, как в *atēsties, atdzerties, atsisties, atriebties, atlit* и др. (ср. выше стр. 35); ср. выше (стр. 124) приведенный оборот *gaida pārgaidīdamies*.

чтобы считать это мнение Ульянова безусловно неправильным, как это мною сделано выше на стр. 76¹⁰⁴, я теперь склонен допустить, что относительно причастий на *-dams* Ульянов, может быть, и прав). Менее ясно для меня значение причастия, сложенного с *pa-*, // при личной форме другого глагола¹⁵³: *krōc papyrzdami* Zb. XVIII 395; *blusa l'ęca ropōksnūs*; *soka blusa palākdama* Вольтер Мат. 338; *ņeş luomu palēkdams mājās* LP VI 621 (ср. лит. *pasiszokinēdama pabēgo nō jō* Lesk.-Brugm. 174); *teļš palēkdams atpakaļ*¹⁵⁴, — *zeme vien nuoribēja* 719; *tikkuo vēlns tuo bij padzirdējis...*, *tā palēkdams uozuolā augšā*¹⁵⁴ 723; *saskrēja... palēkdami* Трейланд Мат. Доп., загад. 28 (Трейланд переводит «сбежались, подпрыгивая»); *klausīšu māmiņu patēcēdama*; *luocišu pūriņu parakstīdama* Спр. 42 (Спрогис, переводя *patēcēdama*: «со всем усердием», кажется, тоже усматривал в этой форме интенсивное значение; ср., однако, к этому месту также *Zubatý IF Anz. VIII 101²*); *tam duošu auziņas, pasi-jādama* 160; *rāmi, rāmi patapdamis, nāk par jūru Pērkuoniņis* Трейланд нар. п. № 44; *kad es nu tā paslapstīdamies tur dziuvoju* LP VI 425; *svilpuojis pasmiedamies* 389; *ar šim sluotām abi papelnīdamies ēd savu maizi* 310; *kuodis padarbuodamies... riekstus* 442. В последних двух примерах *pa-*, может быть, имеет, как часто, деминутивное значение.

Длительное значение иногда имеют также инфинитивы: *sāk princesei uzbāzties* LP I 64 «начинает привязываться к царевне»; *sācis saimniekam uzstāt* VI 49 «стал приставать к хозяину»; *kā kapu beidz aizrakt* 41 «лишь только кончили засыпать могилу»; *sāk sastāstīt briesmu lietas* 310 «начинает рассказывать страшные вещи»; *sāka... izbaktīt* 518 «начал выковыривать»; *sākuši luopus atpīt* 626 «начали распутывать скот»; *sācis... izkraut* 682 «начал выгружать»; *sāka uzplīties* 859 «начала привязываться».

§ 20. Повторяющееся неоднократно (в прошедшем или в будущем времени) действие выражается или формой

¹⁵³ [Autora eksemplārā: *pakaukdams sunīts rēja* BW 18659, 8 //]

¹⁵⁴ Как здесь, так и в других случаях наречия, заменяющие собою префиксы, могут употребляться вместо глагольной формы: *izrāva katram vēršam vienu aci un pruom uz kāzām* LP VI 385 сл. «вырвал у каждого быка по одному глазу и побежал на свадьбу»; *zaķis... kuo vien mācēja, laukam pāri un krūmuos iekšā* 410 «заяц побежал, что было мочи, через поле в кусты»; *un tā jaunākā pa duroim ārā un pie pamuļka pruom* 523 «и так младшая (дочь) выбежала в двери и убежала к глупцу»; *te uz reizi... vecene klāt* 726 «вдруг подошла старуха».

совершенного, или формою несовершенного вида. Примеры для форм совершенного вида: *vienmēr viesulis tuos aiznesis* LP VI 124 «вихрь всегда их уносил»; *blandijušās pa naktīm // un apkuodušās sērtnokšļu kuokiem virsuotnes* Б 128 «скитались по ночам и откусывали у рябин верхушки»; *vēlns padarījis tuopus slimus un labdaris tuos dziedinājis* 16 «черт насылал болезни на скот, и знахарь его лечил»; *pienesis žagarus, atnesis ūdeni, iekūris uguni* 53 «приносил хворост и воду, разводил огонь»; *graudus... viņa maz iebēruse, bet milti izbīruši liela pulka* 54 «зерен она всыпала мало, но муки высыпалось очень много»; *pa vakariem, kad sievas vēpūšas, viņš arī izgājis pie viņām istabā* 55 «по вечерам, когда женщины пряли, и он выходил к ним в комнату»; *tam varēja acis aizsiet, ir tad mājas atrada* 283 «могли ему завязать глаза, и тогда он находил дом»; *daudz precenieku gāja...; visus... nuomaitāja* 637 «приходило много женихов (в разное время)...; всех губили»; *katru nakti nuozudušas* 682 «каждую ночь пропадали»; *par dienu viņš tuos dzina, lai paši iet barību medīt, par nakti atkal sasauca rajuntā* 717 сл. «днем он их гнал самих охотой добывать корм, на ночь опять созывал под кровлю»; *kad... saimnieks rītiem tuo... pacēla, ... tad Janelis mūžam atrūca* 904 «когда хозяин по утрам его будил, Ванька всегда ворчал в ответ»; *katru nakti nuolūza zari* 951 «каждую ночь отламывались сучья»; *ik nuosēdās ēst, ik labi iepriekš sasmēķējās* 978 «всякий раз, как он садился кушать, он предварительно накуривался»; *pusnakts, tad... piebēris pilnas kabatas* 175 «каждую полночь он насыпал карманы»; *trīs reizas... parādījies* 228 «три раза показывался»; *nerēti... aizbēga... un katrreiz vakariņās pārradās* 367 «нередко убегал и всякий раз к ужину приходил обратно»; *katru akmeni atsita... atpakaļ* 403 «каждый камень он отбрасывал назад»; *ja... kur brauca, tad aizjūdza* 393 «если он хотел куда-нибудь поехать, то запрягал»; *katru sastapuo... sapluosīja* 392 «всякого встречного растерзывал»; *ikdienas... aiznesis* 587 «ежедневно уносил»; *katru reiz aiznesa* 576 «каждый раз уносила»; *arvienu iestrēbis* 476 «всегда напивался»; *ik kungs pārradās...; ik atrada visu* 486 «всякий раз, как барин возвращался домой, он находил все»; *ik svētdienas... attecēja* BW 13250 «каждое воскресенье прибегали»; *kad iziešu, pavadīsi; kad pārnākšu, sagaidīsi* 13278 «когда я буду выходить, ты меня будешь провожать; когда я буду возвращаться, ты будешь ожидать меня»; *es pārskrietu ik vakara* 15771, 4 «я каждый вечер

129 прибежал бы»; *kam, bāliņi, audzināji bērzu birzi...? // irbitēm ietecēt, vanagam lidinuot* 13425 «зачем ты, братец, растил березовую рощу? куда бы (укрываясь) вбегали рябчики, когда летает ястреб».

Примеры для форм несовершенного вида: *b'eja taidi taiki, ka zagļu vys kōra... Taj i pakōra jū* Zb. XVIII 256 сл. *byly takie czasy, że złodziei wieszali... I powiesili go; vys pa treis ūin vēži giva (... nūit tys tāws giutu vēžu, — sagiun diu ūin)* 352 «только wciąż по trzy raki łapał (... poszedł ojciec łapać raki, — złapał tylko dwa)»; *řadž, ka ūina vys taida tobū spōrnu (nūtaida ūinu feži, i ūtru, i trešu)* 433 «widzi, że jedna wciąż spuzcza prawe skrzydło (spuścita raz i drugi, i trzeci)»; *potogu kļōja, stati taišeja čiši* 284 «prześcieradło podścielał, stajnię zamykał»; *jis, kas ūin gōja, kōva žařnā (jis nūkōva sōwu tāvu i mō'i)* 344 «kto tylko szedi tamędy, on go zabijał (najpierw zabił swego ojca i matkę)»; *tur agrāk raganas dedzinātas. Reiz grībējuši sadedzināt jaunu meitu* LP VI 4 «там прежде сжигались колдуньи. Однажды хотели сжечь молодую девицу»; *buroji... grūtā nāvē miruši* 14 «колдуны умирали мучительною смертью»; (*šuo gaili pircējs... ielaidis kūti...*); *ja vēlējies..., tad laidis kūti* 60 «(этого петуха покупатель впускал в коровник); если желал..., то пускал в коровник»; *vīrs katru dienu gāja uz jūru... (Kādā dienā vīrs atkal aizgāja uz jūru...)* 299 «муж ежедневно ходил на море... (Однажды муж опять пошел на море)»; *laidis... trīs reizas tiklu iekšā (un ikreiz saplīsis)* 331 «три раза он бросал сеть в (море, и каждый раз сеть разрывалась)»; *vienādi ēsuot dzinis nuost* 430 «всегда отгонял»; *vēma tādu jipti ārā* 712 «выблевывал такой яд»; *vientmēr zaga... zirgus* 518 «всегда крали лошадей»; *kāpa kuokuos* 588 «влезал на деревья»; *Daugaviņu pāri lēca* Спр. 116 «перескакивал через Двину»; *pāri jāja arājiņi* BW 13104 «перезжали пахари».

Колебание между формами совершенного¹⁵⁵ вида заметно также в повелительном наклонении (и в формах, по значению равносильных повел. наклонению). Особенно употребительны формы несовершенного вида при отрицании, даже если запрещение относится к одному какому-либо случаю (ср. об аналогичном явлении в славянском¹⁵⁶ и армянском: Meillet *Études* I 76): *šmuku zyrgu najem! (pajem vacu!)* Zb. XVIII 308

¹⁵⁵ [Domājams, izlaisti vārdi: «и несовершенного». — Red.]

¹⁵⁶ [Autora eksemplārā: в чешском IF Anz. 19, 55 f. //]

«iadnego konia nie bierz! (weź starego!)»; *najem naudul* (pajem ūgtiś!) 348 «nie bierz pieniędzy! (bierz węgle!)»; *nakauñit maņa žarñā!* 380 «nie zabijajcie mię!»; *neplēs kuopā!* (Вольмар) // «не разорви!»; *ramācija, lai vaļā nelaiž nekuo* LP VI 889 «научил никого не отпускать»; ср. лит. *aš tavę užmušu. Sako šalna: tu manęs nemuški!* LChr. 300, 2 «я тебя убью. Говорит иней: ты меня не убивай». Встречаются, однако, также формы совершенного вида при отрицании: *džeivōj t'i i nepazarōdi ņikam!* Zb. XVIII 413 «žyj tam i nie pokazuj się nikomu!»; *neieteci* (в вар.: *neteci*) *šai cietā* BW 14000, 19 «не вбегай в эту деревню!». Ср. лит. *nenusigąsk!* Lesk.-Brugm. 261 «не испугайся!»; *pareis trys arkliūkai, ... i karcziūs ikibęs ussirabzdýk ir dē' diēwa nē nulipk!* Jurksch. 131 сл. «es werden drei Rößlein kommen, ... dann erfasse die Mähne, klettere hinauf und steige um Gotteswillen nicht ab!». — Употребление форм несовершенного вида по отношению к одному какому-либо случаю (где в греческом $\mu\eta$ сит copl. aог.) объясняется, кажется, тем, что запрещающий (или просящий не делать чего-нибудь) думает не столько о результате (запрещаемого) действия, сколько о том, чтобы это действие вообще не производилось. Но также приказывающий (или просящий) может думать не столько о результате (приказываемого) действия, сколько о том, чтобы это действие вообще было произведено, и так, кажется, объясняется весьма частое употребление в латышском и литовском форм несовершенного вида в таких случаях, где в греческом стоит imper. aoristi¹⁵⁷: *nāc ārā!* BW 5070

¹⁵⁷ Надо, впрочем, иметь также в виду то обстоятельство, что простые основы, в общем не имеющие видового значения, вообще довольно часто употребляются, как указано Ульяновым Знач. II 63 слл. и 93 слл., в таких случаях, где в русском является форма соверш. вида. Вследствие этого иногда употребляется сочетание глагольной формы с наречием, вообще имеющее видовое значение длительности, также в формах буд. и прош. времен и неопред. наклонения вместо ожидаемой формы соверш. вида: *kažuok' vilku* (в вар. *vilksu*) *mugurā* BW 1318, 1 «я надела (надену) шубу»; *div' upites pāri bridu* 15398, 3 «я перешла две речки»; *slēdzis durvis vaļā* LP VI 219 «отпер двери»; *mañi džiñi orā* Zb. XVIII 253 «мне выпедзите!»; *tur tevi bāzīs iekšā* LP VI 622 «туда тебя всунут»; *navar jīm t'ikt orā* Zb. XVIII 250 «nie mogli się wy dostać»; *nevarēju klātu kšūt* BW 13268¹, 19 «я не мог подойти»; *kā bij man pāri tikt?* 15444, 1 «как мне было переправиться?». Особенно часто это бывает, если формы буд. времени обозначают намерение: *dziš' ārā bālēlīņu* BW 3338, 1 «выгоню я братца»; *ēdis paši labāk nuost* LP VI 590 «лучше самим съесть»; *es šķeļšu vēderu pušu* 401 «распорю я брюхо»; ср. лит. *āsz dū aisiu tauk* Lesk.-Brugm. 232 «я еще выйду».

- 131 «выходи!»; *lai ļeç ārā! // leksim mēs iekšā...!* «Leksim!» *Bet tikkuo abi ielēç, ... LP I 44* «пусть он выпрыгнет! впрыгнем мы! «Впрыгнем!» Но лишь только оба впрыгнули...»; *kāpi jele zemē! (... nuokāpis nuo...)* VI 277 «слезь же! (... слез с...); *lai kaujuot titaru nuost!* 351 «пусть заколют индюка»; *celsim tagad pili un būdiņu ... dedzināsim nuost! (... uzcēluši pili un būdiņu nuodedzinājuši)* 351 «построим теперь замок и сожжем хижину! (построили з. и сожгли х.)»; *sēsties virsū uz vēzuma!* 384 «сядь на воз»; *lai kāpjūot nuo ratiem laukā* 393 «пусть он вылезет из телеги»; *dzeni... cūkas nuo... rudziem nuost!* 396 «отгони свиней от ржи»; *lai jele laižuot ārā* 402 «чтобы его выпустили»; *lai jūdzuot nuost* 411 «пусть он выпряжет»; *laidi mani vaļā!* 442 «отпусти меня»; *laižiet taču cilvēku iekšā! (... jālaiž vien jau būs! ielaiž)* 443 сл. «впускайте же человека! (нужно будет впустить! выпустили)»; *bēdzi pie laika pruojām!* 696 «убеги заблаговременно»; *kāpi zemē! tūlit kāpi!* 732 «слезь! сейчас слезь!»; *lai jele laižuot iekšā! (... ielaida)* 832 сл. «пусть их впустит! (пустила)»; *taisiet tās durvis vaļā!* 870 «отворите двери»; *kuo... atruod, lai sit nuost un vēlk mājā!* 889 «пусть убьет, кого найдет, и притащит домой»; *siti vecīti nuost!* 1022 «убей старика»; *eji tur... pie vēcā uozuola; tur vēçs vīriņš ganis... pulku cūku; duodi savas... drēbes vīriņam un vīriņa drēbes ģērbī tu mugurā!* 714 «пойди туда к старому дубу; там старичок будет пасти стадо свиней; дай свою одежду старичку и одежду старичка надень ты»; *jālien būdiņā iekšā; ielien* 310 «должен влезть в хижину; влез»; *jāsprūk pruojām! (... aizsprūk)* 343 «нужно удирать! (... удрал)»; *lai brūk vecenei virsū* 726 «чтобы напали на старуху»; *lai... kāpj ārā nuo skapja* 24 «чтобы вышла из шкафа»; *steidzies aši ārā nuo baznīcas!* 34 «поспешно выйди из церкви»; *kad atnāks balts zirgs, tad kāpi tam mugurā!* 144 «когда придет белая лошадь, сядь на нее»; *lai tūliņ eimuoç pruojām!* 150 «пусть он сейчас уйдет»; *kad viņç te brauc, lai jūdç zemē* (Вольмар) «когда он сюда приедет, пусть выпряжет»; *ņem augšā!* *ibid.* «подними»; *kurini krāsni cie[ti]!* *ibid.* «затопи печь»; *taisī duris cie!* *ibid.* «закрой двери»; *aun kājas cie!*¹⁵⁸ *ibid.* «надень обувь»; *griez apkārt, jāj pruojām!* BW 13253 «поверни, уезжай»; *pirç ārā* (в вар.: *izpirç manu*) *vaiņadziņu!* 13595, 38
- 132 «выкупи // (мой) веночек»; *nāç iekšā!* 14447 «войди»; *tiņ ōrā!* (... *jej izleida ōrā nu...*) Zb. XVIII 240 «wylaž! (... wylažla

¹⁵⁸ Это — форма несов. вида к *apaut* «обуть».

z...); *kōp nūst nu tō čepļa!* 252 «zlaž z tego pieca»; *taišī durs vaļā!* (*Attaiša jei durs*) 296 «отвори двери! (Отвара она двери)»; *naš vydā!* (*Vytkš īnaša jū vydā*) 298 «ниш до шродка! (Wilk wniōst go do šrodka)»; *dūd šur maņ atstāgys, ... a poša tiņ zam čepļa* 308 «дай ту мне ключи, а сама влез под печь»; *gulstīs iz tōpstys!* (*jis adzagutstas*) 317 «кляднй сй на топаче (он сй полозыл)»; *švišt' žamā* (infin. pro imper.)! *jej nūšviž* 350 «рзуч! — Она рзучила»; *taid maņi vydā!* 351 «пушч мя до шродка»; *kōp tiuten žamā* (... *jis nūkōpa*) 370 «zlaž zaraz na dōl! (... tamten zlaži)»; *kraun vazumu ōrā!* 384 «прzewrōc wōz». Ср. лит. *līpk žemjn!* (*Tās ir nulīpo*) Lesk.-Brugm. 224 «слезы! (Он и слез)»; *tegūt... īma lēmpa..., aina taūkan...* (*Lēmpa pāēmē..., iszējo... taūkan*) 247 «пусть возьмет лампу и выйдет... (взяла лампу и вышла)»; *sēsk ān manēs!*... (*Jis užsisēdo ān...*) 254 «сядь на меня!... (Он сел на...)»; *lēiskis in szītā szūlnj!* (... *insilēido in...*) 248 «опустись в этот колодец! (... опустился в...)». — Примеры для форм совершенного вида: *pakuodisim* LP I 16 «покушаем»; *paberzē manu... ragu!* 140 «потри мой рог»; *paperi ar... sluoitu!* 52 «попарь веником»; *pasadzied... ar māsiņām* BW 313 «попой с сестрами»; *tūlīņ tu aizteci uz kūti, pārcērti... teļam galvu..., tad tur izritēs...* *kamuols* LP VI 423 «сейчас побеги в коровник, рассеки у теленка голову, тогда оттуда выкатится клубок»; *šunakt iesēji kviešus, izaudzē, samali un izcēpi man... plāceni!* 610 «в эту ночь засеи пшеницу, вырасти, смели и испеки мне ватруху»; *ienāci, paskaties maņā dzīvuoklī!* 138 «войди, осмотришь в моем жилище»; *kā nuo pirts iznācis, apgērbies, uzsēdies un atjāji!* 143 «вышедши из бани, оденься, сядь на (коня) и приезжай»; *ielien pakaļā!* 272 «вползи в зад»; *iznesi man pūriņu!* 276 «вынеси мне пуру»¹⁵⁹; *atbraucīt niu iz maņim, ... pazavērsīt...* Zb. XVIII 238 «przyjedźcie teraz do mnie, ... zobaczycie...»; *to tu, vačēit, nūej i aļej atpakaļ, ... to jū t'a atōad, tai jis...* 240 «to ty, babko, idž i przyjdž nazad, ... to go tu przyprowadž, niech i on...»; *išōid maņ i ūtru tižeicēņu!* 241 «рзуч ми и драгā ižeczekę»; *izsit', višt'ēņa, styktu (i ej ar maņim pa čēļu) //* 242 «выбй, kurko, szybę (i pōjdž ze mņā)»; *itaidit maņi ustobā!* (там же ниже: *itaidit maņi, galleits ar višt'ēņu!*) 243 «пушчч мя до chatki» (wpušчч мя, kogutku z kurkā); *pajam tu griudeņu tab'eibys, išōid džernavōs, samat, i byuš t'eu myttu gon* 246 «wež ziarenko zboža, wrzuc do

¹⁵⁹ Пура (*pūrs*) — хлебная мера у латышей.

młynka, zmiel i będziesz miał mąki dość»; *atdūd...
 džernašėniš!* 247 «oddaj młynek»; *pašmīdynōj tu maņi
 tagad!* 251 «rozśmiesz ty mnie teraz»; *to tu maņi nūcēt nu
 čepļa i izhaš iz mugorys!* 252 «to ty mię zdejm z pieca i
 wynieś na grzbiecie»; (*ej tu,*) *nūpērc tižeiku!* 266 «(idź,) kup
 żyłek»; (*ej tu,*) *atneš mytktu... nu mīsta!* 267 «(idź,) przynieś
 mąki... z miasta»; *īlīn tu mōrkā,... nūzašatē tu... ptyks,
 īlīn pa'ī dybynā (i guli tu t'ī)!* 276 «wleź do moczuty,...
 rozbierz się do naga, wleź na samo dno (i leż tam)»; *nūkaun
 tu maņ tū vērši!* (*to myušim byuš gaļa*) 297 «zarźnij ty mi
 tego wołu»; *īnaš maņi ustobā!* 298 «wnieś mię do izby»; *pajem
 tu itō zyrga, a kai t'eu vaidžēs jū, ižej ōrā, apzagfiž treiš feižis
 iz pāda i aizšūlp, — jis atskfiš! Tūfeiž īlīn jam kairajā ausi, par
 tobū izlīn, to t'eu buyš vysys dfāb'is vara* 299 «weź tego konia,
 wiele razy będzie ci potrzebny, wyjdź, okręć się trzy razy na
 pięcie i gwizdnij, — to przyleci! Wtedy wleź mu do lewego
 ucha, prawem wyleź, to będziesz miał całe ubranie miedziane»;
atōdēt maņ tū bōriheit'i (kura var dait pi...) 306
 «przyprowadźcie mi tę sierotkę»; *izvēlc maņi nu čepļa!* (*ka tu
 maņi naizvītksi...*) 311 «wyciągnij mię z pieca»; *izkar
 pērs'ēnu!* 317 «wysuń paluszek»; *tu maņ izkufinōj čepļi, izčap
 ōnu šīdēņēnu!* 317 «ty mi wypal w piecu, upiecz jedno
 prosiątko»; *īsit tu maņ treiš feižis ar vasaī par gotvu!* 347
 «uderz mię trzy razy młotkiem po głowie»; *izcēlīt maņ
 bucu* 372 «dostańcie mi beczkę»; *pōrvēdīt maņ iz
 vīnu puši* 379 «przewieźcie mię na tamtą stronę»; *nūšīt tu
 maņ tū zyrgu, kur..., to es t'eu...* 386 «zabij ty mi tego konia,
 którego..., to ja ci...» Ср. лит. *nukēlkita sykį manę an'
 žėmes, ašz ilgiau' ne triwōju* Jurksch. 25 «hebt mich mal her-
 unter auf die Erde, ich halte es länger nicht aus»; *žmogau!
 nulipk, ne būs tau geray* 132 «Mensch, steig' ab, es wird Dir
 nicht gut sein»; *nusipirk... ir pasikiszk pó ptōszczium* Lesk-
 Brugm. 194 «купи себе... и подсунь под шинель»; *dúosiu
 ašz tāu sāvō dūkterī, tik tū māne iszvėsk isz gīrios* 199 «я дам
 тебе свою дочь, только ты меня выведи из лесу». — В не-
 которых случаях, по-видимому, употребляются безразлично
 для значения и формы соверш., и формы несоверш. вида;
 так, например, читаем: *īlīn maņ || čūkstā* (или *čukstā?*)
 Zb. XVIII 246 «wleź mi do d....» рядом с *tīn čūkstā* *ibid.*
 (ср. вышеприведенное *ielien pakaļā!*). В других же случаях
 употребляются исключительно или формы соверш. вида, или
 же формы несоверш. вида. Только формы соверш. вида

встречаются в повелит. наклонении основ (по терминологии Ульянова) «детерминативных», «суммарных» и «ингрессивных», так как эти сложные основы по своему видовому значению находятся в прямом отношении к соответствующим простым основам, не имеющим того специального значения, которое придает префиксом, посредством которого образуются только что указанные сложные основы. — Исключительно формы несоверш. вида, насколько мне известно, в латышском употребляются в повелит. наклонении сложных основ 1-го рода, если вся речь состоит из одного только императива и если этот императив не имеет при себе никакого определительного слова (определяющего направление движения или действия): *ej pruojām!* (а не *aizej!*) «уходи!, уйди!»; *nāc šurp!* (а не *atnāc!*) «иди сюда!»; *nāc iekšā!* (а не *ienāc!*) «входи!, войди!»; *ej ārā!* (или *ej laukā!*, а не *izej!*) «иди вон!»; *kāp augšā!* (а не *uzkāp!*) «влезай, влезь (наверх)!»; *lec vīrsū!* (а не *uzlec!*) «прыгай наверх! вспрыгни!»; *kāp zemē!* (а не *nuokāp!*) «слезай!, слезы!»; *lec pāri!* (а не *pārlec!*) «перескочи!»; *ej klāt!* (а не *pieej!*) «подходи!, подойди!». При дальнейших непосредственных наблюдениях над живою народною речью, вероятно, возможно будет еще точнее разграничить употребление в повелит. наклонении форм соверш. и несоверш. видов.

Подводя теперь итоги всему сказанному о видовом значении ла. глаголов, прихожу к заключению: есть глаголы без видового значения и глаголы с видовым значением. К первым принадлежат все простые основы за исключением основ, обозначающих кратность, и такие сложные основы, которые по вышеуказанным причинам приняли характер простых основ¹⁶⁰. Эти основы могут обозначать и длительное, и недлительное (законченное) действие именно благодаря отсутствию всякого видового значения. Ко второй группе относятся простые основы, обозначающие кратность, и, за исключением принявших характер простой основы, все сложные основы, которые имеют значение со-//вершенного вида¹⁶¹. Последние не могут обозначать длительности действия, и поэтому

135

¹⁶⁰ Указания на это свойство сложных основ желательно иметь в латышском словаре.

¹⁶¹ «Общее значение совершенного вида состоит в том, что все эти основы в таком их образовании обозначают законченность (приведение в исполнение) в признаке, обозначаемом простою глагольною основой». Фортунатов Разбор 90.

формы действительного наст. времени от этих основ неупотребительны, но заменяются формами соответствующих простых основ или сочетаниями соответствующей простой основы с наречием, соответствующим по значению данному префиксу. Так, например, наст. временем к *padarīt* «сделать», *nuomirt* «умереть», *nuokāpt* «слезть» являются формы *daru*, *mirstu* (*nuost*), *kāpju zemē* (никогда *nuokāpju!*)¹⁶². И формы прош. и буд. времен этих основ всегда имеют перфективное значение. Что же касается вышеприведенных немногочисленных личных форм наст. времени от этих основ с длительным значением, то относительно примеров из народных песен следует заметить, что ла. народные песни вообще представляют (отчасти благодаря требованиям размера) немало архаизмов. Если, как указано выше на стр. 19, в народных песнях глагольный префикс иногда еще занимает самостоятельное положение, являясь наречием, отделенным от соответствующей глагольной формы другими словами, то нет ничего удивительного в том, что в языке народных песен адвербиальное значение префиксов иногда сознается еще так отчетливо, что сложенные с ними глагольные основы могут еще иметь длительное значение. В современном же народном языке адвербиальное значение префиксов настолько побледнело, что для выражения длительности префиксы заменяются особыми наречиями, сочетание же глагола с префиксом делает этот глагол перфективным. Что же касается примеров из народных сказок сборника LP, то следует иметь в виду, что помещенные там тексты, конечно, не всегда являются точными записями. Чаще имеют длительное значение причастия наст. времени от сложных основ, но большинство примеров опять взято из народных песен. //

136 В некоторых случаях (в повел. наклонении и по отношению к повторяющимся действиям) употребляются, по-видимому, безразлично перфективные и имперфективные основы. Все это делает понятным, что латышу (как могу сказать по личному опыту) не всегда легко дается правильное употребление видов в русском языке, где гораздо точнее разграничены формы и употребление соверш. и несоверш. видов.

¹⁶² Формы наст. времени сложных основ 1-го рода, впрочем, могут обозначать начало действия; так, например, говорят про только что двинувшийся в путь поезд: *aiziet* «уходит».

Насколько можно судить по текстам и указаниям Куршата, о сложных основах лит. языка следует сказать приблизительно то же самое, что и о сложных основах ла. языка. Но замечательно, что в латышском замена префиксов наречиями, по-видимому, чаще, чем в литовском. Так, насколько мне известно, лит. язык не знает наречий, соответствующих ла. *cieti* (: *aiz-* «за-»), *vaļā* (: *at-* «от-, раз-») и др. И замечательно, что в ливском и эстонском языках употребляются при глаголах наречия, вполне соответствующие ла. формам. Приведу примеры из *Ehstnisch-deutsches Wörterbuch von F. Wiedemann* (2. Aufl., redig. von J. Hurt), *J. A. Sjögren's Livische Grammatik und Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch*, bearb. von F. Wiedemann:

ла. *pruojām* (*skriet*) «у(бегать)» = эст. *ära* (*jöksma; ära* «ab, weg, fort»), лив. *jera* (*júokš*).

cieti (*taisīt*) «за(крывать)» = эст. *kiñni* (*panema; kiñni* «fest, anschließend»), лив. *vizz* (*pānda; viza* «fest»).

vaļā (*taisīt*) «от(ворять)» = эст. *lahti* (*tege ma; lahti* «offen, los»).

iekšā (*nākt*) «в(ходить)» = эст. *sisse* (*tulema; sisse* «hinein» от *sizi* «Inneres»), лив. *sizol* (*tūlda*).

laukā или *ārā* (*iet*) «вы(ходить)» = эст. *wātja* (*minema; wātja* «hinaus» от *wāli* «Feld, das Freie»), лив. *ulz* (*lāed*).

augšā (*celties*) «вставать» = эст. *üles* (*tōuzma; üles* «hinauf» от *üli* «Oberes»), лив. *ulz* (*ast* «hinauf steigen»).

viršū (*likt*) «на(лагать)» = эст. *peale* (*panema; peale* «darüber, darauf»), лив. *āl* (*pānda*).

zemē (*nākt*) «с(ходить)» = эст. *maha* (*tulema; maha wōtma* «herabnehmen, herunternehmen, abziehen»; *maha* «hinab» от // *mā* «Erde»), лив. *moz* (*vedd* «herunterführen»; *moz rabb* «erschlagen»; *jālgad moz pāst* «Schuhe und Strümpfe ausziehen» = ла. *kājas zemē aut*, дословно: «разувать ноги»).

pāri (*lēkt*) «пере(прыгивать)» = эст. *üle* (*kargama; üle* «über, darüber»), лив. *ul* (*ast* «hinübersteigen»).

pišu (*raut*) «пере(рывать)» = эст. *kat'ki* (*kiskuma; kat'ki* «entzwei»), лив. *kat'ki* (*ied* «entzwei schneiden»).

klāt (*nākt*) «под(ходить)» = эст. *jūr(d)e* (*tulema; jūr(d)e* «hinzu»), лив. *jūr* (*aij* «hinzutreiben»).

kuopā (*likt*) «с(кладывать)» = эст. *kokku* (*panema; kokku* «zusammen» от *kogu* «Haufe»), лив. *kubbō* (*pānda; kub* «Haufe»).

kājā vilkt «надевать (обувь)» = эст. *jalga panema* (*jalg* «нога»), лив. *jalgo vedd*; *mugurā vilkt* «надевать (платья)» = эст. *selga panema* (*selg* «спина»), лив. *saļgo vedd*; *galvā likt* «надевать (шапку)» = эст. *pähä panema* (*pea* «голова»), лив. *pāzõ pānda*; *ruokā vilkt* «надевать (перчатки)» = эст. *kätte tõmbama* (*käzi* «рука»), лив. *kāddõ vedd*.

ruokā dabūt U «etwas Gesuchtes finden» = эст. *kätte sāma*.

Ввиду того что лит. язык имеет, по-видимому, соответствующие формы только для одной части приведенных ла. наречий, я склонен думать, что распространению указанного употребления наречий при глаголах в латышском содействовало именно влияние ливского (и эстонского) языка. Ведь ливское племя почти всецело приняло ла. национальность, и в области ла. фразеологии можно искать следов ливского (и эстонского) влияния не менее, чем в лексике и грамматике. В другом месте я надеюсь указать и другие следы ливского влияния на ла. язык. А что влияющим языком здесь был именно ливский (и эстонский), а не латышский язык, в пользу этого говорит то обстоятельство, что в финском языке, который в этом отношении вряд ли мог испытывать ла. влияние, есть соответствия почти для всех приведенных ливских и эстонских оборотов. — О влиянии же немецкого языка, который также употребляет сочетания глаголов с наречиями, я потому не хотел бы думать, что нем. язык не имеет соответствующих форм для всех указанных ла. оборотов (так для *kājā*, *ruokā*, *mugurā vilkt*). И язык прусских литовцев, не меньше латышского испытанный нем. влиянием, по-видимому, не знает столь распространенного употребления наречий при глаголах, какое мы встречаем в латышском языке. //

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ

К стр. 11. Можно еще указать на *mani dēļ* «ради меня» 141
BW 13585, 8; но ср. *puišēms dēļ* на стр. 14¹¹.

К стр. 19. Примером отделения префикса от глагольной
формы является также оборот *ar auziņu ēdēnāja* BW 14548
«израсходовала овес на корм».

К стр. 32 сл. § 5 е. Можно привести инфлянтский пример:
jei tai čiši mudfi brauča, ka sošys mōšys apdzyna
Zb. XVIII 333 «jechała tak prędko, że swoje siostry dogoniła».

К стр. 36⁴⁰. Следует, однако, указать также на форму 142
antvars, которую Ульман дает рядом с *atvars* («Wasser-
strudel»).

К стр. 45. В Ново-Пебальге, однако, я встретил простой
глагол *mit* в значении «спать»: *kad tad es miģšu?* «когда
же я буду спать?».

RECENZIJAS

HOMĒRA ODISEJAS PIEKTAIS UN SESTAIS DZIEDĀJUMS, K. MŪLENBACHA TULKOTS¹

[1893 Austrums IX 274—275]

274₂

Ir mums jāatzīst, ka «arī šī burtnīca liecina, cik jauki tulkotājs prot rīkoties ar mūsu valodu, cik koši Homēra dzeja norītinājas arī latviešu valodā. Krāšņs zieds mūsu literātūrā!» Tulkotājs tiešām, ar maz un niecīgiem izņēmumiem, izpilda, ko ievadā solījis: pieturēties pēc iespējas cieši pie oriģināla un nedarīt pāri mūsu valodai. Bet jo labāki izdevies kāds darbs, jo nepatīkamākas mums rādās tad dažas kļūdas, kas traucē labo iespaidu un kuņas taču jo viegli varētu novērst. Lai cien. tulkotājs līdzīgām vietām varētu piegriezt savu vērību, gribam te uz dažām aizrādīt. Jau ievadā saka cien. tulkotājs, ka četrzīlbu svešvārdus citādi grūti ievietot heksametrā, ja negrib akcentu pārcelt no pirmās zilbes uz otru; neba to varam noliegt, ievērojot, ka gan senāk, kā domājams, mūsu valodai bija nepastāvīgāks akcents, gan vēl tagad daži vārdi uzsverami ne uz pirmās, bet uz otras zilbes. Tomēr, uzsverot kādu svešvārdu uz otras vai trešās zilbes, ir jā rūpējas, lai priekšējais vārds, uz kuņu daktilā krīt akcents, nebūtu vis kaut kāda partikula, kuņu sarunā vai nemaz neuzsveram, bet jo stipri uzsverams vārds. Bet tulkojumā sastopam vietas, kā: «Ka Odisejam», «kā Afrodīte» etc.; cik pretīgas šādas vietas // mūsu valodas garam, nebūtu vēl jāatgādina. Bez šādas akcenta pārstatišanas cien. tulkotājs vēl izlieto otru līdzekli pie četrzīlbu vārdiem: «nokniebt» deklinācijas galotnes. Par teicamu šādu līdzekli nesauc ir pats tulkotājs, un patiesi! Mūsu deklinācijai, pamatojoties vienīgi uz šīm gala zilbēm, ir ļoti varmācīgi «nokniebt» šīs gala zilbes. Lai nu vēl ir «nokniebjam» galotnes *-a* un *-u*; bet sastopam tulkojumā «nokniebtu» ir galotni *-as* (*Pienij' zemi*)! Bet vai tad tiešām nepieciešama šāda galotņu «noknaibīšana»?

275₁

¹ [Izdots Jelgavā 1892. gadā. — Red.]

Nē! turoties vienīgi pie pirmā labākā līdzekļa (pārcelt akcentu), varam it labi kaut kuŗu heksametru ar kaut kuŗu svešvārdu pārtulkot! Par to, kā cien. tulkotājs apietas ar svešvārdiem, gribam te vēl pieminēt. Jau tulkojuma ievadā teikts: «Grieķu īpašvārdus latviešu uzvalkā tērpdami, uzlūkojam daudzkārt pie vīrišķu kārtas vārdiem nōminātīvu par vārdu pamatu»; (un kāpēc?) «pie svešvārdiem neder» (kāpēc?) «pārlietu saknes rakņāt, bet jāņem viņi tādā izskatā, kādā tie sastopami literātūrā.» (Bet ir tad vēl neiznāk no grieķu Ἰασίων — latviešiem *Jasijs*, kā lasāms V 126!) Kuŗā literātūrā? Krievu literātūrā, zināms, nē! Jeb vai, gribēdami tulkot grieķu un romnieku rakstus, lai ejam pie vāciem iepriekš aptaujāties, kā viņi apietas ar grieķu un romnieku īpašvārdiem? Bet viņi mums varētu atteikt: «Mēs tiklab kā nemaz nedeklinējam pārņemtos īpašvārdus un atstājam viņus tāpēc grieķu un romnieku valodas nōminātīvā; ja jūs ar savu pilnīgo deklinēšanu tāpat gribat darīt, tad zilbes, kas pie viņām tautām tikai galotnes, pāries pie jums pašā celmā!» Tā atraidīti, paraudzīsimies pašā grieķu un romnieku literātūrā; bet neba tur sastapsim nōminātīvu biežāki kā citus locījumus, kuŗos, nemaz «nerakņājoties» pēc saknēm, tomēr viegli noredzam pašu vārda celmu. — Tad cien. tulkotājs baidās rakstīt latvju valodā *eu* un rakstā tā vietā vienādi *ei*; bet vai tad mēs nerakstām gan savos uzvārdos *ā, ō, ū* un *ie* (un šos diftongus taču vienkāršs latvietis neprātis izrunāt!), gan arī no citām tautām pārņemtos īpašvārdos? Kāpēc tad lai grieķu *eu* vietā nerakstām *eu*? Varām gan droši apgalvot, ka mūsu Odisejas lasītāju starpā reti atradīsies kāds, kas nezina, kā jāizrunā *eu*! Un kad ar kāds šo diftongu neizrunātu, kā cieši to izrunā, tāds, man šķiet, to rasi izrunātu vēl pareizāki, jo domājams, ka senie grieķi paši izrunājuši *eu* ne kā vācu *eu*, bet kā *ev*. — Gana uzskatāmi kā īpašvārdi arī pie grieķiem personificēto dabas parādīšanos vārdi kā, piemēram, vēju vārdi; Mūlenbacha kgs viņus arī tāpēc nav tulkojis. Bet vai tad, teikdami *rītenis, plūdenis* utt., mēs viņos arī nevaram iedomāties personas? — Epitetus atrodam vispār krietni tulkotus, bet kā pie Homēra atrodam arvienu πολύτλας ὄτις Ὀδυσσεύς, tā gribēdami tulkojumā redzēt atkārtojamies arvienu to pašu epitetu; bet πολύτλας vietā atrodam gan *daudzcieša*, gan *daudzciētējs*, gan arī *daudzciētušais*.

Lai te seko beidzot vēl kādi sīkumi. — Mūlenbacha kgs raksta arvienu, piemēram, *Apolons*, kur taču mums jādzird *Apollons*; kad mēs rakstām *Anna* un *allaž, elle*, kam tad lai nerakstām arī *Apollons*? V 32. p. lasām: *viņš nedz no dieviem*

etc.; te varēja labāk teikt *viņš ne no*, tad mums nebūtu vienā // daktilā trīs gaņas jo gaņas zilbes, kuņas turklāt katra savs vārds.

Mūlenbacha kgs teic *papeles*; gan mūsu *apse* apzīmē īsteni tikai *Populus tremula*, bet, lai izvairītos no svešvārda, varam gan visas sugas *Populus* dzimtā tulkot *apse* (arī tauta runā, piemēram, *Vāczemes apse*). — Neveikli vārdu *šitas* izlietotu redzam V 329. p.: *ušņas pa rudeņa laiku, un šitās saķeras kopā*. — Putnu αἰθυίη atrodam tulkotu *ūdeņa vista*; var jau būt, ka kādā apgabalā runā ļaudis tā, bet man šķiet, ka šis vārds pārņemts iz vācu valodas (*Wasserhuhn*); latviski varētum tai vietā teikt it labi *gārlaka* jeb *gaigale*. — VI 68. p. lasām: *zirgēzeļus, mans bērns, nedz citu ko, liedzu es tevim*; neieskatoties oriģinālā, būtu jādomā, ka tas tikdaudz kā: *tik zirgēzeļus es tev liedzu, bet citu neko*; te aba nedrīkst iesākumā nolaist pirmo *nedz*. — Beigās pieminēsim vēl šo: tulkojumā atrodam diezgan daudz ne vispār pazīstamu vārdu; mēs par to visai priecājamies, jo der ar iepazīties ar mātes valodu visā viņas kuplumā. Bet kad lasijām, piemēram, VI 29. p. *iliņa brāzma*, vaļsirdīgi jāatzīstas, bez oriģināla palīdzības nebūtu sapratuši vārdu nozīmi. Lūdzam tāpēc cien. tulkoņtāju pielikt svešākiem vārdiem tulkojumus, šie rasi būtu vēl vajadzīgāki nekā izskaidrojumi, kas tāds *Ceiss, Apollons* un citi.

J. Cilvēks

DAŽI JAUTĀJUMI PAR LATVIEŠU VALODU,
K. MŪLENBACHA IZSKAIDROTI. III

Apgādājusi RLB Derīgu grāmatu nodaļa. Rīgā 1902

[1902 Pēterburgas Avižu Literāriskais Pielikums
Nr. 84, 666—667]

Mūlenbachs te sakopojis divpadsmit jau «Austrumā» iespīestus apcerējūmus, kuŗu virsraksti: Par latviešu paruņām, Rātns liecinieks, Zinība un zinātne, Vidūtājība un tiešamība, Vācu rakstnieku kļūdas latviešu valodā, Apozīcijas ģenitīvs, Ģenitīvs pie infīnītīva jeb supīna, Par daudzskaitļa ģenitīvu, Par satīksmes vārdiem, Par satīksmes vārdū *pēc*. Visi šie apcerējūmi ir no jauna iespīesti gandrīz vecajā veidā, lai gan autors par vienu un otru lietu tagad citādi spriež nekā senāki; tā, piem., Mūlenbachs senāki uzskatīja formu *pēdis* kā instrumentāli no *pēda*, bet tagad raksta «Par satīksmes vārdū *pēc*» beigās atzīst par pareīzu manu aizrādījūmu, ka *pēdis* var būt cēlies tikai no nōminātīva *pēds*. Bet ar to viss apcerējūms uz 90. un 91. lpp., kur lasāmas autora senākās, tagad viņa pašā atmestās domas par *pēdis*, zaudē savu nozīmi un velti kavē lasītāju; tāpēc jānožēlo, ka tādi gabali vēl pavisam atstāti šai jaunā izdevumā. — Minēšu te dažas lietas, kuŗās neesmu ar autoru vienis prātis. Piektā lpp. lasām: «Ka mājas kustoņus senos laikos latvieši izlietojuši naudas vietā, to pierāda vispirms vārds *nauda*, leišu valodā *naudà* «manta», «labums», senvācu *nōz* «lops». Tātad mūsu vārds *nauda* senāk gan apzīmējis lopu.» Ka senlatvieši izlietojuši lopus naudas vietā, tas viss var būt; tikai vārds *nauda* to nekādi nepierāda. Kā leišulatiešu *nauda*, tā senvācu *nōz* ir atvasinājūmi no verbu saknes; šis verbs ir vēl paglābies ģermāņu valodās: gotu *niutan* un vācu *genießen* «baudīt». No šī verba atvasinātais lietvārds būs laikam vispirms apzīmējis, kā vēl tagad leišu *naudà*, «labumu», «mantu»; tālāki varēja senvācu valodā tad attīstīties nozīme «derīgs kustonis», «mājlops» un latviešu valodā tagadējā nozīme — «nauda»; nekas nerāda, ka mūsu vārds *nauda* senāki

666₂

būtu lopu apzīmējis. Turklāt lasām tālāk: «Lopu lielo svaru seno latviešu dzīvē pierāda arī teiciens *parādus piedzīt. parāds* atvasināts no *parādīt. parāds* apzīmēja gan senatnē lopu, kuŗu parādnieks parādīja parāda devējam kā nākamam maksu. Šo parādīto // lopu, «parādu», parāda devējs tad pēcāk vārda īstā nozīmē «piedzina» savam ganāmam pulkām.» Vispirms, teiciens *parādus piedzīt* laikam gan ir patapināts no vācu valodas (*die Schuld betreiben*); un tad arī citādi Mūlenbacha izskaidrojums neapmierina. Kad kādam ir lops, ar ko maksāt, tad otrs neapmierināsies ar šī lopa redzējumu, bet gribēs to tūliņ sev līdzī ņemt. Vārdu *parāds* izskaidrojot, it sevišķi jāievēro vecu vecais teiciens *parādā būt*: būs laikam bijušas parāda devējam kādas (zināms, ne rakstītas zīmes) parāda zīmes (birkas), ar kuŗām tas varēja savas tiesības «parādīt». — Jānoskumst par to, ko lasām 8. lpp.: «*pulkstenis* ir īsts latviešu vārds no svešurienes ienākušajam priekšmetam; *pulkstenis* apzīmē pulku stenētāju; šis vārds labi pieder tagad parastajiem pulksteņiem.» Kad Kreilis vai Krauza būtu tādu izskaidrojumu devuši, nebūtu par to ne ko brīnīties, ne ko uztraukties; bet kad Mūlenbachs pasniedz tādu izskaidrojumu, tad viens un otrs to noticēs ar — un alosies. «Pulkštiņņi» jau Mancelim ir pazīstami, bet vārds *pulka* laikam tikai jaunākā laikā ieguvis adverba dabu, jo adverba *pulka* nesastopam ne Manceļa rakstos, ne (cik zinu) vēlākā literatūrā; pat tagad tas vēl nav lāgā ieviesies rakstu valodā. Ka tauta pati jau Manceļa laikā neuzlūkoja pulksteni kā lielu stenētāju, to rāda Manceļa lietotā forma «Pulkštiņņi» ar vokāli *i* otrā zīlbe (pulksteņi ar pendeli taisni Manceļa laikā vēl tik ir izgudroti), un Valmieras apgalā un citur tāpat vēl saka *pulkstinc*. Un kā vēl tagad, tā jau Mancelim «Pulkštiņņi» nozīmē zvanus, bet vai gan zvanus kāds varēs sev iedomāties kā «stenētājus»? Šī vārda līdzskanis *k* var būt arī vēlāk ieviesies, kā daudz citos vārdos, piemēram, vārdā *rieksts* = leišu *riešutas*. Visu to ievērojot, jādomā, ka šo vārdu esam patapinājuši no ģermāņu valodām; oriģināla forma man acumirkli nav pazīstama, bet tomēr minēšu te formu, kas varētu novest uz īstām pēdām: lejasvācu valodā ir vārds *puls* (kas savukārt ir cēlies no latīņu *pulsus*) ar nozīmi «zvanīšana». Varam domāt, ka vārdā *pul(k)stenis*, tāpat kā vārdā *skurstenis*, beidzamā daļa ir vācu vārds *Stein* «akmens» (*Schorn-stein* «skurstenis»); te kultūras vēsture varētu dot vēl kādus paskaidrojumus. — Pavisam nepareizi Mūlenbachs māca 27. lpp., ka *vairs* nav izlietojams apstipri-

nāmos teikumos un ka nepareizs esot Deglava teikums *tikai nātras un nezāles vairs siltajā saulguozi*. Kā kurzemnieks Deglavs, tāpat runā arī Valmieras apgabalā, un es nezinu pat, kā minēto Deglava teikumu varētu citādi (bez *vairs*) izteikt. Zināms, tādā teikumā *es te vēl palikšu* neviens nedomās *vēl* vietā likt *vairs*, jo *vēl* nav tas, kas *vairs*; pēc vārdiem *tikai* un *vien* latvietis tulkotu vācu *noch* «vēl» ar vārdu *vairs* apstiprināmos teikumos; un tādā vārda *vairs* izlietošanā nedrīkst arī meklēt vācu valodas iespaidu. Nevaru atzīt arī par pareizām Mūlenbacha domas, ka *vairs* (no senāka *vairis*) un Manceļa *labis* «labāk» esot daudzskaitļa instrumentāli. Jo tad būtu neizprotams, kā šīs formas ieguvušas komparatīva nozīmi (Mūlenbacha aizrādījums uz leišu teicieniem, kā *geryn eiti* «labumā iet», «labāks tapt», // neko nepaskaidro, jo leišu *geryn* taču nav instrumentālis.) Arī prūšu *tālis* jeb *tāls* «tālāk» nevar instrumentālis būt, jo prūšu valodā diftongs *ai* gala zilbēs nav saīsināts par *i*, kā latviešu valodā, un tā arī daudzskaitļa instrumentālim prūšu valodā vēl ir diftongs galotnē: *sen swaieis* «ar saviem» (tikai te pēc *j ai* pārvērties par *ei*). Visu to ievērojot, nešaubos apgalvot, ka *vairs* un Manceļa *labis* ir tādi paši veci komparatīvi kā prūšu *tālis*, *tāls* «tālāk», latīņu *magis* «vairāk», gotu *hauhis* «augstāk» u. c. (sal. Bernekera Preußische Sprache 211). — Supīna forma (*nāc ēstu, iesim skrietus*) nemaz nav tik panikusi, kā būtu jādomā pēc Mūlenbacha vārdiem 66. lpp.; lielā Vidzemes daļā supīnu vēl tagad atšķir no infinitīva (*nāc ēstu, gribu ēst*), un tāpēc nav jākautrējas arī rakstu valodā supīnu lietot, ja kas savā dzimtenē ar to apradis. — Velti Mūlenbachs kaŗo (79. lpp.) pret *univerzītāti* jeb *universitāti* (pat vēsturi mēs viltojot, tā runādami!); *univerzītēte* ir tīrais ģermānisma auglis; ja nu vēl tauta būtu sen un pilnīgi ar šādu formu apradusi, tad viņa būtu arī jāatstāj, bet to nebūt nevar teikt (nemācīts zemnieks pat tagad vēl pareizi neizrunās šo vārdu). Kad nu tagad rakstnieki ievēd latviešu valodā šo jēdzienu, kāpēc lai tad neņem vārdu šim jēdzienam no pirmavota, no latīņu valodas, un tur dabūjam formu *universitāte* (*s*, ne *z*, runā arī krievi šai vārdā), un pret to nav ko iebilst. — Nav iemesla domāt ar Mūlenbachu (81. lpp.), ka teicienos, kā *dziedāsim nuo uošiem, nuo kļaviem* prepozīcija *nuo* iespiedusies ar vācu valodas talku; kā vācu valodā līdzīgā nozīmē lieto *von* un *über*, tā arī latviešu valodā bez sveša iespaida *nuo* varēja kļūt pie nozīmes, kas ir prepozīcijai *par*. — Kā redzams, tikai nedaudz lietiņās neesmu varējis

Mūlenbacha domām pievienoties, par citu visu varu tikai labu teikt. Mūlenbachs raksta vieglā valodā un populāri, tā ka viņa raksti saprotami katram daudz maz izglītotam cilvēkam. Un pamācību tur var smelties lielā mērā katrs, kas latviski raksta un runā. Vēlēsimies tad un cerēsim, ka šo grāmatu daudz lasītu! Mēs, latvieši, nedzīvojam valodas ziņā tik laimīgos apstākļos kā senie grieķi: to valoda varēja attīstīties neatkarīga no svešiem iespaidiem, jo citu («barbaru») tautu valodas tie neprata un nevēlējās prast. Par to tad arī viņu dzejai tāds formu daiļums, ka līdz šim vēl nav pārspēts. Mēs, latvieši, turpretim no mazām dienām mācāmies, var teikt, tikai svešas valodas; augstākās skolās iedami, tikai retumis dabūjam dzirdēt nebojātu tautas valodu. Nav arī tādu gramatiku, no kuŗām varētu daudz vairāk mācīties nekā galotnes, kuŗas pa lielākai daļai paši zinām. Un avīzēs un grāmatās, kuŗas lasām, valoda pilna dažādu ģermānismu un slavismu. Bet iet pie tautas atdzīvināt savu skolā nomāktu valodas apziņu, tas katram nav iespējams. Te nu valodnieki var būt par vidiniekiem. Nopietns valodnieks pats no sevis nediktē nekādus likumus; tas tikai novēro, kā tauta runā, izraugās to, kas ieder rakstu valodā, un pasniedz to citiem.

EDVARDS B. TEILORS, ANTROPOLOĢIJA.

No angļu valodas tulkojis Fricis Dobelis

Rīgā 1902. g. Apgādājusi RLB Derīgu grāmatu nodaļa

[1902 Pēterburgas Avīžu Literāriskais Pielikums
Nr. 68, 539—540]

Sās grāmatas lasīšanai nevajaga daudz iepriekšēju zināšanu: tā ir saprotama plašām lasītāju aprindām; bet arī vairāk izglītotiem lasītājiem varu to ieteikt. Gan autora uzskati šur un tur nesaskan ar zinātnes jaunākiem pētījumiem, sevišķi valodniecībā, bet tas attiecas vairāk uz mazāk svarīgiem sīkumiem, kuŗu nepareizība visas grāmatas vērtību sevišķi nemazina. Mans uzdevums arī nav paša Teilora darbu kritizēt, bet aplūkot, kā tulkotājs savu darbu izdarījis. Par tulkojuma valodu jāliecina, ka tā vispāri ir pietiekoši laba: tulkotājs ir acīm redzot rūpīgi savu uzdevumu lūkojis izdarīt. Minēšu te dažas nepareizības tikai tāpēc, lai turpmāk viens un otrs varētu no tām izvairīties. Vairākkārt sastopam neveiklas participu formas no refleksiīviem laikvārdiem¹, piemēram: *tiem vajag būt cēlušiemies no vieniem senčiem* 14. lpp.; *attiecošais burts* 166. lpp.; ļoti viegli varēja izvairīties no tādām formām, sakot tai vietā apmēram: *tie katrā ziņā* (jeb: *bez šaubām*) *ir cēlušies no vieniem senčiem*; un: *attiecīgais burts*. — Nebojātā tautas valodā sastopam ģenitīvu tikai pie retiēm adjektīviem, it sevišķi pie *pilns* (piem., *koki pilni rasas*), bet mūsu laikos daudz rakstnieki nevīžo latviski domāt un raksta pavisam nelatviski par *rožu sārziem vaigiem, ledus aukstiem viļņiem, sniega baltiem matiem* un citas līdzīgas aplamības. Arī Fr. Dobeļa kgs nav gluži izsargājies no tādām kļūdām, rakstīdams, piem., *purna veidīgi uz priekšu izstieptos žokļus* 8. lpp.; *cilvēka mugurkauls ir gulbja kakla veidīgi izliekts* 43. lpp.; tai vietā bija jāsaka *purnveidīgi* (kā arī pats tulkotājs raksta 63. lpp.; vēl labāki būtu pirmā vietā rakstīt: *purna veidā uz priekšu izst. ž.*); *cilvēka mugurkauls ir gulbja kaklam līdzīgi*

¹ [laikvārds šai rakstā lietots ar nozīmi «verbs». — Red.]

izliekts. Arī citus ģermānismus gadās sastapt. Latvieši domā nevis *pie kā*, bet *par ko*, un tāpēc ir nepareizi teikts: *lai tikai domājam pie bērnu valodas* 116. lpp. — Ir jāsaka *angļu galvai izgatavoto cepuru aploks* un nevis *priekš angļu galvas izgat. cep. aploks* 8. lpp. Prepozīciju *priekš* der tikai laika nozīmē lietot (*priekš Kristus dzimšanas*), citur tā ir nepaciešams ģermānisms. Laikvārdu *pieņemt* latvieši īsti nelieto tāda nozīmē, kādā tulkotājs to bieži lieto, piem., *mūs spiež pieņemt, ka tās un tās tautas cēlušās no kopējiem senčiem* 14. lpp. Manāms arī krievu valodas iespaids: latviski saka *pamazām*. nevis *maz-pamazām* 7. lpp. Krievu, bet ne latviešu gramatika attaisno teikumu: *ebreju, feniķiešu un nuo Ninives ķīļu rakstiem izburtoā asiriešu valodas* 16. lpp.; daudzskaitlis *valodas* ir te latvietim ļoti piedauzīgs. Krieviski domājot, ir radusies arī beidzamā laikā stipri izplatīta konstrukcija, kādu sastopam, piem., 154. lpp.: *cik vienkāršas arī nebūtu ķīniešu un siamiešu valodas, viņas ne domāt nav uzskatāmas par pirmatnējām* (līdzīgi teikumi 158. un 171. lpp.); latviski te teiktu: *lai cik vienkāršas (būtu) ķīniešu un siamiešu valodas, viņas* utt. Pareizi raksta arī pats // tulkotājs, piem., *lai kā būdams, nenoliedzams tas* 117. lpp., un nevis *kā arī nebūtu* u. c. — Cilvēks var nevis *piedot* (kā lasām 121. lpp.), bet *dot tam pašam vārdam dažādas nozīmes*. — Nezinu, kāpēc atstāts bez tulkojuma angļu teksts dažādu burtu salīdzinājumā 166. lappusē? — Kāds pārpratums ir laikam pie tam vainīgs, ka tulkotājs pazīstamo sanskritu viscauri dēvē par sanskritu valodu; tā, piem., lasām: *salīdzinādami sanskritu*, t. i., *senejo* (kāpēc ne *seno*?) *Indijas bramaņu* (jārūnā un jāraksta *brachmaņi*, nevis *bramaņi*) *valodu ar grieķu un latiņu valodām* 15. lpp.; jeb: *sanskritu un zendu valodu* 16. lpp. u. c. Lietu labāki nepārzinādams, katrs lasītājs nodomās, ka par «sanskritiem» saukti senie Indijas «bramaņi»; bet patiesībā tādi «sanskriti» nekad nav dzīvojuši. Bija un ir vēl tagad tikai sanskrits jeb sanskrita valoda. Lieta ir tāda: kā citas valodas, tā arī indiešu valoda ir ar laiku stipri grozījusi savu pirmatnējo veidu; jau priekš Kristus dzimšanas vienkāršie indieši nevarēja vairs saprast to veco valodu, kādā sacerētas tā saucamās «vēdas» (garīgu himnu krājumi); tās bija saprotamas tikai brachmaņiem (priesteru kārtai), kas arī savā starpā nelietoja vis vienkāršās tautas izlokšņi, bet runāja vēl daudz maz līdzīgi vēdu valodai. Lai aizsargātu šo brachmaņu sarunu valodu pret tautas izlokšņu iespaidu, gramatiķis Pānini sastādījis gramatiku izglī-

toto un literātūras valodai, un šo gramatikas likumiem nokār-
toto valodu nu sauca par «sanskritu» (= sataisīts, izveidots).
Tāpat arī nav jārunā par «zendu» valodu: zends jeb zenda
valoda saucas seno baktriešu valoda, kas tuvu rada seno per-
siešu valodai. — Ieminēšos arī par dažiem ortografijas jautā-
jumiem. Vārdus *vergs*, *gards*, *bargs* mēdz rakstīt ar *h*², un tā
arī mūsu tulkojumā lasām «irehrqi», bet gaŗu patskani šos trīs
vārdos esmu dzirdējis tikai Kurzemes tānnieku izloksnēs (ši
vārda plašākā nozīmē); Vidzemes un Kurzemes vidus izloksnēs,
uz kuŗām pamatojas mūsu rakstu valoda, esmu šos trīs vārdus
līdz šim tik ar īsu patskani dzirdējis, un tāpēc pareizāki tos
rakstīt bez gaŗuma zīmes *h*. Svešvārdus tulkotājs vispāri pa-
reizi ir rakstījis, tikai *ch* un *eu* tas nav viscauri konsekventi lie-
tojis. Bez *ch* mēs nu nevaram svešvārdos iztikt un, kad to nu
reiz lieto, tad tas jālieto visur, izņemot, zināms, sen ieviestos
vārdus, kā, piem., *Kristus* u. c. Tulkotājs tāpēc pareizi rakstījis:
«Blumenbachs»; «Archangele»; bet citur bez vajadzības redzam
ch atmestu, kā, piem., *arķeoloģija*. Grieķu *eu* tulkotājs pareizi
paturējis vārdā *Ceuss*, bet citur velti raksta *ei*, piem., *Eiklids*;
grieķi savu *eu* nav vis izrunājuši kā vāci savu *eu*, bet gandrīz
kā *ev* jeb kā mēs runājam vārdus *tev*, *sev* (izrunā: *teu*, *seu*),
un tāpēc nav mums ne mazākā iemesla sabojāt grieķu vārdus
ar *eu*, rakstot tos ar *ei*. — Tulkotājs runā gan par «feniķie-
šiem», gan par «feniciešiem», pat vienā lappusē ir abas formas;
pirmavots šim vārdam mums meklējams grieķu valodā, kur tā
celms skan *phoinik*; ja mēs gribam tuvināties grieķu izrunai,
tad mums jārunā par *foiniķiešiem*, bet ja gribam pieslieties
latīņu valodas izrunai vidus laikos, tad runāsim par fenicie-
šiem (tikai «feniķieši» nekā neiznāk). — Tulkotājs oriģinālu
nav vienkārši tulkojis, bet to zināmā // mērā pārstrādājis, iepī-
dams savas paša piezīmes par latviešu valodu un dažus citus
paskaidrojumus. Beidzamiē būs lasītāju vairumam īsti node-
rīgi; tikai daži no tiem nav gluži pareizi: 33. lpp. Herodotam
pielikta piezīme: «vecākais sengrieķu vēsturnieks, ap 500. gadu
priekš Kristus»; un 165. lpp. Tacitam: «Romiešu vēsturnieks ap
54. pēc Kristus». Būtu lasītājam jādomā, ka Herodots ap
500. pr. Kr. un Tacits ap 54. p. Kr. ir bijuši savos vīra gados;
patiesībā viņi ir tad dzimuši. Bet lielākas aplamības atrodam
tulkotāja piezīmēs par latviešu valodu, piem.: «letu valodu
grupa, pie kuŗas pieder senletu (būtu jāsakā *senprūšu*) valoda

540,

² [Toreizējā rakstībā *h* apzīmē iepriekšējā patskaņa gaŗumu. — Red.]

un tagadējās leišu un latviešu valodas» 16. lpp.; «tas pats celms *gen* (kas iekš latīņu *ingenium*) slēpjas latviešu vārdā *dzimt, dzimta*» (šiem latviešu vārdiem nav nekāda sakara ar sakni *gen*) 124. lpp.; un 148. lappusē tulkotājs saved sakarā pat mūsu *svētīt* ar sanskrita formu *svastaye!* (nepareizības pierādījums lietpratējiem būtu lieks, un citus tas neinteresētu). Labi saprotu tulkotāja vēlēšanos padarīt lasītājiem lietu interesantāku ar aizrādījumiem uz latviešu valodu, tikai nedrīkst iedomāties, ka var nodarboties ar valodu salīdzināšanu bez iepriekšējas sagatavošanās; citādi tūliņ nokļūst uz neceliem. Pārmetumu izpelnījusies arī Derīgu grāmatu nodaļas rakstu komisija, ka tā nav strīpojusi minētās tulkotāja piezīmes; ja arī pašā komisijā nav neviena lietpratēja, tomēr taj Fr. Dobeļa kgs nebija pazīstams kā valodnieks, kas drīkstētu no sevis tādas piezīmes piespraust.

Beigās jāpiemin kāda nepatīkama drukas kļūda; 168. lappusē lasām: «angļu valodā vairs netiek lietoti burti *d* un *p*». Burti *d* un *p* angļu valodā vēl tagad, zināms, ir lietojami, bet netiek vairs lietoti 2 citi burti, kuŗu forma daudz maz atgādina *d* un *p* un kuŗi noderēja *th* skaņu apzīmēšanai.

ROKAS GRĀMATA TAGADĒJĀ LATVIEŠU VALODAS PAREIZRAKSTĪBĀ

Sastādījis R. Cukurs. Valmierā 1901.

[1902 Pēterburgas Avīžu Literāriskais Pielikums Nr. 73,
579—580]

Nenokārtota un grūti nokārtojama lieta ir mūsu pareiz- 579,
rakstība. Cik man gadījies redzēt, lielākā daļa no mūsu jaunās
un izglītotās paaudzes turas pie Zinību komisijas ortografijas,
un dažs labs ir palicis pie vecās ortografijas tikai tāpēc, ka tā
tam bieži jālieto drukāšanai nolemtos rakstos, jo divās orto-
grafijās grūti rakstīt. Vairāk draugu vēl būtu laikam jaunajai
ortografijai, ja tā apzīmētu patskaņu gaļumu; sakars vien daž-
reiz nerāda, kā jālasa vārdi, kas izšķiras viens no otra tikai
vokāļa kvantitatē, piem., *radīt* un *rādīt*; un kā lai vēl izzina
vokāļa gaļumu lasītājam nepazīstamos vārdos! Iedomāsimies
tikai Raiņa tulkojumus Zinību komisijas ortografijā! Tāpēc ir
ļoti jāvēlas, lai Zinību komisija papildinātu savu ortografiju,
ievedot patskaņu gaļumu apzīmēšanai sevišķu zīmi (varbūt
akūtu *ˊ*, kuŗu tā izlieto čechi); tad tā taptu derīgāka gan zināt-
nei, gan sadzīvei un būtu arī vieglāk izplatāma tautā. Vācieši,
kas mums atveduši gotu burtus, tagad paši arvienu vairāk pie-
griežas latīņu burtiem (zinātniskos žurnālos man gadījies tikai
latīņu burtus redzēt); būtu laiks arī mums kā citur, tā arī
ortografijā emancipēties no ģermānisma vāžām. Tagad, skolās
visiem krievu valodu mācoties, latīņu burti ir arī vieglāk
ievedami nekā senāki, jo daži no krievu burtiem ir gluži
līdzīgi latīņu burtiem. Var tāpēc cerēt uz laikiem, kad jauno
ortografiju sastaps arī citur kā «Balss» un «Baltijas Vēstneša»
dzejološos un vēstulniekā. Bet drīzumā tas jau nu nenotiks, un
tāpēc rakstnieka cilvēkam vēl arvienu jāmacās vecā ortogra-
fija, un tā Cukura grāmatiņu dažs labs apsveiks ar prieku.
Jo pareizi rakstīt nav vis, kā autors izteicas 5. lpp., «tā rakstīt,
ka lasītājs to pašu izlasītu, ko rakstītājs gribējis uzrakstīt»;

kad Cukura k^{gm} kāds skolnieks uzrakstītu ma^š žini^hš ga^hh^š Ie^lu me^šumu, Cukura k^{gs} tad tur nedrīkstētu nekādu kļūdu atrast, jo katrs, droši vien, to pašu izlasītu, ko šis skolnieks gribējis uzrakstīt. Patiesībā veco ortogrāfiju pareizi rakstīt ir — tā rakstīt, kā raksta mūsu avīžu vairums, un šī pareizrakstība ir diezgan nejēdzīga un, protams, tad arī pagrūta; tur cilvēkam nelīdz ne gramatikas prašana, ne vesels prāts. Kad runājam šis sievas šķis, tad šī teikuma pirmā un beidzamā vārdā dzirdams viens un tas pats ga^šais i, un būtu jādomā, ka abos vārdos šis i arī vienādi jāraksta, bet kas to dos! Mūs māca, nezinu kāpēc, ka esot jāraksta ūh^šis, turpretim ūh^ših^š ar h (nu bērniem tiek ko mācīties); ņemsim savienojumus ūh^šis vi^hrs un ūh^š ņema, te vārdā ūh^šis i ir īss, vārdā ūh^š — ga^šš, bet mūs māca, ka abos vārdos i vienādi rakstāms. Runājam manām māsām ar to pašu ga^šo a abu vārdu galotnēs, bet jāraksta esot manām ma^šam; pagātnes formās staigājām un // dziedājām abās ir gluži tā pati galotne, bet jāraksta esot katrs vārds savādi: ūtaigajām un d^šedajām! Lai tad nu vēl kāds saka, ka mums, latviešiem, vienkārša ortogrāfija. Un kāpēc īsti tik dažādi rakstīt? Uz to atbild autors 5. lpp.: «Taupi rakstot laiku un telpu!» Burtu h izlaižot, var telpas ietaupīt, bet, vienu vai otru akcenta zīmi atmetot, telpu ziņā neko nemantojam. Un laika arī ar to nevar ietaupīt, jo uz kādu acumirkli vienumēr jāapstājas pārdomājot, vai, piem., formai ūtaigajām akcenta zīme vajadzīga jeb ne, un pa to laiku var katrs arī akcentu uzlikt. Pie vārdiem ar galotni -it var pat pārpratumi celties, kad neapzīmē beigu vokāļa kvantitāti; valmierieši, piem., var formas tihrijam, ūvanijam u. c. uzlūkot tikai par pagātnes formām, jo tagadnes formas viņu izloksnē skan tīrām, zvanām; turpretim Bīlensteina gramatikā šie vārdi pieder pie astotās klases (tagadne: tihrijam, ūvanijam). Laika un telpu taupīšana nedrīkst pavisam ortogrāfijas galvenais princips būt; kad sāktum rakstīt mehš na^šfm, lasītājs arī gluži labi izlasītu to: mēs nākam, bet ortogrāfiju nedrīkst pārvērst par stenogrāfiju.

Mums jācenšas ne tikai pareizi rakstīt, bet arī pareizi runāt; kas savu tēvu valodu necienī un nerūpējas par viņas tīrību, tas nevar arī krietns patriots būt. Mūsu valodai dažādas izloksnes; tāmiņkus un augšzemniekus dažkārt pat grūti saprast, un, kad kāds no tiem grib piesavināties pareizo izrunu (tas ir, vidējo izlokšņu izrunu), kā to lai izdara? Skolās tas nenotiek (skolotāji paši no dažādiem apvidiem, un retais no tiem ir pats krietns valodas pratējs); daudz, ja tur iemācās pareizās galotnes; tur varētu palīdzēt tikai pareizrakstība,

vidus izloksnēs tikai ar īsu *a* infinītīvā dzirdējis, un tāpēc tas rakstāms bez *h*, tad to nevarēs arī samaisīt ar citu verbu *aizkārt* «занавешивать». Vārds *apiņi* laikam cēlies no vācu *Hopfen* un tāpēc nav rakstāms ar diviem *p*. Vārdu *bārda* dažās izloksnēs izrunā *bārzda*, bet pareizāki rakstīt tikai *baŗrda*; *bārzda* īsteni ir tas pats vārds, kas krievu *борода* «vaga», un senlatviešu valodā vārdam *bārzda* būs arī laikam tā pati nozīme bijusi, kas minētam krievu vārdam; ar laiku abi vārdi ir samaisīti, kā tagad izloksnē samaisa verbus *kāst* un *kārst*, un beigās «vagas» nozīme vārdam *bārzda* zudusi. Vārdi *bargs*, *gards*, *vergs*, kā jau citur esmu teicis, rakstāmi pēc normālās izrunas bez *h*, kā jau mūsu rakstu valodas nodibinātājs Mancelis raksta («gharrdu», «barrghe» «Wärrgji»). Vārdu *dzeņauksta* (ap Valmieru *dzeņauska*) nav iemesla ar *g* rakstīt, jo Cukura dotais izskaidrojums «dzīt augsti» ir neiespējams. Varu tikai pieslieties autoram, kad tas māca (41. lpp.) rakstīt svešvārdus tā, kā tos izrunā, lai tie būtu ņemti no kādas valodas. Tikai tie, kas no ģermānisma nav vēl atsvabinājušies, vēl raksta vācu vārdus ar vācu ortografiju; tikai krievu ortografijā tiem nu gan gribot negribot jāiztiek bez saviem *ie* un *čf*. Tāpat autors labi māca paturēt svešvārdos burtus *ž*, *h*, *čj*, *ü*, *ö*, jo tie katrs apzīmē savu skaņu (nevis kā *ie* un *čf* tos pašus *i* un *k*) un ir tāpēc vajadzīgi. Labas sekmes Cukura rokasgrāmatai!

KR. BARONS UN H. VISENDORFS, LATVJU DAINAS. II.
PĒTERBURGĀ 1903.

[1904 Austrums VII 553—557 un 1935 Ceļi VI 40—46]

Laimīgs liktenis lemts mūsu tautasdziesmām: laikā vēl, 553,
daudz čaklām rokām piedaloties, tās tika uzrakstītas un no- (40)
kļuva Kr. Barona rokās, kas tās ņēmās kārtot un drukai
sagatavot. Šis Barona mūža darbs būs visai latviešu tautai
un viņam pašam — monumentum aere perennius. Un kad šim
milzu krājumam vajadzēja izdevēja, radās vīrs ar devīgu roku,
H. Visendorfs, kas saprata Latvju dainu lielo nozīmi un no-
drošināja viņu iznākšanu. Sākot no šī otra sējuma, izdošanu
uzņēmusies Ķeizariskā Zinātņu akadēmija. Gods un slava
izdevējiem!

Par Latvju dainām recenzentam būtu daudz ko teikt; es te
gribu apcerēt tikai divus jautājumus — kā Barons izdarījis
savu redaktora darbu un cik noderīgas Latvju dainas var būt
valodnieku pētījumiem. Tam nolūkam mums vispirms jāiepaz-
stas ar to materiālu, kas bija nodots Baronam. — Tautas-
dziesmas var būt ļoti svarīgas valodniekiem; to skaidri atzinis
jau Brīvēznieks (Pagalma 1881. g. 204. lpp.), kas visvairāk
mudinājis uz tautasdziesmu krāšanu. Bet nav man zināms, ka
krājējiem kaut kad būtu piekodināts uzrakstīt dziesmas skaņu
pa skaņai no tautas mutes, bez jebkādiem pārgrozījumiem, un
daudz maz pietiekošā ortografijā. Un taču citādi uzrakstītas
tautasdziesmas daudz zaudē no savas nozīmes valodniecībā!
Ja gribēja va-//lodnieku prasījumus ievērot, tad, zināms, bija 553,
dziesmās jāatstāj arī visas izlokšnes for-//mas; bet, ja gluži (41)
nemaldos, tad esmu kaut kur lasījis uzaicinājumu uzrakstīt
dziesmu rakstu valodā. Un tā tad pa lielākai daļai arī ir
noticis; pats Barons par to I sējuma ievadā (XIV lpp.) raksta:
«Dziesmu uzrakstītāji dialektus, ja maz, tad visai pavisai,
nepilnīgi un nekonsekvēnti ievērojuši. Viņu lielākā daļa pat no
vidiem, kur valda it noteikta savāda izlokšne, uzrakstījuši
dziesmas mūsu rakstu valodā ar retām izlokšņu piedevām.»
Ja uzrakstītāji būtu izlokšnes formas viscauri pareizi tul-

kojuši rakstu valodā, tad nelaiمة vēl nebūtu visai liela; tādi teksti tad gan nederētu skaņu mācībai, bet gan teikumam un arī formu mācībai un arī vārdnīcu sastādītājiem. Īstenībā, kā jau Barons izteicies, daudz uzrakstītāji, labāki neprazdami, ir jaukuši rakstu valodu ar izlokšnes formām. Minēšu te kādus piemērus. 7570. dziesmas ceturtais variants skan: *audz, māšiņa, dar' pūriņu, par vietīņu nebēdāji; es dīveri audzināju kā pelēku vanadziņu*¹. Šī dziesma cēlusies no Litenes, kur runā augšzemnieku izlokšni, bet uzrakstīta vispāri tīrā rakstu valodā; tikai vārds *dīveris* rakstu valodai svešs, un tai vietā lasām citos variantos par *dieveri* (vīra brāli). Varētu jau nu būt, ka blakus formai *dieveris* pastāv forma *dīveris*; tādā gadījumā 554, paši litenieši izrunātu *deivērs*, jo viņi, // līdz ar citiem augšzemniekiem, rakstu valodas *ī* pārvērš par *ei*. (Pats vēl neesmu Litenē bijis.) Bet pareizāki gan būs domāt, ka arī litenieši (kas, kā visi augšzemnieki, rakstu valodas *ie* pārvērš par *ī*) runā *dīvērs* (= *dieveris*); uzrakstītājs laikam nebūs rakstu valodas formu *dieveris* pazinis un būs atstājis formu *dīveri* netulkotu (pazīstamā formā *vietīņu* tas turpretim augšzemnieku *ī* vietā ielicis *ie*). 9232. dz. 16. variantā (no Kaldabruņām), kas citādi tulkots rakstu valodā, sastopam ērnotu formu «no-merku»; patiesībā tāda forma nekur nav lietojama: rakstu valodā šī forma skan *nuomirku*, un Kaldabruņās runā, cik varu spriest, *nūmerku* (augšzemnieku izlokšnēs rakstu valodas *uo* pārvērties par *ū* un stiepti un krītoši izrunāts *ir* līdzskaņu priekšā par *er*, mazākais dažās izlokšnēs). Augšzemnieku izlokšnēs platais *e* (*ē*) un *ē* (*ē*) pārvēršas par tīru *a* un *ā*; turpretim rakstu valodas *a* šaurā patskaņu un mikstināto līdzskaņu priekšā pāriet platā *e* (*ē*). Dažās dziesmās ir šādas izlokšņu formas paturētas, bet cits viss tulkots rakstu valodā: piem., 8334. dziesmā (no Lazdonas) lasām formu *pālājiņš* (= *pēlājiņš*), 11088. dz. (no Sērpils) formu *etslēdziņa* (= *atslēdziņa*). Dažreiz vienā dziesmā tā pati galotne dažādi apstrādāta; Vidzemes vidienē pazīstama dēminūtivu galotne *-ic*, ģenit. *-ina* (vīr. k.), *-ina* (siev. k.), un kur šo galotni lieto, tur tautai rakstu valodas galotne *-iņš*, *-iņa* nav pazīstama. Bet 9102. dziesma (no Skujenes) skan: *kad naudiņas man // pietrūka, kad labā kumeliņa?* (42)

¹ [Pirmpublicējumā šis piemērs tāpat kā viss teksts iespiests frakturā, piedēķļos patskaņu garuma apzīmējuma (*h*) parasti trūkst; taču, piem., vārdi «nebēdāji, audzināju, peleku» laikam lasāmi ar parasto garumu piedēķļi (kā noprotams pēc autora tālākā teksta), tāpēc garumzīme transliterējot pievienota. — Red.]

dievīts (jālasa: *dievič*) *manim naudu deva, laime labu kumelīņu*. Paši skujenieši saka tikai *naudīnas, kumelīna, kumelīnu*. Cits atkal gan gribējis šo izlokšnes formu tekstā atstāt, bet nepareizi rakstījis: 12248. dziesmā (no Ēveles) lasām formu *padomīns*, bet ēvelieši runā tikai *paduomīc*. Mīkstinātais *r* ir vairs tikai rietumu izlokšnēs pazīstams, bet senāk tas bijis visās izlokšnēs, un tā tas arī rakstu valodā paturēts. Dažs uzrakstītājs, pats šo // mīkstināto *r* nerunādams un uzrakstot arī nedzirdēdams, gribējis tomēr rakstīt *r* pa rakstu valodai un ir dažkārt kļūdījies. Tā, piem., 9809., 1. dz. 12. variantā (no Vīciema) un 10577. dz. 11. variantā (no Dzimts-Garozes) lasām ģenitīvu *puŗa* (= *purva*); mīkstinātu *r* nepazīst ne Vīciemā, ne Garozē, un minētā vārdā *r* rakstīt ir kļūda: *pur(v)s* ir tīrs *a*-celms, un ģenitīva *puŗa* nekur nedzirdēs. Ar šiem piemēriem pietiks; tie gaiši rāda, cik uzmanīgam jābūt valodniekam, Latvju dainas lietojot. Arī dziesmas no rakstu valodas apgabala nav vienmēr pareizi uzrakstītas. Liela daļa dziesmu iesūtīta no tautskolotājiem, bet tie nav paši visas dziesmas uzrakstījuši, bet ņēmuši skolniekus palīgā. Un paraugu, kā tāds skolnieks uzraksta, pasniedz L. Bērziņš (Sēta, Daba, Pasaule VIII 28): «Meitās puiŗchuŗ apŗudŗeŗa Ŷelgavā Ŷupardantam puiŗchi nu ruŗnajaŗ Ŷo meŗŗ nu dariŗim eeŗim meŗŗ maŗŗŗemi tur meŗŗ meitās apŗudŗŗeŗim tur teem liŗa puŗpaŗ malt puŗŗŗirnamu muŗŗgura.» Ja nu skolotājs ortografiski pārraksta šādu tekstu, tad tas citādi tam viegli izdarāms; tikai teikumā *iesim mŗŗ Vāczemi* ir gramatikas kļūda, un te nu varētu teikt *iesim mŗŗ uz Vāczemi* vai arī *iesim mŗŗ Vāczemŗ*. Ja skolotājs nav uzrakstītāju laikā noprasiŗjis, kā īsti tā vieta lasāma, tad vēlāk viņŗ pats uz savu galvu kļūdu izlabo, bet tāds teksts nav vairs īsts tautasdziesmas teksts. Un tādā kārtā, raksta Bērziņŗ, sakrāta ļoti ievērojama daļa tautasdziesmu. Citreiz atkal pats uzrakstītājs «pārlabojis» vienu un otru tam neparastu izteicienu; pats Bērziņŗ atzīstas (30. lpp.), ka tas savas krāŗeŗa darbības sākumā pantu *pie kundŗiŗa namadur'* pārtaisīŗjis par *pie kundŗiŗa namdurim* (vēl citus uzrakstītāju «pārlabojumus» piemin Bērziņŗ turpat 29. lpp.). Ka uzrakstītāji paŗi Ŷo to «laboŗuŗi», to tie paŗi, zināms, nemŗdz piezīmŗt; tikai viens no tiem (kā redzam no Barona piezīmes 8381. dziesmas beigās) pats palieŗlijies, ka tas uzrakstītās dziesmas palaikam pats «pārlabojis» (tās tad nu Latvju dainās // nav uzņemtas). Kā zināms, tautasdziesmas nav tikai «labotas» vien, bet pat pilnīgi izdomātas; kāds kungs par tautasdziesmu viltoŗanu pat Konversācijas vārdnīcā iekļuvīŗ. Barons nu gan stipri sargāŗies no tādu vil-

554₂555₁

(43) tojumu uzņemšanas, bet Bērziņam taisnība, kad tas saka (30. lpp.), ka veikli viltotāji var mūs piekrāpt. Ļoti // ievērojams arī tas, ko Bērziņš (turpat) saka par pašu tautasdziesmu teicēju dažādo labumu. — Kas tad nu redaktoram bija jādara ar tādiem tekstiem? Pašam vēl kas «jālabo»? Jāatstāj viss, kā bijis. Un ar prieku redzam, ka Barons ar īsta filologa taktu izdarījis savu uzdevumu, it neko negrozīdams. Tikai tā izdotas, Latvju dainas varēja derēt valodnieku pētījumiem. Bet te varbūt dažs jautās — kā tad valodnieki var paļauties uz tekstiem, no kuņiem liela daļa nav pareizi uzrakstīta? Akli paļauties, zināms, nevar; visur asa kritika jāpieliek, un ar daudzo variantu palīdzību palaikam var droši noteikt, kas nācis no pašas tautas mutes, kas ne. Pie retām formām, kur variantu trūkst, katrā gadījumā sevišķi jāizspriež, uz vispārējām valodas zināšanām pamatojoties, kas var būt pareizs, kas kļūda. Te vēl jāpiemin, ka palikušas arī dažas drukas kļūdas nelabotas, par ko pie tāda milzu darba nav ko brīnīties (citādi korektūra ar lielu rūpību izdarīta), piem., 6680. dz. 1. rindā «nāca» (jālasa *māca*), 6699. dz. 11. var. 3. rindā «atpaļ» (jāl. *atpakaļ*), 12951. dz. 5. var. 2. rindā «pusi» (jāl. *puisi*), 11456. dz. 2. rindā «kaistaka» (jāl. *skaistāka*) u. c. Un jādomā, ka vēl palikušas dažas drukas kļūdas (piem., skaitļos), kuņas lasītājs pats nekā nevar izlabot. Tātad jāuzmanās! Vismazāk, kā redzams, Latvju dainas valodnieks var izmantot skaņu mācībai un dialektu pētīšanai, totiesu jo vairāk sintaksiskai un formu mācībai un vārdu krājumam. Te vēl dažus vārdus par to, kādā mērā Latvju dainas noder izlokšņu pētīšanai. Vispirms jāpiemin, ka tautasdziesmu valoda ne katrreiz identiska ar tagadējo satiksmes 555, valodu: tau-//tasdziesmās ritums nereti paglabā vecas formas un konstrukcijas, kas citādi vairs nav lietojamas; tikai gluži nesaprotamas formas arī ritums nespēj glābt. Otrkārt, tautasdziesmās ļoti bieži vārdu beigās rituma dēļ parādās dažādi papildu vokāļi, kuņiem nav itin nekādas etimoloģiskas nozīmes (kā pareizi izteicies Pogodins Tautas Apgaismošanas Ministrijas Žurnāla² šā gada marta burtnīcā); piem., 8499. dz. variantos formas *stāv* vietā lasām *stāva*, *stāve*, *stāvi*. Cittautu valodnieki dažkārt kļūdījušies, domādami, ka tādas formas tiešām tautas valodā lietojamas. Tad vēl jāievēro, vietu reģistru lietojot, ka kāda dziesma var gan būt zināmā draudzē uzrakstīta, bet no tādas teicējas, kas minētā draudzē nav dzimusi, bet ienākusi no citurienes; tādi gadījumi no uzrakstītājiem tikai

² [= ЖМНП. — Red.]

retumis ir piezīmēti. — Svarīgs jautājums redaktoram bija ortografija. Visi iesūtītāji, protams, nebija pie vienas ortografijas turējušies; jādama, ka liela daļa dziesmu bija uzrakstīta «vienkāršajā» Rīgas advokātu izgudrotā ortografijā, kas pat neizšķīr gaŗus vokāļus no īsiem. Barons nu ir labi darījis, pārceldams tādus tek-//stus parastajā ortografijā, kas apzīmē (44) gaŗumu vismaz sakņu zīlbēs. Ka pie tam dažas kļūdas notikušas, par to vaina nav jāuzkrauj Baronam, bet Rīgas advokātu ortografijai un tiem, kas viņā rakstījuši. Lieta tā, ka Barons katreiz nevarēja zināt, kur rakstāms gaŗš vokālis, kur īss; Barons prātīgi darījis, tādus nedrošos gadījumos rakstīdams īsu vokāli. Tikai krājēju reģistrā vajadzēja īsi piezīmēt, kādā ortografijā katrs krājējs rakstījis; to varētu vēl nākošā sējumā izdarīt. Te minēšu dažus gadījumus, kur nepareizi stāv īss vokālis, kā jādama, tāpēc ka uzrakstītājs nav vispār gaŗuma apzīmējis. 10888. dz. 1. rinda skan *tumu, tumu, ne tik tāļu* (no Lēdurgas; dziesma iesūtīta Zinību komisijai!); varu droši teikt, ka tāda vārda *tumu* (= *tuvu*) nav, bija jāraksta *tūmu* (dziesma acīm redzot bijusi uzrakstīta Rīgas advokātu ortografijā, un Barons // formu *tūmu*, kas lietojama Vidzemes vidienē, nav pazinis un tāpēc atstājis «tumu»). Savienojumi *er* un *ar* konsonantu priekšā daudz izloksnēs pārvērtušies par *ēr* un *ār*; nepareizi lasām 12176. dz. 1. rindā *necertat* (no Dunalkas un Cīravas; tur runā tikai *nečērtat*), 9920., 1. dz. 5. variantā *neperkama* (no Cesvaines; turienes izloksne prasa gaŗa vokāļa), 8931., 1. dz. 4. variantā *cerpj* (no Nītaures; jālasa *cērpj*), 6143., 6. dz. (no Ēdoles) un 6179., 5. dz. (no Gaviezes) *berzu* (jālasa *bērzu* = *es berzu* rakstu valodā), 8463. dz. 4. variantā (no Cesvaines) *perties* (jālasa *pērties*). Te atkal meklējama uzrakstītāju vaina, kas rakstījuši «vienkārši» bez gaŗuma apzīmēšanas. Gaŗums Latvju dainās apzīmēts, kā jau parastajā ortografijā, tikai sakņu zīlbēs; būtu nu gan ļoti labi bijis arī galotnēs viscauri gaŗumu apzīmēt, bet kad paši uzrakstītāji to nebija darījuši, tad, zināms, Barons to pats nevarēja un nedrīkstēja darīt, jo šai ziņā dažādās izloksnes stipri atšķīras cita no citas, un pat valodniekam būtu grūti bijis galotnēs gaŗumu viscauri pareizi apzīmēt, ja tas nav ar katru izloksni labi iepazinies. Burtus Barons piepaturējis tos pašus gotu, un tikai dažus austrumu izloksnēs uzrakstītus tekstus tas nodrukājis pilnīgākā ortografijā ar latīņu burtiem. Man nu gan būtu patīcis viscauri redzēt latīņu burtus; tādu lasītāju, kas latīņu burtus nepazīst, Latvju dainām nebūs. Bet burti ir sānu lieta; galvenais ir tas,

556

- (43) ka var daudz maz pareizi lasīt, un šai ziņā vecā ortografija ir daudz labāka par Rīgas advokātu ortografiju. Labi būtu arī bijis, ja būtu apzīmēts gaŗo vokāļu un diftongu dažāda akcents³; pie vārdu izskaidrošanas ļoti vajadzīgs zināt, ar kādu akcentu tos izrunā. Tā, piem., Bīlensteins kādā vietā apgalvo,
- (45) ka verbs *list* (= *lidumu taisīt*) esot tas pats, kas *list* (= *salicis iet pa kādu spraugu*); tāds apgalvojums pats par sevi nav visai asprātīgs, bet viņa aplamību gluži skai-//dri var pierādīt tikai ar akcentu palīdzību. Vidzemes vidienē pirmo verbu izrunā // ar lauztu akcentu, otru ar krītošu, un tas rāda, ka abi verbi nav viens otram rada. Brīvēmnieks savā krājumā arī apzīmējis akcentu, bet Barons tomēr pareizāki darījis, akcentu vispāri neapzīmēdams. Jo kad paši uzrakstītāji nav akcentu apzīmējuši, tad izdevējs nevar zināt, kāds kuŗam vārdam akcents. Vienkārt, dažiem vārdiem nav visur vienāds akcents; tā, piem., verbu *iet* Vidzemes vidienē izrunā ar lauztu akcentu, rietumos ar stieptu. Otrkārt, pati akcentu sistēma mainās dažādās izloksnēs; Vidzemes vidienē izšķir vēl trejādu akcentu: stieptu (*trauks*), krītošu (*draugs*), lauztu (*raugs*). Bet Kurzemes un Vidzemes rietumos lauzto akcentu vairs neizšķir no krītošā (un izrunā *draugs* un *raugs* vienādi), un austrumu izloksnēs neizšķir stiepto akcentu no krītošā (un izrunā *trauks* un *draugs* vienādi). Tikai tos tekstos, kas iespiesti ar latīņu burtiem, akcents pa daļai apzīmēts, bet ne visur pareizi. Šo tekstu izloksnes neatšķir stiepto akcentu no krītošā, bet pazīst tik divus akcentus: krītošu un lauztu. Bet Latvju dainās te vokāļi ar krītošu akcentu apzīmēti tāpat kā vokāļi ar lauzto akcentu un citādi kā vokāļi ar stiepto akcentu. Tā, piem., 5873., 3. dz. (no Lazdonas) *lūdžu* apzīmēts ar akūtu, *sēj* ar gravi (Lazdonā abiem vārdiem krītošais akcents), 6168., 13. dz. (no Lazdonas) *trīs* («3»), *klāt*, *vārdus* visi apzīmēti ar akūtu (Lazdonā divi pirmos vārdus izrunā ar lauzto akcentu, beidzamā ar krītošu) utt. Citur turpretim akcents pareizi apzīmēts; tā, piem., 12287., 1. dz. (no Līvāniem) *tōrpiņš* (= *tārpīņš*; ar krītošu akcentu) apzīmēts ar gravi, *dāls* (= *dēls*; ar lauztu akcentu) ar akūtu. Jādomā, ka tikai daži no šādu dziesmu iesūtītājiem paši (un tā tad pareizi) apzīmējuši akcentu; citos tekstos būs laikam Barons (kas pats no Kurzemes rietumiem) pats apzīmējis akcentu pēc savas akcentu sistēmas (tā tad nepareizi), nezinādam, ka austrumu izloksnēm sava akcentu sistēma. Par šo
- 557, jautājumu Baronam vajadzētu nākošā sējumā dot kā-//dus pa-

³ [Vārds *akcents* šai rakstā lietots ar nozīmi «intonācija». — Red.]

skaidrojumus. — Interpunkciju Barons, kā jādoma, pats visur būs nokārtojis, un tas arī bija viņa pienākums; tikai dažās vietās nepareiza interpunkcija. Tā, piem., 6088. dz. variantā lasām *reti tāda meit' izauga, kā māmiņi* (datīva forma), *es izaugu*; te pēc *māmiņi* nedrīkst nekāda interpunkcija būt. 6479., 7. dz. skan: *zied* (imperatīvs) *puķīte, krūmu riet, šķiet man ilgu dzīvošanu. nezied'* (III persona, tātad arī apostrofs lieks), *puķe, nerieš krūma, nav man ilgas dzīvošanas*. Te pēc *zied* vajaga kommatu likt, pēc *nezied* kommatš nedrīkstēja būt. — Ar Barona kārtošanas principu (pēc satura, pašu cilvēku par pamatu liekot) var tikai vienis prātis būt. Nereti tad pati // vieta vien, kur ievietota kāda dziesma, paskaidro šās dziesmas nozīmi; tā, piem., dziesmas par zvēriem un putniem ievietotas aukļu un bērnu dziesmu nodaļā (I sējumā), jeb, piem., 11111. dziesma

(46)

es aizgāju irbu šaut
 smalkā priežu siliņā.
 kuru šaut, kur' atstāt,
 visām skaisti cekuliņi?

pareizi ievietota puīšu dziesmās (tas rāda, ka te runa par līgaviņas lūkošanu). Ļoti vēlams būtu, ka Baronam būtu iespējams izdevuma beigās pielikt apmēram tādu satura rādītāju, kādu izstrādājis Lerchis-Puškaitis savam pasaku krājumam.

Barons, kā redzams, četrpindus dziesmas vispāri uzlūko par vecākām kā dziesmas ar vairāk rindām. Lai nu ar' tā būtu, bet dažreiz tomēr par patstāvīgām uzskatītas dziesmas, kas gan laikam ir tikai gaŗāku dziesmu fragmenti, tā, piem., 11246. dziesma:

kurzemniece man suolija
 sav' meitiņu malējiņu;
 suolit suola, bet nedeva,
 kairināti kairināja.

Tā nu mums Barons atdod tautas dzejas ziedus, kas tam bija uzticēti, krāšņā vaiņagā savitus. To jaukumus var baudīt visa tauta, un latviešu zinātnei Latvju dainas nepie//ciešamas. Līdz šim tās izmantojuši tikai valodnieki, bet studēt tās derēja arī mūsu dzejniekiem; beidzamā laikā gan viena daļa kritiķu apgalvo, ka mūsu laika cilvēkam tautasdziesmas vairs nekā nēsniēdot. Un tāpēc tad sarakstīti veseli apcerējumi jeb «studijas» pat par otras šķiras dzejniekiem; palaikam tur nu gan maz domu iekšā, bet interese tomēr ir rādīta. Turpretim par mūsu tautas gara mantām līdz šim nav radusies vēl neviena

557₂

ВОЗВРАТНАЯ ФОРМА ГЛАГОЛОВ В ЛИТОВСКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Исследование В. К. Поржезинского, Москва, 1903.

[1904 Изв. IX 2, 376—388 un atseviškā novilkumā 1—13]

Из предисловия узнаем, что автор «взял на себе задачу» 376 (1)
пересмотреть в ряде специальных монографий, по мере возможности, все вопросы в области спряжения глаголов в балтийских языках. Намерение — хорошее; спрашивается, однако, достаточно ли подготовлен автор для успешного выполнения такой задачи? Разбор его сочинения принуждает меня дать отрицательный ответ на этот вопрос. Оказывается, что г. Поржезинский столь мало знаком с балтийскими языками, что считает возвратными иногда даже формы невозвратные! На один пример (*nektausydamis* стр. 47) уже указал Вольтер в своей рецензии (Журн. Совета Спб. Университета); но есть и другие примеры. На стр. 35 приводится из литовского катехизиса 1547 г. форма *part. praes. atlākqsis*; форма эта сама по себе может быть возвратною. но текст (*asch essmi panas, diewas tawa, macznas, kiersztaięsis, atlākqsis piktenibes tięwu ant sunu... ir darqsis milaschir digiste*) показывает, что *atlākqsis* (как и *kiersztaięsis* и *darqsis*) — определенная (не возвратная) форма причастия А в следующих случаях и в формальном отношении нельзя думать о возвратной форме: *gimes* стр. 47 = *nom. s. masc. gen. part. praet. gimes* (у Поржезинского за *gimes* следует цифра 25, но следует читать 11, 22: контроль работы затрудняется непростительно большим количеством опечаток¹. Поржезинский принял форму *gimes* за возвратную форму *verbi finiti* = **gimės*, вероятно, потому, что в тексте ей предшествует *verbum finitum prasideiase* и следует *kientheia*, но возвратного глагола **giņtis* не знаем, и *part. praet.* в балтий-

¹ Опечатки источников своих выписок г. Поржезинский преспокойно (вероятно, не замечая их) оставляет без поправок, напр. *biejdas* 73, *riedziejesim* 76 и др.

ских языках употребляется также в значении *verbi finiti*), пом. pl. fem. gen. part. // praet. *subëgusës* стр. 41 (это диалектическая форма вместо литературной формы *subëgusios*², как *medinës* рядом с *medinios*, ср. Kurschat Gr. § 777 и § 790), пом. s. masc. gen. part. fut. *búsios* стр. 48 < *búsiqs* вместо литературной формы *búses* (ср. Bezenberger BB XXVI 179 и Konsewicz Lit. Mitt. II 257; здесь на стр. 419 и встречается форма *búsios*, а не в материалах Вольтера, как неверно сказано у Поржезинского), пом. s. masc. gen. part. praet. *sakuodis* стр. 69, III praes. *nesader* стр. 75, III fut. *klaudzës* стр. 77, пом. s. masc. gen. part. praes. pass. *tyüdzams*³ стр. 69 вместо литературной формы *lúdzams* (а Поржезинский, вероятно, руководствуясь польским свободным переводом «*prosimy się*», переводит эту форму «мы просим» и прибавляет от себя «в своих интересах», считая, очевидно, ее возвратною формою I pl. praes. Непонятно только, почему г. Поржезинский не объясняет происхождения такой странной формы; а что он мог бы ее объяснить, в том не сомневаюсь после славного объяснения, данного им же в Сборнике статей, посвященных Ф. Ф. Фортунатову, стр. 613, для несуществующих, к сожалению, форм voc. s. *aiti*, *māmi*, *māsi*⁴. Форма *tyüdzams* представляет собою, однако, как уже сказано, только пом. s. part. praes. pass. «просимый» и употребляется⁵ в значении русского «пожалуйста»). До сих пор мы имели дело если и не с возвратными, так по крайней мере с действительно глагольными формами, а на стр. 81 приводится в качестве возвратной глагольной формы даже наречие *turiejż* «тогда» (вместо литературной формы *tuorëiz*; в польском переводе верно «*wtedy*»)!

Можно написать отличные исследования в области морфологии того или другого языка, даже не вполне владея данным языком; нужна только способность к верному формальному анализу этого языка. А чтобы успешно взяться за синтаксические исследования, необходимо проникнуть в дух

² Ср. формы Довконта *buwuses*, *nudiluses* (Wiener SB CVIII 368; ср. там же 369 пом. pl. *żmones*, *duszes*).

³ Форма эта стоит, впрочем, на стр. 477, а не 479, как неверно сказано у Поржезинского.

⁴ В действительности встречаются только формы (с долгим *i* в конце) *aiti*, *māmi*, *māsi*, о чем г. Поржезинский мог бы догадаться хотя бы по Bielenstein LSpr. II 406.

⁵ Подобно говорится и в литовском, напр. *brölytël! meldziams likis namie* «Brüderchen! bitte, bleibe zu Haus» Jurksch. 89.

языка. Если же оказывается, что // г. Поржезинский, взявший на себя задачу установить значение различных форм возвратного залога в балтийских языках, еще не различает даже наречия от глагольной формы, то ничего хорошего и ждать нельзя от всего его исследования. И поэтому я и не писал бы никакой рецензии (особенно после того как уже Соболевский высказался про эту диссертацию Поржезинского, что содержание ее «более, чем скромно», ЖМНПр. 349, 160), если бы мне при этом не представился удобный случай как для сообщения нового материала, так и для нового освещения части имеющегося материала (при этом о недостатках разбираемой книги, указанных уже Соболевским и Вольтером, в общем говорить не буду).

От автора, «взявшего на себя задачу» пересмотреть в ряде специальных монографий все вопросы в области спряжения, читатели вправе ждать всестороннего исследования. Итак, для успешного выполнения этой задачи автору следовало пользоваться всеми источниками и пособиями и, ввиду того что разные литовские и латышские говоры еще вовсе не исследованы, самому на месте ознакомиться с балтийскими говорами. Посмотрим, насколько г. Поржезинский исполнил эти требования. Из списка источников, данного самим автором, узнаем, что для литовского языка он пользовался если и не всеми, но довольно многими источниками. Для латышского же языка указаны только грамматические сочинения Беценбергера и Биленштейна и сборники Уляновской, Спрогиса и Трейланда! Но на основании этих трудов можно составить себе только неполное представление о латышском языке. Если г. Поржезинский почему-то не хотел или не мог лично исследовать латышские говоры, так по крайней мере он должен был пользоваться всеми напечатанными источниками, так, напр., статьею Каулиня (ВВ XIV 122 и сл.) о сауссенском говоре и моею статьею о возвратных формах латышского языка (РКг. XIII 13 и сл.; статья эта, написанная еще в студенческие годы, большого научного значения теперь, право, не имеет, но г. Поржезинский, оказывается, все-таки мог бы извлечь из нее некоторую пользу). Но особенно странно то, что автор вовсе не пользовался ценными изданиями Барона и Виссендорфа (*Latvju dainas*; вышло уже два тома) и Лерха-Пушкайтиса (*Latviešu tautas teikas un pasakas*; вышло уже семь томов, из которых особенно важен VII том, дающий полный указатель содержания всех томов). Ученые степени, пожалуй, приобре-

379 (4) тают, // и не пользуясь этими изданиями, но научных сочинений о латышском языке не пишут.

Относительно правописания балтийских языков нужно заметить, что г. Поржезинский поступал весьма разумно, сохраняя везде правописание источников: даже для знатоков балтийских языков иногда трудно передать формы разных источников в однообразной орфографии. Не могу только согласиться с теми приемами передачи латышских звуков, которыми пользуется автор, приводя какие-либо примеры от себя. Так, напр., на стр. 67 читаем *āūtēs* «обуваться»; Биленштейн так не пишет, и если г. Поржезинский отстывает от графики Биленштейна, так он должен писать вернее Биленштейна, а не столь же ошибочно. Судя по правописанию Поржезинского, нужно думать, что в слове *auties* оба слога произносятся с одинаковым слогуударением, между тем как первый слог произносится с нисходящим, второй же слог — с прерывистым слогуударением. Итак, ставить над обоими слогами один и тот же знак ударения столь же ненаучно, как, напр., подобно Куршату не различать *o* от *uo*, *é* от *ie* в литовском языке. Если кому слогуударение в том или другом случае неизвестно, то оно лучше вовсе не обозначается. — Заявляю также свой протест против передачи латышского звука *š* у Поржезинского посредством *sz* (напр., *szkirtēs* на стр. 76): если уж из литовской графики пытаются удалить этот полонизм *sz*, то мы, латыши, и знать не хотим такого ненаучного написания.

Обозрение возвратных форм глагола у г. Поржезинского крайне недостаточно: разные формы вовсе не приводятся, а приведенные формы не все верно объяснены. Из литовских форм вовсе не упомянуты нижнелит. II s. praes. на *-ys*, напр. *dirbys* «делаешь себе» (Явнис Описание Россиенск. уезда 43), gerund. praes. на *-tes* (у Довконта), напр. *szildąntes, bengąntes* (Wiener SB CVIII 368), gerund. praet. на *-ses*, напр. *raduses* (ibidem), nom. sing., plur. masc. part. на *-damos(i)*, напр. sing. *džiaugdamos* (ibidem), plur. *nekakindamos, džiaugdamos* (ibidem 370), sing. *linksmindamosi* (Kurschat Gr. § 1166; формы эти, вероятно, были первоначально свойственны женскому роду и в таком случае восходят и к sing. *-damo-s(i)*, и к plur. *-damos-s(i)*; забывая происхождение этих форм, могли их употреблять в значении мужского рода), nom. plur. fem. part. на *-damāsi*, напр. *skūbindamāsi* Jurksch. 65; форма эта, вероятно, представляет собою собст-

венно пом. sing. masc., как, // напр., *sūkdamāsi* Kurschat Gr. § 1149. Последнюю форму Поржезинский, стр. 10, «мог бы понять только как сравнительно позднее новообразование под влиянием отношения, существующего между соответственными окончаниями возвратной и невозвратной формы в целом ряде других образований». Но где же стоят рядом невозвратные формы с *a* и возвратные формы с *ā* в окончании? Нигде! и поэтому я вижу (такого же мнения и Бругман *Lesk.-Brugm.* 317) в таких формах, как *sūkdamāsi*, новообразования с окончанием *-āsi* вместо *-as(s)i*, под влиянием возвратных форм пом. s. masc. part. praes. act. на *-qsi* произносимые как *-āsi* (напр., *meldžiāsi* из *mēldžiāqs-si*). — Из латышских форм прибавлю следующие. I s. fut. на *-šies*, напр. *celšies* «поднимусь» (Феликсберг, Эдвален), или *ceļšies*⁶ (Иванден), или (с фонетическим переходом *ie* в *e*, которое является то долгим, то кратким) *ceļšes* (Шлек; ср. там же II s. fut. *tu ceļšes*, inf. *ceļtēs*); в этих говорах употребляется форма III л. для всех прочих лиц (ср. *Bezenberger Lett. Di.-St.* 136 и сл.), напр. *jūs māk* «вы умеете» (Феликсберг), *mēs sis* «мы будем бить» (Шлек); только I s. fut. сохраняет свое *š*, напр. *es tais's* «буду делать» (Феликсберг), *es siš* или также *sis* «буду бить» (Шлек). Значит, форма *celšies* — продукт смешения форм *celš* «подниму» и *celsies* «поднимется»; говорят также *es celsies* «поднимусь» (Эдвален). — В литературном языке теперь II s. praes. indic. et imper. от всех глаголов оканчивается на *-ies*, но в старых книгах и в некоторых современных говорах глаголы, у которых основа настоящего времени оканчивается на *-ā*, имеют еще первоначальное окончание *-āis* (= лит. *-āis*; слогуударение в латышских возвратных окончаниях всегда прерывистое), напр. *klausāis* от *klausīties* «слушать» (Калетен, Смильтен, Венден), *skatāis* «смотри!» (Зербигал), *kuo tu dīdāis* «зачем ты шалишь?» (Вольмар);

⁶ Перед *š* и *ž* в некоторых говорах западной Курляндии *l* переходит в (мягкое) *ļ*: п. s. *kaļšēn*, помен actionis от *kalt* «ковать» (Иванден; посредством *e* обозначаю открытое *e*), *kaļšana* (Кабиллен), *maļšana* «молотье» (Калетен, Грамзден, Гавезен, Вибинген, Мелдзерн, Нигранден, Вайноден), ген. s. *dzeļža* «железа», I s. fut. *ceļšuos* (Лутринген) или (с вставным *t*) *ceļšuos*, *maļčana* (Прекульн; Крутен; здесь же и в других говорах, ср. R.Kr. XIII 82 и 97, также *ceļč* «путь» и *dēļč* «сын» вм. *ceļš*, *dēļš* etc.).

imp. *mācāis* «учись» (Сборник проповедей Манцелия 6), ind. *sakāis* «говоришь про себя» (ibidem 43). Как в литературном языке *-ies* от основ на *-a* перенесено также на основы на *-ā*, так *-ais* // от основ на *-ā* в говорах изредка перенесено на основы на *-a*, напр. imp. *pruotāis* «понимай себе» от *prast* «понимать» (Манцелий 83). — Для III praes. Поржезинский приводит только окончания *-as* и *-ās* и объясняет (К истории форм спряжения в балтийских языках 39) окончание *-ās* удивительно неверно: «вследствие того, что гласная *-a* в окончании 3-го л. наст. времени в полном ее виде представляется для сознания говорящих тем же *-a*, которое является и в прош. времени, появились здесь в форме возвратного залога новообразования на *-ās*». Тут же, на стр. 36, он для III praes. приводит формы как *vēd* «при диалектическом *veda*», очевидно, имея в виду неверные указания Биленштейна (LSpr. § 420). Между тем в действительности ни один латышский говор не знает⁷ более таких форм, как **vēda* «ведет»; формы, приведенные Биленштейном, или III praes., или имеют в конце вставной гласный, не имеющий никакого морфологического значения, как верно рассуждает Погодин (ЖМНПр. ССCLII 95 и сл.). Итак, как уже сказано в моей статье (RKг. XIII 17), окончание *-as* первоначально было свойственно основам на *-a*, окончание же *-ās* — основам на *-ā*. И некоторые говоры еще правильно различают окончания *-as* и *-ās*, напр. *ceļas* «поднимается», *laižas* «летит», но *skatās* «смотрит» (Вольмарсгоф). Другие же говоры затем обобщают или *-ās*, напр. *perās* «парится» (Бальдон), *smejās* «смеется» (Паддерн, Ливенс-Берзен), или *-as*, напр. *gadas* «случается» (Катариненгоф). Есть также говоры, которые еще различают не только *-as* и *-ās*, но также *-is* (от основ на *-i*), напр. *smejās* «смеется», *klausās* «слушает», *nuozgulis* «спит некоторое время» (Прекульн; ср. тут же I pl. *peņamies* «паримся», *lasām* «читаем», II pl. *lasāt* «читаете», *gribī* «хотите»), *nuokaujās* «убивает себя», *padarās* «делает себе», *jāpagulis* «нужно поспать» (Лутринген; ср. тут же I pl. *peņamies*, *lasām*, *varim* «можем»). В некоторых говорах затем *-is* перенесено также на другие основы, напр. *liekas*

⁷ Против этого не говорят также формы III praes. на *-bja* и *-pja*, известные мне из Средней Курляндии, напр. *slēpja* «скрывает» (Весатен, Анненгоф), *knābja* от *knābt* «клевать» (Лестен; ср. тут же III praes. *miņ* от *miņ* «топтать»). Их *-a*, очевидно, обусловлено трудностью произношения конечного *-bj*, *-pj* и поэтому или сохранено, или (что я считаю более вероятным) заимствовано у основ на *-ā*, напр. *dara* «делает».

или *liekis* «кажется», *nīdis* «не нравится», *riebis* «противно» (Шмидт, Троякая долгота в латышском языке 6). Для III fut. литературный язык знает // только окончание *-ies* (новообразование под влиянием отношения окончания *-i* невозвратной формы к окончанию *-ies* возвратной формы в других случаях, напр. II sing.); но многие говоры еще знают окончание *-is*, напр. *nesasmiesis* «не будет смеяться» (Нидер-Бартау), *mazgāsis* «будет мыться» (Жварден), *celsis* «поднимется» (Фрауэнбург, Лутринген), *izduosis* «удастся» (Трикатен). В других говорах *-is* заменено (как и в настоящем времени) посредством *-as*, напр. *cinīsas* «будет бороться», *pascalsas* «поднимется» (Сауссен, ВВ XIV 123). Как литературный язык заменил *-is* для III fut. посредством *-ies*, так в некоторых говорах и в настоящем времени *-is* заменено посредством *-ies*, напр. *gribies* «хочется» (Адзель, Зербигал). — Для III praet. Поржезинский на стр. 10 указывает только на окончание *-ās*; следовало, однако, заметить, что известно и окончание *-ēs* (на что он сам указывает, К истории форм спряжения 39), ср. Bezenberger Lett. Di.-St. 70 и сл. и Kauliņ ВВ XIV 127 и сл. — Если Поржезинский в примечании на стр. 10 говорит, что «там, где в говорах является в форме прошедшего *-as* (сравни., напр., Bezenberger LSpr. p. 93), мы имеем дело с новообразованием под влиянием настоящего времени», так это суждение в такой общей форме неверно. Относительно говора прусских латышей, которому принадлежат приведенные Беценбергером в указанном месте формы, г. Поржезинский, пожалуй, вправе так говорить, но в других говорах окончание *-as* для III praet. — чисто фонетическое сокращение из *-ās*, напр. *brin'jas* «удивлялся» (Попен; ср. тут же loc. s. *mūg'ra* «на спине», сопраг. *rupak* «толще»), *gadijas* «случилось» (Коддиак РКг. XIII 65, ср. там же стр. 74). — Для II plur. не приведено окончание *-tās* (свойственное первоначально двойственному числу), напр. *klausietās* «слушайте» (Грюнгоф; форма эта взята мною из записей г. Мюленбаха, ср. также Bezenberger Lett. Di.-St. 39). — О латышских причастиях Поржезинский говорит на стр. 11, что «в современном языке в форме возвратного залога они неизвестны; здесь употреблены только деепричастия». Это опять неверно: мне пришлось встретить в устах народа сочетание *vāruošies ūdens* «кипучая вода» (окончание *-ies* тут, вероятно, под влиянием деепричастия *vāruoties*); затем, в таких предложениях, как *isstrādājies cilvēks grib ēst*

«много работавший человек хочет есть» (о происхождении окончания *-ies* для пом. s. masc. part. praet. act. я уже говорил в своей статье РКг. XIII 20), тоже имеем дело с воз-//вратными причастиями. Из восточной Лифляндии мне известны даже возвратные формы part. praet. pass., напр. *ir jau gan pastaigāties* «satis iam ambulatum est» (Одензе); это, разумеется, совсем неорганические новообразования. О литовских возвратных причастиях с постпозитивным *-si* Поржезинский на стр. 9 говорит, что они употребительны только в форме именит. пад.; Шлейхер, правда, приводит (Грамм. 233) асс. s. masc. part. praes. act. *nēšantīs*, но так как он приводит эту форму вне связи, то не исключена возможность, что это собственно gerundium (= *nēšantis*). Но зато латышский язык несомненно знает косвенные падежи таких причастий⁸, напр. gen. pl. *samilējušuos* «влюбленных» (в литературе), *kas man jādār piecēlušamies?* «что я вставши должен делать?» (Альшванген; здесь это — dat. s. masc. с обобщением окончания *-ies*, но встречается такая же форма затем также в значении dat. pl. masc., напр. *mums tik agri cēlušamies* «нам так рано вставшим» Ремтен; это уже просто ошибочное выражение, ср. другие подобные дикие формы в моей уже упомянутой статье). Но в общем можно сказать, что народ старается избегать возвратных форм причастий, особенно в косвенных падежах и в определенной форме; берется или другая конструкция, или соответствующая невозвратная форма, напр. *sagāzušais šķūnis* «обрушившийся сарай» (Вольмар; от *sagāzties* «обрушиться»), *tik agri cēlušam* «так рано вставшему» (Ремтен; от *celties* «вставать»), *bīstams* или (у Манцелия 171) *bītins* «timendus» от *bīties* «timere». — Латышские формы деепричастия на *-damies*, употребляемые для sing. et plur. masc. g., Поржезинский на стр. 11 объясняет, кажется, неверно; так как для женского рода — особое окончание *-damās* (для обоих чисел; правильное образование), то окончание муж. р. *-damies*, вероятно, как мною уже сказано РКг. XIII 19, первоначально было свойственно только пом. pl. masc. g. и вполне соответствует лит. пом. pl. на *-damies*, напр. *sūkdamies*. — Для пом. s. fem. part. act. praet. является или окончание *-ies* (легко понятное новообразование к невозвратному окончанию *-i*), или *-és*⁹ (к невозвратному окончанию *-e*; во многих говорах, ср.,

⁸ Ср. также Bielenstein LSpr. § 477, примечание.

⁹ Ср. лит. *juokusés* Schleicher Gramm. 233.

напр., Bezenberger Lett. Di.-St. 73), или *-ās*, напр. *guov sabijsās* «корова испугалась» (Липстгузен, ср. там же *dat. pl. pīlam* «уткам», *guovam* «коровам» из записей г. Мюленбаха), *atgadeisās* «случившаяся» // (Кандау; ср. там же *loc. pl. guovās, acās* «в глазах», *durās* «в дверях», из записей г. Мюленбаха; ср. также Bezenberger Lett. Di.-St. 73). О других возвратных формах причастий и деепричастий, не приведенных г. Поржезинским, я уже говорил в упомянутой своей статье¹⁰. В той же статье я, оказывается, напрасно оспаривал существование окончаний *-mies* и *-ties* для I и II *pl.* условного наклонения; такие формы в самом деле встречаются, напр. *priecātūmies* «мы радовались бы», *priecātūties* «вы радовались бы» (Нидер-Бартау). — Хотя в заглавии диссертации говорится только о «возвратной форме глаголов», все-таки можно было ждать в ней также обзора возвратных отглагольных существительных, которого, однако, нет. И так как г. Поржезинский о них вовсе не говорит, то и я здесь укажу только на некоторые примеры, напр. *loc. s. elgimijs* (Довконт Wiener SB CVIII 356; *ij* из *ie*), *nom. s. masc. elgimos* (*ibidem*, 371; *-imos* к *-imas* под влиянием таких форм, как *džiaugdamos*, о которых уже выше была речь); другие литовские примеры у Шлейхера *Gramm.* 234 и *Litt. Mitt.* V 236. О латышских примерах я уже говорил *RKг.* XIII 21; о других диалектических формах буду говорить в другом месте. — В той же I главе г. Поржезинский говорит о происхождении балтийских форм инфинитива и *dat. s.* основ на *-i*, и (несмотря на довольно обширную литературу по этому вопросу) говорит так, будто бы до него еще никто не писал об этом. Ввиду сложности вопроса я сам не намерен здесь говорить об этом (придется сделать это в другом месте); позволю себе здесь только некоторые мелкие заметки. Откуда только г. Поржезинский знает (*стр.* 5), что в латышском для *dat. s.* основ на *-i* окончание *-i* «более обычно», чем *-ij*? Биленштейн (*LSpr.* II 48) говорит как раз наоборот, что окончание *-i* гораздо реже, чем окончания *-ij* и *-ī*, и сам г. Поржезинский, очевидно, латышских говоров не исследовал. Знаю немало латышских говоров, но все-таки я затрудняюсь сказать, которое из окончаний *-ī*, *-ij* (новообразование под влиянием окончаний *-ai* и *-ei*),

¹⁰ Своеобразные формы деепричастий настоящего, прошедшего и будущего времени сауссенского говора приводит Каулинь *BB* XIV 124 и сл.; о них буду говорить в другом месте.

-ī (из *-ij*), *-ei* (заимствовано у основ на *-iē*) наиболее обычно, но думаю, что Биленштейн вправе говорить, что *-i* гораздо реже, // чем *-ij*, *-ī* (и *-ei*); литературный язык знает только окончания *-ij* и *-ei*. — Тут же читаем категорическое заявление, что в индоевропейском праязыке окончанием для *dat. s.* основ на *-i* было *-iəi*. Звук *ə* вообще приписывается праязыку, кажется, почти всеми языковедами (лично я держусь мнения Педерсена KZ XXXVI 75 и сл. и XXXVIII 400, по которому не имеем права приписывать праязыку рядом с *a* также *ə*), но для существования в праязыке двугласных *əi* и *əu* не имеем решительно никаких реальных доказательств, так как всякому европ. *ai*, *au* и в арийских языках соответствуют *ai*, *au* (> *ē*, *ō*), и поэтому и Фортунатов (KZ XXXVI 44) сомневается в существовании двугласных *-əi* и *-əu*. Затем, по частному (ничем не обоснованному) мнению г. Поржезинского, в «литовскославянском» языке из *-iəi* получилось *-iei* и (тут уже г. Поржезинский ссылается на университетские лекции Фортунатова, известные только его бывшим слушателям; прочие читатели, значит, должны *iugare in verba...*) из этого *-iei* в общепалтийском языке получилось *-iīi* (sic!), откуда, наконец, непосредственно будто бы получилось латышское *-ij*. Как видно, дискуссия тут ни возможна, ни также нужна.

От подробного разбора следующих глав (где говорится о значении и образовании формы возвратного залога) я здесь должен отказаться: с одной стороны, не располагаю в настоящее время достаточно обильным материалом по этой части, с другой стороны, такой разбор вышел бы по крайней мере столь же объемистым, как разбираемая книга. Поэтому ограничусь на этот раз некоторыми указаниями. Прежде всего как на недостаток укажу на то, что иногда приведены одни возвратные формы вне всякой связи, напр. *žinokis* «знай» 44, *sakos* «признается» 48: из одного перевода тут никак не можем убедиться, что «возвратная форма вносит значение полноты проявления признака и т. д.». Читателю, таким образом, нередко приходится самому искать данного места в источниках. Автор, правда, говорит в предисловии (стр. VI), что он хотел беречь место и время; но в этом отношении это не было позволительно, а в других отношениях, как увидим, он вовсе не сберегал места и времени, от чего и читатель страдает. Один и тот же глагол нередко приводится в качестве примера не только из разных наречий, но даже из разных памятников одного и того же наречия,

напр. *aunies kājas* на стр. 65 из Сборника Спрогиса и на стр. 66 из материалов Трейланда (оба издания для автора — представители среднелатышского // наречия). К чему это? 386 (11) Так только даром страницы наполняются. Или вот другой пример лишних сообщений: замечания, что глаголы *ženities* «жениться» (стр. 83) и *trōpyti* «попадать» (стр. 53) заимствованы из славянских языков, полезны только *pueris*, но и те после указания на стр. 53 сами догадались бы, что также ла. *trāpities* заимствовано, но тем не менее это опять говорится им на стр. 81. — В выборе памятников для отдельных наречий автор не особенно счастлив: сборник песен Спрогиса у него является представителем среднелатышского наречия, хотя в предисловии Спрогис говорит, что песни им собраны на границе губерний Лифляндской, Курляндской и Витебской, значит, в местности, говор которой уже принадлежит к восточнолатышским говорам; а эти песни затем, очевидно, переведены на литературный язык. А материалы в изданиях Трейланда собраны из разных латышских говоров и тоже отчасти переведены на литературный язык. — Кроме глаголов, не имеющих соответственной невозвратной формы, у автора получается всего семь категорий значения возвратной формы. Насколько это правильно, о том, как сказано, теперь не намерен я говорить. Укажу только на то, что распределение отдельных глаголов по этим категориям весьма произвольно: сходные по значению формы отделяются друг от друга, и несходные соединяются. Так, напр., *skandýtis* «топиться» (стр. 19) причислено к I категории (*reflexivum directum*), а *pasikārt* «повеситься» (стр. 33) — к III категории («субъект признака получает известное изменение в состоянии»)! Или глагол *bārties* «ссориться, браниться» в примере *kuo, bāliņi, barieties* «из-за чего ссоритесь, братья» (стр. 74) причислен к IV кат. (с взаимно-возвратным значением), а в примере *nebaries, bāleliņ* «не бранись, братец!» (стр. 76) — к V кат. («признак проявляется с особою полнотою»); между тем есть непосредственная связь между обоими значениями этого глагола, которая вовсе не показывается, если поместить его в две разные категории. — Нередко глаголы причислены не к II кат. (*reflexivum indirectum*), но к I кат. (*refl. directum*), напр. *maucies zelta grēdžēnu* «надень золотое кольцо!» (стр. 66), что уж решительно невозможно. — Особая (VI) категория состоит из таких случаев, где «возвратная форма вносит значение безлич-

ности», напр. *gribās ēst* «хочется есть» (стр. 80); встречается, однако, и невозвратная форма в значении безличного глагола, напр. *mums grib zināt* «нам хочется знать» (Смильтен) *doncuot gryb kuimeļam* BW 8358, 1 «плясать хочется жеребенку», *vatnam navar dait ktōt* // Zb. XVIII 436 «dyabel nie može sīg zblīzīt»; ср. также указания Соболевского ЖМНПр. CCCXXXIX 162. — Некоторые виды употребления возвратных форм вовсе не упоминаются, напр. *viņš naļauņas runāt* «он не дает возможности (другим) говорить с ним (субъектом)» ВВ XIV 133, *viņš ļaujās sisties* «он позволяет себя бить», *tu varēsies usturēties* «тебе можно будет получать пропитание» (Манцелий 149), *skrieties* «бежать вперегонки» и др. — На стр. 58 и сл. и 82 и сл. автор приводит возвратные глаголы, не имеющие соответственных невозвратных форм, и в том числе (это уже слишком странно) даже такие, от которых и словари знают невозвратные формы, напр. *nesibaidē* «не боялся» (стр. 59; у Куршата *baidījī*), *bēdājās* «встревожились» (стр. 82; у Ульмана *bēdāt*), *žēluojās* (стр. 82; у Ульмана *žēluot*), *smejies* (стр. 83; у Ульмана *smiet*); также глагол *klanīt* известен народу, напр. *galvu klanīt* «качать головою». Так как для г. Поржезинского литовский или латышский язык — не родной язык, то он в таких случаях должен был справляться хотя бы в словарях, но такую добросовестность он, видно, не считает нужной для своих работ.

На стр. 89 автор говорит о латышских формах возвратного местоимения *sa* и *se*; в последнем он видит форму асс. s. (как греч. ξ), и также Соболевский высказывает (в своей рецензии 166) некоторую склонность к сближению ла. *se* с русским *сѣ*. А между тем я сильно сомневаюсь в самом существовании этого латышского *se*: оно нам известно только из записей двух немцев, пастора Треу (Mag. XIII 1, 22) и проф. Беценбергера (Spr. d. pr. L. 87). Из них первый только говорит, что встречается *ze* (из **se*), но не приводит примеров, а в записях Беценбергера (весьма драгоценных в других отношениях) весьма часто читаем *e* вместо других беззвучных гласных. Гласный *a* в форме *sa*, стоя после префикса, имеющего главное ударение, и перед глагольным корнем, имеющим второстепенное ударение, весьма часто произносится вполне беззвучно и тогда для слушателя (особенно для немца) легко производит впечатление звука *e*. Поэтому пока не верю в существование

такого *se*¹¹. Что же касается формы *sa*, так и в ней // г. Поржезинский видит древний асс. *s*. (из иде. **so*). Но и то для меня крайне сомнительно, тем более что другие языки вовсе не знают такой формы: полагаю скорее, что *sa* представляет собою видоизменение древнего *si* под влиянием префикса *sa*- (ср. верхнелат. III праэт. *paścieja* «сказал» из *pasacieja*, рядом с *sacieja*, Zb. XVIII 303 и 367). Странно также то, что автор ничего не говорит о происхождении латышского *z* в *za* (из *sa*); *za* возникло к *z* (из *s* перед звонкими согласными) по образцу отношения *sa* к *s*.

Ничего не говорит автор также о таких архаизмах, как *ap-sa pate duomājies* «подумай сама» стр. 77 (ср. также РКг. XIII 13), где префикс и возвратное местоимение еще отделены от глагола (Погодин, ЖМНПр. ССCLII 103, неверно называет такой оборот «инкорпорирующим»). Живой язык уже не знает таких оборотов, только требования стиха (Погодин, там же, неверно говорит, что такой оборот не обусловлен требованиями стиха: в правильно построенном четверостишии должна быть цезура после каждого четвертого слова, и поэтому такой стих, как *pati apsaduomājies*, является ошибочным) сохранили такие архаизмы (и по их образцу в народной песне, пожалуй, и теперь еще сочиняются подобные обороты). Отчего автор говорит (стр. 97), что «тот тип глаголов с возвратною формою, где возвратное местоимение находится в положении между приставкою и глаголом, по своему происхождению, несомненно новее», для меня непонятно. Ведь и в других индоевр. языках часто энклитические местоимения ставятся между префиксом и глаголом, ср. статью Виндиша IF XIV 420 и сл. и также Brugmann KVG § 926 и сл.

Итак, и после работы г. Поржезинского возвратная форма глаголов в балтийских языках может служить хорошою темою для исследователей.

¹¹ Написав уже это, я нашел еще форму *pasemeti* «превратись» (Трейланд Мат., нагов. 450); вероятно, и здесь *se* — ошибочное написание вместо действительного *sa* или *si*.

SAISINĀJUMI LITERĀTURAS CITEJUMOS

- A = Ilias. Skat. arī II.
 librarius A. scripsit = ?
 Abh(اندل). d. phil.-hist. [hist.-phil.] Cl(asse) d. kön. (sächs.) Ges. d. Wiss. [zu Gött.] jeb Abhandl. d. sächs. Ges. d. Wiss. = Abhandlungen der königlichen Sächsischen Gesellschaft (bzw. Akademie) der Wissenschaften. Philosoph.-histor. Klasse. Göttingen.
 Adolfijs jeb грамматика Адольфи vai Adolphi = H. Adolphi. Erster Versuch einer kurz verfassten Anleitung zur lettischen Sprache. Mitau, 1685.
 AfslPh. = Archiv für slavische Philologie. Herausgegeben von V. Jagić. Berlin, 1876 skk.
 Ahrens = L. Ahrens. De crasi et aphaeresi. Kleine Schriften. I. Hannover, 1891.
 Ahrens De graecae linguae dialectis vai De dial. Dor. un De dial. Aeol. = L. Ahrens. De dialecto Dorico. Gottingae, 1843; L. Ahrens. De dialectis Aeolicis et Pseudaelicis. Gottingae, 1839?
 An. = Anyksczų szilėlys. Citėts pėc: Ostlitauische Texte. Mit Einleitung und Anmerkungen herausgegeben von Anton Baranowski und Hugo Weber. Weimar, 1882.
 Anz. — skat. IF A(nz).
 Anz. f. deutsches Alterth. = Anzeiger für deutsches Alterthum.
 Ap. Rh. = Apollonius Rhodius.
 Apskats = Apskats, zinisks literārisks žurnāls. Rīgā, 1902—1905.
 Ar. Ach. = Aristophanis Acharnani.
 Arist. = Aristaeus?
 Ar. t. dz. = Aronu Matīsa izdotās tautas dziesmas. 1888.
 Austr(ums) = Austrums, zinības un rakstniecības mēnešraksts. 1885—1906.
 B. = Bezenberger (BB publicējums).
 Б. = L. Bērziņa savāktais un J. Endzelinam atsūtītais materiāls.
 Bacch. = Euripidis Bacchae.
 Bacchyl. = Bacchylides.
 Balt(ijas) Vēstn(esis) = Baltijas Vēstnesis, politiska un literāriska avīze. Rīgā, 1869—1906.
 Барановский Зам. = А. Барановский. Заметки о литовском языке и словаре. СПб., 1898. (= Сборн. LXV, № 9).
 Baranowski und Weber Ostlitauische Texte = A. Baranowski und H. Weber. Ostlitauische Texte. Weimar, 1882. Skat. arī An.
 Bartholomae Altiran. Wrtb. = Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904.
 Bartholomae Stud. z. idg. Sprachgesch. = Chr. Bartholomae. Studien zur indogermanischen Sprachgeschichte. I, II. Halle, 1890, 1891.

- BB = Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Herausgegeben von Dr. Adalbert Bezenberger (und Dr. W. Prellwitz). Göttingen, 1877—1906.
- Bechtel Hauptprobleme = F. Bechtel. Hauptprobleme der indogermanischen Lautlehre. Göttingen, 1892.
- Bechtel Über d. Bezeichn. d. sinnl. Wahrn. in d. idg. Spr. = F. Bechtel. Über die Bezeichnung der sinnlichen Wahrnehmen in den indogermanischen Sprachen. Weimar, 1879.
- Bergk(ius) = ?
- Berl. Sitzungsber. = Sitzungsberichte der königlich-preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.
- Berneker Pr. Spr. = E. Berneker. Die preußische Sprache. Straßburg, 1896.
- Berneker (Бернекер) W(t)b. = E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908 skk.
- L. Bērziņš — skat. arī B.
- Bezenberger Einleitung = ?
- Bezenberger (Becenbergers, Бещенбергер) BGLS (Beitr.) = A. Bezenberger. Beiträge zur Geschichte der litauischen Sprache auf Grund litauischer Texte des XVI. und des XVII. Jahrhunderts. Göttingen, 1877.
- Bezenberger (Becenbergers, Бещенбергер) Lett. Di.-St. (Lettische Dialekt-Studien) = A. Bezenberger. Lettische Dialekt-Studien. Göttingen, 1885. (= Mag. XVII 2, 1—180).
- Bezenberger (Becenbergers, Бещенбергер) Lit. Forsch. = A. Bezenberger. Litauische Forschungen. Beiträge zur Kenntnis der Sprache und des Volkstumes der Litauer. Göttingen, 1882.
- Bezenberger LSpr. p. — skat. Bezenberger Spr. d. pr. L.
- Bezenberger Spr. d. pr. L. = A. Bezenberger. Über die Sprache der preußischen Letten. Göttingen, 1888. (= Mag. XVIII 1—170).
- BGLS — skat. Bezenberger BGLS.
- bibl. = biblia.
- Bielenstein (Biel., Bilensteins vai Биленштейн) Grenzen (d. lett. Volksstammes) = A. Bielenstein. Die Grenzen des lettischen Volksstammes und der lettischen Sprache in der Gegenwart und im 13. Jahrhundert... St. Petersburg, 1892.
- Biel(enstein) LSpr. = A. Bielenstein. Die lettische Sprache, nach ihren Lauten und Formen erklärend und vergleichend dargestellt. I, II. Berlin, 1863, 1864.
- Bilensteins Handb. = A. Bielenstein. Handbuch der lettischen Sprache. I. Mitau, 1863.
- Бодуэн де Куртэнэ Оп. фонет. резьян. гов. = И. А. Бодуэн де Куртэнэ. Описание фонетики резьянского говора ?
- Böhm Sitzungsber. = Sitzungsberichte der königlich-böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften. Klasse für Philosophie, Geschichte und Philologie. Prag.
- Bopp Vergl. Gramm. = Bopp. Vergleichende Grammatik ?
- Bötlinga—Rota vārdnīca = O. Bötlingk und R. Roth. Sanskrit-Wörterbuch. IV. St. Petersburg, 1865.
- Br. = Bronisch. Kaschubische Dialectstudien (AfslPh. XVIII 321—408).
- Br. II = Bronisch. Kaschubische Dialectstudien. II. Heft. Leipzig, 1898.

- Brockelmann = ?
- Brücke = Brücke. Die physiologischen Grundlagen der neuhochdeutschen Verkunst.
- Brückner Fremdw. = A. Brückner. Litu-slavische Studien. I. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877.
- Brückner (Brückners vai (A.) Брюкнер) (Litu-slav. Stud. I) — skat. Brückner Fremdw.
- Brugm(ann) (Brugmanis vai Бругман) Grdr. = K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1886—1892.
- Brugmann (Бругман) KVG = K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1902—1904.
- Bt. = Latviešu ļaužu dziesmas un ziņģes (Mag. VIII); cipari apzīmē dziesmas numuru.
- Buga I = K. Būga. Lietuvių kalbos žodynas. I. Kaunas, 1924.
- Buttmann = Buttmann. Lexicologus ?
- BW = K. Barons un H. Visendorfs (Барон и Виссендорф). Latvju dainas. I—VI. Jelgavā un Petrogradā, 1894—1915.
- Bystroń = ?
- c = carmen ?
- Cappeller (Kaip sen. Liet. gyv.) = C. Cappeller. Kaip senieji Lietuvinkai gyveno. Heidelberg, 1904.
- Cat. I = I senprūšu katechisms, iznācis Karaļaučos 1545. g.
- Цейн. = Цейнова. Сборник основных слов кашубского наречия (материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики).
- Cen. = Cenova. Zarás do Grammatikj Kašébsko-Slovjnskje Mòvé. 1879.
- CI = Corpus Inscriptionum.
- Cimmermanis (Zimmermann Versuch...) = U. E. Zimmermann. Versuch einer Geschichte der lettischen Literatur. Mitau, 1812.
- Collitz = Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften von Collitz.
- (G.) Curtius D. Verb. d. griech. Spr. = G. Curtius. Das Verbum der griechischen Sprache. I. Leipzig, 1873; II (2. Aufl.). Leipzig, 1880.
- Curt. (Gr(undz), d. gr. Et(ym).) = G. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. 5. Auflage. Leipzig, 1879.
- Curtius Stud. z. gr. u. lat. Gr. = G. Curtius. Studien zur griechischen und lateinischen Grammatik.
- Dähnert = (словарь нижненемецкого языка) ?
- Даничиць = Даничиць. Основе српского или хрватского језика.
- Даукша Кат. (Daukša Kat.) = Литовский катехизис Н. Даукши, по изданию 1595 года вновь перепечатанный... Э. Вольтером. Приложение к LIII тому Записок имп. Академии Наук № 3. СПб., 1886.
- Даукша (Daukša) Post. = «Postilla Catholica» Якуба Вуйка в литовском переводе Николая Даукши, перепечатанном... Э. А. Вольтером. СПб., 1904 skk.
- Delbrück (Дельбрюк) Altind. Synt. = B. Delbrück. Altindische Syntax. Halle, 1888.
- Delbrück (Delbrücks) Vergl. Synt(ax) (d. ind(og). Spr.) I = B. Delbrück. Vergleichende Syntax der indogermanischen Sprachen. I. Straßburg, 1893.

- D. Gr. N. kal. 1903 r. = ?
- Disp. vai Dispositio imperfecti = Dispositio imperfecti ad optimum seu rudimenta grammatices lotavicae, ab imperfecto authore... cum adjuncta catechesi... suppeditata... Anno... 1732. Vilnae (herausgegeben von Ad. Bezzenberger Kön. St. I 181—212).
- Disp. Kat. — skat. Disp.
- DJ — skat. Mühlenbachs DJ.
- Donaleitis jeb Donal. Metas = Chr. Donalitiūs. Litauische Dichtungen... herausgegeben von G.H.F. Nesselmann. Königsberg, 1869.
- Druva = Druva, mēnešraksts. Rīgā, 1912—1914.
- Dus. Viltis 1908 = ?
- Довернуа словарь = ?
- Dz. Vē. = Dzīntenes Vēstnesis, laikraksts. Rīgā, 1907—1917.
- E. = J. Endzelīns resp. J. Endzelīna pieraksti no tautas mutes.
- EE = Bartholomäus Willent's litauische Übersetzung des Lutherschen Enchiridions und der Episteln und Evangelien. Herausgegeben von Fritz Bechtel. Göttingen, 1882.
- EH = J. Endzelīns un E. Hauzenberga. Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīcai. I, II. Rīgā, 1934, 1946.
- Elger = G. Elger. Dictionarium Polono-Latino-Lottavicum... Vilnae, 1683.
- Ench(ir). = Enchiridion. Der Kleine Catechismus Doctor Martin Luthers Teutsch und Preussisch. Königsberg, 1561.
- Endz. = J. Endzelīns.
- Epich. = Epicharmus.
- Et. M. = ?
- Etn. = Etnografiskas ziņas par latviešiem. «Dienas Lapas» pielikums. I—IV. Rīgā, 1891—1894.
- Eur. Rhes. = Euripidis Rhesus.
- Ev(ang). = Evangelia und Episteln aus dem Deutschen in Undeutsche Sprache gebracht... Königsberg, 1587.
- Fick (Vergl. Wrth.) jeb Fick Wrth. = A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. I—III. 4. Auflage. Göttingen, 1890 skk.
- Fil. mat. = Filoloģijas materiāli. Rīgā, 1933.
- Филол(огический) Вестник — skat. РФВ.
- Филол. Записки = ?
- Fix = ?
- Флоринский Лекции = Флоринский. Лекции по славянскому языкознанию.
- forma chrikt. = «forma chriktima» (Litauische und lettische Drucke des 16. Jahrhunderts, herausgegeben von Adalbert Bezzenberger. II. Heft. Göttingen, 1873).
- Фортунатов Разбор = Ф. Ф. Фортунатов. Разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значения глагольных основ в литовско-славянском языке» (Сборн. LXIV, № 11).
- Фортунатов Sāmaveda = Ф. Ф. Фортунатов. Sāmaveda-āraṇyaka-samhitā. M., 1875 (магистерская диссертация).
- Frischb(ier) = H. Frischbier. Preußisches Wörterbuch. I, II. Berlin, 1882, 1883.
- Fūrekers = Chr. Fuerecker. Lettische Geistliche Lieder und Psalmen. Riga, 1685.

- Gebauer Histor. mluvn. jaz. česk. = J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého. I—III. Praha, 1894—1898.
- Geistl. Lied. u. Psalm. = Geistliche Lieder und Psalmen. 1671.
- Geitler Beitr. = L. Geitler. Beiträge zur litauischen Dialektologie. Wien, 1885 (atsevišks novilkums no Wiener SB, CVIII, 339 skk.).
- Geitler Lit. St(ud). = L. Geitler. Litauische Studien. Prag, 1875.
- Gellius Noctes Atticae = A. Gellius. Noctes Atticae.
- ΓΕΡΑΣ = ΓΕΡΑΣ. Abhandlungen zur indogermanischen Sprachgeschichte, August Fick zum 70. Geburtstage gewidmet von Freunden und Schülern. Göttingen, 1903.
- GGA = Göttingische gelehrte Anzeigen.
- GGN = Nachrichten von der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philologisch-historische Klasse.
- Г(ильфердинг) = Гильфердинг. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря.
- Гирт — skat. Hirt.
- Globus = ?
- Glotta = Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache. Göttingen, 1907 skk.
- грамматика Адольфи — skat. Adolphi.
- gramm. Celtica — skat. Zeus Grammatica Celtica.
- Grdr. = K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1886—1892.
- Grotius = ?
- (К.) Гуковский Понежевский уезд — skat. Явнис Пон. уезд.
- Harder (Anm.) = Chr. Harder. Anmerkungen und Zusätze zu der neuen lettischen Grammatik des Herrn Probst Stender. Papendorf, 1790.
- Herod. = Herodotus.
- Hes. = Hesiodus.
- Hesselberg (Гессельберг) (Lett. Sprachl.) = H. Hesselberg. Lettische Sprachlehre. Mitau, 1841.
- Hesych. = Hesychius Alexandrinus. Lexicon, herausgegeben von M. Schmidt. Jena, 1858 skk.
- Hirt (Гирт) Idg. Akz. = H. Hirt. Der indogermanische Akzent. Straßburg, 1895.
- Hoffmann Die griech. Dial. = O. Hoffmann. Die griechischen Dialecte in ihrem historischen Zusammenhange. Göttingen, 1891—1898.
- Holsten = Holsten. De Stesichori et Ibyci dialecto et copia verborum. Gryphiswaldiae, 1884.
- hom. = Homerus.
- Hübschmann Armen. Gramm. = H. Hübschmann. Armenische Grammatik. Leipzig, 1897.
- Нуратиус Chronik = Ипатьевская летопись.
- IF = Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, herausgegeben von Karl Brugmann und Wilhelm Streitberg. Straßburg, 1892 skk.
- IF A(nz). = Anzeiger für indogermanische Sprach- und Altertumskunde, Beiblatt zu den Indogermanischen Forschungen, herausgegeben von Wilhelm Streitberg. Straßburg, 1892 skk.
- I. G. A. = Inscriptiones Graecae antiquissimae, ed. Roel, 1882.
- Il. = Ilias (Iliada). Skat. arī A.

- Ильинский = Г. Ильинский. Сложные местоимения и окончания родительного падежа единственного числа. 2-е изд. Варшава, 1905.
- Изв. vai Izv. = Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1896 skk.
- Извѣст. = Известия императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. I—X. СПб., 1852—1863.
- Jauna Raža = Jauna Raža, literāriska gada grāmata. I—XII. Cēsīs un Rīgā, 1898—1910.
- Jaunys Gramm. = К. Јауџа леішу валодас граматика (rokrakstā).
- Jaunys (Явнис) Opis. Ross. uį. (Опис. Росс. у.) = К. Явнис. Диалектологические особенности литовского языка в Россиенском уезде (К. Gukovska grāmata Описаніе Россиенскаго уезда 1898, 20—55).
- Явнис Понев(ежский) у(езд) jeb Jaunys Ponev. uį. = К. Явнис. Понежевские говоры литовского языка (I daļa К. Gukovska grāmata Понежевский уезд 1898, 87—141).
- Joannes Gram. = ?
- Jurksch. (Märch.) jeb Jurkš. vai Юркш. = С. Jurkschat. Litauische Märchen und Erzählungen. Heidelberg, 1898.
- Юшк(евич) vai Юшкевич Слов. = А. Юшкевич. Литовский словарь. СПб., 1897, 1904.
- Юшкевич нар. п. = А. Юшкевич. Литовские народные песни. Сборн. II, № 2.
- Jušк. SvD. = Lietuviškos svotbinės dainos, užrašytos par Antaną Juškevičę. Petropylė, 1883.
- К. = F. Kurschat.
- Kalend. = Календарь Ивиньского.
- Каппеллер — skat. Cappeller.
- Карлович Gwara = М. Kariowicz. Gwara kaszubska?
- Kat(ech). = Der lettische Katechismus vom Jahre 1586; citēts no Becenbergera izdevuma LLD II.
- Кат(ех). (I vai II) = senprūši (I vai II) katechisms. 1545.
- кат(ех). = катехизис.
- Kenyon = ?
- Keuβler (D. Ausgang d. ersten russ. Herrsch. in d. gegenw. Ostseeprov. = F. von Keuβler. Der Ausgang der ersten russischen Herrschaft in den gegenwärtigen Ostseeprovinzen. St. Petersburg, 1897.
- Kluge Etym. Wrtb. (d. deutschen Spr.) = F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache.
- Kniga Nobaznistes = (S. J. Telega). Kniga Nobažnistes Krikšcionizkos... antra kartą perdrukawota... Kiedaynise, 1653.
- Kön. St. = Königsberger Studien. Erstes Heft. Königsberg, 1887. (Te ietelp arī Dispositio imperfecti ad optimum.)
- Konv. vārdnīca = Konversācijas vārdnīca (1904. gadā 2 burtnīcas).
- II Kop. = Pāvila tā apustuļa otra grāmata tiem korinteriem (Glikā bībeles tulkojumā).
- Kossowski Gr. = T. Kossowski. Gramatyka inflantsko-iotewska. Ryga, 1853.
- KSB = Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, keltischen und slavischen Sprachen. Band I—VIII. Berlin 1858—1876.

- Курмина словарь = Kurmin. Słownik polsko-litainsko-totewski. Wilno, 1858.
- Kühner Ausf. Gr. = Kühner. Ausführliche Grammatik der griechischen Sprache. I. 2. Auflage. Hannover, 1869.
- Kursch. vai Kurschat (vai Kuršaiša) Gr. = F. Kurschat. Grammatik der litauischen Sprache. Halle, 1876.
- Kurschat Wrth. (vai Wörterb.) = F. Kurschat. Deutsch-litauisches Wörterbuch. I, II. Halle, 1870, 1874; Litauisch-deutsches Wörterbuch. Halle, 1883.
- KZ = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A. Kuhn. Gütersloh, 1852—1907, Göttingen, 1907 skk.
- Ланге словарь = Lange. Lettisch-deutsches Lexikon. 1773 (Mitau, 1872).
- Лат(ышско)-руско-нем(ецкий) словарь = Латышско-руско-немецкий словарь. 1879.
- Лат. предл. = И. Эндзелин. Латышские предлоги. I, II. Юрьев, 1905, 1906. Skat arī I un II rādītāja beigās.
- Latvija = Latvija, laikraksts. Rīgā, 1906—1915.
- Latwju dainas — skat. BW.
- LChr. = E. Volteris. Lietuviška chrestomatija. СПб., 1901—1904.
- Leg. (Lex) Gort. = Leges Gorthyniae.
- Le. Gr. = J. Endsellin. Lettische Grammatik. Riga, 1922, Heidelberg, 1923.
- Lesb. = Lesbiaci.
- Lesk.-Brugm. = Litauische Volkslieder und Märchen... Gesammelt von A. Leskien und K. Brugmann. Straßburg, 1882.
- Leskien Abl. = A. Leskien. Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen. Leipzig, 1884. (= Abhandl. d. philol.-histor. Klasse d. königl. sächs. Gesellsch. d. Wiss., Band IX, Nr. IV).
- Leskien Decl. = A. Leskien. Die Declination im Slavisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.
- Leskien (Лескии) Nom. = A. Leskien. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891. (= Abhandl. d. philol.-histor. Klasse d. königl. sächs. Gesellschaft d. Wiss., Band XII, Nr. III).
- Lett. Di.-St. — skat. Bezenberger Lett. Di.-St.
- Lett. geistl. Lieder u. Psalmen = Lettische geistliche Lieder und Psalmen. 1671.
- Leumann Etm. Wrth. = E. und J. Leumann. Etymologisches Wörterbuch der Sanskrit-Sprache. Straßburg, 1893.
- Liet. T. — skat. LiT.
- Lindsay-Nohl (Latein. Sprache) = Die lateinische Sprache von Lindsay, übers. von Nohl.
- Lit. Centralbl. = Literarisches Zentralblatt für Deutschland.
- Lit. Forsch. — skat. Bezenberger Lit. Forsch.
- Лит. Хрест. — skat. LChr.
- Lit. Mit(t). = Mitteilungen der Litauischen Literarischen Gesellschaft. Heidelberg, 1883 skk.
- Лит. нар. п. = Ф. Фортунатов и Всеv. Миллер. Литовские народные песни. Ievietotas žurnālā Московские университетские известия 1872, № 1, приложение 125—165; № 2, приложение 324—400; № 4, приложение 430—531.
- LLD = Litauische und lettische Drucke des 16. Jahrhunderts, herausgegeben von A. Bezenberger. I—IV. Göttingen, 1874—1884.

- Lot(avica) Gramm(atica) = Lotavica grammatica. 1737.
- LP = Anss Lerchis-Puškaitis. Latviešu tautas (teikas un) pasakas. I—VII. 1891 skk.
- LSpr. — skat. Bielenstein LSpr.
- Ltd. = Latviešu tautas dziesmas. Sameklētas... Latviešu draugu biedrības. I, II. Leipciģā, 1874, 1875.
- LtT = Lietuvių Tauta, Lietuvių Mokslo draugijos raštai. Vilnius, 1907 skk.
- Lucius (dissertatio) = A. Lucius dissertatio «De crasi et aphaeresi». Argentorati, 1885.
- M = Миккола. Несколько заметок по кашубским говорам в северо-восточной Померании (Изв. II 400—428).
- M. = K. Mülenbacha rakstītas piezīmes vai citi pieraksti.
- Mag. = Magazin, herausgegeben von der Lettisch-Literarischen Gesellschaft. Mitau, 1828 skk.
- Mald(os) krikcion(iszkos) = Maldos krikcioniszkos 1653 (LChr.).
- Манцелия «Lettus» = G. Mancelius. Lettus. 1638.
- Mancelijs, Манцелий = G. Mancelius, Mancelis.
- Mancelius Phras. = G. Mancelius. Phraseologia Lettica. 1638.
- Mancelius Post. = G. Mancelius. Langgewünschte Lettische Postill... Riga, 1654.
- L. Masing Hauptf. d. serb. chorw. Akz. = L. Masing. Die Hauptformen des serbisch-chorwatischen Accents. IV. St. Petersburg, 1876.
- Märchen Юркшата — skat. Jurkš.
- Meillet (Мелье) Esquisse = A. Meillet. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique. Vienne, 1903.
- Meillet (Мелье) Ét(udes) = A. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905. (= Bibliothèque de l'École des hautes études... Sciences historiques et philologiques. Cent trente-neuvième fascicule).
- (G.) Meyer (Etym. Wrth.) = G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Straßburg, 1891.
- Miežinis (Мезинис) jeb slovarь Мезиниса = M. Miežinis. Lietuviszkai-latviszkai-lenkiszka-rusiszkas žodynas. Tilžėje, 1894.
- (M.) Miež(inis) Liet(uvių) kalb(os) gr(amatika) = M. Miežinis. Lietuvių kalbos gramatika.
- Mikkola (Миккола) Balt. u. Slav. = J. J. Mikkola. Baltisches und Slavisches. Helsingfors, 1903. (Atsevišķs novilkums no Finska Vetenskapsocietetens förhandlingar XLV, Nr. 4).
- Mikkola Betonung und Quantität = J. J. Mikkola. Betonung und Quantität in den westslavischen Sprachen.
- Mikl(osich) (Микл(ошич)) Etym(ol). Wrth. jeb Etymol. Wörterbuch = Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.
- Miklosich (Миклошич) Vergl. (Gr(amm).) vai Vergl. Gramm. d. slav. Spr. = Fr. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Wien, 1852—1874.
- (Bc.) Миллер Осетинские этюды = В. Ф. Миллер. Осетинские этюды. 1—3. М., 1881, 1882, 1887.
- Монго = ?
- Московск(ие) Университет(ские) Известия — skat. Лит. нар. п.
- Morsbach = Morsbach. De dialecto Theocriteo. Bonnae, 1874.

- Мосвид (Tedeum) = Mosswida Waitkuna przekład litewski pieśni Te deum laudamus z r. 1549. Wydat Celichowski.
- Mrongovius (Мронговіус) Ausf. Poln.-Deutsch. Wrth. = Mrongovius. Ausführliches Polnisch-Deutsches Wörterbuch.
- MSL = Mémoires de la Société Linguistique de Paris. Paris, 1868 skk.
- MU = H. Osthoff und K. Brugmann. Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1878 skk.
- Mucke (Мука) Histor. u. vergl. Laut- und Formenlehre... = K. E. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der nieder-sorbischen Sprache. Leipzig, 1891.
- Musgrave = ?
- Mülenbachs DJ (Mühlenbach, Мюленбах) = K. Mülenbachs. Daži jātajumi par latviešu valodu. I—IV. 1891 skk.
- Мюленбах Двойств. ч. = К. Мюленбах. О следах двойственного числа в латышском языке. (Atsevišķs novilkums no Изв. VIII 1, 1—74). Rīgā, 1898.
- Mülenbachs (Мюленбах) Teikums = Teikums. K. Mülenbacha apzērets. Rīgā, 1898.
- Müllera Mittelhochdeutsches Wörterbuch = W. Müller. Mittelhochdeutsches Wörterbuch.
- MWM = Mājas Viesa Mēnešraksts, ilustrēts literārisks un zinātnisks žurnāls. Rīgā, 1895—1905.
- N. = Pindari Nemea.
- нагов. = наговоры.
- Nesselmann (Нессельман) Thesaurus = F. Nesselmann. Thesaurus linguae prussicae. Berlin, 1873.
- Neue (Formenlehre) = Neue ?
- Носович Словарь белор. нар. = И. Носович. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
- Огоновский Rozprawy i sprawozd. z pos. wydz. fil. Ak. um. = ?
- O(1). = Pindari Olympicae.
- Olte Prakt. piezīmes biškopjiem = Olte. Praktiskas piezīmes biškopjiem.
- Osthoff MU — skat. MU.
- Osthoff Perf. = H. Osthoff. Zur Geschichte des Perfekts im Indogermanischen. Straßburg, 1884.
- P. = apud Pindarum.
- P. = Pindari Pythea.
- П. = Рукописный материал, собранный и предоставленный (Я. Эндзелину) К. Петерсоном.
- Paideia = Paideia. Rivista letteraria di informazione bibliografica. Genova.
- Pass. jeb Passio = Passio... aus deutscher Sprache in undeutsche gebracht durch Godthard Reymers. Königsberg, 1587.
- Paul Prinzipien = H. Paul. Prinzipien der Sprachgeschichte. (5. Auflage. Halle, 1920).
- PBrB = Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle, 1874 skk.
- Persson Stud. et. = P. Persson. Studia etymologica. Upsaliae, 1886.
- Peter De dial. Pind. = Peter. De dialecto Pindari. Halis, 1866.
- Philologus = Philologus. Zeitschrift für das klassische Altertum.
- Pierson et Wecklein = ?
- Pind. = Pindarus.

- Pind. N. = Pindari Nemea.
- Pischel Gramm. d. Präkrit-Sprachen = Pischel. Grammatik der Präkritsprachen.
- Plut. Demetr. = Plutarchi Demetrius Poliorcetes.
- погов. = поговорки.
- Погодин Следы = А. Л. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903.
- послов. = пословицы.
- Pott (Потт) Etymol. Forsch.² = A. Pott. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen. 1859—1876.
- Pr. = Prellwitz (BB publicējumos).
- Prace filol. = Prace Filologiczne. I—XVII. Warszawa, 1885—1937.
- Preller Gr. M. = L. Preller. Griechische Mythologie. I⁴, bearbeitet von C. Robert.
- Prellwitz (Etm. Wrthb.) = W. Prellwitz. Etymologisches Wörterbuch der griechischen Sprache. Göttingen.
- Progr. = ? Münster, 1885.
- пс. = псалтырь.
- Ps(almen²) = Psalmen und geistliche Lieder oder Gesänge, welche... in Liefvländischer Paursprache gesungen werden. Riga, 1615.
- Purapuķe J. Str. = J. Purapuķe. Jaunā strāva. Rīgā, 1895.
- Purapuķe Savs kaktiņš = J. Purapuķe. Savs kaktiņš, savs stūrītis zemes. 1904.
- P = St. Ramutt. Stownik języka pomorskiego czyli kaszubskiego. W Krakowie, 1893.
- Rad jugoslav. akad. = ?
- Rehehūzena gramatika = Johann Georg Rehehusen. Manuctio ad Linguam Letticam facilis et certa jeb Manuctio ad Linguam Lettonicam facilis et certa, monstrata à Joanne Georgo Rehehusen. (= Mag. 20).
- РФВ = Русский филологический вестник. 1879 skk.
- Rhein. Mus. f. Philol. N. F. = Rheinisches Museum für Philologie. Neue Folge.
- RKkr. = Rakstu krājums, Rīgas Latviešu biedrības Zinību komisijas izdots. I—XXIII. 1876—1940.
- Roscher = Roscher. Ausführliches Lexicon der griechischen und römischen Mythologie.
- Rosenberger (Formenlehre) (Rozenbergers) = Rosenberger. Formenlehre der lettischen Sprache. Mitau, 1830.
- Sächs. Ber. = Berichte über die Verhandlungen der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philol.-histor. Klasse.
- Samml. d. griech. Dialekt-Inschr. von Collitz — skat. Collitz.
- Sandys = ?
- Sapph. = Sappho.
- Сборн. (Акад. Н.) = Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб.
- Sborn. fil(ol). = Sbornik filologický. V Praze, 1910 skk.
- Сборн. Форт. = Сборник статей, посвященных... Филиппу Федоровичу Фортунатову. Варшава, 1902. (= РФВ XLVIII—XLIX).
- Сборн. Лам. = Сборник статей, посвященных В. И. Ломанскому по случаю 50-летия его ученой деятельности. 1, 2. СПб., 1907, 1908.

- Сборник произведений Манцелия — skat. Mancelius Post.
 Scherer GDSpr. = A. Scherer. Zur Geschichte der deutschen Sprache.
 Berlin, 1868.
- Schleicher Donal. = A. Schleicher. Christ. Donaleitis Litauische
 Dichtungen... 1865.
- Schleicher (Шлейхер) Gramm. = A. Schleicher. Handbuch der
 litauischen Sprache, I. Litauische Grammatik. Prag, 1856.
- Schleicher Leseb. = A. Schleicher. Handbuch der litauischen
 Sprache, II. Litauisches Lesebuch und Glossar. Prag, 1857.
- (J.) Schmidt Kritik = J. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. Eine sprach-
 wissenschaftliche Untersuchung. Weimar, 1895.
- Schmidt (И. Шмидт) Neutra = J. Schmidt. Die Pluralbildungen der indo-
 germanischen Neutra. Weimar, 1889.
- (J.) Schmidt Vok. = J. Schmidt. Zur Geschichte des indogermanischen
 Vokalismus. I, II. Weimar, 1871, 1875.
- P. Schmidt (Trojakaja dolgota) — skat. Шмидт Трояк. долг.
 Sept. = Septem contra Thebas.
- Sievers Grundzüge (der Phonetik) = E. Sievers. Grundzüge der Phonetik.
 Leipzig, 1881.
- Simon. = Simonides.
- Sitzungsber. d. kön.-böhm. Ges. d. Wiss., Classe f. Phil. — skat. Böhm.
 Sitzungsber.
- Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. der kais. Akad. d. Wiss. in Wien = Sitzungs-
 berichte der philosophisch-historischen Classe der kaiserlichen
 Akademie der Wissenschaften... in Wien. Skat. arī Wiener SB.
- Skalbe Kā es braucu = K. Skalbe. Kā es braucu Ziemeļmeitas lūkoties.
 1904.
- Словарь Курмина — skat. Курмина словарь.
- Словарь Ланге — skat. Ланге словарь.
- Словарь русск. яз. Академии Наук = Словарь русского языка, издан
 Вторым отделением Академии наук. СПб., 1891 skk.
- Словарь Стендера — skat. Stendera vārdnīca.
- Словарь Ульмана — skat. U.
- Smelters = Tautas dzišmu, posoku, meikļu un parunu voceleite. Sakrojīs
 P. Smelters. Rīgā, 1899.
- Соболевский Древний црк.-слав. яз. = А. И. Соболевский. Древний
 церковнославянский язык.
- Соболевский jeb Соболю. (Оп. русск. диал.) = А. И. Соболевский.
 Опыт русской диалектологии. СПб., 1897.
- Sommer Handb. d. lat. Laut- und Formenl. = F. Sommer. Handbuch der
 lateinischen Laut- und Formenlehre.
- Soph. Ph(il). = Sophoclis Philoctetes.
- Спр. = Памятники латышского народного творчества. Собраны и изданы
 Иваном Спрогисом. Вильна, 1868.
- Spr. d. pr. L. — skat. Bezenberger Spr. d. pr. L.
- Срезневский Mat. для слов. др.-р. яз. = И. И. Срезневский. Мате-
 риалы для словаря древнерусского языка. 1—3. СПб.,
 1893—1912.
- Stendera vārdnīca (словарь Стендера) = Gothard Friedrich
 Stender. Lettisches Lexikon. Mitau, 1789.

- Stender (Stenders) jeb Stender Gramm. = G. F. Stender. Lettische Grammatik. Zweite Auflage. Mitau, 1783.
- Stērste (Стере) = A. Stērste. Latviešu valodas mācība. I, II. Rīgā—Terbatā, 1879, 1880.
- Stob. = Stobaeus.
- Stokes Urkelt. Spr(achschatz) = W. Stokes. Urkeltischer Sprachschatz. Göttingen, 1894.
- SvD. jeb Svotb. d. — skat. Jušk. SvD.
- Syrach = Das Hausz-, Zucht- und Lehr-Buch Jesus Syrach... Riga, 1685.
- Ширвид PS = K. Szyrwids Punkty Kazań (Punktay Sakimu). 1629. (= LLD IV 1884).
- (П). Шмидт Трояк. долг. jeb P. Schmidt Trojakaja dolgota = П. Шмидт. Троякая долгота в латышском языке (atsevišķs novilkums по Сборн. LXVII).
- T. — skat. LtT.
- T. dz. = Tautas dziesmas, salasītas Ventas krastos Leišmalē. Liepājā, 1876.
- Tedeum — skat. Мосвид (Tedeum).
- Tēv(ija) = Tēvija, politisks un literārs nedēļas laikraksts. 1884—1914.
- Tēvijas turp. par bišk. = «Tēvijās» turpinājums par biškopību. (K. Grasmānis) 1894 (17. III).
- Them. = Plutarchi Themistocles (jeb vita Themistoclis).
- Theocr. = Theocritus.
- Theogn. = Theognis (-idis).
- Thomsen = V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog... København, 1890.
- Thucyd. = Thucydides.
- Thumb Hdb. d. gr. Dial. = A. Thumb (und E. Kieckers). Handbuch der griechischen Dialekte (2. Auflage. Heidelberg, 1932).
- Timocr. = Timocrates.
- titt. = titulus; titt. Dor. = tituli Dorici.
- T. Jauna Raža = ?
- Torbiörnsson Liqmet. = T. Torbiörnsson. Die gemeinslavische Liquida-Metathese. I, II. Upsala, 1901, 1903. (= Upsala Univers. Årsskrift 1902—1904. filosofi, språkvetenskap och historiska vetenskaper. I).
- Tr. Доп. = Дополнения Treilanda (skat. Трейланд) publicējumiem?
- Трейланд Мат. = Материалы по этнографии латышского племени. Под редакцией Ф. Трейланда. М., 1881. (= Известия импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XL. Труды Этнографического отдела, книга VI).
- Трейланд нар. п. = Fr. Brivzemnieka (Treilanda) publicētās latviešu tautasdziesmas rakstu krājumā «Сборник антропологических и этнографических статей о России и странах, ей прилежащих, издаваемый В. А. Дашковым», книга II. М., 1873. (= Известия импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XII).
- U (jeb Ulmann) = C. Chr. Ulmann. Lettisch-deutsches Wörterbuch. Riga, 1872.
- Uhlenbeck Etym. Wrthb. d. altind. Spr. jeb aind. etym. Wrthb. = C. C. Uhlenbeck. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der altindischen Sprache. Amsterdam, 1898—1899.

- Uhlenbeck Etym. Wrthb. d. got. Spr. jeb got. etym. Wrthb. = C. C. Uhlenbeck. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache². Amsterdam, 1900.
- Ульяновская = Märchen, aufgezeichnet von Stefania Ulanowska im Rosittenschen Kreis, abgedruckt in Zb.
- Ульянов Знач. = Г. Ульянов. Значения глагольных основ в литовско-славянском языке. I, II. Варшава, 1891, 1895.
- Ульмана словарь — skat. U.
- Und. Ps(alm). = Undeutsche Psalmen und geistliche Lieder oder Gesenge... neu herausgegeben von Prof. Dr. A. Bezzenberger und Dr. A. Bielenstein. Mitau—Hamburg, 1886.
- Universitas = Universitas linguarum Litvaniae... Denuo edidit... Joannes Rozwadowski. Cracoviae, 1896.
- v. = Plutarchi vitae.
- Wackernagel Altind. Gramm. = J. Wackernagel. Altindische Grammatik. Heidelberg, 1896 skk.
- Walde Lat. etym. Wrthb. = A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch.
- Verh. d. Vers. deutsch. Phil. u. Schulm. = Verhandlung der Versammlung deutscher Philologen und Schulmeister ?
- Вестн. археол. и истор. = Вестник археологии и истории?
- Wiedemann (Videmanis jeb Видеман) Handb. = O. Wiedemann. Handbuch der litauischen Sprache. Grammatik, Texte, Wörterbuch. Straßburg, 1897.
- Wiedemann Prät. (jeb Видеман Praet.) = O. Wiedemann. Das litauische Präteritum. Ein Beitrag zur Verbalflexion der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1897.
- Wiener SB = Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse. Skat. arī Sitzungsber. d. phil.-hist. Cl. ... in Wien.
- Vilniaus žinios = Vilniaus žinios, lietuviškas dienraštis. Vilnius, 1904—1909.
- Viltis = Viltis, visuomenis laikraštis. Vilnius, 1902—1915.
- Wista = Wisia, miesięcznik geograficzno-etnograficzny. Warszawa, 1887—1904.
- Voc. = Elbingas vokabulārs (Das Elbinger deutsch-preußische Vokabular).
- Wolters Lit. chrest(omatija) = Э. Вольтер. Литовская хрестоматия. Вып. 1, 2. СПб., 1901, 1904.
- Вольтер Мат. = Материалы для этнографии латышского племени Витебской губернии. Собрал... Э. А. Вольтер. СПб., 1890. (= Записки импер. Русск. географ. общества по Отдел. этнографии, т. XV, вып. I).
- Вольтер Об этногр(аф). поездке = Об этнографической поездке по Литве и Жмуди летом 1887 г. приват-доцента Э. А. Вольтера. (Приложение к т. 56 Записок импер. Ак. Н. № 5).
- von Planta Gramm. = R. von Planta. Grammatik der oskisch-umbri-schen Dialekte. I, II. Straßburg, 1892, 1897.
- Xen. Anab. = Xenophontis Anabasis.
- заг(ад). = загадки.
- Зап. И(мп). Ак. Н. = Записки императорской Академии наук. СПб.

Zb. (jeb Zbiór) = Zbiór Wiadomości do antropologii krajowej wydawany staraniem komisji antropologiczney Akademii umiejętności w Krakowie.

Zeus Grammatica Celtica = ?

Zimmermann Versuch... (Cimmermanis) = U. E. Zimmermann.
Versuch einer Geschichte der lettischen Literatur. Mitau, 1812.

ZslPh. = Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, 1925 skk.

Zubatý (Зубатый) Flickvok. = J. Zubatý. Über die sogenannten Flickvokale des lettischen Volkslieds. (= Böhm. Sitzungsber. 1895, Nr. XIX).

Zubatý Genitivend. = J. Zubatý. Über gewisse Genitivendungen des Lettischen, Slavischen und Altindischen. (= Böhm. Sitzungsber. 1897, Nr. XVII).

Zubatý (Зубатый) O alliteraci = J. Zubatý. O alliteraci v písniach lot. a lit. (= Böhm. Sitzungsber. 1894, Nr. III).

Zupitza (Die german. Gutturale) = E. Zupitza. Die germanischen Gutturale. Berlin, 1896.

Жив(ая) Стар(ина) = Живая старина, периодическое издание. СПб., 1890—1916.

ЖМНПр. = Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1867—1917.

Журн. Совета Спб. Университета = Журнал Совета С.-Петербургского Университета?

I = И. Эндзелин. Латышские предлоги. I. Юрьев, 1905.

II = И. Эндзелин. Латышские предлоги. II. Юрьев, 1906.

CITI SAISINĀJUMI

- a. a. O. = am angeführten Ort
 a(bl)(at). = ablativus
 ablg. = albulgarisch
 abl. limitat. = ablativus limitationis
 Acad. de scienc. = Académie des sciences
 a. Chr. n. = ante Christum natum
 acc. limitat. = accusativus limitationis
 a(cc)(us). = accusativus
 act. = activum
 Adv. = Adverb
 Aeol. = Aeolicum
 afries. = altfriesisch
 ahd. = althochdeutsch
 ai(nd). = altindisch
 Akk. = Akkusativ
 aksl. = altkirchenslavisch
 akut. = akuтованный
 akuz. = akuzātivs
 al. = alius, alibi
 alb. = albanский
 alit. = altiltauisch
 angl. = английский
 anglosaks. = anglosaksонский
 Anm. = Anmerkung
 annot. = annotatio
 aor. = aoristus
 agam. = agamāisch
 arg. = argolidский
 arch. = архив
 arkad. = arkadский
 arm. = армянский
 as. = altsächsisch
 assyr. = assyrisch
 Att., att. = Atticus
 att. = аттический
 Aufl. = Auflage
 av. = avestas
 ав. = авестийский
 балт. = балтийский
 Bd. = Band
 bearb. = bearbeitet
 б(ело)р. = белорусский
 bezw. = beziehungsweise
 болг. = болгарский
 брет. = бретонский
 буд. время = будущее время
 burtn. = burtnīca
 c. = carmen
 cand. phil. = candidatus philologiae
 с(ар). = carpat
 cf. = confer
 cien. = cienījamais
 comm. = communis
 comp(ar). = comparativus
 cond. = conditionalis
 conf. = confinis
 coni. = coniunctivus
 coni. aor. = coniunctivus aoristi
 contr. = contractus
 ц(рк).-сл(ав)., црк. = древнецерковно-славянский, древнеславянский
 č. = čechu
 ч. = часть
 ч. = число
 čak. = čakavisch
 чеш(ск). = чешский
 чит. = читай
 d. = deutsch
 dat. = dativus, dativs
 Dat. = Dativ
 дат. п. = дательный падеж
 daudzsk. = daudzskaitlis
 decl(inat). = declinatio

действ. зал. = действительный залог
дек. = декан
demin. = diminutivum
Demin. = Diminutiv
d. h. = das heißt
dial. = dialectus, dialektisch
Dial. = Dialekt
диал. = диалектная форма
divsk. = divskaitlis
длит. инт. = длительная интонация
доп. = дополнение
dor., Dor. = dorisch, Doricus
др. = другие
древнеляшк(ий) = кашубо-польский
древнелт. = древнелатинский
древнеп. = древнепольский
древнер., др.-р. = древнерусский
др(евне)сакс. = древнесаксонский
древрхн. = древневерхненемецкий
др.-инд. = древнеиндийский
др.-лит. = древнелитовский
др.-перс. = древнеперсидский
др.-польск. = древнепольский
др.-прусс(ий) = древнепруссский
dr. skol. = draudzes skola
дрвр(х)н. jeb др.-врх.-н. vai древне-
верхне-н. jeb др.-верхненем. =
древневерхненемецкий
du. = dualis
двойств. ч. = двойственное число
dz. = dziesma
ед(инств). ч(исло) = единственное
число
ed. = edidit, edition
eig. = eigentlich
зол. = эолический
epic. = epicus
epigr. = epigramma(ta)
эст. = эстонский
etc. = et cetera
etr. = etruskisch
европ. = европейский
f. = und folgende (Seite)
fem. = femininum
F(em). = Femininum
фессал. = фессалийский

ff. = und folgende (Seiten)
fr. = fragmentum
фр(анц). = французский
frz. = französisch
fut. = futurum
Fut. = Futur
fut. ex. = futurum exactum
g. = gada, gadā
г. = год, господин
G. = Genus
гаэльск. = гаэльский
гальск. = галльский
gemeinlett. = gemeinlettisch
g(en). = generis
Gen. = Genitiv
gen(it)., g. = genitivus
герм. = германский
gerund. = gerundium
geschr. = geschrieben
gespr. = gesprochen
гл. = глава
глар. = глагол
gls. = gleichfalls
gort. = gortynisch
got. = gotisch
гот. = готский
гов. = говор
gr. = grāmata
гр(еч). = древнегреческий
gr(iech). = griechisch
губ. = губерния
gub. = guberņa
ġen. = ġenitīvs
hochlett. = hochlettisch
hochlit. = hochlitauisch
хорв. = хорватский
Hrn. = Herrn
ib(i)d. = ibidem
иде., индоевр(оп). =
индоевропейский
i. e. = id est
им. = имени
им(ен)(ит). п(ад). = именительный
падеж
imp(er)(at). = imperativus
imperāt. = imperātīvs

imperf. = imperfectum
ind(ic). = indicativus
indoeurop. = indoeuropäisch
индоевр(он). = индоевропейский
indog. = indogermanisch
inf(in). = infinitivus
Inf(in). = Infinitiv
Instr. = Instrumentalis
instr(um). = instrumentalis, instrumentālis
инт(он). = интонация
ион. = ионический
ion. = Ionicus
ir. = irisch
ирл. = ирландский
ital. = italienisch
и т. д. = и так далее
и т. п. = и тому подобное
изд. = издание
яз. = язык
юридич. = юридический
южнослав. = южнославянский
к., кельт(ск). = кельтский
kasch. = kaschubisch
kaš. = kašubi
каш(уб). = кашубский
кат. = категория
кельт. = кельтский
kgs = kungs
кимр. = кимрский
кипр. = кипрский
Kl. = Klasse
klr., kleinr(uss). = kleinrussisch
кн. = книга
Komp. = Komparativ
Kond. = Konditional
Kons. = Konsonant
K(orr).-n(ote) = Korrekturnote
kr. = krievu
ksl. = kirchenslavisch
κτ. ≡ και τὰ λοιπά
л. = лета
л. = лицо
ла. = латышский
lat. = lateinisch
Lat. = Latine

лат(ин)., лт. vai латинск. = латинский
latv. = latviešu
l. c. = loco citato
lei. = leišu
Lesb. = Lesbiacus
le(tt). = lettisch
Lett. = Lettisch
liet. = lietuviešu
lit. = litauisch
Lit. = Lituanicum, Litauisch
лит. = литовский
лит(овско)-ла. = литовско-латышский
лив. = ливский
l. l. = loca
loc. = locativus
loc. sing. = locativus singularis
lok. = lokatīvs
Lok. = Lokativ
локр. = локридский
lpp. = lappuse
лт. = латинский
луж. = лужицкий
m. = muiža
Mag. = Magister
mag. = магистр
mhd. = mittelhochdeutsch
малор., мр. = малорусский
masc. = masculinum
M(ask). = Maskulinum
m. E. = meines Erachtens
местн. падеж = местный падеж
множ. ч(исло) = множественное число
monum. = monumentum
мр. = малорусский
муж(ск). р. = мужской род
N = numurs
n. = numerus
N. = Neutrum
N. = Notiz
Nachtr. = Nachtrag
напр. = например
нар. = наречие
нар. = народный

прош. вр(ем). = прошедшее время
prs. hist. = praesens historicum
prt., part(ic). = participium
прусск. = (древне)пруссский
прусск. ла. = прусские латыши
прусколит., прусско-лит. = пруссколитовский
р. = река, речка
р. = русский
Red. = Izlases sagatavotāju piezīmes
Ред. = Редакция
redig. = redigiert
refl. = refleksīvs, reflexivum
resp. = respektīvi, respektive
RLB = Rīgas Latviešu biedrība
род(ит). п(адеж) = родительный падеж
Ross. = Rossicum
rslt. = resultatīv, резульативная форма
russ. = russisch
р(усск). = русский
s. = scilicet?
s. = siehe!
s. = singularis
S. = Seite
S. = Singular
sal(idz.). = salīdzini
sanscr. = sanscritus
sansk. = sanskrits
с(анс)кр. = санскритский
schriftlett. = schriftlettisch
schriftlit. = schriftlitauisch
scil. = scilicet
sec. = second
senind. = senindiešu
serb. = serbisch
с(е)рб. = сербский
севернолит. = севернолитовский
сев.-кашубск. = севернокашубский
siev. k. = sieviešu kārta resp. dzimte
s(ing). = singularis
S(ing). = Singular
sk. = un sekojošais
skat. = skaties
skk. = un sekojošie

скр. = санскритский
сл. = и следующий
сл(ав). = славянский
slav. = slavisch
Slav. = Slavisch
славянобалт. = славянобалтийский
с(л). = и следующие
слов. = словацкий
слов. = словарь
словинск. = словинский
сложн. = сложный
см. = смотри
собст. = собственно
соверш. вид. = совершенный вид
sq. = sequens
ср(авн). = сравни
сравн(ит). степ. = сравнительная степень
s(rb). = serbu (vai sorbu)
срб., серб(ск). = сербский
среднела. = среднелатышский
ср(едн). р. = средний род
ср.-нем. = средненемецкий
ср.-н.-нем. = средненижненемецкий
ср.-врх.-н., средневрхн. = средневрхненемецкий
ст. = сторона
старолит. = старолитовский
ст(ол). = столетие
стр. = страница
страд. зал. = страдательный залог
sup. = supīns, supinum
Sup. = Supinum
superl. = gradus superlativus
сущ. = существительное
s. v. = sub voce
сыр. = syrisch
т. = том
taml. = tamlīdzīgi
t. dz. = tautasdziesma
т. е. = то есть
theol. = theologia
t. i. = tas ir
т. п. = тому подобное
troch. = trochaeus
tulk. = tulkojums

твор(ит). п. = творительный падеж
у. = уезд
и. = und
и. а. = und andere
übers. = übersetzt
и. с. = un citi
удар. = ударение
umbr. = umbrisch
умбр. = умбрский
urkelt. = urkeltisch
urslav. = urslavisch
и. с. = un sekojošais
и. с. w. = und so weiter
utt. = un tā tālāk
в. = век
v(ar). = variants
вар. = вариант
Var. = Variante
вед. = ведийский
v(er)gl. = vergleiche, vergleichend
верхнела. = верхнелатышский
верхнел(уж). = верхнелужицкий
v(ers). = versus

viensk. = vienskaitlis
вин(ит). п(ад). = винительный падеж
vīr. k. = vīriešu kārta resp. dzimte
вм. = вместо
voc. = vocativus
Vok. = Vokatīv
вопрос. = вопросительный
восход. инт. = восходящая интонация
восточнола. = восточнолатышский
восточнолит. = восточнолитовский
vulg. = vulgaris
V(V). = Variante(n)
v(v). = versus
з. = зендский
ZA = Zinātņu akadēmija
заг. = заглавие
z. B. = zum Beispiel
Zin. kom. = Rīgas Latviešu biedrības
Zinību komisija
z. T. = zum Teil
зват. пад(еж) = звательный падеж
žem. = žemaitisch
женск. р. = женский род

**VIETU VĀRDU TULKOJUMI
RESP. PASKAIDROJUMI**

- A(.)- (= Alt-) = Vec-
 Aahof = Lejasciems
 Abau = Abava
 Ad., Ād. = Ādaži
 Adiamünde = Skulte
 Adsel, Адзель = Gaujiena
 Adsel-Schwarzhof (in Livland),
 Адзель-Шварцгоф = Zvārtava
 адзельский = Gaujienas
 Адзирн = Ādzire jeb Aizdzire
 (Kandavā)
 Айстерн = Aistere
 Aizviķe jeb Azviķe vai Āzviķe =
 Aizviķi
 A.-Kalzenau, Альт-Кальценау =
 Veckalsnava
 Al. = Aloja
 Allendorf = Aloja
 Alschwangen, Алышванген = Alsunga
 Alswig = Alsviķis
 Alšvanga = Alsunga
 Альт-Аутц = Vecauce
 Альт-Кальценау = Veckalsnava
 A(lt)-Pebalg, Альт-Пебальг =
 Vecpiebalga
 альт-пебальгский = Vecpiebalgas
 Alt-Salis, Альт-Залис = Vecsalaca
 jeb Vecsalace
 Альт-Жв(арден) = Veczvārde
 (Zvārdē)
 Aluksne = Alūksne
 Alž. = Allaži
 Amboten, Амботен = Embūte
 Анцен = Ance
 анценский = Ances
 андреевск(ий) = Endriejavas
 (Lietuvā)
 Andrepno = Andrupine jeb
 Andrupene
 Angermünde, Ангермюнде = Rinda
 (Ancē)
 ангермюндск(ий) = Rindas
 Анненгоф = Annasmuiža jeb
 Annenieki
 Anzen, Анцен = Ance
 Appricken, Апприкен = Apriķi
 Апшуппен = Aršupe
 Āraiži = Āraiši
 Appac = Arakste
 Appash = Āraiši
 Auciems (Raiskumā)
 Augulene = Anguliena (Lejasciemā)
 Аути = Auce
 Āzdzijas = Aizdzire (Kandavā)
 Āzpute = Aizpute
 Baižkaln = Baižkalns
 Baldohn, Бальдон = Baldone
 Baltinov = Baltinava
 Batciems = Bāciems (Sējā)
 Бауэнгоф = Bauņi
 Bauske, Бауске = Bauska
 баускенск(ий) = Bauskas
 Беббен = Bebe (Vērgalē)
 Behnen, Бенен = Bēne
 Behrshof, Берсгоф = Bērsmuiža
 jeb Bērze
 бейсагольск(ий) = Baisogalas
 (Lietuvā)
 бененск(ий) = Bēnes
 Bēravircava = Bērvircava (Elejā)
 берсгофск(ий) = Bērzes
 Bersohn, Берзон = Bērzaune
 Bērzone = Bērzaune
 Bierzgale = Bērzgale

- Bigauņi = Bigauņciems
 Birsen = Birži
 Bixten, Бикстен = Biksti
 Blieden, Блиден = Blidiene jeb Blīdene
 Borchow = Barkava
 Bormaņi (Трапенē)
 Бринкерс-Педвален = Briņķa Pidole (Matkulē)
 Броцен = Broceni
 броценск(ий) = Brocenu
 Bukm. = Bukmuiža
 Burtneck, Буртнек = Burtnieki
 Цабельн = Sabile
 цабельнск(ий) = Sabiles
 Цемпенгоф = Cempi (Jaunvālē)
 Цирау = Cirava
 цирауск(ий) = Ciravas
 D. Crottingen = Deutsch-Crottingen = Kretingale (Lietuvā)
 Дерпт = Tērbata jeb Tartu
 Dewen = Devēna (Vestienā)
 Dickeln, Дик(к)ельн = Dikļi
 Dinaminde, Дн. = Daugavgrīva
 Doblen, Доблен = Dobele
 Dondangen, Донданген = Dundanga jeb Dundaga
 дондангенск(ий) = Dundagas
 Dorbiany = Darbēni, liet. Darbēnai
 Dorpat = Tērbata jeb Tartu
 Дорсунишки = Darsūnišķi, liet. Darsūnišķis
 Dricani = Dricēni
 Drieliņi (Pālē)
 Drostenhof, Дростенгоф = Drusti
 Dubena, Дубена = Dignāja
 Dubenalken, Дубеналькен = Dunalka
 дубеналькенск(ий) = Dunalkas
 Duhren, Дурен = Dūras (Kurzemē)
 Dūja(s) = Tūja
 Durben = Durbe
 Дурен = Dūru muiža (Zemgalē, Blidenē)
 Дусяты = Dusetas, liet. Dusetos
 Дусятск(ий) = Dusetu (Lietuvā)
 Двина = Daugava
- Дзервен = Dzērve
 Dzimts-Garoze = Garoze (Codē)
 Эдвален = Ēdole
 Экау, Экау = Iecava
 экауский = Iecavas
 Экендорф = Ozolmuiža (Zemgalē, Smārdē, dienvidaustrumos no Tukuma)
 Ekengraf, Экенграф = Viesīte
 Эллей = Elēja jeb Eleja
 Енҗеларти = Englārte jeb Engelharte (Krimuldā)
 Erlaa, Эрлаа = Ērgli
 Эрмес = Ērgeme
 Эрвален = Ārlava
 Еуропа = Eiropa
 Fehteln, Фетельн = Vietalva
 Феликсберг = Pilsbergi (Jūrkalnē)
 Festen, Фестен = Vestiena
 Firckshof = Jaunvirka (Kuldīgas pagastā) vai Firksi (Matkulē)
 Frauenburg, Фрауэнбург = Saldus
 Gaiken, Гайкен = Gaiķi
 Gaikensch = Gaiķu
 Gaweesen, Гавезен = Gavieze
 гавезенск(ий) = Gaviezes
 Газав = Užava
 Газенпот = Aizpute
 газенпотск(ий) = Aizputes
 гервятск(ий) = Gervjatu (Baltkrievijā)
 Годлево = Garļava, liet. Garliava
 годлевск(ий) = Garļavas (Lietuvā)
 Гохрозен = Augstroze
 Goldingen, Гольдинген = Kuldīga
 Гольдингенский у(езд) = Kuldīgas apriņķis
 Гольмгоф = Ābeļi
 Gōtt. = Göttingen
 Gramsden, Грамзден = Gramzda
 Граузден = Grauzdes muiža (Džūkstē)
 Grazdohn = Großdohn jeb Grosdohn = Grostona
 Gr. Buschhof, Гросс-Бушгоф = Birži
 Грëзен = Grieze (Nīgrandē)

Kumbern, Кумберн = Kumbri
(Lutriņos)

Купишки = Kupiški, liet. Kupiškis
купишск(ий) = Kupišku (Lietuvā)

Kurland, Курляндия, Курл. =
Kurzeme

курляндск(ий) = Kurzemes

Kursiten = Kursiši

Kursu kāpas = Kuršu kāpas

Куртовяны = Kurtuvēni, liet.
Kurtuvēnai

куртовянск(ий) = Kurtuvēnu
(Lietuvā)

Ķirbiži (Vitrupē)

L., Ladenhof = Lāde

Lahnen, Ланен = Lāņi (Vecpili)

Лайдзен = Laidze

Ламминген = Lamiņi (Dzirciemā)

Landsk(o)rona = Sļaune

Lassen = Laši

Laudohn = Ļaudona

Ld. = Lēdurga

Leiksna = Ļiksna

Leitischneeken = Leitīšnieki (Nīcā)

Лембург = Mālpils

Лемнен = Leimaņi

Lemsal, Лемзал = Limbaži

Ленневарден = Lielvārde

Lesten, Лестен = Lestene

L-Ezere = Lielezere jeb Ezere

Лэзерн = Liezēre

Либау = Liepāja

Либыен = Biksēre (Patkulē)

Лида = Lida (Baltkrievijā)

Лидский = Lidas (Baltkrievijā)

Lielstr. = Lielstraupe

Liewenbersen, Ливенс-Берзен =
Līvberze

Лифл(яндия) = Vidzeme

лифляндск(ий) = Vidzemes

Лигуттен = Līguti (Durbē)

Ļiksna, Ликсна = Ļiksna

Limb. = Limbaži

Линденберг = Tinūži

Линден (в Курл.) = Linde
(Birzgalē)

линденск(ий) (Курл.) = Lindes
(Birzgalē)

Линден (в Лифл.) = Liepkalne

Липайкен = Lipaiķi (Turļavā)

Lipna = Liepna

Lips. = Lipsia = Leipģiga

Липстгузен = Libagi

Lisohn, Лизон = Lizums

Līve = Daugmale

Livland, Лифляндия = Vidzeme

Lm. = Limbaži

Lod(d)iger, Лоддигер = Lēdurga

Lösern, Лёзерн = Liezēre

Lp. = Liepupe

Lpz. = Leipzig

LS = Lielsalaca jeb Lielsalce

Lubahn, Лубан = Lubāna

Луббенгоф в Курл. = Lube
(Ārlavā)

Lubb-Essern = Lubezere

Луде = Lugaži

Ludsen = Ludza

Лутринген-Нейгоф = Lutriņi
Jaunāmuiža

Luttringen, Лутринген = Lutriņi

Людвиново = Ļudvina, liet.
Liudvina, liet.

людвиновск(ий) = Ļudvina, liet.
(Lietuvā)

Marzen, Марцена = Mārciena

Marienburg = Alūksne

Marienhause = Viļaka

Мариямполь = Marijampole, tagad
Kapsuka, liet. Kapsukas

Марьямполь(ский) у(езд) =
Marijampoles apriņķis

Markgrafen = Mērsrags

Маткульн = Matkule

Mazstr. = Mazstraupe

Meddicken = ?

Mehrhof, Метроф = Mēris

Мејран = Meirāni

Меҗе (Liepupē)

Мелдзерн = Meldzere (Nīgrandē)

Мемель = Klaipe, liet. Klaipe

мем(е)льск(ий) = Klaipe

Мезелау = Mēdzūla
 Мисегоф = Misa
 Митау, Mītau = Jelgava
 Muhremoīs = Mūrmuiža
 Муизинка = ?
 N., Nabben = Nabe
 Нерфт = Nereta
 Нервенсберг = Leimaņi
 (Vecpiebalgā)
 Neu-Autz, Ней-Аутц = Jaunauce
 Нейгут = Vecmuiža (Zemgalē) jeb
 Vecumnieki
 нейгутск(ий) = Vecumnieku
 Ней-Шваненбург = Jaungulbene
 Нейвакен = Jaunpagasts jeb Virbi
 Neuenburg, Нейенбург = Jaunpils
 (Zemgalē)
 Neuermühlen = Ādaži
 Neu-Salis = Sveiciems jeb Svēciems
 Нидден = Nida (Kuršu kāpās)
 нидденск(ий) = Nidas (Kuršu kāpās)
 Нидер-Бартау, Nieder-Bartau = Nīca
 нидер-бартауский = Nīcas
 Nigranden, Нигранден = Nīgranda
 jeb Nīgrande
 Nītau = Nītaure
 Нижн(яя) Курлянд(ия) =
 Lejaskurzeme
 Ногаллен = Nogale
 Новоалександровск = Zarasi, liet.
 Zarasai
 Новоалександровский у(езд) =
 Zarasu apriņķis (Lietuvā)
 Ново-Пебальг = Jaunpiebalga
 Нурмгузен = Nurmuiža (Laucienē)
 Nurmis = Nurmīži (Vildogā)
 Ober-Bartau, Обер-Бартау = Bārta
 Odensee, Одензе = Odziena
 Ōdjen = Mētriena
 Odzene = Odziena
 Ohselshof unter Linden = Ozoli
 (Liepkalnē)
 Оксельн = Oksle (Cērē)
 оксельнск(ий) = Oksles (Cērē)
 Оникшты = Anīkšči, liet. Anykščiai
 Olai, Олай = Olaine

Олькеники = Valķininki, liet.
 Valkininkai
 Оре = Ape
 Орекалнс, Ор(р)екалн, Оппекалн =
 Arukalns
 Osune = Asūne
 Ошенекен = Ošenieki (Lutriņos)
 ошенекенск(ий) = Ošenieku
 (Lutriņos)
 Ошмяны = Ošmjani (Baltkrievijā)
 ошмянский = Ošmjani
 (Baltkrievijā)
 Озельн = Ozolmuiža (Kurzemē,
 Rendā)
 Озельсгроф = Ozolmuiža (Vidzemē),
 Ozoli (Liepkalnē)
 Ozolmuiža (pie Jelgavas) =
 Ozolnieki
 Pabbasch = Pabaži
 Paddern, Паддерн = Padure
 Palzmar, Пальцмар = Palsmanes
 пальцмарск(ий) = Palsmanes
 Папендорф = Pārēni un
 Rubene (Kieģeļos)
 Папенская деревня = Pape
 папенск(ий) = Papes
 Паулсгнаде = Ozolmuiža
 (Zemgalē, Ozolniekos)
 Паурен = Paure (Sātiņos)
 Pebalg, Пебальг = Piebalga
 Перкунен = Pērkone
 Pernigel, Пернигель = Liepupe
 Perwelk, Первельк = Pērvelka
 (Kuršu kāpās)
 первелькск(ий) = Pērvelkas
 (Kuršu kāpās)
 Петергоф = Pēternieki
 Petersb. = Petersburg, tagad
 Ļeņingrada
 Peterskapelle = Pēterupe (Bīriņos)
 Пикстерн, Pixtern = Pīkstere
 (Sunākstē)
 Pilten, Пильтен = Piltene
 Piņķi (Babītē)
 Планен = Plāņi (Zantē)
 планенск(ий) = Plāņu

Selburg, Зельбург = Sēlpils
 Selsau, Зельзау = Dzelzava
 Serben, Зербен = Dzērbene
 Serbigal, Зербигал = Cirgaļi jeb
 Aumeisteri(s)
 Sērpils = Sēlpils
 Сессау = Sesava
 Сессилен = Sesile (Sātiņos)
 Seßwegen = Cesvaine jeb
 Cesveine
 Setzen, Сещен = Sece
 Sg. = Sigulda
 Синолен = Sinole
 Sirgen, Зирген = Zira jeb Dzira
 Siuxt, Жукст = Džūkste
 Sl. = Sloka
 Слоним, Slonim = Slonima
 (Baltkrievijā)
 Слонимск(ий) у(езд) =
 Slonimas apriņķis
 Slp. = Salaspils
 Smiltен, Смилтен = Smiltene
 смилтенск(ий) = Smiltenes
 Sonnaxt = Sunākste
 Спарен = Spāre
 Sprūgu с(iems) = ?
 Средняя Курляндия = Viduskurzeme
 jeb Kurzemes vidiene (Zemgale)
 Stāmere = Stāmeriene
 Stenden, Стенден = Stende
 St.-Petersb. = Saint-Petersbourg
 Str. = Straupe
 Straßb. = Straßburg
 Строкен = Stroķi (Vecpili)
 Strutteln, Струттельн = Strutele
 Stukmaņi = Pļaviņas
 Ступроф = Stūri
 Suhrs, Зурс = Zūras
 Sunakste = Sunākste
 Сунцель = Suntaži
 Sussikas = Vecmuiža (Tūjā)
 Сувалки = Suvalki, liet. Suvalkai,
 tagad Suvalki (Polijā)
 Сувалкская губерния = Suvalku
 губерņa
 Svei(ciems) = Svēciems

Свенцияны = Švenčone, liet.
 Švenčionys
 свенцянк(ий) = Švenčones
 (Lietuvā)
 Sventājas baznīca (bij. Rucavas
 pagastā)
 Swirdsen, Звирдзен = Zvirgzdine
 jeb Zvirgzdene
 Свядосы = Svēdasi, liet. Svēdasai
 свядосск(ий) = Svēdasu (Lietuvā)
 Шадова = Šeduva (Lietuvā)
 шадовск(ий) = Šeduvas (Lietuvā)
 Шавельск(ий) у(езд) = Šauļu
 apriņķis (Lietuvā)
 шавельск(ий) = Šauļu (Lietuvā)
 Шавли = Šauļi, liet. Šiauliai
 Шеден = Šķēde (Vārmē)
 Šķirstiņi (Pālē)
 Шлампен = Šlampe
 Шлек = Zlēkas
 Шлок = Sloka
 Шмарден = Smārde
 Шнепельн = Snēpele
 Шрунден = Skrunda
 шрунденск(ий) = Skrundas
 Штокмансгоф = Pļaviņas
 Шуен = Skujene
 Шуенпален = Bumbroka jeb
 Budenbroka (Dikļos)
 шуенск(ий) = Skujenes
 Швекшна = Svēkšna, liet. Svēkšna
 швекшнянск(ий) = Svēkšnas
 (Lietuvā)
 Швиттен = Svitene
 Тадайкен = Tadaikī
 Talsen, Тальсен = Talsi
 Тальсенск(ий) у(езд) = Talsu
 apriņķis
 Targeln, Таргельн = Tārgale (Ventā)
 Tegasch = Tiegaži (Katvaros)
 Тельши = Telši, liet. Telšiai
 Тельшевск(ий) у(езд) = Telšu
 apriņķis (Lietuvā)
 тельшевск(ий) = Telšu (Lietuvā)
 Терваты = Gervjati (Baltkrievijā)?
 Tirsen, Тирзен = Tirza

Трейден = Turaida
 Trikatēn, Трикатен = Trikāta
 Трикатенский = Trikātas
 Троки = Traki, liet. Trakai
 Трокск(ий) у(езд) = Traku apriņķis
 (Lietuvā)
 Турлау = Turlava
 Тутеңи = Tuteņi (Latgalē, varbūt
 Mērdzinē)
 Тверечь = Tverečus, liet. Tverečius
 тверечск(ий) = Tverečus (Lietuvā)
 Ubbenorm = Umurga
 Удзен = Udze (Bērzē)
 Угален = Ugāle
 Удрия = Udrija (Lietuvā)
 Улпisch = Stiene
 Um. = Umurga
 Unguri = Kūdums
 Ungurpils (Alojā)
 V(.) = Vec-
 Вайноден = Vaiņode
 Вальгален = Valgāle jeb Valgale
 (pie Sabiles)
 валкск(ий) = Valkas
 Wallhof, Вальгоф = Valle
 Вальдегален = Valgale jeb
 Valdegāle (Laidzē)
 вальдегаленск(ий) = Valgales
 (Laidzē)
 Вал(ь)к = Valka
 Ванен, Wannen = Vāne
 Вандзен = Vandzene
 Warkland = Varakļāni
 Weinschenken, Вейншенкен = Višiņķi
 (Remtē)
 Векшни = Vieķņi, liet. Vieķšņiai
 векшнянск(ий) = Vieķņi (Lietuvā)
 Вельден = Velda (Vaiņodē)
 Welopen = Viļāni
 Wenden, Венден = Cēsis
 венденск(ий) = Cēsu
 Wensau, Бензау = Vendzava (Zirā)
 Верхняя Курляндия = Augškurzeme
 jeb Augšzemgale
 Wesaten = Viesati (Remtē)
 Westlivland = Rietumvidzeme

Вибинген = Vībiņi (Embūtē)
 Vīciems = Vijciems
 Widdrisch = Vidriži
 Wiexeln = Vīksele (Slampē)
 Вил(енская) губ(ерния) = Viļņas
 guberņa
 Wilkenhof, Вилькенгоф = Viļķene
 вилкомирск(ий) = Ukmerģes
 (Lietuvā)
 Viļķeni = Viļķene
 Вильзенгоф = Vilzēni
 Windau, Виндау = Ventspils
 Виндава = Venta
 Вирбен = Virbi
 Wirginahlen, Виргинален = Vērgale
 Вит. = Витебская губерния =
 Vitebskas guberņa
 Вюрцау = Vircava
 Вобольнинки = Vabalninka, liet.
 Vabalninkas
 вобольнинск(ий) = Vabalninkas
 (Lietuvā)
 Wohlfahrt, Вольфарт = Ēvele
 Wolmar, Вольмар = Valmiera
 Wolmarshof, Вольмарсгоф =
 Valmiermuiža
 вольмарск(ий) = Valmieras
 Wolmarsch = Valmieras
 Vorkova, Воркова = Vārkava
 Worgnen, Вормен = Vārme jeb Vārma
 Ворни = Varņi, liet. Varniai
 Ворняны = Vorņani (Baltkrievijā)
 Залисбург = Mazsalaca jeb
 Mazsalace
 залисбургск(ий) = Mazsalacas
 Зальвен = Zalva jeb Zaļve
 Замитен = Zemīte
 Заркау = Sarkava (Kuršu kāpās)
 заркауск(ий) = Sarkavas
 (Kuršu kāpās)
 Zarnikau = Carnikava
 Зегевольд = Sigulda
 Зельбург = Sēlpils
 зельбургск(ий) = Sēlpils
 Зельгербен = Dzirciems

зельгербенск(ий) = Dzirciema
Зельзау = Dzelzava
зельзауск(ий) = Dzelzavas
Зербен = Dzērbene
Зербигал = Cirgaļi jeb Aumeisteri(s)
зербигальск(ий) = Cirgaļu jeb
Aumeistera
Zierpelhof = Sīpele
Zirgau, Цирау = Cīrava

Зирген = Zira jeb Dzira
Zirsten = Cirsti
Зурс = Zūras
Zyteliškiai = ?
Звирдзен, Swirdsen = Zvirgzdine
jeb Zvirgzdene
Жмудри = ?
Жукст = Džūkste
Жварден = Zvārde

SATURA RĀDITĀJS
[СОДЕРЖАНИЕ. INHALTSVERZEICHNIS]

Ievadam	9
Предисловие	11
Vorwort	13

1897

Diftongu un garo vokāļu izruna latviešu valodā [Произношение дифтонгов и долгих гласных в латышском языке. Die Aussprache der Diphthonge und der langen Vokale im Lettischen]	17
Par latviešu prepozīcijām [О латышских предлогах. Über die lettischen Präpositionen]	31
I. Par prepozīciju rekciju	31
II. Par prepozīcijas <i>pēc</i> etimoloģiju	35
Coniectanea in versus 266—327 Baccharum Euripidis [Piezīmes par Euripida «Bakchanšu» tekstu (no 266. līdz 327. rindai). Кое-что о стихах 266—327 «Вакханок» Эврипида. Zur Frage der Verse 266—327 der «Bacchantinen» von Euripides]	38

1898

De dialecto et elocutione Bacchylidis [Par Bakchilida valodu un stilu. О языке и способах выражения Бакхилида. Über die Sprache und Ausdrucksweise Bacchylidis]	44
---	----

1899

Латышские заимствования из славянских языков [Latviešu aizgūvumi no slavu valodām. Lettische Entlehnungen aus den slavischen Sprachen]	80
Let. <i>dziņnavas, pelavas, ragavas</i> und der Gen. Plur. der <i>u</i> -Stämme in den baltischen Sprachen [Latviešu <i>dziņnavas, pelavas, ragavas</i> un <i>u</i> - celmu daudzsk. ģenitīvs baltu valodās. Латышские слова <i>dziņnavas, pelavas, ragavas</i> и род. п. мн. ч. основ на <i>u</i> - в балтийских языках]	114
Über den lettischen Silbenakzent [Par latviešu zilbes akcentu. О слогуударении в латышском языке]	117

Instrumentālis [Творительный падеж. Der Instrumental]	133
Kā cēlies un lietojams latviešu valodas dēbitivs? [Как возник и когда употребляется в латышском языке дебитив (наклонение долженствования)? Wie ist der lettische Debitiv entstanden und wie wird er gebraucht?]	138
Ursprung und Gebrauch des lettischen Debitivs [Latviešu dēbitīva cilme un lietošana. Возникновение и употребление латышского дебитива]	143
Latviešu valodas izloksnes, teksti un apraksti, no J. Endzelīna un K. Mūlenbacha [Латышские говоры. Тексты и описания. (Я. Эндзелин и К. Мюленбах). Die lettischen Mundarten. Texte und Beschreibungen von J. Endzelin und K. Mühlenbach]	151
Iepriekšējas piezīmes	151
I. Vidzemes rietumu izloksnes	153
II. Rūjenes izloksnes	183
Par latviešu valodas refleksīvām formām [О возвратных формах в латышском языке. Über die reflexiven Formen des Lettischen]	187
Заметки к латышской акцентовке [Piezīmes par latviešu intonāciju sistēmu. Bemerkungen zur Akzentuierung im Lettischen]	196

Индоевропейское ударение [Indoeiropiešu akcents. Der indoeuropäische Akzent]	204
Druskas iz valodniecības [Кое-что из области языкознания. Sprachwissenschaftliche Miscellen]	210
Исследования в области кашубского языка [Pētījumi kašubu valodas laukā. Untersuchungen auf dem Gebiete des Kaschubischen]	213
Предварительные заметки о кашубской графике	214
I. Кашубская форма праславянского сочетания <i>tärt</i>	216
II. Мелкие заметки по кашубской фонетике	234
III. Заметки по кашубской морфологии	238
IV. Этимологические мелочи	240
Lettische Komparativbildungen [Latviešu komparātīva formas. Степени сравнения в латышском языке]	243
Lettische Etymologien [Latviešu valodas etimoloģijas. Латышские этимологии]	247
Lettische Etymologien [Latviešu valodas etimoloģijas. Латышские этимологии]	251
Zu den lettischen Zahlwörtern [Par latviešu skaitļa vārdiem. О латышских числительных]	253
Zur Deklination der lettischen bestimmten Adjektiva [Par latviešu noteikto adjektīvu deklināciju. О склонении прилагательных с определенным окончанием в латышском языке]	263

1903

Kas bija Ūsiņš? [Кто был Ūsiņš? Wer war Ūsiņš?]	268
Mūsu rakstu valodas pasākumi [К вопросу о началах нашей письменности. Die Anfänge unserer Schriftsprache]	273

1904

Filologa piezīmes Konversācijas vārdnīcas redakcijai [Замечания филолога в адрес редакции Энциклопедического словаря (Konversācijas vārdnīca). Bemerkungen eines Philologen an die Redaktion der Konversācijas vārdnīca]	281
---	-----

1905

Ein hochlettisches Lautgesetz [Kāds augšzemnieku skaņu likums. Об одном звуковом законе верхнелатышского диалекта]	285
Zur Entstehung des lettischen Debitivs [Par latviešu dēbitīva cilmi. О возникновении латышского дебитива]	288
Zur Erweichung der Gutturale im Lettischen [Par aukslējeņu mīkstināšanu latviešu valodā. О смягчении заднеязычных согласных в латышском языке]	290
Латышские предлоги. I часть [Latviešu prepozīcijas. I daļa. Lettische Präpositionen. Teil I]	307
Предисловие	307

I часть

§ 1. Об окончаниях славянских предлогов	311
§ 2. О вокализме прусских предлогов	315
§ 3—5. aiz (az, āz)	319
§ 6—10. ap	330
§ 11—12. apakš	339
§ 13—14. zem	344
§ 15—16. ar	346
§ 17. ār(an)	357
§ 18—19. at	359
§ 20. au-	366
§ 21—22. bez	367
§ 23. caur	373
§ 24—25. da	376
§ 26—27. līdz	380
§ 28—30. dē]	386
§ 31—32. ie-	391
§ 33—34. iekš	394
§ 35—36. gar	397
§ 37. sec(en)	401
§ 38—39. iz	402
§ 40—42. īz	405

§ 43—46. uz	409
§ 47—48. virs, vez	425
§ 49—52. nuo	429
§ 53—55. pa	440
§ 56—59. par, pār	452
§ 60—63. pie, -p	468
§ 64—65. pēc	476
§ 66. pakaļ	480
§ 67. prie-	481
§ 68. priekš	485
§ 69. pirms	488
§ 70—71. pret	489
§ 72. -pus	493
§ 73. sa-, suo-	495
§ 74. starp	498
§ 75. vidū	499

II часть

§ 76—79. Фонетические изменения предлогов и префиксов, обусловленные следующими за ними звуками	501
§§ 80—81. О происхождении и распределении двойных предложных форм	504
§ 82. Об интонации предлогов и префиксов	507
Дополнения и поправки	510
Сокращения	516

1906

Латышские предлоги. II часть [Latviešu prepozīcijas. II daļa. Lettische Präpositionen. Teil II]	521
Предисловие	521
§ 1—2. Об управлении предлогов	523
§ 3—17. Об употреблении глагольных префиксов	540
§ 3. Общие замечания	540
§ 4. aiz-	541
§ 5. ap-	548
§ 6. at-	554
§ 7. da-	560
§ 8. ie-	562
§ 9. iz-	567
§ 10. uz- (iz-)	575
§ 11. nuo-	580
§ 12. pa-	590
§ 13. pār-	599
§ 14. pār-	600
§ 15. pie-	604
§ 16. sa-	610
§ 17. О случаях совпадения и соприкосновения в употреблении префиксов	618
§ 18—20. О видовом значении сложных глаголов	622
Дополнения и поправки	655

Recenzijas [Рецензии. Besprechungen] 656

1893

Homēra Odisejas piektais un sestais dziedājums, K. Mūlenbacha
tulkots (1892.) 656

1902

Daži jautājumi par latviešu valodu, K. Mūlenbacha izskaidroti. III
(1902.) 659

Edvards B. Teilors, Antropoloģija. No angļu valodas tulkojis Fricis
Dobelis (1902.) 663

Rokas grāmata tagadējā latviešu valodas pareizrakstībā. Sastādījis
R. Cukurs (1901.) 667

1904

Kr. Barons un H. Visendorfs. Latvju dainas, II (1903.) 671

Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках.
Исследование В. К. Поржезинского (1903.) 679

Saīsinājumi literatūras citējumos 693

Citi saīsinājumi 707

Vietu vārdu tulkojumi resp. paskaidrojumi 713

Jānis Endzelins

DARBU IZLASE, I

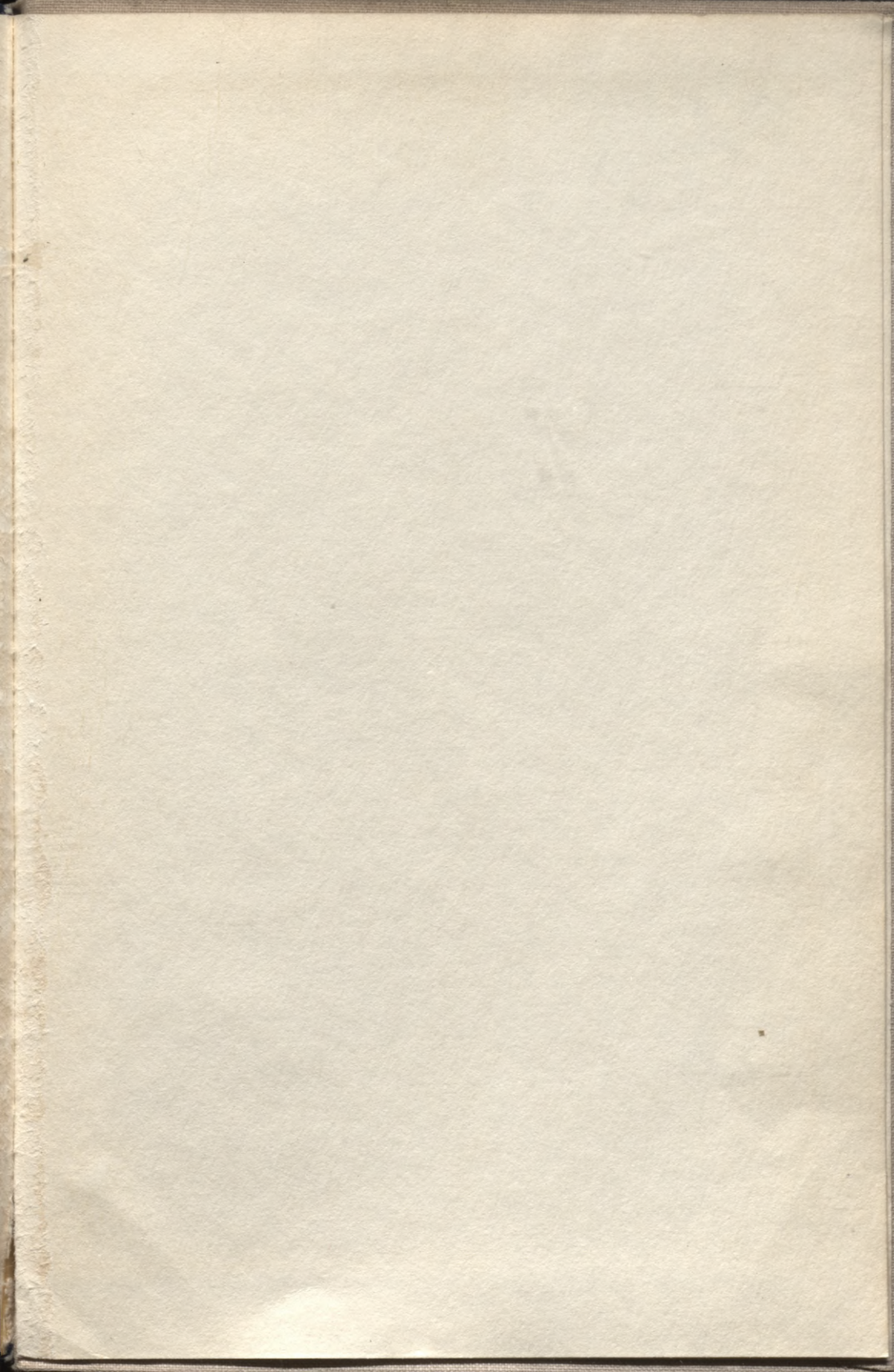
S. Eleres

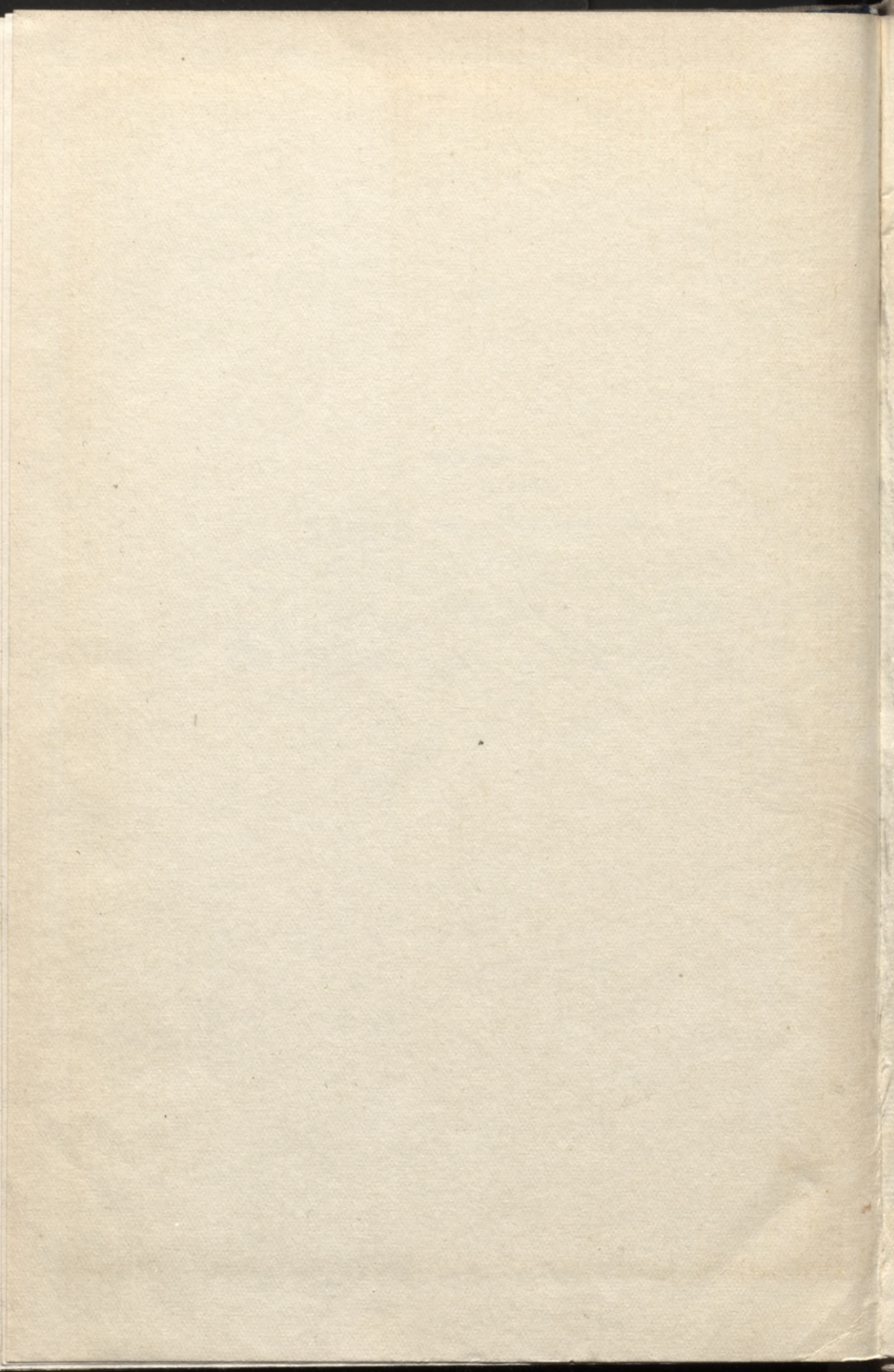
mākslinieciskais noformējums.

Redaktors S. Levi. Māksl. redaktors G. Krutojs. Tehn. redaktors V. Kreilis. Korektors G. Bērziņš.

Nodota salikšanai 1966. g. 5. janvārī. Parakstīta iespiešanai 1971. g. 12. augustā. Tipogrāfijas papīrs Nr. 1, formāts 60×90^{1/16}. 45,5 fiz. iespiedl.; 45,5 uzsk. iespiedl.; 46,4 izdevn. l. Metiens 1500 eks. JT 02216. Maksā 3 rbl. 32 kap. Izdevniecība «Zinātne» Rīgā, Turgeņeva ielā 19. Iespiesta Latvijas PSR Ministru Padomes Preses komitejas 35. tipogrāfijā Ogrē, Revolūcijas ielā 31. Pasūt. Nr. 13.

4 L.

LATVIJAS NACIONĀLA BIBLIOTEKA

0305031670

JĀNIS
ENDZELĪNS

DARBU
IZLASE

I